This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

PSlav 475.65 (1900 11-12)

HARVARD COLLEGE
LIBRARY
◆◆
PURCHASED FROM THE
SUSAN A. E. MORSE FUND

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

A I 5402

НАБЛЮДАТЕЛЬ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. П. ПЯТКОВСКАГО.

ГОДЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ.

№ 11. НОЯБРЬ.

Редакція и Главная Контора помѣщаются въ Ямской улицѣ, № д. 24—9
(близъ Владимірской церкви).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1900.

ТИПОГРАФІЯ ГЛАВНАГО УПРАВЛЕНІЯ УДѢЛОВЪ, МОХОВАЯ, 40.

Digitized by Google

Δ
PSlav 475.65 (1900 11-12)
✓

Въ главной Конторѣ „НАБЛЮДАТЕЛЯ“ продаются:

1) **Указатель статей, напечатанныхъ въ журналѣ за 12 лѣтъ (по фамиліямъ авторовъ) съ 1882 г. по 1894-й годъ.** Цѣна: безъ перес. 25 к.; съ перес. (заказной бандеролью) 35 коп.

2) **Двадцать одинъ годъ существованія журнала: „Народная Школа“.** (Историческій очеркъ. Цѣна безъ перес. 30 к.; съ перес. (заказною бандеролью) 40 к.

3) Отдѣльные портреты **А. П. Пятковскаго** (на плотной бумагѣ). Цѣна за экз. безъ перес. 50 к.; съ перес. (заказною бандеролью) 60 к.

4) Отдѣльные портреты **В. П. Безобразова, А. И. Герцена,** князя **В. Ѳ. Одоевскаго** и гр. **А. К. Толстаго** продаются по той же цѣнѣ.

Печатается и въ непродолжительномъ времени выдетъ въ свѣтъ историческій этюдъ **А. П. Пятковскаго:**

„Императоръ Александръ III; его внутренняя и внѣшняя политика“. (Съ портретомъ).

HARVARD UNIVERSITY LIBRARY
20 Apr. 37
Gale
Digitized by Google

ОТКРЫТА ПОДПИСКА, НА 1901 Г., НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

XX год „НАБЛЮДАТЕЛЬ“ XX въкъ

Выходитъ ежемѣсячно, безъ предварительной цензуры, книгами отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ, въ объемѣ и форматѣ самыхъ большихъ ежемѣсячныхъ журналовъ, съ иллюстраціями.

Вступая **въ 20-й годъ** своего существованія, журналъ будетъ издаваться въ томъ же самомъ направленіи, съ которымъ хорошо знакома наша образованная публика. **«НАБЛЮДАТЕЛЬ»**, прежде всего, стремился быть *журналомъ* въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимали это слово лучшіе дѣятели нашей журналистики, и рядъ статей, въ немъ появлявшихся, не представляетъ собою сброда разныхъ направленій, пріютившихся подъ одною обложкою, *но проникнутъ и связанъ общностью одного опредѣленнаго міросозерцанія* [1]). Общее же направленіе нашего журнала,—насколько возможно было выдержать его по всѣмъ выдающимся вопросамъ внутренней и внѣшней политики,—мы имѣемъ право назвать *прогрессивно-національнымъ*. Всегда и во всемъ, въ предѣлахъ, указанныхъ для русской свободной печати, мы стояли за *прогрессивное движеніе нашей государственной и общественной жизни*—въ сторону свѣта, правды, нравственнаго развитія и

[1]) «Указатель» статей, напечатанныхъ въ нашемъ журналѣ за двѣнадцать лѣтъ (съ 1882 по 1894 годъ), былъ приложенъ къ декабрьской книгѣ 1894 года, а затѣмъ вышелъ отдѣльнымъ изданіемъ (см. на оборотѣ титульной страницы).

Digitized by Google

экономическаго благосостоянія, съ сохраненіемъ, притомъ, коренныхъ основъ нашего національнаго быта и характера. *Безъ внимательнаго изученія этого быта, безъ любви и уваженія къ своему народу немыслимъ никакой устойчивый прогрессъ*, а возможно только легкомысленное заимствованіе изчужа неприложимыхъ къ намъ политическихъ и соціальныхъ доктринъ.

При этомъ мы отходили одинаково далеко, съ одной стороны, отъ дикаго обскурантизма нашей якобы «охранительной» прессы, охраняющей едва ли не одни плоды татарскаго нашествія, а съ другой — отъ буржуазнаго «либерализма», весьма дружнаго съ еврействомъ и даже находящагося у него въ денежной кабалѣ. Изъ нашей прогрессивной программы мы навсегда и рѣшительно вычеркнули всякія жидовскія симпатіи, которыя сначала проскользнули въ нашу прессу подъ флагомъ «религіозной терпимости» (благодаря нашему полному невѣжеству относительно *антигосударственнаго* и *антисоціальнаго* смысла талмудическаго ученія), а теперь поддерживаются въ ней—либо давленіемъ еврейскаго капитала, либо грубымъ политическимъ шантажемъ и застращиваніемъ.

Въ книгахъ журнала за 1900 г. напечатаны: 1) **«Въ благопріятной средѣ»**, романъ *К. М. Длусскаго;* 2) **«Скверная исторія»**, повѣсть *Н. Ѳ. Бажина;* 3) **«Капризъ любви»**, повѣсть *И. Порошина*; 4) **«Удивительная карьера»**, *В. Е. Бѣлинскаго;* 5) **«Сорвалось»** (быль) *Д. В. Ѳедорова;* 6) **«Среди молодежи»**, повѣсть *К. Григорьева*; 7) **«Летучая мышь»** (изъ записокъ новобрачнаго) *В. УмановаКаплуновскаго*; 8) **«Любовь и призваніе»**; повѣсть *Н. Коловратъ*; 9) **«Бродяга»**, повѣсть *В. А. Волжина*, 10) **«Странички прошлаго»** (изъ воспоминаній) *Н. Реморова*; 11) **«Неудачи еврейскихъ комитетовъ и комисій»**, *А. П. Пятковскаго;* 12) **«Двѣ встрѣчи съ А. И. Герценомъ»** (съ приложеніемъ фельетона Герцена и портрета), *Его же;* 13) **«Финскій патріотъ»**, *Г. Абова*; 14) **«Народная школа и народное хозяйство»**, *Д. И. Райскаго;* 15) **«Пушкинъ и Гёте»**, *В. Е. Чешихина;* 16) **«Полвѣка назадъ»**; *М. Старковскаго*; 17) **«Еврейство предъ національнымъ правомъ другихъ народовъ»**, *К. Менскаго*; 18) **«О нашихъ культурныхъ задачахъ въ Сѣверо-западномъ краѣ»**, *В. И. Кулина*; 19) **«Памяти русскаго дѣятеля»**, *И. П. Корнилова*; 20) Фельетоны *Ефима*

Digitized by Google

Простосердова и князя Тенерифскаго; 21) **«Осада Петербурга евреями»**, *А. П. Липранди*; 22) **«Соціологія и политика»**. *И. А. Гофштеттера*; 23) **«Россія и Англія въ Центральной Азіи»**, *барона Э. Штейнгеля*; 24) **«Происхожденіе финляндскаго устава о воинской повинности** 1878 г.», *Вс. Александрова*; **«Францъ фонъ-Зикингенъ»** (изъ исторіи Великой реформаціи) *Б.*; 25) **«Къ вопросу о нашемъ гражданскомъ воспитаніи»**, *С. П.*; 25) **«Бакинскіе очерки»**, *А. П. Липранди.* 27) **«Защитникъ вырожденія старой Польши»**, *И. А. Гофштеттера*; 28) Стихотворенія: *Л. Афанасьева, Г. Г. Ярощенки, П. В. Быкова, К. В. Иванова, А. В. Круглова, А. Я. Мейснера, П. А. Петровскаго, И. Толмачева, В. Уманова-Каплуновскаго* и др.; 29) Юмористическіе стихи въ **«Фонографѣ»**: *Ицки Соломонова, Сфинкса, Хмураго Барда, Невскаго Жителя* и пр.; 30) Переводные романы: **«Судебная ошибка»** *Жоржа Онэ* (съ франц.); **«Психопаты»**, *Флоренцы Мэрріэтъ* (съ англ.); **«Послѣднее счастье»**, *Фэликса Голлендера* (съ нѣмец.); **«Принцъ Мурадъ»** (изъ египетской жизни) *Ж. д'Иврэ* и пр.; 31) **«Докторскіе экзамены и диссертаціи въ Военно-Медицинской академіи»**, *X. Z.*; 32) **Наше городское управленіе»**, *А. З. Б.*; 33) **Право войны и ея практическое приложеніе»**, *А. Зыкова*; 34) **«Департаментъ герольдіи и евреи во дворянствѣ»**, *А. де-Лансона*; 35) **«Наша журналистика»**, *Homo Novus*; 36) **«Провинціальная жизнь»**, *X.;* 37) **Отголоски** (корреспонденція **«Наблюдателя»**); 38) **«Гражданскіе чиновники и государственная служба»**, *В. Е. Бѣлинскаго*; 39) **«Оборотень»**, повѣсть *И. Порошина*; 40) **«Конецъ шкловскаго процесса»** (съ рѣшеніемъ Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента Сената) *Т.*

Кромѣ того, въ **«Наблюдателѣ»**, въ послѣдніе годы, принимали участіе: *А. В. Амфитеатровъ*, проф. *Ѳ. В. Благовидовъ*, *А. А. Виницкая*, *Н. Х. Весселъ*, *Вас. И. Немировичъ-Данченко*, *С. С. Орлицкій*, *Н. М. Соколовъ*, *С. Ѳ. Шараповъ*, *І. І. Ясинскій* и мн. др.

Въ текстѣ журнала за 1899 г. помѣщены портреты: ст. секр. *Ѳ. П. Корнилова*, члена госуд. сов. *М. Н. Галкина-Врасскаго*, *М. Е. Салтыкова*, *Н. Н. Брусницына* (основателя «Дома Призрѣнія» въ Спб.), *А. П. Пятковскаго* (къ 40-лѣтію литературной дѣятельности), *В. П. Безобразова* (академика и сенатора, со-

Digitized by Google

трудничавшаго въ «**Наблюдателѣ**» съ 1884—1889 г.г.) и др. рисунки. Въ текстѣ за 1900 г. помѣщены портреты: *Т. И. Филиппова, А. И. Герцена, С. Н. Шубинскаго, М. И. Сухомлинова*, короля итал. *Гумберта I-го*, князя *В. Ѳ. Одоевскаго*, гр. *А. К. Толстаго* и др.

Отдѣльные портреты *А. И. Герцена, В. П. Безобразова, А. П. Пятковскаго*, князя *Одоевскаго* и гр. *А. К. Толстаго* продаются въ Главной Конторѣ по 50 к. экз., съ пер.—60 к.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На полгода.	На три мѣс.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ и съ пересылкою въ другія мѣста Россіи.	12 руб.	6 руб.	3 руб.
» пересылкою за границу.	14 »	7 »	4 »

Книгопродавцамъ — 50 коп. уступки съ годоваго экземпляра журнала (гербовый сборъ не включается въ уступку). При подпискѣ полугодовой, уступки не полагается. Гг. служащимъ—разсрочка за поручительствомъ казначеевъ.

Подписка съ разсрочкою адресуется *исключительно* въ Главную Контору журнала.

При *совмѣстной годовой подпискѣ* на журн. «Наблюдатель» и газ. «Гласность», цѣна за оба изданія—17 р., съ дост. и перес. въ Россіи. На *полгода*—9 р.; на *три* мѣс.—5 р. Съ перес. за гран.: на *годъ*—27 р.; на *полгода*—14 р.; на *три* мѣс.—8 р. При *совмѣстной годовой подпискѣ*, книгопродавцамъ уступка—1 р.; *при полугодовой*—50 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ **С.-Петербургѣ** — *въ Главной Конторѣ Редакціи* (Ямская ул., № д. 24/9), въ конторѣ «Новаго Времени» (Невскій пр., № 40), а также во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Въ **Москвѣ**—въ конторѣ Печковской (Петровскія линіи) и въ отдѣленіи конторы «Нов. Времени»; въ **Одессѣ**—въ книжн. магазинахъ Распопова и «Нов. Времени»; въ **Кіевѣ**—въ книжн. магазинахъ Оглоблина, Литова и Идзиковскаго; въ **Харьковѣ и Саратовѣ**—въ книжн. магазинахъ «Нов. Времени»; въ **Казани**—въ книжн. магазинѣ Дубровиной. *Редакція отвѣчаетъ только за подписку, принятую въ Главной Конторѣ журнала.*

Адресъ для писемъ и телеграммъ: **Петербургъ, Редакція «Наблюдателя». Телефонъ № 2237.**

Редакторъ-издатель **А. П. Пятковскій.**

Digitized by Google

Открыта подписка, на 1901 г., на ежедневную литературно-политическую газету съ иллюстраціями:

Годъ III. „ГЛАСНОСТЬ“ Годъ III.

Программа «ГЛАСНОСТИ» обнимаетъ собой нижеслѣдующіе отдѣлы:

1) Правительственныя распоряженія. 2) Политика внутренняя. Передовыя статьи по вопросамъ общественной жизни, городскаго, земскаго и сельскаго самоуправленія. Дѣятельность частныхъ обществъ. 3) Отдѣлы: литературно-художественный (беллетристика во всѣхъ ея видахъ), критическій, научный (по всѣмъ отраслямъ знанія), судебно-юридическій (съ печатаніемъ процессовъ и обсужденіемъ судебныхъ рѣшеній), военный, церковный, торгово-промышленный, финансовый, экономическій, сельско-хозяйственный, театральный; обозрѣніе искусствъ. 4) Политика внѣшняя. Передовыя статьи. Телеграммы внѣшнія, доставляемыя агентствами, и свои собственныя. 5) Хроника внутренней и заграничной жизни. Событія дня. Русскія и иностранныя корреспонденціи. Внутреннія телеграммы. Письма въ редакцію и сторонніе сообщенія. 6) Фельетоны изъ общественной и литературной жизни. Дневникъ печати и библіографія. 7) Биржа. Курсовая таблица. 8) Смѣсь. Разныя извѣстія. Справочныя свѣдѣнія. 9) Иллюстраціи. 10) Объявленія.

Кромѣ текущихъ извѣстій и передовыхъ статей по всѣмъ важнѣйшимъ вопросамъ внѣшней политики и нашей внутренней жизни, въ газетѣ, въ 1897 и 1898 г.г., печатались постоянно: «Парижскія письма», «Съ береговъ Темзы», «Петербургскіе наброски», «Московскія замѣтки», «Вопросы дня», «Замѣтки кстати», «Отголоски» и пр. Отдѣламъ: «Дневникъ печати» и «Наши внутреннія дѣла» придано было особенное развитіе, такъ что они представляли полный обзоръ всѣхъ выдающихся мнѣній прессы и всѣхъ крупнѣйшихъ событій провинціальной жизни. Въ текстѣ были помѣщены портреты: бывшаго военнаго министра гр. *Д. А. Милютина*, бывшаго министра нар.

Digitized by Google

просвѣщенія гр. *И. Д. Делянова*, ст.-секретаря *И. Н. Дурново*, и бывшаго редактора «Новороссійскаго Телеграфа» *М. П. Озмидова*.

Пріостанавливая нашу газету въ 1897 г., мы говорили:

«Считаемъ необходимымъ выяснить мотивы этой пріостановки. Отъ первыхъ и до послѣднихъ дней изданія «Гласности», редакція не переставала получать сочувственныя заявленія относительно симпатичнаго всѣмъ русскимъ людямъ направленія газеты; ее привѣтствовали за *смѣлую борьбу* противъ преобладанія у насъ въ жизни инородческаго—преимущественно іудейскаго—элемента, называя эту борьбу даже «гражданскимъ подвигомъ»; за отстаиванье національно-прогрессивныхъ тенденцій въ соціальной и политической сферахъ. Но въ то же самое время выяснилось, что *цѣна изданія высока*, что людей, могущихъ платить за симпатичную имъ газету по 14 р. въ годъ—немного; что другіе издатели понизивъ цѣну за свои—тоже ежедневныя—изданія (юдофильскаго характера) до 8 и даже до 4 р. въ годъ, дѣлаютъ немыслимой борьбу съ ними»... («Гласность» 1897 г., № 87).

Въ то же время, разсчитывая на скорое удовлетвореніе нашего ходатайства,—казалось бы, вполнѣ удоборазрѣшимаго,—мы выражали и такую надежду:

«По полученіи соотвѣтствующаго разрѣшенія, наши теперешніе читатели, наши союзники и единомышленники; наконецъ, всѣ русскіе люди, которымъ дорого *національно-прогрессивное* направленіе въ русской жизни,—одинаково чуждое и либеральнаго космополитизма на юдофильской подкладкѣ, и дикаго ретроградства, именующаго себя «консерватизмомъ»,—поддержатъ наше будущее видоизмѣненное изданіе «Гласности». Оставаясь вѣрными своимъ, разъ заявленнымъ принципамъ, относясь съ искреннимъ уваженіемъ къ вѣковымъ устоямъ народной жизни и не утративъ притомъ ни одного изъ тѣхъ солидныхъ качествъ, за которыя мы получали признательныя заявленія нашихъ читателей, — мы надѣемся, что дешевое изданіе «Гласности»,—если намъ удастся его осуществить,—сдѣлается *общедоступнымъ*:—какъ и подобаетъ «гласности», оно должно проникать повсюду, чего теперь, при высокой цѣнѣ изданія, достигнуть было невозможно».

Но ходатайство наше о сбавкѣ подписной цѣны въ первый годъ не получило никакого удовлетворенія и только на *второй годъ* изданія газеты (въ 1898 г.) удовлетворено лишь *отчасти*, подъ тѣмъ предлогомъ, что просимая нами сбавка, въ полномъ ея размѣрѣ, должна будто бы вести за собою и сокращеніе программы газеты, хотя цензурный уставъ вовсе не требуетъ этого и такая же точно цѣна не влекла за собою изъятія нѣкоторыхъ отдѣловъ программы въ другихъ изданіяхъ...

Касаясь всѣхъ этихъ злосчастныхъ судебъ нашей газеты, «Наблюдатель» говорилъ уже въ свое время:

«Гласность», покусившаяся устроить диссонансъ въ этомъ стройномъ жидовскомъ хорѣ, немедленно подверглась на цѣлый мѣсяцъ запрещенію розничной продажи [1]), а эта мѣра для новаго изданія,—

[1]) Въ первый разъ это запрещеніе послѣдовало, якобы, за передовую статью, въ которой предлагалось сдѣлать критскимъ генералъ-губернаторомъ

Digitized by Google

окруженнаго притомъ ненавистью кагала и нагло «бойкотируемаго» со всѣхъ сторонъ, — равнялась если не убійству, то, по крайней мѣрѣ, серьезному «членовредительству». Въ то время какъ «прокаженные» листки свободно расходились въ Петербургѣ на всѣхъ уличныхъ перекресткахъ, наполняя кассу «Всемірнаго израильскаго союза» и сотрясая воздухъ гнусными ликованіями надъ изувѣченіемъ русскихъ солдатъ,—редакція «Гласности» должна была нести однѣ нравственныя пытки и крупныя матеріальныя потери,—тѣмъ болѣе, что эта мѣра противъ нея оказывалась излюбленною и практиковалась *три* раза въ теченіе *семи* мѣсяцевъ изданія газеты!! Однимъ словомъ, *газета тщательно изолировалась отъ публики*, уже привыкшей въ Петербургѣ знакомиться съ новыми неокрѣпшими изданіями по розничной покупкѣ,—и ее приходилось выпускать, въ теченіе 3 мѣсяцевъ, для однихъ только подписчиковъ. Съ сокращеніемъ же ежедневнаго тиража газеты, не могло явиться и много платныхъ публикацій, составляющихъ значительный источникъ дохода при непрерывномъ и правильномъ развитіи этого дѣла. Еслибы «Гласность» защищала еврейскія притязанія на какую-то безшабашную гегемонію въ русскомъ царствѣ, то, конечно, ея матеріальные убытки были бы охотно покрыты щедрыми жертвователями или, по крайней мѣрѣ, ей были бы предоставлены самыя легкія условія кредита, - подъ векселя съ «благонадежными надписателями», — какъ это практикуется для всѣхъ изданій, пользующихся покровительствомъ кагала. Но мы говорили уже въ «Наблюдателѣ» (№ I, 1899 г.), какимъ *змѣинымъ кольцомъ* окружена была «Гласность», когда ей приходилось пользоваться кредитомъ даже въ тѣхъ банкахъ, гдѣ на текущемъ счету и «оноле» перебывали десятки и сотни тысячъ нашихъ вкладовъ... Даже высокая подписная цѣна (14 р.) была *навязана* «Гласности» помимо ея желанія, такъ какъ въ ея планы вовсе не входила конкурренція съ дорогими и прочно установившимися газетами, а имѣлось въ виду лишь дополнить «Наблюдатель» ежедневной неутомительной бесѣдой съ читателями по всѣмъ выдающимся вопросамъ текущей политики и нашей общественной жизни. Съ великимъ трудомъ удалось редакціи выхлопотать сбавку подписной цѣны до 10 р. (и то уже на второй годъ), а дальнѣйшее пониженіе встрѣтило неодолимыя препятствія,—какъ будто распространеніе идей «Наблюдателя» на газетныхъ листахъ могло вредить кому нибудь, кромѣ жидовской клики! Попавъ въ эти двухсторонніе тиски, лишенный возможности бороться съ врагами *равнымъ оружіемъ*, редакторъ-издатель «Гласности» вынужденъ былъ,—что и предсказывали ему жиды въ подметныхъ письмахъ,—свернуть, до перемѣны обстоятельствъ, свое знамя и уступить мѣсто кагальнымъ рептиліямъ, на сторонѣ которыхъ временно очутились неожиданные союзники... Любо-

---

греческаго королевича,—что въ скоромъ времени и осуществилось на дѣлѣ. Въ послѣдній разъ, запрещеніе мотивировалось статьею о минскихъ жидахъ,—избившихъ военный патруль, — гдѣ доказывалось, что поводомъ къ избіенію послужила *племенная и религіозная вражда* евреевъ къ христіанамъ-русскимъ. Существованіе этого повода, въ другомъ однородномъ случаѣ (въ Шкловѣ), признано теперь и уголовнымъ кассаціоннымъ департаментомъ сената.

Digitized by Google

пытно, что въ то время какъ «Гласность» подвергалась всяческимъ преслѣдованіямъ, доводившимъ ее до двукратной *вынужденной* пріостановки, не смотря на увеличивавшееся число подписчиковъ [1]), «Наблюдатель» стоялъ внѣ всякихъ нареканій со стороны надзирающихъ властей,—а вѣдь «Гласность» и въ редакціонномъ отношеніи, и по составу сотрудниковъ составляла только филіальное отдѣленіе того же «Наблюдателя». Но наша газета, имѣвшая возможность дѣйствовать на *тотъ именно слой публики, который находился всецѣло подъ гипнотизирующимъ вліяніемъ жидовской прессы,* возбуждала особенную, жгучую ненависть кагала, а ея пріостановки встрѣчались съ величайшею радостью въ этомъ почтенномъ сонмищѣ,—радостью, прорывавшейся и въ печати, не взирая на строго соблюдаемый обѣтъ «замалчиванія». Наглость жидовъ простиралась до того, что они громили редакцію чуть не ежедневными подметными письмами (одно изъ нихъ, за подписью: «члены Новаго Израиля», было напечатано цѣликомъ въ № 5 «Гласности» за 1898 г.), въ которыхъ намъ угрожали и разореніемъ редакціи, и вынужденной забастовкой всего дѣла»... («Наблюд.» № 11, 1899 г.).

Въ настоящее время, ходатайство редакціи уважено *вполнѣ* г. министромъ внутрен. дѣлъ и подписная цѣна на газету назначается въ слѣдующемъ размѣрѣ:

	На годъ.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ и съ перес. иногороднымъ. . .	7 р. — к.	4 р. — к.	2 р. 50 к.	1 р. — к.
Съ пересылкою за границу. . .	15 » — »	8 » — »	4 » — »	2 » — »

Мы снова поднимаемъ наше національно-прогрессивное знамя, опущенное «до перемѣны обстоятельствъ», которыя уже и измѣнились къ лучшему для русской печати...

За время пріостановки газеты, всѣ наши подписчики были удовлетворены: 1) или возвращеніемъ части подписной суммы, или 2) высылкою журнала «Наблюдатель», или 3) замѣною нашей газеты «Русскимъ Листкомъ».

При *совмѣстной годовой подпискѣ* на газету «Гласность» и журналъ «Наблюдатель», послѣдній высылается за *10 р.* вмѣсто 12-ти, что̀ составитъ за оба изданія — *17 р.*, съ доставкою и пересылкою въ Россіи. На полгода: *9 р.*; на 3 мѣс.—*5 р.* Съ перес. за границу (въ предѣлахъ Почтоваго союза): на годъ—*27 р.*; на полгода—*14 р.*; на 3 мѣсяца—*8 р.* Такимъ образомъ, за годовую цѣну *одной* лишь дорогой газеты (17 р.) наши читатели будутъ имѣть *два* изданія: большой *ежемѣсячный* журналъ и *ежедневную* газету (въ форматѣ «Голоса»), оба *съ иллюстраціями.*

Книгопродавцы пользуются уступкою *1 рубля* при совмѣстной подпискѣ на годъ; при полугодовой—*50 к.* При отдѣльной годовой подпискѣ на газету—*50 к.* уступки; *при полугодовой—уступки не полагается.*

---

[1]) Въ первый годъ число подписчиковъ на газету не успѣло превысить 2000, но во второй годъ, со сбавкою цѣны, тиражъ ея превышалъ, вмѣстѣ съ розничною продажею, 6000 экз.

Редакторъ-Издатель А. П. Пятковскій.

Digitized by Google

Въ поискахъ новой жизни.

Повѣсть.

I.

Весна. Чистое вечернее небо свѣтится тѣмъ нѣжнымъ зеленымъ отблескомъ, который бываетъ только весною передъ наступающими сумерками. На западѣ, надъ опушкой далекаго темнаго лѣса, легла пурпуровая полоса, широкимъ заревомъ охватившая полъ-небосклона. Надъ полями, зазеленѣвшими молодыми всходами, поднялся легкій паръ, наполняющій грудь живительной прохладой обновленной земли...

Къ станціи уѣзднаго города N***, московской губерніи, подъѣхалъ пассажирскій поѣздъ, направляющійся къ югу. На платформу высыпали пассажиры, торопясь воспользоваться кратковременной остановкой, чтобы запастись въ желѣзнодорожномъ буфетѣ провизіей на дальнѣйшій путь. Пустынная и сонная станція на минуту оживилась необычнымъ движеніемъ.

Среди общей суматохи, изъ вагона третьяго класса, биткомъ набитаго разнымъ отъѣзжающимъ людомъ, вышла сперва молодая женщина, съ мелкимъ багажемъ въ рукахъ, а за нею показался мужчина плотнаго сложенія, лѣтъ 26, выносившій объемистый чемоданъ.

Очутившись на платформѣ, женщина, съ прелестнымъ взволнованнымъ лицомъ, оглянулась кругомъ, какъ бы ища кого-то глазами.

— А гдѣ же Вѣра?—спросила она; но въ это время уже очутилась въ объятіяхъ подбѣжавшей молодой женщины, радостно привѣтствовавшей ее.

Digitized by Google

— Лидочка, милая Лида! наконецъ-то я вижу тебя,— говорила она, многократно цѣлуя ее.

— Здравствуй, Вѣра, здравствуй. А вотъ мужъ мой, Андрей Владиміровичъ,—отвѣтила та.—Андрей, вотъ тебѣ и моя подруга Вѣра... Вѣра Николаевна Аристова, — представила она молодую женщину, подводя ее къ мужу.

— Мы съ вами заочно уже хорошо знакомы, — отвѣтилъ тотъ, крѣпко пожимая ей руку.—Вотъ мы и пріѣхали. А теперь помогите намъ выбраться отсюда; вѣдь до города, кажется, нѣсколько верстъ.

— Ну, нѣтъ, прежде всего прошу васъ ко мнѣ на чашку чаю,—живо откликнулась Вѣра Николаевна.—Квартира у меня казенная, около самой станціи. Недаромъ же я — желѣзнодорожная фельдшерица. Къ сожалѣнію, у меня всего одна комната, и я не могу предложить вамъ ночлега. Но въ городѣ вы найдете порядочную гостинницу, а я распоряжусь насчетъ извощика, такъ что вы еще вѣ-время поспѣете въ городъ.

Путешественники поблагодарили и, взявъ вещи, направились всѣ трое къ выходу.

Выдя на подъѣздъ вокзала, Андрей Владиміровичъ остановился и съ любопытствомъ взглянулъ кругомъ.

— Здравствуй, матушка святая Русь,—усмѣхнулся онъ.— Вотъ какова ты безъ прикрасъ. Э-эхъ! — горько вздохнулъ онъ,—а мы-то въ Петербургѣ еще хорохоримся.

Передъ ними открывался убогій видъ провинціальнаго захолустья. Пустынная площадь, покрытая комьями никогда не просыхающей грязи, а по ту сторону ея—рядъ деревянныхъ покосившихся домовъ, погруженныхъ въ сонъ и тьму. Только изъ открытой двери кабака, гдѣ мерцалъ слабый огонекъ, доносилось пѣніе пьяныхъ голосовъ подъ звукъ визгливой гармоники. Андрей Владиміровичъ покачалъ головой и двинулся далѣе.

— Да, для работниковъ здѣсь дѣла много, — заговорила, между тѣмъ, Вѣра Николаевна.—Умственной жизни почти никакой и полное отсутствіе всякихъ общественныхъ интересовъ. Но городъ красивъ, хотя онъ много потерялъ оттого, что остался въ сторонѣ отъ желѣзной дороги.

— Скажите, какъ это могло случиться?—спросилъ Андрей Владиміровичъ. — Для меня такіе факты просто непонятны.

Digitized by Google

Соберутся инженеры, интеллигентные люди, даже патентованные въ этомъ отношеніи, къ тому же получающіе огромные оклады, и сплошь да рядомъ строютъ желѣзную дорогу по невозможному направленію или, какъ здѣсь, вдали отъ города, съ явнымъ ущербомъ для мѣстныхъ интересовъ. Со стороны это кажется необъяснимо-глупымъ.

— А объясняется очень просто, — отвѣтила смѣясь Вѣра Николаевна.—Вы, можетъ быть, замѣтили, когда подъѣзжали, огромную каменную постройку противъ вокзала. Это—мануфактурная фабрика здѣшняго купца-милліонера. Когда еще, при отцѣ его, рѣшено было построить эту дорогу, сперва хотѣли ее провести черезъ самый городъ. Но купецъ тотчасъ же смекнулъ, какую онъ могъ извлечь выгоду, если фабрика окажется около самой станціи. Вотъ онъ и пригласилъ инженеровъ къ себѣ на обѣдъ. Что у нихъ тамъ происходило,— покрыто, какъ говорится, мракомъ неизвѣстности. Только г.г. инженеры казались почему-то очень довольны угощеніемъ, а затѣмъ стало извѣстно, что проэктъ измѣненъ, такъ что городъ остался въ пяти верстахъ отъ станціи. Такова, по крайней мѣрѣ, легенда...

— Значитъ, и тутъ *дадено*! — горько усмѣхнулся Андрей Владиміровичъ.

Въ это время они подошли къ небольшому деревянному флигелю, окруженному палисадникомъ.

— Вотъ и мой домъ!—объявила Вѣра Николаевна, открывая дверь.

Ихъ встрѣтила молодая краснощекая служанка.

— Дуня,—распорядилась Вѣра Николаевна,—сбѣгай сейчасъ къ Дементію и прикажи ему пріѣхать сюда черезъ часъ, чтобы отвезти господъ въ городъ.

Дуня побѣжала.

Среди большой, уютно обставленной комнаты, украшенной цвѣтами, стоялъ столъ, покрытый бѣлой скатертью, на которой разставлена была разная закуска и кипѣлъ самоваръ. Скоро гости усѣлись вокругъ стола и хозяйка принялась разливать чай. Андрей Владиміровичъ остановилъ глаза на симпатичномъ лицѣ молодой женщины.

Она была полная брюнетка съ загорѣлымъ лицомъ, съ живыми черными глазами и сочными, красиво очерченными

Digitized by Google

губами. Густые темно-каштановые волосы были зашпилены въ безпорядкѣ на затылкѣ. Молодость и здоровье такъ и проглядывали во всѣхъ движеніяхъ ея стройной и пышной фигуры.

— Ну, какъ ты здѣсь устроилась? — спросила ее Лидія Сергѣевна.—Много у тебя дѣла; есть знакомые?

— Дѣла очень много, — отозвалась Вѣра Николаевна.— Моя предшественница, получившая, кажется, это мѣсто по протекціи, была бѣлоручка и, какъ мнѣ говорили, не любила себя утруждать. Зато, какъ только я пріѣхала, меня просто завалили работой. Ни днемъ, ни ночью я не могу поручиться, что меня не вызовутъ куда нибудь на линію. Но я рада этому. Столько видишь интереснаго,—интереснаго даже въ психологическомъ отношеніи,—да и пріятно сознавать себя полезной. Бѣднота кругомъ ужасная. Удивляешься только, какъ эти люди живутъ, а семейства все большія. Ребятишки такъ и сыплются,—засмѣялась Вѣра Николаевна. — Знакомства же у меня все дѣловыя. Во-первыхъ, старшій докторъ, у котораго я каждое утро состою ассистенткой при пріемѣ больныхъ; потомъ фельдшеръ—уморительный, полненькій, кругленькій человѣкъ, отставшій, по крайней мѣрѣ, на столѣтіе отъ современной науки и сводящій всякое лѣченіе на баню, «на верхнюю полку». Далѣе, начальникъ станціи; наконецъ, буфетчикъ, содержащій буфетъ на станціи — также не послѣднее лицо въ здѣшней іерархіи. Вотъ, кажется, и всѣ. Я ужь не говорю о разныхъ здѣшнихъ типахъ, имѣющихся только въ провинціи и иногда прекурьезныхъ. Такъ, есть въ городѣ одинъ отставной военный врачъ—Иванъ Петровичъ Чупинъ—ходячій альманахъ, но добрѣйшій человѣкъ, съ которымъ я васъ непремѣнно познакомлю. Есть разорившійся купецъ, занявшійся спеціально «колдовствомъ». Впрочемъ, все люди совершенно безобидные и живущіе на общемъ основаніи русской поговорки: «живемъ—хлѣбъ жуемъ». Кажется, только русскій человѣкъ можетъ дойти до такой отрѣшенности отъ всякой умственной дѣятельности. Кто или что тутъ виноваты, — трудно сказать. Но мнѣ кажется, что вина этому — стремленіе всѣхъ интеллигентныхъ элементовъ уѣзжать въ столицу, оставляя провинцію въ распоряженіе однихъ кулаковъ.

Вѣра Николаевна замолкла.

Digitized by Google

— А я-то надѣялась, что ты ужь жениха себѣ тутъ присмотрѣла,—замѣтила, улыбнувшись, Лидія Сергѣевна.

— Вотъ видишь, какіе тутъ женихи! — засмѣялась Вѣра Николаевна. — А какъ вы думаете здѣсь устроиться, Андрей Владиміровичъ?—обратилась она къ гостю серьезно.—Я вѣдь знаю всѣ ваши планы. Вѣдь это съ вашей стороны просто геройство. Покинуть столицу и всѣ ея удовольствія и удобства, чтобъ переселиться сюда. Скажите, пожалуйста, какъ вы до этого дошли. Это, право, очень интересно.

Андрей Владиміровичъ закурилъ папироску и сталъ ходить по комнатѣ.

— Со мной,—началъ онъ возбужденно,—чуть не случилась та отрѣшенность отъ жизни, о которой вы сейчасъ говорили. Я потерялъ всякую вѣру въ себя и будущее. Произошло же это со мной слѣдующимъ образомъ. Какъ вы знаете черезъ Лиду, я уже три года подвизался на службѣ. Служилъ я, какъ служатъ сотни, тысячи людей интеллигентныхъ, получающихъ изъ году въ годъ присвоенный должности окладъ, чины и награды. Казалось бы, и конца такому житью не бывать, — настолько это дѣло обыкновенное. А вотъ представьте, что я-то не выдержалъ. Трудно объяснить, почему. Въ этихъ случаяхъ человѣкъ точно желаетъ представиться выше, лучше другихъ, а этого ничуть не было въ моихъ мысляхъ. Вѣрнѣе сказать, что я самъ не могу опредѣлить, какія новыя вѣянія на меня подѣйствовали, но эти вѣянія существуютъ и, быть можетъ, я ихъ испыталъ на себѣ. Есть люди, для которыхъ канцелярскій трудъ—самый подходящій. Я, вѣроятно, къ нимъ не принадлежу. Моя трехлѣтняя служба показалась мнѣ однимъ толченіемъ воды. Для меня была вполнѣ ясна безполезность всего того, что я писалъ, докладывалъ, исполнялъ... Я чувствовалъ себя какимъ-то пятымъ колесомъ между высшимъ начальствомъ и низшимъ, т. е. такимъ же писаремъ, который ничуть не хуже меня навострился писать доклады четко и «по закону». Въ общемъ я вынесъ изъ моей службы то убѣжденіе, что вся канцелярская механика гораздо сложнѣе, чѣмъ требуетъ того дѣло,— это во-первыхъ; а, во-вторыхъ, что во всѣхъ петербургскихъ и, вѣроятно, губернскихъ канцеляріяхъ толчется масса совершенно лишняго служащаго люда. А между ними столько есть людей совершенно обезпеченныхъ и даже богатыхъ, которые

Digitized by Google

могли бы быть полезными... только не въ Петербургѣ, а на своей родинѣ, въ своихъ имѣніяхъ. Но всѣ они несутся въ Петербургъ, пристегиваются къ какимъ нибудь комисіямъ, канцеляріямъ, департаментамъ, и съ важнымъ видомъ воображаютъ, что они что-то дѣлаютъ, чего безъ нихъ бы не сдѣлали; чему-то помогаютъ, а въ сущности они именно толкутъ воду. Присутствіе такихъ ненужныхъ и безполезныхъ личностей, мнѣ кажется, придаетъ петербургскимъ департаментамъ тотъ затхлый духъ нетерпимости и чванства, который такъ печально отзывается на всякомъ живомъ дѣлѣ.

Андрей Владиміровичъ помолчалъ.

— Но все это,—продолжалъ онъ,— послужило только внѣшнимъ толчкомъ къ моему рѣшенію. Внутренняя причина—это душевная неудовлетворенность такой жизнью, и я думаю, что это чувствуется многими интеллигентными людьми, поступающими на службу послѣ университета. Только многіе полагаютъ, что это—субъективное впечатлѣніе, которое слѣдуетъ побороть. И они запрягаются въ общую запряжку, убивая въ себѣ тотъ голосъ, который подсказываетъ имъ, что есть дѣятельность болѣе полезная, есть призваніе болѣе высокое, болѣе удовлетворяющее требованію человѣка и гражданина. И, разъ задушивъ въ себѣ этотъ голосъ, они отдаются теченію, а тамъ привычка довершаетъ перерожденіе, и то, что въ началѣ казалось уродливымъ или даже возмутительнымъ, становится для нихъ цѣлью жизни. «Человѣкъ — подлецъ: ко всему привыкаетъ»!—сказалъ еще Ѳ. М. Достоевскій.—Раздумавъ обо всемъ этомъ и убѣдившись, что жить долѣе такимъ образомъ у меня не хватаетъ нравственной силы, я сталъ искать такого рода дѣятельности, которая могла бы меня удовлетворить. И я долженъ сказать, что моя дорогая Лида явилась для меня надежнымъ другомъ въ эти тяжелыя минуты душевнаго разлада. Она подкрѣпила меня въ моихъ намѣреніяхъ и одобрила ихъ. Идеалы оказались у насъ общими.

Андрей Владиміровичъ подошелъ къ женѣ и крѣпко поцѣловалъ ее въ голову.

— Вы уже знаете черезъ ея письма, многоуважаемая Вѣра Николаевна, какой былъ результатъ нашихъ общихъ совѣщаній. Мы рѣшили переселиться сюда, съ намѣреніемъ быть полезными чѣмъ и насколько можемъ. Я хочу здѣсь открыть библіо-

Digitized by Google

теку, а Лида думаетъ обучать ребятишекъ. Я думаю, что книги будутъ здѣсь очень полезны. Вы намъ писали, что ничего такого здѣсь до сихъ поръ нѣтъ. Кто знаетъ? быть можетъ, библіотека и оттянетъ кого нибудь отъ кабака...

— Это прекрасное дѣло!—сочувственно отозвалась Вѣра Николаевна.—Въ добрый часъ! Отъ души желаю вамъ успѣха,—того успѣха, которымъ вы, какъ я понимаю, главнымъ образомъ дорожите, хотя онъ часто бываетъ обратно-пропорціоналенъ матеріальной выгодѣ. Но награда — въ вашемъ сознаніи. Сколько добрыхъ, серьезныхъ мыслей вы посѣете въ этомъ глухомъ краю! Я слышала, что вамъ удалось купить по случаю библіотеку въ Петербургѣ на хорошихъ условіяхъ. Вы привезли ее съ собой?

— Ее привезетъ,—какъ только я устроюсь и найму помѣщеніе, — нѣкій князь Улыбинъ, Дмитрій Алексѣевичъ, мой другъ и товарищъ. Вотъ онъ дѣйствительно герой, Вѣра Николаевна, совершившій самую трудную побѣду—надъ самимъ собой, надъ воспитаніемъ и предразсудками. Мы васъ непремѣнно познакомимъ съ нимъ.

— Да, — съ воодушевленіемъ вмѣшалась Лидія Сергѣевна. — Ты увидишь, какой это хорошій человѣкъ и чистое сердце. Его призваніе, кажется, превращать все дурное въ хорошее.

Въ эту минуту около дома послышался стукъ колесъ и въ комнату вошла Дуня.

— Барышня, Дементій пріѣхалъ,—доложила она.

Гости стали прощаться.

— Поѣзжайте въ нумера Трусова, — посовѣтовала имъ Вѣра Николаевна.—Это — лучшая гостинница. А завтра я отпрошусь у доктора на цѣлый день, зайду къ вамъ утромъ, и мы вмѣстѣ будемъ искать квартиру. Будьте увѣрены, что я похлопочу для васъ, какъ для самой себя. Вѣдь я у васъ намѣрена часто бывать, не правда ли, Лида?—сказала Вѣра Николаевна, цѣлуя подругу.

Они вышли на улицу. Передъ калиткой палисадника ожидала низкая старомодная пролетка, запряженная небольшой сытой лошадкой. Кучеръ почтительно поклонился.

— Здравствуйте, милая барышня, — лукаво поздоровался онъ съ Вѣрой Николаевной.

Digitized by Google

— Ну, а какъ твоя рука послѣ перевязки?—спросила она.

— Совсѣмъ заживаетъ. Большое вамъ спасибо, барышня.

— Смотри же, Дементій, отвези поскорѣе господъ въ городъ къ Трусову и помоги внести вещи.

— Будьте покойны, барышня!

Вѣра Николаевна постояла у крыльца, присматриваясь къ выступавшимъ все яснѣе въ небесной выси яркимъ звѣздочкамъ. Кругомъ все уже спало. Одни кузнечики дружно перекликались между собою, спрятанные въ густой травѣ.

Вѣра Николаевна грустно вздохнула, а въ глазахъ ея блеснули двѣ крупныя слезы. Затѣмъ тихо повернулась и вошла въ домъ.

II.

Держа руку жены въ своей рукѣ, Андрей Владиміровичъ поддался очарованію весенней ночи. Подъ высокимъ куполомъ звѣзднаго неба, земля, казалось, спала тихимъ и могучимъ сномъ. Широкая шоссейная дорога бѣлой лентой извивалась впереди, освѣщенная луной. Хорошо и глубоко дышалось вдали отъ города, среди безпредѣльной русской шири.

Андрею Владиміровичу, прожившему всю жизнь въ Петербургѣ, представлялось, что онъ только теперь впервые знакомится съ своей родиной, пріобщается къ ней душой и становится въ дѣйствительности ея любящимъ сыномъ, а до этого времени онъ зналъ ее только по книгамъ и по наслышкѣ. Онъ съ отвращеніемъ вспоминалъ теперь сутолоку петербургской жизни, съ круговоротомъ все тѣхъ же скучныхъ и пустыхъ развлеченій, мелкихъ служебныхъ заботъ въ гонькѣ за однѣми эгоистическими цѣлями. Пошлымъ прозябаніемъ, медленной смертью всѣхъ хорошихъ и живыхъ чувствъ представлялась ему теперь эта жизнь... Онъ не дѣлалъ себѣ иллюзій. Онъ зналъ, что жизнь въ глухой провинціи покажется ему подчасъ и однообразной, и тяжелой. Но здѣсь его не будетъ раздражать окружающая фальшь и ложь; здѣсь онъ положитъ основаніе чему-то новому, что онъ, первый, внесетъ въ тотъ край и въ чемъ не всякій его замѣнитъ. Тамъ же, на покинутомъ свободномъ стулѣ въ департаментѣ, всегда сядетъ другой съ одной тупой мыслью въ головѣ о «двадцатомъ числѣ» каждаго мѣ-

Digitized by Google

сяца. Вихремъ пронеслась опять въ воображеніи Андрея Владиміровича вся картина канцелярскаго сидѣнія, отъ котораго онъ, наконецъ, освободился съ такимъ трудомъ и борьбою. Онъ вспомнилъ товарищей по службѣ, изсохшихъ душой и тѣломъ, потерявшихъ всякую способность что нибудь мыслить и чувствовать—внѣ сферы чиновъ и жалованья. Люди, превратившіеся въ какіе-то манекены пера и относившіеся совершенно безучастно къ сущности и результатамъ своего труда и только содрогавшіеся передъ начальническимъ окрикомъ... Ихъ девизомъ было: ничѣмъ не возмущаться и не увлекаться. Цѣлью ихъ стараній казалось—одеревенѣть, чтобы никакой жизненный ударъ не способенъ былъ смутить ихъ надутую спѣсь и убѣжденную непогрѣшимость. Отъ ихъ словъ и дѣлъ вѣяло кислымъ и прогорклымъ чадомъ насквозь прокуренной атмосферы канцелярскихъ помѣщеній. Чинъ, пособіе, орденъ, командировка, подъемныя—всѣ помыслы вертѣлись около этихъ терминовъ. И въ этихъ интересахъ протекала незамѣтно вся жизнь, пока старость и полнѣйшее одуреніе не заставляли ихъ подавать въ принужденную отставку и отпасть, наконецъ, отъ запыленной груды синихъ обертокъ, какъ насосавшуюся по горло піявку, раздувшуюся въ пузырь. Какъ мало изъ нихъ сохранило въ сердцѣ нелицемѣрную любовь къ отечеству, какъ мало видѣло въ своемъ трудѣ священный долгъ гражданина и какимъ рѣзвымъ смѣхомъ встрѣтили бы они напоминаніе объ этой любви, объ этомъ долгѣ! Мѣриломъ ихъ дѣятельности служило одно личное благополучіе и чѣмъ значительнѣе было это благополучіе, тѣмъ «заслуженнѣе» они себя считали. Андрей Владиміровичъ вспомнилъ первое свое появленіе на службу. Наклоненныя надъ столами головы сразу тревожно поднялись съ выраженіемъ желчнаго любопытства: ужь не на шею ли пришелъ онъ мнѣ сѣсть? А тамъ пошли скрипѣть перья. И первое впечатлѣніе отъ перваго дня службы такъ и осталось въ его памяти воспоминаніемъ объ этомъ скрипѣ, похожемъ на какую-то муравьиную потугу сдвинуть съ мѣста несоизмѣримую тяжесть. И результатомъ этихъ чудовищныхъ муравьиныхъ усилій являлось постепенное превращеніе живаго человѣка въ какого-то автомата, механически приспособленнаго разрѣшать неразрѣшимое и готоваго съ легкимъ сердцемъ подмахнуть какой угодно циркуляръ...

Digitized by Google

Отвлеченныя впечатлѣнія воплотились въ конкретные образы. Андрей Владиміровичъ вспомнилъ одного изъ такихъ автоматовъ, еще молодаго человѣка, бывшаго его товарища по университету. И что̀ стало съ нимъ послѣ нѣсколькихъ лѣтъ службы? Подозрительный ко всѣмъ и всему, желчно раздражительный, заносчивый и нетерпимый, онъ превратился въ какого-то зловреднаго хищника, думающаго только о себѣ, съ которымъ уже окончательно сдѣлалось невозможнымъ подѣлиться живой мыслью. Находясь на низшихъ служебныхъ ступеняхъ, онъ придавалъ себѣ неподобающее значеніе, комично говорилъ о непріятностяхъ, нанесенныхъ завистниками его великихъ административныхъ способностей, или намекалъ на ожидающіе его высокіе посты. При этомъ онъ считалъ необходимымъ для своей карьеры имѣть абонементъ, купленный на послѣднія деньги, на кресло перваго ряда въ Михайловскомъ театрѣ, обѣдать у Кюба̀ и имѣть содержанку, въ ожиданіи выгоднаго брака. Въ общемъ этотъ одичалый человѣкъ вполнѣ потерялъ здравый разсудокъ въ изступленномъ преслѣдованіи карьеры по канцеляріямъ, гостиннымъ и ресторанамъ...

Затѣмъ, возсталъ въ памяти Андрея Владиміровича образъ другаго автомата, уже изжившагося человѣка съ постояннымъ выраженіемъ мучительнаго озлобленія на желтомъ лицѣ. И этотъ изсохшій «службистъ», потерявшій всякую способность любить не только кого нибудь, но и что нибудь, вдругъ вздумалъ жениться на старости лѣтъ на свѣжей, молоденькой дѣвушкѣ, выданной за него родителями ради блестящаго служебнаго положенія мужа. Черезъ три мѣсяца несчастная женщина сбѣжала, очумѣвъ и не вытерпѣвъ жестокой комедіи любви съ выдохшимся и деспотическимъ мужемъ. А мужъ-автоматъ сталъ еще невыносимѣе, вымещая на подчиненныхъ всю накопившуюся въ немъ желчь. И сколько такихъ браковъ «по разсудку» и съ родительскаго благословенія совершалось каждый годъ въ Петербургѣ, внося въ семейство горе и развратъ, или производя на свѣтъ поколѣніе какихъ-то скрюченныхъ недоносковъ, годныхъ развѣ для анатомическихъ музеевъ.

Такова была жизнь, такова цѣль, къ которой всѣ стремились! Какая глупая насмѣшка надъ настоящею жизнью, какое преступное искалѣченіе человѣческаго призванія...

Digitized by Google

— Андрей, о чемъ ты задумался?—прервала его думу жена, нѣжно прижавшись къ нему.

— О многомъ, милая, а главное о томъ, какъ я теперь счастливъ,—молвилъ Андрей Владиміровичъ, нѣжно цѣлуя жену.

— И я также счастлива, — съ любовью прошептала ему въ отвѣтъ Лидія Сергѣевна.

III.

Они въѣхали въ городъ. По обѣ стороны дороги стали мелькать первые дома и рѣдкіе фонари съ керосиновыми лампами.

— Ну, кажись, наша провинція еще недалеко ушла отъ временъ безсмертнаго Чичикова,—замѣтилъ Андрей Владиміровичъ.

Скоро Дементій остановилъ лошадь передъ подъѣздомъ гостинницы съ нумерами для пріѣзжающихъ.

— Эй, кто тамъ, — позвалъ онъ, сошедши съ козелъ и крича въ открытую на лѣстницу дверь.

Черезъ нѣсколько минутъ, лѣнивой походкой сошелъ «коридорный», видимо оторванный отъ глубокаго сна.

— Есть комната?—спросилъ Андрей Владиміровичъ.

— Пожалуйте на верхъ,—пригласилъ половой, оглядывая пріѣзжихъ, какъ явленіе совершенно непредвидѣнное.

Дементій навалилъ себѣ на плечи тяжелый чемоданъ, и всѣ четверо поднялись по скрипучей деревянной лѣстницѣ въ верхній этажъ. Пройдя длинный коридоръ, пропитанный запахомъ махорки, половой открылъ дверь нумера. Онъ зажегъ свѣчку и освѣтилъ большую комнату, меблированную вылинявшею репсовой мебелью, и съ кроватью, скрытой за такою же занавѣской.

— Ну, вотъ хоть эту, — рѣшилъ Андрей Владиміровичъ. Онъ расплатился съ Дементіемъ и заперъ дверь на ключъ.

— Все равно, мы не долго здѣсь останемся, Лида,—обратился къ ней мужъ, какъ бы желая извиниться передъ ней за неудобство помѣщенія.

— Кажется, я не жалуюсь, Андрей,—отвѣтила ему Лидія Сергѣевна съ упрекомъ.

— Хорошая моя,—отозвался Андрей Владиміровичъ, взглянувъ съ благодарностью на жену.

Digitized by Google

Лидія Сергѣевна, утомленная дорогой, сейчасъ легла и уснула. А въ это время Андрей Владиміровичъ, сидя на диванѣ, съ любовью думалъ о женѣ.

Андрей Владиміровичъ былъ женатъ всего шесть мѣсяцевъ и женился онъ несовсѣмъ обыкновенно. Не лишнее сказать теперь нѣсколько словъ о его предшествующей жизни. Матери онъ лишился еще ребенкомъ, а отецъ его, докторъ Рыбаковъ, умеръ, заразившись во время ухода за холерными больными, когда Андрей Владиміровичъ только что поступилъ въ университетъ на естественный факультетъ. Такимъ образомъ, его первая молодость прошла въ одиночествѣ, въ строгихъ размышленіяхъ о своей будущности и въ весьма стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Отецъ его, человѣкъ рѣдкой твердости убѣжденій, достигшій всего собственнымъ трудомъ, воспитывалъ сына въ томъ же направленіи, уча его съ дѣтства разсчитывать только на себя. Онъ очень любилъ сына, посвящая свободное время его развитію, читая съ нимъ и объясняя читанное, стараясь вселить въ его молодой умъ любовь къ честному и справедливому, какъ единственный принципъ жизни, способный сдѣлать человѣка счастливымъ. Поэтому сынъ горько оплакивалъ любимаго отца, получивъ послѣ его смерти еще новое доказательство его заботы о немъ. Онъ узналъ, что отецъ застраховалъ свою жизнь въ его пользу за 10,000 рублей,—деньги, которыя онъ бережливо положилъ на храненіе. По окончаніи университетскаго курса, онъ поступилъ на службу и прослужилъ три года. Въ это время совершился въ немъ тотъ процессъ мышленія, о которомъ сказано выше,—процессъ, явившійся какъ бы результатомъ усвоенной привычки относиться критически ко всѣмъ своимъ дѣйствіямъ. Этотъ переломъ въ его жизни совпалъ со встрѣчей будущей его жены. Исторія его любви была слѣдующая. Однажды, возвращаясь вечеромъ со службы, онъ вздумалъ по дорогѣ купить папиросъ въ табачной лавочкѣ, куда заглянулъ въ первый разъ. Войдя въ лавку, онъ остановился, пораженный красотой высокой, стройной дѣвушки, стоявшей передъ нимъ за прилавкомъ. Съ нѣсколько блѣднымъ, прелестнымъ по серьезности выраженія лицомъ, увѣнчаннымъ пепельнаго цвѣта волосами, она гордо и съ нѣкоторою горечью въ складкѣ правильныхъ губъ ожидала заказа. Андрей Владиміровичъ въ не-

Digitized by Google

вольномъ смущеніи спросилъ то, что ему было нужно, и сейчасъ же вышелъ на улицу. Но образъ мелькнувшей дѣвушки неотступно преслѣдовалъ его. Онъ вернулся въ магазинъ, а потомъ сталъ чаще и чаще заходить туда. Въ разговорѣ дѣвушка отвѣчала ему безъ робости и съ достоинствомъ, не стараясь ни скрывать своей бѣдности, ни заискивать знакомства. Можно было видѣть по ея отвѣтамъ, что она много читала и о многомъ думала. И, не смотря на свою красоту, она держала себя такъ, что всякій пошлый комплиментъ невольно застывалъ на устахъ. Она откровенно объяснила ему, что она сирота и, хоть окончила гимназію, но служитъ изъ нужды прикащицей въ этомъ магазинѣ, принадлежащемъ одной старушкѣ, жившей въ окрестностяхъ. Три недѣли спустя послѣ перваго своего посѣщенія, Андрей Владиміровичъ почтительно попросилъ ея позволенія зайти къ ней вечеромъ, чтобы поговорить объ одномъ важномъ дѣлѣ. Она вопросительно вскинула на него глаза и тотчасъ же отвѣтила:

— Хорошо, если это, дѣйствительно, серьезное дѣло.

Ихъ глаза встрѣтились. Они поняли другъ друга. Въ этотъ же вечеръ Андрей Владиміровичъ объяснился съ Лидіей Сергѣевной и сдѣлался ея женихомъ, а черезъ мѣсяцъ они уже были женаты. Возвращаясь изъ церкви въ каретѣ, Андрей Владиміровичъ въ неописанномъ счастьѣ прижалъ къ груди свою честную, здоровую нравственно и физически, жену. Это была жена по его вкусу.

На службѣ онъ постарался не говорить о своей женитьбѣ и весьма коротко отвѣчалъ на вопросъ сослуживцевъ, узнавшихъ объ этомъ. Онъ зналъ, что его женитьба не подходила подъ идеалъ карьеристовъ, глядѣвшихъ на бракъ съ точки зрѣнія свѣтскихъ связей, какъ на одно изъ средствъ къ достиженію служебнаго преуспѣванія.

Скоро послѣ того онъ вышелъ въ отставку. Сообщивъ женѣ о своихъ намѣреніяхъ и найдя въ ней вѣрнаго и сочувствующаго друга, онъ узналъ отъ нея, что у нея была подруга, окончившая акушерскіе курсы и служившая желѣзнодорожной фельдшерицей въ городѣ N***. Онъ попросилъ жену переписаться съ ней, и результатомъ этой переписки явилось ихъ переселеніе въ провинцію.

Теперь, наканунѣ исполненія своей мечты, Андрей Влади-

Digitized by Google

міровичъ чувствовалъ себя безмѣрно счастливымъ. Около него находилась его жена,—жена по любви, которую онъ выбралъ, какъ срываютъ душистый полевой цвѣтокъ на краю дороги. И въ сердцѣ своемъ, переполненномъ счастьемъ, онъ чувствовалъ достаточно силы и энергіи для дѣла любви и просвѣщенія, предпринятаго имъ въ этомъ глухомъ краю.

IV.

Въ девять часовъ утра, въ то время, какъ Андрей Владиміровичъ съ Лидіей Сергѣевной пили еще чай, кто-то постучался въ дверь. Это была Вѣра Николаевна.

— Ранняя птичка носъ обчищаетъ, а поздняя глаза продираетъ,—засмѣялась она, здороваясь.—Ну, какъ вы спали на новомъ мѣстѣ? — продолжала она весело щебетать. — Милая Лидія, представь себѣ: утромъ я просыпаюсь и не хочу вѣрить, что вы здѣсь. Такое это для меня счастье! А теперь пойдемъ скорѣе искать квартиру. Хоть здѣсь и нетрудно найти квартиру, а все же нужно выбрать что нибудь получше. Андрей Владиміровичъ, вы хотите имѣть библіотеку при квартирѣ?

— Конечно. Это будетъ удобнѣе: иной разъ и жена выдетъ къ читателямъ, хотя и немного ихъ предвидится...

— Какъ знать,—отвѣтила Вѣра Николаевна.—Здѣсь жителей около 30,000. Потомъ вокругъ много имѣній; живутъ помѣщики. Вы вѣдь будете получать и ежемѣсячные журналы?

— Непремѣнно, и даже спеціальные, напр., по сельскому хозяйству.

— Какъ хорошо! А теперь пойдемъ искать квартиру. Мнѣ говорили, что здѣсь вблизи отдается хорошая квартира. Я, можетъ быть, зайду за докторомъ Чупинымъ, о которомъ говорила вамъ. Онъ знаетъ городъ, какъ свои пять пальцевъ, и можетъ намъ помочь.

Разговаривая такимъ образомъ, они шли по главной улицѣ. Рѣдкіе прохожіе съ любопытствомъ останавливались, оглядываясь на нихъ и недоумѣвая, по какимъ дѣламъ занесло этихъ столичныхъ жителей въ ихъ богоспасаемый, но забытый людьми городъ? Проходя мимо одной фотографіи, Вѣра Николаевна обратила на нее вниманіе.

— Вотъ и здѣсь мои знакомые,—сказала она. — И пред-

Digitized by Google

ставьте: также, въ родѣ васъ, пріѣхали изъ Москвы попробовать новое дѣло. И дѣло отлично пошло, и они очень довольны. До нихъ здѣсь не было ни одного фотографа. У насъ въ провинціи часто нельзя достать самаго необходимаго. Вѣдь, я вамъ писала, что здѣсь, напр., ни за какія деньги мебели не достать!

— Да, мы купили мебель въ Петербургѣ и привезетъ ее князь вмѣстѣ съ книгами,—отвѣтила Лидія Сергѣевна.

— Ахъ, что это за хорошій князь!—засмѣялась Вѣра Николаевна.—Интересно будетъ на него взглянуть.

— И увидите, и услышите еще о немъ,—сказалъ Андрей Владиміровичъ.

Между тѣмъ, навстрѣчу имъ приближался высокій, еще бодрый старикъ, облеченный въ бѣлый китель съ сіявшими на солнцѣ металлическими пуговицами. Онъ еще издалека вглядывался въ подвигавшуюся къ нему группу и нѣсколько разъ останавливался, пристально присматриваясь, причемъ прикладывалъ вѣеромъ руку къ форменной фуражкѣ, чтобы защититься отъ солнечныхъ лучей.

— Ахъ, вотъ и докторъ, — неудержимо засмѣялась Вѣра Николаевна.—Я ему говорила о намѣреніи вашемъ пріѣхать и онъ съ тѣхъ поръ всякій покой потерялъ. Презабавный! Теперь намъ отъ него ужь не отдѣлаться, — добавила Вѣра Николаевна, понизивъ голосъ.—Зато вамъ будетъ отъ него та польза, что сбережете деньги на объявленія. Всѣмъ и каждому скажетъ, весь городъ оповѣститъ.

Старикъ приблизился и, съ увлеченіемъ размахивая руками тотчасъ же обратился къ Вѣрѣ Николаевнѣ:

— Ахъ, милѣйшая и многочтимая Вѣра Николаевна, вотъ пріятная встрѣча. Я только что вышелъ изъ дому по хозяйственнымъ надобностямъ—фунта два сахару купить—и думаю, что это васъ давно не видать. Даже хотѣлъ навѣстить васъ. И вдругъ вижу, вы идете и въ пріятномъ обществѣ,—вѣроятно, тѣхъ знакомыхъ, которыхъ вы ждали.—Тутъ онъ сдѣлалъ полукругъ въ сторону Андрея Владиміровича и его жены и, стараясь придать себѣ возможно галантный видъ, поспѣшилъ самъ себя представить.

— Имѣю честь... Давнишній здѣшній житель и отставной военный врачъ Иванъ Петровичъ Чупинъ...

Digitized by Google

— Много о васъ слышалъ,—обращаясь къ Андрею Владиміровичу, продолжалъ онъ тотчасъ же, съ неподдѣльной радостью на лицѣ, точно съ него только что сняли запретъ говорить.—Прекрасная мысль—сюда переселиться. И городъ, я вамъ скажу, очень приличный. Служилъ я и въ Туркестанѣ, и на Кавказѣ, но, по правдѣ сказать, лучшаго мѣстечка не видывалъ. Главное — спокойно и дешево. Представьте себѣ такое дѣло. Получаю я по чину 99 р. 45 к. въ мѣсяцъ. Что жъ? повѣрите ли, и четверти здѣсь не истрачу. Дешевизна во всемъ необыкновенная. Дрова 1½ р. сажень. Жги, сколько душѣ угодно. Квартиры также дешевы...

— А вотъ мы какъ разъ ищемъ квартиру,—прервала его Вѣра Николаевна. — Я думаю сперва посмотрѣть тутъ около, въ домѣ Петрова...

— Боже васъ сохрани!—откликнулся Иванъ Петровичъ.— Это въ нижнемъ этажѣ. Да развѣ вы не знаете, Вѣра Николаевна, что не далѣе, какъ прошлымъ лѣтомъ, почти на глазахъ у всѣхъ, какой-то бродяга забрался днемъ чрезъ окно въ эту квартиру и унесъ все, что попало ему подъ руку?

— Я, право, ничего такого не слыхала, — молвила Вѣра Николаевна, шепнувъ что-то на ухо Лидіи Сергѣевнѣ.

— Какъ же, бываетъ! только теряться не надо. И со мной было, да чуть ли также не прошлымъ лѣтомъ. Пришлось мнѣ получить деньги на станціи заказнымъ письмомъ и возвращался я въ городъ. Чтобы короче пройти, пошелъ я не дорогой, а лѣсочкомъ, знаете, мимо кустовъ. Вдругъ какъ наскочитъ на меня мужичина да здоровенный такой, съ дубиной въ рукахъ. Вы думаете, я растерялся? Ничуть не бывало. «Тебѣ что,— говорю,—деньги нужны? На тебѣ все мое состояніе» — и подаю ему кошелекъ. А въ немъ-то всего полтора рубля денегъ. Что же вы думаете: поблагодарилъ даже и сейчасъ же отошелъ.

— Иванъ Петровичъ, вы совсѣмъ запугаете насъ вашими разсказами,—сказала Вѣра Николаевна.

— А вы думаете, въ Петербургѣ не бываетъ? Нѣтъ, я только такъ, къ слову разсказалъ. А насчетъ квартиры я уже все передумалъ. Позвольте васъ свести на Базарную площадь. Тамъ отдается отличная квартира у аптекаря, преночтеннаго человѣка, Виссаріона Аввакумовича, какъ разъ надъ его магазиномъ; я уже предупредилъ его.

Digitized by Google

Они повернули съ главной улицы и, пройдя переулокъ, вышли на большую четырехъугольную площадь. Посерединѣ ея стояли рядкомъ нѣсколько извощиковъ, ожидавшихъ рѣдкихъ нанимателей, а по сторонамъ тянулись двухъэтажные дома, въ нижней части которыхъ находились лавки и кладовыя, принадлежащія мѣстнымъ купцамъ. Владѣльцы лавокъ сидѣли у входа, грѣясь на солнцѣ, скрестивши руки на животѣ, въ позахъ индусскихъ идоловъ, вкушающихъ блаженство Нирваны. Проходя мимо одного изъ нихъ, Иванъ Петровичъ особенно усердно поклонился ему и объяснилъ, что этотъ купецъ, въ лавкѣ котораго валялось всего нѣсколько желѣзныхъ прутьевъ, имѣлъ годовой оборотъ въ полъ-милліона рублей.

— Сила, батюшка!—замѣтилъ онъ.—Денегъ тьма, а только, къ сожалѣнію, и тутъ тьма, — и Иванъ Петровичъ указалъ перстомъ на лобъ.

Скоро они дошли до аптекарскаго магазина. Иванъ Петровичъ поспѣшилъ представить препочтенному Виссаріону Аввакумовичу своихъ новыхъ знакомыхъ, точно самъ ихъ зналъ уже нѣсколько лѣтъ, и всѣ вмѣстѣ поднялись осматривать квартиру. Квартира, дѣйствительно, оказалась вполнѣ подходящей и недорогой, и Андрей Владиміровичъ сейчасъ же удержалъ ее за собой.

Иванъ Петровичъ торжествовалъ. По его настоянію, оттуда они отправились осматривать старый монастырь, отстоявшій, по его увѣреніямъ, въ десяти минутахъ ходьбы и снабженный какими-то рѣдкостными пѣвучими эоловыми арфами. Отказывать Ивану Петровичу было неудобно, особенно въ виду оказанной имъ услуги, а до обѣда оставалось еще больше часа времени. На дѣлѣ же, монастырь очутился въ разстояніи не десяти минутъ, а цѣлыхъ полчаса, а эоловы арфы оказались обыкновенными желѣзными флюгерами, которые къ тому же, вслѣдствіе безвѣтрія, даже не скрипѣли. Зато видъ съ холма былъ дѣйствительно красивый. Они усѣлись на скамейку, установленную между двумя старыми березами, на самомъ краю высокаго обрыва. Внизу извивалась небольшая рѣчка, весело сверкавшая на солнцѣ въ зеленыхъ берегахъ, а дальше разстилалась далекая перспектива полей, чередовавшихся съ густыми рощами. Съ другой стороны, виденъ былъ весь городъ, какъ на ладони, съ пестрѣвшими среди садовъ зелеными и красными

Digitized by Google

крышами бѣлыхъ домовъ и золотыми куполами церквей. Иванъ Петровичъ, воодушевленный этой картиной, принялся разсказывать исторію древняго города, причемъ обращался преимущественно къ Андрею Владиміровичу. Онъ вообще считалъ женщинъ прелестными, но хрупкими созданіями, роль которыхъ на землѣ была совсѣмъ невыясненная и скорѣе только эстетическая. Иванъ Петровичъ упомянулъ объ историческомъ значеніи города, бывшаго когда-то укрѣпленнымъ и служившаго оплотомъ противъ враговъ во времена Іоанна Калиты и другихъ еще болѣе древнихъ царей, а затѣмъ пустился въ такія дремучія историческія дебри, среди которыхъ даже Андрею Владиміровичу трудно было за нимъ слѣдовать. Постепенно воодушевляясь, Иванъ Петровичъ всталъ и, приблизившись къ стѣнамъ монастыря, просилъ обратить вниманіе на «вѣковую» древность этихъ стѣнъ. Затѣмъ онъ также обратилъ вниманіе на «вѣковую» толщину березъ, растущихъ на обрывѣ. Приходя все въ большій азартъ, онъ даже опустился на колѣни около дерева и со страстностью влюбленнаго обнялъ его стволъ.

— Смотрите, смотрите, — приговаривалъ онъ,—какая толщина,—я даже обнять не могу.

И онъ отчаянно протягивалъ впередъ руки, будто силясь ихъ соединить, хотя ничего не было проще, даже если дерево было бы вдвое толще.

Наконецъ, дамы предложили вернуться, хотя краснорѣчіе Ивана Петровича не только не изсякало, но все увеличивалось.

Возвратный путь совершился безъ всякихъ приключеній. Только повернувъ въ главную улицу, по направленію къ гостинницѣ, они наткнулись на большую свинью съ пятью хрюкавшими ей вслѣдъ поросятами. Это неожиданное зрѣлище смутило даже невозмутимое благоразуміе Ивана Петровича.

— Сколько разъ,—воскликнулъ онъ,—я наказывалъ этому упрямому Ильѣ Ѳедоровичу не пускать свою свинью на улицу. Вотъ онъ стоитъ у табачной лавки, негодный. Нѣтъ, таки, не слушается! Помилуйте, неровенъ часъ, вдругъ губернаторъ пріѣдетъ на ревизію. Согласитесь сами: съ одной стороны, человѣкъ высокопоставленный, представитель власти, а рядомъ съ нимъ — какая-то свинья! Вотъ я ужъ его проберу, — и

Digitized by Google

Иванъ Петровичъ погрозилъ въ сторону виновника. Дойдя до гостинницы, Андрей Владиміровичъ пригласилъ Ивана Петровича обѣдать съ ними. Но тотъ, хотя видимо польщенный предложеніемъ, счелъ нужнымъ отказаться, ссылаясь на покупку двухъ фунтовъ сахару.

Онъ галантно распростился съ дамами и направилъ шаги въ обратную сторону.

Войдя на лѣстницу, дамы и Андрей Владиміровичъ дружно разсмѣялись.

— Вѣдь это прелесть что такое! Гдѣ же такую «натуру» можно еще увидѣть,—смѣялся Андрей Владиміровичъ.

Они вошли въ столовую и заказали обѣдъ, состоящій изъ супа-жульенъ, жаркаго — гуся и сладкаго—бланманжэ. Провожая послѣ обѣда Вѣру Николаевну, сѣвшую въ пролетку, чтобы вернуться домой, они замѣтили Ивана Петровича, который все еще отчитывалъ злополучнаго Илью Ѳедоровича. Онъ стоялъ къ нимъ спиной, но тотчасъ же повернулся, усердно махая въ сторону Вѣры Николаевны.

Въ тотъ же вечеръ, Андрей Владиміровичъ написалъ письмо князю, извѣщая о наймѣ квартиры и прося его пріѣхать.

V.

Слѣдующій день былъ воскресенье. Рыбаковы послѣ обѣда собрались экспромптомъ навѣстить Вѣру Николаевну. Хотя до станціи было больше часа ходьбы, но, не смотря на жару, Лидія Сергѣевна пожелала совершить эту прогулку пѣшкомъ. Они отправились черезъ поля по тропинкѣ, шедшей около большой дороги. Съ дѣтской радостью Лидія Сергѣевна восхищалась непривычной картиной зеленыхъ полей, терявшихся въ безпредѣльной дали. Солнце пекло немилосердно и скоро щоки ея покрылись яркимъ румянцемъ. Все казалось ей новымъ и интереснымъ: стада коровъ, пасущихся живописными группами, галки, съ разинутыми отъ жары клювами, безсильно опустившіяся на землю. Особенно же ее радовали встрѣчавшіеся на пути полунагіе пузатые ребятишки съ бѣлокурыми головками и загорѣлыми личиками, исподлобія провожавшіе глазами незнакомыхъ господъ. Лидія Сергѣевна ласково под-

Digitized by Google

ходила къ нимъ, спрашивала ихъ о чемъ нибудь или дарила денежную мелочь.

— Андрей, — обратилась она къ мужу, — я не дождусь, когда заведу школу. Ты не можешь себѣ представить, съ какимъ удовольствіемъ я объ этомъ думаю.

— Отлично,—отвѣчалъ ей мужъ. — А я займусь тятеньками,—усмѣхнулся онъ.

Наконецъ, они дошли до станціи и остановились передъ дверью Вѣры Николаевны. Она радостно ихъ встрѣтила.

— Какъ удачно вы пришли! А я только что собиралась чай пить. Пожалуйте въ мои хоромы.

Удобно усѣвшись въ уютной комнатѣ, усталые гости отдались отдыху и чаепитію.

— Андрей Владиміровичъ, разскажите мнѣ что нибудь о князѣ,—обратилась къ нему Вѣра Николаевна.—Помните, вы обѣщали.

— Съ удовольствіемъ, — согласился Андрей Владиміровичъ. — Кстати, я вчера написалъ ему и черезъ недѣлю онъ будетъ здѣсь.

— Князь Дмитрій Алексѣевичъ Улыбинъ на четыре года старше меня, слѣдовательно, ему около 30 лѣтъ, — началъ Андрей Владиміровичъ. — Это высокій, худощавый брюнетъ, съ красивыми,—если хотите,—даже аристократическими чертами, хотя я лично того мнѣнія, что аристократическимъ можетъ назваться только то лицо, которое носитъ на себѣ отпечатокъ чего нибудь выдающагося. Но князь Улыбинъ обладаетъ красотою и души, и тѣла. Познакомился я съ нимъ въ университетѣ, хотя онъ былъ уже на послѣднемъ курсѣ, а я только на первомъ. Познакомились мы на студенческомъ балу и тогда, кромѣ пріятнаго впечатлѣнія его наружности и манеръ, онъ ничѣмъ особеннымъ не привлекъ меня. Къ тому же онъ принадлежалъ къ кружку богатыхъ и веселящихся студентовъ, отъ которыхъ я сторонился. Окончивъ университетъ, онъ уѣхалъ за границу и все это время, до окончанія мною курса, я его не видалъ и даже забылъ о немъ. Однажды, идя утромъ на службу, я неожиданно встрѣтилъ его на Невскомъ и онъ тотчасъ узналъ меня. Но я удивился перемѣнѣ, въ немъ происшедшей. Это не былъ уже красивый франтъ, котораго я зналъ раньше, одѣтый по послѣдней модѣ и обвѣшанный дра-

Digitized by Google

гоцѣнными камнями. Онъ былъ одѣтъ совсѣмъ просто. На головѣ у него была легкая черная шляпа, изъ-подъ которой выбивались его длинные вьющіеся волосы, а выраженіе его лица было спокойное и серьезное. Но мнѣ онъ показался еще красивѣе въ этомъ «опрощенномъ» видѣ. Онъ являлся *самимъ собой* и красота его ничего не заимствовала прежде отъ изящества одежды и драгоцѣнностей. Когда онъ приблизился ко мнѣ, чтобы поздороваться, я замѣтилъ въ немъ скрытое смущеніе, точно онъ боялся, чтобы въ моемъ привѣтѣ не проскользнула та доля общепринятой любезности, которою пользуются исключительно богатые люди. Онъ выразилъ удовольствіе, что встрѣтился со мной; спросилъ, что я дѣлаю, и высказалъ желаніе встрѣтиться еще разъ. Я вручилъ ему свой адресъ, и мы разстались. Черезъ недѣлю онъ зашелъ ко мнѣ какъ-то вечеромъ. Не знаю, внушилъ ли я ему довѣріе, или онъ убѣдился, что я могу ему сочувствовать, но скоро онъ съ полной откровенностью разсказалъ мнѣ свою исторію,—главнымъ образомъ, душевную. Онъ былъ сынъ очень богатыхъ родителей, занимавшихъ видное положеніе въ обществѣ. Отецъ его умеръ незадолго передъ тѣмъ, а мать продолжала играть видную роль въ самомъ высшемъ свѣтѣ. Воспитаніе онъ получилъ по общему шаблону богатыхъ сыновей, который онъ опредѣлилъ мнѣ такъ: стремиться занять наивыгоднѣйшій и наиболѣе блестящій постъ въ обществѣ, для чего смотрѣть на всѣхъ, какъ на конкуррентовъ, т. е. на враговъ, и стараться овладѣть для себя всѣми имѣющимися въ жизни матеріальными благами. Съ такими принципами жилъ онъ студентомъ; такимъ же образомъ прожилъ потомъ и за границей, наслаждаясь всѣми благами, доставляемыми богатствомъ. И вотъ не знаю, въ какой добрый часъ, въ какой психологическій моментъ такой бурной жизни—попалась ему за границей какая-то книжка Льва Николаевича Толстаго. И простаго, — быть можетъ, часоваго—чтенія этой книжки было достаточно, чтобы переродить человѣка. Но не думайте, что князь Улыбинъ сдѣлался «толстовцемъ» въ томъ пошломъ смыслѣ, который придаютъ такому обращенію. Онъ не одѣлся мужикомъ и не отказался отъ своего состоянія. Слѣпо вѣрить въ букву ученія—значитъ ограничить свое развитіе и сдѣлаться фанатикомъ, т. е. преобразоваться только наружно. Въ подробностяхъ существованія

Digitized by Google

всякаго отдѣльнаго человѣка слишкомъ много субъективнаго и частнаго, чтобы это существованіе возможно было подвести точь въ точь подъ идейную формулу другаго человѣка. На что способенъ Иванъ, неспособенъ Петръ и напрасно будутъ они стараться отожествлять свой образъ дѣйствій. Но есть общая почва въ духѣ ученія. Такому болѣе широкому воспріятію вѣры и подчинился князь Улыбинъ. Такъ, напримѣръ, не отказываясь отъ своего большаго состоянія, достигающаго, какъ я слышалъ, до полумилліона руб., онъ ищетъ случая помѣстить его съ пользою для другихъ. По этому случаю онъ часто развивалъ предо мной совершенно справедливую теорію о несовмѣстимости счастья и эгоистическаго пользованія богатствомъ. Покуда, говоритъ онъ, есть люди умирающіе съ голоду, ни одинъ сознательно-живущій богатый человѣкъ не можетъ быть счастливъ, такъ какъ счастье заключается въ спокойной совѣсти. А этого не можетъ быть, если онъ додумается до мысли, что роскошь, которая его окружаетъ, могла бы быть употреблена на уменьшеніе страданій неимущихъ. При этомъ онъ не требуетъ, чтобы богатый отдалъ все бѣдному. Онъ держится того мнѣнія, что всякій человѣкъ — «экономическій человѣкъ» нашего вѣка, какъ онъ выражается,—имѣетъ право быть обезпеченнымъ въ кровѣ, одеждѣ и пищѣ, и всякій долженъ имѣть доходъ, удовлетворяющій первыя потребности. Въ этомъ смыслѣ тотъ, кто не имѣетъ этого дохода, обиженъ обществомъ, а кто имѣетъ лишнее—пользуется чужимъ. Развивая свой умъ и сердце въ этомъ направленіи, онъ достигъ удивительнаго просвѣтленія и какимъ-то внутреннимъ чутьемъ умѣетъ сейчасъ распознать добро и правду въ окружающемъ насъ обманѣ общественной жизни. Потому не всякое добро кажется ему добромъ, не всякое зло—зломъ. Такое перевоспитаніе стоило ему много труда, а также отпора со стороны его близкихъ. Но сила убѣжденій помогла ему восторжествовать. Въ отношеніи ко мнѣ, онъ вполнѣ сочувственно отнесся къ моимъ воззрѣніямъ. По его мнѣнію, долгъ интеллигентнаго человѣка состоитъ именно въ томъ, чтобы распространить начатое просвѣщеніе въ темной массѣ людей и тѣмъ скорѣе двинуть все человѣчество къ мерцающей вдали высокой цѣли общаго счастья и взаимной любви.

Андрей Владиміровичъ замолкъ.

Digitized by Google

— Скажите, Андрей Владиміровичъ, — съ волненіемъ въ голосѣ обратилась къ нему Вѣра Николаевна. — Неужели въ самомъ дѣлѣ есть такіе люди?

— Какъ видите, есть. Это честные люди, — отвѣтилъ ей Андрей Владиміровичъ съ удареніемъ.

Наступило минутное молчаніе. Всѣ трое, казалось, находились подъ впечатлѣніемъ благородной личности князя, очерченной Андреемъ Владиміровичемъ.

— А покуда зла еще очень много! — какъ бы очнувшись, продолжала Вѣра Николаевна.—Не далѣе какъ въ нѣсколькихъ шагахъ отсюда стоятъ руины огромной фабрики, которую, какъ говорятъ, поджегъ самъ владѣлецъ года четыре назадъ, для полученія страховой преміи. Хотите, пройдемтесь туда. Эти руины представляютъ живописный видъ.

Гости поднялись и послѣдовали за Вѣрой Николаевной.

Въ десяти минутахъ ходьбы, около небольшаго прудика, возвышались обгорѣлыя стѣны и высокая фабричная труба разрушеннаго стихіей зданія. Пощаженныя кирпичныя стѣны главнаго корпуса и флигелей, обросшія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ плющемъ и мохомъ, представляли, дѣйствительно, видъ настоящихъ руинъ. Вѣра Николаевна объяснила, что фабрика принадлежала купцу-кулаку и занимала нѣсколько сотенъ рабочихъ рукъ, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ. Кулакъ-владѣлецъ эксплуатировалъ рабочихъ сколько могъ, а заказчиковъ надувалъ, отпуская гнилой товаръ. Неизбѣжный крахъ ожидалъ его, какъ вдругъ въ одну темную ночь огромное зарево освѣтило небо. То горѣла фабрика. Молва обвинила хозяина въ поджогѣ. Было наряжено слѣдствіе, окончившееся, впрочемъ, въ пользу кулака, къ удовольствію слѣдственной комиссіи... Рабочіе разсѣялись, а фабрика обратилась въ руины. Приблизившись къ зданію, Вѣра Николаевна открыла калитку деревяннаго забора, которымъ обведена была фабрика, и они проникли на мѣсто бывшаго пожарища. Прогулка была, дѣйствительно, занимательная. Они переходили изъ одного помѣщенія въ другое по асфальтовому полу, заросшему въ трещинахъ высокой травой и цѣлыми кустами дикой растительности. Между помѣщеніями попадались узкіе проходы, похожіе на оранжереи. Въ другихъ мѣстахъ образовались какъ бы колодцы и бассейны, наполненные прозрачной дождевой во-

Digitized by Google

дой. Сквозь обрушенные потолки виднѣлось голубое небо, а черезъ высокія выбитыя окна мелькала, какъ въ рамкахъ, зеленая окрестность. Прогуливаясь среди этого лабиринта, они дошли до входа въ темный подвалъ, куда вела спускавшаяся внизъ каменная лѣстница.

Вѣра Николаевна остановилась.

— Спуститесь внизъ,—сказала она,—а я васъ здѣсь подожду. Тамъ очень мрачно,—какъ-то боязливо прибавила она.

Андрей Владиміровичъ и Лидія Сергѣевна все таки спустились, подстрекаемые любопытствомъ. Они очутились въ темномъ и обширномъ подземельномъ помѣщеніи съ узкими окнами напоминавшими собой казематъ. Съ сыраго потолка капала, струя воды, нарушавшая своимъ равномѣрнымъ звукомъ царствовавшую могильную тишину. Но что еще болѣе омрачало это мѣсто, — это видъ растерзаннаго голубя, лежавшаго на землѣ посреди подвала и представлявшаго, повидимому, объѣдки послѣ какой нибудь хищной птицы.

Андрей Владиміровичъ и Лидія Сергѣевна поспѣшили подняться на верхъ.

— Ты видѣла, Вѣра, этого бѣднаго голубя, — обратилась къ ней Лидія Сергѣевна.—Вѣроятно, его заклевалъ какой нибудь ястребъ.

— Да, я поэтому и не пошла. Мнѣ больно на это смотрѣть,—отвѣтила Вѣра Николаевна, охваченная непреоборимымъ чувствомъ не то страха, не то отвращенія.

Лидія Сергѣевна невольно бросила быстрый взглядъ на Вѣру Николаевну.

Возвращаясь къ станціи, Андрей Владиміровичъ пошелъ впередъ, чтобы нанять извощика, и молодыя женщины остались однѣ.

Лидія Сергѣевна нѣжно обвила рукой талью Вѣры Николаевны.

— Вѣра, милая моя,—тихо спросила она,—отвѣтишь ли ты мнѣ на одинъ вопросъ?

— Говори,—молвила она взволнованно.

— Скажи мнѣ, Вѣра, зажила твоя рана, простило твое сердце?

— Рана зажила, а сердце забыло!—съ трудомъ выговорила Вѣра Николаевна.

Digitized by Google

Лидія Сергѣевна крѣпко поцѣловала подругу.

— Какъ я счастлива, а теперь больше объ этомъ ни слова—никогда.

— Никогда!—повторила за ней и Вѣра Николаевна.

Въ это время Андрей Владиміровичъ подъѣхалъ къ нимъ въ нанятой пролеткѣ.

— Не забывайте же насъ: приходите скорѣе къ намъ,— простился онъ съ ней.

VI.

Всѣ слѣдующіе дни Андрей Владиміровичъ былъ занятъ покупкой хозяйственныхъ принадлежностей, а также заказалъ полки для размѣщенія библіотеки.

По временамъ онъ громко читалъ, покуда Лидія занималась вышиваніемъ.

Однажды, во время вечерняго чаю, она была чѣмъ-то озабочена и, наконецъ, обратилась къ мужу.

— Андрей, хочешь я тебѣ разскажу исторію Вѣры Николаевны?—предложила она.—Я до сихъ поръ не говорила тебѣ объ этомъ, такъ какъ ты ее лично не зналъ. Теперь же дѣло другое и мнѣ не хотѣлось бы знать что либо такое, о чемъ ты не знаешь. Молчаніе въ нѣкоторыхъ случаяхъ похоже на ложь. Вѣра Николаевна имѣла въ своей жизни одно большое несчастіе. Она была обманута въ любви. Она сдѣлала то, что поверхностное сужденіе называетъ ошибкой. Для меня же ея поступокъ выставляетъ еще болѣе благородство ея сердца. Это, конечно, зависитъ отъ точки зрѣнія. Хочешь слушать?

— Конечно,—отвѣтилъ Андрей Владиміровичъ, не скрывая болѣзненнаго удивленія, произведеннаго на него словами жены.—Насколько я знаю Вѣру Николаевну, она не могла поступить неблагородно.

— Весь этотъ романъ, — продолжала Лидія Сергѣевна,— прошелъ на моихъ глазахъ и имѣлъ нѣкоторое вліяніе и на меня. Помнишь, Андрей, когда ты признался мнѣ въ любви,— что я тебѣ отвѣтила? Я спросила: серьезны ли твои намѣренія? Скажи: тебѣ не показалось это съ моей стороны немножко рѣзко и самоувѣренно? Вѣдь, по своему положенію, ты былъ выше меня, бѣдной продавщицы въ магазинѣ. Не подумалъ ли

Digitized by Google

ты про себя, что мнѣ, быть можетъ, не слѣдовало такъ категорически ставить вопросъ о бракѣ?

— Нѣтъ, милая!—отвѣтилъ Андрей Владиміровичъ.—Напротивъ, твой отвѣтъ мнѣ очень понравился. Онъ показывалъ чистоту и прямоту твоего сердца.

— Это потому, — продолжала Лидія Сергѣевна, — что ты самъ человѣкъ, у котораго слово и дѣло—одно и то же. Но, къ сожалѣнію, не всегда такъ бываетъ, въ чемъ я убѣдилась на примѣрѣ съ Вѣрой Николаевной. Ея примѣръ меня даже озлобилъ до нѣкоторой степени противъ мужчинъ и вотъ почему, хоть я тебя сама полюбила съ первыхъ же дней нашего знакомства, — я сразу и поставила тебѣ роковой вопросъ. Я не хотѣла потерять тебя, полюбивъ; но не думай, что я не способна была принести для тебя жертвы...

— Милая моя!—отозвался Андрей Владиміровичъ.

— Я давно хотѣла поговорить съ тобой насчетъ этого вопроса о бракѣ и честности женщины,—продолжала Лидія Сергѣевна.—Мнѣ кажется, что ошибка мужчинъ состоитъ въ томъ, что они придаютъ этому вопросу честности—физической честности женщины—совсѣмъ другое значеніе, чѣмъ придаютъ сами женщины, послѣдствіемъ чего является масса недоразумѣній. Да развѣ мы не встрѣчаемъ массу физически-честныхъ женщинъ, но нравственно никуда не годныхъ и наоборотъ? Честность есть качество исключительно духовное, какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ. Такое отношеніе мужчины къ женщинамъ бываетъ или оскорбительнымъ, или комическимъ. Поэтому я не люблю театръ. Мнѣ всегда представляются совершенно искусственными и ложными всѣ тѣ пьесы, гдѣ счастье или несчастье всей жизни мужчины зависитъ отъ того: обманула ли женщина, или нѣтъ. Въ худшемъ случаѣ это можетъ быть ударомъ для мужскаго себялюбія—и только. Неужели все счастье зиждется на такомъ шаткомъ основаніи?

— Ты права, Лида, — отвѣтилъ ей Андрей Владиміровичъ.—Вѣрность женщины должна явиться результатомъ болѣе высокихъ нравственныхъ отношеній, чѣмъ однѣ брачныя узы. Только при такихъ условіяхъ бракъ освящаетъ любовь. А въ этихъ случаяхъ честная женщина никогда не обманетъ мужчину: она раньше разстанется съ нимъ.

— Да!—подтвердила Лидія Сергѣевна,—вся суть заклю-

Digitized by Google

чается въ этихъ нравственныхъ отношеніяхъ, въ этой душевной связи. Мы много говорили и думали объ этомъ съ Вѣрой. Ты вѣдь знаешь, что она была моей подругой по гимназіи. По окончаніи курса, она, какъ и я, стала искать работы и самостоятельнаго труда. Въ то время отецъ ея, служившій въ провинціи и высылавшій ей небольшія средства для существованія, внезапно умеръ и она осталась въ Петербургѣ въ очень стѣсненномъ положеніи. Къ счастью, ей скоро удалось получить мѣсто кассирши въ одной частной библіотекѣ. Она была очень рада своей удачѣ, давшей ей возможность оплачивать столъ и квартиру. Сосѣдомъ по комнатѣ въ квартирѣ, гдѣ она жила, оказался студентъ, кончавшій курсъ въ томъ же году. Это былъ небогатый молодой человѣкъ, усердно работавшій и, повидимому, хорошаго направленія. Вѣра съ нимъ познакомилась по поводу книги, которую онъ просилъ достать ему. Они стали встрѣчаться, и скоро студентъ очень увлекся ею. Вѣрѣ онъ также понравился своею серьезностью и начитанностью. Она позволила ему иногда заходить къ ней по вечерамъ, или они вмѣстѣ бывали въ театрѣ. Часто и я съ нимъ бывала. Онъ такъ полюбилъ ее, что, казалось, не могъ и жить безъ нея. Вѣра же держала себя съ большимъ тактомъ. Не избѣгая его, она поддерживала знакомство въ самыхъ строгихъ предѣлахъ, хотя въ душѣ была сама увлечена. Такъ прошла зима. Однажды она мнѣ передала, что безъ всякаго съ ея стороны вызова онъ признался ей въ любви и просилъ ея руки, на что она и согласилась. Свадьба должна была состояться по окончаніи имъ экзаменовъ и по полученіи мѣста въ началѣ осени. Наступило лѣто. Въ это время Вѣра стала рѣже бывать у меня. Разъ она пришла ко мнѣ послѣ довольно долгаго отсутствія и призналась, что она ему отдалась... Но, сообщая мнѣ объ этомъ, она ничуть не казалась встревоженной: настолько она вѣрила ему. Конецъ же ея романа показалъ, что она ошиблась. Осенью, сдавъ экзаменъ, студентъ уѣхалъ, сказавъ, что ѣдетъ на мѣсто и скоро вернется за ней, чтобы обвѣнчаться. Вмѣсто того, онъ написалъ ей оттуда коротенькое письмо, въ которомъ говорилъ, что обстоятельства заставляютъ его отложить ихъ свадьбу на неопредѣленное время. Короче, онъ оказался негоднымъ человѣкомъ. Для Вѣры это извѣстіе было страшнымъ ударомъ. Не его жалѣла она, такъ какъ, потерявъ къ нему уваженіе, она

Digitized by Google

потеряла и любовь, но поразила ее потеря того свѣтлаго чувства къ людямъ, которымъ она жила до того времени. Съ ней сдѣлалась горячка и она чуть не умерла. Я помогала и ходила за ней, какъ за родной сестрой. Къ счастью, крѣпкая натура выдержала это испытаніе. Теперь, какъ ты видишь, она также прелестна, какъ была, и—прибавлю—также чиста душою, какъ прежде. Когда она поправилась, то поступила на курсы и получила здѣсь мѣсто.

Лидія Сергѣевна остановилась. Въ глазахъ ея блестѣли слезы.

— Бѣдная Вѣра Николаевна! —сочувственно отозвался Андрей Владиміровичъ.—Авось, она встрѣтитъ счастье, котораго такъ достойна.

Въ тотъ же вечеръ, послѣ этого разговора, Андрей Владиміровичъ получилъ телеграмму отъ князя, извѣщающую о его пріѣздѣ въ слѣдующее утро. Они очень обрадовались этому извѣстію, полагавшему конецъ ихъ кочевой жизни.

Рано утромъ, Андрей Владиміровичъ и Лидія Сергѣевна съ нетерпѣніемъ ожидали на станціи прихода поѣзда. Наконецъ, онъ показался, и они увидѣли князя Улыбина, усердно кланяющагося имъ изъ открытаго окна вагона. Съ радостью встрѣтили они вѣрнаго друга, который самъ былъ въ восторгѣ, что вырвался изъ душной столицы и очутился среди свѣжести полей и лѣсовъ.

— Милые мои!—горячо поздоровался онъ съ друзьями,—наконецъ-то я вырвался изъ этого ужаснаго Петербурга. Эти бѣлыя ночи, снимающія покровъ съ его ночныхъ безобразій, совершенно истомили меня. А вы-то какими свѣжими глядите! Лидія Сергѣевна, на васъ теперь не налюбуешься,—обратился онъ къ молодой женщинѣ, пожимая еще разъ ея руку.

По дорогѣ въ городъ, князь съ дѣтской радостью привѣтствовалъ раскрывающійся передъ нимъ деревенскій видъ.

— Вонъ, мужичокъ идетъ въ лаптяхъ,—весело засмѣялся онъ.—Скажи мнѣ на милость, Андрей, развѣ не пріятнѣе во сто разъ взглянуть на его кроткое и доброе лицо, чѣмъ на самодовольныхъ, развалившихся въ коляскахъ, петербургскихъ плутократовъ?

Когда они пріѣхали въ гостинницу, князь нанялъ комнату

Digitized by Google

около своихъ друзей и весь день прошелъ весело до поздняго вечера въ интимной сердечной бесѣдѣ о настоящихъ и будущихъ планахъ, причемъ князь выразилъ намѣреніе провести здѣсь все лѣто.

На слѣдующій день прибыли вещи и начались общія хлопоты къ переѣзду на новую квартиру. Князь нанялъ комнату по близости своихъ друзей, но неотлучно находился при нихъ, помогая устроиться. Вѣра Николаевна, улучивъ свободную минуту, также пришла навѣстить ихъ, причемъ познакомилась съ княземъ и, видимо, произвела на него самое выгодное впечатлѣніе. Когда квартира была такимъ образомъ приведена въ порядокъ и нанята прислуга, Андрей Владиміровичъ назначилъ день, чтобы справить свое новоселье обѣдомъ, причемъ пригласилъ не только Вѣру Николаевну, но и Ивана Петровича Чупина, принимавшаго по прежнему живое участіе въ дальнѣйшей судьбѣ новопріѣзжихъ. Счастливый этотъ день, наконецъ, насталъ,—и дружеское общество собралось вокругъ гостепріимнаго стола, уставленнаго обильнымъ угощеніемъ.

Иванъ Петровичъ, смущенный присутствіемъ сіятельнаго лица, лишился даже обычнаго краснорѣчія и только съ большимъ апетитомъ уничтожалъ подаваемыя кушанья.

Послѣ обѣда, по предложенію князя, всѣ собрались провожать Вѣру Николаевну до станціи. Дорогой князю разсказали исторію о фабрикѣ и, дошедши до станціи, все общество пошло осматривать руины, очень заинтересовавшія ихъ. Къ ночи гости распростились и вернулись домой.

VII.

Прошло два мѣсяца. Андрей Владиміровичъ открылъ свою библіотеку и даже пріобрѣлъ нѣсколькихъ читателей. Такое необыкновенное событіе, какъ открытіе библіотеки, произвело на первыхъ порахъ нѣкоторый переполохъ въ городѣ. Мѣстныя власти зашевелились и полицмейстеръ счелъ нужнымъ посѣтить Андрея Владиміровича, впрочемъ, съ самыми дружелюбными намѣреніями. Все оказалось въ исправности, книги были разставлены по полкамъ въ самомъ благонамѣренномъ порядкѣ и никому никакой непріязни не выражали. Съ своей стороны, Лидія Сергѣевна получила также разрѣшеніе открыть

Digitized by Google

школу и только ожидала окончанія нѣкоторыхъ формальностей. Князь по прежнему часто бывалъ у своихъ друзей, которые замѣтили въ немъ нѣкоторую перемѣну, выдававшую затаенную заботу. Забота эта была, впрочемъ, отраднаго свойства, такъ какъ князь по прежнему былъ веселъ той свѣтлой веселостью, которую даетъ только душевное равновѣсіе. Вѣра Николаевна, взявшаяся, по старой памяти, за составленіе каталога для библіотеки, часто заходила въ библіотеку, а князь былъ всегда радъ ее встрѣтить. Онъ часто провожалъ ее домой и между ними установились простыя, почти товарищескія отношенія. Тѣмъ не менѣе, трудно было угадать, что совершалось въ его душѣ. Самымъ выдающимся событіемъ этихъ двухъ мѣсяцевъ былъ внезапный отъѣздъ князя по дѣламъ въ Петербургъ,—всего, впрочемъ, на нѣсколько дней.

Когда онъ вернулся, то сейчасъ же явился къ своимъ друзьямъ и весело сообщилъ имъ важную новость.

— Знаете,—обратился онъ къ нимъ,—зачѣмъ я уѣзжалъ въ Петербургъ?

— Зачѣмъ?—съ напряженнымъ любопытствомъ спросили они.

— Чтобы взять необходимыя деньги для покупки руинъ и постройки новой фабрики на ея мѣстѣ.

Князь сообщилъ имъ свои планы. Онъ намѣренъ былъ построить мануфактуру и учредить при ней рабочую колонію, съ тѣмъ чтобы рабочіе, пользуясь частью доходовъ, имѣли возможность содержать въ полномъ довольствѣ какъ себя, такъ и свои семейства.

— Только такимъ образомъ,—объяснилъ онъ,—я и понимаю примѣненіе рабочаго труда. Довольство, въ которомъ рабочіе будутъ находиться, отвлечетъ ихъ отъ пьянства, а я буду счастливъ тѣмъ, что буду видѣть вокругъ себя довольныя и благодарныя лица.

Это извѣстіе глубоко обрадовало Рыбаковыхъ. Андрей Владиміровичъ протянулъ руку князю. Онъ былъ того мнѣнія, что нѣкоторые поступки не могутъ быть достаточно оцѣнены словами.

Послѣ нѣкотораго молчанія, князь взволнованно прибавилъ: — Потомъ, можетъ быть, вы услышите и о другой новости, но покуда объ этомъ я еще ничего не могу вамъ сказать.

Digitized by Google

Послѣ этого князь всталъ и ушелъ.

Когда они остались одни, Андрей Владиміровичъ и Лидія Сергѣевна переглянулись. И въ этомъ взглядѣ таилась грустная тревога. Они догадывались, на что намекалъ князъ. Но свои предположенія они другъ другу громко не высказали.

На слѣдующій день, часовъ въ семь вечера, среди полей, по тропинкѣ, ведущей отъ города къ станціи, можно было видѣть человѣка, подвигавшагося медленной походкой и видимо наслаждавшагося тихой прелестью лѣтняго вечера. Это былъ князь Улыбинъ. И въ душѣ его, какъ и въ природѣ, царствовали миръ и красота. Послѣ знойнаго дня, косые лучи заходящаго солнца нѣжно золотили благоухающую землю; а сердце князя было полно золотымъ чувствомъ любви и вѣры. Передъ нимъ представлялась ясной и полезной цѣль жизни и онъ шелъ подѣлиться своимъ счастьемъ съ Вѣрой Николаевной. Незамѣтно ея общество, ея участіе въ немъ стало для него потребностью. Онъ еще не спрашивалъ себя, что̀ означало то волненіе, которое онъ испытывалъ, думая о ней, но онъ шелъ къ ней, потому что не могъ не пойти...

Онъ дошелъ до знакомаго флигеля и постучался въ дверь. Послышались легкіе шаги и Вѣра Николаевна сама отворила ему. Замѣтила ли она что-то новое, что-то рѣшительное въ выраженіи его лица, когда онъ взглянулъ на нее; но, при видѣ его, краска залила ея щоки.

— Вѣра Николаевна, угостите меня, пожалуйста, чаемъ,— обратился князь, крѣпко пожавъ ей руку. — Я пришелъ сообщить вамъ новость.

— Идите, я только что заварила чай,—ласково отвѣтила она, овладѣвъ своимъ смущеніемъ.

— Я съ вами сегодня долго не разстанусь,—продолжалъ князь.—Надѣюсь, вы не заняты?

— Нѣтъ, я только что вернулась домой и думала послѣ чаю прогуляться,—сказала она.

— Отлично, такъ пойдемъ послѣ чаю къ руинамъ. Хотите?—предложилъ князь.

Она согласилась.

Какъ только они усѣлись, князь Улыбинъ сообщилъ Вѣрѣ Николаевнѣ о своемъ намѣреніи купить фабрику. Онъ съ

Digitized by Google

увлеченіемъ разсказывалъ ей о своихъ планахъ, нѣжно заглядывая ей въ глаза и какъ бы ища въ нихъ одобренія.

Вѣра Николаевна встрѣтила эти извѣстія съ большимъ сочувствіемъ и особенно заинтересовалась тѣмъ способомъ веденія дѣла, который князь хотѣлъ примѣнить относительно рабочихъ.

Продолжая излагать свои планы, князь нѣсколько разъ спрашивалъ Вѣру Николаевну, одобряетъ ли она ихъ.

— Отчего вы такъ дорожите моимъ мнѣніемъ?—спросила его Вѣра Николаевна, съ сомнѣніемъ взглянувъ на него.— Вѣдь я могу ошибиться.

— Мнѣ именно кажется, что вы не можете ошибиться, Вѣра Николаевна,—отвѣтилъ ей князь.

— Нѣтъ, я могу очень ошибиться, Дмитрій Алексѣевичъ,— грустно промолвила Вѣра Николаевна.—А теперь пойдемте раньше, чѣмъ стемнѣетъ,—пригласила она, вставая.

Вѣра Николаевна набросила на плечи легкую накидку и безъ шляпы вышла съ княземъ по направленію къ руинамъ.

Чудный видъ представляли онѣ теперь, освѣщенныя, точно заревомъ пожара, пурпуровыми лучами заходящаго солнца... Князь и Вѣра Николаевна медленными шагали проникли въ разрушенное зданіе.

— Сядемте здѣсь,—предложилъ князь, указавъ на каменный выступъ, оставшійся отъ фундамента.

Вокругъ нихъ все было тихо, и оба они хранили молчаніе, покоренные фантастической прелестью этого дикаго мѣста.

— Знаете, о чемъ я теперь думаю,—тихо началъ князь, глубоко взглянувъ на Вѣру Николаевну.—Эти руины напоминаютъ мнѣ мою прошедшую жизнь. Прекрасное на видъ зданіе, полное кипучей дѣятельности, повидимому застрахованное отъ всякаго бѣдствія, вдругъ рухнуло, объятое огненной стихіей. А рухнуло оно потому, что цѣль распоряжавшейся въ немъ воли не была направлена къ добру. Точно также и я направленъ былъ своей молодостью къ одному эгоистическому удовлетворенію, покуда сознаніе добра не проникло, какъ пламя, въ мою душу и не сожгло въ ней искусственную иллюзію счастья. И вотъ я снова воздвигаю свою жизнь на новыхъ началахъ... Вѣра Николаевна!—продолжалъ князь, взявъ ея руку,—хотите быть мнѣ помощницей въ новой

Digitized by Google

жизни, моимъ другомъ, моей женой?.. Вы уже знаете, что я васъ люблю...

Вѣра Николаевна не отняла своей руки, но кровь отлила отъ ея сердца. Она поблѣднѣла и не отвѣчала ему.

— Дмитрій Алексѣевичъ,—наконецъ, молвила она съ усиліемъ,—я недостойна васъ... Забудемте эту минуту.

— Скажите: почему?—тревожно спросилъ ее князь.

— Въ моей жизни есть ошибка,—отвѣтила Вѣра Николаевна, превозмогая свое смятеніе.

Князь сначала отшатнулся, но сейчасъ же овладѣлъ собою.

— То, что вы говорите, очень серьезно,—сказалъ онъ.— Но, быть можетъ, тутъ не было вашей ошибки... Вѣра Николаевна! Во имя моей любви къ вамъ, прошу васъ разсказать мнѣ ваше горе. Что бы ни было, не мнѣ осуждать васъ.

— Дмитрій Алексѣевичъ, я сперва хотѣла отвѣтить вамъ, что не люблю васъ, и тѣмъ освободить себя и васъ отъ тяжелаго признанія. Но никогда въ жизни я не лгала. Если требуете,—я разскажу.

И Вѣра Николаевна, побѣдивъ свое смущеніе и черпая силу въ правотѣ своего сердца, принялась разсказывать свою грустную повѣсть.

Князь слушалъ ее съ глубокимъ вниманіемъ, опустивъ голову.

Когда она кончила, онъ живо поднялъ голову. Въ глазахъ его свѣтилась радостная увѣренность.

— Вѣра Николаевна!—началъ онъ съ доброй улыбкой.— Вы на себя наклеветали... Я не вижу вашей вины въ этой тяжелой случайности вашей молодости. Ваша ошибка была слѣдствіемъ вашей вѣры въ людей. Эту ошибку вы искупили глубокимъ страданіемъ, но вѣру въ добро вы все таки не потеряли. Будемте судить другъ друга не по лицемѣрному условному суду. Я, просящій вашей любви, развѣ не падалъ, а вы даже не спрашиваете меня объ этомъ. Вы, значитъ, лучше и добрѣе меня. Теперь мы одинаково поняли, что смыслъ жизни есть путь къ самоусовершенствованію. Кто постигъ это, тотъ очистился и больше не упадетъ... Поэтому — опять повторяю вамъ,—будьте моей женой...

Digitized by Google

Вѣра Николаевна обратила къ нему глаза, полные слезъ и любви. Она уже не противилась охватившему ее страстному чувству и съ довѣріемъ склонила голову къ его плечу. Тогда онъ нѣжно привлекъ къ себѣ ея гибкій станъ.

Задача автора здѣсь кончается. Каковы будутъ плоды этого исканія новыхъ честныхъ путей въ жизни?—покажетъ будущее. Жатва еще впереди, но она навѣрное будетъ обильна. Никакая честная дѣятельность, основанная на разумномъ принципѣ: жить для другихъ, а не для себя, не можетъ погибнуть безслѣдно.

Алексѣй Плетневъ.

Digitized by Google

Неизвѣстному другу.

Мой неизвѣстный другъ, меня не понялъ ты:
Я жизнь не разлюбилъ, но и не лицемѣрю,
Когда я говорю, что въ счастіе не вѣрю,
Которымъ бредятъ дѣти суеты.
Непрочное, оно, за мигъ блаженства, горе
Несетъ стремящимся въ немъ вѣчный рай найти...
Другое счастіе—широкое, какъ море—
Доступно каждому на жизненномъ пути.
Дать алчущему хлѣбъ и жаждущихъ водою,—
Завѣту слѣдуя святому,—напоить,
Живущихъ злобою, охваченныхъ враждою—
Великой радости прощенья научить;
Нести съ собою свѣтъ—гдѣ онъ, какъ воздухъ, нуженъ
Нести съ собой тепло, чтобъ душу имъ согрѣть,
Будить того, чей духъ для правды не разбуженъ,
Помочь слѣпцамъ небесъ сіяніе узрѣть;
Любовью чуткою цѣлить чужое горе,
Отъ радости чужой, какъ въ праздникъ, ликовать.—
Вотъ счастье свѣтлое, широкое, какъ море,
И стоитъ лишь его извѣдать благодать,
Какъ вдругъ покажется и жалкимъ, и ничтожнымъ
То счастье хрупкое, которымъ міръ живетъ...
Ты не повѣришь мнѣ: еще идешь ты ложнымъ
Путемъ, и жизнь тебя соблазнами влечетъ...
Но знай: настанетъ день, когда всю ложь отбросить
Духъ, побѣдившій плоть; погаснетъ зной въ крови,
И, просвѣтленная, твоя душа запросить
Иного счастія, полна иной любви!

Александръ Круглевъ.

Digitized by Google

Фиктивный кризисъ русской металлургической промышленности.

I.

Нѣкоторые органы русской прессы изо дня въ день, съ непонятной систематичностью и назойливостью, стараются провести въ русское общество мысль о «кризисѣ» въ нашей металлургической промышленности. Съ искусно подтасованными цифрами въ рукахъ они, какъ дятлы, усердно долбятъ свое, не обращая вниманія ни на современное состояніе русскаго металлургическаго рынка, ни на тѣ серьезныя возраженія, которыя дѣлаютъ имъ нѣкоторые болѣе здравомысленные органы печати. Имъ нѣтъ никакого дѣла ни до дѣйствительности, ни до серьезности и справедливости возраженій противниковъ. Если понятны ихъ вопли о кризисѣ нашихъ «желѣзныхъ издѣлій» (вѣдь, они заботятся о своихъ карманахъ!) то далеко непонятны подвиги добровольныхъ, изъ среды печати, защитниковъ чужаго кармана...

Можно ли говорить въ серьезъ о кризисѣ нашей металлургической промышленности? Конечно, нѣтъ. У насъ не только не существуетъ, но даже довольно долгое время и не можетъ быть никакого кризиса. Въ странѣ, гдѣ для десятковъ милліоновъ жителей желѣзо и желѣзныя издѣлія являются еще роскошью, — тамъ не можетъ быть и рѣчи о кризисѣ; въ странѣ, гдѣ десятки милліоновъ жителей замѣняютъ желѣзо деревомъ и соломой, тамъ даже нелѣпо думать о самой возможности подобнаго кризиса.

Россія, какъ въ производствѣ, такъ и въ потребленіи желѣза и желѣзныхъ издѣлій, стоитъ на самомъ послѣднемъ планѣ въ ряду другихъ европейскихъ государствъ. Производство и потребленіе желѣза и стали въ главнѣйшихъ государствахъ выразилось на жителя, въ килограммахъ, въ 1898 г. [1]).

	Производство.	Потребленіе.
С. Ам. Соед. Штаты .	161,6	164,8
Великобританія . . .	217,7	130,1

[1]) Цифровый и фактическій матеріалъ взятъ нами изъ книги г. *А. Матвѣева*: «Желѣзное дѣло Россіи въ 1899 г.» Спб., 1900 г.

Digitized by Google

Германія	129,8	104,4
Бельгія	150,8	81,1
Швеція.	122,0	76,4
Франція	65,3	60,4
Австро-Венгрія . . .	29,4	33,9
Россія	17,5	*21,4*

Изъ этихъ цифръ ясно видна разница, существующая между 21,4 килогр. желѣза, потребляемыми каждымъ русскимъ, и 164,8, потребляемыми каждымъ американцемъ. Ясно, что пройдутъ десятки лѣтъ, прежде чѣмъ русскій народъ достигнетъ въ потребленіи желѣза того количества, которое теперь употребляетъ американецъ. Только тогда мы можемъ говорить о кризисѣ, когда русскій народъ замѣнитъ дерево и солому — желѣзомъ и сталью. Но это можетъ случиться еще не скоро...

Какую ни возьмите сторону крестьянской жизни, вы вездѣ натолкнетесь на сооруженія чуть не свайнаго и циклопическаго періодовъ. Домашняя утварь у нашего крестьянина—деревянная. Ведро, ковшъ, ложка—все это выдолблено изъ дерева. Земледѣльческія орудія отличаются неуклюжестью, громоздкостью. А все почему? Нѣтъ желѣза, или оно еще дорого у насъ. Даже ось у телѣги—и та деревянная. Крестьянинъ сознаётъ, что на желѣзной оси ходъ телѣги легче и продуктивнѣе. Но отъ сознанія до покупки оси—«дистанція огромнаго размѣра». А соломенныя крыши? Благодаря недостатку и дороговизнѣ желѣза, наша соломенная и деревянная Россія выгораетъ въ теченіе 16 лѣтъ вся цѣликомъ. Нѣтъ, намъ еще слишкомъ рано говорить о «желѣзномъ» кризисѣ.

И мы видимъ, что желѣзное дѣло въ Россіи годъ отъ году развивается и прогрессируетъ, какъ въ качественномъ, такъ и въ количественномъ отношеніи. Если въ Россіи въ 1884 г. было выплавлено 31,1 мил. пудовъ чугуна и выдѣлано 29,5 мил. пуд. стали и желѣза, то въ 1898 г. и въ 1899 г. было выплавлено 135.5 и 165.1 мил. пуд. чугуна и выдѣлано 100,4 и 116 мил. пудовъ желѣза и стали.

Сопоставляя цифры выплавки чугуна и выдѣлки желѣза и стали за 1899 г. по районамъ, мы замѣтимъ, что наибольшее абсолютное увеличеніе выплавки чугуна и выдѣлки желѣза и стали приходится на горнозаводскій районъ юга Россіи.

	1899 г.	1898 г.	въ 1899 г. больше.	%
	тысячи пудовъ			
Выплавл. чугуна	82.491	61.188	21.303	34,7
Выдѣл. стали.	50.506	38.270	12.236	31,9

Въ 1899 г. начали свою дѣятельность заводы Русскій Провидансъ Анонимнаго О—ва; Макѣевскій Генеральнаго О—ва, Верхнеднѣпровскій Верхнеднѣпровскаго Металлургическаго О—ва и Краматорскій Краматорскаго Металлургическаго О—ва, которые и выплавили въ 1899 г. всего 4.691 тыс. пуд. чугуна, такъ что и раньше дѣйствовавшіе заводы приняли значительное участіе въ

Digitized by Google

увеличеніи общей по району выплавки. Насколько южный районъ и въ послѣдующіе годы будетъ въ состояніи увеличивать свою производительность,—видно изъ того, что на дѣйствующихъ заводахъ находится въ ремонтѣ или строится 12 доменъ; находится, кромѣ того, въ постройкѣ 5 доменъ на вновь строющихся заводахъ (Акц. О—ва Бѣлянскихъ доменныхъ печей, Алмазнаго каменноугольнаго Акц. О—ва и Акц. О—ва Керченскихъ металлургическихъ заводовъ) и одна домна на желѣзопрокатномъ заводѣ въ Константиновкѣ. Что́ касается до производства стали и желѣза на заводахъ юга Россіи, то, какъ видно изъ вышеприведенныхъ цифръ, оно также значительно прогрессировало въ 1899 г.

Районъ замосковныхъ,—какъ ихъ принято называть,—*заводовъ* съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе начинаетъ привлекать вниманіе людей заинтересованныхъ и слѣдящихъ за развитіемъ металлургической промышленности въ Россіи. Въ истекшемъ 1899 г. на заводахъ этого района было выплавлено 14.854,755 пуд. чугуна, что́, по сравненію съ предшествовавшимъ годомъ, составляетъ увеличеніе на 3.838,723 пуда, или на 34,8%. Такимъ образомъ, по увеличенію выплавки чугуна, въ процентномъ отношеніи замосковный районъ стоитъ въ 1899 г. на первомъ мѣстѣ, по абсолютному же увеличенію—на второмъ. Уральскій и польскій районы, вмѣстѣ взятые, увеличили выплавку чугуна немногимъ больше его (уральскій—на 1.3 мил. пудовъ, польскій на 2.8 мил. пуд.). Сравнивая выплавку чугуна на заводахъ замосковнаго района за 1895—1899 годы, увидимъ, что за этотъ періодъ она почти удвоилась (въ 1895 г. было выплавлено 7.680,263 пуд. чугуна), но, сравнивая увеличеніе выплавки по отдѣльнымъ заводамъ, увидимъ, что главную роль въ этомъ увеличеніи играетъ за 1897, 1898 и 1899 г.г. Судаковскій заводъ О—ва Тульскихъ доменныхъ печей.

Увеличеніе выплавки на замосковныхъ заводахъ приходится:

	1896 г.	1897 г.	1898 г.	1899 г.
	Въ тысячахъ пудовъ.			
На Судаковскій заводъ.	—	1.630	1.114	2.272
На остальные заводы	547	495	439	1.567
Общее увеличеніе . .	547	2.125	1.553	3.839

Какъ видно, остальные заводы района до 1899 г. не принимали вовсе участія въ увеличеніи выплавки чугуна, да и увеличеніе на 1.567 тыс. пуд. въ послѣднемъ году въ значительной своей части обязано увеличенію выплавки на Бѣжецкомъ заводѣ Брянскаго Общества (661 тыс. пуд.); изъ остальныхъ же заводовъ только Шиповскіе (Илевскій и Балыковскій) увеличили свою выплавку на 408 тыс. пуд., остальные же 32 завода увеличили такимъ образомъ свою выплавку всего на 498 тыс. пуд. Выдѣлка желѣза и стали на замосковныхъ заводахъ, по сравненію съ 1898 г., увеличилась всего на 547 тыс. пуд., или на 5%.

Въ дѣятельности *горно-заводскаго района царства польскаго* за истекшій 1899 г. замѣчается то же самое явленіе, что́ и въ замосковномъ районѣ, а именно то, что количество выплавки чугуна значительно увеличилось—на 2.775 тыс. пудовъ.

Digitized by Google

Переходя, наконецъ, къ дѣятельности за минувшій годъ уральскаго горнозаводскаго района, укажемъ, что увеличеніе выплавки чугуна сказалось крайне ничтожной цифрой въ 1.297 тыс. пуд., что̀ составитъ всего 3%.

Выдѣлка же желѣза и стали на уральскихъ заводахъ за 1899 г. прогрессировала гораздо больше выплавки чугуна: въ 1899 г.,—выдѣлано 25.8 мил. пуд.,—по сравненію съ предшествовавшими годами больше на 2.4 мил. пуд., или на 10,1%, такъ что общій отпускъ произведеній уральскихъ заводовъ на рынки сбыта не только не уменьшился, но и возросъ на 12% въ сравненіи съ предшествовавшимъ годомъ, но и въ этомъ отношеніи также необходимо указать, что въ 1899 г. многіе изъ передѣльныхъ заводовъ Урала перестраивались (Добрянскій, Лысьвенскій и др.), а потому въ 1900 и послѣдующихъ годахъ возможно ждать увеличенія на Уралѣ не только выплавки чугуна, но и дальнѣйшей переработки его въ желѣзо.

Итакъ, какъ выплавка чугуна, такъ выдѣлка желѣза и стали во всѣхъ 4 горнозаводскихъ округахъ постепенно увеличивается и строются новые заводы. Слѣдовательно, разъ горнозаводчики расширяютъ прежніе свои заводы и строютъ новые, для нихъ это выгодно: на свой товаръ, значитъ, они имѣютъ все увеличивающійся годъ отъ году спросъ. Теперь является вопросъ: удовлетворяетъ ли русская металлургическая промышленность предъявляемому къ ней спросу? Другими словами: можетъ ли русскій народъ обойтись безъ иностраннаго чугуна, желѣза и стали? Къ сожалѣнію, пока не можетъ обойтись. Правда, по сравненію съ двумя предшествовавшими годами, *ввозъ изъ-за границы чугуна, желѣза и стали* значительно понизился:

	Ввезено было въ Россію:		
	въ 1897 г.	1898 г.	1899 г.
Чугуна	6.007	6.773	8.347
Желѣза и стали . .	24.321	23.630	19.126
Итого .	30.328	30.403	27.473

Общее уменьшеніе составляетъ для отчетнаго года около 3 милліоновъ пуд., но, какъ видно, уменьшился только ввозъ желѣза и стали, ввозъ же чугуна увеличился, что̀, повидимому, объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что чугунъ преимущественно ввозится для потребителей передѣльныхъ заводовъ, расположенныхъ вблизи границы.

Ввозъ изъ-за границы чугуна, желѣза и стали въ издѣліяхъ и машинахъ, за послѣдніе годы, увеличился, какъ по количеству, такъ и по цѣнности:

	Ввезено было въ Россію:		
	1899 г.	1898 г.	1897 г.
Издѣлій: тыс. пуд.	4,363	4,131	3,591
» руб.	32,620	29,427	24,478
Машинъ: » пуд.	12,417	9,882	7,113
» руб.	99,435	80,002	54,793
Итого. . тыс. пуд.	16,780	14,013	10,704
» руб.	132,055	109,429	79,271

Digitized by Google

II.

Не смотря на значительный ввозъ чугуна, желѣза и стали въ Россію изъ-за границы, свидѣтельствующій, что требованія русскаго рынка далеко не удовлетворяются нашими металлургическими заводами, наши горнозаводчики все таки имѣютъ смѣлость кричать о кризисѣ. Недавно представители металлургическихъ заводовъ южной Россіи, воспользовавшись пребываніемъ министра земледѣлія и государственныхъ имуществъ А. С. Ермолова въ Харьковѣ, обратились къ нему съ представленіями относительно желѣзной промышленности и указали, что одною изъ мѣръ къ устраненію переживаемаго кризиса должна быть *ввозная пошлина на чугунъ*, которую и предначертали въ размѣрѣ minimum — 5 или 10 коп. съ пуда. Останавливаясь на этихъ мечтаніяхъ, инженеръ Рыкачевъ въ «Промышл. Мірѣ» вспоминаетъ, что въ извѣстной «прекрасно аргументированной рѣчи министра земледѣлія и государственныхъ имуществъ было высказано вполнѣ основательное сомнѣніе, чтобы вся наша потребность въ чугунѣ была покрыта отечественнымъ производствомъ». Авторъ, пользуясь данными официальной статистики, доказываетъ, что въ дѣйствительности, до 1 января 1900 г., производительность нашихъ металлургическихъ заводовъ далеко не могла удовлетворять требованіямъ рынковъ и, не взирая на послѣдовательное увеличеніе выработки нашихъ отечественныхъ заводовъ за послѣдніе года, мы все таки не могли обойтись безъ помощи иностранныхъ заводовъ.

Въ 1897 и 1898 годахъ привозилось на русскіе рынки одного чугуна свыше 6 милл. пудовъ въ годъ, а въ прошломъ году эта цифра возрасла до 8.347,000 пуд. Кромѣ того, въ 1899 году привезено въ Россію изъ-за границы:

1) желѣза и стали не въ дѣлѣ	19.041,000 пуд.
2) желѣза и стальныхъ издѣлій, машинъ и аппаратовъ	16.242,000 »
Всего	35.283,000 пуд.

что, при переводѣ на чугунъ, и считая полтора пуда чугуна на пудъ желѣза, составляетъ очень почтенную цифру — 53.000,000 пудовъ.

Придерживаясь такого подсчета, мы видимъ, что для удовлетворенія потребности своихъ внутреннихъ рынковъ Россіи нужно было въ 1899 году, въ общемъ, 224.502,000 пуд. чугуна (что составляетъ 1,76 пуд. на жителя), и, чтобы удовлетворить этой потребности, мы должны были взять 61.347,000 пуд. отъ иностранныхъ заводовъ. Такое явленіе далеко не случайное, а, наоборотъ, повторяющееся изъ года въ годъ и притомъ въ возрастающей прогрессіи, что намъ ясно показываютъ слѣдующія данныя официальной статистики за послѣднія пять лѣтъ.

Digitized by Google

Г о д ы:	1895	1896	1897	1898	1899
			Въ милліонахъ пудовъ.		
Выплавлено чугуна въ Россіи . . .	88,79	98,41	113,98	135,93	163,15
Привезено чугуна-желѣза и стали съ издѣліями (въ переводѣ на чугунъ) . .	42,00	42,30	53,10	55,40	61,35
Всего потреблено. . . .	130,79	147,71	167,08	193,03	224,50
			Въ пудахъ.		
Количество потребленія на жителя .	1,13	1,15	1,31	1,53	1,76

Трудно предположить, чтобы въ теченіе какихъ нибудь восьми мѣсяцевъ положеніе дѣла могло такъ радикально измѣниться. Всегда мы нуждались въ иностранномъ чугунѣ и его фабрикатахъ,—и вдругъ, по какому-то волшебству, въ нашей металлургической промышленности произошелъ такой крупный переворотъ!

Если ростъ нашей металлургической промышленности будетъ продолжаться также быстро, какъ теперь, то въ будущемъ, конечно, можно ожидать реакціи, въ смыслѣ перепроизводства и необходимости искать внѣшнихъ рынковъ для нашего чугуна и желѣза, но моментъ этотъ наступитъ, вѣроятно, не скоро. Пройдутъ еще многіе годы, пока нашъ внутренній рынокъ будетъ насыщенъ собственнымъ желѣзомъ; поэтому мѣра искусственнаго созданія внѣшняго рынка для нашего чугуна,—какъ справедливо замѣтилъ въ своей рѣчи министръ земледѣлія и государственныхъ имуществъ,—является сомнительной и отнюдь не насущной.

Изъ приведенныхъ нами цифръ читатель видитъ, что говорить о какомъ либо кризисѣ въ нашей металлургической промышленности болѣе чѣмъ странно. Кризисъ возможенъ только тогда, когда русскій рынокъ не могъ бы поглотить всѣхъ издѣлій, выпускаемыхъ нашими заводчиками въ обращеніе. На самомъ же дѣлѣ, на русскомъ рынкѣ русскаго чугуна и желѣза далеко не хватаетъ, такъ что недостатокъ въ металлахъ мы вынуждены покрывать заграничными издѣліями. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя отрицать, что въ нашей металлургической промышленности чувствуется что-то неладное; замѣчается какое-то замѣшательство, видна какая-то растерянность. Даже болѣе: нѣкоторые заводы прекратили платежи, а нѣкоторые даже съ громадными для себя убытками ликвидировали свои дѣла.

Мы не отрицаемъ существующихъ затрудненій на металлургическомъ рынкѣ, но объясняемъ причины и способы устраненія ихъ совершенно иначе, чѣмъ дѣлаютъ это наши «желѣзные короли». Въ этихъ затрудненіяхъ мы винимъ самихъ королей—за ихъ косность и рутину въ такомъ живомъ дѣлѣ, какимъ является металлургическое производство. Короли же слагаютъ вину съ себя и всю отвѣтственность возлагаютъ на правительство, которое перестало-де по дорогой цѣнѣ дѣлать заказы ихъ заводамъ, и на русское общество, которое не несетъ своихъ послѣднихъ грошей на хищническій алтарь, воздвигнутый нашими горнозаводчиками...

По нашему мнѣнію, имѣются три причины, почему желѣзное дѣло въ Россіи такъ медленно развивается и чувствуетъ подъ собою колеблющуюся почву. Это, во-первыхъ, рутина и косность на-

Digitized by Google

шихъ горнозаводчиковъ касательно развитія и усовершенствованія своей промышленности; во-вторыхъ, незнаніе и игнорированіе вкусовъ русскаго потребителя, и, въ третьихъ, недостаточность основныхъ и оборотныхъ капиталовъ, дабы избѣжать хищническихъ ловушекъ нашихъ комерческихъ банковъ.

Блестящимъ періодомъ своего существованія наша желѣзодѣлательная промышленность обязана была исключительно энергичнымъ мѣрамъ, принимавшимся правительствомъ для ея насажденія и развитія. Наряду съ таможеннымъ покровительствомъ, охранявшимъ ее отъ иностранной конкурренціи, еще болѣе поощрительнымъ средствомъ явилась усиленная постройка желѣзныхъ дорогъ, причемъ всѣ принадлежности для нихъ изготовлялись на отечественныхъ заводахъ. Естественно, что выполненіе казенныхъ заказовъ доставляло заводамъ огромные барыши. При огромныхъ же барышахъ и при слабой конкурренціи между заводами, горнозаводчикамъ не было нужды прибѣгать къ расширенію и усовершенствованію своего производства. Зачѣмъ безпокоить себя какою-то техническою наукою, думать о новыхъ усовершенствованныхъ машинахъ, когда и безъ всего этого барыши получаются колоссальные! Вотъ какъ одна газета описываетъ экономическую рутину на Уралѣ,—нашемъ старѣйшемъ горнозаводскомъ районѣ.

Уралъ живетъ старой жизнью, по рутинѣ... За десять послѣднихъ лѣтъ (1888—98), въ Россіи производительность чугуна поднялась съ 41 до 136 милл. пудовъ, т. е. на 95 милл. пудовъ, или на 230 проц., но этотъ ростъ чугуна совершался не на счетъ Урала: на Уралѣ производство чугуна поднялось только съ 22 до 41 милл. пудовъ, т. е. всего на 19 милл. пудовъ, или на 86 проц. На югѣ же Россіи производительность возрасла за это время съ 5 до 61, т. е. на цѣлыхъ 56 милл. пудовъ.

Съ другой стороны, если въ 1898 г. въ Россіи всего чугуна было выплавлено 136 милл. пуд., и потребленіе чугуна на каждаго жителя Россіи выражается въ размѣрѣ полутора пуда чугуна въ годъ (все годовое потребленіе чугуна въ Россіи, вмѣстѣ съ привозомъ, равняется 193 милл. пуд.), то въ другихъ странахъ, опередившихъ насъ въ промышленномъ отношеніи, потребленіе чугуна превосходитъ размѣръ нашего потребленія въ 5 и болѣе разъ. Самое производство чугуна и желѣза къ началу XIX вѣка во всемъ мірѣ достигало не болѣе 50 милл. въ годъ, а около 50-хъ годовъ этого вѣка производилось уже до 300 милл. пудовъ. Теперь же добывается около 2,000 милл. пуд.

Другой изслѣдователь г. В. Бѣловъ также высказываетъ мысль, что уральская горная промышленность развивается очень медленно, не смотря на колоссальныя богатства Урала.

«Въ 1860 г.,—говоритъ онъ,—казенные и частные уральскіе заводы вмѣстѣ дали 14½ милл. пудовъ чугуна; въ истекшемъ 1898 г. производство это поднялось до 44 милл. пудовъ. Разность этихъ крайнихъ предѣловъ составляетъ 29½ милл. пудовъ, т. е. ростъ уральской горнозаводской промышленности за это время опредѣляется около 600 тысячъ пудовъ въ годъ. За періодъ съ 1884 г. по 1898 г. включительно онъ поднялся до 1½ милл. пуд. въ годъ;

Digitized by Google

но если мы остановимся и на этой послѣдней средней цифрѣ роста и примемъ въ разсчетъ недостающее намъ количество чугуна въ годъ не менѣе 100 милл. пуд., то окажется, что нужно вооружиться терпѣніемъ еще на 66 лѣтъ, т. е. на двѣ трети вѣка до того, чтобы освободиться отъ заграничнаго ввоза, и это при томъ условіи, если въ другихъ горнозаводскихъ округахъ,—въ томъ числѣ и на сомнительномъ пока югѣ,—дѣло будетъ идти не хуже, чѣмъ оно идетъ теперь».

Такимъ образомъ, относительно потребленія чугуна Россія далеко отстала отъ Западной Европы. Конечно, интересенъ вопросъ: отчего Уралъ до сихъ поръ спитъ своей непробудной спячкой, въ то время какъ, напримѣръ, даже нашъ югъ развивается сравнительно быстрыми шагами?

На это даетъ намъ отвѣтъ недавно появившееся изслѣдованіе уральской желѣзной промышленности, произведенное профес. Менделѣевымъ, по порученію министра финансовъ: «Уральская желѣзная промышленность въ 1899 году». Этотъ трудъ очень интересенъ, какъ по детальному изслѣдованію, такъ и по тѣмъ отвѣтамъ, которые даются въ немъ относительно причинъ застоя Урала и о возможности лучшаго будущаго. Проф. Менделѣевъ очень много говоритъ относительно «медленности» развитія Урала.

Одной изъ причинъ этой медленности,—на которую онъ указываетъ,—является запутанность поземельныхъ отношеній; затѣмъ то обстоятельство, что мѣста, близкія къ старымъ рудникамъ, давно уже разобраны по рукамъ и заводамъ, и туда «не пущаютъ»,—какъ говорилъ проф. Менделѣеву одинъ изъ жалобщиковъ, хотѣвшій при ваганкѣ строить домну. Крупные заводы не пускаютъ на свои земли постороннихъ предпринимателей, потому что они сами потребляютъ свой годовой приростъ лѣса, или готовятся потребить его, или же просто «не пущаютъ» потому, что боятся соперниковъ. Донецкій югъ оттого развился такъ скоро, что тамъ «пущали»,—говоритъ проф. Менделѣевъ,—тамъ не было стѣсняющихъ и запрещающихъ властей, а были только поощряющія—отъ землевладѣльцевъ до правительства.

«Еслибы ничего инаго и не было для объясненія медленности уральской желѣзной промышленности, — продолжаетъ онъ, — то одного этого было бы за глаза довольно для полнаго пониманія «медленности». Старые заводы идутъ и дѣйствуютъ, но «медленно», уже по той простой причинѣ, что никто и ничто не толкаетъ ихъ, а сопернкамъ тутъ рядомъ закрываются всѣ дороги; имъ говорится ясно: «идите въ другое мѣсто, а это *наше*, намъ оно надобно, тутъ вамъ не мѣсто, безъ васъ намъ спокойнѣе, *а покровительственная система обезпечиваетъ намъ доходъ и при нашей медленности*».

Не смотря на то, что проф. Менделѣевъ—ярый апологетъ покровительственной системы, тѣмъ не менѣе онъ признаётъ, что эта система, обезпечивая доходъ, содѣйствуетъ «медленности» въ нашемъ развитіи. Покровительственная система и дала тѣ плоды, которые мы теперь собираемъ на Уралѣ...

«Здѣсь пахнетъ какой-то дряхлой *гужевой* стариной,—говоритъ проф. Менделѣевъ,—а отъ Урала требуютъ живаго соотвѣтствія съ

Digitized by Google

тѣми краями, гдѣ всѣ и каждый чугунные желѣзные заводы давно во всю силу пользуются желѣзными дорогами». Дороги на Уралѣ прямо невозможны, а, между тѣмъ, разъ покровительственная система обезпечиваетъ доходъ при этой «медленности»,—Уралъ такъ и остается съ прежними старыми путями сообщенія. И тотъ фактъ, что Уралъ до сихъ поръ не обстроился желѣзными дорогами, нужно опять поставить на счетъ того, что и безъ желѣзныхъ дорогъ здѣсь живется очень недурно.

Богатства Урала огромны: такъ,—по предположенію проф. Менделѣева,—здѣсь имѣется никакъ не менѣе 150 милліардовъ пудовъ руды, притомъ руды, которая при переплавкѣ даетъ 56 проц. металла, въ то время какъ въ Великобританіи переплавка рудъ даетъ только 41½ проц., а англійскія руды, не привозныя, а добытыя въ Англіи, даютъ всего 34 проц. металла. Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія богатства содержанія металла въ рудѣ, *Уралъ стоитъ гораздо выше Англіи*, не говоря уже о величинѣ самихъ залежей; вѣдь Англія теперь уже вынуждена ввозить руду изъ Испаніи.

При такихъ условіяхъ, еслибы не было отмѣченной медленности въ развитіи Урала, то здѣсь, по вычисленіямъ проф. Менделѣева, даже не прибѣгая къ минеральному топливу, возможно было бы правильно и безъ конца получать, не истощая лѣсовъ, по 300 мил. пудовъ чугуна на *древесныхъ* угольяхъ. И, сравнивая неисчерпаемыя богатства Урала, какъ по абсолютному количеству руды, такъ и по ея качественному составу, проф. Менделѣевъ приходитъ къ тому выводу, что, при *другихъ условіяхъ*, чугунъ на Уралѣ долженъ бы быть дешевле, чѣмъ въ остальной Европѣ. Если такъ, то придетъ время,—говоритъ онъ,—когда съ Урала будетъ выгодно возить чугунъ не въ одну европейскую Россію, но и въ западную Европу. «На Западѣ все въ желѣзномъ дѣлѣ пойдетъ и уже нынѣ пошло на прибыль въ цѣнахъ, а на Уралѣ все должно пойти на убыль»... Срокъ для наступленія этого момента вывоза желѣза въ западную Европу авторъ назначаетъ въ... 10 лѣтъ, но не совѣтуетъ выпускать за границу русскаго чугуна сырьемъ, а совѣтуетъ отпускать сталью, рельсами...

Покровительственная система слишкомъ убаюкиваетъ нашихъ горнозаводчиковъ, и, — совершенно вѣрно говоритъ проф. Менделѣевъ, — «при такомъ положеніи вещей, надо погонять къ тому поскорѣе»...

Благодаря покровительственной системѣ и казеннымъ заказамъ по высокой цѣнѣ, наши горнозаводчики слишкомъ мало обращаютъ вниманія не только на технику производства, но и на рынки. Вездѣ за границею *производитель ищетъ покупателя*, открываетъ новые рынки для сбыта своего товара, приспособляетъ свой товаръ ко вкусамъ и потребностямъ покупателей. У насъ же наоборотъ: *покупатель ищетъ товаръ*, а производитель сидитъ въ своихъ хоромахъ—да попиваетъ чаекъ. Мы не шутимъ. Нужда въ желѣзѣ и стали у насъ настолько велика, съ одной стороны, а обезпеченіе казенными заказами—съ другой, что наши горнозаводчики могутъ не тревожиться за участь своего товара: покупатель самъ придетъ къ нимъ и безъ приглашенія...

Digitized by Google

Наши «желѣзные» короли не сообразуются ни съ требованіями и условіями рынка, ни со вкусами и желаніями покупателей. Отсюда постоянныя недоразумѣнія, тяжело отражающіяся на нашей металлургической промышленности. Для иллюстраціи этого явленія г. Матвѣевъ приводитъ слѣдующіе факты: въ то время какъ еще въ 1898 г. цѣны на чугунъ достигли очень повышеннаго уровня, и чугуна вообще въ продажѣ не было,—въ 1899 г. цѣны значительно понизились, заводы не знали, куда имъ сбыть свой чугунъ, готовы были идти на уступки въ цѣнахъ еще большія, но, подобно тому, какъ за годъ передъ тѣмъ, не было продавцевъ, такъ точно въ отчетномъ году не оказалось покупателей. Многіе заводскіе склады завалены чугуномъ и увѣряютъ, что одинъ изъ заводовъ на югѣ Россіи долженъ былъ продать свой чугунъ за границу, тѣмъ болѣе, что въ данный моментъ и цѣны оказались подходящими. Другой случай очень характерно дополняетъ картину, — одинъ изъ передѣльныхъ заводовъ, являвшійся въ 1898 г. крупнымъ покупателемъ чугуна, въ 1899 г. былъ принужденъ—для того, чтобы добыть себѣ оборотныя средства,—распродать часть своихъ запасовъ чугуна и превратился изъ крупнаго покупателя въ крупнаго продавца; въ началѣ же 1900 г. опять началъ дѣлать покупки чугуна.

Переходя отъ чугуна къ желѣзу, укажемъ на слѣдующіе два факта: въ то время какъ въ Россіи со стороны потребителей (въ 1899 г. точно также, какъ и въ 1898) раздавались жалобы на то, что въ Россіи нельзя достать желѣза *сортоваго*, вдругъ, въ самомъ началѣ 1900 г., оказалось, что въ Нижнемъ-Новгородѣ, въ складѣ торговаго желѣза, набралось болѣе 5 милліоновъ пудовъ, съ которыми не знали, какъ развязаться и кому сбыть! Точно также, въ то время какъ въ началѣ и срединѣ 1899 г. котельное желѣзо и балки, вслѣдствіе усиленнаго спроса на нихъ, поднялись въ цѣнѣ (до 2 р. 30 к. въ Москвѣ), уже къ концу того же года оказалось, что котельнаго желѣза и балокъ имѣется такой избытокъ на рынкѣ, что цѣны на нихъ начали понижаться, такъ что въ началѣ 1900 г., вслѣдствіе усиленнаго предложенія, цѣны спустились до 1 р. 55 к. на заводѣ и до 1 р. 80 к. въ Москвѣ.

Еще на памяти у многихъ, покупатели заблаговременно выѣзжали на встрѣчу караванамъ уральскаго желѣза и съ глубокими поклонами освѣдомлялись, какова будетъ милость и какое количество желѣза можно разсчитывать получить. *Какого* желѣза? часто не смѣли и спросить. «Какого дадутъ, — говоритъ г. Матвѣевъ,— того и получишь», слышались въ такихъ случаяхъ высокомѣрные отвѣты. Во времена еще самыя недавнія, производители уральскаго желѣза вовсе не были обременены заботами о сбытѣ. Уральскіе «желѣзные» короли, сбывая свои произведенія на нижегородской ярмаркѣ, не обращали и вниманія на сорты желѣза, какіе требуются покупателю. Они не старались войти въ непосредственныя сношенія съ покупателемъ и изучать его вкусы и потребности.

Насколько мало, однако, заводы до сихъ поръ старались *изучить и удовлетворить требованія потребителя*,—можно доказать многими примѣрами, и едва ли мы сдѣлаемъ ошибку, предположивъ, что значительная часть иностраннаго желѣза, ввозимаго въ Россію,

Digitized by Google

именно и представляетъ собою то желѣзо, которое хотя и выдѣлывается русскими заводами, но выдѣлывается безъ достаточной тщательности и безъ достаточнаго знанія рынка. Съ другой стороны, мы убѣждены, что и въ Россіи выдѣлывается желѣзо, какое требуется самому прихотливому потребителю, но какъ потребитель не знаетъ, гдѣ бы такое желѣзо купить, такъ и заводъ-производитель не знаетъ, кому такое желѣзо сбыть, и готовитъ его какихъ нибудь 1000 пудовъ для своихъ нуждъ,—а въ результатѣ получается, что потребитель, естественно недовольный существующимъ порядкомъ вещей и переплачивая за иностранное желѣзо, кричитъ (и вправѣ это дѣлать), что въ Россіи желѣза достать нельзя. На борьбу съ иностраннымъ желѣзомъ, путемъ изученія рынка, и должно быть въ настоящій моментъ обращено вниманіе заводовъ, когда общій спросъ замѣтно понизился и за счетъ иностраннаго желѣза сбытъ русскаго желѣза можетъ значительно расшириться.

Для иллюстраціи,—насколько наши производители не интересуются покупателемъ и его вкусами,—приведемъ слѣдующій фактъ: въ тульскомъ районѣ, работающемъ почти на всю Россію скобяной товаръ, сбывается ежегодно много тысячъ пудовъ иностраннаго желѣза, не смотря на то, что оно копѣекъ на 15—20 въ пудѣ дороже лучшаго уральскаго. Тульскому скобянику нужно полосовое желѣзо съ острой кромкой, гладкою поверхностью и точными во всю длину полосы размѣрами,—а этимъ-то требованіямъ уральское желѣзо не удовлетворяетъ. Примѣниться къ этимъ требованіямъ не составило бы особаго труда для уральскихъ заводовъ, точно такъ, какъ и къ требованію, чтобы укупорка совершалась попроще, мало вѣсила и дѣлалась такимъ желѣзомъ, которое могъ бы на что нибудь употребить скобяникъ.

Но зачѣмъ нашимъ горнозаводчикамъ примѣняться къ требованіямъ какихъ-то тульскихъ кустарей?! Вѣдь они отлично знаютъ, что ихъ желѣзо и сталь и безъ того разойдутся, да притомъ по дорогой цѣнѣ. Зачѣмъ же себя безпокоить? Пусть этимъ лучше займется нѣмецъ!

III.

Мы уже говорили, что блестящимъ періодомъ своего существованія наша желѣзодѣлательная промышленность обязана *не энергіи*, не предпріимчивости нашихъ горнозаводчиковъ, а исключительно тѣмъ энергичнымъ мѣрамъ, которыя принимало правительство для ея насажденія и развитія. Высокіе барыши явились соблазномъ не только для предпринимателей, быстро принявшихся за устройство новыхъ заводовъ, но и для публики, охотно вкладывавшей свои трудовыя деньги въ промышленныя предпріятія. Заводы начали возникать одинъ за другимъ, какъ грибы послѣ дождя. Появлялись эти заводы на свѣтъ при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, въ виду того, что еще раньше своего появленія они оказывались *обезпеченными* на нѣсколько лѣтъ выгодными заказами отъ казны...

На помощь нашимъ горнозаводчикамъ пришла не только казна,

Digitized by Google

но и частные банки. При самомъ появленіи новыхъ акцій на биржѣ, въ виду ожидавшихся крупныхъ дивидендовъ, банки котировали ихъ далеко выше нарицательной стоимости. Вполнѣ понятно, что при такихъ условіяхъ денежная публика устремилась на промышленное помѣщеніе капиталовъ, тѣмъ болѣе, что соблазны огромныхъ барышей, реализуемыхъ нашей промышленностью за стѣною таможеннаго тарифа, былъ слишкомъ великъ. Нужно еще принять во вниманіе, что нашъ денежный рынокъ въ то время переживалъ своеобразный «кризисъ», прямо противоположный нынѣ существующему:—обиліе свободныхъ денежныхъ капиталовъ и недостаточность капитальныхъ помѣщеній. Публика съ жаромъ набросилась на дивидендныя бумаги; началась самая отчаянная игра, и получилась—говоритъ г. Гурьевъ [1])—«призрачная картина обильнѣйшей капиталами страны, въ которой рискованный дивидендный доходъ капитализируется изъ 5, даже $4^1/_2$%, тогда какъ въ этой же странѣ, еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, нельзя было размѣстить вполнѣ вѣрныя правительственныя или гарантированныя правительствомъ бумаги».

Наши комерческіе банки выступили въ качествѣ посредниковъ между денежною публикою и промышленными антрепризами. При этомъ, они не удовольствовались ролью «честнаго маклера», но искусственно стали муссировать экономическое явленіе ради своихъ собственныхъ цѣлей. Не сыграй этой пагубной роли наши комерческіе банки, денежная публика не набросилась бы съ такимъ азартомъ на дивидендныя бумаги. Наши банки, задавшись цѣлью искусственно созидать и поддерживать промышленныя предпріятія, не менѣе искусно начали созидать долгосрочные промышленные капиталы изъ притекающихъ къ нимъ краткосрочныхъ оборотныхъ средствъ. Насколько пагубна была дѣятельность нашихъ комерческихъ банковъ въ искусственномъ муссированіи дивидендныхъ бумагъ,—видно уже изъ одного того факта, что помѣщеніе денегъ въ эти бумаги сдѣлалось азартомъ, биржевой игрой,—и къ этой игрѣ была привлечена не только денежная публика, но и малокапитальная, вкладывавшая въ биржевую игру свои послѣдніе трудовые гроши.

Останавливаясь на роли, которую приняли на себя наши комерческіе банки въ дѣлѣ промышленнаго учредительства, «нельзя не видѣть, — говоритъ г. Гурьевъ, — что въ этомъ отношеніи мы уклонились отъ западно-европейской постановки дѣла и притомъ въ совсѣмъ не желательную сторону. Въ общемъ можно сказать, что на западѣ финансированіе предпріятій приняло двѣ типичныя формы или оно осуществляется особыми спеціальными финансовыми организаціями (синдикатами, трѣстами и т. п. банкирскими союзами), какъ это имѣетъ мѣсто въ Англіи и отчасти во Франціи, гдѣ акціонерные банки почти совершенно не принимаютъ участія въ учредительствѣ и сосредоточиваютъ свою дѣятельность на краткосрочномъ комерческомъ кредитѣ; или же мы видимъ другой типъ финансированія, выработавшійся въ Германіи, гдѣ учредительство вошло въ кругъ дѣятельности комерческихъ банковъ. Однако, взявъ на

[1]) «Записка о промышленныхъ банкахъ». Спб., 1900 г., стр. 4.

Digitized by Google

себя эту роль, нѣмецкіе банки соотвѣтственно приспособили и свою организацію. Долгосрочный характеръ учредительской операціи,—если имѣть въ виду солидное, постепенное размѣщеніе бумагъ въ публику, въ «крѣпкія руки», а не «спусканіе» бумагъ при помощи биржевыхъ маневровъ,—требовалъ снабженія банковъ долгосрочными же капиталами, которые давали бы возможность спокойно, не спѣша, производить операцію, поддерживать предпріятія въ трудные для нихъ первые годы дѣятельности и вообще, не форсируя денежнаго рынка, постепенно размѣщать бумаги, соотвѣтственно накопленію въ странѣ новыхъ сбереженій, ищущихъ дивиденднаго помѣщенія».

Нѣмецкіе банки, для поддержанія промышленныхъ предпріятій, обладаютъ огромными собственными капиталами, обезпечивающими имъ вполнѣ прочную и солидную базу для дѣятельности. Такъ, на 1 янв. 1899 г., основные капиталы крупныхъ банковъ (не считая банковъ съ основнымъ капиталомъ ниже 1 милл. марокъ) составляли 1 милліардъ 688 милл. марокъ, а резервные капиталы—330 милл. марокъ, всего же свыше 2-хъ милліардовъ марокъ. Соотвѣтственно быстрому развитію германской промышленности и широкому расцвѣту учредительства, мы видимъ параллельно быстрое возрастаніе собственныхъ капиталовъ нѣмецкихъ банковъ. Такъ, за послѣдніе два года, эти капиталы возросли на сумму свыше 550 милл. марокъ, за одинъ прошлый годъ—свыше 350 милл. Это быстрое увеличеніе основныхъ и резервныхъ капиталовъ падаетъ главнымъ образомъ на берлинскіе банки, принимающіе наиболѣе дѣятельное участіе въ промышленномъ учредительствѣ. Само собой понятно, что при такихъ условіяхъ нѣмецкіе банки могутъ оказывать развитію германской промышленности вполнѣ солидную, драгоцѣнную помощь. Такіе банки, не угрожаемые опасностью отлива посторонннихъ средствъ, могутъ любовно «выняньчивать» промышленныя предпріятія, оказывать имъ поддержку, давать имъ средства на необходимыя техническія усовершенствованія и расширеніе дѣла, предоставлять имъ дешевый оборотный кредитъ и т. п. Ослабленіе фондоваго рынка не побуждаетъ ихъ, при первой же заминкѣ, выбрасывать бумаги, сбывать ихъ въ несолидныя руки и тѣмъ самымъ бросать на произволъ судьбы молодыя, неокрѣпшія предпріятія.

Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло въ нашихъ банкахъ. Ихъ собственные капиталы весьма незначительны и совершенно не соотвѣтствуютъ той роли, которую они приняли на себя по финансированію нашихъ промышленныхъ предпріятій. На 1 янв. 1899 г. основные капиталы всѣхъ нашихъ акціонерныхъ банковъ коммерческаго кредита составляли всего 185 мил. руб.; запасные и резервные капиталы, достигающіе 85 мил. р., въ настоящемъ случаѣ почти нельзя принимать во вниманіе, ибо они легально связаны въ своемъ помѣщеніи и не могутъ служить учредительскому дѣлу. Главнѣйшія средства, которыми оперируютъ наши банки, составляются изъ частныхъ вкладовъ, болѣе чѣмъ въ трое превышающихъ основные капиталы банковъ.

Такимъ образомъ, финансовая организація нашихъ комерче-

Digitized by Google

скихъ банковъ совершенно не соотвѣтствуетъ условіямъ полезнаго для страны участія въ учредительскомъ дѣлѣ. А, между тѣмъ, наша промышленность стала въ тѣсную связь съ нашими банками. Наша промышленная горячка породила чрезвычайную биржевую спекуляцію, въ которой наши банки играютъ большую роль. Наши банки преимущественно финансируютъ предпріятія и лишь отчасти снабжаютъ ихъ кредитомъ на оборотныя средства. Финансированіе же предпріятій на практикѣ въ большинствѣ случаевъ превратилось въ совершенное «грюндерство». При помощи широкаго онкольнаго кредита, они производятъ фиктивное размѣщеніе бумагъ, совершенно не заботясь о дальнѣйшихъ судьбахъ размѣщаемаго предпріятія. Для комерческихъ банковъ вся забота исчерпывается здѣсь тѣмъ, чтобы и съ финансируемаго предпріятія, и съ публики, среди которой размѣщаются промышленныя бумаги, сорвать возможно большій куртажъ.

«Дѣлается это очень просто,—говоритъ „Нов. Время“—и еще недавно дѣлалось очень легко. Финансируемое предпріятіе сдаетъ банку свои акціи, а въ иныхъ случаяхъ облигаціи,—если ему разрѣшенъ выпускъ облигаціоннаго займа, — по сходной цѣнѣ, т.-е., по общему почти правилу, со значительной уступкой противъ номинальной цѣны. Банкъ извѣстными пріемами биржевой игры искусственно вздуваетъ цѣну бумагъ, т.-е. создаетъ такую видимость, какъ будто на эти бумаги имѣется бойкій спросъ и какъ будто этотъ спросъ каждый день растетъ, причемъ параллельно появляются легенды, проникающія въ публику, объ ожидаемыхъ особенно счастливыхъ доходахъ предпріятія и высокихъ дивидендахъ по акціямъ».

Когда публика пойдетъ на эти удочки, банкъ спускаетъ принятыя отъ финансируемаго предпріятія бумаги,—и затѣмъ остается только подсчитать барыши, полученные отъ размѣщенія акцій.

Въ нерѣдкихъ случаяхъ, кромѣ уступки въ пользу банка съ номинальной цѣны акцій, финансируемое предпріятіе обязывается еще принять въ составъ своей высшей администраціи кого нибудь изъ главарей даннаго банка или даже нѣсколькихъ такихъ главарей. Этимъ и объясняется необыкновенная на первый взглядъ энциклопедичность банковскихъ дѣльцовъ, которые состоятъ директорами и членами совѣтовъ и правленій въ десяткахъ самыхъ разнородныхъ промышленныхъ предпріятій. Въ дѣйствительности, кромѣ полученія присвоенныхъ солидныхъ окладовъ, банковскіе дѣльцы, числящіеся во главѣ промышленныхъ предпріятій, ровно ничѣмъ съ послѣдними не связаны и никакого активнаго участія въ ходѣ финансированныхъ предпріятій не принимаютъ.

Грюндерство, почти неизбѣжное при отсутствіи учрежденій спеціально-промышленнаго кредита, не только не обезпечиваетъ промышленности доступнаго кредита, но въ нерѣдкихъ случаяхъ является операціей, мало чѣмъ отличающейся отъ грабежа на большой дорогѣ. Намъ извѣстны, напр., случаи, когда нѣкоторые здѣшніе банки брались финансировать предпріятія на условіи уступки имъ акцій только за треть номинальной цѣны. Грабятъ въ этихъ случаяхъ не только предпріятія, но и публику, среди которой размѣщаются промышленныя цѣнности финансируемыхъ предпріятій.

Digitized by Google

При малѣйшей заминкѣ на денежномъ рынкѣ, наши банки стараются спихнуть эти предпріятія съ своихъ рукъ, совершенно не думая о прочной поддержкѣ ихъ.

Довѣрившись помощи банка, предпріятія увеличиваютъ свои капиталы, расширяютъ свои обороты, а, между тѣмъ, въ этой помощи имъ отказываютъ именно въ такія трудныя времена, когда они наиболѣе въ ней нуждаются. Малѣйшее стѣсненіе денежнаго рынка заставляетъ наши банки вспомнить, что они оперируютъ *посторонними*, и притомъ краткосрочными, капиталами и что долгосрочныя затраты капиталовъ въ промышленныя предпріятія имъ не подъ силу и противорѣчатъ основному правилу банковаго дѣла о соотвѣтствіи краткосрочнымъ пассивамъ краткосрочныхъ же активовъ. Система размѣщенія бумагъ, практикуемая нашими банками, создаетъ искусственную фикцію долгосрочныхъ предпринимательскихъ капиталовъ путемъ затраты въ бумаги или въ онкольные счеты совсѣмъ не долгосрочныхъ капиталовъ, а «оборотныхъ средствъ» страны, поступающихъ въ банки въ видѣ вкладовъ. Благодаря этому, развитіе предпринимательства идетъ въ прямой ущербъ потребности уже существующихъ предпріятій въ кредитѣ на оборотныя средства, и такимъ образомъ дальнѣйшее развитіе промышленности сопрягается съ кредитными затрудненіями для существующихъ уже промышленныхъ дѣлъ.

Не удивительно, что *учредительство* сдѣлалось самымъ выгоднымъ промысломъ, которымъ усиленно занялись какъ комерческіе банки, такъ и частныя лица. Всѣ спѣшили воспользоваться счастливымъ моментомъ, и новыя предпріятія росли, какъ грибы.

«Русскія Вѣдомости» пользуются исторіей общества «Феникса»,—по дѣламъ котораго учреждена администрація,—какъ примѣромъ, въ которомъ сказались характерныя черты, присущія многимъ предпріятіямъ, выросшимъ на почвѣ спекулятивной горячки послѣднихъ лѣтъ.

«На этомъ примѣрѣ—говоритъ газета—наглядно обнаруживается прежде всего значеніе нашихъ столичныхъ комерческихъ банковъ и отношеніе ихъ къ промышленности. Роль ихъ ограничивается,—какъ это теперь блестяще подтверждается на несостоятельности «Феникса»,—размѣщеніемъ акцій въ публикѣ при посредствѣ биржи. Нисколько не заботясь о внутренней организаціи учреждаемыхъ ими предпріятій, о снабженіи ихъ необходимыми средствами, они заботятся о томъ, чтобы при посредствѣ биржи вздувать цѣны акцій. Тутъ пускаются въ ходъ и неясные, сбивчивые балансы, и дутый дивидендъ, и разнообразные биржевые маневры, со значительною долею злоупотребленія чужимъ довѣріемъ,—дѣянія, вполнѣ достойныя уголовной кары. Но разъ акціи размѣщены, и барышъ реализованъ, предпріятіе перестаетъ интересовать ихъ. Если созданное ими дѣтище нуждается въ кредитѣ для веденія дѣла, они предоставляютъ ему искать его, гдѣ угодно и въ какой угодно формѣ. Биржевики готовы еще принять участіе въ реализаціи облигаціоннаго займа, на которомъ можно нажить, но если и это средство исчерпано, они оставляютъ предпріятіе на произволъ судьбы. Они слишкомъ хорошо знаютъ истинное положеніе дѣлъ, чтобы связывать свои интересы съ дальнѣйшими судьбами предпріятія. Ихъ очень мало смущаетъ, что на тѣхъ же бумагахъ, на которыхъ ими нажиты милліоны, публика, принимавшая

Digitized by Google

за чистую монету увѣренія биржевиковъ, окончательно разоряется. Напротивъ, они по возможности скорѣе стараются порвать съ такимъ предпріятіемъ всякія связи, отказываютъ ему въ кредитѣ и пользуются первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы развязаться съ заложенными у нихъ акціями и избавиться отъ докучливыхъ кліентовъ».

Указавъ на это грюндерство, какъ на истинную роль большинства столичныхъ банковъ, «Русскія Вѣдомости» въ параллель указываютъ на Германію, гдѣ съ цѣлями и задачами совсѣмъ иными комерческіе банки удѣляютъ большое вниманіе промышленности и создаютъ немало промышленныхъ предпріятій.

«Вмѣсто того, чтобы выдачею фиктивнаго дивиденда, подтасовкою цифръ въ отчетахъ—вызывать повышеніе акцій и сбывать ихъ немедленно, еще до упроченія предпріятія, крупные нѣмецкіе банки выдерживаютъ у себя акціи, дѣлаютъ затраты, вызываемыя ходомъ дѣла, снабжаютъ учреждаемыя при ихъ посредствѣ общества кредитомъ, не останавливаются передъ затратами на расширеніе предпріятія, если это по обстоятельствамъ необходимо,—вообще принимаютъ всѣ мѣры къ тому, чтобы создавать прочныя предпріятія, могущія давать акціонерамъ вѣрный доходъ. Наши же столичные банки, въ большинствѣ случаевъ, не имѣютъ ни малѣйшей охоты такъ тѣсно связывать себя съ промышленными предпріятіями: на это у нихъ нѣтъ ни достаточныхъ капиталовъ, ни умѣнья вести промышленныя дѣла, ни сознанія своихъ обязанностей».

Нѣтъ, намъ еще рано говорить о металлургическомъ кризисѣ! Если есть какія либо затрудненія и замѣшательства на нашемъ желѣзномъ рынкѣ, то виновато въ этомъ не *перепроизводство* металла, а повинны сами горнозаводчики. Ихъ надежда на казенные заказы, дававшіе имъ крупные барыши и позволявшіе спокойно почивать, покровительственная таможенная политика, усыплявшая энергію, убивавшая въ нихъ всякую иниціативу и предпріимчивость,—доживаютъ свои послѣдніе дни. Наши горнозаводчики забыли, что задачи металлургической промышленности должны быть признаны болѣе обширными, чѣмъ казенные и желѣзнодорожные заказы, и что они опредѣляются всею совокупностью потребителей 130 мил. русскаго народа, а не только потребностью желѣзныхъ дорогъ. Нашимъ «желѣзнымъ» королямъ придется перестраивать свои заводы, приспособленные для казенныхъ и желѣзнодорожныхъ заказовъ, сообразуясь съ требованіями и условіями русскаго рынка. Правда, работать на общій рынокъ много затруднительнѣе исполненія какихъ либо массовыхъ заказовъ, но рано или поздно заводамъ придется обратить свое вниманіе именно на это. Можетъ быть, много еще тяжкихъ уроковъ придется имъ вынести до тѣхъ поръ, пока они привыкнутъ къ новому порядку вещей, такъ какъ въ этомъ случаѣ надо не только выдѣлывать желѣзо, но надо выдѣлать то именно, которое требуется на рынокъ. Но этого мало: нашимъ заводчикамъ придется отыскать покупателя и ознакомиться съ потребностями рынка.

Далѣе, долженъ быть положенъ предѣлъ тому «грюндерству» комерческихъ банковъ, которому наша металлургическая промышленность обязана современными затрудненіями и замѣшательствами. Организація и образованіе новыхъ металлургическихъ предпріятій

Digitized by Google

должно будетъ основаться на болѣе прочныхъ и болѣе устойчивыхъ началахъ. Субсидированіе дѣйствующихъ предпріятій и финансированіе вновь возникающихъ должно быть отнесено къ операціямъ по долгосрочному кредиту. Финансированіе же комерческихъ банковъ и субсидированіе государственнымъ банкомъ нашихъ металлургическихъ предпріятій не имѣло и не будетъ имѣть успѣха, потому что оба эти учрежденія работаютъ въ сферѣ краткосрочнаго кредита. Отсюда одинъ шагъ къ учрежденію *спеціальнаго промышленнаго банка*, который работалъ бы въ сферѣ долгосрочнаго кредита.

Учрежденіе такого банка признано необходимымъ на съѣздахъ горнопромышленниковъ какъ юга Россіи, такъ и Урала. Этотъ банкъ долженъ имѣть своею цѣлью упорядочить дѣло, которое взяли на себя комерческіе банки. Онъ долженъ не только удовлетворять принципу соотвѣтстія средствъ съ цѣлью, но и необходимо, чтобы во главѣ этихъ банковъ стояли люди знакомые не только съ банковыми операціями, но и съ истинными потребностями металлургическаго дѣла и желѣзныхъ рынковъ въ Россіи. Нельзя не согласиться съ г. Гурьевымъ, который говоритъ, что

«самостоятельные, правильно организованные банки промышленнаго кредита *наиболѣе способны раціонально обслуживать интересы вновь возникающихъ промышленныхъ предпріятій*. Только самостоятельные промышленные банки, работающіе на собственные капиталы и постороннія средства, пріобрѣтаемыя путемъ выпуска долгосрочныхъ (облигаціонныхъ) обязательствъ, могутъ солиднымъ образомъ браться за учредительство промышленныхъ предпріятій. Сохраняя длящійся интересъ къ организуемымъ предпріятіямъ, эти банки тѣмъ самымъ побуждаются, при полной къ тому возможности, оказывать предпріятіямъ дальнѣйшія ссуды долгосрочнаго характера, необходимыя для техническихъ усовершенствованій и расширенія предпріятій. Вмѣстѣ съ тѣмъ, и текущая потребность предпріятій въ оборотномъ кредитѣ вполнѣ успѣшно можетъ быть удовлетворяема этими банками».

Затрудненія и замѣшательства въ нашемъ желѣзномъ производствѣ произошли еще и отъ того, — какъ мы уже говорили, — что между производителемъ и покупателемъ лежитъ пропасть, на одной сторонѣ которой стоитъ производитель, а на другой—покупатель. Производитель до сихъ поръ слишкомъ мало интересовался покупателемъ и его вкусомъ. Все это было не такъ давно, но теперь уже этому ненормальному явленію настаетъ конецъ и скоро—нужно надѣяться—оно отойдетъ въ область преданій. И въ металлургическомъ дѣлѣ появляется уже не перепроизводство, а конкурренція. Иностранныя металлургическія предпріятія, возникшія за послѣднее время въ Россіи, сбиваютъ понемногу спѣсь съ русскихъ «желѣзныхъ» королей. Послѣднимъ приходится уже искать рынковъ для сбыта своего товара и, главное, сообразоваться со вкусами и требованіями покупателя. Но, повторяемъ, это опять таки *не* кризисъ и *не* перепроизводство!

Переживаемыя затрудненія въ нашей металлургической промышленности имѣютъ свои хорошія стороны. Онѣ указываютъ и на слабыя стороны существующаго порядка вещей въ этой области нашей промышленности и на то, что причина затрудненій

Digitized by Google

лежитъ не внѣ, а въ самихъ нашихъ металлургическихъ предпріятіяхъ. Косность нашихъ горнозаводчиковъ касательно улучшенія и удешевленія своихъ издѣлій, а также и отысканія новыхъ рынковъ и потребителей,—вотъ главная причина. Наши «желѣзные» короли кричатъ о кризисѣ и вопіютъ къ правительству о помощи... Послѣдняя, по ихъ мнѣнію, должна выразиться въ субсидіяхъ, казенныхъ заказахъ по высокой цѣнѣ и усиленіи таможенныхъ ставокъ. Правительственныя мѣры, конечно, до нѣкоторой степени могутъ устранить и ослабить затрудненія и замѣшательства въ нашей металлургической промышленности, но только на время. Какъ бы ни была могущественна и щедра правительственная поддержка, она не можетъ устранить самую возможность возникновенія кризисовъ въ будущемъ. Пора стать на свои ноги!

Д. Райскій.

(Окончаніе будетъ).

Digitized by Google

Потухшій огонь.

Зоветъ меня, но кто—не знаю
Туда, на небо отъ земли,
И—чую—крылья отросли
Летѣть къ невѣдомому краю.

О, кто зоветъ и для чего?
Кому я нуженъ, странникъ міра?
Цѣпя побѣды торжество,
Я оцѣню ль блаженство мира?

Влачася въ прахѣ и пыли
И свой кляня удѣлъ жестокій,
Могу ль подняться отъ земли
И долечу ли въ край далекій?

Что̀ крылья мощныя, что̀ духъ,
Свободы жаждущій, какъ геній,
Когда огонь во мнѣ потухъ—
Источникъ вѣры и стремленій?

Л. Афанасьевъ.

Digitized by Google

ПО ПУТИ СО ВСЕМІРНОЙ ВЫСТАВКИ.

I.

Въ Берлинѣ, на платформѣ Фридрихштрассе, стояла кучка въ картузахъ и черныхъ сюртукахъ, съ чемоданчиками въ рукахъ. Эта кучка состояла изъ пяти человѣкъ и подбѣгала торопливо къ каждому поѣзду. Съ безпокойствомъ искала она кондуктора и показывала ему билеты; кондукторъ отмахивался, а кучка еще съ бо́льшимъ безпокойствомъ въ глазахъ провожала поѣздъ на востокъ и съ той же торопливостью вновь бросалась къ слѣдующему поѣзду. Нетрудно было догадаться, что это русскіе, возвращающіеся съ парижской выставки по льготнымъ билетамъ и съ надеждой, что ихъ, дѣйствительно, будутъ встрѣчать и провожать агенты компаніи, какъ то обѣщано было въ рекламахъ. Я подошелъ къ нимъ.

— У васъ, господа, такіе же билеты, какъ у меня, и нашъ поѣздъ пойдетъ на Позенъ прямо въ Эйдкуненъ безъ пересадки.

— Когда же пойдетъ?

— Еще 20 минутъ осталось до поѣзда; а за двѣ минуты до него, вотъ тутъ на семафорѣ, поднимутъ дощечку съ надписью: «Posen»; тогда ужъ не зѣвайте и выбирайте пустой вагонъ.

Кучка ожила и успокоилась, не смотря на то, что каждую минуту поѣзда съ грохотомъ проносились, на моментъ останавливались и, безъ всякихъ свистковъ и звонковъ, съ мѣста въ карьеръ летѣли дальше.

Былъ ранній часъ утра; поѣздъ былъ почти пустой, и мы всѣ помѣстились въ одномъ купе, гдѣ уже сидѣлъ какой-то нѣмецъ-старичокъ, который подтвердилъ намъ, что поѣздъ идетъ черезъ Позенъ прямо въ Эйдкуненъ. Заняли мѣста, разложили вещи, вздохнули, и начался разговоръ.

— Ну, Григорій Ивановичъ! угостилъ же ты насъ: такъ натянулъ намъ нервы,—отозвался одинъ,—что мнѣ и курить теперь не хочется.

— Чего нервы! онъ мнѣ руку оттянулъ: чемоданъ-то у меня въ полтора пуда, пальцами теперь шевельнуть не могу. Повѣрите ли,—обратился онъ ко мнѣ,—полчаса до васъ бѣгали къ каждому поѣзду.

— А зачѣмъ ты ему вѣрилъ? самъ виноватъ.

— Какъ же не вѣрить, вѣдь у него «Самоучитель».

Digitized by Google

— У него «Самоучитель»-то французскій, да и тотъ въ чемоданѣ; а вѣдь здѣсь нѣмцы. Вотъ Ваня такъ долженъ знать: онъ въ нѣмецкую колонію на базаръ ѣздилъ.

Изъ разговора, остротъ и перебранокъ я узналъ, что это все «народные учителя» съ восточныхъ губерній европейской Россіи,—люди пожилые, веселые и добродушные. Выставкой они довольны; а отъ администраціи нашего школьнаго отдѣла въ Парижѣ просто въ восторгѣ. Съ этимъ неизбалованнымъ народомъ,—котораго дома треплетъ каждый староста и каждый волостной писарь,—въ Парижѣ нянчились, какъ съ дѣтьми. Давали имъ помѣщеніе, ѣду, все показывали, разсказывали и даже водили по училищамъ...

Свой предметъ ихъ очень занималъ и все имъ было понятно. Что же касается до остальной выставки, то они себя чувствовали полными неучами, хотя всѣ кончили курсъ учительской семинаріи, и по всему видно было, что они долгіе годы употребили на чтеніе и самообразованіе. Всѣ эти учителя, изъ крестьянъ черноземной полосы, умѣютъ цѣнить ручной трудъ и замѣну его машиной; они восхищались земледѣльческими орудіями и чувствовали нашу «отсталость». Эту отсталость они объясняли бѣдностью народа: «намъ не только нельзя такихъ плуговъ и машинъ заводить, а часто бываетъ, что и лошадь подковать не на что, не только что колеса шиновать».

По счастливой случайности, въ художественномъ отдѣлѣ они встрѣтили своего товарища-художника, который ихъ водилъ и толковалъ о красотѣ архитектуры, скульптуры и живописи. Видно, что руководитель ихъ былъ толковый человѣкъ: онъ съумѣлъ ихъ заинтересовать и они наперерывъ разсказывали содержаніе нѣкоторыхъ картинъ, Такъ, по замыслу, имъ особенно понравились двѣ небольшія картины Жана Берѳ. На одной изображено впечатлѣніе высшаго современнаго общества отъ явленія среди него Христа Спасителя. Кавалеры и дамы въ модныхъ платьяхъ сидятъ за столомъ, весело пьютъ и пируютъ. Входитъ въ залу Христосъ и начинаетъ проповѣдь. Общее смущеніе; одни улыбаются, другіе морщатся, третьи вѣжливо слушаютъ и уступаютъ мѣсто; одна дама упала къ ногамъ Христа. Вообще картина вызвала много толковъ среди учителей; они запомнили ее со всѣми подробностями. Другая картина того же художника поставлена рядомъ; она изображаетъ, какъ современное общество казнитъ Христа, и какъ эта казнь воспринимается народомъ. Вдали городъ, фабричныя трубы дымятъ, дома громадны и богаты, а на первомъ планѣ рабочій съ засученными рукавами показываетъ на Христа и грозитъ фабрикамъ большимъ кулакомъ. Одинъ изъ учителей замѣтилъ на это, что къ намъ, земледѣльцамъ, картина эта не относится, потому что «у насъ мало еще фабрикъ»!

Понравилась имъ также одна большая картина, гдѣ изображена религіозная война: кровь, множество убитыхъ и искалѣченныхъ; у обоихъ противниковъ на знаменахъ кресты, которые они съ ожесточеніемъ защищаютъ и бьютъ другъ друга. Въ сторонѣ стоитъ Христосъ, укоризненно смотритъ и какъ бы говоритъ: «развѣ я этому училъ васъ, чтобы вы именемъ моимъ такъ губили людей»?

Digitized by Google

Художникъ руководилъ ими и по выставкѣ китайскаго отдѣла. Онъ обратилъ вниманіе учителей на сюжеты китайской живописи, скульптуры и рѣзьбы изъ дерева, кости и другихъ матеріаловъ. Прежніе сюжеты въ большинствѣ были: храмы, идолы, слоны, драконы, птицы и проч.; новыя же статуэтки и рѣзьба преимущественно изображаютъ гимнастовъ, атлетовъ и боксёровъ въ разныхъ воинственныхъ позахъ. Этимъ художествомъ занятъ былъ весь Китай; странно, что ни консулы, ни посланники не обратили никакого вниманія на это новѣйшее направленіе китайскаго искусства; а между тѣмъ искусство есть отраженіе жизни...

Наши учителя съ удивленіемъ смотрѣли на распространеніе автомобилей не только на выставкѣ, но также въ городахъ и по проселкамъ въ Германіи, Бельгіи и особенно во Франціи. Григорій Ивановичъ поставилъ вопросъ: «куда мы будемъ продавать нашъ овесъ, если эти автомобили удешевятся и войдутъ въ общее употребленіе»? Учителя не ждутъ и не вѣрятъ, чтобы въ Россіи скотоводство и птицеводство такъ увеличились, чтобы весь овесъ могъ потребляться дома. Пастбищъ у насъ нѣтъ, сѣнокосы остались только по заливнымъ лугамъ, гдѣ нельзя пахать, а зима такъ долга, что больше двухъ крупныхъ головъ на дворѣ не прокормишь, да и то, если хлѣбъ каждый годъ будетъ родиться.

Тотъ учитель, котораго всѣ звали Васей, сидѣлъ у окна и видѣлъ, какъ маленькая собачонка помогала пастуху пасти овецъ среди хлѣбовъ на узенькой луговинкѣ. Это всѣхъ заняло и было высказано пожеланіе, чтобы земскія управы или сельско-хозяйственныя общества завели и расплодили такихъ собакъ. Борзыхъ, лягавыхъ и дворовыхъ у насъ много, а настоящихъ овчарокъ нѣтъ, и достать ихъ негдѣ.

Недалеко отъ Франкфурта на Одерѣ, одинъ проселокъ довольно долго тянулся параллельно желѣзной дорогѣ и мы обогнали множество велосипедистовъ, нѣсколько автомобилей и одну старушку, которая ѣхала на парѣ крупныхъ псовъ. По замѣчанію басистаго и серьезнаго учителя Михаила Ивановича, то же было бы и у насъ, еслибы становымъ и исправникамъ предписано было иначе не ѣздить, какъ на велосипедахъ. Тогда дороги были бы, какъ въ Германіи; не было бы ни топи, ни грязи. «Камня у насъ вездѣ вдоволь, только присмотра нигдѣ нѣтъ».

— Да и умѣнья-то нѣтъ,—добавилъ Вася.—Если ты камень зря на грязь навалишь, то ни конному, ни пѣшему ходу не будетъ. Нешинованныя колеса въ годъ измочалишь, а некованная лошадь копыта себѣ изуродуетъ.

— Было бы хорошо,—вмѣшался рыжій бородачъ,—еслибы проселки на денежную повинность перевели, а теперь, при натуральной повинности, каменныя дороги разорятъ мужиковъ. Исправникъ тогда только на велосипедѣ поѣдетъ, когда ты ему языкомъ дорогу выгладишь. Похлопочи-ка съ ней въ рабочую пору! лучше бабу впречь, да на ней отвезти его благородіе, чѣмъ съ каменной дорогой возиться.

Старичокъ-нѣмецъ улыбнулся, и этимъ показалъ, что онъ прислушивался и понялъ. Я заговорилъ съ нимъ по русски; онъ отвѣ-

Digitized by Google

тилъ мнѣ по нѣмецки, завязался разговоръ и оказалось, что онъ профессоръ-лингвистъ, ѣдетъ въ Познань и два раза былъ въ Москвѣ. Онъ съ любопытствомъ прислушивался къ сужденіямъ народныхъ учителей, и когда они говорятъ тихо и внятно, то онъ все понимаетъ. Я перевелъ это учителямъ и они стали относиться къ нему съ особымъ почтеніемъ.

Вася съ удивленіемъ показалъ, что мы ѣдемъ три версты и вдоль проселка, по обѣ стороны, насажены яблони и яблоковъ пропасть. «Кто же ихъ караулитъ»?

Этотъ вопросъ занялъ всѣхъ, такъ что въ разговоръ вступилъ и старый профессоръ. Онъ спросилъ меня по нѣмецки: знаютъ ли учителя поговорку (Redensart) о побѣдѣ школьнаго учителя? Я перевелъ и Григорій Ивановичъ отвѣтилъ, что всѣ знаютъ, какъ германскій школьный учитель побѣдилъ Францію.

Тогда нѣмецкій профессоръ самъ заговорилъ, хотя медленно, но правильно, по русски:—Нѣтъ, это не Францію побѣдилъ школьный учитель, у нея своихъ учителей много, а побѣдилъ онъ Австрію подъ Садовой въ 1866 году. Вотъ этотъ же германскій школьный учитель караулитъ и яблоки. Пока не было школьнаго учителя, тогда дороги обсаживали разными нефруктовыми деревьями, потому что мальчики воровали не только яблоки въ чужихъ садахъ, но также картофель и овощи въ поляхъ и огородахъ. Когда же вся Германія покрылась сѣтью сельскихъ школъ, то мальчики перестали воровать. Вы это можете прослѣдить по всѣмъ дорогамъ; фруктовыя деревья,—ровесники школамъ,—даютъ уже фрукты: яблоки, груши, вишни, а на югѣ Германіи — миндаль, абрикосы и гранаты. Эти маленькія дѣтскія шалости, остановленныя во-время, уменьшили и количество преступленій во всей Германіи, во всѣхъ возрастахъ, что ясно показываютъ статистическія цифры и суммы расходовъ на тюрьмы и аресты. Экономія на тюрьмы идетъ на расширеніе школъ и, разумѣется, больше принесетъ пользы, чѣмъ заточеніе и лишеніе свободы!

Когда профессоръ кончилъ, мы невольно перенеслись мыслью къ русскимъ нравамъ. Учителя почти поголовно говорятъ, что съ мальчиками ладить можно: они—какъ воскъ: лѣпи изъ нихъ, что хочешь. Только бѣда-то не въ нихъ, а въ ихъ матеряхъ, которыя сами посылаютъ ихъ на баловство: «бѣги, Митька, нарви луку, тетка Матрена за водой пошла, а мужикъ-то въ полѣ: бѣги скорѣй, да смотри не попадись»! Какъ же тутъ учителямъ бороться? Есть селенія, гдѣ мальчишки такъ набалованы, что крестьяне не только садовъ не разводятъ, но даже и въ огородахъ-то не сѣютъ ни огурцовъ, ни рѣпы.

— А вы бы посмотрѣли, что дѣлается въ чужихъ лѣсахъ, когда орѣхи поспѣвать начинаютъ, — пробасилъ Михаилъ Ивановичъ.— Тутъ не только бабъ съ мальчишками да дѣвчонками,—стариковъ-то нельзя оторвать отъ чужаго лѣса. Возлѣ насъ есть помѣщица, такъ она только объ одномъ проситъ: «дайте созрѣть орѣхамъ, не рвите ихъ раньше времени, я сама васъ оповѣщу, когда идти въ лѣсъ». И, дѣйствительно, барыня добрая; она никогда не запрещала собирать орѣхи и, чтобы сохранить ихъ для своего же села, лишнихъ

Digitized by Google

сторожей нанимала. Куда тутъ сторожамъ! солдатами не удержишь; просто срамъ! такъ что сторожа и за большія деньги нейдутъ.

— Да мы, учителя, не къ тому и приставлены,—вмѣшался рыжій бородачъ,—чтобы народъ отъ баловства отучать: на это у насъ волостной судъ заведенъ, а мы должны только мальчишекъ подготовлять. Знай свое дѣло, а учить начальство да дразнить міръ намъ не приходится,—безъ хлѣба насидишься.

— Медомъ сыть будешь! Ты у насъ первый пчеловодъ въ округѣ,—пояснилъ Григорій Ивановичъ. — У него два раза пчельникъ подламывали и пчелъ губили.

— И за дѣло!—вмѣшался Вася.—Онъ не хочетъ профессора слушать, чтобы съ молодыхъ годовъ воровъ отучать; говоритъ, что не наше дѣло. Нѣтъ, это прямо наше святое дѣло. Бояться начальства—нечего; оно сегодня здѣсь, а завтра тамъ, мы же всегда на міру, и всякій намъ спасибо скажетъ, если мы мальчишекъ отъ баловства отвадимъ.

Когда переѣхали рѣку Одеръ, то начались обширныя поля, луга, отдѣльныя фермы, окруженныя садами; скотъ, лошади, домашняя птица и все то видимое благосостояніе, до котораго намъ еще долго не достигнуть.

— Какая во всемъ благодать!—сказалъ Вася.—Только, что же это у нихъ мужиковъ не видно? Какіе все богатые дома! Кто же всѣ эти поля обсѣваетъ да жнетъ?

— А вотъ самые-то эти жители и жнутъ,—отвѣтилъ Михаилъ Ивановичъ.—Имъ не надо время терять да за десять верстъ ѣхать, какъ у насъ: у нихъ все подъ руками. Прогналъ дождикъ со жнитва,—въ саду ковыряется; прошла туча,—опять съ семьей въ полѣ. Навозъ рядомъ, скотина рядомъ, вода у двора, обиды ни отъ кого нѣтъ,—самъ себѣ господинъ. Какъ же тутъ не зажить бариномъ? Дома, крыши и сараи—каменные, вѣковѣчные; не надо каждый мѣсяцъ крыть да поправлять. Всякая минута у каждой семьи въ дѣло идетъ, поэтому и успѣхъ во всемъ.

— Нѣтъ, много тоже машины помогаютъ,—сказалъ бородачъ,—иная машина пять мужиковъ замѣнитъ. А вотъ пчелъ у нихъ почему-то мало, хотя взятку есть гдѣ взять: поля очень разнообразны, много луговъ и садовъ. Должно быть, не охотники они до пчелъ.

— Они охотники до кофею, а вѣдь медъ-то хорошъ съ чаемъ, съ кофеемъ и онъ будетъ горекъ,—замѣтилъ Вася.

II.

Отъ фермъ и всякихъ удобствъ я перенесъ разговоръ на общественныя мірскія земли, чтобы выслушать взглядъ развитыхъ крестьянъ по этому жгучему вопросу. По увѣренію учителей, въ ихъ мѣстности ни одного человѣка не найдется, который бы не тяготился общественной землей, круговой порукой и всегдашней зависимостью отъ міра. Но при нашемъ строѣ ничего инаго и подѣлать нельзя; селеніе въ двѣ-три сотни дворовъ не разселишь на отдѣльные

Digitized by Google

участки, чтобы каждому была и вода, и луга, и выгонъ для скотины. Во многихъ селахъ пробовали нѣкоторыя семьи выходить на выкупленныя земли; потратились на переносъ строенія, на обзаведеніе, городьбу, рытье колодцевъ и другіе расходы, но въ скоромъ времени опять возвратились въ села. Отдѣльно отъ села хорошо жить только тому, у кого семья большая и земли вдоволь. Да и при большой семьѣ отъ воровъ не убережешься и отъ поджоговъ не охранишь себя. Осенью, въ темныя ночи, и отъ волковъ спасенья не будетъ: они поѣдятъ всѣхъ собакъ и порѣжутъ овецъ. Зимой же отдѣльную усадьбу такъ занесетъ снѣгомъ, что изъ избы не выберешься. Что же касается до зимней дороги, то во время снѣжныхъ метелей и переносовъ ни пѣшкомъ, ни на лошади до проселковъ не доберешься. Тѣ дворы, которые выходили кое-гдѣ на свои участки, назадъ въ село возвращались; отъ женщинъ житья не было: онѣ скучали объ родныхъ, объ церкви, а когда мужики уѣзжали куда нибудь, то онѣ отъ страха по цѣлымъ ночамъ не спали.

На своихъ участкахъ не наладишь разбивку земли на три поля, для того чтобы эти поля примыкали къ одинаковымъ полямъ съ сосѣдями: паръ къ пару, яровое къ яровому. Если же не примкнуть полями, то отъ потравы не убережешь своихъ полей, не укараулишь и свою скотину, чтобы она не вошла въ чужіе хлѣба. Точно также разоришься и на пастуховъ: ихъ можно нанимать на сотни головъ, а если пасти только десятокъ головъ, то это будетъ очень накладно. Плохо жить далеко отъ людей въ одиночествѣ, гдѣ ни въ бѣдѣ, ни въ болѣзни помочь некому. Безъ людей, безъ школы, безъ игры на улицѣ и безъ общенія съ товарищами одурѣетъ и подрастающее поколѣніе! Работы въ дальнихъ поляхъ наберется въ году какой нибудь мѣсяцъ, да и того менѣе, а жить придется въ одиночествѣ одиннадцать мѣсяцевъ въ году. Всякій это знаетъ, а потому и охотниковъ нѣтъ выселяться на свои участки. Иной большесемейный человѣкъ радъ бы выселиться, но тутъ приходить въ голову смерть главы семьи, раздоръ между снохами, раздѣлъ между братьями, а значитъ и разбивка малыхъ полей на такіе участки, что и повернуться негдѣ...

Во время этого разговора мы быстро мчались по богатѣйшимъ полямъ сѣверной Германіи, а справа и слѣва у насъ красовались цвѣтущія отдѣльныя фермы нѣмецкихъ крестьянъ въ пять и десять десятинъ. Молчаливый учитель указалъ на нихъ и съ ироніей покачалъ головой: — Настрадались они, бѣдные, безъ родни, да безъ игры на улицахъ, а вонъ Вася ихъ и отъ господъ не отличилъ; дома же у нихъ такіе, что и у нашихъ помѣщиковъ мало такихъ. Тутъ дѣло не въ волкахъ да въ ворахъ, а въ деньгахъ. Сосчитай-ка, сколько у этого нѣмецкаго мужика инвентарю во дворѣ, такъ и выдетъ, что у насъ на сто дворовъ того нѣтъ. Будь наши мужики также богаты, такъ ихъ одна круговая порука по всѣмъ полямъ разбросала бы,—только бы отъ нея избавиться.

— Позвольте васъ спросить,—обратился онъ къ профессору,— сколько стоитъ въ этой мѣстности средняя ферма въ десять десятинъ, съ садомъ и вотъ съ такимъ строеніемъ?—указалъ учитель на ближайшую ферму.

Digitized by Google

Профессоръ внимательно посмотрѣлъ на ферму и, не торопясь, отвѣтилъ: въ этомъ районѣ гектаръ земли, что̀ равняется вашей десятинѣ, продается отъ 1000 до 2000 марокъ, а также строеніе сто̀итъ не менѣе 10,000 марокъ; такъ что вся ферма съ землей обойдется около 25,000 марокъ (12,000 руб.).

— Сколько же она дастъ дохода?

— Помимо жизни на всемъ домашнемъ, эта ферма дастъ пять процентовъ на капиталъ, т. е. около 1200 или 1500 марокъ въ годъ,—отвѣтилъ профессоръ.—Но не въ этомъ сила, а въ томъ, что тутъ каждый членъ семьи, каждый день въ году, прикладываетъ свои руки къ полезному труду. Вы видите, что въ этомъ районѣ фабрикъ нѣтъ, и люди оставались бы безъ работы, а ферма и земля спасаетъ ихъ отъ этой безработицы. Всѣ заняты зиму и лѣто, а въ праздники они посѣщаютъ города и церкви, и находятъ время для игры съ товарищами. Школы точно также обязательно посѣщаются.

— Что же эта земля—ихъ собственная, или общественная?

— По бо́льшей части въ этомъ районѣ,—отвѣтилъ профессоръ,—земля помѣщичья и ферма съ нѣкоторымъ инвентаремъ принадлежатъ помѣщику; земледѣльцы же арендуютъ у нихъ эти фермы. Но каждый арендаторъ работаетъ усердно и всѣ силы употребляетъ, чтобы скопить денегъ и купить себѣ собственный участокъ земли.

— Удается ли это имъ и много ли здѣсь такихъ продажныхъ фермъ?

— Большинство покупаетъ не фермы, а голые участки земли, на которыхъ устраивается постепенно во всю свою жизнь, и въ этомъ состоитъ то накопленіе богатства, которое васъ такъ интересуетъ. Какъ садъ нельзя сдѣлать въ одинъ годъ, а надо трудъ и время, чтобы онъ выросъ, — такъ и домъ со всѣми къ нему пристройками требуетъ много труда, времени и денегъ. Тутъ накопленіе богатства вы видите въ строеніяхъ, въ садахъ, въ канавахъ, заборахъ, дорогахъ, мостахъ и проч. Все это дѣлается сотнями лѣтъ.

— А арендаторы сами должны ремонтировать фермы, или это обязанность владѣльца?—спросилъ Вася.

— Владѣлецъ все сдаетъ въ аренду по описи, въ исправномъ видѣ; а арендаторъ, который дорожитъ арендой, не только поддерживаетъ ферму, но и улучшаетъ ее. Понятно, что владѣльцы цѣнятъ такихъ арендаторовъ; и есть фермы, которыя переходятъ къ дѣтямъ и внукамъ этихъ арендаторовъ. Тутъ, кромѣ улучшенія построекъ, хорошіе хозяева особенно дорожатъ тѣми арендаторами, кто удобряетъ землю, разводитъ луга, проводитъ на нихъ воду для орошенія, а главное—уничтожаетъ овраги и водоронны. Во всемъ этомъ также заключается накопленіе богатства.

— А вѣдь мы враговъ-то, дѣйствительно, ни одного ни видали и не проѣзжали,—сказалъ молчаливый учитель.

— И не увидите!—отвѣтилъ профессоръ.—Ихъ уничтожали сто лѣтъ, и болѣе полвѣка назадъ уничтожили окончательно. Это стоило большихъ денегъ и настойчивыхъ трудовъ; нынѣшнему поколѣнію остается только поддерживать это хозяйство и не давать развиваться водоронамъ.

Digitized by Google

— Ну, а воровство и конокрадство есть здѣсь?—спросилъ молчаливый учитель.

— Воровъ вездѣ довольно, хотя число преступленій замѣтно убываетъ. Что же касается до конокрадства, то прежде оно было, и слово: «Diebpferd» до сихъ поръ существуетъ, но воровство лошадей осталось только въ большихъ городахъ; а здѣсь я объ немъ давно не слыхалъ,—сказалъ профессоръ.—Эти люди здѣсь въ большомъ пренебреженіи, и ихъ выживаютъ всѣми мѣрами; къ тому же здѣсь быстро улучшаются судъ, полиція и надзоръ.

— А вотъ у насъ конокрады въ почетѣ: ихъ на всѣхъ праздникахъ на первое мѣсто сажаютъ и первую рюмку подносятъ,— только оставь меня въ покоѣ!

— Ну, иной разъ вѣдь и глаза выкалываютъ или съ камнемъ въ воду пускаютъ...

Время отъ времени поѣздъ мчался мимо лѣсовъ разныхъ возрастовъ. Деревья разсажены рядами, валежникъ убранъ; порубокъ и пеньковъ не видно. Учителя восхищались порядкомъ, спорили: что выгоднѣе сажать—ель или сосну? Показывали на годовые побѣги, и одни утверждали, что ель вдвое быстрѣе растетъ, а другіе говорили, что сосна цѣной втрое дороже ели.

Профессоръ прислушивался и, наконецъ, рѣшился, — безъ вопроса къ нему,—присоединиться къ общему разговору. Онъ пояснилъ, что ель и сосна требуютъ разныхъ грунтовъ. Этотъ грунтъ опредѣляютъ спеціалисты, и нерѣдко испытываютъ его въ лабораторіяхъ, чтобы знать, что выгоднѣе сажать. И, разумѣется, гдѣ можетъ расти смолистая и крѣпкая сосна, тамъ дряблую ель не посадятъ. Лѣсъ сажаютъ на 40 и на 50 лѣтъ, слѣдовательно, тутъ ошибку нельзя исправить такъ быстро, какъ въ полевомъ хозяйствѣ. Здѣсь предпочитается сосна, которая требуется для тафельныхъ построекъ, гдѣ деревянные брусья составляютъ каркасъ, или скелетъ стѣнъ, а промежутки между брусьями закладываются обожженнымъ кирпичемъ на извести или на цементѣ. Сосѣдство дерева и гигроскопическаго кирпича вредно отражается на деревѣ; оно гніетъ и стѣна, потерявъ упоръ, можетъ развалиться. Понятно, что каждый хозяинъ старается употребить тутъ самое прочное дерево, за которое, безъ сожалѣнія, платитъ лишнія деньги. И здѣсь разводится особый видъ *смолистой сосны*, которая въ тафельныхъ постройкахъ держится также долго, какъ и кирпичъ. Въ давнишнее время лѣсовъ здѣсь было очень много; ихъ безразсчетно истребили и оголили песчаную почву, годную только подъ пастбище. Стада овецъ и коровъ, своими острыми копытами, разрыхлили эту почву, превративъ ее въ сыпучіе пески, которые носились по волѣ вѣтра и часто портили поля и луга. Для борьбы съ песками здѣсь дѣлали много затратъ, чтобы ихъ укрѣпить и, наконецъ, облѣсить мѣстность. Разумѣется, подъ лѣса заняты только тѣ участки, которые не могутъ эксплуатироваться выгодно подъ полевое хозяйство. Лѣсъ легко подвезти изъ Швеціи, изъ Финляндіи, изъ Польши и изъ другихъ мѣстъ; между тѣмъ, все то, что даетъ полевое хозяйство, того не подвезешь для цѣлой страны: тутъ каждая соломинка идетъ въ дѣло.

Digitized by Google

— Какъ дѣлятся здѣсь братья и вообще наслѣдники? вѣдь фермы должны раздробляться до безконечности?—спросилъ Михаилъ Ивановичъ.

— Это вопросъ весьма важный для фермерскаго хозяйства,— отвѣчалъ профессоръ. — Каждый благоразумный отецъ старается накопить столько денегъ, чтобы не дробить фермы на мелкіе участки. И фермы въ большинствѣ случаевъ не особенно дробятся. Если же денегъ отъ отца не осталось, то сонаслѣдники, по соглашенію, дѣлаютъ заемъ подъ ферму, разсрочиваютъ деньги; а иногда подолгу живутъ вмѣстѣ и работаютъ сообща, чтобы накопить достаточно денегъ для выдѣла. Вотъ эти-то денежные выдѣлы, займы подъ залоги фермъ и даже движимости, нерѣдко разоряютъ крестьянъ. Какой бы урожай ни былъ, а проценты и срочныя погашенія платить надо, и отъ этого являются болѣе тяжелые долги. Долги въ свое время губили помѣщичьи хозяйства, но тамъ, по крайней мѣрѣ, продажа съ молотка давала возможность крестьянамъ пріобрѣтать землю. Долги же фермерскаго мелкаго хозяйства отзываются на благосостояніи крестьянъ, которые изъ землевладѣльцевъ переходятъ въ поденщики. Фабрикъ и заводовъ здѣсь мало; руки здѣсь дешевы, и поэтому вы видите обширныя поля, засѣянныя собственниками большихъ имѣній, которые въ свою очередь опутаны долгами. Въ этомъ районѣ, къ западу отъ Познани, распространено арендаторское хозяйство. Денежные люди охотно берутъ большія и среднія имѣнія въ продолжительную аренду. Поля они обрабатываютъ работниками и поденьщиками, которые нерѣдко приходятъ сюда изъ Польши и Литвы, хотя и своихъ рукъ у насъ довольно, потому что крестьяне изъ крѣпостной зависимости были освобождены у насъ безъ земли.

Поѣздъ пошелъ мимо торфяныхъ болотъ и учителя все свое вниманіе сосредоточили на раціональныхъ работахъ по добыванію торфа. Еще прежде этого, учителя, глядя на луга и низины для сѣнокоса, удивлялись, что у нѣмцевъ на лугахъ и болотахъ нѣтъ кочекъ.

— Умеръ бы тутъ съ косой! «Раззудись плечо, размахнись рука»! — продекламировалъ бородачъ.—Экая красота луга-то! два сѣна снимутъ, да еще скотину на атавѣ въ зиму заправятъ, чтобы подъ слоемъ жира ей и въ стужѣ было бы не хуже.

На торфяныхъ болотахъ тѣ же прекрасные луга: вода спущена или убрана въ канавы. При выемкѣ торфа, плодоносный слой не пропадаетъ, а вновь покрываетъ ложе болота, гдѣ лежалъ торфъ,— и все это разравнивается и опять идетъ подъ сѣнокосные луга.

По словамъ учителей, путешествіе за границу вложило имъ въ голову столько всякихъ полезныхъ свѣдѣній, что десять лѣтъ чтенія разныхъ книгъ не научили бы ихъ такъ, какъ эта поѣздка. И не столько просвѣтила ихъ выставка, гдѣ они мало что и понимали,— сколько видъ настоящей жизни въ поляхъ, садахъ и огородахъ.

— Вотъ посмотрите, напримѣръ,—показалъ Михаилъ Ивановичъ,—какъ они привязываютъ коровъ на пастбищахъ. У насъ бываетъ, что вобьютъ на луговинѣ колъ, привяжутъ къ нему корову на веревкѣ, уйдутъ отъ нея, а она запутается кругомъ кола и

Digitized by Google

стоитъ голодная. Нѣмецъ же не веревку къ колу привязываетъ, а шестъ или оглоблю, которая кругомъ кола не запутается, и корова всю траву съѣдаетъ.

— Мало у насъ и мѣстъ такихъ, гдѣ бы можно было коровѣ сытой быть,—дополнилъ Вася.—Здѣсь она на пяти саженяхъ накормится, а у насъ сто десятинъ по пару пройдетъ, а домой все таки вернется голодною.

Учителя знали изъ книгъ, что существуетъ многопольная и плодопеременная система полеваго хозяйства съ травосѣяніемъ и корнеплодами, но смотрѣли на это, какъ на недосягаемую для насъ теорію. Когда же проѣхали по Франціи и по Германіи, то увидѣли, что это дѣло простое, и что при малоземельѣ оно введется въ Россіи безъ большой ломки: стóитъ только примѣръ показать, да подождать, когда старики перемрутъ.

III.

Не доѣзжая Познани, на одной изъ станцій происходила посадка въ вагоны кавалерійскаго полка. Поѣздъ стоялъ на запасномъ пути вдоль военной платформы. Эскадроны рысью въѣзжали на платформу; по командѣ спѣшивались и безъ малѣйшей суеты вводили лошадей въ вагоны, и черезъ три минуты поѣздъ былъ готовъ. Это подало поводъ опять посмѣяться надъ Григоріемъ Ивановичемъ, который въ Берлинѣ бросался къ каждому поѣзду.

— Ты посмотри, какой порядокъ во всемъ: по приходу поѣздовъ часы повѣрять можно; опозданій нѣтъ. Тутъ и лошади-то не боятся вагоновъ,—у нихъ во всемъ порядокъ, потому что во всемъ послушаніе.

Эта фраза, повидимому, понравилась профессору и онъ намъ пояснилъ, что пѣхоту, кавалерію и артиллерію учатъ, какъ занимать вагоны и платформы. Что же касается до центральной станціи на Фридрихштрассе и на другихъ станціяхъ Берлина, то онъ сказалъ, что тамъ расписанъ такой порядокъ, что въ любую сторону можно провезти въ сутки сто тысячъ войска, и въ то же время не останавливать обычнаго пассажирскаго движенія. Это важно потому, что во время мобилизаціи всякій поступающій на службу ликвидируетъ свои дѣла, возвращается домой или ѣдетъ въ назначенное ему мѣсто и т. д. Словомъ, пассажирское движеніе во время мобилизаціи также важно, какъ и самая мобилизація войскъ. Свободное пассажирское движеніе, въ это торопливое время, несомнѣнно должно помочь успѣху сбора по мѣстамъ.

Подъѣзжая къ Познани, профессоръ раскрылъ карту въ своемъ дорожникѣ и сказалъ, что мы всего въ двухъ часахъ ѣзды отъ станціи Слупицы на русской границѣ, но эта станція не соединена съ сѣтью желѣзныхъ дорогъ въ Россіи, и поэтому мы еще полсутокъ должны ѣхать по Пруссіи. Каждому изъ насъ понятно было, сколько выгодъ теряетъ наша желѣзнодорожная сѣть отъ того, что каждый пассажиръ и каждый пудъ товара, вмѣсто того чтобы ѣхать черезъ Россію, ѣдетъ 500 верстъ вдоль русской границы по Пруссіи и

Digitized by Google

обогащаетъ германскія желѣзныя дороги. При разсматриваніи карты, можно было видѣть на учителяхъ, до какой степени географія низко поставлена въ нашихъ учительскихъ семинаріяхъ, и вообще какъ мало доступны русскому народу наши географическія карты.

Въ Познани нѣмецкій профессоръ сердечно распростился съ нашими народными учителями, и мы покатили дальше на востокъ. Въ Торнѣ переѣхали Вислу и видѣли громадные валы и крѣпостныя стѣны, воздвигнутыя... противъ Россіи. Въ крѣпости происходили какія-то ученья, а за крѣпостью, по крайней мѣрѣ, верстъ на десять, намъ видны были кавалерійскіе посты и разъѣзды. Между тѣмъ, довольство, порядокъ и культура непрерывно шли направо и налѣво, и невольно вызывали учителей на сравненіе съ нашими порядками. Главнымъ образомъ, ихъ поражали каменныя избы и дворы, черепичныя крыши и та внѣшняя опрятность всѣхъ фермъ, которая у насъ такъ трудно дается даже въ городахъ и въ помѣщичьихъ усадьбахъ.

Въ этомъ году урожай въ восточной Пруссіи былъ очень хорошъ. Рожь была невысокая, но плотная, ровная и чистая; овесъ, ячмень и пшеница также отличались чистотой и гущиной. Вася, который сидѣлъ у окна и не спускалъ глазъ съ полей, замѣтилъ, что, вѣроятно, здѣсь крупную сорную траву,—полынь, донникъ, козлецъ и другія, — уничтожаютъ у дворовъ, по межамъ и вдоль дорогъ.

— Сколько я ни смотрю,—говорилъ онъ,—не попадается такой сорной травы. Стало быть, и сѣмена, и корни ихъ навѣкъ истребили. А какъ заставишь нашихъ мужиковъ, чтобы они межники чисто держали и дряни не разводили?

— Это бы мірскимъ приговоромъ надо постановить, да штрафовать ослушниковъ,—пробасилъ Михаилъ Ивановичъ.

— Да, повозись-ка ты съ міромъ!—вмѣшался молчаливый учитель.—Съ кого ты будешь штрафы-то брать? Проще было бы наряжать по очереди очищать межники отъ сору; а въ сосѣдскихъ земляхъ, на формальныхъ рубежахъ, надо бы земскимъ управамъ этимъ заняться!

— У насъ купецъ Поповъ казенную мельницу держалъ и крупчатку раздѣлывалъ,—такъ онъ пшеничныя сѣмена у крестьянъ во всей округѣ отъ куколя даромъ очищалъ. Свою сортировку на своихъ лошадяхъ изъ села въ село возилъ; требовалъ только, чтобы барабанъ вертѣли тѣ мужики, чью пшеницу очищали. Года два шло хорошо, куколь почти вывели; мужики и пристали къ Попову, чтобы онъ вмѣстѣ съ сортировкой въ міръ ведро водки присылалъ; а безъ этого,—говорили,—мы сортировку и въ околицу не впустимъ. Поповъ поторговался со стариками, и они на полведрѣ поладили.

— А у насъ на мельницѣ купецъ Б. не брезгалъ и куколемъ,—вмѣшался Григорій Ивановичъ.—Онъ куколь покупалъ у мужиковъ по 10 и 15 коп. за пудъ; говорилъ, что онъ изъ него крахмалъ добывалъ, а на повѣрку оказалось, что онъ его мололъ вмѣстѣ съ рожью и ставилъ эту муку на винокуренный заводъ; такъ что куколь-то у него въ 40 копѣекъ шелъ.

Digitized by Google

— Да вотъ и теперь я знаю мельницу, гдѣ куколь идетъ въ муку для пряниковъ.

— Куколь-то вѣдь горькій?

— Съ медомъ-то и онъ сладокъ.

— Да вѣдь онъ ядовитый!

— Онъ ядовитъ, когда его много ѣшь; а кто же пряниковъ много ѣстъ? Съѣлъ два-три и ладно; на пудъ муки золотникъ мятнаго масла пустятъ,— духъ и идетъ по всему базару!

Этотъ разговоръ о куколѣ и объ очисткѣ сѣмянъ заинтересовалъ меня и я спросилъ, за что же Поповъ поставилъ полведра водки, если онъ дѣлалъ это для мужиковъ и даромъ давалъ имъ свой дорогой куколеотборникъ?

— Ну, нѣтъ!—заступился за мужиковъ Михаилъ Ивановичъ,— Поповъ это дѣлалъ не для мужиковъ, а для себя, и мужики это на третій годъ раскусили. Онъ мужикамъ сѣмянъ очиститъ 1000 пудовъ, а чистаго урожая безъ кукля получитъ отъ нихъ 10 тысячъ пудовъ. Еслибы мужики не очищали пшеницу на сѣмена, то онъ получилъ бы ее послѣ урожая съ куколемъ и очищалъ бы самъ своими рабочими. Кромѣ того, ему бы и куколеотборниковъ недостало, а пришлось бы еще купить и затратить на нихъ не одну тысячу рублей. Мало старики съ него выпили; онъ бы и три ведра не пожалѣлъ. Глупо сдѣлали, что поторопились; вѣрно, глотки-то у нихъ ужь очень пересохли!

Поѣздъ, по случаю какой-то починки дороги, шелъ въ одномъ мѣстѣ весьма медленно, и Вася призвалъ всѣхъ къ окну посмотрѣть, какъ собака гонитъ стадо овецъ, — должно быть, домой, потому что стало смеркаться. По узкой логовинѣ, между загонами овса, длинной лентой растянулось штукъ сорокъ овецъ. Сзади ихъ спокойно шла старушка и вязала чулокъ. Черная собачка съ острой мордочкой суетливо бѣгала вдоль овса то съ одной, то съ другой стороны, и ни одна овца не осмѣливалась приближаться къ овсу. Было это почти вплоть къ нашимъ вагонамъ, такъ что можно было замѣтить даже озабоченные глаза и красивую мордочку собаки.

— Вотъ такъ гувернантка!—процѣдилъ съ особымъ чувствомъ молчаливый учитель.—Да такую собаку можно грамотѣ научить и въ собачьей комедіи показывать: она рублей сто выручитъ, а на ея штуки троихъ пастуховъ можно нанять!

Скоро вечеръ закрылъ намъ окрестности и мы стали мѣняться нашими домашними впечатлѣніями. Я напомнилъ выраженіе учителя, который говорилъ, что пока старики не перемрутъ, то перемѣны въ деревнѣ не будетъ.

— И не будетъ!—съ живостью подхватилъ Григорій Ивановичъ.—Эти старики—чистый ядъ въ каждой деревнѣ: они—немалая причина бѣдности, семейныхъ раздѣловъ и всякихъ раздоровъ на міру. Молодежь во сто разъ лучше ихъ, разумнѣе и податливѣе на все хорошее. Мірское пьянство на сходахъ, лицемѣріе передъ начальствомъ и всякое упорство въ противоборствѣ всему хорошему держится ими. Ихъ у насъ называютъ «міроѣдами», а въ другихъ селахъ—«каштанами»; это слово мордовское, буквальный переводъ

Digitized by Google

его значитъ: гордый. Они считаютъ себя выше всего міра, умнѣе и дѣльнѣе всѣхъ, а на повѣрку — жаднѣе всѣхъ и пьянѣе всѣхъ. Посмотрите, что они творятъ, когда выбираютъ старостъ, отводятъ новыя усадьбы, дѣлятъ луга или сдаютъ участки мірской земли. Міръ для нихъ не существуетъ: знаютъ только себя да свою глотку, чтобы кричать да виномъ ее заливать!

— Но вѣдь не вездѣ же это, — вмѣшался я, — все таки въ большинствѣ остаются хорошія села и хорошія деревни, гдѣ пьянство уже выводится.

— Я и не говорю, что рѣшительно всѣ села и деревни находятся въ рукахъ міроѣдовъ,—поправился Григорій Ивановичъ въ своей горячности,—но большими селами положительно завладѣли каштаны. Они держатъ сходъ въ своемъ кулакѣ, такъ что хорошіе люди и нейдутъ на сходы, чтобы не сраміться съ горлопанами.

— Это вѣрно!—поддакнулъ Михаилъ Ивановичъ.—Если на сто дворовъ попадется десять пьяныхъ міроѣдовъ, то на сходъ хоть и не ходи. У нихъ одно на умѣ: — съ кого бы выпить? и въ этомъ они крѣпко стоятъ другъ за друга, а всякаго честнаго человѣка въ грязь топчатъ.

— Сами же вы и виноваты. Отчего бы честнымъ людямъ не сплотиться, да и не дать отпоръ пьянымъ старикамъ?

— Да развѣ это легко? — вставилъ свою фразу рыжій бородачъ.—Они лѣзутъ и въ волостные выборщики; отъ нихъ зависятъ выборы въ старшины, въ волостные судьи, назначеніе жалованья писарю, учителю; они же и по шапкѣ накладутъ, когда имъ не угодишь.

— Вѣрно! Если въ селѣ выгодно быть старостой, то они спиваютъ съ него, чтобы выбрать въ старосты; а если въ селѣ эта должность — одна тягота да разореніе дому, то они спиваютъ съ него, чтобы освободить отъ выбора въ старосты. То же дѣлается и при выборахъ въ волостные старшины.

— Переходное время!—сказалъ бородачъ. — Было также и на дворянскихъ выборахъ; я немало читалъ разсказовъ о томъ, какъ богатые дворяне набирали толпы мелкопомѣстныхъ, одѣвали ихъ въ мундиры, кормили, поили и возили на свой счетъ въ губернское собраніе, чтобы тѣ ихъ поддерживали. Теперь у дворянъ устроилось дѣло; быть можетъ, и у насъ устроится. Только Григорій Ивановичъ правильно говоритъ, что пока старики живы,—толку не будетъ.

— Не такъ вы, господа, говорите,—вступилъ въ перекрестный споръ молчаливый учитель.—Старики всегда были на сходахъ, да имъ безобразничать не дозволяли. Сначала помѣщики держали ихъ въ ежевыхъ рукавицахъ, а потомъ мировые посредники имъ воли не давали; а вотъ какъ къ начальству никто не посмѣетъ ни подойти, ни пожаловаться,—какъ нынче,—такъ имъ и вольготно держать міръ въ рукахъ. Эти старики вымрутъ; другіе вмѣсто ихъ силу заберутъ да будутъ каштанить. Порядокъ не отъ насъ и не отъ міра: онъ отъ правовъ! Пока мужики не узнаютъ своихъ правовъ, до тѣхъ поръ всякаго горлопана бояться будутъ. Вотъ спросите Васю: за что его перевели въ другое село?

Digitized by Google

Оказалось, что Вася, — вѣжливый, разумный и серьезный человѣкъ, — былъ учителемъ въ двухклассномъ училищѣ и, по своей неопытности, сказалъ одному мужику, что его бить никто не смѣетъ, не только урядникъ, но даже и земскій начальникъ.

— А права у мужиковъ вотъ какія,—разболтался молчаливый учитель.—Были они на сѣнокосѣ, а въ сторонѣ по дорогѣ прокатилъ предводитель; потомъ, чрезъ нѣсколько минутъ, и становой. Отъ дороги было довольно далеко; мужики работали и шапокъ не сняли. Предводитель проѣхалъ мимо, а становой остановился, подозвалъ къ себѣ мужиковъ, да какъ началъ ихъ по зубамъ чистить. Мужики въ ноги: прости, Христа ради!—Ахъ вы грубіяны, постойте, я еще къ вамъ въ деревню пріѣду!—Далъ еще по плюхѣ, сѣлъ и поѣхалъ дальше. Мужики послѣ того долго спорили о томъ, кто выше: становой или предводитель? — Одни говорили, что становой выше, а другіе говорили, что предводитель выше, потому что онъ въ рекрутскомъ присутствіи предсѣдательствуетъ, и если не прибилъ мужиковъ, то значитъ—либо не видалъ ихъ, либо торопился куда. И не подумайте, господа, что въ этомъ спорѣ участвовали только одни дураки; нѣтъ, тутъ были и торговые люди, и тѣ, которые въ отхожій промыселъ ходятъ.

— Говорятъ, въ ярославской губерніи вывелись эти зуботычины; тамъ народъ больно шустрый.

— Тутъ не отъ народа; вся сила отъ губернатора: позволитъ драться, такъ и будутъ драться; народъ тутъ непричемъ. Права одни: что въ верховыхъ, что въ нашихъ низовыхъ губерніяхъ, только этихъ правóвъ-то никто не знаетъ.

— А вотъ пріѣду домой, меня опять переведутъ куда нибудь,— сказалъ съ грустью Вася.

— Что такъ? за что?

— Да за громъ, — началъ пояснять Вася. — Весной загудѣлъ громъ; одинъ парень и говоритъ: «Илья пророкъ выѣзжаетъ», а я и началъ ему толковать, что это не Илья пророкъ, а электричество. Дошло до священника; онъ меня встрѣтилъ передъ отъѣздомъ и говоритъ: «ты, Василій Дмитричъ, не за свое дѣло взялся; смущать народъ запрещено; небесныхъ явленій никто изъ насъ разрѣшать не можетъ. Твое дѣло въ школѣ грамотѣ учить, а не на улицѣ хулу на пророка произносить».

— Плохо дѣло! — вздохнувъ, сказалъ Григорій Ивановичъ.— За громъ многіе изъ насъ пострадали.

— Это бы ничего; тутъ преступленія нѣтъ, а только батюшка хочетъ на мое мѣсто своего племянника посадить. А мнѣ все равно,—и въ другомъ мѣстѣ учить буду.

— Въ нашихъ мѣстахъ строго смотрятъ за учителями, — обратился ко мнѣ Григорій Ивановичъ.—Иной разъ такая досада возьметъ на суевѣрія и глупость мужиковъ, что радъ бы растолковать имъ о червякъ, о домовомъ, или о холерѣ, которую они олицетворяютъ во всемъ для нихъ непонятномъ. Слушаешь, уши вянутъ, а вступиться не смѣешь. Еслибы вы только знали, что они дѣлаютъ съ лошадьми, когда тѣ заболѣютъ; просто сердце рвутъ отъ мученій! Вся жизнь крестьянская окружена природой, а о природѣ они врутъ,

Digitized by Google

какъ старыя бабы. Имъ врать можно хоть среди базара, а учителю правду говорить нельзя. Сколько учителей пострадало у насъ за «Родное Слово» Ушинскаго. Положимъ, что очень малы и недостаточны тѣ свѣдѣнія, которыя мы выносимъ изъ семинарій; но вѣдь мы кое-что читаемъ и могли бы подѣлиться, особенно во время бѣдствій. Не смѣй! будь идоломъ, молчи.

— Это вѣрно,—перебилъ Михаилъ Ивановичъ.—Вотъ я охотникъ до пчелъ, и у меня о пчелахъ цѣлая библіотека брошюръ, рисунковъ и такихъ капитальныхъ сочиненій, какъ Бутлерова, напримѣръ. О пчелахъ съ пчелякомъ толковать можно; а перенести эту самую мысль на озимаго или яроваго червя, и сказать мужикамъ, что онъ зарождается отъ бабочки и губитъ хлѣбъ отъ крестьянскаго нерадѣнія,—не имѣешь права. Сейчасъ кто нибудь донесетъ, что такой-то учитель говоритъ, что червь не отъ Бога и что молитвой отъ него не избавишься. Была бы прицѣпка, а подрывъ религіи и христіанской нравственности сейчасъ найдутъ и по холодку спустятъ, чтобы мѣстечко для племяши очистить...

— Вѣрно ты говоришь, а вина все таки въ тебѣ, а не въ людяхъ,—замѣтилъ молчальникъ.—Всегда надо помнить писаніе о свиньяхъ и о бисерѣ. Было время «либераловъ»; теперь пожить хочется и «ретроградамъ»; всякъ свою статью гонитъ, и ты гони, да только умѣючи, не торопясь. Посмотри, какъ скромно поступаютъ чернички-грамотницы; сколько онѣ ереси въ народъ пускаютъ. Онѣ на базарахъ не кричатъ, а тихохонько, кому надо, въ ухо шепчутъ; а противъ ихъ ученія и соборный протодіаконъ не сможетъ.

Перешелъ разговоръ на черничекъ,—этихъ тупыхъ и полуграмотныхъ начетчицъ, которыя живутъ въ большой чести во многихъ мѣстахъ приволжскихъ губерній. Едва научится черничка кое-какъ читать псалтирь или часословъ, какъ надѣваетъ черный сарафанъ и черный платокъ на голову и объявляетъ, что она замужъ не пойдетъ, а посвящаетъ себя Богу. И начинается ея странствованіе по монастырямъ. Дома ее и работать не заставляютъ: — «она у насъ грамотница»! говорятъ матери, какъ бы въ похвалу ей. Обойдя съ дюжину монастырей, черничка дѣлается уже авторитетомъ у старухъ, и сейчасъ же ей находятся подражательницы въ одеждѣ и въ манерахъ. Пять - шесть такихъ черничекъ въ селѣ составляютъ «ходячій монастырь», оставляютъ свои семьи и поселяются въ кельяхъ, живутъ подаяніемъ, читаютъ надъ покойниками, приносятъ изъ чтимыхъ монастырей святую воду, воскъ, кусочки одежды, ладанъ, просвиры и проч. Этими снадобьями онѣ лѣчатъ отъ всѣхъ болѣзней, помогаютъ роженицамъ, умываютъ «отъ сглазу», а наиболѣе легковѣрныхъ привораживаютъ и отвораживаютъ, но не силою колдовства, какъ знахарки, а всегда лицемѣрной молитвой.

Учителя говорятъ, что тамъ, гдѣ открываются земскія школы для дѣвочекъ, чернички быстро пропадаютъ. Звуковая метода и разумная система обученія — понимать прочитанное — совершенно убиваетъ тупую механическую зубрёжку: «гнать псалтирь» или «прогнать часословъ», какъ выражались чернички. Тамъ же, гдѣ

Digitized by Google

нѣтъ никакихъ школъ, тамъ чернички продолжаютъ учить дѣвочекъ и мальчиковъ, но по ихъ методѣ можно научиться читать только въ два-три года, понимать же совсѣмъ не научаются.

— Много мы учимся другъ отъ друга,—началъ Григорій Ивановичъ,—вырабатываемъ систему такъ, чтобы и безтолковыхъ сдѣлать толковыми; а чернички и изъ умныхъ мальчишекъ дѣлаютъ дураковъ. Когда въ школу поступитъ совершенно неграмотный мальчикъ, то его въ мѣсяцъ можно поставить такъ, что онъ начнетъ читать. Когда же онъ отъ черничекъ перейдетъ къ намъ, то не дай Богъ, сколько труда съ нимъ положишь! Эти «грамотницы» много народу перепортили своимъ ученьемъ, и переучивать во сто разъ труднѣе, чѣмъ просто учить.

— А скажите, Григорій Ивановичъ,—спросилъ я,—члены училищнаго совѣта и экзаменаціонныя комисіи дѣла-ли требуютъ, или только форму соблюдаютъ?

— И то, и другое.—отвѣтилъ онъ,—смотря по человѣку; мнѣ со многими приходилось имѣть дѣло. Самые разумные члены—тѣ, которые, подъ видомъ экзамена учениковъ, испытываютъ самого учителя. Съ такими членами пріятно имѣть дѣло, и эти рѣдкіе члены, дѣйствительно, двигаютъ народное образованіе. Но есть и такіе члены, которые сильно тормозятъ его; они чувствуютъ, что ихъ знаніе ниже знанія учителя, опыта у нихъ никакого, а хочется имъ покуражиться, — вотъ и начнутъ проповѣдывать свою систему. Слушать тошно, а молчишь; только и молишь: унеси его скорѣй, Господи! Что же касается до окончательнаго экзамена учениковъ для льготы по воинской повинности, то грѣхъ жаловаться на членовъ: зла ученикамъ не желаютъ и не дѣлаютъ. Одно плохо въ этихъ испытаніяхъ: — учителя знаютъ каждаго члена и подготавливаютъ учениковъ не для дѣла, а для члена...

— Вы давно учителемъ?

— Двадцать три года минуло; въ четырехъ уѣздахъ перебывалъ, пока въ свое родное село попалъ. Досадно вспомнить! Еслибы съ перваго же начала въ своемъ селѣ началъ учить, то теперь и волостные, и старосты, и судьи были бы все мои ученики.

— А какъ идетъ у васъ волостной судъ?

— Прежде,—лѣтъ десять и больше назадъ,—лучше былъ, старались выбирать хорошихъ людей; теперь эти выборы опустились, «каштаны» дѣломъ правятъ. Поговариваютъ и о взяткахъ, и объ угощеніяхъ; многіе недовольны судьями... Послушаешь про другія волости, гдѣ меньше «каштановъ», то и тамъ жалобы: «выбираемъ,—говорятъ,—хорошихъ, да на службѣ всѣ балуются». — Вѣдь то же пошло и въ другихъ судахъ; прежде было пять мировыхъ судей въ уѣздѣ—одинъ лучше другаго!—да въ мѣсяцъ разъ собирался мировой съѣздъ. Было шесть открытыхъ камеръ на уѣздъ, гдѣ ежедневно учили народъ, разъясняли ему права: что можно и чего нельзя, что хорошо и что дурно. Бывало, судья постановитъ приговоръ да и говоритъ: «если ты приговоромъ недоволенъ, то можешь просить о пересмотрѣ твоего дѣла на съѣздѣ», причемъ научитъ, какъ и куда подавать, не пропуская срока. Теперь всѣ эти камеры-школы закрыты; въ квартиры земскихъ начальниковъ народъ

Digitized by Google

не ходитъ уму-разуму учиться, да и съ нуждами своими теперь опасаются идти...

— Вотъ и въ нашемъ уѣздѣ то же самое,—сказалъ бородачъ:—многихъ мировыхъ судей добромъ поминаютъ. Теперь нѣтъ ихъ, не къ кому и за совѣтомъ обратиться...

— А вотъ и Эйдкуненъ,—радостно сказалъ Вася,—вонъ нашъ солдатъ!

IV.

Черезъ полчаса мы были въ Вержболовѣ, въ русской таможнѣ. Учителя достали изъ своихъ чемоданчиковъ кружки и чайники, а черезъ часъ мы опять покатили въ вагонахъ. До Вильны было просторно, такъ что можно было прилечь, чего не дозволяли себѣ дѣлать учителя за границей. За Вильной мы опять сгруппировались въ одно отдѣленіе, и при каждомъ оврагѣ, кочковатомъ болотѣ и при колеяхъ на проселкахъ невольно вспоминался нѣмецкій порядокъ.

— Не знаю, какъ вамъ, господа, — грустнымъ тономъ заговорилъ бородачъ,—а мнѣ какъ-то жутко дѣлается, какъ о домѣ вспомнишь. Опять мы, словно лишенные правъ, попадемъ подъ надзоръ въ своихъ родныхъ палестинахъ; опять насъ будутъ травить, какъ вредоносныхъ крамольниковъ.

— Полно, не тревожь сердца!—сказалъ Михаилъ Ивановичъ.—Лучше, братъ, покуримъ, а потомъ газеты посмотримъ, которыя я въ Вильнѣ купилъ. До дома еще далеко.

— Почему вы на Петербургъ ѣдете?—спросилъ я.—Вѣдь на Москву вамъ было бы ближе.

— Хотѣлось Петербургъ посмотрѣть, чтобы сравнить его съ Парижемъ, а потомъ мы дешево поѣдемъ черезъ Бологое и Рыбинскъ по Волгѣ.

— Какъ же вамъ показался Парижъ въ сравненіи съ Петербургомъ?

— Не согласился бы я жить ни въ томъ, ни въ другомъ,—твердо сказалъ Григорій Ивановичъ. — Хоть я въ своемъ селѣ птичка-невеличка, а все таки каждый день у меня въ дѣло идетъ. Въ этихъ же большихъ городахъ можно только торговать да деньги наживать, а душевной жизни ни отъ кого не увидишь. А у насъ въ деревняхъ, хоть и съ подозрѣніемъ смотрятъ на учителей, а въ двадцать-то лѣтъ видишь, что кое-что сдѣлалъ!

Развивая эту тему, Григорій Ивановичъ представилъ картину общаго оскудѣнія,—бѣгство помѣщиковъ въ города, безпросвѣтную темноту народныхъ массъ и полное отсутствіе не только интеллигентности, но даже и простой грамотности. Нельзя ждать, чтобы помѣщики и вообще образованные люди вернулись въ эти глухія мѣста; вмѣсто ихъ надо своихъ пахарей поднимать грамотой! Дѣло это мудреное; на долю первыхъ учителей досталось учить только азбукѣ; вторые учителя—складамъ научатъ, а при третьемъ поколѣніи, можетъ быть, мужики и газеты читать научатся...

— Посмотрите,—продолжалъ онъ,—какими ворохами идутъ те-

Digitized by Google

перь газеты на всѣхъ почтахъ и на всѣхъ узловыхъ станціяхъ. Посмотрите, какъ о боэрахъ да о Китаѣ въ волостныхъ правленіяхъ мужики всякія газетныя новости ловятъ. Отъ начала земскихъ школъ всего тридцать лѣтъ прошло, а на пристаняхъ да въ торговыхъ селахъ уже прямо изъ Петербурга всякому товару цѣну знаютъ. Пройдетъ еще десять лѣтъ и мужики будутъ непосредственно указы и циркуляры читать.

— Хоть мы и въ подозрѣніи, и тяжело намъ подчасъ,—добавилъ Михаилъ Ивановичъ, — но насъ подкрѣпляетъ то, что какъ высшее правительство въ Петербургѣ, такъ и губернское начальство сильно желаютъ, чтобы народъ учился. А если мѣстныя власти препятствуютъ этому, такъ вѣдь и Христова вѣра не безъ борьбы распространилась! — Лѣтъ двадцать назадъ, больше сочувствовали школамъ, и даже хотѣли вводить обязательное ученіе, но не было учителей. Теперь учителей много, а школъ мало. Еслибы школъ было впятеро больше, то все таки ихъ не доставало бы для всѣхъ желающихъ, такъ что и безъ обязательнаго ученія всякій радъ учиться, — давай только мѣсто, да не бери денегъ за ученье.

— Съ расколомъ боролись болѣе двухсотъ лѣтъ, и онъ все распространялся,—замѣтилъ бородачъ,—а теперь всѣ видятъ, что гдѣ заведется земская школа, тамъ уже молодые раскольники помягче дѣлаются. Въ нашемъ округѣ много раскольницъ за «церковниковъ» замужъ выходитъ; а какъ перемрутъ старики да старухи, такъ школа всѣхъ и сольетъ,—различія не будетъ.

— А скажите, — поинтересовался я, — насколько основательно опасеніе, какъ бы не ввелся новый расколъ при перемѣнѣ календаря?

— Самое неосновательное опасеніе!—сказалъ бородачъ. — Читали мы въ газетахъ, что хотятъ принять у насъ новый календарь, и отлично бы сдѣлали. Можетъ быть, иная старушонка и ждала бы послѣ этого антихриста, — такъ въ этомъ большой бѣды не было бы.

Мы подъѣзжали къ Двинску. Въ старомъ дорожникѣ у Григорія Ивановича стоялъ Динабургъ, и бородачъ замѣтилъ, что вотъ нашли же безопаснымъ Динабургъ назвать Двинскомъ, — и нѣтъ никакого раскола! Даже и Петербургъ если велятъ называть какъ нибудь по русски, тоже не будетъ раскола. Нельзя знать, чего и кого нѣкоторые люди боятся; все равно, что иные боятся темной комнаты... Они забываютъ, что теперь народъ поумнѣе сталъ, чѣмъ былъ двѣсти лѣтъ назадъ. При освобожденіи крестьянъ, Александръ II въ своемъ манифестѣ говорилъ: «вѣрю въ здравый смыслъ русскаго народа», а теперь, кажется, многіе думаютъ, что народъ смысла лишился и календаря не пойметъ. Но въ болѣе важныхъ случаяхъ правительство все чаще и чаще стало обращаться непосредственно къ народу; а когда дворянство совершенно исчезнетъ изъ глухихъ угловъ, то вѣдь никого, кромѣ крестьянскихъ властей, и не останется. Какъ же тогда-то быть? Надо подготавливаться къ этому времени, учить народъ, не жалѣя средствъ; тогда и поймутъ, что вѣрить ему можно.

Digitized by Google

— Много вы въ свою поѣздку видѣли и многому ли научились? Съ чего начнете вы, чтобы въ своихъ мѣстахъ примѣнять хорошее?— спросилъ я.

— Я бы началъ съ раздѣленія большихъ селъ,—съ живостью заговорилъ Григорій Ивановичъ. — По тысячѣ и по двѣ тысячи душъ хорошо жить въ городахъ, гдѣ занимаются ремеслами да торговлей; а для земледѣлія неудобно ѣздить на работу за 10 и за 12 верстъ. Разумѣется, у насъ фермерское хозяйство еще рано заводить, но разселяться на поселки въ 40 и въ 60 душъ весьма возможно, и поля можно округлять; а, главное, поселки въ 60 душъ освобождаются отъ круговой поруки,—вѣдь это первый залогъ благосостоянія. Среди поселковъ могли бы и дороги быть, и пастбища, а малое общество скорѣе согласилось бы на травосѣяніе. Это было бы переходомъ къ плодопеременному и многопольному хозяйству.

— Хорошо бы вводить у насъ,—перебилъ Вася, — тафельныя постройки: онѣ дешевы, прочны и отъ пожара безопасны. Это избавило бы народъ отъ глинобитныхъ и сырцовыхъ построекъ. Понятно, нужда можетъ загнать мужиковъ и въ норы, и въ берлоги; а когда лѣса уничтожатся, то будутъ жить и въ избахъ изъ сырцоваго кирпича, но тамъ каждому будетъ вѣкъ короче на 5, а то и на 10 лѣтъ.

— Вѣрно!—подхватилъ Михаилъ Ивановичъ.—Кирпичи можно дѣлать въ каждомъ селѣ на мірскихъ заводахъ, а обжигать живой. На обзаведеніе дѣла земство могло бы дать суммы изъ страховаго запаснаго капитала, а работать могли бы провинившіеся, вмѣсто того, чтобы ихъ подъ арестомъ держать безъ дѣла.

— Если развивать эту мысль,—сказалъ Григорій Ивановичъ,— то при обязательномъ страхованіи земство могло бы вмѣсто денегъ засчитывать въ годовые платежи мірскіе кирпичи. Послѣ же пожаровъ, эти кирпичи пошли бы вмѣсто страховыхъ вознагражденій. Въ небольшихъ поселкахъ большихъ пожаровъ не будетъ, а при кирпичныхъ постройкахъ они и вовсе прекратятся. При готовомъ матеріалѣ, можно было бы двухъэтажныя каменныя училища построить.

— И очень было бы возможно!—дополнилъ эту мысль Михаилъ Ивановичъ.—На училище пошли бы кирпичи со всей волости, отъ пяти-шести окрестныхъ обществъ; подвозъ домашній, не то, что на Волгу за плотами ѣздить, да строить избы изъ бревенъ опять для пожара. Еслибы это дѣло началось, то можно бы такъ хозяйствовать, что послѣ пожара въ какомъ нибудь селеніи и крестьянскія избы строить изъ волостныхъ кирпичей, а потомъ это село уплатило бы свой долгъ въ волость кирпичами же. И это было бы настоящее «взаимное страхованіе», безъ обремененія крестьянъ деньгами. Время же для работы и для подводъ найдется у мужиковъ; только не отрывай ихъ отъ дѣла, а предоставь имъ самимъ справлять свой день.

— Ну, а фермерское хозяйство вы считаете совершенно неприложимымъ у насъ?—спросилъ я.

— Отчего же нѣтъ? Оно вполнѣ возможно, только не на обще-

Digitized by Google

ственной землѣ, а на той, которую крестьяне покупаютъ на сторонѣ въ свою полную собственность черезъ крестьянскій банкъ или съ аукціона. На общественной землѣ можно заводить фермы только въ самыхъ дальнихъ поляхъ; но опять таки не отчуждая земли въ полную собственность, такъ чтобы фермеръ не могъ продавать ее, и чтобы земля всегда считалась общественной. Въ свою очередь нужно, чтобы и общество ранѣе срока не могло тревожить фермера или вмѣшиваться въ его распорядки.

— Лѣсъ у насъ дорогъ становится,—замѣтилъ молчальникъ,—мосты разоряютъ мужиковъ; а камня у насъ вволю по всѣмъ оврагамъ. Да и мосты-то разрушаются не отъ бойкой ѣзды и торговаго движенія,—тогда было бы не досадно ихъ чинить да строить,—а портятся и гніютъ мосты отъ дождей; пора бы ихъ постепенно замѣнять каменными, какъ мы видѣли за границей.

— Да и проѣзжія дороги слѣдовало бы камешкомъ подсыпать, а не грязью и навозомъ чинить. Грязь, сколько ни ворочай ее съ боку на бокъ, все грязью останется, а камешки ее бы скрѣпили. Начать же надо съ топкихъ мѣстъ, да не широко, хоть въ одну телѣгу, чтобы мужикамъ нетрудно было.

— А кто у насъ научитъ этому? Члены-то сами не понимаютъ, какъ и что сдѣлать и какъ выйти изъ бѣды.

— Научить найдутся люди! въ каждой волости есть отставные и запасные саперы; ихъ на службѣ еще и не тому учатъ.

— Проѣхали мы по Германіи—свѣтъ увидѣли! — началъ Григорій Ивановичъ.—И надо спасибо сказать нѣмецкому профессору. Туда мы ѣхали по той же дорогѣ, а безъ толкованія и половину того не замѣтили.

— Вѣрно!—подхватилъ Михаилъ Ивановичъ, — вотъ и въ нашемъ учительскомъ дѣлѣ, еслибы были у насъ толкователи, мы быстрѣе двигали бы народъ; а теперь мы стоимъ только на томъ, что вынесли изъ семинаріи.

— Ну, а по своему учительскому дѣлу вынесли вы что нибудь съ выставки, чтобы тотчасъ же примѣнить у насъ? — спросилъ я.

— Много вынесли,—отвѣтили почти всѣ.—Только мы люди-то маленькіе,—не отъ насъ зависитъ...

— Да и сами-то мы мало что смыслимъ; всѣ мы недоучки да самоучки,—семинаріи наши очень хромаютъ. Нѣтъ въ нихъ воли учителямъ; всѣ они, какъ поднадзорные, не смѣютъ ничего «лишняго» толковать ученикамъ; изъ программы ни на шагъ! — пробасилъ Михаилъ Ивановичъ.

— Надо бы насъ въ семинаріяхъ учить, какъ слѣдуетъ, познанію природы, окружающей мужика,—сказалъ Григорій Ивановичъ.—Въ учительскую семинарію можно бы и профессора посадить,—вѣдь насъ тамъ 60 человѣкъ, а какъ выдемъ мы, то каждый по 60 человѣкъ въ годъ выучитъ. Это значитъ 3600 человѣкъ просвѣтить; а вѣдь мы не одинъ годъ учимъ, а 10 либо 20 лѣтъ.

— Слишкомъ много умныхъ будетъ!—смѣясь сказалъ молчальникъ.—И то бы хорошо, еслибы насъ научили чертить, рисовать,

Digitized by Google

понимать географическія карты, а то всему этому учатъ да не выучиваютъ. А вѣдь сколько способныхъ мальчиковъ интересуется этимъ! И радъ бы показать, да самъ не умѣю...

— Да, попадаются мальчики, которые богатырскаго коня напоминаютъ, какъ въ сказкахъ говорится: «пока Иванъ-царевичъ одинъ замокъ отпиралъ, конь навстрѣчу ему двѣнадцать замковъ сшибъ». Отвлеченныя вещи они туго понимаютъ, а какъ начнешь съ ними проходить, напримѣръ, именованныя числа, такъ даже впередъ забѣгаютъ; вопроса не дадутъ докончить, а ужь отвѣтъ кричатъ. Купилъ я на выставкѣ для школы увеличительное стекло,—сказалъ Григорій Ивановичъ, — хочу преступленія дѣлать: показать мальчикамъ, какъ тараканы разводятся, какъ муха въ навозѣ выводится, какъ черви отъ недосмотра у овецъ плодятся, какъ тепло солнечное собирается...

— А начальства не боишься?—перебилъ Вася.

— Это, братъ, не для школы; а для любителей, да и не на улицѣ, а у себя въ домѣ,—отвѣтилъ Григорій Ивановичъ, намекая на исторію съ Ильею-пророкомъ.

Подъѣзжая по варшавской дорогѣ къ Петербургу, учителя замѣтили, что благотворное вліяніе Запада тутъ видиѣе, чѣмъ на николаевской дорогѣ. На николаевской дорогѣ ѣдешь 300 верстъ по болотамъ, и потомъ разомъ въѣзжаешь на Невскій проспектъ, такъ что и опомниться не успѣешь. На варшавской же дорогѣ культура исподволь пріучаетъ человѣка къ Петербургу, да и останавливается не на Невскомъ, а за Обводнымъ каналомъ, гдѣ и въ рваномъ картузѣ не страшно показаться...

Н. Крыловъ.

Digitized by Google

Гетманъ сторожеваго полка.

Владислава Сырокомли.

I.

За низкой горой, гдѣ поселокъ есть старый,
«Квартянымъ» полкомъ стерегутся татары;
Лазутчики путь разузнали подробный:
Ордѣ здѣсь ночлегъ выпадаетъ удобный.
— Эй, слушать! Пусть къ ночи готовится всякій,—
Какъ только приблизятся къ намъ гайдамаки,
На нихъ изъ-за горки мы лихо нагрянемъ
И крымцамъ расправу чинить мы здѣсь станемъ.—
Свой планъ разъясняетъ, какъ будетъ засада,
Самъ гетманъ вельможный, начальникъ отряда.

II.

Но въ панцырѣ шляхтичъ и рыцарь вельможный,
Закованный въ латы—совсѣмъ ужь безбожны;
Безчинствуетъ шляхта въ деревнѣ убогой,
Обозной прислуги тамъ рыскаетъ много.
Ограблены хата, сарай, кладовая;
Тамъ рѣжутъ скотину—ѣда даровая,
Грозитъ не на шутку позоръ и безчестье
Замужней, вдовѣ и дѣвицѣ-невѣстѣ.
Когда жь при обидѣ поплакать сберутся,
Еще на придачу побои найдутся...
Смѣется и веселъ, какъ будто такъ надо,
Самъ гетманъ вельможный, начальникъ отряда.

Digitized by Google

III.

Въ то время въ деревню,—какъ ночь наступила,—
Уже пробиралась татарская сила,
И, слыша, что люди тамъ съ воплемъ стонали:
— «Аллахъ будь прославленъ»!—другъ другу сказали
Враги на своемъ басурманскомъ нарѣчьѣ,
— «Гостятъ тамъ татары безъ битвы и сѣчи!
То, видно, отрядъ нашъ съ мурзой Сулейманомъ;
Такъ намъ не корысть ужь раскинуться станомъ,—
Пусть вражескій замокъ намъ будетъ награда,
Гдѣ гетманъ вельможный, начальникъ отряда».

IV.

Въ деревнѣ разгулъ отъ хмѣльнаго угара,
А зарево въ небѣ растетъ отъ пожара;
Тутъ гетманъ невольно къ нему присмотрѣлся:
— «Живѣй на коня! То мой дворъ загорѣлся»!—
Пока до усадьбы дружина скакала,
Хозяйничалъ врагъ, напроказивъ немало:
Сожженъ былъ и замокъ, и дворня побита,
А гетманша гдѣ-то татариномъ скрыта...
И понялъ, что̀ значитъ слеза и досада,
Самъ гетманъ вельможный, начальникъ отряда!

И. Толмачевъ.

Digitized by Google

ВЪ ПЛѢНУ У КИТАЙЦЕВЪ.

Исторія изъ современныхъ нравовъ Китая.

Ганнана.

(Съ англійскаго).

I.

Вопль изъ-за моря.

Брюссель, 22 апрѣля.—Сегодня вечеромъ со мной случилось необыкновенное приключеніе. Когда я отдыхалъ на верандѣ, истомленный чрезвычайно жаркимъ днемъ, я обратилъ вниманіе на прилетѣвшую птицу, которая, медленно покружившись около меня, опустилась у моихъ ногъ. Это была ласточка въ плачевномъ состояніи... ея длинныя крылья недвижно лежали распростертыя на полу; въ полузакрытыхъ глазахъ была лишь тѣнь жизни. Я протянулъ руку, и бѣдная птица, неспособная защищаться, сдѣлалась моей плѣнницей. Я замѣтилъ, что къ ея ножкѣ была привязана ниткою какая-то бумажка. Я осторожно разрѣзалъ нитку перочиннымъ ножикомъ, покрылъ птицу носовымъ платкомъ, чтобы она не улетѣла, и принялся разсматривать бумажный обрывокъ. Передо мною была смятая и разорванная во многихъ мѣстахъ бумажка. Съ величайшей осторожностью я разгладилъ ее и съ радостью увидѣлъ очертанія буквъ, написанныхъ странными чернилами кровянаго цвѣта.

God's name
Lose no time
In the

rescue
prison
us
Jenth swallow

Digitized by Google

Pekin by the Chin
William Norris September
God help

Я углубился въ созерцаніе этихъ словъ, заключавшихъ въ себѣ драму, которую мнѣ хотѣлось разгадать.

Письмо было написано англичаниномъ; текстъ можно было отчасти возстановить, не смотря на важные пробѣлы.

«Ради Бога, спасите меня (или насъ), не теряйте времени, я (или мы) въ плѣну. Въ...

«Пекинъ, китайцами. Десятая ласточка.

«Вильямъ Норрисъ, сентябрь.

«Да поможетъ мнѣ (или намъ) Богъ»!

Письмо, къ несчастію, было разорвано какъ разъ на третьей строкѣ, которая давала драгоцѣнное указаніе. Тутъ стояло имя... но какое? Я старался дополнить фразу, чтобы сдѣлать смыслъ болѣе понятнымъ.

«Въ . . . . ищите насъ въ Пекинѣ» . . . . Больше я ничего не могъ придумать.

Въ моемъ душевномъ состояніи произошла перемѣна, когда я прочиталъ эту скорбную записку. Я твердо рѣшился связать свою судьбу съ судьбою человѣка, о которомъ мнѣ повѣдала ласточка такимъ страннымъ образомъ.

Одинъ изъ моихъ соотечественниковъ томится въ мрачной тюрьмѣ Пекина... Онъ повѣрялъ свои муки, тайну своего заточенія слабымъ птицамъ, изъ которыхъ только десятая достигла цѣли... Я молодъ, богатъ, свободенъ — и принимаю миссію, которую провидѣніе возлагаетъ на меня. Я давно мечталъ о приключеніи, которымъ могъ бы страстно увлечься, и, разъ таковое представилось, я не могу отказаться отъ него.

Брюссель, 23 апрѣля. — Сегодня утромъ моя бѣдная ласточка испустила послѣдній вздохъ. Я послалъ телеграмму самому близкому и старинному другу, который будетъ полезнымъ спутникомъ въ задуманномъ мною путешествіи... Я получилъ отъ него отвѣтъ: «Раньше, какъ черезъ мѣсяцъ, не могу ѣхать». Ждать мѣсяцъ, когда каждый день для Вильяма Норриса безконеченъ, какъ вѣчность,—это невозможно. Я поѣду одинъ. Маршрутъ у меня составленъ: я ѣду прямо въ Пекинъ и тамъ буду искать тюрьму, въ которой томится плѣнникъ. Кто бы могъ думать, два дня назадъ, что я, Гер-

Digitized by Google

бертъ Ванскомбъ, такъ неожиданно рѣшусь ѣхать на Дальній Востокъ?.. Я сознаю, что это—трудное путешествіе для изнѣженнаго туриста, экскурсіи котораго не выходили за предѣлы европейскихъ столицъ.

Я не буду описывать своего путешествія. Я прожилъ нѣсколько дней въ Шанхаѣ, въ восточномъ Парижѣ, — какъ прозвали этотъ городъ за его оживленные бульвары,—потому что надѣялся найти здѣсь какое нибудь указаніе. Рекомендательныя письма, которыми меня снабдилъ банкиръ, принесли мнѣ мало пользы. Не смотря на всѣ мои разспросы, я ничего не могъ узнать о Норрисѣ; эта фамилія не будила никакихъ воспоминаній у моихъ собесѣдниковъ. Оставалась одна надежда на книги для пріѣзжихъ, каковыя имѣются въ каждомъ отелѣ. Открывъ наудачу книгу, я прочелъ на страницѣ прошлаго года: «Вильямъ Норрисъ, изъ Нагасаки, прибылъ 5 августа; уѣхалъ въ Пекинъ 6 августа».

Эта замѣтка освѣжила память у служащихъ въ отелѣ, и они припомнили, что Норрисъ былъ джентльменъ высокаго роста, очень смуглый, съ едва пробивающимися усиками. «Онъ не вернулся... но онъ могъ, на обратномъ пути, остановиться въ клубѣ или у своихъ знакомыхъ»...

Только я одинъ зналъ, что онъ въ плѣну у китайцевъ, которыхъ я инстинктивно ненавидѣлъ и которые возбуждали во мнѣ непреодолимое отвращеніе. Для меня важно было узнать, что Норрисъ могъ быть живымъ. Не зная, когда именно было написано его письмо, я боялся, чтобы оно не оказалось очень давнимъ; я боялся, что Норрисъ уже умеръ, замученный своими врагами... Теперь я успокоился; со дня его заключенія прошло не болѣе года. Но какъ онъ попалъ въ плѣнъ? Этотъ вопросъ преслѣдовалъ меня. Я объяснялъ его заключеніе ненавистью, которую питаетъ каждый китаецъ къ европейцамъ; возможно также, что онъ, какъ это случается съ европейцами по незнанію китайскихъ обрядовъ, невольно оскорбилъ религіозное чувство желтолицыхъ людей. Оставался одинъ день до моего отъѣзда въ сѣверную провинцію. Я сократилъ свой багажъ до самыхъ скромныхъ размѣровъ, оставивъ все лишнее въ отелѣ. Я взялъ съ собою три револьвера и два кинжала, на случай опасности.

Въ Шанхаѣ я познакомился, въ домѣ моего банкира, съ

Digitized by Google

двумя молодыми людьми, братьями Фредерикомъ и Джемсомъ Дисей, которые показались мнѣ симпатичны. Я рѣшился довѣриться имъ и пригласилъ отобѣдать со мною. Послѣ обѣда, когда прислуживавшій намъ слуга удалился, я откровенно изложилъ имъ все дѣло.

— Я питаю полное довѣріе къ вамъ обоимъ,—сказалъ я,— и надѣюсь вернуться въ Шанхай вмѣстѣ съ Вильямомъ Норрисъ мѣсяца черезъ три, если только не погибну. Я не дорожу своею жизнью и все испробую, чтобы добиться успѣха.

Мои собесѣдники были видимо взволнованы и ничего не отвѣчали мнѣ.

— Если, по истеченіи назначеннаго мною срока, вы не получите извѣстій отъ меня, я разрѣшаю вамъ напечатать объявленіе, что въ Пекинѣ безъ вѣсти пропали два англичанина... Надѣюсь, вы постараетесь сдѣлать все возможное, чтобы узнать правду о нашей судьбѣ.

— Вы можете разсчитывать на насъ,—съ пылкостью отвѣтили оба брата.

Фредерикъ, старшій братъ, спросилъ послѣ нѣкотораго молчанія:

— А до тѣхъ поръ не можемъ ли мы быть полезными вамъ?

— Пока мнѣ не нужна помощь. Подождите, покуда я напишу вамъ или когда пройдутъ три мѣсяца, и вы не получите никакихъ извѣстій отъ меня. Впрочемъ... мнѣ нуженъ проводникъ, который болталъ бы кое-какъ по англійски и зналъ Пекинъ. Можете ли вы достать мнѣ такого проводника, или я долженъ нанять его въ Тянь-Цзинѣ?

Фредерикъ позвонилъ слугу и послалъ его за проводникомъ.

— Вы, разумѣется, желаете, чтобы мы сохранили въ тайнѣ ваше путешествіе,—сказалъ онъ.

— Пожалуйста.

— Вы считаете это необходимымъ? Не лучше ли было бы извѣстить англійскую колонію въ Шанхаѣ о вашемъ великодушномъ предпріятіи... вы бы имѣли тогда полезныхъ помощниковъ въ лицѣ вашихъ соотечественниковъ.

— Я не сомнѣваюсь, — отвѣтилъ я, — и думалъ уже объ этомъ... Но до сихъ поръ у меня одни только предположенія;

Digitized by Google

я ничего не знаю о Вильямѣ Норрисѣ, кромѣ того, что онъ въ плѣну у этихъ проклятыхъ китайцевъ. Но гдѣ? спрашивается... Всѣ мои дѣйствія пока будутъ направлены на то, чтобы найти какой нибудь слѣдъ, и содѣйствіе моихъ соотечественниковъ только стѣснитъ меня. Я увѣренъ, что въ такомъ дѣлѣ одинъ человѣкъ скорѣе достигнетъ успѣха, нежели шестеро. Мы возбудимъ подозрѣнія, если насъ будетъ много... одинъ же человѣкъ имѣетъ всѣ шансы на успѣхъ.

Младшій братъ сказалъ:

— Мнѣ бы хотѣлось взглянуть на документъ? Простите мое любопытство...

— Сдѣлайте одолженіе, я самъ хотѣлъ показать вамъ... можетъ быть, ваша проницательность объяснитъ пробѣлы, заключающіеся въ немъ.

Я вынулъ изъ коробки драгоцѣнное посланіе. Оба брата стали разсматривать его.

— Вы наклеили его на картонъ... на оборотной сторонѣ ничего не было написано?

— Ничего... Я наклеилъ на картонъ, чтобы лучше сохранить.

— Но какое значеніе можетъ имѣть слово «us» на третьей строкѣ? Пропалъ одинъ только человѣкъ; это же слово, если оно означаетъ мѣстоименіе «насъ», наводитъ на другія мысли.

— То же самое и я думалъ, когда прочиталъ въ первый разъ письмо, но потомъ увидѣлъ, что ошибся. Нѣтъ никакого основанія принять «us» за мѣстоименіе «насъ». Сдѣланный мною переводъ мнѣ кажется вѣрнымъ, и «us» есть окончаніе какого нибудь слова. Не припомните ли вы какое нибудь китайское имя, оканчивающееся на usi или usa?

Мои гости ничего подобнаго не могли припомнить.

— Какъ вы объясняете исторію документа?—спросилъ Фредерикъ Дисей.

— Самымъ простымъ образомъ: человѣкъ взываетъ о помощи изъ мѣста заключенія, гдѣ онъ пользуется нѣкоторою свободою. Онъ писалъ, конечно, своею кровью, съ помощью какого нибудь инструмента,—иголки, думается мнѣ. Это десятый посолъ, котораго онъ посылаетъ такимъ образомъ... такъ какъ онъ упомянулъ о «десятой ласточкѣ»,—вотъ все, что я могъ придумать съ тѣмъ матеріаломъ, которымъ обладаю. Но

Digitized by Google

бросимъ эти попытки разгадыванія... А вотъ и китаецъ вернулся.

Обмѣнявшись нѣсколькими словами съ китайцемъ, Джемсъ Дисей обратился ко мнѣ:

— Онъ нашелъ вамъ хорошаго проводника, за котораго я ручаюсь.

Четыре дня спустя, мы были въ Тянь-Цзинѣ.

II.

Вильямъ Норрисъ.

Лѣтомъ 18 . . , изъ Санъ-Франциско въ Іокагаму пріѣхалъ человѣкъ суроваго вида. Онъ совершалъ кругосвѣтное путешествіе безъ опредѣленной цѣли, по капризу своей фантазіи. Онъ, очевидно, любилъ уединеніе, такъ какъ не заводилъ знакомствъ и въ одиночествѣ наслаждался зрѣлищемъ природы, столь разнообразной въ этихъ широтахъ. Онъ давно уже покинулъ родину, чтобы забыть свою несчастную любовь. Послѣ смерти своего отца, случившейся незадолго до его отъѣзда, онъ былъ одинокъ на свѣтѣ и обладалъ состояніемъ, позволявшимъ ему искать забвенія въ путешествіяхъ. Его звали Вильямъ Норрисъ.

Японія ему быстро наскучила, и онъ задумалъ посмотрѣть Пекинъ. Въ Шанхаѣ онъ былъ проѣздомъ, нанялъ лодку и отправился въ Чифу и Тянь-Цзинь. Онъ не допускалъ никакихъ облегченій въ этомъ трудномъ путешествіи. Сѣверный Китай, съ его дикими пейзажами, дикимъ народомъ и отвратительными дорогами, сулилъ ему такія физическія страданія, что онъ надѣялся заглушить ими свое душевное горе.

Есть нѣсколько способовъ для переѣзда 80 миль, отдѣляющихъ столицу Небесной имперіи отъ ея гавани. Можно плыть по рѣкѣ, причудливыя излучины которой омываютъ плоскую равнину, окружающую Пекинъ. Можно ѣхать сухимъ путемъ въ носилкахъ (въ родѣ паланкина) которыя везутъ мулы. Это самый пріятный способъ передвиженія, потому что путешественникъ можетъ расположиться, какъ ему угодно, и сладко помечтать дорогою. Можно, наконецъ, поѣхать верхомъ

Digitized by Google

или въ китайской повозкѣ съ чахлыми мулами, представляющей одно изъ орудій пытокъ. Представьте себѣ простой ящикъ безъ подушекъ и рессоръ, безобразный и неудобный, и вы получите изображеніе одной изъ этихъ повозокъ. И въ такой повозкѣ Норрисъ пріѣхалъ въ священную столицу за нѣсколько минутъ до закрытія воротъ, разбитый тряскою и сожженный азіатскимъ солнцемъ. Пекинъ можно раздѣлить на три главныхъ части: императорскій городъ, китайскій и татарскій. Всѣ три части отдѣлены другъ отъ друга и отъ всего міра высокими стѣнами, которыя не боятся нескромныхъ глазъ. Императорскій городъ представляетъ святыню, недоступную для иностранца и которую ревниво охраняетъ сѣверный китаецъ, принадлежащій къ сильной и грубой расѣ. Ему принадлежитъ центральная часть Пекина, и онъ, какъ бдительный часовой, охраняетъ китайскія традиціи на этомъ посту. Въ остальной части города находятся иностранныя посольства и китайскіе храмы.

Два дня, проведенные въ прогулкахъ по Пекину, убѣдили Норриса, что дальнѣйшее пребываніе въ этомъ городѣ будетъ убійственно скучнымъ. На третій день онъ поѣхалъ смотрѣть Великую стѣну. Великая стѣна, отдѣляющая Монголію отъ Китая,—образцовое произведеніе искусства: она тянется волнообразно по горамъ и долинамъ, словно чудовищная змѣя, причудливыя кольца которой сливаются съ горизонтомъ. На пути Норрисъ остановился въ маленькой деревушкѣ Нанку и послѣ обѣда вышелъ прогуляться. Онъ не обратилъ вниманія, что удалился на большое разстояніе отъ своей гостинницы. Куря сигару, онъ съ удовольствіемъ разминалъ свои члены, онѣмѣвшіе отъ долгой ѣзды въ повозкѣ. Дорога была пустынная, и ему было пріятно, что дикая природа отдѣляетъ его отъ цивилизаціи. Насладившись этою горькою радостью, онъ нашелъ, однако, свое уединеніе опаснымъ и повернулъ назадъ въ деревню. Недалеко отъ воротъ онъ увидѣлъ три дороги и въ смущеніи остановился, не зная, которую выбрать. Сидѣвшіе по близости, на земляной насыпи, китайцы начали громко хохотать. Очевидно, они смѣялись надъ Норрисомъ, потѣшаясь надъ его смущеніемъ или надъ его европейскимъ костюмомъ. Одинъ изъ нихъ,—человѣкъ съ могучими плечами и желѣзными мускулами, какъ вообще всѣ китайцы на сѣверѣ,—поднялся

Digitized by Google

съ мѣста и, показывая пальцемъ на одну изъ трехъ дорогъ, сказалъ: «Ступайте по этой».

Норрисъ пристально поглядѣлъ на него, не смѣется ли китаецъ надъ нимъ, и повернулъ въ указанномъ направленіи. Новый взрывъ хохота остановилъ его. Онъ убѣдился, что его обманули. Но съ какою цѣлью? Желали позабавиться на его счетъ или хотѣли, чтобы онъ заблудился? Цѣпочка отъ часовъ блестѣла на его бѣломъ жилетѣ, и эта неосторожная выставка могла быть причиною всей этой продѣлки. Онъ вернулся назадъ и съ удивительнымъ хладнокровіемъ оглядѣлъ своихъ оскорбителей съ головы до ногъ. Китаецъ, показавшій ему невѣрную дорогу, подошелъ къ нему и, показывая на другую дорогу, сказалъ: «ступайте по этой».

Норрисъ—къ счастію, при немъ не было оружія—поднялъ руку и закатилъ пощечину шутнику. Это было съ его стороны смѣло и опасно въ то же время. Хохотъ усилился. Получившій пощечину китаецъ ограничился тѣмъ, что, сдѣлавъ угрожающій жестъ, словно вызывая на бой своего противника, пошелъ рядомъ съ нимъ, сопровождаемый товарищами. Только тутъ Норрисъ сообразилъ всю опасность своего положенія и съ чувствомъ глубокаго облегченія увидѣлъ свою повозку на дворѣ гостинницы. Этотъ случай, казалось, долженъ былъ бы научить его осторожности и уступчивости передъ врагомъ; но, къ несчастью,—какъ мы увидимъ дальше,—гордость увлекла храбраго молодаго человѣка на иной путь. На другой день онъ поѣхалъ на ослѣ осмотрѣть Великую стѣну, вернулся и ночевалъ въ гостинницѣ неважнаго вида. Посѣтивъ затѣмъ гробницы Мингъ, которыя произвели на него глубокое впечатлѣніе, онъ уѣхалъ обратно въ Пекинъ.

Тамъ-то и обрушились на него несчастія.

По совѣту своего проводника, онъ рѣшилъ ѣхать въ Тянь-Цзинь водою. Первая станція была Тунгчоу на Пейхо. Онъ послалъ, по обыкновенію, проводника впередъ, чтобы взять для него каюту на пароходѣ, а его кучеръ, надлежащимъ образомъ вышколенный, долженъ былъ везти его по той же дорогѣ, спустя нѣсколько часовъ. Проводникъ отправился на зарѣ, а Норрисъ хотѣлъ заѣхать сперва въ магазинъ рѣдкостей. Его кучеръ былъ увалень съ сонными глазами, съ тупымъ лицомъ курильщика опіума: внѣшній видъ его не

Digitized by Google

внушалъ довѣрія. Не смотря, однако, на свою тупость, онъ справился со своимъ дѣломъ и привезъ своего сѣдока въ то мѣсто, которое показалъ ему проводникъ наканунѣ. Покончивъ свои покупки, Норрисъ сѣлъ въ экипажъ, и кучеръ повезъ его по незнакомой дорогѣ, мимо храма Конфуція. Ему давно хотѣлось посѣтить этотъ храмъ, но какъ-то все не удавалось. Теперь же былъ удобный случай. Съ помощью выразительныхъ жестовъ, онъ приказалъ кучеру высадить его и подождать.

Спустя три часа, экипажъ съ кучеромъ все еще стоялъ на томъ же мѣстѣ, въ ожиданіи Норриса. Кучеръ, которому надоѣло ждать, забрался въ экипажъ, разлегся на мягкихъ подушкахъ, положенныхъ для сѣдока, и крѣпко заснулъ.

Пока китайскій извощикъ спалъ сномъ праведника, изъ храма вышелъ китаецъ и, поглядѣвъ по сторонамъ, направился къ экипажу. Убѣдившись, что никто его не видитъ, онъ схватилъ чемоданъ Норриса—единственный багажъ, находившійся при путешественникѣ, такъ какъ всѣ сундуки увезъ проводникъ съ собою—и вошелъ въ храмъ. Наступилъ вечеръ, повѣяло ночною прохладою и кучеръ проснулся. Исчезновеніе сѣдока нисколько его не удивило; привыкши дѣйствовать, какъ автоматъ, онъ потянулъ муловъ и безпечно поѣхалъ домой. Черезъ два дня пріѣхалъ проводникъ и провелъ нѣсколько дней въ безуспѣшныхъ поискахъ, которые бросилъ за ихъ безполезностью. Кучеръ тоже куда-то исчезъ, и мудрено было найти его въ священномъ городѣ. Въ Тянь-Цзинѣ никто не видѣлъ иностранца. Очевидно, онъ погибъ. Нѣкоторое время поговорили о необъяснимомъ исчезновеніи англичанина; а потомъ разговоры прекратились, и всѣ забыли объ этомъ происшествіи.

III.

Во власти китайцевъ.

Храмъ Конфуція,—какъ вообще всѣ китайскіе храмы,—состоитъ изъ нѣсколькихъ зданій, выстроенныхъ на священной землѣ.

Корпусъ, выходящій на дорогу, украшенъ изящною террасою, которая высится надъ аллеей столѣтнихъ сосенъ, вѣтви

Digitized by Google

которыхъ даютъ достаточную тѣнь. Норрисъ прошелъ черезъ первое зданіе и углубился подъ своды храма. За нимъ послѣдовали три китайца, навязываясь въ проводники. Такъ, по крайней мѣрѣ, онъ подумалъ, такъ какъ понять ихъ онъ не могъ, не зная ни слова по китайски. Онъ шелъ наудачу, не желая идти по тому пути, который они ему указывали. Удовлетворивъ свое любопытство, онъ хотѣлъ вернуться назадъ, какъ вдругъ одинъ изъ китайцевъ, — число которыхъ уже успѣло увеличиться,—загородилъ ему дорогу и заявилъ (такъ понялъ его Норрисъ), что онъ долженъ заплатить имъ за полученныя отъ нихъ свѣдѣнія. У англичанина было нѣсколько китайскихъ монетъ въ бумажникѣ, и онъ далъ двѣ монеты дерзкимъ попрошайкамъ. Результатъ получился не тотъ, какого онъ ожидалъ. Поднялся шумъ отъ множества голосовъ собравшихся китайцевъ, которые затѣяли ожесточенную ссору изъ-за дѣлежа денегъ. Вильямъ Норрисъ понялъ, что дѣло приняло дурной оборотъ, а его незнаніе китайскаго языка дѣлало его положеніе еще болѣе затруднительнымъ.

Къ довершенію несчастія, онъ и въ этотъ разъ былъ безъ оружія, не смотря на свое намѣреніе всегда имѣть при себѣ пистолетъ. Онъ роздалъ китайцамъ всѣ китайскія деньги, которыя были при немъ, но онъ плохо зналъ ихъ цѣнность; это отразилось на раздачѣ денегъ, и ссора китайцевъ перешла въ драку. Норрисъ почувствовалъ, что опасность, угрожавшая ему съ той самой минуты, какъ онъ переступилъ порогъ храма, возрастала все болѣе и болѣе. Надо было рѣшиться на что нибудь. Передъ нимъ два китайца дрались съ ожесточенною энергіей; ему пришла мысль воспользоваться общею свалкою, пробиться сквозь человѣческую стѣну и скрыться... Онъ бросился въ середину сцѣпившихся китайцевъ, которые раздались при такомъ сильномъ натискѣ. Моментально драка прекратилась, и всѣ эти желтолицые люди бросились съ замѣчательнымъ единодушіемъ къ выходамъ, чтобы не дать иностранцу уйти изъ храма.

Норрисъ собралъ всѣ свои силы и снова бросился на своихъ враговъ, опрокидывая однихъ и расталкивая другихъ. Китаецъ, упрямо сторожившій выходъ, почувствовалъ желѣзный кулакъ англичанина. Ошеломленные этою аттакою, китайцы отступили, спасеніе было близко... Какъ вдругъ толпа снова

Digitized by Google

бросилась на иностранца и повалила его. Свалка была ожесточенная: Норрисъ, защищая свою жизнь и свободу, дѣлалъ нечеловѣческія усилія, чтобы вырваться изъ груды тѣлъ, навалившихся на него. Борьба вскорѣ прекратилась, и англичанинъ былъ побѣжденъ.

. . . . . .

Когда Вильямъ Норрисъ пришелъ въ себя, онъ почувствовалъ страшную слабость. Въ первыя минуты онъ смутно помнилъ страшную сцену, въ которой принималъ участіе. Постепенно къ нему вернулась память, и онъ почувствовалъ, что тѣло его все разбито и мускулы надломлены въ неравной борьбѣ. Онъ хотѣлъ встать, но сильная боль помѣшала ему; руки и ноги не двигались. По тѣлу пробѣжала дрожь, дыханіе захватило, выступилъ холодный потъ... Бѣдняга понялъ, что онъ привязанъ цѣпью къ столбу, врытому въ землю. Онъ сознавалъ весь ужасъ своего положенія. Онъ лежалъ задыхающійся, обезсиленный, во власти китайцевъ, этой расы съ жестокими инстинктами и отвратительными нравами, которые насильственнымъ образомъ разлучили его съ міромъ... если только—утѣшалъ онъ себя тщетною надеждою — его кучеръ, не дождавшись его, не подниметъ переполохъ.

Его первою заботою было опознать мѣсто, гдѣ онъ лежалъ на цѣпи; задача была трудная и мучительная: его шея была такъ крѣпко привязана, что малѣйшее движеніе было невыносимо. Ему удалось, тѣмъ не менѣе, выяснить, что онъ лежалъ подъ открытомъ небомъ, подъ тѣнью дерева, недалеко отъ того мѣста, гдѣ произошла борьба, и сюда его перенесли, когда онъ былъ въ обморокѣ. Долго ли онъ лежалъ безъ сознанія, связанный? Прошло, должно быть, много часовъ: онъ сообразилъ это на основаніи двухъ фактовъ, послужившихъ ему путеводною нитью въ эту первую ночь заточенія: солнце закатывалось, когда онъ лишился чувствъ,—это онъ вспомнилъ,—а полное отсутствіе китайцевъ въ настоящую минуту доказывало, конечно, продолжительность его обморока. Китайцы ушли, потерявъ всякое терпѣніе.

Такъ онъ размышлялъ, испуская по временамъ стоны, когда двое изъ его мучителей подошли къ нему. Осмотрѣвъ его, они долго говорили между собою, и несчастный плѣнникъ дорого далъ бы за то, чтобы понять хоть нѣсколько словъ изъ ихъ

Digitized by Google

разговора. Разговоръ былъ оживленный; одинъ изъ китайцевъ, судя по одушевленной мимикѣ, сопровождавшей его слова, старался въ чемъ-то убѣдить своего собесѣдника. Не о томъ ли шла рѣчь, чтобы выбрать родъ смерти для плѣнника? Несчастный подумалъ это, слѣдя за каждымъ жестомъ въ разговорѣ. Наконецъ, они ушли, и Норрисъ вздохнулъ свободно. Одинъ изъ нихъ вскорѣ вернулся. Онъ осторожно несъ блюдо съ двумя палочками изъ слоновой кости. Безумная надежда охватила англичанина: его жизни, значитъ, не грозила опасность, если ему принесли пищу? Какіе же у нихъ были планы? Чѣмъ объяснить это вниманіе послѣ всего случившагося? И, какъ часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, за горячей надеждой послѣдовало глубокое отчаяніе. Его враги, можетъ быть, имѣли намѣреніе укрѣпить пищею его силы, чтобы онъ могъ потомъ отважно вытерпѣть утонченныя пытки, которыя готовились для него? Въ книгахъ, которыя онъ когда-то читалъ, встрѣчались подобныя исторіи... его также, можетъ быть, ожидаетъ трагическая судьба.

Китаецъ снялъ цѣпь съ его шеи и помогъ ему принять сидячее положеніе. Дѣлая жесты — единственный доступный для него способъ вести разговоръ съ европейцемъ,—онъ старался объяснить ему всю опасность побѣга почти невозможнаго. Норрисъ съ большимъ трудомъ сидѣлъ передъ блюдомъ. Кушанье было неважное: вареный рисъ и горохъ. Китаецъ съ любопытствомъ смотрѣлъ на него. Подошло еще нѣсколько китайцевъ съ выраженіемъ такого же любопытства въ лицѣ. Норрисъ глядѣлъ въ свою очередь на желтокожихъ людей, желая проникнуть въ ихъ чувства; его желудокъ требовалъ пищи; онъ хотѣлъ немедленно приняться за ѣду, но онѣмѣвшіе пальцы отказывались служить. Мало-по-малу кровообращеніе возстановилось, и, хотя къ его органамъ не вернулась еще прежняя эластичность, онъ, тѣмъ не менѣе, могъ теперь дѣйствовать пальцами и употребить въ дѣло принесенныя ему палочки. Дрожащими руками онъ схватилъ блюдо и съ жадностью поднялъ его къ губамъ. Кушанье было не хуже многихъ другихъ и показалось сноснымъ его европейскому желудку, привыкшему къ самымъ мудренымъ кушаньямъ. Когда онъ поѣлъ, китаецъ показалъ ему жестомъ, чтобы онъ легъ. Это предложеніе ему не понравилось, и онъ продолжалъ сидѣть;

Digitized by Google

тюремщикъ схватилъ его тогда за шею и повалилъ, причемъ голова плѣнника сильно ударилась о земь. Норрисъ былъ такъ слабъ, что не сопротивлялся. Его опять привязали за шею къ столбу, и онъ провелъ ночь въ этомъ ужасномъ положеніи.

Эта ночь—двадцать лѣтъ спустя, англичанинъ вспоминалъ о ней съ мучительною болью пережитаго страданія — была свѣтлая и прозрачная, какъ блестящее покрывало надъ вѣчностью, на которомъ искрились миріады звѣздъ. О, эти звѣзды сверкали, какъ драгоцѣнные камни, надъ головою плѣнника! Ему казалось, что миріады глазъ устремлены на него,—безжалостные глаза инквизиторовъ... Оцѣпененіе тѣла было нетерпимо; мозгъ отяжелѣлъ; страданія были такъ сильны, что вѣрующая душа возроптала...

Часы медленно проходили,—словно черныя птицы, которыя задѣвали его своими волочащимися по землѣ крыльями,—когда ночной мракъ началъ сѣрѣть передъ разсвѣтомъ. Онъ заснулъ тяжелымъ сномъ и въ кошмарѣ вновь пережилъ испытанный имъ ужасъ. Лучезарное солнце уже взошло, когда Норрисъ проснулся. Его тѣло совсѣмъ окоченѣло отъ утренняго холода и словно приросло къ сырой землѣ, которая служила ему постелью. Появились два китайца и, убѣдившись въ его жалкомъ состояніи, сняли съ него оковы; прошло немало времени, прежде чѣмъ Норрисъ собрался съ силами, чтобы сѣсть и отвѣдать принесенной ему пищи. Въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ онъ воображалъ себя въ одиночествѣ, такъ какъ стороживше его китайцы постоянно находились у него за спиною, но они зорко стерегли его. Послѣ полудня, тайна заточенія отчасти выяснилась для него. Къ нему явилось нѣсколько китайцевъ, и одинъ изъ нихъ подалъ ему бумажку, которую тутъ же вынулъ изъ кошелька. Норрисъ развернулъ бумажку и съ большимъ удивленіемъ прочиталъ на плохомъ англійскомъ языкѣ слѣдующія слова:

«Напишите письмо, чтобы предъявителю выдали тысячу стерлинговъ».

Плѣнникъ былъ пораженъ. Онъ смутно вспомнилъ исторію въ такомъ же родѣ, которую слышалъ отъ своего проводника. Отъ него требовали царскаго выкупа, и никто изъ окружавшихъ его китайцевъ, казалось ему, неспособенъ былъ помыс-

Digitized by Google

лить о такой чудовищной суммѣ. У него мелькнула догадка, что его тюремщики были орудіемъ посторонней воли. Одинъ изъ китайцевъ положилъ палецъ на записку, какъ бы требуя отвѣта. «Выдать предъявителю». Какому предъявителю? и какія деньги, если китайцы начисто обобрали его, отняли у него часы съ цѣпочкой и всѣ болѣе или менѣе цѣнныя вещи?.. Единственное, что онъ могъ сдѣлать — это написать чекъ на банкира, у котораго хранятся его деньги. Не о чекѣ ли думалъ авторъ записки? Можетъ быть. Но знаетъ ли онъ, какъ получаютъ деньги по чекамъ? И кто это такой? Какое положеніе занимаетъ онъ среди этихъ желтолицыхъ чертей? Эти таинственные вопросы мучительно встревожили Вильяма Норриса. Китаецъ, потерявъ терпѣніе, повторилъ свой жестъ; плѣнникъ показалъ знакомъ, что хочетъ писать, и китайцы быстро поняли его жестъ и бросились доставать все нужное для письма. Такая ихъ поспѣшность доказывала, что все было заранѣе подготовлено. Они скоро вернулись съ письменными принадлежностями, находящимися въ употребленіи у китайцевъ: съ кисточкой, банкой чернилъ и бумагой.

Норрисъ принялъ наиболѣе удобное положеніе, взялъ кисточку и легонько обмакнулъ ее въ чернила, между тѣмъ какъ столпившіеся вокругъ него китайцы съ любопытствомъ слѣдили за каждымъ его движеніемъ, переговариваясь между собою на своемъ языкѣ.

Англичанинъ *рисовалъ* свой отвѣтъ съ разсчитанною медленностью, чтобы хорошенько обдумать то, что онъ писалъ. Наконецъ, онъ кончилъ свое коротенькое и обдуманное письмо, — такое письмо, какое требовалось въ настоящемъ случаѣ.

«Я вашъ плѣнникъ. Получу ли я свободу, если уплачу вамъ тысячу фунтовъ стерлинговъ? Деньги у меня украли; я могу только дать вамъ чекъ на моего банкира. Если я напишу чекъ, получу ли я немедленно свободу»?

Въ такомъ отчаянномъ положеніи, какъ его, каждое слово имѣло цѣнность; онъ не имѣлъ времени вдаваться въ подробности; надо было отвѣчать кратко, а потому онъ такъ и отвѣтилъ. Сложивъ свое письмо онъ вручилъ его китайцу, который принесъ чернила и кисточку. Желтый, безстрастный человѣкъ развернулъ письмо и пытался разобрать знаки, ко-

Digitized by Google

торые начерталъ Норрисъ. Англичанинъ видѣлъ, что китаецъ ничего не понялъ, и заключилъ изъ этого, что никто изъ присутствовавшихъ китайцевъ не былъ авторомъ требовательнаго посланія. Китайцы, наконецъ, удалились, и Норрисъ остался теперь совершенно одинъ. Ему показалось страннымъ, что китайцы, повидимому, довольные результатомъ своего вымогательства, не облегчили его положенія ни единымъ словомъ надежды и не предоставили ему хотя бы относительной свободы? Онъ вспомнилъ о коварствѣ этого народа, о его ненасытной алчности, и сердце защемила тоска. Удовлетворятся ли его грабители тысячью фунтовъ стерлинговъ? Не потребуютъ ли отъ него еще бо́льшей жертвы? Не потребуютъ ли всего его состоянія и, окончательно ограбивъ, не подвергнутъ ли еще пыткамъ? Все это были страшные вопросы, и всякая мысль въ этомъ скорбномъ направленіи вызывала въ немъ ужасъ и предчувствіе обмана. Развѣ онъ можетъ питать довѣріе къ автору письма? Слѣдовало противопоставить хитрости хитрость и одурачить злодѣя, который лишилъ его свободы. Если на его письмо придетъ приблизительно такой отвѣтъ: «Да, вы будете свободны, если пришлете мнѣ чекъ на вашего банкира», то онъ напишетъ чекъ и подпишется чужимъ именемъ. Съ его стороны это была самозащита, и совѣсть не могла упрекать его. Воодушевленный этою мыслью, онъ снова началъ разглядывать письмо, которое держалъ въ онѣмѣвшей рукѣ. Бумага была иностранной фабрики,—англійской или нѣмецкой,—но не китайской. Эта особенность поразила его, такъ какъ ему было извѣстно, что въ Китаѣ одни лишь сановники употребляютъ бумагу иностраннаго производства. Онъ заботливо припряталъ письмо подъ одежду. Документъ могъ пригодиться впослѣдствіи. Когда вернулись китайцы, и одинъ изъ нихъ подалъ ему письмо, онъ торопливо схватилъ его, не скрывая своего нетерпѣнія. Второе письмо было слѣдующаго содержанія: «Напишите, чтобы банкъ заплатилъ; тогда можете уходить свободно. Напишите, чтобы заплатили кому бы ни было». Отвѣтъ былъ такой, какого и ожидалъ Норрисъ. Онъ будетъ свободенъ, если подпишетъ чекъ на 1,000 фунтовъ стерлинговъ. Передъ нимъ разложили необходимые для письма предметы и, стараясь измѣнить свой почеркъ, онъ написалъ:

Digitized by Google

«Прошу выдать предъявителю сего тысячу фунтовъ стерлинговъ». И подписался: «Альбертъ Дайсонъ».

Китаецъ взялъ отъ него письмо, и Норрисъ снова остался одинъ.

IV.

Убійство бонзы.

Вторая ночь въ заточеніи прошла для Норриса болѣе сносно; оковы были сняты и онъ могъ ходить взадъ и впередъ, сколько угодно. Не смотря на эту физическую льготу, онъ не былъ спокоенъ, и его тоска съ каждымъ часомъ увеличивалась. Было безразсудно надѣяться, что ему немедленно вернутъ свободу, и все таки онъ надѣялся. Все шло, между тѣмъ, по старому; его тюремщики, съ китайской пунктуальностью, принесли ему обычное блюдо. Съ разсвѣтомъ его положеніе должно измѣниться,—думалъ онъ,—это послѣдняя ночь тоскливаго ожиданія. Чекъ былъ написанъ слишкомъ поздно, чтобы можно было сейчасъ же получить деньги.

Наступилъ день, освѣтивъ мѣстность своимъ яснымъ свѣтомъ. Тюремщикъ появился на своемъ посту. Ничто не предвѣщало скораго освобожденія. Норрисъ теперь убѣдился, что тысяча фунтовъ стерлинговъ не поможетъ ему выбраться изъ храма Конфуція. Онъ подумалъ, что съ его стороны было весьма неосторожно согласиться такъ быстро на сумму выкупа, которую требовали съ него. Такое быстрое согласіе съ его стороны, въ присутствіи его тюремщиковъ, не могло развѣ пробудить еще бо́льшую алчность въ томъ или въ тѣхъ, которые посягнули на его свободу?

Дни проходили одинъ за другимъ, безъ всякой перемѣны въ обращеніи съ нимъ его тюремщиковъ. Надзоръ за плѣнникомъ былъ, впрочемъ, менѣе строгій: его не стѣсняли въ прогулкахъ, но условія заточенія оставались тѣ же, и шансы на побѣгъ не увеличивались. Норрисъ мечталъ въ своемъ одиночествѣ о томъ, какъ бы ему войти въ сношеніе со своими соотечественниками. Руки у него были свободны, бумага была, такъ какъ полученныя имъ отъ неизвѣстнаго врага письма имѣли широкія поля. Перо могли замѣнить англійскія булавки,

Digitized by Google

которыми пренебрегли ограбившіе его китайцы. Чернилами могла служить собственная кровь. Онъ имѣлъ, слѣдовательно, подъ рукою все, что было ему нужно, для того чтобы написать письмо, но являлся вопросъ: какимъ образомъ послать его по назначенію? Употребить въ дѣло традиціонный камень, который и перебросить затѣмъ черезъ высокія стѣны, окружавшія храмъ,—было бы безполезно. Во-первыхъ, золотистый песокъ, безпрестанно передвигаемый вѣтромъ, быстро схоронилъ бы его въ своихъ волнахъ, а затѣмъ онъ могъ попасть только въ китайскія руки,—въ руки его злѣйшихъ враговъ. Надо было придумать что нибудь другое. Ему пришла мысль поймать одну изъ многочисленныхъ ласточекъ, летавшихъ по цѣлымъ днямъ надъ его головою. Задача была не легкая, но развѣ можно думать о трудностяхъ предпріятія, если оно ведетъ къ свободѣ?

Провидѣніе словно сжалилось надъ нимъ: двѣ хорошенькія ласточки затѣяли драку въ чистомъ воздухѣ и, изрядно поколотивъ другъ друга клювами, упали истомленныя къ ногамъ плѣнника. Это походило на чудо. Сердце у Норриса затрепетало отъ радости. Онъ подходилъ къ птицамъ съ безконечными предосторожностями. Одна изъ нихъ улетѣла. Другая, болѣе пострадавшая, не могла улетѣть, но, тѣмъ не менѣе, не давалась въ руки. Быстро снявъ съ себя жакетъ, Норрисъ набросилъ его на птицу и такимъ образомъ поймалъ ее.

Такая удача показалась ему хорошимъ предзнаменованіемъ. Запустивъ руку подъ жилетъ, онъ осторожно вынулъ птицу и съ радостью увидѣлъ, что рана у нея легкая и быстро заживетъ. Полчаса спустя, Норрисъ принялся за письмо, которое онъ писалъ кровью. Ласточка была въ безопасности, прикрытая жакетомъ. Нитку онъ добылъ, подпоровъ свою одежду. Оставалось только привязать письмо къ шеѣ или ножкѣ ласточки и затѣмъ выпустить птицу на волю, перекинувъ ее черезъ стѣну храма. Лети въ добрый часъ... Онъ заботливо свернулъ записку и спряталъ булавку въ своей одеждѣ. Единственные слѣды необычной работы были: тонкая нитка на землѣ, записка, которую Норрисъ держалъ въ зубахъ, и ласточка, заботливо укрытая жакетомъ. Какъ разъ въ эту минуту дверь храма открылась и показались два китайца.

Одинъ изъ китайцевъ замѣтилъ птицу. Минута была опас-

Digitized by Google

ная. Норрисъ быстро сообразилъ это. Онъ прижалъ зубами записку и передвинулъ ее въ ротъ. Оставалась ласточка, присутствіе которой могло возбудить подозрѣнія... Пытаться спрятать ее, разъ ее увидѣли, было бы безуміемъ. Оставалось одно средство, которымъ онъ и воспользовался, не смотря на то, что это средство внушало ему ужасъ. Собравшись съ духомъ, онъ началъ ощипывать перья у несчастной птицы, жалобные крики которой терзали его. По окончаніи этой жестокой операціи, онъ сдѣлалъ то, что̀ дѣлывали нерѣдко китайцы,—поднесъ окровавленную птицу ко рту и сталъ ѣсть ее. Сердце у него трепетало отъ ужаса и отвращенія, а его палачи, не спускавшіе съ него глазъ, находили это естественнымъ, и... онъ былъ спасенъ.

. . . . . .

Чѣмъ дальше уходило время, тѣмъ слабѣе становилась надежда на освобожденіе, и Норрисъ предчувствовалъ, какъ бы прозрѣвалъ, что его мученія только что начинаются. Онъ понималъ, что его врагамъ невыгодно покончить немедленно съ нимъ. Онъ былъ для нихъ волшебной курицей, отъ которой они хотѣли получить какъ можно больше золотыхъ яицъ, прежде чѣмъ зарѣзать ее. И теперь, когда онъ написалъ подложный чекъ, онъ ожидалъ со дня на день взрыва гнѣва со стороны его враговъ, когда обманъ откроется. Тѣмъ не менѣе, онъ упорно держался своей системы выжиданія и подложныхъ чековъ. Онъ надѣялся этимъ способомъ выиграть время и добиться успѣха въ задуманномъ предпріятіи, которое не удалось въ первый разъ, вслѣдствіе неожиданнаго прихода его тюремщиковъ.

Надзоръ за нимъ былъ такой же, какъ и прежде. Наблюдали за каждымъ его движеніемъ; пищу ему приносили съ прежнимъ церемоніаломъ, но она долго оставалась нетронутою, прежде чѣмъ онъ рѣшался утолить свой голодъ, — такъ его мучило воспоминаніе о ласточкѣ. Нѣсколько дней спустя, ему дали пару ковровъ, на которыхъ было разрѣшено сидѣть. Это было единственное улучшеніе въ его обстановкѣ. Дни смѣнялись днями одинаково однообразными; Норрисъ терялъ силы среди этой тревожной безмятежности и проводилъ время въ утоленіи голода и жажды и въ мечтахъ о побѣгѣ. Напрягая свой умъ все въ одномъ и томъ же направленіи, онъ при-

Digitized by Google

думалъ, наконецъ, способъ болѣе удачный, чѣмъ прежніе его проэкты, которые онъ бросилъ вслѣдствіе ихъ непрактичности. Онъ замѣтилъ, что когда сторожъ приносилъ ему пищу, то закрывалъ за собою дверь такъ медленно, что еслибы Норрисъ бросился на него, то могъ бы убить его, прежде чѣмъ дверь была закрыта. Къ несчастію, у него не было оружія. Развѣ могли его исхудалыя руки задушить китайца настолько быстро, чтобы ничего не было слышно? Онъ не считалъ этого возможнымъ. Надо было приготовить петлю или изъ веревки, о которой безполезно мечтать, или изъ ковровъ, которые ему дали. Онъ ревностно принялся за работу, всю ночь работалъ руками и зубами, какъ первобытный человѣкъ, и кончилъ къ утру свою работу. Теперь надо было ждать удобнаго момента. Его орудіе было чрезвычайно простое,—это была затяжная петля, которую онъ долженъ накинуть на шею китайца и удавить его. Планъ былъ отчаянный и опасный, но выбирать было не изъ чего. А судьба словно задалась цѣлью преслѣдовать его. Сторожъ ни разу не пришелъ одинъ съ тѣхъ поръ, какъ Норрисъ рѣшился покончить съ нимъ. Норрисъ пришелъ въ еще бо́льшее отчаяніе. Словно злой геній ополчился на него и мѣшалъ всѣмъ его проэктамъ. Въ своей тоскѣ онъ вспомнилъ о ласточкахъ. Потерпѣвъ неудачу съ первой ласточкой, онъ отказался воспользоваться граціозными летуньями, чтобы послать вѣсть о себѣ своимъ соотечественникамъ; теперь онъ снова подумалъ о нихъ. Китайцы видѣли, какъ онъ ѣлъ трепещущую птицу, и не помѣшаютъ ему ловить ласточекъ. Въ храмѣ было много ласточкиныхъ гнѣздъ. Ночью, Норрисъ съ кошачьей ловкостью взлѣзъ на дерево и, отломивъ нѣсколько вѣтокъ, связалъ ихъ вмѣстѣ обрывками матеріи отъ своей одежды и соорудилъ изъ нихъ гибкую жердь, которою можно было достать гнѣзда на самой большой высотѣ. Онъ намѣревался ударять птицъ своею импровизированною тростью, чтобы оглушить ихъ и, такимъ образомъ, овладѣть ими. Результатъ не оправдалъ его ожиданій; грубо сдѣланная трость била по пустому мѣсту; приходилось бросить ее. Тогда онъ задумалъ сплести сѣть изъ того же самаго матеріала. Первая попытка вышла тоже неудачная, но изобрѣтательный умъ англичанина помогъ ему одолѣть разныя препятствія. Послѣ невыносимыхъ трудовъ и многочисленныхъ

Digitized by Google

неудачъ, онъ, наконецъ, поймалъ одну ласточку. Этотъ первый успѣхъ ободрилъ его, и онъ шелъ къ своей цѣли съ настойчивостью, достойною успѣха. Всякій разъ, что ему удавалось поймать ласточку, онъ писалъ кровью коротенькую записку, которую посылалъ... на волю божію. Такимъ образомъ онъ отправилъ десять ласточекъ. Но его ожидало новое несчастіе.

Однажды онъ поймалъ ласточку и нашелъ у нея подъ крыломъ свою записку. Всѣ его попытки оказались безполезными. Ласточки не улетали за предѣлы храма, а оставались вѣрны своимъ гнѣздамъ. Одиннадцатая ласточка, пойманная имъ, была немного помята въ борьбѣ и осталась на крышѣ храма. Она могла попасть въ руки его враговъ, и его тайна была бы открыта въ такомъ случаѣ. Онъ старался ручкою отъ своей сѣти достать до птицы, чтобы столкнуть ее съ крыши и снова перекинуть черезъ стѣну. За этимъ занятіемъ его засталъ одинъ изъ тюремщиковъ, который принесъ ему пищу. Желтолицый человѣкъ остановился, вытаращивъ глаза на непонятное для него зрѣлище. Ласточка слабо билась подъ покрывавшей ее одеждой. Норрисъ не сразу замѣтилъ присутствіе китайца. Когда онъ его увидѣлъ, онъ понялъ, что медлить было нельзя. Дверь храма была пріотворена. Онъ былъ застигнутъ, но китаецъ пока былъ одинъ и не выказывалъ тревоги. Со спокойнымъ видомъ, Норрисъ снялъ съ пояса свою веревку съ затяжною петлей, всталъ и пристально сталъ вглядываться во что-то за спиною китайца. Тотъ слѣдилъ за его взглядомъ и натурально обернулся, желая знать, на что онъ смотритъ. Затяжная петля тотчасъ же обвилась вокругъ его шеи и смертельнымъ кольцомъ сдавила ему горло. Удавленіе было моментальное. Несчастный вскинулъ руки впередъ и упалъ... лицо у него почернѣло; онъ былъ мертвъ.

Дикая радость охватила Норриса. Онъ добрался до двери и проникъ въ храмъ. Другая дверь,—выходная,—была открыта. Онъ бросился къ этой двери. Тамъ его ждала свобода, которую онъ купилъ дорогою цѣною,—цѣною преступленія. Онъ обратился къ Богу съ краткою молитвою, прошелъ почти весь храмъ, какъ вдругъ показались два китайца и побѣжали за нимъ, испуская громкіе крики. Страхъ придалъ ему крылья; онъ былъ уже у двери, но здѣсь китаецъ высокаго роста

Digitized by Google

загородилъ ему дорогу. Норрисъ съ силою толкнулъ китайца, а тотъ, падая, схватилъ его за лодыжку. Норрисъ повалился, какъ подкошенный. Онъ снова былъ въ плѣну.

V.

Пытка расплавленнымъ свинцомъ.

Попытка Норриса убѣжать разбудила жестокіе инстинкты въ его врагахъ. Всѣмъ извѣстно, что сѣверные китайцы обладаютъ секретомъ утонченныхъ пытокъ, которымъ они хладнокровно подвергаютъ несчастныхъ, находящихся въ ихъ власти.

Англичанинъ нѣсколько часовъ пролежалъ на землѣ безъ чувствъ, полумертвый, въ естественномъ невѣдѣніи того, что̀ его ожидало.

Убитый имъ китаецъ былъ священникъ, а для иностранца убійство китайскаго священника грозило послѣдствіями, исключающими всякую жалость къ виновному. Надо было очистить храмъ, гдѣ была пролита кровь, и умилостивить Всевышняго... понятно, какимъ способомъ.

Еслибы Норрисъ, вмѣсто того чтобы лежать безъ чувствъ на землѣ, былъ на ногахъ, когда нашли тѣло священника, то весьма вѣроятно, что его враги, въ порывѣ ярости, убили бы его тутъ же на мѣстѣ. Но если обстоятельства спасли его отъ короткаго суда, его тѣмъ не менѣе ожидала страшная судьба.

«Кровь не смываетъ крови; расплата жизнью за жизнь— не искупленіе»... Когда священники нашли своего товарища безъ признака жизни, задушеннаго иностранцемъ, который осквернилъ, слѣдовательно, святыню храма, они начали обсуждать, какой бы казни подвергнуть виновнаго. Они полагали, что смерть иностранца не можетъ быть пріятнымъ даромъ для души убитаго товарища: чтобы отомстить за него, убійца долженъ вытерпѣть такія же мученія, какія ожидаютъ его въ аду. Эта дьявольская мысль пришлась по душѣ самымъ жестокимъ китайцамъ... Раны Норриса, который упалъ лицомъ на землю, были весьма опасны. Онъ пришелъ въ себя, спустя нѣсколько часовъ послѣ своего паденія, съ тяжелою головою, въ горячечномъ состояніи.

Digitized by Google

Китайскіе священники, которые окружали его, смотрѣли на него злобными глазами, словно хищные звѣри, взирающіе на свою добычу, прежде чѣмъ растерзать ее.

«Пытка не должна убивать жертву; въ противномъ случаѣ она безполезна, такъ какъ не даетъ продолжительнаго наслажденія».

«Если виновный слабъ или боленъ, онъ сойдетъ съ ума отъ первой же пытки; онъ не будетъ сознавать, что его ожидаетъ смерть по окончаніи страшныхъ физическихъ страданій. Не стоитъ, слѣдовательно, подвергать пыткѣ больнаго человѣка».

Свѣдущіе въ этомъ отношеніи китайцы рѣшили ждать, пока Норрисъ настолько окрѣпнетъ, чтобы перенести все, что только можетъ вынести живое существо, чтобы испытать жгучее ощущеніе человѣка, котораго толкаютъ въ пропасть, но не даютъ ему упасть, и взоръ человѣка съ мольбою взираетъ на пропасть,—его душа жаждетъ конца, сердце жаждетъ смертельнаго удара... который не приходитъ. Китайцы ждали терпѣливо. Норрисъ былъ долгое время очень слабъ и лежалъ на коврахъ, которые замѣняли ему постель. Надо замѣтить, что священники, желая достигнуть своей ужасной цѣли, всячески старались укрѣпить его силы. Они ухаживали за нимъ и хорошо кормили его. Они даже молились о томъ, чтобы иностранецъ выздоровѣлъ. Неусыпно наблюдая за нимъ, они держали его въ одномъ изъ небольшихъ зданій храма, подъ надежною защитою отъ убійственнаго южнаго солнца.

По мѣрѣ того какъ силы возвращались къ нему, Норрисъ чувствовалъ неутолимую жажду и жадно пилъ воду, которую ему приносили. Это была одна изъ пытокъ, которую враги рѣшили примѣнить къ нему; его жажда все увеличивалась, а они хладнокровно уменьшили порцію воды. Сперва онъ сѣтовалъ на это, но потомъ страшная истина представилась ему, и физическое страданіе присоединилось къ его душевнымъ страданіямъ.

Прошла недѣля съ тѣхъ поръ, какъ неудача постигла его планы. Наступилъ часъ возмездія, и его бѣдное тѣло испытаетъ на себѣ утонченную жестокость, свойственную китайцамъ. Послѣ жаркаго времени года наступитъ зима, и выздоравливающій англичанинъ съ грустью слѣдилъ, какъ дни слѣдовали за днями,

Digitized by Google

и не мечталъ уже о дорогой свободѣ, такъ какъ суровая зима должна разрушить всѣ его планы на побѣгъ. Что̀ касается до будущаго лѣта, то онъ и не думалъ дожить до него... Онъ совершенно вѣрно судилъ, что закрытіе порта Тянь-Цзиня, который зимою бываетъ блокированъ льдомъ, помѣшаетъ его соотечественникамъ явиться къ нему на помощь, предположивъ, что пойманныя имъ въ храмѣ Конфуція ласточки проникли въ цивилизованный міръ съ вѣстью о немъ. Онъ не обманывался насчетъ ожидавшей его судьбы. Онъ убилъ, — и пощады ему не будетъ. Нѣкоторая перемѣна въ обращеніи его палачей съ нимъ показала ему, что развязка близка. Съ нимъ обращались теперь также, какъ обращались до убійства священника, но онъ былъ лишенъ свободы движеній, такъ какъ цѣпь на ногахъ не позволяла ему много двигаться. Онъ тщетно пытался разгадать причину, побудившую китайцевъ перемѣнить свое обращеніе съ нимъ, и приписывалъ эту перемѣну ихъ корыстолюбію. Возбужденная фантазія подсказывала ему также и другое предположеніе. Онъ вспомнилъ ласточку, не желавшую улетѣть, которую онъ насильно перекинулъ черезъ стѣну. Не попала ли она въ руки того, кто держалъ его въ заточеніи? И этотъ человѣкъ боится, что соотечественники Норриса потребуютъ когда нибудь отчета у него въ жестокомъ обращеніи съ плѣнникомъ; можетъ быть, это офиціальное лицо, которое боится, чтобы не произошелъ разрывъ между Китаемъ и Англіей, если приключеніе въ храмѣ Конфуція кончится трагически?

Однажды утромъ, когда Норрисъ переживалъ во снѣ блаженные часы въ кругу своей семьи, его разбудилъ приходъ трехъ священниковъ, которыхъ сопровождалъ китаецъ, бѣдно одѣтый. Китаецъ подошелъ къ Норрису и связалъ ему руки толстыми веревками; затѣмъ онъ связалъ ему ноги точно такимъ же образомъ. Англичанинъ бросалъ вокругъ себя безумные взгляды; сначала онъ не сопротивлялся, но потомъ сталъ кричать, звать на помощь, въ безумной надеждѣ, что помощь явится. Палачи ринулись на него и бросили его на землю, задыхающагося, разбитаго. Тотъ же китаецъ, который вязалъ его, подошелъ къ нему съ ножемъ въ рукѣ. Норрисъ закрылъ глаза, думая, что пришелъ его послѣдній часъ. Но этотъ человѣкъ пришелъ не убить его, а только обстричь ему волосы.

Digitized by Google

Китаецъ-цирульникъ добросовѣстно исполнилъ свое дѣло и выстригъ Норриса прядями, подъ наблюденіемъ священниковъ.

Въ Китаѣ существуетъ обычай, обязательный для лицъ, принимающихъ духовный санъ,—обычай варварскій, который требуетъ, чтобы на обнаженный черепъ священника были пролиты одна или двѣ капли расплавленнаго свинца. Но какое же отношеніе имѣла эта церемонія къ Вильяму Норрису? Дѣло въ томъ, что, испытавъ на себѣ страшную боль, которую причиняетъ расплавленный металлъ, падая на обнаженную кожу, священники рѣшили примѣнить этотъ обычай къ англичанину, но они рѣшили сдѣлать это не въ той формѣ, которая практикуется у нихъ при совершеніи этого обряда и которая казалась слишкомъ мягкою этимъ желтолицымъ чудовищамъ... Они рѣшили вылить на черепъ несчастнаго цѣлую вазу расплавленнаго свинца. Не сознавая ясно, что должно произойти, Норрисъ подумалъ, что его враги въ насмѣшку велѣли обрить ему голову, что этимъ и ограничится ихъ месть; но эта мысль промелькнула, какъ молнія, и онъ понялъ, что ненависть китайцевъ врядъ ли удовлетворится такою дѣтскою затѣей. Китайскіе цирульники, не смотря на все ихъ искусство, работаютъ весьма медленно, но это понятно, такъ какъ они не должны оставлять ни одного волоска на тонзурѣ. Это чисто религіозное обязательство пріучаетъ ихъ къ утомительной кропотливости, которая измучила Норриса. Священники сперва наблюдали за работой цирульника, а потомъ отошли въ сторону, видимо довольные этими приготовленіями къ пыткѣ. Норрисъ былъ, наконецъ, обритъ; ни одного волоска не было оставлено на головѣ, не было оставлено даже той традиціонной пряди, которую отращиваютъ китайцы для своего характеристическаго хвоста. По окончаніи операціи, цирульникъ обвязалъ голову Норриса чалмою, которую крѣпко стянулъ, и удалился. Пришли палачи и развязали плѣннику руки. Руки у него оставались свободными весь этотъ день... онъ ѣлъ и пилъ, какъ всегда, но оставался привязаннымъ къ землѣ. Несчастный походилъ на тѣнь; его автоматическія движенія показывали, что только животная сторона въ немъ терпѣла страшныя страданія, но оцѣпенѣвшая мысль не пробуждалась изъ своего скорбнаго забытья.

Наступилъ день, освѣтивъ страдальческое лицо англича-

Digitized by Google

нина. Тупымъ взглядомъ встрѣтилъ онъ своихъ трехъ мучителей. Они связали ему руки на спину и сняли цѣпь съ ноги. Его привели на тотъ дворъ, гдѣ онъ провелъ первые дни своего заточенія, и тамъ онъ увидѣлъ, вокругъ пылающаго огня, собравшихся священниковъ. На приготовленномъ очагѣ стоялъ желѣзный сосудъ, поддерживаемый кольями. Норриса подвели къ этому странному снаряду, который возбуждалъ въ немъ любопытство и тревогу. Когда онъ приблизился, то увидалъ, что въ сосудѣ былъ расплавленный металлъ... Растерянным взглядомъ обвелъ онъ свирѣпыя лица, окружавшія его, желая узнать свою судьбу... страхъ невѣдомой пытки проникъ въ его душу. Когда съ головы его сняли чалму, ощущеніе холода пронизало обнаженный черепъ. Началась одна изъ страшнѣйшихъ пытокъ, воспоминаніе о которой запечатлѣлось огненными буквами въ его памяти. Одинъ изъ палачей мѣшалъ расплавленный свинецъ тонкою металлическою палочкою, а другой снялъ съ огня сосудъ и поднялъ его надъ головою осужденнаго.

Несчастный заревѣлъ нечеловѣческимъ голосомъ:

«Великій Боже, сжалься надо мною»!.. и его вопль вознесся въ небо, а вокругъ него трепетала жизнью счастливая природа... Китаецъ поднялъ роковой сосудъ надъ головою жертвы; другой китаецъ погрузилъ длинную ложку въ кипящій металлъ.

Налитые кровью глаза Норриса, словно два кровавыхъ шара, казалось, вышли изъ своихъ впадинъ.

На его обнаженный черепъ упала съ тяжелымъ звукомъ капля свинца... Затѣмъ другая... третья... глубокій мракъ окуталъ землю, врата адовы открылись передъ осужденнымъ... все—и безумное видѣніе, и муки, погрузилось въ неизвѣданную пучину...

. . . . . .

Больше мѣсяца Вильямъ Норрисъ не приходилъ въ сознаніе. Онъ бродилъ несвязанный по двору, гдѣ лѣтомъ ласточки вили гнѣзда. Онъ жилъ теперь животною жизнью, ѣлъ, потому что голодный желудокъ требовалъ пищи... ползалъ по двору, царапая ногтями холодную землю. Иногда онъ ворчалъ и стоналъ, какъ бѣдная раненая собака. На ночь Норрисъ прятался въ хижину, сколоченную изъ досокъ, или, вѣрнѣе сказать, въ

Digitized by Google

нишу, обвѣшанную теплыми мѣхами, и словно презиралъ сильный холодъ, который бываетъ въ это время года въ Пекинѣ. Суровая погода нисколько не дѣйствовала на него; онъ, казалось, не замѣчалъ ея, и это равнодушіе къ всему показывало его полнѣйшее нравственное угнетеніе. Очень возможно, что лѣтомъ состояніе его здоровья пострадало бы отъ жары. Онъ, пожалуй, умеръ бы отъ злокачественной лихорадки, которую не переносятъ истощенные организмы. Теперь же холодный воздухъ, какъ сильный реактивъ, освѣжалъ его воспаленный лобъ, прохлаждалъ его мозговыя оболочки и укрѣплялъ разбитые члены. Вся зима прошла для Норриса въ борьбѣ со смертью. И онъ сильно измѣнился за это время: жертва неумолимой судьбы, онъ не имѣлъ уже безумнаго и скорбнаго вида; лицо его выражало теперь благоразумную, почти хитрую покорность. У него выросли волосы,—короткіе бѣлые волосы, которые отчасти закрывали рубцы на его больномъ черепѣ.

VI.

По слѣдамъ.

Тянь-Цзинъ, 1 іюля.—Я пріѣхалъ вчера, и въ настоящую минуту я въ домѣ г. Бонзеля, нѣмецкаго джентльмена, которому я былъ рекомендованъ Джемсомъ Дисей. Я сошелся съ нимъ въ первое же свиданіе и сообщилъ ему о цѣли своего путешествія. Онъ мнѣ посовѣтовалъ навести справки въ Тянь-Цзинѣ, прежде чѣмъ ѣхать въ Пекинъ. Восемь-девять мѣсяцевъ назадъ,—помнится ему,—ходили слухи объ англичанинѣ, безъ вѣсти пропавшемъ въ Пекинѣ. Онъ поручилъ своему слугѣ-китайцу, которому довѣрялъ, разузнать, насколько справедливы были эти слухи. Китаецъ, къ моему глубокому прискорбію, ничего не могъ узнать.

Тянь-Цзинъ—тихій городъ. Всѣ европейцы, живущіе здѣсь какъ бы въ добровольномъ изгнаніи, очень дружны между собою. Мои возбужденныя чувства держатъ меня постоянно въ напряженномъ состояніи, и я недостаточно цѣню встрѣченную мною привѣтливость. Я осмотрѣлъ туземный городъ сегодня утромъ. Мнѣ стоило большаго труда достать себѣ

Digitized by Google

экипажъ, весьма подозрительный въ отношеніи удобства и чистоты. Представьте себѣ ветхую отъ долголѣтней службы *джинрикту*, изъ которой мнѣ приходилось выходить, когда дорога была недостаточно ровная. И это случалось часто, потому что ручьи, протекающіе по городу капризными излучинами, были теперь сухи, и русла ихъ представляли глубокія выбоины. Улицы въ городѣ напоминаютъ русла ручьевъ и узенькихъ рѣчонокъ, полны такою же сухою пылью, и ѣзда по нимъ чрезвычайно непріятна.

Г. Бонзель вызвался написать своему пріятелю-китайцу, занимающему высокій постъ въ Пекинѣ, чтобы онъ навелъ нужныя для меня справки въ этомъ городѣ. Этотъ человѣкъ, по словамъ г. Бонзеля, можетъ быть очень полезенъ мнѣ, и онъ одинъ можетъ помочь, если мнѣ придется войти въ сношенія съ его соотечественниками. Какъ это ни странно, но такое предложеніе не соблазнило меня. Дѣло въ томъ, что я люблю самъ вести свои дѣла, не обращаясь за помощью къ неизвѣстнымъ мнѣ посредникамъ. Мнѣ удалось убѣдить моего гостепріимнаго хозяина предоставить событія ихъ естественному ходу, а спасеніе Норриса — исключительно мнѣ. Я обѣщалъ ему, однако, обратиться къ услугамъ его пріятеля, когда буду въ Пекинѣ.

Тянь-Цзинъ, 3 іюля. — Наконецъ-то я имѣю нѣчто осязательное... Я напалъ на слѣды Вильяма Норриса, которые доведутъ меня, можетъ быть, до плѣнника. Слуга г. Бонзеля узналъ имя китайца, который служилъ проводникомъ Норрису. Въ настоящее время его нѣтъ въ городѣ; полагаютъ, что онъ отправился въ Пекинъ, сопровождая двухъ европейцевъ. Пуститься на поиски за нимъ,—это все равно, что искать иголку въ кучѣ сѣна. Мы могли только разъѣхаться съ нимъ, а не встрѣтиться, такъ какъ нѣсколько дорогъ ведутъ изъ Тянь-Цзина въ Пекинъ. Я написалъ своимъ друзьямъ въ Шанхаѣ о досадной помѣхѣ, съ которой приходилось считаться, если не желаешь все испортить, и просилъ ихъ отвѣтить мнѣ, разсчитывая получить ихъ письмо до моего отъѣзда въ Пекинъ. Главнымъ образомъ я просилъ сообщить мнѣ какія либо свѣдѣнія о Шанъ-Нимъ-Юенѣ, пріятелѣ г. Бонзеля. Если Дисей не былъ лично знакомъ съ китайскимъ сановникомъ, то могъ слышать о немъ, а для меня было важно освѣдомиться объ

Digitized by Google

этомъ человѣкѣ. Я не могу сказать, чтобы я не довѣрялъ г. Бонзелю; но его отношенія къ китайскому сановнику мѣшаютъ ему быть вполнѣ безпристрастнымъ.

А propos, я уже рѣшился не обращаться за помощью къ этому человѣку, хотя бы это мнѣ стоило вдвое больше хлопотъ и значительно съузило кругъ моихъ дѣйствій. Мои предубѣжденія противъ этой расы, знакомой мнѣ лишь по немногимъ отдѣльнымъ личностямъ изъ простаго народа, можетъ быть, несправедливы... но никакіе доводы и возраженія не могутъ побороть во мнѣ чувство ненависти къ желтолицымъ людямъ. Если я буду увѣренъ въ невозможности обойтись безъ помощи китайцевъ, то, конечно, воспользуюсь содѣйствіемъ пріятеля г. Бонзеля. Но этотъ китаецъ будетъ моимъ орудіемъ, а не я буду игрушкой въ его рукахъ. Мое рѣшеніе неизмѣнно, если даже мнѣ предстоитъ быть гостемъ въ его домѣ. Я не нарушу законовъ гостепріимства, но и не позволю одурачить себя.

Тянъ-Цзинъ, 5 іюля. — Къ удивленію моему, я получилъ сегодня письмо отъ Фредерика Дисей, и это письмо не можетъ не повліять на мои будущія дѣйствія. Я помѣстилъ его цѣликомъ въ своемъ дневникѣ:

«Милостивый государь. Съ тѣхъ поръ, какъ вы уѣхали изъ Шанхая, мы не перестаемъ думать о васъ и о цѣли вашего путешествія. Принимая живѣйшее участіе во всемъ, что касается васъ, мы строимъ различныя догадки относительно результата вашихъ первыхъ шаговъ. Мы не станемъ, разумѣется, описывать подобныя глупости, такъ какъ наше письмо къ вамъ имѣетъ серьезную цѣль; мы желаемъ только разсказать вамъ нѣкоторый случай, который можетъ измѣнить ваши первоначальные планы. На другой день послѣ вашего отъѣзда изъ Шанхая, я отправился около полудня по дѣламъ на набережную и съ удивленіемъ увидѣлъ громадную толпу,— чуть не половину туземнаго населенія Шанхая, покрывавшую набережную. Я предположилъ, что толпа любопытныхъ ожидала какого нибудь сановника императорскаго двора. Китайская толпа,—какъ вамъ извѣстно,—похожа на всякую другую толпу... она возрастаетъ по закону притяженія, и я убѣжденъ, что только десятая часть толпы знаетъ, чего она ждетъ, а девять десятыхъ совсѣмъ не знаютъ этого. Повстрѣчавшіеся

Digitized by Google

мнѣ знакомые не могли объяснить это необыкновенное стеченіе народа, но мнѣ посчастливилось кое-что узнать отъ слуги Дженкина. Ожидали парохода изъ Гонконга, на которомъ ѣхалъ знаменитый изгнанникъ. Усердно работая локтями, я пробрался сквозь толпу до самаго изгнанника. Этотъ человѣкъ—не китаецъ, но англичанинъ и китайскій подданный. Я не знаю въ подробностяхъ его исторіи: онъ былъ привезенъ ребенкомъ въ Китай, усыновленъ однимъ китайцемъ изъ Кантона и желалъ достигнуть высшихъ почестей въ новомъ своемъ отечествѣ. Правительство узнало о его происхожденіи и сослало его на островъ Формозу. Теперь его вернули изъ ссылки. Онъ отправляется, кажется, въ Пекинъ. Я не знаю, насколько вѣрна эта исторія, и не могу, къ несчастію, провѣрить ее. Если вы не имѣете ничего противъ того, чтобы я обратился къ этому человѣку, то я переговорю съ нимъ до пріѣзда его въ Пекинъ; мнѣ кажется, что онъ будетъ полезенъ вамъ болѣе, чѣмъ кто либо другой. Его зовутъ Чжинъ-Чжинъ-Ва. Это человѣкъ высокаго роста, величественной осанки, въ китайскомъ платьѣ. Онъ походилъ на принца среди этой толпы, собравшейся смотрѣть на него. Весьма вѣроятно, что его превосходство надъ соотечественниками объясняется его долгимъ изгнаніемъ, въ продолженіе котораго онъ имѣлъ время изучить человѣческое сердце. Я никогда не видалъ подобнаго возбужденія. Прибытіе этого человѣка воодушевило самыхъ равнодушныхъ. Я самъ, охваченный тою же лихорадкою, не спускалъ глазъ съ красиваго лица.

«Я все сказалъ вамъ, и вы должны рѣшить... Я увижусь съ этимъ англо-китайцемъ, когда получу отъ васъ отвѣтъ. Если вы рѣшите, согласно съ нами, что ему можно довѣриться, то я постараюсь склонить его на нашу сторону. Я думаю—это мое личное впечатлѣніе, — что ему можно довѣриться. Если у васъ возникнетъ какое либо сомнѣніе, вспомните, что онъ страдалъ душевно и физически, что китайцы держали его въ заключеніи, и что англійская кровь не могла спокойно течь въ его жилахъ въ продолженіе долгаго изгнанія. Онъ китаецъ по наружности, но китаецъ ли онъ сердцемъ? Я еще не знаю, въ какой именно формѣ я передамъ ему о вашемъ дѣлѣ, если вы мнѣ разрѣшите это. Я могу предложить ему, не обижая, вознагражденіе. Онъ, кажется, не бѣденъ...

Digitized by Google

но, можетъ быть, китайское правительство конфисковало его состояніе. Если Норрисъ,—какъ вы предполагаете,—находится въ императорскомъ дворцѣ, то мы можемъ черезъ посредство изгнанника провѣрить это подозрѣніе.

«Разрѣшите мнѣ обратиться къ Чжинъ-Чжинъ-Ва, и вы увидите, что я уговорю его быть нашимъ союзникомъ. Преданный вамъ *Фредерикъ Дисей*».

Мое первое впечатлѣніе отъ письма Фредерика Дисей было то, что мой новый другъ слишкомъ принялъ къ сердцу судьбу Норриса и, въ своемъ желаніи быть мнѣ полезнымъ, невѣрно представлялъ себѣ людей и событія. Но я ничего не имѣлъ противъ его предложенія. Обратиться къ Шанъ-Нимъ-Юену, какъ мнѣ совѣтовалъ Бонзель, было мнѣ противно, но я постепенно освоился съ мыслью, что странный человѣкъ, который только что высадился въ Шанхаѣ, можетъ быть полезенъ мнѣ. Я готовъ былъ принять предложеніе моего друга и написалъ ему, чтобы онъ переговорилъ съ Чжинъ-Чжинъ-Ва, посовѣтовавъ ему,—въ случаѣ если изгнанникъ безучастно отнесется къ исторіи Норриса,—откровенно все разсказать ему, какъ я передавалъ. Словомъ, я уполномочилъ его дѣйствовать, какъ онъ найдетъ лучшимъ. Это было благоразумно съ моей стороны, потому что, не видавъ никогда Чжинъ-Чжинъ-Ва, я не могъ узнать на далекомъ разстояніи, будетъ ли онъ помогать намъ изъ филантропіи, или надо подкупить его. Такъ какъ пріятель Бонзеля не внушалъ мнѣ довѣрія, то я и рѣшилъ воспользоваться содѣйствіемъ изгнанника, въ случаѣ его согласія помогать намъ, и это рѣшеніе успокоило меня, какъ первый шагъ на пути къ цѣли.

VII.

Изгнанникъ.

Тянь-Цзинъ, 10 іюля.—Кто первый явится, чтобы успокоить мое нетерпѣніе, — проводникъ Норриса или Чжинъ-Чжинъ-Ва?

Я не потерялъ еще бодрости, но испытываю нѣкоторое безпокойство. Какъ человѣческая воля капризна и измѣнчива!.. Вчера я почти съ презрѣніемъ согласился на эту помощь, ко-

Digitized by Google

торую сегодня считаю драгоцѣнною и безусловно необходимою... Время проходитъ скучно... Теперь я хорошо знаю туземный городъ, который осматриваю съ живѣйшимъ интересомъ.

Тянь-Цзинъ, 16 іюля. — Мнѣ надоѣлъ Тянь-Цзинъ. Однообразіе города угнетаетъ меня. Проводникъ Норриса возвратился; теперь я знаю, что мнѣ незачѣмъ оставаться дольше въ Тянь-Цзинѣ. Могу ли я возлагать большія надежды на вмѣшательство Чжинъ-Чжинъ-Ва? Послѣ долгой ссылки, пойдетъ ли онъ на рискъ, чтобы спасти неизвѣстнаго для него человѣка? Врядъ ли! и мнѣ надо было подумать объ этомъ. Можетъ быть, было бы лучше, еслибы я подождалъ курьера изъ Шанхая. Но земля горитъ подъ моими ногами... меня такъ и тянетъ въ знаменитую столицу.

Я уѣзжаю завтра на разсвѣтѣ. Различныя затрудненія,— словно терновые кусты на дорогѣ,—останавливаютъ и раздражаютъ меня. Самое главное изъ нихъ—плохое знаніе китайскихъ нравовъ и обычаевъ. Я допросилъ проводника. Бонзель присутствовалъ при нашемъ разговорѣ и служилъ переводчикомъ. По словамъ проводника, Норрисъ былъ въ Тянь-Цзинѣ годъ тому назадъ. Онъ пріѣхалъ поздно вечеромъ, провелъ ночь на пароходѣ и только утромъ высадился на берегъ вмѣстѣ со своимъ проводникомъ, котораго рекомендовалъ ему поваръ на пароходѣ. Я пропускаю пустыя подробности о посѣщеніи Великой стѣны. Въ Тянь-Цзинъ проводникъ вернулся раньше Норриса и тщетно ждалъ его. Китаецъ увѣряетъ меня, что онъ узнаетъ кучера Норриса, если увидитъ его. Это побудило меня взять его съ собою вмѣстѣ съ слугою-китайцемъ изъ Шанхая. Слѣдовало во что бы то ни стало разыскать кучера.

Мой проводникъ охотно дѣлится со мной своими мыслями. Между прочимъ, онъ сказалъ, что кучеръ могъ быть задержанъ вмѣстѣ съ бариномъ. Весьма возможно, но я держусь противоположнаго мнѣнія. Какую пользу принесло бы китайцамъ задержаніе кучера? Это былъ бы неудобный свидѣтель. Мой проводникъ уже все приготовилъ къ нашему отъѣзду, который послѣдуетъ завтра. Я отправляюсь въ носилкахъ на мулахъ.

Тянь-Цзинъ, 16—17 іюля, полночь. — Я составлялъ свой

Digitized by Google

дневникъ, когда проводникъ вошелъ въ комнату и вручилъ мнѣ пачку писемъ изъ Шанхая, въ числѣ которыхъ были письма отъ моего банкира, отъ Джемса Дисей и отъ Фредерика Дисей. Послѣднее письмо, самое интересное, оканчивалось такъ:

«Повторяю вкратцѣ мною сказанное: Чжинъ-Чжинъ-Ва согласенъ помогать намъ. Я заикнулся о вознагражденіи и былъ сурово остановленъ. Это гордый человѣкъ; я очень радъ, что заручился такимъ помощникомъ для васъ, и ручаюсь за успѣхъ. Ему извѣстно все, что вы намѣрены предпринять. Охотно отмѣчаю нѣкоторую особенность: онъ, кажется, страстно желаетъ сразиться съ пекинскими властями за справедливое дѣло. Словомъ, онъ китаецъ только по наружности, но подъ наружностью восточнаго человѣка можно легко найти гордаго и великодушнаго англичанина. Это письмо придетъ къ вамъ, вѣроятно, послѣ вашего свиданія съ нимъ, такъ какъ онъ уже выѣхалъ къ вамъ въ Тянь-Цзинъ. Если же окажется, что вы уѣхали въ Пекинъ, то онъ послѣдуетъ за вами и разыщетъ васъ во что бы ни стало. Что̀ касается до пріятеля Бонзеля, то я знаю о немъ только то, что онъ — лицо офиціальное и пользуется вліяніемъ. Его содѣйствіе не можетъ повредить вамъ, а наоборотъ... по крайней мѣрѣ, въ теоретическомъ смыслѣ... На практикѣ же, — думается мнѣ, — множественное число стѣснитъ васъ. И Чжинъ-Чжинъ-Ва, съ которымъ у меня былъ о томъ разговоръ, видимо не остался доволенъ этою комбинаціей. У него вырвалось восклицаніе: «Слишкомъ много китайцевъ знаютъ эту тайну»! И затѣмъ онъ прибавилъ: «Вы не подумали о томъ, что для васъ могло быть опасно довѣриться мнѣ?.. Представьте себѣ, что я былъ бы иной человѣкъ: представьте себѣ, что, желая заслужить милость императорскаго двора, я отправился бы въ Пекинъ объявить, что англичанинъ разыскиваетъ своего соотечественника, котораго китайцы держатъ въ заключеніи. Ваше предпріятіе потерпѣло бы неудачу»... Дорогой другъ, вы имѣете теперь всѣ данныя для успѣшнаго дѣйствія. Съ чувствомъ искренней преданности и съ пожеланіями вамъ полнаго успѣха»...

Только что я успѣлъ прочитать это письмо, какъ раздался стукъ въ дверь, возвѣстившій мнѣ о приходѣ моего новаго товарища. Я сидѣлъ за столомъ противъ двери. Проводникъ

Digitized by Google

стоялъ у порога, но я мелькомъ замѣтилъ его присутствіе,—все мое вниманіе было обращено на человѣка, высокая фигура котораго рисовалась передо мною... Я узналъ Чжинъ-Чжинъ-Ва. Я нелегко волнуюсь... я человѣкъ уравновѣшенный, но появленіе изгнанника произвело на меня глубокое впечатлѣніе и сердце у меня забилось... Я всталъ, дрожащій, протянулъ руку... и ничего не могъ выговорить, кромѣ: Чжинъ-Чжинъ-Ва. Изгнанникъ взялъ мою руку и пожалъ ее «по англійски». Это пожатіе,—крѣпкое, сердечное,—было пріятно мнѣ... тайный инстинктъ говорилъ мнѣ: это другъ, довѣрься ему!

VIII.

Наша первая бесѣда.

Я — средняго роста; Чжинъ-Чжинъ-Ва, наоборотъ, очень высокъ. Все въ немъ показываетъ силу воли,—ровное дыханіе, спокойный взглядъ и манера держать себя. Я неспособенъ увлечься первымъ встрѣчнымъ героемъ, не смотря на всѣ легенды о немъ и всѣ его доблести, принятыя на вѣру. Но я понимаю теперь, что мои друзья въ Шанхаѣ и толпа, присутствовавшая при высадкѣ Чжинъ-Чжинъ-Ва, исполнились почтенія къ этому величественному человѣку. Въ немъ есть нѣчто магнетическое. На немъ китайское платье, но оно богаче и изысканнѣе, чѣмъ у другихъ китайцевъ его ранга. Голова у него бритая, за исключеніемъ традиціоннаго хвоста, который очень длиненъ. Не смотря на эту китайскую мишуру, я смотрю на него, какъ на соотечественника, и не могу смотрѣть иначе. Воспитаніе создаетъ человѣка, придаетъ ему характеръ, который измѣняетъ расовыя черты.

Знакомъ я пригласилъ гостя садиться и сказалъ ему, что глубоко тронутъ тою поспѣшностью, съ которою онъ отозвался на мой призывъ. Онъ выслушалъ меня молча, глядя на меня умнымъ и проницательнымъ взоромъ. Мнѣ хотѣлось услышать звукъ его голоса. И... когда онъ отвѣтилъ, меня поразили изящные обороты его рѣчи. Ссылка, которая вообще дѣлаетъ рѣчь нерѣшительною, взглядъ—тревожнымъ, походку—вялою, не имѣла никакого вліянія на этого дѣйствительно необыкно-

Digitized by Google

веннаго человѣка. Онъ говорилъ чистымъ языкомъ, и его пріятный, мягкій голосъ составлялъ контрастъ съ его строгими чертами лица.

— Не благодарите меня, мистеръ Ванскомбъ; я еще ничего не сдѣлалъ для васъ. Я не имѣю вліянія, какъ вамъ извѣстно,— и при этихъ словахъ Чжинъ-Чжинъ-Ва съ горечью улыбнулся.

Онъ продолжалъ:

— М. Дисей познакомилъ меня вкратцѣ съ вашимъ предпріятіемъ... и, въ виду благородной цѣли, я готовъ всѣми силами помогать вамъ.

— Вы меня извините,—возразилъ я,—но, прежде чѣмъ брать на себя это формальное обязательство, подумали ли вы о томъ, какъ мы рискуемъ? Я бы не желалъ увлечь васъ въ предпріятіе, исходъ котораго можетъ погубить вашу будущность. Я пріѣхалъ сюда съ намѣреніемъ дѣйствовать одинъ, не думая предлагать кому либо раздѣлить со мной удачу или неудачу. По отношенію къ вамъ, дѣло принимаетъ еще болѣе щекотливый оборотъ... Ваше положеніе при императорскомъ дворѣ очень шатко... Вы можете пострадать, помогая мнѣ въ розыскахъ. Я готовъ рисковать своею жизнью, но вы не должны,—у васъ нѣтъ уважительной причины къ тому.

— Продолжайте,—сказалъ Чжинъ-Чжинъ-Ва.

— Кажется, я вѣрно поставилъ вопросъ? Я рискую быть убитымъ, и только... а вамъ грозитъ новая ссылка.

— Вы полагаете, что меня могутъ остановить такія жалкія соображенія?

Я болѣе не настаивалъ, боясь оскорбить это великодушное сердце. Я разсказалъ ему свои планы, надежды, результатъ моихъ первыхъ попытокъ, и показалъ обрывокъ письма, обративъ вниманіе собесѣдника на нѣкоторыя особенности, которыя я отмѣтилъ. Онъ далеко не раздѣлялъ моего мнѣнія и принималъ слово «us» за мѣстоименіе.

— Я не знаю китайскаго слова съ такимъ окончаніемъ; это, конечно, англійское мѣстоименіе: «насъ». И вотъ переводъ, который я считаю вѣрнымъ съ подлинникомъ:

«Ради Бога. Помогите намъ. Не теряйте времени. Мы въ плѣну. Во Дворцѣ. Ищите насъ въ Пекинѣ у китайцевъ. Десятая ласточка. Вильямъ Норрисъ,—сентября 18... Да поможетъ намъ Богъ».

Digitized by Google

По совѣту Чжинъ-Чжинъ-Ва, мы отправимся въ Пекинъ верхомъ, а не въ носилкахъ. Мы выѣзжаемъ завтра, по закатѣ солнца. Я не имѣлъ еще случая узнать исторію Чжинъ-Чжинъ-Ва, а только узналъ изъ случайныхъ фразъ въ разговорѣ, что онъ писалъ мемуары во время своего долгаго изгнанія. Я коснулся въ разговорѣ весьма щекотливаго вопроса:—денежнаго.

Изгнанникъ тотчасъ же отвѣтилъ мнѣ откровенно:

— Мое матеріальное положеніе ставитъ меня выше всего этого... Не говорите мнѣ о вознагражденіи. У меня громадныя имѣнія отъ моего пріемнаго отца, Янгъ-Лао, который умеръ два года тому назадъ и завѣщалъ мнѣ все свое состояніе. Вѣдь вамъ извѣстна моя исторія; вы читали исторію моей жизни?..

— Я? нѣтъ... мы въ Англіи ничего не знаемъ, что происходитъ въ Китаѣ.

Онъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ.

— Но я писалъ въ Англію, описывалъ свою жизнь и свои приключенія.

— Кому же вы писали?

— Я написалъ въ Англію въ то время, когда думалъ, что долженъ умереть... Осужденный на пожизненную ссылку, я вообразилъ, что мой предсмертный вопль будетъ услышанъ. Тщетная надежда... никто и не откликнулся. Я писалъ въ школу, куда ходилъ ребенкомъ... Кто нибудь получилъ мои мемуары; не можетъ быть, чтобы они потерялись.

— Насколько мнѣ извѣстно, ваша рукопись не попала въ Англію и я никогда не слыхалъ о ней.

Изъ нашего дальнѣйшаго разговора я узналъ, что Чжинъ-Чжинъ-Ва совсѣмъ не знаетъ нашихъ обычаевъ и привычекъ. У него только языкъ и сердце англійскіе...

Тянъ-Цзинъ, 17 іюля.—Сегодня утромъ у меня былъ длинный разговоръ съ Бонзелемъ объ изгнанникѣ. Нѣмецкій негоціантъ не скрылъ отъ меня, что онъ держится невысокаго мнѣнія о моемъ новомъ товарищѣ. Дѣло въ томъ, что Чжинъ-Чжинъ-Ва откровенно высказываетъ свои мысли, и своимъ положеніемъ и познаніями легко можетъ затмить Шамъ-Нимъ-Юена.

Съ приходомъ Чжинъ-Чжинъ-Ва, мы заговорили о прія-

Digitized by Google

телѣ Бонзеля. Изгнанникъ высказалъ сомнѣніе въ полезности его услугъ для насъ. Нѣмецъ вспылилъ и потребовалъ объясненія, такъ какъ принялъ эту фразу за намекъ, неблагопріятный для репутаціи его друга.

— Вы невѣрно поняли мои слова,—хладнокровно сказалъ Чжинъ-Чжинъ-Ва:—я не говорилъ, что помощь вашего друга безполезна для насъ; я признаю его хорошія качества, но полагаю, что намъ слѣдуетъ въ первое время держать втайнѣ наши планы; на это я имѣю свои причины. Я не знаю, раздѣляетъ ли мистеръ Ванскомбъ мое мнѣніе, но выбранный мною планъ кажется мнѣ самымъ благоразумнымъ. Насъ четверо, и двое представляютъ дѣйствующую волю. Этого совершенно достаточно для такого дѣла. Для увеличенія нашихъ шансовъ на успѣхъ, мистеръ Ванскомбъ долженъ бросить европейское платье и облачиться въ китайскій костюмъ. Онъ долженъ, кромѣ того, выбрить голову, оставивъ одну только прядь волосъ на затылкѣ, въ которую мы вплетемъ фальшивую косу. Согласны вы принести эту жертву?

— Согласенъ,—отвѣтилъ я.

— Вы бывали въ Пекинѣ?—спросилъ Чжинъ-Чжинъ-Ва у г. Бонзеля.

— Да,—отвѣтилъ тотъ.—Я хорошо знаю императорскій городъ. А вы?

— Мнѣ въ особенности знакомъ китайскій городъ, тамъ у меня есть связи, которыми я воспользуюсь... Но, въ интересахъ дѣла, я требую полной свободы дѣйствій и не потерплю контроля.

— Вы правы,—сказалъ я.—Я возьму рекомендательныя письма г. Бонзеля, но не обѣщаю поступать согласно съ ними.

Нѣмецкому негоціанту было непріятно это рѣшеніе, которое отдавало меня во власть Чжинъ-Чжинъ-Ва. Но я вѣрилъ въ прямоту и твердость изгнанника, а когда вѣришь, успѣхъ почти несомнѣненъ.

IX.

Тревога.

Давно уже я ничего не записывалъ въ своей дневникъ, а мнѣ пора уже описать первыя дѣйствія человѣка, такъ

Digitized by Google

великодушно присоединившагося ко мнѣ, чтобы разыскать Норриса.

Я узналъ въ подробности и жизнь Чжинъ-Чжина-Ва, и нахожу необходимымъ разсказать здѣсь исторію человѣка, игравшаго первую роль въ этой пережитой исторіи. Онъ былъ привезенъ ребенкомъ въ Гонконгъ изъ Англіи, гдѣ у него не осталось родныхъ. Большія способности къ восточнымъ языкамъ помогли ему изучить китайскій языкъ—явленіе рѣдкое среди европейцевъ. Благодаря своему знанію, онъ невольно подслушалъ однажды разговоръ о мазурническихъ продѣлкахъ въ торговомъ домѣ, въ которомъ служилъ. Своею скромностью онъ заслужилъ любовь человѣка, который усыновилъ его, когда онъ отказался отъ своей національности и сдѣлался гражданиномъ Небесной имперіи. Онъ послѣдовалъ за своимъ другомъ Янгъ-Лао въ Кантонъ, гдѣ провелъ много лѣтъ въ изученіи наукъ. Ему дали имя Чжинъ-Чжинъ-Ва. Молодой человѣкъ занимался со страстнымъ усердіемъ, домогаясь ученыхъ степеней, чтобы сдѣлаться государственнымъ человѣкомъ. За нимъ установилась въ южномъ Китаѣ репутація трудолюбиваго студента, которая сулила ему блестящую карьеру. Его успѣхи на экзаменахъ возбудили злобу противъ него въ соперникѣ по занятіямъ, Фа-То-Манѣ. Чжинъ-Чжинъ-Ва отправился въ Пекинъ сдавать такъ называемый правительственный экзаменъ; Фа-То-Манъ послѣдовалъ за нимъ въ императорскій городъ, подкараулилъ его тамъ однажды вечеромъ въ пустынной улицѣ и бросился на него. Къ его несчастью, счастливый соперникъ обладалъ рѣдкою силою и быстро справился съ нимъ.

Правосудіе въ Китаѣ походитъ на китайскую живопись: оно страдаетъ однообразіемъ и отсутствіемъ чувства мѣры. Китайцы ополчились противъ иностранца и осудили его въ ссылку. Въ схваткѣ съ Фа-То-Маномъ, который чуть было не закололъ его кинжаломъ изъ-за угла, Чжинъ-Чжинъ-Ва вспомнилъ, что онъ не китаецъ и не убилъ своего врага, а только наложилъ на его лицо неизгладимое клеймо. Кинжаломъ самого Фа-То-Мана онъ начертилъ у него на лбу кровавыми буквами: «Чжинъ-Чжинъ-Ва». По закону возмездія, за клеймо полагается клеймо. Если Фа-То-Манъ получилъ неизгладимое клеймо, напоминавшее ему объ его покушеніи на убійство, то Чжинъ-Чжинъ-Ва въ свою очередь носилъ на груди, по приговору судьи, клеймо изгнан-

Digitized by Google

никовъ. Семнадцать лѣтъ прожилъ изгнанникъ на островѣ Формозѣ, гдѣ его раза два посѣтилъ старый другъ Янгъ-Лао. Послѣ смерти своего покровителя, Чжинъ-Чжинъ-Ва наслѣдовалъ все его состояніе. Казнь Фа-То-Мана вернула ему свободу. Когда казнили этого государственнаго измѣнника, власти прочли у него на лбу имя Чжинъ-Чжинъ-Ва и вспомнили тогда объ изгнанникѣ...

Мнѣ любопытно было узнать, въ какихъ отношеніяхъ былъ мой товарищъ съ Шанъ-Нимъ-Юеномъ, и я воспользовался отсутствіемъ г. Бонзеля, чтобы заговорить объ этомъ. Я завелъ разговоръ о недавно случившейся перемѣнѣ въ составѣ правительственныхъ лицъ и спросилъ: пользуется ли Шамъ-Нимъ-Юенъ тѣмъ авторитетомъ, который приписываетъ ему нѣмецкій негоціантъ?

Чжинъ-Чжинъ-Ва отвѣтилъ мнѣ, что указъ объ его помилованіи былъ подписанъ этимъ сановникомъ. И когда я выразилъ свое удивленіе по поводу того, что такой документъ находится у него въ рукахъ, онъ показалъ тончайшій шолковый свитокъ на цилиндрѣ изъ чернаго дерева. На шолковой полосѣ яркаго цвѣта отчетливыми знаками было изображено слово: «прощеніе». Показывая пальцемъ на два странныхъ знака, мой собесѣдникъ проговорилъ съ горечью:

— Вотъ подпись Шанъ-Нимъ-Юена, а надъ нею подпись верховной власти.

Шанъ-Нимъ-Юенъ занимаетъ почетный постъ, но его власть ограничена. Его подпись служитъ только удостовѣреніемъ подлинности документа. Я съ живѣйшимъ любопытствомъ разсматривалъ свитокъ.

— Зачѣмъ вы храните его при себѣ?

— Я дѣлаю это по необходимости. Вы забыли, что я былъ сосланъ. У меня на груди знакъ изгнанія. Первый встрѣчный, который увидитъ на мнѣ это клеймо, можетъ убить меня, какъ собаку. Еслибы я вздумалъ идти съ обнаженною грудью, мнѣ не дали бы шагу сдѣлать и побили бы камнями... Понимаете?

— Да. Этотъ свитокъ является, такъ сказать, вещественнымъ свидѣтельствомъ объ императорскомъ прощеніи. И вы не можете путешествовать безъ него. А что̀ означаетъ эта строка, не похожая на другія?

Digitized by Google

— Она означаетъ: «Свободный пропускъ для Чжинъ-Чжинъ-Ва и воздайте почести ему».

. . . . . .

Мы выѣхали изъ Тянь-Цзина, не разыскавъ кучера Норриса. По совѣту моего новаго друга, я отпустилъ проводника, котораго привезъ изъ Шанхая, и оставилъ при себѣ проводника Норриса, такъ какъ онъ могъ быть полезенъ въ нашихъ поискахъ, въ особенности относительно кучера пропавшаго безъ вѣсти англичанина, если только этотъ кучеръ не исчезъ вмѣстѣ со своимъ сѣдокомъ. Передъ отъѣздомъ я предложилъ Чжинъ-Чжинъ-Ва одинъ изъ моихъ револьверовъ, но онъ отказался, довольствуясь своимъ ножемъ странной формы, который всегда имѣлъ при себѣ.

У насъ четыре лошади,—по лошади на человѣка,—а четвертая лошадь для багажа, и она находится въ вѣдѣніи проводника. Выѣхавъ изъ города, мы поѣхали скорѣе. Поѣздка вышла очень пріятная; мой собесѣдникъ былъ живою энциклопедіей, которую я перелистывалъ порою съ нескромнымъ любопытствомъ. Наши лошади поднимали облака пыли, которыя окутывали золотымъ покрываломъ плоскую воздѣланную равнину. Съ наступленіемъ звѣздной ночи, взошла свѣтлая Астарта въ ореолѣ серебрянаго облака. Подъ ея блѣдными лучами нашъ крохотный караванъ подвигался впередъ и на зарѣ пріѣхалъ на постоялый дворъ. Мы ѣхали всю ночь, и я очень усталъ. Сообща мы рѣшили отдохнуть здѣсь. Я пошелъ искать мѣстечка, чтобы хорошенько выспаться, и скоро нашелъ его. Это было маленькое помѣщеніе, выходящее на внутренній дворъ, заставленный мулами и каретами. Меблировка въ помѣщеніи была самая первобытная и состояла... изъ земляной скамьи, служившей постелью. Я и тѣмъ былъ доволенъ; разостлалъ покрывало и растянулся, чтобы дать отдыхъ своему тѣлу, разбитому продолжительною ѣздою. Чжинъ-Чжинъ-Ва сказалъ мнѣ, что онъ не замѣтилъ ничего подозрительнаго, и я могу спокойно уснуть. Самъ онъ расположился возлѣ меня и скоро заснулъ. Я невольно заглядѣлся на его могучій торсъ... Онъ лежалъ на спинѣ. Богатая шолковая одежда была брошена въ уголъ. Въ сумракѣ была видна его обнаженная грудь, и мнѣ казалось, — не знаю, было ли это во снѣ, или на яву, — что клеймо рѣзко выступало въ темнотѣ.

Digitized by Google

Очевидно, я уже дремалъ, и все мнѣ представлялось въ смутномъ видѣ. Два китайца ворвались въ наше помѣщеніе... Они, должно быть, пришли взглянуть на грудь Чжинъ-Чжинъ-Ва. Полагая, что нахожусь во снѣ, я не шевельнулся. Я пришелъ въ себя, когда бродяги схватили уже одежду моего товарища. Но я только тогда могъ закричать, когда они уже скрылись за дверью. Чжинъ-Чжинъ-Ва моментально вскочилъ на ноги, а я бросился за ворами. Мои крики собрали толпу китайцевъ; трое изъ нихъ бросились на Чжинъ-Чжинъ-Ва, который легко справился съ ними, поваливъ на землю. Китайцы отказались ловить воровъ, вся деревня ополчилась на моего товарища, на обнаженной груди котораго рѣзко выдѣлялось позорное клеймо...

Зрѣлище было полно дикой красоты. Представьте себѣ кучки людей, ревущихъ, бѣснующихся и бросающихся на великана, каждое движеніе котораго выходитъ роковымъ для близь стоящихъ. Какая-то гомерическая битва!

Среди ожесточенной схватки я видѣлъ, какъ Чжинъ-Чжинъ-Ва схватилъ вора, а затѣмъ у меня потемнѣло въ глазахъ; все потонуло въ густомъ туманѣ... Я машинально протянулъ руки, чтобы не упасть...

. . . . . .

Хозяинъ постоялаго двора самъ объявилъ въ деревнѣ о клеймѣ Чжинъ-Чжинъ-Ва. Ему-то мы и были обязаны всѣмъ этимъ переполохомъ. Вмѣстѣ съ одеждой украденъ былъ и документъ, который надо было найти во что бы то ни стало. Крѣпкія объятія Чжинъ-Чжинъ-Ва принудили вора опуститься на колѣни... Побѣдитель заревѣлъ отъ радости, размахивая своимъ свиткомъ передъ моментально стихнувшей толпою. Воръ, дерзнувшій поднять руку на изгнанника, прощеннаго императоромъ, былъ живо схваченъ и повѣшенъ за ноги... Нѣсколько минутъ спустя, онъ испустилъ духъ.

X.

У стѣнъ Пекина.

Когда я пришелъ въ себя послѣ ночнаго переполоха, то убѣдился, что не получилъ ни одной раны. Густой песокъ на дорогѣ спасъ меня отъ ушибовъ.

Digitized by Google

Я былъ, однако, немного помятъ, и голова была у меня тяжела... Во всякомъ случаѣ я отдѣлался легко. Чжинъ-Чжинъ-Ва получилъ сильный ударъ ножемъ въ лѣвую руку. Къ счастію, рана была не глубокая, и, благодаря своимъ хирургическимъ познаніямъ, онъ могъ немедленно заняться ея лѣченіемъ. Я помогъ ему перевязать рану. Мы воспользовались волненіемъ, распространившимся среди населенія послѣ расправы съ воромъ, чтобы выѣхать изъ деревни.

Мы ѣхали подъ жгучимъ солнцемъ, чего я такъ боялся. У меня былъ зонтикъ, и я надѣлъ толстыя черныя очки. Мѣстность, по которой мы ѣхали, не отличалась разнообразіемъ. Она походила на ту, по которой мы уже ѣхали: плоская равнина, довольно хорошо обработанная. Мѣстами нашъ путь лежалъ по берегу рѣки, и я слѣдилъ за китайцами-лодочниками, плывшими противъ теченія. Ихъ образъ дѣйствій былъ довольно оригинальный. Часть команды въ упряжи, какъ лошади, шла по берегу и тащила лодки бичевою. Когда мы проѣхали нѣсколько миль, я спросилъ у Чжинъ-Чжинъ-Ва: что намѣренъ онъ предпринять, когда мы пріѣдемъ въ Пекинъ?

— Я разсматривалъ наше дѣло съ трехъ точекъ зрѣнія,— отвѣтилъ Чжинъ-Чжинъ-Ва, — но подожду высказывать свои мысли. Если Норрисъ живъ, мы его, конечно, найдемъ. Мое присутствіе въ Пекинѣ трудно скрыть... цѣль моего путешествія скоро будетъ разгадана, и тогда наше положеніе станетъ опаснымъ. Мнѣ приходило на мысль, что открытая помощь съ моей стороны можетъ повредить вамъ, но когда я подумалъ, что вы обратитесь къ Шанъ-Нимъ-Юену и возложите свои надежды на его услуги, я рѣшился дѣйствовать съ вами. Но вы не должны заблуждаться насчетъ союзника, котораго имѣете во мнѣ. Траги-комическій случай на постояломъ дворѣ ясно показываетъ, что если я могу быть иногда полезнымъ товарищемъ, то могу также и навлечь на васъ непріятности. Мой пріѣздъ въ Пекинъ я могу объяснить желаніемъ лично поблагодарить тѣхъ лицъ, стараніями которыхъ я получилъ прощеніе, хотя этотъ поступокъ съ моей стороны можетъ показаться страннымъ,—такъ какъ онъ противорѣчитъ нашимъ обычаямъ. Кромѣ того, наша дружба можетъ показаться подозрительною... Вы—англичанинъ, а я—китайскій подданный... этого достаточно, чтобы возбудить подозрѣніе властей. Если вы бу-

Digitized by Google

дете предоставлены вашимъ собственнымъ средствомъ, задача ваша окажется очень трудною, почти неисполнимою; при моей же помощи, матеріальныя затрудненія могутъ быть устранены, но зато опасность увеличится... Я долженъ честно предупредить васъ.

— Я ѣду съ вами,—вотъ мой отвѣтъ. Вѣроятно, въ виду этихъ осложненій вы совѣтовали мнѣ въ Тянь-Цзинѣ облачиться въ китайскій костюмъ?

— Да, я считаю эту предосторожность весьма полезною на будущее время. Завтра рано утромъ мы будемъ въ Пекинѣ, и я вамъ достану одежду, въ которой вы будете неузнаваемы.

— А гдѣ я буду переодѣваться: въ слѣдующей деревнѣ или здѣсь?

— Мы остановимся въ какой нибудь гостинницѣ близъ города. Я пошлю проводника купить все необходимое для васъ.

— Увѣрены вы, что проводникъ не станетъ болтать?— спросилъ я.

— Не бойтесь... опасность кроется не въ простомъ народѣ. Цѣль вашего переодѣванія: не возбуждать всеобщаго любопытства европейскимъ костюмомъ. Неужели вы думаете, что въ состояніи будете обмануть людей, съ которыми придется вамъ имѣть дѣло? Ваше стараніе скрыть свою національность будетъ напрасно даже при самомъ поверхностномъ осмотрѣ.

— Въ такомъ случаѣ, не понимаю, ради чего я буду переодѣваться. Я не согласенъ съ вашимъ мнѣніемъ.

— Извините, что я настаиваю... вы несовсѣмъ внимательно слушали меня. Я не говорилъ, что китайскій костюмъ предохранитъ васъ отъ всякихъ нескромностей,—я сказалъ только, что онъ можетъ облегчить нашу задачу въ томъ смыслѣ, что поможетъ вамъ, такъ сказать, проникнуть въ наши нравы и обычаи. Когда вы одѣнетесь въ китайское платье, трудно будетъ угадать, что я вашъ помощникъ въ тайномъ предпріятіи. Намъ неизвѣстно еще, къ какому классу общества принадлежитъ человѣкъ, который лишилъ свободы Норриса. Можетъ быть, это профессіональный воръ, а, можетъ быть, и мандаринъ высшаго ранга. Весьма вѣроятно, что мы не скоро узнаемъ это. Китайское платье является здѣсь силою, и этимъ нельзя

Digitized by Google

пренебрегать. Мы войдемъ въ Пекинъ, какъ два китайца, и поселимся среди китайцевъ. Но такъ какъ вамъ трудно будетъ привыкнуть къ нашей кухнѣ, то вашъ проводникъ постарается достать для васъ европейскія кушанья. Прежде всего мы будемъ разыскивать кучера, если только онъ не въ плѣну, вмѣстѣ съ Норрисомъ. Надо во что бы то ни стало оставить лошадей при себѣ;. въ случаѣ поспѣшнаго отъѣзда,—скажемъ: бѣгства,—онѣ могутъ оказать намъ неоцѣнимую услугу. Если мы узнаемъ, что Норрисъ находится во власти простыхъ разбойниковъ, китайское правительство не откажетъ намъ въ своей поддержкѣ. Но... мы пока ничего не знаемъ, и надо все предвидѣть... А къ Шанъ-Нимъ-Юену мы только тогда обратимся, когда потерпимъ неудачу во всѣхъ нашихъ планахъ.

— Мнѣ кажется, вы вѣрно судите и составили благоразумный планъ; я вполнѣ полагаюсь на васъ.

Разговаривая такимъ образомъ, мы подъѣхали къ высокой пагодѣ, на вершинѣ которой какое-то деревцо раскинуло свою скудную листву.

Мы скромно закусили и отправились искать себѣ пріюта.

Заря застала насъ въ маленькой гостинницѣ, недалеко отъ стѣнъ императорскаго города.

XI.

Въ поискахъ за кучеромъ Норриса.

Проводникъ былъ посланъ. впередъ купить мнѣ платье, и ему приказано было вернуться какъ можно скорѣе. Я съ удовольствіемъ узналъ, что Чжинъ-Чжинъ-Ва намѣренъ сперва одинъ отправиться въ Пекинъ, чтобы найти спокойное помѣщеніе для насъ. Онъ когда-то жилъ въ этомъ городѣ, на квартирѣ у продавца рѣдкостей, о которомъ сохранилъ хорошее воспоминаніе. Это былъ человѣкъ скромный и обходительный. Такъ какъ намъ нужна была квартира со столомъ, то не мѣшало разыскать этого купца, чтобы не обращаться къ первому встрѣчному.

Чжинъ-Чжинъ-Ва отправился вмѣстѣ съ проводникомъ, а я остался одинъ. Никогда время не тянулось такъ долго! Попробовалъ уснуть и не могъ,—такъ шумѣли на дворѣ погон-

Digitized by Google

щики муловъ. Я мысленно провожалъ товарища, придумывая всевозможныя препятствія, чтобы только развлечь свое нетерпѣніе. Я не зналъ, пошли ли они вмѣстѣ, или по разнымъ дорогамъ. Время проходило, они не возвращались. Тревога обуяла меня; я не сводилъ глазъ съ часовыхъ стрѣлокъ, которыя двигались съ убійственною медленностью. Моя тревога росла. Въ императорскомъ городѣ разстоянія большія. Я это зналъ, но вѣдь мы были въ полумилѣ отъ городскихъ стѣнъ, — Чжинъ-Чжинъ-Ва и проводникъ давно ужь должны были вернуться. Я стараюсь прогнать мрачныя мысли, но онѣ возвращаются, еще болѣе печальныя. Разумѣется, причина ихъ—мое одиночество. Но вѣдь и положеніе мое незавидное! Иностранецъ среди народа, языкъ и обычаи котораго мнѣ незнакомы, я долженъ томиться въ гостинницѣ. Я могу пойти въ городъ, пока не закрыты ворота (а они закрываются въ шесть часовъ), но я рискую заблудиться и разойтись съ моими товарищами. Какъ ни грустно ждать, но, по всѣмъ соображеніямъ, это самое благоразумное, что я могу сдѣлать.

Мое благоразуміе поколебалось, когда наступило пять часовъ... Я хотѣлъ идти... куда? спрашивается. Мнѣ предстояло провести тревожную ночь. Я представлялъ себѣ Норриса въ такихъ же условіяхъ, безъ проводника... Отсутствіе товарища показало мнѣ, какъ можетъ быть одинокъ человѣкъ и какія опасности окружаютъ его въ этой загадочной странѣ. Китай — для иностранца все равно, что лабиринтъ, откуда можно выбраться, если только имѣешь въ рукахъ нить, теряющуюся въ густомъ мракѣ. Пробило шесть часовъ. Мое уныніе возрастаетъ. Сердце забилось сильнѣе, желудокъ свело. Это свыше моихъ силъ. Ворота Пекина закрываются въ шесть часовъ; если мои товарищи не явятся черезъ нѣсколько минутъ, значитъ они попали въ ловушку. Я старался успокоиться, хладнокровно обсудить положеніе... Если мои товарищи не вернутся, я отправлюсь въ англійское посольство и заявлю... Пока воображеніе мое работало такимъ образомъ, въ дверяхъ гостинницы показался Чжинъ-Чжинъ-Ва. Его внезапное появленіе въ то время, когда я предавался отчаянію, возбудило во мнѣ такую радость, что я не могъ воздержаться отъ крика... Чжинъ-Чжинъ-Ва пустился въ объясненія, которыхъ я у него и не просилъ, — такъ я былъ счастливъ его возвращеніемъ. Онъ пошелъ въ Пекинъ

Digitized by Google

вмѣстѣ съ проводникомъ; пройдя ворота, они разстались,—одинъ пошелъ за покупками, другой искать квартиру, и Чжинъ-Чжинъ-Ва назначилъ китайцу свиданіе въ одномъ городскомъ ресторанѣ. Проводникъ обѣщалъ явиться въ назначенный часъ. Чжинъ-Чжинъ-Ва пошелъ искать своего стараго хозяина. Его опасенія оправдались: купецъ перемѣнилъ мѣстожительство. Все утро прошло въ этихъ поискахъ, но Чжинъ-Чжинъ-Ва не жалѣлъ потраченнаго времени, потому что теперь у насъ былъ вѣрный пріютъ. Все устроилось какъ нельзя лучше. Разставшись съ купцомъ, Чжинъ-Чжинъ-Ва пошелъ въ ресторанъ, гдѣ у него было назначено свиданіе съ проводникомъ, но указанный часъ прошелъ, и китаецъ, которому надоѣло ждать, пошелъ къ нему навстрѣчу. Чжинъ-Чжинъ-Ва спокойно дождался проводника, и они оба отправились вмѣстѣ въ обратный путь.

— Когда мы пришли къ воротамъ,—продолжалъ свой разсказъ Чжинъ-Чжинъ-Ва,— мой проводникъ вдругъ вскрикнулъ, и я невольно вздрогнулъ. Когда счастье улыбнется человѣку, такъ ему везетъ во всемъ... Обратите вниманіе на связь между событіями: еслибъ мой старый другъ, продавецъ рѣдкостей, не перемѣнилъ квартиры, еслибъ проводникъ не пошелъ мнѣ навстрѣчу, еслибъ я не подождалъ его и еслибъ мы не пустились вмѣстѣ въ обратный путь въ этотъ поздній часъ...

— Къ чему клонится ваша рѣчь?

— Я хочу сказать, что нашъ проводникъ, по счастливой случайности, повстрѣчалъ кучера, который возилъ Норриса передъ его отъѣздомъ изъ Пекина. Онъ вошелъ въ городъ, когда мы выходили... Я едва успѣлъ подхватить купленную для васъ одежду, какъ мой товарищъ уже бросился по слѣдамъ кучера. Въ это время закрывали ворота, но я успѣлъ выйти...

— А проводникъ?

— Онъ, разумѣется, не могъ выпустить изъ рукъ своей добычи.

На другой день утромъ, когда я облачался въ свой новый костюмъ, подъ наблюденіемъ Чжинъ-Чжинъ-Ва, въ комнату вошелъ проводникъ. Онъ былъ не одинъ, — за нимъ слѣдовалъ кучеръ Норриса. Я съ любопытствомъ разсматривалъ физіономію китайца. Его грубое лицо, его тупой взглядъ не обѣ-

Digitized by Google

щали ничего хорошаго. Чжинъ-Чжинъ-Ва началъ его допрашивать; онъ сперва молчалъ, перепуганный; потомъ на краткіе, энергическіе вопросы отвѣчалъ также коротко. Я ничего не понималъ изъ того, что говорилось. У изгнанника, который, казалось, сдерживался съ трудомъ, вырвался жестъ гнѣва, и онъ набросился на проводника. Тотъ опустилъ голову, какъ укрощенное животное. Но это продолжалось одну секунду; онъ тотчасъ же вперилъ суровый взглядъ въ Чжинъ-Чжинъ-Ва, какъ бы протестуя противъ упрековъ, которыми его осыпали.

Изгнанникъ обратился ко мнѣ:

— Проводникъ увѣряетъ, что это тотъ самый кучеръ, который возилъ Норриса... Вѣрить ли ему? А онъ...—и Чжинъ-Чжинъ-Ва показалъ на человѣка, стоящаго въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ,—ничего рѣшительно не помнитъ.

— Что же намъ дѣлать?

— Я удивляюсь, однако, что проводникъ ничего не выпыталъ у него дорогою.

— Какимъ образомъ онъ привелъ его сюда?

— Пообѣщалъ награду. Онъ, впрочемъ, предупредилъ меня, что врядъ ли можно что нибудь узнать отъ этого глухаго и отупѣвшаго животнаго... Но такъ какъ ему приказано было привести кучера Норриса, то онъ и исполнилъ добросовѣстно это порученіе.

— Онъ совершенно правъ и не его вина, что намъ приходится имѣть дѣло съ потухшимъ разумомъ... Надо какъ нибудь оживить память у этого человѣка, и проводникъ можетъ помочь въ этой трудной задачѣ.

— Я согласенъ съ вами,—отвѣтилъ Чжинъ-Чжинъ-Ва.

— Я подстрекну самолюбіе проводника: скажу ему, что только тогда повѣрю въ его способности и опытность, когда онъ добьется хоть какихъ нибудь объясненій отъ кучера Норриса.

Проводникъ отчасти понялъ нашъ разговоръ, такъ какъ зналъ немного по англійски, и сообразилъ, какой услуги ждали отъ него. Обсуждая этотъ случай, мы съ Чжинъ-Чжинъ-Ва пришли къ тому заключенію, что словамъ проводника скорѣе можно повѣрить, чѣмъ словамъ человѣка, котораго онъ привелъ. Ради чего сталъ бы онъ насъ обманывать, тѣмъ болѣе, что ему обѣщана была большая награда въ случаѣ удачи?

Digitized by Google

Предыдущее поведеніе не давало повода подозрѣвать его. Припомнивъ его поведеніе во время ночнаго переполоха въ гостинницѣ, мы окончательно убѣдились въ его чистосердечіи. Онъ не сталъ бы тогда защищать насъ, еслибы дѣйствовалъ противъ насъ, а перешелъ бы на сторону нашихъ враговъ. Его собственный интересъ требовалъ, чтобы онъ помогъ намъ разыскать кучера. Случай отлично способствовалъ ему. Онъ исполнилъ свое обязательство... и больше ничего нельзя было требовать отъ него. Но теперь онъ былъ уже безполезенъ для насъ. Заручившись содѣйствіемъ Чжинъ-Чжинъ-Ва, я не нуждался въ проводникѣ и рѣшился разстаться съ нимъ. Я объяснился съ изгнанникомъ, который раздѣлялъ мое мнѣніе, и попросилъ его отпустить китайца, выдавъ обѣщанную награду. Изгнанникъ объявилъ проводнику, что мнѣ не нужны болѣе его услуги, и мотивировалъ этотъ внезапный отказъ отъ службы моимъ разочарованіемъ, вызваннымъ исторіей съ кучеромъ, въ которомъ можно было заподозрить подставное лицо.

Вмѣсто того чтобы спокойно отнестись къ нашему рѣшенію, проводникъ вернулъ кучера, и между ними произошелъ весьма оживленный разговоръ, понятный только для моего товарища, который рѣзко вмѣшался въ разговоръ, и проводникъ вдругъ упалъ къ его ногамъ съ видомъ сильнаго испуга.

Не смотря на всю проницательность, Чжинъ-Чжинъ-Ва не могъ угадать, кто тутъ былъ обманутъ: мы ли проводникомъ, или проводникъ ошибся... Во всякомъ случаѣ, это нисколько не подвинуло насъ впередъ: кучеръ Норриса,—настоящій или подложный,—или ничего не зналъ, или не хотѣлъ говорить...

XII.

Мы въ дорогѣ.

Мы ѣдемъ по обширной равнинѣ, которая опоясываетъ толстыя стѣны Пекина.

Мнѣ неловко въ новой одеждѣ, и шапочка на моей головѣ плохо защищаетъ меня отъ жгучихъ лучей солнца. Глазамъ очень больно. Стѣны Пекина — изумительной высоты, и это придаетъ имъ величавый видъ. Мѣстность здѣсь плоская, и глазъ отдыхаетъ только на обширныхъ поляхъ ячменя и проса.

Digitized by Google

На пустынной дорогѣ можно встрѣтить только окрестныхъ фермеровъ да рабочихъ. Вотъ лѣнивый Пейхо съ раскрашенными джонками на своихъ спокойныхъ водахъ. Надъ нашими головами безпощадное солнце, всегда невыносимое и часто даже убійственное. Ночью яркая луна проливаетъ такой же ослѣпительный свѣтъ, какъ и дневное свѣтило. Около деревень мы встрѣчаемъ все ту же толпу нищихъ и прокаженныхъ, печальныхъ, страдающихъ, въ лохмотьяхъ, погрязшихъ въ нищетѣ и лѣности. Намъ иногда было очень трудно избавиться отъ этой подозрительной толпы, которая одолѣвала насъ, надѣясь выклянчить хоть что нибудь. Мы спасались отъ нихъ, какъ отъ зачумленныхъ.

Мнѣ было бы трудно описать точно Пекинъ, такъ какъ мое пребываніе въ этомъ городѣ было связано съ грустными приключеніями.

Тѣмъ не менѣе, мое первое впечатлѣніе при вступленіи въ городъ было сильное; меня въ особенности поразили его обширные размѣры. Передо мною была безпорядочная масса грязныхъ улицъ съ неправильно выстроенными домами. Въ главныхъ улицахъ была та же грязь. Вотъ какое воспоминаніе сохранилось у меня о Пекинѣ, когда я проходилъ по городу рядомъ съ Чжинъ-Чжинъ-Ва.

Послѣ долгаго и утомительнаго путешествія, мы подъѣхали, наконецъ, къ воротамъ «стѣны» и прослѣдовали въ одну изъ самыхъ спокойныхъ улицъ. Насъ принялъ самъ хозяинъ, старикъ-китаецъ, ни слова не говорившій по англійски. Поэтому я и не могъ принять участія въ разговорѣ, который произошелъ между нимъ и Чжинъ-Чжинъ-Ва,—разговорѣ оживленномъ и весьма продолжительномъ на мой взглядъ. Наше помѣщеніе въ его домѣ оказалось очень удобнымъ. Я не отказался бы, конечно, отъ англійской кровати... но разъ ея не было,—я примирился и съ постелью китайской. Домъ состоялъ изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ помѣщеній. Въ одномъ изъ зданій, въ одинъ этажъ, помѣщался магазинъ рѣдкостей, который меня очень заинтересовалъ, такъ какъ владѣлецъ его, человѣкъ старый, собралъ богатую коллекцію весьма цѣнныхъ древностей, начавъ собирать ихъ еще въ молодые годы. Первый нашъ день въ городѣ былъ счастливый день, такъ какъ онъ не имѣетъ исторіи. Занятые устройствомъ нашей квартиры, мы

Digitized by Google

не начинали нашихъ розысковъ. Чжинъ-Чжинъ Ва сказалъ мнѣ:

— Мы не станемъ терять время въ поискахъ за кучеромъ Норриса. Будетъ съ насъ и попытки проводника. Мы должны сосредоточить нашу энергію въ другомъ направленіи... мы должны во что бы то ни стало немедленно открыть убѣжище вашего соотечественника.

Мы поѣхали однажды утромъ наудачу... Я ѣхалъ на одной изъ лошадей, которую мы купили у проводника. Эта поѣздка по городу не имѣла никакого результата. Послѣ пяти дней безплодныхъ поисковъ, я опять впалъ въ отчаяніе. Чтобы убить время, я началъ учиться по китайски; потомъ опять возобновилъ поѣздки, отмѣчая на пути тѣ мѣста, гдѣ могли скрывать Норриса, а такихъ мѣстъ было множество. Мы посѣтили сперва тюрьмы, гдѣ съ людьми обращаются, какъ съ дикими звѣрями. Затѣмъ осмотрѣли подозрительныя заведенія, гдѣ порокъ соприкасается со страшнымъ безволіемъ. Дни проходили, безплодные, печальные, тяжелые... и ни малѣйшаго указанія! На пятый день по нашемъ пріѣздѣ, когда мы возвращались съ одной изъ этихъ отвратительныхъ экскурсій, мой товарищъ прервалъ молчаніе, которое обыкновенно хранилъ.

— Вы, кажется, въ отчаяніи?

— Да.

— Желаете вы покончить розыски?

— Я останусь въ Пекинѣ до конца, т. е. до того времени, когда узнаю, что Норрисъ живъ или что его убили враги.

— Ваше рѣшеніе непреложно?

— Безусловно.

— А про себя я скажу, что я всегда довожу до конца всякое дѣло. Не смотря на затрудненія, которыя представляетъ наше предпріятіе, я не считаю его неисполнимымъ и живаго или мертваго, но я найду Норриса. Я отправлюсь завтра въ «Императорскій городъ», и если ничего не узнаю тамъ, то мы будемъ дѣйствовать иначе. Тайный голосъ говоритъ мнѣ, что я выду съ честью изъ этого испытанія. Я повидаю Шанъ-Нимъ-Юена, и это послужитъ мнѣ предлогомъ проникнуть во дворецъ. Я считаю необходимымъ обратиться къ Шанъ-Нимъ-Юену, чтобы рѣшить окончательно: можемъ ли

Digitized by Google

мы разсчитывать на него, или же онъ дѣйствуетъ противъ насъ?—На слѣдующій день Чжинъ-Чжинъ-Ва облачился въ роскошныя одежды и собрался уходить. Онъ имѣлъ видъ грустный и недовольный. Закрытый паланкинъ съ четырьмя носильщиками ожидалъ его у подъѣзда. У меня не было ни малѣйшаго желанія воспользоваться его отсутствіемъ, чтобы побродить по городу, такъ какъ я боялся заблудиться въ пыльныхъ и однообразныхъ улицахъ. Разстояніе отъ нашего дома до императорскаго дворца было большое; и надо было также принять въ соображеніе, что мой другъ, который имѣлъ намѣреніе принести благодарность за свое помилованіе, могъ быть задержанъ. Мои предположенія оправдались; уже наступила ночь, когда вернулся Чжинъ-Чжинъ-Ва. Его поѣздка не согнала грусти съ его лица: онъ былъ въ такомъ же душевномъ угнетеніи, какъ и прежде. Я началъ было разспрашивать его, но уклончивые отвѣты заставили меня воздержаться отъ неумѣстнаго любопытства. Онъ только сказалъ мнѣ, что получилъ полное помилованіе, и что теперь ему нечего бояться правосудія. Иногда можно бываетъ угадать сокровенныя мысли по самому пустому разговору, и мнѣ показалось, что свиданіе его съ Шанъ-Нимъ-Юеномъ еще болѣе убѣдило его во враждебности пріятеля Бонзеля.

Онъ обрисовалъ мнѣ этого сановника несовсѣмъ безпристрастно: чувствовалось его презрѣніе къ *китайскимъ качествамъ*... чувствовалось также, что, не смотря на высокую философію его идеальной натуры, въ немъ пробудилось естественное чувство сожалѣнія, когда онъ подумалъ о своей жизни, лишенной отнынѣ всякой цѣли, между тѣмъ какъ люди, въ положеніи ниже его, легко взбираются по ступенямъ іерархіи, на вершинѣ которой и онъ могъ бы быть.

Я узналъ нѣсколько подробностей о Шанъ-Нимъ-Юенѣ.

— Этотъ человѣкъ высокаго роста,—сказалъ онъ,—представляетъ типъ китайца въ высшей степени непріятный, и я радъ, что тайный инстинктъ внушилъ вамъ отклонить его услуги. Какую роль онъ играетъ въ дѣлахъ Бонзеля—мнѣ неизвѣстно. Но, мнѣ кажется, я не ошибусь, если скажу, что нѣмецъ—покорное орудіе въ рукахъ Шанъ-Нимъ-Юена. Они оба работаютъ надъ какимъ-то темнымъ дѣломъ, подъ прикрытіемъ торговыхъ отношеній. Человѣкъ онъ не симпатичный. На

Digitized by Google

его лицѣ, которое онъ старается сдѣлать безпристрастнымъ, видны всѣ его пороки, скупость и алчность... И въ рукахъ такихъ-то людей находится судьба государства!

— Узнали вы что нибудь о Норрисѣ?

— Ничего. Послѣ аудіенціи, я попробовалъ разспросить слугу, который меня провожалъ, но ничего не узналъ. Впрочемъ, кое-что я узналъ,—узналъ объ отношеніяхъ, существующихъ между Бонзелемъ и его пріятелемъ. О человѣкѣ можно судить по источнику его состоянія: отецъ Шанъ-Нимъ-Юена лишилъ сына наслѣдства, которое завѣщалъ бонзамъ храма Конфуція. Шанъ-Нимъ-Юенъ смиренно покорился; другой на его мѣстѣ протестовалъ бы, а онъ, наоборотъ, своимъ ловкимъ и покорнымъ поведеніемъ утвердилъ волю отца. Такое поведеніе сдѣлало его въ глазахъ бонзъ какъ бы замѣстителемъ покойнаго. Бонзы въ благодарность предоставили ему нѣкоторыя священныя льготы, которыя послужили ему первою ступенью въ быстрой карьерѣ. Онъ пользуется вліяніемъ, которымъ нельзя пренебрегать. Онъ стоитъ близко ко двору и потому опасенъ для своихъ враговъ, а близость его къ бонзамъ даетъ ему авторитетъ среди низшихъ классовъ.

— Простите мнѣ мое глупое любопытство; но меня удивляетъ, что вы почерпнули столько свѣдѣній изъ короткаго разговора со слугою.

Чжинъ-Чжинъ-Ва отвѣтилъ, улыбаясь:

— Вы забыли, что слуги мандарина—не простые смертные; далеко не всякій можетъ попасть на службу къ такимъ господамъ. Слуга, котораго я соблазнилъ или подкупилъ, чтобы получить отъ него свѣдѣнія, которыя сообщилъ вамъ, обладаетъ замѣчательнымъ умомъ, и мнѣ не пришлось долго его разспрашивать, чтобы вывѣдать отъ него все, что онъ знаетъ.

— Но какое отношеніе все это имѣетъ къ Бонзелю?

— А вотъ какое: Шанъ-Нимъ-Юенъ познакомился съ нѣмецкимъ купцомъ въ Тянь-Цзинѣ, когда былъ живъ его отецъ. Онъ воспользовался этимъ знакомствомъ, чтобы добыть денегъ, которыхъ лишился по завѣщанію отца. Вотъ тогда-то и начались операціи, соединяющія ихъ теперь.

— Почему же Бонзель не признался въ этомъ откровенно?

— Почему? На это могутъ быть двѣ причины: или прош-

Digitized by Google

лое его пріятеля неизвѣстно ему, и тогда понятно его поведеніе; или же онъ хитрый плутъ, и мы должны быть съ нимъ также осторожны, какъ и съ китайскимъ сановникомъ.

Вся эта исторія смутила меня. Я начиналъ, наконецъ, прозрѣвать опасность, близость которой чувствовалъ...

— Достаточно ли вы теперь освѣдомлены о характерѣ человѣка, у котораго собирались просить помощи и... пріюта?

— Спасибо,—отвѣтилъ я, протянувъ ему руку.

— Вы теперь понимаете, что не ему мы можемъ довѣрить нашу тайну, предполагая, что Бонзель ничего ему не говорилъ?

— Ваша проницательность никогда не ошибается, и я слѣпо буду слѣдовать вашимъ совѣтамъ.

XIII.

Приказъ выѣхать изъ Пекина.

На другой день послѣ поѣздки Чжинъ-Чжинъ-Ва въ императорскій дворецъ, произошло важное событіе. Все утро мы ѣздили по городу и искали слѣдовъ несчастнаго Норриса. Когда наступилъ часъ завтрака, мы отправились, по обыкновенію, въ китайскій ресторанъ и спокойно расположились во второмъ этажѣ приличнаго трактира. Эти заведенія имѣютъ въ Китаѣ особый видъ, отличающій ихъ отъ подобныхъ заведеній въ Европѣ. Китайцы словно гордятся тѣмъ, что равнодушно относятся къ европейскому прогрессу, и открыто признаютъ свои допотопныя привычки послѣднимъ словомъ какой-то спеціальной цивилизаціи.

Для меня зрѣлище было новое и потому несомнѣнно интересное. По словамъ Чжинъ-Чжинъ-Ва, ресторанъ этотъ охотно посѣщался мандаринами, и это обстоятельство еще болѣе возбудило мое вниманіе. Я уже попривыкъ къ китайской кухнѣ, и хотя мнѣ еще трудно было дѣйствовать палочками, которыя замѣняютъ китайцамъ ложки и вилки, все таки я довольно ловко справлялся съ ними. Въ выборѣ блюдъ я придерживался большой осторожности, такъ какъ не выносилъ ласточкиныхъ гнѣздъ и акуловыхъ жабръ. Излюбленныя китайскія лакомства... но какъ они противны! Я могъ выбрать лошадиное или со-

Digitized by Google

бачье мясо, даже крысье... но оно мнѣ тоже было противно. Поэтому я питался исключительно цыплятами и овощами.

Всѣ мои способности были сосредоточены на томъ, чтобы разрѣзать цыпленка, когда Чжинъ-Чжинъ-Ва обратилъ мое вниманіе на приходъ двухъ слугъ, посланныхъ мандаринами,—для которыхъ былъ приготовленъ обильный завтракъ,—въ качествѣ фурьеровъ.

Мы сидѣли за маленькимъ столикомъ, и товарищъ мой приходился напротивъ меня. Онъ глазами показалъ мнѣ на новоприбывшихъ. Я внимательно взглянулъ на двухъ слугъ, въ которыхъ ничего особеннаго не было... какъ вдругъ открылась дверь, и въ нее вошелъ человѣкъ высокаго роста, въ богатой одеждѣ, и сѣлъ за столъ, по сосѣдству съ нами. Онъ не обратилъ на насъ вниманія; меня же поразили его фигура и суровое лицо. Чжинъ-Чжинъ-Ва легонько наступилъ мнѣ на ногу. Новоприбывшій взглянулъ на насъ. Мой товарищъ всталъ и низко поклонился. Китаецъ отдалъ ему поклонъ. У меня на языкѣ уже былъ вопросъ, но Чжинъ-Чжинъ-Ва не далъ мнѣ его высказать, заговоривъ со мною по китайски. Пытливый и холодный взглядъ мандарина властно устремился на меня; магнетическая струя проникла въ меня, и я понялъ тогда, почему Чжинъ-Чжинъ-Ва не далъ мнѣ заговорить по англійски. Я сдѣлалъ видъ, что слушаю его съ живѣйшимъ вниманіемъ, хотя ничего не понималъ. Я такъ добросовѣстно исполнялъ свою неблагодарную роль, что медленнѣе сталъ работать палочками, какъ это дѣлаютъ китайцы въ концѣ всякой ѣды.

Кончивъ завтракать, Чжинъ-Чжинъ-Ва всталъ изъ-за стола я послѣдовалъ его примѣру, довольный тѣмъ, что ускользнулъ отъ любопытства мандарина. Я былъ убѣжденъ, что мое переодѣванье не обмануло его, что наши хитрости были обнаружены, потому что, когда наши взоры встрѣтились, я прочелъ въ его глазахъ уже замѣченное мною подозрѣніе. Я старался подражать припрыгивающей походкѣ китайцевъ, слѣдуя за своимъ товарищемъ, который отвѣсилъ мандарину такой же низкій поклонъ, какъ и въ первый разъ. Я тоже низко поклонился, и когда мы вышли изъ ресторана, съ облегченіемъ вздохнулъ, какъ человѣкъ, убѣжавшій отъ большой опасности.

На улицѣ я спросилъ вполголоса:

Digitized by Google

— Кто это такой?

— Шанъ-Нимъ-Юенъ,—отвѣтилъ мнѣ Чжинъ-Чжинъ-Ва съ озабоченнымъ видомъ.

Эта встрѣча непріятно поразила меня, какъ дурное предзнаменованіе.

Предположивъ, что пріятель Бонзеля принялъ меня — что было сомнительно—за новообращеннаго англичанина въ родѣ Чжинъ-Чжинъ-Ва, ему тѣмъ не менѣе теперь стало извѣстно о пребываніи въ стѣнахъ Пекина нѣкоего подозрительнаго человѣка. Мое переодѣванье, еслибы я имѣлъ дѣло съ другимъ человѣкомъ, усыпило бы всякія подозрѣнія; но у Шанъ-Нимъ-Юена была мрачная душа, склонная къ интригамъ, и онъ питалъ недовѣріе ко всѣмъ людямъ, имѣющимъ несчастіе столкнуться съ нимъ по пути; я могъ ожидать всего дурнаго отъ этой случайной встрѣчи.

Чжинъ-Чжинъ-Ва, не раздѣляя моего пессимизма, былъ тоже встревоженъ. Мы стали вторично обсуждать вопросъ: сообщилъ ли Бонзель своему пріятелю о цѣли моего путешествія въ Китай, и Чжинъ-Чжинъ-Ва рѣшительно опровергалъ это предположеніе. Но если нѣмецъ и сообщилъ нѣкоторыя подробности о нашемъ предпріятіи, онъ все же не знаетъ, какими средствами мы надѣемся достигнуть цѣли, и не знаетъ также: скрываются ли за нами какія нибудь сильныя лица, относительно которыхъ онъ долженъ очень осторожно дѣйствовать.

Это послѣднее соображеніе немного успокоило меня. Мы рѣшили теперь сосредоточить наши поиски въ императорскомъ дворцѣ, такъ какъ всѣ трущобы въ Пекинѣ были обысканы нами безъ всякаго результата. Оставались, правда, многочисленные храмы и частные дома, но было сомнительно, чтобы они могли служить мѣстомъ заключенія для моего несчастнаго соотечественника. Императорскій дворецъ притягивалъ меня, какъ сильный магнитъ: я мысленно видѣлъ Норриса за его толстыми стѣнами,—Норриса въ оковахъ, окруженнаго желтокожими тюремщиками. Объ императорскомъ дворцѣ разсказывали разныя легенды, объяснявшія исчезновеніе Норриса. На другой день послѣ нашей встрѣчи съ Шанъ-Нимъ-Юеномъ, мы составили планъ кампаніи, основанный на подкупѣ мелкихъ служащихъ, чтобы узнать о мѣстопребываніи Норриса. Мы выбрали систему, которая практикуется у многихъ европейскихъ

Digitized by Google

народовъ; она должна была имѣть успѣхъ въ странѣ, гдѣ царятъ произволъ и подкупъ. Но воротъ и проходовъ было такое множество,—слѣдовательно, такая масса привратниковъ и сторожей,—что наше предпріятіе, не говоря уже объ опасности, угрожавшей намъ, было очень разорительно... Мы немедленно приступили къ приведенію въ исполненіе нашего плана. Чжинъ-Чжинъ-Ва началъ со сторожей наружныхъ воротъ, которые удовлетворились небольшимъ вознагражденіемъ. Переговоры велись въ городскихъ гостинницахъ, за стаканомъ хмѣльнаго напитка и трубкою опіума. Эти переговоры отнимали у насъ много времени, и я терялъ вѣру въ успѣхъ нашего плана, мною же одобреннаго вначалѣ. Меня охватили мрачныя предчувствія, налетѣвшія на меня, какъ стая черныхъ бабочекъ.

Возвращаясь однажды домой послѣ утомительнаго дня, посвященнаго переговорамъ, я былъ увѣренъ, что насъ ожидало непріятное извѣстіе. И оно явилось въ видѣ правительственнаго пакета, адресованнаго изгнаннику Чжинъ-Чжинъ-Ва. Вѣроятно, за нами прослѣдили слуги Шанъ-Нимъ-Юена, такъ какъ мы застали у себя въ комнатахъ трехъ довольно важныхъ китайскихъ чиновниковъ, которые съ нетерпѣніемъ ждали насъ. Одинъ изъ нихъ подалъ моему товарищу запечатанный пакетъ, который тотъ открылъ, сломивъ печати, и прочелъ со спокойнымъ видомъ. Прочитавъ присланную бумагу, Чжинъ-Чжинъ-Ва отпустилъ пословъ.

— Вы понимаете, въ чемъ дѣло?

— Я боюсь понять.

— Я прочитаю вамъ приказъ:

«Прйказано Чжинъ-Чжинъ-Ва, котораго императоръ, по своей неистощимой добротѣ, помиловалъ и вернулъ изъ ссылки, выѣхать изъ Пекина на третій день по полученіи сего указа не позже полудня; въ случаѣ ослушанія будетъ приговоренъ къ смерти».

— Вы что же отвѣтили?—спросилъ я.

— Два слова: будетъ исполнено.

— Кто подписалъ указъ?

— Шанъ-Нимъ-Юенъ, а его подпись скрѣплена императорскою печатью. Вторичная ссылка... но терпѣніе!.. Теперь на вашей улицѣ праздникъ, Шанъ-Нимъ-Юенъ, но берегитесь...

Digitized by Google

Въ голосѣ Чжинъ-Чжинъ-Ва, всегда столь ровномъ, зазвучали грозныя ноты, въ которыхъ слышался смертный приговоръ его врагу.

— Нѣтъ никакой надежды?

— Никакой,—отвѣтилъ изгнанникъ.—Пріятель Бонзеля воспользовался своею властью, чтобы удалить меня. Онъ чувствуетъ во мнѣ врага, который можетъ поколебать его власть. Онъ грубо отдѣлался отъ меня, что̀ совершенно естественно въ человѣкѣ такого характера. Но вѣдь это не Формоза. За стѣнами Пекина я свободенъ и могу дѣйствовать. Что касается васъ, то они серьезно подумаютъ, прежде чѣмъ задѣть васъ. Не все еще потеряно.

— А Вильямъ Норрисъ?—проговорилъ я.

— Вы правы,—отвѣтилъ изгнанникъ,—сперва о немъ надо подумать. Онъ страдаетъ, и надо облегчить его страданія. Я успѣю отомстить... Надо найти Норриса. Оставьте меня одного... дайте мнѣ подумать...

Я пожалъ ему руку и не сталъ мѣшать въ его размышленіяхъ. Я завидовалъ его удивительному спокойствію въ минуту опасности. Какая могла быть причина этого вторичнаго изгнанія? Что побудило Шанъ-Нимъ-Юена выхлопотать этотъ императорскій приказъ? Угадывалъ ли онъ въ Чжинъ-Чжинъ-Ва возможнаго соперника, или узналъ о подкупѣ дворцовыхъ служителей? Я не могъ отвѣтить на эти вопросы, которые тѣснились въ моемъ измученномъ мозгу. Чжинъ-Чжинъ-Ва одинъ пострадалъ, и пострадалъ по моей милости, такъ какъ помогалъ мнѣ. Когда Чжинъ-Чжинъ-Ва уѣдетъ, мое положеніе будетъ невыносимо. Я могу сноситься съ нимъ черезъ курьера, но мое незнаніе китайскаго языка будетъ для меня источникомъ. многихъ непріятностей. Меня снова охватило отчаяніе, и среди нахлынувшихъ мыслей возникъ вопросъ, котораго я до сихъ поръ не задавалъ себѣ: кто былъ тотъ врагъ, котораго преслѣдовалъ Шанъ-Нимъ-Юенъ? *Онъ* или *я*?

XIV.

Норрисъ найденъ.

На другой день Чжинъ-Чжинъ-Ва попросилъ у меня письмо Норриса.

Digitized by Google

Я далъ ему письмо и не полюбопытствовалъ узнать, для чего оно ему понадобилось. Къ моему удивленію, онъ не заговаривалъ со мною о своемъ новомъ изгнаніи, и я заключилъ изъ этого, что онъ сильно огорченъ. Я не пытался утѣшать его: нѣкоторыя горести еще сильнѣе чувствуются, когда ихъ желаютъ облегчить словами утѣшенія. Чжинъ-Чжинъ-Ва ушелъ въ свою комнату, какъ бы желая показать мнѣ, чтобы ему не мѣшали. Я чувствовалъ себя совершенно безполезнымъ теперь, и мнѣ оставалось только бродить по городу и осматривать лавки, которыя уже потеряли всякій интересъ для меня. Я задумалъ выйти погулять часокъ, другой, объяснивъ знаками нашему хозяину, что мое отсутствіе будетъ непродолжительно. Я не былъ увѣренъ, что онъ понялъ меня, но оставилъ это безъ вниманія. Я вышелъ изъ дому и пошелъ бродить по грязнымъ и кривымъ улицамъ Пекина. Идя наудачу, я зашелъ въ такую часть города, гдѣ раньше мнѣ не случалось бывать. По вымощеннымъ улицамъ тянулись ряды арокъ. Мрачныя мысли мои постепенно улетучивались; я съ интересомъ разглядывалъ выставленныя бездѣлушки въ лавкахъ и шелъ все дальше и дальше... пока не пришло мнѣ на мысль, что я заблудился. Этого можно было ожидать... Я бѣсился на себя, но упреки въ данную минуту были безполезны, и надо было во что бы то ни стало найти дорогу. Дѣло было не легкое; въ попадавшихся мнѣ улицахъ я не узналъ той улицы, которая привела бы меня въ домъ, гдѣ я жилъ. Нѣсколько мучительныхъ часовъ провелъ я, переходя изъ одной улицы въ другую, въ надеждѣ выйти на знакомую дорогу. Время шло, и солнце уже закатывалось. Покружившись порядочно долго, съ пылающей головою и стѣсненною грудью, я, наконецъ, увидѣлъ лавочку, которая показалась мнѣ знакомою... она была для меня дорожнымъ указателемъ. Я скоро вышелъ къ мраморному мосту, откуда легко нашелъ дорогу къ своей «китайской квартирѣ».

Было уже поздно, и я очень усталъ. Китайскіе башмаки, къ которымъ я не успѣлъ еще привыкнуть, причиняли мнѣ страшную боль. Я не шелъ, а ковылялъ. Когда я вошелъ во дворъ, меня встрѣтилъ встревоженный Чжинъ-Чжинъ-Ва. Онъ не зналъ, чѣмъ объяснить мое продолжительное отсутствіе.

— Вы гуляете, мой другъ, когда время такъ дорого для

Digitized by Google

насъ,—сказалъ онъ мнѣ раздражительнымъ тономъ.—Вы забыли, что завтра утромъ я долженъ выѣхать изъ Пекина...

— Какъ завтра? но у васъ еще два дня?

— Вы плохо считаете: у меня было два съ половиной дня... Но сюда надо включить тотъ день, когда я получилъ приказъ... Слѣдовательно, завтра утромъ я долженъ разстаться съ вами.

— Итакъ, — воскликнулъ я огорченный,—всякая надежда потеряна!

— Вы ошибаетесь. Въ то время какъ вы бродили по улицамъ Пекина, подвергаясь разнымъ опасностямъ, я не сидѣлъ праздно.

Я понялъ упрекъ, но и виду не показалъ.

Чжинъ-Чжинъ-Ва продолжалъ:

— Была минута, когда я пришелъ въ такое же отчаяніе, какое написано у васъ на лицѣ. Я считалъ все потеряннымъ, потому что наши поиски не имѣли успѣха, и письмо Норриса оставалось для насъ загадкою; но это продолжалось одну минуту... а теперь мы должны попытать счастья.

— Счастья!.. Какимъ образомъ?

— Подождите. Теперь, когда вы вернулись... и такъ какъ въ нашемъ распоряженіи еще нѣсколько часовъ, то мы можемъ предпринять кое-что.

Я глядѣлъ ему прямо въ глаза.

Я прочиталъ въ его лицѣ такую рѣшительность, что воспрянулъ духомъ.

— Значитъ, можно надѣяться?

— *Мнѣ кажется, что я нашелъ человѣка, котораго мы ищемъ.*

Фраза эта прозвучала медленно, какъ первые удары радостнаго звона, и я не вѣрилъ своимъ ушамъ.

— Я нашелъ человѣка, котораго мы ищемъ.

Я давно ждалъ этой фразы. Всякій разъ, что Чжинъ-Чжинъ-Ва возвращался изъ своихъ долгихъ странствованій по Пекину, я мечталъ услышать отъ него эту фразу... и вотъ теперь дождался.

— Объясните мнѣ... Судя по вашему лицу, можно заключить, что, хотя вы нашли Норриса, но онъ все еще въ заключеніи... Гдѣ онъ?..

Digitized by Google

— Выслушайте меня, я вамъ все разскажу: я нашелъ Вильяма Норриса... потому что слышалъ его крики... Онъ въ храмѣ Конфуція.

— Можетъ ли это быть?

— Вотъ посмотрите,—продолжалъ мой собесѣдникъ, передавая мнѣ письмо, отвязанное отъ ласточки, которое я далъ ему утромъ передъ своимъ уходомъ.—Я вписалъ пропущенныя слова красными чернилами... вотъ именно въ такомъ видѣ довѣрилъ Норрисъ свое посланіе бѣдной птицѣ, которая прилетѣла къ вамъ въ Брюссель.

Съ замѣчательнымъ искусствомъ Чжинъ-Чжинъ-Ва возстановилъ текстъ письма, такъ что его можно было принять за недавно написанное.

Я поспѣшилъ прочесть его.

«Ради бога, помогите мнѣ! Не теряйте времени. Я заключенъ китайцами въ храмѣ Конфуція, въ Пекинѣ. Десятая ласточка. Вильямъ Норрисъ, сентября, 18 . . . Да поможетъ мнѣ Богъ».

— Теперь,—сказалъ изгнанникъ, въ то время какъ я не могъ отвести глазъ отъ письма, — мы находимся уже у цѣли. Теперь или мы спасемъ Норриса, или и сами погибнемъ, такъ какъ мнѣ приказано, подъ опасеніемъ смертной казни, выѣхать изъ Пекина, а я рѣшился не уѣзжать безъ вашего несчастнаго соотечественника. Но сейчасъ мы ничего не можемъ сдѣлать; надо отложить до завтра.

— Вы составили планъ дѣйствія?

— Да

— Могу я узнать въ общихъ чертахъ?

— Я долженъ вамъ сказать,—началъ Чжинъ-Чжинъ-Ва,—какимъ образомъ я пришелъ къ этому открытію. Я считалъ до сихъ поръ безполезнымъ сообщать вамъ свои мысли по поводу случившагося событія, потому что, за недостаткомъ свѣдѣній, не могъ прійти ни къ какому логическому заключенію. Послѣ ухода мандариновъ, которые вручили мнѣ приказъ о ссылкѣ, я старался угадать тайныя причины, вызвавшія его, потому что у насъ всѣ правительственныя рѣшенія бываютъ построены на разныхъ соображеніяхъ. Я тотчасъ же предположилъ, что ударъ нанесенъ Шанъ-Нимъ-Юеномъ, которому наше присутствіе почему либо показалось опаснымъ для его тайныхъ

Digitized by Google

проэктовъ. Теперь надо было выяснить, чѣмъ именно могло повредить ему наше присутствіе. Если два человѣка вошли въ ресторанъ, нельзя же изъ этого заключить, что они злоумышляютъ противъ государственнаго порядка. Интриганы не понимаютъ простыхъ вещей и любятъ запутывать самые простые факты. И на наше съ вами присутствіе въ общественномъ мѣстѣ онъ посмотрѣлъ со своей точки зрѣнія. Но не могъ же онъ принять насъ за шпіоновъ, состоящихъ на жалованьѣ у какого нибудь европейскаго правительства. Шпіоновъ арестуютъ и заключаютъ въ тюрьму, но не изгоняютъ. Затѣмъ меня высылаютъ, а васъ оставляютъ на свободѣ... Надо было искать другую причину. Могъ ли знать Шанъ-Нимъ-Юенъ, что мы ищемъ англичанина, котораго похитили его соотечественники? Какимъ образомъ онъ могъ узнать о нашемъ предпріятіи, которое было извѣстно только вамъ, мнѣ да немногимъ вѣрнымъ друзьямъ? Надо было предположить измѣну со стороны Бонзеля. Этотъ темный вопросъ явился препятствіемъ на моемъ пути къ открытію истины. Тогда я взглянулъ на дѣло съ другой точки зрѣнія и предположилъ, что между Шанъ-Нимъ-Юэномъ и похитителями Норриса существуетъ тайное согласіе... Тутъ сонъ овладѣлъ мною и парализовалъ на нѣсколько часовъ умственныя способности. Мнѣ приснился страшный сонъ... который перенесъ меня въ далекое прошлое, въ тѣ именно времена, когда мои университетскіе успѣхи навлекли на меня ненависть Фа-То-Мана. Я разсказывалъ вамъ объ этомъ соперничествѣ, которое было причиною моего несчастія; разсказывалъ, какъ я раздавилъ змѣю, которая собиралась укусить меня, какъ я заклеймилъ его нестираемымъ знакомъ... Не помню, говорилъ ли я вамъ, гдѣ именно это произошло... На верху дороги, которая проходитъ близъ храма Конфуція, лежитъ большой старый камень. Какъ разъ въ этомъ мѣстѣ, или на два фута дальше, упалъ Фа-То-Манъ. Мнѣ приснилось—всего удивительнѣе то, что всѣ эти восемнадцать лѣтъ мнѣ никогда ничего подобнаго не снилось—мнѣ приснилось именно это обстоятельство во всей его обстановкѣ. Я видѣлъ Фа-То-Мана, съ окровавленнымъ лицомъ, съ заклейменнымъ лбомъ, распростертымъ на пыльной дорогѣ... затѣмъ видѣніе исчезло, я былъ одинъ... какъ будто прошло много лѣтъ. Съ тревогой вопрошалъ я себя, зачѣмъ пришелъ въ это пустынное мѣсто... мнѣ

Digitized by Google

стало такъ страшно, что я внезапно проснулся, и сердце у меня ужасно билось. Хоть я потомъ снова заснулъ, тѣмъ не менѣе этотъ сонъ произвелъ на меня такое сильное впечатлѣніе, что я цѣлый день думалъ о немъ. Я думалъ такъ упорно, что у меня въ головѣ образовалась какая-то связь, соединявшая Норриса и Шанъ-Нимъ-Юена съ храмомъ Конфуція. Я вспомнилъ, что Шанъ-Нимъ-Юенъ считался благодѣтелемъ священниковъ храма Конфуція, и, увлекаемый ассоціаціей идей, опять взялся за посланіе Норриса, которое дополнилъ, какъ вамъ извѣстно. Мой сонъ былъ знаменательный; благодаря ему, текстъ письма возстановленъ. Вильямъ Норрисъ, по моему убѣжденію, томился въ храмѣ Конфуція... Я считалъ себя обязаннымъ удостовѣриться въ этомъ. Отсюда до храма разстояніе очень большое; я храбро поборолъ усталость и послѣ утомительнаго пути пришелъ къ храму. Тутъ я съ горечью почувствовалъ свое безсиліе. Какимъ образомъ проникнуть къ заключенному? Такъ какъ вашъ соотечественникъ могъ послать письмо, которое дошло до васъ, онъ, значитъ, пользовался относительною свободою внутри храма, и я надѣялся на счастливый случай, чтобы войти въ сношеніе съ нимъ и помочь ему бѣжать. Размышляя такимъ образомъ, я услышалъ вдругъ крикъ... Вѣрнѣе сказать, это былъ не крикъ, а ревъ человѣка, котораго мучатъ. Сомнѣваться нельзя было: кричалъ европеецъ: у китайца голосъ слишкомъ слабъ, чтобы испускать такіе пронзительные звуки. Можете себѣ представить, въ какомъ состояніи я былъ! Я долженъ былъ призвать на помощь всю силу разсудка, чтобы не броситься въ храмъ и не вырвать жертву изъ рукъ палачей. Я былъ внѣ себя... Но всякое вмѣшательство было бы роковымъ для несчастной жертвы... Я вынужденъ былъ оставить его на время во власти мучителей.

— И вы оставили его въ рукахъ этихъ злодѣевъ?—воскликнулъ я.

— Да, онъ въ храмѣ Конфуція. Повѣрьте, я долго обдумывалъ, какъ бы мнѣ вмѣшаться съ пользою для дѣла; но часть храма выстроена на священной землѣ и, кромѣ естественныхъ преградъ въ родѣ стѣнъ и воротъ, я долженъ былъ считаться съ авторитетомъ бонзъ, которые неприкосновенны въ своихъ владѣніяхъ... Этотъ властный въ Китаѣ авторитетъ стоялъ, какъ грозный призракъ, между мною и узникомъ... И

Digitized by Google

что́ я могъ сдѣлать среди этихъ фанатиковъ,—я изгнанникъ, ссыльный? Мнѣ пришло на мысль, что «прощеніе», — этотъ мой охранный листъ въ Пекинѣ,—подписанъ Шанъ-Нимъ-Юеномъ, благодѣтелемъ бонзъ, и что я, можетъ быть, сославшись на это имя, добьюсь разрѣшенія видѣть Норриса. Но потомъ мнѣ это показалось опаснымъ; осторожность побудила меня вернуться домой и сообщить вамъ о своемъ открытіи. И я вернулся...

— И меня не было дома! Я проклинаю свою глупую прогулку...

— Что объ этомъ говорить! Я повторяю, что Норрисъ заключенъ въ тюрьму по распоряженію того же самаго человѣка, который подписалъ указъ о моемъ помилованіи. И этотъ указъ о «прощеніи» имѣетъ особое значеніе въ храмѣ Конфуція... подпись Шанъ-Нимъ-Юена и текстъ указа открываютъ мнѣ доступъ въ храмъ. Я намѣренъ воспользоваться этою привилегіей, чтобы пробраться къ Норрису, увести его изъ храма и бѣжать вмѣстѣ съ нимъ.

— Я несовсѣмъ понимаю.

— Надо вникнуть въ формулу прощенія: «Свободный пропускъ для Чжинъ-Чжинъ-Ва и воздайте ему должныя почести». И я не скрою отъ васъ, что хотѣлъ одинъ похитить Норриса... но ваше отсутствіе напугало меня; я думалъ, что мнѣ придется спасать двоихъ... Но время не потеряно, не убьютъ же они до завтра свою жертву.

— Увѣрены ли вы, что слышали голосъ Норриса?

— Въ такихъ вещахъ нельзя ошибиться. Не придавая абсолютной вѣры предчувствію, я тѣмъ не менѣе признаю, что бываютъ знаменательныя совпаденія, близкія къ чуду. Мой сонъ и крикъ принадлежатъ къ такимъ совпаденіямъ.

XV.

Чжинъ-Чжинъ-Ва въ храмѣ Конфуція.

Надо ли говорить, что мы не сомкнули глазъ въ эту ужасную ночь. И въ темнотѣ, когда наши усталые члены отдыхали на грубыхъ постеляхъ, Чжинъ-Чжинъ-Ва передавалъ мнѣ разныя подробности, въ добавленіе къ разсказаннымъ имъ фактамъ. Далеко не все еще было понятно намъ въ этой загадочной

Digitized by Google

исторіи; оставался одинъ темный вопросъ, который надо было выяснить. Мы не понимали, какая причина могла побудить Шанъ-Нимъ-Юена дѣйствовать съ такою, быть можетъ, опасною стремительностью. Наше присутствіе въ китайскомъ ресторанѣ, какъ бы оно ни показалось ему подозрительнымъ, было недостаточнымъ поводомъ для такихъ суровыхъ мѣръ. Наша мысль обращалась къ Бонзелю, и, не обвиняя его, мы старались увѣрить себя, что если ударъ исходилъ съ той стороны, то вся вина нѣмецкаго негоціанта была въ его неосторожности. Очевидно, Шанъ-Нимъ-Юенъ изображалъ ось, вокругъ которой вращались всѣ событія, которыя привели меня къ настоящему положенію.

Чжинъ-Чжинъ-Ва распорядился, чтобы были принесены рано утромъ паланкины, въ которыхъ мы должны были отправиться въ храмъ Конфуція, такъ какъ мы собирались посѣтить храмъ въ торжественной обстановкѣ, чтобы усыпить всякія подозрѣнія. Планъ дѣйствія былъ составленъ. Нашъ хозяинъ, продавецъ рѣдкостей, былъ къ намъ расположенъ, и мы попросили его ждать насъ съ осѣдланными мулами у городскихъ воротъ. Добрый старикъ безъ малѣйшаго колебанія согласился оказать намъ столь важную услугу, отъ которой, быть можетъ, зависѣли наша жизнь и свобода. Теперь оставалось рѣшить, можно ли надѣяться, что, похитивъ Норриса, мы успѣемъ выѣхать изъ города до полудня. Мы не могли отправиться въ храмъ на зарѣ: такое раннее посѣщеніе непремѣнно возбудило бы подозрѣнія. И Чжинъ-Чжинъ-Ва, который отлично зналъ обрядовую организацію храма Конфуція, не хотѣлъ подвергаться вѣрной неудачѣ.

— Нашъ планъ хорошо обдуманъ, — сказалъ мнѣ изгнанникъ,—и поспѣшность можетъ только повредить намъ.

— Какое счастіе для меня,—сказалъ я,—что мои друзья въ Шанхаѣ познакомили меня съ вами!

— Это Провидѣніе предопредѣлило,—нравоучительно замѣтилъ Чжинъ-Чжинъ-Ва, — чтобы я принялъ участіе въ вашемъ предпріятіи... Ваше счастье—какъ вы называете счастливое и вмѣстѣ съ тѣмъ несчастливое обстоятельство, соединившее насъ съ вами,—состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, что вамъ не пришлось пользоваться гостепріимствомъ Шанъ-Нимъ-Юена.

Digitized by Google

— Вы всегда были противъ того, чтобы довѣряться пріятелю Бонзеля.

— Да, потому что то, что я узналъ о немъ и его положеніи при дворѣ побудили меня видѣть въ немъ человѣка опаснаго для насъ.

Съ разрѣшенія Чжинъ-Чжинъ-Ва, я написалъ письмо братьямъ Дисей,—молодымъ людямъ испытанной честности,—которымъ смѣло можно было довѣриться. Это было мое первое письмо имъ изъ Пекина; нашъ хозяинъ взялся отправить его съ первымъ отплывающимъ пароходомъ. Я написалъ имъ, что Норрисъ томится въ храмѣ Конфуція; что пріятель Бонзеля—виновникъ этого похищенія, и онъ же устроилъ, что Чжинъ-Чжинъ-Ва высланъ изъ Пекина, и что мы собираемся въ настоящую минуту спасти Норриса или погибнуть, какъ и онъ. Я просилъ братьевъ навести о насъ справки, если черезъ три недѣли они не получатъ извѣстій отъ насъ. Написать это письмо было для меня однимъ изъ самыхъ трудныхъ дѣлъ въ моей жизни, во-первыхъ, потому, что мое сильное возбужденіе мѣшало мнѣ сосредоточиться въ мысляхъ, и затѣмъ потому, что мнѣ приходилось рисовать буквы кисточкою, что было для меня непривычнымъ занятіемъ и отняло много времени.

Крыши сосѣднихъ домовъ начали свѣтлѣть... сквозь сѣрый туманъ горизонта пробивались искорки свѣта; лучезарное солнце готовилось взойти. Тревожная ночь, наконецъ, прошла, но какъ она долго тянулась! Носильщики явились въ указанный часъ со своими паланкинами. Намъ предстояло сдѣлать нѣсколько миль въ этихъ неудобныхъ экипажахъ. Мы величественно усѣлись въ паланкины, оправляя свои роскошные костюмы, въ подражаніе тщеславнымъ мандаринамъ. Въ подражаніе имъ же, мы надѣли громадныя очки и раскрыли блестящіе зонтики и не менѣе блестящіе вѣеры.

Чжинъ-Чжинъ-Ва сохранялъ свое обычное хладнокровіе... Я тоже казался спокойнымъ, но этотъ спокойный видъ былъ результатомъ моего угнетеннаго и тревожнаго состоянія. Мы мало разговаривали дорогою. Я пожалъ Чжинъ-Чжинъ-Ва руку, передъ тѣмъ какъ онъ вошелъ въ храмъ,—онъ одинъ имѣлъ право войти,—и я пожалъ ее крѣпко, подумавъ, что, быть можетъ, это въ послѣдній разъ.

Digitized by Google

Наши паланкины были поставлены на землю, и я смотрѣлъ, какъ изгнанникъ вошелъ въ храмъ, окруженный прекрасными высокими деревьями. Въ лѣвой рукѣ онъ держалъ свое «прощеніе». Я не знаю, какъ долго продолжалось его отсутствіе. Каждая минута мнѣ казалась вѣкомъ, и я боялся, чтобы не случилось какого нибудь несчастія. Агонія—я не могу найти другаго слова для выраженія испытаннаго мною страданія—продолжалась такъ долго, что мои силы изнемогали, какъ вдругъ я услышалъ крикъ, раздавшійся извнутри храма. Я приписалъ этотъ крикъ обману нервъ, истерзанныхъ мукою нетерпѣнія... Въ тревогѣ я прислушивался, стараясь уловить другой стонъ... но ничего не было слышно: тишина воцарилась кругомъ. Меня окружала толпа, любопытная толпа купцовъ, бродягъ, прокаженныхъ нищихъ и крестьянъ, которые легко признали во мнѣ европейца, не смотря на мое китайское платье. Какъ объяснить этотъ крикъ, кто испустилъ его? Страшная мысль мелькнула у меня: не встрѣтился ли Чжинъ-Чжинъ-Ва лицомъ къ лицу съ нашимъ смертельнымъ врагомъ? Не грозила ли ему опасность? Живъ ли еще Вильямъ Норрисъ?

Всѣ эти вопросы осаждали мой измученный мозгъ, и я серьезно думалъ: не переступить ли мнѣ, не взирая на святость храма, за его порогъ, чтобы раздѣлить участь моего товарища. Я способенъ былъ совершить безумный поступокъ, въ которомъ, разумѣется, пришлось бы раскаяться впослѣдствіи, какъ вдругъ внезапная реакція пригвоздила меня къ мѣсту. Въ дверяхъ храма показался Чжинъ-Чжинъ-Ва. Его высокая фигура величественно выдѣлялась среди священниковъ, которые окружали его,—трое съ лѣвой стороны, трое съ правой стороны и трое позади. Чжинъ-Чжинъ-Ва свободно шелъ съ суровымъ величіемъ, попирая ногами сухіе листья, покрывавшіе вымощенный дворъ. По мѣрѣ того какъ онъ приближался, я разглядѣлъ, что онъ несъ какую-то безформенную массу. Сердце у меня страшно билось, виски пылали, въ глазахъ стояло кровавое облако. Онъ приблизился ко мнѣ, держа въ рукахъ свою ношу...

Сквозь красный туманъ я разглядѣлъ фигуру человѣка... изуродованное, изломанное тѣло... увидѣлъ обнаженныя ноги... одна была въ крови... Я увидѣлъ, наконецъ, смертельно блѣдное лицо... Вотъ какова была ноша, которую несъ Чжинъ-Чжинъ-Ва.

Digitized by Google

— Боже мой!—воскликнулъ я съ ужасомъ,—неужели это Вильямъ Норрисъ?

И среди тѣснившей насъ толпы Чжинъ-Чжинъ-Ва сурово отвѣтилъ мнѣ:

— Не знаю!

XIV.

Опять пытки.

Вернемся теперь къ Норрису, котораго палачи, съ наступленіемъ зимнихъ холодовъ, одѣли въ теплую одежду, носимую сѣверными китайцами, для защиты отъ холода. Въ этомъ смѣшномъ одѣяніи несчастный скорѣе походилъ на дикаго звѣря, чѣмъ на человѣка.

Онъ ползалъ съ потухшимъ взоромъ, не понимая, какъ и почему онъ находился въ этомъ мѣстѣ.

Страшная пытка, которой его подвергали, и нравственныя мученія если несовсѣмъ убили, то во всякомъ случаѣ усыпили его разумъ, и живо осталось только одно животное; онъ рѣшительно не помнилъ, кѣмъ онъ былъ, когда переступилъ порогъ роковаго храма.

Покрывало, застилавшее его прошлую жизнь, было, впрочемъ, не настолько непроницаемо, чтобы онъ могъ находить естественными свои мученія; благодаря блѣднымъ искоркамъ жизни, о которой у него сохранилось тусклое воспоминаніе, онъ отчасти сознавалъ ужасъ своего настоящаго положенія. Когда, въ минуты отдыха, къ нему возвращалось сознаніе, онъ пробовалъ разобраться въ своихъ воспоминаніяхъ... и снова переживалъ страшный кошмаръ, продолжавшійся со дня его вступленія въ храмъ до начала пытокъ... Различныя сцены страшной драмы вставали передъ нимъ въ видѣ кровавыхъ картинъ, мучительныхъ для мысли. Послѣ «пытки расплавленнымъ свинцомъ», его оставили на нѣкоторое время въ покоѣ. Его тюремщики не питали никакой жалости къ нему, но они понимали, что не стóитъ его мучить, если онъ *не можетъ вынести дальнѣйшихъ мученій.*

Въ жизни Норриса ничего не измѣнилось, и тѣ же самые бонзы бдительно стерегли его. Однажды, впрочемъ, явился

Digitized by Google

взглянуть на него человѣкъ надменнаго вида, въ роскошной одеждѣ, которому тюремщики оказывали особенное почтеніе. При видѣ его, Норрисъ хотѣлъ убѣжать, то есть, онъ хотѣлъ, съ помощью своихъ ногъ и рукъ, скрыться отъ посѣтителя, какъ собака, которая боится, чтобы ее не побили. Бѣдный страдалецъ теперь не ходилъ, а ползалъ, какъ какое-нибудь нечистое животное, бросая вокругъ себя безумные взоры. Человѣкъ въ роскошной одеждѣ хладнокровно взглянулъ на бѣдное созданье, которое бонзы такъ изуродовали, но его сердце было недоступно жалости; ни одинъ мускулъ не дрогнулъ у него въ лицѣ... онъ былъ неуязвимъ передъ этимъ страданіемъ. Удалился онъ, не сказавъ ни слова, и Норрисъ остался одинъ... со своими мучителями.

Наступилъ апрѣль, и ласки весны оживили разумъ и тѣло страдальца. На бурыхъ вѣткахъ раскрывались почки; болтливыя птицы чирикали въ кустарникахъ, и солнце принимало желтый оттѣнокъ, предвѣщающій палящій зной. Въ половинѣ апрѣля снова явились бонзы и, внимательно осмотрѣвъ свою жертву, съ удивленіемъ замѣтили ея быстрое выздоровленіе. Четыре дня спустя, Норриса опять посадили на цѣпь. Бѣдняга переносилъ все съ тупымъ смиреніемъ. Иногда онъ хватался за голову своими высохшими руками... за свою бѣлую, какъ лунь, голову... и по его воспаленнымъ щекамъ текли слезы... «Сыны неба» радовались при видѣ этого нѣмаго отчаянія и весело готовились къ зрѣлищу вторичной пытки. Они понимали, что въ Норрисѣ духъ преобладаетъ надъ плотью, а, слѣдовательно, онъ окажетъ и бо́льшее сопротивленіе страданію. Они рѣшили покончить съ Норрисомъ, дѣйствуя на его разумъ, который они собирались убить въ немъ не сразу, а постепенно, чтобы мученія были продолжительнѣе. Они не воображали, что онъ утратилъ память о многомъ; они полагали, что такъ какъ къ нему вернулись силы и мысли, то онъ долженъ вспомнить всѣ подробности своей первой пытки. Бонзы Конфуція разсчитывали на память ощущеній и собирались повторить сцену пытки, не подвергая свою жертву физическимъ страданіямъ, но надѣясь одними только приготовленіями къ пыткѣ вызвать прежній ужасъ и муки. Желтолицые люди воспроизвели всю обстановку сцены съ замѣчательнымъ искусствомъ, съ полной иллюзіей дѣйствительности.

Digitized by Google

Норрисъ былъ крѣпко привязанъ къ землѣ; вошли два китайца, и за ними третій—цирульникъ. Ихъ появленіе должно было пробудить въ узникѣ былую муку. Оно должно было болѣзненно отозваться въ его памяти мучительнымъ воспоминаніемъ о приготовленіяхъ къ перенесенной имъ пыткѣ. Но Норрисъ ничего не помнилъ, и потому смотрѣлъ на китайцевъ съ полнѣйшимъ равнодушіемъ. Оба бонзы были раздражены этимъ, такъ какъ они ожидали, что узникъ затрепещетъ въ ужасѣ при видѣ цирульника. Эта неудача, однако, не отбила у нихъ охоты продолжать свою дьявольскую затѣю; они предполагали, что физическимъ ощущеніемъ можно будетъ вырвать у Норриса страдальческій вопль, который покажетъ, что онъ можетъ страдать. Норрисъ не сводилъ глазъ съ мучителей и старался угадать ихъ намѣреніе, но не могъ—и вскорѣ бросилъ думать о нихъ. Вдругъ онъ почувствовалъ холодъ стали на головѣ. Его снова брили. Это ощущеніе вывело его изъ оцѣпенѣнія... завѣса разрывалась... Цирульникъ съ методическою медленностью сбривалъ мелкими прядями сѣдые волосы узника. По мѣрѣ того какъ его работа подвигалась впередъ, Норрисъ мѣнялся въ лицѣ. Сперва тупая боль, затѣмъ боль острая, какъ сильный ударъ кинжаломъ, пронзила его сердце: память вернулась къ нему... Онъ понялъ, что его ожидала пытка расплавленнымъ свинцомъ.

Онъ хотѣлъ протестовать... но отъ ужаса языкъ прилипъ къ нёбу... глотка распухла, и онъ не могъ издать ни одного звука. Сильныя судороги потрясали его тѣло... сознаніе охватило его разумъ. Звѣрь боролся съ одолѣвавшимъ его ужасомъ; онъ испустилъ, наконецъ, страшный нечеловѣческій крикъ... и лишился чувствъ. Цирульникъ могъ пріостановить теперь свою работу; цѣль сыновъ неба была достигнута:—Норрисъ мысленно пережилъ такое же сильное страданіе, какъ и въ первый разъ. Его оставили на голой землѣ, съ полуобритой головою, съ мертвенно-блѣднымъ лицомъ и съ оцѣпенѣвшими членами. Бѣлыя пряди волосъ на затылкѣ были оставлены до слѣдующаго испытанія. Когда онъ пришелъ въ себя, онъ задрожалъ, вспомнивъ пытку, которую вынесъ. Съ трудомъ поднялъ онъ руки, чтобы ощупать рубцы на своемъ черепѣ. Онъ несовсѣмъ ясно сознавалъ свое состояніе, находясь въ сильнѣйшемъ нервномъ возбужденіи.

Digitized by Google

Когда же будетъ конецъ этимъ адскимъ мученіямъ? Онъ дрожалъ теперь при малѣйшемъ шумѣ, терзался въ смертельномъ страхѣ, блѣднѣлъ всякій разъ, когда открывалась дверь или хрустѣлъ песокъ подъ ногами какого нибудь посѣтителя. Когда его страхъ слабѣлъ, онъ думалъ о подложномъ чекѣ, который далъ своему неизвѣстному врагу. Хотя онъ потерялъ всякое понятіе о мірскихъ дѣлахъ, но тѣмъ не менѣе радовался, что хитрости противопоставилъ хитрость, обманулъ надежды своихъ палачей. Давно уже прошли четыре мѣсяца, въ которые можно было съѣздить въ Англію, и онъ удивлялся, что еще живъ, не смотря на открытіе его подлога. Онъ имѣлъ, впрочемъ, весьма смутное понятіе о томъ, сколько времени прошло со дня его пытки. Онъ не зналъ, что нѣсколько мѣсяцевъ онъ былъ лишенъ разума, и въ это время владѣлецъ подложнаго чека часто приходилъ взглянуть на него и насладиться чувствомъ мести. Этотъ человѣкъ въ сущности бѣсился, что безуміе отняло у него жертву. До сихъ поръ таинственный человѣкъ остерегался принять личное участіе въ этой мрачной исторіи... онъ заявлялъ о себѣ записками на имя Норриса. Но теперь онъ забылъ всякую осторожность и непосредственно занялся участью Норриса.

XVII.

Норрисъ и безмолвный бонза.

Спустя нѣсколько дней послѣ описанныхъ событій, Норрисъ сидѣлъ на сѣрой землѣ въ своемъ маленькомъ дворикѣ. Его глаза печально глядѣли впередъ, слѣдя по временамъ за ласточками, которыя, описывая причудливыя фигуры въ воздухѣ, напоминали ему былыя надежды и то время, когда онъ довѣрилъ свое горе этимъ милымъ летуньямъ...

Къ нему явился таинственный посѣтитель. Человѣкъ высокаго роста, сильнаго сложенія, свойственнаго татарамъ и сѣвернымъ китайцамъ, подошелъ къ нему. Его лицо выражало неумолимую жестокость. Глаза были живые и проницательные. Норрисъ инстинктивно почувствовалъ, что передъ нимъ врагъ, преслѣдующій его. Вглядѣвшись въ него внимательнѣе, онъ увидѣлъ вышитаго золотомъ дракона на шолковой одеждѣ по-

Digitized by Google

сѣтителя,—знакъ высшаго ранга въ китайской іерархіи. Мандарина сопровождали бонзы. Сильнымъ напряженіемъ воли Норрисъ поборолъ свой страхъ и постарался принять спокойный видъ. Мандаринъ наклонился, чтобы лучше разглядѣть его, такъ какъ Норрисъ, не смотря на то, что былъ относительно здоровъ, постоянно лежалъ на землѣ, и вперилъ въ него злобный взоръ.

— Платите...—медленно проговорилъ онъ,—платите сумму...

Онъ съ трудомъ объяснялся по англійски и протянулъ своей жертвѣ подложный чекъ, который получилъ обратно, вмѣстѣ съ письмомъ.

— Читайте,—сказалъ онъ.

Норрисъ приподнялся и взялъ изъ его рукъ письмо. Онъ медленно читалъ письмо, желая выиграть время, чтобы обдумать свой образъ дѣйствія.

Письмо, на сомнительномъ англійскомъ языкѣ, свидѣтельствующемъ о его иностранномъ происхожденіи, состояло изъ нѣсколькихъ строкъ:

«Шанъ-Нимъ Юену. Въ императорскомъ городѣ. Пекинъ. Возвращаю вамъ присланный чекъ: онъ ничего не стоитъ. Мнѣ его вернули изъ англійскаго банка, и интересно знать, отъ кого вы его получили. Въ банкѣ не имѣется вклада на имя подписавшагося. Наши друзья желаютъ получить болѣе подробныя свѣдѣнія, такъ какъ сумма значительная. Отвѣчайте скорѣе, чтобы я могъ хлопотать... Я имѣю много что передать вамъ, но откладываю до другаго раза, желая поскорѣе получить объясненіе по поводу этого чека. Не мѣшкайте. Я имѣю другія дѣла въ виду. Преданный вамъ Л. Бонзель».

Когда Норрисъ кончилъ чтеніе, мрачная грусть охватила его. Европеецъ дѣйствовалъ заодно съ китайцемъ, чтобы ограбить его. Но это извѣстіе, вмѣсто того чтобы окончательно убить его, придало ему новыя силы для борьбы. Глухая злоба бушевала въ немъ. Ему предстояла борьба не съ желтокожими людьми, а съ культурнымъ европейцемъ, который не стыдился дѣйствовать заодно, вмѣстѣ съ злѣйшими врагами цивилизаціи, въ дьявольскомъ заговорѣ. Онъ возмутился и, смявъ прочитанное письмо, швырнулъ его далеко отъ себя, въ присутствіи мандарина, который не сводилъ съ него глазъ. Одинъ изъ бонзъ поднялъ письмо. Мандаринъ глядѣлъ на эту сцену со злобнымъ

Digitized by Google

любопытствомъ, и жестокая улыбка кривила его безстрастное лицо, а Норрисъ бросался взадъ и впередъ, какъ раненый левъ въ припадкѣ ярости. Онъ посылалъ угрозы и проклятія по адресу Бонзеля и своихъ палачей. Этотъ взрывъ былъ естественною реакціей... слова громко раздавались, какъ звуки трубы, удивляя его самого, послѣ молчанія, которое онъ такъ долго хранилъ. Мандаринъ соблаговолилъ дождаться, чтобы этотъ гнѣвъ прошелъ. Когда англичанинъ успокоился, онъ снова обратился къ нему:

— Вы плѣнникъ... слова не имѣютъ значенія... Вы обманули меня и будете наказаны... Платите, какъ слѣдуетъ... вы будете свободны... Шанъ-Нимъ-Юенъ не будетъ болѣе обманутъ.

Норрисъ пожалѣлъ, что совершилъ обманъ, чтобы отсрочить то, что теперь приходилось сдѣлать. Его подвергали пыткѣ вслѣдствіе открытія подложнаго чека, а не за убійство бонзы, какъ онъ думалъ. Еслибы онъ могъ, заплативши тысячу фунтовъ, избавиться отъ мученій и получить свободу, онъ не сталъ бы, конечно, колебаться.

— Еще разъ... я даю вамъ шансъ... напишите настоящій чекъ въ пять тысячъ фунтовъ,—и вы свободны...

Сумму выкупа увеличили. Вмѣсто тысячи фунтовъ требовали уже пять тысячъ. Но такой суммы не было у его банкира. Для уплаты потребовалось бы продать процентныя бумаги. Что дѣлать? Онъ готовъ исполнить требованія своихъ мучителей, готовъ отдать имъ все свое состояніе, только бы получить свободу. Но гдѣ ручательство, что онъ будетъ свободенъ, и прежнія сомнѣнія охватили его. Тайная мысль, которая побудила его выставить чужое имя подъ чекомъ, опять предстала передъ нимъ со своей безпощадной логикой: «когда ты лишишься всего достоянія, ты потеряешь всякую цѣнность въ глазахъ китайцевъ, у которыхъ не будетъ тогда и причины щадить тебя».

Шанъ-Нимъ-Юенъ ожидалъ, когда Норрисъ кончитъ свои размышленія.

— Итакъ,—сказалъ онъ наконецъ,—вы поняли меня?

— Понялъ, — медленно отвѣтилъ узникъ. — Я долженъ заплатить вамъ пять тысячъ фунтовъ за свою свободу.

Тутъ у него мелькнула мысль:

— Выпустите меня отсюда, и я исполню ваше требованіе.

Digitized by Google

Мандаринъ глядѣлъ на него, снова улыбаясь.

— Вы заплатите здѣсь... потомъ будете свободны.

— Я заплачу, когда буду свободенъ,—упрямо повторилъ Норрисъ.

— Подумайте... Платите здѣсь... вы не можете выбирать,— суровымъ тономъ заявилъ мандаринъ.

— Тогда я отказываюсь,—твердо отвѣтилъ Норрисъ.

Шанъ-Нимъ-Юенъ помертвѣлъ отъ злобы. Онъ отдалъ приказаніе одному изъ бонзъ, и тотъ, послѣ кратковременнаго отсутствія, вернулся съ бумагой, чернилами и кисточкой.

Всѣ эти вещи были положены на землю передъ Норрисомъ. Шанъ-Нимъ-Юенъ снова обратился къ нему:

— Безумный англичанинъ... пишите чекъ... или мы васъ принудимъ.

Норрисъ понялъ, что его ожидало.

«Мы васъ принудимъ», — эта угроза прозвучала въ его ушахъ, какъ погребальный звонъ. Его ожидала пытка... и онъ задрожалъ при страшномъ воспоминаніи. Онъ былъ въ полной власти этого человѣка, и тотъ могъ подвергнуть его всяческимъ истязаніямъ. О! расплавленный свинецъ — предметъ вѣчнаго страха для него... Онъ былъ теперь одинъ, и это одиночество пугало его. Угроза Шанъ-Нимъ-Юена производила свое дѣйствіе: его упорство таяло передъ наступавшей опасностью, передъ страхомъ неизвѣстныхъ мученій. Пришла пора покориться. Онъ взялъ бумагу, которую бонзы положили передъ нимъ, схватилъ кисточку и, съ трудомъ ставъ на колѣни, написалъ не своимъ почеркомъ нѣсколько строкъ, подписавшись своимъ настоящимъ именемъ: Вильямъ Норрисъ. Это былъ приказъ его банкирамъ реализировать сумму въ пять тысячъ фунтовъ и выдать ее предъявителю.

Едва онъ успѣлъ написать послѣднее слово, какъ вдругъ показалась чья-то рука и стала вырывать чекъ изъ его рукъ. Норрисъ, удивленный, обернулся: возлѣ него стоялъ бонза, молча наблюдавшій за нимъ. Китаецъ держалъ бумагу въ сжатыхъ пальцахъ; Норрисъ стиснулъ его руку съ такою силою, которую даже не предполагалъ въ себѣ. Онъ ясно понялъ, что если онъ уступитъ, то ничего не получитъ отъ мандарина, что шпіонъ, который выдалъ себя своимъ несвоевременнымъ усердіемъ, исполнялъ волю его вѣроломныхъ вра-

Digitized by Google

говъ. Китаецъ, чувствуя, что добыча ускользаетъ, собралъ всѣ свои силы и, соединивъ вмѣстѣ оба свои кулака, нанесъ англичанину ударъ, какъ бы тараномъ. Ударъ съ глухимъ звукомъ упалъ на голову Норриса, но не убилъ его. Преодолѣвъ боль, Норрисъ бросился на своего врага. Въ безумномъ гнѣвѣ, онъ забылъ про желѣзное кольцо на ногѣ... Движеніе, которое онъ сдѣлалъ, чтобы броситься на своего противника, причинило ему страшную боль. Ему показалось, что онъ сломалъ ногу... онъ упалъ. Его противникъ воспользовался его паденіемъ и старался завладѣть чекомъ. Норрисъ схватилъ его за ногу, китаецъ свалился... началась свирѣпая борьба.

Бонза, давшій обѣтъ хранить вѣчное молчаніе, оставался безмолвнымъ въ теченіе пятнадцати лѣтъ. Теперь онъ хотѣлъ позвать на помощь, но органъ, оставленный безъ упражненія, не издалъ ни одного звука.

Крѣпко схватившись, они катались по пыльной землѣ... Вдругъ китаецъ вскочилъ на ноги, съ драгоцѣннымъ документомъ въ окровавленныхъ рукахъ. Онъ хотѣлъ унести его... но дикая мысль вернула его къ врагу... онъ нагнулся, схватилъ руку и укусилъ большой палецъ.

Боль вернула сознаніе Норрису... Открывъ глаза, онъ снова увидѣлъ жолтое лицо безмолвнаго бонзы... Въ голову ударилъ жаръ; глаза у него налились кровью, въ жилахъ словно закипѣла лава... Онъ вторично схватилъ китайца за горло, и тотъ упалъ на колѣни. Снова началась борьба. Теперь дрались уже не люди, а два хищныхъ звѣря. Слышно было глухое ворчаніе... оба задыхались. У Норриса изо рта текла сукровица... китаецъ съ изуродованнымъ лицомъ представлялъ кровавую массу. Борьба, наконецъ, кончилась, и два врага, истомленные, ослабѣвшіе отъ потери крови, лежали неподвижно рядомъ. Недалеко отъ нихъ валялся въ красной лужѣ чекъ, подписанный Норрисомъ.

XVIII.

«Мучьте... но не убивайте».

Обморокъ Норриса продолжался недолго. Когда онъ пришелъ въ себя, ему бросился въ глаза чекъ на кровавомъ фонѣ.

Digitized by Google

Онъ сдѣлалъ усиліе, чтобы схватить его, но его отдѣляло отъ чека порядочное разстояніе, а желѣзное кольцо, посредствомъ котораго онъ былъ привязанъ къ землѣ, мѣшало ему далеко двигаться. Бросивъ взглядъ вокругъ себя, онъ увидѣлъ тѣло бонзы. Онъ подползъ къ нему и схватилъ его руку, которою и воспользовался, какъ орудіемъ для достиженія своей цѣли. Послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ, ему удалось съ помощью руки, которую онъ направлялъ, придвинуть къ себѣ чекъ.

Онъ продолжалъ свое дѣло, какъ вдругъ бонза глубоко вздохнулъ. Норрисъ въ ужасѣ вздрогнулъ: онъ былъ увѣренъ, что убилъ безмолвнаго бонзу. Но, вмѣсто того чтобы достать чекъ, онъ, оказывается, оживилъ врага,—и это грозило ему страшными послѣдствіями. У него выступилъ холодный потъ, сердце чуть билось. Совѣсть его молчала, когда рука мертвеца замѣняла ему палку, но теперь онъ не рѣшился пользоваться помощью умирающаго. Пока онъ размышлялъ, на дворѣ показалось двое бонзъ. Ихъ неожиданное появленіе заставило умолкнуть его совѣсть, и онъ поспѣшилъ повторить свою попытку. На этотъ разъ она имѣла успѣхъ. Зажавъ въ рукахъ важный документъ, онъ тотчасъ же сунулъ его въ ротъ и изгрызъ зубами.

Бонзы, не понимая, что случилось, но обозлившіеся при видѣ безчувственнаго тѣла своего товарища, набросились на англичанина и жестоко отколотили его. Когда ихъ гнѣвъ утихъ, они оказали помощь бонзѣ, который мало-по-малу пришелъ въ чувство. Это обстоятельство спасло Норриса отъ немедленной казни, но оно послужило въ то же время причиною, что на него опять начали смотрѣть, какъ на опаснаго человѣка, за которымъ надо строго слѣдить. Шанъ-Нимъ-Юенъ, послѣ этого случая, пересталъ показываться въ храмѣ. Норрисъ тщетно пытался разгадать, почему мандаринъ не показывался, и его страхъ усиливался. Его зорко стерегли днемъ и ночью; ему чудились тысячи глазъ въ скважинахъ толстыхъ стѣнъ; ему казалось, что за каждымъ его движеніемъ наблюдаютъ... Дѣйствительно, съ него не спускали глазъ. Такой строгій надзоръ приводилъ его въ еще бо̀льшее отчаяніе, такъ какъ онъ справедливо разсуждалъ, что враги съ тою цѣлью стерегли его такъ зорко, чтобы онъ не могъ посягнуть на свою жизнь и избавиться такимъ образомъ отъ ожидавшихъ его мученій.

Digitized by Google

Лишенія пріучили его ко всякой пищѣ, которую давали ему; но теперь ему казалось, что густыя похлебки имѣли какой-то особенный вкусъ; питье, которое ему скупо давали, тоже было на его вкусъ болѣе приторно, чѣмъ прежде. Сперва онъ объяснялъ это разстроеннымъ воображеніемъ, но такъ какъ этотъ странный вкусъ упорно преслѣдовалъ его, то ему пришло въ голову, что бонзы, преслѣдуя свои тайныя цѣли, прибавляютъ въ его пищу какое нибудь дьявольское снадобье. Ему стало противно, и его постоянно тошнило. Ѣдкій привкусъ отравлялъ ему всякую пищу. Питье, которое приносили бонзы, было тоже противно ему, вслѣдствіе невыносимаго запаха. Онъ положительно не могъ ни ѣсть, ни пить. Неужели его враги желали, чтобы онъ умеръ съ голоду? Или они задумали медленно отравить его? Въ дѣйствительности, бонзы Конфуція не помышляли ни отравлять его, ни морить съ голоду; они желали только всячески мучить бѣдное созданье, не посягая на его жизнь, чтобы мученія продолжались дольше. Въ своей изощренной жестокости они предоставили англичанину мучиться воображаемою отравою, и онъ отталкивалъ пищу и питье, которыя ему давались, отказывался подкрѣпить свои слабыя силы, утолить жажду и голодъ, терзавшій его. И они были безстрастными свидѣтелями этой утонченной пытки, которую могъ придумать только китайскій мозгъ.

Шанъ-Нимъ-Юенъ надѣялся, конечно, побороть этою жестокою пыткою упорство англичанина, такъ какъ онъ распорядился, чтобы узникъ имѣлъ около себя чернила, бумагу и кисточку и могъ написать чекъ въ его пользу.

Норрисъ, закаленный въ страданіяхъ, не сдавался. На него находила порою общечеловѣческая слабость, и онъ готовъ былъ исполнить требованіе мандарина, но слабость была мимолетна, какъ молнія, и онъ быстро преодолѣвалъ ее.

Прошло такимъ образомъ нѣсколько дней. Норрисъ угасалъ физически и нравственно,—угасалъ, какъ угасаютъ лампы, которыя загораются яркимъ пламенемъ, прежде чѣмъ потухнуть. Въ немъ тоже загорались послѣднія искры энергіи. Бонзы замѣтили, что жертва ускользаетъ отъ нихъ, т. е., что душа Норриса собирается покинуть свою жалкую оболочку, и они рѣшили перемѣнить тактику. Они желали подольше насладиться зрѣлищемъ его страданій и къ тому же боялись, что

Digitized by Google

онъ умретъ, не подписавши бумагу, которую требовалъ Шанъ-Нимъ-Юенъ.

. . . . . .

Вернемся теперь къ началу исторіи Норриса.

Когда онъ имѣлъ неосторожность войти въ храмъ Конфуція и затѣмъ пытался выбраться оттуда, бонзы, задержавъ его, повиновались естественному побужденію, свойственному каждому доброму китайцу, который всегда готовъ броситься на беззащитнаго. Но они боялись послѣдствій своего поступка и не знали, что̀ дѣлать съ плѣнникомъ. Отпустить его на всѣ четыре стороны было рискованно для нихъ: англичанинъ навѣрно обратился бы въ посольство съ жалобою на учиненное надъ нимъ насиліе, и правительство, чтобы избѣжать пререканій съ Англіей, наказало бонзъ, виновныхъ въ дерзкомъ похищеніи. Убить его было бы тоже небезопасно; исчезновеніе его вызвало бы слѣдствіе, которое могло имѣть роковыя для нихъ послѣдствія. Китайцы очень осторожны, не смотря на всю свою жестокость. Они рѣшили ничего не предпринимать, не посовѣтовавшись со своимъ благодѣтелемъ, Шанъ-Нимъ-Юеномъ.

Шанъ-Нимъ-Юенъ принялъ депутацію, и пока бонзы излагали передъ нимъ случившуюся въ храмѣ исторію, — въ его изобрѣтательномъ умѣ рисовалась перспектива «выгоднаго дѣльца». Бонзы не знали ни слова по англійски, а онъ настолько зналъ этотъ языкъ, что могъ кое-какъ объясняться. У него быстро созрѣлъ планъ. Онъ успокоилъ бонзъ, охотно призналъ виновность иностранца и приказалъ имъ держать его въ строгомъ заключеніи. Впрочемъ, онъ сказалъ имъ, что они поступили необдуманно и неосторожно.

— Но,—прибавилъ онъ,—сдѣланнаго не воротишь. Надо сохранить это втайнѣ.

Въ заключеніе, онъ перечислилъ опасности, которымъ они могутъ подвергнуться, посягнувъ на свободу англичанина, и упомянулъ о дипломатическихъ затрудненіяхъ, которыя могутъ разгнѣвать императора. Вся эта исторія обошлась бы Норрису не дорого, еслибы не вмѣшался Шанъ-Нимъ-Юенъ. Бонзы, не смотря на ихъ алчность, не лишили бы иностранца всего его состоянія. Но съ мандариномъ дѣло пошло иначе. Отвѣтъ Шанъ-Нимъ-Юена успокоилъ депутатовъ; смутный

Digitized by Google

страхъ наказанія несовсѣмъ еще пропалъ у нихъ; но они полагались на покровительство мандарина. Бонзы спросили у него, какимъ способомъ можно будетъ получить деньги съ иностранца. Шанъ-Нимъ-Юенъ увѣрилъ ихъ, что легко добьется этого. Норрисъ былъ осужденъ на вѣчное заключеніе, но они рѣшили между собою предъявить къ нему требованіе денегъ. Шанъ-Нимъ-Юенъ далъ бонзамъ первый чекъ для передачи Норрису. Мало знакомый съ англійскими обычаями, чтобы судить о цѣнности чека, подписаннаго узникомъ, онъ считалъ нужнымъ посовѣтоваться со своимъ пріятелемъ Бонзелемъ.

Подписавши чекъ чужимъ именемъ, Норрисъ воздвигъ глухую стѣну между собою и людьми, которые разыскивали его. Бонзель, которому это имя ничего не говорило, отослалъ своему пріятелю ничего не стоющій чекъ и забылъ про этотъ случай. Онъ не отличался сообразительностью и не подумалъ, что могла быть связь между исчезновеніемъ англичанина и присылкою подложнаго чека. Его довѣріе къ Шанъ-Нимъ-Юену было такъ велико, что, когда Ванскомбъ просилъ рекомендовать ему вѣрнаго и надежнаго человѣка, онъ далъ ему адресъ мандарина.

Итакъ, еслибы Норрисъ не прибѣгнулъ къ хитрости, онъ потерялъ бы 1000 фунтовъ, но избавился бы отъ страданій.

Получивъ подложный чекъ, Шанъ-Нимъ-Юенъ посовѣтовалъ бонзамъ оставить въ покоѣ узника до окончанія сдѣлки, и его навѣрно послушались бы, еслибъ Норрисъ, собираясь бѣжать, не задушилъ одного изъ своихъ тюремщиковъ. Когда чекъ вернули неоплаченнымъ, мандаринъ страшно разгнѣвался. Но онъ пришелъ въ отчаяніе, когда увидѣлъ узника въ такомъ состояніи, которое исключало всякую возможность снова воздѣйствовать на него. Онъ жалѣлъ, что разрѣшилъ бонзамъ подвергнуть Норриса пыткамъ, но онъ долженъ былъ уступить ихъ жестокому злопамятству; въ противномъ случаѣ онъ могъ потерять всякое вліяніе надъ ними. Вотъ потому-то неслыханныя истязанія, которыя терпѣлъ Норрисъ вначалѣ, были замѣнены впослѣдствіи фиктивными пытками.

Когда бонзы дѣйствовали по внушенію Шанъ-Нимъ-Юена, они свято соблюдали китайское правило, въ которомъ типично выразился характеръ желтой расы: «Мучь, но не убивай».

Digitized by Google

Когда же они дѣйствовали самостоятельно, они теряли всякую мѣру и охотно замучили бы до смерти своего узника. Чжинъ-Чжинъ-Ва не зналъ всѣхъ этихъ подробностей. Потому-то онъ и не вѣрилъ Бонзелю, предполагая, что нѣмецкій негоціантъ и мандаринъ сговорились обобрать Норриса.

XIX.

Битье палками.

Битье палками—обычное наказаніе въ Китаѣ, и оно происходитъ всегда публично, среди толпы любопытныхъ, для устрашенія непойманныхъ преступниковъ. Осужденный ложится лицомъ внизъ, со связанными руками и ногами. Судья становится около него и хладнокровно слѣдитъ за экзекуціей.

Смертельный страхъ въ ожиданіи удара, глухой звукъ бамбуковой палки при ударѣ по тѣлу, страшный вопль, сопровождающій ударъ—вся эта пытка не поддается описанію. Предварительно осужденному завертываютъ во что нибудь пальцы на рукахъ и въ ротъ запихиваютъ особенную траву для того, чтобы онъ не исцарапалъ себѣ грудь ногтями, не сломалъ зубовъ и не прокусилъ языкъ. Бонзы приговорили Норриса къ такому наказанію.

Онъ не могъ бы вынести обычнаго числа ударовъ, и бонзы Конфуція рѣшили раздѣлить наказаніе на нѣсколько пріемовъ, по два удара въ день. Бамбуковая палка, гибкая и крѣпкая, слегка сплющенная, имѣетъ въ длину три метра. Палачъ поднимаетъ палку вровень со своимъ плечомъ и быстро опускаетъ ее на тѣло осужденнаго, причемъ раздается свистъ. Трудно описать ту муку, какую терпитъ осужденный во время этой пытки... Лицо его покрывается красными пятнами, глаза выкатываются, ротъ широко открывается, чтобы испустить ревъ, и затѣмъ судорожно закрывается; языкъ пухнетъ... по тѣлу пробѣгаетъ дрожь...

Однажды утромъ пришли бонзы и прервали тревожный сонъ Норриса. Онъ понялъ, что готовится нѣчто ужасное, потому что на окружавшихъ его лицахъ прочелъ холодную жестокость. Онъ тотчасъ же подумалъ о расплавленномъ свинцѣ и задрожалъ, не смотря на твердое желаніе скрывать свои

Digitized by Google

страданія. Одинъ китаецъ снялъ съ него металлическое кольцо, которымъ онъ былъ привязанъ къ землѣ, а другіе схватили его подъ руки и потащили въ сосѣдній дворъ. Солнце всходило лучезарное, обливая горячимъ свѣтомъ вершины высокихъ деревьевъ, на которыхъ распѣвали птицы. Небо было чистоты изумительной... болѣе голубое и прозрачное, чѣмъ гладкая поверхность озера. Узника перевели въ другое мѣсто, чтобы не нарушать величія храма криками страдальца, чтобы не осквернить священное мѣсто пыткою невѣрнаго. Англичанинъ не сопротивлялся. Его положили на землю, головою на ступень лѣстницы; на эту же ступень палачи положили пукъ травы, который приходился какъ разъ около рта Норриса. Эту траву онъ будетъ грызть зубами, когда роковая палка со свистомъ опустится на его тѣло! Руки ему связали и опутали зеленью... всѣ приготовленія были окончены. Норрисъ повернулъ голову, но грубая рука задержала его движеніе, и онъ лежалъ недвижимъ, въ томительномъ страхѣ.

Онъ ждалъ, самъ не зная чего... его мысль блуждала въ густомъ туманѣ... Подошелъ человѣкъ и сорвалъ съ него одежду до пояса. Палачъ поднялъ свой страшный бичъ... раздался такой звукъ, какъ будто что-то сломали... Норрисъ испустилъ продолжительный ревъ... ногти его вонзились въ траву, въ которую были завернуты руки, зубы крѣпко врѣзались въ деревянную ступень, на которой лежала его голова, и онъ лишился чувствъ.

Вмѣстѣ съ сознаніемъ, къ нему вернулось воспоминаніе о перенесенной пыткѣ. Онъ бросилъ вокругъ себя растерянный взоръ... его перенесли на старое мѣсто, и снова онъ былъ привязанъ къ землѣ. Его бѣдное тѣло, распухшее отъ вынесенныхъ ударовъ, невыносимо ныло. Онъ былъ одинъ, передъ нимъ — чернила и бумага. Въ сильномъ гнѣвѣ онъ схватилъ чернила и бумагу и далеко швырнулъ ихъ. Вечеромъ, одинъ изъ его тюремщиковъ принесъ ему пищу. Китаецъ не подошелъ къ нему близко, потому что боялся, чтобы англичанинъ не бросился на него, какъ и на его товарища, даромъ что слабъ. Чернила и бумага опять появились на старомъ мѣстѣ; надѣялись, что узникъ въ концѣ концовъ уступитъ. Пища и въ этотъ разъ имѣла противный вкусъ, но узникъ ѣлъ и пилъ съ жадностью. Какъ это ни странно, но ему никогда не при-

Digitized by Google

ходила мысль о самоубійствѣ... его страданія такъ быстро слѣдовали одно за другимъ, что разсудокъ не успѣвалъ сосредоточиться на одной какой нибудь мысли. Онъ могъ разбить себѣ голову о каменныя плиты, но высшая воля направляла его и не давала развиться злымъ мыслямъ. И, не смотря на всѣ свои страхи и страданія, не смотря на непреодолимое отвращеніе, которое возбуждала въ немъ пища, онъ продолжалъ жить. Считая битье палками наказаніемъ слишкомъ слабымъ, чтобы окончательно смирить несчастнаго страдальца, бонзы, въ своей неутолимой жаждѣ мести, поставили передъ нимъ зеркало изъ полированной мѣди, чтобы онъ могъ созерцать въ немъ свое исхудалое лицо, свой черепъ, исполосованный послѣ пытки расплавленнымъ свинцомъ, глаза, покраснѣвшіе отъ потоковъ пролитыхъ слезъ... При видѣ своей преждевременной дряхлости, онъ долженъ былъ потерять всякую гордость и надежду. Но бонзы ошиблись въ своихъ злобныхъ разсчетахъ... Норрисъ, правда, былъ пораженъ, когда въ первый разъ увидѣлъ свое отраженіе, но онъ быстро успокоился и даже съ удовольствіемъ всматривался въ свой страдальческій обликъ. Онъ почувствовалъ себя сильнымъ, потому что такъ много вытерпѣлъ... гордость культурнаго европейца возрасла при мысли о безсиліи низшей расы, которая истязала его. Бонзы ничего не поняли въ его гордомъ равнодушіи; философская мысль, которая не дала Норрису упасть духомъ при видѣ своего изуродованнаго облика, была недоступна для нихъ.

На другой день, какъ только заря освѣтила алымъ свѣтомъ причудливую рѣзьбу на крышахъ храма, эти же самые бонзы пришли за Норрисомъ. Онъ хотѣлъ сопротивляться, но былъ тотчасъ же укрощенъ. Одинаковыя приготовленія пробудили въ немъ одинаковыя муки... но теперь страданіе было опредѣленнаго характера, потому что онъ зналъ, что̀ ожидало его. Бамбуковая палка снова ударила по разбитымъ членамъ... горло, сухое отъ боли и ужаса, снова испустило жалобный ревъ. И все таки онъ не уступалъ. Постоянное напряженное состояніе, въ которомъ онъ находился, и пережитыя страданія ослабили его мозгъ. Онъ не владѣлъ болѣе своими умственными способностями, его разсудокъ не работалъ во всѣхъ направленіяхъ... *Онъ не имѣлъ воли уступить.* Разсудокъ управляется двумя побужденіями,—отрицательнымъ и положитель-

Digitized by Google

нымъ. Отрицательное побужденіе заставляетъ разсудокъ воздерживаться отъ того или другаго дѣйствія; подъ вліяніемъ же положительнаго побужденія разсудокъ совершаетъ то или другое дѣйствіе. Иногда, вслѣдствіе внѣшнихъ вліяній, то или другое побужденіе остается бездѣятельнымъ. Это именно и случилось съ Норрисомъ, и ничто не могло сломить его упорства.

Прошло девять дней, и каждый день Норриса били палками, а онъ съ возрастающей болью переносилъ удары, производившіе теперь раны, изъ которыхъ сочилась кровь. Шанъ-Нимъ-Юенъ не показывался узнику, но онъ былъ освѣдомленъ объ его положеніи и выжидалъ. Мандаринъ былъ хорошій психологъ, не сознавая того... реакція была близка, и Норрисъ долженъ былъ уступить. Разсудокъ, правда, былъ не въ порядкѣ, и воля могла столкнуться съ потерей памяти. Обезсиленный пыткою наканунѣ, узникъ проснулся поздно. Первые предметы, на которыхъ остановился его взоръ, были, по обыкновенію, кисточка и чернила, которыя постоянно ставились передъ нимъ. Вмѣсто того чтобы злобно бросить ихъ въ сторону,—что дѣлалъ онъ каждый день,—онъ машинально взялъ бумагу и попробовалъ начертить нѣсколько строкъ. Послѣ нѣсколькихъ остановокъ, онъ написалъ, наконецъ, чекъ, котораго требовалъ Шанъ-Нимъ-Юенъ въ видѣ выкупа... Когда дѣло дошло до подписи, онъ задумался, стараясь вспомнить свое имя... онъ помнилъ, что его зовутъ Вильямъ Норрисъ, но не могъ изобразить на бумагѣ эти два слова. Его дрожащая рука начертила на бумагѣ: *Вильямъ Норландъ*. Онъ сознавалъ, что это имя плохо согласовалось съ его прежнимъ именемъ, которое звучало у него въ ушахъ, но память плохо работала, и онъ невольно снова написалъ фальшивый чекъ.

Бонзы вырвали у него изъ рукъ бумагу и стали разглядывать ее, разговаривая между собою.

Норрисъ думалъ, что его покорность тронетъ китайцевъ и что они избавятъ его отъ ежедневной пытки, такъ какъ онъ исполнилъ требованіе мандарина. Онъ плохо еще зналъ своихъ мучителей. Еслибы онъ могъ понять, что они говорили на своемъ варварскомъ языкѣ, онъ пересталъ бы надѣяться. Подпись Норриса была для бонзъ второстепенною вещью, которой они добивались, чтобы угодить Шанъ-Нимъ-Юену. Но

Digitized by Google

у нихъ были особые счеты съ узникомъ, съ которымъ они еще не поквитались за смерть своего товарища. Когда англичанинъ убѣдился, что, не смотря на принесенную имъ жертву, его будутъ все таки бить палками, ярость его не знала предѣловъ. Онъ кричалъ, вырывался, проклиналъ своихъ палачей, и во время пытки его дикій ревъ и проклятія раздавались по всему двору. Китайцы передали Шанъ-Нимъ-Юену чекъ, подписанный Вильямомъ Норландомъ. Мандаринъ приказалъ прекратить на время истязанія узника. Бонзы съ большой неохотой повиновались этому приказанію. Шанъ-Нимъ-Юенъ не зналъ, что дѣлать, чтобы обратить въ деньги чекъ, котораго онъ такъ давно добивался. Исторія съ первымъ чекомъ заставила его призадуматься, и онъ боялся рисковать второй разъ. Онъ продержалъ его у себя нѣсколько недѣль, не зная, кому довѣриться. Къ Бонзелю онъ не хотѣлъ обращаться по двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому, что уклонялся отъ объясненій по поводу подложнаго чека; и потому также, что не былъ увѣренъ во второмъ документѣ. Къ тому же, онъ помнилъ о ласточкѣ, пойманной въ храмѣ Конфуція,—ласточкѣ съ неоконченнымъ письмомъ за подписью Вильяма,—и помнилъ также, что въ письмѣ было упомянуто про 11-ю ласточку. Одна изъ ласточекъ, съ такимъ же посланіемъ за полною подписью, могла долетѣть до культурнаго міра, и онъ боялся, чтобы имя на второмъ чекѣ не возбудило подозрѣній въ банкирахъ. Смутные слухи о поискахъ дошли до него, и начатое имъ дѣло теперь пугало его. Онъ долго не рѣшался воспользоваться драгоцѣнною бумагою и только тогда рискнулъ, когда представился удобный случай. Онъ послалъ чекъ одному китайскому купцу въ Шанхаѣ съ приказаніемъ дисконтировать чекъ въ Европѣ. Но, прежде чѣмъ чекъ дошелъ до Англіи, Чжинъ-Чжинъ-Ва проникъ въ храмъ, чтобы спасти узника.

XX.

Бѣлая птица.

Опасное состояніе Норриса продолжалось нѣсколько недѣль, и бонзы, по приказанію Шанъ-Нимъ-Юена, ухаживали за узникомъ.

Digitized by Google

У англичанина, къ счастію, была крѣпкая натура, и, не смотря на ослабленіе мозговой дѣятельности, онъ настолько владѣлъ разсудкомъ, что могъ притворяться, преувеличивъ свою слабость и отсрочивъ такимъ образомъ дальнѣйшія пытки. Но его хитрость въ концѣ концовъ была открыта, и бонзы, озлившіеся на то, что были обмануты, поклялись жестоко отплатить ему.

Этотъ періодъ какъ разъ совпалъ съ поисками Ванскомба и Чжинъ-Чжинъ-Ва. Бонзы держали совѣтъ и рѣшили большинствомъ голосовъ заковать Норриса въ цѣпи и лить на ногти горячее масло. Они уже собирались привести въ исполненіе свое ужасное намѣреніе, но Шанъ-Нимъ-Юенъ помѣшалъ имъ. Три недѣли уже прошло съ тѣхъ поръ, какъ мандаринъ вступилъ въ переговоры о чекѣ Норриса, и его тревога усилилась, когда онъ разстался съ чекомъ. Онъ сомнѣвался, чтобы подписанное англичаниномъ имя дѣйствительно принадлежало ему. Но какъ добиться правды? Пытками?.. Норриса уже всячески пытали... Если онъ и въ этотъ разъ обманулъ его, то никакая пытка, значитъ, не въ состояніи сломить его упорство. Развѣ только придумать нѣчто невѣроятное, неслыханное,—такую страшную пытку, какой не найти въ лѣтописяхъ китайскихъ пытокъ... Его злотворный умъ былъ занятъ этимъ вопросомъ, когда его посѣтилъ Чжинъ-Чжинъ-Ва. Посѣщеніе это должно было встревожить такого человѣка, какъ мандаринъ. Шанъ-Нимъ-Юенъ инстинктивно ненавидѣлъ изгнанника, словно чувствовалъ, что тотъ помѣшаетъ въ исполненіи его плановъ. Эта необъяснимая ненависть охватила его въ тотъ же день, когда онъ встрѣтилъ Чжинъ-Чжинъ-Ва въ ресторанѣ въ сопровожденіи товарища, въ которомъ онъ сейчасъ же угадалъ англичанина. Ему не пришло въ голову, чтобы могла быть какая нибудь связь между присутствіемъ изгнанника съ товарищемъ въ Пекинѣ и пребываніемъ Норриса въ храмѣ Конфуція; тѣмъ не менѣе, его непріязнь къ иностранцамъ усилилась послѣ этой неожиданной встрѣчи—и онъ рѣшилъ удалить ихъ изъ города. Его положеніе при дворѣ давало ему возможность выставить пребываніе изгнанника въ Пекинѣ опаснымъ для имперіи, и онъ добился своей цѣли: императоръ подписалъ указъ, которымъ Чжинъ-Чжинъ-Ва запрещалось оставаться въ императорскомъ городѣ.

Digitized by Google

Мы уже разсказывали, какъ изгнанникъ, подъ впечатлѣніемъ страннаго сновидѣнія, отправился къ стѣнамъ храма Конфуція и услышалъ тамъ страшный вопль. Онъ вѣрно угадалъ, что вопль испустилъ Норрисъ. Дѣйствительно, англичанина истязали въ это время, въ присутствіи Шанъ-Нимъ-Юена, который хотѣлъ узнать во что бы ни стало подлинное имя узника.

Мандаринъ потерялъ вѣру въ тѣ пытки, которыми бонзы истязали свою жертву, и придумалъ новое средство. Онъ явился въ храмъ въ сопровожденіи слуги, который несъ клѣтку подъ покрываломъ. Въ клѣткѣ билась птица, похожая на обыкновеннаго воробья, но съ длиннымъ, острымъ клювомъ и съ перьями ослѣпительной бѣлизны. Шанъ-Нимъ Юенъ не сталъ много разговаривать... онъ только потребовалъ, чтобы Норрисъ подписалъ свое подлинное имя, и, не ожидая отвѣта его, сдѣлалъ знакъ. Бонзы схватили узника и понесли его во дворъ, гдѣ его ожидалъ мандаринъ со своимъ слугою. Узника посадили подъ дерево и крѣпко привязали къ стволу. Лѣвую руку тоже крѣпко привязали, но правой рукѣ оставили нѣкоторую свободу, что было понятно въ виду неизбѣжной кисточки съ бумагой, положенной вровень съ правою рукою. Норрисъ осыпалъ угрозами Шанъ-Нимъ-Юена, который оставался безстрастнымъ. Крѣпко привязанный къ дереву, онъ не могъ разсмотрѣть орудіе пытки, помѣщенное около его ногъ, но посредствомъ ощупыванія онъ призналъ въ этомъ орудіи нѣчто въ родѣ насѣста, къ которому были привязаны его ноги такимъ образомъ, что подошвы были открыты. Мандаринъ подошелъ, слуга снялъ покрывало съ клѣтки. Норрисъ увидѣлъ бѣлую птицу, которая яростно билась. Крикъ замеръ у него на губахъ; онъ забылъ, что Шанъ-Нимъ-Юенъ зорко слѣдитъ за нимъ; онъ забылъ даже, почему его истязаютъ... его ужасъ усилился отъ странныхъ приготовленій. Страшно вытаращенные глаза слѣдили за всѣми движеніями человѣка съ клѣткой. Сердце готово было разорваться; кровь съ такою силою приливала къ вискамъ, словно хотѣла хлынуть изъ жилъ. Несчастный вообразилъ, что находится въ фантастическомъ мірѣ, что храмъ населенъ призраками, что, покинувъ землю, онъ попалъ во власть адскихъ силъ. Птицу вынули изъ клѣтки, покрыли ей голову бѣлымъ лоскуткомъ, чтобы она не улетѣла,

Digitized by Google

и привязали къ ногѣ Норриса. Несчастный оцѣпенѣлъ отъ ужаса. Онъ почувствовалъ прикосновеніе перьевъ страшной птицы къ своей обнаженной кожѣ... прикосновеніе это вырвало у него болѣе громкій и болѣе мрачный вопль, чѣмъ его прежніе крики. Птицу посадили на насѣстъ на короткой цѣпочкѣ, прикрѣпленной къ одной изъ подпорокъ насѣста. Передъ ея длиннымъ клювомъ выступали обнаженныя ноги несчастнаго. Птица не принадлежала къ породѣ хищныхъ и не имѣла ни малѣйшаго влеченія къ человѣческому мясу, но ее долго морили голодомъ, и она должна была, рано или поздно, вонзить свой острый клювъ въ тѣло несчастнаго узника. Прошло нѣсколько часовъ, и птица все еще не рѣшалась отвѣдать той пищи, которую предлагали ей сыны неба. Томительное ожиданіе страшно мучило узника. Палачи ушли, оставивъ свою жертву изнывать въ мукахъ.

Въ это самое время Ванскомбъ и Чжинъ-Чжинъ-Ва́ садились въ паланкины, отправляясь въ храмъ Конфуція, и, когда изгнанникъ переступилъ ворота храма, Норрисъ, обезумѣвшій отъ ожиданія, все еще ждалъ, когда птица начнетъ свою работу. И она начала... Терзаемая голодомъ, она вонзила свой клювъ въ тѣло англичанина, и брызнула кровь... Норрисъ рыдалъ... ревѣлъ... рычалъ; вторично проклятый клювъ вонзился въ красное мясо... Птицѣ, казалось, понравилась новая пища. Все смѣшалось въ больномъ мозгу несчастнаго... ему казалось, что онъ умираетъ.

Вдругъ двери храма отворились, и на порогѣ показался Чжинъ-Чжинъ-Ва.

Не смотря на все свое самообладаніе, изгнанникъ вздрогнулъ при видѣ ужаснаго зрѣлища... Онъ разорвалъ веревки, которыми былъ связанъ Норрисъ, сильнымъ ударомъ ноги сломалъ орудіе пытки, которое покатилось вмѣстѣ съ птицей, и, схвативъ англичанина въ свои сильныя объятія, вышелъ изъ храма.

Прибѣжавшіе бонзы въ страхѣ остановились передъ величественнымъ человѣкомъ, который показалъ имъ свое прощеніе: «свободный пропускъ Чжинъ-Чжинъ-Ва, и воздайте ему почести». Никто изъ нихъ не дерзнулъ задержать изгнанника, который гордо удалился. Шанъ-Нимъ-Юенъ сказалъ наканунѣ бонзамъ, когда уходилъ: «я приду завтра». Къ счастію для

Digitized by Google

Чжинъ-Чжинъ-Ва, его еще не было. Бонзы подумали, что изгнанника прислалъ ихъ благодѣтель; потому-то они его и пропустили, хотя весьма неохотно.

XXI.

Ворота Тунчжоу.

Вернемся къ разсказу Герберта Ванскомба:

Пораженный появленіемъ изгнанника съ его странной ношей, я не спускалъ глазъ съ исхудалаго тѣла и обезображеннаго лица несчастнаго страдальца на рукахъ изгнанника. Неужели это былъ Вильямъ Норрисъ? «Не знаю», — рѣзко отвѣтилъ мнѣ Чжинъ-Чжинъ-Ва. Толпа любопытныхъ окружала насъ, враждебно поглядывая. — Надо спѣшить...—воскликнулъ Чжинъ-Чжинъ-Ва, направляясь къ паланкинамъ, гдѣ насъ ждали носильщики. Нельзя было терять ни одной минуты... солнце поднималось на горизонтѣ и приближало насъ къ роковому часу... а мы были еще такъ далеко отъ воротъ Тунчжоу. Чжинъ-Чжинъ-Ва молча положилъ свою ношу въ паланкинъ и самъ сѣлъ рядомъ. Затѣмъ онъ показалъ мнѣ рукою на другой паланкинъ, въ который я и сѣлъ. Мой паланкинъ слѣдовалъ за паланкиномъ Чжинъ-Чжинъ-Ва. Нѣсколько любопытныхъ побѣжало за нами въ волнахъ бурой пыли, которую вздымали ногами наши носильщики. Мы быстро подвигались, и наша судьба зависѣла исключительно отъ быстроты ногъ нашихъ носильщиковъ. По временамъ раздавался повелительный голосъ Чжинъ-Чжинъ-Ва, погонявшій носильщиковъ и обѣщавшій имъ награду, если они прибудутъ въ назначенное мѣсто раньше срока.

Паланкины въ Пекинѣ не отличаются легкостью носилокъ, употребляемыхъ въ Кантонѣ и Футчеу; они тяжелы, громоздки и приспособлены для медленнаго движенія. Мандарины въ Пекинѣ любятъ представительность, любятъ обращать на себя вниманіе, появляясь въ своихъ паланкинахъ на улицахъ. Наши паланкины отлично подходили для посѣщенія храма Конфуція; самая ихъ массивность исключала всякую мысль о похищеніи. Но теперь дѣло шло о нашемъ спасеніи; надо было добраться до воротъ Тунчжоу, прежде чѣмъ часы пробьютъ полдень. Я

Digitized by Google

былъ въ тревогѣ, не смотря на усердіе нашихъ носильщиковъ; изгнанникъ раздѣлялъ мою тревогу, судя по его озабоченному лицу. Меня пугало также состояніе несчастнаго, котораго мы вырвали изъ рукъ палачей. Я мысленно видѣлъ разбитое тѣло, мертвенно-блѣдное лицо, окровавленные члены страдальца. Тревога моя возрастала, и я глядѣлъ на часы... Время бѣжало съ непостижимою быстротою, а мы были еще такъ далеко, такъ далеко отъ конечнаго пункта нашего путешествія!..

Вдругъ паланкинъ Чжинъ-Чжинъ-Ва остановился, и ко мнѣ подошелъ изгнанникъ.

— Что случилось?—съ тревогой спросилъ я.

— Часъ близокъ... толпа, бѣгущая за нами, скоро узнаетъ правду... Сильныя у васъ ноги? — Да, — твердо отвѣтилъ я, вспомнивъ, что считался въ Итонѣ однимъ изъ лучшихъ пѣшеходовъ. — Въ такомъ случаѣ, скорѣе вонъ изъ паланкина. За нами бѣжитъ толпа, среди которой есть нѣсколько негодяевъ на жалованьѣ у мандарина; они давно слѣдили за нами. Наше спасеніе въ бѣгствѣ.—По приказанію Чжинъ-Чжинъ-Ва, носильщики опустили мой паланкинъ на землю, и я быстро выскочилъ.—А... Норрисъ?—спросилъ я.—Ворота недалеко... Я донесу его... Бѣжимъ!—Поднявъ свое китайское платье за поясъ, я пустился бѣжать. Это было самое разумное рѣшеніе съ нашей стороны. Носильщики не могли бѣжать такъ скоро съ тяжелыми паланкинами. Къ счастію для насъ, намъ приходилось бѣжать по пустынной дорогѣ; все таки попадались рѣдкіе прохожіе, которые съ удивленіемъ глядѣли на насъ и присоединялись къ бѣжавшей за нами толпѣ. Мы, дѣйствительно, представляли подозрительное зрѣлище, и китайцы не могли не удивляться при видѣ двухъ человѣкъ въ богатой одеждѣ, бѣгущихъ по пыльной дорогѣ, подъ жгучимъ солнцемъ. Мы сознавали это, понимали всю опасность нашего положенія, но намъ надо было во что бы то ни стало добраться до воротъ, прежде чѣмъ ревѣвшая позади толпа догнала бы насъ. Страхъ придалъ мнѣ крылья. Чжинъ-Чжинъ-Ва, у котораго были стальныя ноги, бѣжалъ впереди, не смотря на свою ношу. Я не глядѣлъ на него, вперивъ взоръ въ горизонтъ, гдѣ смутно рисовались ворота. Чжинъ-Чжинъ-Ва, казалось, изнемогалъ... я слышалъ его тяжелое дыханіе, но онъ бѣжалъ, бѣжалъ, постоянно опережая меня на нѣсколько ярдовъ. По-

Digitized by Google

зади насъ слышались проклятія, дикіе крики, которыхъ я не могъ разобрать, но, очевидно, намъ грозили смертью. Не смотря на эти крики, никто изъ попадавшихся намъ на встрѣчу китайцевъ не подумалъ остановить насъ, и такъ какъ между нами и догонявшими насъ было порядочное разстояніе, то мы не теряли надежды... въ особенности, когда увидѣли близко передъ собою ворота. Мы спасены!.. Чжинъ-Чжинъ-Ва опережаетъ меня... еще одно усиліе... Намъ грозитъ страшная опасность... дорогу загородили два человѣка. — Остановитесь на минуту, — крикнулъ я изгнаннику. Чжинъ-Чжинъ-Ва замедлилъ шаги... Я быстро опередилъ его и очутился лицомъ къ лицу съ двумя китайцами, стороживши ими у воротъ по приказанію мандарина. Я чувствовалъ небывалую силу и бросился на нихъ съ поднятыми кулаками... Одинъ изъ нихъ, получивъ ударъ прямо въ грудь, повалился на землю, другой посторонился. Я продолжалъ бѣжать... Чжинъ-Чжинъ-Ва бѣжалъ рядомъ со мною. Страшное сомнѣніе мелькнуло у меня: а что, если ворота заперты? Но ворота оказались открыты... Провидѣніе вступилось за насъ.

Наши враги ревѣли позади насъ, какъ свора адскихъ псовъ... Прошло нѣсколько секундъ... и мы у цѣли... Кровь прилила къ вискамъ, въ глазахъ у меня потемнѣло... Вотъ ворота... Мы вошли... Норрисъ былъ спасенъ.

. . . . . .

Кругомъ воротъ идетъ вымощенная большими неровными камнями дорога, параллельно высокой стѣнѣ. Это граница города и мы перешли ее.

Я потерялъ всѣ силы въ этомъ безумномъ бѣгѣ, былъ теперь слабѣе всякаго ребенка и непремѣнно упалъ бы, еслибы меня не поддержалъ Чжинъ-Чжинъ-Ва. Но я положительно не могъ двигаться и опустился на жгучую землю. Люди Шанъ-Нимъ-Юена въ свою очередь вошли въ ворота, и угрожающій видъ ихъ не предвѣщалъ ничего хорошаго. Я глядѣлъ на нихъ съ тревогой, готовый на все, какъ вдругъ среди шума раздался властный голосъ Чжинъ-Чжинъ-Ва. Никогда мнѣ не забыть потрясающей сцены великолѣпнаго самообладанія этого человѣка, рожденнаго, чтобы властвовать надъ толпою, и растерянности желтокожихъ людей. Онъ глядѣлъ прямо въ глаза своимъ врагамъ, этимъ скотамъ, жаждущимъ крови. Потрясая

Digitized by Google

своимъ «прощеніемъ», Чжинъ-Чжинъ-Ва произнесъ рѣчь, которая, видимо, произвела сильное впечатлѣніе на слушателей. Люди Шанъ-Нимъ-Юена потерпѣли пораженіе и удалились. Насъ все еще окружала толпа любопытныхъ, но она уже не проявляла враждебныхъ чувствъ. Изгнанникъ положилъ Норриса на землю и самъ присѣлъ отдохнуть. Отдыхъ былъ намъ необходимъ, чтобы собраться съ силами для дальнѣйшаго путешествія. Чжинъ-Чжинъ-Ва сказалъ мнѣ:—Пора отправляться, если вы въ силахъ. Оставаться здѣсь опасно для насъ. Шанъ-Нимъ-Юенъ не такой человѣкъ, чтобы уступить намъ...—Васъ охраняетъ ваше «прощеніе».

— Да, оно имѣетъ значеніе у простаго народа, но мандаринъ не обратитъ на него вниманія. Да и Норрисъ съ нами... еще одною причиною больше для того, чтобы онъ погнался за нами... Но я бы не воспользовался своимъ «прощеніемъ», чтобы спастись отъ гнѣва Шанъ-Нимъ-Юена... Я хочу встрѣтиться съ нимъ лицомъ къ лицу... мы сведемъ наши счеты, и вы увидите...—Я ничего не отвѣтилъ, но понялъ угрозу, которая звучала въ словахъ изгнанника... Я разминалъ ноги, потягивался и готовъ былъ хоть сейчасъ въ путь. Чжинъ-Чжинъ-Ва наклонился къ Норрису. — Онъ живъ, — прошепталъ онъ.— Идемъ!—И онъ взялъ англичанина на руки. Я послѣдовалъ за нимъ, удивляясь своей выносливости послѣ такого тяжелаго испытанія. Спустя нѣсколько минутъ, мы были уже у гостинницы, гдѣ ждалъ насъ хозяинъ съ лошадьми. Любопытные провожали насъ до самой гостинницы и бѣсили своею неотвязчивостью. Хозяинъ обрадовался нашему возвращенію. Онъ сильно боялся за благополучный исходъ нашего предпріятія. Сперва у насъ было намѣреніе ѣхать верхомъ въ Тянь-Цзинъ, но Чжинъ-Чжинъ-Ва рѣшилъ теперь ѣхать рѣкою. Я быстро вскочилъ на лошадь,—надо было спѣшить къ рѣкѣ. Норрисъ, очевидно, не сознавалъ, что совершалось вокругъ него. Онъ какъ будто пришелъ въ себя, но намъ было некогда разспрашивать его. Чжинъ-Чжинъ-Ва влилъ ему въ ротъ нѣсколько капель самшу (китайская водка), чтобы подкрѣпить его силы; мы тоже подкрѣпились и поѣхали. Норриса мы крѣпко привязали къ лошади и поддерживали его съ двухъ сторонъ. Продавецъ рѣдкостей простился съ нами, съ выраженіемъ печали на лицѣ, что меня очень тронуло, хоть я и не понялъ его прощальныхъ словъ.

Digitized by Google

XXII.

Пейхо.

Палящее солнце не жгло и не имѣло для меня вредныхъ послѣдствій. Голова моя была защищена круглою шляпою изъ тонкой соломы, какія носятъ мандарины, и, можетъ быть, сильное возбужденіе парализовало дѣйствіе солнечныхъ лучей. Я не помню, сколько времени мы были въ дорогѣ; но вскорѣ я увидѣлъ дома причудливой формы; мы ѣхали по деревенской улицѣ, не обращая вниманія на толпу, не покидавшую насъ. Мы пріѣхали на большую площадь, откуда можно было видѣть паруса и мачты на Пейхо. На берегу рѣки, въ деревнѣ Тунчжоу, мы сошли съ лошадей. Чжинъ-Чжинъ-Ва попросилъ меня развязать Норриса, а самъ пошелъ нанимать лодку. Онъ скоро вернулся и сказалъ, что лодка готова. Полчаса спустя, мы сидѣли уже въ удобной лодкѣ и плыли въ Тянь-Цзинъ. Мы плыли быстро: Чжинъ-Чжинъ-Ва нанялъ тройной комплектъ людей; нѣкоторые изъ нихъ бѣжали по берегу, таща кабель, прикрѣпленный къ мачтѣ нашей лодки. Лошадей и часть багажа мы должны были бросить, потому что некогда было возиться съ ними. Лодка наша была такъ называемая домъ-лодка, потому что имѣла каюту для пассажировъ въ видѣ домика. Мы оба молчали, такъ какъ нетерпѣніе снѣдало насъ.

Наступила ночь... Кругомъ все было тихо и спокойно, и я заснулъ. Когда я проснулся, дрожащій свѣтъ лампы тускло освѣщалъ каюту, гдѣ я лежалъ. Я увидѣлъ возлѣ себя Норриса. Онъ тоже спалъ, судя по его ровному дыханію. Я внимательно вглядывался въ него. На его, до половины обритой, головѣ я замѣтилъ черныя пятна около лба; эти пятна были одинаковой величины и образовали какъ бы вѣнецъ. Надъ нами свѐркало небо, усѣянное звѣздами, которыя тщетно пытались затмить ночное свѣтило.

Чжинъ-Чжинъ-Ва проснулся. — Спали вы?—спросилъ онъ меня.—Я плохой караульщикъ, какъ видите, и не могъ побороть сна... Не бѣда, впрочемъ; мы доберемся до Тянь-Цзина.

— Будемъ ли мы тогда въ безопасности? Я лично буду чувствовать себя въ безопасности только на морѣ.—Вы правы.

Digitized by Google

Я раздѣляю ваше мнѣніе: въ Тянь-Цзинѣ намъ грозитъ та же опасность, что̀ и въ Тунчжоу... Если мы доѣдемъ до Тянь-Цзина благополучно, я увеличу плату нашимъ лодочникамъ, и они повезутъ насъ къ морю съ такою же скоростью. А тамъ мы найдемъ какой нибудь англійскій корабль, отплывающій въ Европу. Въ крайнемъ случаѣ, мы можемъ выѣхать въ море и въ нашей скорлупѣ.

— Но, — возразилъ я,—въ Тянь-Цзинѣ мы можемъ найти защиту у моихъ соотечественниковъ.

— Никоимъ образомъ. Гнѣвъ Шанъ-Нимъ-Юена ужасенъ, и онъ ни передъ чѣмъ не остановится въ своей мести. Я не боюсь его, а жажду встрѣчи съ нимъ... Ахъ, еслибы не было васъ и Норриса!.. Но не слѣдуетъ рисковать чужою жизнью даже для спасенія своей собственной; и потому мы должны разсчитывать только на свои силы. И вы не воображайте, что европейцы могутъ безнаказанно вмѣшиваться въ дѣла китайцевъ. Каждому европейцу въ сѣверномъ Китаѣ ежечасно грозитъ опасность быть убитымъ и ограбленнымъ. Вы отлично знаете, что ваше посольство въ Пекинѣ существуетъ только для представительности и не имѣетъ никакого вліянія... И что̀ можетъ сдѣлать горсть людей, хотя бы рѣшительныхъ, противъ цѣлаго народа, тѣсно сплотившагося въ ненависти къ европейцамъ?

— Итакъ, вы полагаете, что лучше не высаживаться въ Тянь-Цзинѣ, а ѣхать въ лодкѣ до самаго моря?

— Если это исполнимо... это самое благоразумное рѣшеніе, и мы попробуемъ исполнить его.

Мы продолжали нѣкоторое время нашъ разговоръ, обсуждая различные способы, которыми мы предполагали скрыться отъ преслѣдованія враговъ; потомъ замолчали среди окружавшей насъ темноты. Вдругъ я услышалъ голосъ въ каютѣ.

— Тише! Это Норрисъ, наконецъ, заговорилъ.

Я подошелъ къ страдальцу; Чжинъ-Чжинъ-Ва послѣдовалъ за мною, и мы убѣдились, что Норрисъ проснулся, и что сознаніе какъ будто вернулось къ нему. Я съ грустью глядѣлъ на жертву китайской жестокости, въ которой жизнь сохранилась какимъ-то чудомъ. Чжинъ-Чжинъ-Ва далъ ему выпить нѣсколько глотковъ самшу, которые оживили его. Чуть слышнымъ голосомъ, можно сказать, шопотомъ, онъ попросилъ,

Digitized by Google

чтобы ему дали поѣсть. Изгнанникъ, котораго нельзя было застигнуть врасплохъ, далъ ему легкаго бульона, и Норрисъ медленно глоталъ его. Пища эта, вмѣсто того чтобы подкрѣпить его, какъ будто лишила его послѣднихъ силъ, и онъ опять упалъ на свою постель. Чжинъ-Чжинъ-Ва сказалъ мнѣ:

— Оставьте его... Пойдемте; онъ слишкомъ слабъ, чтобы говорить; мы вернемся потомъ.

Мы вышли изъ каюты, чтобы подышать чистымъ ночнымъ воздухомъ. Наступилъ день, и мелкія волны рѣки запылали. Наше плаваніе сбвершалось безпрепятственно, хотя мы ожидали каждую минуту появленія мандарина съ его людьми. Въ полдень мы снова дали Норрису немного пищи, и когда онъ кончилъ ѣсть, я сѣлъ возлѣ него.

— Норрисъ, — сказалъ я ему,—вы спасены.—Онъ промолчалъ, а потомъ отвѣтилъ своимъ слабымъ и страннымъ голосомъ:

— Откуда вы знаете мое имя?

— Ласточка повѣдала мнѣ... много мѣсяцевъ тому назадъ...—Я не успѣлъ кончить фразу, какъ онъ зарыдалъ. Я не зналъ, чѣмъ объяснить его слезы: слабость ли его была причиною, или ихъ вызвала мысль о благодѣтельной птицѣ, которая, прилетѣвъ ко мнѣ, способствовала его спасенію. Его рыданія разстроили меня, и я не могъ говорить, пока онъ не успокоился. Наконецъ, показался Тянь-Цзинъ. Теперь приходилось плыть только на веслахъ; такъ какъ рѣка здѣсь была наиболѣе глубока и широка, мы и отпустили лишнихъ людей заплативши имъ условленную сумму. Чжинъ-Чжинъ-Ва рѣзко заспорилъ съ лодочниками, которые гребли очень вяло. Обратившись ко мнѣ, онъ съ горечью пояснилъ:

— Они отказываются ѣхать дальше.

— Какъ отказываются? почему?

— Потому что имѣютъ возможность эксплуатировать насъ... надѣются, что мы исполнимъ всѣ ихъ требованія. И требованія эти могутъ быть чудовищными, а если мы не подчинимся, они расправятся съ нами, какъ имъ будетъ желательно.

— Что же намъ дѣлать?

— Я полагаю, что надо обратиться къ Бонзелю. Вы съ Норрисомъ можете побыть у него, пока я найду судно, которое отвезетъ васъ въ море.

Digitized by Google

— Но зачѣмъ же обращаться къ Бонзедю, которому мы оба не довѣряемъ?

— Потому, что его домъ—послѣднее мѣсто, куда рѣшится заглянуть Шанъ-Нимъ-Юенъ.

Ночь застигла насъ посреди рѣки. Мы могли видѣть на берегу китайскихъ солдатъ, занятыхъ курьезными гимнастическими упражненіями. Другіе солдаты наблюдали за каторжниками, которые чинили дорогу. Зрѣлище было самое оживленное; лодки и джонки бороздили сѣрыя струи воды; въ воздухѣ раздавались крики и пѣсни, когда мы подъѣхали къ мосту. Чжинъ-Чжинъ-Ва приказалъ лодочникамъ пристать къ берегу, но они отказались исполнить его приказаніе. Изгнанникъ обратился ко мнѣ:

— Дайте мнѣ ваши револьверы,—сказалъ онъ. Онъ взялъ по револьверу въ обѣ руки и прицѣлился въ одного изъ упрямцевъ, но эта угроза не произвела никакого дѣйствія. Былъ ли увѣренъ китаецъ, что Чжинъ-Чжинъ-Ва не выстрѣлитъ, или онъ не имѣлъ понятія о дѣйствіи огнестрѣльнаго оружія? Для меня это было непонятно, но онъ сохранилъ полное равнодушіе. Весла снова ровно задвигались, и наша лодка поплыла среди многочисленныхъ джонокъ, бороздившихъ рѣку. Изгнанникъ отдалъ мнѣ револьверы, и я былъ весьма доволенъ, потому что выстрѣлъ могъ вызвать тревогу и надѣлать намъ бѣды.—Они безполезны,—сказалъ онъ мнѣ.—Я придумалъ другое средство.—При этихъ словахъ, онъ схватилъ небольшой шестъ, который былъ привязанъ къ лодкѣ около руля, гдѣ мы помѣщались, и вооружился имъ. Я видѣлъ, какъ шестъ завертѣлся въ воздухѣ и съ сухимъ звукомъ ударилъ по головамъ трехъ ретивыхъ лодочниковъ, которые вылетѣли изъ лодки. Оставалось еще двое; одинъ былъ быстро устраненъ, а другой съ яростью набросился на изгнанника, и тотъ упалъ въ воду, крѣпко зажавъ врага въ своихъ сильныхъ рукахъ. Я закричалъ отъ ужаса и отчаянія. Вода сомкнулась надъ ними... Я не спускалъ глазъ съ того мѣста, гдѣ они исчезли... а наша лодка безостановочно плыла внизъ по теченію. Я былъ одинъ съ Норрисомъ... умѣлъ немного плавать, но что могъ я сдѣлать одинъ? Я пережилъ страшныя минуты. Я упрекалъ себя, что оставался въ бездѣйствіи, когда мой другъ тонулъ. Но ужасъ приковалъ меня къ мѣсту. Вдругъ

Digitized by Google

мнѣ послышался глухой шумъ, точно воду разсѣкало тѣло... я обернулся.

— Все благополучно! — крикнулъ мнѣ кто-то. Это былъ Чжинъ-Чжинъ-Ва, который, раздѣлавшись съ китайцемъ, всплылъ наверхъ и догонялъ лодку.—При мнѣ, къ счастію, былъ мой ножъ,—сказалъ изгнанникъ, когда влѣзъ въ лодку,—и я могъ прикончить разбойника.—Успокоившись насчетъ его, я заглянулъ въ каюту, гдѣ лежалъ Норрисъ, удивляясь, что мой соотечественникъ даже не пошевелился во время этого драматическаго эпизода. Онъ лежалъ въ обморокѣ.

XXIII.

Лицомъ къ лицу.

Черезъ полчаса мы были на берегу. Чжинъ-Чжинъ-Ва, не перемѣнивъ одежды, тотчасъ же взялся за руль и, подъ его искуснымъ управленіемъ, лодка живо пристала къ берегу. Мы пошли къ Бонзелю, поддерживая Норриса съ обѣихъ сторонъ. Къ нему мало-по-малу возвращались силы, и хотя онъ все еще былъ слабъ, тѣмъ не менѣе могъ двигаться. Къ вечеру мы добрались до дома нѣмецкаго купца. Бонзель обѣдалъ одинъ, когда насъ привели къ нему. Его удивленіе при видѣ насъ трудно описать. Но его пріемъ и чистосердечное обращеніе разсѣяли всѣ наши подозрѣнія. Мы несправедливо обвиняли честнаго человѣка.

Онъ какъ разъ былъ совершенно свободенъ въ это время и осыпалъ насъ вопросами. Онъ предложилъ свой домъ въ наше распоряженіе, но мы не могли воспользоваться его гостепріимствомъ, такъ какъ время было для насъ дорого. Пока я удовлетворялъ его любопытство, Чжинъ-Чжинъ-Ва положилъ Норриса на софу. Изгнанникъ оставилъ англичанина и подошелъ къ намъ.

— Извините, что перебью васъ, г. Бонзель, но я долженъ сообщить вамъ важное извѣстіе: это вашъ пріятель Шанъ-Нимъ-Юенъ держалъ Норриса въ заключеніи.—Бонзель даже подпрыгнулъ.—Это невозможно!—воскликнулъ онъ.

— Въ храмѣ Конфуція,—хладнокровно продолжалъ Чжинъ-Чжинъ-Ва,—а въ настоящую минуту онъ гонится за нами.

Digitized by Google

Намъ нельзя терять ни минуты. Имѣется ли въ настоящее время англійскій пароходъ въ Тянь-Цзинѣ?

— Да, но онъ простоитъ здѣсь нѣсколько дней.

— Онъ долженъ отплыть сегодня же ночью. Г. Ванскомбъ объяснитъ вамъ все; а я теперь отправлюсь на пристань, чтобы все приготовить къ отъѣзду.

— Шанъ-Нимъ-Юенъ явится сюда,—сказалъ Бонзель.

— Если онъ придетъ, вы должны спрятать вашихъ гостей... вы дружны съ нимъ, и ему въ голову не придетъ подозрѣвать,—вашъ домъ самое безопасное мѣсто для насъ въ Тянь-Цзинѣ.

Сказавъ это, Чжинъ-Чжинъ-Ва ушелъ. Оставшись наединѣ съ Бонзелемъ, я быстро разсказалъ ему всѣ наши приключенія. Норрисъ внимательно слушалъ. Нѣмецъ не могъ прійти въ себя отъ удивленія; онъ не могъ повѣрить, чтобы его пріятель былъ тѣмъ самымъ злодѣемъ, который истязалъ моего несчастнаго соотечественника.

Но какая цѣль была у него?—спросилъ Бонзель, продолжая сомнѣваться. Ему отвѣтилъ Норрисъ: — Я далъ ему два фальшивыхъ чека.—Бонзель вздрогнулъ и поблѣднѣлъ при этихъ словахъ.

— Я получилъ однажды фальшивый чекъ отъ Шанъ-Нимъ-Юена и узналъ про это, когда англійскій банкъ уже вернулъ чекъ. Я ничего не понялъ... Имя стояло другое.

— А второй чекъ? Норрисъ говоритъ, что далъ два чека.

— Ничего не знаю, втораго чека я не получалъ.

— А вы не писали Шанъ-Нимъ-Юену, что мы собираемся пріѣхать въ Пекинъ?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ лаконически Бонзель.

Мы продолжали разговоръ, и нѣмецъ окончательно убѣдился въ подлости своего пріятеля. Часы быстро летѣли. Чжинъ-Чжинъ-Ва не возвращался. Я такъ привыкъ къ опасностямъ, что хотя чувствовалъ приближеніе тревожной минуты и зналъ, что мы близимся къ эпилогу нашей трагической исторіи, но не ощущалъ прежняго страха и готовъ былъ безстрашно напасть на врага. Но я былъ, впрочемъ, взволнованъ и неспособенъ думать. Норрисъ раздѣлялъ мою тревогу, хотя и молчалъ. Часы пробили полночь. Наша тревога, усилив-

Digitized by Google

шаяся отъ долгаго ожиданія, была написана на нашихъ лицахъ, какъ вдругъ мы услышали голосъ изгнанника, который кричалъ намъ:—Вниманіе! Шанъ-Нимъ-Юенъ въ городѣ. Онъ пріѣхалъ сухимъ путемъ. Я встрѣтилъ одного изъ его слугъ и скрылся отъ него, но они, кажется, пронюхали, гдѣ мы.—Чжинъ-Чжинъ-Ва прямо направился къ капитану судна и сговорился съ нимъ относительно немедленнаго отплытія. Капитанъ согласился не сразу; онъ боялся выѣхать ночью, по случаю высокой воды. Но такъ какъ деньги преодолѣваютъ всякія препятствія, то они въ концѣ концовъ сговорились. Когда Чжинъ-Чжинъ-Ва простился съ капитаномъ, пары были уже разведены. На обратномъ пути изгнанникъ долженъ былъ прибѣгнуть къ хитрости, чтобы скрыться отъ людей мандарина, но его прослѣдили. Въ воздухѣ запахло порохомъ. Драма близилась къ концу. Сказавъ Норрису, чтобы онъ спрятался въ углу, я схватилъ свои револьверы и подалъ одинъ изъ нихъ изгнаннику. Но онъ оттолкнулъ оружіе, крѣпко держа ножъ въ правой рукѣ, и, вперивъ глаза въ дверь, сказалъ мнѣ:—Предоставьте его мнѣ.—Это были его послѣднія слова... Я оглянулся и увидалъ блѣдное лицо Бонзеля, который угадывалъ, какая рѣзня готовилась въ его домѣ. За дверью послышались торопливые шаги, и на порогѣ показался Шанъ-Нимъ-Юенъ; позади него стояли люди со звѣрскими лицами.

Бонзель бросился впередъ и крикнулъ мандарину: — Эти люди—мои гости... Ни шагу далѣе!—Этотъ порывъ былъ великодушенъ: ничего подобнаго я не ожидалъ отъ нѣмца. Но онъ забылъ, съ какими бандитами имѣлъ дѣло. Едва онъ произнесъ свои смѣлыя слова, какъ Шанъ-Нимъ-Юенъ поднялъ руку и воткнулъ ему кинжалъ въ грудь. Бонзель упалъ, какъ камень, даже не крикнувъ: онъ былъ убитъ наповалъ. Я могъ бы убить мандарина, но, помня просьбу изгнанника, прицѣлился въ его людей. Упало два человѣка. Стоявшій около меня столъ послужилъ мнѣ баррикадою. Норрисъ лежалъ на софѣ, позади меня. Снова зарядивъ револьверы, я продолжалъ стрѣлять. Сквозь дымъ я видѣлъ страшную борьбу между мандариномъ, которому помогалъ одинъ изъ его слугъ, и изгнанникомъ. Партія была неравная... Чтобы уравнять шансы, я схватилъ ножъ и, продолжая держать въ лѣвой рукѣ револьверъ, бросился на слугу. Тотъ хотѣлъ ускользнуть, но лезвіе ножа

Digitized by Google

проткнуло ему горло. Въ комнатѣ стоялъ ѣдкій дымъ, раздавались стоны; мнѣ показалось, что всѣ враги побѣждены, кромѣ одного Шанъ-Нимъ-Юена, который молча боролся съ изгнанникомъ. Тѣла раненыхъ извивались въ страшныхъ судорогахъ среди лужъ крови, и я весь былъ забрызганъ кровью. Чжинъ-Чжинъ-Ва одолѣвалъ своего противника. Лѣвою рукою онъ закинулъ ему голову назадъ, а правою давилъ ему грудную клѣтку. Шанъ-Нимъ-Юенъ рычалъ отъ боли... Силы покидали его, глаза выкатились... мускулы на шеѣ разорвались. Раздался сухой трескъ; хрустнули шейные позвонки... Все было кончено. Чжинъ-Чжинъ-Ва бросилъ въ сторону тѣло своего врага.

— Судно ожидаетъ насъ,—крикнулъ онъ.—Идемъ!—И онъ бросился бѣжать съ Норрисомъ на рукахъ. Я за нимъ по лабиринту улицъ, и мы скоро благополучно выбрались на дорогу. Позади себя мы оставили груду труповъ.

. . . . . .

Шесть недѣль спустя, мы были уже на палубѣ парохода въ гавани Гонконга. Я простился со своими шанхайскими друзьями. Теперь мнѣ предстояла болѣе тяжелая разлука. Я держалъ въ своихъ, дрожавшихъ отъ волненія рукахъ, руки Чжинъ-Чжинъ-Ва и въ сотый разъ повторялъ ему, не скрывая своихъ слезъ:

— Отчего бы вамъ не ѣхать со мною?

— Нѣтъ, — отвѣчалъ онъ такимъ же взволнованнымъ голосомъ,—я избралъ свой путь... Я не долженъ возвращаться въ Англію. Но вы можете пріѣхать ко мнѣ когда нибудь... Я намѣренъ остаться въ Гонконгѣ. Вы пріѣдете ко мнѣ, не правда ли?—Я обѣщалъ ему со всѣмъ пыломъ искренней дружбы. А Норрисъ сказалъ ему:—Вы не разсердитесь на меня, если я не пріѣду съ г. Ванскомбомъ; я многимъ обязанъ вамъ, но врядъ ли рѣшусь вернуться въ эту проклятую страну.—Часъ разлуки насталъ, и мнѣ стало невыносимо грустно, когда Чжинъ-Чжинъ-Ва сѣлъ въ лодку, которая должна была доставить его на берегъ. Прислонясь къ борту, мы съ Норрисомъ не отрывали глазъ отъ Чжинъ-Чжинъ-Ва, который казался все меньше и меньше, по мѣрѣ того какъ увеличивалось разстояніе между нами. И долго мы стояли такъ, устремивъ взоръ въ необъятное море, которое отдѣляло насъ теперь отъ дорогаго человѣка.

Digitized by Google

Прошли годы послѣ описанныхъ нами событій. Гербертъ Ванскомбъ два раза уже побывалъ въ Гонконгѣ, чтобы исполнить свое обѣщаніе изгнаннику. Онъ не нашелъ никакой перемѣны въ немъ: время не могло измѣнить этой чудной натуры. Въ своихъ короткихъ свиданіяхъ они охотно вспоминали пережитыя волненія и спасеніе Норриса.

Норрисъ совершенно поправился и, влюбившись въ прелестную дѣвушку, женился на ней. Онъ благополучно прошелъ свой скорбный путь и обрѣлъ безконечное счастіе въ семейныхъ радостяхъ...

Конецъ.

Digitized by Google

Сѣрьги.

(Изъ Франсуа Коппэ).

I.

Швеѣ-поденьщицѣ, хорошенькой Эмѳ,
Приходится вставать съ постели очень рано;
Въ предмѣстьѣ Сенъ-Жерменъ шьетъ на дому она,
А не легко туда добраться изъ Плезана!
Чтобъ вѳ-время поспѣть, она бѣжитъ чуть свѣтъ;
Туманъ еще виситъ надъ спящими домами,
И пусты улицы, лишь каменьщикъ порой
Пройдетъ по мостовой тяжелыми шагами.
Но вотъ ужь конченъ путь: предъ дѣвушкой встаетъ
Тотъ герцогскій отель, гдѣ ждетъ ее работа.
Оправивъ платьице, измятое въ ходьбѣ,
Въ чугунныя съ гербомъ идетъ она ворота.
На мраморномъ крыльцѣ швею встрѣчаетъ грумъ,
Ей улыбается красивый фрачтъ въ ливреѣ;
Но робкое дитя не смотритъ на него,
Въ отворенную дверь спѣша пройти скорѣе.

II.

Ужь мѣсяцъ, какъ Эмэ приходитъ въ этотъ домъ;
Ей очень хорошо,—вѣкъ не ушла бъ отсюда!
Три франка платы въ день и превосходный столъ:
Съ господскаго стола вѣдь ей приносятъ блюда.
Притомъ такъ нравится вся эта роскошь ей:
Пушистые ковры, цвѣты, фарфоръ старинный.
Салонъ, гдѣ шьетъ Эмэ, выходитъ въ пышный паркъ;
Здѣсь царствуетъ во всемъ такой порядокъ чинный.
Въ опредѣленный часъ ей кофе подаютъ,

Digitized by Google

Въ каминѣ мраморномъ весь день огонь пылаетъ.
Эмэ довольна всѣмъ и весело, легко
Проворная игла въ ея рукѣ мелькаетъ...
Какъ воздухъ здѣсь душистъ! на полкахъ и столахъ
Какое множество изящныхъ бездѣлушекъ!
Въ картинахъ, золотой обрамленныхъ рѣзьбой,
Художникъ написалъ барашковъ и пастушекъ.
Портреты прадѣдовъ глядятъ со штофныхъ стѣнъ,
И улыбаются такъ важно, благосклонно;
Особенно хорошъ тотъ рыцарь молодой,
Что на конѣ летитъ со шпагой обнаженной.

III.

Да, хорошо Эмэ! А мѣсяцъ лишь назадъ
Работы не было,—пришлось сидѣть безъ хлѣба...
Бѣдняжка начала ужь духомъ упадать,
Но вдругъ нежданная явилась помощь съ неба.
Къ монахинѣ одной, знакомой ей давно,
Эмэ отправилась въ нуждѣ просить совѣта.
Та въ молодой швеѣ участье приняла,—
И въ домѣ герцогскомъ нашла ей мѣсто это.
О, какъ прекрасно здѣсь всѣ обошлись съ швеей!
Вотъ добрая семья—аристократы эти;
Всегда: «пожалуйста, m-lle Эмэ»...
Любезнѣе особъ навѣрно нѣтъ на свѣтѣ!
И бѣдное дитя ужь привязалось къ нимъ,
Хоть чувства своего не выскажетъ словами.
Супруга герцога приходитъ иногда
Съ двумя прелестными своими дочерями
Взглянуть, какъ шьетъ Эмэ, о чемъ нибудь спросить.
Швея отвѣтитъ, вся застѣнчиво краснѣя;
Одна изъ юныхъ дамъ порой проговоритъ:
«M-lle Эмэ, вы, право, точно фея!
О, посмотри, maman, мой бѣлый пеньюаръ
Выходитъ такъ хорошъ, какъ я не ожидала!
Да, вкуса множество у васъ M-lle»...
Эмэ отъ похвалы, какъ роза, расцвѣтала.
Начнутся толки тутъ о разныхъ мелочахъ,
Для женщинъ важное имѣющихъ значенье:
Какое кружевцо гдѣ именно пришить,—
Швеѣ подробное дается наставленье.

Digitized by Google

Она любуется украдкой на сестеръ,
Какъ капли двѣ воды, похожихъ межъ собою;
Когда жь онѣ уйдутъ, усерднѣе еще
Проворной дѣйствовать она начнетъ иглою.
И знатныхъ этихъ дамъ въ душѣ благодаритъ,
Ласкающихъ ее, поденьщицу простую...
Въ другихъ-то вѣдь домахъ, съ прислугой наравнѣ,
Ей на обѣдъ ходить велѣли бы въ людскую.
А здѣсь швеѣ совсѣмъ неслыханный почетъ,
Ну, право, можно ль быть внимательнѣй, добрѣе,—
Обѣдъ на серебрѣ въ салонъ приносятъ ей,
И служитъ за столомъ всегда лакей въ ливреѣ.
А роскошь втайнѣ льститъ наклонностямъ Эмэ,
Какъ солнышко ее пригрѣла пышность эта:
Растенье чахлое такъ оживаетъ вдругъ,
Когда ему блеснетъ лучъ радостнаго свѣта
Въ томъ темномъ уголкѣ, гдѣ возросло оно.

IV.

Но вотъ ужь смерклося; окончена работа,
Эмэ пускается обратно въ свой Плезанъ,
Въ чугунныя она опять идетъ ворота
И исчезаетъ въ мигъ въ людскомъ потокѣ томъ,
Что въ часъ обѣденный столицу заливаетъ
Кипучей суетой. Ужь зажигаютъ газъ,
Вечерняя заря на небѣ догараетъ.
Не поднимая взоръ, Эмэ скользитъ въ толпѣ
Походкой быстрою и легкою своею;
У дѣвушки такой изящный скромный видъ,
Что даже пьяные сторонятся предъ нею.
Она торопится, все думая о томъ,
Спокойно ль дома все, накормлены ли дѣти,—
Два брата маленькихъ вѣдь на рукахъ у ней,—
У бѣдныхъ матери давно ужь нѣтъ на свѣтѣ.
Отецъ-то хоть и живъ, да сильно пьетъ старикъ
И много дочери съ нимъ горя и заботы!
Что заработаетъ на фабрикѣ въ шесть дней,
То все пропьетъ сейчасъ, дождавшися субботы.
А во хмѣлю—буянъ, дѣтей пугаетъ онъ...
Суббота нынче, да... какъ и на той недѣлѣ,
Свой получивъ разсчетъ, чай, старый напился

Digitized by Google

И мальчики весь день голодные сидѣли.
Вѣдь, если нѣтъ отца, кто жь имъ обѣдать дастъ?
Сердечко у швеи сжимается тоскливо;
Но вотъ окончѣнъ путь и на шестой этажъ
Усталая Эмэ взбѣгаетъ торопливо.
Малютки радостно привѣтствуютъ сестру.
Отецъ не приходилъ, имъ очень скучно было...
И голодны они... Расцѣловавъ дѣтей,
Эмэ дала имъ ѣсть и спать ихъ уложила.
Потомъ задумалась въ наставшей тишинѣ,
Въ завѣтный чудный міръ переносясь мечтами
Изъ душной комнатки на самомъ чердакѣ
Съ убогой мебелью и грязными стѣнами.
О, какъ вся эта грязь наскучила Эмэ!
Вотъ столъ, дырявою клеенкою покрытый,
Полуизорванный виситъ портретъ въ углу,
На немъ изображенъ Гамбетта знаменитый:
Осанку гордую великій принялъ мужъ,
Закутанный плащемъ, съ открытой головою,
Трибуна жестомъ онъ на битву войско шлетъ
Своей, картинно вверхъ поднятою, рукою.
Швея съ досадою глядитъ на старый хламъ
И дѣлаетъ она невольное сравненье
Межъ этой канурой и герцогскимъ дворцомъ:
Здѣсь—горе и нужда, тамъ—блескъ и наслажденье.
И думаетъ швея о милыхъ двухъ сестрахъ,
Что̀ веселы всегда, нарядны и безпечны;
Ни горя, ни заботъ не вѣдаютъ онѣ,
Ихъ жизнь счастливая—одинъ лишь праздникъ вѣчный.
Однако, спать пора. Эмэ легла въ постель,
Усталые глаза смыкаются дремотой,
Но вдругъ испуганно открылися они,—
На темной лѣстницѣ вдругъ загремѣло что-то:—
То пьяница отецъ свалился у дверей.

V.

Вотъ отъ субботы той прошла еще недѣля.
По прежнему своей довольная судьбой,
Эмэ въ знакомомъ намъ работаетъ отелѣ.
Въ салонѣ маленькомъ нарядно также все:
По прежнему глядятъ портреты благосклонно,

Digitized by Google

И мчится, какъ всегда, на ворономъ конѣ
Красавецъ молодой со шпагой обнаженной.
Пастушки, какъ всегда, танцуютъ на стѣнахъ
И забавляются съ своими пастушками.
Апрѣль ужь на дворѣ; открыты окна въ паркъ
И пахнетъ въ комнатѣ весенними цвѣтами.
Эмэ прилежно шьетъ какое-то канзу.
Вдругъ входятъ въ комнату двѣ сестры молодыя,
Нарядны, какъ всегда, и веселы онѣ,
И у одной въ рукахъ сережки дорогія.
—«М-ll Эмэ»,—промолвила она,—
Смотря на дѣвушку съ своей улыбкой ясной:
«Подарокъ маленькій примите отъ меня,—
Сережки эти мнѣ наскучили ужасно,
А вы—блондиночка; сапфиры вамъ къ лицу;
Пожалуйста, скорѣй примѣряемъ обновку,
Хотимъ съ сестрою мы васъ сами нарядить,
Давайте жь намъ, дитя, свою головку»!
Эмэ отъ радости не знала, что сказать
И какъ благодарить, а милыя рѣзвушки
Подвѣски въ двадцать су съ нея стащили въ мигъ
И вдѣли новыя въ пылающія ушки.
— «Готово, въ зеркало взгляните-ка теперь»!
И вотъ, въ стеклѣ свое увидя отраженье,
Эмэ краснѣетъ вся отъ радости живой:
Къ ней серьги такъ идутъ, что просто загляденье!
А дочки герцога не менѣе швеи
Довольны этой всей веселою вознею;
Изъ вишенъ дѣлаютъ сережки иногда
Другъ другу дѣти такъ іюльскою порою.

VI.

Прошло еще семь дней... Эмэ домой спѣшитъ.
Сегодня ей конфектъ въ отелѣ надавали,
И братьямъ маленькимъ велѣли отнести,
Но на лицѣ ея замѣтна тѣнь печали:
Ни гроша въ кошелькѣ у бѣдной нынче нѣтъ.
Отецъ совсѣмъ спился, не думая о дѣтяхъ;
Что, если получивъ недѣльный свой разсчетъ,
Онъ не принесъ домой сегодня денегъ этихъ?
Малютки съ жалобой кидаются къ сестрѣ:

Digitized by Google

Отецъ не приходилъ... они съ утра не ѣли.
Эмэ глядитъ кругомъ, не зная, что начать,
Но вдругъ въ ея ушахъ сережки зазвенѣли,
И мысль счастливая ей въ голову пришла:
Вѣдь можно заложить роскошныя сережки!
Она въ Mont de-Piété отправится сейчасъ
И ужинъ принесетъ... не будутъ плакать крошки!

VII.

Но въ эту ночь Эмэ сомкнуть не можетъ глазъ,
Ей мысль тяжелая больное сердце гложетъ:
Какъ завтра безъ серегъ придетъ она въ отель?
Вѣдь правду горькую открыть она не сможетъ:
Не разсказать же ей про пьяницу-отца,
Про всю свою нужду, печали и лишенья?
Пусть дамы тѣ добры и сжалятся надъ ней,
Но въ жалости всегда немного есть презрѣнья...
Нѣтъ; лучше никогда ей больше не видать
Ни милыхъ двухъ сестеръ, ни доброй герцогини;
Онѣ такъ ласковы, сердечны были съ ней,
Но для нея навѣкъ потеряны отнынѣ!
Прошло немного дней, и герцогиня-мать,
Съ монахинею той увидѣвшись случайно,
Которая къ ней въ домъ доставила швею,
Бесѣду начала хвалою чрезвычайной,
И съ сожалѣніемъ передала большимъ,
Что скрылась вдругъ Эмэ и безъ слѣда пропала,
Не объяснивъ причинъ поступка своего...
Монахинѣ тогда досадно очень стало.
— Неблагодарная!—промолвила она,
И кроткій взоръ ея блеснулъ негодованьемъ,—
— Могла ль я ожидать, что protégée моя
Окажется такимъ безсовѣстнымъ созданьемъ!

В. Никольская.

Digitized by Google

ПРЕДЪ ЭПОХОЙ ОСВОБОЖДЕНІЯ.

(Очерки и воспоминанія помѣщика).

I.

Заурядное по постройкамъ сельцо Бобровка расположено въ красивой мѣстности, на мѣловыхъ горахъ, на границѣ съ «хохлацкими» деревнями. У подошвы этихъ горъ извивается по сѣнокосному болоту рѣчка съ обширнымъ, на подобіе озера, полузаросшимъ прудомъ. При въѣздѣ—длинная гать, обсаженная ракитами, мельница стариннаго немудренаго устройства, и сдѣланная изъ хвороста и навоза плотина или,—какъ здѣсь говорятъ,—«гребля», которую почти ежегодно прорываетъ полая вода. На здѣшнихъ поляхъ преобладаетъ, какъ почва, довольно плодородный,—но только при хорошемъ удобреніи,—суглинокъ, а настоящій черноземъ можно видѣть развѣ на конопляникахъ, да и тотъ образовался изстари, искусственно.

По случаю страдной рабочей поры, время быстро летитъ для обитателей сельца Бобровки. Вотъ ужь и Петровки. Солнце, въ видѣ огромнаго раскаленнаго шара, какъ бы прячется за высокія вѣковыя деревья фруктоваго сада дворянъ Рокотовыхъ, и пробивающіеся чрезъ листву лучи его подрумяниваютъ на противоположной восточной сторонѣ сгрудившіяся облака. Въ холодѣющемъ воздухѣ слышится смѣшанный запахъ конопли, полыни и липы. Вотъ раздается энергическое хлопанье кнутомъ, ревъ, мычаніе и блеяніе стада по дорогѣ къ водопою; пыль поднимается столбомъ, а впереди бѣгутъ, визжатъ и хрюкаютъ свиньи. То гонятъ стадо пастухъ Григорій и два «подпаска»—въ бѣлыхъ шерстяныхъ колпакахъ и въ зипунахъ поверхъ бѣлыхъ рубахъ.

Этимъ обычнымъ въ деревнѣ зрѣлищемъ любовался, сидѣвшій на открытой террасѣ незатѣйливаго домика съ желѣзной крышей, товарищъ прокурора судебной палаты Викторъ Николаевичъ Роко-

Digitized by Google

товъ, который взялъ отпускъ и всего только нѣсколько дней какъ пріѣхалъ въ гости къ своему брату Александру. Онъ былъ въ кителѣ съ генеральскими погонами, а на головѣ—фуражка съ кокардой и значкомъ судебнаго вѣдомства. Предъ нимъ на столикѣ лежала книга въ старинномъ кожаномъ переплетѣ.

Прежде чѣмъ достать эту заинтересовавшую его книгу, долго таки рылся Викторъ Николаевичъ въ братниномъ шкафу краснаго дерева, украшенномъ потемнѣвшими уже бронзовыми полосками. И какихъ только тутъ не было книгъ! И «Кадмъ, и Гармонія», и «Алексисъ, или домикъ въ лѣсу», и «Битва русскихъ съ кабардинцами, или прекрасная Земира, умирающая на гробѣ своего друга», и «Открытія и тайны древнихъ магиковъ», и какой-то старинный, переведенный съ французскаго, романъ: «Рогоносецъ». Названія этого романа долго не понимали дѣти Александра Николаевича Рокотова, когда имъ доводилось рыться въ шкафу. Въ этомъ же шкафу хранились на разныхъ полкахъ и какіе-то удивительные предметы: орлиная лапка, громадная раковая клешня и еще другая маленькая клешня, но совершенно уродливая, и еловыя шишки, и винтики, и струны. Тутъ же лежали въ коробочкахъ и бумажкахъ какія-то сѣмена, рыболовные крючки, пуговки, янтари, камушки, картечь и пистоны. Исторію и значеніе всѣхъ этихъ предметовъ могъ бы объяснить любознательному человѣку развѣ одинъ только хозяинъ дома Александръ Николаевичъ Рокотовъ, который получилъ нѣкоторыя изъ этихъ сокровищъ въ наслѣдство отъ отца и только пополнилъ коллекцію рѣдкостей. Но собираніе и храненіе всѣхъ этихъ ничтожныхъ по своей цѣнности вещей, повидимому, ничего не имѣло общаго съ тою цѣлью, съ какою, напримѣръ, собиралъ гвозди и старыя подошвы гоголевскій Плюшкинъ. Тутъ каждая вещь или нужна была для немудренаго хозяйства, напримѣръ, винтики,—а въ городъ за каждою мелочью вѣдь не наскачешься!—или же, какъ напримѣръ, орлиная лапка и раковая клешня, наводила на какія либо болѣе или менѣе интересныя воспоминанія, преданія и событія.

Однако и перелистанная старинная книга, со вложенными въ нее засохшими цвѣтами, сама по себѣ мало интересовала Виктора Николаевича, когда онъ прочиталъ двѣ-три страницы.

«Чьи ручки вкладывали эти цвѣты и сколько уже лѣтъ они хранятся здѣсь? — думалъ онъ. — Кто читалъ и восхищался этой книгой»?—Но отвѣта не было.

Товарищъ прокурора зѣвнулъ и хотѣлъ уже присоединиться къ хозяйкѣ дома Софьѣ Ивановнѣ и ея дѣтямъ, которыя были заняты варенiемъ земляники въ нѣсколькихъ шагахъ отъ террасы, подъ

Digitized by Google

развѣсистымъ вязомъ,—какъ вдругъ возвратился изъ сада Александръ Николаевичъ.

— Ухъ, какъ я усталъ! — сказалъ старшій братъ Рокотовъ, сбрасывая съ головы бѣлый картузъ.—Но зато и дѣло же сдѣлалъ!—привилъ, по крайней мѣрѣ, штукъ тридцать антоновокъ, зеленокъ и ренетовъ. Еще двѣ недѣли на прививаніе, а тамъ ужь и довольно—кора не будетъ отдѣляться!

Братья усѣлись на террасѣ и принялись разговаривать. Александръ Николаевичъ въ своемъ неряшливомъ костюмѣ—онъ былъ безъ галстука и безъ жилета, въ старенькомъ лѣтнемъ пальто, застегнутомъ до верху—мало походилъ на своего щеголеватаго брата; но его длинные сѣдѣющіе волосы, высокій лобъ и золотыя очки придавали ему видъ весьма интеллигентный. Изъ кармана его торчали мочалки для прививковъ. Въ воздухѣ сдѣлалось еще прохладнѣе, и Александръ Николаевичъ надѣлъ картузъ. Теперь сильнѣе благоухаютъ липы... Кое-гдѣ виднѣются молодыя яблонки съ зелеными плодами. Подальше отъ террасы, изъ-за кустовъ крыжовника и смородины, желтѣютъ подсолнухи большими, на подобіе блюдечекъ, вѣнчиками. Вотъ выдѣляется одинъ изъ нихъ со своими цвѣтущими отростками—точно отецъ съ дѣтьми!

Подъ горою, передъ террасою, блеститъ своею поверхностью обширный прудъ, въ который большимъ полуостровомъ вдаются высокіе камыши. По ту сторону рѣчки и пруда, за луговиной и пашней, виднѣется село Ольшанка, и здѣсь, среди крестьянскихъ построекъ и деревьевъ, почти на горизонтѣ выдѣляются своею колокольнею церковь и труба сахарнаго завода. Лягушки точно собрались на сходку и безъ умолку перекликаются цѣлыми хорами. Вотъ взмахнула крыльями цапля, бродившая передъ тѣмъ по мелководью, и лѣниво понеслась надъ прудомъ на ночлегъ къ другому берегу... А надъ камышами пролетаетъ, свернувшись клубкомъ, огромная стая скворцовъ, которые обнаруживаютъ несомнѣнное желаніе заночевать на ближайшихъ къ полуострову березкахъ, но что-то такое ихъ тревожитъ: можетъ быть, ихъ подкарауливаетъ какой нибудь хищникъ-сарычъ, коршикъ или ястребъ... Скворцы то опускаются на верхушки камышей, то сейчасъ же съ шумомъ и крикомъ опять летятъ по направленію къ березкамъ: никакъ не могутъ усѣсться!

. . . . . .

— Ну, какъ ты, братъ, находишь?—заростаетъ нашъ прудъ?—спросилъ Александръ Николаевичъ, принимаясь за поданный ему дѣвчонкой стаканъ чая.

— Да, Саша—все больше и больше зарастаетъ!.. Вѣдь вотъ

Digitized by Google

и только всего два года не былъ у тебя, а камышей какъ будто поприбавилось...

— Посмотри, Викторъ! — сказалъ Александръ Николаевичъ, вглядываясь вдаль.

— Какъ будто тамъ, подъ камышами, люди! Да такъ и есть: это, стало быть, наши бобровскіе или ольшанскіе ловятъ рыбу и раковъ безъ дозволенія. Вѣдь вотъ никто изъ нихъ не имѣетъ права на ловлю: въ уставныхъ грамотахъ сказано, что ловля рыбы и раковъ остается за владѣльцами-помѣщиками. А что ты будешь съ ними дѣлать! Мнѣ ужь надоѣло и къ старшинѣ, и къ земскому начальнику обращаться. Извольте тутъ ихъ ловить и составлять акты. Да развѣ у насъ есть настоящая полиція? А попробуй-ка я задержать кого нибудь изъ этихъ воровъ и пьяницъ... и самъ будешь виноватъ. Наши юристы и законники скажутъ: «это— самоуправство». А есть у меня время и средства ихъ ловить? Да что ужь тутъ!—мужики черезъ мой садъ дорогу проложили: будто бы и по межеванію, и на планѣ у нихъ тутъ должна быть дорога:.. И на самомъ дѣлѣ у нихъ есть какое-то право по нашему дурацкому межеванію: еще съ незапамятныхъ временъ они ѣздили тутъ, чрезъ мою землю, на Лобановку. Прежде я откупался отъ мужиковъ тѣмъ, что ставилъ имъ каждый годъ ведра по два водки, а теперь они и слышать не хотятъ. Говорятъ: «не желаемъ ничѣмъ *обязываться*, а ты, баринъ, намъ дорогу подавай»!—Ну, и ѣздятъ; у меня даже лучшую елку срубили! Яблоки же то и дѣло воруютъ... А тутъ еще чуть не каждый годъ горожусь-горожусь, а они нѣтъ-нѣтъ да по колышку и растащатъ ограду. А весь мой садъ и на триста рублей не огородишь:—вѣдь всякій колъ стоитъ мнѣ самому, безъ работы, три копѣйки.

— Да что же, Саша, дѣлаютъ у васъ земскіе начальники?

— А Богъ ихъ знаетъ, что они дѣлаютъ! Дѣлаютъ только видъ что служатъ, да еще за это жалованье получаютъ... Законовъ они не понимаютъ и не знаютъ. Говорятъ: съ одной стороны—такъ, а съ другой стороны—и эдакъ можно. Все будетъ по закону: на все есть указанія, статьи и какія-то кассаціонныя рѣшенія! А мы, владѣльцы, хотя законовъ тоже не знаемъ, однако, по здравому смыслу, понимаемъ, что вѣдь такъ же нельзя,—вѣдь эдакъ скоро мы и головы другъ другу посшибаемъ... Я ужь и такъ уступаю дорогу мужику; ругается и хохочетъ прямо въ лицо! — «Я самъ, говоритъ, таперича баринъ». — Поди, растолкуй ему, что онъ и теперь, по своему невѣжеству, хамъ... Но вѣдь надо же какъ нибудь остановить пьянство и воровство! Вѣдь ужь всѣ мы поразорились... Я не только никакихъ доходовъ не получаю со своей Бобровки, а даже

Digitized by Google

только о томъ и думаю, что не нынче-завтра продадутъ мою Бобровку за долгъ дворянскому банку да за разныя тамъ государственныя и земскія недоимки... Сбавки въ платежѣ процентовъ и отсрочки здѣсь мало помогаютъ—одна только передышка! А о работникахъ и толковать нечего. Зимой еще какъ нибудь живутъ, потому что дѣваться некуда и пріятно быть въ теплѣ на готовомъ содержаніи, а какъ подойдетъ лѣто,—не хотятъ работать и все норовятъ, чтобъ я имъ отказалъ: то сбрую изорвутъ, то лошадь испортятъ, то косу сломаютъ,—пьянствуютъ и воруютъ... Если имѣніе сдать въ аренду,—такъ до того дешево даютъ наши Колупаевы и Разуваевы, что впору заплатить развѣ только одни налоги да въ банкъ, а жить нашему брату, да еще мало-мальски прилично,—какъ и подобаетъ дворянину,—уже совсѣмъ не на что... Вотъ тутъ волей-неволей и хозяйничай, какъ знаешь! Да я ужь теперь и хозяйничаю спустя рукава, чтобы не очень разстраивать свои нервы... Дали мужикамъ свободу... и прекрасно: я противъ этого ничего не имѣю, даже одобряю. Но вѣдь надо же было дать имъ и просвѣщеніе... А разъ мужикъ невѣжественъ, онъ и за грѣхъ даже не считаетъ воровать у меня на каждомъ шагу. Объ лѣсѣ — онъ прямо выражается такъ: «Господь зародилъ лѣсъ на всякую душу! Ты, баринъ, его не сажалъ»... А я пробовалъ даже и сажать... Вотъ у меня ужь три раза воровали лошадей изъ конюшни,—иной разъ не безъ участія работничковъ: можетъ быть, свои же выдали цыганамъ и конокрадамъ. А тутъ еще, того и гляди, сожгутъ изъ-за сущихъ пустяковъ—и концовъ не найдешь. «Знать не знаю, вѣдать не вѣдаю! Лопни мои глазыньки, отсохни мои рученьки! не видать мнѣ бѣлаго свѣта»!—Я вовсе не крѣпостникъ и мужика еще ни разу пальцемъ не тронулъ; но и въ крѣпостное время, кажется, было немного развѣ хуже. Мужики-то были не бѣднѣе. Теперь же пошли дѣлиться, пьянствовать и воровать, и все у нихъ сводится на нѣтъ. О дворянахъ ужь и говорить нечего: мы просто летимъ въ трубу!.. Нѣкоторые дворяне и совсѣмъ прогорѣли, даже магнаты!.. Холопство слѣдовало уничтожить, — давно слѣдовало и навсегда. Но въ дѣйствительности сталъ ли культурнѣе нашъ мужикъ съ этой свободой, хотя онъ и ѣздитъ теперь въ вагонахъ, наравнѣ съ барином, и въ окружномъ судѣ засѣдаетъ? Сомнѣваюсь. Да еслибъ только записывать все...

— А почему бы, Саша, и не записывать?

— Да я ужь сколько разъ собирался вести дневникъ, въ особенности на свободѣ въ зимнее время, да не очень-то я мастеръ писать. Вотъ пѣсни и романсы сочинять—это другое дѣло! Ну, да если ты, Викторъ, хочешь, я дамъ тебѣ слово — ты ужь давно ко

Digitized by Google

мнѣ пристаешь,—что къ слѣдующему же твоему пріѣзду приготовлю цѣлую тетрадь моихъ воспоминаній, для сравненія прошлаго,—что было въ крѣпостное время,—съ нашимъ временемъ, и опишу мое дѣтство. А тамъ ужь какъ знаешь—хоть въ печкѣ сожги! А, можетъ быть, если исправишь, то когда нибудь и напечатаешь, хоть отъ своего имени: вѣдь тебѣ ужь не впервой печататься!

. . . . . .

II.

Прошло болѣе года послѣ этого разговора. Лѣтомъ Виктору Николаевичу Рокотову не пришлось съѣздить въ Бобровку, а въ февралѣ вдругъ онъ получаетъ телеграмму:

«Александръ Николаевичъ умеръ четырнадцатаго. Пріѣзжайте. Софья Рокотова».

Извѣстіе это страшно огорчило Виктора Николаевича. Онъ телеграфировалъ въ свой родной уѣздный городъ, что пріѣхать на похороны не можетъ. А черезъ двѣ недѣли онъ получилъ отъ Софьи Ивановны Рокотовой письмо и посылку.

«Многоуважаемый Викторъ Николаевичъ! Я до сихъ поръ не могу опомниться послѣ смерти мужа. У него, — какъ утверждаетъ уѣздный врачъ, — былъ катарръ и ракъ въ желудкѣ, а все таки, какъ только временами ему было лучше, онъ садился за рояль и сочинялъ. Бѣдный Саша! думалъ ли онъ, что такъ скоро наступитъ смерть? И при немъ хозяйство шло плохо, а теперь мнѣ и подавно не справиться: дѣти еще совсѣмъ малы и приходится сдавать имѣніе въ аренду за безцѣнокъ. Другое дѣло, еслибъ я могла пользоваться вашими совѣтами. Впрочемъ, и вы, какъ человѣкъ служащій,—не хозяинъ, Дѣвочекъ надо готовить въ институтъ, а Колю—хоть въ первый классъ гимназіи. Во время болѣзни Александръ просилъ меня отослать вамъ рукопись, что я и исполняю. Онъ васъ такъ любилъ. Не пріѣдете ли хоть этимъ лѣтомъ къ намъ въ Бобровку? Мы всѣ будемъ очень рады.

Софья Рокотова».

Присланная рукопись была озаглавлена такъ: «Предъ эпохой освобожденія. Очерки и воспоминанія А. Н. Рокотова».

Но, прежде всего, нѣсколько біографическихъ словъ о самомъ авторѣ рукописи. Александръ Николаевичъ Рокотовъ былъ человѣкъ выдающійся своей талантливостью; но, по злой ироніи судьбы, его имя остается въ неизвѣстности... По натурѣ своей, по высокой даровитости, онъ былъ крупный художникъ; но ни родители и никто изъ постороннихъ не вывели мальчика-артиста на надлежащую до-

Digitized by Google

рогу. По русской безпечности, по привычкѣ все откладывать до завтра, а также и по причинѣ оскуденія въ денежныхъ средствахъ, родители пропустили даже время для ученія, и Сашѣ Рокотову уже самому пришлось, безъ всякой системы, восполнять пробѣлы своего образованія. Ему непремѣнно слѣдовало поступить въ академію художествъ или въ консерваторію, а вмѣсто того онъ лучшіе молодые годы, всѣ свои силы и энергію долженъ былъ затрачивать на приведеніе въ порядокъ дѣлъ по имѣнію, доставшемуся отъ отца ему съ братомъ Викторомъ и сестрами, чтобы удержать положеніе дворянина-землевладѣльца въ ту трудную для помѣщиковъ эпоху, которую тамбовскій дворянинъ С. Н. Терпигоревъ, писавшій подъ псевдонимомъ Атавы, удачно охарактеризовалъ названіемъ: «оскуденіе». И что толку, что впослѣдствіи Саша Рокотовъ сдалъ юнкерскій экзаменъ и добился аттестата объ окончаніи курса въ уѣздномъ училищѣ, чтобы получить на службѣ первый чинъ? На немъ, къ несчастью, вполнѣ оправдалось обычное у насъ явленіе: у иного заграничнаго или русскаго нѣмца таланта хоть и на грошъ, а при настойчивости онъ съумѣетъ сдѣлать изъ него рубль, да еще какъ будетъ важничать и задирать носъ передъ русскимъ человѣкомъ, а нашъ «неблагополучный» россіянинъ, хоть и обладаетъ талантомъ на рубль, а сдѣлаетъ изъ него... грошъ!.. Сколько у насъ пропадаетъ дарованій и силъ высоко-талантливыхъ неудачниковъ! Чтобы охарактеризовать художественную даровитость Саши Рокотова, достаточно только сказать, что, будучи вполнѣ самоучкой — хорошія картины и хорошую музыку онъ увидалъ и узналъ только въ зрѣлые годы — онъ мастерски снималъ портреты карандашемъ и, когда показывали гостямъ нарисованныя карандашомъ или красками картинки Саши Рокотова, то они съ трудомъ вѣрили, чтобъ это могъ нарисовать деревенскій мальчикъ-самоучка. Но рисованіе и живопись Саша вскорѣ забросилъ. Зато излюбленными до конца дней его занятіями были садоводство и музыка.

Въ саду Александръ Николаевичъ проводилъ нерѣдко цѣлые дни, отдыхая послѣ этого только за роялемъ, если не надо было отлучаться въ поле, въ лѣсъ или на гумно. Кромѣ того, что онъ значительно увеличилъ и безъ того уже большой отцовскій садъ, присоединивъ нѣсколько десятинъ поля,—въ саду у него появились такія деревья, какихъ никто не сажалъ въ этой мѣстности: тутъ были и прелестныя, вѣчно зеленыя ароматическія елки, и лиственницы, и каштаны; росло даже шелковичное дерево! Какое нибудь уродливо ростшее деревцо, при его заботахъ и «лѣченіи», — какъ онъ выражался, — въ два-три года превращалось въ красивое, стройное дерево при искусномъ уходѣ и подрѣзываніи вѣтокъ.

Digitized by Google

— Посмотри!—бывало, говорилъ онъ своему брату Виктору:— вотъ старая груша; должно быть, ей будетъ лѣтъ двѣсти, а то и побольше. Еслибъ я ее не полѣчилъ, еслибъ не вставилъ въ дупло вотъ этотъ кусище дерева — онъ теперь заплываетъ корою, — то давно бы ужь ея не было на свѣтѣ. «Отъ нея и званія бы не осталось»! какъ выражаются наши мужики. А теперь — какая на ней сила, какая завязь!

— А вотъ, — говорилъ онъ, — моя школа дубковъ, вотъ и сосенки. А вотъ и саженцы-яблонки! На будущій годъ высаживаю ихъ по мѣстамъ,—вонъ тамъ, гдѣ заготовлены ямки, и непремѣнно привью лучшіе сорта.

Александръ Николаевичъ отлично зналъ исторію чуть ли не каждаго дерева, да многія изъ нихъ онъ самъ сажалъ, прививалъ и облагораживалъ сортами. Даже въ гостяхъ у сосѣдей Александру Николаевичу доставляло истинное удовольствіе—сдѣлать нѣсколько прививокъ, для чего онъ тотчасъ вынималъ изъ кармана неразставшіеся съ нимъ: ножъ, мочалки и особую, имъ же обструганную, палочку, съ помощью которой онъ приподнималъ кору и вставлялъ искусно вырѣзанную яблочную почку въ сдѣланный имъ надрѣзъ коры въ видѣ буквы Т.

Когда же нашъ садоводъ Рокотовъ садился за рояль (который онъ самъ же настраивалъ и починивалъ) и принимался импровизировать, играя часъ, а иногда два часа и больше, почти не переставая и не повторяясь, а только все болѣе и болѣе развивая свою музыкальную тему,—какое-то артистическое вдохновеніе такъ и свѣтилось въ его кроткихъ карихъ и нѣсколько близорукихъ глазахъ. Иногда мѣшали ему очки, и онъ вскидывалъ ихъ на лобъ, встряхивая головою, и игралъ почти не смотря на клавиши, въ особенности же въ патетическихъ мѣстахъ и руладахъ. По большей части всѣ мелодіи его были съ грустнымъ оттѣнкомъ. Даже въ музыкѣ сочиненныхъ имъ танцевъ и въ бравурныхъ пьесахъ не было ничего ординарнаго. По смерти Рокотова, осталось до трехсотъ романсовъ, пѣсенъ и небольшихъ пьесъ. Сдѣлаются ли его композиціи когда нибудь достояніемъ публики—неизвѣстно. До сихъ поръ появилась въ печати, при его жизни, но подъ псевдонимомъ, его оригинальная мазурка въ шопеновскомъ стилѣ. Иногда и посторонним лицамъ, гостямъ, доводилось слушать эти импровизаціи, и они не уставали слушать, какъ бы подчиняясь импровизатору и впадая въ музыкальный гипнозъ. Одинъ музыкантъ, изъ консерваторіи, ни за что не хотѣлъ вѣрить, чтобы Александръ Николаевичъ былъ самоучка.

Иногда Викторъ Рокотовъ спрашивалъ брата:—«да скажи, по-

Digitized by Google

жалуйста, Саша, что ты играешь? Вотъ это мѣстечко напоминаетъ послѣднюю сонату Моцарта»...

— Это все мои фантазіи.

— А почему бы тебѣ ихъ не записывать?

— Пробовалъ, но для меня это очень трудно. Впрочемъ, кое до чего я и самъ добрался въ теоріи, приглядывался и къ Бетховену, и къ Мендельсону-Бартольди, и къ Шопену — какъ у нихъ все это изображено и въ чемъ именно заключается музыкальная грамматика. Въ изученіи нотъ мнѣ много помогло копированье: вѣдь я переписалъ цѣлыя тетради!

Впослѣдствіи уже почти безъ всякихъ затрудненій, проигравъ свои композиціи нѣсколько разъ, Александръ Николаевичъ записывалъ ихъ и исправлялъ, и вотъ, наконецъ, появились его рукописи романсовъ и пѣсенъ, въ томъ числѣ и малороссійскихъ.

При всемъ томъ,—какъ и многіе художники и артисты,—Александръ Николаевичъ былъ очень разсѣянъ и даже неряшливъ. Онъ бросилъ курить лѣтъ за десять до своей смерти. А когда курилъ, то нерѣдко, во время его же импровизацій, окурки, спички и прочіе предметы попадали въ рояль съ разными записками и сѣменами.

— Да гдѣ же это мой карандашъ? гдѣ мои очки?—вопрошаетъ импровизаторъ всякаго, кто попадался ему на глаза, хотя бы это былъ и работникъ, пришедшій за ключами отъ амбаровъ. — Это дѣти куда нибудь затащили или ты, Марья, прибрала! И кто тебя просилъ прибирать? И кому это нуженъ карандашъ? Ужь сколько разъ я говорилъ, чтобы не смѣть у меня брать ничего. А тутъ еще съ ключами лѣзутъ—шутъ васъ возьми! Поищи, Марья, сдѣлай милость.

— Да нѣтъ, баринъ! на что мнѣ ваши очки?—отвѣтитъ бывало злополучная Марья.

Карандашъ и очки оказывались за пюпитромъ, между нотами, а еще чаще въ карманѣ самого композитора, который охотно признавалъ всѣ свои недостатки и, между прочимъ, разсѣянность; самъ же посмѣивался надъ собою и всегда былъ крайне добродушенъ въ обращеніи съ людьми, нерѣдко себѣ же въ ущербъ.

Однажды Александръ Николаевичъ гостилъ у своего дяди, который любилъ-таки покушать. Но тетушка была строга и наблюдала порядокъ, чтобъ и завтракъ, и обѣдъ, и чай—все подавалось въ извѣстные часы.

— Знаешь ли что, Саша!—сказалъ дядя-толстякъ:—il est midi à mon estomac... У меня что-то сосетъ подъ ложечкой... Намъ не позавтракать ли въ кабинетѣ, чтобъ твоя тетка не видала, а то крику не оберешься! Я спрошу для насъ по котлеткѣ.

Digitized by Google

Подали котлеты въ кабинетъ и даже не накрыли письменнаго стола какъ слѣдуетъ; только накинули салфетку, и дядя притворилъ дверь въ залу, чтобы жена не видала контрабаднаго завтрака.

Вдругъ, въ пылу начавшагося разговора о музыкѣ, Александръ Николаевичъ спросилъ:

— Что это, дядя, наши котлетки хрустятъ?

— Эге, мой милый! да вѣдь это ты, Саша, должно быть песочку хватилъ вмѣсто соли!

По точному изслѣдованію, въ котлеткѣ оказался песокъ. Этотъ случай до того разсмѣшилъ дядю, что, набравшись храбрости, за обѣдомъ онъ рискнулъ сказать:

— А ну, Саша, разскажи: какъ это ты нынче у меня въ кабинетѣ кушалъ котлетки съ песочкомъ!

Тетка засмѣялась.

— И подѣломъ вамъ обоимъ,—сказала она:—не нарушайте порядка въ домѣ.

Александръ Николаевичъ очень хорошо, вѣрно и комично умѣлъ передавать крестьянское міросозерцаніе въ разговорахъ мужиковъ—между собою, съ господами и начальствомъ. Иногда этими разсказами и сценками, живо схваченными съ натуры, онъ потѣшалъ своихъ слушателей, которые смѣялись до слезъ.

Теперь перейдемъ къ воспоминаніямъ Александра Николаевича, какъ они изложены въ его рукописи.

III.

«Уже все меньше и меньше остается лицъ, пережившихъ и помнящихъ крѣпостное право или, пожалуй, безправіе,—вѣдь дѣло не въ названіи!.. Пройдетъ еще 20—30 лѣтъ, и крѣпостничество,—какъ система соціальныхъ отношеній, въ видѣ извѣстныхъ устоевъ и общественнаго порядка,—какъ оно существовало въ эпоху его отмѣны, отойдетъ въ область преданій. Я отлично понимаю, что рабство, существовавшее хотя бы даже въ той или иной узаконенной формѣ, слѣдовало отмѣнить. Все это, слава богу, и совершилось: вѣдь всѣ мы, безъ различія сословій,—братья во Христѣ; но, къ сожалѣнію, и до сего времени крестьяне,—эти свободные, по названію, граждане государства,—остаются рабами своего невѣжества, коренящагося въ глубинѣ вѣковъ; они — рабы своихъ-же волостныхъ старшинъ и писарей, притѣсняющихъ ихъ изъ-за паспортовъ и по другимъ поводамъ; они же находятся и въ экономическомъ рабствѣ отъ разныхъ кулаковъ и ростовщиковъ, нерѣдко изъ той же крестьянской среды; а земскіе начальники, призванные правительствомъ къ упо-

Digitized by Google

рядоченію сельскаго быта и внесенію въ него элемента законности, также какъ и многіе другіе чиновники, безнаказанно продѣлывали съ мужиками все, что имъ взбредетъ въ голову. Конечно, злоупотребленія власти и приниженіе личности нашего меньшаго брата—крестьянина были и во дни крѣпостничества; но въ дѣйствительности, при медленномъ развитіи просвѣщенія, много ли выиграли отъ уничтоженія рабства дворяне и сами ихъ прежніе рабы, крестьяне? Теперь мужики засѣдаютъ, въ качествѣ гласныхъ и присяжныхъ, наравнѣ съ высшими сословіями, и въ принципѣ все это, конечно, справедливо; а между тѣмъ очень многимъ живется какъ-то хуже, чѣмъ до эмансипаціи. И закрѣпощеніе людей было необходимо въ свое время, когда собиралась воедино русская земля на безпредѣльномъ пространствѣ и пока власть правительства, опиравшаяся на дружинниковъ, бояръ и служилыхъ людей, еще не окрѣпла. Еслибъ не было помѣщиковъ съ прикрѣпленными къ нимъ крестьянами, еслибъ не было и завѣдывающаго крестьянствомъ сельскаго міра или общины,—то все населеніе, конечно, расползлось бы на всѣ четыре стороны... Теперь необходимую для общества правительственную власть охотно признаютъ и въ калмыцкихъ степяхъ, и въ Туркестанѣ, и въ сибирскихъ тундрахъ. Но всякому овощу свое время: было необходимо крѣпостное право—и оно существовало; миновала въ немъ надобность для государства—и оно исчезло: жалѣть нечего! Я, Александръ Николаевичъ Рокотовъ, не публицистъ и предоставляю другимъ дѣлать тѣ или иные выводы, хотя бы даже и съ претензіей на ихъ непогрѣшимость; а все таки могутъ оказаться не лишними,—для оцѣнки и сравненія того, что было и что теперь есть,—и мои безхитростныя воспоминанія и очерки, какъ человѣка, жившаго на рубежѣ двухъ эпохъ и состояній: крѣпостничества и эмансипаціи. И въ крѣпостное время существовали добрыя и гуманныя отношенія между многими помѣщиками и ихъ крестьянами. Зачѣмъ же сгущать краски и видѣть въ крѣпостничествѣ *только* одну черноту и неправду! Слово «крѣпостникъ» у насъ сдѣлалось браннымъ и синонимомъ завзятаго ретрограда. Но и въ крѣпостное время изверги и злодѣи-помѣщики представляли собою только исключительное явленіе...

«Отца моего, Николая Аѳанасьевича Рокотова, я мало помню. Знаю только, что онъ служилъ въ Кронштадтѣ и водилъ дружину противъ французовъ. Онъ былъ довольно тучный старикъ, лысый и съ большими голубыми глазами, носилъ усы, а бороду брилъ. Судя по сохранившимся на книгахъ его замѣткамъ, онъ былъ довольно начитанъ. За нимъ, въ Бобровкѣ и еще въ нѣсколькихъ деревняхъ, считалось до двухсотъ душъ, да за моею матерью въ

Digitized by Google

селѣ Куликахъ числилось сто душъ. Слѣдовательно, отецъ былъ не изъ крупныхъ, но и не изъ мелкопомѣстныхъ дворянъ. Въ Куликахъ проживали обрусѣлые хохлы. По крайней мѣрѣ, раза два или три въ годъ пріѣзжалъ оттуда, какъ представитель своей «громады», староста, котораго почему-то величали «атаманомъ». Онъ былъ огромнаго роста, но на атамана разбойниковъ вовсе не походилъ, говорилъ со смѣшнымъ хохлацкимъ акцентомъ и привозилъ, кромѣ холстовъ, яицъ и проч., цѣлыя «ночвы» (корыта) съ только что пойманной въ Реутѣ рыбой или же съ лѣсной малиной и ежевикой. Это было нѣчто въ родѣ дани, или оброка натурой. Помню, какое сильное впечатлѣніе производили на меня медленно поднимавшіе свои жабры несчастные лещи, сазаны и карпы, а въ тотъ же или на другой день поваръ Андрюшка жарилъ ихъ на сковородѣ или подавалъ «на холодное» подъ хрѣномъ. Атаману, который смѣшилъ насъ хохлацкими выраженіями, ключница подносила стакана два водки, и онъ, низко кланяясь господамъ, выпивалъ ихъ въ одинъ мигъ. Кромѣ Андрюшки, былъ еще поваръ Степка и повареновъ Лукашка. Кажется, всѣ они были безсемейные и кормились въ людской.

«Кушали тогда хорошо, не спѣша и основательно, не то, что теперь—по разнымъ меню. Обѣдали не позже, какъ въ часъ, дня и потому завтракъ не всегда подавали; зато полудневали и ужинали. Кушанья тогда были такія вкусныя, какихъ послѣ уже не приходилось ѣсть. Напримѣръ, подавали рисовые на сливкахъ столбики съ крѣпкимъ бульономъ, иногда приправленнымъ морковью, вмѣсто соуса; пуддингъ изъ вермишели съ мясомъ подъ краснымъ соусомъ; таявшія во рту кольца изъ слоенаго тѣста; маковники съ медомъ; коржи съ маковымъ молокомъ, «шпанскій» вѣтеръ и проч. А дичь иначе и не готовили, какъ со шпигомъ и съ медкомъ—объѣденіе. Нѣкоторые помѣщики чуть не за сто верстъ нарочно пріѣзжали къ отцу со своими поварами, чтобы перенять съ его стола отъ Андрюшки искусство въ приготовленіи дичи и нѣкоторыхъ другихъ особенно знаменитыхъ блюдъ. Дичь, которая хрустѣла и въ то же время была очень сочна, наши гости уничтожали чуть не со всѣми косточками. Вообще нашъ домъ очень любили разные приживальщики и въ особенности бѣдныя дворянки. Нѣкоторыя изъ этихъ приживалокъ именовались у нашихъ людей «барскими барынями».

«— Позвать сюда Андрюшку!—иной разъ приказывалъ отецъ стоявшему за его стуломъ лакею съ длинною махалкою отъ мухъ изъ павлиньихъ хвостовъ. Впослѣдствіи, когда помѣщики обѣднѣли, эти роскошныя махалки стали замѣнять вѣтками сирени... А мухи такъ и носились роями, не смотря на оконныя защиты изъ марли

Digitized by Google

и кисеи, и иногда залетали даже въ ротъ, вызывая этимъ тошноту.

«Блѣдный и встревоженный Андрюшка являлся въ бѣломъ фартукѣ и колпакѣ, который онъ почтительно снималъ въ дверяхъ.

«— Какъ же это ты, братецъ, изгадилъ мнѣ бекасовъ? Я развѣ для того ихъ настрѣлялъ, чтобъ ты ихъ портилъ? Пересушилъ совсѣмъ... Я изъ-за тебя еще всѣ зубы поломаю.

«— Виноватъ, баринъ! плепорцію медку не ту взялъ, да еще надо бы въ вольный духъ на время отставить... Они бы, бекасики миленькіе съ чирочками, и дошли бы съ.

«— Вотъ то-то и дѣло! А борщъ зачѣмъ пересолилъ? Знаешь?— недосолъ на столѣ, а пересолъ—на спинѣ!?

«— Маленечко, сударь, не потрафилъ въ точку. Ужь не извольте гнѣваться!—съ вареничками провозился долго! Дрова такія пылкія...

«— А Степка у тебя зачѣмъ? А Лукашка?

«— Ну, нѣтъ, баринъ! Какъ угодно будетъ вашему здоровью а бекасиковъ и дупелей жарить я Степку не допущу: дичь—самая великатная.

«— Правда твоя, Андрей,—дичь нѣжная!

«— Это ужь какъ угодно-съ! Въ другой разъ потрафлю за первый сортъ.

«Отецъ обезоруженъ усердіемъ Андрюшки. Онъ больше прикидывался строгимъ, но, сколько я помню, никогда не доводилъ виновныхъ до «конюшни». Накричитъ, бывало, нашумитъ, натопается вволю, да тѣмъ дѣло и кончится, а случалось, что еще и водочки поднесетъ собственноручно, изъ особаго шкафчика съ наливками, да и самъ выпьетъ.

«— Ну, прости меня!—скажетъ:—я, можетъ быть, тебя обидѣлъ...

«— На то мы и ваши люди, баринъ! Нашему брату за всякимъ словомъ отъ господина не угоняться, Другой разъ и нашего брата поучить нужно!..

«Это былъ символъ вѣры нормальныхъ крѣпостническихъ отношеній даже въ устахъ самого крѣпостнаго. Какъ знакъ хорошаго расположенія духа и вниманія, отецъ, бывало, самъ перекладывалъ бекаса или дупеля съ блюда на тарелку и передавалъ кому нибудь изъ насъ, дѣтей, или отсылалъ кому либо изъ приживальщиковъ, если они обѣдали въ другой комнатѣ. Любимымъ занятіемъ отца была ружейная охота. Онъ былъ превосходный стрѣлокъ и всѣ охотничьи порядки зналъ въ совершенствѣ,—всѣ входы и выходы въ «островѣ», лазы, какъ онъ выражался,—каждое «польцо́ и перемычку». Онъ зналъ — когда и гдѣ обложить краснаго звѣря, гдѣ

Digitized by Google

имѣются лисьи норы, когда можно пострѣлять русачковъ съ гончими «по чернотропу», а когда и безъ собакъ, по порошѣ, «въ ѵзерку». О проворствѣ на охотѣ, ловкости и вѣрности его глаза ходили въ уѣздѣ цѣлыя легенды.

«Помню, напримѣръ, какъ любимый отцовскій доѣзжачій Карпъ уже по смерти отца разсказывалъ намъ, дѣтямъ, со всѣми подробностями такую исторію:

«— Какъ это вашъ папенька,—дай Богъ имъ царство небесное!—медвѣдя изъ своей *туржи* уложили,—вотъ это такъ была охота! Какъ собрались это три охоты вмѣстѣ: тутъ это егеря, а я въ доѣзжачихъ былъ... Однѣхъ гончихъ съ трехъ охотъ было побольше полсотни: смычковъ тридцать будетъ, да еще борзыхъ своръ десять! Потому папенька, узнамши это про медвѣдя,—а тотъ, стало быть, забремши къ намъ изъ брынскихъ [1]) лѣсовъ, — пригласили покойнаго генерала Офросимова да еще покойничка Тютчева. Ну, это всѣ собрались по своимъ мѣстамъ. Верховые, стремянные и борзятники въ острову у опушекъ стоятъ со сварами, не пущаютъ звѣря, а вашъ папенька, какъ завсегда, остались въ логу. Вотъ онъ, мишенька-то, и идетъ, и идетъ изъ-подъ гончихъ, озираючись. А гончія варомъ варятъ: ахъ! ахъ! а все таки подступить къ звѣрюкѣ и накинуться опасаются: потому — имъ это въ диковинку: звѣрь лютый, невиданный! А я тоже въ логу съ папенькой, держу наготовѣ другое ружье съ пулею, а кинжалъ за поясомъ да и топоръ былъ про всякій случай. Ну, приложились они это, подпустивши звѣря совсѣмъ близехонько, да прямо ему въ глазъ пулькой-то какъ вдарятъ—онъ тутъ и заревѣлъ. Неустрашимые были папенька! А я, признаться, отъ эдакого звѣрюки былъ ни живъ, ни мертвъ. Тутъ еще ему и другую пулю всадили—и прикончили. Ну, опосля этого, у насъ цѣлую недѣлю пированіе было. Ужь что винца, меду и браги попили!.. Довелось и мнѣ. Папенька ужь вѣ-какъ были рады! Тогда исправникъ Дерюгинъ самому губернатору объ вашемъ папенькѣ репортовали. Они тоже подъѣзжали съ города на нашу охоту.

«И вотъ, при этомъ разсказѣ, рисуется моему воображенію герой-отецъ, не струхнувшій даже предъ самимъ медвѣдемъ, съ однимъ одноствольнымъ ружьемъ,—съ своей вѣрной «туркой»,—съ топоромъ и кинжаломъ. А какой вѣрный глазъ!—точно «Красный Карабинъ», знаменитый стрѣлокъ въ романѣ «Лѣсной бродяга», которымъ я зачитывался въ дѣтствѣ. Вѣдь недаромъ же разсказывали про отца, что когда, бывало, стемнѣетъ и какая нибудь утка

[1]) Брянскихъ лѣсовъ, орловской губ.

Digitized by Google

съ отяжелѣвшимъ зобомъ летитъ съ гречи на озерцо,—такъ что ее можно замѣтить больше по свисту отъ крыльевъ,—отецъ вскинетъ свою «турку», приложится, и убитая утка падаетъ къ изумленію кучера и другихъ дворовыхъ людей, которыхъ отецъ иногда бралъ съ собою. Когда отецъ возвращался, уже поздно вечеромъ, съ трофеями охоты,—егеря выкладывали въ передней, на показъ моей матери и намъ, дѣтямъ, одну, а то и двухъ лисицъ, и штукъ 15 или 20 русаковъ, большею частью убитыхъ моимъ отцомъ. Тогда начинались интересные пересказы съ участіемъ дворовыхъ охотниковъ,—которымъ тутъ же подносили по стаканчику водки,—какъ, кто и гдѣ именно «потрафилъ» звѣря, и даже воспроизводились въ лицахъ охотничьи сцены. Помню разъ, какъ Алешка Рыжій (который былъ побойчѣе другихъ), войдя въ охотничій азартъ, даже присѣлъ на корточки въ передней, изображая зайца, выскочившаго прямехонько на оторопѣвшаго слесаря Павлюху.

«— Мнѣ-то съ опушечки все и видать! — разсказывалъ, при общемъ хохотѣ, Алешка.—Вотъ нашъ Павлюха приложился: бухъ! а русакъ поклонился ему да и повернулъ на меня. Ну, вотъ я его и *вдарилъ* на всемъ скаку—прямо въ голову, да и переднюю лопатку перешибъ. Онъ тутъ и перекинулся. Потомъ-то я и смѣюсь надъ Павломъ: *вдвиться*, говорю, какъ это ты его не *вбилъ*!

«Павлюха очень сконфуженъ.

«— Что жь подѣлаешь? — оправдывался онъ.—Нонича мнѣ не таланъ: утресь, какъ еще изъ дому выходилъ, архипова баба съ пустыми ведрами мнѣ дорогу перешла. Не утрафилъ трошки (немножко).

«Аргументъ о попавшейся бабѣ съ пустыми ведрами, — какъ оправданіе неминуемой неудачи, — возстанавливаетъ наше уваженіе къ Павлюхѣ, какъ къ заправскому охотнику и стрѣлку. И, низко кланяясь господамъ съ пожеланіемъ имъ добраго здоровья, Павелъ выпиваетъ стаканчикъ водки.

«— Ахъ, баба, баба! чтобъ ей пусто было! — продолжаетъ солидно оправдываться Павелъ.

«Не любили наши охотники изъ дворовыхъ людей встрѣчаться и съ попомъ:—плохая примѣта!—развѣ что успѣешь три раза плюнуть и узелокъ завязать... Подъ впечатлѣніемъ такихъ разговоровъ долго я не могу заснуть. Въ моемъ воображеніи рисуются чудеснѣйшія охотничьи сцены и во мнѣ просыпается и начинаетъ биться охотничья жилка.

«И вотъ я вижу во снѣ, что въ густомъ орѣшникѣ прокрадывается лисица. Я уже кричу: «Павелъ, береги! береги»! а лисица только взмахнула трубой (хвостомъ), да и была такова. Я весь

Digitized by Google

въ поту отъ сильнѣйшей охотничьей эмоціи, а старая няня Василиса крестить меня, приговаривая: — «Что ты, что ты, Саша? Господь съ тобой, мой барчуночекъ! Не кричи: братца и сестричекъ разбудишь»! Но на охоту меня брали рѣдко, такъ какъ я былъ еще очень малъ, — развѣ ужь когда ѣздила съ отцомъ и моя мать, для которой возили тогда маленькое ружье. Но, кажется, что мать изъ него не стрѣляла, потому что былъ такой случай: одинъ заяцъ, — когда ужь очень насѣли на него гончія,—едва было не сшибъ ее съ ногъ, и она чуть было не схватила его руками, да бывшій на ней кринолинъ помѣшалъ... А что было тогда смѣху! Нерѣдко къ намъ пріѣзжалъ гостить мой дядя по матери, Ѳедоръ Ивановичъ, изъ отставныхъ гусаръ, балагуръ и страстный охотникъ. Онъ сдѣлалъ мнѣ и брату деревянныя ружья, которыя щелкали и стрѣляли палочками съ помощью натягивавшейся струны. Съ дядей пріѣзжалъ тогда камердинеръ Иванъ Павловъ, совершеннѣйшій брюнетъ изъ его же екатеринославскаго имѣнія. Этого лакея дядя Ѳедоръ Ивановичъ почему-то выдавалъ за черкеса и разговаривалъ съ нимъ будто по-черкески, а мы, дѣти, тогда этому вѣрили...

«Да и какъ было не вѣрить, когда я, самый старшій, ходилъ еще тогда въ рубашечкахъ, курточкахъ и башмачкахъ, и мнѣ завивали волосы папильотками! Когда же, наконецъ, мнѣ въ первый разъ сшили сапоги, я почувствовалъ особенную гордость: вѣдь, стало-быть, я ужь не маленькій! Помнится, я не разставался съ новыми сапогами даже на ночь, обуваясь въ нихъ потихоньку отъ няни... Мнѣ тогда прямо завидовали всѣ дворовые мальчишки, бѣгавшіе босикомъ.

IV.

«Любилъ отецъ и садоводство—особенно выращивать рѣдкіе и новые сорты дынь, овощей, яблокъ и грушъ. Онъ пробовалъ разводить и виноградъ, но виноградъ не дозрѣвалъ. Обыкновенно въ халатѣ (если не было въ домѣ гувернантки и кого либо изъ гостей — приживальщицъ онъ не стѣснялся), а то и безъ верхняго платья, въ одномъ жилетѣ и бѣломъ картузѣ съ горизонтальнымъ козырькомъ, онъ отправлялся съ утра въ садъ съ «Сыномъ Отечества» или съ «Сѣверной Пчелой» или съ «Библіотекой для чтенія», а мальчикъ или лакей долженъ былъ нести за нимъ трубку на длинномъ чубукѣ и съ «жуковымъ табакомъ» въ кисетѣ. Въ саду у насъ была хорошая пасѣка. Отецъ не ѣздилъ даже и на выборы. Да и зачѣмъ ему было ѣздить въ городъ? Если что тре-

Digitized by Google

бовалось купить, то пріѣзжали къ намъ какіе нибудь «венгерцы» и другіе разнощики, а чаще всего—жиды. Эти послѣдніе въ особенности любили къ намъ ѣздить, сильно наживаясь отъ моего отца.

«— Не божись, не божись, Абрамъ!—я и такъ вѣрю, — говорилъ отецъ торговцу, когда тотъ самымъ соблазнительнымъ образомъ раскладывалъ свои товары въ залѣ, увѣряя, что это необыкновенной добротности и послѣдняго привоза заграничный товаръ, который онъ, Абрамъ, самъ пріобрѣлъ очень сходно, по случаю.

«— Да какъ-зе это мозно? Я—честный еврей и такого благороднаго гашпадина буду обманывать?! Наплюйте мнѣ, гашпадинъ, въ глаза, езели я плутъ.

«Уже совсѣмъ сѣдой, Абрамъ, въ длиннѣйшемъ лапсердакѣ, обыкновенно пріѣзжалъ къ намъ съ сыновьями Шмулькой и Хаимкой, на четырехъ или пяти подводахъ не менѣе одного раза въ годъ со всевозможными товарами: тутъ были и карандаши, и бумага, и тульскіе ножички, и мятные пряники, и черносливъ, и голландскій сыръ, и карамель въ бумажкахъ съ напечатанными изреченіями: «денегъ дай, денегъ дай, и успѣха ожидай»!—Вѣроятно, это былъ намекъ на обычныя въ то время взятки въ уѣздныхъ судахъ и гражданскихъ палатахъ; «боюсь, брусничная вода мнѣ не надѣлала бъ вреда»! и такъ далѣе — все въ томъ же родѣ. Многія изъ этихъ изреченій, какъ олицетворенная мудрость, были прямо назидательны, напримѣръ: «Сама себя раба бьетъ, коль нечисто жнетъ».

«Да и какъ эта сентенція соотвѣтствовала духу крѣпостнаго времени! Тутъ же выкладывались и разныя матеріи, и ситцы, и часы, и брошки, и ложки... Нечего и говорить, что «честные зидки»,—благочестивые сыны израиля,—продавали все значительно дороже, чѣмъ можно было купить въ губернскомъ городѣ или на Коренной ярмаркѣ. Они безсовѣстно надували всѣхъ. Торговля производилась не менѣе трехъ или четырехъ дней,—по субботамъ евреи шабашевали,—и во все это время Абрамку съ сыновьями кормили и поили, какъ гостей, причемъ они только сами готовили себѣ кушанья изъ нашей провизіи. Увозили же евреи отъ отца всякій разъ не менѣе 400 или 500 рублей. Многое,—напримѣръ, нанку,—брали у нихъ цѣлыми кусками и для дворни. Въ концѣ-концовъ часы, купленные у Абрамки за золотые, — на видъ дѣйствительно очень дорогіе и съ внутренностью изящной работы,—оказывались серебряными, только хорошо позолоченными. Но ко всѣмъ этимъ обманамъ отецъ относился очень благодушно и снисходительно. «Надо же и Абрамкѣ кормиться»! — говорилъ онъ. Будучи самъ

Digitized by Google

очень честнымъ человѣкомъ, онъ вѣрилъ въ честность своихъ людей—дворовыхъ и крестьянъ,—и въ «честность» жидовъ, хотя они его жестоко обманывали, и только однажды очень разсердился, даже велѣлъ не пускать къ намъ во дворъ другаго еврея, Соломона, который однажды продалъ ему за серебряныя—мѣдныя посеребреныя ложки съ фальшивой пробой. Впрочемъ, и самъ Соломонъ, взявшій съ отца рублей 600 за свои товары, послѣ этого явнаго мошенничества, къ намъ больше ужь не показывался. Тогда считали на ассигнаціи и деньги были въ три раза дороже, чѣмъ теперь.

«Да, хорошо было торговцамъ, заѣзжавшимъ къ намъ чуть не съ цѣлымъ обозомъ! Сѣно и овесъ для ихъ лошадей отпускались безплатно, а самихъ торговцевъ кормили до отвалу. Одинъ разнощикъ успѣлъ даже завести какіе-то шуры-муры съ нашей хорошенькой горничной Ольгой. Родственники ея гдѣ-то захватили Ольгу на свиданіи и вышелъ скандалъ; пошли жалобы господамъ, крикъ въ домѣ и шумъ. Но всего значенія этого скандала на почвѣ attentat à la pudeur я тогда еще не понималъ и только удивлялся: отчего это послѣ исторіи съ разнощикомъ Ольга получила прозваніе «сторублевой». Помню только красивое лицо ея въ слезахъ... А ловеласъ-торговецъ, послѣ этой исторіи, къ намъ уже не пріѣзжалъ. Недурно жилось и дворовымъ людямъ. Почти каждый изъ нихъ обучался какому нибудь мастерству. У насъ былъ даже свой живописецъ и парикмахеръ, котораго тогда попросту называли «цирульникъ». Онъ же обладалъ искусствомъ, по вдохновенію, пускать кровь и ставить банки, — однимъ словомъ, изображалъ собою нѣчто въ родѣ лейбъ-медика. Всѣ дворовые жили въ «хижкахъ» и держали корову, а то и двухъ коровъ, овецъ и свиней, и получали изъ барскихъ амбаровъ «мѣсячину» по числу ѣдоковъ въ семьѣ: опредѣленное количество муки, крупъ, сала, соли и проч. на одинъ мѣсяцъ. У каждаго дворовaго былъ свой огородъ и имъ не воспрещалось торговать кое-чѣмъ на мѣстѣ для увеличенія своего благосостоянія. У каждаго въ «хижкѣ» можно было найти мѣшки орѣховъ, грибовъ, яблокъ-лѣсковокъ и грушъ. Нѣкоторые тайкомъ отъ отца занимались даже корчемствомъ... Когда неожиданно появлялись у насъ соглядатаи отъ винныхъ откупщиковъ, вдругъ поднималась бѣготня по огородамъ и въ садахъ: что-то и отъ кого-то прятали; но я тогда этого не понималъ. Разыскивали и находили какіе-то бочонки.

«Какъ я выучился читать и писать — уже не помню. Но, кажется, первой книжной премудрости научилъ меня проживавшій у насъ въ особомъ флигелѣ семинаристъ Кирилъ Ивановичъ. Зву-

Digitized by Google

ковато метода тогда еще и въ помин не было и приходилось выговаривать по старинному. «Глаголь, люди, азъ»! — кричалъ, бывало, въ изступленіи учитель, удивляясь дѣтской безтолковости, ибо я, напримѣръ, долго не подозрѣвалъ, чтобы изъ глаголя въ совокупленіи съ людьми и азомъ выходилъ слогъ *гла*. — «Живѣте, нашъ, иже»!—кричалъ далѣе учитель... Да! Дѣйствительно, очень горькіе были тогда «корни ученія», и, конечно, они были горчѣе росшей у насъ въ изобиліи на дворѣ полыни съ ютившимися въ ней лягушками.

«Кириллъ Ивановичъ былъ рослый дѣтина лѣтъ 27-ми, съ крупнымъ носомъ и длинными кутейницкими волосами, которые онъ умащалъ коровьимъ масломъ вмѣсто помады. Ходилъ онъ въ красной рубашкѣ, брюки запрятывалъ въ сапоги, а сверху для чего-то,—вѣроятно, только потому, что все таки онъ жилъ у господъ,—облачался въ сѣрый нанковый сюртукъ. Кириллъ Ивановичъ, помнится, не удостоивался чести обѣдать съ нами за однимъ столомъ и кушать ему подавали во флигелѣ. Но таковъ ужь былъ въ то время складъ жизни, когда даже станового пристава рѣдко пускали въ иной барскій домъ дальше передней или заднихъ комнатъ... Тогда строго проводилось различіе между «благородными» и «неблагородными», къ которымъ причислялись и приказные изъ «крапивнаго сѣмени».

«Такъ какъ все это было «на зарѣ моей туманной юности», то я почти ничего не помню изъ эпохи учительства Кирила Ивановича. Только одно мнѣ хорошо врѣзалось въ память: я не могу представить себѣ Кирилла Ивановича иначе, какъ со скрыпицей въ рукахъ, когда онъ игралъ на свободѣ — въ огромномъ и пустомъ старомъ домѣ. А домъ этотъ стоялъ,—на подобіе полуразрушеннаго замка,—какъ разъ на томъ мѣстѣ, на которомъ я, много лѣтъ спустя, выстроилъ нынѣ обитаемый мною домикъ. Слушателями музыки Кирила Ивановича были только мы, дѣти, да ютившіяся въ домѣ стая галокъ. Изрѣдка ввертывалась подъ какимъ нибудь предлогомъ,—будто поглядѣть за дѣтьми, по порученію отъ возившейся съ чулками няни, — хорошенькая горничная Любаша съ синими глазками, явно благоволившая къ учителю; постоитъ—постоитъ, бывало, ухмыльнется задорно по адресу Кирилла Ивановича съ лоснящимися отъ масла кудрями, когда тотъ предложитъ ей послушать еще, и убѣжитъ.

«— А, ну васъ совсѣмъ!—говоритъ Любаша.—Есть мнѣ когда съ вами лясы точить! Мнѣ еще барынино кружево надо выгладить...

«И волны звуковъ, съ превосходнымъ резонансомъ въ пустомъ

Digitized by Google

домѣ, такъ и льются изъ-подъ смычка семинариста! Надо отдать ему справедливость: онъ игралъ, какъ настоящій музыкантъ, не глядя въ ноты и очень порядочно. А *старый* домъ,—какъ мы называли его,—всегда живо интересовалъ насъ своею таинственностью. Судя по высокимъ стѣнамъ и остаткамъ печей съ превосходными, уцѣлѣвшими еще отъ времени и расхищенія, кафлями и изразцами, это былъ очень помѣстительный двухъэтажный домъ съ хорами въ залѣ. Разныя мелочи,—какъ остатки прежняго величія,—еще свидѣтельствовали о томъ, что когда-то въ этомъ домѣ жили широко, гостепріимно и вполнѣ по барски. Но никакихъ легендъ объ этомъ домѣ мнѣ не приходилось слышать. Да и кто бы ихъ сталъ разсказывать? Родители держались отъ насъ, дѣтей, какъ будто въ сторонѣ. Я любилъ играть и бѣгать въ этомъ домѣ съ братомъ Викторомъ и сестрами. Я былъ тогда «охотникъ», Викторъ изображалъ собаку «Соловья» и даже артистически лаялъ — «гналъ»; а мои сестры—Анюта, Надя и Вѣра—были «зайцы», которые спасались хитростью и проворствомъ: онѣ бѣгали и прятались, а я ихъ ловилъ и пугалъ. Появленіе наше въ старомъ заброшенномъ домѣ,—да еще для игръ и бѣготни,—конечно, не нравилось галкамъ, которыя, можетъ быть, путемъ многолѣтней «давности» (доселѣ практикуемой на Кавказѣ при захватѣ нефтеносныхъ земель) уже пріобрѣли всѣ права на жительство въ этомъ домѣ; а ютившіяся подъ карнизомъ на верху галченята съ разинутыми клювами, какъ бы выражая протестъ, оглушали насъ хриплымъ крикомъ. Положимъ, что галки намъ дѣйствительно надоѣдали. Но зато любо было смотрѣть, какъ иной разъ, встревоженныя пустельгой, ястребомъ или соколомъ, галки носились надъ рѣкой и прудомъ огромною стаею. То свертывалась эта стая пернатыхъ въ видѣ огромнаго чернаго клубка, то развертывалась на подобіе волнующихся пестрыхъ ковровъ или холстовъ. Однажды мнѣ удалось даже подмѣтить, какъ одинъ пернатый разбойникъ, величиною немного развѣ больше самой галки, летѣлъ съ похищенною имъ изъ стаи птицей. И какъ мнѣ было жаль тогда эту несчастную! Почему именно она сдѣлалась добычею? Но развѣ и съ людьми не бываетъ того же? Вотъ подвернулся человѣкъ «на тропинкѣ бѣдствій» подъ косу смерти, и она его не щадитъ, а другіе люди, — и нерѣдко худшіе, — еще живутъ и процвѣтаютъ. И мнѣ тогда приходило въ голову: развѣ это не случайность, что я — барчукъ, а не такой же несчастный, грязный, въ рубашонкѣ и въ большихъ старыхъ опоркахъ, съ толстымъ животомъ, мальчикъ, какъ Петька, который чуть ли не цѣлый день безъ шапки, скрючившись, полетъ огурцы воинъ на томъ крестьянскомъ огородѣ? А вѣдь и ему хочется побѣгать! Гдѣ же

Digitized by Google

справедливость? Ну,—думаю я,—непремѣнно насбираю для Петьки яблочекъ въ саду: то-то онъ будетъ радёшенекъ! Но прежде чѣмъ осуществить эти альтруистическія намѣренія по отношенію къ толстопузому Петькѣ, съ нависшими на лобъ бѣлокурыми льняными волосами, я увлекаюсь эгоизмомъ и предлагаю брату и сестрамъ поиграть въ «мой верхъ» или «въ пятнашки».

«Игра эта заключалась въ томъ, что я ударялъ слегка брата или сестру по плечу и бѣжалъ, крича: «мой верхъ»! Меня преслѣдуютъ и также ударяютъ по плечу, говоря: «мой верхъ»! — и такъ далѣе. Эту очень нехитрую игру изобрѣлъ, кажется, я самъ.

V.

«И вотъ, уже совершенно усталый отъ бѣготни, послѣ ужина я ложусь въ постельку. Въ гигіеническомъ отношеніи день для меня не потерянъ: мои загорѣлыя и красныя щоки такъ и пышатъ здоровьемъ. Одно только мнѣ очень не нравится: мать велѣла нянѣ завить мнѣ волосы на ночь, и эти глупѣйшія и несносныя папильотки изъ бумаги мѣшаютъ сну. А какъ мнѣ хочется спать! Глаза такъ и слипаются... Но что это жужжитъ въ уголкѣ за картиной? Ахъ, какъ мнѣ жаль несчастную муху, которая бьется въ полутьмѣ, въ сѣтяхъ паука, и жалобно жужжитъ, какъ будто кричитъ караулъ и зоветъ на помощь своихъ же товарищей. Вотъ она въ смертельномъ страхѣ жужжитъ тономъ выше первоначальнаго: стало быть, жестокій паукъ приготовляется кушать свою жертву, а предъ этимъ онъ только энергически бѣгалъ по сѣти, суетился и все болѣе опутывалъ ее паутиной, чтобъ она не вырвалась. Но гдѣ же ей вырваться? Я негодую противъ злодѣя-паука, вскакиваю съ постельки, какъ рыцарь, и... освобождаю муху, которая, кажется, не вѣритъ уже своему спасенію. Тогда я окончательно освобождаю ее отъ паутины и расправляю ей крылышки. Послѣ этого подвига, ложусь и начинаю думать уже о паукѣ. За что же это я лишилъ его ужина? Непримиримыя противорѣчія въ жизни! Стало быть, такова жизнь—дѣлаю я заключеніе. Вѣчная борьба, — и не мнѣ ее измѣнить! Почему же мой отецъ и мать никогда не заботятся о мухахъ? Развѣ у нихъ нѣтъ жалости? Вѣдь и каждой мухѣ хочется жить!..

«Съ этихъ поръ судьба злосчастныхъ мухъ, попадающихъ въ паутину, уже не особенно меня занимаетъ, и мое сердце, подъ вліяніемъ житейскаго опыта, наблюденій и анализа холоднаго разсудка, черствѣетъ и какъ будто ожесточается... Бѣдное сердце!

«А все таки физическая усталость беретъ верхъ надъ потокомъ

Digitized by Google

философскихъ мыслей, пробуждающихся въ дѣтской головѣ. И какъ мнѣ хочется спать, въ особенности же подъ утро! Хорошо еще, что старая няня Василиса позаботилась для своего «барчучоночка» еще съ вечера закрыть ставни и завѣсить окна. Иначе несносныя мухи, пользуясь красноватымъ свѣтомъ отъ трещинъ въ ставняхъ, не дали бы мнѣ спать. Но вотъ и няня уже открыла ставни. Веселое лѣтнее утро,—когда солнце еще не печетъ,—въ полномъ разгарѣ. Жизнь такъ и бьетъ ключемъ. И няня поетъ:

«Пѣтушокъ, пѣтушокъ!
Золотой гребешокъ!
Онъ по жердочкѣ ходилъ,
Онъ Сашурочку будилъ.
— Ты вставай, Сашурочка!
Барчучоночекъ мой!
Пора чай кушать!»...

«Вмѣсто: «вставай» няня поетъ: «уставай», но это нисколько не портитъ впечатлѣнія отъ ея пѣнія. А подъ моими окнами, дѣйствительно, важно расхаживаетъ крупный и горластый пѣтушище съ удивительно-красивыми золотисто-синими и красными косицами. Онъ то и дѣло клохчетъ, оказывая, въ качествѣ галантнаго кавалера, всевозможныя любезности курамъ. Но мнѣ казалось тогда, что главное назначеніе пѣтуха—это все таки будить меня своимъ рѣзко-крикливымъ, а подчасъ и меланхолическимъ пѣніемъ, какъ будто кто приставилъ этого пѣтуха спеціально къ моей особѣ. Въ этомъ пѣтушищѣ несомнѣнно есть что-то рыцарское и благородное. И неужели Андрюшка-поваръ когда нибудь зарѣжетъ его, чтобы подать, какъ пилавъ, подъ рисомъ? О! я этого не допущу... И я вставалъ, наскоро умывался и читалъ «Богородицу» и «Отче нашъ».

«— Спаси, Господи,—бормоталъ я вслухъ,—папу, маму, братца, сестрицъ, няню и меня, отрока Сашу, и всѣхъ православныхъ христіанъ.

«Когда же я кладу поклонъ за всѣхъ православныхъ христіанъ, мнѣ приходитъ на мысль: бѣдные язычники! неужели они должны идти въ адъ? Вѣдь за нихъ никто изъ православныхъ не молится... А чѣмъ они виноваты, что ихъ не обратили въ православіе! Вотъ послать бы—и какъ это не догадаются! — для обращенія ихъ въ христіанство,—нашего уѣзднаго исправника, Веревкина, бывшаго капитана, съ ротою солдатъ, а заодно бы ужь и покорить всѣхъ язычниковъ подъ власть русскаго царя! Исправникъ же — такой молодчина и у него еще на шеѣ такой красивый орденъ...

«Какъ и по какой причинѣ покинулъ насъ Кирилъ Ивановичъ со своей скрипицей и какъ уходъ его отразился на сердечномъ

Digitized by Google

спокойствіи Любаши—я уже не помню. Помню только, что подруги-горничныя поддразнивали Любашу, а она все конфузилась и вздыхала.

«Послѣ учителя, смѣнили одна другую двѣ некрасивыя и безцвѣтныя гувернантки и какая-то, выдававшая себя за учительницу, очень бойкая и молодая, со вздернутымъ носикомъ, приживалка. Но всѣ онѣ авторитетомъ у насъ не пользовались. Отъ меня, какъ отъ старшаго, въ особенности доставалось одной изъ нихъ—чахоточной дѣвицѣ изъ Смольнаго института. При моей шаловливости и рѣзвости, несчастная «губернанка», — какъ ее называли наши люди, — много разъ плакала, о чемъ я теперь искренно жалѣю. Музыку она преподавать не могла, а меня уже интересовало бренчаніе на фортепіано и подбираніе всякихъ мотивовъ. Отецъ мой когда-то и самъ игралъ на скрипкѣ, а теперь только изрѣдка наигрывалъ на фортепіано пѣсни: «Душа ль моя, душенька»! и «Ты поди, моя коровушка, домой»! А мать, почти не зная нотъ, хорошо пѣла и играла по слуху, преимущественно танцы. Мы умѣли уже плясать, перенявъ это искусство отъ горничныхъ и лакеевъ, умѣли танцовать и болтать по французски, но основательныхъ знаній по части «предметовъ и наукъ» у насъ все таки не было. Знали мы только очень недурно географію, да и это вышло случайно, благодаря нашимъ же играмъ въ войну да еще тому обстоятельству, что въ нашемъ пользованіи былъ очень недурной для того времени, составленный по Дюфуру, географическій атласъ. Меня и тогда уже интересовали хорошо раскрашенныя очертанія государствъ, горъ, морей, острововъ, и много говорившія моему воображенію таинственныя надписи: тропикъ рака, тропикъ козерога, полярные круги, экваторъ, широта, долгота и проч. Кромѣ Нила съ его проблематичными для того времени истоками, означенными лишь точками; кромѣ Нигера, Сенегала и Гамбіи, никакихъ тогда рѣкъ не означали на нынѣшнемъ черномъ континентѣ. А что такое тропики и полярныя страны—мы уже нѣсколько понимали по попадавшимся намъ въ руки книгамъ съ путешествіями Дюмонъ-Дюрвиля, Араго и проч. Я приходилъ въ восхищеніе отъ длиннаго романа, въ нѣсколькихъ книжкахъ, подъ названіемъ «Лѣсной бродяга». Искренно я былъ тогда убѣжденъ, что на всемъ земномъ шарѣ не можетъ быть лучшихъ книгъ, какъ «Робинзонъ Крузе» и «Лѣсной бродяга». Какъ хотѣлось мнѣ тогда подражать знаменитому стрѣлку съ прозваніемъ: «Красный карабинъ», который, благодаря своему вѣрному глазу, не только счастливо избавлялся отъ краснокожихъ индѣйцевъ, домогавшихся съ своими томагавками оскальпировать его и другихъ «бѣлыхъ»—европейцевъ, но и прехладнокровно убивалъ даже би-

Digitized by Google

зоновъ и ягуаровъ. Но если и въ мечтахъ я не могъ достигнуть идеала, чтобы сдѣлаться Робинзономъ или «Краснымъ карабиномъ», котораго, сколько помню, краснокожіе называли на своемъ живописномъ языкѣ «Соколиный глазъ»,—то по геройской неустрашимости и искусству въ стрѣльбѣ я все же не считалъ себя ниже его товарища Пепа Сонули. И вотъ я самъ изготовляю себѣ изъ орѣшины лукъ, а изъ тростника или обструганной лучинки—стрѣлу, и кончикъ этой стрѣлы для тяжести обмазываю дегтемъ. Я немало гордился, если мнѣ удавалось поразить изъ моего лука какого нибудь безпечнаго воробья и въ особенности, если въ дегтяной кончикъ стрѣлы была воткнута булавка. Я приходилъ въ восторгъ отъ геройства собаки съ кличкой «Лой» въ одномъ изъ романовъ, когда,—не помню ужь хорошо подробностей,—преслѣдуя контрабандистовъ въ тангахъ (песокъ, дюны) на морскомъ берегу въ Бретани или Нормандіи, герой романа, которому приходилось бѣжать среди густаго тумана, рискуя быть затопленнымъ приливомъ, кричалъ: «Смѣлѣе, Лой! смѣлѣе! Они наши! они наши»! Этотъ вѣрный песъ «Лой», спасавшій не разъ жизнь своему хозяину, казался мнѣ благороднѣйшимъ и храбрѣйшимъ существомъ въ мірѣ...

«Правда, вмѣстѣ съ сильно дѣйствовавшими на мою фантазію книгами, въ родѣ «Лѣснаго бродяги», Патфайндера въ романѣ Купера, «Вѣчнаго жида» въ романѣ Евгенія Сю, мнѣ приходилось читать и почти совсѣмъ уже нелѣпыя и безграмотныя книжонки, какъ напримѣръ, «Бова-королевичъ». Но до нѣкоторой степени насъ, дѣтей, интересовала и эта сказка, потому что недаромъ же я, вооружившись длиннымъ орѣховымъ копьемъ, въ качествѣ Бовы-королевича, какъ ураганъ, налеталъ на брата Виктора, который, смотря по обстоятельствамъ, также съ деревяннымъ мечемъ или копьемъ, отражая нападеніе, являлся то въ роли Полкана, то изображалъ собою Гвидона, Додона или Маркобруна. Онъ рыцарски защищалъ тогда честь какой нибудь воображаемой нами Милитрисы Кирбитьевны. Роль Милитрисы охотно брала на себя и игравшая съ нами сестра Анюта.

«Какъ много значилъ и значитъ для гармоническаго развитія всѣхъ духовныхъ силъ человѣка таинственный міръ чудеснаго! Не все же питать и развивать одинъ только умъ; должна же быть пища и для фантазіи! Теперь, съ лѣтами, давно уже и навсегда утрачена вѣра и въ русалокъ, и въ домовыхъ, и въ лѣшихъ. А, между тѣмъ, какъ интересовали меня разсказы няни Василисы и нашей дворни о томъ, какъ тому или другому изъ нихъ доводилось видѣть и даже разговаривать съ домовымъ, котораго они почему-то многозначительно называли «хозяиномъ». Замѣчательно, что «хо-

Digitized by Google

зяинъ» никогда не является такъ себѣ, ни съ того, ни съ сего, а появленіе его всегда предвѣщало какое нибудь важное событіе въ жизни человѣка.—«Къ худу или къ добру»?—съ замираніемъ сердца вопрошаетъ такого «хозяина», устроителя судебъ человѣка, какой нибудь Петруха или Демьянъ и прислушивается—не задрожитъ ли оконное стекло, не раздадутся ли въ сѣняхъ чьи нибудь шаги, не засвиститъ ли кто и не завоетъ ли въ трубѣ. «Къ худу»! — отвѣчаетъ «хозяинъ», а вѣрнѣе всего—вѣтеръ въ трубѣ. И почешетъ себѣ затылокъ Демьянъ послѣ такого отвѣта, загруститъ, а то выпьетъ водочки, — ободрится и поставитъ свѣчку Миколѣ-угоднику «гли всякаго случая». А если послѣ этого и случится съ нимъ или съ кѣмъ изъ близкихъ какое нибудь несчастіе, то и для самого Петрухи, и для его жены, и для Демьяна становится ясно, что вѣдь не напрасно же стучался къ нимъ «хозяинъ», — вѣдь онъ же ихъ предостерегалъ!..

«Отъ такихъ разсказовъ очевидцевъ, когда и сами слушатели не сомнѣваются въ правдивости ихъ, морозъ пробѣгаетъ по спинѣ, и я, совсѣмъ уже блѣдный, жадно вслушиваюсь и готовлюсь слушать еще болѣе ужасныя исторіи. Вѣдь стоитъ только наэлектризовать собесѣдниковъ, а послѣ этого разсказы объ «истинныхъ» происшествіяхъ и случаяхъ такъ и польются,—одинъ страшнѣе и интереснѣе другаго. А когда, наконецъ, я ложусь спать и слышу, какъ надъ потолкомъ или на чердакѣ бѣгаютъ, топаютъ и возятся какія-то существа (по всей вѣроятности, кошки или крысы),—сердце замираетъ отъ страха, и я думаю: а, можетъ быть, это стучитъ наверху «хозяинъ»! А что если онъ сейчасъ задушитъ меня?.. И я прячу голову подъ подушку. Утромъ или на разсвѣтѣ, проснувшись, я удивляюсь: да чего же это я такъ боялся ночью?

«Кромѣ стараго дома, своею таинственностью привлекали меня кладовая и «выходъ». Но попасть въ нихъ было не легко: для этого надо было прослѣдить, когда ключница Андревна пойдетъ туда по хозяйству. Выходъ намъ былъ извѣстенъ болѣе подъ названіемъ погреба. Такъ какъ этотъ погребъ, съ массивною дубовою дверью на лицевой сторонѣ, представлялъ собою довольно крутую земляную насыпь, на подобіе правильнаго горнаго хребта, то онъ же служилъ намъ и превосходнымъ мѣстамъ катанія на салазкахъ. У каждаго изъ насъ были свои санки и къ нашей катальной процессіи иногда присоединялись дворовые мальчишки и дѣвчонки на своихъ салазкахъ. Верхъ ловкости и искусства заключался въ томъ, чтобы въ концѣ путешествія съ погреба проѣхать между двумя старыми соснами, стоявшими въ трехъ-четырехъ саженяхъ отъ забора. Случались и столкновенія, и другія салазочныя катастрофы съ

Digitized by Google

разбитіемъ носовъ до крови, когда санки опрокидывались или задѣвали за дерево. Но кто же на это обращалъ тогда вниманіе? Вѣдь еслибъ ушибленный сталъ ревѣть отъ боли или отъ испуга,— то вызвалъ бы этимъ самымъ только смѣхъ и его прогнали бы съ погреба. Зато какъ любо и жутко было катиться съ горы: сердце стучитъ и замираетъ, а пушистыя снѣжинки на раскатахъ и изъподъ полозьевъ то и дѣло обдаютъ холодкомъ и бодрящею свѣжестью наши раскраснѣвшіяся лица... Хорошо было кататься и по пруду! Тогда въ деревнѣ о «конькахъ» еще не было и помину, и мы ловко, съ разбѣгу, скользили по прозрачному слою льда. А подо льдомъ стояли и плавали разныя полусонныя рыбы... Вотъ только бы сдѣлать прорубь, и намъ казалось, что можно было бы достать рукою уснувшую щуку. А вотъ во льду талое мѣстечко: идетъ паръ! Няня увѣряетъ насъ, что это подземные ключи. Можетъ быть, это и правда. Но какъ и отчего тамъ огонь подъ водою? Можетъ быть, тамъ живетъ какой волшебникъ?! И прудъ съ горячими ключами и камышами представлялся нашему воображенію населеннымъ какими-то особыми таинственными существами. Навѣрное въ этихъ камышахъ живутъ и зайцы,—да вотъ и слѣды ихъ по берегу, гдѣ еще уцѣлѣлъ снѣжокъ. А что же дѣлаютъ эти зайцы? Видятъ ли они насъ, дѣтей, и что́ про насъ думаютъ?

«Въ кладовой хранились старинныя люстры, канделябры, древнія рукописи, акты, относившіеся до нашихъ имѣній, и разные другіе предметы, свидѣтельствовавшіе о прежнемъ величіи дворянскаго рода Рокотовыхъ. Хотѣлось знать: какъ, зачѣмъ и почему? кто были и какъ жили мои предки? и почему, наконецъ, мы обѣднѣли? Но кто могъ на это отвѣтить? Съ отцомъ и матерью мы не рѣшались заговаривать: вѣдь они—«большіе», а мы—«дѣти». Намъ скажутъ: «много будете знать—скоро состаритесь»! Не могли ничего отвѣтить намъ и летучія мыши, скрывавшіяся въ полумракѣ кладовой, когда мы случайно спугивали ихъ... Здѣсь, между прочимъ, хранились и разложенныя на соломѣ яблоки, дули и бергамоты. И какой пріятный запахъ стоялъ въ кладовой! Когда же мы спускались въ устроенный близь кладовой выходъ по полусгнившей лѣсенкѣ, насъ сразу обдавало сыростью, холодомъ и затхлостью. На заплѣсневѣвшихъ столбахъ росли какіе-то осклизлые грибы, а въ глубинѣ подвала виднѣлась въ полутьмѣ таинственная дверь помѣщенія для льда. Изъ-подъ ногъ выскакивали лягушки... Ну, что еслибъ меня заперли здѣсь на ночь или на нѣсколько сутокъ? Ай, какъ холодно и страшно!

«Хотя наша обширная усадьба расположена на горахъ, но лягушекъ вездѣ было изобиліе. Послѣ заката солнца, по всему двору

Digitized by Google

прыгали жабы, лягушки или *лягвы*, какъ ихъ называли мальчишки, безжалостно убивавшіе ихъ камнями. «Лягвы» ютились и подъ нашимъ жилымъ домомъ. Иногда и въ зимнее время слышались робкіе, но гармоничные, на подобіе турлуканья, лягушечьи звуки въ залѣ подъ печкой... Тогда отецъ приказывалъ извлечь лягушекъ изъ ихъ зимней квартиры, въ которой онѣ просыпались отъ теплоты. Лакей надѣвалъ рукавицы, поднималъ доски около печки и выносилъ несчастныхъ лягушекъ въ мѣдномъ тазу на морозъ или же убивалъ ихъ чѣмъ попало. Бѣдныя лягушки!

VI.

«Съ нѣкоторыхъ поръ меня уже интересовали западавшія въ мое сознаніе мысли о превратности судебъ, которымъ подвергается въ своей жизни всякое существо, какъ бы оно ни было велико или ничтожно, а, слѣдовательно, и самъ царь вселенной—человѣкъ. Вотъ почему я находилъ большой смыслъ и въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ, которыя заставляла насъ учить наизустъ дѣвица изъ Смольнаго института, напримѣръ: «Un pauvre petit grillon» и «De sa tige détachée pauvre feuille desséchée». Въ незамысловатой исторіи кузнечика мнѣ нравились его разсужденія: «Ah! disait le grillon: comme son sort et le mien sont différents! Dame-nature pour lui fait tout et pour moi rien»... Но—превратность судьбы!—прибѣжали дѣти, увидали красиваго мотылька и изувѣчили его, тогда какъ роптавшій на свою судьбу кузнечикъ остался невредимымъ, только благодаря своей незамѣтности. А въ печальной и нѣсколько сантиментальной исторіи дубоваго листка мнѣ нравились строфы: «Où vas-tu»?—Je n'en sais rien. L'orage a brisé ma chêne... Не то ли же бываетъ и съ людьми? Какъ счастье и несчастье относительны въ ихъ пониманіи и оцѣнкѣ, и какъ они перемѣшаны на свѣтѣ?

«Итакъ, я много думалъ и размышлялъ. Не вѣрьте же послѣ этого тѣмъ, которые утверждаютъ, что дѣтскій умъ неспособенъ къ серьезнымъ разсужденіямъ и выводамъ!.. Въ одинъ счастливый для насъ день, находясь въ здравомъ, хотя и дѣтскомъ, умѣ и въ твердой памяти, мы ни больше, ни меньше, какъ *вошли на престолъ*... въ лѣто отъ Рождества Христова... но для читателей моихъ воспоминаній это все равно, когда бы ни случилось. Совершилось это замѣчательное въ моей жизни событіе такимъ образомъ. Ссылаясь на свое старшинство и силу, я объявилъ брату Виктору (конечно, не черезъ нотаріуса, потому что въ то время нотаріусовъ еще не было), что готовъ вступить на престолъ, но только не иначе, какъ въ качествѣ императора французскаго...

Digitized by Google

Викторъ, нахмуривъ брови и покрутивъ воображаемые усы, отнесся къ моему заявленію очень серьезно и сперва протестовалъ, добиваясь первенства, хотя бы даже и въ виду того обстоятельства, что мнѣ его никогда не догнать: до того онъ умѣетъ быстро бѣгать и увертываться! Но, наконецъ, Викторъ уступилъ, такъ какъ мое вступленіе на престолъ слѣдовало разсматривать, какъ un fait accompli, и объявилъ, что послѣ этого ему остается быть императоромъ австрійскимъ, а сестра Анюта—такъ и быть!—пусть будетъ королевой нидерландской!—Анюта не протестовала, но только жаловалась, что ее немножко обидѣли: пусть же присоединятъ къ ея владѣніямъ хоть крошечную Бельгію! Султаномъ Викторъ не согласился быть изъ патріотизма, ибо у насъ уже предвидѣлась крымская кампанія съ коалиціей народовъ противъ Россіи, а Германія тогда не была еще имперіей. На географическомъ атласѣ Дюфура главенствующая нынѣ Пруссія казалась намъ тогда прямо ничтожною землишкою. А что отыскиваютъ въ Пруссіи, у береговъ Балтійскаго моря, какіе-то янтари для ожерельевъ и чубуковъ,—изъ которыхъ у насъ курили въ засосъ «жуковъ табакъ»,—такъ вѣдь это еще не ахти какое богатство! Хваленые окорока?!.. Но мы о нихъ только читаемъ въ романахъ, а нашъ поваръ Андрюшка навѣрное съумѣетъ приготовить окорокъ не хуже вестфальскаго! Послѣ этого, за что же уважать Пруссію? Австрія же послѣ усмиренія венгерскаго мятежа,—хотя и съ помощью русскихъ штыковъ по волѣ императора Николая,—все таки казалась намъ внушительною имперіею. Именуясь императорами, мы, братья, дальше порѣшили заодно ужь подѣлить и весь земной шаръ. «Ужь если ты берешь себѣ Францію,—говорилъ мнѣ Викторъ,—то мнѣ нельзя не взять еще и Великобританію со всѣми ея колоніями. Иначе политическое равновѣсіе будетъ нарушено». Я согласился, и Великобританія съ Индіей отошла подъ протекторатъ Виктора. Но братъ Викторъ все таки очень неохотно сдѣлался австрійскимъ императоромъ. «Дрянь австрійцы»—говорилъ онъ убѣжденнымъ тономъ. И я вполнѣ соглашался съ тѣмъ, что австрійцы—дѣйствительно дрянь: не равнять же ихъ съ русскими! Сестру Анюту мы, конечно, обидѣли. Будетъ съ нея и того, что она останется королевой нидерландской. Пожалуй, можно будетъ прирѣзать къ ней и Бельгію и Данію, если ужь она очень будетъ роптать... Да вѣдь сестра при братьяхъ какая же наслѣдница? Этотъ удивительный, по своей несправедливости, принципъ десятаго тома россійскихъ законовъ, съ его указными для дочерей и вдовъ частями, оказался доступенъ нашему пониманію еще и въ дѣтскомъ возрастѣ... Остальныхъ сестеръ — Надю и Вѣру — мы оставили за флагомъ при раздѣлѣ

Digitized by Google

земнаго шара, такъ какъ, по своему малолѣтству, онѣ не могли участвовать въ нашихъ бояхъ. А сраженія были неизбѣжны... Вѣдь какіе же государи въ то время не воевали? Развѣ только мелкота: Швейцарія, да какое нибудь крошечное, рулеточное княжество Монако и республика Андора, въ которыхъ тогда было, какъ и теперь, по два съ половиной солдата. Подѣливъ земной шаръ, мы принялись за изученіе нашихъ владѣній. Вотъ почему мы и стали просиживать цѣлые дни за географическими картами, изучая, ради стратегическихъ соображеній, горы, рѣки, моря, заливы и порты. Мы также подсчитывали, сколько у кого и какихъ городовъ, означены ли они на картахъ Дюфура большими или малыми кружками, крупнымъ или мелкимъ шрифтомъ. Сообразивъ свои силы и наивѣтивъ планъ кампаніи, я изыскивалъ casus belli и посылалъ сыяишку ключницы Андреевны, Тимошку, съ ультиматумомъ къ императору австрійскому. Послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ,—ради только соблюденія дипломатическихъ приличій, — императоръ австрійскій охотно принималъ вызовъ и начиналась кампанія съ пушками, сдѣланными изъ бузинныхъ стволовъ. Королева нидерландская чаще всего держала вооруженный нейтралитетъ. Я бралъ подъ свое предводительство нѣсколько дворовыхъ мальчишекъ, а братъ Викторъ бралъ другихъ мальчишекъ, причемъ недостающій контингентъ солдатъ пополнялся иногда и дѣвочками. Всѣ войска,—каждое при своемъ знамени,—уже мобилизированы и вооружены деревянными мечами, луками съ колчанами стрѣлъ и копьями. И вотъ всѣ мы отправляемся для генеральнаго сраженія куда нибудь подальше отъ дома и отъ старшихъ. Иначе бы намъ не дозволили воевать. Но разъ навсегда было условлено, чтобы всѣмъ драться осторожно и другъ друга отнюдь не ушибить. Сперва въ укромномъ мѣстѣ, гдѣ нибудь на огородѣ или подъ горой, а иногда и въ саду, на скирдахъ или въ ближайшемъ лѣсочкѣ, начиналась перестрѣлка; затѣмъ атака и мы вступали въ рукопашную — больше фехтовали, скрещивая деревянныя шпаги. Иногда же били отбой, заключали перемиріе или же я и братъ Викторъ рѣшали участь войны поединкомъ и борьбой à la Давидъ и Голіафъ. Если побѣждалъ я, то императоръ австрійскій терялъ изъ своихъ списковъ нѣсколько городовъ и земель.

«Еще знаменитый политическій разбойникъ и воякъ въ роли императора, бывшій корсиканскій поручикъ Наполеонъ, говорилъ: «деньги—это нервъ войны». Такъ какъ и мы въ то время хорошо понимали, что для войны нужны «деньги, деньги и деньги», то пришлось выпустить въ обращеніе кредитные билеты и процентныя бумаги посредствомъ операціи иностранныхъ и внутрен-

Digitized by Google

нихъ займовъ по невысокому курсу. Намъ было очень нетрудно выпускать въ обращеніе бумажныя цѣнности, которыя иногда размѣнивались и реализовались въ видѣ соотвѣтствующаго ихъ номинальной и биржевой стоимости опредѣленнаго количества орѣховъ или яблокъ. Для этого за денежными знаками стоило только обратиться къ горничной Катѣ, которой служебныя обязанности при нашемъ дворѣ заключались въ томъ, что она клеила чуть не съ утра до вечера для моей матери и разныхъ приживалокъ папиросы, набивая ихъ американскимъ табакомъ «мариландомъ». А въ дѣлѣ снабженія насъ яблоками и орѣхами не послѣднюю роль играла ключница Андреевна. На оболочкахъ этого табаку были отпечатаны очень красивые кружочки съ клеймами и медалями,—кажется, «за трудолюбіе и искусство», — и мы вырѣзывали ихъ, пуская въ обращеніе, какъ нашу финансовую для войны наличность. Иногда же происходило на нашей биржѣ явленіе кредита, и для вспоможенія государственному казначейству, наряду съ табачными кружочками, мы выпускали изъ разноцвѣтной бумаги облигаціи въ 50, 100 и 1,000 рублей. Настоящихъ же денегъ,—кромѣ копѣекъ, большихъ пятаковъ и десятикопѣечниковъ съ разсчетомъ на ассигнаціи,—мы тогда почти не видали.

«Науки тогда еще не процвѣтали въ нашей, какъ и въ другихъ губерніяхъ. Говоря вообще, грамотныхъ людей изъ простонародья въ деревняхъ было очень мало. Въ существованіе домовыхъ, русалокъ и лѣшихъ вѣрили даже помѣщики, побывавшіе на службѣ въ юнкерахъ, въ канцеляріяхъ палатъ и дворянскихъ опекъ для полученія перваго чина, и уже нѣсколько вкусившіе отъ плодовъ просвѣщенія; вѣрило и само духовенство... Нашъ приходскій священникъ отецъ Прохоръ, еще не очень старый, искренно вѣрилъ въ вѣдьмъ и въ нечистую силу, причемъ ссылался даже на священное писаніе, въ которомъ нерѣдко упоминается о дьяволѣ и легіонахъ злыхъ духовъ. «Какъ передъ истиннымъ Господомъ,—говорилъ онъ моей матери на именинахъ, выпивъ наливочки и подсаживаясь къ пирогу:—намеднѝсь ѣду я шляхомъ [1]), сударыня, съ дьячкомъ, а она,—стало-быть, вѣдьма-то,—скинулась бѣлой собакой и бѣжитъ, и бѣжитъ... Ну, я не сробѣлъ: вынулъ крестъ и говорю: «съ нами крестная сила! да воскреснетъ Богъ! Сгинь, говорю, окаянная»! Ну, она тутъ и исчезла... А ужь мой дьячокъ ни живъ, ни мертвъ. Бываетъ, сударыня ты моя, всякое наважденіе отъ Вельзевула»...—Дьячекъ, также подвыпившій и обѣдавшій въ то время въ особой комнатѣ съ приживалками, къ сожалѣнію,

[1]) Большая скотопрогонная дорога.

Digitized by Google

не могъ подтвердить этого удивительнаго факта: его не спрашивали о приключеніи съ вѣдьмой, да и онъ ужь еле-еле владѣлъ языкомъ... Въ залу къ господамъ его, какъ гостя, не допускали: это было бы нарушеніемъ табели о рангахъ даже по отношенію къ священнику. Зато отецъ Прохоръ, всегда говорившій густымъ и, — какъ теперь выражаются наши писатели,—«сочнымъ басомъ», съ космами побѣлѣвшихъ волосъ, заплетенныхъ жиденькою косою, былъ прямо величественъ въ церковномъ облаченіи, когда, поминая на литургіи государя императора, для большей торжественности удваивалъ букву *р* и выговаривалъ: имперратора. Правда, наши дворовые иногда посмѣивались и разсказывали разные анекдоты: какъ отецъ Прохоръ, на пасху, подрался съ мужикомъ, а вотъ тогда-то, будучи не въ своемъ видѣ, онъ потерялъ крестъ, обходя дворы своихъ прихожанъ; но кто Богу не грѣшенъ, царю не виноватъ? Да и теперь еще бываетъ то же самое съ нашими клириками, а лѣтъ 30—40 тому назадъ все это было такъ обыкновенно! Разсказывали еще объ отцѣ Прохорѣ и болѣе курьезный фактъ, но, можетъ быть, все это и выдумка. Однажды, будто бы, при совершеніи крещенія, будучи по обыкновенію въ подпитіи, онъ обратился къ одной бабѣ съ вопросомъ: «Ну, кума, какъ мнѣ дѣвчонку-то назвать»?—Настасьей, батюшка! Настасьей!—Тогда, погружая новорожденную въ купель съ водой, отецъ Прохоръ черезчуръ уже весело и совсѣмъ некстати запѣлъ: «Ой, Настасья! ой Настасья! отворяй-ка ворота»!

«Помню, какъ я смѣялся надъ братомъ Викторомъ, когда, будучи уже гимназистомъ и пріѣхавъ домой на Рождество, онъ приподнесъ нашей попадьѣ, въ числѣ другихъ гостей, большую коробку превосходныхъ конфектъ, думая, что она возьметъ одну или двѣ конфетки. Попадья поблагодарила, сказала «mercі» и преспокойно завладѣла всею коробкою. Самъ Викторъ только покраснѣлъ и остался безъ угощенія, а мать улыбнулась...

«И кто только не употреблялъ тогда въ разговорѣ такихъ «французистыхъ» словъ, какъ *mercі* и *bonjour*, хотя французы и не были еще нашими друзьями.

«Если насчетъ наукъ, за исключеніемъ географіи, было у насъ плоховато, зато меня очень интересовали искусства — живопись и музыка. Я пробовалъ даже писать стихи и, когда мнѣ было лѣтъ 11 или 12, даже самъ сочинилъ стишки:

Въ лѣсочкѣ дикомъ росъ цвѣточекъ
Вблизи густыхъ елей.
Его поблекшій стебелечекъ
Говорилъ дождю: «полей»! и пр.

Digitized by Google

«Мать немало гордилась моими дарованіями и, когда пріѣзжали гости, приказывала мнѣ декламировать эти и другіе стихи, говоря: «Вотъ нашъ поэтъ»! Когда же началась севастопольская бойня и произошелъ нашъ крымскій debâcle, а разношерстная Австрія «удивила міръ своею неблагодарностью» — братъ Викторъ благородно сложилъ съ себя званіе австрійскаго императора, а я весь проникся патріотизмомъ и былъ все таки увѣренъ, что не насъ бьютъ и пощелкиваютъ, а, напротивъ, мы бьемъ враговъ и пощелкиваемъ враждебную намъ коалицію... Вѣдь недаромъ же тогда было напечатано въ газетѣ такъ нравившееся мнѣ стихотвореніе:

«Вотъ въ воинственномъ азартѣ
Воевода Пальмерстонъ
Поражаетъ Русь на картѣ
Указательнымъ перстомъ»...

«Вѣдь недаромъ же и другой поэтъ,—какъ говорили, будто бы самъ главнокомандующій кн. Горчаковъ, — изобразилъ такъ свое патріотическое настроеніе:

«Жизни тотъ одинъ достоинъ,
Кто на смерть всегда готовъ.
Православный русскій воинъ,
Не считая, бьетъ враговъ»...

«А мой отецъ, обложившись газетами и картами театра войны выходилъ изъ себя и жестоко ругалъ англичанъ.

«— Ну, будь я помоложе,—говорилъ онъ,—задалъ бы я этимъ мореплавателямъ трепку!

«Дань патріотизму заплатилъ и я, когда на моихъ глазахъ сушили сухари для ратниковъ и я самъ съ сестрами помогалъ матери и горничнымъ въ изготовленіи тюковъ корпіи для раненыхъ. Въ то горячее время, когда въ Крыму лилась рѣкою русская кровь и мошенничали интенданты,—въ домахъ помѣщиковъ были оставлены всякія вышиванія въ пяльцахъ и вязаніе кружевъ. Тогда и я написалъ стихотвореніе, посвященное императору Николаю и начинавшееся такъ:

«Лежитъ во гробѣ Николай,
Властитель полусвѣта...
А надъ гробомъ у него
Была надпись эта:
Благодарная Россія»... и т. д.

Digitized by Google

«Однако, мода, подражательность и обезьянство давали себя знать въ захолустьяхъ даже и въ эти грустныя для Россіи времена. Хотя мы носили тогда въ русскомъ вкусѣ «пальто-патріотикъ» со штрипкою назади на двухъ пуговицахъ, какъ у нынѣшнихъ офицеровъ, но въ то же время у насъ входили въ моду и длинные пальто-пальмерстоны съ перехватомъ въ таліи.

В. Волжинъ.

(*Окончаніе будетъ*).

Digitized by Google

Изъ пѣсенъ о звѣздахъ.

Въ лазурномъ ночномъ изумрудѣ
Волшебно сіяютъ міры.
Я мыслю: «Тамъ высшіе люди...
Природы щедрѣе дары...

Тамъ нѣтъ роковыхъ заблужденій,
Тамъ разумъ и правда живутъ...
Среди этихъ звѣздныхъ селеній,
За гробомъ, найду я пріютъ».

И грезы толпою воздушной
Въ далекій возносятся свѣтъ.
А звѣзды дрожатъ равнодушно,
Какъ будто смѣются въ отвѣтъ!

А. Мейснеръ.

Digitized by Google

РУССКОЕ ОБЩЕСТВО ВЪ ВАРШАВѢ.

I.

Со времени князя Паскевича, Варшава, какъ центръ западнаго края,—въ которомъ сосредоточивались главныя правительственныя установленія царства польскаго и который изъ резиденціи королей превратился въ мѣстопребываніе царскаго намѣстника, — вмѣстила въ своихъ стѣнахъ тѣхъ многочисленныхъ русскихъ переселенцевъ, которые и дали начатки будущему русскому обществу этого города.

Естественнымъ образомъ, первое ядро варшавскаго русскаго общества составили офиціальныя лица,—военные и чиновники,—заполнившія новыя должности или тѣ старыя, которыя признано было необходимымъ замѣстить исключительно людьми русскаго происхожденія.

Кругъ былъ сравнительно не великъ и, такъ называемаго, «общества» не составлялъ. Это былъ скорѣе тѣсный кружокъ піонеровъ власти въ тѣ тревожныя времена, когда русскимъ дамамъ на улицахъ Варшавы наносились враждебными поляками всяческія оскорбленія, когда русскому жителю небезопасно было гулять въ отдаленныхъ отъ центра улицахъ и вообще когда русское имя возбуждало всяческія непріязненныя демонстраціи со стороны варшавской публики. Такое положеніе вещей, съ малыми измѣненіями, продержалось и при слѣдующихъ намѣстникахъ—до графа Берга включительно. Лишь послѣ него, одновременно съ быстрымъ увеличеніемъ войскъ въ Привислинскомъ краѣ, пошло и усиленіе русскаго элемента, объединительнымъ центромъ котораго сдѣлалось русское собраніе, короче называемое «Русскимъ клубомъ».

Открытіе клуба разрѣшено было еще намѣстникомъ княземъ М. Д. Горчаковымъ, но по требованію этого сильно онѣмеченнаго начальника, — опасавшагося допустить въ названіи клуба слово: «русскій»,—онъ былъ окрещенъ «Варшавскимъ общественнымъ со-

Digitized by Google

браніемъ». Только уже впослѣдствіи онъ былъ офиціально названъ «Русскимъ собраніемъ».

Въ этомъ клубѣ рѣшено было, между прочимъ, открыть первую подписку на учрежденіе въ Варшавѣ русской гимназіи для дѣтей русскихъ жителей, обученіе которыхъ въ другихъ гимназіяхъ, среди польскихъ дѣтей, старательно и систематично вооружаемыхъ противъ всего русскаго, стало немыслимымъ или, по крайней мѣрѣ, весьма затруднительнымъ.

Даже съ основаніемъ этой гимназіи, русскимъ школьникамъ еще приходилось, при встрѣчѣ съ гимназистами-поляками, испытывать всевозможныя нападки и издѣвательства надъ «москалями», и вступать нерѣдко въ драку...

Русскій клубъ въ эти же отдаленныя времена, играя столь видную роль въ дѣлѣ объединенія русскаго общества подъ покровительствомъ начальниковъ края—находился въ расцвѣтѣ своего существованія. Здѣсь происходили блестящія собранія избранной интеллигентной публики, давались вечера и балы, посѣщаемые самыми видными представителями и представительницами русскаго круга—по большей части военнослужащаго. (Собранія эти и по сіе время полны военныхъ).

Однако, русское общество, находясь въ центрѣ польской знати и интеллигенціи, гордо смотрящей на пришлецовъ-чиновниковъ, само, подъ вліяніемъ этой отчужденности и враждебности гордыхъ элементовъ, ударилось скоро въ крайность, возмечтавъ и въ своей немногочисленной средѣ ввести расколъ и кастовыя различія. Образовалось, такъ называемое, «высшее» общество, состоящее изъ высшихъ чиновъ и изъ семействъ, имѣющихъ право считать себя аристократическими, какъ каждый генералъ или превосходительное лицо вообще. Это нѣсколько неестественное и даже комическое положеніе установилось, однако, со временемъ на совершенно серьезныхъ началахъ, передаваясь и будущимъ слоямъ, вновь прибывающимъ изъ Россіи на смѣну прежнихъ.

Ядро этого страннаго общества, пользующагося всевозможными правами и преимуществами по службѣ, чувствуя себя здѣсь прекрасно, пустило глубокіе корни въ обѣтованной землѣ десяти западныхъ губерній, устроило комфортабельно свои дома, выдавая дѣтей своихъ замужъ и переженившись на дочеряхъ такихъ же служащихъ. Съ теченіемъ времени, въ этомъ немногочисленномъ привиллегированномъ кругу образовались семейства—не то русскія, не то польскія, поклоняющіяся разнымъ богамъ и мнящія себя потомками великихъ завоевателей и доблестнаго рыцарства, покорившаго страну.

Digitized by Google

Другой кругъ «меньшей братіи», совершенно ополячиваясь и переженившись по большей части на мѣстныхъ уроженкахъ, составилъ плотную массу своеобразнаго чиновничества, *сидящаго на двухъ стульяхъ* и, въ концѣ концовъ, посвятившаго себя исключительнымъ заботамъ объ увеличеніи своего матеріальнаго благосостоянія, неисчерпаемымъ источникомъ котораго являлись указанныя особыя права и преимущества лицъ «русскаго происхожденія». Конечно, при этомъ, — какъ всегда бываетъ у насъ на Руси,— всѣми удобствами, предоставленными истиннымъ русскимъ людямъ, съ цѣлью руссификаціи края, наиболѣе воспользовались *не* русскіе, а тѣ иностранцы и пришлецы, которые подъ разными наименованіями пролѣзли въ якобы-русскую компанію, оставаясь въ душѣ тѣми же нѣмцами, жидами и армянами, какими и были прежде до своего преображенія.

Всѣ эти господа съ проворливостью, достойною всякаго удивленія, заняли лучшія мѣстечки, къ которымъ столь же удачно успѣли пристроить «родныхъ человѣчковъ», жируя и пользуясь жизнью, какъ подобаетъ самодовольнымъ паразитамъ, высасывающимъ чужіе соки.

На фонѣ этой картины, одинъ за другимъ, смѣнялись многочисленные начальники края, изъ которыхъ иные назначались съ тѣмъ лишь, чтобы, блеснувъ метеоромъ, столь же скоро исчезнуть... Ни одинъ изъ нихъ не успѣлъ, однако, придать описанной картинѣ того или другаго *особеннаго* колорита, смотря по своимъ субъективнымъ свойствамъ и убѣжденіямъ [1]).

II.

Такъ обстояло дѣло, пока не явился новый начальникъ края— генералъ Гурко, боевая репутація котораго была еще у всѣхъ свѣжа въ памяти и въ лицѣ котораго предсталъ *настоящій* полководецъ (какого до него не было), могущій доблестно управиться съ многочисленной военной силой нашей западной границы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, *русскій человѣкъ*, пришедшій на смѣну разнымъ Лидерсамъ, Сухозанетамъ, Ламбертамъ, Бергамъ, Коцебу, Альбединскимъ и пр.

Гурко сразу охватилъ своимъ взоромъ эту безотрадную мозаическую картину русскаго общества въ царствѣ польскомъ, которая открылась ему при первыхъ административныхъ шагахъ въ новой для него странѣ.

Армія не менѣе гражданскаго чиновничества тяготѣла уже къ

[1]) Нѣкоторые изъ нихъ, какъ напр., Паскевичъ, Горчаковъ и Альбединскій, даже совершенно ополячились.

Digitized by Google

мѣстному элементу, который, въ лицѣ своихъ красивыхъ увлекательныхъ паненокъ, всегда успѣвалъ вліять на русскаго Марса, сердце котораго отличается особенной впечатлительностью и пылкостью. Извѣстно, что уже во времена возстанія 1863 года это вліяніе на нашу армію было столь велико, что множество офицеровъ, подкупленныхъ симпатіями къ своимъ обворожительнымъ любовницамъ и, кромѣ того, подстрекаемые различными революціонными [1]) воззваніями, неохотно шли противъ «братьевъ» (!) своихъ поляковъ...

По свидѣтельству А. А. Сидорова, въ недавно изданномъ имъ въ Варшавѣ любопытномъ и вмѣстѣ съ тѣмъ поучительномъ трудѣ: «*Русскіе и русская жизнь въ Варшавѣ*» (1899 г. вып. II), увлеченіе польками въ нашемъ воинствѣ было такъ велико, что даже люди, стоявшіе на столь высокомъ посту, какъ генералъ-штабъ-докторъ арміи намѣстничества Четыркинъ (при Паскевичѣ) не задумался жениться на красавицѣ-служанкѣ изъ ресторана Ома, и всѣ рестораны вообще были очищены отъ прекрасныхъ сабиняночъ похитившими ихъ для своихъ бивачныхъ очаговъ русскими воинами всѣхъ оружій...

Г. Сидоровъ приводитъ слова автора статьи «Послѣдняя польская смута», помѣщенной въ «Русской Старинѣ», 1874 г., гдѣ впервые употреблено знаменательное слово: «ополяченные» въ отношеніи русскихъ, увлекшихся польской идеей: «Любовь къ родинѣ, чувство долга, самоотверженіе,—какъ показали послѣднія смуты,—не существуютъ для ополяченныхъ русскихъ. Дочери нашихъ генераловъ, воспитанницы Пулавскаго (Ново-Александрійскаго) института позорили имена своихъ добрыхъ, но слабыхъ родителей, поступая въ банды адъютантами «довудцовъ» (начальниковъ) и послѣ дѣлались ихъ наложницами; сынки же тратили и тратятъ силы, здоровье и разумъ съ «коханками». Польки, — преимущественно изъ мелкой шляхты и мѣщанства,—у ногъ которыхъ лежало большинство «великихъ» варшавскаго русскаго міра, охотно принимали это раболѣпство, иногда выходили за мужъ за русскихъ князей, графовъ и генераловъ и успѣвали дѣлать изъ своихъ мужей и любовниковъ—чистыхъ поляковъ, Классъ младшихъ офицеровъ и мелкихъ чиновниковъ опустошилъ кофейни, кондитерскія и трактиры, выбирая себѣ въ жены все, что́ было кокетливаго и смазливаго».

И теперь еще слова эти примѣнимы къ разнымъ представителямъ русской власти въ западныхъ губерніяхъ...

Немногіе изъ нихъ успѣли дать въ этихъ импровизированныхъ

[1]) А. И. Герценъ, сначала увлекавшійся поляками и обманутый ихъ мнимымъ демократизмомъ, впослѣдствіи рѣзко отчурался отъ нихъ.

Digitized by Google

сочетаніяхъ двухъ враждебныхъ лагерей перевѣсъ русскому началу, которое въ большинствѣ случаевъ отодвигалось на задній планъ, подъ давленіемъ настойчивой и мудрой политики польскихъ женъ и любовницъ, находящихся подъ постояннымъ и непосредственнымъ вліяніемъ католическихъ пастырей—*alias* ксендзовъ—по большей части повстанцевъ въ душѣ.

Ко времени назначенія генерала Гурко сказанное вліяніе въ смѣшанныхъ русскихъ семействахъ хотя и обнаруживалось, но уже не въ столь рѣзкой, какъ прежде, формѣ, когда, напр., купчихи Скворцовы демонстративно выказывали себя ярыми польками и католичками, посѣщая костелы и избѣгая православныхъ храмовъ; когда дочь русскаго генерала Пустовойтова поступила въ «адьютанты» къ повстанскому предводителю Лангевичу, а нѣсколько молодыхъ русскихъ варшавянъ, матери которыхъ были польки, приняли участіе въ мятежѣ; когда среди коренныхъ русскихъ нашлись измѣнники, въ родѣ заслуженнаго протоіерея Ѳеофила Новицкаго, передававшаго полякамъ разныя свѣдѣнія.

Такихъ примѣровъ множество—и теперь еще можно встрѣтить семейства съ чисто русскими фамиліями, представители которыхъ занимаютъ видныя мѣста въ администраціи и судѣ и въ которыхъ польскій языкъ давно вошелъ въ разговорное употребленіе...

Окинувъ глазомъ полководца эту нездоровую для русскаго духа мѣстность, генералъ Гурко, по суворовскому военному принципу: «натискъ и быстрота»,—принципу хорошему на полѣ сраженія, но не всегда удачному въ дѣлѣ управленія страной со старымъ историческимъ прошлымъ, со своими сословными и религіозными традиціями, — приступилъ къ безпощадной ломкѣ дурно сросшихся частей, желая при этой рѣшительной операціи выпрямить все, по его мнѣнію, кривое и плохо растущее, вычистить загнѣздившіеся въ организмѣ вредные микробы и освободить его отъ туберкулёзныхъ гнѣздъ.

Съ рѣдкой неутомимостью и энергіей, не дававшей ему времени прислушиваться къ критическимъ голосамъ знатоковъ и крикамъ ярости закордонной польской печати, преслѣдовалъ онъ намѣченную цѣль, въ которой недальновидные враги его усмотрѣли единственное желаніе администратора руссифицировать во что бы то ни стало иноплеменное населеніе, тогда какъ болѣе глубокою цѣлью его было—*заставить уважать русскоѣ правительство и русское имя* и не допустить русскихъ людей до ополяченія, успѣшно проводимаго при вышеописанной обстановкѣ мѣстными «патріотами». Нельзя, поэтому, не пожалѣть даромъ потраченныхъ на русское дѣло, усилій дальновиднаго, но не всегда умѣлаго человѣка, воен-

Digitized by Google

ныя замашки котораго, лишенныя административной дипломатичности,—единственно успѣшной для противоборства врагу, ведущему партизанскій образъ дѣйствій, были слишкомъ рѣзки, часто несправедливы, выставляя силу передъ правомъ, придавая мученическій ореолъ «угнетеннымъ»,—а потому и не оправдали тѣхъ надеждъ, которыя возлагались на нихъ истинно-русскими людьми.

III.

Съ уходомъ фельдмаршала, возстановились и подавленныя было стремленія поляковъ, торжествовавшихъ отозваніе ненавистнаго генералъ-губернатора, какъ побѣду надъ врагомъ. Генералъ Гурко, преслѣдуя свои цѣли и стремясь всюду,—гдѣ это было нужно и возможно, — возвысить падавшій престижъ русской власти, какъ военный по спеціальности, необыкновенно возвеличилъ военный классъ въ западныхъ губерніяхъ въ ущербъ другимъ классамъ, придавъ офицерскому корпусу такое значеніе, какого онъ раньше никогда не имѣлъ даже въ военное время. Это была крупная его ошибка, послужившая во многихъ случаяхъ къ порицанію дѣйствій главнокомандующаго, такъ какъ масса юнаго офицерства, мало или совсѣмъ не усвоившая политическихъ видовъ своего руководителя и увлекаясь своимъ привилегированнымъ положеніемъ, при горячихъ порывахъ необузданной молодой природы, не всегда оказывалась на высотѣ своего призванія, являя нерѣдко примѣры высшей безтактности и неуваженія къ общественному порядку, заставляя потомъ несправедливо защищать себя и подавая этимъ поводъ къ ропоту населенія противъ всего остальнаго, ни въ чемъ неповиннаго, русскаго общества.

Кульминаціоннымъ пунктомъ этой нравственной распущенности—было знаменитое дѣло корнета л.-гв. гродненскаго гусарскаго полка Бартенева, ни съ того, ни съ сего, при самой фантастической обстановкѣ, убившаго одну изъ популярнѣйшихъ варшавскихъ актрисъ—Висновскую.

Офицерская самоувѣренность, насажденная такимъ покровительственнымъ отношеніемъ военачальника и администратора къ своимъ подчиненнымъ, имѣла и долгое время спустя свои послѣдствія, оказывающіяся и по сіе время, начиная съ разнаго рода, мало оправдываемыхъ, задирательствъ военной молодежи въ кондитерскихъ и на улицахъ съ польской публикой, причемъ шашка, подъ пресловутымъ предлогомъ защиты военной чести, неоднократно обнажалась, обрѣзая уши или нанося увѣчья безоружнымъ гражданамъ, не не возвращая,—не смотря на такое «мирное» кровопролитіе,

Digitized by Google

напоминающее обыкновенную драку, утраченной, якобы, чести,—и кончая убійствами начальниковъ и несогласіями съ военной честью дѣйствіями во время игры. Еще всѣмъ памятно столкновеніе офицера гвардіи съ мѣстнымъ инженеромъ Н., которому, въ пылу раздраженія, увлекшимся военнымъ былъ нанесенъ ударъ шашкой по головѣ, результатомъ чего была потеря инженеромъ Н. одного уха. За одно изъ такихъ неблаговидныхъ дѣйствій горько поплатился недавно одинъ ротмистръ, авторъ подвергшагося въ свое время безпощадной критикѣ романа, написаннаго на тему дѣла Вартенева. Къ чести нынѣшняго управленія краемъ слѣдуетъ признать, что сказанная распущенность въ значительной степени укрощена мудрыми и послѣдовательными дѣйствіями, гораздо болѣе достигающими цѣли и вселяющими больше уваженія къ русскому имени, чѣмъ вышеприведенная юнкерская система.

Какъ бы то ни было, но послѣдняя сильно отразилась на всемъ русскомъ обществѣ въ Варшавѣ, и бальныя залы «Русскаго клуба» вскорѣ превратились въ тріумфальныя мѣста чествованія исключительно военныхъ представителей всѣхъ мундировъ. Варшавскія дамы русскаго круга, наперерывъ одна передъ другой, не перестаютъ, по давно уже установившейся традиціи, выказывать свои особенныя симпатіи людямъ меча (что было отмѣчено еще Грибоѣдовымъ), выдѣляя ихъ изъ группы всѣхъ остальныхъ кавалеровъ. Поклоненіе это вскорѣ перешло въ какое-то *тихое обожаніе*, придающее нерѣдко смѣшной видъ общественнымъ отношеніямъ...

Варшавскія барышни только и мечтаютъ теперь о томъ, какъ бы непремѣнно выйти замужъ за офицера, часто пренебрегая прекрасными «партіями» съ людьми достойными, но не носящими краснваго мундира и не ѣздящими верхомъ. «Мундирные браки» часто бываютъ здѣсь столь же пусты по содержанію, какъ пусты желанія этихъ дѣвицъ, представляющихъ себѣ жизнь въ видѣ вереницы баловъ, танцовальныхъ вечеровъ, визитовъ, пикниковъ, парадовъ и *concours hippiques*. Подъ руку съ носителемъ мундира онѣ забываютъ, что для того, чтобы поддерживать блескъ этого мундира, при скудномъ жалованіи и большихъ апетитахъ, съ одной стороны развивается показное стремленіе жить не по карману,—что оканчивается въ большинствѣ случаевъ весьма плачевно,—а съ другой проявляется погоня за богатыми или, по крайней мѣрѣ, вліятельными мѣстами. Въ результатѣ, русскихъ браковъ въ Варшавѣ заключается весьма мало, а число прекрасныхъ невѣстъ-безприданницъ растетъ съ каждымъ годомъ crescendo.

Та же самая погоня за блестками произвела свой расколъ и въ военномъ лагерѣ. Дѣло въ томъ, что за прошлое царствованіе на-

Digitized by Google

несенъ былъ смертельный ударъ щеголеватымъ вкусамъ нашей военной молодежи, съ введеніемъ скромныхъ мундировъ, особенно пѣхотныхъ и артиллерійскихъ частей. Осталось одно воспоминаніе о разноцвѣтныхъ лацканахъ, генеральскихъ лампасахъ, воинственныхъ шлемахъ съ грандіозно развѣвающимися на нихъ султанами и пр. Все это кануло въ исторію и возрождается теперь лишь на каруселяхъ, въ видѣ костюмированныхъ увеселеній.

Немудрено поэтому, что спросъ со стороны богатыхъ невѣстъ на оставшіеся блестящіе мундиры сильно увеличился. Съ завистью глядятъ русскія дѣвицы на богатыхъ откормленныхъ московскихъ купчихъ и купеческихъ дочекъ, мчащихся по Новому Свѣту на дорогихъ рысакахъ, рядомъ съ мужьями въ пестрыхъ мундирахъ. Мужья эти, правда, украдкой все поглядываютъ на пѣшихъ «паненокъ», предпочитая ихъ своимъ дебелымъ супругамъ, какъ предпочитаютъ изящный букетъ полевыхъ цвѣтовъ объемистой корзинѣ съ провизіей. Но тѣмъ не менѣе—«голодъ не тетка». Блестящіе мундиры эти сохранились во всей своей исторической чистотѣ только въ двухъ гвардейскихъ кавалерійскихъ полкахъ, давно стоящихъ въ Варшавѣ.

И вотъ спросъ на эти мундиры выдвинулъ счастливыхъ ихъ обладателей на первый планъ, образовавъ изъ нихъ своего рода «военно-кавалерійскую аристократію», смотрящую презрительно и свысока на остальныя военныя части. Все въ Варшавѣ теперь гоняется за блестящими мундирами: дамы издали улыбаются имъ, начальство заискиваетъ для своихъ дочерей и салоновъ, и даже товарищи по оружію, не такъ красиво одѣтые, при встрѣчѣ спѣшатъ предупредительно козырять первые, не смотря на равенство чиновъ.

Развилось непомѣрное,—вошедшее даже въ мѣстные обычаи,—стремленіе *втирать другъ другу очки* своимъ богатствомъ, значеніемъ, связями и проч., стремленіе до того антипатичное, что имъ сразу поражается всякій пріѣзжій изъ внутреннихъ нашихъ губерній. Впечатлѣніе получается тѣмъ смѣшнѣе, что весь этотъ фальшивый шикъ обыкновенно скрываетъ весьма убогое закулисное содержаніе, являясь въ глазахъ истинно богатыхъ москвичей и петербуржцевъ одной «аршавской» мишурой...

Какъ только у какого нибудь мишурнаго джентльмена заведется рубль въ карманѣ (а часто случается, что, при самомъ блестящемъ внѣшнемъ видѣ, содержаніе кармана далеко не блестящее), онъ тотчасъ садится на «парнаго» извощика [1]) (все равно что лихачъ)

[1]) Въ Варшавѣ существуетъ два рода извощиковъ — въ одну и въ двѣ лошади: послѣдніе, хотя и жалкаго вида, считаются здѣсь лихачами и берутся на расхватъ.

Digitized by Google

и катить себѣ на резинахъ взадъ и впередъ по главной улицѣ города—по Новому Свѣту.

Это настроеніе русскаго населенія въ Варшавѣ характерно отѣняетъ его отъ всего остальнаго русскаго общества.

«Русское собраніе» въ послѣднее время стало сборнымъ пунктомъ только «лучшей» публики, имѣющей средства на поддержаніе своего ранга изготовленіемъ *приличныхъ* костюмовъ...

Болѣе скромный составъ, въ болѣе скромныхъ костюмахъ, пріютился въ другомъ клубѣ. Лѣтъ 12 тому назадъ, въ Варшавѣ было учреждено «Общество любителей драматическаго искусства», въ которомъ любители давали представленія, а любительскій оркестръ исполнялъ музыкальные нумера. Дѣло шло сперва на скудныя средства весьма медленно; но. при постоянно развивавшейся энергіи членовъ и увеличивающемся ихъ числѣ, новый клубъ сталъ обращать на себя всеобщее вниманіе. Генералъ Гурко, поддерживавшій всякое русское начинаніе въ Западномъ краѣ, явился и здѣсь могущественнымъ покровителемъ молодыхъ русскихъ силъ, о которыхъ стали вскорѣ упоминать и столичныя газеты. Талантливые исполнители и исполнительницы ролей привлекали въ стѣны клуба все бо̀льшее число посѣтителей и новый кружокъ развился бы окончательно и успѣшно, еслибы не одно обстоятельство, которое приговорило его къ прозябанію и вырожденію.

Не смотря на всѣ усилія и поддержку начальника края, публика, пріютившаяся въ этомъ молодомъ клубѣ со скромными требованіями, въ видѣ протеста противъ разорительныхъ и барскихъ замашекъ русскаго собранія, довела свои требованія до столь минимальныхъ размѣровъ, что даже наиболѣе расположенныя къ ней лица не могли иногда не возмутиться истинно американской свободой нравовъ, царящихъ въ этомъ «*кружкѣ*», какъ его вскорѣ стали обозначать нарицательно для краткости. Дѣло кончилось тѣмъ, что уже при генералѣ Гурко многіе представители лучшаго русскаго общества стѣснялись ходить въ «кружокъ» сами, а особенно возить туда своихъ женъ и дочерей, ограничивая свои посѣщенія крайними только случаями, и то въ видахъ политико-національныхъ. Такъ, напримѣръ, тамъ поставлены были оперы Глинки, игрались произведенія Островскаго, пѣлись русскія пѣсни. Но съ уходомъ генерала Гурко, и эта искусственная связь съ «аристократіей» бюрократизма и гвардейской сабли порвалась и кружокъ остался при своемъ особомъ «кружковскомъ» обществѣ, сдѣлавшемся синонимомъ mauvais genre'a самаго несимпатичнаго свойства. Однако, обладая большой дозой смѣлости и равнодушія, а также не безъ затаеннаго самомнѣнія и враждебности къ «бѣло-

Digitized by Google

ручкамъ»—*кружковскіе* представители, пользуясь свободой доступа въ историческія нынѣ холодныя залы Русскаго собранія, наводнили и ихъ собою, мало стѣсняясь ропотомъ неодобренія, поднявшимся со стороны русскаго corps d'élite. На блестящихъ безспорно балахъ клуба въ декабрѣ, составляющихъ для русскаго общества въ Варшавѣ кульминаціонную точку зимняго сезона,—наряду съ расфранченными дамами изъ «общества», одна передъ другой щеголяющими новинками послѣдней парижской моды, фамильными драгоцѣнностями и изысканными манерами, дѣлали свое непрошенное entrée «кружковскія» дамы, въ допотопныхъ, иногда шерстяныхъ, подъ самую шею, домашнихъ платьяхъ, въ которыхъ бѣдность убранства, проглядывавшая слишкомъ безцеремонно, соперничала съ верхомъ безвкусицы и игнорировала обыкновенныя туалетныя требованія.

Ближайшимъ слѣдствіемъ такого нашествія было опустѣніе залъ Русскаго собранія, оставшихся пріютомъ бездомныхъ холостяковъ и записныхъ игроковъ, подстерегающихъ здѣсь за зеленымъ столикомъ партнеровъ—сослуживцевъ или подчиненныхъ, легко проигрывающихъ свои деньги за мудренымъ винтомъ, ставшимъ для многихъ единственною цѣлью жизни. Кавалеры, явившіеся за дамами въ это собраніе, послужили не менѣе ихъ пугалами лучшаго общества. Они, не стѣсняясь обычаями savoir vivre'a, стали являться въ черныхъ сюртукахъ и панталонахъ при бѣлыхъ галстукахъ и такихъ же перчаткахъ тамъ, гдѣ слѣдовало бы надѣвать безукоризненный фракъ, дѣлая послѣднее лишь тогда, *когда*, въ предупрежденіе нарушенія приличія, афиши собранія категорически оговаривали «форму» штатскихъ, подобно приказу по войскамъ. Съ этихъ поръ, подобно дамамъ, многіе «блестящіе» кавалеры тоже исчезли изъ клуба.

IV.

Какъ повсюду, такъ и въ Варшавѣ главный тонъ всему обществу придаютъ женщины.

Дамское общество представляетъ свои особенности въ томъ отношеніи, что оно еще больше мужскаго проявляетъ характерныя черты русскихъ варшавянъ—легкомысліе и неудержимое стремленіе возбуждать въ другихъ зависть. Присутствуя на публичномъ балу, при видѣ мишурныхъ кавалеровъ,—небрежно развалившихся на креслахъ въ гостинныхъ, на виду у этихъ дамъ, или пьющихъ шампанское, такъ чтобы это было въ глаза,—можно подумать, что судьбы всего міра находятся въ рукахъ этихъ высокомѣрно

Digitized by Google

глядящихъ и самоувѣренныхъ людей. Многія прекрасныя представительницы quasi-фешенебельнаго общества, полагающаго совсѣмъ серьезно, что блескъ имени придается высокимъ чиномъ или мундиромъ, имѣютъ совершенно превратное понятіе о чести и не стѣсняются для достиженія своихъ цѣлей, протекціоннаго или финансоваго свойства, усердно продѣлывать всѣ фокусы самаго скандальнаго кокетства съ сильными міра сего и плясать вокругъ нихъ «комаринскую», свидѣтельствующую о полномъ нежеланіи стѣсняться въ средствахъ для достиженія цѣли...

Случаются также публично афишируемыя ménages à trois, въ которыхъ это «третье лицо» играетъ, между прочимъ, роль кассира и кредитора.

Въ настоящее время это дамское соперничество проявилось въ Варшавѣ самымъ сильнымъ и—можно добавить—наглымъ образомъ. Указываютъ то на ту, то на другую даму, власть имѣющую, которая, не стѣсняясь, сама всюду разсказываетъ о своемъ «успѣхѣ» у такого-то, а мужья ихъ,—своего рода рыцари печальнаго образа,—закрываютъ глаза на скандальный флиртъ жены, пользуясь благами и властью, пріобрѣтаемыми этимъ флиртомъ, катаясь въ коляскахъ съ модными высокими кузовами и вознаграждая себя содержаніемъ буфетчицъ, актрисъ и лавочницъ.

Нерѣдко случается встрѣчать на улицахъ Варшавы такую картину: въ элегантной коляскѣ, во всеобщее свѣдѣніе и на удивленіе зѣвакъ, покоится семейство, состоящее изъ «общественной» дамы, рядомъ съ которой утопаетъ въ подушкахъ экипажа «третье лицо». Насупротивъ его сидятъ миленькія дѣтки, личики которыхъ ясно свидѣтельствуютъ объ отсутствіи сходства съ законнымъ папашей. Сей же послѣдній, нѣсколько минутъ спустя, одиноко мчится на пролеткѣ, возвращаясь изъ мелкой лавчонки, гдѣ любезно бесѣдовалъ съ «панной» собственнаго содержанія... Или идетъ престарѣлый воинъ-покровитель, имѣя одесную миловидную блондинку съ плутовскими глазёнками, а рядомъ съ нею — армейскаго джентльмена, выступающаго въ роли кандидата на супруга «барышни». И все это происходитъ предъ лицомъ народа, на открытомъ воздухѣ...

Въ общемъ получается довольно безотрадная для русскихъ жителей картина всеобщей погони за протекціей, несправедливой раздачи мѣстъ, вліянія женщинъ на дѣла, распущенности военнаго и чиновнаго класса [1]), предающагося азартной игрѣ, разоряющей въ

[1]) Еще недавно такіе господа, сидя въ крытомъ возу для перевозки мебели, при звукахъ запертой вмѣстѣ съ ними музыки катались по городу за веселымъ ужиномъ.

Digitized by Google

конецъ молодежь, спѣшащую сколотить капиталы перетаскиваньемъ ихъ, при помощи картъ, изъ чужихъ кармановъ, и вообще—неестественной общественной жизни, текущей вяло и уныло на фонѣ сѣрой скуки и апатіи большинства...

Русская драматическая труппа, пріѣзжающая гастролировать изъ Москвы или Петербурга во время великаго поста—тоже одна изъ попытокъ генералъ Гурко объединить общество — успѣваетъ лишь на время представленій собрать въ театръ русскую публику, посѣщающую, правда, усердно русскія представленія, но затѣмъ столь же усердно отправляющуюся смотрѣть игру мѣстныхъ артистовъ, волушиваясь и восхищаясь польскимъ искусствомъ, которому нерѣдко даже отдаютъ предпочтеніе передъ русскимъ.

Въ заключеніе можно по совѣсти сказать, что русскому обществу въ Варшавѣ дороги лишь настолько русскіе интересы насколько они занимаютъ начальство. Второе отечество этихъ лицъ—составляетъ канцелярія или казарма, а національность не носитъ никакихъ характерныхъ чертъ...

Что̀ касается умственной жизни, то и она находится подъ сильнымъ давленіемъ мѣстной прессы, отличающейся недоброжелательствомъ ко всему русскому. Между тѣмъ, интересуясь политическими событіями и получая слишкомъ поздно телеграммы вмѣстѣ съ русскими газетами и журналами, русскіе жители принуждены выписывать мѣстныя газеты, отличающіяся по большей части безсодержательностью или исключительно поглощенныя польскими интересами въ Познани и Краковѣ, т. е. такими, которые мало занимаютъ русскаго читателя. Особенною безсодержательностью, въ этомъ отношеніи, отличается «Варшавскій Курьеръ», считающійся здѣсь лучшимъ листкомъ потому лишь, что издается два раза въ день, утромъ и вечеромъ. Что̀ касается русскихъ изданій, то многія изъ нихъ до того переполнены за послѣднее время переводами всякихъ признанныхъ и непризнанныхъ талантовъ польской литературы, что въ крайнемъ случаѣ русскимъ, знающимъ польскій языкъ, удобнѣе читать ихъ въ оригиналѣ. Единственная политическая газета, издаваемая въ царствѣ польскомъ на русскомъ языкѣ—офиціальный «Варшавскій Дневникъ», до сихъ поръ далъ слишкомъ мало духовной пищи своимъ не менѣе офиціальнымъ читателямъ, являясь въ сильной степени продуктомъ однѣхъ чиновничьихъ тенденцій. Всѣ хорошо это знаютъ и потому мало читаютъ его. Отражая на себѣ временные взгляды начальства, этотъ органъ во времена генерала Гурко отличался крайней нетерпимостью въ отношеніи мѣстнаго населенія, а въ настоящее время дошелъ до такой приниженности въ обратномъ порядкѣ,— что отка-

Digitized by Google

зался даже, по *мѣстнымъ обстоятельствамъ*, напечатать статьи о Суворовѣ, написанныя ко дню его юбилея, изъ которыхъ одна была затѣмъ помѣщена въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». И все это, чтобы «гусей не раздразнить»... Поэтому на расхватъ читаютъ «Новое Время», нумера котораго обыкновенно всѣ бываютъ разобраны до часу дня. Изъ здѣшнихъ русскихъ публицистовъ уже давно обратилъ на себя вниманіе талантливый собиратель историческихъ матеріаловъ и авторъ многихъ монографій по предмету русско-польскихъ отношеній А. А. Сидоровъ, которому, однако, за послѣднее время сильно связали руки, опасаясь его безпристрастнаго, но всегда вѣрнаго сужденія о мѣстныхъ дѣлахъ и лишая тѣмъ русскую литературу цѣннаго вклада. Принужденное нынѣ скрываться подъ разными псевдонимами, перо его уже не дышетъ тою свободой, которой отличается писатель совершенно независимый отъ наставленій и руководства административныхъ властей, работающихъ больше для себя, чѣмъ для идеи.

Странная по истинѣ судьба смѣшаннаго русскаго населенія Варшавы, у которой на гербѣ торжественно машетъ мечемъ красавица-сирена въ декольтѣ! Сирена сперва завлекаетъ добродушнаго путешественника или поселенца, а затѣмъ уничтожаетъ въ немъ всѣ его русскія особенности своимъ неотразимымъ оружіемъ...

Влад. Бѣлинскій.

Digitized by Google

НА НОВОЙ КВАРТИРѢ.

(Изъ записокъ новобрачнаго [1]).

Разсказъ.

I.

Вернулись мы изъ деревни въ самую невыносимую жару. Раскаленный петербургскій воздухъ ничѣмъ не отличался отъ атмосферы теплицъ, а мы напоминали собой «викторію регію». Сѣверный житель въ роли тропическаго растенія — великолѣпно, нечего сказать! Все это, конечно, отражалось на супружескихъ отношеніяхъ такихъ младоженовъ, какъ мы съ Вики.

Я крѣпился, впрочемъ, и не позволялъ расходиться нервамъ, но моя англичанка поминутно жаловалась на судьбу. Медовый мѣсяцъ,—чудный honey-moon,—казался чѣмъ-то несбыточнымъ и давно промелькнувшимъ, какъ ослѣпительный миражъ.

Недавнія вспышки у домашняго очага представлялись упоительно-прекраснымъ развлеченіемъ и даже свадебная поѣздка на югъ къ дѣдушкѣ-садоводу,—полная разныхъ злоключеній,—уже не пугала роковымъ стеченіемъ обстоятельствъ, а, напротивъ, наводила на пріятныя мысли о свѣтлыхъ дняхъ зеленой юности... Что дѣлать! Человѣку, видно, суждено наблюдать за явленіями текущей жизни въ несовсѣмъ вѣрное стекло и не замѣчать въ прошломъ яркихъ слѣдовъ обидъ, неудачъ и разочарованій.

---

[1]) Этотъ разсказъ можетъ служить продолженіемъ этюда: «Летучая мышь», напечатаннаго въ № 6 нашего журнала за текущій годъ.

Digitized by Google

Я ударился, однако, въ философію: тридцатиградусная жара, очевидно, располагаетъ къ разглагольствованію. Пользуясь минуткой свободы, Вики уснула, измученная духотой и треволненіями дня. Вѣрный обычаю, я продолжаю свои прерванныя матримоніальныя записки.

Вы, счастливые и несчастные мужья, уроните когда нибудь съ высоты своего супружескаго ложа внимательный или бѣглый взглядъ на эти строки, можетъ быть, небрежно набросанныя, но полныя самыхъ неизмѣнно-искреннихъ и непосредственныхъ впечатлѣній! Какъ знать,—не послужатъ ли онѣ и для васъ ключемъ къ разгадкѣ вашихъ взаимныхъ споровъ и несогласій?..

II.

Я былъ правъ, убѣждая Вики вернуться въ Петербургъ. Въ нашей новой квартирѣ окончился ремонтъ, и осталось только перебраться въ нее, т. е. перевезти кое-что изъ мебели, поставленной въ «кокоревскій складъ», кое-что изъ нашей старой квартиры, прикупить недостающее и затѣмъ убрать нашу резиденцію согласно правиламъ того искусства жить, которое называется «english style».

Пріободренный воздухомъ Малороссіи, я чувствовалъ въ себѣ особый приливъ свѣжести и энергіи, и неутомимо порхалъ изъ артели въ артель, договаривая перевозчиковъ. Вики непремѣнно желала видѣть ихъ умытыми и въ чистыхъ передникахъ, утверждая на мои возраженія, что такъ всегда дѣлается въ Лондонѣ («it is quite english, you Know»), и, въ видѣ поощренія, обѣщала передъ началомъ перевозки угостить ихъ маленькой закуской. Послѣ довольно высокой платы, которую они заломили за эту заказанную имъ «чистоту», мы, наконецъ, сошлись на половинной цѣнѣ и условились о времени переѣзда.

Признаюсь, я немного побаивался за результаты обѣщаннаго завтрака, такъ какъ, съ одной стороны, не разсчитывалъ, чтобы предложенная носильщикамъ «виски» (я вѣдь знаю жену!) могла замѣнить «очищенную», а съ другой—съ сомнѣніемъ относился къ полезности подобнаго рода угощеній. Но развѣ можно переспорить Вики?..

Digitized by Google

На другой день, ровно за часъ до условленнаго срока, уже толпились въ нашей меблированной квартирѣ четыре носильщика, два извощика и одинъ укладчикъ. Осклабившись и нерѣшительно посматривая на столъ съ яствами, они переминались съ ноги на ногу и не рѣшались перешагнуть черезъ порогъ. Вики, недовольная ихъ черезчуръ раннимъ визитомъ (тоже вѣдь неаккуратность!) предварительно сдѣлала имъ настоящій военный смотръ, но ни къ чему не могла придраться: передники и рубашки сверкали поразительной чистотой, точно въ свѣтлое Христово воскресенье.

— Что жь дѣлать, что не во-время?.. Ну, приступайте къ закускѣ, пейте и насыщайтесь,—ласково приглашала она мужиковъ, плохо понимавшихъ причину такого праздника.

— Много благодарны, барыня, и поздравляемъ,—въ одинъ голосъ отвѣчали они.

Кто посмѣлѣй, — вышелъ первый, потряхивая кудрями и разглаживая бороду. Нельзя сказать, чтобы запахъ русской кожи пріятно щекоталъ мое обоняніе; но Вики показала удивительную стойкость духа.

Я напрасно опасался и за «виски».

Въ сосредоточенномъ молчаньѣ мужики быстро опустошили бутылку и, не осмѣливаясь присѣсть, не смотря на увѣщанія моей благовѣрной, скорехонько порѣшили двѣнадцатифунтовый окорокъ ветчины, безъ помощи ножей и вилокъ, хотя они и были положены тутъ же.

Я наблюдалъ издали за этимъ кормленіемъ, дѣлая разные выводы насчетъ «некультурности» нашего рабочаго люда.

Вики же, какъ ни въ чемъ не бывало, читала только что вышедшій новый нумеръ Strand'a, изрѣдка понюхивая трубочку съ японской мятой. Желая немножко посердить жонку, я открылъ субботнее приложеніе къ «Новому Времени» и показалъ портретъ Оливье, постоянно окружаемаго англичанами, но при этомъ обязательно наносящаго имъ пораженія.

— A stick in the mud. Ты знакомъ съ этой поговоркой? Настоящая... Ну, этого нельзя сказать по-русски... Словомъ, палка въ грязи...

Думая, что обидная поговорка относится во всякомъ случаѣ не ко мнѣ, я отошелъ въ сторону, собираясь уложить кое-какія вещи.

Digitized by Google

— Оставь,— оставь... Боже, какіе эти русскіе!.. Ты вѣдь нанялъ укладчика... Бери примѣръ съ меня.

Пошатываясь отъ «виски», наугощавшіеся артельщики, спрятавъ въ карманы всѣ лежавшія корки хлѣба, лѣниво принялись за работу.

Манипуляціи съ хлѣбными корками не ускользнули отъ вниманія Вики и она презрительно процѣдила сквозь зубы:

— Jour eyes are bigger than your stomach.

— Какъ у Алеши Поповича, «глаза завидущіе, руки загребущія»,—отвѣчалъ я ей въ тонъ. Желая показаться настоящимъ хладнокровнымъ англичаниномъ, я махнулъ на все рукой и, насвистывая веселенькій шансонетный мотивчикъ, вышелъ съ Вики на улицу, не обращая уже никакого вниманія на перевозчиковъ.

— Они все доставятъ въ исправности и отсюда, и изъ склада, успокойся, my dear, — утѣшала меня жена, видя неестественность моей веселости.

— Посмотримъ, посмотримъ!—отозвался я, напѣвая въ томъ же беззаботномъ духѣ.

— Знаешь что, Майкелъ: пришла мнѣ въ голову счастливая мысль... Пойдемъ сейчасъ покупать мебель... Нашей не хватитъ.

— Не лучше ли подождать, оглядѣться, — пытался я возражать:—успѣть всегда можно.

— У тебя все ждать и оглядываться! Я прекрасно помню квартиру и знаю, чего въ ней недостаетъ. У меня не такая куриная память, какъ у нѣкоторыхъ мужчинъ. Считай: умывальникъ съ большой мраморной доской и автоматическимъ краномъ, разъ...

— Разъ.

— Шкапчикъ для сапогъ, два...

— Два.

— Для лѣкарства, висячій, три...

— Три,—невозмутимо, какъ эхо, повторялъ я числительныя до двадцати-четырехъ включительно.

Уплативъ пятьсотъ сорокъ одинъ рубль съ полтиной и приказавъ все немедленно прислать на нашу квартиру, я усадилъ Вики на извощичью пролетку и съ сильно бьющимся сердцемъ, не безъ робости, поѣхалъ на новое пепелище, заранѣе увѣренный, что тамъ происходитъ кутерьма.

Digitized by Google

— Безъ хозяина товаръ плачетъ. Смотри, чтобы не вышло какой нибудь путаницы въ наше отсутствіе! Мужики-то навѣрно пріѣхали и не знаютъ, что дѣлать.

— What a fool! Развѣ они такіе дураки?..

Это несовсѣмъ лестное восклицанье вошло у нея въ привычку и я не обижался, оставаясь при своемъ независимомъ мнѣніи.

Опасенія мои сбылись самымъ блестящимъ образомъ. Я ахнулъ и присѣлъ, когда поднялся въ четвертый этажъ. На площадкѣ, передъ главнымъ входомъ, торжественно красовалась корзина съ разбитой посудой, такъ какъ по разсѣянности укладчика, ошалѣвшаго отъ изряднаго пріема «виски», среди хрусталя оказалась чугунная черепаха-плевательница; невдалекѣ стояло туалетное зеркало съ обломанной рѣзьбой, которая, впрочемъ, была старательно положена заботливой рукой акуратнаго носильщика тутъ же рядомъ. Въ спальнѣ, отдѣланной розовыми обоями, почему-то величественно возвышались буфетъ и книжный шкафъ; зато въ столовую были препровождены нѣкоторыя необходимыя принадлежности дамскаго туалета, и все въ томъ же родѣ, не исключая рояля, застрявшаго какимъ-то чудомъ въ кухнѣ, что, безъ сомнѣнія, очень ее украсило. Сначала я думалъ, что такъ принято въ Лондонѣ, гдѣ, повидимому, считаютъ священнымъ долгомъ обучать музыкѣ домашнюю прислугу, и сказалъ что-то по этому поводу Вики, но она энергичнымъ жестомъ прекратила всякую возможность дальнѣйшихъ разсужденій,—вѣроятно, сознавая въ душѣ, что попала впросакъ съ этимъ завтракомъ въ духѣ эмансипаціи и съ оставленіемъ безъ присмотра достопочтенныхъ членовъ петербургской артели перевозчиковъ. Мнѣ стоило большихъ усилій разбудить двоихъ изъ нихъ (остальные куда-то скрылись) и заставить переносить снова мебель изъ одной комнаты въ другую.

Проклиная судьбу и жалуясь на усталость, они съ неохотой повиновались моимъ приказаніямъ. Передники на нихъ были совсѣмъ черные, руки грязныя, сапоги пыльные, — словомъ, полное несоблюденіе нашего ультиматума. Эта метаморфоза такъ и осталась неразъясненной...

Въ самый разгаръ возни стали приносить купленныя вещи изъ магазиновъ. Что тутъ было предпринять? Я изнемогалъ;

Digitized by Google

по тѣлу пробѣгали мурашки; въ глазахъ вертѣлись красные круги.

— А это гдѣ поставить? А это куда приткнуть?—каждый разъ обращался я къ Вики, не понимая, что дѣлать со столикомъ, со стуломъ, съ этажеркой, козеткой и прочими совершенно ненужными предметами квартирной роскоши.

Полдюжины стульевъ пришлось таки отправить обратно въ магазинъ съ уступкой 25%. Эта ловкая операція меня изрядно насмѣшила и еслибъ не перевозчики, которые,—не смотря на утренній завтракъ, на разбитую посуду, разломанное зеркало и продавленную гравюру съ изображеніемъ Везувія, — все же настоятельно требовали «на чаекъ съ моей милости»,—я былъ бы окончательно удовлетворенъ и примирился бы съ маленькими неудачами первыхъ шаговъ нашей супружеской жизни.

Въ концѣ концовъ, я заплатилъ нахальному пейзану, забывшему всѣ правила гостепріимства, не только условленную сумму, но въ придачу еще на водку, вѣроятно, въ благодарность за то, что нѣкоторыя мои вещи все таки уцѣлѣли, а это—роскошь по нынѣшнимъ временамъ...

— Оченно благодарны, ваше здоровье,—пробурчалъ артельщикъ, похлопывая осовѣвшими глазами.

Наша квартира представляла удивительную клѣтушку, состоящую изъ четырехъ комнатъ (розовая—спальня, красная—кабинетъ, желтая—столовая и голубая—уборная), всю заставленную мебелью; но въ общемъ замѣчалось художественное настроеніе; чувствовалось, что это—настоящій англійскій home, хотя и въ миньятюрѣ. Полюбовавшись и обмѣнявшись впечатлѣніями пережитаго дня, я напомнилъ Вики, что не худо было бы и пообѣдать.

— Какой же обѣдъ въ 10 часовъ вечера? Ты, мой миленькій, совсѣмъ поглупѣлъ. Я ужь посылала Полю въ булочную. Сейчасъ подадутъ чай, toast и кекъ. Это все такая прелесть! Жаль, нѣтъ мармеладу. Покушаемъ да и спать, а съ утра придется тебѣ, бѣдному мальчику, опять приняться за работу,—приколачивать картины, занавѣси, портьеры...

Все это говорилось въ такомъ же тонѣ, какъ обыкновенно спрашиваютъ, напримѣръ, перваго встрѣчнаго о здоровьѣ.

— Мнѣ приколачивать, мнѣ—чиновнику 6 класса?!. А для чего же существуютъ обойщики?..

Digitized by Google

— Если у тебя есть лишнія деньги...

Я понялъ ехидное замѣчаніе жены, раскрылъ бумажникъ и принялся за ариѳметическія выкладки. Выводы были настолько неутѣшительны, что пришлось въ тысячу первый разъ убѣдиться въ проницательности женскаго ума. Итакъ, экономическія соображенія заставляли меня временно превратиться въ обойныхъ дѣлъ мастера. Вики, какъ и всегда, оставляла за собой право верховнаго руководителя и цѣнителя моихъ работъ.

Я жадно глоталъ чай,—заѣдая его нѣмецкимъ кексомъ, за неимѣніемъ англійскаго. Сухари въ маслѣ (знаменитый toast), какъ болѣе удачное угощеніе, оставались въ распоряженіи Вики (вѣчный принципъ: «place aux dames!). Я легъ спать, чуть ли не въ первый разъ въ жизни, съ чувствомъ обиды, неудовлетворенности и сознанія какой-то несправедливости, которую надо мной продѣлали. Смѣшно подумать: неужели все это изъ-за какого-то сухаря?!.

Обычное женино: «Dream of me, my love!» уже не радовало меня, не кружило головы опьяняющей лаской серебристаго голоса, и я, не отвѣчая на привѣтствіе, закутался въ простыню и отчаянно захрапѣлъ на зло Вики!

III.

— How do you do?..

Я, конечно, проснулся отъ громкаго возгласа, произнесеннаго буквально надъ самымъ моимъ ухомъ (скверная манера будить спящаго человѣка, зная, что онъ утомленъ!).

— Не давать спать это тоже—english style?..

Вики расхохоталась и брызнула на меня холодной водой. Я вскочилъ, какъ ужаленный, и, чтобы прійти въ себя, схватился за двадцатифунтовыя гири и сталъ выдѣлывать гимнастическія упражненія.

— Милочка, я не буду прихорашиваться, а просто наскоро одѣнусь и примусь за обойное ремесло,—воскликнулъ я, оканчивая омовенье и нечаянно наступая ей на ногу.

— Ай, ай, медвѣдь!.. Неповоротливый тюлень!.. Если не будешь одѣваться, я и смотрѣть на тебя не стану. Полюбуйся, какъ отвисли твои усы, точно у какого нибудь хохла, сидящаго

Digitized by Google

на возу съ саломъ. Мой идеалъ—богатырскіе усы... усы короля Гумберта. И вдругъ — убить такого джентльмена!.. Нѣтъ, это непростительное варварство! — вскричала она, топнувъ ножкой.

Въ эту минуту я брился и отъ неожиданнаго восклицанья порѣзалъ щеку.

«Наступилъ на ногу, порѣзалъ щеку... будетъ третье несчастье»,—въ суевѣрномъ страхѣ думалъ я, вытирая сочившуюся кровь.

— What insect is that?—раздался новый окрикъ съ ноткой испуга и отвращенья:—фи! только въ русскихъ домахъ такая нечистота.

Я думалъ, по крайней мѣрѣ, увидѣть скорпіона. Усатый, черный ожирѣвшій тараканъ предобродушно ползъ по стѣнѣ, служа, по народному повѣрью, вѣстникомъ домашняго благополучія. Бѣдняга не зналъ о грозившей ему смертельной опасности. Само собою разумѣется, черезъ минуту онъ приказалъ намъ долго жить, захрустѣвъ подъ энергичнымъ ударомъ туфельки чистоплотной англичанки.

Солнце страшно нагрѣвало окна и, не смотря на то, что было всего 9 часовъ утра, градусникъ показывалъ + 27 R. Я остался въ ночной сорочкѣ, не взирая на возраженія объ этикетѣ, и, залпомъ выпивъ молока, принялся за скучное, тяжелое, неблагодарное занятіе съ молоткомъ, пробойникомъ и гвоздями; а главное, не имѣя лѣстницы, я долженъ былъ строить себѣ баррикады изъ скамеекъ, стульевъ, столовъ и шкафовъ, что положительно, при малѣйшемъ неосторожномъ движеніи, грозило мнѣ паденьемъ съ высоты трехъ съ половиною аршинъ.

Вики, между тѣмъ, сидѣла на диванѣ и, посматривая искоса то на окно, гдѣ красовался горшокъ съ пышнымъ филодендрономъ, то въ книгу, то на меня, критиковала работу.

— У тебя никакого нѣтъ глазомѣра. Возьми выше! Гдѣ же твой аршинъ? Развѣ тебѣ будетъ пріятно глазѣть на кривыя портьеры?.. As you're made your bed, you must lay on it.

— Тебѣ-то хорошо придираться да философствовать, а попробуй-ка сама,—каково мнѣ!

— Порядочный мужчина долженъ самъ все умѣть дѣлать.

— Я и умѣю.

— Умѣешь, умѣешь!.. Ну, продолжай, да поживѣе!.. Presto,

Digitized by Google

presto!.. Знаешь, какъ въ нотахъ пишутъ... Хочешь стаканчикъ «виски»?

— Нѣтъ, избавь, бога ради!.. Прикажи лучше послать за квасомъ.

— Остался кларетъ. Не желаешь ли and soda?

— Ну, давай,—только, пожалуйста, безъ содовой. Лучше бы пива...

— Нѣмчура!.. Все ему не по вкусу! Никогда изъ тебя не выдетъ англичанина, — и въ ея голосѣ послышалось раздраженье и, пожалуй, разочарованье.

Пробивка каменныхъ стѣнъ подвигалась медленно. Потъ лилъ съ меня въ три ручья.

Непослушный костыль вываливался порой вмѣстѣ съ деревянной пробкой и приходилось опять начинать сызнова. Наконецъ, работа подходила къ желанному концу. Какъ вдругъ я оступился; скамейка покачнулась и перевернула столъ. Вики позабыла, что его надо было поддерживать, и, ничего не подозрѣвая, сначала срывала воздушные корни съ филодендрона (милое занятіе, похожее на то, какъ еслибы мы для забавы вырывали у кого нибудь зубы), а потомъ вставляла въ альбомъ открытыя письма съ видами Сибирской желѣзной дороги, очевидно, переносясь мыслями, по ассоціаціи представленій, къ военнымъ дѣйствіямъ въ предѣлахъ Небесной имперіи. Я инстинктивно схватился за портьеру и, разумѣется, увлекъ ее внизъ съ карнизомъ. Со страшнымъ грохотомъ рухнулъ я на полъ, зацѣпивъ во время паденія бюстъ Пушкина, который разлетѣлся въ мелкіе куски, и чернильницу, тутъ же окрасившую паркетъ и часть обоевъ въ зеленовато-черный цвѣтъ. Ѣдкій запахъ чернилъ распространился по комнатѣ, а я, какъ поверженный воинъ, барахтался въ чернильномъ морѣ.

Картина не поддающаяся описанію!

Вотъ ужь именно подтвердилась англійская поговорка: «Какъ самъ сдѣлаешь постель, такъ и будешь въ ней спать».

Такимъ образомъ, третья непріятность этого злосчастнаго дня не заставила себя ждать.

Я не буду описывать, какъ Поля мыла паркетъ растворомъ поташа, какъ маляръ приходилъ наклеивать новый кусокъ обоевъ и какъ я вновь громоздилъ баррикаду и карабкался вверхъ поправлять портьеру. Все это было и грустно, и до-

Digitized by Google

садно, и, къ моему удивленію, не встрѣчало особеннаго сочувствія въ Вики.

— Ступай помыться! — вотъ единственно, что соблаговолила она сказать, не спросивъ даже, какъ я себя чувствую послѣ паденья.

— All right, my queen,—отвѣчалъ я съ ироніей и, бросивъ съ ожесточеніемъ пробойникъ, пошелъ умываться.

Между тѣмъ, надвигалась страшная гроза. Раскаты грома дѣлались все ближе и ближе, а фіолетовая молнія прорѣзывала всю ширь небосклона, безпрерывно вспыхивая съ разныхъ сторонъ. Дождь лилъ, какъ изъ ведра. Было что-то похожее на «воробьиную ночь». Я впервые узналъ, что Вики боится грозы. Она, голубка, прижалась ко мнѣ, приказала Полѣ закрыть окна, не позволяла прикасаться ни къ чему стальному и вообще проявляла самую нѣжную материнскую заботливость (больше, впрочемъ, о своей собственной особѣ).

Часъ, проведенный съ ней въ полутемной комнатѣ, ежеминутно освѣщаемой фосфорическими вспышками молніи, вернулъ меня къ поэтическимъ грезамъ медоваго мѣсяца. Всѣ эти тараканы, пробойники, перевозчики вытѣснились изъ памяти.

Ты ко мнѣ прижалась, въ страхѣ очи жмуря...
Благодатный дождикъ! Золотая буря!

Вспомнились мнѣ некрасовскіе стихи.

Не буду скрывать, что въ концѣ концовъ Вики успокоилась, и мы провели время въ легкомъ флиртѣ. Мы точно не были мужемъ и женой, а такъ—неожиданно—встрѣтились и увлеклись прелестью обстановки. Это было то беззаботно-наивное ухаживанье, которое какой-то остроумный англичанинъ такъ метко назвалъ въ одномъ романѣ: «attention without intention»... Да именно,—«вниманіе безъ намѣренія»!..

Гроза прошла и Вики первая опомнилась.

— Ну, на сегодня довольно съ flirtation! Пойдемъ-ка обѣдать!—раздался ея прозаическій возгласъ.

День, начавшійся такъ неблагопріятно, обѣщалъ окончиться наилучшимъ образомъ, но, увы, не тутъ-то было!.. Послѣ перваго же блюда, страшный шумъ чего-то падающаго заставилъ меня броситься въ кабинетъ. Вики тоже послѣдовала за мной съ рюмкой сухой мадеры (марка «Ribeiro Secco» намъ

Digitized by Google

обоимъ пришлась по вкусу). Причина, вызвавшая такой переполохъ, не порадовала меня. Я, въ сущности, давно ожидалъ подобной катастрофы, но все откладывалъ починку книжнаго шкафа, полагаясь на россійское «авось»... Одна изъ полокъ не выдержала напора тяжеловѣснаго энциклопедическаго словаря; поперечныя перекладины сорвались, и она обрушилась внизъ, увлекая въ порывистомъ натискѣ и двѣ слѣдующія полки. Третья и четвертая съ разными классиками, къ счастью, удержались на своихъ мѣстахъ.

Наскоро проглотивъ обѣдъ, я со вздохомъ принялся за столярничество, такъ какъ не былъ чуждъ и этого благороднаго искусства.

Пока я сбивалъ полки да перекладывалъ книги, значительно стемнѣло. Вики давно уже спала, измученная квартирными передрягами. Уставляя послѣдніе томы увѣсистаго словаря, я предвидѣлъ уже конецъ тяжелыхъ дней и давалъ себѣ зарокъ— долго не перемѣнять квартиры, терпѣливо перенося по возможности всѣ деспотическія привычки домохозяина.

Рука устала писать. До завтра!..

IV.

Такъ какъ мой отпускъ еще не окончился и я могъ вполнѣ располагать свободнымъ временемъ, то я на другой же день предложилъ Вики съѣздить къ знакомымъ въ Павловскъ, пообѣдать у нихъ, погулять на чистомъ воздухѣ, послушать музыку, и вернуться восвояси, освѣживъ легкія достаточнымъ запасомъ озона.

Моя находчивая мысль была принята съ восторгомъ, тѣмъ болѣе, что квартира уже не нуждалась въ дальнѣйшей отдѣлкѣ. Костюмъ Вики не заставлялъ желать ничего лучшаго: изящное канотье, бѣленькая рубашечка съ поясомъ и длиннымъ галстукомъ, узкая юбка, стройно охватывающая бока, и великолѣпное батистовое dessous съ волнами кружевъ. Я тоже не былъ плохъ въ солидномъ сѣромъ рединготѣ и съ красной гвоздикой въ петличкѣ.

Царскосельскій поѣздъ, по обыкновенію, усыплялъ.

Утомленные и разбитые, мы еле дотащились до павловскаго вокзала, осыпаемые мелкой угольной пылью. Ступая на плат-

Digitized by Google

форму, я уже чувствовалъ приливъ той легкой радости, которая является слѣдствіемъ красивой природы, смакованія вкуснаго обѣда и, вообще, беззаботно проведеннаго теплаго августовскаго дня.

Взятіе Пекина (о немъ повсюду говорилось) увеличивало это пріятное настроеніе. Вики, какъ на половину англичанка, конечно, не особенно сочувствовала подъему моихъ патріотическихъ чувствъ, даже, кажется, завидовала славѣ русскаго солдата, а, можетъ, быть, просто хотѣла отомстить за прежнія симпатіи къ боэрамъ; только она стала мало-по-малу портить мою веселость, по каплѣ вливая въ душу горечь разочарованья.

— Ну, до Пекина далеко... По правиламъ международныхъ отношеній, conform to the laws, надо подождать веселиться, прислушиваясь къ голосу Европы... Не забывай, что Пекинъ—колыбель тысячелѣтней цивилизаціи...

— Постой, постой, милочка! Въ трансваальской войнѣ ты что-то иначе разсуждала.

— Ахъ, my dear, Крюгеръ и Ли-Хунъ-Чангъ,—развѣ это одно и то же! Какой же ты послѣ этого политикъ?.. Фермеръ и хитрѣйшій мандаринъ, другъ Англіи. И ты равняешь ихъ права?...

Въ безцѣльномъ спорѣ, говоря положительно на разныхъ языкахъ, мы прошли часть парка, не замѣчая его красотъ; но Вики не довольствовалась сказаннымъ и продолжала портить мнѣ настроеніе, затрогивая теперь болѣе житейскія темы.

— Знаешь, вмѣсто того чтобы скрипѣть перомъ въ своемъ департаментѣ (какова жонка!), давай-ка соорудимъ посредническое депо для продажи китайскаго корня «жень шень»! Ей-вѣрь, наживемъ тысячи... Да нѣтъ, куда тебѣ!.. What a fool!

— Fool, fool!.. Что у кого болитъ, тотъ о томъ и говоритъ. Не доставало еще, чтобъ я открылъ лавочку и торговалъ жизненнымъ элексиромъ. Конечно, есть много прибыльныхъ занятій, но для этого надо было тебѣ найти другаго мужа.

Вики, когда замѣчаетъ, что я начинаю сердиться, всегда мѣняетъ тонъ и, какъ кошечка, виляетъ хвостикомъ.

— Я шучу, my coquie. Не надо пѣтушиться, или ты уже не любишь свою рыженькую?..

Мы незамѣтно дошли въ пріятной супружеской бесѣдѣ до улицы Яснаго Неба (совсѣмъ китайское названье!). Обладай

Digitized by Google

я «сочной беллетристической кистью» блистательнаго Вас. И. Немировича-Данченки, щедро расточающаго знойныя, жгучія краски съ неистощимой палитры, я непремѣнно описалъ бы, какъ «волны мягкаго вѣтра дышатъ вамъ въ лицо прохладой, какъ, невѣдомо откуда, струится нѣжный ароматъ цвѣтовъ»; я описалъ бы, какъ съ лазурной высоты смотритъ «горячее свѣтило» на улицу Яснаго Неба, утопающую «въ зеленой дали безконечныхъ садовъ и виноградниковъ»... Положимъ, я увлекся бы экзотическимъ рисункомъ... Виноградниковъ нѣтъ, да и садовъ-то мало, но для краснаго словца не мѣшаетъ сгустить краски. Читатель любитъ широкій размахъ и легко прощаетъ піитическія вольности увлекающейся натуры.

Остановившись у дачи моего пріятеля, Перецъ-Запорожцева, я неувѣренно позвонилъ.

— Дома баринъ?

— Никакъ-нѣтъ-съ.

— А барыня?..—выуживалъ я по слову.

— Съ бариномъ уѣхамши кататься.

Неразговорчивость прислуги выводила меня изъ терпѣнія.

— Когда же вернутся? Къ вечеру? Сейчасъ?

— Заказали кушать къ 6 часамъ.

Слава богу!.. Отлегло отъ сердца.

— Передай, милая, что мы были и еще зайдемъ отъ знакомыхъ.

Знакомыхъ, разумѣется, никакихъ не существовало.

Вики, какъ болѣе догадливая, оставила въ залогъ черный жакетъ, а я, слѣдуя ея примѣру, бѣлыя перчатки.

Пять часовъ надо было какъ нибудь убить, а между тѣмъ голодъ уже начиналъ заявлять свои права.

— Вики,—сказалъ я съ особенной нѣжностью въ голосѣ:—билеты стоили недешево; если мы отправимся обѣдать на вокзалъ,—наши ресурсы окончательно истощатся, а до 20-го еще цѣлая недѣля, да и цѣль поѣздки пропадетъ: Перецъ-Запорожцевы такіе гастрономы. У тебя хватитъ мужества немножко поголодать?.. Пустяки вѣдь,—убѣждалъ я Вики, чувствуя уже сосанье подъ ложечкой.

Она сдѣлала жестъ, полный равнодушія, за которымъ сквозилъ довольно прозрачный укоръ. Я собралъ все свое терпѣнье и мы отправились въ паркъ.

Digitized by Google

Это было унылое странствованіе изъ аллеи въ аллею съ тощимъ желудкомъ. Погода начинала портиться. Дулъ вѣтеръ. Вики озябла и жаловалась на зубную боль (нервы расходились!). Мы молча сидѣли у розоваго павильона, смотря, какъ компанія велосипедистовъ отдыхаетъ за стаканами молока подъ тѣнистымъ деревомъ. Приди мы часомъ раньше, осталось бы и для насъ молока; но — увы! — злой рокъ положительно не желалъ, чтобы мы утолили голодъ. Я взглянулъ на часы— пять минутъ пятаго.

— Пойдемъ въ лавочку и купимъ шоколаду. Съ булкой очень вкусно.

— Гдѣ же мы будемъ ѣсть? — послышался мой робкій отвѣтъ, съ проблескомъ слабой надежды.

— На улицѣ, конечно. За границей ѣдятъ же, не стѣсняясь!

Она была права и, главное, мила въ своей эксцентричности. Въ этомъ отношеніи я безусловно признаю за ней пальму первенства.

Купивъ булку и шоколаду и прогуливаясь вдоль улицы Яснаго Неба, мы иногда присаживались у какого нибудь дома и беззаботно утоляли страшно мучившій насъ голодъ. Хорошо, что не было проходящихъ, а то публика, падкая вообще до зрѣлищъ, непремѣнно обратила бы на насъ вниманіе, а, можетъ быть, приняла бы за таинственныхъ заговорщиковъ.

— Въ другой разъ надо посылать телеграмму или брать съ собой бутерброды, — замѣтилъ я послѣ продолжительнаго молчанья,—а то выходитъ, точно мы пріѣхали исключительно ради обѣда.

Для Вики такія похожденія, конечно, были новостью, но я частенько оставался безъ обѣда, попадая не въ урочный часъ къ добрымъ знакомымъ и нѣжнымъ родственникамъ, и уже свыкся съ этими превратностями судьбы. Когда часовая стрѣлка приближалась къ 6 (я не выпускалъ изъ рукъ часовъ), мы рѣшительными шагами направились къ Перецъ-Запорожцеву, но горничная вынесла наши вещи съ предупредительной улыбкой.

— А господъ все еще нѣтъ! Мы ужь ихъ и не ожидаемъ. Должно, въ Царскомъ остались.

— Кланяйтесь. Мы... отобѣдали у знакомыхъ,—произнесъ

Digitized by Google

я дрожащимъ голосомъ, какъ бы проглатывая послѣднее воспоминаніе о шоколадѣ.

Вики дѣлала мнѣ страшные глаза, но я не видѣлъ другаго исхода, какъ благородно отретироваться. Не знаю, чѣмъ окончился бы этотъ злополучный день, еслибъ не появленіе Перецъ-Запорожцевыхъ, которое положительно было устроено самимъ Провидѣніемъ.

Послѣ обмѣна привѣтствій, я имѣлъ мужество отказаться отъ обѣда, но гостепріимные хозяева уговаривали.

— Лѣтомъ на воздухѣ не грѣшно пообѣдать и во второй разъ. «Еще бы»! думалось мнѣ, когда запахъ жаренаго доносился изъ кухни.

Хозяинъ медленно приготовлялъ ботвинью, разсказывая о китайской войнѣ и о появленіи оспы, а мы съ Вики старались показать, что внимательно слушаемъ разсказчика.

Блѣдность Вики поразила меня въ первую минуту, но я приписалъ ее продолжительному голоданью, отстраняя всякія другія причины.

Наконецъ, приступили къ ѣдѣ... Вздохъ облегченія вырвался изъ моей груди.

Съ какимъ трудомъ достается подчасъ кусокъ хлѣба!

Вики потомъ говорила, что мои глаза прыгали такъ, какъ будто бы ни разу не видѣли съѣстнаго. Насыщенные и нравственно удовлетворенные, мы ушли отъ Перецъ-Запорожцевыхъ довольно поздно, сопровождаемые теплыми пожеланьями.

— Tata, mrs. Запорожцева! Good bye, mr. Запорожцевъ,— привѣтливо говорила Вики у воротъ дачи; но едва мы сдѣлали нѣсколько шаговъ, какъ она взяла меня подъ руку.—Я что-то утомлена; поѣдемъ домой, dear.—Такъ мы на музыкѣ и не были, а не видѣть капельмейстера въ Павловскѣ все равно, что быть въ Римѣ и не взглянуть на папу.

Какъ и во всемъ—fatum!..

V.

Ночью я безпрестанно просыпался отъ какого-то смутнаго предчувствія.

Вики разбросалась по кровати и тяжело дышала.

— Ли-Хунъ-Чангъ... Изяо-чжоу... Жень-шень...—Изъ этихъ

Digitized by Google

мудреныхъ словъ, произносимыхъ ею, очевидно, во снѣ, я усмотрѣлъ, что Морфей, повидимому, угощаетъ ее китайскими тѣнями и, повернувшись на бокъ, тоже погрузился въ нирвану. Подъ утро я былъ разбуженъ стонами.

— Майкелъ!.. Майкелъ!.. I am dying... умираю...

Этого возгласа было совершенно достаточно, чтобы моментально заставить меня очнуться отъ самаго крѣпкаго сна.

Я надѣлъ туфли на босую ногу и бросился къ женниной кровати, затѣмъ зажегъ свѣчку. Бѣдняжка Вики, какъ она мучилась!..

Беру руку—жаръ; измѣряю температуру—39°.

— Что ты чувствуешь, милая?

Послѣ ряда отвѣтовъ, я начинаю терять самообладаніе и ужасное подозрѣніе о возможности оспы закрадывается въ голову.

Закативъ изрядную дозу моднаго салофена,—который у меня всегда имѣется въ запасѣ,—я торжественно прохожу въ кабинетъ, по забывчивости держа свѣчку, хотя уже совсѣмъ свѣтло; достаю 43-й полутомъ брокгаузовскаго словаря и раскрываю то мѣсто, гдѣ говорится объ оспѣ. Погружаюсь въ чтеніе...

Да, такъ и есть! Одинаковые симптомы, — сначала недомоганье, слабость, головная боль, отсутствіе апетита (послѣдній пунктъ, впрочемъ, не подходитъ), головокруженіе, боль въ поясницѣ, катарръ зѣва (разумѣется, я правъ), затѣмъ потрясающій ознобъ съ повышеньемъ температуры, бредъ (Ли-Хунъ-Чангъ!), боли въ желудкѣ, разстройство пищеваренія, судороги...

Я захлопнулъ книжку и пробѣжался по комнатѣ, чтобы какъ нибудь прійти въ себя и не подавать виду, что болѣзнь безнадежна.

Прощай, жизнь! Прощай, мое счастье! Прощай, уютный home, который я устраивалъ съ такой любовью!.. Все теперь пойдетъ прахомъ: — налетятъ санитары, испортятъ чудныя портьеры, прибитыя моей заботливой рукой, сдерутъ обои, которыя я подбиралъ съ такимъ вниманьемъ, какъ настоящій символистъ; увезутъ мою голубку, Вики, да и я-то останусь ли цѣлъ?.. За докторомъ,—за докторомъ!..

Разбудивъ Полю, я отправилъ ее, еще не успѣвшую выспаться, съ письмомъ къ знакомому врачу, указывая на серьез-

Digitized by Google

ную, бурную форму натуральной, а, можетъ, и черной оспы... Вики то́ приходила въ себя, то опять бредила китайцами. Хитрый вице-король печилійской провинціи, Ли-Хунъ-Чангъ, все надоѣдалъ ей своими приставаньями и, судя по ея безсвязному бреду, велъ себя самымъ коварнымъ образомъ, точно лиса, какъ и въ дипломатическихъ переговорахъ. Не зная, что́ начать, за что̀ взяться, пишу свой дневникъ... Почемъ знать, не послѣдняя ли это страница?.. Судьбы Господни неисповѣдимы,

— Отчего ты такой странный?—обратилась ко мнѣ Вики. вытаращивъ разгоряченные лихорадочные глаза: — ну, смѣйся сейчасъ! Смѣйся! Я тебѣ приказываю.

Видя, что дѣло пахнетъ истерикой, я началъ искусственно смѣяться, но это мнѣ плохо удавалось. Нервное напряженіе росло съ минуты на минуту. Въ моемъ воображеніи уже рисовались ужасы отвратительной болѣзни, когда раздался звонокъ и явился докторъ. По его встревоженному лицу я видѣлъ, что̀ случай, дѣйствительно, не шуточный. Часы пробили десять, когда мы входили вмѣстѣ въ спальню больной.

Высокій, худой, съ медленными тѣлодвиженіями, онъ напоминалъ ликъ угодника, зачастую изображаемый на иконахъ суздальскихъ Рафаэлей. Послѣ первыхъ же шаговъ изслѣдованія, врачъ сдѣлалъ недовольную физіономію, затѣмъ продолжалъ разспросы со скучающимъ видомъ. Когда онъ вышелъ со мной для писанія рецепта, я объяснялъ себѣ перемѣну въ его лицѣ явнымъ намѣреніемъ открыть мнѣ жестокую истину и, подчиняясь тяжелой участи, стоялъ съ опущенной головой, беззвучно шевеля губами. Безъ шутокъ, какъ это ни странно, но въ ту минуту передо мной пронесся воздушный образъ покойнаго Ганса Кордуа, приговореннаго Робертсомъ къ смертной казни по обвиненію въ заговорѣ противъ англійскихъ офицеровъ въ Преторіи; даже въ лицѣ доктора были черты, напоминающія Робертса.

— Что жь вы мнѣ понаписали: «оспа, оспа»!.. Я рано всталъ, измѣнилъ порядокъ жизни, понадѣялся на интересную форму заболѣванія... Простая cholera nostra съ осложненіями въ печени. Можетъ разлиться желчь, но оспы не будетъ, по крайней мѣрѣ, въ данный моментъ.

Докторъ говорилъ ровнымъ голосомъ, но такимъ разочарованнымъ тономъ, точно глубоко скорбѣлъ, что не нашелъ

Digitized by Google

оспы и что извѣстіе объ этомъ неожиданномъ діагнозѣ способно меня огорчить...

Я спѣшу извиниться передъ эскулапомъ и разъяснить достопочтенной особѣ, что его утѣшительный выводъ несказанно меня радуетъ и что въ мои планы вовсе не входило не только болѣть оспой, но и вообще хоть разъ принимать у себя докторскіе визиты.

Вики, между тѣмъ, спала, неровно дыша, и ея золотистые волосы разсыпались непослушной волной по плечамъ и по подушкѣ.

Я сѣлъ у двери спальни и задумался.

Досадливыя мытарства, казалось, должны были прекратиться съ выздоровленіемъ Вики. Искупительныя жертвы были принесены жадному божеству, имя котораго — fatum. Новая квартира могла уже считаться старой... Слышу голосъ Вики. Это она зоветъ меня.

— Иду, иду!..

Явилась испарина... Ну, слава богу!

Опасный болѣзненный кризисъ миновалъ. Я понялъ, что люблю Вики, и прижался къ ея влажному лбу сухими горячими губами.

— What a fool!.. Онъ, кажется, перетрусилъ за свою обезьянку...

Ахъ, Вики, Вики, какъ я тебя люблю!..

Въ нашемъ супружествѣ начинается новая эра, и мой дальнѣйшій дневникъ уже не будетъ «записками новобрачнаго».

Итакъ, нѣкоторый жизненный путь благополучно пройденъ; но сколько еще впереди!.. Прежде всего, надо охранять свой домъ. Въ этомъ—главнѣйшее правило.

«My home is my castle»,—часто говоритъ Вики, проникнутая британскимъ гонороиъ, но, какъ хотите, въ исполненіи этого принципа кроется залогъ счастья каждаго человѣка. Берегите, господа, для себя маленькій свѣтлый уголокъ у «домашняго очага», оберегайте его вдали отъ такъ называемыхъ друзей и пріятелей! Они саранчей прилетятъ къ вамъ и своимъ грубымъ прикосновеніемъ, своимъ уличнымъ шумомъ нарушатъ чистоту и покой вашего храма. Берегите, господа, свое счастье!..

В. Умановъ-Каплуновскій.

Digitized by Google

РАЗДОРЪ.

Романъ Г. Генгерфордъ.

(Съ англійскаго).

I.

— На сегодня довольно!—рѣзкимъ, повелительнымъ тономъ говоритъ старикъ своей внучкѣ, которая только что кончила подсчитывать длинный рядъ цифръ,—теперь можешь идти!

Старикъ исподлобья глядитъ на внучку; не смотря на преклонный возрастъ (ему 70 лѣтъ)—онъ сидитъ на жесткомъ дубовомъ стулѣ и не хочетъ измѣнять старой привычкѣ, презирая всякія современныя ухищренія по части креселъ, кушетокъ и диванова.

Молодая дѣвушка, не теряя времени, вскакиваетъ на ноги; ей ужасно хочется поразправить усталые члены: уже не одинъ часъ занимается она противными, безконечными счетами! Всѣ движенія ея исполнены граціи; медленно вытягиваетъ она впередъ тоненькія, длинныя руки и на нее нельзя не залюбоваться. Все въ ней прелестно; характеръ ея красоты чисто ирландскій — въ немъ преобладаютъ яркія краски; большіе темносиніе глаза, цвѣта фіалки, опушены густыми рѣсницами и замѣчательно красивы; не менѣе хорошъ и ея ротикъ: онъ не особенно малъ, но очертанія его безукоризненны и выражаютъ всю доброту и великодушіе ея натуры. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ нихъ видна и твердость воли, которою она отличается. Носикъ ея, надо сознаться, мало соотвѣтствуетъ остальнымъ чертамъ лица: онъ нѣсколько вздернутъ, но имѣетъ свою прелесть, что̀ не всегда можно сказать о строго классической красотѣ. Руки ея также медленно, граціозно опускаются и она обращается къ дѣду О'Нейлю:

Digitized by Google

— Я вамъ больше не нужна?—Она твердо надѣется, что не ошибается въ этомъ предположеніи: стоитъ августъ мѣсяцъ,—день ясный, солнечный. Какъ пріятно было бы прогуляться по лѣсамъ Каригдаса, гдѣ такъ прохладно! Каригдасъ—это родовое помѣстье ея дѣда, гдѣ она поселилась послѣ смерти отца.

Отецъ ея, — третій по счету сынъ О'Нейля, — умеръ въ Индіи; жена и мѣсяца не пережила его. Сиротку Элленъ (въ то время ей было десять лѣтъ) доставила въ Ирландію преданная нянька изъ туземнаго населенія; дѣвочка прибыла на родину здравая и невредимая, хотя легко могла сдѣлаться жертвой той же холеры, опустошившей всю мѣстность, куда командированъ былъ ея отецъ.

Элленъ нетерпѣливо глядитъ на часы:—три! Опять прошло чудное утро. День за днемъ убиваетъ она такимъ образомъ, помогая О'Нейлю подводить отвратительные итоги какихъ-то глупѣйшихъ цифръ. Въ глубинѣ души она начинаетъ возмущаться.

— Ты свободна!—отрывисто и неласково отвѣчаетъ на ея вопросъ старикъ. Пріютить дѣвочку, послѣ смерти ея родителей, онъ не отказался, но ни разу не приголубилъ, не приласкалъ ея; по мѣрѣ того какъ она подрастала, ея прямая, честная натура становилась ему все антипатичнѣе.—Пожалуй, развѣ, — продолжаетъ онъ, и губы его насмѣшливо искривляются: — мой дражайшій внукъ Денисъ, вновь испеченный кузенъ твой, разсчитываетъ на чашку чая у насъ...

— Онъ врядъ ли зайдетъ по собственному желанію,—возражаетъ молодая дѣвушка, пожимая плечами: — вы вѣрно сами посылали за нимъ?

— Пришлось поневолѣ. А то бы я не дозволилъ ему переступить порога этого дома.

— Онъ вашъ внукъ...

— Сынъ ненавистнаго мнѣ сына!—нахмурясь, перебиваетъ старикъ,—отецъ его былъ мой первенецъ... въ этомъ, пожалуй, и лежитъ вся суть моей къ нему непріязни... къ Денису, подразумѣваю. Мысль о наслѣдникахъ всегда представляетъ мало пріятности, и весьма естественно ненавидѣть тѣхъ, кто страстно жаждетъ вашей смерти.

— За это вы и ненавидите Дениса? — спокойно и смѣло спросила молодая дѣвушка.

Digitized by Google

— Ахъ, такъ и ты того же мнѣнія, что онъ ждетъ моей смерти?

— Вѣдь вы дасте мнѣ понять, что всѣ наслѣдники на одинъ покрой.

— Нѣтъ, не за то я ненавижу его, — холодно отчеканиваетъ О'Нейль.—Его отецъ былъ непокорнымъ сыномъ и шелъ мнѣ наперекоръ, кажется, съ самаго дня своего рожденія.— Старикъ хмурится и раздражается. — Онъ и женился-то мнѣ на зло и открыто говорилъ, что радъ будетъ моей смерти; заранѣе мечталъ, — ярость выражается на лицѣ О'Нейля,—о томъ, что онъ сдѣлаетъ для крестьянъ, когда имѣніе перейдетъ въ его руки. Онъ намѣревался разыграть роль благодѣтеля этихъ скотовъ, которые готовы каждую минуту продать и предать своего помѣщика... Онъ временами наѣзжалъ сюда въ помѣстье и держалъ народу такія рѣчи, что во мнѣ крестьяне начали видѣть воплощеннаго дьявола. Но...—старикъ О'Нейль выпрямляется во весь свой богатырскій ростъ, — всему этому наступилъ конецъ. Только я ничего не забылъ. Онъ умеръ. Бразды правленія не достались ему, но я не простилъ!

— Не вижу, причемъ тутъ Денисъ?—спокойно замѣчаетъ Элленъ, пожимая плечиками.

— Неужели?—ядовито изумляется дѣдъ,—а я такъ вижу ясно. Дѣти отвѣчаютъ за грѣхи отцовъ. И у меня отвѣтятъ,— не сомнѣвайся! Говорю тебѣ откровенно, Элленъ, я терпѣть не могу этого юношу, этого лондонскаго адвокатишку, прикатившаго къ намъ съ цѣлью сунуть свой носъ въ мои дѣла. Знаю, знаю!..—И онъ поднимаетъ руку, чтобы не дать внучкѣ времени заступиться за кузена:—я самъ пригласилъ его, потому что такъ надо... Это было неизбѣжно... — Злобная насмѣшка мелькаетъ въ глазахъ старика и придаетъ его крупнымъ, красивымъ чертамъ нѣчто дьявольское.—Мнѣ хотѣлось угостить себя даровой комедіей. Это имѣніе,—взгляни на него, дѣвочка!—Дѣдъ хватаетъ ее за руку и притягиваетъ къ окну: передъ глазами ея, по лѣвую руку, разстилаются необозримые зеленые луга, по правую — дивный паркъ и густой лѣсъ.— Скажи, можно, по твоему, поддерживать его, не имѣя средствъ?

— Но вы... вы же поддерживаете его? Стоитъ только бросить взглядъ туда, чтобы убѣдиться въ этомъ!—она указываетъ движеніемъ руки въ окно.

Digitized by Google

— Ты права. Я не запускалъ его. Хочешь, я разгадаю тебѣ эту загадку? Помѣстья въ Ирландіи въ настоящее время не приносятъ дохода; но у меня есть, кромѣ того, свой капиталъ—60 тысячъ, которыя я могу завѣщать по своему усмотрѣнію, да еще семь участковъ земли, *не подлежащихъ майорату*. Съ ними я также имѣю право распорядиться по своему—и все это состояніе я раздѣлю поровну между тобою и Странгфордомъ.

— Между мною и Странгфордомъ?—лицо молодой дѣвушки покрывается смертельной блѣдностью: — дѣдушка, мнѣ съ нѣкоторыхъ поръ кажется, что вы желаете...

— Обвѣнчать тебя со Странгфордомъ? Не притворяйся, дѣвочка. Ты давно уже догадалась объ этомъ. Это моя завѣтная мечта. Мать Странгфорда была моей единственной дочерью; изъ всѣхъ моихъ дѣтей, ее одну я любилъ. Ты презираешь меня,—онъ злобно взглянулъ на внучку,—за то, что я не признаю своихъ сыновей, твоего отца и отца Дениса, но мать Странгфорда иное дѣло:—ее я боготворилъ. Не торопись осуждать меня. Тебя я не оставлю и выдамъ замужъ за Странгфорда.

— Это немыслимо!—рѣзко перебиваетъ Элленъ.

— Постой, дай мнѣ кончить,—сухо продолжаетъ дѣдъ,—можетъ быть, ты перемѣнишь рѣшеніе. Съ десяти лѣтъ ты живешь со мною, и еслибъ я тебя не принялъ,—грубо подчеркиваетъ онъ, — ты попала бы въ какой нибудь жалкій пріютъ. Ты, надѣюсь, вникаешь въ мои слова?

— Нечего и вникать! — вспыльчиво восклицаетъ молодая дѣвушка,—изъ пріюта я просто напросто сбѣжала бы и сама начала бы заработывать себѣ кусокъ хлѣба. — Блѣдность ея все усиливается, дыханіе спирается въ горлѣ.

— Можно отъ души позавидовать тому куску хлѣба, который бы ты заработала! — сурово продолжаетъ О'Нейль,—отсюда ты тоже можешь сбѣжать, когда тебѣ заблагоразсудится; никто удерживать не будетъ. Только ты лучше сдѣлаешь, если не сбѣжишь. 60 тысячъ фунтовъ и доходъ, хоть и не богъ вѣсть какой, съ тѣхъ участковъ, о которыхъ я говорилъ тебѣ,—на улицѣ не валяются. —Онъ указалъ на какую-то лежавшую передъ нимъ бумагу: — вотъ оно, завѣщаніе-то! Пять тысячъ въ годъ, или около того, получать всякому пріятно.

Digitized by Google

— И вы хотите всего этого лишить Дениса, вашего прямаго наслѣдника?

— Хочу, безъ сомнѣнія. Прямой наслѣдникъ не въ моемъ вкусѣ. Я люблю Странгфорда. Неужели я не господинъ своему добру?

Онъ пытливо глядитъ на Элленъ, но видитъ, что она не намѣрена уступать, и со злорадствомъ продолжаетъ:

— А если ты не желаешь исполнить моей воли и отказываешься выйти замужъ за Странгфорда, то ни копѣйки отъ меня не получишь. Можешь пуститься въ свѣтъ въ качествѣ самостоятельной дѣвицы,—тебя же, кстати, прельщаетъ заработанный кусокъ хлѣба...

Молодая дѣвушка уныло опускаетъ голову. Она—въ полной зависимости отъ дѣда. Выйти замужъ за Странгфорда—значитъ отравить свою жизнь. Нѣтъ, на такую жертву нельзя согласиться! Съ другой стороны, сдѣлаться нищей, быть буквально выброшенной за бортъ... не только послѣ смерти неумолимаго старика, но, вѣроятно, сейчасъ же, не медля ни минуты. О, она его слишкомъ хорошо знаетъ! Какъ не содрогнуться при мысли о томъ, къ чему поведетъ ея сопротивленіе? Къ роскоши она привыкла съ дѣтства... Легко ли ей будетъ отказаться ото всего и перейти къ самому бѣдному, нищенскому образу жизни?..

— Кстати,—немного помолчавъ, сообщаетъ ей О'Нейль,—Странгфордъ хотѣлъ навѣстить меня сегодня вечеромъ. До Дениса мнѣ дѣла нѣтъ, но его ты должна принять, а потому я и приказываю тебѣ не запаздывать къ чаю, хотя, надѣюсь, приказанія излишни. Ты,—добавляетъ онъ повелительно:—прекрасно поняла меня.

— Прекрасно!—холодно соглашается Элленъ, но, помимо воли, лицо ея исказилось. Снова видѣть Странгфорда! Вѣдь онъ былъ только вчера...

Чувство злобы закипаетъ въ ея сердцѣ. Всѣ эти встрѣчи, подготовляемыя дѣдомъ и Странгфордомъ, ведутъ къ одному—къ ненавистному браку, о которомъ говорилъ дѣдъ! Все существо ея возмущено противъ затѣи старика. Раньше она безсознательно не любила Странгфорда и теперь только постигла всю глубину своей ненависти,—теперь, когда вопросъ объ ея будущности поставленъ ребромъ. Выйти за него замужъ... Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ!

Digitized by Google

— Ты что-то очень храбришься!—гнѣвно восклицаетъ старикъ, не спускавшій съ нея испытующаго взгляда,—по лицу твоему я вижу ясно, какой строптивый духъ сидитъ въ тебѣ! Ты недолюбливаешь двоюроднаго брата?

— Я недолюбливаю двоюроднаго брата!—какъ эхо, повторяетъ Элленъ.

— Котораго? Дениса?

— Дениса я почти не знаю, и не за что мнѣ его недолюбливать. Я подразумѣвала Странгфорда!—спокойно поясняетъ она.

— Очень жаль. Все равно, это не мѣняетъ дѣла и тебѣ придется стать его женой. На тебѣ остановился его выборъ, а ты, кто ты такая?—тонъ его звучитъ полнымъ отсутствіемъ теплаго къ ней чувства:—кто ты такая, чтобы смѣть отказывать ему? Повторяю тебѣ... — онъ подошелъ къ ней совсѣмъ близко и грозное старческое лицо его пылаетъ гнѣвомъ:—ты должна Бога благодарить, что Странгфордъ снизошелъ до тебя; въ противномъ случаѣ, я все оставилъ бы ему одному. Что ты мнѣ? Ты, твой отецъ, или та женщина, на которой онъ женился (о, какъ я ее ненавидѣлъ!) — всѣ вы для меня не существуете. Предупреждаю тебя, Элленъ, не пытайся шутить со мною!

Мощная фигура его выпрямилась; выраженіе его сердитыхъ глазъ—непривѣтливо.

— А если я его терпѣть не могу? — смѣло заявляетъ Элленъ, давая волю накипѣвшему раздраженію... и вдругъ дѣлается похожа лицомъ на дѣда: родственное сходство внезапно сказывается.

— Съ которыхъ это поръ ты не терпишь его? Не съ пріѣзда ли Дениса? Смотри, Элленъ, не ошибись въ разсчетѣ!

— Что вы хотите этимъ сказать? — спрашиваетъ она, и голосъ ея дрожитъ отъ сдерживаемаго негодованія.

— Думаю, лучше не вдаваться въ объясненія!—значительно произноситъ О'Нейль: — я очень радъ, если только не ошибаюсь,—съ оттѣнкомъ сарказма добавляетъ онъ, — что ты не имѣешь никакихъ видовъ на Дениса. Это хорошо уже по одному тому, что онъ,—какъ я объяснялъ тебѣ,—унаслѣдуетъ послѣ меня лишь голыя стѣны да пустое названіе «помѣщика» Слушай внимательно: все мое состояніе, до послѣдней копѣйки, перейдетъ къ Странгфорду, и онъ къ своему титулу

Digitized by Google

присоединить фамилію О'Нейля. Пока онъ именуется сэромъ Странгфордомъ Летвеемъ, а потомъ станетъ Странгфордомъ О'Нейлемъ. Я уже написалъ Муру и Дарту; они пріѣдутъ въ слѣдующую среду и мы составимъ новое завѣщаніе: содержаніе его тебѣ извѣстно. Я пригласилъ бы ихъ еще раньше, но на вторникъ назначено выселеніе семьи Конели. Моя смерть принесетъ Странгфорду богатство, а Денисъ останется съ носомъ. Ловко?

Торжествующая злоба звучитъ въ его голосѣ, лишь только онъ заговорилъ о Денисѣ.

— Оба кузена для меня совершенно безразличны!—гордо заявляетъ молодая дѣвушка, закидывая назадъ хорошенькую головку.

— И отлично. Значитъ, выборъ твой будетъ совершенно безпристрастенъ въ смыслѣ привязанности, а богатый женихъ всегда предпочтительнѣе бѣднаго! Ты не забудешь, конечно,— прибавляетъ она, видя, что Элленъ собирается уходить, — къ пяти часамъ явятся кузены, напои ихъ чаемъ.

— Не забуду!—отвѣчаетъ молодая дѣвушка.

Она идетъ къ двери, но старикъ останавливаетъ ее.

II.

— Кстати, объ этихъ Конеляхъ, такъ называемыхъ «арендаторахъ»,—говоритъ О'Нейль:—по твоимъ словамъ, они могутъ надѣлать мнѣ непріятностей, но ферма ихъ страшно запущена.

— У нихъ неурожай въ этомъ году и имъ трудно справиться съ арендной платой.

— А отчего у нихъ неурожай? Оттого, что они плохо обрабатываютъ землю. Помимо того, я разъ уже замѣчалъ, какъ дерзко ведутъ себя эти Конели по отношенію ко мнѣ. Пусть они или платятъ, или убираются вонъ!

— Семья очень большая, — заступается Элленъ, стоя на порогѣ комнаты:—они все время платили, пока были въ состояніи.

— Они платили, какъ и всѣ остальные, пока благодѣтельное англійское правительство не навело ихъ на мысль — не вносить помѣщикамъ денегъ. Я вижу, любезная внучка, что

Digitized by Google

изъ васъ выдетъ отличная помѣщица, разъ меня не станетъ, и вы со Странгфордомъ воцаритесь надо всѣми этими Конелями и прочей братіей...

— Я къ этому не стремлюсь,—замѣчаетъ Элленъ,—я и такъ на судьбу не жалуюсь. Но обратите вниманіе на мои слова, дѣдушка: по моему мнѣнію, Конели, не смотря на примѣрную честность, народъ опасный...

— Ты полагаешь, они посягнутъ на мою жизнь? а? Тѣмъ лучше для наслѣдниковъ.

Элленъ поворачивается къ нему спиной. Дѣдъ придаетъ такое грубое, циническое значеніе ея предостереженію, что она до нѣкоторой степени оскорблена. По обыкновенію, медленно и плавно открываетъ она дверь и уже заноситъ за порогъ ногу, когда старикъ снова окликаетъ ее.

— Чортъ побери этихъ Конелей! Въ которомъ часу хотѣлъ онъ зайти сегодня—клянчить о пониженіи арендной платы?

— Въ шесть,—черезъ плечо отвѣчаетъ Элленъ.

— Ты назначила этотъ часъ?

— Да. Я думаю, онъ вамъ удобенъ.

— Должно быть, мнѣ слѣдуетъ благодарить тебя за то, что ты не пригласила Конеля къ завтраку или къ чаю. Онъ возбуждаетъ въ тебѣ такую сильную симпатію! Ну, все равно. И въ приходѣ-то его я не вижу надобности. Не внесетъ денегъ—вылетитъ вонъ. Проклятые! Они хотятъ жить, а мы хоть съ голоду помирай. Шалишь, голубчики. Не на того напали. Я васъ проучу, коли прочіе помѣщики хвосты поджали...

— Конели—люди порядочные,—тихо повторяетъ Элленъ.

Она уже не разъ пыталась заступаться за нихъ, но, неизмѣнно получая отъ дѣда непріятности, все таки не унываетъ. Фермеры эти поселились на западной границѣ помѣстья Каригдаса, рядомъ съ имѣніемъ Странгфорда Летвея; Конели бѣдны, но честны, и дѣйствительно пострадали отъ неурожая; яровые хлѣба ихъ всѣ погибли, осталось два исхода: или отсрочить внесеніе арендной платы, или голодать. Еслибы Джемсъ Конель заплатилъ всѣ слѣдуемыя съ него деньги, дѣти его остались бы безъ хлѣба, безъ молока, даже безъ картофеля; когда же человѣкъ дошелъ до такого положенія,—деньги отходятъ на задній планъ, а на первомъ стоятъ маленькіе голодные рты, настоятельно требующіе пищи.

Digitized by Google

— Порядочные люди?—ехидно подхватилъ старикъ:—такъ пусть несутъ мнѣ деньги!

— Вы сами вѣдь знаете, каковы были хлѣба. Засуха...

— Вздоръ! У лѣнтяевъ все засухи, проливные дожди и тому подобные пустяки! — презрительно перебиваетъ ее старикъ.

Элленъ сдѣлала нетерпѣливое движеніе. Именно за этотъ тонъ и оскорбительное обращеніе не любили О'Нейля крестьяне. Онъ не желалъ входить въ ихъ нужды и не замѣчалъ еле сдерживаемой ярости и глухой ненависти, которыя все росли и накоплялись противъ него въ сердцахъ подчиненныхъ людей. Онъ шелъ, высоко поднявъ голову, непреклонный, неумолимый, не допуская отсрочекъ, не дѣлая исключеній ни для кого изъ арендаторовъ. Онъ считалъ себя настолько выше, что смѣло бросалъ вызовъ маленькому мірку, въ которомъ вращался, и, разумѣется, не пользовался никакой популярностью.

Вообще онъ всегда смѣло шелъ напроломъ, даже и въ большомъ свѣтѣ, а теперь довелъ до крайности своихъ крестьянъ-фермеровъ всякими строгостями и притѣсненіями. Каригдасъ находится на южномъ берегу Ирландіи; въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, въ этой мѣстности производилось безчисленное множество всевозможныхъ звѣрствъ: уродовали господскую скотину, поджигали, держали цѣлыя помѣстья въ осадномъ положеніи, и т. п. Не такъ давно умертвили трехъ помѣщиковъ въ томъ же участкѣ, а они вовсе не такъ свирѣпствовали, какъ О'Нейль. Эти-то убійства и врѣзались неизгладимо въ памяти Элленъ. Но дѣду ея они не послужили урокомъ: онъ дѣйствовалъ все круче, все меньше дѣлалъ уступокъ «негодяямъ и лѣнтяямъ», — какъ онъ называлъ своихъ арендаторовъ.

Онъ всюду ходилъ и ѣздилъ одинъ, отказываясь отъ полицейскаго конвоя, хотя ему и предлагало его (несовсѣмъ, впрочемъ, охотно либеральное правительство); деньги со своихъ должниковъ онъ требовалъ съ тѣмъ холоднымъ, безсердечнымъ видомъ, который доводилъ французскихъ аристократовъ до гильотины и фонаря. О'Нейль, не зная состраданія, въ высшей степени обладалъ безстрашіемъ: онъ словно нарочно ожесточалъ крестьянъ и издѣвался надъ ихъ трусостью, которая,

Digitized by Google

по его мнѣнію, мѣшала имъ дать хорошій отпоръ; то и дѣло носились слухи о новомъ выселеніи съ его фермъ несостоятельныхъ должниковъ. Внучка его, ближе знакомая съ жизнью бѣднаго населенія Каригдаса, многое знала и слышала все, что̀ высокомѣрно игнорировалъ ея суровый дѣдъ. Недавнія убійства наводили на нее ужасъ. Въ настоящую минуту она глядитъ на дѣда и въ глазахъ ея отражается почти мольба: не за бѣдныхъ арендаторовъ просить она, говоря по правдѣ,—хоть и ей очень жалко ихъ,—но она просить старика не шутить съ огнемъ. Къ чему бравируетъ онъ и, можетъ быть, рискуетъ даже жизнью? Семья Конелей состоитъ изъ отца, матери и десятерыхъ дѣтей; есть между ними и крошки, и дѣвушки на возрастѣ, и, кромѣ того, старшій сынъ—Патси, двадцатилѣтній юноша. До сихъ поръ они не были замѣшаны ни въ какихъ буйствахъ, но все же духъ строптивости и возмущенія не чуждъ и имъ; порою Элленъ, проходя мимо ихъ дома, слышала фразы и отрывки рѣчей, начинавшія не на шутку пугать ее. Она даже старалась избѣжать встрѣчъ съ кѣмъ либо изъ нихъ.

— Нужда заѣла ихъ, — серьезно, значительно говоритъ она и пристально глядитъ въ глаза старику; дѣдъ никогда не былъ съ нею особенно ласковъ, но родственная кровь течетъ въ ихъ жилахъ и она обязана по возможности предостеречь его: — люди, доведенные до отчаянія, становятся опасными...

— Ты помѣшалась на убійствахъ,—презрительно отзывается О'Нейль:—кажется, вообразила, что и я приговоренъ къ насильственной смерти.

— Я говорю то, что̀ думаю!—холодно возражаетъ Элленъ, видя, что онъ грубо отталкиваетъ ея попытку образумить его:—повторяю, они доведены до отчаянія, а отсюда до изступленія недалеко. Они ужь еле кланяются мнѣ, если я случайно гдѣ нибудь встрѣчаю ихъ.

— Потеря не велика!—говоритъ дѣдъ:—кто пострадаетъ отъ прекращенія знакомства—вопросъ. И что̀ тебѣ за надобность говорить съ ними? Если они желаютъ, какъ ты думаешь, подвергнуть тебя опалѣ, возьми на себя инициативу и первая объяви имъ мою немилость. Единственный способъ справиться съ этимъ народомъ,—это ни подъ какимъ видомъ не давать имъ

Digitized by Google

спуску, держать ихъ постоянно въ ежовыхъ рукавицахъ. А бояться подобныхъ олуховъ—прямо позоръ.

Старикъ былъ великолѣпенъ! Положимъ, отвага его граничитъ съ безуміемъ, въ виду частыхъ возстаній и неоднократныхъ убійствъ. У Элленъ сердце упало. Она уже открыла ротъ, чтобы сдѣлать послѣднюю попытку уломать его, но онъ жестомъ останавливаетъ ее.

— Довольно. Избавь меня отъ твоихъ бредней!—говоритъ онъ, высоко поднимая брови:—политика и такъ надоѣла мнѣ до тошноты. Ну, дитя, иди погуляй. Мнѣ надо остаться одному. Однако, не опаздывай къ чаю,—придетъ Странгфордъ.

— А также и Денисъ,—спокойно добавляетъ молодая дѣвушка,—вы уже мнѣ напоминали объ этомъ.

III.

Когда Элленъ, наконецъ, выбралась на просторъ и свѣжій осенній вѣтерокъ въ лѣсу повѣялъ на нее прохладой, она тотчасъ же почувствовала подъемъ духа. Какое ей въ сущности дѣло до желанія дѣда обвѣнчать ее со Странгфордомъ. Слава богу, она всегда имѣетъ право отказаться; прошли времена, когда невѣстъ тащили къ вѣнцу прямо за косы. Если даже отказъ ея поведетъ къ нищетѣ,—что изъ того?

Она бодро подвигается впередъ; прежнія опасенія улеглись и она гордо несетъ свою хорошенькую головку. Вотъ она миновала зеленую лужайку и очутилась снова въ лѣсу; лиственный сводъ повисъ надъ нею; впереди небольшая просѣка; отъ нея идетъ тропинка къ большой дорогѣ. Тамъ виднѣется небольшой домикъ, немного получше хижины; размѣры его незначительны; крыша и стѣны ветхи.

Это—жилище семьи Конелей. Элленъ выступаетъ изъ лѣса на дорогу, и какая-то женщина, стоящая на крылечкѣ, видитъ ее. Это высокая, худая старуха; сѣдая голова ея покрыта бумажнымъ платкомъ; синяя фланелевая юбка едва доходитъ ей до щиколодокъ. Элленъ узнаётъ мистриссъ Конель, которая быстро направилась къ ней навстрѣчу съ самымъ непривѣтливымъ выраженіемъ озлобленнаго лица; старуха жестикулируетъ руками, и цѣлый потокъ ругательствъ изливается изъ ея устъ; только ирландцы имѣютъ способность дѣйствовать такъ необдуманно.

Digitized by Google

Не все долетаетъ до ушей Элленъ, но и этого вполнѣ достаточно; старуха остановилась и облегчаетъ накипѣвшую противъ помѣщиковъ злобу дикими угрозами и бранью; стоитъ и ошеломленная Элленъ; члены ея точно парализованы... Наконецъ, сдѣлавъ надъ собой усиліе, молодая дѣвушка поворачивается назадъ и снова входитъ въ лѣсъ.

Такъ вотъ ужь до чего дошло! Несчастная женщина проклинаетъ ее,—*ее*, при первой возможности оказывавшую бѣднякамъ всякія услуги! Въ ней всѣ начинаютъ видѣть лишь внучку ненавистнаго О'Нейля! Прежнія опасенія поднимаются въ Элленъ съ новою силою; она думаетъ, что дѣду грозитъ не шуточная опасность. Не разъ, за послѣднее время, ее одолѣвали мрачныя мысли и въ воображеніи рисовались страшныя картины: изъ-за кустовъ чудилось дуло ружья, поджидавшаго стараго О'Нейля; за плетнями и загородками — укрывавшіеся злодѣи...

Мятежи вспыхиваютъ одинъ за другимъ въ сосѣднихъ участкахъ, а дѣдъ не слушаетъ ея и все крутитъ по старому! Дѣвушка идетъ торопливо; визгливыя проклятья старухи все еще звенятъ въ ея ушахъ; она доходитъ до изгороди, перелѣзаетъ черезъ нее и, желая какъ можно скорѣе добраться до дому, сворачиваетъ въ восточную часть лѣса, причемъ чуть не попадаетъ въ объятія молодаго человѣка, который шагаетъ по чащѣ, съ ружьемъ на плечѣ. Вѣроятно, онъ спѣшитъ туда же, куда и она: по крайней мѣрѣ, чрезвычайно быстро огибаетъ противоположный уголъ и такимъ образомъ сталкивается съ нею.

— Ахъ, это вы, Денисъ!

— Какъ снѣгъ на голову?—смѣется молодой человѣкъ:— должно быть, ужь такова моя судьба!

Но, взглянувъ мелькомъ на лицо Элленъ и замѣтивъ ея блѣдность и растерянное выраженіе, Денисъ мѣняетъ тонъ.

— Что случилось?

— А что? Развѣ я блѣдна?—она машинально ощупываетъ руками свои щочки, словно пытаясь убѣдиться въ этомъ.— Особеннаго ничего не случилось! — нервно улыбаясь, отвѣчаетъ она.

— Лучше откройтесь мнѣ,—ласково и просто настаиваетъ Денисъ О'Нейль.

Digitized by Google

— Ну, такъ вотъ въ чемъ дѣло: шла я мимо фермы Конелей. Вы вѣдь просматривали вмѣстѣ съ дѣдушкой документы, касающіеся имѣнія, и знаете, въ какомъ положеніи находится эта семья. На дняхъ имъ предстоитъ покинуть домъ, гдѣ они жили много лѣтъ, или же заплатить арендныя деньги,—а это для нихъ невозможно. Я отлично знаю это, Денисъ, и дѣдушка знаетъ, а между тѣмъ въ слѣдующій вторникъ ихъ выселяютъ!

— Въ слѣдующій вторникъ?

— Да.—Молодая дѣвушка поднимаетъ на него глаза, полные жалости, горя и боязни.—Во вторникъ дѣдъ гонитъ ихъ... По моему, это слишкомъ жестоко!

— И по моему тоже!—съ разстановкой говоритъ Денисъ.—Но, съ другой стороны, каково было бы положеніе помѣщика, еслибы арендаторы одинъ за другимъ отказывались вносить деньги? Ему самому пришлось бы вскорѣ выселиться изъ дома, гдѣ споконъ вѣку жили его предки.

— Ахъ, да! Вѣдь вы наслѣдникъ...—молодая дѣвушка вздохнула и отвернулась.

— Нѣтъ,—поспѣшно возражаетъ онъ:—не истолковывайте ложно моихъ словъ! На мой взглядъ, обѣ стороны виноваты, и я хочу, чтобы вы сами въ этомъ убѣдились. Разумѣется, Конели должны дѣду нашему пустяки; но вѣдь арендная плата вообще не высока; что же будетъ, если всѣ до одного вздумаютъ избѣгать платежа? Вы не хотите съ этимъ согласиться?

— Ну, да, это вѣчное оправданіе. Въ данномъ же случаѣ я принимаю въ соображеніе одно: Конели очень бѣдны, а дѣдушка очень богатъ. Отсрочить или даже простить такой долгъ—это его не разоритъ.

— Но если онъ проститъ одному, то долженъ простить и всѣмъ. Всякій другой арендаторъ нашелъ бы несправедливымъ, почему *онъ* вноситъ арендную плату, а Конели отъ нея освобождены.

— Вы слишкомъ долго прожили въ Англіи,—съ сердцемъ замѣчаетъ молодая дѣвушка:—вамъ не понять здѣшняго народа. Богатые фермеры и не подумали бы обижаться; они знаютъ, въ какой нуждѣ бьются Конели, и не прекратили бы платежа на томъ основаніи, что съ бѣдняками поступили великодушно,

— Очень жаль, что вы не можете убѣдиться въ справе-

Digitized by Google

дливости моихъ словъ на дѣлѣ!—говоритъ Денисъ.—Слово старика О'Нейля, если я вѣрно его понялъ, равняется закону мидійцевъ или персовъ, и онъ его не измѣнитъ. Можетъ быть, я слишкомъ набрался англійскихъ понятій,—какъ вы сказали,—а все таки я не слишкомъ низкаго мнѣнія о здѣшнемъ народѣ.

— Пусть будетъ по вашему! — нетерпѣливо перебиваетъ она. — Но есть и другая причина, почему слѣдуетъ пріостановить предполагаемое выселеніе. Какъ я вамъ говорила уже, я шла мимо фермы Конелей; старуха, увидя меня, выбѣжала на дорогу и... я не могла всего разслышать, но знаю, что она осыпала меня проклятіями...

— Васъ... проклятіями? Какое нахальство! — весь вспыхнувъ, воскликнулъ молодой человѣкъ.

— По вашему нахальство, а по моему отчаяніе вызвало эту вспышку,—мягко поправляетъ Элленъ.—Но я поразилась, испугалась... Проклятья относились не столько ко мнѣ, сколько къ дѣдушкѣ. Вы слыхали о недавнихъ ужасныхъ убійствахъ? Я боюсь за дѣда... Увѣряю васъ, я говорю вполнѣ серьезно... Онъ отталкиваетъ полицейскую охрану, а выселеніе навѣрно вызоветъ возстаніе во всемъ округѣ...

Элленъ умолкаетъ и блѣднѣетъ отъ волненія.

— Вы думаете?—серьезно начинаетъ онъ.

— Знаю навѣрное. Возмутившіеся арендаторы убили же мистера Денгама и Джорджа Рорка, а къ нимъ крестьяне относились лучше, чѣмъ къ дѣду... Его страшно ненавидятъ. Онъ въ числѣ *намѣченныхъ*... — она кладетъ руку на плечо Дениса:—не можете ли вы повліять на него, чтобы онъ отмѣнилъ выселеніе? Сегодня четвергъ. Время еще есть. Поговорите съ нимъ, убѣдите его...

— Я?..—Денисъ съ искреннимъ изумленіемъ смотритъ на кузину:—вы полагаете, что я могу имѣть на него вліяніе? Неужели же вы не понимаете... не видите?.. Мнѣ грустно въ чемъ либо отказывать вамъ, но, увѣряю васъ, я безсиленъ повліять на него въ какомъ бы то ни было смыслѣ.

— О, не говорите этого! Вы—наслѣдникъ послѣ него. Вы должны имѣть извѣстное значеніе въ его глазахъ.

— Вотъ именно потому-то я и не могу вмѣшиваться въ его дѣла! Наслѣдникъ вашего... нашего дѣдушки... Мы обоюдно недолюбливаемъ другъ друга. Повѣрьте, стоитъ мнѣ замолвить

Digitized by Google

словечко за Конелей—и я ихъ навѣрно погублю. Тогда ужь не ждать имъ пощады!

— Знаете, теперь не одна судьба Конелей пугаетъ меня. Я думаю о результатахъ выселенія...

— Можетъ быть, ничего не случится,—говоритъ Денисъ.— аресты по дѣлу Денгама настращали сосѣднихъ мятежниковъ, До вторника, во всякомъ случаѣ, все будетъ тихо. Конечно, выселеніе не обойдется безъ тяжелыхъ сценъ; но едва ли О'Нейль вздумаетъ самъ присутствовать при этомъ, а тамъ я намекну властямъ, что недурно бы присматривать... Если правительство откажетъ мнѣ въ содѣйствіи, я найму частныхъ лицъ, которыя будутъ заботиться о безопасности строптиваго дѣда. Легче ли у васъ стало на душѣ?—съ улыбкой спрашиваетъ онъ.

— Немного полегче; благодарю васъ. Очень цѣню ваше вниманіе. Но...

— Опять: «но»? Вы находите, что все таки мнѣ слѣдуетъ аттаковать медвѣдя въ самой берлогѣ? Хоть я его и не особенно боюсь, но увѣряю васъ, что мое вмѣшательство вполнѣ безполезно. Почему вы не обратитесь къ Странгфорду, возлюбленному кузену нашему? Пусть онъ заступится за бѣдняковъ, если это не пустая трата словъ!

— Къ Странгфорду? Я?..—Элленъ хмуритъ брови.

— Почему же нѣтъ? Онъ — любимецъ старика, а я въ опалѣ. Наконецъ, почему бы вамъ самой не поговорить со старикомъ?

Элленъ качаетъ уныло головой.

— Если вы въ опалѣ, то вѣдь и меня не жалуютъ!—поясняетъ она:—я совсѣмъ не въ милости. Васъ онъ видѣлъ въ теченіе четырехъ дней, а меня видитъ съ малыхъ лѣтъ, но расположенъ къ намъ одинаково.

— Такъ что мы можемъ подать руку другъ другу?—смѣется онъ: — товарищи по несчастью! Слава богу, что несчастье не велико, не правда ли? — Старикъ — безсердечный деспотъ. Дайте же мнѣ руку, товарищъ. — Она со слабой улыбкой пожимаетъ его протянутую руку, но сейчасъ же выдергиваетъ свою; рѣзкость ея движенія заставляетъ молодаго человѣка устремить на нее пытливый взглядъ. Немало толковъ слыхалъ онъ отъ многихъ людей, во время своего

Digitized by Google

кратковременнаго пребыванія въ Каригдасѣ, относительно существующихъ между нею и Странгфордомъ отношеніяхъ,— и теперь выводитъ свои собственныя заключенія.

— Возвратимся къ Странгфорду,—говоритъ онъ:—вы отказываетесь просить его заступничества въ пользу этихъ Конелей?

— Къ чему вы на этомъ настаиваете?—Она пристально глядитъ на него.

— Потому...—медленно отвѣчаетъ онъ,—простите, если я заблуждаюсь... потому что Странгфордъ безусловно числится вашимъ суженымъ.

— Дѣдъ намекалъ вамъ на это? Онъ ошибается. Странгфордъ мнѣ не женихъ, и никогда имъ не будетъ. Я...—она неожиданно даетъ волю самому необузданному гнѣву и выпаливаетъ:—я его ненавижу!

— Да? И я тоже, представьте!—весело смѣется Денисъ:—опять черта сходства между нами. Мы положительно должны заключить дружескій союзъ. На мой взглядъ, прекрасный кузенъ нашъ—просто дрянь!

Оба хохочутъ.

— А все таки обстоятельства складываются для меня очень непріятно, — говоритъ она послѣ нѣкоторой паузы: — если я откажусь принять его предложеніе, дѣдушка лишитъ меня наслѣдства. Онъ спитъ и видитъ, какъ бы обвѣнчать меня со Странгфордомъ.

— Почему пришла ему эта блажь?

— Не знаю... То есть, видите, Странгфордъ—сынъ его единственной дочери, которую онъ, какъ это ни странно, повидимому любилъ; а я поневолѣ осталась у него на рукахъ, такъ какъ мнѣ некуда было дѣваться...—она слегка отворачивается, непріятное чувство безпомощности и стыда гложетъ ей сердце и яркой краской заливаетъ личико.—Надо жь какъ нибудь обезпечить меня,—вотъ онъ и придумалъ...

— Вамъ нѣтъ надобности продолжать!—останавливаетъ ее молодой О'Нейль:—онъ желаетъ, чтобы оставленныя вамъ деньги все таки не миновали рукъ Странгфорда, а доблестный кузенъ изъявляетъ желаніе осчастливить васъ...

— Въ томъ-то и дѣло!—горестно восклицаетъ она. — Не договаривайте! Развѣ это не ужасно? Не далѣе, какъ сегодня,

Digitized by Google

дѣдъ заявилъ мнѣ, что, въ случаѣ отказа выйти за Странгфорда, я угожу, пожалуй, и въ рабочій домъ. Разумѣется, онъ употребилъ иныя выраженія, но смыслъ рѣчей его былъ именно таковъ.

— Негодный старикашка!—возмущается Денисъ:—не обращайте на него вниманія. Не оставитъ же онъ васъ безъ копѣйки, если вы не проникнитесь прелестями великолѣпнаго Странгфорда!

— Ну, я слишкомъ долго жила съ нимъ, чтобы не вѣрить его угрозамъ: стоитъ мнѣ пойти наперекоръ и онъ преспокойно вышвырнетъ меня за бортъ. А что я не уступлю ему, — въ этомъ не сомнѣвайтесь. Пусть всѣ рабочіе дома въ Европѣ настежъ распахнутъ передо мною свои двери,—а не бывать этому браку! У дѣдушки желѣзный характеръ и изумительная ненависть. Денисъ...—она глядитъ кузену прямо въ глаза:—не заблуждайтесь и вы на свой счетъ. Онъ...—Она съ минуту борется съ чувствомъ воображаемаго долга относительно ввѣреннаго ей дѣдомъ секрета... Но развѣ это секретъ? Онъ не приказывалъ ей молчать,—наоборотъ, словно намекалъ, чтобы она при случаѣ предупредила нелюбимаго внука.

— Онъ ничего вамъ не оставитъ!—рѣшительно заканчиваетъ она:—кромѣ того, что неизбѣжно должно перейти вамъ. На милости его не разсчитывайте.

— Развѣ я когда либо уповалъ на его щедроты, кузина?—спрашиваетъ Денисъ:—до моего появленія на свѣтѣ, онъ ненавидѣлъ моего отца, а теперь меня. Какъ вы сами говорите, онъ ненавидитъ и васъ.

Онъ умолкаетъ и взглядываетъ на свою спутницу. Какая она хорошенькая! И привѣтлива, и не робка,—вообще достойна любви во всѣхъ отношеніяхъ.

— Несчастный старикъ!—наконецъ, говоритъ онъ:—остается пожалѣть, что онъ не знаетъ никакой привязанности! А тутъ еще...

— Что еще?..

— Волей-неволей ему придется оставить имѣніе и домъ именно тому человѣку, котораго онъ не выноситъ! Это ужъ совсѣмъ обидно. И человѣкъ этотъ—я!—заключаетъ Денисъ полушутливо, полугрустно, покачивая головой.

— Да...

Digitized by Google

— Спокон вѣку майорат былъ всеобщимъ больнымъ мѣстомъ, но...—молодой О'Нейль вдругъ оживляется:—помочь этому горю нельзя! Вы возвращаетесь, вѣрно, домой? Могу я сопровождать васъ?

— Я такъ и думала, что вы къ намъ идете!—просто говоритъ Эленъ,—дѣдушка не разъ повторялъ мнѣ, чтобы я не запоздала къ чаю, такъ какъ будете вы...

— Трогательное вниманіе! Я умиленъ...

— Не умиляйтесь понапрасну: ожидается и Странгфордъ

— Охъ!—Денисъ останавливается.—Слишкомъ часто я не переношу Странгфорда. Провожу васъ до калитки, а тамъ... Лучше приду къ обѣду.

— Приходите сейчасъ,—серьезно настаиваетъ Элленъ:—мы ждемъ не только Странгфорда, но и Конеля.

— Конеля?

— Да. Онъ хочетъ въ послѣдній разъ обратиться къ дѣду съ просьбою, и, еслибъ вы присутствовали, вы могли бы замолвить за него слово...

— Ахъ, вы все свое! Что могъ бы я сказать?.. А впрочемъ...—задумчиво прибавилъ онъ:—если вы боитесь вспышки...

— Да, боюсь! — съ тревогой въ голосѣ подхватываетъ Элленъ:—дѣдушка просто страшенъ, когда приходитъ въ ярость, а Конель тоже не изъ кроткихъ... вы понимаете, что можетъ произойти? Не оставляйте меня съ ними одну!..

— Вы забываете Странгфорда.

— Странгфордъ?—голосъ дѣвушки звучитъ отвращеніемъ и презрѣніемъ:—куда онъ годится?

— Вотъ какъ! Я начинаю цѣнить доблести Странгфорда. Пожалуй, дѣйствительно будетъ лучше, если я напьюсь у васъ чаю.

IV.

— Гмъ! Наконецъ-то!—восклицаетъ старый О'Нейль.

Элленъ, въ сопровожденіи Дениса, входитъ въ библіотеку; въ рукахъ у нея вѣтка рябины. Восклицаніе дѣда звучитъ въ ушахъ внучки чѣмъ-то зловѣщимъ; она видитъ, что глаза его пылаютъ гнѣвомъ, хотя голосъ и спокоенъ. Она бросаетъ быстрый взглядъ на часы; да, она опоздала на четверть часа,

Digitized by Google

отнюдь не болѣе, къ тому же ожидались къ чаю исключительно *свои*. Она опять взглядываетъ на дѣда, и на этотъ разъ выраженіе его лица пугаетъ ее; глаза его перешли съ нея на Дениса... Неужели онъ сердится главнымъ образомъ потому, что она явилась вмѣстѣ съ ненавистнымъ внукомъ? Врожденное чувство справедливости, по обыкновенію, приходитъ молодой дѣвушкѣ на помощь: она смѣло поднимаетъ голову и ея страхъ мгновенно улетучивается.

— Я встрѣтила Дениса,—говоритъ она чистымъ, звонкимъ голосомъ, — и мы вернулись домой окольными путями. Надѣюсь, — обращается она къ кому-то, сидящему по правую руку О'Нейля:—я не задержала васъ съ чаемъ?

У массивнаго дубоваго стола, справа отъ О'Нейля, развалился въ глубокомъ креслѣ, закинувъ ногу на ногу, молодой человѣкъ. Онъ одѣтъ по послѣдней модѣ; въ глазу у него торчитъ монокль. При видѣ Элленъ, онъ сдѣлалъ усиліе приподняться, но опять опустился на свое мѣсто, какъ будто въ изнеможеніи; наконецъ, все таки всталъ на ноги.

— Дорогая Элленъ, какъ я радъ! — говоритъ онъ, выбрасывая изъ глаза монокль (вѣроятно, по той простой причинѣ, что безъ него видитъ гораздо лучше), — и идетъ къ ней навстрѣчу; она же необычайно холодно оглядываетъ его.

— Что же это вы, а?—восклицаетъ старый О'Нейль, стараясь принять добродушный видъ, что̀ вовсе ему не къ лицу:— что за странная встрѣча между двоюроднымъ братомъ и сестрой? Двоюродные все равно, что родные, не такъ ли? Ну, дѣвочка, поцѣлуй же своего кузена!

— Я увѣрена, — гордо отвѣчаетъ Элленъ, — что кузенъ вовсе не нуждается въ моемъ поцѣлуѣ.

— Очень ошибаетесь, прелестная кузина! — съ томной граціей возражаетъ Странгфордъ, и съ этими словами наклоняется къ ней съ протянутыми губами и въ отвѣтъ получаетъ звонкую пощечину.

— Браво!—кричитъ восторженно Денисъ; онъ не въ силахъ болѣе сдерживаться и разражается откровеннымъ хохотомъ. Покраснѣвшая физіономія отверженнаго претендента на поцѣлуй почему-то преисполняетъ сердце его живымъ восторгомъ; ему пріятно видѣть, какъ тотъ потираетъ себѣ щеку.

Денисъ бросаетъ взглядъ на Элленъ, и веселость его сразу

Digitized by Google

пропадаетъ. Она вся побѣлѣла, какъ носовой платокъ, и, словно въ ужасѣ, отступила къ книжному шкапу, къ которому и прислонилась.

Другой взглядъ брошенъ на стараго О'Нейля, — и душа Дениса (ради кузины) уходитъ въ пятки. Безконечною злобою дышетъ лицо старика.

— Элленъ!—произноситъ дѣдъ и дѣлаетъ шагъ по направленію къ ней.

«И достанется же теперь бѣдной дѣвушкѣ»!—думаетъ Денисъ, полагая, что она поблѣднѣла и дрожитъ отъ испуга; но онъ еще плохо знаетъ ее.

— Что вамъ угодно?—съ трагическимъ спокойствіемъ спрашиваетъ она и выпрямляется во весь ростъ, какъ будто вовсе не нуждаясь въ поддержкѣ книжнаго шкапа: — чего вы отъ меня хотите? Вы желаете, чтобы я согласилась на поцѣлуй, который мнѣ противенъ?

Глаза ея горятъ не хуже взоровъ самого О'Нейля; очевидно, кровное родство—не пустой звукъ.

— Я желаю, чтобы вы держали себя, какъ подобаетъ благовоспитанной дѣвушкѣ,—возражаетъ старикъ.

Денисъ слушаетъ со вниманіемъ и вдругъ вмѣшивается въ разговоръ.

— Если благовоспитаннымъ дѣвушкамъ подобаетъ цѣловать своихъ кузеновъ, то всѣ кузены должны подходить подъ это правило!—говоритъ онъ радостнымъ тономъ; всѣ съ изумленіемъ на него взглядываютъ, не исключая самой Элленъ.— А потому я...—продолжаетъ Денисъ, приближаясь къ кузинѣ, но встрѣчается съ нею взглядомъ и внезапно останавливается:— видно, законъ вашъ на дѣлѣ непримѣнимъ, сэръ!—обращается онъ со смѣхомъ къ О'Нейлю. Но смѣхъ его нѣсколько натянутъ. Странное выраженіе въ глазахъ Элленъ обдало его словно ледяной водой. Что прочелъ онъ въ нихъ, — гнѣвъ, упрекъ или что либо иное?

— Быть можетъ, — холодно соглашается О'Нейль: — я отсталъ отъ вѣка, что и говорить. Если оба твои кузена не слишкомъ оскорбили тебя,—въ тонѣ его слышится насмѣшка; онъ очевидно желаетъ причислить обоихъ кузеновъ къ категоріи лицъ, оскорбившихъ ее: — не соблаговолишь ли ты, Элленъ, налить всѣмъ намъ чаю?

Digitized by Google

Странгфордъ изящнымъ движеніемъ овладѣваетъ ея рукой и ведетъ къ хозяйскому мѣсту у чайнаго стола.

— Очень сожалѣю, что разсердилъ васъ, Элленъ!—нѣжно шепчетъ онъ ей:—я кругомъ виноватъ, каюсь и прошу простить меня. Надѣюсь, (О'Нейль, хоть и былъ не близко, но могъ разслышать его шопотъ; теперь Странгфордъ обращается уже къ нему),—надѣюсь, дѣдушка, что вы не будете бранить Элленъ... Вѣдь вы,—онъ фамильярно киваетъ старику, — *вы* затѣяли всю эту исторію: цѣловаться публично...

Онъ умолкаетъ; видъ и манеры его кокетливо-сладки; Денисъ, тоже разслышавшій сказанныя звучнымъ шопотомъ слова, съ любопытствомъ разглядываетъ Странгфорда, и затѣмъ окончательно опредѣляетъ, кто онъ такой. Будь Странгфордъ особой прекраснаго пола, такіе кокетливые и изящные пріемы были бы понятны; но онъ мужчина... Нѣтъ, лучше не договаривать, кого онъ напоминаетъ...

— Понятно, что Элленъ—противъ подобныхъ демонстрацій чувства!—заканчиваетъ дипломатически Странгфордъ.

— Я противъ поцѣлуевъ,—рѣзко отчеканиваетъ Элленъ,—не только при постороннихъ, но и наединѣ.

Она попадаетъ прямо въ цѣль; не только слова, но и поза, и лицо молодой дѣвушки выражаютъ полную готовность на открытую войну. Она повернулась и стоитъ теперь лицомъ къ лицу съ дѣдомъ и своимъ нареченнымъ; очевидно она не намѣрена сдаваться, хотя, послѣ столь явнаго сопротивленія дѣду, ей предстоитъ далеко не пріятная будущность.

Всѣ эти соображенія проносятся въ головѣ Дениса, не спускающаго съ нея глазъ; ея мужество настолько трогаетъ его, что онъ въ данную минуту хотѣлъ бы, дѣйствительно, имѣть на нее права жениха, чтобы стать съ нею рядомъ и вмѣстѣ съ нею бросить имъ вызовъ.

— Ты, конечно, откажешься отъ своихъ словъ?—холодно говоритъ старый О'Нейль,—слышишь, Элленъ? Я приказываю тебѣ! Откажись, пока не поздно...

— Перестаньте, перестаньте! — перебиваетъ Странгфордъ съ такимъ всепрощающимъ видомъ, что у Дениса чешутся руки. — Дайте ей время подумать. Развѣ можно такъ круто обращаться съ женщинами? У нихъ все зависитъ отъ минутнаго настроенія. Со временемъ она раздумаетъ, а пока, сэръ,

Digitized by Google

прошу васъ — не настаивайте. На слѣдующей недѣлѣ, милая Элленъ...—онъ значительно подчеркнулъ эти слова: — вы навѣрное уже поразмыслите и придете къ иному рѣшенію! (Значитъ, ему извѣстно объ измѣненіи завѣщанія въ его пользу)...

Денисъ съ любопытствомъ глядитъ на него.

— Никогда,—произноситъ съ разстановкой Элленъ:—никогда и ни за что не возьму я своихъ словъ назадъ!

— «Никогда» — слово нешуточное, милая кузина,—говоритъ Странгфордъ и все также сладко улыбается:—не надоѣло бы вамъ пребывать все въ томъ же рѣшеніи...

— Не надоѣстъ!—твердо отвѣчаетъ Элленъ.

Блѣдная, хрупкая, она безстрашно глядитъ на двухъ мужчинъ, заключившихъ противъ нея союзъ; все въ ней дышетъ мужествомъ и непреклонной волей. Сердце Дениса учащенно бьется; онъ самъ не знаетъ, благоразуменъ ли его поступокъ, или нѣтъ, не разсуждая, хорошо ли она отнесется къ его непрошенному заступничеству,—но мигомъ оказывается рядомъ съ нею.

— По моему мнѣнію, сэръ, — обращается онъ непосредственно къ О'Нейлю,—это ужь черезчуръ!..

— А по моему мнѣнію,—кричитъ старикъ, побѣднѣвшій отъ ярости: — васъ никто не спрашиваетъ и вы не суйтесь. Чтобъ васъ чортъ побралъ!..

Дѣло становилось плохо и богъ знаетъ, чѣмъ могло бы кончиться. Но, должно быть, Богъ это видѣлъ: въ ту же минуту дверь распахнулась, и лакей Томасъ впустилъ высокаго, дюжаго крестьянина во фризовой куркѣ съ суковатой дубиной въ рукахъ и съ самой отталкивающей физіономіей.

Это и былъ фермеръ Конель.

V.

Злополучный Конель! При всемъ желаніи, онъ не могъ бы выбрать болѣе неудачнаго момента для прихода съ цѣлью заставить О'Нейля взглянуть на положеніе дѣлъ съ точки зрѣнія несостоятельнаго фермера. Старый самодуръ, окончательно потерявшій всякое самообладаніе, съ ожесточеніемъ накидывается на него.

— Это опять вы, Конель? Я надѣялся, что положилъ ко-

Digitized by Google

нещъ безполезнымъ свиданіямъ, но миссъ Элленъ сообщила мнѣ, что вы настоятельно желаете видѣть меня еще разъ. Для какой это надобности, смѣю спросить?

— Прошу извинить за безпокойство, сэръ... — начинаетъ Конель, запинается и умолкаетъ. Онъ видимо оробѣлъ и озирается по сторонамъ: очутившись въ обществѣ особъ изъ другаго міра, онъ растерялся и не находилъ словъ. Однако, со своеобразной гордостью, присущей всей его націи, онъ рѣшается во что бы то ни стало побороть свое смущеніе, благодаря чему принимаетъ еще болѣе отталкивающій видъ. Природа и такъ одарила его далеко непривлекательной наружностью.

— Извините, сэръ, что я вообще позволилъ себѣ прійти... Но причина моего прихода вамъ, конечно, извѣстна...

— Ни малѣйшаго понятія не имѣю и даже не догадываюсь!—глумится О'Нейль:—при послѣдней встрѣчѣ съ вами, мы, кажется, истощили всѣ темы для разговора, какія только могутъ существовать между нами. По какому же случаю явились вы сегодня?

— Позвольте мнѣ сказать. еще одно слово, сэръ!—жестомъ останавливаетъ проситель расходившагося старика. — Я такъ разсудилъ самъ съ собою: пойду-ка, молъ, я сегодня къ помѣщику, поговорю съ нимъ по душѣ, можетъ, онъ и отсрочитъ арендную плату до послѣ Рождества!

— Не до послѣ ли дождичка въ четвергъ? Извѣстно вамъ, сколько времени я уже ждалъ?

— Я просрочилъ всего на всего полтора года, сэръ! Многіе помѣщики ждутъ и дольше...

— Дураки мнѣ не указъ. Безъ сомнѣнія, ихъ надо искать въ числѣ тѣхъ гуманистовъ, которыхъ признательные арендаторы въ концѣ концовъ укокошили? Вы прекрасно знаете, Конель, что годъ — крайній мой срокъ. Я не флюгеръ и не трусъ, чтобы мѣнять свое слово. Прошу этого не забывать. Вотъ и конецъ разговору.

— Да, сэръ, я и самъ такъ думалъ. Довольно хорошо знаю вашу честь.—Тонъ Конеля спокоенъ и почтителенъ; онъ вполнѣ овладѣлъ собою. Денисъ прислушивается, и ему кажется, что фермеръ какъ-то ужь черезчуръ спокоенъ и почтителенъ. Также самый характеръ отвѣта кажется ему подозри-

Digitized by Google

теленъ. «Я довольно хорошо знаю вашу честь»—можетъ имѣть двойной смыслъ. Онъ пытливо всматривается въ Конеля; тотъ стоитъ понуро, со своей жалкой, старой шляпёнкой въ дрожащихъ отъ волненія рукахъ, тупо уставившись въ пушистый коверъ, въ которомъ потонули его ноги, обутыя въ рваные сапоги.—Я такъ и думалъ, сэръ,—а все таки надѣялся... не сжалитесь ли вы надъ нами... не подождете ли еще хоть немного... Я ужь изъ кожи вылѣзу, а уплачу въ декабрѣ или около того.

— Ни одного дня больше не намѣренъ я вамъ дарить! Весьма возможно, что вы и вамъ подобные надѣялись подлыми убійствами, учиненными въ околодкѣ, нагнать на меня страхъ и вынудить у меня поблажку... Такъ вотъ что, пріятель: вы достигли совершенно противоположнаго результата. Съ мистеромъ Блэкомъ я былъ близко знакомъ; смерти его я не забуду и не прощу. Было бы вамъ извѣстно!

Мистера Блэка, изъ помѣстья Вудвью, не такъ давно звѣрски умертвили на большой дорогѣ въ восьмомъ часу вечера; убійцы впятеромъ напали на него, вооружившись камнями и палками, и положили его на мѣстѣ.

— Вы и меня можете убить, если угодно,—продолжаетъ О'Нейль, задорно откидывая сѣдую голову назадъ:—а пока вы еще не успѣли этого сдѣлать, я покажу всѣмъ вамъ, трусамъ и подлецамъ, что ни капли не боюсь и ни одному изъ васъ не дамъ потачки — старикъ разражается вызывающимъ смѣхомъ: — пока вы не заставите меня испустить послѣдній вздохъ!

Конель на мгновеніе поднимаетъ голову и бросаетъ странный взглядъ на противника. Сухія потрескавшіяся губы его шевелятся; онѣ шопотомъ повторяютъ слово: «пока», — но одному Странгфорду удается разобрать это слово,—онъ ближе всѣхъ находится къ фермеру.

— Надѣюсь, это случится не скоро, сэръ! — произноситъ онъ немного погодя вслухъ, въ отвѣтъ на послѣднія слова О'Нейля. На одну предательскую секунду онъ чуть не выдалъ себя, но тотчасъ же спохватился. На лицѣ его снова написано смиреніе и приниженность. Но Странгфордъ постепенно начинаетъ интересоваться ходомъ событій. Что у крестьянина на умѣ? Мысли Странгфорда далеко забѣгаютъ впередъ... Въ

Digitized by Google

среду будетъ составлено новое завѣщаніе, которое сдѣлаетъ его наслѣдникомъ земель во всей болѣе возвышенной части помѣстья,—наслѣдство само по себѣ завидное; съ другой стороны, благодаря тому же завѣщанію, прямой наслѣдникъ Каригдаса останется почти бѣднякомъ. Въ силу того же завѣщанія, тридцать тысячъ отходятъ къ нему, Странгфорду, а тридцать—къ Элленъ, если она согласится выйти за него замужъ... Онъ хорошо знакомъ съ условіями завѣщанія; а Элленъ, хотя и бунтуетъ теперь, навѣрно затянетъ совсѣмъ иную пѣсню, когда нищета грозно заглянетъ ей въ глаза; тогда она обратится за помощью къ нему и несомнѣнно приметъ его предложеніе. Отчего же ему не жениться на ней? Во всемъ околодкѣ не найдется такой хорошенькой дѣвушки; а затѣмъ онъ доставитъ себѣ удовольствіе проучить ее, послѣ свадьбы, какъ слѣдуетъ за дерзости. Мысли его бѣгутъ да бѣгутъ, а тѣмъ временемъ О'Нейль и Конель продолжаютъ свой разговоръ. Странгфордъ силится разгадать, что̀ скрывается за смиренными рѣчами Конеля, каковъ тайный смыслъ слова «пока», произнесеннаго шопотомъ и очевидно невольно, и каково значеніе мстительнаго взгляда, брошеннаго фермеромъ на своего притѣснителя. Для Странгфорда важно одно: прошла бы благополучно среда, а тамъ.. не все ли равно, еслибъ старческая рука навсегда лишилась способности подписывать завѣщанія? Пожалуй, это даже было бы лучше... Странгфордъ стряхиваетъ съ себя этотъ сонъ наяву,—слишкомъ ужь фантастическимъ дѣлается онъ,—и ясно слышитъ, что Конель говоритъ слѣдующее:

— Позвольте мнѣ переговорить съ вами наединѣ, сэръ!

— Наединѣ? Не вижу въ этомъ никакой надобности,—возражаетъ О'Нейль.

Конель поднимаетъ голову; въ глазахъ его свѣтится такая жестокость, что всякому становится понятно, съ какимъ наслажденіемъ онъ остался бы наединѣ со старикомъ, минутъ хоть на пять... А, впрочемъ, трудно рѣшить, кто бы изъ нихъ одержалъ верхъ—оба такіе сильные, высокіе, рослые.

Странно! О'Нейль даже обрадовался словамъ Конеля: они послужили ему для извѣстной цѣли.

— Вотъ онъ, — старикъ махнулъ рукой въ сторону Дениса, но взглядомъ его не удостоилъ: — будущій владѣлецъ

Digitized by Google

имѣнія. По закону... (сколько ненависти слышится въ тонѣ старика, не смотря на усиліе говорить вѣжливо!) къ нему переходитъ Каригдасъ и незначительное количество земли, на которой, кажется, стоитъ и ваша ферма, Конель. То есть...— лицо его оживляется дьявольской усмѣшкой, — то есть, та ферма, гдѣ вы сидите до будущаго вторника. А этотъ, — онъ указалъ на Странгфорда:—наслѣдникъ всего моего движимаго и благопріобрѣтеннаго состоянія!

Старикъ какъ бы съ уваженіемъ склоняется передъ вторымъ наслѣдникомъ; все это онъ продѣлываетъ не безъ умысла.

Странгфордъ съ умоляющей миной протягиваетъ къ нему свои бѣлыя выхоленныя руки и улыбается, скорѣе съ укоризной; но вѣдь точный смыслъ всякой улыбки разгадать довольно мудрено, и О'Нейль, повидимому, остается доволенъ любимымъ внукомъ. Онъ переводитъ глаза съ него на Дениса; тотъ развалился со всѣми удобствами въ громадномъ креслѣ и старикъ украдкой изучаетъ выраженіе его лица. Ударъ предназначался ему; О'Нейль думалъ испугать, ошеломить, унизить отродье ненавистнаго ему сына, но зарядъ пропалъ даромъ. Этого «врага», надо полагать, расшевелить довольно трудно!..

Взгляды двухъ противниковъ,—Дениса и его дѣда,—наконецъ, скрещиваются и происходитъ нѣчто въ родѣ безмолвной дуэли.

Она долго длится... Ни одинъ изъ нихъ не сморгнулъ; наконецъ, Денисъ,—словно вся исторія достаточно позабавила его,—поднимаетъ брови съ нѣсколько надменнымъ видомъ; въ темныхъ глазахъ его, ни на мгновеніе не покидавшихъ лица О'Нейля, мелькаетъ подобіе насмѣшливой улыбки, уголки губъ дрожатъ отъ сдерживаемаго веселья, и старикъ не выдерживаетъ, хмурится, раздражается и снова повертывается къ Конелю.

— Ну, и довольно! — гнѣвно восклицаетъ онъ; молчаливое препирательство съ нелюбимымъ внукомъ въ конецъ взорвало его: — не до поздней же ночи толковать объ одномъ и томъ же...

— Но, сэръ...

— Никакихъ «но» быть не можетъ, Конель. Не нужно переливать изъ пустаго въ порожнее ни при свидѣтеляхъ, ни съ глазу на глазъ.

Digitized by Google

— Не говорите этого, не подумавши хорошенько, сэръ...— Конель ближе подвинулся къ нему. Что несчастный испытываетъ мучительную тоску, о томъ можно судить по крупнымъ каплямъ пота, выступившимъ у него на лбу: — дайте мнѣ передохнуть, сэръ...

— Я своего рѣшенія не измѣню и больше отсрочки не дамъ!—съ холоднымъ презрѣніемъ отчеканиваетъ О'Нейль:— затѣмъ до свиданія! — онъ указываетъ на дверь.

— Боже праведный! Но нѣтъ, сэръ, это слишкомъ жестоко!

Внезапный гнѣвъ охватилъ и завладѣлъ всѣми чувствами помыслами Конеля и онъ впервые постигъ всю неизбѣжность катастрофы. — Я привыкъ къ своему очагу, мистеръ О'Нейль!..—задыхаясь, произноситъ онъ, блѣдныя ноздри его раздулись:—я сжился съ нимъ. До меня тамъ же жилъ мой отецъ... Подумайте, сэръ, ради бога подумайте! Не доводите меня до отчаянія... Совѣтую вамъ подумать. Не губите насъ... Не выгоняйте меня съ семьей на большую дорогу... Вамъ ничего не стоитъ обождать. Мы заплатимъ весь долгъ свой, клянусь вамъ!.. Да оставитъ насъ Пресвятая Дѣва своими молитвами, если мы забудемъ свой долгъ.

— Вотъ чушь-то!—О'Нейль пожимаетъ плечами.

Конель дикимъ блуждающимъ взоромъ окидываетъ присутствующихъ.

— И никто изъ васъ не замолвитъ за меня словечка?— говоритъ онъ.

Денисъ необдуманно вскакиваетъ. Поведеніе старика О'Нейля вызвало въ немъ отвращеніе; лицо его блѣдно... Но что,—что можетъ онъ сдѣлать? Замолвить слово за несчастнаго, къ которому онъ чувствуетъ глубокую жалость, — но что же изъ этого выдетъ? Своимъ заступничествомъ онъ скорѣе погубитъ дѣло!

Однако, Конель видитъ, что фермеръ съ отчаяніемъ смотритъ на него, и ждетъ... Денисъ понимаетъ его нѣмую мольбу и качаетъ головой, въ знакъ своего безсилія помочь ему; но фермеръ по своему истолковываетъ его поведеніе...

Элленъ, блѣдная, дрожащая, выступаетъ изъ-за занавѣсокъ окна, но тоже сознаетъ себя безсильной помочь горю. Она

Digitized by Google

сама не знаетъ, зачѣмъ покинула свое убѣжище и не выдержала безучастной роли?..

Тѣмъ не менѣе надежда снова оживила Конеля и онъ обращается къ ней.

— Вы—женщина,—глухимъ голосомъ говоритъ онъ:—въ васъ больше жалости. Заступитесь!..

Элленъ смотритъ на дѣда съ тоскливой мольбой во взглядѣ, но выраженіе лица старика непреклонно.

— Мнѣ и говорить безполезно! — тихо произноситъ она, сдерживая слезы, и отворачивается...

— Да, да, всѣ вы заодно. Будьте же вы прокляты!—вскрикиваетъ Конель, бросая на полъ свою шапку: — дѣла вамъ нѣтъ до насъ, бѣдняковъ. Живы ли, съ голоду ли мремъ подъ открытымъ небомъ,—было бы вамъ хорошо!..

Въ эту минуту Странгфордъ граціозно приподнимается со своего мѣста.

— Право же,—обращается онъ къ старому О'Нейлю:—по моему, вамъ слѣдовало бы дать этому несчастному отсрочку... ну, хоть ненадолго! Пусть поосмотрится... Всѣ о немъ отзываются съ похвалой, и...

— Отсрочку человѣку, который только что любезно отправилъ всѣхъ насъ къ чорту?—возражаетъ О'Нейль: — это совсѣмъ лишнее, другъ мой. Очень жаль, что долженъ въ чемъ либо отказать тебѣ, Странгфордъ,—но въ данномъ случаѣ уступить никакъ не могу!

Получивъ отпоръ, Странгфордъ съ глубокимъ вздохомъ отступаетъ и становится позади дѣда; съ этой позиціи онъ краснорѣчиво дѣлаетъ сочувственные жесты по адресу Конеля, качаетъ головой и пожимаетъ плечами. Фермеръ слѣдитъ за всѣми его движеніями; мало того, — заступникъ мимикой выражаетъ сильнѣйшее неодобреніе поступку стараго О'Нейля...

Денисъ подмѣчаетъ всю эту маленькую комедію и у него мелькаетъ въ головѣ мысль, что Странгфордъ умышленно забрался старику за спину, чтобы, не стѣсняясь, изображать всѣ вышеупомянутыя чувства.

Быстрѣе молніи проносится въ умѣ Дениса и другое соображеніе насчетъ Странгфорда: какъ удачно выбралъ онъ моментъ, чтобы скромно высказаться въ пользу Конеля, когда

Digitized by Google

послѣдній только что успѣлъ щедро осыпать проклятьями и самого О'Нейля, и всѣхъ членовъ его семьи...

Тѣмъ временемъ О'Нейль позвонилъ. Конель понялъ, что его сейчасъ выведутъ, и окончательно потерялъ голову.

— Такъ это ваше послѣднее слово? Въ слѣдующій вторникъ, я и семья моя—бездомные бродяги?

— Вы не ошиблись. Именно вторникъ я и назначилъ!—холодно подтверждаетъ О'Нейль.

Конель подступаетъ къ нему ближе.

— А подумали ли вы о томъ,—хрипло спрашиваетъ онъ:—гдѣ приклонимъ мы головы послѣ этого вторника?..

— Вотъ ужь каюсь, не особенно былъ я занятъ этимъ вопросомъ! — отвѣчаетъ О'Нейль, съ самымъ беззаботнымъ видомъ, смахивая носовымъ платкомъ соринку съ своего сюртука.

Конель внѣ себя.

— Ну, конечно, гдѣ же вамъ думать о насъ! Мы вѣдь скоты, собаки! Такъ я же вотъ что скажу тебѣ... Вотъ что... Я...—онъ останавливается задыхаясь:—я предсказываю тебѣ, грозный О'Нейль...—крикъ его переходитъ въ вопль, руки судорожно жестикулируютъ:—насъ-то Господь приберетъ туда... къ себѣ... а ты и отродье твое... прямо въ адъ угодите... Горѣть вамъ, кровопійцы, въ огнѣ неугасимомъ!..

Все это слишкомъ ужасно. Элленъ рыдаетъ; Странгфордъ поблѣднѣлъ; Денисъ подходитъ къ дѣду... Одинъ старикъ по прежнему невозмутимъ.

— Дерзкій негодяй,—хладнокровно говоритъ онъ:—вонъ изъ моего дома!

— Изъ твоего дома? Берегись, О'Нейль! — Конель весь трясется отъ бѣшенства:—берегись, говорю я тебѣ! Изъ своего и изъ моего дома гонишь? И полагаешь, что все это пройдетъ тебѣ даромъ? Клянусь всѣми святыми,—не пройдетъ!

— Угрозы?—О'Нейль высокомѣрно поднимаетъ голову.—Эй, Томасъ!—говоритъ онъ входящему на звонокъ лакею,—выведи этого нахала за ворота.

Конель внезапно остываетъ... Дикій гнѣвъ его неожиданно улегся, на лицѣ расползается улыбка, которая леденитъ душу Элленъ... Чѣмъ-то зловѣщимъ вѣетъ отъ этой улыбки... Крестьянинъ долго не сводитъ глазъ съ О'Нейля; затѣмъ безпре-

Digitized by Google

кословно идетъ вслѣдъ за слугой, но на порогѣ снова оборачивается.

— Во вторникъ, значитъ, выселяться?

О'Нейль наклоняетъ голову утвердительно.

— Ну, ладно. Да припасетъ тебѣ Господь тепленькое мѣстечко, О'Нейль, когда и для тебя настанетъ часъ покинуть домъ твой!—Та же ледяная улыбка искажаетъ его губы.

Элленъ закрываетъ лицо руками. Какой тонъ, какая улыбка! Недоброе предвѣщаетъ и то, и другое...

Минуту спустя, она отнимаетъ руки отъ глазъ и видитъ, что Конеля уже нѣтъ, а О'Нейль, какъ ни въ чемъ не бывало, прощается со Странгфордомъ. Послѣдній видимо куда-то сильно торопится.

— Завтра мы увидимся, значитъ, у Друмондовъ! — говоритъ старикъ.—Леди Августа затѣваетъ состязаніе въ лаунъ-теннисъ, или что-то въ этомъ родѣ. Я обѣщался отправить къ нимъ Элленъ, даже если самъ и не соберусь.

Онъ оглядывается на Дениса.

— Ты тоже тамъ будешь, кажется? — спрашиваетъ онъ; холодность его тона граничитъ съ неучтивостью.

— Да, я радъ буду снова повидаться съ леди Августой,— спокойно отвѣчаетъ Денисъ.

VI.

По аллеѣ Странгфордъ шелъ своей обычной плавной походкой, но за воротами вдругъ прибавилъ шагу и почти бѣгомъ пустился по дорогѣ. Здѣсь никто его не видитъ, а ему крайне необходимо переговорить съ Конелемъ сегодня же. У него не хватаетъ духу даже самому себѣ сознаться, въ чемъ должны заключаться эти переговоры; одно, впрочемъ, ему ясно: словами, прямо, онъ ничего не скажетъ; нетрудно вѣдь навести на мысли, ничего открыто не высказывая. На ходу онъ старается все заранѣе обдумать: то фразу, которая можетъ ему пригодиться, то смутный намекъ на нѣчто, — но на что? Онъ умышленно все время отказывается понимать, какая мысль въ дѣйствительности зародилась въ его мозгу.

Вечеръ стоитъ теплый,—изъ-за горъ поднялся сѣроватый туманъ и все окуталъ нѣжной, волнистой дымкой. Зелени по-

Digitized by Google

чти не различить, мѣстами только виднѣются вѣтви деревъ, да и тѣ печально поникли; грустью вѣетъ и отъ неба, и отъ земли. Странгфордъ добирается до крутаго пригорка, и нѣсколько замедляетъ свои шаги; вотъ и поворотъ дороги, — вдали виднѣется домъ Конеля.

Онъ, однако, ужь не одинъ; въ фигурѣ идущаго съ нимъ юноши Странгфордъ узнаетъ сына арендатора, Патрика Конеля. Юноша — высокій, стройный малый, но не пользуется хорошей славой въ околодкѣ; ему уже стукнуло двадцать лѣтъ; онъ сорви-голова, вѣчно лѣзетъ въ драку и выпить не дуракъ; а за дѣвушками ухаживаетъ слишкомъ охотно. Всего хуже его дикій, неукротимый нравъ. Безъ сомнѣнія, онъ вышелъ навстрѣчу отцу, чтобы поскорѣе узнать о результатѣ свиданія съ О'Нейлемъ. Старый Конель идетъ медленно, еле волоча ноги; голова его опущена на грудь.

Странгфорду нѣтъ больше надобности торопиться и онъ имѣетъ возможность обычнымъ, мѣрнымъ шагомъ поравняться съ Конелями на перекресткѣ, гдѣ ихъ дороги расходятся. Это вышло очень удачно: продолжительный разговоръ былъ бы бестактностью; а теперь, высказавъ задуманное, онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, повернетъ своей дорогой,—ихъ путь лежитъ въ противоположныя стороны. Чтобы не столкнуться съ ними очень рано, Странгфордъ еще замедляетъ шаги...

Что же именно хочетъ онъ сказать имъ? Времени осталось немного и онъ самъ себѣ задаетъ этотъ вопросъ. Что? Да ничего особенно важнаго... Старый Конель нѣсколько погорячился; можетъ быть, ему удастся благотворно повліять на него!.. Если же Конель серьезно замышлялъ насиліе противъ своего притѣснителя... если, наконецъ, замышлялъ убійство?.. Ну, едва ли. Богъ мой, это даже немыслимо! Это было бы ужасно... ужасно, еслибъ его умертвили, напримѣръ, сегодня, или завтра въ ночь, или...

Въ среду О'Нейль составитъ новое завѣщаніе; по этому завѣщанію, всѣ земли, не укрѣпленныя закономъ за прямымъ наслѣдникомъ, переходятъ къ нему, Странгфорду,—что составитъ ежегодный доходъ тысячъ въ пять, по крайней мѣрѣ; а, кромѣ того, половина 60 тысячъ фунтовъ стерлинговъ, да и другая ихъ половина, по всей вѣроятности, перейдетъ тоже къ нему. (Элленъ едва ли пожелаетъ остаться нищей!). Къ

Digitized by Google

тому же... Лицо Странгфорда дѣлается пасмурнымъ. Элленъ должна принадлежать ему! Онъ устремляется впередъ, словно подстрекаемый еще новымъ побужденіемъ, и прибавляетъ шагу, не выпуская изъ виду двухъ крестьянъ: онъ хочетъ встрѣтиться съ ними какъ разъ на перекресткѣ. Можно ли полагаться на О'Нейля? Онъ уже не въ первый разъ мѣняетъ завѣщаніе. Если дать ему время, онъ, пожалуй, опять передумаетъ... А если, съ другой стороны, не дать ему времени раздумать?

Онъ почти поравнялся съ двумя мужчинами; онъ уже настолько близко, что они оборачиваются и смотрятъ на него. Странгфордъ дѣлаетъ рукою неопредѣленный жестъ, и оба они останавливаются.

— Ахъ, это вы! Остановитесь на минутку, Конель. Очень радъ, что случайно наткнулся на васъ, — Странгфордъ опять дѣлаетъ знакъ рукой; какая маленькая ручка, и въ какой изящной перчаткѣ! Да, онъ сдѣлаетъ имъ легкій намекъ, только намекъ. Намеки рѣдко имѣютъ какое либо существенное значеніе... Безъ сомнѣнія, эти два болвана ограничатся тѣмъ, что покричатъ, погорячатся, но дальше не пойдутъ. Навѣрно даже такъ. Слѣдовательно, намекъ его окажется вполнѣ невиннымъ. На совѣсти у него не будетъ лежать ровно ничего... даже если... если они... Вѣдь если они, дѣйствительно, задумали что либо серьезное, то не нуждаются въ его намекѣ, чтобы...

— Бѣдный Конель! — сказалъ онъ, подойдя къ фермеру и положивъ руку ему на плечо; жестъ его ласковый, сочувственный, также какъ тонъ и выраженіе лица. — Мнѣ такъ было жаль васъ. Клянусь, я готовъ былъ ударить жестокаго старика! Но вы вѣдь понимаете,—онъ мнѣ дѣдъ, не такъ ли? Поднимать на него руку мнѣ не приходится.

Первый намекъ недуренъ. Лица обоихъ слушателей омрачаются; на нихъ появляется звѣрское выраженіе.

— Да, да, вижу, какъ вамъ тяжело. Хоть О'Нейль мнѣ и родня, но не могу не сознаться, что онъ поступаетъ съ вами чертовски круто. Будь у меня хоть грошъ за душой (я по уши въ долгахъ въ настоящую минуту), я бы немедленно внесъ за васъ арендную плату, хотя вы сами можете посудить, удобно ли мнѣ такъ рисковать. Навлечь на себя неудовольствіе дѣда—для меня не шутка! Но, право, клянусь вамъ,

Digitized by Google

что въ данный моментъ мнѣ неоткуда взять этихъ ста фунтовъ. Что могъ, то я сдѣлалъ для васъ сегодня вечеромъ; вы сами могли убѣдиться, что я на вашей сторонѣ.

Молодой Конель пытливо въ него всматривается; Странгфордъ не понимаетъ значенія его взгляда; но позднѣе взглядъ этотъ съ ужасающей ясностью воскресаетъ въ его памяти и становится ему понятнымъ.

— Вы серьезно это говорите? — грубо справляется онъ, не спуская свирѣпаго взгляда со Странгфорда.

— За меня говорятъ мои слова! — пожимаетъ плечами Странгфордъ: — вы вѣдь слышали мой совѣтъ дѣду? — обращается онъ къ старшему Конелю.

— Да...

— Дай мнѣ съ нимъ поговорить! — нетерпѣливо перебиваетъ отца молодой человѣкъ: — вы хотите сказать, что не отступитесь отъ насъ, сэръ? Будете за насъ до конца?

Глаза Патси Конеля такъ и впились въ Странгфорда.

Послѣдній колеблется... Въ какомъ смыслѣ долженъ онъ быть за нихъ *до конца?* До какого конца? Опять онъ пускается на сдѣлки со своей собственной совѣстью. О чемъ толкуетъ парень? Ужь не убійство ли подразумѣваетъ онъ? Ну, разумѣется, не убійство,—вздоръ какой! Онъ проситъ, вѣрно, не оставить ихъ въ нуждѣ, помочь имъ уплатить арендную плату—не болѣе. Подумавъ хорошенько, онъ приходитъ къ заключенію, что найдетъ возможность удѣлить имъ нѣсколько фунтовъ:—надо же выручить злополучныхъ бродягъ изъ бѣды.

— Разумѣется, я отъ васъ не отступлюсь!—самымъ дружелюбнымъ тономъ заявляетъ онъ послѣ минутнаго размышленія:—если десятка два фунтовъ могутъ быть вамъ полезны...

Молодой Конель закидываетъ назадъ голову и заливается наводящимъ ужасъ смѣхомъ.

— Впослѣдствіи и они пригодятся! — многозначительно говоритъ онъ и продолжаетъ смѣяться такъ, что даже эластичная совѣсть Странгфорда на одинъ мигъ замираетъ. «Впослѣдствіи»?.. — ну, да, весьма естественно, послѣ того какъ ихъ выселятъ. Бѣдняги, имъ каждая копѣйка будетъ дорога!..

— Вы сами видите,—рѣзко, но не повышая голоса и озираясь во всѣ стороны, говоритъ старшій Конель:—что этому надо положить конецъ.

Digitized by Google

— Безспорно слѣдуетъ,—тоже понижая голосъ, соглашается Странгфордъ:—и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

— Это ваше мнѣніе, сэръ Странгфордъ?—пытливо спрашиваетъ старикъ, нагибаясь впередъ и внимательно изучая лицо собесѣдника.

— Вы сомнѣваетесь во мнѣ?—говоритъ любимецъ О'Нейля, но въ голосѣ его слышно волненіе. На что идетъ онъ? А, впрочемъ, онъ вѣдь ничего такого не сказалъ... ровно ничего!—Вы знаете, какъ я вамъ сочувствую. Я пробовалъ заступиться за васъ, урезонить дѣда... но вліяніе мое не велико: я не наслѣдникъ.

— Что ты думаешь о новомъ наслѣдникѣ?—набрасывается на отца Патси: — чего ждешь отъ него новенькаго? Гдѣ самъ будешь тогда? Въ рабочемъ домѣ? Забылъ, что во вторникъ насъ выгонятъ.

Отецъ, въ свою очередь, огрызается на сына.

— А ты забылъ, о чемъ мы говорили? — рѣзко спрашиваетъ онъ.

Странгфордъ поспѣшно мѣняетъ разговоръ. О чемъ хотѣлъ старикъ напомнить сыну? Вѣрно, о томъ, чего ему, внуку помѣщика, не подобаетъ слышать. Онъ и не желаетъ.

— Вотъ еслибъ мистеръ Денисъ О'Нейль замолвилъ за васъ словечко! — вкрадчиво говоритъ онъ: — дѣло, вѣроятно, уладилось бы. Мнѣ невозможно лѣзть съ совѣтами и соваться въ управленіе, но онъ, какъ наслѣдникъ... вы понимаете... имѣетъ на дѣда громадное вліяніе. Стоило ему только вмѣшаться... Кромѣ того, не забывайте,—онъ будетъ въ свое время богатъ.

Странгфордъ и самъ почти не зналъ, чего онъ добивается, говоря все это; но, разъ начавъ, онъ съ оживленіемъ продолжаетъ. Хорошо было бы утопить Дениса, сдѣлать такъ, чтобы и его не взлюбилъ здѣшній народъ!

Совѣсть его все таки запротестовала; онъ струсилъ передъ возможностью кровопролитія.—Вамъ извѣстно,—продолжаетъ онъ,—что О'Нейль, кромѣ нашей провинціи, имѣетъ значительныя земли и въ сосѣдней, не считая капитала?

— И все достанется тому?

— Наслѣдникъ онъ,—мягко поясняетъ Странгфордъ:—было время, я думалъ... но теперь...—онъ останавливается словно

Digitized by Google

въ смущеніи:—у него будутъ прекрасныя средства. А что его заступничество принесло бы гораздо больше пользы, чѣмъ мое,—въ этомъ, я думаю, вы сами убѣдитесь.

— Онъ сказалъ, что все оставитъ вамъ.

— И вы повѣрили? Теперь-то, когда пріѣхалъ другой внукъ, къ которому должна перейти его родовая земля? О, нѣтъ! Онъ собирается вскорѣ сдѣлать завѣщаніе, и въ немъ моего имени уже не встрѣтится... — Но лучше промолчать, чѣмъ сказать что нибудь лишнее, и Странгфордъ умолкаетъ. Съ другой стороны, надо же чѣмъ нибудь мотивировать свое поведеніе, свою симпатію къ нимъ.

— Сомнѣнія быть не можетъ, что Дениса О'Нейля сдѣлаютъ наслѣдникомъ всего! — съ удареніемъ заключаетъ онъ.

— А онъ и рта не раскрылъ въ нашу пользу,—уставясь въ землю, говоритъ старшій Конель.—Ни слова не сказалъ. Я надѣялся на него... а онъ только головой покачалъ... Вѣрно, меня же осудилъ. Подумать только, что у него тысячи, а у насъ... И во вторникъ насъ выгонятъ. Да, онъ покачалъ головой!.. Ему что? Не онъ останется безъ крова и пищи.

— Проклятье на его голову!—бѣшено крикнулъ сынъ Конеля:—долой всѣхъ аристократовъ.

— Боюсь, что Денисъ нравомъ пошелъ въ дѣда. Крутъ онъ, очень крутъ!—съ соболѣзнованіемъ вздыхаетъ Странгфордъ:—нельзя не порицать, какъ самого О'Нейля, такъ и его наслѣдника. Жутко придется вамъ, бѣднякамъ! Если вамъ, послѣ среды, понадобится фунтовъ съ 50, я постараюсь, друзья мои, раздобыть ихъ для васъ. Но не ранѣе четверга... поняли?

Намекъ черезчуръ тонкій; ни одинъ изъ слушателей его не понялъ. Странгфордъ ничуть не сомнѣвался, зная характеръ ирландцевъ, что если и будетъ покушеніе на жизнь стараго О'Нейля, то не ранѣе, какъ черезъ мѣсяцъ. Онъ никакъ не предполагалъ, что они примутся за дѣло, не теряя ни минуты; быть можетъ, еслибъ не его поддержка, взбѣшенные фермеры такъ не поторопились бы; ему надо было сначала внимательнѣе всмотрѣться въ злобное выраженіе ихъ глазъ, а потомъ уже подливать масла въ огонь. Но Странгфордъ этого не сообразилъ...

Сообщники его, между тѣмъ, бормотали что-то въ родѣ

Digitized by Google

благодарности ему, но уже съ оттѣнкомъ фамильярности, непріятно поразившей Странгфорда.

— Ну, и довольно, довольно, друзья мои,—говоритъ онъ, вбрасывая въ глазъ монокль и принимая покровительственный видъ; старый Конель не обратилъ вниманія на эту перемѣну, но отъ сына она не ускользнула.—Мнѣ жаль, что я не могу сдѣлать для васъ ничего больше. Считаю долгомъ помогать бѣднякамъ.

Слова его рѣжутъ ухо Патси.

— Мы не на бѣдность просимъ,—говоритъ онъ въ отвѣтъ,—а благодаримъ за участіе. Намъ нужно одобреніе и помощь для праваго дѣла...

— Вѣрно, вѣрно!—уклончиво поддакиваетъ Странгфордъ:—дѣло ваше правое... Поклонъ вашей почтенной супругѣ, Конель, пожелайте ей отъ меня благополучно справиться съ непріятностями...

— Хорошо, сэръ, я васъ понимаю!—хмуро говоритъ старшій Конель:—а какимъ образомъ намъ избавиться отъ непріятностей, про то вы знаете. Но о нѣкоторыхъ вещахъ лучше не говорить вслухъ, даже подъ открытымъ небомъ. А деньги, о которыхъ вы говорили... которыя вы намъ обѣщали... помогутъ намъ, въ случаѣ надобности покинуть здѣшніе края.

— Понятно... эмиграція... — начинаетъ Странгфордъ, рѣшившійся лукавить до конца, но Патси рѣзко перебиваетъ его.

— Эмиграція одно, а бѣгство—другое. Вы отлично понимаете, чѣмъ это пахнетъ!—Онъ въ упоръ глядитъ на Странгфорда; тотъ пытается избѣжать его взгляда, но это ему не удается, и глаза его, словно подъ вліяніемъ таинственной силы, устанавливаются на молодаго крестьянина.—Вы заодно съ нами, слышите? Поздно теперь вилять да лицемѣрить. Тамъ можете ломать какія угодно комедіи, а съ нами—на чистоту. Меня не проведете! Я вижу васъ насквозь. Вы все слышали и все знаете. Мы съ отцомъ ввѣрили вамъ нашу тайну... Если вы насъ выдадите... — онъ подступаетъ къ Странгфорду и съ удареніемъ заканчиваетъ:—не сдобровать и вамъ. Вотъ что!

— Вы странно разговариваете съ вашими доброжелателями,—говоритъ, усмѣхаясь, но весь блѣдный, Странгфордъ.

Послѣ этого отвѣта, по существу своему достаточно удо-

Digitized by Google

влетворительнаго, но по прежнему уклончиваго, наступаетъ молчаніе. Прерываетъ его опять таки Странгфордъ; онъ желаетъ старшему Конелю спокойной ночи и получаетъ таковое же привѣтствіе. Старый фермеръ расположенъ слѣпо вѣрить въ него.

— Добрый вечеръ, Патси,—развязно произноситъ Странгфордъ.

— Боже храни Ирландію! — трагически восклицаетъ молодой крестьянинъ, срывая съ своей головы шапку, и такъ смотритъ на Странгфорда, что душа измѣнника стынетъ отъ ужаса.

— Такъ не слѣдуетъ разговаривать съ джентльменомъ,— сердито замѣтилъ старикъ Конель, когда Странгфордъ скрылся изъ виду.

— Не довѣряю я ему!—угрюмо возражаетъ Патси.

— А я, наоборотъ, очень ему вѣрю. Онъ самъ въ дѣлѣ заинтересованъ. Душа у него болитъ; деньги, обѣщанныя дѣдомъ, ускользаютъ... Онъ на все готовъ, лишь бы удержать ихъ. Слышалъ, что онъ говорилъ о новомъ завѣщаніи? Боится перемѣны. Самодуръ все можетъ оставить мистеру Денису. Онъ жаждетъ смерти стараго дьявола, увѣряю тебя. И для насъ, и для него выгоднѣй поскорѣе учинить расправу...

— Да будетъ такъ!—соглашается Патси.

VII.

— Какъ вы милы, что пріѣхали! — восклицаетъ Кэтлинъ Друмондъ, сбѣгая по каменнымъ ступенькамъ террасы навстрѣчу Элленъ. Кэтлинъ — очаровательная дѣвушка; улыбка ея—прелесть, костюмъ, въ большинствѣ случаевъ,—восторгъ! Не смотря на мать англичанку, типъ у нея вполнѣ ирландскій: темносиніе глаза, длинныя темныя рѣсницы, небольшой задорный ротикъ. Кромѣ того, она оригинальна; за ней водятся маленькія, впрочемъ, весьма симпатичныя странности,— она выдѣляется между тысячами. Все необыденное, неожиданное ей всегда по душѣ, и всякій могъ бы понять, что отъ нея самой такъ вотъ и жди чего нибудь, изъ ряду вонъ выходящаго.

Она высока и стройна; свѣтлое платье плотно облегаетъ

Digitized by Google

ея станъ. Молодыя дѣвушки прижимаются щочками другъ къ другу и идутъ на террасу. За ними двигаются мужчины: Денисъ въ бѣломъ фланелевомъ костюмѣ, Томъ Дельмиджъ въ мрачной меланхоліи, лордъ Экорнъ, тоненькій щеголь, уже не молодой, но неотразимый. Послѣдній, мелкой рыспой, догоняетъ дѣвицъ.

— Видалъ ли ты раньше подобнаго идіота?—спрашиваетъ Дельмиджъ насчетъ молодаго лорда, останавливаясь и придерживая Дениса за рукавъ,—скажи по совѣсти, видалъ? Онъ то поетъ, то свищетъ, то увивается возлѣ барышенъ. Больше, впрочемъ, свищетъ.

— Это правда; онъ любитъ таки посвистать!—соглашается Денисъ по свойственному ему добродушію.

— Да и свищетъ-то все фальшиво, ты долженъ съ этимъ согласиться. Терпѣть не могу его упражненій. А ростъ-то... посмотри на него, почти карликъ! Кромѣ того, онъ скоро разсыплется; а все таки лордъ... Сознайся, Денисъ, — вѣдь онъ оселъ, правда?

Вопросъ звучитъ драматически; Денисъ отвѣчаетъ съ самыми лучшими намѣреніями, но довольно неудачно.

— Ростомъ онъ, конечно, похвастаться не можетъ,—говоритъ онъ:—но тебѣ, какъ современному Голіафу, не подобаетъ придираться къ нему.

Пауза. Дельмиджъ туго схватываетъ чужія мысли.

— А, вотъ что!—наконецъ, мрачно отзывается онъ,—Давидъ былъ хоть и невеликъ, но одолѣлъ Голіафа!

— У тебя ужь слишкомъ мрачный взглядъ на вещи,—желая подбодрить его, возражаетъ Денисъ:—Экорнъ, можетъ быть, вовсе и не похожъ на Давида.

— «Можетъ быть»!—презрительно бормочетъ Томъ Дельмиджъ:—но ты видишь, какъ Китти... какъ дѣвушки вообще къ нему относятся. Онѣ ставятъ его на пьедесталъ, ей богу! Ты можешь со мной не соглашаться, это твое дѣло, О'Нейль; но онъ дуракъ самой чистой пробы. Буквально ничего не смыслитъ. Не далѣе, какъ вчера, я повелъ его на конюшню и—чортъ меня побери!—если онъ съумѣлъ отличить двухгодовалаго жеребенка отъ его матери! Онъ вообразилъ, что они однолѣтки. Что ты скажешь на это?

Томъ Дельмиджъ что-то ворчитъ себѣ подъ носъ и затѣмъ въ негодованіи удаляется; Денисъ не выдержалъ и безцере-

Digitized by Google

можно расхохотался. Любовь бѣднаго Тома Дельмиджа къ Китти Друмондъ ни для кого не секретъ; она также бросается въ глаза, какъ и его ростъ; и для всѣхъ не менѣе очевидно, что ему не особенно радостно живется,—стоитъ только обратить вниманіе на поведеніе Китти съ лордомъ Экорномъ. Экорнъ беретъ не ростомъ, но землями, ему принадлежащими въ изобиліи, да еще титуломъ. Состояніемъ, пожалуй, и Томъ ему не уступитъ, но титула у него нѣтъ, а также присущаго его сопернику краснорѣчія; всѣмъ же хорошо извѣстно, что дѣвушки любятъ болтуновъ. А все таки Денису странно, какъ могла бы дѣвушка предпочесть миньятюрнаго, титулованнаго болтуна красивому и доброму малому въ родѣ Тома Дельмиджа. Въ минуту дружескихъ изліяній, пріятели Тома (имя имъ легіонъ) называютъ его «стариной» и тому подобными ласковыми эпитетами.

— Дорогой Денисъ! Вы очень милы, что снова появились у насъ — восклицаетъ высокая бѣлокурая дама, только что показавшаяся на поворотѣ,—Китти, ангелъ мой, ты опять безъ шляпы? Осеннее солнце портитъ твой цвѣтъ лица!

— Пустяки, мама,—возражаетъ Китти:—моя кожа застрахована отъ всякой порчи.

— Но къ чему рисковать все таки? — вмѣшивается лордъ Экорнъ, бросая на нее восхищенный взглядъ, хоть онъ на нѣсколько дюймовъ ниже ея и на много лѣтъ старше:— хорошій цвѣтъ лица—такая рѣдкость и его такъ легко испортить. Вы напрасно рискуете!..

— Почему васъ здѣсь не было во вторникъ? — спрашиваетъ Дениса леди Августа, — я была увѣрена, что увижу васъ, да и дѣвицы тоже. Вы знаете, съ какимъ наслажденіемъ мистеръ Друмондъ споритъ съ вами по поводу вашихъ радикальныхъ тенденцій.

— Никакъ не могъ, — говоритъ Денисъ, поднимаясь за нею по ступенькамъ террасы, на которой уже собралась небольшая компанія. Тамъ находится и Элленъ, а рядомъ съ нею молодой человѣкъ, который, какъ кажется Денису, изрядно за нею ухаживаетъ. Дѣло въ томъ, что Денисъ еще не присмотрѣлся къ Дарлею Донну, а то бы онъ зналъ способность этого юнаго джентльмена усиленно ухаживать за всѣми молодыми дѣвушками безъ изъятія.

Digitized by Google

— Почему?—допытывается леди Августа, запыхавшись, на верхней ступенькѣ террасы.

— Вѣдь я же вамъ писалъ, — съ укоризной напоминаетъ Денисъ,—хоть бы разъ вы повнимательнѣе отнеслись къ моимъ сообщеніямъ!

Тучная леди Августа смѣется и похлопываетъ его вѣеромъ по рукѣ. Они давно большіе друзья.

— Именно въ этотъ день, дѣдушка водилъ меня по имѣнію,—онъ самъ потребовалъ этого и показывалъ мнѣ фермы, угодья. Разумѣется, я не могъ отказаться; для этой цѣли онъ меня и выписалъ.

— Съ этимъ я согласна. Уйти было неловко. Вы, значитъ, со старикомъ ладите?

— Ничуть! — улыбается Денисъ: — совсѣмъ не ладимъ. Отношенія наши, кажется, еще ухудшились. Я не умѣю угодить ему.

— Жаль! А, мистриссъ О'Флагерти, какъ поживаете? Чрезвычайно любезно, что вы сегодня пріѣхали въ такую жару. И вы также, майоръ!

Майоръ О'Флагерти, съ воинственнымъ видомъ, просто сіяетъ. Онъ высокаго роста, жена его тоже. Если ужъ зашла рѣчь о ростѣ, то и тучная хозяйка не изъ низенькихъ, но она совсѣмъ пасуетъ передъ майорской четой; въ особенности крупна майорша и пользуется большимъ вѣсомъ въ обществѣ. Благодаря рѣзкости и колкимъ сужденіямъ о ближнихъ, она завоевала себѣ завидное положеніе; майоръ кротокъ и отсталъ отъ нея. Племянникъ ихъ, Дарлей Доннъ, въ тѣ рѣдкія минуты, когда ему сидится на мѣстѣ, живетъ у нихъ и весьма неуважительно отзывается о тетѣ, попросту прозвавъ ее «гнѣдой кобылой». Спору нѣтъ, что, по сравненію съ мужемъ, майорша — лихой скакунъ, хотя вообще мистеръ Доннъ говоритъ много вздору. Молодой человѣкъ, для котораго утро начинается обыкновенно съ 12 часовъ полдня и у котораго, какъ говорится, что̀ ни день, то новая зазноба, едва ли заслуживаетъ особеннаго вниманія и уваженія.

Между тѣмъ, майоръ уже заспорилъ о чемъ-то во все горло.

— Ирландія, сэръ,—объясняетъ онъ Странгфорду, изящно играющему своимъ моноклемъ, — Ирландія, сэръ, по моему мнѣнію...

Digitized by Google

— Скоро полетитъ къ чорту! — радостно подхватываетъ Доннъ.

— Дарлей! — кричитъ басомъ дядюшка, выпрямляясь во весь ростъ.

— Увѣряю васъ, дядя. Да и чортъ, вѣроятно, откажется отъ такой обузы. Вы и сами раздѣлили бы мое мнѣніе, еслибы видѣли то, что̀ я видѣлъ сегодня: два фермера,—прошу обратить вниманіе: *фермера*,—строго подчеркиваетъ онъ,—пили при мнѣ кларетъ! Честное слово, не лгу, хоть не смѣю даже требовать, чтобы вы мнѣ повѣрили. Они называли питье: «кларетомъ», но пили именно ту темную, славную жидкость, что̀ продается во всѣхъ питейныхъ заведеніяхъ подъ тѣмъ же названіемъ, съ прибавленіемъ, впрочемъ, одной гласной. Кто же этой жидкости не знаетъ? Разъ они публично забываютъ и знать не хотятъ своего національнаго, добраго, стараго «вѝски»—я предсказываю неминуемую гибель нашей родинѣ въ самомъ недалекомъ будущемъ.

— Кларетъ, говоришь ты, Дарлей? Что-то мнѣ не вѣрится!..—сомнѣвается майоръ.

— А, между тѣмъ, это истина, дядюшка, горькая истина! Хоть бы каплю виски выпили они, а то нѣтъ, злодѣи: все кларетъ, кларетъ и кларетъ! Я долго провожалъ ихъ глазами, когда они пошли домой; на мой взглядъ, имъ какъ будто нездоровилось, и вообще они являли видъ печальный.

— Такъ имъ и надо! — негодуетъ майоръ-патріотъ, но, видя, что жена слѣдитъ за нимъ, готовая призвать его къ порядку, пускается на хитрости и солидно добавляетъ:—чтобъ не напивались, мерзавцы!—Племяннику же шепчетъ вполголоса, для собственнаго облегченія, — чтобъ въ другой разъ не напивались такой дрянью!

Дарлей украдкой даетъ ему легонькаго пинка въ бокъ и майоръ беззвучно трясется отъ смѣха.

— Однако, молодыя дѣвицы, кто изъ васъ займется чаемъ?—спрашиваетъ мистеръ Друмондъ, выбираясь изъ укромнаго уголка, гдѣ онъ не то дремалъ, не то сосредоточенно слушалъ господина, уже съ полчаса толковавшаго ему что-то. — Гдѣ Китти?

— Въ саду съ Экорномъ!—не особенно охотно отзывается леди Августа. Двѣ другія ея дочери учатся въ Англіи и ей

Digitized by Google

не достаетъ помощницы; сама же она не охотница хозяйничать,—Элленъ, душа моя, не придете ли вы мнѣ на помощь?

Она жестомъ приглашаетъ Элленъ къ чайному столу; Дарлей Доннъ не отстаетъ отъ нея; вскорѣ къ нимъ присоединяется Странгфордъ и берется наливать желающимъ сливки.

День стоитъ жаркій; утромъ пролилъ крупный, кратковременный дождь и даже теперь, не смотря на то, что солнце припекаетъ съ удвоенной силою, капли дождя медленно, лѣниво стекаютъ съ листьевъ, производя нѣжный гармоническій шумъ. Ласточки, носясь надъ самою землею, вьются около балкона; цвѣты испускаютъ тонкій, влажный ароматъ; все дышетъ негой и лѣнью.

Пирожныя и бутерброды не допускаютъ критики, и мистеръ Доннъ принялся истреблять ихъ съ рѣдкой добросовѣстностью. Онъ вообще считается весьма исправнымъ по этой части, а все таки, между дѣломъ, не забываетъ ухаживать за представительницами прекраснаго пола. Въ настоящую минуту онъ ведетъ разговоръ съ молоденькой и премиленькой дамой, счастливой матерью первенца-сына. И удивительныя говоритъ онъ ей вещи, чередуя любезности съ ломтиками различныхъ видовъ и вкусовъ.

— Какъ поживаетъ очаровательная съ васъ копія, миссисъ Блэкъ?—спрашиваетъ онъ, съ живѣйшимъ, повидимому, интересомъ. Юная мать по этому случаю краснѣетъ, божественно улыбается и сообщаетъ ему, что «бэби» на слѣдующей недѣлѣ будетъ носить уже настоящія платьица! (Позднѣе она признавалась мужу, что мистеръ Доннъ на рѣдкость милый, симпатичный и развитой молодой человѣкъ; мужъ въ душѣ смѣялся, но съ нею согласился).

— Денисъ, а Денисъ! Что за слухи ходятъ относительно О'Нейля?—взываетъ мистеръ Друмондъ къ Денису, который, стоя, разговариваетъ съ леди Августой:—будто Конели что-то противъ него замышляютъ?

— Право, я этого не думаю,—отзывается Денисъ.

— Да?—вмѣшивается вдругъ Странгфордъ, отрываясь отъ разговора съ Элленъ,—а я такъ очень вѣрю въ ихъ злостныя намѣренія. Народъ опасный, по моему.

— Мнѣніе ваше раздѣляется почти всѣми, за весьма малыми исключеніями,—говоритъ Друмондъ.

Digitized by Google

— Все это одна пустая болтовня,—вставляетъ Денисъ.

— О, нѣтъ!—съ убѣжденіемъ возражаетъ Элленъ, на минуту оставляя чайникъ и глядя на Друмонда.

— Я вполнѣ согласенъ съ Элленъ, — заявляетъ Странгфордъ и глядитъ сперва на Дениса, а затѣмъ обводитъ глазами всѣхъ присутствующихъ,—если что нибудь случится на дѣлѣ (онъ непосредственно обращается къ Денису) вспомните, что я всегда и всѣхъ предупреждалъ противъ этой опасной семьи Конеля.

— Милый мой Странгфордъ, — смѣется леди Августа,— что за трагическій тонъ?

Между Друмондами и Странгфордъ-Летвеями существуетъ родство, но отношенія между ними не особенно дружескія. Между Друмондами и О'Нейлями родство еще болѣе отдаленное, но отношенія сердечнѣе.

— Почему О'Нейль не уступитъ, хотя бы немножко?— говоритъ Друмондъ,—существенныхъ уступокъ даже, пожалуй, не нужно: съ этимъ страннымъ, впечатлительнымъ народомъ иногда одного добраго слова вполнѣ достаточно.

— Онъ не изъ тактичныхъ,—поясняетъ Денисъ, улыбаясь,— и, къ несчастью, крестьянамъ кажется, что онъ всѣхъ ихъ ненавидитъ.

— И они не ошибаются!—вполголоса замѣчаетъ Элленъ.

— Къ чему же онъ выказываетъ имъ свои чувства?— восклицаетъ Друмондъ,—въ этомъ-то вся и ошибка.

— Охъ, ужь эти мнѣ ирландцы!—говоритъ леди Августа, высоко поднимая брови,—кто разберетъ и пойметъ ихъ положеніе? Право, они не похожи ни на одну европейскую націю.

— Это заблужденіе! — съ разстановкой произноситъ ея мужъ,—много, конечно, выслушиваешь разсужденій объ отсутствіи сходства между разными національностями, но лишь дѣло дойдетъ до самой сути,—до смерти ребенка, напримѣръ, или до проявленій любви, — гдѣ будетъ разница? Горе и радость всѣмъ свойственны.

— Все же эти недавнія убійства не слишкомъ располагаютъ въ пользу современныхъ ирландцевъ!—густымъ басомъ, потрясшимъ террасу, говоритъ мистрисъ О'Флагерти,—они мнѣ представляются въ родѣ древнихъ разбойниковъ на большой дорогѣ, нападавшихъ на путешественниковъ.

Digitized by Google

— Развѣ Измаилъ былъ разбойникомъ на большой дорогѣ? — съ кроткой любознательностью освѣдомляется Дарлей Доннъ.

— Воздержись отъ ссылокъ на священное писаніе, Дарлей!—гнѣвно выговариваетъ ему тетка, — я не объ Измаилѣ думала, а о Дикѣ Терпинѣ,—этомъ гнусномъ злодѣѣ.

Молчаніе длится довольно долго и прерывается, благодаря трагическому происшествію: Дарлей Доннъ, набившій себѣ ротъ сухаремъ съ масломъ, — пирожныхъ уже и въ поминѣ не было,—неожиданно подавился. Денисъ, Элленъ и еще кое-кто изъ гостей съ трудомъ приводятъ его въ нормальное состояніе. Къ счастью, онъ оправляется и даже способенъ улыбаться; тѣмъ не менѣе приступъ кашля былъ нешуточный.

— Не мѣшало бы присматривать за этими Конелями,— говоритъ мистеръ Друмондъ Денису.

Элленъ уже собирается домой; она охотно осталась бы подольше, чтобы поболтать съ Китти, — но еще сильнѣе ей хочется отдѣлаться отъ Странгфорда. Его ухаживанья, лесть, въ высшей степени тягостное для нея вниманіе вызываютъ въ молодой дѣвушкѣ отвращеніе. Почему Китти отсутствуетъ? Та тоже терпѣть не можетъ сладчайшаго Странгфорда, и обыкновенно служитъ ей оплотомъ, оберегая отъ ненавистнаго поклонника.

Между тѣмъ, минутъ пять назадъ, Китти Друмондъ дала понять лорду Экорну (мило, но ясно), что желаетъ остаться одна; онъ же, джентльменъ, не смотря на всѣ свои странности, тотчасъ же ретировался и отправился разыскивать хозяйку дома.

Но съ его уходомъ, Китти вовсе не пришлось насладиться одиночествомъ, — если таково было ея желаніе: не успѣлъ Экорнъ покинуть ее и скрыться за угломъ, гдѣ высилась величавая мальва, какъ Томъ Дельмиджъ (онъ значительно выше мальвы) показался на сценѣ; красивые глаза его свѣтятся укоромъ.

— Это вы, Томъ?—ласково спрашиваетъ дѣвушка.

— Кажется! А, впрочемъ,—говоритъ Дельмиджъ, со вздохомъ, похожимъ на грохотъ вулкана, — за послѣднее время я и самъ себя не узнаю. Чортъ знаетъ, къ чему вы собираетесь выходить замужъ за этого хлыща?..

Digitized by Google

— Милый мой Томъ, что за дикія рѣчи? Позвольте остановить васъ, пока не поздно.

— Ахъ, сдѣлайте одолженіе, останавливайте! А все таки, я знаю, что не ошибаюсь!—со стономъ продолжаетъ Томъ,—и къ тому же выборъ вашъ палъ на такого болвана, на такую глупую кривляку-обезьяну...

— Хотѣлось бы знать, какъ онъ васъ величаетъ!—съ усмѣшкой говоритъ Китти, но, повидимому, не особенно сердится за нелестные эпитеты, которыми Томъ награждаетъ миньятюрнаго лорда; можно было бы ожидать болѣе горячаго заступничества.

— Меня? Пусть только попробуетъ онъ дать мнѣ прозвище! — презрительно восклицаетъ Томъ Дельмиджъ: — однако, я о немъ и говорить не желаю. Мнѣ съ вами хочется потолковать. Китти, милочка, вѣдь не согласитесь же вы сдѣлаться его женой?

— Вздоръ!..—капризно отвѣчаетъ миссъ Друмондъ:—сказать вамъ по правдѣ...—Она отворачивается и начинаетъ обрывать листочки съ сосѣдняго куста.

— Ну, Китти, скажите же мнѣ правду.

— Я вовсе не желаю выходить замужъ!

— Это, положимъ, пустяки,—кипятится Томъ:—рано или поздно придетъ же вамъ охота кого нибудь осчастливить... Почему бы и не меня, Китти? Вы сами сколько разъ говорили, что предполагаете жить въ деревнѣ, а не въ городѣ. Мое же имѣніе—въ прекраснѣйшей мѣстности...

— Въ мѣстности, населенной убійцами? — поддразниваетъ она претендента:—на югѣ Ирландіи помѣщики до тѣхъ поръ не вѣрятъ въ возможность насильственной смерти, пока не отправятся на тотъ свѣтъ.

— Ужь я-то умѣю ладить со своими арендаторами. Люди, въ родѣ старика О'Нейля, дѣйствительно, способны довести подчиненныхъ до бѣшенства, да еще, пожалуй, то жалкое дурачье, которое трусливо уступаетъ крестьянамъ во всемъ; тѣ, разумѣется, рискуютъ жизнью. Вамъ ли трусить, Китти, не изъ такихъ вы; отчасти за это я и люблю васъ, думается мнѣ. Вы, какъ полноправная царица, зажили бы въ моемъ домѣ, радость моя! Я ни въ чемъ бы вамъ не перечилъ,—вы и сами должны это понимать!

Digitized by Google

Китти смѣется и отталкиваетъ руки, которыя онъ очень осторожно пытается положить ей на плечи.

— Что касается до этого,—говоритъ она,—то я не изъ смиренницъ,—со всякимъ съумѣла бы справиться, за кого бы ни вышла.

— А вы почемъ это знаете? Можете попасть и въ просакъ. Что вамъ извѣстно объ Экорнѣ, напримѣръ?

— Больше чѣмъ нужно!—заявляетъ Китти, опять смѣется и бросаетъ на него лукавый взглядъ изъ-подъ полуопущенныхъ рѣсницъ. Выраженіе этого взгляда опредѣлить довольно трудно.

— Можетъ быть, для васъ знакомство съ Экорномъ и представляется вполнѣ достаточнымъ, но хорошо ли вы поняли его?

Онъ ждетъ отвѣта, но тщетно. — А меня вѣдь вы знаете, какъ свои пять пальцевъ, не правда ли, Китти?

Онъ говоритъ не безъ гордости и, безъ сомнѣнія, хочетъ напомнить ей, что ничего отъ нея не скрывалъ,—ни худаго, ни хорошаго,—и весь передъ ней, какъ на ладони, со всѣми своими достоинствами и недостатками.

— Въ этомъ-то вся и суть!—восклицаетъ, наконецъ, молодая дѣвушка.

— То есть, въ чемъ это?

— Да въ томъ именно, что я васъ знаю такъ хорошо и такъ давно.

— Развѣ это можетъ служить препятствіемъ? — печально спрашиваетъ Томъ:—я знакомъ съ вами не менѣе давно, Китти, и съ каждымъ часомъ все больше люблю васъ.

— Не спорю...—миссъ Друмондъ словно конфузится и чувствуетъ какъ бы смущеніе,—но вы...—Она останавливается, негодуя на саму себя: почему это не можетъ прямо сказать ему того, что́ задумала, не дурачась? Да и что хотѣла она сказать? Все какъ будто вылетѣло у нея изъ головы.

— Кончайте, что̀ же я, по вашему?—съ замираніемъ спрашиваетъ Дельмиджъ.

Голосъ его прерываетъ ея размышленія; серьезныя думы разлетаются въ прахъ, она снова превращается въ шаловливую кокетку.

— Дурачокъ, совсѣмъ дурачокъ!—восклицаетъ она и дѣ-

Digitized by Google

лаетъ ему премиленькую гримасу. Подобравъ платье, она задорно смотритъ ему въ лицо:—не правда ли, вамъ хотѣлось бы встряхнуть меня хорошенько? а? Я вамъ это разрѣшаю, но съ условіемъ: поймайте меня. Ну, Томъ, я бѣгу къ дому,—если догоните, пока еще я не влечу въ переднюю—требуйте отъ меня, чего хотите.

— Идетъ!—кричитъ Томъ. Но она уже скрылась, и какъ ни прибавлялъ рыси Томъ, на этотъ разъ требовать ему ничего не пришлось...

VIII.

При входѣ Элленъ въ библіотеку, въ домѣ О'Нейля, Денисъ взглядываетъ на нее изъ глубины покойнаго кресла, куда онъ давно погрузился,—взглядываетъ и не можетъ ствести глазъ. Онъ точно въ первый разъ видитъ ее такой плѣнительной, такой прекрасной. Положимъ, она въ платьѣ, котораго онъ еще не видалъ, и оно необычайно идетъ къ ней. На ней туалетъ изъ блѣдно-желтаго крепона, съ чехломъ того же цвѣта; руки и шея ея блестятъ, какъ слоновая кость,—она декольтирована и удивительно эффектна. Изъ волосъ она устроила высокую прическу; среди шелковистыхъ, роскошныхъ кудрей, красовалась чайная роза, сорванная украдкой въ оранжереѣ.

— По обыкновенію, опоздала, Элленъ!—говоритъ старикъ О'Нейль, своимъ глухимъ, непривѣтливымъ голосомъ.

— Не особенно, — мягко возражаетъ внучка: —къ обѣду звонили только еще разъ.

— Но тебѣ вѣдь извѣстно мое желаніе, чтобы къ обѣду собирались заранѣе!—хмуро брюжжитъ старикъ.

— Извините, дѣдушка,—еще мягче говоритъ Элленъ; но О'Нейль нетерпѣливо откидывается назадъ и закрывается газетой, точно не желая и слушать ея извиненій.

А фактъ тотъ, что всего еще четверть восьмаго, и до обѣда осталось добрыхъ четверть часа; но это ужь одна изъ многочисленныхъ причудъ О'Нейля,—чтобы всѣ собирались внизу, задолго до обѣда. Огонь въ лампахъ убавленъ; вездѣ царитъ полусвѣтъ; окна, выходящія на балконъ, открыты настежъ, и въ комнату проникаютъ прощальные лучи вечерней зари. Луна рано показалась на небосклонѣ и стоитъ высоко-высоко надъ

Digitized by Google

землей; при тускломъ полусвѣтѣ, всѣ предметы въ комнатѣ, съ ея стариннымъ убранствомъ, являютъ самыя неопредѣленныя очертанія; цвѣты Элленъ разставлены тамъ и сямъ въ небольшихъ вазочкахъ на столахъ и на полочкахъ; по угламъ стоятъ большія вазы съ цвѣтами и служатъ виднымъ украшеніемъ; кое-гдѣ размѣщены вѣтки барбариса и буковаго дерева съ ихъ уже пожелтѣвшими коричневыми листьями, онѣ рѣзко выдѣляются на скромномъ, скучномъ фонѣ старинныхъ переплетовъ (на полкахъ стоятъ проповѣди Блэра, «Анатомія меланхоліи» и т. п.). Весьма почтенное собраніе многочисленныхъ современныхъ романовъ «реальной» школы запрятано подальше,—случайно или съ умысломъ,—въ углы потемнѣе.

Элленъ проходитъ черезъ всю библіотеку и опускается въ кресло у окна, выходящаго на сѣверъ. Вотъ ужь цѣлый день, какъ ей что-то грустно, не по себѣ. Мысли ея противъ воли уносились далеко, ее мучили злыя предчувствія и угнетали ея настроеніе. Но теперь, въ этомъ очаровательномъ полумракѣ, при блѣдномъ свѣтѣ лампъ и еще болѣе нѣжныхъ лучахъ луны, проникавшихъ въ открытыя окна, она почувствовала новый подъемъ духа; со счастливымъ вздохомъ откинулась она назадъ и прислонилась хорошенькой головкой къ мягкой спинкѣ кресла. На одно мгновеніе она позабыла, что сегодня понедѣльникъ, канунъ вторника,—фатальнаго вторника, на который назначено выселеніе семьи Конелей.

— Какой у васъ довольный видъ!—вполголоса замѣчаетъ ей Денисъ, — вы вѣрно получили откуда нибудь пріятныя извѣстія?

— Вовсе нѣтъ! — Она поднимаетъ къ верху брови и смѣется.

— Значитъ, совѣсть у васъ спокойна?

— Въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія.

— Терпѣть не могу, когда ты такъ бормочешь, Элленъ!— сухимъ, рѣзкимъ тономъ говоритъ О'Нейль:—если хочешь говорить, говори громко. Полагаю, что у тебя съ Денисомъ нѣтъ никакихъ секретовъ.

Послѣ этого, ея дружеской бесѣдѣ съ Денисомъ наступаетъ конецъ; свѣтлымъ мыслямъ не находится болѣе мѣста въ ея головѣ и она снова погружается въ тяжелыя размышленія. Завтра... Ужасный день завтра! Бѣдняки очутятся на большой

Digitized by Google

дорогѣ, со всѣхъ сторонъ окруженные полиціей; поговаривали даже, что къ этому дню будетъ выписанъ полкъ изъ Клонбри... Но вдругъ въ ея воображеніи встаетъ другая картина: со всѣхъ окрестныхъ горъ и холмовъ стекается народъ, толпа бѣжитъ за толпой, шаги ихъ глухо звучатъ вдали, люди все приближаются... въ глазахъ ихъ сверкаетъ ярость. На этомъ мѣстѣ ея мысли рѣзко обрываются. Но что это?.. Не переходятъ ли ея фантазіи въ жестокую дѣйствительность? Все ближе и ближе раздаются шаги... Внезапно она привстаетъ въ креслѣ и словно каменѣетъ: она глядитъ въ окно и точно чего-то ждетъ, слушаетъ, подавшись впередъ—лицо ея мрачно и озабочено.

Что это за шумъ, глухой, неопредѣленный? Шаги уже слышатся подъ самымъ окномъ. «Денисъ»!—пытается вскрикнуть она, и ей кажется, что она отчетливо выговорила его имя, но ни звука не слетѣло съ ея помертвѣвшихъ губъ. Денисъ по прежнему полулежитъ въ креслѣ, повидимому погруженный въ размышленія; дѣдушка продолжаетъ читать «Конституцію въ Коркѣ»... Конвульсивнымъ движеніемъ она опять заставляетъ себя взглянуть въ открытое окно, выходящее на сѣверный балконъ, и стынетъ отъ ужаса.

Страшныя, вымазанныя сажей лица лѣзутъ одно за другимъ по ступенькамъ на балконъ, врываются въ окно... Дѣвушка испускаетъ дикій вопль.

Денисъ тоже поднялъ голову, увидавъ вошедшихъ (многіе оказались въ маскахъ); онъ понялъ, какая грозитъ имъ бѣда, и въ одну минуту очутился рядомъ съ Элленъ, только-только успѣвъ поддержать ее.

На одинъ мигъ смѣлость покинула ее, она ухватилась за кузена, но тотчасъ же оправилась.

— Обо мнѣ не безпокойтесь, — говоритъ она торопливо, даже рѣзко:—о немъ позаботьтесь!

Комната ужъ наполовину наполнилась людьми,—они стоятъ молча, и чѣмъ-то зловѣщимъ вѣетъ отъ этой необычайной тишины. Одинъ изъ нихъ, выше всѣхъ ростомъ, выступилъ нѣсколько впередъ, словно по праву предводителя отряда; Элленъ, блѣдная, глядитъ на него, примѣчаетъ сухопарую фигуру его, выцвѣтшіе сѣдые волосы, торчащіе изъ-подъ шляпы и даже изъ-подъ чернаго лоскута, покрывающаго часть лица и завя-

Digitized by Google

заннаго на затылкѣ; нѣтъ сомнѣнія, что это никто иной, какъ Конель-отецъ. Сердце Элленъ трепещетъ.

Старый О'Нейль поднялся на ноги и разглядываетъ ихъ: сначала ближайшаго, затѣмъ слѣдующаго, и такъ далѣе, по порядку, разглядываетъ пытливо, съ оттѣнкомъ любопытства; только страха нельзя прочесть на его суровомъ, красивомъ старческомъ лицѣ. Любопытство и изумленіе,—вотъ что выражаютъ его черты. Денисъ, не смотря на антипатію къ дѣду, не можетъ не почувствовать искренняго восхищенія при видѣ храброй встрѣчи старика съ безпощадными врагами; онъ одинъ,—а ихъ сорокъ, пятьдесятъ,—но онъ безстрашно глядитъ на нихъ. Не улетучились же изъ его памяти недавнія расправы кресьянъ съ сосѣдними помѣщиками!

Всѣ точно онѣмѣли. Переряженный, замаскированный, но трусливый непріятель! У него хватило храбрости явиться, ворваться въ комнату, но заговорить первый никто не рѣшается...

— Вамъ нечего, кажется, сообщить мнѣ, господа?—освѣдомляется, наконецъ, О'Нейль обычнымъ своимъ голосомъ, пожалуй, даже съ ноткой затаеннаго веселья:—сегодня не день ли моего рожденія? Но нѣтъ! А то я бы подумалъ, что вы замаскировались, чтобы потѣшить меня. Ужь вы не ошиблись ли числомъ? Если же нѣтъ, то позвольте васъ спросить... — Онъ подступаетъ къ нимъ поближе, отвѣшиваетъ изящный поклонъ, а усмѣшка, которая играетъ у него на губахъ и свѣтится въ глазахъ, выражаетъ глубочайшее презрѣніе къ посѣтителямъ.—Позвольте васъ спросить, чему я обязанъ честью видѣть васъ у себя? Вы все молчите, граждане? Прошу васъ меня не задерживать: мнѣ пора обѣдать.

Высокій незнакомецъ грозно поднимаетъ руку.

— Тебѣ больше не придется обѣдать, О'Нейль!—говоритъ онъ тихимъ, торжественнымъ голосомъ.

— Сегодня? Похоже на то!—соглашается О'Нейль, пожимая плечами. Но съ этими словами, онъ быстрымъ взглядомъ окидываетъ комнату и тутъ же вспоминаетъ, что не далѣе, какъ сегодня утромъ слуга унесъ его револьверы, подъ предлогомъ вычистить ихъ.—Боюсь, господа, что кухарка не скажетъ вамъ спасибо за задержку.

— Кухарка? — одинъ изъ стоящихъ позади мятежниковъ

Digitized by Google

разражается громкимъ, непріятнымъ смѣхомъ: — трудненько вамъ будетъ раздобыть ее теперь. Не ближній свѣтъ, куда отправили ее и остальную прислугу.

— Ахъ, вотъ какъ! — О'Нейль поджимаетъ губы: — значитъ ее...

— Ни ея, ни прочихъ вашихъ слугъ нѣтъ въ настоящую минуту въ вашемъ домѣ!—злобно поясняетъ тотъ же голосъ,—голосъ молодой, но въ немъ слышится ожесточеніе и непримиримая ненависть.

— Ага! Ну, это, по крайней мѣрѣ, ясно! — продолжаетъ О'Нейль, и что-то новое звучитъ въ его тонѣ. Но я еще не получилъ отвѣта на мой вопросъ: что именно привело васъ сюда?

— Успѣете узнать.. Не бойтесь!..—говоритъ предводитель отряда и дѣлаетъ два шага впередъ; рука его хватается за карманъ.

Денисъ хочетъ приблизиться къ дѣду, но тотъ повелительнымъ жестомъ заставляетъ его отступить назадъ.

— Э, да это вы, Конель?—хладнокровно восклицаетъ старикъ:—вамъ не желательно было, чтобы я узналъ васъ? Для этого вы спрятали лицо? Почему же? Боитесь меня, а? Къ чему же вамъ было переряжаться для вашей роли... кстати, какая ваша роль, Конель?—прикрывать лицо грязной тряпкой, если вы не съумѣли измѣнить вашего голоса? Наберитесь смѣлости, откройте лицо. Дайте мнѣ полюбоваться вами, хотя бы въ послѣдній разъ!

Ропотъ слышится въ рядахъ бунтовщиковъ. Денису ясно, что О'Нейль потерялъ всякіе шансы на спасеніе, если таковые раньше и существовали. Онъ призналъ Конеля,—не сдобровать ему! Люди, стоящіе въ комнатѣ и за окномъ, всѣ ясно слышали его слова и теперь начинаютъ перешептываться. Если онъ узналъ Конеля, то, слѣдовательно, узналъ и ихъ. Если его оставить въ живыхъ до завтра, то онъ предастъ ихъ въ руки правосудія сегодня же. Можетъ быть, когда они пришли, они еще не вполнѣ рѣшились на преступленіе; можетъ статься, они намѣревались только постращать О'Нейля, чтобы онъ пріостановилъ выселеніе семьи Конеля; но теперь все погибло. Дениса охватываетъ трепетъ; онъ чувствуетъ, что ему съ Эллепъ тоже не будетъ пощады! Люди эти, задумавъ злодѣяніе, врядъ

Digitized by Google

ли выпустятъ живыми свидѣтелей кроваваго дѣла. Онъ бросаетъ взглядъ на ближайшій электрическій звонокъ: «неужели же,—думаетъ онъ,—всѣ слуги на сторонѣ злоумышленниковъ»? Элленъ стоитъ рядомъ съ нимъ, около самой двери, ведущей въ сѣверную пристройку дома,—въ старинное помѣщеніе, куда рѣдко кто заглядывалъ. Обратясь къ ней, онъ отрывистымъ шопотомъ упрашиваетъ ее отворить дверь и уйти, пока не поздно; онъ умоляетъ ее:

— Уходите, уходите! Богъ одинъ знаетъ, чѣмъ дѣло кончится.

Но она съ негодованіемъ отказывается воспользоваться единственнымъ шансомъ сохранить свою жизнь, отталкиваетъ его и бросается впередъ, точно желая присоединиться къ дѣду. При первомъ ея движеніи, одинъ изъ мятежниковъ, стоящихъ у камина, хватаетъ ее за руку и грубо отбрасываетъ на прежнее мѣсто, у двери.

Въ ту же секунду, Денисъ хватаетъ его за горло.

— Какъ ты смѣешь, негодяй!—дрожащимъ отъ бѣшенства голосомъ чуть слышно говоритъ онъ и, съ этими словами, съ силой швыряетъ его назадъ; негодяй ударяется о мраморный каминъ, падаетъ и, подымаясь, злобно глядитъ на Дениса, бормоча какія-то ругательства; однако, не рѣшается сейчасъ же снова напасть на него.

— Онъ причинилъ вамъ боль?—спрашиваетъ Денисъ кузину.

— Нѣтъ, нѣтъ!—чуть слышно отвѣчаетъ она: — забудьте обо мнѣ, думайте о старикѣ...—она указываетъ на дѣда.

Съ нимъ, между тѣмъ, говоритъ Конель; голосъ его то повышается, то обрывается; онъ не владѣетъ собою и не можетъ преодолѣть своей ярости. А О'Нейль неизмѣнно отвѣчаетъ глумленіемъ, презрительной ироніей, оставаясь вѣрнымъ себѣ.

— Вы не отказываетесь отъ своего намѣренія?—слова эти, произнесенныя Коннелемъ, долетаютъ до ушей Дениса, послѣ инцидента съ нахаломъ.—Не отказываетесь, нѣтъ?—хриплый голосъ его похожъ на голосъ пьянаго человѣка, но фермеръ трезвъ; онъ только явился мстить за себя.

— И не думаю отказываться! — безпечно отзывается О'Нейль,—я желаю получить свое и не уступлю ни на іоту.

— Берегись, О'Нейль!..

Digitized by Google

Но О'Нейль прерываетъ его игривымъ жестомъ:

— Я и берегусь... отъ разоренія меня лѣнтями-фермерами.

— Немного этимъ выгадаешь!.. — внѣ себя говоритъ Конель.

— Получу свое, больше мнѣ и не надо. Жаль, что вы плохо знакомы съ законами, Конель,—вотъ почему не уважаете чужой собственности и не исполняете договоровъ. Не хотите платить—освободите ферму, вотъ и все. Да и стóитъ ли вамъ такъ ужь держаться за нее?

Онъ береть со стола сигару и, не спѣша, ищетъ глазами спички.

— Значитъ, конецъ!—говоритъ Конель, но уже холодно, рѣшительно, и оглядывается на своихъ товарищей: — завтра вы гоните меня и мою семью безъ малѣйшаго состраданія? А тамъ мы хоть съ голоду помирай?..

— Нѣтъ, зачѣмъ же, зачѣмъ же?—рѣзко останавливаетъ его О'Нейль:—вамъ остается еще исходъ,—рабочій домъ.

При этомъ оскорбленіи, въ заднихъ рядахъ раздаются крики; оттуда выбѣгаетъ молодой человѣкъ, сбрасываетъ съ лица черную тряпку и кидаетъ ее прямо въ лицо О'Нейлю.

— Завтра ты будешь гнить въ могилѣ!—вопитъ онъ, дико сверкая глазами:—гляди, гляди, это я, Патси Конель. Я-то ужь не побоюсь поглядѣть тебѣ прямо въ глаза! Насталъ твой послѣдній часъ, кровопійца...

О'Нейль налету поймалъ черный лоскутъ, брошенный Конелемъ, и теперь беззаботно помахиваетъ имъ въ воздухѣ; надменная улыбка не сходитъ съ его губъ.

— Скаль, скаль зубы-то! — кричитъ дошедшій до изступленія юноша:—ты насъ задумалъ погубить, такъ знай же: не тебѣ видѣть наше разореніе. Становись на колѣни, О'Нейль, и молись, если умѣешь молиться. Ты сегодня же умрешь!

IX.

Съ этими словами молодой Конель выхватываетъ изъ кармана револьверъ и прицѣливается въ старика; тотъ стоитъ прямо, очевидно готовый къ смерти. «Хорошо бы безъ страданій»!—вотъ, пожалуй, единственная мысль, которая мель-

Digitized by Google

кается у него въ мозгу, если не считать еще твердой рѣшимости—не выказать страха передъ злодѣями и трусами, напавшими цѣлой гурьбой на одного беззащитнаго старика.

Съ проклятьемъ Денисъ отталкиваетъ удерживающихъ его негодяевъ и бросается впередъ, какъ разъ во-время, чтобы пуля Конеля ударилась въ потолокъ. Пуля попадаетъ прямо въ сердце раскрашенной Венеры, написанной на потолкѣ среди своихъ голубковъ. Но черезъ секунду Денисъ опять въ рукахъ враговъ; дюжина рукъ хватается за него и оттаскиваетъ назадъ, не смотря на его отчаянное сопротивленіе; и онъ опять рядомъ съ Элленъ, а та прислонилась къ стѣнѣ, у самой двери; глаза ея расширены, лицо искажено отъ ужаса,—она мучительно сознаетъ всю безвыходность положенія, въ которое они всѣ попали.

Въ настоящую минуту Денисъ поглощенъ положеніемъ О'Нейля! Старикъ съ удивительнымъ мужествомъ держится въ этотъ ужасный часъ и не сдается: съ необыкновенной энергіей пробился онъ вдругъ сквозь ряды людей, стоящихъ у камина, схватилъ кочергу и теперь подступаетъ къ Конелю; злобный огонь свѣтится въ его глазахъ, страшная фигура его дышетъ великолѣпной отвагой и силой; красивое лицо разгорѣлось. Онъ размахиваетъ кочергой въ воздухѣ,—и долго послѣ того клялся Денисъ, что никогда еще онъ не слыхалъ отъ старика такого пріятнаго смѣха, какъ въ этомъ мигъ.

— Нападайте же!—задорно кричитъ онъ:—нападайте же, трусы проклятые. Сорокъ противъ одного. Доблестно!

Онъ врывается въ толпу, нанося удары направо и налѣво; взоръ его горитъ бѣшенствомъ, рука обладаетъ еще юношеской силой...

Денисъ чуть съ ума не сходитъ; онъ снова выскользаетъ изъ рукъ своихъ притѣснителей и, вооружившись стуломъ, начинаетъ дѣйствовать имъ: стулъ старинный, массивный, и съ большимъ успѣхомъ обрушивается на головы и плечи нападающихъ. Но оказывается, что порой стулья ломаются легче, чѣмъ головы,—Дениса заставляютъ отступить, и въ концѣ концовъ загоняютъ въ тотъ же уголъ, гдѣ все еще стоитъ совсѣмъ оробѣвшая Элленъ; она стонетъ и закрываетъ лицо руками.

— Элленъ! — задыхаясь, произноситъ Денисъ, но въ эту

Digitized by Google

минуту кто-то наноситъ ему ударъ между глазъ и онъ, оглушенный, падаетъ на колѣни; однако, опять черезъ мгновеніе вскакиваетъ на ноги, вытираетъ съ лица кровь и видитъ, что О'Нейль, въ противоположномъ концѣ комнаты, припертъ въ уголъ у книжнаго шкафа; старикъ держится все также прямо и защищается, хотя алая струйка течетъ у него изъ праваго виска. Патси Конель вторично цѣлится въ него.

— На этотъ разъ не промахнусь,—рычитъ свирѣпый парень.

— Боже мой, Боже мой!—стонетъ Денисъ и отчаянно борется съ четырьмя противниками, не выпускающими его изъ рукъ; но что можетъ сдѣлать одинъ противъ четырехъ? Его опять заставляютъ упасть на колѣни; онъ внѣ себя; пѣна выступаетъ у него на губахъ, кровь бѣжитъ по носу и по щекамъ.

О'Нейль высоко поднялъ голову и скрестилъ руки на груди. Глаза его устремлены на Патси: въ нихъ столько непоколебимаго мужества, что разбойникъ на одно мгновеніе застываетъ со взведеннымъ уже курокомъ.

— Ну, что же ты, презрѣнный трусъ? — восклицаетъ старикъ.

Грянулъ выстрѣлъ. О'Нейль сдѣлалъ судорожный шагъ впередъ, — дикій хохотъ вырвался у него изъ груди; затѣмъ онъ пріостановился, зашатался, словно пьяный, навалился спиной на шкафъ, а лѣвой рукой схватился за грудь. Другую онъ протянулъ по направленію къ Денису.

— Денисъ,—звучнымъ, яснымъ голосомъ крикнулъ онъ:—поручаю тебѣ дѣвушку!

Онъ снова зашатался, рванулся впередъ и съ грохотомъ упалъ ничкомъ на полъ—жизнь отлетѣла отъ него.

Денису почти дурно. Онъ понялъ, что дѣдъ убитъ...

Нѣкоторое время царитъ зловѣщее молчаніе; глаза всѣхъ прикованы къ могучей, распростертой на полу, фигурѣ О'Нейля. Потомъ всѣ бросаются къ нему; даже люди, сторожившіе Дениса, освобождаютъ его; а онъ, съ ощущеніемъ нравственнаго отвращенія и крайней физической слабости, прислоняется къ стѣнѣ. Вскорѣ ясное сознаніе дѣйствительности возвращается къ нему; рядомъ съ нимъ — Элленъ; онъ видитъ ее. Кровь все струится изъ его раны, отнимая у него силы и туманя голову, но онъ оживляется при видѣ Элленъ.

Digitized by Google

Она стоитъ въ той же позѣ, въ какой онъ примѣтилъ ее въ послѣдній разъ, плотно прижимаетъ руки къ глазамъ, но стонать перестала. Видя ее такой беззащитной, такой несчастной, Денисъ мгновенно заставляетъ себя ободриться.

Старика умертвили... Убьютъ и внуковъ... Это несомнѣнно.

Они не пожелаютъ оставить въ живыхъ ни одного свидѣтеля кроваваго преступленія... Денисъ съ быстротой молніи соображаетъ все это... Но какъ спасти Элленъ? Онъ окидываетъ взглядомъ комнату. Всѣ мятежники нагнулись надъ старикомъ; оттуда по полу струится тоненькій ручеекъ крови; скоро доползетъ страшный алый ручеекъ и до нихъ, до платья Элленъ! Порывисто, точно испытывая неожиданный приливъ силъ, Денисъ подхватываетъ дѣвушку, отворяетъ толчкомъ дверь, у которой они стояли, и мигомъ вытаскиваетъ кузину въ коридоръ. По счастью, съ той стороны у двери засовъ и молодой человѣкъ запираетъ ее.

Но одинъ изъ злодѣевъ, оторвавшись отъ молчаливаго созерцанія трупа О'Нейля, оборачивается и замѣчаетъ продѣлку Дениса...

Между тѣмъ, Денисъ, сознавая, что нельзя терять ни минуты, внушительно говоритъ кузинѣ:

— Элленъ, надо выбирать жизнь или смерть! Есть отсюда какой нибудь выходъ?

— Но какъ же мы оставимъ его?—шепчетъ дѣвушка и дѣлаетъ движеніе отодвинуть засовъ и идти на выручку покойнику.

— Ему уже не поможешь!—торжественно произноситъ Денисъ:—онъ, несчастный, покончилъ разсчеты съ жизнью. Послѣдняя его мысль была о васъ, Элленъ... Вы слышали его слова?

— Вы... вполнѣ увѣрены?..—колеблется она.

— Что его нѣтъ въ живыхъ? Вполнѣ, Элленъ!—тревожно говоритъ Денисъ, съ трепетомъ сознавая, что время уходитъ; убійцы ломятся уже въ запертую дверь; могучіе удары потрясаютъ ее. Дверь старинная, изъ крѣпкаго дуба, и замыкается крѣпкимъ, тяжелымъ засовомъ; но десять минутъ правильной осады — и она рухнетъ. Его, положимъ, тутъ же убьютъ; но что будетъ съ Элленъ?..

Digitized by Google

Дрожь пробѣгаетъ у него по спинѣ. Развѣ можно оставить беззащитную дѣвушку живою, въ рукахъ небузданной, озвѣрѣвшей толпы? Денисъ такъ долго не былъ на родинѣ, что забылъ характеры ирландцевъ: дѣвушка не пережила бы его и на одну минуту, ее убили бы изъ револьвера, также какъ и его,—и только.

Удары въ дверь учащаются. Раздумывать некогда. Что же молчитъ Элленъ? Ужь не собирается ли она лишиться чувствъ?

О, нѣтъ! О'Нейли рѣдко теряются въ рѣшительную минуту; Элленъ не только не падаетъ въ обморокъ, но воодушевляется. Въ одну минуту она выпрямляется; лицо ея блѣдно, глаза ярко блестятъ.

— Есть выходъ?—вторично спрашиваетъ онъ.

— Выходъ-то есть, но надо съумѣть имъ воспользоваться! Что же? рискнемъ. Идите за мной,—говоритъ она.

X.

На этотъ разъ она беретъ на себя главную роль. А онъ еще думалъ минуту тому назадъ, что она лишится чувствъ!

Проворно бѣжитъ она по узенькой лѣстницѣ въ концѣ коридора; по ней взбирается на верхнюю площадку и распахиваетъ дверь въ какое-то неотдѣланное, нежилое помѣщеніе.

Денисъ не отстаетъ отъ нея ни на шагъ.

— Скорѣй!—чуть слышнымъ шопотомъ торопитъ она своего спутника. Волненія въ ея голосѣ не замѣчается; они входятъ; она жестомъ велитъ ему запереть дверь—тоже дубовую, и съ крѣпкимъ засовомъ, какъ и внизу.

Исполнивъ это, Денисъ оглядѣлся кругомъ и, не видя никакого другаго выхода, чувствуетъ себя въ положеніи крысы, попавшей въ западню. Въ душѣ онъ негодуетъ на свое легкомысліе: какъ могъ онъ позволить дѣвочкѣ руководить собой?! Но что и за дѣвочка! Лицо ея слегка горитъ, — она запыхалась, быстро поднимаясь по лѣстницѣ, — но на ней нѣтъ и признака страха. Она глядитъ на него, тяжело переводя дыханіе, а руки и ослѣпительная шея сверкаютъ снѣжной бѣлизной, окаймленныя блѣдножелтымъ платьемъ.

«Красота, спокойствіе и нравственная сила — вотъ идеалъ»!—сказалъ Джефрисъ. Слова эти пришли Денису на умъ

Digitized by Google

въ этотъ ужасный мигъ. Какъ она прекрасна, безстрашна, и вмѣстѣ съ тѣмъ полна женственной прелести! Его охватываетъ безумное желаніе заключить ее въ свои объятія и не выпускать до тѣхъ поръ, пока одна и та же пуля не сразитъ ихъ.

— Элленъ,—говоритъ онъ: — когда они войдутъ, станьте позади меня. Въ этой пустой комнатѣ трудно укрыться, и сопротивленіе не можетъ долго продолжаться; а дверь они найдутъ и высадятъ скоро...

— Да, но эту найти имъ будетъ не легко! — восклицаетъ Элленъ. Она ужь перебѣжала всю комнату и теперь толкаетъ обѣими руками оклеенную обоями стѣну, — такъ, по крайней мѣрѣ, кажется Денису.

Быстро, жадно шаритъ она по стѣнѣ, нажимая то здѣсь, то тамъ; наконецъ, находитъ то, что̀ искала—и стѣна подается подъ ея рукой. Медленно, со скрипомъ, распахивается потайная дверь на заржавѣвшихъ петляхъ и передъ глазами Дениса мелькаетъ звѣздное небо.

На дворѣ уже ночь. Онъ—рядомъ съ нею, соображая, что̀ дѣлать дальше. Подъ ночнымъ покровомъ только бы имъ выбраться изъ дому—и они могутъ спастись. Но какъ выйти изъ ловушки? Разъ потайная дверь закроется, имъ придется путешествовать по балкамъ и стропиламъ крыши, которую только что начали отстраивать; не дѣвушкѣ воспользоваться такимъ способомъ бѣгства! Неизвѣстно, въ какую комнату вела потайная дверь; теперь и верхнее, и нижнее помѣщеніе были сломаны, и пола, и потолка не существовало; перекинуты были только балки да доски, — контуръ будущаго потолка. Воздушные мостики эти ясно видны при лунномъ свѣтѣ, и Денисъ соображаетъ, что отъ одного до другаго по меньшей мѣрѣ три фута разстоянія; ему легко пройти, но ей...

Онъ смотритъ внизъ: тамъ виднѣются такія же голыя балки, а подъ ними куча камней, наваленныхъ кое-какъ по всей землѣ; ихъ острые углы такъ и выступаютъ изъ мрака;— упасть на нихъ—значитъ убиться до смерти. Стоитъ ей оступиться, и... хорошо еще, если сразу умретъ, а если переломаетъ кости, да будетъ долго, мучительно страдать! Хоть бы была веревка... Но гдѣ ее достать? Да и времени остается мало. Не успѣли они добраться до послѣдней двери, какъ первая съ трескомъ и грохотомъ рухнула; слышно было, какъ

Digitized by Google

враги бросились вверхъ по лѣстницѣ и теперь бѣшено атакуютъ дверь, которую бѣглецы только что заперли на засовъ передъ самымъ ихъ носомъ. За дверью раздаются хриплые, неистовые крики, слышится адскій хохотъ... Негодяи заранѣе торжествуютъ побѣду. Денисъ тяжело переводитъ дыханіе: что̀ значило бы для него перескакивать съ балки на балку, придерживаясь за стѣну, — но она, она!.. Развѣ это мыслимо? Ему уже мерещится, что она оступилась, поскользнулась, сорвалась и летитъ внизъ на острые камни! Ну, умирать, такъ умирать... Шумъ и гвалтъ за дверью все усиливаются; преслѣдователи окончательно разсвирѣпѣли. А бѣглецы все еще на порогѣ; потайная дверь все еще открыта. Денисъ внимательно осматриваетъ пустую комнату, — не найдется ли какого нибудь увѣсистаго орудія или хоть обломка мебели, чтобы врагамъ было хоть чѣмъ помянуть его... Не отдаться же имъ въ руки безъ всякой попытки защитить себя и кузину? Но нѣтъ, ничего нѣтъ!

— Элленъ, — говоритъ онъ: — мы погибли. Помолитесь Богу и прыгайте внизъ съ этой балки... Еще моментъ — и мы будемъ въ ихъ рукахъ!

— Въ ихъ рукахъ?.. Въ ихъ рукахъ? Да въ умѣ ли вы, Денисъ?..—рѣзко вскрикиваетъ она: — я все обдумала! Есть для насъ исходъ... Случайно увидала я сегодня утромъ... Что̀ же вы медлите? Не теряйте присутствія духа... Неужели вы... неужели вы струсили?

— Я думаю о васъ!

— Ахъ, обо мнѣ!

Она тащитъ его съ порога, и сама, хорошенько укрѣпившись на доскѣ, около первой балки, рѣшительно запираетъ за собою потайную дверь.

— А теперь слѣдуйте за мной! — голосъ ея звучитъ самоувѣренно, она мелькомъ взглядываетъ на него, и перескакиваетъ на слѣдующую балку, слегка придерживаясь рукой за нагроможденные лѣса. Денисъ не отстаетъ, и давно пора: радостные вопли возвѣщаютъ паденіе второй двери. Затѣмъ наступаетъ гробовая тишина: враги очевидно стали втупикъ при видѣ пустой комнаты и совѣщаются между собою: куда могли дѣваться бѣглецы? Значитъ, не все еще погибло... А Элленъ легко, граціозно и увѣренно перескакиваетъ съ балки на балку,

Digitized by Google

какъ горная козочка; лунный лучъ играетъ на ея обнаженныхъ рукахъ и шеѣ. Денисъ, безо всякихъ опасеній за себя, слѣдуетъ за ней; но при каждомъ ея скачкѣ сердце его усиленно бьется, — не промахнулась бы отважная дѣвушка! Надежда вспыхнула въ его сердцѣ, — но вотъ конецъ опаснаго путешествія,—и отчаяніе снова овладѣваетъ имъ. Къ чему переправлялись они съ такимъ рискомъ сломать себѣ шею? Они стоятъ на послѣдней балкѣ—и выхода никуда нѣтъ. Имъ остается усѣсться здѣсь и ждать, пока ихъ не заберутъ, какъ куръ на насѣстѣ, лишь только разсвѣтетъ, а, можетъ быть, и раньше... Но Элленъ все стремится впередъ. Она его опередила и скрылась въ тѣни большой, уже сложенной печниками, трубы; на минуту она исчезаетъ, затѣмъ снова появляется на самомъ краю пристройки.

— Элленъ!—хрипло взываетъ онъ. Она, кажется, оглянулась и сдѣлала знакъ рукой. Луна скрылась за облакомъ; на минуту все кругомъ темно... Но вотъ она опять выплыла изъ тучки... гдѣ же Элленъ?.. гдѣ она?..

Денисъ со страхомъ рванулся впередъ... Снова темно... такъ темно, что, перескакивая ня послѣднюю балку, молодой человѣкъ чуть не сорвался, но вѣ-время схватился за боковую доску лѣсовъ и нагнулся надъ страшной пропастью.

— Элленъ!.. Элленъ!..—отчаянно крикнулъ онъ.

Но отвѣта не послѣдовало.

XI.

— Элленъ!—повторяетъ онъ, всматриваясь въ зіяющій передъ нимъ черный колодезь. Вдругъ до него доносится сдержанный возгласъ; какъ разъ въ эту минуту луна выплываетъ изъ облаковъ и онъ видитъ, что стоитъ уже на послѣдней балкѣ, а прямо передъ нимъ торчитъ верхушка приставной лѣстницы.

Внизу онъ смутно можетъ разглядѣть фигуру Элленъ; она почти уже спустилась, но на окликъ Дениса пріостановилась.

— Ахъ, я думала, что вы сразу ее замѣтите!—чуть слышно говоритъ онъ:—я должна была предупредить васъ, — я замѣтила ту лѣстницу сегодня утромъ! Какъ я глупа, что заранѣе

Digitized by Google

не сказала вамъ о ней!.. Неужели вы думали, что я бросилась или упала?..

— Да! — произноситъ онъ и вздыхаетъ съ облегченіемъ. Вотъ онъ ужь пустился внизъ по спасительной лѣстницѣ и черезъ нѣсколько минутъ оба они стоятъ на твердой землѣ и, сравнительно говоря, въ безопасности.

— А дальше куда намъ дѣваться? — инстинктивно обращается къ ней Денисъ за дальнѣйшими указаніями; онъ перестаетъ видѣть въ ней слабое существо, а скорѣе—товарища по несчастью.

И какой прелестный товарищъ! Темносиніе глазки ея сверкаютъ при лунномъ свѣтѣ; маленькій вздернутый носикъ выражаетъ одновременно и неустрашимость, и задоръ! Бѣдная дѣвочка! До сихъ поръ ей не часто представлялась возможность давать волю природнымъ наклонностямъ.

Помимо всего этого, она прекрасно знаетъ здѣшнія мѣста; а Денису они не знакомы. Однако, онъ рискуетъ вставить свое слово:

— Въ Друмондъ-Голль?..—предлагаетъ онъ.

— Это удачная мысль...—однако, она колеблется: — даже великолѣпная, если... если только ее можно привести въ исполненіе!..

Они стоятъ у конюшни, у стѣны, поросшей густымъ плющемъ; при послѣднихъ словахъ, Элленъ оглядывается на домъ и договариваетъ свою мысль:

— Вѣдь *они* навѣрно гдѣ нибудь рыскаютъ здѣсь по сосѣдству... Не наскочить бы прямо на нихъ!..

— Но какъ они разыщутъ насъ? Очевидно, сбились со слѣдовъ...

— На время, да. Но вы плохо знаете ирландцевъ. Почему-то принято называть этотъ народъ глупымъ; но это совсѣмъ невѣрно, Денисъ...

— Да что вы, струсили что ли, Элленъ? Придерживайтесь-ка этой стороны стѣны,—здѣсь тѣнь гуще,—и направимся потихоньку къ Друмонду. Прямой опасности, повидимому, намъ не угрожаетъ.

— Да, да... — Элленъ старается прибодриться; взвинченные нервы ея начали поддаваться, какъ только миновала непосредственная опасность.—Пойдемте поскорѣе...

Digitized by Google

— Вамъ слѣдуетъ накинуть что нибудь на себя,—и Денисъ хочетъ снять съ себя сюртукъ:—вы можете простудиться...

— Ни подъ какимъ видомъ! Пожалуйста, не давайте мнѣ вашего сюртука, — я непремѣнно въ немъ запутаюсь... Простуды я не боюсь и никогда не кутаюсь. Гдѣ, по вашему, ближайшая дорога въ Друмондъ-Голль? Здѣсь?.. — рука ея указываетъ на востокъ:—или тамъ?..

Въ тотъ же мигъ Денисъ хватаетъ ее за руку и увлекаетъ за собою глубже въ тѣнь.

— Тсс... ни слова! — онъ прячетъ ее въ густой плющъ, такъ какъ блѣдно-желтое платье выдѣляется изъ окружающаго мрака. Самъ онъ нѣсколько наклоняется впередъ и всматривается въ темноту.

Кто тамъ? Онъ видитъ человѣческое лицо, но чье? Вотъ оно опять показалось изъ-за лавровыхъ кустовъ и Денисъ убѣждается, что не ошибся... За кустами Странгфордъ, но его съ трудомъ можно узнать; до того искажена его физіономія.

Маленькая ручка ложится молодому О'Нейлю на плечо, нѣжный голосокъ шепчетъ ему на ухо:

— Вы узнали Странгфорда, Денисъ? что онъ здѣсь дѣлаетъ? Чего ему нужно?

Денисъ все таки не дозволяетъ ей выступить изъ убѣжища; самъ же хочетъ на минуту ее оставить, но она его не пускаетъ.

— Что ему тутъ дѣлать, Денисъ, въ эту ужасную ночь? Къ чему онъ появился? Неужели онъ зналъ?..

— Не можетъ этого быть... Выкиньте лучше эту мысль изъ головы, Элленъ... Ему больше всѣхъ невыгодно, что дѣдушка умеръ именно сегодня... Вы вѣдь помните, а, можетъ быть, и позабыли, что О'Нейль завтра долженъ былъ подписать новое завѣщаніе, по которому все, или почти все, перешло бы къ нему...

— Вотъ онъ опять; я его вижу! — глухимъ, боязливымъ шопотомъ перебиваетъ его Элленъ:—Боже, какое у него лицо, Денисъ... Что ни говорите, а я убѣждена, что Странгфорду кое-что было извѣстно...

Она закрываетъ лицо руками и плачетъ:

— О—о! Я вспомнить не могу о случившемся! Его мертвое тѣло... струйка крови... О, какой ужасъ!

Digitized by Google

— Элленъ, возьмите себя въ руки, если не хотите погубить насъ обоихъ! — властно останавливаетъ ее Денисъ:— Элленъ, послушайте...

Молодой человѣкъ обнимаетъ ее за талію и притягиваетъ къ себѣ; она не противится, а, наоборотъ, довѣрчиво прислоняется головой къ его плечу.

— Прибодритесь!—уговариваетъ онъ ее:—слѣдите за тѣмъ лавровымъ кустомъ...

— Хорошо...—рука Дениса крѣпко обнимаетъ ее, и она чувствуетъ себя много спокойнѣе:—я опять, кажется, вижу его, Денисъ... Взгляните туда!..

Она снова дѣлаетъ необдуманный жестъ рукой, Денисъ перехватываетъ ее на полпути, но глядитъ по указанному направленію: лицо Странгфорда на мигъ выставляется изъ-за куста и снова исчезаетъ; однако, Денисъ успѣлъ прочесть на этомъ лицѣ отчаяніе, злобу, ярость...

На самомъ дѣлѣ, что̀ привело Странгфорда сюда именно въ эту ночь? — недоумѣваетъ Денисъ: — развѣ только убійцы предупредили его о задуманномъ преступленіи?.. Но тогда онъ, значитъ, ихъ сообщникъ. Опять таки, если онъ жаждалъ смерти дѣда, къ чему злоба, отчаяніе, когда фактъ совершился?

Какъ бы то ни было, страшное видѣніе скрылось, и Денисъ обратился къ кузинѣ.

— Намъ остается улепетывать... Кажется, злой духъ, въ образѣ Странгфорда, исчезъ — и путь свободенъ. Бѣжимъ, Элленъ!

Она даетъ ему руку (а, можетъ быть, онъ и самъ второпяхъ схватилъ ее)—они быстро крадутся вдоль стѣны конюшенъ, а затѣмъ бѣгутъ по открытому полю.

Но увы! дикій крикъ хоромъ оглашаетъ воздухъ: невольно, со страстно бьющимся сердцемъ, они останавливаются и оглядываются: на стропилахъ пристройки стоятъ враги и, разумѣется, видятъ ихъ, какъ на ладони!

Недостатокъ ли въ механизмѣ, неумѣстный ли порывъ вѣтра, или ихъ собственная поспѣшность, — только потайная дверь распахнулась и обнаружила дорогу бѣглецовъ! Преслѣдователи гурьбою валятъ съ лѣстницы, неистово кричатъ и галдятъ... Отчаянная жестикуляція и вопли доказываютъ, что

Digitized by Google

жертвы ими уже замѣчены. А внизу, съ правой руки, подъ стропилами виднѣется человѣческая фигура; она энергично размахиваетъ руками и указываетъ прямо на нихъ.

— Странгфордъ! Да вѣдь это Странгфордъ! — въ ужасѣ кричитъ Элленъ, цѣпляясь за Дениса, какъ утопающая.

— О, нѣтъ, нѣтъ!.. (вѣритъ ли онъ самъ въ свои слова?) не можетъ быть! Надо быть совершеннымъ подлецомъ...

— Онъ! Вы правы, Денисъ, кажется, мы погибли... если ноги не спасутъ насъ.

— Я-то сгоряча ужь понадѣялся было, что мы спасены!

Онъ мрачно оглядывается назадъ и испускаетъ проклятіе...

— Хоть бы револьверъ въ рукахъ!

И вотъ начинается въ полномъ смыслѣ слова охота...

— Сюда, Элленъ, сюда!—Денисъ тащитъ дѣвушку за собой и сворачиваетъ за уголъ на перекресткѣ...

А голоса преслѣдователей все ближе и ближе...

XII.

— Въ силахъ ли вы еще бѣжать, Элленъ? Говорите правду!

— О, да, конечно!..

Она храбрится, пытается улыбнуться, но невинная ложь высказана такимъ задыхающимся голосомъ, губы ея такъ побѣлѣли, что повѣрить ей нельзя. Денисъ старается подбодрить ее, но сердце его сжимается; правой рукой онъ обхватываетъ ее за талію, и такимъ образомъ они дѣлаютъ еще нѣсколько шаговъ. Но это уже послѣднее, отчаянное усиліе—гибель неминуема. Онъ перестаетъ обольщать себя тщетными надеждами. Черезъ минуту эти бѣсноватые, опьянѣвшіе отъ вида крови и жажды мести, по ихъ слѣдамъ тоже обогнутъ уголъ; его убьютъ, а бѣдную дѣвушку...

Подъ наплывомъ гнѣва и отчаянія, Денисъ словно обезумѣлъ.

Онъ рванулся впередъ, увлекая за собою Элленъ...

Они миновали открытое поле и снова очутились въ спасительной тѣни. Въ душѣ Дениса возникаетъ минутный лучъ надежды: они значительно опередили непріятеля и, кромѣ того, уже не на виду. Онъ останавливается, чтобы перевести духъ, а также, чтобы прислушаться къ дѣйствіямъ враговъ; губы

Digitized by Google

его пересохли, сердце хочетъ выскочить; онъ лихорадочно напрягаетъ слухъ, моля попутный вѣтерокъ скорѣе донести до него клики преслѣдователей. О, счастье! Не слыхать рѣшительно ничего; онъ нагибается къ Элленъ, нервно жметъ и растираетъ ея похолодѣвшія руки и страстно убѣждаетъ не терять мужества. Но вотъ опять неистовые вопли оглашаютъ ночную тишину. Слышатся они совсѣмъ близко, еще минуты три — злодѣи обогнутъ уголъ и наткнутся прямо на бѣглецовъ.

— Впередъ! — хрипло говоритъ Денисъ, хватая Элленъ за руку, и быстро несется, куда глаза глядятъ. Дикія мысли проносятся у него въ головѣ. Будь онъ одинъ, не побоялся бы онъ проклятыхъ убійцъ, отправилъ бы, по крайней мѣрѣ, двухъ-трехъ изъ нихъ на тотъ свѣтъ и недаромъ отдалъ бы имъ свою молодую жизнь! А теперь... Имъ овладѣваетъ безумное желаніе все таки и теперь бросить имъ вызовъ... Но нѣтъ, ради своей спутницы, онъ долженъ бѣжать и бѣжать, пока хватитъ силъ... Онъ мчится все впередъ и впередъ. Рука его крѣпко обвила дѣвушку за талію, онъ видитъ, что она близка къ обмороку. Странно, онъ почти радуется этому: въ случаѣ обморока, ему волей-неволей придется остановиться и бороться съ врагами до послѣдней капли крови. А ее, Элленъ,— онъ самъ лучше убьетъ своею рукою, чѣмъ оставитъ, послѣ себя, на поруганіе дьяволамъ...

Но она все стремится впередъ, спотыкаясь на каждомъ шагу; все тяжелѣе налегаетъ на руку спутника, а онъ полубезсознательно шепчетъ ей на ухо какія-то слова, полныя ласки и ободренія (впослѣдствіи онъ самъ не могъ вспомнить, какія именно) и она, безъ всякаго сомнѣнія, слышитъ ихъ, потому что напрягаетъ послѣднія силы. Крики все приближаются...

Денисъ, не выпуская таліи кузины, бросается къ группѣ невысокихъ деревьевъ, могущихъ служить бѣглецамъ нѣкоторымъ убѣжищемъ или, вѣрнѣе, прикрытіемъ; за ними высится небольшой холмъ, къ которому можно прислониться, помѣстивъ Элленъ за спину, а тамъ видно будетъ, какъ поступать дальше. Онъ поклялся себѣ, что живыми они не дадутся злодѣямъ

— Мужайтесь, Элленъ!

— Не могу больше!.. — Она совсѣмъ задыхается; но Де-

Digitized by Google

нисъ направляетъ ее къ холму; они бѣгутъ по вспаханному полю.

Нервы молодаго человѣка до того напряжены, что имъ овладѣваетъ безумное желаніе разсмѣяться и онъ еле удерживается отъ громкаго хохота. Еще минута... Онъ дѣлаетъ отчаянный прыжокъ впередъ...

Великій Боже, что случилось? Земля разверзлась у нихъ подъ ногами; они проваливаются, тщетно пытаясь за что нибудь уцѣпиться, и падаютъ все глубже и глубже въ какую-то бездну.

XIII.

— Элленъ, вы не ушиблись? Ради бога, отзовитесь!

Кругомъ царитъ глубокій мракъ; Денисъ шаритъ по сторонамъ—его окружаютъ стѣны, но гдѣ же Элленъ? Неужели провалилась еще глубже? Куда же, въ преисподнюю что ли?

Вдругъ до него доносится легкій вздохъ, затѣмъ кто-то вскрикиваетъ, и слышится шорохъ, точно молодая дѣвушка пытается подняться на ноги; навѣрно она до смерти перепугана.

— Денисъ, Денисъ!—слышится изъ темноты; Денисъ старается по голосу угадать направленіе.

— Я здѣсь, Элленъ,—здѣсь я!

Онъ простираетъ руки, пытаясь нащупать въ сплошной мглѣ обладательницу жалобнаго голоса; она, очевидно, тоже двигается къ нему навстрѣчу; руки ихъ сталкиваются; онъ быстрымъ движеніемъ притягиваетъ ее къ себѣ и страстно прижимаетъ къ груди.

Съ этой блаженной минуты надежда воскресаетъ въ ихъ сердцахъ. Онъ потрясенъ, ошеломленъ счастьемъ, видя ее еще въ живыхъ; глаза его, наконецъ, открываются,—онъ впервые сознаётъ, что искренно, глубоко любитъ ее. А какъ долго не обращалъ онъ вниманія на молоденькую кузину по пріѣздѣ къ дѣду въ Каригдасъ!

— Куда мы попали? — дрожащимъ голосомъ спрашиваетъ Элленъ. Она отъ него отстранилась и онъ тотчасъ же выпустилъ ее изъ объятій, а все таки чувствуетъ, какъ она дрожитъ,—одна изъ ея ручекъ такъ и не покинула его руки.

— Право, не могу вамъ сказать: самъ понятія не имѣю гдѣ мы!—отвѣчаетъ онъ,—что-то виднѣется у насъ надъ голо-

Digitized by Google

вой, и мы стоимъ пока на твердой почвѣ; вотъ все, что мнѣ извѣстно. Вы увѣрены, что не ушиблись?

— О, нѣтъ! Въ первую минуту, понятно, я испугалась и, кажется, даже лишилась чувствъ... Но вѣдь мы здѣсь въ безопасности, Денисъ, не правда ли?

Она боязливо глядитъ вверхъ: въ отверстіе, надъ ихъ головами, пробивается блѣдный лучъ луны.

— Какъ знать?!—мрачно говоритъ Денисъ,—можетъ быть, имъ это убѣжище прекрасно знакомо,—тогда, разумѣется, мы попались, какъ куръ во щи.

— Пожалуйста, не говорите со мной въ такомъ безнадежномъ тонѣ; это на васъ вовсе не похоже.

Маленькая ручка въ темнотѣ отыскиваетъ его рукавъ и крѣпко за него цѣпляется; въ Денисѣ—ея единственная опора, и онъ мысленно проклинаетъ себя за минутное малодушіе.

— Не обращайте вниманія на мои слова, Элленъ!—бодро и весело говоритъ онъ, хотя въ душѣ вовсе не увѣренъ въ безопасности:—разъ мы буквально *провалились сквозь землю*, враги навѣрно не скоро догадаются, куда мы исчезли. Вы правы. Мы можемъ теперь вздохнуть спокойно! Но гдѣ мы и какъ сюда попали,—это, признаюсь, для меня остается тайной.

— Кажется, я догадываюсь,—медленно, съ разстановкой, произноситъ Элленъ,—хотя мнѣ никогда не приходилось бывать въ подобномъ мѣстѣ. Это старинный подземный ходъ. Такихъ много на югѣ Ирландіи, но часто наружныя стѣны обрушиваются и никто не подозрѣваетъ о существованіи въ данной мѣстности подземелья. Въ старомъ каригдасскомъ лѣсу есть такое подземелье...

Слова замираютъ у нея на языкѣ; слышатся горькія всхлипыванія.

— Дѣдушка! Бѣдный дѣдушка! Какъ могла я позабыть о немъ... Я вся была поглощена этимъ ужаснымъ бѣгствомъ. О, Денисъ!..

— Перестаньте, Элленъ... — молодой человѣкъ, растерявшись, не знаетъ, что сказать: — вы такая мужественная, храбрая... Не поддавайтесь воспоминаніямъ. Не вернуть ужъ... Лучше займемся нашимъ настоящимъ положеніемъ. Оно все таки незавидно... Обдумаемъ вмѣстѣ... Посовѣтуйте, что дѣлать?

Удачнѣе онъ не могъ ничего придумать; рыданія постепенно умолкаютъ, но она продолжаетъ вздрагивать.

Digitized by Google

— Какую ужасную драму мы пережили!

— А вы думаете, я о ней забылъ?—съ напускной суровостью возражаетъ Денисъ:—я мечтаю о мщеніи, только ранеше надо отсюда выбраться.

— Но гдѣ же злодѣи?

— Пока отсюда не вылѣзу, не могу сказать. А потому на время покину васъ.

— Какъ можно! Что вы! — испуганно удерживаетъ она его,—а вдругъ они близко? Долго ли увидать, или услыхать васъ?—она вздрагиваетъ.—Можетъ быть, они поджидаютъ васъ тамъ...—жестомъ она указываетъ на верхній просвѣтъ.

— Не думаю. Во всякомъ случаѣ, надо отверстіе завалить на время... А потомъ мы выберемся отсюда...

— Сегодня же ночью?

— Понятно!—онъ старается говорить безпечно:—не можемъ же мы здѣсь поселиться.

Онъ уже и такъ начинаетъ сознавать, какія послѣдствія будетъ имѣть для нея ночь, проведенная съ нимъ вдвоемъ въ подземельѣ, и мысль эта вызываетъ въ немъ мучительное безпокойство. — Я закидаю пока входъ зелеными вѣтками, тутъ близко растетъ кустарникъ, на который мы еще наткнулись, помните? А, можетъ быть, вы забыли? Паденіе отшибло память, а?

— Какъ была бы я рада забыть!—со вздохомъ говоритъ дѣвушка:—къ сожалѣнію, я все, все отлично помню... слишкомъ хорошо помню! Денисъ, не ходите туда!

— Но почему же?

— Не... не знаю, только не ходите.

Она довольна, что, благодаря темнотѣ, онъ не видитъ, какъ она вспыхнула.

— Если мы нашли это подземелье, то почему же имъ не найти его?

— Да вѣдь мы случайно открыли это странное помѣщеніе, воображая, что бѣжимъ по твердой почвѣ.

— Правда, но теперь отверстіе видно; въ особенности если вы покажетесь...

— Я увѣренъ, что они уже разошлись; не слыхать даже криковъ. Они сбились съ нашего слѣда. Одному удивляюсь—какъ никто раньше не зналъ о существованіи этого подземелья?

Digitized by Google

— Ихъ въ прежнія времена было такое множество, что нѣтъ ничего удивительнаго; теперь они зачастую являются сюрпризомъ. Иногда въ нихъ заваливается плугъ или до половины исчезаетъ лошадь, временами и пахарь подвергается той же участи. Въ старину надъ подземельями высились форты; пока цѣлы стѣны или руины, люди помнятъ о подземномъ ходѣ; но когда стѣны совсѣмъ уничтожались и земля распахана,—гдѣ же упомнить точно мѣста? Можетъ быть, плугъ скользнулъ по этому мѣсту и крестьянинъ прошелъ рядомъ съ нимъ...

— И отлично сдѣлалъ, а то бы намъ, пожалуй, не сдобровать. Теперь я выгляну. Надо узнать, что творится на бѣломъ свѣтѣ.

— А если... — ручка крѣпко хватается за его рукавъ:— если они васъ увидятъ?..

— Я приму всѣ предосторожности. Вы какъ будто думаете, что мнѣ самому жизнь вовсе не дорога?..

Онъ смѣется и порывается двинуться, но Элленъ его не выпускаетъ.

— А если вы не вернетесь?

— Но я вернусь!—онъ опять смѣется:—живой или мертвый.

— О!..—въ голосѣ ея столько страданія, что онъ беретъ ея руки и съ безпокойствомъ освѣдомляется:

— Что съ вами, Элленъ?

— Ничего, ровно ничего.

— Не можетъ быть!

— Зачѣмъ сказали вы: «мертвый»!

— Ахъ, это напомнило вамъ... Виноватъ! Вамъ представился несчастный старикъ...

— Нѣтъ, не то...

— Опять не то? Такъ что же?

— Я думала о васъ!—Она съ негодованіемъ вырываетъ у него свои руки: — неужели вы полагаете, что я желала бы видѣть васъ... не живымъ?.. Что сталось бы со мной?

— Правда!

Ему ясно, что измученная дѣвушка боится, какъ бы не остаться совершенно одной вплоть до утренней зари. Мысли ея понятно эгоистичны, но все таки ему пріятно:—почему бы то ни было, но она за него боится. Онъ — единственный ея защитникъ и покровитель,

Digitized by Google

— Не бойтесь, я уцѣлѣю.

Ощупью добирается онъ до земляной стѣны, а тамъ, съ помощью рукъ и ногъ, выкарабкивается на свѣтъ божій.

XIV.

Очутившись на поверхности земли, Денисъ не поднимается съ колѣнъ и, на половину скрытый подстриженнымъ кустарникомъ, быстро оглядывается по сторонамъ. Сначала онъ ничего не могъ разобрать, глаза его привыкли къ темнотѣ, и даже блѣдный лунный свѣтъ показался ослѣпительнымъ. Наконецъ, словно сквозь туманъ передъ нимъ начали вырисовываться вспаханныя поля, большой лугъ, а съ правой руки нѣсколько грядъ, засѣянныхъ рѣпой. Налѣво... Туманъ порѣдѣлъ еще больше и онъ увидѣлъ вдали толпу людей: они за кѣмъ-то гонятся и поспѣшно взбираются на гору. Должно быть, они преслѣдуютъ его и, къ счастью, напали на ложный слѣдъ.

Онъ вернется къ Элленъ, скажетъ ей, что путь очистился, и убѣдитъ ее отпустить его въ Друмондъ-Голль, — долго ли ему привести къ ней оттуда цѣлый конвой! Немыслимо имъ съ глазу на глазъ переночевать въ подземельѣ...

Раздумывая такимъ образомъ, притягиваетъ онъ къ себѣ нѣсколько разбросанныхъ тамъ и сямъ вѣтокъ душистаго вереска, чтобы прикрыть ими входъ въ подземное убѣжище. Предосторожность никогда не мѣшаетъ; быть можетъ, часть погони направлена въ ту сторону, а остальные приближаются къ подземелью: слишкомъ ужь опасно оставить въ живыхъ двухъ единственныхъ свидѣтелей смерти О'Нейля, признавшихъ его убійцу въ лицо.

Тихонечко, осторожно дѣлаетъ Денисъ свое дѣло; вотъ оно близится уже къ концу... остается расправить послѣднюю вѣтку надъ отверстіемъ... но вдругъ руки его опускаются; онъ бросается плашмя на землю и, затаивъ дыханіе, глядитъ влѣво.

Кто это выходитъ изъ ольховника? Чье это блѣдное, искаженное яростью, лицо? Въ полусвѣтѣ Денисъ не сразу узнаетъ его, но подъ конецъ убѣждается, что это Странгфордъ.

Денисъ сначала поднимается на колѣни; затѣмъ мигомъ вскакиваетъ на ноги и мчится къ своему кузену.

— Вамъ что здѣсь понадобилось?— гнѣвно кричитъ Денисъ.

— Ага, попался!—Странгфордъ поднимаетъ правую руку,—

Digitized by Google

въ ней металлическій свистокъ; но въ ту же секунду Денисъ одной рукой хватаетъ его за горло, а другой вырываетъ у него свистокъ и далеко отбрасываетъ въ сторону. Между противниками начинается борьба не на жизнь, а на смерть: одного воодушевляетъ злоба, другаго—собственная безопасность. Странгфордъ выше ростомъ, но Денисъ смѣлѣе: ему удается приподнять слабосильнаго Странгфорда и повалить его на землю.

Какъ разъ пора: ясно слышится топотъ ногъ преслѣдователей, раздаются голоса. Денисъ усталый, блѣдный,—изъ раны его на лбу снова сочится кровь,—приподнимается съ земли и видитъ вдали толпу людей, приближающихся прямо къ этому мѣсту, но его они еще не успѣли замѣтить. Быстрѣе молніи спѣшитъ онъ обратно къ подземелью, проскальзываетъ въ отверстіе, выставивъ изъ него одну голову и слѣдитъ за всѣми движеніями Странгфорда. Тотъ, съ помощью своихъ сообщниковъ, встаетъ на ноги; тогда Денисъ со всѣми предосторожностями прикрываетъ входъ въ подземелье вѣтками и окончательно спускается внизъ.

Во всякомъ случаѣ онъ не убилъ двоюроднаго брата, но не можетъ дать себѣ отчета, какое чувство испытываетъ онъ при этомъ сознаніи—облегченія или сожалѣнія. Впрочемъ, ему некогда разбираться въ ощущеніяхъ,—нѣжныя ручки тревожно обхватываютъ его.

— О, Денисъ, какъ вы долго не возвращались! Я уже начала думать, что вы вовсе не вернетесь. А здѣсь было такъ темно, такъ страшно...

— Тише!—шепчетъ онъ. Малѣйшій звукъ можетъ выдать ихъ; онъ притягиваетъ ея головку къ себѣ на грудь и не выпускаетъ, прислушиваясь къ голосамъ извнѣ. Еслибъ случайно кто нибудь изъ крестьянъ или самъ Странгфордъ видѣли, куда онъ скрылся—они погибли. Этого онъ опасался и раньше.

Прошло минутъ двадцать; живучая надежда снова возникла въ его сердцѣ: голоса преслѣдователей постепенно стали удаляться и совсѣмъ умолкли. Денисъ обращается къ кузинѣ:

— Кажется, ушли... На всякій случай говорите тише. Вы были правы: Странгфордъ съ ними... Но какую же роль играетъ онъ?

— Не знаю...

— Но вы что-то подозрѣваете? Не скрывайте отъ меня ничего, Элленъ. Вѣдь я самъ не довѣряю ему нисколько.

Digitized by Google

— Ну, такъ слушайте. Дѣдушка, какъ вамъ извѣстно, собирался писать новое завѣщаніе въ среду, то есть послѣ завтра.

— Не послѣ завтра, а завтра, — нынѣшній день уже наступилъ.

— Да неужели?.. А вѣдь только вчера... всего нѣсколько часовъ тому назадъ... Ахъ, Денисъ! Какъ могла я пережить этотъ ужасъ? Должно быть, у меня вовсе нѣтъ сердца.

— Вздоръ! Вы — милая, мужественная дѣвушка, какихъ мало найдется на свѣтѣ.

Онъ крѣпко прижалъ ее къ себѣ.

— Не озябли ли вы? Пожалуйста, надѣньте мой сюртукъ.

— Напротивъ, мнѣ жарко. Я задыхаюсь! Оставьте, не снимайте сюртука. Дайте мнѣ лучше договорить. — Тонъ ея суровый, но она не отодвигается отъ Дениса и нервно стискиваетъ его руку, точно боится окружающаго мрака.

— Въ среду,—завтра, какъ вы говорите,—дѣдушка собирался измѣнить завѣщаніе въ пользу Странгфорда. Я думаю, Странгфордъ зналъ, что крестьяне собираются убить дѣдушку, и порѣшилъ заодно покончить съ нами: тогда онъ все равно остался бы единственнымъ наслѣдникомъ.

— Все это такъ, Элленъ, но мнѣ изъ многихъ источниковъ извѣстно, что Странгфордъ за послѣднее время очень старался расположить недовольныхъ крестьянъ въ свою пользу. Въ собственныхъ интересахъ, онъ, значитъ, могъ удержать убійцъ отъ злодѣянія и, по завѣщанію, сдѣлаться наслѣдникомъ большей части имѣнія.

— Не такъ-то легко удержать нашихъ крестьянъ, Денисъ! Не забывайте, что на завтра, то есть на нынѣшній день, предполагалось выселеніе Конеля. Я не могу себѣ представить, что со смерти дѣда идутъ уже вторыя сутки! Я бы сама хотѣла умереть, чтобы не помнить этого...

— Не говорите такъ, Элленъ.

— Патси Конель застрѣлилъ дѣда...

— Я видѣлъ. Старайтесь объ этомъ не думать, хоть до разсвѣта. Ночью всякое горе кажется вдвое тяжелѣе. Продолжайте лучше говорить о Странгфордѣ.

— Хорошо. По моему, узнавъ, что они убили дѣдушку,

Digitized by Google

онъ задумалъ подстрекнуть ихъ къ дальнѣйшему убійству... Мы вѣдь стояли ему на дорогѣ... изъ-за наслѣдства...

— Съ трудомъ вѣрится!—возразилъ Денисъ:—не дьяволъ же онъ, въ самомъ дѣлѣ?

— Правда ваша, подозрѣніе мое ужасно... Но мнѣ кажется, я не ошибаюсь. Чѣмъ объясните вы иначе его присутствіе здѣсь, ночью? Если онъ ничего не зналъ о предполагаемомъ убійствѣ, что же привело его сюда? Говорю вамъ, недаромъ я всегда боялась этого человѣка.

— Но вѣдь изъ вашихъ же словъ вытекаетъ, что для него удобнѣе было бы отложить убійство до четверга...

— Ну, а если онъ не могъ справиться съ разъяренными злодѣями? Конель уже давно замышлялъ недоброе; я предупреждала дѣдушку, но мнѣ никто не вѣрилъ, кромѣ Странгфорда... Въ этомъ я убѣдилась. Онъ желалъ смерти дѣда. О, Боже, какъ все это возмутительно! Онъ... онъ заодно съ убійцами!..

— Элленъ, Элленъ! Чтобы такъ говорить, надо имѣть вѣскія доказательства.

— Ихъ у меня нѣтъ, сознаюсь! Тѣмъ не менѣе, я знаю, что говорю. Онъ ненавидѣлъ дѣда...

— А мнѣ. казалось, что они состояли въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ!

— Это ошибочно... наружно... Я знаю навѣрно.

— Пусть будетъ по вашему, — согласился Денисъ, замѣчая, что она до крайности взволнована, и предпочитая перемѣнить разговоръ:—но вашей смерти онъ во всякомъ случаѣ не желалъ. Для всякаго было ясно... что онъ по уши влюбленъ въ васъ.

— То есть въ тѣ деньги, которыя дѣдушка хотѣлъ было мнѣ оставить,—поправила Элленъ. Голосъ ея звучалъ сухо и непріязненно.—Но такъ какъ теперь завѣщанія не окажется, то я не получу, должно быть, ничего. И отлично...

— Отличнаго, положимъ, тутъ мало!—возразилъ Денисъ.—Гдѣ вы, Элленъ? Вы отодвинулись и я не вижу васъ... Или вы не боитесь больше темноты?

— Боюсь по прежнему!—тихо сознаётся Элленъ.

— Такъ я зажгу спичку.

— О, нѣтъ, нѣтъ!—умоляетъ она:—злодѣи, можетъ быть, еще тутъ, свѣтъ откроетъ имъ наше убѣжище...

Digitized by Google

— Опасности теперь нѣтъ; а мнѣ кстати хочется осмотрѣть наше помѣщеніе.

Онъ вынимаетъ изъ кармана спичечницу и зажигаетъ спичку. При слабомъ свѣтѣ, они разглядываютъ другъ друга: имъ кажется, что они не видались много-много лѣтъ.

Онъ видитъ блѣдное и утомленное, но по прежнему прелестное личико; въ синихъ глазахъ свѣтятся испугъ и горе; каштановые волосы растрепались на лбу. Видитъ и бѣлую шейку, окаймленную вечернимъ палевымъ платьемъ, и обнаженныя руки.

Но что она увидала? Она всплеснула руками и поскорѣе закрыла ими свое лицо. Невольный крикъ вырвался изъ ея груди.

XV.

— Кровь! Опять кровь! вы ранены... Странгфордомъ?

Денисъ совсѣмъ забылъ про свой разбитый лобъ, а изъ ранки продолжала просачиваться кровь. Ему и досадно на свою забывчивость и, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ испытываетъ радостное удивленіе, что Элленъ такъ жалѣетъ его и участливо относится къ его состоянію.

— Это неважная царапина, Элленъ!—спѣшитъ онъ успокоить ее:—увѣряю васъ. Будь я опасно раненъ, развѣ могъ бы я забыть? Къ сожалѣнію, въ нашемъ убѣжищѣ не найти пластыря, а то бы я давно починилъ свой изъянъ.

Онъ нарочно говоритъ весело, чтобы ободрить ее; но у нея на душѣ слишкомъ тяжело и она не поддается утѣшенію.

Денисъ нажимаетъ на разбитый лобъ носовой платокъ и проситъ кузину взглянуть на него еще разъ, пока не погаснетъ его четвертая—и послѣдняя—спичка.

Она исполняетъ его просьбу, не безъ опасенія, но тотчасъ же снова ударяется въ слезы.

— Да неужели вамъ такъ жаль меня, Элленъ?—въ радостномъ волненіи спрашиваетъ Денисъ, и дѣлаетъ шагъ по направленію къ ней; ему ужасно хочется обнять ее и нѣжной лаской осушить ея милые глазки. Онъ все позабылъ: и часъ, и мѣсто, и трагическое ихъ положеніе,—помнилъ лишь одно: она плачетъ, и плачетъ о немъ! Въ эту минуту догорѣла

Digitized by Google

послѣдняя спичка. Подѣйствовалъ ли на него мракъ отрезвляющимъ образомъ, только онъ опомнился и мысленно упрекнулъ себя. Время ли теперь давать волю своимъ чувствамъ? Элленъ все еще плачетъ, но уже не такъ горько; на слова его она не откликнулась,—должно быть, нашла ихъ неумѣстными. Что ему дѣлать?

— Элленъ,—въ отчаяніи говоритъ онъ, — вы знаете, что я не могу оставаться здѣсь цѣлую ночь...

Плачъ прекращается.

— Куда же вы хотите идти? Неужели вы думаете обратно отвести меня въ Каригдасъ?

— Боже сохрани! Во-первыхъ, я не о васъ говорю, а о себѣ. Я предполагалъ, оставивъ васъ здѣсь, сбѣгать въ Друмондъ-Голль, разбудить его обитателей и...

— Оставить меня здѣсь? одну?.. — съ трудомъ выговариваетъ она,—вы пошутили, вѣрно? О, нѣтъ, нѣтъ, не покидайте меня, Денисъ! Неужели вы такъ безчеловѣчны? Скажите, что вы пошутили... что вы никогда не уйдете!

Она судорожно цѣпляется за его рукавъ.

— Денисъ, если я васъ чѣмъ нибудь обидѣла, простите меня! Я сдѣлала это неумышленно. Не уходите!

— Бѣдное дитя мое, дорогая Элленъ! Да неужели вы могли, хоть на секунду, подумать, что я брошу васъ? Я только ради васъ и спѣшу въ Друмондъ-Голль.

— Мнѣ и здѣсь хорошо, увѣряю васъ! — убѣждаетъ его Элленъ,—я не устала, ѣсть не хочу и даже начинаю привыкать къ темнотѣ...

— Ахъ, не то... Неужели вы не понимаете, Элленъ?.. Подумали ли вы, хорошо ли...

Ему неловко прямо сказать ей, что она себя компрометируетъ, оставаясь съ нимъ вдвоемъ въ подземельѣ.

— Что такое?

— Что будутъ говорить злые языки, Элленъ? Милая, дорогая крошка моя, свѣтъ безпощаденъ!

— Да что же такое могутъ сказать?

— Очень много... Слишкомъ много! — серьезно говоритъ Денисъ.

— О, нѣтъ, ничего нельзя сказать! Напротивъ, нужно быть черезчуръ глупымъ или жестокимъ, чтобы ожидать, что вы

Digitized by Google

бросите одну меня, совсѣмъ одну, беззащитную... оставите меня, вѣроятно, на прямую погибель...

— Кто же васъ здѣсь найдетъ? Черезъ полтора часа я прибѣгу обратно, съ подкрѣпленіемъ.

— А вдругъ вы не вернетесь? Не забывайте, что васъ ищутъ, Денисъ,—и какъ еще ищутъ!

Онъ чувствуетъ, что она права, однако, пробуетъ урезонить ее.

— Теперь темно... Я ускользну безъ труда... Что значатъ полтора часа, Эллебъ?

— Полтора часа? Да это цѣлая вѣчность... въ такой темнотѣ!.. Я буду сидѣть и думать, думать...—Она содрогается.—И, конечно, съ ума сойду! Денисъ, если ужь вы непремѣнно хотите идти, то я иду съ вами.

— Это немыслимо.

— Куда вы, туда и я. Вполнѣ мыслимо,—такъ и будетъ!—рѣшительно заявляетъ она.

Всегда кроткая, уступчивая дѣвушка вдругъ обнаружила непостижимое упрямство; въ глубинѣ души она боится не столько за себя, какъ за него: какъ онъ одинъ, при данныхъ обстоятельствахъ, пойдетъ ночью по открытому полю? Какъ разъ и попадется на глаза злодѣямъ! Только бы дотянуть до разсвѣта,—тогда наступитъ сравнительная безопасность.

— Когда такъ, разумѣется, я остаюсь!—говоритъ Денисъ.

Холодомъ вѣетъ отъ его тона; онъ, очевидно, недоволенъ. Ей становится такъ горько, что непрошеныя слезы снова струятся изъ ея глазъ; но она плачетъ тихо-тихо, и онъ этого не замѣчаетъ. Стоитъ она одна, прислонясь къ земляной стѣнѣ.

Наступаетъ тяжелое молчаніе; прервать его дѣлается все труднѣе и труднѣе.

Денису кажется, что онъ безо всякой пользы торчитъ тутъ, въ подземельѣ, и, оставаясь, самъ сознаётъ, что поступаетъ опрометчиво. Но что же дѣлать? Уйти было бы жестоко, въ виду проявленнаго ею ужаса при одномъ предположеніи объ его уходѣ; тащить ее за собою по полямъ еще безчеловѣчнѣе — когда изъ-за каждаго куста можетъ выскочить врагъ.

— Господи, когда же займется заря?—чуть слышно про-

Digitized by Google

стоналъ Денисъ, но чуткое ухо Эллен уловило его восклицаніе. Какъ онъ стремится покинуть ее? Должно быть, она чѣмъ нибудь смертельно обидѣла его.

— Вы на меня сердитесь?—говоритъ она, наконецъ.

— Нѣтъ, нѣтъ!—съ унынiемъ отвѣчаетъ онъ.

— Вижу, что сердитесь.

— Если и сержусь, то *за васъ*.

— То есть, какъ это?

— Вы прекрасно понимаете, что я хочу сказать. Ради себя самой, вы должны были отпустить меня.

Онъ не хочетъ прибавлять, что изъ-за ея упрямства многіе строго осудятъ его самого.

— Ради себя самой я оставила васъ здѣсь! — упрямо говоритъ она, и Денисъ удивляется ея наивности; но она слѣдующими фразами разубѣждаетъ его.—Я прекрасно понимаю васъ, но не могу остаться одна, я съ ума сойду! Я все припоминала бы недавніе ужасы, распростертое тѣло дѣда... Кромѣ того...

— Ну, что же?

— Да нѣтъ, ничего.

— Такъ и начинать не стоило, если ничего!—раздражается Денисъ.

— Увѣряю васъ, что ничего! — Ей не хочется сознаться, что она главнымъ образомъ боится за него.

Наконецъ, наступила желанная заря, и вскорѣ солнечный лучъ прокрался въ подземелье.

(Окончаніе будетъ).

Digitized by Google

Изъ Петрарки.

(Сонетъ).

О, благодатный духъ, сходящій въ тишинѣ
Моихъ печальныхъ сновъ, среди печальной ночи,
Чтобъ утѣшать меня. Какъ блещутъ твои очи!
Ты умерла, но смерть оставила ихъ мнѣ...

Какъ радъ я, что ко мнѣ слетаешь ты порою
И озаряешь дни печальные мои.
И наслаждаюсь я твоею красотою
Опять, какой видалъ ее въ былые дни.

Тебя я много лѣтъ пытался въ сладкомъ пѣньѣ
Прославить, но теперь могу я лишь рыдать.
И все же есть въ моемъ мучительномъ томленьѣ
Мигъ утѣшенія,—когда тебя опять
Я вижу, или когда могу я услыхать
Волшебный голосъ твой въ минутномъ сновидѣньѣ...

К.

Digitized by Google

Графъ А. К. Толстой.

Digitized by Google

Графъ А. К. Толстой.

(Съ портретомъ).

Въ нынѣшнемъ году исполнилось 25 лѣтъ со дня смерти извѣстнаго поэта, *графа Алексѣя Константиновича Толстаго*, скончавшагося 28 сентября 1875 года въ своемъ имѣніи Кривомъ Рогѣ, близь города Почепа.

При жизни своей, графъ А. К. Толстой не пользовался тѣми глубокими симпатіями, которыя нынѣ въ обильномъ количествѣ стеклись на его могилѣ, по случаю двадцатипятилѣтней тризны со дня его кончины, хотя этотъ крупный выдающійся талантъ и прежде заслуживалъ болѣе внимательнаго и любовнаго къ нему отношенія. Разгадка этой недостаточной популярности А. К. въ свое время и даже нѣкоторой вражды къ нему со стороны извѣстной части нашей прессы заключается въ томъ обстоятельствѣ, что, выступивъ на литературное поприще въ самый разгаръ партійной политической борьбы, гр. Толстой не желалъ, да по свойству своего объективнаго таланта и не могъ, присоединиться всецѣло ни къ одной изъ борющихся партій, примыкая поперемѣнно своими сочувствіями то къ той, то къ другой. Эту свою *духовную независимость* Толстой отстаивалъ очень ревниво въ слѣдующихъ прекрасныхъ стихахъ:

«Двухъ становъ *не боецъ*, но только гость случайный
За правду я бы радъ поднять мой добрый мечъ,
Но *споръ съ обоими—доселѣ мой жребій тайный*
И къ клятвѣ ни одинъ не могъ меня привлечь.
Союза полнаго не будетъ между нами:—
Не купленный никѣмъ, подъ чье бъ ни сталъ я знамя,
Пристрастной ревности друзей не въ силахъ снесть,
Я знамени врага отстаивалъ бы честь!»

Digitized by Google

Но эта роль добросовѣстнаго третейскаго судьи въ возникшихъ раздорахъ, конечно, не удовлетворяла увлекавшихся бойцовъ, и нѣкоторый малоумный критикъ того времени даже въ словахъ Толстаго, что онъ «не подкупленъ никѣмъ», усмотрѣлъ именно желаніе быть подкупленнымъ, причемъ, вѣроятно, судилъ по себѣ самому... Въ особенности огорчило такихъ критиковъ извѣстное стихотвореніе: «Пантелѣй-цѣлитель», въ которомъ Толстой возставалъ, въ довольно рѣзкой формѣ, противъ уродливыхъ крайностей такъ называемаго «нигилизма»,— тѣхъ самыхъ крайностей, съ которыми пришлось, въ концѣ жизни, столкнуться и А. И. Герцену.

Въ основныхъ своихъ симпатіяхъ А. К. Толстой всегда стоялъ на сторонѣ правды, свѣта, гражданской доблести и умственной свободы — и достаточно только вспомнить содержаніе лучшихъ его произведеній, чтобы прійти къ этой справедливой характеристикѣ.

«*Надъ вольной мыслью Богу не угодно*
Насиліе и гнетъ;
Она, въ душѣ рожденная свободно,
Въ оковахъ не умретъ»!

Такую мысль влагаетъ Толстой въ уста своего Іоанна Дамаскина, и нѣтъ сомнѣнія, что эта мысль была его собственнымъ поэтическимъ девизомъ. Самое содержаніе этой поэмы было выбрано недаромъ и имѣетъ тѣсную связь съ контрастомъ между общественнымъ положеніемъ и внутренними симпатіями автора. Любимецъ и первый министръ дамасскаго халифа, Іоаннъ Дамаскинъ тоскуетъ по тихой, смиренной жизни посвященной «труду, молитвѣ и пѣснопѣнью». Почетъ и ласки халифа, почти безграничная власть и роскошь золотыхъ дворцовъ — ничто не плѣняетъ поэта. Онъ призванъ быть только пѣвцомъ и—«глаголомъ вольнымъ Бога славить». Халифъ предлагаетъ ему полъ-царства и званіе самостоятельнаго правителя; но ни богатство, ни сила, ни слава не могутъ побѣдить его душевнаго влеченія, и онъ, вмѣсто благодарности за предложенное ему величіе, обращается съ мольбою къ своему великодушному повелителю:

«О, отпусти меня, калифъ,
Дозволь дышать и пѣть на волѣ»!

Digitized by Google

Отпущенный, наконецъ, на волю, Дамаскинъ попадаетъ въ пріютъ отшельниковъ, гдѣ руководитель-аскетъ обрекъ его на скучные дни, воспретивъ пользоваться поэтическимъ талантомъ. Но, не смотря на суровое запрещеніе, Іоаннъ не устоялъ противъ искуса, когда одинъ монахъ попросилъ его написать погребальную пѣсню на смерть своего брата по плоти и духу. За это нарушеніе «обѣта молчанія» руководитель приговорилъ Іоанна къ эпитеміи, заставивъ убирать грязь и соръ на черномъ дворѣ. Но наказаніе это было невольно прервано самимъ руководителемъ-аскетомъ, которому явившаяся во снѣ Богоматерь, съ младенцемъ на груди, изрекла поучительное слово:

«Почто ты гонишь Іоанна?
Его молитвенные звуки,
Какъ голосъ съ неба для земли,
Въ сердца послушныя текли,
Врачуя горести и муки...
Почто жъ птьица живую рѣчь
Сковалъ ты заповѣдью трудной?
Оставь его глаголу течь
Рѣкой пѣвучей неоскудно;
Да оросятъ его мечты,
Какъ дождь, житейскую долину,—
Оставь землѣ ея цвѣты,
Оставь созвучья Дамаскину!»

Совершенно такого же поэта-идеалиста, гонявшагося только за сохраненіемъ свободы своего творчества, представлялъ собою и самъ Алексѣй Константиновичъ,—товарищъ дѣтства и другъ императора Александра II-го, не соблазнявшійся никакими приманками власти и почестей и дорожившій всего болѣе своимъ поэтическимъ призваніемъ.

Прекрасныя былины изъ кіевскаго періода русской исторіи также показываютъ ясно, въ какую сторону клонились душевныя симпатіи поэта, видѣвшаго свой политическій идеалъ въ крѣпкомъ союзѣ излюбленной верховной власти со свободнымъ народомъ. Въ лицѣ же Ивана Грознаго онъ строго осуждалъ уклоненіе отъ этого идеала земскаго царя, навязанное намъ, прежде всего, татарскимъ игомъ. Нечего и говорить, что внѣшняя форма поэтическаго творчества отличается у гр. А. К. Толстаго замѣчательнымъ совершенствомъ.

Digitized by Google

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Англо-германское соглашеніе по китайскимъ дѣламъ.—Торжество гешефта надъ правомъ и справедливостью.—Подвиги нѣмецкихъ и англійскихъ культуртрегеровъ на китайской почвѣ. — Злоупотребленіе англичанъ перемиріемъ съ боэрами. — Поѣздка Крюгера по Европѣ. — Президентскіе выборы въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ.—Тревоги Англіи по поводу «происковъ» Россіи въ Тибетѣ.—Французскій журналъ о Финляндіи.—Процессъ Гильзнера.—Пріемы всемірнаго кагала въ сокрытіи преступленій и въ оправданіи виновныхъ жидовъ. — Варварскій ритуалъ, открыто практикуемый среди цивилизованныхъ націй.—Можетъ ли быть терпимъ талмудизмъ подъ прикрытіемъ «свободы совѣсти»? — Уживаются ли съ *гуманностью* и *либерализмомъ* человѣконенавистническія стремленія? — Гоненія французскаго министерства на католическую религію и потворство талмудическому каннбальству.—Промѣнъ кукушки на ястреба.

Со времени занятія Пекина союзными войсками прошло уже около трехъ мѣсяцевъ, но вопросъ о мирѣ не двинулся ни на шагъ впередъ. Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ державы желаютъ поскорѣе ликвидировать китайскій инцидентъ и сдать его въ архивъ, но рѣшительныхъ шаговъ для достиженія столь желательной цѣли еще не сдѣлано. Державы какъ между собою, такъ и съ китайскимъ правительствомъ пока обмѣниваются дипломатическими нотами... Много *нотъ*, но пока слишкомъ мало стройной музыки; наоборотъ, чувствуется сильный диссонансъ. Пѣвцы пока еще и не думаютъ приступать къ исполненію своихъ партій, и между ними происходитъ только распланировка голосовъ. Но какъ ни садятся пѣвцы, а пѣть они еще не начинали. Вѣроятно, не скоро и начнутъ... Лондонскій корреспондентъ мюнхенской газеты «Allgemeine Zeitung» довольно вѣрно характеризуетъ положеніе дѣлъ на Дальнемъ Востокѣ, говоря, что «китайскій вопросъ *не двигается съ мѣста*. Толкуютъ много о восточно-азіатскомъ концертѣ державъ, но нужно сознаться, что эти толки преисполнены нѣкоторой иронія, ибо участники концерта давно уже сбились съ такта. Державы занимаютъ одна другую

Digitized by Google

нотами, контръ-нотами, предложеніями — основными, дополнительными, подкрѣпительными и т. д., а въ сущности никто не считаетъ предложеній своихъ и присоединеніе къ другимъ предложеніямъ за нѣчто окончательное и всѣ стараются за кулисами разоблачать дѣйствительные или воображаемые тайные замыслы того или другаго участника концерта».

Если мы вспомнимъ, какая была группировка державъ въ началѣ китайскаго кризиса, то увидимъ, что въ настоящій моментъ группировка державъ является уже совершенно другою. При началѣ «инцидента», Германія была объ руку съ Россіей; теперь же идетъ въ ногу съ Англіей.

Недавно состоявшееся соглашеніе между Англіей и Германіей по китайскимъ дѣламъ, хотя и не внесло ничего новаго сравнительно съ ранѣе обнародованнымъ, почти за два мѣсяца, русскимъ предложеніемъ отъ 12 августа, однако, является выдающимся фактомъ въ международной жизни европейскихъ государствъ.

Между германскимъ посломъ Гатцфельдомъ и Салисбюри состоялось въ Лондонѣ, 3 октября, посредствомъ обмѣна нотъ, слѣдующее соглашеніе: германское и великобританское правительства, руководимыя желаніемъ оградить свои интересы въ Китаѣ и свои права по существующимъ договорамъ, пришли къ соглашенію соблюдать относительно ихъ взаимной политики въ Китаѣ нижеслѣдующіе принципы: 1) общимъ прочнымъ международнымъ интересамъ отвѣчаетъ, чтобы въ портахъ на рѣкахъ и на побережьяхъ Китая торговля и всякая хозяйственная дѣятельность были свободны и открыты для лицъ всѣхъ національностей. Оба правительства согласились соблюдать этотъ принципъ относительно всей китайской территоріи, гдѣ они могутъ имѣть вліяніе; 2) оба правительства, съ своей стороны, не желаютъ воспользоваться настоящими осложненіями для достиженія какихъ либо территоріальныхъ выгодъ въ китайскихъ владѣніяхъ и намѣрены направить свою политику на то, чтобы территоріальный составъ китайской имперіи не былъ уменьшенъ; 3) въ случаѣ, еслибы другія державы воспользовались китайскими осложненіями для достиженія территоріальныхъ выгодъ, обѣ договаривающіяся державы предоставляютъ себѣ право войти въ предварительное соглашеніе относительно мѣръ къ охраненію ихъ собственныхъ интересовъ; 4) оба правительства предложатъ другимъ державамъ, а именно: Франціи, Италіи, Японіи, Австро-Венгріи, Россіи и Соединеннымъ Штатамъ,— присоединиться къ изложеннымъ въ семъ соглашеніи основнымъ положеніямъ.

Англо-нѣмецкій договоръ привѣтствуется всею печатью Англіи и Германіи, какъ одно изъ выдающихся дипломатическихъ дѣйствій въ теченіе всего отошедшаго въ вѣчность столѣтія.

Ликованіе и торжество германской прессы совершенно понятны. Въ

Digitized by Google

послѣднее время, положеніе нѣмцевъ въ китайскомъ вопросѣ было скорѣе комичнымъ и даже прямо таки невозможнымъ. Роль первенствующей державы на Дальнемъ Востокѣ, которую хотѣла играть тамъ Германія, ей не удалась. Графу Вальдерзее не пришлось увѣнчать себя и германскую армію новыми лаврами. Броненосному кулаку нечего уже дѣлать въ Китаѣ; Пекинъ, до прибытія этого грознаго орудія, взятъ былъ русскими войсками. Маленькія экспедиціи, предпринимавшіяся доселѣ германскимъ фельдмаршаломъ, скорѣе носятъ комическій, нежели побѣдоносный характеръ. Лучшей иллюстраціей комизма, выпавшаго, вмѣсто лавровъ, на долю Вальдерзее, можетъ служить его тщательно обдуманная и долженствовавшая покрыть неувядаемою славою нѣмецкое оружіе экспедиція въ Пао-тин-фу. Пока нѣмцы обсуждали и строили геніальные планы для взятія этого городка, французская передовая колонна взяла его ранѣе на нѣсколько дней. Но мало того: грозному предводителю союзныхъ войскъ со дня на день угрожала опасность остаться лишь главнокомандующимъ ничтожнаго количества нѣмецкихъ войскъ, посланныхъ для «міровой миссіи», — какъ выражался германскій императоръ. Графъ Бюловъ оказался не въ лучшемъ положеніи и на дипломатическомъ полѣ. Съ одной стороны — «міровыя задачи» и желанія играть въ европейскомъ концертѣ первую скрипку, а съ другой — опасность полнаго изолированія. Графъ Бюловъ нашелъ удачный выходъ изъ этой смѣхотворной дилемы.

Теперь Германія не одна, а дѣйствуетъ сообща съ Англіей. Нѣмецкія газеты заявляютъ, что задачи соглашенія чисто экономическія. Въ особенности это отмѣчаетъ офиціозная «Nordische Allgemeine Zeitung».

«При первомъ же взглядѣ ясно,—говоритъ этотъ офиціозъ,—что центръ тяжести англо-германскаго соглашенія лежитъ въ экономической области. Прямой задачей германской политики было охранять нашу сильно развивающуюся торговлю съ областью Ян-Цзы отъ опасности пріобрѣтенія исключительныхъ привилегій торговлей какихъ нибудь другихъ странъ. Эта опасность и должна быть предотвращена установленіемъ принципа «свободныхъ дверей» въ обязательной формѣ».

По поводу этого соглашенія «Berl. Tagebl.» говоритъ:

«Въ политическихъ кругахъ германской столицы новому соглашенію придаютъ главнымъ образомъ политико-экономическое значеніе. Лишь весьма немногіе единичные голоса утверждаютъ, что это соглашеніе направлено остріемъ противъ Россіи. Въ глазахъ всѣхъ яркимъ доказательствомъ ложности подобнаго предположенія является тотъ фактъ, что первый визитъ новаго германскаго государственнаго канцлера былъ сдѣланъ въ Берлинѣ именно русскому послу, графу Остенъ-Сакену. Такъ какъ англо-германское соглашеніе имѣетъ въ виду присоединеніе къ нему другихъ державъ, то этимъ достаточно доказывается, что графъ Бюловъ былъ

Digitized by Google

далекъ отъ мысли нанести соглашеніемъ какой либо ударъ русской политикѣ. Россія заявляла, что совершенно не заинтересована въ событіяхъ въ долинѣ Ян-цзе-Кіанга. Россія, могущая присоединить къ своимъ владѣніямъ китайскую область на сѣверѣ Китая, и Франція, могущая расширить свои владѣнія на югѣ Китая, тѣмъ не менѣе заявили, что не стремятся ни къ какимъ территоріальнымъ пріобрѣтеніямъ въ Китаѣ. Такимъ образомъ, англо-германское соглашеніе взаимно обязываетъ Германію и Англію къ тому, о чемъ Франція, Россія, Японія и С.-А. Соединенные Штаты заявляли нѣсколько разъ независимо другъ отъ друга. Неприсоединеніе другихъ державъ къ англо-германскому соглашенію можетъ лишь обозначать, что онѣ желаютъ оставить пока открытымъ вопросъ о территоріальныхъ пріобрѣтеніяхъ въ Китаѣ. Какъ до англо-германскаго соглашенія, такъ и послѣ него германская политика будетъ считать своимъ долгомъ заботиться о сохраненіи дружественныхъ отношеній къ Россіи».

По словамъ нѣкоторыхъ органовъ германской печати, англо-германское соглашеніе не было неожиданностью ни для нѣмцевъ, ни для англичанъ. Вопросъ этотъ, какъ оказывается, давно уже назрѣвалъ въ политическихъ кругахъ Англіи и Германіи. Нѣтъ сомнѣнія, что начало этого сближенія нужно искать въ англо-трансваальской войнѣ. Острова Самоа, за которые Германія предала Англіи боэровъ, нужно думать, были первымъ камнемъ, легшимъ въ основу этой сдѣлки. «Vossische Zeitung» говоритъ по поводу соглашенія:

«Въ теченіе многихъ мѣсяцевъ, въ германскихъ политическихъ кругахъ господствовало живѣйшее опасеніе, какъ бы богатая область Ян-Цзы, при продолженіи китайской смуты, не послужила причиной возникновенія серьезныхъ несогласій и осложненій между заинтересованными въ китайскомъ вопросѣ державами. Поэтому въ высшей степени отрадно, что недавно предпринятые переговоры съ Англіей привели къ скорому и полному соглашенію. Слѣдуетъ ожидать, что и другія менѣе заинтересованныя державы присоединятся къ этому соглашенію. Англо-германское соглашеніе имѣетъ большое политическое значеніе, такъ какъ еще разъ доказываетъ, что Германія можетъ жить съ Англіей въ столь же мирныхъ отношеніяхъ, какъ и съ Россіей. Русское правительство заявило, что не считаетъ китайскихъ безпорядковъ поводомъ къ раздѣлу Китая. Англо-германское соглашеніе идетъ по тому же направленію, и поэтому можно считать несомнѣннымъ, что къ нему присоединятся какъ всѣ другія державы, такъ и Россія».

Англо-германское соглашеніе является довольно интереснымъ документомъ конца XIX вѣка. Сколько было въ Берлинѣ разговоровъ о справедливости, о международномъ правѣ, о необходимости прочныхъ гарантій противъ повторенія китайскихъ звѣрствъ, послѣ торжественнаго объявленія

Digitized by Google

о міровой миссіи гр. Вальдерзее и необходимости повести дѣло такъ, чтобы и чрезъ тысячу лѣтъ каждый китаецъ снималъ шапку предъ нѣмцемъ!

Сколько было произнесено торжественныхъ рѣчей о міровой миссіи Германіи на Дальнемъ Востокѣ! И всѣ эти рѣчи имѣли значеніе только застольныхъ, ни къ чему не обязывающихъ, фанфаронадъ. Промышленный интересъ восторжествовалъ надъ правомъ и справедливостью. Гешефтъ побѣдилъ международное право!

Германія получила болѣе сильный и оскорбительный ударъ въ Китаѣ, чѣмъ какая либо другая европейская держава. Посланникъ ея убитъ, и въ этомъ убійствѣ принимали участіе не только «большіе кулаки, но и правительственныя войска. Чѣмъ же отвѣчаетъ великая европейская нація на это страшное оскорбленіе? «Открой двери для торговли, и я тебѣ прощу убійство моего посланника. Барыши на гнилыхъ ситцахъ, на пушкахъ и ружьяхъ смоютъ всякое оскорбленіе»... Такъ, повидимому, думаетъ Германія. Но разъ соглашеніе основывается на гешефтѣ, то между союзниками должны немедленно же открыться новые счеты: кто больше выиграетъ отъ этого соглашенія? Такъ и случилось. По случаю заключенія англо-германскаго соглашенія и споровъ о сравнительномъ значеніи торговыхъ интересовъ Германіи и Англіи въ области Ян-цзе-кіанга «Times» говоритъ:

«Kölnische Zeitung» старательно избѣгаетъ всякихъ статистическихъ сравненій, касающихся значенія германской и британской торговли на Ян-цзе-кіангѣ. Теперь, безъ сомнѣнія, Германія — великая европейская держава, но ея значеніе по отношенію къ Англіи преувеличивается. Что касается германской торговли на Ян-цзе-кіангѣ, то до сихъ поръ было бы также противно здравому смыслу приравнивать ее къ торговлѣ Англіи, какъ приравнивать только что ставшаго на ноги комерсанта къ Ротшильду, къ которому тотъ пришелъ бы и сказалъ: «Мы ведемъ одинаковыя дѣла, слѣдовательно, у насъ одни и тѣ же интересы, а потому ни вы, никто другой не долженъ считать ваши интересы болѣе значительными, чѣмъ мои. Вы ничего не должны предпринимать, не предупредивъ меня предварительно, и такъ какъ вы видите, что я, какъ ни мало мое дѣло, намѣренъ вскорѣ вступить съ вами въ соревнованіе, то ясно, что мы должны заключить договоръ, который облегчилъ бы, хотя бы и на вашъ счетъ, успѣхъ моего дѣла».

По этому же поводу «Daily News» заключаетъ, что лордъ Салисбюри сдѣлалъ рядъ уступокъ Германіи, ничего не получивъ отъ нея взамѣнъ. Затѣмъ газета ставитъ слѣдующій довольно логичный вопросъ: «Какое значеніе будетъ имѣть англо-германское соглашеніе по отношенію къ недавнему англо-русскому соглашенію, на основаніи котораго Великобританія обязалась не брать концессій на сѣверѣ отъ Большой китайской стѣны, а Россія—не брать ихъ въ долинѣ Ян-цзе-кіанга»?

Digitized by Google

«Globe» указываетъ, что «англо-германскій договоръ ничего не говоритъ о территоріальныхъ пріобрѣтеніяхъ и притязаніяхъ Германіи въ Шантунгѣ. Дѣйствительно, Германія стоитъ на принципѣ: Beati possidentes, между тѣмъ какъ мы, англичане, не имѣемъ никакой соотвѣтственной привилегіи».

Англо-германское соглашеніе вызвало много надеждъ у англійскихъ и германскихъ джинго. Сэръ Бартлетъ—горячій проповѣдникъ наступательной политики въ Южной Африкѣ и сторонникъ англо-германскаго соглашенія—высказываетъ откровенно свои pia desideria:

«Англо-германское соглашеніе будетъ имѣть величайшее значеніе для всего свѣта и окажетъ сильнѣйшее содѣйствіе сохраненію мира. Это соглашеніе есть ничто иное, какъ продолженіе дальновидной политики, которою лордъ Биконсфильдъ въ 1878 году спасъ Константинополь отъ захвата русской арміей и поддержалъ сохраненіе европейскаго мира, при помощи «англо-германскаго соглашенія» въ Берлинѣ. Въ 1880 году м-ръ Гладстонъ разстроилъ то въ томъ, то въ другомъ направленіи мудрую государственную политику лорда Биконсфильда. М-ръ Гладстонъ попытался сблизиться съ Россіей и Франціей и дѣйствовать съ ними заодно, относясь холоднѣе къ Германіи. Послѣдствіемъ такого образа дѣйствій было всеобщее крушеніе и несчастіе Англіи съ 1880 г. до 1885 г. Съ 1886 г. до 1892 г. лордъ Салюсбюри поддерживалъ добрыя отношенія съ Германіей,—и все пошло къ лучшему. Съ 1893 г. до 1895 г. Гладстонъ и лордъ Розбери—тревожили и раздражали Германію и въ особенности по отношенію въ турецкой имперіи, вслѣдствіе чего еще разъ стало падать политическое значеніе Англіи, главнымъ образомъ относительно Японіи, Портъ-Артура и Сіама. Къ несчастью, эту неразумную политику относительно германской имперіи и вражду къ Турціи продолжало и правительство лорда Салисбюри съ 1895 г. до 1898 г.—съ тѣми же послѣдствіями. Въ концѣ концовъ, убѣдившись въ необходимости *соглашенія* съ Германіей, а также оцѣнивъ поразительное политическое искусство императора Вильгельма II,—лордъ Салисбюри заключилъ соглашеніе съ Германіей въ іюлѣ 1898 г. Немедленными благими послѣдствіями этого соглашенія явились успѣхи Англіи при Фашодѣ и въ Южной Африкѣ, гдѣ Англія съ развязанными руками смогла навсегда (?) раздавить (?!) большой противоанглійскій заговоръ Крюгера и его подстрекателей и жертвъ обмана».

Сэръ Бартлетъ полагаетъ, что значеніе новаго англо-германскаго соглашенія зависитъ главнымъ образомъ отъ двухъ условій:

1) Оно должно быть примѣнено къ Манджуріи, откуда должна быть удалена всякая военная и политическая власть Россіи (sic!) и 2) Англія, Германія и другія миролюбивыя державы должны серьезно взять въ свои руки надзоръ надъ дѣйствіями китайскаго правительства и добиться,

Digitized by Google

чтобы честные и способные китайскіе сановники были назначены на главнѣйшіе государственные посты и пользовались властью.

Если Россія позволитъ себѣ занять обширную, богатую и многолюдную Манджурію и обратить манджуръ въ русскихъ солдатъ, то Россія станетъ такъ сильна при окончаніи Великой Сибирской желѣзной дороги, что даже (!) Англія и Германія окажутся не въ состояніи отразить дальнѣйшее русское движеніе въ Китай. Поэтому слѣдуетъ принять мѣры противъ присоединенія Манджуріи Россіей при окончаніи Великой Сибирской желѣзной дороги.

Бартлетъ увѣренъ, что англо-германскій союзъ, поддержанный Соединенными Штатами и Японіей, обезпечитъ сохраненіе мира, такъ какъ «онъ будетъ столь могущественъ, что никакая другая политическая комбинація не осмѣлится, ни явно, ни тайно, нападать на него».

Какое же отношеніе англо-германской союзъ имѣетъ къ другимъ державамъ, и въ особенности къ Россіи?

Соглашеніе,—какъ мы уже говорили,—состоитъ всего изъ четырехъ пунктовъ. Первые два и четвертый пунктъ ясны и для всѣхъ понятны. Третій же пунктъ носитъ характеръ таинственности и загадочности. По адресу какой державы онъ направленъ? Большинство газетъ склонно видѣть здѣсь намекъ на Россію.

Политическій сотрудникъ «Figaro» Вальфрэ, обсуждая значеніе англо-германскаго соглашенія для Россіи, говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: «Третій пунктъ англо-германскаго соглашенія, имѣющій въ виду возможность проявленія *незаконныхъ притязаній какихъ либо державъ* (на китайскую территорію), или ничего не значитъ, или же относится къ Россіи при предполагаемыхъ случайностяхъ въ будущемъ. Теперь утверждаютъ, что лондонскій и берлинскій кабинеты, въ глубинѣ своей души и совѣсти, никогда не думали ни о чемъ подобномъ и что они желали лишь показать всему свѣту свое безкорыстіе (въ китайскомъ вопросѣ). Россія можетъ этому вѣрить и не вѣрить, но ей не воспрещается,—я это признаю,—обратить вниманіе на ту *поспѣшность*, съ какой, по крайней мѣрѣ со стороны Берлина, стараются обезоружить ея подозрѣніе и убѣдить ее, что не питаютъ, по отношенію къ ней, никакихъ дурныхъ намѣреній и что прежде всего желаютъ заручиться ея содѣйствіемъ для мирнаго улаженія китайскаго кризиса. Китайская смута привела Англію въ гораздо большее затрудненіе, чѣмъ Россію. Почему? Потому что Россія имѣетъ возможность стоять на стражѣ на театрѣ китайскихъ событій со значительными военными силами, между тѣмъ какъ военныя силы Англіи удерживаются въ Южной Африкѣ выполненіемъ военной задачи, окончательное разрѣшеніе которой все отсрочивается, а Германія никогда не сможетъ отправить на Дальній Востокъ значительную часть своей арміи. Еслибы осложненія, предусматриваемыя 3-мъ пунктомъ англо-германскаго

Digitized by Google

соглашенія, осуществились,—что впрочемъ совершенно невѣроятно, — то заключившіе это соглашеніе союзники хотя и смогли бы защитить свои личные интересы, но не оказались бы въ состояніи помѣшать осуществленію того, что называютъ притязаніями Россіи. Россія уже много лѣтъ господствуетъ въ сѣверномъ Китаѣ, и я не вижу, что могло бы помѣшать ей воспользоваться превосходствомъ своего положенія, разъ она этого пожелала бы. Вотъ почему можно сказать, что Россія не видитъ ничего опаснаго для себя въ англо-германскомъ соглашеніи».

Не нужно быть большимъ политическимъ пророкомъ, чтобы видѣть, что въ 3 п. англо-германскаго соглашенія подразумѣвается именно Россія.

Нѣмецкая печать, чувствуя свою неловкость предъ Россіей, предъ которой она такъ недавно еще заигрывала, старается увѣрить, что англо-германское соглашеніе не только полезно и выгодно для Германіи, но также и для Россіи.

Пр. Бюловъ, по словамъ «Kölnische Zeitung», «заслуживаетъ, — какъ Бисмаркъ послѣ Берлинскаго конгресса,—высшаго русскаго ордена: такъ велики его заслуги предъ Россіей». Еще бы! Давно извѣстно, что нѣмцы большіе охотники до благодарности въ видѣ... орденовъ...

Вѣскимъ заключительнымъ словомъ въ массѣ толковъ и сужденій, вызванныхъ англо-германскимъ соглашеніемъ, является, безъ сомнѣнія, отвѣтъ Россіи на приглашеніе Англіи и Германіи присоединиться къ этому соглашенію. На сообщенный Россіи текстъ англо-германскаго соглашенія по китайскимъ дѣламъ, 15 окт., данъ былъ отвѣтъ нижеслѣдующаго содержанія:

«Заключенное между Германіею и Англіею соглашеніе, съ точки зрѣнія Россіи, *не измѣняетъ существеннымъ образомъ положенія вещей въ Китаѣ*.

«Первый пунктъ означеннаго соглашенія,—постановляющій, что расположенные на рѣкахъ и на морскомъ побережьѣ Китая порты повсюду, гдѣ названныя два правительства пользуются вліяніемъ, остаются свободными и открытыми для торговли, — можетъ быть принятъ Россіею сочувственно, такъ какъ это постановленіе ни въ чемъ не нарушаетъ «statu quo», установленный въ Китаѣ существующими договорами.

«Второй пунктъ тѣмъ болѣе отвѣчаетъ намѣреніямъ Россіи, что, при самомъ возникновеніи настоящихъ осложненій, Россія первая провозгласила сохраненіе цѣлости Небесной имперіи основнымъ принципомъ своей политики въ Китаѣ.

«Что касается третьяго пункта, который предусматриваетъ возможность нарушенія этого основнаго принципа, то русское правительство, ссылаясь на свой циркуляръ отъ 12-го (25-го) августа сего года, можетъ только возобновить свое заявленіе о томъ, что подобное нарушеніе

Digitized by Google

заставило бы Россію измѣнить принятое ею положеніе, смотря по обстоятельствамъ.

«Четвертый пунктъ не требуетъ никакихъ коментаріевъ».

Какъ и слѣдовало ожидать, отвѣтъ этотъ почти тожественъ, по существу своему, съ отвѣтомъ Франціи, а съ отвѣтомъ вашингтонскаго правительства сходенъ и по мотивамъ.

Англо-германское соглашеніе вызвало такія послѣдствія, которыхъ не могли ожидать ни въ Лондонѣ, ни въ Берлинѣ. Какъ тройственный союзъ породилъ двойственный союзъ Россіи и Франціи, — такъ теперь англо-германское соглашеніе послужитъ къ еще большему сближенію этихъ двухъ дружественныхъ народовъ. Нужно надѣяться, что и С. Ам. Соед. Штаты не прочь примкнуть къ этому союзу, хотя бы при рѣшеніи политическихъ вопросовъ на Дальнемъ Востокѣ. Пѣтъ сомнѣнія, что новый тройственный союзъ изъ Россіи, Франціи и С. А. Соед. Штатовъ явился бы могучею и притомъ мирною, а не агрессивною силою. Въ политической дѣятельности этихъ трехъ государствъ есть много общаго, а—главное—эти государства не проникнуты въ своей дѣятельности тою агрессивною политикой, которою насквозь пропитанъ англо-германскій союзъ.

Россія, Франція и С. Ам. Соед. Штаты на Дальнемъ Востокѣ защищаютъ и возстановляютъ попранныя китайскимъ правительствомъ ихъ права. Но они далеки отъ мести. Правители этихъ государствъ, отправляя войска на защиту своихъ интересовъ на Дальнемъ Востокѣ, не говорили имъ: «ведите себя такъ, чтобы и чрезъ тысячу лѣтъ китаецъ не смѣлъ взглянуть вамъ въ глаза; плѣнныхъ не берите и никого не щадите». Войска этихъ трехъ державъ явились защитниками попранныхъ правъ, но не мстителями,—а въ этомъ большая разница.

Не такими чувствами проникнуты англичане и нѣмцы: не подъ вліяніемъ миролюбивыхъ чувствъ они дѣйствуютъ тамъ. Англійскія и нѣмецкія газеты полны подробностей о культурныхъ дѣйствіяхъ въ Китаѣ «просвѣщенныхъ мореплавателей». Англійскій «Times» не разъ выражалъ «удовольствіе» по поводу того, что въ Китаѣ получаютъ преобладаніе взгляды, несогласные «съ чрезмѣрною кротостью». Пекинскій корреспондентъ этой газеты возмущается черезчуръ мягкимъ, по его мнѣнію, отношеніемъ предводителей иностраннаго отряда къ городу Пао-тин-фу и его населенію.

«Предводители экспедиціи въ Пао-тин-фу обнаружили неумѣстное милосердіе, пощадивъ городъ, не разрушивъ правительственныхъ зданій и оставивъ ненаказанными китайскихъ офиціальныхъ лицъ. Они удовольствовались ничего не значащей военной прогулкой по городу, даже какъ будто бы желая выразить почтеніе китайскимъ офиціальнымъ лицамъ,

Digitized by Google

руки которыхъ обагрены кровью миссіонеровъ, умершихъ мученической смертью. Такое милосердіе будетъ превратно истолковано китайцами. Вся экспедиція въ Пао-тин-фу превратилась въ шуточную комедію, вслѣдствіе того, что впередъ ушелъ маленькій французскій отрядъ, завладѣвшій всѣми городскими воротами за недѣлю до прибытія главнаго отряда. Какъ сообщаютъ, англійскій генералъ Гэзли вошелъ въ городъ лишь послѣ переговоровъ съ китайскими чиновниками. Для того чтобы пощадить впечатлительную обидчивость китайскихъ чиновниковъ, виновныхъ въ убійствѣ миссіонеровъ, для военной прогулки по городу было отряжено лишь 300 человѣкъ. Такимъ образомъ, такъ называемая карательная экспедиція позорно превратилась въ какой-то фарсъ».

Этимъ «неумѣстнымъ милосердіемъ» проникнуты, однако, дѣйствія русскихъ войскъ. Конечно, это должно печалить «просвѣщенныхъ мореплавателей», привыкшихъ въ покоренныхъ странахъ производить надъ жителями страшнѣйшія экзекуціи. Нужно думать, что подвиги германскихъ войскъ въ Китаѣ придутся имъ по душѣ. Нѣмецкіе солдаты вполнѣ оправдали тѣ напутственныя наставленія, съ которыми отправлялъ ихъ германскій императоръ въ Китай. Въ нѣмецкихъ газетахъ мы находимъ нѣсколько писемъ германскихъ солдатъ изъ Китая. Въ «Bremer Bürgerzeitung» напечатано слѣдующее письмо изъ Китая:

«26-го августа 1900 года. Сегодня мы были неожиданно оторваны отъ обѣда. Надо было спѣшить на помощь нѣмецкимъ матросамъ. Мы взяли въ плѣнъ 70 китайцевъ, связали ихъ вмѣстѣ за косы, поставили посреди насъ и повели. *Нѣкоторые изъ насъ такъ немилосердно били этихъ китайцевъ, что кровь ручьемъ лилась со всего ихъ тѣла.* Я шелъ впереди плѣнныхъ и не принималъ участія въ экзекуціи, такъ какъ подобная жестокость мнѣ противна. Всѣ плѣнные китайцы были приговорены къ разстрѣлянію. Для исполненія приговора былъ откомандированъ и *я*. На пути къ мѣсту казни двое китайцевъ бѣжали. Остальные, 68 штукъ (!), были разстрѣляны. Я тоже стрѣлялъ. Мы стали въ разстояніи 12—15 шаговъ, четверо, противъ каждаго китайца; раздалась команда: «Цѣльсь»!—поднялся визгъ китайцевъ о помилованіи, но раздалось: «Пли»!—и визгъ прекратился. Мы еще слышали тихое стенанье. Китайцы, просверленные каждый 4 пулями, упали назадъ въ ямы, которыя они же должны были заранѣе выкопать».

Прелестная картинка человѣческой бойни подъ флагомъ культуры и цивилизаціи!

Въ «Halberstädter Volkszeitung» напечатано письмо другаго нѣмецкаго солдата въ томъ же родѣ:

«1-е сентября. — Дорогая матушка! Я не въ силахъ описать, что́ творится теперь на войнѣ. *Совершаемое нами избіеніе китайцевъ— просто безумное.* Ихъ такъ избиваютъ потому, что они стоятъ внѣ

Digitized by Google

международнаго права. *Пленныхъ не беремъ, а всѣхъ пристрѣливаемъ*, или же, чтобы сберечь патроны, закалываемъ. Въ воскресенье мы должны были заколоть штыками 74 китайца. Китайцы застрѣлили одного нашего часоваго. Цѣлый батальонъ былъ собранъ по тревогѣ и бросился преслѣдовать враговъ, причемъ въ наши руки попали живьемъ эти 74 человѣка. Ужасно было смотрѣть, какъ ихъ закалывали. Кончаю письмо въ надеждѣ, что это не долго еще продлится, такъ какъ *въ противномъ случаѣ забудешь, былъ ли когда либо человѣкомъ» (!!)*.

Не менѣе характерныя выдержки изъ писемъ германскихъ солдатъ напечатаны и въ другихъ органахъ. Вотъ, напр., еще одно изъ нихъ.

«Изъ Кіао-Шау: Мы такъ колотимъ китайцевъ, что они всю свою жизнь будутъ помнить германскихъ солдатъ! Съ 2 часовъ утра мы рыщемъ по деревнямъ, отыскивая оружіе. Горе тѣмъ китайцамъ, которые попадутся намъ въ руки: имъ не только будутъ подбиты глаза, но еще прибавятъ 50 ударовъ плетью. Послѣ этого они не успѣваютъ сказать «аминь», какъ имъ отрѣзаютъ косу ихъ же собственной саблей».

«Изъ Тянь-Цзина: *Все опустошено, деревни сожжены и полны труповъ* и бродячихъ собакъ. Рѣдкіе китайцы, которыхъ не зарѣзали, принуждаются ударами бамбука къ тяжкимъ работамъ. *Позавчера мы заставляли пленныхъ работать до послѣдней минуты, когда ихъ разстрѣляли.* Въ теченіе недѣли разстрѣляно около 60. Китайцами убито много японцевъ. Рѣка Пейхо полна труповъ».

Дѣйствительно, китайцы, если и не будутъ бояться нѣмца въ теченіе цѣлой тысячи лѣтъ, то долго будутъ презирать его за якобы «культурныя» дикости...

Но этого мало. Англичане и нѣмцы не довольствуются однимъ избіеніемъ китайскихъ солдатъ и боксеровъ. Ихъ культурная одичалость идетъ еще далѣе. Желая примѣрно наказать китайское правительство за его коварство по отношенію къ иностранцамъ, англичане и нѣмцы рѣшили воздѣйствовать на него репрессаліями другаго рода. Если китайскій императоръ не вернется въ Пекинъ, союзники намѣрены разрушить императорскія могилы, какъ нѣчто самое священное для китайцевъ, а также и нѣсколько особенно чтимыхъ ими храмовъ. Оскорбляя царскія могилы, нѣмцы и англичане нанесутъ это оскорбленіе не только нынѣшнему правительству, но и южнымъ повстанцамъ, которые въ лицѣ своего вождя Суньячена до сихъ поръ далеко не были такъ враждебны къ иностраннымъ пришельцамъ, какъ правительство и боксёры. Вѣсть о предполагаемомъ оскорбленіи могилъ достигла уже до юга, и инсургенты заявили, что если этотъ позорный и грубый фактъ будетъ совершенъ, то они, подобно боксерамъ, не будутъ щадить иностранцевъ. Трудно объяснить этотъ варварскій поступокъ чѣмъ либо другимъ, если не чудовищнымъ озвѣреніемъ якобы носителей культуры...

Digitized by Google

Ни минуты нельзя сомнѣваться, что подвиги германскихъ и англійскихъ войскъ въ Китаѣ, можетъ быть, на время и устрашатъ китайцевъ, но отнюдь не успокоятъ. Ненависть къ европейцамъ, — къ этимъ заморскимъ чертямъ.—при удобномъ случаѣ возгорится съ новою силою. Европа не должна забывать, что съ 400-милліоннымъ народомъ нельзя шутить и издѣваться надъ нимъ. Китайцы—не боэры по своей численности. Если англичанамъ и съ 300,000-нымъ народомъ не такъ легко справиться, то какую же могущественную силу со временемъ можетъ представить изъ себя Китай, имѣющій въ своемъ распоряженіи 400-милліонный народъ! Съ огнемъ шутить опасно...

Европейская культура, которою такъ гордятся народы Запада, носитъ крайне своеобразный характеръ. Во всемъ, что касается внѣшности и особенно техники, виденъ сильный прогрессъ; во всемъ же, гдѣ дѣло идетъ о справедливости, о сердцѣ и о честности, кидается въ глаза какая-то грубая и непристойная одичалость. Подвиги Чемберлэна, Робертса и Китченера на трансваальскихъ поляхъ служатъ лучшею иллюстраціею этой озвѣрѣлости европейской культуры. Безпощадное избіеніе и казнь боэровъ, секвестръ боэрскаго имущества, высылка женъ и дѣтей изъ предѣловъ Трансвааля—все это такіе факты, которые займутъ позорное мѣсто въ будущей исторіи Англіи. Но этого мало: англичане злоупотребили такимъ факторомъ войны, который признается и соблюдается даже дикими народами. Оказывается, что Робертсъ воспользовался честнымъ выполненіемъ условій предложеннаго имъ боэрамъ перемирія и втихомолку совершилъ обходъ позиціи своего противника!

Англичане не разъ обвиняли боэровъ въ злоупотребленіи бѣлымъ флагомъ и вообще въ несоблюденіи правилъ и обычаевъ войны. Насколько справедливы обвиненія боэровъ англичанами—трудно судить, такъ какъ эти обвиненія исходили отъ самого Робертса и англійскихъ корреспондентовъ. Но обходъ позиціи противника *во время перемирія* является самымъ вопіющимъ злоупотребленіемъ.

Боэры, не смотря на неоднократныя увѣренія Робертса, что съ ними дѣло уже покончено, продолжаютъ защищать свою родину. Ихъ героизмъ, ихъ беззавѣтная любовь къ родному очагу, приводитъ въ умиленіе весь міръ. Но участь ихъ рано или поздно должна рѣшиться въ желательномъ для англичанъ смыслѣ. Европа молчитъ, спокойно взирая на истребленіе этихъ мужественныхъ борцовъ за свою свободу...

Крюгеръ отправился въ Европу,—по однимъ источникамъ, съ цѣлью возстановить свое здоровье, по другимъ—искать защиты и помощи. Мы думаемъ, что послѣднее предположеніе вѣрнѣе. Не такое время переживаетъ Трансвааль, чтобы представитель его могъ рѣшиться оставить родину въ такой критическій моментъ.

Digitized by Google

Что же ожидаетъ Крюгера на европейской почвѣ? Симпатіи и удивленіе народовъ европейскихъ и холодное равнодушіе европейскихъ правительствъ—вотъ что ждетъ его въ Европѣ.

По поводу ожидаемаго во Франціи пріѣзда президента Крюгера «Journal des Debats» заявляетъ, что «какова бы ни была причина, побудившая Крюгера покинуть Трансвааль, — самая плохая услуга, которую могли бы ему оказать французы, была бы обнадежить его, что онъ можетъ разсчитывать на что нибудь большее съ ихъ стороны, чѣмъ на ихъ симпатіи. Президентъ Крюгеръ олицетворяетъ собою,—въ степени неизвѣстной до сихъ поръ въ исторіи,—геройство и несчастіе: этого достаточно для того, чтобы обезпечить ему уваженіе французскаго народа, и это чувство онъ встрѣтитъ повсюду во Франціи».

Даже въ самой Англіи находятся органы печати, воздающіе полную справедливость маститому главѣ южно-африканской республики.

«Крюгеръ,—говоритъ «Daily Chroncile»; — несомнѣнно *величайшій человѣкъ, появлявшійся когда либо въ Южной Африкѣ*. Благодаря силѣ воли, характеру и упорству, съ какимъ онъ стремился къ осуществленію своихъ плановъ, онъ сталъ во главѣ расы, отличающейся тѣми же качествами. Какъ президентъ, онъ былъ типичнымъ боэромъ «добраго стараго времени», — храбрымъ, терпѣливымъ, обладающимъ огромною физической силою, простымъ и благочестивымъ, согласно старой евангелической школѣ. Онъ былъ характеромъ, которымъ будущій Карлейль охотно займется. На него будутъ смотрѣть, какъ на борца за независимость честной расы, выступившаго противъ вліянія болѣе молодой цивилизаціи съ ея жизнью вволю и іоганнесбургской нравственностью».

Путешествіе по Европѣ Крюгера, къ сожалѣнію, не увѣнчается успѣхомъ въ политическомъ смыслѣ,—т. е. въ смыслѣ поддержки противъ англичанъ. Но европейскіе народы собираются встрѣтить и проводить Крюгера со всевозможными почестями и манифестаціями. По прибытіи маститаго президента въ Голландію, ему будетъ поднесенъ, отъ имени ирландскаго народа, адресъ слѣдующаго содержанія:

«Его превосходительству Павлу Крюгеру, президенту Южно-Африканской республики. Милостивый Государь! Ваше присутствіе въ Голландіи, въ качествѣ представителя Трансвааля и Оранжевой республики, даетъ поводъ выразить давно сдерживаемое сочувствіе народовъ Европы вашимъ республикамъ въ ихъ героической борьбѣ за свободу противъ грубаго посягательства. Въ выраженіи этого сочувствія и восхищеніи вашимъ героизмомъ народъ нашъ и преобладающее большинство нашего населенія, разсѣяннаго по лицу земли, хочетъ принять участіе. Мы съ гордостью сознаёмъ, что составляемъ большую часть тѣхъ, которые не введены въ заблужденіе интересами и предразсудками и не ослѣплены

Digitized by Google

чудовищными мѣрами правительства, подъ властью котораго мы имѣемъ несчастье жить. Мы тѣмъ болѣе обязаны выразить наше чувство, что многіе изъ нашихъ земляковъ находились въ рядахъ наемниковъ притѣснителя. Стыдъ, вызываемый сознаніемъ этого, терзаетъ насъ. Начавшаяся война застигла ихъ въ такомъ положеніи, что они не могли удалиться въ одиночку. Еслибы большинство ихъ знало, что наниматели заставятъ ихъ принять участіе въ войнѣ, то, думаемъ, они не заняли бы мѣстъ, изъ-за которыхъ были втянуты въ войну.

«Мы съ напряженнымъ интересомъ слѣдили за борьбою въ Южной Африкѣ. Въ исторіи рѣдко встрѣчается примѣръ свободныхъ людей, благородно борющихся за свободу съ преобладающей силою наемниковъ, получающихъ плату отъ тѣхъ, *которые жаждутъ земли и денегъ и ненавидятъ независимость*. Названія горъ и долинъ вашей республики будутъ упоминаться вмѣстѣ съ названіями Маравона, Сембаха и Бенкерсъ-Гилля, какъ образцовые памятники борьбы за человѣческую свободу. Перевѣсъ въ численности войскъ и источники средствъ, находящіеся въ распоряженіи одного изъ богатѣйшихъ народовъ міра, который не знаетъ сомнѣній и угрызеній совѣсти,—когда въ дѣло замѣшаны его собственные предполагаемые интересы или гордость,—одержали побѣду. Время исправитъ эту неслыханную несправедливость. Мы чтимъ память вашихъ героевъ, павшихъ на войнѣ. Мы сочувствуемъ членамъ вашего славнаго народа, находящимся въ плѣну и ссылкѣ. Сердца наши обливаются кровью при мысли о представителяхъ народа, которые въ собственной странѣ снова находятся подъ игомъ притѣснителя. Привѣтствуемъ вашъ пріѣздъ къ сочувствующимъ народамъ Европы и поздравляемъ съ дружескимъ пріемомъ, ожидающимъ васъ на родинѣ великаго и свободнаго племени, къ которому вы принадлежите».

Всѣ эти адресы, всѣ эти симпатіи европейскихъ народовъ къ Крюгеру и боэрамъ—прекрасная вещь, но не за этимъ Крюгеръ ѣдетъ въ Европу...

Президентскіе выборы въ С. Ам. С. Штатахъ долго волновали не одну Америку. Европа и южная Африка были не менѣе заинтересованы вопросомъ: кто будетъ президентомъ въ С. Штатахъ? Вопросъ этотъ—не праздный. Трансваальская республика, въ случаѣ, еслибы на президентскій постъ былъ избранъ Брайанъ, разсчитывала на его заступничество и помощь. Англія желала, чтобы президентомъ былъ Макъ-Кинлей, который, по мнѣнію «просвѣщенныхъ мореплавателей», склоненъ къ заключенію англо-саксонскаго союза.

Борьба за президентскій постъ между демократомъ Брайаномъ и Макъ-Кинлеемъ—республиканцемъ-имперіалистомъ, поддерживаемымъ милліардерами,—была ожесточенная. Восторжествовалъ, какъ оказывается, Макъ-Кинлей, хотя сдѣлавшій значительныя уступки въ своей политической

Digitized by Google

программѣ въ духѣ Брайана. Но вопросъ: насколько искренни и серьезны уступки? Ближайшее будущее,—нужно думать, — обнаружитъ истинные политическіе взгляды Макъ-Кинлея.

Избраніе Макъ-Кинлея показываетъ, что большинство населенія Соединенныхъ Штатовъ одобряетъ его политику. Теперь всѣ препятствія устранены, и «американскій имперіализмъ» можетъ развиваться безостановочно, какъ онъ уже развивается и въ Англіи.

Къ волненіямъ, выпавшимъ за послѣднее время на долю Англіи прибавились новыя тревоги, нарушающія ея спокойствіе. Англіи мерещится, что Россія ведетъ свою политику въ Тибетѣ въ далеко нежелательномъ для англичанъ смыслѣ.

Давно извѣстно, что просвѣщенные мореплаватели считаютъ *своимъ* не только то, что они уже захватили, но и то, что облюбовали къ захвату. На этотъ разъ тревогу поднялъ пріѣздъ въ Россію духовнаго лица, старшаго уанитъ-ламы, состоящаго при далай-ламѣ въ Тибетѣ, Ахоромба-Агванъ Доржіева. «Этого достаточно было,—говоритъ «Новое Время»,—чтобы въ воображеніи англичанъ воскресли всѣ русскіе путешественники, начиная съ Пржевальскаго, изслѣдовавшіе Среднюю Азію. И особенно подозрительнымъ явился имъ теперь какой-то таинственный русскій офицеръ, «которымъ не могъ быть Пржевальскій, но могъ быть Роборовскій», проникшій 6 лѣтъ назадъ въ Тибетъ, завязавшій тамъ сношенія съ властями и оставившій имъ два волшебныхъ конверта, которые должны были быть посланы на ближайшій русскій постъ и обезпечивали Тибету,—сообразно съ опасностью, которая угрожала бы ему,—ни болѣе, ни менѣе, какъ дипломатическое или военное вмѣшательство Россіи. Страшные конверты эти, однако, хранятся въ настоящее время въ архивахъ Калькутты, и слѣдовательно, казалось бы, и не должно быть мѣста никакимъ страхамъ. Но бѣда въ томъ, что, кромѣ «не то Пржевальскаго, не то Роборовскаго», въ сердце Тибета, въ Хлассу проникъ будто бы, года полтора назадъ, столь извѣстный Петербургу докторъ Бадмаевъ, посвященный во всѣ тайны ламаизма, и вотъ теперь Тибетъ ищетъ покровительства Россіи и т. д., и т. д., Англіи уже мерещатся русскіе казаки, проникающіе черезъ Тибетъ въ Индію».

Россія своей политикой и своимъ отношеніемъ къ племенамъ Средней Азіи обезпечила себѣ такую славу, что не удивительно было бы, еслибы и Тибетъ обратился къ Россіи за помощью и поддержкою.

Русско-финляндскій вопросъ, волнующій за послѣднее время какъ русское, такъ и финляндское общество, нашелъ себѣ справедливую оцѣнку на страницахъ парижскаго журнала:: «Revue Politique et Parlementaire». Этотъ журналъ въ октябрьской книжкѣ текущаго года по-

Digitized by Google

мѣстилъ хронику важнѣйшихъ событій государственной жизни Россіи за 1899 г., составленную извѣстнымъ русскимъ юристомъ А. А. Башмаковымъ. Въ этой хроникѣ излагается и оцѣнивается историческій манифестъ 3 февраля 1899 г. Статья ученаго юриста, знакомаго съ вопросомъ не съ чужихъ словъ, не по газетнымъ корреспонденціямъ, односторонним и пристрастнымъ, — статья, напечатанная въ серьезномъ французскомъ журналѣ,—говоритъ слѣдующее объ этомъ законодательномъ памятникѣ.

«Съ чувствомъ удовлетворенія было встрѣчено появленіе этого справедливаго (juste), манифеста, исходящаго изъ того же самаго источника, которому Финляндія обязана своими мѣстными вольностями. Для сохраненія мѣстной силы таковыхъ вольностей нѣтъ необходимости придавать имъ характеръ источника правъ, независимаго отъ имперіи. При томъ духѣ, какой обнаружился въ послѣдніе годы въ этой провинціи, одаренной самоуправленіемъ и столь долго остававшейся спокойною, вторженія въ область имперскаго законодательства стали неизбѣжными. Это было замѣтно слишкомъ хорошо во время опубликованія первоначальнаго текста финляндскаго уголовнаго уложенія, ранѣе поправокъ, внесенныхъ въ него комисіею петербургскихъ законовѣдовъ. Впрочемъ, не замѣчаются ли проявленія того же самаго недобраго (néfaste) духа и во множествѣ финляндскихъ мѣропріятій, явно направленныхъ противъ утвержденія въ этой провинціи всякихъ русскихъ элементовъ, тогда какъ финляндцы широко пользуются возможностью проникать внутрь имперіи и свободно наживать тамъ состоянія, не встрѣчая никакихъ препятствій, спеціально направленныхъ противъ нихъ. Давно уже пора было государству указать, что Россія одобряетъ и признаётъ соотвѣтствующимъ исторической дѣйствительности. Отрѣшиться отъ туманныхъ и вредныхъ теорій, заговорить ясно и твердо, неуклонно и безповоротно, напомнить этой окраинѣ имперіи, что всѣ мы — *сыны общаго и нераздѣльнаго отечества*, что всѣ мы должны его *равно любить и нести его тяготы*,—это не только программа, но и нравственный законъ всей нашей исторіи. Русское общественное мнѣніе, радостно привѣтствуя ясное пониманіе всего этого, проявляемое теперь правительственными сферами, выражаетъ одно желаніе: да будутъ эти мѣропріятія, выработанныя послѣдними царствованіями, окончательными и безповоротными».

Заграничная печать, особенно англійская и нѣмецкая, усердно занималась финляндскимъ вопросомъ, разсматривая его исключительно по финляндскимъ источникамъ. Поэтому мы и не могли отнестись безпристрастно къ этому вопросу. Теперь заграничной публикѣ представляется,—благодаря вышеназванной статьѣ, — полная возможность оцѣнить по достоинству финляндскія притязанія на свою политическую обособленность. Нашимъ публицистамъ давно пора было выступить въ нее-

Digitized by Google

странныхъ журналахъ на защиту русской политики въ Финляндіи. Конечно, русская политика не нуждается въ защитѣ, но тѣмъ не менѣе необходимо, чтобы и европейская публика была изъ первоисточника освѣдомлена объ истинномъ положеніи дѣлъ въ Финляндіи.

Процессъ Гильзнера уже второй годъ продолжаетъ волновать умы въ Австріи. Вопросъ: на какой почвѣ совершено убійство Гильзнеромъ Анежки Грузовой сильно интересуетъ не одно чешское общество. Первый процессъ противъ Гильзнера,—какъ помнятъ читатели,—состоявшійся въ Кутной горѣ, окончился *присужденіемъ его къ смертной казни чрезъ повѣшеніе*, но приговоръ былъ кассированъ. Пражскій медицинскій факультетъ заявилъ, что, во-первыхъ, убійство Анежки Грузовой могло быть совершено весьма легко однимъ лицомъ, а не нѣсколькими, какъ это утверждалось на судѣ, и, во-вторыхъ, что побужденіе къ преступленію слѣдуетъ искать въ *сферѣ половыхъ влеченій*, а не въ намѣреніи добыть кровь для какой либо цѣли.

Теперь Гильзнеръ обвиняется *вторично* въ убіеніи Анежки Грузовой и, кромѣ того, въ убійствѣ, совершонномъ, при обстоятельствахъ совершенно тожественныхъ, надъ Маріей Климовой.

Процессъ Гильзнера представляетъ только послѣдній «человѣческій документъ» изъ той длинной серіи подобныхъ документовъ, которая тянется уже цѣлые вѣка и безпрерывно обвиняетъ жидовъ-талмудистовъ въ употребленіи христіанской крови съ ритуальной цѣлью. Не будемъ касаться очень давнихъ временъ; вспомнимъ только, что у насъ, въ Россіи, еще въ царствованіе Анны Іоанновны,—когда всѣхъ жидовъ, допущенныхъ жить на нашей территоріи, можно было пересчитать по пальцамъ,—Борухъ Лейба (протежэ изверга Бирона) уже пробовалъ «испущать руду» изъ русской крестьянской дѣвушки для замѣшиванія жертвенныхъ хлѣбовъ [1]) Въ 40-хъ годахъ, — почти одновременно, въ Саратовѣ и на Кавказѣ, — повторились подобныя же дѣла, и извѣстный еврейскій радѣтель Мозесъ Монтефіоре обращался къ кавказскому намѣстнику съ ходатайствомъ за «невинныхъ» жидовъ, обвинявшихся въ закланіи христіанскаго младенца въ окрестностяхъ Тифлиса. Въ знаменитомъ тисса-эсларскомъ процессѣ (въ Венгріи) фигурировали такія же точно угнетенныя невинности, а въ Дамаскѣ,—формальнымъ слѣдствіемъ, при участіи европейскихъ консуловъ, — было доказано, что принесеніе въ жертву младенцевъ и даже взрослыхъ христіанъ неизмѣнно коренится, по крайней мѣрѣ, въ грубыхъ слояхъ еврейской фанатической массы. Въ самое послѣднее время нашелся цирульникъ въ Вильнѣ, ко-

---

[1]) См. ст. «Неудачи еврейскихъ комитетовъ и комиссій», въ №№ 5, 6 и 9 «Наблюдателя» за текущій годъ.

Digitized by Google

торый хотѣлъ было, но только не успѣлъ—примѣнить къ ритуальному убійству свои кровопускательныя познанія.

Всѣ эти канибальскіе поступки своихъ единовѣрцевъ жиды-интеллигенты, конечно, усердно отрицаютъ, но безпристрастный изслѣдователь этого вопроса В. Я. Фуксъ (бывшій членъ совѣта министра внутреннихъ дѣлъ), въ своей офиціальной запискѣ, подтверждаемой и многими другими свидѣтельствами, прямо говоритъ: «приведенные факты вовсе не составляютъ поголовнаго и вѣчнаго обвиненія еврейской націи. Эти крайнія выраженія дикаго фанатизма являлись несомнѣнно, но довольно рѣдко; они рисуютъ не обиходное міросозерцаніе еврея, но лишь тѣ предѣлы, *до которыхъ, при неразвитости фанатическихъ массъ, можетъ доводить ученіе талмуда.* Въ Западной Европѣ, гдѣ евреевъ меньше и гдѣ они образованнѣе эти факты давно не повторяются [1]); они весьма рѣдки у насъ, и въ настоящее время всего болѣе возможны на нецивилизованномъ Востокѣ. Подобные факты въ еврейской сферѣ равнозначительны случаямъ святотатства, самосожиганія и убіенія новорожденныхъ дѣтей, столь частымъ въ жизни нашихъ раскольниковъ. «Религіозная замкнутость, столь безвозвратно осужденная христіанствомъ, всегда возбуждала въ массахъ невѣжественный фанатизмъ, который, въ свою очередь, вездѣ доводилъ отдѣльныхъ лицъ до изувѣрства, прикрываемаго преступною таинственностью. *Употребленіе же крови человѣческой лежитъ въ основаніи всѣхъ восточныхъ религій*, а, по мнѣнію Дѣллингера, и еврейской, такъ часто уклонявшейся отъ заповѣдей Моисея и склонявшейся къ заблужденіямъ халдейскаго и персидскаго вѣроученій. Сохранившееся до сихъ поръ у евреевъ обрѣзаніе, по мнѣнію Дѣллингера, есть лишь отголосокъ древнихъ человѣческихъ жертвоприношеній? Съ другой стороны, не слѣдуетъ забывать, что ветхій завѣтъ узаконилъ *принесеніе въ жертву животныхъ и ихъ крови*; эта жертва, безусловно отмѣненная евангеліемъ, *вовсе не отмѣнена догматически у евреевъ;* она только пріостановлена на время отсутствія жертвенника и храма».

Если прибавить къ этому, что, по нравственному ученію талмуда, подмѣнившаго собою моисеевъ законъ, *гои* вообще (въ томъ числѣ и христіане) стоятъ не выше животныхъ, — то, понятно, что ихъ кровь можетъ свободно приноситься для ритуальныхъ цѣлей,—по крайней мѣрѣ, въ сознаніи одичалой массы хассидовъ.

Но и «цибулизованные» евреи, своими усиленными стараніями выгородить виновныхъ фанатиковъ невольно наводятъ на мысль, что весь талмудическій міръ повиненъ, по крайней мѣрѣ, въ complicité morale съ изувѣрами и фанатиками. Вмѣсто того чтобы отречься отъ всякой соли-

[1]) Къ несчастію, процессъ Гильзнера именно служитъ *повтореніемъ*.

Digitized by Google

дарности съ обвиняемыми злодѣями,—какъ отрекаются благоразумные христіане отъ единомыслія со скопцами, тоже приносящими кровавыя жертвы,—якобы интеллигентные евреи съ усердіемъ, достойнымъ лучшей участи, обѣляютъ своихъ кровожадныхъ единовѣрцевъ, прибѣгая при этомъ къ обычнымъ средствамъ — подкупу или застращиванію судей и свидѣтелей. Эти традиціонныя средства были пущены въ ходъ и въ процессѣ Гильзнера. Такъ напр., слѣдователь Рейхенбахъ прямо запугивалъ честныхъ свидѣтелей и неточно записывалъ ихъ показанія. Гильзнера же не хотѣлъ и арестовать. Совсѣмъ даже не привлеченъ къ дѣлу достопочтенный раввинъ Гольденбергъ, уличенный въ преступныхъ сношеніяхъ съ какимъ-то хромымъ жидомъ и съ *ръзникомъ* Курцвейлемъ, который пересылалъ ему флаконъ съ кровяными шариками. Но всего замѣчательнѣе исчезновеніе крови изъ трупа Грузовой,—крови очевидно понадобившейся для жидовскаго ритуала...

Жиды пробуютъ запугать не только судей и свидѣтелей варварскаго процесса, но, въ случаѣ осужденія Гильзнера, угрожаютъ и высшему австрійскому правительству—повредить реализаціи займа на постройку новыхъ желѣзныхъ дорогъ.

Чѣмъ же, въ такомъ случаѣ, отличаются жиды «цыбулизованные» отъ нецыбулизованнаго быдла?

Не проученное еще, какъ слѣдуетъ, горькимъ опытомъ съ «еврейскою равноправностью», французское правительство продолжаетъ дѣлать все угодное жидамъ и не принимаетъ никакихъ рѣшительныхъ мѣръ противъ ихъ многократно обнаруженной наглости.

Истребивъ въ годину первой революціи свою собственную *національную аристократію* и замѣнивъ ее *чужеродной и иновѣрной аристократіей израиля*, французскіе правители, исполняя программу еврейскихъ главарей въ родѣ Ротшильда, стали съ усиленной ревностью охотиться за своими «клерикалами», оставляя въ сторонѣ... клерикаловъ талмудизма. Въ то же время, преслѣдуя «націоналистовъ» Франціи, они оказываютъ всевозможныя поблажки націонализму іудейскому. Дошло уже до того, что новоиспеченный французскій военный министръ (достойный замѣститель Галифэ), изгоняя изъ рядовъ французской арміи всѣхъ офицеровъ, получившихъ образованіе въ духовныхъ школахъ, предписываетъ оказывать особенное вниманіе жидамъ-талмудистамъ. Въ то же время не прекращаются слухи о возобновленіи пресловутаго процесса Дрейфуса... А патріотъ-республиканецъ Деруледъ остается въ изгнаніи!!

Digitized by Google

НОВЫЯ КНИГИ.

Д-ръ Н. В. Слюнинъ. Охотско-Камчатскій край (съ картой). Естественно-историческое описаніе съ 32 фототипіями и 54 инкографіями. 2 тома. Изданіе министерства финансовъ. Спб. 1900 г.

Охотско-Камчатскій край—это еще невѣдомая для насъ страна, не смотря на то, что этотъ край принадлежитъ намъ уже цѣлыя столѣтія. Мы не знаемъ ни исторіи этого края, не знакомы ни съ географіей его, ни съ флорой и фауной и знаемъ кое-что болѣе по наслышкѣ. Главный контингентъ этого края—инородцы—интересовали насъ доселѣ лишь съ податной точки зрѣнія. Они платятъ ясакъ,—и намъ больше ничего не нужно... Познакомиться съ бытомъ и жизнью этихъ народностей—мы считали дѣломъ совершенно излишнимъ. Стоитъ ли заниматься этнографіей какихъ-то дикарей?

Лишь только съ 1894 г. мы начали интересоваться этимъ отдаленнымъ краемъ. Слухи о нахожденіи золота въ его тундрахъ заинтересовали наше министерство финансовъ и оно снарядило особую экспедицію для изслѣдованія этого края не только въ золотоносномъ, но и въ экономическомъ отношеніи, не безъ основанія предполагая, что, съ проведеніемъ Великой Сибирской желѣзной дороги, эта отдаленная окраина будетъ играть громадную роль и въ экономическомъ, и въ торговомъ отношеніи. Звѣриные и рыбные промыслы, служащіе основой благосостоянія инородца, съ проведеніемъ сибирской желѣзной дороги получатъ непосредственный доступъ на европейскіе рынки.

Авторъ разсматриваемаго нами труда, д-ръ Н. В. Слюнинъ, состоялъ врачемъ охотско-камчатской экспедиціи и, кромѣ того, ему было поручено министерствомъ финансовъ естественно-историческое и экономическое изученіе края и изслѣдованіе мѣстныхъ богатствъ.

На основаніи имѣющейся литературы объ этомъ краѣ и личныхъ наблюденій, г. Слюнинъ рисуетъ намъ полную картину жизни инородцевъ этой страны и тѣхъ богатствъ, которыя находятся въ ея нѣдрахъ. Онъ даетъ довольно полный историческій очеркъ охотско-камчатскаго края, раздѣливши его на три періода.

Первый періодъ, *ясачный* (1639—1731 г.г.), ведетъ свое начало отъ появленія первыхъ русскихъ охочихъ людей, или «подлаго званія

Digitized by Google

людишекъ»,—какъ ихъ величаютъ офиціальные документы,—промышлявшихъ землицы и подводившихъ инородцевъ подъ «высокую руку» московскихъ царей. Первыми колонизаторами Сибири и первыми вносителями въ нее русской культуры были гулящіе русскіе люди конца XVI в., «казацкая вольница»,—люди часто озлобленные на все и всѣхъ за свою неудавшуюся жизнь, чаще всего развращенные нравственно и физически, полюбившіе разбой и грабежъ, какъ средство для проявленія своей дикой удали, безпечнаго житья и всякаго рода грубыхъ наслажденій. Эти люди, очутившись въ Сибири, гдѣ много простору для удали, и занялись покоре́ніемъ сибирскихъ инородцевъ.

Періодъ покоренія и завоеванія былъ тяжелый и дикій періодъ! Много было пролито крови, много совершено ненужныхъ звѣрствъ и безчинствъ. Русскіе «охочіе люди» шли наобумъ, пролѣзая тайгой, блуждали по тундрамъ, не имѣя ни карты, ни компаса. Они отыскивали всюду инородцевъ и, найдя ихъ, вступали съ ними въ битву. «Возникавшіе при этомъ,—говоритъ исторіографъ Сибири Миллеръ,—стычки и сраженія, съ обѣихъ сторонъ, носили слишкомъ звѣрскій характеръ рѣзни, невѣроятныхъ истязаній и жестокихъ пытокъ; да это и понятно: вопросъ о жизни или смерти ставился ребромъ,— и если русскіе брали превосходствомъ своего огнестрѣльнаго оружія, зато инородцы превосходили массой, хитростью и своимъ знаніемъ мѣстности.

Къ этимъ мрачнымъ страницамъ исторіи завоеванія сибирскихъ инородцевъ часто присоединялось личное звѣрство, крайняя жестокость и ненасытная алчность начальниковъ отдѣльныхъ партій и ясачныхъ прикащиковъ, которые, будучи увлечены личной наживой, не щадили своихъ товарищей-саратниковъ и до нага́ обирали инородцевъ, пришедшихъ въ ясачную избу бить челомъ русскому царю. Грабили не одни казаки-завоеватели; расхищали «царскую казну» приказные и воеводы, не смотря на постоянные наказы и инструкціи правительства, и частную смѣну управителей. Иногда это требованіе ясака доходило до крайне жестокихъ мѣръ, такъ что само правительство принимало инородцевъ подъ свою защиту. Время отъ времени оно налагало тяжелыя наказанія на своихъ правителей: первый сибирскій губернаторъ князь М. П. Гагаринъ, былъ повѣшенъ (1721 г.); иркутскому вице-губернатору Жолобову отсѣкли голову (1736 г.); купцу Шелихову, императрица Екатерина грозила оковами, но и это мало помогало, ибо съ окраины Сибири до царя—дѣйствительно далеко...

Инородцы жестоко мстили за себя. Тунгусы, при всякомъ удобномъ случаѣ, нападали на русскихъ и истребляли ихъ иногда цѣлыми партіями.

Вообще ясачный періодъ — это періодъ полный всякихъ звѣрствъ, грабежей, убійствъ и насилій.

Digitized by Google

Второй періодъ, экспедиціонный (1731—1855), начатъ Берингомъ, который въ поданной правительству запискѣ въ 1731 г. предлагалъ цѣлый рядъ мѣръ къ упорядоченію охотско-камчатскаго края. Всѣ предложенія Беринга были приняты правительствомъ, задумавшимъ сразу рѣшить три важныхъ задачи: 1) устройство новаго управленія края и основаніе Охотскаго порта; 2) Окончательное изслѣдованіе Америки и сѣверной части Тихаго океана и 3) ученое изслѣдованіе Сибири и въ частности—Камчатки. Этотъ періодъ также не принесъ особенной пользы краю. Достаточно сказать, что одна переписка о неудобствахъ Охотскаго порта и связанныя съ этимъ изысканія продолжались 118 лѣтъ. И только со времени перенесенія порта изъ Охотска въ Петропавловскъ началася было періодъ заботъ правительства объ экономической жизни этого отдаленнаго края. Но завоеваніе Амура сразу отодвигаетъ на задній планъ всѣ вѣковые интересы русскаго правительства и общества въ этой окраинѣ.

Послѣ 1855 года наступаетъ *третій* періодъ, — періодъ забвенія края. Инородцы, предоставленные самимъ себѣ, начали понемногу вымирать, спиваться и розоряться. И вотъ теперь только, въ концѣ XIX с., русское правительство рѣшилось вновь обратить вниманіе на этотъ отдаленный край и принять мѣры къ эксплуатаціи его природныхъ богатствъ.

Занятіямъ и торговлѣ жителей охотско-камчатскаго края г. Слюнинъ отводитъ двѣ большихъ статьи, изобилующихъ фактическимъ матеріаломъ.

Торговля этого края носитъ свободный характеръ: добывающая промышленность, какъ въ самомъ началѣ, при завоеваніи, такъ и теперь сводится исключительно къ промыслу пушнаго звѣря; ни рыба, ни киты, ни лѣсъ, ни найденныя горныя богатства,—какъ напр., каменный уголь, сѣра и золото,—до сихъ поръ не служили предметомъ эксплуатаціи, какъ мѣстныхъ жителей, такъ и постороннихъ компаній.

Обработка мѣстныхъ сырыхъ матеріаловъ представляется еще болѣе ограниченной и ничтожной: за отсутствіемъ хлѣбопашества, бобовыхъ и маслянчныхъ растеній, здѣсь нѣтъ ни винокуренія, ни масляныхъ заводовъ; отсутствуетъ кирпичное и гончарное производство. Вся ввозная торговля мѣстныхъ жителей сводится къ мягкой пушнинѣ. Ввозъ же состоитъ въ удовлетвореніи всѣхъ жизненныхъ потребностей инородца, начиная съ иголки и неводнаго прядева, и кончая рубашечнымъ ситцемъ и кулькомъ для муки.

Всѣ доставляемые для инородцевъ товары оплачиваются исключительно пушниной. Весь край не знаетъ и не имѣетъ денежной единицы и таковую для него замѣняетъ шкурка ходячаго звѣря. Поэтому весь счетъ въ охотскомъ округѣ переводится на бѣлку, а въ петропавловскомъ—на лисицу. Напр., въ 1889 г. мѣстныя цѣны въ Охотскѣ на продукты были слѣдующія:

Digitized by Google

1 ф. кирпичнаго чаю . . . . . 7 бѣлокъ;
1 » байховаго чаю . . . . . 12 »
1 » сахару . . . . . 3 »
1 » табаку папуши . . . . . 6 »

Цѣны на товаръ были въ полномъ смыслѣ разбойническія. Въ 1843 г. въ Петропавловскѣ пудъ пшеничной муки стоилъ 40 р. ассигнаціями, пудъ крупы ячной—20 р., ржаной муки и рису по 15 р., пудъ мыла—70 р., пудъ сахару—200 р., аршинъ ситцу продавали отъ 2 до 3 р. И теперь еще цѣны стоятъ въ этомъ краѣ на привозные товары прямо баснословныя. Ведро спирту, которое во Владивостокѣ стоитъ 18 р., здѣсь цѣнится въ 35—45 р.; куль черкасскаго табаку (папуши) продаваемый во владивостокскомъ портѣ по 7—8 р. за пудъ, здѣсь идетъ въ оптовой сдачѣ по 22—25 р., а иногда доходитъ и до 70 р. за пудъ, ржаные сухари продаются по 30 к. фунтъ.

Трудъ г. Слюнина представляетъ изъ себя солидную и весьма обстоятельную работу. Въ немъ читатель найдетъ массу матеріала, касающагося охотско-камчатскаго края и его жителей. Статистика населенія, хозяйства, промысловъ, таблицы рождаемости и смертности, справочныя цѣны, словарь инородческихъ нарѣчій, богатыя описанія флоры и фауны этого отдаленнаго края принесутъ существенную пользу всѣмъ интересующимся нашими отдаленными владѣніями.

Нельзя не привѣтствовать названнаго труда и не пожелать ему самаго широкаго растространенія среди русской публики.

К. Скальковскій. **Внѣшняя политика Россіи и положеніе иностранныхъ державъ.** 2-ое изданіе, переработанное и значительно дополненное. Спб. 1901 г.

«Предлагаемое сочиненіе,—говоритъ авторъ въ предисловіи,—имѣетъ цѣлью ознакомить образованную публику, читающую газеты,—а кругъ ихъ читателей у насъ быстро увеличивается,—въ общемъ очеркѣ, съ внутреннимъ политическимъ положеніемъ всѣхъ державъ и изъ этого положенія вывести, каковы должны быть ихъ отношенія къ Россіи, чтобы затѣмъ, въ свою очередь, изложить взглядъ на тѣ отношенія, которыя въ дѣйствительности существуютъ съ нашей стороны къ иностраннымъ государствамъ».

Въ своемъ трудѣ авторъ не даетъ намъ исторіи нашей дипломатіи; онъ лишь знакомитъ съ внѣшними заграничными дѣлами Россіи. Если у него нѣтъ исторіи нашей дипломатіи, то приводится масса фактовъ, полезныхъ не только для большинства читающей публики, но и для русскихъ публицистовъ и даже... для русскихъ дипломатовъ. Дипломатическіе вопросы, въ большинствѣ случаевъ, почти совсѣмъ незнакомы нашей читающей публикѣ. Даже публицисты, ведущіе политическіе отдѣлы въ журналахъ и газетахъ, слишкомъ мало знакомы съ тайнами нашей ди-

Digitized by Google

пломатіи, а, главное, мало знакомы съ вопросомъ: какая политика выгодна Россіи и какая невыгодна? Примѣръ на лицо. Китайскій вопросъ для большинства нашихъ политиковъ свалился неожиданно, какъ снѣгъ на голову, разбивъ всѣ ихъ теоррeтическія комбинаціи и предположенія. По вопросу о задачахъ Россіи на Дальнемъ Востокѣ нашими политиками наговорена цѣлая масса вздору. Даже наши записные дипломаты, которымъ и книги въ руки, оказались мало освѣдомленными въ китайскихъ дѣлахъ. А, между тѣмъ, этотъ вопросъ въ книгѣ г. Скальковскаго разработанъ прекрасно и притомъ въ смыслѣ желательномъ для каждаго русскаго.

Въ разбираемой книгѣ много журнальнаго и газетнаго матеріала, «но,—какъ совершенно справедливо говоритъ авторъ, — людская память такъ коротка, что напоминать о такъ называемыхъ «извѣстныхъ» вещахъ, которыя обыкновенно извѣстны одному изъ ста, а иногда изъ тысячи читателей,—вовсе не лишнее».

Г. Скальковскаго нельзя отнести ни къ нашимъ «консерваторамъ», ни къ нашимъ «либераламъ». Онъ просто русскій человѣкъ, любящій свою родину и желающій ей всякаго блага и успѣха въ международной жизни. Онъ чуждъ какой либо тенденціозности, если не считать за «тенденціозность», что онъ, какъ русскій, отстаиваетъ всюду и вездѣ интересы Россіи и русскаго народа. Для него безразлично, къ какой партіи принадлежитъ политическій дѣятель:—консервативной или къ либеральной,—онъ интересуется этимъ дѣятелемъ постольку, по скольку онъ является представителемъ истинныхъ интересовъ и выгодъ Россіи. Каждому онъ воздаетъ по заслугами. У насъ же обыкновенно дѣлается наоборотъ: «либералъ» не видитъ ничего хорошаго въ «консерваторѣ», а послѣдній—въ первомъ.

Книга г. Скальковскаго написана легкимъ языкомъ и издана прекрасно.

А. К. Бороздинъ. Протопопъ Аввакумъ. Очеркъ изъ исторіи умственной жизни русскаго общества въ XVII вѣкѣ. Изданіе второе, дополненное и исправленное. Спб. 1900 г.

Работа г. Бороздина посвящена одной изъ крупнѣйшихъ личностей XVII в.,—протопопу Юрьевца Поволжскаго, Аввакуму Петровичу. Не только въ исторіи русскаго раскола за первое время его существованія, но и вообще въ исторіи умственнаго движенія русскаго общества въ XVII в., этотъ протопопъ занимаетъ весьма видное мѣсто. Онъ выдается изъ среды всѣхъ расколоучителей не только «огнепальною ревностью», которая привела его къ цѣлому ряду страданій и къ смерти на кострѣ, но и крайне оригинальнымъ складомъ своего ума, — могучимъ даромъ проповѣдника, слово котораго было вполнѣ доступно пониманію его паствы.

Digitized by Google

Протопопъ Аввакумъ жилъ и дѣйствовалъ въ ту переходную эпоху, когда подготовлялись преобразованія Петра Великаго, когда происходилъ переломъ старой русской жизни, когда намѣчались новые горизонты для русскаго народа. На порогѣ новой Россіи, своимъ недюжиннымъ умомъ и могучимъ характеромъ, выдвинулись впередъ: патріархъ Никонъ и *богатырь-протопопъ*, какъ его называетъ С. М. Соловьевъ, Аввакумъ Петровичъ. Въ первомъ замѣтенъ отголосокъ будущей новой Россіи, второй—приверженецъ старины. Между этими двумя могучими характерами скоро произошло столкновеніе на религіозной почвѣ. Распря возгорѣлась изъ-за исправленія церковныхъ книгъ.

Въ октябрѣ 1652 г. Никонъ приказалъ приступить къ изданію «Слѣдованной Псалтыри», и въ этомъ изданіи рѣшено было выпустить внесенную въ псалтырь статью о 12 земныхъ поклонахъ при чтеніи великопостной молитвы св. Ефрема Сирина и статью о двуперстномъ крестномъ знаменіи. Среди «справщиковъ» это распоряженіе возбудило сильное негодованіе; къ нимъ примкнулъ и Аввакумъ. Послѣдній выбралъ изъ божественнаго писанія доказательства противъ распоряженія Никона о поклонахъ и о сложеніи перстовъ, и подалъ царю большую челобитную на патріарха.

Въ этомъ спорѣ съ Никономъ «протопопъ-богатырь» проявилъ много мужества и силы воли. Его не сломили ни цѣпь со стуломъ на шеѣ въ монастырской тюрьмѣ, ни заточеніе въ монастырѣ, ни ссылка въ Тобольскъ. Онъ вездѣ оставался вѣренъ самому себѣ и твердъ въ отстаиваніи своихъ мыслей, ярымъ поборникомъ которыхъ онъ былъ до самой своей смерти.

Представитель «древняго православія», Аввакумъ былъ сожженъ въ Пустозерскѣ 1-го апрѣля 1681 г. «за великія на царскій домъ хулы», какъ было сказано въ офиціальномъ документѣ. Аввакумъ, предвидя свою казнь, заблаговременно распорядился своимъ имуществомъ и роздалъ книги. На казнь его собрался народъ и снялъ шапки... дрова подожгли. Всѣ замолчали. Аввакумъ началъ говорить народу и крестъ сложилъ двуперстный: «вотъ будете этимъ крестомъ молиться — вовѣкъ не погибнете; а оставите его,—городокъ вашъ погибнетъ; пескомъ занесетъ и погибнетъ городокъ, настанетъ и свѣту конецъ»!

Замѣчательная личность протопопа Аввакума нашла себѣ достойнаго историка въ лицѣ г. Бороздина, который съ любовью и знаніемъ дѣла отнесся къ предпринятой задачѣ. Съ внѣшней стороны, какъ и съ внутренней, книга издана прекрасно и является весьма цѣннымъ вкладомъ въ историческую науку, какъ по серьезности изложенія, такъ и по затронутымъ въ ней вопросамъ, относящимся къ исторіи русскаго просвѣщенія въ XVII вѣкѣ. Въ наше время жалкаго индиферентизма и раболѣпной готовности поступиться всякими взглядами «за чечевичную по-

Digitized by Google

хлебку», любопытенъ и поучителенъ примѣръ самоотверженной преданности идеѣ, хотя бы, по существу, и неправильной.

А. И. Фаресовъ. Въ одиночномъ заключеніи. Спб. 1900 г.

Лежащая предъ нами книга полна глубокаго интереса для всѣхъ интересующихся тюремнымъ міромъ... «Я рѣшаюсь разсказать здѣсь испытанныя мною тогда (въ началѣ 70-хъ годовъ) увлеченія и нравственныя страданія, — говоритъ авторъ, — въ предположеніи, что мои воспоминанія дадутъ нѣсколько штриховъ для характеристики пережитаго мною времени, уже сдѣлавшагося достояніемъ исторіи». Вотъ цѣль, съ которою авторъ рѣшился выпустить въ свѣтъ вышеназванную книгу.

Русская литература имѣетъ нѣсколько прекрасныхъ трудовъ по изслѣдованію быта тюрьмы и каторги. Бытъ каторжника и заключеннаго въ тюрьмѣ за болѣе или менѣе тяжелыя уголовныя преступленія—довольно хорошо извѣстенъ русскому обществу по прекраснымъ работамъ Достоевскаго и Чехова. Но бытъ заключеннаго въ тюрьмѣ и находящагося въ одиночномъ заключеніи за политическія преступленія,—вся вина котораго состояла въ попыткѣ «сліянія съ народомъ», въ духѣ Шовеля у Эркмана-Шатріана,—доселѣ мало извѣстенъ.

Г. Фаресовъ, въ своей тепло и симпатично написанной книгѣ, рисуетъ намъ тяжкую жизнь въ домѣ предварительнаго заключенія политическихъ преступниковъ. Его описанія и воспоминанія тѣмъ дороги для насъ, что они сдѣланы безъ всякой тенденціозности,—такъ сказать sine ira et studio. За желаніе «слиться съ народомъ» онъ самъ попалъ въ домъ предварительнаго заключенія, самъ испыталъ всѣ прелести тюремной жизни, о которыхъ говорилось, между прочимъ, въ фельетонѣ предъидущей книги «Наблюдателя».

Жизнь политическихъ преступниковъ въ тюрьмѣ не похожа на жизнь уголовныхъ преступниковъ. Образъ жизни и занятій тѣхъ и другихъ сильно отличаются. Если для первыхъ тюрьма является тяжелой и грустной «исторіей», то для вторыхъ она является, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, болѣе усовершенствованной школой для дальнѣйшихъ преступленій.

Одиночное заключеніе—это одно изъ тягчайшихъ наказаній для человѣка, которое стоитъ смертной казни. Здѣсь человѣкъ предоставленъ самому себѣ, своимъ мыслямъ. Умъ работаетъ ускореннымъ темпомъ. Книгъ нѣтъ, работы нѣтъ; обмѣняться мыслями не съ кѣмъ. Но и здѣсь тюремный міръ выработалъ свой собственный телеграфъ и телефонъ. Стѣна—это телеграфъ, вватерклозетныя и водопроводныя трубы — это телефонъ. Обмѣнъ мыслей между заключенными въ полномъ ходу. Это знаютъ смотрители тюремъ и стражи «предварительнаго заключенія», но ничего не могутъ подѣлать съ этимъ «зломъ».

Извѣстія, полученныя однимъ заключеннымъ, съ быстротою передаются

Digitized by Google

отъ одного къ другому. Не пройдетъ и часу, какъ эта новость облетитъ уже всѣ камеры.

Читая книгу г. Фаресова, невольно спрашиваешь себя: неужели это было еще такъ недавно? Да, эта печальная и грустная исторія совершалась на нашихъ глазахъ...

Размѣры библіографической замѣтки не позволяютъ намъ подробнѣе остановиться на этой интересной книгѣ.

Digitized by Google

ОТГОЛОСКИ.

(Корреспонденція «Наблюдателя»).

I.

Голосъ изъ провинціи..

Говорить о жидахъ и разоблачать всякія ихъ скверныя продѣлки и преступленія, обидныя для христіанскаго населенія, значитъ растравлять глубокую рану, нанесенную этими паразитами нашему общественному организму, и убѣждаться все болѣе и болѣе, что для излеченія этой раны не существуетъ еще въ нашихъ рукахъ необходимаго радикальнаго средства...

Въ вашемъ журналѣ была изображена грустная картина осады Петербурга жидами. Иному казалось просто невѣроятнымъ, чтобы наша столица могла попасть до такой степени въ жидовскіе когти, но мы,—жители такого крупнаго жидовскаго же центра, какъ г. Кіевъ,—нисколько не усомнились въ справедливости описанія г. Липранди.

Скрѣпя сердце, будемъ наполнять страницы вашего журнала разсказами о новыхъ подвигахъ израильскаго племени—не въ цѣляхъ достиженія защиты отъ ихъ хищничества, чего трудно намъ добиться, а ради оставленія потомству достовѣрной лѣтописи о претерпѣваемыхъ оскорбленіяхъ, униженіи, разореніи и всякихъ нравственныхъ и имущественныхъ обидахъ со стороны израиля.

Хотѣлось бы намъ, по возможности, легче выразить наше негодованіе и рисовать не слишкомъ кричащими красками нашу жизнь среди жидовъ,—но факты слишкомъ рѣзки, такъ что невозможно скрыть или ослабить все, нами переживаемое.

Въ послѣднее время наши кіевскіе жиды дошли уже до невыносимаго и невѣроятнаго нахальства. Причиной этому—являются отчасти публикуемыя мѣстными газетами, въ угоду жидамъ, тѣ многочисленные указы и разъясненія сената, которыми отмѣняются ограничительныя мѣры, принимаемыя иногда нашими мѣстными властями противъ жидовъ; а съ дру-

Digitized by Google

гой стороны—возникшая у жидовъ увѣренность, что для нихъ не существуетъ никакихъ карательныхъ мѣръ за нарушеніе нашихъ законовъ...

Мы можемъ указать на тысячи такихъ случаевъ, когда многократно выселяемые изъ Кіева одни и тѣ же воры, мошенники и поджигатели жиды—моментально возвращались назадъ въ Кіевъ и опять водворялись, здѣсь, плутуя безнаказанно и невозбранно!

Въ настоящее время г. Кіевъ находится наканунѣ поголовнаго домовладѣльческаго банкротства, или,—какъ у насъ говорятъ,—*краха*. Виною этого бѣдствія—одни только жиды. Забрали они все въ свои руки и шага безъ нихъ нельзя ступить!

Проникли они въ банки комерческіе и земельные, повытаскали оттуда всѣ деньги, умудрялись какими-то темными путями брать подъ свои дома ссуду, значительно превышающую ихъ стоимость—и такъ запутали дѣло, что честному человѣку приходится гибнуть. Банки прекратили выдачу ссудъ; цѣнность бумагъ понизилась на 30%, а о частномъ кредитѣ и думать нельзя даже зажиточному человѣку. Между тѣмъ, жиды разбогатѣли, живутъ на барскую ногу и очевидно радуются нашей бѣдѣ..

Какое бы дѣло ни взялъ жидъ, всегда онъ подличаетъ и вредитъ христіанамъ. Напримѣръ, подрядчикъ Г. былъ десятникомъ у русскаго купца Черноярова и ѣздилъ по домамъ съ ассенизаціонными бочками—вывозить нечистоты. Разошелся съ своимъ хозяиномъ нехорошо, а теперь онъ—уже строитель театровъ, церквей и всякихъ общественныхъ и частныхъ дворцовъ. Да и самъ владѣетъ въ Кіевѣ, на главной улицѣ, 6-ти этажнымъ дворцомъ, стоимостію около полумиліонна рублей.

А когда этому жиду приходится разсчитывать своихъ несчастныхъ рабочихъ христіанъ за ихъ тяжелую работу, отъ которой иные теряютъ свою жизнь, оставляя на родинѣ безъ куска хлѣба осиротѣвшую семью,—этотъ паразитъ тянетъ жилы у мужика, заставляетъ сотню разъ кланяться въ ноги, заставляетъ голодать—и, наконецъ, даетъ разсчетъ уже тогда когда наболѣвшая рабочая душа бьетъ ему окна и власти вмѣшиваются въ это возмутительное дѣло. Вотъ каковы наши кіевскіе «прирожденные аристократы», которымъ жмутъ руку сильные люди—и которыхъ награждаютъ медалями и разными отличіями...

Всѣ жиды почти поголовно—наши мучители и разорители. Они ухищряются отнимать насущный кусокъ хлѣба у нашего брата-христіанина даже въ такихъ мѣстахъ, куда—казалось бы—и неприлично, и грѣшно пускать жидовъ и съ ними связываться.

Напримѣръ, въ одномъ казенномъ заведеніи жиды являются поставщиками и подрядчиками. Обмундировываютъ они воспитанниковъ самымъ скверномъ манеромъ и строятъ зданія совсѣмъ по жидовски.

Наши власти почему-то полюбили одного жида и сдали ему постройку многотысячнаго каменнаго зданія, съ устраненіемъ, конечно, отъ этого дѣла

Digitized by Google

добросовѣстныхъ подрядчиковъ-христіанъ. Какъ и слѣдовало ожидать, вышелъ весьма печальный казусъ. Зданіе строилось по всѣмъ правиламъ жидовскаго плутовства изъ скверныхъ, гнилыхъ и никуда негодныхъ матеріалы, и когда работы уже приходили къ концу, всѣ потолки громаднаго 3-этажнаго зданія провалились...

Къ счастію, въ это время ушли рабочіе, которые обязательно были бы убиты; но еще печальнѣе вышла бы катастрофа, еслибы рухнули потолки во время жительства тамъ воспитанниковъ. Всѣ они погибли бы самой мучительной смертью.

Была когда-то пословица: «не тотъ жидъ, кто еврей, а тотъ жидъ, кто жидъ», но въ данномъ случаѣ, не щадя и нашихъ, у которыхъ навѣрняка рыльце въ пушку, скажемъ, что жидомъ надо называть не только всякаго еврея, но истинный жидъ есть и тотъ, кто съ ними братается Примѣры подъ руками.

Заглянемъ мимоходомъ въ судебную хронику и ужаснемся, какъ она богата всевозможными жидовскими преступленіями и какъ зѣсь безвинно страдаютъ христіане:—одни, увлеченные въ преступленіе жидами, а другіе—разоренные ими.

Въ нѣжинскомъ уѣздѣ обнаружена цѣлая шайка жидовъ, которые въ деревняхъ покупали развалины и не имѣющія никакой цѣны нежилыя постройки, страховали ихъ какъ жилые дома, а потомъ поджигали и, наконецъ, получали десятки тысячъ пожарныхъ убытковъ. Въ это ужасное преступленіе жиды завлекли и нѣсколькихъ христіанъ, которые пострадали ради жидовской алчности къ наживѣ.

А въ радомысльскомъ уѣздѣ что открылось? Жиды Шехтманъ, Адлеръ, Муравчикъ, Рубинштейнъ и другіе состряпали подложныхъ векселей на 47,400 р., чѣмъ разорили семью умершаго владѣльца суконной фабрики, Юста.

Да и сколько происходитъ ежедневно подобныхъ разореній въ тѣхъ случаяхъ, когда невозможно обнаружить жидовскихъ подвиговъ, мошенничествъ, поджоговъ и всякихъ другихъ преступленій, безъ которыхъ они жить не могутъ?

Повидимому, наша мѣстная пресса хорошо «задобрена» жидами:—ни одного словечка не замолвила она о совершившихся недавно въ Кіевѣ еврейскихъ безпорядкахъ. Мы даемъ жидамъ хлѣбъ, а они, въ благодарность за это, бросаютъ въ насъ камнями.

Вотъ уже три дня подъ рядъ вся наша полиція,—а также военныя и прочія власти,—заняты *усмиреніемъ жидовъ*. Не смотря на предупредительность полиціи, разрѣшавшей жидамъ временное открытіе многихъ молитвенныхъ домовъ по случаю ихъ праздниковъ, жиды открыли еще особое тайное сборище въ Комерческой гостинницѣ на Подолѣ.

Съ какой цѣлью была собрана эта многолюдная сходка, трудно пока

Digitized by Google

разобраться; достовѣрно только то, что участіе въ ней принимали исключительно молодые жиды и жидовки.

Одни говорятъ, что это было обыкновенное пьяное препровожденіе времени по случаю жидовскихъ праздниковъ, а другіе толкуютъ о политической подкладкѣ этого собранія...

Мы склонны присоединиться къ послѣднему варіанту, въ виду того, что жидовъ и жидовокъ таскали въ тюрьму подъ рядъ два или три дня.

Позорна была для насъ, христіанъ, картина этихъ безпорядковъ! Жиды, говорятъ, нанесли увѣчье околодочному надзирателю П. и препровожденіе ихъ въ тюрьму тоже имѣло печальный видъ. Во главѣ шелъ начальникъ города, за нимъ—казаки, солдаты и всякая другая стража замыкали это уличное шествіе. Повидимому, у народа чесались руки воздать должное этимъ манифестантамъ; но охрана, конечно, препятствовала, уже намѣреваясь предоставить ихъ въ руки правосудія.

Z.

Кіевъ, *1 октября 1900 г.*

II.

Милостивый Государь,
Г-нъ Редакторъ!

Послѣ присужденія убійцы Гильзнера къ повѣшенію, нужно было, конечно, ожидать со стороны его единовѣрцевъ проявленія извѣстной жидовской солидарности или—вѣрнѣе—сообщничества, такъ характерно уже проявившагося въ дѣлѣ измѣнника Дрейфуса. Вѣдь для евреевъ жизнь и благополучіе одного жида, хотя бы и убійцы, гораздо дороже, чѣмъ жизнь всѣхъ «гоевъ», вмѣстѣ взятыхъ! И, дѣйствительно, пришлось не долго ждать. Въ «Новостяхъ» [1]) появилась слѣдующая телеграмма изъ Вѣны: «Извѣстный ученый Крафтъ-Эбингъ высказалъ увѣренность въ томъ, что убійство совершено на почвѣ эротизма и что необходимо возобновить слѣдствіе для разысканія дѣйствительныхъ убійцъ».

Въ дѣлѣ Дрейфуса тоже призывался авторитетъ Эмиля Золя... Совершенно одинаковые пріемы въ томъ и другомъ случаѣ. Разница только въ томъ, что въ послѣднемъ казусѣ откровенная наглость доходитъ уже до абсурда. Убійство не отрицается, но нужно же все таки подыскать другихъ убійцъ и—вѣроятно—христіанъ. Объ этомъ очень хлопочетъ жидовскій синедріонъ, вкупѣ съ реббе Нотовичемъ. Самое убійство переносится на игривую почву «эротизма», т. е. на почву стихійной силы, невропатіи, и—слѣдовательно — безотвѣтственности. Кто же, однако,

[1]) Въ номерѣ отъ 3 ноября.

Digitized by Google

прослѣдивъ это дѣло во всѣхъ подробностяхъ, не назоветъ еврейскихъ публицистовъ, посылающихъ и печатающихъ подобныя телеграммы, завѣдомыми и наглыми лжецами, для которыхъ ложь составляетъ обычный неотвратимый элементъ всякой дѣятельности и всякаго существованія!?

Х.

Москва, *4 ноября 1900 г.*

III.

Милостивый Государь, г. Редакторъ! Въ письмѣ отъ 20 августа с. г., я сообщилъ вамъ нѣкоторыя данныя объ участіи жидовъ въ лодзинской промышленности. Позвольте сообщить еще кой-что о жидовской промышленности въ Привислянскомъ краѣ. Жиды составляютъ чуть не 90% здѣшнихъ промышленниковъ и торговцевъ. О томъ разлагающемъ вліяніи, которое они внесли въ польскую промышленность и торговлю, свидѣтельствуютъ вопли потребителей и судебная хроника. А вотъ какого мнѣнія объ этомъ предметѣ иностранцы-французы. «Ежедневный Курьеръ» сообщаетъ, что многія крупныя заграничныя фирмы не желаютъ входить въ какія либо сношенія съ мѣстными купцами. «Очень жаль,—пишетъ, по словамъ «Курьера», представитель одного изъ солидныхъ парижскихъ домовъ,—но, *не смотря на возможность полнаго успѣха*, мы прямо не желаемъ завязывать сношеній съ Варшавою, такъ какъ *испытали уже и эксплуатацію, и шантажъ. Ни въ одномъ краѣ* (курс. подл.) нѣтъ такого количества мошенниковъ и лгуновъ, какъ у васъ». А жидовское мошенничество безконечно! Сейчасъ, напримѣръ, начался процессъ въ Краковѣ противъ восьми евреевъ, обвиняемыхъ въ томъ, что *къ спирту они примѣшивали купоросъ* и продавали это для питья окрестнымъ жителямъ («Варш. Дневн.», № 281). Пробуетъ съ жидами вступить въ борьбу минское Сельско-хозяйственное общество. Общество рѣшило взять на себя комисіонную продажу молока отъ всѣхъ сельскихъ хозяевъ здѣшняго края и сосѣднихъ губерній, которые пожелаютъ этого. Цѣль общества заключается главнымъ образомъ въ томъ, чтобы избавить сельскихъ хозяевъ отъ необходимости продавать молоко и молочные продукты евреямъ, которые обладаютъ замѣчательнымъ искусствомъ удвоивать количество молока при помощи вислинской воды, что хорошо извѣстно варшавскимъ потребителямъ. Нельзя не пожелать отъ души успѣха этому обществу; пусть его примѣръ найдетъ побольше подражателей.

А. Б.

Варшава, *1 ноября 1900 г.*

Digitized by Google

НАШИ ВНУТРЕННІЯ ДѢЛА.

Причина оскуденія русскаго центра. — Гдѣ центръ и гдѣ *окраины* русскаго государства? — Что такое Россія по мнѣнію нѣкоторыхъ русскихъ публицистовъ?—Дворянство на службѣ по винной монополіи.—Финляндскій вопросъ и новыя вѣянія въ финляндской журналистикѣ.—Памяти К. И. Якубова.—Обходъ евреями закона и еврейское пристанодержательство въ Петербургѣ.—Юбилей протопресвитера І. Л. Янышева.—Наши юбилейныя и поминальныя чествованія.—Болѣзнь Государя Императора.

За послѣднее время, нѣкоторою частью нашей печати, выдвинутъ на очередь крайне важный вопросъ—объ упадкѣ и оскуденіи русскаго центра и о необходимости особеннаго къ нему вниманія. Общій смыслъ поднятаго вопроса таковъ: нашъ центръ падаетъ; самыя коренныя, стародавнія наши области, положившія начало, развившія и укрѣпившія тотъ организмъ, который въ настоящее время зовется Россіей,—гдѣ сложилась держава русская,—пустѣютъ, бѣднѣютъ, мѣстами даже прямо вымираютъ... Населеніе нѣкоторыхъ губерній *идетъ на убыль*. Если же обратимся къ нашимъ окраинамъ, то увидимъ, что онѣ развиваются, богатѣютъ съ чисто американской быстротой. Промышленность и торговля тамъ развиваются, населеніе богатѣетъ, высшее и среднее образованіе процвѣтаетъ.

Болѣе ста лѣтъ всѣ наши государственныя заботы устремлены были на развитіе окраинъ. Мы тамъ построили громадную желѣзнодорожную сѣть, устроили рядъ портовъ и верфей. Безчисленные милліоны, собранные, главнымъ образомъ, съ великорусскаго племени, затрачены нами на насажденіе культуры на нашихъ окраинахъ, на развитіе торговли и промышленности, и въ этихъ благословныхъ мѣстахъ мы не жалѣли денегъ. Въ теченіе ста лѣтъ мы все дѣлали для окраинъ и ничего для центра... Окраины меньше,—сравнительно съ центромъ,—платятъ податей и налоговъ, а, между тѣмъ, на нужды ихъ изъ государственнаго казначейства расходуется больше финансовыхъ средствъ, чѣмъ на убогій центръ.

«Изъ разсмотрѣнія цифровыхъ данныхъ о территоріальномъ распредѣленіи нашихъ государственныхъ расходовъ—говоритъ г. Николаевъ въ «Нов. Времени»—обнаруживается разительное преимущество окраинъ въ отношеніи «финансоваго орошенія» мѣстной народной производительности средствами государственнаго казначейства. Тогда какъ въ коренной Россіи государственное казначейство расходуетъ на жителя всего лишь 2 р. 31 коп.—въ черноземныхъ губерніяхъ и 3 р. 59 к. — въ среднепромышленныхъ,—

Digitized by Google

расходы повышаются въ болѣе окраинныхъ областяхъ до 5 р. 90 к. на жителя для Сѣверо-Западнаго края, 6 р. 46 коп. для Сибири, 6 р. 53 коп. для Юго-Западнаго края; въ приграничныхъ же областяхъ достигаютъ до 7 р. 10 коп. на Кавказѣ, 7 р. 74 коп,—въ Привислинскомъ краѣ и 10 р. 93 коп.—въ Прибалтійскомъ краѣ!! Еще болѣе явственно обнаруживается эта неравномѣрность изъ сравненія финансоваго орошенія квадратной версты пространства въ коренныхъ и окраинныхъ областяхъ: тогда какъ въ черноземныхъ губерніяхъ на квадратную версту приходится 92 р. государственныхъ расходовъ и въ среднепромышленныхъ 97 р.,—въ окраинныхъ областяхъ государственные расходы, стремительно повышаясь, достигаютъ 163 р. на квадратную версту въ Сѣверо-Западномъ краѣ, 190 р.—въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, 239 р.—въ Юго-Западномъ краѣ и 500 р.—въ Привислинскомъ краѣ».

Такое сосредоточеніе государственныхъ расходовъ въ окраинныхъ областяхъ пріобрѣтаетъ особенно важное для нихъ хозяйственное значеніе. Мѣстному хозяйственному обороту гарантируется спросъ на всѣ мѣстныя произведенія; населенію отрываются многообразные источники заработковъ, торговля и промышленность обезпечиваются опредѣленнымъ сбытомъ, сельскому хозяйству предоставляется обширный потребительный рынокъ.

Особенно важное значеніе для интересовъ именно мѣстной производительности имѣютъ расходы военные. Расходы эти, въ огромнѣйшей своей части, представляютъ собою спросъ на обыкновенные жизненные припасы, фуражъ, предметы домашняго обихода, мануфактурные товары, строительные матеріалы, рабочія руки и т. п. для удовлетворенія непосредственныхъ нуждъ военнаго, вѣдомства. И эти-то расходы почти всѣ цѣликомъ идутъ на пользу мѣстной производительности, питая и оживляя мѣстный хозяйственный оборотъ. «Для характеристики же степени интенсивности спроса, предъявляемаго военнымъ вѣдомствомъ на нашихъ окраинахъ, по сравненію съ коренной Россіей, достаточно указать,—говоритъ г. Николаевъ,—что, напримѣръ, въ Средней Азіи производится военныхъ расходовъ (9 мил. руб.), почти вдвое больше, нежели во всѣхъ среднепромышленныхъ губерніяхъ; на Кавказѣ расходуется (27 мил. руб.), приблизительно столько же, сколько во всей совокупности губерній среднепромышленныхъ, черноземныхъ и малороссійскихъ; въ Сѣверо и Юго-западномъ краѣ расходуется (42 мил. руб.)—столько же, сколько *на всей площади* губерній сѣверныхъ, восточныхъ, среднепромышленныхъ, черноземныхъ и малороссійскихъ. Въ Привислинскомъ краѣ военные расходы (36 мил. руб.) достигаютъ почти 4 руб. на каждаго жителя, превышая въ 4 раза расходъ въ черноземныхъ губерніяхъ и въ 8 разъ—въ губерніяхъ среднепромышленныхъ. На квадратную же версту пространства въ Привислинскомъ краѣ производится военныхъ расходовъ (311 руб.), въ 17 разъ больше, чѣмъ въ среднепромышленныхъ, и *во 100 разъ больше*, чѣмъ въ губерніяхъ черноземныхъ.

Оказывается, что наша финансовая система—и въ доходной, и въ расходной своей части — является постоянно дѣйствующимъ факторомъ экономическаго усиленія окраинъ и экономическаго ослаб-

Digitized by Google

ленія коренной Россіи! При правильномъ территоріальномъ распредѣленіи государственныхъ доходовъ и расходовъ, финансовый аппаратъ государства не долженъ производить никакихъ измѣненій въ соотношеніи экономическихъ силъ отдѣльныхъ областей страны. Если государство собираетъ съ данной мѣстности значительно болѣе денежныхъ средствъ, нежели расходуетъ въ ней, то это порождаетъ систематическій отливъ отъ нея денежныхъ средствъ.

Пора, наконецъ, центру отдохнуть отъ непосильнаго бремени расходовъ, избавиться отъ тѣхъ многочисленныхъ жертвъ, которыя онъ принесъ и на пріобрѣтеніе окраинъ, и на ихъ культурное и экономическое преуспѣяніе, и на созданіе русскаго государства. Пора этому населенію воспользоваться сколько нибудь плодами своего историческаго подвига, плодами тяжелыхъ завоевательныхъ войнъ! Итакъ, выходитъ, что мы все время воевали не для себя, а для благополучія—армянъ, жидовъ, грековъ, нѣмцевъ, захватившихъ въ свои руки всѣ богатства нашихъ окраинъ...

Поднятый въ «Новомъ Времени» вопросъ объ оскудѣніи центра и процвѣтаніи *за его счетъ* окраинъ вызвалъ полемику по вопросу: что такое центръ и что такое окраины? Газета «Сѣверный Курьеръ»,—издающаяся, повидимому, русскимъ человѣкомъ, княземъ В. Барятинскимъ,—наговорила по вопросу о центрѣ и окраинахъ массу несообразностей. По ея мнѣнію, въ Россіи нѣтъ ни центра, ни окраинъ!! Россія, видете ли, есть конгломератъ разныхъ народностей, населяющихъ ее,—и не болѣе. Русское государство—это то же, что и Австрія, также отличается разношерстностью населенія и тою же дисгармоніей народностей. Поэтому, по ея мнѣнію, даже крайне смѣшно говорить о какомъ-то «центрѣ» и «окраинахъ». Опровергать подобное мнѣніе мы не станемъ. Россія тѣмъ сильна и могущественна,—скажемъ только въ отвѣтъ этой газетѣ—что у нея есть центръ, хоть и оскудѣвающій, и бѣдствующій,—но центръ, который создалъ государство, пріобрѣлъ всѣ эти окраины и, въ случаѣ нужды, съумѣетъ постоять за себя и предъ внутреннимъ врагомъ. Другая газета, «Россія», также иронически относится и къ центру, и къ окраинамъ. Высказываясь по этому вопросу, газета замѣчаетъ:

«Защитники центра берутъ 5—6 губерній вокругъ Москвы и говорятъ, что это историческій центръ русской государственности и гражданственности, и что этотъ именно центръ нужно наградить всѣми благами, дабы онъ окрѣпъ и проявилъ притягательную силу сплоченія по отношенію къ окраинамъ. Проповѣдь такой политики могла бы имѣть смыслъ въ Россіи временъ Іоанна Грознаго. Теперь же харьковская и томская губерніи спросятъ о томъ, сколько же лѣтъ надо состоять подъ началомъ русской государственности и гражданственности, для того чтобы быть причисленнымъ къ тѣмъ центральнымъ и кореннымъ русскимъ губерніямъ, для которыхъ газеты требуютъ всяческихъ благъ и милостей? Обыватели екатеринославской и тобольской губерній скажутъ, что они нисколько не виноваты въ томъ, что ихъ предки, во имя русской государственности, такъ далеко отошли отъ Москвы. И какъ хотите, а тобольскіе обыватели могутъ претендовать на титулъ историческихъ носителей русскаго знамени и русской гражданственности. Пожалуй,

Digitized by Google

господа, разрѣшающіе современные вопросы русской жизни по исторической картѣ временъ Калиты, будутъ утверждать, что они говорятъ объ оскуденіи центра, а потому и выбираютъ только оскудѣвшія центральныя губерніи. Прекрасно; въ такомъ случаѣ, чуть ли не всѣ губерніи будутъ жаловаться на произвольность ихъ выбора. По оскудѣнію, съ тульской и рязанской губерніями могутъ спорить ярославская, херсонская, новгородская и томская губерніи. Оскудѣніе—это такой признакъ, по которому любая губернія будетъ претендовать на мѣсто въ спискѣ коренныхъ русскихъ губерній. Далѣе было бы интересно знать, за чей счетъ пять-шесть подмосковныхъ губерній будутъ укрѣпляться и награждаться разными благами жизни? Любители исторической карты Россіи скажутъ, что центръ за то, что онъ сдѣлалъ для всего государства, долженъ быть вознагражденъ за общегосударственный счетъ. Такъ они и говорятъ, забывая о томъ, что они сами думаютъ о разныхъ слагаемыхъ этого общегосударственнаго счета. Вѣдь они утверждаютъ, что окраины даютъ въ общемъ государственномъ счетѣ одинъ минусъ. На счетъ окраинъ дѣло обстоитъ, по ихъ мнѣнію, такъ тихо, что дай Богъ, чтобы онѣ, по крайней мѣрѣ, дефицита не давали. Значитъ, пять-шесть подмосковныхъ губерній могутъ быть поставлены въ лучшія условія жизни только за счетъ херсонской, самарской и другихъ русскихъ губерній. Но въ такомъ случаѣ получится уже не сплоченіе центра съ окраинами, а расчлененіе русскихъ губерній на благодѣтельствуемыя и обстригаемыя. Результатъ безпорно печальный, хотя бы уже потому, что вѣдь и херсонская и уфимская губерніи съ оскуденіемъ тоже прекрасно знакомы».

Газета или старается быть не понимающей:—гдѣ центръ и гдѣ окраины?—или она, дѣйствительно, въ своемъ пониманіи не выше той щедринской пошехонской бабы, которая запуталась въ трехъ соснахъ. Глумиться надъ столь серьезнымъ вопросомъ—болѣе чѣмъ непростительно. Вообще не одна «Россія» и «Сѣв. Курьеръ» наговорили нелѣпостей по вопросу о центрѣ и окраинахъ. Газеты, отозвавшіяся на этотъ вопросъ, отнеслись къ нему крайне поверхностно. Однѣ сознательно исказили статью «Новаго Времени», другія перепутали ее по недомыслію.

Г. Николаевъ, поднявшій этотъ вопросъ, вынужденъ былъ на страницахъ «Россіи» же высказаться по вопросу, что разумѣетъ онъ подъ центромъ и окраинами. Сдѣлалъ онъ это, конечно, не для вразумленія «Россіи», а для ея читателей, чтобы они видѣли, что онъ, Николаевъ, совсѣмъ не проповѣдывалъ на столбцахъ «Новаго Времени» такой дичи, какую приписали ему.

«Написавъ пять статей по вопросу о центрѣ и окраинахъ, я удостоился—говоритъ г. Николаевъ — цѣлаго ряда критическихъ статей и—ни одной цитаты въ кавычкахъ! Почему? Да очень просто: потому что, при всей *виртуозности передержекъ*, изъ моихъ статей не могли процидировать ничего такого, что необходимо было критикамъ, чтобы сначала представить меня изувѣромъ, дабы потомъ уже легко было справиться съ такою личностью. И вотъ какія изувѣрства мнѣ приписываютъ: «вожделѣніе обложить населеніе окраинъ усиленнымъ налогомъ въ пользу центра», «агрес-

Digitized by Google

сивный національнзмъ господствующей народности», «центръ нужно наградить всѣми благами», «требовать всяческихъ благъ и милостей», «центръ долженъ быть вознагражденъ за общегосударственный счетъ», «планы о подъемѣ центра за счетъ нецентра» и т. д. Все это не болѣе, какъ голое измышленіе моихъ критиковъ; это *та сажа, которою нужно было меня вымазать*, чтобы легче демонстрировать передъ публикой черноту моей души. Въ дѣйствительности *я не проповѣдую никакого финансоваго или законодательнаго утѣсненія окраинъ*. Мало того, я прямо высказался въ своихъ статьяхъ и противъ утѣсненія административнаго. Единственный способъ ассимиляціи, который я признаю дѣйствительнымъ, это — культурное взаимодѣйствіе. «Палочное и вывѣсочное» обрусительство я также отрицаю, какъ и мои критики. Читатели могутъ успокоиться: на людей я не бросаюсь и вполнѣ согласенъ, что окраинцы «тоже люди». Но совсѣмъ различныя вещи — *утѣснять другихъ для себя и утѣснять себя для другихъ*. Можно быть вполнѣ культурнымъ чловѣкомъ, неспособнымъ посягать на другихъ, но въ то же время не желающимъ, чтобы и на него посягали. *Вотъ истинная тема моихъ статей*. Добросовѣстная критика противъ меня и должна была бы выяснить два вопроса: во-первыхъ, правильны ли тѣ данныя и соображенія, которыя приведены мною въ доказательство переобремененія центра въ пользу окраинъ; во-вторыхъ, правиленъ ли мой взглядъ, что всѣ области нашей страны должны нести «одинаковое» бремя и пользоваться одинаковыми» заботами государства, и что переобременять центръ въ пользу окраинъ—несправедливо. Вотъ и все, что слѣдовало обсудить. Къ сожалѣнію, объ этомъ ни словомъ не обмолвились, а устремились въ битву съ какимъ-то, самими же намалеваннымъ, чудищемъ».

Замалчивать и искажать мысли противника—обычная тактика нашихъ жидовскихъ и ожидовленныхъ органовъ, исповѣдующихъ моральныя начала по шулханъ-аруху.

Радѣя объ интересахъ инородцевъ и забѣглыхъ гешефмахеровъ, они готовы содрать кожу съ русскаго крестьянина, чтобы жиду или армянину жилось получше.

Далѣе въ той же газетѣ г. Николаевъ поясняетъ, что̀ именно разумѣетъ онъ подъ «центромъ» и «охранами», какія губерніи слѣдуетъ считать центромъ и какія окраинами? На эти вопросы онъ отвѣтилъ такимъ образомъ:

«Я не проповѣдую никакого утѣсненія окраинъ и не требую никакихъ льготъ для центра—поэтому мнѣ вовсе не нужно искать «центра» и «окраинъ». Для меня всякая область, которая платитъ больше другихъ, есть «обиженный центръ». Если мнѣ покажутъ такую область «на границѣ» имперіи, то я скажу—это обиженный цантрѣ. Но только пусть найдутъ такую область. Точно также всякая область, гдѣ бы она ни находилась, обойденная государственными заботами, есть «обиженный центръ». Такъ какъ я хочу «только уровнять», а не обижать однихъ и благодѣтельствовать другимъ, то въ отношеніи каждаго отдѣльнаго мѣропріятія для меня вполнѣ ясно, куда надо направить заботы. Если одни платятъ налоговъ больше другихъ, то слѣдуетъ сбавить налоги для

Digitized by Google

«всѣхъ» областей, которыя платятъ больше, или набавить на «всѣ» области, которыя платятъ меньше—чтобы «всѣ» платили одинаково. Если потребности однѣхъ областей удовлетворяются меньше другихъ, то нужно усилить государственные сборы на пользу тѣхъ, о которыхъ до сихъ поръ заботились меньше».

Въ вопросѣ о «центрѣ» и «окраинахъ» происходитъ не болѣе, какъ игра словъ. И «Россія», и «Сѣверный Курьеръ», и др. газеты, конечно, понимаютъ эти термины. Но признать оскудѣніе центра и процвѣтаніе окраинъ — для однихъ невыгодно, а для другихъ «нелиберально».

Русскій центръ—это не отвлеченность, это не миѳъ, выдуманный русскими «патріотами», а опредѣленная величина, занимающая извѣстное мѣсто на картѣ россійской имперіи. Вѣдь центръ и далъ намъ тотъ организмъ, который называется теперь Россіей, вѣдь это онъ защитилъ ее своею грудью, кровью своихъ сыновъ и отъ татаръ, и отъ турокъ, и отъ поляковъ, и отъ Наполеона. Защититъ, Богъ дастъ, и отъ жидовъ.

Кромѣ того, онъ вынесъ на своихъ плечахъ всю тяжесть организаціи и сплоченія громаднаго русскаго государства. Не знать этого «центра», не цѣнить его заслугъ предъ русскимъ государствомъ — стыдно публицисту, хотя бы лишь называющемуся русскимъ; не желать облегченія непосильнаго бремени финансовыхъ расходовъ для своего народа, не прійти на помощь къ нему—непростительно не только для публициста, но и для всякаго русскаго человѣка.

Орловскіе дебаты о новой дворянской привилегіи — занимать «почетныя» мѣста сборщиковъ по винной монополіи—выдвинули новый вопросъ общественной и сословной этики: совмѣстно ли съ дворянскимъ званіемъ служить по питейной части въ составѣ вольнонаемныхъ исполнителей, въ родѣ сборщиковъ и продавцовъ вина. Изъ недавно вышедшаго офиціальнаго изданія главнаго управленія неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей, подъ заглавіемъ: «Казенная продажа питей», оказывается, что въ числѣ 2,743 вольнонаемныхъ служащихъ по казенной продажѣ питей (завѣдующіе складами, сборщики, конторщики и т. п.) въ 20 губерніяхъ, гдѣ дѣйствовала винная монополія въ 1897 году. лицъ привилегированныхъ сословій состояло 1,183 человѣка, или 43 процента общаго числа. По мѣстностямъ, пропорція эта выше въ губерніяхъ сѣверо-западныхъ и южныхъ (въ первыхъ 49,8 процентовъ и, во-вторыхъ 44,9 процентовъ) и ниже въ губерніяхъ восточныхъ (29,3 процента), что, безъ сомнѣнія, объясняется значительно большимъ процентомъ лицъ привилегированныхъ сословій въ сѣверо-западныхъ и южныхъ губерніяхъ, чѣмъ въ восточныхъ.

Внесенный въ чрезвычайное орловское дворянское собраніе докладъ губернскаго преводителя М. А. Стаховича о предоставленіи дворянамъ мѣстъ сборщиковъ по казенной винной монополіи въ губерніи вызвалъ рядъ горячихъ преній въ собраніи по этому вопросу. Извлекаемъ изъ «Орловскаго Вѣстника» нѣкоторые отзывы

Digitized by Google

противниковъ предложенія г. Стаховича. С. А. Куриковъ высказалъ слѣдующее: «докладъ говоритъ о новыхъ должностяхъ, которыя не указаны въ законѣ. Довольно протеста одного дворянина, чтобы договоръ былъ признанъ недѣйствительнымъ. Это, такъ сказать, внѣшняя сторона дѣла, но есть и принципіальные мотивы, которые заставляютъ высказываться противъ предложенія. Нужно строго охранять наше призваніе, выраженное въ извѣстномъ высочайшемъ манифестѣ,—безкорыстно служить народу. Корыстное служеніе этому противорѣчитъ».

М. Н. Языковъ заявилъ, что онъ прибылъ въ собраніе, чтобы просить дворянъ—отклонить проэктъ.

«Если нѣкоторые не хотятъ его слушать (когда началъ говорить г. Языковъ, нѣкоторыя поднялись съ своихъ мѣстъ и вышли изъ залы), то все таки это не заставитъ его молчать. До сихъ поръ дворянство выставляло только руководителей. *Докладъ же предлагаетъ образовать какую-то артель.* Соотвѣтствуетъ ли это прошлому, настоящему и будущему дворянства?! По закону о сборщикахъ, въ случаѣ обнаруженной растраты со стороны сидѣльца, дворянинъ долженъ стать за стойку. Лучше умереть, чѣмъ занять такую должность!! На собраніе представителей возлагается доставка сборщиковъ!.. (Очень волнуется). Умоляю собраніе отвергнуть предложеніе».

А. А. Нарышкинъ доказывалъ невозможность проэкта съ юридической точки зрѣнія и закончилъ свою рѣчь такъ:

«*Патріотическаго* сфера питейнаго дѣла ничего не представляетъ; съ помѣстной службой дворянства не имѣетъ ничего общаго. У сословія, имѣющаго въ прошломъ такія заслуги, какъ ратная служба его предковъ, вынесшаго на своихъ плечахъ великія реформы императора Александра II, есть почва для исполненія и въ будущемъ своихъ обязанностей передъ государствомъ. Зачѣмъ ускорять превратность временъ?! Пусть это будетъ предразсудокъ, но старыя традиціи не позволяютъ помогать этой превратности. Еслибы даже докладъ былъ принятъ, есть основанія разсчитывать, что министръ внутреннихъ дѣлъ остановитъ такое постановленіе въ огражденіе правильности общаго государственнаго строя».

Рѣчь А. А. Нарышкина была встрѣчена громкими рукоплесканіями. Затѣмъ г. Закжевскій также указывалъ, что докладъ противорѣчитъ законамъ о дворянствѣ.

«На вѣсы ставится все имущество дворянъ. *Наши традиціи основаны не на рубляхъ, а на государственной службѣ. Дворянство не должно превращаться въ биржу.* Помня слова государя, мы можемъ смотрѣть на будущее съ полной надеждой. Тѣмъ, которые мечтаютъ объ умаленіи дворянства, можно отвѣтить извѣстными словами А. С. Пушкина изъ стихотворенія: «Клеветникамъ Россіи».

Обѣдненіе нашего дворянства, конечно, идетъ прогрессивно. Мы не станемъ останавливаться на вопросѣ, кто въ этомъ виноватъ, но едва ли возможно поправить судьбу дворянства новыми привилегіями, хотя бы и столь заманчивыми, какою представляется привилегіи по винной монополіи, и которыхъ добивается

Digitized by Google

орловское дворянство. Ничѣмъ инымъ, какъ только прискорбнымъ недоразумѣніемъ, можно объяснить внесеніе на судъ губернскаго дворянскаго собранія вопроса о замѣщеніи мѣстными дворянами должностей сборщиковъ по винной монополіи. Эти претензіи орловскаго дворянства, чуждыя принципу «noblèsse oblige», не принесутъ и существенной пользы дворянству, не поднимутъ его матеріальнаго благосостоянія, какъ сословія. Обѣднѣвшій дворянинъ можетъ сколько ему угодно, служить по винной монополіи. Всякій честный трудъ почтенъ, хотя бы и такой, который вовсе не гармонируетъ съ принципомъ noblèsse oblige. Ничего постыднаго и позорнаго въ должностяхъ сборщиковъ нѣтъ. Постыдно домогаться привилегіи предъ другими сословіями государства. Привилегія быть *по самому праву рожденія* тѣмъ, чѣмъ представители другихъ сословій \дѣлаются посредствомъ простаго взноса залога въ артель, и садиться за стойку не просто въ качествѣ служащаго по винной монополіи, а въ качествѣ «россійскаго дворянства» — совсѣмъ новый принципъ, вполнѣ чуждый «дворянской грамотѣ». Сегодня привилегія по винной монополіи, завтра—привилегія по доставкѣ шпалъ въ казну, по вывозкѣ грунта; за этими привилегіями могутъ послѣдовать и другія: напримѣръ, привилегія по изготовкѣ сапогъ и обмундированію россійскаго войска, а тамъ со временемъ и... по прокормленію и всего россійскаго государства. Чѣмъ плоха привилегія по доставкѣ шпалъ въ казну? Намъ кажется, что и отъ этой привилегіи эпигонамъ нашего дворянства, гоняющимся только за кускомъ, перепалъ бы немалый кушъ. Но вотъ бѣда: сословныя привилегіи убиваютъ инціативу, энергію, унижаютъ человѣка, а не поднимаютъ его. Исторія дворянскихъ привилегій служитъ лучшей иллюстраціей къ этому положенію. Вѣковыя привилегіи, данныя правительствомъ россійскому дворянству, не спасли его отъ обѣдненія и разоренія. Слѣдовательно, спасти наше дворянство можетъ не привилегія,—какъ бы она велика и широка ни была,—но разумный, сознательный трудъ и образованіе.

И потомъ, наконецъ, если—по французской пословицѣ—«il y a fagot et fagot», то и у насъ на Руси есть дворяне самаго различнаго направленія и характера. Были у насъ, въ дворянскомъ сословіи, Салтычихи, Скотинины, Измайловы—и были Радищевы, Новиковы и Пушкины, которые сами вооружались противъ привилегіи крѣпостничества и съ горькимъ чувствомъ восклицали:

«Увижу ль, наконецъ, народъ *не угнетенный*
И рабство, павшее по манію царя,
И надъ отечествомъ *свободы просвѣщенной*
Взойдетъ ли, наконецъ, прекрасная заря?

Изъ-за своего самоотверженнаго призыва къ освобожденію крестьянъ Радищевъ отвѣдалъ даже тяжелой ссылки въ Сибирь. Дворяне этого типа становились въ первые ряды мировыхъ посредниковъ и давали крестьянамъ высшіе земельные надѣлы, уговаривая принять ихъ, а не пуская «на три четвертка»; они и въ земскихъ собраніяхъ радѣли не о своемъ только чревѣ, а о пользахъ всего народа,—нравственныхъ и экономическихъ. Но были и

Digitized by Google

есть другаго сорта дворяне, хлопотавшіе и хлопочущіе только о своихъ личныхъ и сословныхъ выгодахъ, заботящіеся о томъ, чтобы «поставить точку къ реформамъ» и оградить свои оставшіяся привилегіи какой-то «дворянской конституціей», которая, по нынѣшнимъ временамъ, при упадкѣ гражданскаго (а не гражданинскаго)— духа, быстро превратилась бы въ *конституцію жидовскую*...

Отъ имени какой дворянской группы возвышаютъ свои голоса орловскіе любители казенныхъ мѣстъ, хотя бы въ винной лавкѣ— сообразить нетрудно.

Наши добрые, но «воинственные» сосѣди финляндцы продолжаютъ бойкотировать русскихъ коробейниковъ, забредшихъ въ эту негостепріимную страну со своими товарами. Мы уже не разъ приводили примѣры тѣхъ нелѣпыхъ нападокъ, которымъ подвергались въ Финляндіи ни въ чемъ неповинные коробейники въ то самое время, когда финнамъ открыты всѣ дороги въ Россіи. Въ «Финл. Газетѣ» помѣщено разъясненіе, дѣлающее эти выходки финляндскихъ патріотовъ еще болѣе нелѣпыми. Оказывается, что «въ настоящее время коробейники имѣютъ *право торговать только финляндскими издѣліями* и продаютъ ихъ дешевле. Ясно, что покупать у нихъ будутъ и впредь, не смотря на газетное краснорѣчіе. Затѣмъ, эти коробейники—по большей части корелы изъ олонецкой и архангельской губерній. Они близки жителямъ финляндскихъ губерній не только какъ подданные одного царя, сыны одного государства, но и по крови, по племени. Они скорѣе «плоть отъ плоти и кость отъ костей» финскаго населенія, чѣмъ шведы или англичане, которые въ 1854 и 1855 годахъ исправно грабили и топили финскія лайбы».

И, не смотря на это, финляндскіе политики ставятъ себѣ въ особую заслугу развитіе торговыхъ сношеній съ «заграницей», особенно съ Англіей.

«Наша народность,—говорятъ они,—заключается въ томъ, чтобы вести торговлю съ тѣмъ, кто кость отъ кости нашей и плоть отъ плоти, кому можемъ безъ смущенія довѣрять... Ничего не значитъ, если товаръ у нихъ будетъ сначала нѣсколько дороже, главное— идея... Когда купецъ разбогатѣетъ, пожалуй, и цѣна упадетъ».

«Финл. Газета» отмѣчаетъ нѣкоторые разсказы и статьи, которыми внушаются «мужество» и «храбрость» лицамъ, занимающимъ высшія должности, чтобы воспитать въ извѣстномъ направленіи и молодое поколѣніе. Газета приводитъ одну изъ такихъ статей, носящую заглавіе: «Трусость и измѣна», содержаніемъ которой служитъ историческая борьба Рима съ Карѳагеномъ, а главной героиней является жена Газдрубала.

«Авторъ,—поясняетъ «Финл. Газ.»,—не безъ умысла, конечно, приводитъ послѣдніе эпизоды изъ борьбы Карѳагена съ Римомъ, какъ бы указывая на сходство, будто бы существующее между Карѳагеномъ и Финляндіей. Черты этой борьбы, именно приводимыя авторомъ, и должны по его мнѣнію, произвести особенно сильное впечатлѣніе на патріотовъ. Такъ, все возраставшая требо-

Digitized by Google

вательность со стороны Рима походитъ-де на требованіе русской государственной власти къ современному Карѳагену—Финляндіи. Поздно явившаяся у карѳагенянъ разгадка истинныхъ намѣреній Рима должна служить указаніемъ для населенія Финляндіи, къ чему можетъ привести уступчивость».

Любопытно, однако, что, по словамъ той же газеты, въ мѣстномъ обществѣ начинаютъ все чаще и чаще раздаваться голоса, порицающіе свою печать. «Финл. Газета» отмѣчаетъ интересную междоусобную войну, разыгравшуюся недавно въ мѣстной печати по вопросу о русскомъ языкѣ. Дѣло въ томъ, что агитація нѣкоторыхъ сепаратистовъ-политиковъ, вызванная послѣдними законами, дала совершенно неожиданные для агитаторовъ результаты, о которыхъ и не побоялась сказать одна старая мѣстная газета. По словамъ «Финл. Газеты», воюющія стороны выяснили, *что финскій народъ не видитъ ничего неблагопріятнаго для себя во введеніи русскаго языка въ дѣлопроизводство* нѣкоторыхъ административныхъ учрежденій края, ибо понимаетъ, что его родному языку нѣтъ отъ того никакого ущерба; что также относится онъ и къ другимъ мѣропріятіямъ, имѣющимъ въ виду необходимое въ единомъ и нераздѣльномъ государствѣ единеніе окраины съ коренною имперіею. Оказалось это, между прочимъ, изъ финскихъ газетъ, главнымъ образомъ изъ статей газеты «Uusi Suometar» — и вотъ возгорѣлась цѣлая газетная война, въ которой шведскія газеты—гельсингфорскія «Hufvudstadsbladet» и «Aftonposten», и нѣкоторыя провинціальныя—выступили противъ «Uusi Suometar» во всеоружіи страшныхъ, какъ имъ казалось, обвиненій этой довольно пожилой (32-ой годъ изданія) «Новой дочери суоми» въ томъ, что она стала офиціозною, что обратилась въ «Губернскія Вѣдомости», что цензура будто бы не позволяетъ даже вступать съ нею въ споръ. Полемика между шведскою и финскою печатью разыгралась великая, и неизвѣстно еще, когда она закончится. Одно можно сказать и теперь: результатомъ этой полемики является то, чего едва ли желали обѣ спорящія стороны, именно разсѣяніе тумана, выясненіе истиннаго положенія дѣлъ на финляндской окраинѣ въ такомъ видѣ, какой едва ли желателенъ мѣстнымъ политикамъ шведоманскаго и финноманскаго лагерей».

Одна ласточка, конечно, не дѣлаетъ весны, но важенъ починъ. Результаты возникшей между финскими газетами полемики по вопросу о русско-финляндскихъ дѣлахъ могутъ быть полезны не только для самыхъ финляндцевъ, но и для насъ, русскихъ. «Домашній споръ» откроетъ глаза финскому народу, что не все то, хорошо что̀ исходитъ изъ шведоманскаго и финноманскаго лагерей, и не все то плохо, что̀ исходитъ изъ Петербурга. Намъ же, русскимъ, этотъ «домашній споръ» поможетъ лучше ориентироваться въ интересахъ нашей негостепріимной окраины, ставшей подъ усердную защиту нашей псевдо-либеральной газетчины, по праву инородства и первородства.

Русское дѣло въ Финляндіи понесло крупную потерю въ лицѣ недавно скончавшагося скромнаго учителя русскихъ гельсингфорскихъ гимназій Константина Ивановича Якубова. Имя этого рус-

Digitized by Google

скаго дѣятеля нашей финляндской окраины мало извѣстно русской публикѣ, а съ его литературными трудами еще менѣе знакомъ кто либо. А между тѣмъ справедливость требуетъ сказать, что имя покойнаго Якубова должно быть поставлено рядомъ съ почтеннымъ именемъ К. Ф. Ордина, когда рѣчь заходитъ объ отношеніяхъ Финляндіи къ Россіи. Онъ много и честно работалъ въ сферѣ такъ называемаго «финляндскаго вопроса», съ талантомъ и непоколебимымъ упорствомъ отстаивая русскіе государственные интересы.

Покойный Якубовъ, зная прекрасно финскій языкъ (онъ родился въ Финляндіи), всесторонне принялся за изученіе финляндской исторіи и «финляндскаго вопроса». Нѣсколько лѣтъ онъ посвятилъ собиранію матеріала, работая въ государственныхъ архивахъ Стокгольма, Москвы и Петербурга, для своей диссертаціи: «Россія и Швеція» въ первой половинѣ XVII в. Къ сожалѣнію, онъ не успѣлъ кончить этой работы. Постоянная журнальная работа и труды въ различныхъ комиссіяхъ требовали у него всего досуга. Уже на второй годъ по окончаніи курса (въ 1884 г.) онъ былъ приглашенъ для участія въ комиссіи Вейсенберга, приступившей въ 1885 г. къ составленію «Проэкта формы правленія Вел. Кн. Финляндскаго». Нужно было перевести этотъ проэктъ и многочисленные къ нему коментаріи. Переводъ былъ сдѣланъ кѣмъ-то изъ финляндцевъ, но оказался совершенно непригоднымъ. Тогда указали на Якубова, который не только перевелъ всѣ труды комиссіи, но и составилъ къ нимъ обстоятельный коментарій («Замѣчанія», изданныя въ Гельсингфорсѣ въ 1889 г.), наглядно показавъ полную несостоятельность проэкта и крайнюю односторонность сопровождавшихъ его замѣчаній. Въ то же время Якубовъ составилъ также «Сборникъ» основныхъ законовъ Финляндіи, который явился первымъ матеріаломъ для изученія административнаго строя этого края.

«Изучая проэкты комиссіи Вейсенберга,—говоритъ г. Абовъ,—К. И. былъ изумленъ той тенденціозностью, которая сказалась въ нихъ. Комиссія намѣтила рядъ такихъ статей, которыми *верховная власть оказалась бы совершенно ограниченной въ Финляндіи*. Такъ напримѣръ, проэктированная «форма правленія» требовала, чтобы «императоръ и великій князь», при своемъ вступленіи на престолъ, обязательно подписалъ хартію финляндскихъ привилегій (§ 3), чтобы ни одинъ актъ, не контрасигнированный министромъ статсъ-секретаремъ изъ финляндцевъ, не имѣлъ значенія закона (§ 17), чтобы безъ согласія земскихъ чиновъ края нельзя было производить наборъ войска (§ 50) и т. д. Якубовъ, понявъ, что финляндцы въ своихъ домогательствахъ заходятъ слишкомъ далеко, и что эти домогательства, будучи осуществлены, неизбѣжно повредятъ государственнымъ интересамъ имперіи, сталъ разоблачать ихъ со всей силой своей недюжинной аргументаціи. На эту борьбу съ чрезмѣрными домогательствами финляндцевъ ушли его послѣдніе годы. Якубовъ раньше видѣлъ и понималъ, куда клонятся желанія финляндцевъ; но то были летучія газетныя статьи или академическія пререканія; теперь же они, путемъ новаго законодательства, готовились *увѣнчать свои теоріи*. Смотрѣть на все это равнодушно

Digitized by Google

онъ долѣе не могъ и взялся, на свой рискъ и страхъ, за перо публициста, горячо проникнувшись своими убѣжденіями. Въ то время, когда онъ выступилъ со своими статьями, нужно было имѣть немало гражданскаго мужества, чтобы говорить противъ финляндцевъ, успѣвшихъ стяжать себѣ названіе «лойяльныхъ». По необходимости онъ скрывался за разными псевдонимами. Да и впослѣдствіи, когда развернулась его огромная начитанность въ финляндскомъ вопросѣ и высказался его устойчивый характеръ, онъ все таки оставался въ тѣни и за кулисами, чтобы не раздражать гг. финляндцевъ, которымъ онъ не былъ угоденъ. О его знаніи того дѣла, за которое онъ взялся, свидѣтельствуютъ всѣ его работы и статьи. Онъ боролся за цѣльность Россіи, не раздѣляя толкованій финляндцевъ объ ихъ «государствѣ», объ «уніи», «финляндскомъ подданствѣ» и т. п. вопросахъ. Въ борьбѣ съ финляндской печатью онъ оцѣнивалъ все съ русской государственной и русской политической точки зрѣнія и то, что̀ ему съ этой точки зрѣнія казалось нежелательнымъ и вреднымъ, онъ отметалъ и разоблачалъ, не допуская при этомъ никакихъ компромиссовъ. Финляндская печать причислила его къ числу «враговъ» и «недоброжелателей» края, утверждая, что онъ озлобленно «нападалъ» на все финляндское. Тутъ кроется печальное недоразумѣніе. «Финноненавистникомъ» Якубовъ никогда не былъ и быть не могъ»...

Этимъ попрекомъ финны позаимствовались прямо у юдофиловъ.

Якубовъ родился въ Финляндіи, и тамъ прошли его лучшіе годы. Онъ любилъ финскій народъ, говорилъ на его языкѣ. О его любви къ Финляндіи свидѣтельствуютъ многочисленныя статьи, напечатанныя въ «Новомъ Времени», «Новостяхъ», «Вѣстникѣ Европы» и др. изданіяхъ. Онъ желалъ Финляндіи добра, но осуждалъ искусственное обособленіе края отъ Россіи. Онъ указывалъ только на ошибки финскихъ публицистовъ въ ихъ политическихъ отношеніяхъ къ Россіи, но былъ вполнѣ чуждъ въ своихъ спорахъ какихъ либо передержекъ и подтасовокъ; у него не замѣчается той квасной тенденціи, которая безъ разбору порицаетъ все чужое и хвалитъ свое. Покойный Якубовъ,—повторяемъ,—былъ честный, убѣжденный и искренній патріотъ-публицистъ. Русское дѣло въ финляндской окраинѣ потеряло въ лицѣ его крупнаго и честнаго дѣятеля. Слѣды его работъ долго не изгладятся со страницъ исторіи русско-финляндскаго вопроса.

Русскому обществу приходится вести борьбу за національное русское дѣло не только на нашихъ окраинахъ, добытыхъ оружіемъ русскаго народа и стоившихъ ему колоссальныхъ средствъ, матеріальныхъ и нравственныхъ:—и внутри нашего государства есть элементы, съ которыми необходимо бороться и борьба съ которыми,—нужно сознаться, —крайне утомительна и небезопасна. Элементы эти—наши жиды, расползшіеся по всей Россіи и забывшіе совершенно о существованіи «черты осѣдлости»... Борьба съ этимъ губительнымъ элементомъ ведется, — какъ мы не разъ уже говорили, — на экономической и на политической почвѣ. Врагъ

Digitized by Google

этотъ неуловимъ, потому что за свою тысячелѣтнюю гешефтмахерскую дѣятельность онъ развилъ въ себѣ такія черты скрытности, безчестности и обмана, съ которыми нашему народу, воспитанному на христіанскихъ, а не талмудическихъ началахъ, тяжело бороться. Народъ еврейскій выработалъ своеобразный принципъ: «гоимскій законъ существуетъ для дураковъ (по талмудическому пониманію ума), а не для *умныхъ* жидковъ».

Поэтому мы, въ еврейскомъ вопросѣ, на каждомъ шагу встрѣчаемся съ обходомъ закона и надувательствомъ русскихъ властей. Недавно на лонѣ «матери русскихъ городовъ» въ Кіевѣ мѣстная полиція обнаружила пребываніе нѣсколькихъ тысячъ евреевъ, не имѣющихъ права на жительство въ этомъ городѣ. Всѣ они были прописаны подъ именемъ «рабочаго и ремесленнаго» люда. При провѣркѣ же оказалось, что тысячи псевдо-«мостовщиковъ», «жестяниковъ», «носильщиковъ» изъ евреевъ—никогда этими ремеслами не занимались!! Вызванные ремесленной управой для провѣрки «знаній» въ мостовомъ дѣлѣ, жиды, конечно, не явились. На вторичный вызовъ жиды-мостовщики соблаговолили явиться, и только потому, конечно, что боялись, какъ бы ихъ полиція не привела «силою». Не только Кіеву, но и всему міру представилось небывалое зрѣлище: кіевскіе «мостовщики» изъ жидковъ оказались настоящими франтами, въ смокингахъ, цилиндрахъ и котелкахъ на головѣ, съ крупными брилліантовыми перстнями на рукахъ. Насъ удивляетъ въ этой картинѣ не то, что есть жиды-мостовщики, которые никогда этимъ дѣломъ не занимались, что есть жиды-носильщики кладей, которые занимаются только «пурцентами»,—насъ удивляетъ совсѣмъ другое. Чего же смотрѣла кіевская ремесленная управа, выдавая щедро жидамъ свидѣтельства разныхъ «мостовщиковъ», «жестяниковъ», «носильщиковъ» и пр.»?! Неужели она выдаетъ эти свидѣтельства каждому пожелавшему получить и отнюдь не справляясь съ дѣйствительными познаніями въ ремеслѣ? Вамъ нужно свидѣтельство «мостовщика? Извольте»! — Далѣе. Неужели кіевская полиція не знала, чѣмъ занимаются эти «мостовщики» и «жестяники»? Какъ—подумаешь—наивна наша полиція!—Франта въ цилиндрѣ, съ брилліантами на рукахъ, она легко принимаетъ за «мостовщика»! Неужели никто и не видѣлъ, что жиды нагло «обходятъ» законъ?!!

Беззаконное разселеніе жидовства по Россіи идетъ быстрыми шагами. Мало того: въ этомъ поступательномъ шествіи имъ помогаютъ усердно другіе. Недавно въ «Вѣдомостяхъ Спб. Градоначальства» объявлено слѣдующее распоряженіе и. д. с.-петербургскаго градоначальника В. Э. Фриша:

«Содержательница меблированныхъ комнатъ въ домѣ № 42, по Казанской улицѣ, *вдова генералъ-майора* (sic!) Матильда Жансонъ,—какъ установлено дознаніемъ мѣстной полиціи, — *укрывала въ своихъ меблированныхъ комнатахъ, въ теченіе трехъ сутокъ, безъ прописки двухъ евреевъ*, не располагающихъ правомъ жительства въ столицѣ. Имѣя въ виду, что г-жа Жансонъ *уже ранѣе неоднократно привлекалась къ отвѣтственности* за нарушеніе обязательнаго постановленія объ объявленіи полиціи о прибывающихъ

Digitized by Google

въ дома и выбывающихъ изъ нихъ, и за умышленное укрывательство отъ полиціи пріѣзжающихъ въ содержимыхъ ею меблированныхъ комнатахъ евреевъ, не располагающихъ правомъ на жительство въ столицѣ,—я признаю нужнымъ подвергнуть на этотъ разъ г-жу Жансонъ штрафу *въ 300 рублей*, съ замѣною такого при неуплатѣ арестомъ на два мѣсяца».

Въ обходѣ закона и разныхъ узаконеній по еврейскому вопросу наши жиды положительно виртуозы. Для проживанія въ городѣ внѣ черты «еврейской осѣдлости»—еврей долженъ уплачивать первую гильдію. Но кіевскіе евреи и тутъ ухитрились обойти законъ. Они записываются въ прикащики къ первогильдейнымъ богатымъ еврейскимъ купцамъ, сами платятъ за прикащичье свидѣтельство и, кромѣ того, еще уплачиваютъ извѣстную сумму тому купцу 1-й гильдіи, который изъявитъ согласіе принять ихъ въ прикащики. Какъ это допускается въ Кіевѣ,—неизвѣстно, но вотъ какъ въ этомъ случаѣ поступаютъ въ Нижнемъ Новгородѣ.

На нижегородской ярмаркѣ, гдѣ существуетъ особая еврейская комисія, образованная начальникомъ губерніи для провѣрки правъ евреевъ, прибывающихъ на ярмарку, въ числѣ пріѣзжающихъ оказывается немало такихъ евреевъ-прикащиковъ, и они, согласно постановленію нижегородской ярмарочной еврейской комисіи, въ большинствѣ признавались не имѣющими права проживать внѣ черты еврейской осѣдлости и выдворялись изъ ярмарки. Это постановленіе комисіи было сдѣлано на точномъ основаніи опредѣленія общаго собранія 1-го и кассаціоннаго департаментовъ сената 7 марта 1888 г., № 5. Опредѣленіе это не отмѣнено до настоящаго времени и напечатано во 2-мъ (послѣднемъ) изданіи М. Мыша: «Руководство къ русскимъ законамъ о евреяхъ», стр. 148. Въ этомъ опредѣленіи сказано: «Правительствующій сенатъ призналъ, что евреи купцы 1-й гильдіи, законно приписанные въ купечество городовъ внутреннихъ губерній и тамъ проживающіе, могутъ брать въ прикащики евреевъ же *только такихъ, которые пріобрѣли уже безусловное право на постоянное жительство въ сихъ губерніяхъ* и могутъ быть прикащиками».

По всей вѣроятности на это рѣшеніе сената въ Кіевѣ не обращается особаго вниманія. Неужели это постановленіе неизвѣстно кіевской администраціи?!

Талантливый, многосторонне-образованный и ученый профессоръ-богословъ, несравненный педагогъ-устроитель и руководитель нашей духовной академіи, крупный церковно-общественный дѣятель, протопресвитеръ І. Л. Янышевъ праздновалъ пятидесятилѣтній юбилей своего служенія русской церкви на пользу и благо русской богословской науки.

Юбиляръ былъ и замѣчательнымъ проповѣдникомъ. По содержанію своему, всѣ проповѣди о. Іоанна Леонтьевича служили болѣе или менѣе прямымъ и непосредственнымъ отвѣтомъ съ церковной каѳедры на важнѣйшія явленія и запросы современной ему русской церковно-общественной жизни и мысли. Съ церковной каѳедры онъ старался всегда внѣдрять въ умы и сердца слушателямъ истинный

Digitized by Google

православно-христіанскій взглядъ на все живое и окружающее, поставить ихъ и удержать на пути истинно-христіанскаго мышленія и образа жизни. Добро и зло русской современности, всѣ господствующія въ ней общественныя движенія, направленія и колебанія находили себѣ отголосокъ въ его проповѣдяхъ. Освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостнаго рабства, вся великая просвѣтительная эпоха императора Александра II, мирное царствованіе Александра III—было предметомъ высоко-художественныхъ поученій о. протопресвитера. Въ своей церковной проповѣди о. Іоаннъ Леонтьевичъ,—какъ человѣкъ просвѣщенный и чуткій къ «знаменіямъ времени»,—съ полною отзывчивостью и глубокимъ христіанскимъ пониманіемъ занимался раскрытіемъ и разъясненіемъ великаго дара Божія — «быть свободнымъ», свободно жить, свободно мыслить и служить Богу, Царю и родинѣ.

Какъ человѣкъ науки и представитель высшаго образованія въ Россіи, І. Л. всегда живо интересовался успѣхами народнаго образованія въ Россіи; старался разъяснять основы христіанскаго образованія.

Юбиляръ—первый у насъ въ Россіи—попытался поставить нравственное богословіе, какъ *науку*. Бывшіе до него опыты построенія системы богословія, строго говоря, не носятъ научнаго характера. Заслуга его для науки нравственнаго богословія особенно ощутительна и незабвенна. Онъ первый положилъ у насъ основаніе этой наукѣ и далъ сильный толчокъ дальнѣйшему ея развитію.

Такимъ образомъ, имя о. І. Л. Янышева неразрывно связано и съ исторіею русскаго проповѣдничества, и съ исторіею православнаго нравственнаго богословія. Мы отъ души желаемъ уважаемому о. протопресвитеру еще много лѣтъ жизни на пользу русской церкви и русскаго общества.

Два слова о нашихъ юбилеяхъ и чествованіяхъ.

Литературныя празднества и чествованія носятъ у насъ всегда специфическій оттѣнокъ. Заранѣе можно сказать, кто изъ застольныхъ ораторовъ выкинетъ какое «колѣнце». Недавно праздновался 40-лѣтній юбилей П. Д. Боборыкина. Говорилъ рѣчь, конечно, и г. Спасовичъ, никогда не упускающій такихъ удобныхъ случаевъ. Ему хотѣлось не столько возвеличить юбиляра, сколько въ тысячу первый разъ высказаться по адресу Россіи и Польши. Проводя чисто количественную параллель между произведеніями юбиляра и польскаго писателя Крашевскаго (оба они написали — шутка сказать!—по 40 томовъ) г. Спасовичъ сказалъ, что оба эти писателя не служили, т. е. не состояли на государственной службѣ.

Здѣсь онъ не преминулъ бросить упрекъ Россіи: «Боборыкинъ,—по его словамъ,—*не хотѣлъ* служить, а Крашевскій—*не могъ*. Почему *не могъ?* Этого онъ не объяснилъ. Но въ этомъ добавленіи и нѣтъ нужды: Крашевскій не могъ служить, конечно, потому, что онъ былъ *полякъ*... Странно г. Спасовичу не знать, что тысячи поляковъ въ С.-Петербургѣ служатъ, занимаютъ крупные посты и даже командуютъ русскими чиновниками. Не думаемъ, чтобы онъ этого не зналъ. Зачѣмъ же онъ говоритъ это?

Digitized by Google

Есть и другая непохвальная замашка у нашихъ застольныхъ ораторовъ.

У насъ на Руси доселѣ были такъ называемые «свадебные» и «поминальные генералы». Теперь же завелись у насъ и «застольные генералы». Послѣдніе примазываются къ каждому «живому и мертвому тѣлу» не съ цѣлью воздать должное живымъ или почившимъ, а съ единственнымъ желаніемъ — выставить себя въ выгодномъ свѣтѣ предъ почтеннѣйшей публикой.

Союзъ русскихъ (?) писателей устроилъ въ память извѣстнаго нашего философа В. С. Соловьева литературно-музыкальный вечеръ. На этомъ вечерѣ читали и декламировали наши *присяжные* литераторы. П. И. Вейнбергъ,—безъ него ни одно торжество не обходится!—прочиталъ стихотвореніе покойника. Кн. В. В. Барятинскій прочиталъ воспоминанія Кузьмина-Караваева о Соловьевѣ. Въ теченіе 20-лѣтняго знакомства съ философомъ-публицистомъ онъ сдѣлалъ крупное наблюденіе надъ нимъ. Покойный В. С. ужасно любилъ пріобрѣтать популярность среди дворниковъ и швейцаровъ, среди горничныхъ и остальной прислуги, съ каковою цѣлью щедро раздавалъ имъ «на чаи». Г. Арабажинъ прочиталъ рефератъ о покойномъ философѣ, какъ о національномъ публицистѣ. Хотя покойный иногда и правильно трактовалъ національный вопросъ; но все таки, по мнѣнію лектора, не мѣшало бы ему поучиться этому вопросу у г. Арабажина. Л. Оболенскій, — о, это большой руки философъ: — указалъ также на то, что Соловьеву не мѣшало бы поучиться философіи, хотя бы у него, г. Оболенскаго. М. М. Филипповъ, «докторъ философіи», въ своемъ чтеніи о Соловьевѣ:—«Идолы и Идеалы»,—до того запутался, что не могъ рѣшить, о чемъ трактовалъ нашъ философъ—объ идолахъ или идеалахъ. Но зато г. Филипповъ, своими «увлекательными» жестами и движеніями, привелъ молодую публику въ телячій восторгъ. При этомъ онъ яростно громилъ московскихъ націоналистовъ и консерваторовъ. Г. Арабажинъ также разносилъ русскихъ націоналистовъ и консерваторовъ, и также не менѣе яростно грозилъ Москвѣ...

Гдѣ бы и при какихъ бы условіяхъ ни ораторствовали наши такъ называемые «либеральные» витіи, они всегда начнутъ за здравіе, а кончатъ за упокой, — т. е. бранью по адресу націоналистовъ. Націонализмъ у нихъ просто застрялъ въ горлѣ. Виноваты или невиноваты московскіе націоналисты, но имъ, какъ пробному «туркѣ» на гимнастикѣ, всегда и при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ больно достается по шапкѣ.

А подъ шумомъ этихъ яростныхъ нападокъ на *русскій націонализмъ*, процвѣтаютъ и ширятся у насъ всевозможныя *инородческія претензіи*...

Мы не успѣли уще окончить нашего внутренняго обозрѣнія, какъ вся Россія была взволнована извѣстіями о состояніи здоровья Государя Императора, временно пребывающаго, ради отдохновенія и болѣе благопріятныхъ климатическихъ условій, на южномъ берегу Крыма, въ Ливадіи. Первое извѣстіе сообщало только объ

Digitized by Google

инфлуэнцѣ въ легкой формѣ, и, въ виду маловажности болѣзни, постоянные бюллетени о ходѣ выздоровленія признавались излишними. Затѣмъ болѣзнь осложнилась тифозными явленіями, которыя, къ счастію, не получили никакого угрожающаго характера. По послѣднимъ бюллетенямъ (отъ 5 и 6 ноября) «общее состояніе Государя удовлетворительно», самочувствіе хорошее, и нормальный сонъ освѣжаетъ его силы.

Не только вся Россія, но и всѣ мыслящіе люди Западной Европы, оцѣнившіе миролюбивую и просвѣщенную политику Русскаго Царя, шлютъ Августѣйшему Больному самыя искреннія и сердечныя пожеланія о скорѣйшемъ возстановленіи его драгоцѣннаго здоровья.

Digitized by Google

ФОНОГРАФЪ.

(Фельетонъ «Наблюдателя»).

ПО БѢЛУ СВѢТУ.

(Замѣтки и наблюденія).

Юбилейный герой.—Любопытный образчикъ писателя, много читаемаго, но мало любимаго. — Разгадка этого явленія, данная на самомъ юбилеѣ.—Г. Андреевскій, оригинально привѣтствовавшій П. Д. Боборыкина.—«Веселый культуртрегеръ», лишенный души и «внутренней подоплеки».—Идемъ ли мы въ яму, по увѣренію г. Спасовича?—Заигрываніе г. Боборыкина съ космополитизмомъ и война съ «расовой нетерпимостью».—Кто виноватъ въ этой нетерпимости? — Армяне на Кавказѣ и жиды, заѣдающіе Крымъ. — Преступленіе феодосійскаго земства противъ всемірнаго кагала и репримандъ ему со стороны прокаженной прессы.—Въ Россіи ли мы живемъ?

I.

Кто не знаетъ имени г. Боборыкина? Кто не читалъ его произведеній,—для одного перечня которыхъ понадобилось пять страницъ въ энциклопедическомъ словарѣ г. Венгерова,—или, по крайней мѣрѣ, не слыхалъ о нихъ?! И, тѣмъ не менѣе, литературная участь этого писателя оказывается довольно плачевною, а самъ онъ многократно, въ бесѣдахъ съ интервьюерами и въ спичахъ на застольныхъ обѣдахъ, жаловался на свою постоянную борьбу съ равнодушіемъ публики. За потокомъ его литературной—не скажу: славы, а извѣстности, всегда слѣдовала довольно широкая и назойливая струя какого-то полу-ироническаго, полу-пренебрежительнаго отношенія къ этой самой извѣстности, и въ то время, когда почтенный г. Боборыкинъ являлся, по его словамъ, «любимымъ гостемъ» въ популярныхъ журналахъ, на страницахъ тѣхъ же журналовъ появлялись разныя шутливыя выходки на его счетъ и, лишенныя всякаго респекта, производственныя слова въ родѣ: «бо-

Digitized by Google

борыканье», «боборыкать» etc. Какъ бы кто ни думалъ о литературномъ значеніи Писемскаго или Достоевскаго, но никому еще не приходило въ голову сокращать ихъ собственные имена въ Писъ-писъ или До-до, какъ это пробовали дѣлать съ именемъ г. Боборыкина — и притомъ вовсе не «хихикающіе жидишки», довольно благосклонные къ этому писателю и даже видящіе въ немъ, такъ сказать, своего человѣка...

«Pas de fumée sans feu», и въ основѣ этого несерьезнаго отношенія къ заслуженному беллетристу долженъ же быть какой нибудь оправдательный мотивъ. И такой мотивъ имѣется въ дѣйствительности, такъ что разысканіемъ его занялся, на самомъ юбилейномъ обѣдѣ, одинъ изъ сотрапезниковъ юбиляра...

Не смотря на свой довольно значительный беллетристическій талантъ, г. Боборыкинъ никогда не былъ не только «властителемъ думъ» (на эту роль не претендуетъ и самъ скромный юбиляръ), но даже и любимцемъ публики, которая зачастую даритъ свои симпатіи писателямъ, гораздо менѣе даровитымъ. Замѣчательно, что при всей номинальной извѣстности произведеній г. Боборыкина, выведенные имъ типы отнюдь не запечатлѣлись въ памяти читателей, не обратились въ ходячіе термины для характеристики цѣлыхъ полосъ нашего общественнаго развитія, а прошли безслѣдно, потонувъ въ безбрежномъ морѣ печатной макулатуры. Между «героями» г. Боборыкина не найдется не только ни одного Онѣгина, Печорина или Рудина, но даже Лаврецкаго или Тамарина.. Ни одно собственное имя этихъ героевъ не претворилось въ нарицательное, подобно имени ихъ автора, сдѣлавшагося синонимомъ весьма искуснаго, но мало глубокаго литературныхъ дѣлъ мастера.

Юбилей П. Д. Боборыкина имѣлъ двѣ стадіи, въ обѣихъ нашихъ столицахъ—и штатной, и заштатной. Московское торжество сошло довольно благополучно для юбиляра, если не считать непріятнаго инцидента въ театрѣ, на представленіи пьесы «виновника торжества». Но въ петербургской стадіи юбилея празднество это уже восприняло въ себя ту комическую струю, которая всегда сопутствуетъ литературному шествію плодовитаго романиста. Одинъ изъ участниковъ обѣда, присяжный повѣренный Андреевскій,—можетъ быть, и въ отместку за «прелюбодѣевъ мысли», нѣкогда затронутыхъ г. Боборыкинымъ,—принялся entre deux vins рисовать цѣлый литературный портретъ юбиляра, безъ всякаго желанія польстить ему... Г. Андреевскій считаетъ юбиляра «веселымъ, неутомимымъ культуртрегеромъ», который занятъ больше рисовкой внѣшней стороны предметовъ, чѣмъ углубленіемъ въ ихъ внутреннее содержаніе. «Въ своихъ первыхъ произведеніяхъ, — пронизиро-

Digitized by Google

валъ ораторъ,—онъ избѣгалъ даже употреблять слово «душа». Вотъ это-то *отсутствіе внутренней подоплеки* и составляетъ главную причину его малаго вліянія на читателя. Онъ долженъ былъ считаться съ славянскою натурою и, *не находя въ себѣ чего-то главнаго*,—что отвѣчаетъ тайнымъ запросамъ читателей и господствующимъ настроеніямъ русскаго общества,—*обязанъ примириться съ тѣмъ, что другіе писатели съ меньшими дарованіями пользуются несравненно-большими успѣхами у русской публики*». Въ дальнѣйшемъ развитіи своихъ ироническихъ мыслей г. Андреевскій аттестовалъ юбиляра, какъ слѣпаго поклонника европейской «культуры»,—до новомодныхъ женскихъ чулокъ включительно, — и даже припомнилъ «щегольскіе» костюмы самого юбиляра, видѣвшаго въ нихъ послѣднее слово цивилизаціи.

Слушая эту привѣтственную рѣчь, г. Боборыкинъ могъ припомнить того гоголевскаго героя, который, вмѣсто того чтобы сказать что нибудь «въ профитъ» о своемъ знакомомъ передъ невѣстой, только повредилъ ему въ жениховскихъ исканіяхъ.

Сравнивая г. Боборыкина, какъ позитивиста, съ Флоберомъ и Золя, г. Андреевскій находитъ даже, что въ изгнаніи души, какъ «мистическаго» элемента изъ своихъ твореній, нашъ романистъ дѣйствуетъ много прямолинейнѣе своихъ первоучителей, и его психологію можно было бы даже назвать «мозгологіей»...

Мы не знаемъ, какъ отнеслась аудиторія г. Андреевскаго къ этой попыткѣ критическаго анализа, но въ ней несомнѣнно была очень крупная частица—хотя и горькой для юбиляра—правды. Хронологически «сынъ шестидесятыхъ годовъ», г. Боборыкинъ совсѣмъ не уловилъ *души* того общественнаго движенія, которое, не смотря на его преходящія крайности и увлеченія, носило въ себѣ плодовитый зародышъ лучшаго будущаго, и въ своей «Библіотекѣ для чтенія» сталъ даже на сторону реакціи, еще задолго до появленія извѣстнаго сорта публицистовъ, стремившихся поставить «точку къ реформамъ». Этого обстоятельства русская публика долго не могла простить г. Боборыкину, не смотря на его раскаяніе и на готовность примкнуть къ прогрессивному журнальному лагерю. Въ самой этой готовности всегда подозрѣвалась нѣкоторая неискренность, вынужденная обстоятельствами. Европеизмъ г. Боборыкина имѣлъ слишкомъ поверхностный характеръ и для него шолковые чулки со стрѣлками имѣли, пожалуй, значительность неменьшую, чѣмъ глубокіе общественные катаклизмы. Гоняясь во что бы то ни стало за ловлею «моментовъ» и самыхъ свѣжихъ явленій, онъ весьма мало останавливался надъ діагнозомъ ихъ внутренней сущности, и въ своихъ беллетристическихъ вещахъ, красиво и литературно отдѣланныхъ, аттестовалъ себя больше умнымъ

Digitized by Google

фельетонистомъ, чѣмъ проницательнымъ психологомъ-художникомъ. Поэтому и созданные имъ «характеры» имѣютъ въ себѣ очень мало характеристическаго и не отложились въ памяти читателей съ тою рельефностью живыхъ образовъ, какая отмѣчаетъ созданія дѣйствительно глубокихъ и широко мыслящихъ художниковъ. Отсюда и жалобы г. Боборыкина на холодность къ нему со стороны публики, на отсутствіе того «энтузіазма», съ которымъ встрѣчались у насъ произведенія крупныхъ романистовъ, захватывавшихъ не одну только внѣшность, а и сокровенный смыслъ изображаемой ими картины общественной жизни. Только искреннее и сильное увлеченіе самого писателя,—помимо таланта, а еще лучше въ соединеніи съ нимъ,—можетъ увлечь до энтузіазма его читателей, а что «ни тепло, ни холодно», то не возвышаетъ и температуры общественнаго вниманія...

II.

Отмѣчая ту же черту поверхностнаго, а не проникновеннаго отношенія г. Боборыкина къ калейдоскопу общественной жизни, И. С. Тургеневъ, въ своемъ письмѣ къ М. Е. Салтыкову, тоже не увлекавшемуся писаніями почтеннаго беллетриста, справедливо говорилъ: «То, что вы мнѣ пишете о Боборыкинѣ (очевидно, писалось что-то совсѣмъ не лестное) *меня не удивляетъ*. Я легко могу представить его себѣ на развалинахъ міра, *строчащаго романъ, въ которомъ будутъ воспроизведены самыя послѣднія «въянія»* погибающей земли. Такой *торопливой плодовитости нѣтъ другого примѣра въ исторіи всѣхъ литературъ*. Посмотрите, онъ кончитъ тѣмъ, что *будетъ возсоздавать жизненные факты за пять минутъ до ихъ зарожденія»*.

Отбросимъ въ сторону всѣ юбилейные комплименты—и мы согласимся, что въ этомъ меткомъ опредѣленіи знаменитаго романиста, справедливо увлекавшаго до энтузіазма всю русскую интелигентную публику, заключается больше правды, чѣмъ во всѣхъ рѣчахъ, произнесенныхъ на этомъ торжествѣ, во всѣхъ письмахъ и толеграммахъ, адресованныхъ юбиляру. De mortuis aut bene, aut nihil, но П. Д. Боборыкинъ, слава Богу, не покойникъ (и мы желаемъ ему дожить до полнаго пятидесятилѣтняго юбилея); стало быть, и канонизировать его заживо не представляется никакой надобности. При немъ останутся, какъ неотъемлемыя качества, его наблюдательный, образованный умъ, его выдающійся художественный талантъ, умѣнье ловко комбинировать житейскія явленія въ одну стройную картину; но быть вождемъ и кумиромъ, хотя бы одного своего поколѣнія, «глаголомъ жечь сердца людей»—для этой роли природа совсѣмъ не отмѣтила г. Боборыкина, какъ бы обид-

Digitized by Google

чиво онъ на это ни жаловался. Довольно съ него и того, что̀ есть. У другихъ «корифеевъ» современной беллетристики не найдется и этихъ вѣскихъ достоинствъ.

Тургеневъ говорилъ, что такой «торопливой плодовитости», какая замѣчается у г. Боборыкина, не найдется ни въ одной исторіи литературы. Но г. Спасовичъ, какъ бы исправляя эту ошибку, напомнилъ на боборыкинскомъ юбилеѣ, что такою же точно плодовитостью отличался и польскій писатель Крашевскій. Онъ могъ бы еще упомянуть о Дюма-отцѣ, если не сынѣ. Само собой разумѣется, что плодовитость не знаменуетъ собой ни силы, ни глубины таланта, и г. Спасовичъ едва ли хотѣлъ возвеличить г. Боборыкина, сравнивъ его съ второстепеннымъ польскимъ романистомъ. Но умыселъ у него и былъ другой. Какъ онъ произносилъ рѣчь о Пушкинѣ со спеціальною цѣлью—бросить его «подъ нозѣ» Мицкевичу и пройтись насчетъ превосходства польской исторіи надъ русскою, такъ и въ данномъ случаѣ ему нужно было извлечь изъ всѣхъ произведеній юбиляра только одну руководящую идею — о томъ, что мы «идемъ въ яму». Какую это *яму* подразумѣваетъ г. Спасовичъ и кто ведетъ въ нее несчастную Россію,—объ этомъ ораторъ благоразумно умолчалъ, такъ какъ при сей оказіи ему пришлось бы раскрыть нѣкоторыя свои козырныя карты...

Но г. Боборыкинъ, отвѣчая на всѣ привѣтствія,—въ томъ числѣ и на рѣчь г. Спасовича, — довольно откровенно раскрылъ одну изъ этихъ картъ. Путь къ роковой «ямѣ»—это, изволите ли видѣть, та *расовая нетерпимость*, которая будто бы замѣчается въ современной русской литературѣ. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что подъ этимъ нѣсколько езоповскимъ терминомъ г. Боборыкинъ разумѣетъ то *національстическое направленіе*, которое, — не смотря на всѣ препятствія, клеветы и перетолкованія противниковъ, — начинаетъ неудержимо распространяться въ русскомъ обществѣ, доросшемъ до поры національнаго самосознанія и не увлекающемся всякимъ «послѣднимъ словомъ» европейской цивилизаціи, въ родѣ faux coll'ей или шолковыхъ чулковъ со стрѣлками... Это національное самосознаніе, дѣйствительно, крѣпнетъ и растетъ не по днямъ, а по часамъ (недаромъ же работали для него всѣ великіе люди нашей исторіи!), и вотъ оно-то именно и застряло коломъ въ горлѣ у нашихъ показныхъ космополитовъ, радѣющихъ въ сущности о всякой другой національности, кромѣ русской. Тотъ же Тургеневъ, — какъ бы предвидя появленіе у насъ космополитизма, — говорилъ когда-то, что «космополитъ — нуль, хуже нуля», что національность есть физіономія народа и только «пошлое лицо возможно безъ опредѣленной физіономіи». Умный А. Д. Градовскій признавалъ народность «естественнымъ, нормальнымъ основаніемъ

Digitized by Google

государства». По его мнѣнію, самое назначеніе государства опредѣляется ближайшимъ образомъ всесторонними цѣлями народной культуры, и «государство, въ тѣсномъ смыслѣ, есть ничто иное, какъ политико-юридическая форма народности». Подвергая остроумной критикѣ нѣкоторыя положенія зачаточнаго славянофильства, Градовскій признавалъ, однако, за нимъ ту же несомнѣнную заслугу въ развитіи народнаго интеллекта, какую отмѣтилъ и строгій критикъ европейской «цивилизаціи» А. И. Герценъ, совсѣмъ не раболѣпствовавшій передъ ея якобы послѣдними словами.

Но, вмѣсто того чтобы привѣтствовать всѣми силами это естественное и законное стремленіе русскаго общества, г. Боборыкину угодно подвести его подъ «расовую нетерпимость» и, такимъ образомъ, совершенно исказить его глубочайшій внутренній смыслъ и политическое значеніе. Вмѣсто разумныхъ русскихъ людей, хорошо отличающихъ дефекты и болячки русской исторіи отъ ея величавыхъ и плодотворныхъ завѣтовъ,—намъ подсовываются какіе-то дикіе фанатики и инквизиторы, преслѣдующіе одни расовыя отличія.

На дѣлѣ, конечно, ничего этого нѣтъ,—по крайней мѣрѣ, у лучшихъ представителей національнаго направленія, давно выросшаго изъ пеленокъ китайскаго самообожанія. Въ настоящее время національный вопросъ въ Россіи ставится просто и ясно: кто является *хозяиномъ* нашей огромной государственной территоріи? Тотъ ли русскій народъ, который своей энергіей, своею кровью и потомъ раздвинулъ границы нашей территоріи, заставилъ на ней звучать русскій языкъ и внесъ русскую мысль въ самые отдаленныя окраины государства, или инородцы, присоединенные тѣмъ ли, другимъ ли путемъ къ составу русской имперіи? Грѣшно упрекать русскій народъ въ какой-то расовой нетерпимости! Даже при завоеваніяхъ мы никогда не посягали ни на религію, ни на внутреннее устройство привходящихъ областей. Овладѣвая нашими сѣверо-западными провинціями, мы только «воспріяли отторгнутое». Скорѣе же насъ можно осудить за крайнюю щепетильность при введеніи общаго государственнаго языка, который только недавно,—и то понемногу,—сталъ пріобрѣтать свои законныя права на финляндской окраинѣ.

III.

Мы не только не угнетаемъ никого изъ инородцевъ, пользующихся всѣми выгодами своего положенія, но, напротивъ, лѣземъ изъ кожи вонъ, чтобы имъ жилось у насъ какъ можно лучше и комфортабельнѣе. Финляндскій дворянинъ—вездѣ дворянинъ и въ Россіи, финляндскій ремесленикъ можетъ произ-

Digitized by Google

водить свое ремесло на всемъ пространствѣ русской имперіи; а нашъ коробейникъ, торгующій притомъ только мѣстными издѣліями въ Финляндіи, травится, какъ хищный звѣрь... Остзейскіе бароны получаютъ десятки милліоновъ за отходящее отъ нихъ пропинаціонное право, а у русскихъ помѣщиковъ никто и не думалъ выкупать право торговать водкою на своей землѣ. Инородческихъ дворянъ даже много больше, чѣмъ русскихъ.

Недаромъ же въ русской печати возникъ небывалый въ мірѣ вопросъ — *о подавленіи центра окраинами*, о приплатахъ изъ нашей государственной казны на ихъ процвѣтаніе, о лучшихъ экономическихъ и образовательныхъ условіяхъ, созданныхъ нами для этихъ окраинъ. На Кавказѣ армяне преблагополучно забрали въ свои руки всѣ лучшія нефтеносныя земли, и министерство государственныхъ имуществъ безплодно тягается съ ними за незаконный захватъ многомилліонныхъ богатствъ. Хищеніе выходитъ куда грандіознѣе знаменитаго скандала съ башкирскими землями!

Но нигдѣ наша *расовая терпимость* не доходила до такихъ геркулесовыхъ столбовъ, какъ въ неотвязномъ гангренозномъ еврейскомъ вопросѣ. Навязавъ себѣ на шею, вмѣстѣ съ раздѣломъ Польши, тьму темъ ненасытныхъ хищниковъ, и не съумѣвъ оградиться, какъ должно, отъ ихъ тлетворнаго вліянія, мы дождались, наконецъ, того, что жиды буквально заполоняютъ,—вопреки прямому смыслу закона,—всѣ наши грады и веси, убиваютъ правильную и честную торговлю; держатъ въ закладѣ, черезъ посредство земельныхъ банковъ, все наше недвижимое имущество; занимаются ростовщичествомъ съ ремесленническимъ патентомъ въ карманѣ; душатъ въ кабалѣ все христіанское населеніе сѣверо-западнаго и юго-западнаго края; вытѣсняютъ христіанскіе храмы своими синагогами, гдѣ, вмѣсто молитвъ и воздыханій, занимаются продажею необандероленной водки и контробандныхъ товаровъ; опекунствуютъ надъ христіанскими семействами и покушаются даже, вмѣсто усвоенія государственнаго языка, заставить насъ говорить на жидовскомъ жаргонѣ... Значительная часть этихъ продѣлокъ совершается пока подъ сурдинкой и благодаря незаконному попустительству; но жиды уже открыто предсказываютъ то блаженное время, когда, при условіяхъ «равноправности», они нарядятъ всѣхъ россіянъ въ свои лапсердаки, а наши помпадуры будутъ цѣловать ручки у ихъ Лій, Ривокъ и Рахилей. Какъ бы только имъ не ошибиться и не полетѣть «вверхъ тормашками» съ преждевременно уготовленнаго пьедестала?!

Тѣмъ не менѣе, всемірный жидовскій кагалъ усердно продолжаетъ свое разрушительное дѣло и особенно безчинствуетъ въ русской печати.

Digitized by Google

Много лѣтъ тому назадъ, императрица Екатерина II-ая, не зная, куда спихнуть излишекъ паразитнаго племени, открыла имъ для заселенія новороссійскія степи и позволила водвориться въ Крыму. Но кости великой государыни навѣрно перевернулись бы въ гробу, еслибы ей довелось узнать о томъ, что сдѣлали жиды изъ благодатнаго края, наводненнаго ими. Одесса превратилась уже въ Іудессу, и весь Крымъ стонетъ въ жидовской неволѣ! Израиль положительно считаетъ себя въ этихъ краяхъ господиномъ и повелителемъ, и строго караетъ за преступленія, совершонныя противъ жидовской интернаціоналки.

Недавно ѳеодосійская земская управа, сочувствуя національному направленію нашихъ изданій, и безъ всякой просьбы съ нашей стороны, расклеила наши объявленія въ коридорѣ и на дверяхъ управы. Казалась бы, въ этомъ нѣтъ никакого нарушенія русскихъ законовъ и ни малѣйшаго неуваженія къ законной власти. Но въ Крыму, повидимому, существуетъ еще какая-то незаконная власть, съ которой приходится вѣдаться не меньше, чѣмъ съ законною. Ѳеодосійскіе земцы, очевидно, «считали безъ хозяина», а хозяиномъ въ Крыму уже мечтаетъ быть жидовскій кагалъ...

И вотъ, черезъ посредство своего офиціальнаго органа (именуемаго «Крымскимъ Вѣстникомъ» [1]) *подпольный* или *надпольный* кагалъ — не знаемъ ужь право, какъ точнѣе назвать его! — дѣлаетъ строгій выговоръ управѣ за попытку распространенія изданій, давнымъ давно уже подвергнутыхъ жидовскому херему.

При этомъ реббе Спиро (издатель прокаженнаго листка) дѣлаетъ отеческое внушеніе земской управѣ: неужели, дескать, она не знаетъ, насколько грѣшили наши изданія противъ талмудизма и талмудистовъ? Очевидно, что этимъ незнаніемъ жидовскихъ законовъ и антипатій никто въ Крыму отговариваться не смѣетъ...

Какъ разволновались, однако, эти «всемірные аристократы» отъ одного возобновленія «Гласности». Точь въ точь Мефистофель въ оперѣ Гуно отъ крестообразнаго клинка!

Князь Тенерифскій.

---

[1]) № 284. Этотъ нумеръ газеты былъ обязательно присланъ намъ однимъ изъ корреспондентовъ, конечно, не израильской расы.

Digitized by Google

Первопутокъ.

Вновь зима въ обычный срокъ
Къ намъ пришла въ величьѣ строгомъ;
Снѣгъ ковромъ пушистымъ легъ
По полямъ и по дорогамъ.
Не манитъ и не влечетъ
Въ наши дни ничто толпу такъ,
Какъ особенный разсчетъ
На разгульный «первопутокъ».

«Человѣковъ» юркихъ рать
Въ каждомъ дальнемъ ресторанѣ
По счетамъ семь шкуръ сдирать
Приготовилась заранѣ
Съ тьмы подвыпавшихъ гостей
И не спать по 5—6 сутокъ...
Имъ ѣды и сна милѣй
Долго жданный «первопутокъ».

Средь житейской кутерьмы
И заботы чрезвычайной
Погрѣшать привыкли мы
То привычно, то случайно;
И бываетъ иногда
(Молвлю я безъ всякихъ шутокъ)
Слишкомъ горекъ иногда
Намъ *житейскій* «первопутокъ».

Хлыщъ, къ чужимъ порокамъ строгъ,
Совѣстью владѣя гибкой,
«Увлеченьемъ» звалъ подлогъ,
Подлость явную—«ошибкой»...

Digitized by Google

За такую взгляда ширь
Вдругъ ему пришлося жутко:—
Франтъ въ далекую Сибирь
Зашагалъ по «первопутку».

Первый шагъ—всего труднѣй,
Вѣрно это изреченье.
Крошку-Зину съ юныхъ дней
Погубило «увлеченье».
Намъ ли бѣдную винить,
Эту падшую малютку,
Что потомъ проспектъ гранить,
Ей пришлось по «первопутку»?

Чуждъ былъ грезамъ сынъ купца
О винѣ и о «дѣвицахъ»;
Онъ у строгаго отца
Былъ въ «ежовыхъ рукавицахъ».
Но пришелъ *проклятый часъ*:
Чтобъ забыться на минутку,
Лапу въ выручку савралъ
Запустилъ по «первопутку»...

Нѣкій тузъ, къ наживѣ страсть
Громкой фразой прикрывая,
Думалъ въ гласные попасть,
Но не «вывезла кривая».
Нужно намъ людей иныхъ,
Вѣрныхъ чести и разсудку...
Бѣдный тузъ на «вороныхъ»
Покатилъ по «первопутку»...

Невскій Житель.

Digitized by Google

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

32-й годъ изданія. **ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ** **1901 г.**

„НИВА“

еженедѣльный иллюстрированный журналъ со многими приложеніями

Гг. подписчики «НИВЫ» получатъ въ теченіе 1901 года:

52 №№ художественно-литературнаго журнала «НИВА», (около 1500 столбцовъ текста и 500 гравюръ и рисунковъ). Въ нумерахъ журнала, между прочимъ, появятся: 1) еще нигдѣ не напечатанныя посмертныя произведенія **Д. В. ГРИГОРОВИЧА**: «ОЧЕРКИ ВЕНЕЦІИ» и «ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ» (характеристика выдающихся современныхъ русскихъ дѣятелей и анекдоты изъ ихъ жизни); 2) рядъ статей со множествомъ рисунковъ, картъ и проч. подъ заглавіемъ: **„XIX ВѢКЪ“**. Эти статьи дадутъ читателю полную картину жизни истекающаго столѣтія и составятъ отдѣльный роскошный томъ.

ЗА ТОМА ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

Г. П. ДАНИЛЕВСКАГО

съ портретомъ, факсимиле и біографическимъ очеркомъ. Полное собраніе соч. Г. П. Данилевскаго, стоющее въ отдѣльной продажѣ 15 руб., будетъ отпечатано на хорошо глазированной бумагѣ и будетъ приложено при «Нивѣ» въ теченіе одного 1901 года подъ заглавіемъ: «Сборникъ Нивы», въ 24 томахъ — по два тома въ мѣсяцъ, такъ что «Сборникъ Нивы» 1901 года, по количеству матеріала для чтенія, значительно превзойдетъ «Сборники» всѣхъ прежнихъ лѣтъ.

Назовемъ здѣсь только крупнѣйшія изъ произведеній Данилевскаго: I. **РОМАНЫ**: 1) Бѣглые въ Новороссіи, въ 2 частяхъ, 2) Воля, въ 2 ч. 3) Новыя мѣста, въ 2 ч. 4) Девятый валъ, въ 3 ч. 5) Мировичъ, въ 3 ч. 6) Черный годъ, въ 3 ч. 7) Восемьсотъ двадцать пятый годъ (отрывки).—II. **ИСТОРИЧ. РОМАНЫ**: 8) На Индію при Петрѣ I, въ 2 ч. 9) Княжна Тараканова, въ 2 ч. 10) Потемминъ на Дунаѣ, 11) Сожженная Москва, въ 2 ч. — III. **ИСТОРИЧ. ПОВѢСТЬ**: 12) Уманская рѣзня.—IV. **ПОВѢСТЬ**: 13) Не вытанцовалось, въ 2 частяхъ.—Затѣмъ слѣдуетъ множество V. **РАЗСКАЗОВЪ и ОЧЕРКОВЪ**, отдѣльныхъ или подъ общими заглавіями, напр.: «Семейная старина», «Слобожане», «Святочные вечера», «Изъ литературныхъ воспоминаній», «Украинская старина» и проч.—VI. **СТИХОТВОРЕНІЯ**.—VII. **ПИСЬМА ИЗЪ-ЗА ГРАНИЦЫ**.—VIII. **ДРАМЫ ШЕКСПИРА**: «Цимбелинъ» и «Жизнь и смерть короля Ричарда Третьяго». Переводы.—IX. **МЕЛКІЯ СТАТЬИ** и пр., и пр.

12 КНИГЪ **„ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ“**, выходящихъ при «Нивѣ» въ серединѣ каждаго мѣсяца и содержащихъ романы, повѣсти, разсказы, популярно-научныя статьи и проч. современныхъ авторовъ.

12 №№ **„Парижскихъ модъ“**, выходящихъ ежемѣсячно и содержащихъ до 300 модныхъ гравюръ по фасонамъ лучшихъ мастеровъ.

12 ЛИСТОВЪ рукодѣльныхъ и выпильныхъ работъ (около 300) и до 300 чертежей выкроекъ въ натуральную величину, выходящихъ ежемѣсячно.

„Стѣнной календарь“ на 1901 г., печатанный красками.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на годовое изданіе со всѣми приложеніями: Безъ доставки: 1) въ С.-Петербургѣ—**5 р. 50 к.**; 2) въ Москвѣ, въ конторѣ Н. Н. Печковской (Петровскія линіи)—**6 р. 25 к.** 3) въ Одессѣ, въ книжн. магаз. «Образованіе» (Ришельевская, № 12)—**6 р. 50 к.** Съ доставкой въ С.-Петербургѣ—**6 р. 50 к.** Съ пересылкою во всѣ мѣстности Россіи **7 р.** За ГРАНИЦУ—**10 р.**

Требованія просятъ адресовать: въ С.-Петербургъ, въ Главную Контору журнала «НИВА» (А. Ф. МАРКСУ), Малая Морская, д. № 22.

Digitized by Google

НАБЛЮДАТЕЛЬ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. П. ПЯТКОВСКАГО.

ГОДЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ.

№ 12. ДЕКАБРЬ.

Редакція и Главная Контора помѣщаются въ Ямской улицѣ, № д. 24—9
(близъ Владимірской церкви).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1900.

ТИПОГРАФІЯ ГЛАВНАГО УПРАВЛЕНІЯ УДѢЛОВЪ, МОХОВАЯ, 40.

Digitized by Google

Въ главной Конторѣ „НАБЛЮДАТЕЛЯ“ продаются:

1) **Указатель статей, напечатанныхъ въ журналѣ за 12 лѣтъ (по фамиліямъ авторовъ) съ 1882 г. по 1894-й годъ.** Цѣна: безъ перес. 25 к.; съ перес. (заказной бандеролью) 35 коп.

2) **Двадцать одинъ годъ существованія журнала: „Народная Школа“.** (Историческій очеркъ. Цѣна безъ перес. 30 к.; съ перес. (заказною бандеролью) 40 к.

3) Отдѣльные портреты **А. П. Пятковскаго** (на плотной бумагѣ). Цѣна за экз. безъ перес. 50 к.; съ перес. (заказною бандеролью) 60 к.

4) Отдѣльные портреты **В. П. Безобразова, А. И. Герцена,** князя **В. Ѳ. Одоевскаго,** гр. **А. К. Толстаго** и **А. С. Воронова** продаются по той же цѣнѣ.

Печатается и въ непродолжительномъ времени выдетъ въ свѣтъ историческій этюдъ А. П. Пятковскаго:

„Императоръ Александръ III; его внутренняя и внѣшняя политика“. (Съ портретомъ).

Digitized by Google

ОТКРЫТА ПОДПИСКА, НА 1901 Г., НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

XX год „НАБЛЮДАТЕЛЬ“ XX год

Выходитъ ежемѣсячно, безъ предварительной цензуры, книгами отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ, въ объемѣ и форматѣ самыхъ большихъ ежемѣсячныхъ журналовъ, съ иллюстраціями.

Вступая **въ 20-й годъ** своего существованія, журналъ будетъ издаваться въ томъ же самомъ направленіи, съ которымъ хорошо знакома наша образованная публика. **«НАБЛЮДАТЕЛЬ»**, прежде всего, стремился быть *журналомъ* въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимали это слово лучшіе дѣятели нашей журналистики, и рядъ статей, въ немъ появлявшихся, не представляетъ собою сброда разныхъ направленій, пріютившихся подъ одною обложкою, *но проникнутъ и связанъ общностью одного опредѣленнаго міросозерцанія* [1]). Общее же направленіе нашего журнала,—насколько возможно было выдержать его по всѣмъ выдающимся вопросамъ внутренней и внѣшней политики,—мы имѣемъ право назвать *прогрессивно-національнымъ*. Всегда и во всемъ, въ предѣлахъ, указанныхъ для русской свободной печати, мы стояли за *прогрессивное движеніе нашей государственной и общественной жизни*—въ сторону свѣта, правды, нравственнаго развитія и

[1]) «Указатель» статей, напечатанныхъ въ нашемъ журналѣ за двѣнадцать лѣтъ (съ 1882 по 1894 годъ), былъ приложенъ къ декабрьской книгѣ 1894 года, а затѣмъ вышелъ отдѣльнымъ изданіемъ (см. на оборотѣ титульной страницы).

Digitized by Google

экономическаго благосостоянія, съ сохраненіемъ, притомъ, коренныхъ основъ нашего національнаго быта и характера. *Безъ внимательнаго изученія этого быта, безъ любви и уваженія къ своему народу немыслимъ никакой устойчивый прогрессъ*, а возможно только легкомысленное заимствованіе изчужа неприложимыхъ къ намъ политическихъ и соціальныхъ доктринъ.

При этомъ мы отходили одинаково далеко, съ одной стороны, отъ дикаго обскурантизма нашей якобы «охранительной» прессы, охраняющей едва ли не одни плоды татарскаго нашествія, а съ другой — отъ буржуазнаго «либерализма», весьма дружнаго съ еврействомъ и даже находящагося у него въ денежной кабалѣ. Изъ нашей прогрессивной программы мы навсегда и рѣшительно вычеркнули всякія жидовскія симпатіи, которыя сначала проскользнули въ нашу прессу подъ флагомъ «религіозной терпимости» (благодаря нашему полному невѣжеству относительно *антигосударственнаго* и *антисоціальнаго* смысла талмудическаго ученія), а теперь поддерживаются въ ней—либо давленіемъ еврейскаго капитала, либо грубымъ политическимъ шантажемъ и застращиваніемъ.

Въ книгахъ журнала за 1900 г. напечатаны: 1) **«Въ благопріятной средѣ»**, романъ *К. М. Длусскаго;* 2) **«Скверная исторія»**, повѣсть *Н. Ѳ. Бажина;* 3) **«Капризъ любви»**, повѣсть *И. Порошина*; 4) **«Удивительная карьера»**, *В. Е. Бѣлинскаго;* 5) **«Сорвалось»** (быль) *Д. В. Ѳедорова;* 6) **«Среди молодежи»**, повѣсть *К. Григорьева*; 7) **«Летучая мышь»** (изъ записокъ новобрачнаго) *В. УмановаКаплуновскаго*; 8) **«Любовь и призваніе»**; повѣсть *Н. Коловратъ*; 9) **«Бродяга»**, повѣсть *В. А. Волжина*, 10) **«Странички прошлаго»** (изъ воспоминаній) *Н. Реморова*; 11) **«Неудачи еврейскихъ комитетовъ и комисій»**, *А. П. Пятковскаго;* 12) **«Двѣ встрѣчи съ А. И. Герценомъ»** (съ приложеніемъ фельетона Герцена и портрета), *Его же;* 13) **«Финскій патріотъ»**, *Г. Абова*; 14) **«Народная школа и народное хозяйство»**, *Д. И. Райскаго;* 15) **«Пушкинъ и Гёте»**, *В. Е. Чешихина;* 16) **«Полвѣка назадъ»**; *М. Старковскаго*; 17) **«Еврейство предъ національнымъ правомъ другихъ народовъ»**, *К. Менскаго*; 18) **«О нашихъ культурныхъ задачахъ въ Сѣверо-западномъ краѣ»**, *В. И. Кулина*; 19) **«Памяти русскаго дѣятеля»**, *И. П. Корнилова*; 20) Фельетоны *Ефима*

Digitized by Google

Простосердова и *князя Тенерифскаго;* 21) **«Осада Петербурга евреями»**, *А. П. Липранди*; 22) **«Соціологія и политика»**. *И. А. Гофштеттера*; 23) **«Россія и Англія въ Центральной Азіи»**, *барона Э. Штейнгеля*; 24) **«Происхожденіе финляндскаго устава о воинской повинности** 1878 г.», *Вс. Александрова*; **«Францъ фонъ-Зикингенъ»** (изъ исторіи Великой реформаціи) *Б.*; 25) **«Къ вопросу о нашемъ гражданскомъ воспитаніи»**, *С. П.*; 25) **«Бакинскіе очерки»**, *А. П. Липранди*. 27) **«Защитникъ вырожденія старой Польши»**, *И. А. Гофштеттера*; 28) Стихотворенія: *Л. Афанасьева, Г. Г. Арищенки, П. В. Быкова, К. В. Иванова, А. В. Круглова, А. Я. Мейснера, П. А. Петровскаго, И. Толмачева, В. Уманова-Каплуновскаго* и др.; 29) Юмористическіе стихи въ **«Фонографѣ»**: *Ицки Соломонова, Сфинкса, Хмураго Барда, Невскаго Жителя* и пр.; 30) Переводные романы: **«Судебная ошибка»** *Жоржа Онэ* (съ франц.); **«Психопаты»**, *Флоренцы Мэрріэтъ* (съ англ.); **«Послѣднее счастье»**, *Феликса Голлендера* (съ нѣмец.); **«Принцъ Мурадъ»** (изъ египетской жизни) *Ж. д'Иврэ* и пр.; 31) **«Докторскіе экзамены и диссертаціи въ Военно-Медицинской академіи»**, *X. Z.*; 32) **Наше городское управленіе»**, *А. З. Б.*; 33) **Право войны и ея практическое приложеніе»**, *А. Зыкова*; 34) **«Департаментъ герольдіи и евреи во дворянствѣ»**, *А. де-Лансона*; 35) **«Наша журналистика»**, *Homo Novus*; 36) **«Провинціальная жизнь»**, *X.;* 37) **Отголоски** (корреспонденція **«Наблюдателя»**); 38) **«Гражданскіе чиновники и государственная служба»**, *В. Е. Бѣлинскаго*; 39) **«Оборотень»**, повѣсть *И. Порошина*; 40) **«Въ поискахъ новой жизни»**, повѣсть *А. П. Плетнева*; 41) **«Конецъ шкловскаго процесса»** (съ рѣшеніемъ Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента Сената) *Т.* Кромѣ того, въ **«Наблюдателѣ»**, въ послѣдніе годы, принимали участіе: *А. В. Амфитеатровъ*, проф. *Ѳ. В. Благовидовъ*, *А. А. Виницкая*, *Н. Х. Весселъ*, *Вас. И. Немировичъ-Данченко*, *С. С. Орлицкій*, *Н. М. Соколовъ*, *С. Ѳ. Шараповъ*, *І. І. Ясинскій* и мн. др.

Въ текстѣ журнала за 1899 г. помѣщены портреты: ст. секр. *Ѳ. П. Корнилова*, члена госуд. сов. *М. Н. Галкина-Врасскаго*, *М. Е. Салтыкова*, *Н. Н. Брусницына* (основателя «Дома Призрѣнія» въ Спб.), *А. П. Пятковскаго* (къ 40-лѣтію литературной дѣятельности), *В. П. Безобразова* (академика и сенатора, со-

Digitized by Google

трудничавшаго въ «Наблюдателѣ» съ 1884—1889 г.г.) и др. рисунки. Въ текстѣ за 1900 г. помѣщены портреты: *Т. И. Филиппова, А. И. Герцена, С. Н. Шубинскаго, М. И. Сухомлинова*, короля итал. *Гумберта I-го*, князя *В. Θ. Одоевскаго*, гр. *А. К. Толстаго* и *А. С. Воронова*.

Отдѣльные портреты *А. И. Герцена, В. П. Безобразова, А. П. Пятковскаго*, князя *Одоевскаго*, гр. *А. К. Толстаго* и *А. С. Воронова* продаются въ Главной Конторѣ по 50 к. экз., съ пер.—60 к.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На полгода.	На три мѣс.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ и съ пересылкою въ другія мѣста Россіи.	12 руб.	6 руб.	3 руб.
» пересылкою за границу.	14 »	7 »	4 »

Книгопродавцамъ — 50 коп. уступки съ годоваго экземпляра журнала (гербовый сборъ не включается въ уступку). При подпискѣ полугодовой, уступки не полагается. Гг. служащимъ—разсрочка за поручительствомъ казначеевъ.

Подписка съ разсрочкою адресуется *исключительно* въ Главную Контору журнала.

При *совмѣстной годовой подпискѣ* на журн. «Наблюдатель» и газ. «Гласность», цѣна за оба изданія—17 р., съ дост. и перес. въ Россіи. На *полгода*—9 р.; на *три* мѣс.—5 р. Съ перес. за гран.: на *годъ*—27 р.; на *полгода*—14 р.; на *три* мѣс.—8 р. При *совмѣстной годовой подпискѣ*, книгопродавцамъ уступка—1 р.; *при полугодовой*—50 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ **С.-Петербургѣ** — *въ Главной Конторѣ Редакціи* (Ямская ул., № д. 24/9), въ конторѣ «Новаго Времени» (Невскій пр., № 40), а также во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Въ **Москвѣ**—въ конторѣ Печковской (Петровскія линіи) и въ отдѣленіи конторы «Нов. Времени»; въ **Одессѣ**—въ книжн. магазинахъ Распопова и «Нов. Времени»; въ **Кіевѣ**—въ книжн. магазинахъ Оглоблина, Литова и Идзиковскаго; въ **Харьковѣ и Саратовѣ**—въ книжн. магазинахъ «Нов. Времени»; въ **Казани**—въ книжн. магазинѣ Дубровиной. *Редакція отвѣчаетъ только за подписку, принятую въ Главной Конторѣ журнала.*

Адресъ для писемъ и телеграммъ: **Петербургъ, Редакція «Наблюдателя». Телефонъ № 2237.**

Редакторъ-издатель **А. П. Пятковскій.**

Digitized by Google

Открыта подписка, на 1901 г., на ежедневную литературно-политическую газету съ иллюстраціями:

ГОДЪ III. „ГЛАСНОСТЪ“ ГОДЪ III.

Программа «**ГЛАСНОСТИ**» обнимаетъ собой нижеслѣдующіе отдѣлы:

1) Правительственныя распоряженія. 2) Политика внутренняя. Передовыя статьи по вопросамъ общественной жизни, городскаго, земскаго и сельскаго самоуправленія. Дѣятельность частныхъ обществъ. 3) Отдѣлы: литературно-художественный (беллетристика во всѣхъ ея видахъ), критическій, научный (по всѣмъ отраслямъ знанія), судебно-юридическій (съ печатаніемъ процессовъ и обсужденіемъ судебныхъ рѣшеній), военный, церковный, торгово-промышленный, финансовый, экономическій, сельско-хозяйственный, театральный; обозрѣніе искусствъ. 4) Политика внѣшняя. Передовыя статьи. Телеграммы внѣшнія, доставляемыя агентствами, и свои собственныя. 5) Хроника внутренней и заграничной жизни. Событія дня. Русскія и иностранныя корреспонденціи. Внутреннія телеграммы. Письма въ редакцію и сторонніе сообщенія. 6) Фельетоны изъ общественной и литературной жизни. Дневникъ печати и библіографія. 7) Биржа. Курсовая таблица. 8) Смѣсь. Разныя извѣстія. Справочныя свѣдѣнія. 9) Иллюстраціи. 10) Объявленія.

Кромѣ текущихъ извѣстій и передовыхъ статей по всѣмъ важнѣйшимъ вопросамъ внѣшней политики и нашей внутренней жизни, въ газетѣ, въ 1897 и 1898 г.г., печатались постоянно: «Парижскія письма», «Съ береговъ Темзы», «Петербургскіе наброски», «Московскія замѣтки», «Вопросы дня», «Замѣтки кстати», «Отголоски» и пр. Отдѣламъ: «Дневникъ печати» и «Наши внутреннія дѣла» придано было особенное развитіе, такъ что они представляли полный обзоръ всѣхъ выдающихся мнѣній прессы и всѣхъ крупнѣйшихъ событій провинціальной жизни. Въ текстѣ были помѣщены портреты: бывшаго военнаго министра гр. *Д. А. Милютина*, бывшаго министра нар.

Digitized by Google

просвѣщенія гр. *И. Д. Делянова*, ст.-секретаря *И. Н. Дурново*, и бывшаго редактора «Новороссійскаго Телеграфа» *М. П. Озмидова*.

Пріостанавливая нашу газету въ 1897 г., мы говорили:

«Считаемъ необходимымъ выяснить мотивы этой пріостановки. Отъ первыхъ и до послѣднихъ дней изданія «Гласности», редакція не переставала получать сочувственныя заявленія относительно симпатичнаго всѣмъ русскимъ людямъ направленія газеты; ее привѣтствовали за *смѣлую борьбу* противъ преобладанія у насъ въ жизни инородческаго—преимущественно іудейскаго—элемента, называя эту борьбу даже «гражданскимъ подвигомъ»; за отстаиванье національно-прогрессивныхъ тенденцій въ соціальной и политической сферахъ. Но въ то же самое время выяснилось, что *цѣна изданія высока*, что людей, могущихъ платить за симпатичную имъ газету по 14 р. въ годъ—немного; что другіе издатели понизивъ цѣну за свои—тоже ежедневныя—изданія (юдофильскаго характера) до 8 и даже до 4 р. въ годъ, дѣлаютъ немыслимой борьбу съ ними»... («Гласность» 1897 г., № 87).

Въ то же время, разсчитывая на скорое удовлетвореніе нашего ходатайства,—казалось бы, вполнѣ удоборазрѣшимаго,—мы выражали и такую надежду:

«По полученіи соотвѣтствующаго разрѣшенія, наши теперешніе читатели, наши союзники и единомышленники; наконецъ, всѣ русскіе люди, которымъ дорого *національно-прогрессивное* направленіе въ русской жизни,—одинаково чуждое и либеральнаго космополитизма на юдофильской подкладкѣ, и дикаго ретроградства, именующаго себя «консерватизмомъ»,—поддержатъ наше будущее видоизмѣненное изданіе «Гласности». Оставаясь вѣрными своимъ, разъ заявленнымъ принципамъ, относясь съ искреннимъ уваженіемъ къ вѣковымъ устоямъ народной жизни и не утративъ притомъ ни одного изъ тѣхъ солидныхъ качествъ, за которыя мы получали признательныя заявленія нашихъ читателей, — мы надѣемся, что дешевое изданіе «Гласности»,—если намъ удастся его осуществить,—сдѣлается *общедоступнымъ*:—какъ и подобаетъ «гласности», оно должно проникать повсюду, чего теперь, при высокой цѣнѣ изданія, достигнуть было невозможно».

Но ходатайство наше о сбавкѣ подписной цѣны въ первый годъ не получило никакого удовлетворенія и только на *второй годъ* изданія газеты (въ 1898 г.) удовлетворено лишь *отчасти*, подъ тѣмъ предлогомъ, что просимая нами сбавка, въ полномъ ея размѣрѣ, должна будто бы вести за собою и сокращеніе программы газеты, хотя цензурный уставъ вовсе не требуетъ этого и такая же точно цѣна не влекла за собою изъятія нѣкоторыхъ отдѣловъ программы въ другихъ изданіяхъ...

Касаясь всѣхъ этихъ злосчастныхъ судебъ нашей газеты, «Наблюдатель» говорилъ уже въ свое время:

«Гласность», покусившаяся устроить диссонансъ въ этомъ стройномъ жидовскомъ хорѣ, немедленно подверглась на цѣлый мѣсяцъ запрещенію розничной продажи [1]), а эта мѣра для новаго изданія,—

[1]) Въ первый разъ это запрещеніе послѣдовало, якобы, за передовую статью, въ которой предлагалось сдѣлать критскимъ генералъ-губернаторомъ

Digitized by Google

окруженнаго притомъ ненавистью кагала и нагло «бойкотируемаго» со всѣхъ сторонъ, — равнялась если не убійству, то, по крайней мѣрѣ, серьезному «членовредительству». Въ то время какъ «прокаженные» листки свободно расходились въ Петербургѣ на всѣхъ уличныхъ перекресткахъ, наполняя кассу «Всемірнаго израильскаго союза» и сотрясая воздухъ гнусными ликованіями надъ изувѣченіемъ русскихъ солдатъ,—редакція «Гласности» должна была нести однѣ нравственныя пытки и крупныя матеріальныя потери,—тѣмъ болѣе, что эта мѣра противъ нея оказывалась излюбленною и практиковалась *три* раза въ теченіе *семи* мѣсяцевъ изданія газеты!! Однимъ словомъ, *газета тщательно изолировалась отъ публики*, уже привыкшей въ Петербургѣ знакомиться съ новыми неокрѣпшими изданіями по розничной покупкѣ,—и ее приходилось выпускать, въ теченіе 3 мѣсяцевъ, для однихъ только подписчиковъ. Съ сокращеніемъ же ежедневнаго тиража газеты, не могло явиться и много платныхъ публикацій, составляющихъ значительный источникъ дохода при непрерывномъ и правильномъ развитіи этого дѣла. Еслибы «Гласность» защищала еврейскія притязанія на какую-то безшабашную гегемонію въ русскомъ царствѣ, то, конечно, ея матеріальные убытки были бы охотно покрыты щедрыми жертвователями или, по крайней мѣрѣ, ей были бы предоставлены самыя легкія условія кредита, - подъ векселя съ «благонадежными надписателями», — какъ это практикуется для всѣхъ изданій, пользующихся покровительствомъ кагала. Но мы говорили уже въ «Наблюдателѣ» (№ I, 1899 г.), какимъ *змѣинымъ кольцомъ* окружена была «Гласность», когда ей приходилось пользоваться кредитомъ даже въ тѣхъ банкахъ, гдѣ на текущемъ счету и «онколѣ» перебывали десятки и сотни тысячъ нашихъ вкладовъ... Даже высокая подписная цѣна (14 р.) была *навязана* «Гласности» помимо ея желанія, такъ какъ въ ея планы вовсе не входила конкурренція съ дорогими и прочно установившимися газетами, а имѣлось въ виду лишь дополнить «Наблюдатель» ежедневной неутомительной бесѣдой съ читателями по всѣмъ выдающимся вопросамъ текущей политики и нашей общественной жизни. Съ великимъ трудомъ удалось редакціи выхлопотать сбавку подписной цѣны до 10 р. (и то уже на второй годъ), а дальнѣйшее пониженіе встрѣтило неодолимыя препятствія,—какъ будто распространеніе идей «Наблюдателя» на газетныхъ листахъ могло вредить кому нибудь, кромѣ жидовской клики! Попавъ въ эти двухсторонніе тиски, лишенный возможности бороться съ врагами *равнымъ оружіемъ*, редакторъ-издатель «Гласности» вынужденъ былъ,—что̀ и предсказывали ему жиды въ подметныхъ письмахъ,—свернуть, до перемѣны обстоятельствъ, свое знамя и уступить мѣсто кагальнымъ рептиліямъ, на сторонѣ которыхъ временно очутились неожиданные союзники... Любо-

---

греческаго королевича,—что̀ въ скоромъ времени и осуществилось на дѣлѣ. Въ послѣдній разъ, запрещеніе мотивировалось статьею о минскихъ жидахъ,—избившихъ военный патруль, — гдѣ доказывалось, что поводомъ къ избіенію послужила *племенная и религіозная вражда* евреевъ къ христіанамъ-русскимъ. Существованіе этого повода, въ другомъ однородномъ случаѣ (въ Шкловѣ) признано теперь и уголовнымъ кассаціоннымъ департаментомъ сената.

Digitized by Google

пытно, что въ то время какъ «Гласность» подвергалась всяческимъ преслѣдованіямъ, доводившимъ ее до двукратной *вынужденной* пріостановки, не смотря на увеличивавшееся число подписчиковъ [1]), «Наблюдатель» стоялъ внѣ всякихъ нареканій со стороны надзирающихъ властей,—а вѣдь «Гласность» и въ редакціонномъ отношеніи, и по составу сотрудниковъ составляла только филіальное отдѣленіе того же «Наблюдателя». Но наша газета, имѣвшая возможность дѣйствовать на *тотъ именно слой публики, который находился всецѣло подъ гипнотизирующимъ вліяніемъ жидовской прессы*, возбуждала особенную, жгучую ненависть кагала, а ея пріостановки встрѣчались съ величайшею радостью въ этомъ почтенномъ сонмищѣ,—радостью, прорывавшейся и въ печати, не взирая на строго соблюдаемый обѣтъ «замалчиванія». Наглость жидовъ простиралась до того, что они громили редакцію чуть не ежедневными подметными письмами (одно изъ нихъ, за подписью: «члены Новаго Израиля», было напечатано цѣликомъ въ № 5 «Гласности» за 1898 г.), въ которыхъ намъ угрожали и разореніемъ редакціи, и вынужденной забастовкой всего дѣла»... («Наблюд.» № 11, 1899 г.).

Въ настоящее время, ходатайство редакціи уважено *вполнѣ* новымъ министромъ внутрен. дѣлъ и подписная цѣна на газету назначается въ слѣдующемъ размѣрѣ:

	На годъ.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ и съ перес. иногороднымъ. . .	7 р. — к.	4 р. — к.	2 р. 50 к.	1 р. — к.
Съ пересылкою за границу. . .	15 » — »	8 » — »	4 » — »	2 » — »

Мы снова поднимаемъ наше національно-прогрессивное знамя, опущенное «до перемѣны обстоятельствъ», которыя уже и измѣнились къ лучшему для русской печати...

За время пріостановки газеты, всѣ наши подписчики были удовлетворены: 1) или возвращеніемъ части подписной суммы, или 2) высылкою журнала «Наблюдатель», или 3) замѣною нашей газеты «Русскимъ Листкомъ».

При *совмѣстной годовой подпискѣ* на газету «Гласность» и журналъ «Наблюдатель», послѣдній высылается за *10 р.* вмѣсто 12-ти, что̀ составитъ за оба изданія — *17 р.*, съ доставкою и пересылкою въ Россіи. На полгода: *9 р.*; на 3 мѣс.—*5 р.* Съ перес. за границу (въ предѣлахъ Почтоваго союза): на годъ—*27 р.*; на полгода—*14 р.*; на 3 мѣсяца—*8 р.* Такимъ образомъ, за годовую цѣну *одной* лишь дорогой газеты (17 р.) наши читатели будутъ имѣть *два* изданія: большой *ежемѣсячный* журналъ и *ежедневную* газету (въ форматѣ «Голоса»), оба *съ иллюстраціями*.

Книгопродавцы пользуются уступкою *1 рубля* при совмѣстной подпискѣ на годъ; при полугодовой—*50 к.* При отдѣльной годовой подпискѣ на газету—*50 к.* уступки; *при полугодовой—уступки не полагается.*

Редакторъ-Издатель А. П. Пятковскій.

---

[1]) Въ первый годъ число подписчиковъ на газету не успѣло превысить 2000, но во второй годъ, со сбавкою цѣны, тиражъ ея превышалъ, вмѣстѣ съ розничною продажею, 6000 экз.

Digitized by Google

СКУКИ РАДИ.

Разсказъ.

I.

Василій Ивановичъ сидѣлъ вечеромъ въ «бесѣдкѣ», то есть, по-просту, въ шалашикѣ, кое-какъ сколоченномъ изъ полусотни тонкихъ досокъ и поставленномъ на берегу рѣки, у самой дачи. Передъ Василіемъ Ивановичемъ текла Нева. Онъ уже съ полчаса смотрѣлъ и на пароходы, и на рыбачьи лодки, и на перевозчичьи ялики, и на волны,—на все, что̀ двигалось у него передъ глазами и привлекало его вниманіе; но ему было скучно. Всего хуже, что эта скука была не такого рода, чтобы отъ нея было легко отдѣлаться, перебравшись, напримѣръ, изъ этого шалашика въ свою квартиру или въ какой нибудь другой домъ къ знакомымъ, или въ Петербургъ, или въ Москву, или куда угодно. Скука,—если только это скука,—всюду послѣдовала бы за нимъ или, вѣрнѣе, съ нимъ, ибо она сидѣла внутри его, тамъ гдѣ-то въ мозгу, въ сердцѣ, а, можетъ быть, въ крови и, слѣдовательно, во всемъ существѣ его. Уйти отъ нея было некуда!..

Въ квартирѣ у него теперь пусто и тоже скучно. Его супруга, Людмила Алексѣевна, тотчасъ же послѣ обѣда ушла къ сестрѣ и теперь проводитъ время въ обществѣ своей тетки, кузины, еще нѣсколькихъ женщинъ и трехъ или четырехъ мужчинъ, которыхъ Василій Ивановичъ всѣхъ сплошь называетъ мысленно «троюродными братьями». Конечно, онъ могъ бы тоже присоединиться къ этому обществу, но не присоединится, ибо знаетъ какъ нельзя лучше, что *тамъ* ему не будетъ веселѣе. Если онъ пойдетъ *туда*, сядетъ и станетъ молча слушать, о чемъ говорятъ всѣ эти «сестры» и «братья», то у

Digitized by Google

него, какъ всегда, начнутся нестерпимыя судороги въ челюстяхъ отъ усилій сдерживать одолѣвающую его нервную зѣвоту. А если онъ попробуетъ нарушить свое молчаніе и скажетъ хоть два-три слова, то съ этими словами рѣшительно никто не согласится; со всѣхъ сторонъ посыплются нетерпѣливыя возраженія и, въ концѣ концовъ, послѣ болѣе или менѣе продолжительныхъ объясненій, окажется, по обыкновенію, что и онъ не такъ понялъ «братьевъ» и «сестеръ», и они его не такъ поняли... Нѣтъ, тамъ онъ не развеселится!

Пожалуй, можно было бы заняться кое-какими служебными дѣлами, взятыми имъ къ себѣ на домъ; но, при мысли объ этихъ дѣлахъ, Василію Ивановичу сдѣлалось еще скучнѣе. Чортъ бы побралъ эту ненавистную ему службу, въ которую онъ запрягся единственно потому, что трехъ тысячъ рублей его прежняго дохода оказывалось теперь мало для пріятной жизни и нужно было добывать откуда нибудь еще тысячи двѣ... Нѣтъ, будетъ съ него и того, что онъ просидѣлъ сегодня за этими дѣлами съ десяти часовъ и почти до трехъ. По горло сытъ онъ ими!..

Уже семь часовъ. Іюньское солнышко разрумянилось послѣ своей долгой дневной ходьбы по небу и уже не жжетъ, а только грѣетъ пріятно и какъ будто ласково. Вѣтеръ, поднявшійся съ полудня, совсѣмъ утихъ. Василію Ивановичу вспомнилось, что всего только годъ назадъ, прошлымъ лѣтомъ, въ такіе хорошіе вечера онъ шелъ со своимъ сынишкой Сережей въ поле,—и шли они съ холма на холмъ, то подъ гору, то въ гору, по узенькой дорогѣ, мимо желтыхъ полосъ ржи, мимо зеленыхъ лужаекъ, усыпанныхъ цвѣтами, мимо темнаго лѣса, окопаннаго канавой, и прыгали черезъ эту канаву, и хохотали, и весело болтали о чемъ придется. Сережѣ было бы уже теперь восемь лѣтъ. Но прошлою осенью, въ ноябрѣ, Василію Ивановичу понадобилось съѣздить на нѣсколько дней въ Москву, и когда онъ воротился домой, то нашелъ своего мальчика простудившимся на смерть и умирающимъ. Бѣдняжка задыхался отъ терзавшаго его мучительнаго кашля, смотрѣлъ вокругъ себя дикими, уже никого не узнававшими, глазами и словно искалъ кого-то взглядомъ. Кого онъ искалъ? Не отца ли? Не теплилась ли въ его потухающемъ сознаніи слабая надежда, что вотъ пріѣдетъ изъ Москвы отецъ и найдетъ какое

Digitized by Google

нибудь средство избавить его отъ этихъ невыносимыхъ страданій, которыя совсѣмъ не подъ силу перенести ему,—такому еще маленькому и слабенькому?

Василій Ивановичъ нѣсколько поблѣднѣлъ отъ охватившаго его волненія, слегка кашлянулъ, освобождая горло отъ сдавившей судороги, и задумчиво принялся покручивать свои усы. Ему сдѣлалось еще скучнѣе.

II.

На берегъ вышелъ хозяинъ дачи, рыбакъ, не высокаго роста мужикъ, со впалыми глазами, такой же сухой и жилистый, какъ и Василій Ивановичъ. Каждое воскресенье, каждый вообще праздникъ,—если только была хорошая погода,—онъ выходилъ подъ вечеръ изъ своей избы въ праздничномъ нарядѣ, въ синемъ суконномъ пиджакѣ, въ черной суконной фуражкѣ съ лакированнымъ козырькомъ, въ высокихъ глянцевитыхъ сапогахъ; становился около столбика на берегу и принимался покуривать папиросу, посматривая на рѣку, обмѣниваясь направо и налѣво поклонами съ проходящими и степенно отвѣчая тѣмъ изъ нихъ, которые обращались къ нему съ какими нибудь вопросами или замѣчаніями. Такъ онъ простаивалъ часа полтора, до сумерекъ, а потомъ, достаточно показавъ себя и свою степенность, возвращался обратно въ избу, снималъ свою праздничную одежду, садился ужинать и, какъ говорили злые языки, втихомолку препорядочно напивался вмѣстѣ со своей женой. Они жили довольно зажиточно, но чувствовали себя, кажется, очень несчастными, оттого что у нихъ не было дѣтей.

— Что это тамъ, на плотахъ, сколько сегодня народа? Рыбу удятъ, что ли? — спросилъ его Василій Ивановичъ, указывая глазами вдаль, на темные ряды плотовъ, далеко протянувшіеся вдоль берега.

— Рыбачатъ,—степеннымъ басомъ подтвердилъ хозяинъ:— Больше все рабочіе съ заводовъ, охотники. У нихъ ужь такое заведеніе: какъ праздникъ, такъ еще наканунѣ, съ вечера, и идутъ на плоты. Тамъ и соснутъ немного, тамъ и живутъ потомъ весь день. Всѣ съ жерлицами, да у каждаго поставлено ихъ штукъ по десяти, по двадцати, а то и больше... Ну‘

Digitized by Google

и толкутся цѣлый день по плотамъ отъ жерлицы къ жерлицѣ не попалось ли на которую нибудь, либо не надо ли перемѣнить наживку.

— Что же... развѣ здѣсь много щуки?

— Много... Чего другаго, а щуки здѣсь довольно... Иной разъ баба выдетъ на плотъ полоскать бѣлье, а щука ужь тутъ какъ тутъ... подойдетъ и высматриваетъ: что такое трепыхается въ водѣ? Такія ходятъ толстущія, какъ поросята...

— Вотъ какъ!—проговорилъ Василій Ивановичъ, нѣсколько оживившись. — Въ прежніе годы я былъ большой любитель ѣздить за ними съ блесной.

— Что же... попробовали бы и теперь поохотиться за ними въ свободное время, когда не жарко,—пораньше утромъ или попозднѣе вечеромъ, передъ заходомъ солнца. Ловятъ и здѣсь на блесну, только больше подъ осень... теперь мало кто ѣздитъ. А вотъ эдакъ послѣ Ильина дня, въ августѣ, въ сентябрѣ, какъ выдастся хорошій день, особливо ежели въ праздникъ, такъ и пойдутъ съ тѣхъ же заводовъ шнырять лодки, лодки — и за каждой лодкой тянется по водѣ бичева, а то и двѣ... Говорятъ, хорошо ловится. Въ позапрошломъ году я вотъ съ этого самаго мѣста своими глазами видѣлъ, какъ механикъ съ завода вытащилъ вонъ тамъ щуку фунтовъ въ пятнадцать, если не больше. Вотъ какая! — сказалъ хозяинъ, разставивъ руки чуть не на два аршина.

— Да у меня чуть ли не цѣла еще моя старая блесна со всѣми принадлежностями... Не знаю только, куда ее засунули... Надо будетъ поискать,—въ раздумьѣ проговорилъ Василій Ивановичъ, подумавъ еще съ минуту и покручивая усы; потомъ всталъ и пошелъ въ свою квартиру разыскивать старую блесну.

III.

Порывшись напрасно въ десяткѣ ящиковъ, въ письменномъ столѣ, въ шкафу, въ комодѣ, Василій Ивановичъ разыскалъ, наконецъ, въ сундукѣ съ разными старыми вещами продолговатую бѣлую шкатулку, запертую двумя крючками,—и съ довольнымъ видомъ кивнулъ головой. Вотъ она!.. Усѣвшись у отвореннаго окна, онъ открылъ шкатулку и досталъ изъ нея

Digitized by Google

блесну, завернутую въ мягкую бумагу. Это была сдѣланная изъ какого-то легкаго металла пустая внутри рыбка, вершка въ два длиной; серебристо-бѣлая съ одного бока и желтоватая съ другаго. На загнутомъ хвостѣ у нея было прикрѣплено нѣсколько кусочковъ красной матеріи, а изъ этихъ кусочковъ торчали три острія тройнаго крючка, сдѣланнаго въ видѣ маленькаго якоря. Василій Ивановичъ внимательно осмотрѣлъ крючокъ, потрогалъ концомъ пальца всѣ три острія и съ удовольствіемъ увидѣлъ, что все находилось въ полной исправности:—острія были, какъ иголки, и нигдѣ не замѣчалось даже слѣдовъ ржавчины. Блесна была привязана къ бѣлой витой металлической струнѣ. Струна тоже нисколько не пострадала отъ времени.

Положивъ блесну на окно, Василій Ивановичъ принялся разматывать и осматривать бичевку, привязанную къ другому концу струны. Это была почти такая же тонкая, какъ струна, ровная безъ единаго узелка, натертая воскомъ бичевка, сажень въ двѣнадцать длиною. Василій Ивановичъ размоталъ ее аршина на полтора, крѣпко натягивалъ руками, пробуя ея прочность, разматывалъ еще на столько же, опять вытягивалъ и снова разматывалъ дальше и дальше. Черезъ минуту кожа на его рукахъ мѣстами припухла и покраснѣла, мѣстами оказалась даже въ небольшихъ ссадинахъ, но бичевка легко выдерживала производившееся надъ нею испытаніе и незамѣтно было, чтобы въ ней порвалось хоть одно волокно. Василій Ивановичъ посмотрѣлъ на нее почти съ уваженіемъ: провалялась чуть ли не восемь лѣтъ безъ всякаго призора и осталась такою же, какою была!..

Около дальняго отъ блесны конца бичевки была обшитая черною лайкою небольшая петля, которую Василій Ивановичъ надѣвалъ себѣ на палецъ, когда спускалъ блесну съ лодки въ воду. Отъ этой петли, аршина на два внизъ, бичевка была тоже обшита лайкой, чтобы не перетиралась о бортъ лодки. И эта обшивка сохранилась также въ цѣлости. Рѣшительно все было въ надлежащемъ порядкѣ, такъ что,—еслибы солнце не собиралось уже закатываться и по берегу не бродило бы столько разодѣтаго, ради праздника, дачнаго люда, — можно было бы хоть сейчасъ садиться въ лодку и начинать охоту на щукъ. Василій Ивановичъ былъ нѣсколько застѣнчивъ и чув-

Digitized by Google

ствовалъ себя очень неловко, когда зналъ, что за каждымъ его движеніемъ слѣдятъ десятки постороннихъ глазъ. Ну, ихъ!.. пусть смотрятъ со скуки на что хотятъ, а онъ лучше выѣдетъ со своей блесной завтра, пораньше утромъ, когда наблюдать за нимъ будетъ некому.

Услышавъ, что кто-то вошелъ въ квартиру, Василій Ивановичъ повернулъ голову къ двери. Въ комнату вошла своею величавою поступью Людмила Алексѣевна, его супруга. Это была красивая, высокая, пышно сложенная двадцативосьмилѣтняя дама, прекрасно одѣвавшаяся, еще лучше умѣвшая держать себя въ обществѣ и, на основаніи всего этого, смотрѣвшая очень горделиво и холодно на большинство окружавшихъ ее людей, которые, конечно, далеко не обладали такими огромными преимуществами, какими она была одарена. Точно также очень холодно смотрѣла она и на своего супруга, за котораго восемь лѣтъ назадъ вышла замужъ только потому, что была тогда молода, неопытна и не знала настоящей цѣны ни ему, ни, въ особенности, себѣ...

— Это что такое?! —съ изумленіемъ спросила она, увидѣвъ на полу, около ногъ мужа, цѣлую кучу какихъ-то размотанныхъ веревокъ.

— Это называется: «бичевка»,—отвѣчалъ Василій Ивановичъ.—Собираюсь ловить щукъ...

— Щукъ?!—повторила она съ такимъ недоумѣніемъ, какъ будто впервые за всю жизнь услыхала это слово и оно показалось ей очень страннымъ.

Увидѣвъ появившуюся изъ-за двери горничную, Людмила Алексѣевна велѣла ей подать сѣрую мантилью, поправила передъ зеркаломъ прическу, потомъ подставила свои пышныя плечи горничной, подавшей мантилью, еще раза два повернулась передъ зеркаломъ и тою же величавою походкою пошла изъ квартиры.

— Ты не пойдешь съ нами гулять?—спросила она мужа, мимоходомъ взглянувъ скорѣе на его ноги, обутыя въ старенькія туфли, чѣмъ на него самого.

— Нѣтъ, не хочется...

Она ушла, а Василій Ивановичъ все еще продолжалъ смотрѣть ей вслѣдъ и прислушиваться къ звуку ея шаговъ и шороху платья. Въ раскрытыя окна повѣяло запахомъ разнообраз-

Digitized by Google

ныхъ духовъ и пудръ. По улицѣ, мимо дома, медленно двигалась полуприкрытая разноцвѣтными кружевными и не кружевными зонтиками пестрая толпа «сестеръ» и «троюродныхъ братьевъ», вышедшихъ на прогулку. Переждавъ, покуда они всѣ прошли мимо, Василій Ивановичъ осторожно выглянулъ изъ окна и отыскалъ глазами жену. Она только что присоединилась къ этой группѣ и еще раскрывала свой зонтикъ; но рядомъ съ нею уже шелъ одинъ изъ «троюродныхъ братьевъ»,— тотъ самый, который постоянно терся около нея и былъ противнѣе Василію Ивановичу, чѣмъ всѣ другіе, вмѣстѣ взятые. Василій Ивановичъ, нѣсколько развлекшійся было мыслями о предстоящей охотѣ за щуками и приготовленіями къ ней, опять хмуро задумался и насупился.

IV.

Утромъ, часовъ около шести, Василій Ивановичъ выѣхалъ въ своей бѣлой лодкѣ на рыбную ловлю. Но это первое утро все ушло у него на одно только ознакомленіе съ мѣстностью, по которой ему приходилось разъѣзжать со своей блесной. Въ одномъ мѣстѣ, почти противъ перевоза, оказалась мель, къ тому же еще засоренная какимъ-то полусгнившимъ корьёмъ, за которое блесна задѣвала своими крючками. Нужно было или объѣзжать эту мель, или проѣзжать надъ нею елико возможно быстрѣе, не давая блеснѣ опускаться далеко отъ поверхности воды. Около дальняго конца плотовъ, на глубокомъ мѣстѣ съ быстрымъ теченіемъ, оказался водоворотъ, настолько сильный, что еслибы щука попалась на блесну въ этомъ мѣстѣ и Василій Ивановичъ оставилъ весла и принялся вытаскивать свою добычу, то его лодку стало бы вертѣть кругомъ и навѣрное нанесло бы на плоты или—еще хуже—на канаты и цѣпи, которыми плоты были скрѣплены между собою и съ берегомъ. Въ третьемъ мѣстѣ росъ со дна рѣки, еще не доходя до ея поверхности, цѣлый лѣсъ какой-то колѣнчатой, блѣдно-зеленоватой травы, въ которой блесна застрѣвала своими крючками, какъ гребень въ спутанныхъ волосахъ.

Во второе утро Василій Ивановичъ выловилъ судака, около фунта вѣсомъ, и щучонку, немного поменьше. Эта удача такъ подогрѣла охотничье рвеніе Василія Ивановича, что, возвра-

Digitized by Google

тившись домой, онъ уже собирался мысленно ѣхать сегодня на рыбную ловлю еще разъ, вечеромъ.

Онъ насилу дождался этого желаннаго вечера. Часу въ седьмомъ Василій Ивановичъ отчалилъ на своей лодкѣ отъ берега, разогналъ ее, насколько могъ, быстрѣе и, оставивъ на нѣсколько секундъ весла, поспѣшно выбросилъ въ воду блесну и спустилъ саженъ пять бичевы; послѣ этого опять разогналъ лодку, опять оставилъ весла, спустилъ въ воду остальную часть бичевы, надѣлъ обмотанную лайкою петлю на палецъ и, снова взявшись за весла, сталъ грести уже неторопливо, ровно, что̀ называется—съ прохладцей и въ свое удовольствіе. Сначала онъ ѣхалъ вверхъ по рѣкѣ, около плотовъ, разставленныхъ вдоль берега; потомъ, доѣхавъ до водоворота, широкимъ, очень широкимъ кругомъ, — чтобы тащившаяся за лодкой блесна̀ не успѣла сѣсть на дно,—поворачивалъ обратно и ѣхалъ внизъ, мимо тѣхъ же плотовъ, мимо перевоза, мимо дачъ, садовъ, купаленъ, до того мѣста, гдѣ дно рѣки заросло травой. Доѣхавъ до этого мѣста, онъ такимъ же широкимъ кругомъ опять поворачивалъ обратно и снова двигался вверхъ, противъ теченія.

Василій Ивановичъ безостановочно разъѣзжалъ такимъ образомъ взадъ и впередъ часа полтора-два и начиналъ уже подумывать, что недурно было бы остановиться на нѣсколько минутъ, выкурить папиросу и, кстати, осмотрѣть—не спустилась ли какъ нибудь бичевка, или не нацѣпилось ли травы на крючки блесны. Объѣхавъ мель, онъ уже собирался было оставить весла, какъ вдругъ бичеву потянуло такъ сильно, что едва не сорвало петлю съ его пальца. Первою мыслью Василія Ивановича было, что блесна зацѣпилась за какую нибудь корягу. Но, прежде чѣмъ ему удалось остановить лодку, онъ уже чувствовалъ по содроганіямъ и неровнымъ подергиваніямъ бичевы, что на крючкахъ блесны сидѣло что-то живое, сильное, то мощно упиравшееся на одномъ мѣстѣ, то отчаянно метавшееся изъ стороны въ сторону. Схватываясь за бичеву попеременно то правою, то лѣвою рукою, Василій Ивановичъ быстро выбиралъ ее въ лодку, аршинъ за аршиномъ, сажень за саженью; наконецъ, всталъ на ноги и однимъ сильнымъ движеніемъ вытащилъ въ лодку огромную щуку, аршина въ полтора длиною. Она упала на дно лодки, видимо ошелом-

Digitized by Google

ленная, отрыгнула струю блѣдно-желтой жидкости, должно быть, желчи и, слегка пошевеливая жабрами, смотрѣла мутными глазами прямо на Василія Ивановича. Онъ тоже смотрѣлъ на нее почти безсмысленнымъ взглядомъ, потому что сердце у него билось безпорядочно, ноги дрожали, натертыя бичевою руки тряслись, по лицу катились капли пота, а въ головѣ только шумѣло, какъ отъ угара или послѣ продолжительнаго быстраго бѣга. Немного опомнившись, онъ взялъ одно весло и неловко, точно разучившись владѣть руками, направилъ лодку къ своей дачѣ. Кое-какъ онъ причалилъ лодку къ плоту, забралъ въ лѣвую руку спутанную въ комокъ мокрую бичеву, правою взялся за струну и, высоко поднявъ эту правую руку, понесъ на берегъ свою добычу, продолжавшую почти неподвижно висѣть на крючкахъ блесны.

Только что онъ вошелъ въ калитку, какъ навстрѣчу ему выскочилъ рыбакъ-хозяинъ дачи и, взмахнувъ руками, вскричалъ:

— Вотъ такъ старуха... Ну, баринъ!.. Да вѣдь въ ней безъ малаго полпуда... фунтовъ восемнадцать вѣрныхъ...

За нимъ выскочила было изъ сѣней его жена, ахнула, бросилась обратно и сейчасъ же опять появилась съ большимъ жестянымъ тазомъ. За нею поспѣшно вышла горничная и готовившая «за повара» кухарка Василія Ивановича. Щуку положили въ тазъ. Всѣ стояли кругомъ и смотрѣли на нее, а она, все еще не придя въ себя, по прежнему тихо пошевеливала жабрами и неподвижно лежала, прижавшись бокомъ къ краямъ таза и изогнувшись полу-кольцомъ.

— Два рубля хоть сейчасъ дадутъ за нее,—сказала жена рыбака-хозяина, не безъ зависти думавшая, что лучше бы эта щука зашла въ какую нибудь изъ ихъ мережекъ, въ которыя уже давно попадаются одни только мелкіе окуни.

Съ крыльца вышла, обглаживая перчатку на лѣвой рукѣ, величавая и нарядная Людмила Алексѣевна, по обыкновенію отправлявшаяся провести вечеръ къ «сестрамъ» и «братьямъ». Нисколько не интересовавшаяся рыбной ловлей мужа и ничего въ ней не понимавшая, она, однако же, посмотрѣла на лежавшую въ тазу рыбу несовсѣмъ равнодушно, потому что любила хорошо покушать.

— Что это? Щука? Ты поймалъ?.. Вотъ и отлично. Вчера

Digitized by Google

мнѣ очень понравилась у сестры маринованная щука,—сказала она и, обратившись къ кухаркѣ, прибавила: — Сходите вы, Люба, къ сестрѣ и разспросите тамъ, какъ они мариновали свою щуку. Такъ и приготовьте намъ эту.

Она ушла, продолжая обглаживать перчатку. На мѣсто ея откуда-то выскочилъ къ тазу хозяйскій пестрый котъ и, вытянувъ шею, подогнувъ на всякій случай заднія ноги, чтобы въ каждое мгновеніе можно было отскочить въ сторону, уставился своими желтыми глазами прямо въ глаза щукѣ. Произвелъ ли на щуку какое нибудь особенное впечатлѣніе этотъ хищный взглядъ, или къ ней начали возвращаться силы и сознаніе, но только она вдругъ подняла голову, широко раскрыла пасть съ болтавшеюся на губѣ блесною и метнулась отъ одного края таза къ другому.

— Ту-ту-ту!.. Эдакъ ты у насъ весь тазъ разворотишь!— закричалъ на нее рыбакъ - хозяинъ и, сунувшись въ отворенный сарай, вынесъ изъ него деревянную колотушку, въ родѣ тѣхъ молотковъ, которыми гоняютъ шары при игрѣ въ крокетъ.

— Я думалъ, вы ужь оглушили ее. Съ ними вѣдь одинъ разговоръ: какъ вытащилъ, такъ сейчасъ ее колотушкой по головѣ. А то либо выскочитъ изъ лодки, либо еще прокуситъ палецъ или сапогъ... Вотъ эдакъ! — сказалъ онъ и, размахнувшись своею колотушкой, ударилъ щуку по головѣ.

Щука вздрогнула всѣмъ тѣломъ, потомъ судорожными, все болѣе и болѣе ослабѣвавшими, движеніями стала подергиваться назадъ, словно ей придавило голову и она тщетно старалась высвободить ее. Василію Ивановичу стало какъ-то нехорошо. Слегка сморщившись и отвернувшись, онъ вдругъ пошелъ домой въ свою квартиру; около крыльца оглянулся черезъ плечо на щуку, увидѣлъ, что она все еще продолжаетъ чуть замѣтно пятиться, и поскорѣе ушелъ.

Онъ вымылъ руки, переодѣлся, сѣлъ пить чай и просидѣлъ за нимъ около часу, но все таки не могъ прійти въ свое обыкновенное настроеніе. И сердце у него продолжало биться нѣсколько быстрѣе, чѣмъ всегда, и щоки слегка горѣли, и мысли пробѣгали въ головѣ какъ-то неестественно-торопливо, слишкомъ быстро смѣняя одна другую.

Digitized by Google

V.

Нѣсколько дней подъ рядъ, Василію Ивановичу пришлось то сидѣть дома за разными спѣшными дѣлами и бумагами, то ѣздить съ ними въ городъ, такъ что о рыбной ловлѣ было некогда и думать. Но, наконецъ, дѣла, одно за другимъ, были сдѣланы, онъ съѣздилъ еще разъ въ Петербургъ и, къ обѣду, воротился домой совсѣмъ свободный на нѣкоторое время.

Подъ вечеръ онъ выѣхалъ на рыбную ловлю, ѣздилъ часа полтора, но поймалъ за это время только судачка, да и то такого маленькаго, что даже не почувствовалъ, какъ онъ попался на крючки, и увидѣлъ его лишь тогда, когда, задумавъ покурить и осмотрѣть блесну, выбралъ ее изъ воды. Выкуривъ папиросу, Василій Ивановичъ опять взялся за весла; опять спустилъ въ нѣсколько пріемовъ блесну въ воду и снова пустился въ свое плаваніе. На этотъ разъ онъ не успѣлъ проѣхать и сотни саженъ, какъ бичеву вдругъ рвануло съ его пальца почти съ такой же силой, какъ тогда, когда ему попалась его полупудовая «старуха». Заволновавшись, кажется, еще больше, чѣмъ тогда, спѣша и путаясь дрожащими руками въ мокрой бичевѣ, чуть не сбивъ шляпу съ головы, Василій Ивановичъ ближе и ближе подводилъ къ себѣ метавшуюся въ водѣ рыбу; наконецъ, всталъ на ноги и... выхватилъ на воздухъ одну только голую блесну... Щука съ разбѣга наскочила на дно лодки, ударилась въ нее носомъ и сорвалась съ крючковъ. Но, къ великому удивленію Василія Ивановича, она не ушла. Она тотчасъ же выплыла на поверхность воды, перевернулась къ верху своимъ желтовато-бѣлымъ брюхомъ и, какъ въ обморокѣ, лежала неподвижно, всего на разстояніи аршина отъ края лодки. Василій Ивановичъ растерянно смотрѣлъ на нее. Потомъ, опомнившись, онъ попробовалъ схватить ее рукой, но его пальцы только скользили по ея толстому, скользкому тѣлу. Щука медленнымъ движеніемъ освободилась изъ нихъ и также медленно, словно полусонная, стала уходить все дальше и дальше въ воду, покуда не скрылась въ глубинѣ.

— Нѣтъ, ужь теперь скинь шляпу да поклонись: прощайте, молъ! Теперь ужь не воротится, хоть посвищи!—послышался Василію Ивановичу чей-то насмѣшливый голосъ.

Digitized by Google

Повернувъ голову, онъ увидѣлъ сидѣвшихъ на плоту какихъ-то двухъ человѣкъ, не то плотовщиковъ, не то также охотниковъ-рыболововъ, которые смотрѣли на него со смѣшаннымъ чувствомъ и насмѣшки, и злорадства, и зависти къ добычѣ, буквально бывшей у него въ рукахъ и все таки ушедшей.

Василію Ивановичу стало нѣсколько досадно. Однако, онъ тотчасъ же забылъ объ этихъ насмѣшливыхъ свидѣтеляхъ своей неудачи, какъ только отвелъ отъ нихъ глаза. Разсѣянно наматывая мокрую бичеву на дощечку, онъ задумался о томъ: что такое дѣлалось съ этой щукой?.. Ему помнилось, что и пойманная имъ нѣсколько дней назадъ, и теперь уже замаринованная «старуха» точно также страшно билась на бичевѣ только въ первое время, а потомъ, когда онъ вытащилъ ее въ лодку, лежала въ ней точно полумертвая... Неужто же, въ самомъ дѣлѣ, и съ тою, и съ этой было что-то въ родѣ обморока?.. Съ этими вѣчно голодными рѣчными волками, съ этими ненасытными хищниками, жадно бросающимися на все, что движется въ водѣ, слѣпо хватающими не только блесну, все таки похожую на рыбу, но даже осколки стекла, и вдругъ... обмороки, словно съ какими нибудь слабонервными, избалованными барышнями!.. Это еще что за чудеса въ рѣшетѣ?

Разсѣянно причалилъ онъ лодку къ плоту передъ своей дачей, задумчиво вышелъ на берегъ и, въ этой задумчивости, чуть не наткнулся на своего дачнаго хозяина, который чинилъ нитками мережки, развѣшанныя на высокихъ шестахъ, и отъ времени до времени поглядывалъ своими дальнозоркими глазами на Василія Ивановича, покуда тотъ разъѣзжалъ взадъ и впередъ по рѣкѣ на своей бѣлой лодкѣ.

— Что, Василій Ивановичъ? Не повезло сегодня?.. Была да ушла?—сказалъ онъ.

— Въ томъ-то и дѣло, что не ушла!.. Сорвалась да тутъ же, подлѣ лодки, и легла на водѣ брюхомъ вверхъ... Голыми руками можно было бы взять, еслибъ я не растерялся! — съ возбужденнымъ видомъ отвѣчалъ Василій Ивановичъ.

— Ишь ты... обмерла!?—тоже не безъ нѣкотораго удивленія проговорилъ рыбакъ и, подумавъ немного, прибавилъ:— Что такое?!. Развѣ оттого, что бичевка-то у васъ вонъ какая длинная... двѣнадцать саженъ... скоро ли ее всю вытянешь...

Digitized by Google

Щука-то бьется, бьется, мечется, мечется на ней... и больно, и страхъ ее одолѣваетъ, и изъ силъ выбьется... Вся замучится... А вамъ бы надо было брать съ собой сачокъ на всякій случай. Безъ сачка неловко,—прибавилъ онъ.

— Пожалуй, что замучится, — задумчиво пробормоталъ Василій Ивановичъ.—Да, да, конечно, безъ сачка неловко. Въ прежніе годы я всегда бралъ съ собой сачокъ, а теперь совсѣмъ забылъ о немъ.

VI.

Утромъ Василій Ивановичъ не поѣхалъ на рыбную ловлю, потому что хорошее время проспалъ, а когда проснулся,—часовъ въ восемь,—то надъ рѣкой висѣли тучи и безпрестанно принимался накрапывать дождь. Потомъ поднялся сильный вѣтеръ и разогналъ тучи, но зато развелъ волну и взмутилъ воду.

— Видно, сегодня придется посидѣть дома,—сказалъ Василій Ивановичъ, выдя на берегъ и встрѣтившись со своимъ дачнымъ хозяиномъ.

— Кто его знаетъ?.. У насъ такая примѣта, что если вѣтеръ задулъ съ двѣнадцати часовъ, съ полдня, такъ къ вечеру, пожалуй, стихнетъ,—отвѣчалъ тотъ.

Къ обѣду Людмила Алексѣевна привела сестру, тетку и одного изъ «троюродныхъ братьевъ». Василій Ивановичъ упалъ духомъ, какъ падалъ всегда, когда ему приходилось разыгрывать трудную для него роль любезнаго хозяина съ этими «сестрами» и «братьями», не любившими его и не любимыми имъ. Для того чтобы приспособить свой языкъ къ болѣе непринужденной бесѣдѣ съ ними, ему приходилось обыкновенно выпить нѣсколько лишнихъ рюмокъ водки. Но, по продолжительному опыту, онъ зналъ также, что это возбудительное средство было вмѣстѣ съ тѣмъ весьма опаснымъ, ибо—чѣмъ свободнѣе и веселѣе начиналъ двигаться во рту его языкъ, тѣмъ неудержимѣе порывался онъ сказать при случаѣ какую нибудь злую колкость, которую Людмила Алексѣевна, конечно, не простила бы ему еще дольше, чѣмъ обыкновенную нелюбезность съ ея друзьями.

Къ счастію Василія Ивановича, его сегодняшнее испытаніе

Digitized by Google

сошло сравнительно благополучно и продолжалось не особенно долго. Къ теткѣ пріѣхала какая-то давнишняя ея пріятельница, общая знакомая всѣхъ «сестеръ» и «братьевъ», да къ тому же пріѣхала она чуть ли не прямо изъ-за границы. Всѣ заахали, заволновались, засуетились, и не прошло минуты послѣ полученія извѣстія объ этомъ пріѣздѣ, какъ Василій Ивановичъ остался уже одинъ въ квартирѣ. Вздохнувъ съ облегченіемъ, онъ разстегнулъ жилетъ, посмотрѣлъ на рѣку, на небо, на часы. Вѣтеръ утихъ, и рѣка текла мѣстами совсѣмъ гладкая, мѣстами подернутая только легкою рябью; на небо надвигалась съ запада туча, закрывшая солнце; часы показывали восемь, — слѣдовательно, до настоящихъ сумерекъ оставалось всего только часъ съ небольшимъ. Но Василій Ивановичъ все таки разсудилъ поѣхать съ блесной, хотя бы для того только, чтобы освѣжить свою голову, словно засорившуюся послѣ бесѣды съ друзьями Людмилы Алексѣевны.

Довольно лѣниво онъ поднялся въ своей бѣлой лодкѣ вверхъ по рѣкѣ, до водоворота, потомъ спустился внизъ, до того мѣста, гдѣ дно заросло травой, повернулъ обратно и поѣхалъ опять противъ теченія. Туча надвигалась все ближе и ближе, окутывая заходящее солнце все плотнѣе и плотнѣе; становилось темно, какъ въ позднія сумерки, передъ наступленіемъ ночи.

«Пожалуй, еще хлынетъ дождь»,—подумалъ Василій Ивановичъ, смотря на тучу, и въ то же мгновеніе схватился обѣими руками за бичеву, внезапно натянувшуюся такъ сильно, что медленно подвигавшаяся лодка остановилась.

Опять онъ подумалъ, что блесна зацѣпилась за корягу или за канатъ оборвавшагося якоря, лежавшаго на днѣ, но сейчасъ же почувствовалъ, что бичевка не натянута неподвижно, а ходитъ изъ стороны въ сторону. Не успѣлъ онъ выбрать въ лодку нѣсколькихъ аршинъ бичевы, какъ саженяхъ въ десяти за кормою вынырнула на поверхность воды огромная, изогнувшаяся дугою щука, сейчасъ же опять нырнула въ глубь, черезъ секунду снова вынырнула, затѣмъ снова исчезла въ водѣ и безостановочно продолжала метаться вверхъ и внизъ,—почти въ тактъ тому, какъ онъ съ усиліемъ притягивалъ къ себѣ бичеву то правою, то лѣвою рукою. Василій Ивановичъ такъ взволновался, что съ трудомъ переводилъ дыханіе. Онъ вытя-

Digitized by Google

нулъ въ лодку уже больше половины бичевы; продолжавшая метаться щука подходила все ближе и ближе, какъ вдругъ туго натянутая бечева разомъ освободилась, словно лопнула.

«Сорвалась»!—мелькнуло въ головѣ Василія Ивановича.

Но въ то же время, щука, взбурливъ воду, опять выбросилась на поверхность воды, изогнулась дугой, нырнула въ глубь, снова вынырнула и продолжала по прежнему метаться вверхъ и внизъ. Василій Ивановичъ ничего не понималъ. Онъ смотрѣлъ на нее дикими глазами и машинально выбиралъ изъ воды бичевку, думая, что она, можетъ быть, оборвалась и блесна продолжаетъ сидѣть своими крючками въ пасти щуки. Но только что онъ подумалъ это, какъ блесна была уже у него въ рукѣ, а щука по прежнему металась вверхъ и внизъ.

«Ополоумѣла!.. Ей, просто, мерещится, что ее все еще тянутъ на веревкѣ»,—подумалъ онъ, не сводя глазъ съ того мѣста, на которомъ она то показывалась, то исчезала.

Однако, щука видимо «замучилась». Она выбрасывалась на поверхность воды все рѣже, кидалась внизъ не такъ стремительно и, наконецъ, медленно скользнувъ въ глубину, уже не показывалась изъ нея. Подождавъ минуту-другую, Василій Ивановичъ снялъ шляпу и отеръ потъ, выступившій у него на лбу. Настроеніе у него было какое-то угнетенное, растерянное и тревожное; онъ все еще прислушивался: не взбурлитъ ли опять вода, не вернется ли изъ нея «ополоумѣвшая» щука,—и вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ, когда снесенная теченіемъ лодка его внезапно шаркнула дномъ о густую рѣчную траву и о застрявшія на ней щепки и хворостъ.

Въ травѣ лодка остановилась. Василій Ивановичъ сталъ, по привычкѣ, наматывать на дощечку мокрую бичеву, лежавшую безпорядочными тенетами у него подъ ногами. Онъ намоталъ ее всю, дошелъ до блесны и только теперь замѣтилъ, что на ея крючкахъ торчало что-то бѣлое. Всмотрѣвшись попристальнѣе, онъ разглядѣлъ, что это былъ большой обрывокъ рыбьей губы, величиною съ ухо взрослаго, крупнаго человѣка. Съ нервною дрожью, пробѣжавшею у него между лопатками, Василій Ивановичъ бросилъ блесну на дно лодки, взялся за весла и поѣхалъ домой, еще болѣе угнетенный душевно и недовольный.

Во дворѣ своей дачи онъ встрѣтился съ хозяиномъ.

Digitized by Google

— Что, Василій Иванычъ, и сегодня нѣтъ ничего?—спросилъ тотъ.

— Есть... вотъ оставила свою губу на память,—отвѣчалъ Василій Ивановичъ и, сунувъ въ руки хозяина дощечку съ бичевой и блесной, прошелъ къ себѣ въ квартиру.

VII.

Въ эту ночь Василію Ивановичу приснилось, что онъ ѣдетъ въ лодкѣ со своей блесной по какому-то узенькому протоку, по обѣимъ сторонамъ котораго тянутся безъ конца двѣ полосы густой травы, выросшей со дна протока. Солнца не видно, небо задернуто сплошной дымчатой тучей, однако, кругомъ настолько свѣтло, что все видно ясно, даже необыкновенно отчетливо и ясно. Лодка идетъ очень быстро, хотя онъ не гребетъ веслами, а тянетъ обѣими руками бичеву своей блесны, на которую только что попалась большая щука. Она еще далеко отъ кормы лодки, но отъ боли выскочила на поверхность воды. Сгибаясь въ дугу всѣмъ своимъ длиннымъ тѣломъ, она отчаянно бьетъ хвостомъ то вправо, то влѣво, отчаянно дергаетъ высоко поднятой головой съ разинутой пастью, и въ этой пасти ярко блеститъ впившаяся въ нее своими стальными крючками блесна. Вдругъ Василій Ивановичъ отчетливо слышитъ жалобный крикъ, похожій на плачъ маленькаго ребенка, которому отчего-то больно, невыносимо больно.

— Неужели же это кричитъ она? — спрашиваетъ самого себя пораженный изумленіемъ Василій Ивановичъ, смотря на щуку, и чувствуетъ, что въ сердце его начинаетъ закрадываться ужасъ, на лбу выступаетъ холодный потъ, а руки цѣпенѣютъ.

Мокрая бичева выскользаетъ понемногу изъ его обезсилѣвшихъ пальцевъ, и щука уходитъ все дальше и дальше.

«Что же она уйдетъ съ блесной во рту и на этой длинной бичевкѣ... Запутается въ травѣ да такъ и пропадетъ медленною голодною смертью»! — тоскливо думаетъ онъ, силясь удержать выскальзывающую изъ его рукъ бичеву, и на этомъ усиліи просыпается.

Еще темно, но слабый полусвѣтъ уже начинаетъ пробиваться въ комнату сквозь спущенную на окнѣ штору. Должно

Digitized by Google

быть, часа два утра. Гдѣ-то у сосѣдей жалобно плачетъ, какъ видно, расхварывающійся ребенокъ, плачъ котораго Василій Ивановичъ слышалъ раза два еще позднимъ вечеромъ.

Василій Ивановичъ доволенъ, что его непріятный сонъ оказался просто сномъ, а не дѣйствительностью, но вмѣстѣ съ тѣмъ ему досадно, что «эти щуки» начинаютъ тревожить его даже во снѣ. Что съ нимъ сдѣлалось? Мало ли въ прежніе годы,—лѣтъ десять назадъ,—онъ переловилъ этихъ хищниковъ и никогда не выносилъ изъ этой ловли никакого другаго впечатлѣнія, кромѣ удовольствія,—если ему удавалось поймать хорошую щуку,—и досады, если добыча, уже сидѣвшая у него на блеснѣ, срывалась съ нея и уходила... Что же съ нимъ сдѣлалось теперь? Сталъ ли онъ хуже, или лучше? Сдѣлался мягкосердечнѣе, добрѣе, жалостливѣе, или у него, просто,—какъ принято говорить въ подобныхъ случаяхъ,—разстроились нервы?..

Закинувъ подъ голову свои жилистыя руки, Василій Ивановичъ лежалъ и вспоминалъ, что вообще въ послѣднее время онъ сдѣлался замѣтно чувствительнѣе къ чужому страданію,—человѣка или животнаго, все равно. Видѣлъ ли онъ на улицѣ очевидно доживающаго свои послѣдніе дни чахоточнаго больнаго, который вышелъ, можетъ быть въ послѣдній разъ,—посидѣть на солнцепекѣ около своей квартиры;—видѣлъ ли безкровнаго, чахлаго, съ потухающими грустными глазами, ребенка на рукахъ такой же безкровной, бѣдно-одѣтой матери;—видѣлъ ли свалившуюся на камни мостовой измученную и тощую лошадь или полураздавленную колесами собаку, кошку, — всѣ эти случайныя зрѣлища глубоко вбирались въ его сердце, какъ вбирается вода въ сухую губку, и тяготили его подолгу... Откуда у него взялась эта рыхлая губка вмѣсто прежняго обыкновеннаго человѣческаго сердца, которое принимало и покидало впечатлѣнія также легко и быстро, какъ принимало и прогоняло дальше вступавшую въ него кровь?..

Въ спальнѣ стало свѣтлѣе, штора озарилась легкимъ розовымъ свѣтомъ,—всходило солнце. Въ трехъ шагахъ отъ кровати Василія Ивановича, поставленной около одной стѣны, стояла у другой стѣны кровать его супруги. Василій Ивановичъ могъ теперь довольно отчетливо видѣть ея лицо, такое же холодное во снѣ, какимъ онъ видѣлъ его постоянно днемъ.

Digitized by Google

Василій Ивановичъ смотрѣлъ, не отводя глазъ, на это красивое лицо, и вдругъ ему пришла въ голову разсмѣшившая его мысль, что въ сущности вѣдь онъ, нѣкоторымъ образомъ, тоже попался на блесну и судьба куда-то тащитъ его также безпощадно, какъ онъ таскалъ изъ воды попадавшихся ему щукъ.

— Блесна... именно, блесна!—съ усмѣшкой говорилъ онъ мысленно, смотря на красивое лицо жены, на ея пухленькую бѣлую руку, на пышное бѣлое плечо, высунувшееся изъ-подъ окутывавшихъ его кружевъ, прошивокъ и складокъ тонкаго батиста.

У него не найдется, пожалуй, ни одной мысли, которую раздѣляла бы съ нимъ эта подруга его жизни,—не найдется ни одного чувства, которое было бы также и ея чувствомъ; она нисколько не любитъ его, какъ, впрочемъ, не любитъ и никого другаго, кромѣ самой себя; между ними нѣтъ ровнехонько ничего общаго, и, однако же, какою-то неисповѣдимою силою онъ неразрывно связанъ съ нею. Онъ уже много лѣтъ несчастенъ съ ней и, по всей вѣроятности, будетъ впослѣдствіи еще несчастнѣе; но, все таки, навѣрное, никогда не уйдетъ отъ нея далеко, потому что не можетъ... Онъ, какъ видно,—изъ тѣхъ злополучныхъ людей съ собачьимъ сердцемъ, которые если ужь привяжутся къ кому нибудь, то навсегда.

— Блесна... именно, блесна! — повторилъ Василій Ивановичъ, самъ посмѣиваясь своему сравненію.

Ему очень захотѣлось покурить, его рука уже протянулась къ коробкѣ съ папиросами, но, подумавъ, что табачный дымъ можетъ потревожить сонъ Людмилы Алексѣевны и даже разбудить ее, онъ повернулъ руку на прежнее мѣсто и опять задумался.

VIII.

Прошло недѣли двѣ. Василій Ивановичъ по необходимости занимался своими служебными дѣлами то дома, то въ городѣ; тоже по необходимости показывался иногда въ обществѣ «сестеръ» и «братьевъ»; въ хорошую погоду выходилъ по вечерамъ въ «бесѣдку» и смотрѣлъ скучающими глазами на рѣку, на волны, на пароходы и лодки. Но на рыбную ловлю онъ не ѣздилъ больше.

Digitized by Google

— Что же ты пересталъ ѣздить за щуками?—мимоходомъ спросила его однажды послѣ обѣда Людмила Алексѣевна, которой чрезвычайно понравилась пойманная имъ и приготовленная въ маринованномъ видѣ большая щука.

Василій Ивановичъ посмотрѣлъ на нее, качнулъ ногой въ стоптанной туфлѣ и сказалъ:

— Надоѣло...

— Уже?!—удивленно воскликнула Людмила Алексѣевна и, пожавъ плечами съ такимъ видомъ, какъ будто она даже не подозрѣвала, что на свѣтѣ могутъ быть такіе странные люди, какъ ея мужъ,—прошла дальше, то есть, по обыкновенію, къ сестрѣ.

Василій Ивановичъ поболталъ ногой, покрутилъ свои непослушные усы, безпрестанно свисавшіе внизъ, и тоже слегка пожалъ плечами. Какъ же иначе онъ могъ отвѣтить на ея вопросъ?.. Не такой же онъ откровенный дуракъ, чтобы сказать ей правду,—то есть, что онъ не можетъ, неспособенъ, ради развлеченія, мучить и убивать животныхъ, хотя бы и хищныхъ... Да вѣдь послѣ такого наивнаго заявленія общество «сестеръ» и «братьевъ» хохотало бы надъ нимъ безъ умолку цѣлый мѣсяцъ, а Людмила Алексѣевна утратила бы къ нему послѣднее уваженіе!..

Н. Баминъ.

Digitized by Google

Въ наши дни.

Мятутся дни, мятутся ночи,
Какъ въ небѣ звѣзды безъ числа...
Жизнь давитъ тьмой, пугая очи
Слѣпыми призраками зла.

Борьба надламываетъ силы
Въ чаду волненій и заботъ;
Все сходитъ честное въ могилы,
А все безчестное живетъ.

Объята хищничества жаждой,
Толпа въ стенаньяхъ и мольбѣ;
Къ довольству счастья рвется каждый
И мыслитъ только о себѣ.

Любви поруганы святыни
Позоромъ дерзостныхъ клеветъ;
Ложь въ обезумѣвшей гордынѣ
Попрала истины завѣтъ.

Развратъ вливаетъ ядъ растлѣнья
Во всходы хрупкой красоты—
И гибнутъ честныя стремленья
И лучезарныя мечты!

Леонидъ Афанасьевъ.

Digitized by Google

Процессъ Гильзнера и употребленіе евреями христіанской крови.

I.

Болѣе 2000 лѣтъ надъ еврействомъ тяготѣетъ страшное обвиненіе, сущность котораго, въ теченіе цѣлыхъ двадцати вѣковъ, варьировалась, дополнялась, но никогда не было такого момента, чтобы человѣчество забывало объ этомъ обвиненіи. Оно существовало у всѣхъ народовъ въ дохристіанскую эпоху и существуетъ въ христіанскую... Съ незапамятныхъ временъ, со стороны христіанскаго и языческаго міра Европы и Азіи, на еврейскій народъ падало обвиненіе въ тяжкомъ преступленіи,—а именно въ томъ, что по правиламъ, указаннымъ талмудомъ, евреи употребляютъ во многихъ своихъ якобы-религіозныхъ обрядахъ христіанскую кровь.

Обвиненіе страшное! Вопросъ объ употребленіи христіанской крови при совершеніи канибальскихъ обрядовъ—одинъ изъ самыхъ жгучихъ и страшныхъ вопросовъ, волнующихъ человѣчество. По этому страшному вопросу существуетъ громаднѣйшая литература, начало которой лежитъ далеко за предѣлами христіанской эры. Написаны сотни томовъ и фоліантовъ, тысячи статей по этому вопросу за и противъ. Много было высказано и внушающаго довѣрія, и нелѣпаго, много сужденій и предположеній... Серьезные и извѣстные ученые принимались за разработку тайнъ, скрытыхъ въ темныхъ кабалистическихъ мѣстахъ талмуда, но изъ этого ровно ничего не выходило. Языкъ еврейскій,—представляющій изъ себя какой-то конгломератъ языковъ восточныхъ и западныхъ, древнихъ и новыхъ, какую-то лингвистическую мозаику,—мало доступенъ пониманію неевреискихъ ученыхъ. Тайны талмуда, выработанныя подъ тяжелымъ давленіемъ историческихъ судебъ еврейскаго народа, еще менѣе понятны не-евреямъ. Умѣнье скрывать свои тайны, свои чувства и мысли между строкъ талмуда, придавать обыкновеннымъ словамъ необычное условное значеніе—отличительная черта еврейскаго народа, и въ этомъ отношеніи жиды положительно виртуозы, не имѣющіе среди другихъ народовъ равныхъ себѣ соперниковъ. Повторяемъ, еврейскій языкъ, еврейскій талмудъ—это доселѣ не поддающійся разрѣшенію ребусъ, величайшая загадка, надъ которою неевреискіе ученые работали безполезно въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ

Digitized by Google

и только въ послѣднее время поднимается покровъ съ этой ужасной и безчеловѣчной тайны.

По словамъ обвинителей, евреи обязаны добыть себѣ христіанскую кровь для слѣдующихъ надобностей:

1) *Убиваемое христіанское дитя замѣняетъ имъ пасхальнаго агнца.*

2) Евреи употребляютъ кровь для приготовленія пасхальныхъ опрѣсноковъ и примѣшиваютъ ее къ вину, которое пьютъ въ первые два вечера пасхи.

3) Раввинъ, на праздникъ Пуримъ, посылаетъ членамъ своей общины пряники, къ которымъ примѣшивается христіанская кровь.

4) Еврейскіе священнослужители, давая благословеніе народу въ синагогахъ, намазываютъ свои руки христіанской кровью.

5) Кровь христіанская употребляется и при вѣнчаніи. Когда стоятъ подъ балдахиномъ женихъ и невѣста, то раввинъ, благословляя, подаетъ имъ печеное яйцо, посыпанное пепломъ изъ сожженной христіанской крови.

6) Когда умираетъ еврей, то родные его намачиваютъ въ христіанской крови платокъ и кладутъ его на лицо умершаго, или вымазываютъ покойника этою кровью.

7) Со времени уничтоженія храма евреи не могутъ приносить болѣе жертвъ Богу, а, между тѣмъ, обязанность эта не прекратилась. Добываніе крови сопряжено всегда съ бо́льшею или меньшею опасностью для жидовъ, а такъ какъ при этомъ христіане, по жидовскому предположенію, *ненавистны Богу*, то кровь христіанскую евреи почитаютъ самою богоугодною жертвою.

8) Употребляютъ евреи христіанскую кровь для того, чтобы пріостановить кровотеченіе при обрѣзаніи своихъ дѣтей.

9) Христіанскою кровью они облегчаютъ трудные роды своихъ женъ и лѣчатъ себя отъ болѣзней, которымъ часто подвержены.

10) Евреи имѣютъ обычай мучить и распинать христіанскихъ дѣтей большею частью въ великую пятницу, чтобы тѣмъ изобразить распятаго Христа.

Конечно, мы здѣсь далеко не исчерпали всѣхъ побудительныхъ причинъ и суевѣрныхъ цѣлей, для которыхъ евреи рѣшаются на страшныя преступленія. Мы привели только болѣе извѣстныя и существенныя изъ нихъ.

Цѣль и мотивы, съ которыми совершается этотъ гнусный обычай,—какъ видитъ читатель,—крайне дики, нелѣпы и грубы. Но это не даетъ еще намъ права, на основаніи только одной нелѣпости и дикости факта, отвергать его существованіе. Мы знаемъ, что нѣтъ такой нелѣпости или дикости,—какъ бы она смѣшна и ужасна ни была,—которая была бы невозможна подъ вліяніемъ невѣжества и религіознаго изувѣрства. Это прекрасно доказывается исторіею религій всѣхъ временъ и народовъ.

Индійцы, напр., подвергаютъ себя и другихъ ужаснымъ мученіямъ въ чаяніи будущихъ благъ, сожигаютъ своихъ женъ; между ними есть секты, постоянно занимающіяся убійствомъ—для спасенія души. Исторія христіанской Европы также можетъ представить много фактовъ, не менѣе дикихъ и нелѣпыхъ. Инквизиціонные костры,

Digitized by Google

въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ воздвигавшіеся по повелѣнію папъ и погубившіе десятки тысячъ человѣческихъ жертвъ, борьба безчисленныхъ европейскихъ сектъ за свои нерѣдко нелѣпыя и дикія уклоненія отъ истинной Христовой церкви—вотъ лучшіе примѣры свирѣпаго изувѣрства. Наша русская исторія также богата проявленіями дикости и религіознаго изувѣрства. Припомнимъ наши религіозныя секты плакальщиковъ и сократильщиковъ: первые, какъ извѣстно, сожигались цѣлыми деревнями; вторые убивали другъ друга съ единственною цѣлью спасенія своей души. Скопцы, хлысты—тоже плодъ невѣжества и религіознаго изувѣрства. Нерѣдко и теперь, на почвѣ того же невѣжества и того же религіознаго фанатизма, на европейскомъ континентѣ разыгрываются дикія сцены и потрясающія драмы. Все это продѣлывается во имя Бога и ради спасенія души... Поэтому нельзя считать невозможнымъ и того факта изъ еврейскаго быта, о которомъ мы говоримъ, какъ справедливо предполагалъ В. Я. Фуксъ, членъ совѣта министра внутреннихъ дѣлъ, въ одной изъ нашихъ правительственныхъ комисій по еврейскому вопросу.

Невѣжество, суевѣріе, фанатизмъ и изувѣрство—отличительныя черты еврейскаго народа. Ими насквозь проникнутъ и ихъ религіозно-нравственный кодексъ—талмудъ. Библія у еврея давно уже отодвинулась на второй планъ, и не ею руководствуется онъ въ своей жизни. Моисеевъ законъ исполняется только караимами, которыхъ еще Екатерина II ая строго отличала отъ талмудистовъ. Талмудъ же является главнымъ началомъ въ жизни современнаго іудейства. Это—сокровищница нравственныхъ, общественныхъ и религіозныхъ предписаній, на которыхъ зиждется весь бытъ еврейскаго племени, всѣ его отношенія къ иноплеменнымъ государствамъ и народамъ. Талмудъ—это не религія, а практическая философія, которою опредѣляется каждый шагъ еврея и которая предусматриваетъ каждое его движеніе, каждый помыселъ. Нѣтъ другаго народа въ мірѣ, котораго практическая жизнь, житейскія отношенія и дѣятельность были бы въ такой тѣсной зависимости отъ характера нравственной догматики, какъ это мы видимъ у евреевъ.

Талмудъ—это высшій и непоколебимый авторитетъ для каждаго еврея, и нѣтъ такого дѣла, котораго бы онъ не исполнилъ, если оно только предписывается ему его якобы религіознымъ ученіемъ.

Что же такое талмудъ? «Это ничто иное, — говоритъ одинъ авторъ,—какъ историческое доказательство той ненависти, какую питаетъ еврейство къ христіанству съ самаго момента его появленія въ мірѣ; ничто иное, какъ *умышленное, злонамѣренное извращеніе, искаженіе ветхозавѣтнаго писанія* въ единственномъ, исключительномъ направленіи слѣпой, непримиримой вражды къ Христу и его послѣдователямъ; ничто иное, какъ громадное лжетолкованіе различныхъ мѣстъ Ветхаго Завѣта, *пріуроченное къ этой одной постыдной цѣли*, которая, при помощи самаго дикаго, свирѣпаго фанатизма, и достигалась, само собою разумѣется, безъ особыхъ трудностей и тѣмъ легче, чѣмъ невѣжественнѣе становилась масса еврейства, на которую и направляли свои усилія фанатики-лжетол-

Digitized by Google

ковательи». Чтобы убѣдиться во всемъ этомъ, стóитъ только сдѣлать нѣсколько выписокъ изъ наставленій талмуда относительно практическихъ отношеній евреевъ къ христіанамъ.

«Вы, евреи, люди, а прочіе народы—нѣтъ», говоритъ талмудъ.

«У ближняго твоего не отнимай ничего, какъ гласитъ заповѣдь; но *ближній твой—еврей*, а не прочіе народы свѣта».

«Благословляй покойника, если встрѣтишь гробъ еврея, но проклинай умершихъ другаго народа и говори: обезчещена мать ваша, краснѣетъ родившая васъ».

«Иновѣрецъ, убившій иновѣрца, а равно и еврей, убившій еврея, наказываются смертью; но еврей, убившій иновѣрца, не подлежитъ наказанію».

«Если иновѣрецъ читаетъ талмудъ, то онъ достоинъ смерти, потому что въ Ветхомъ Завѣтѣ сказано: Моисей далъ намъ въ достояніе законъ; т. е. далъ *намъ, но не прочимъ народамъ*».

«Не слѣдуетъ вытаскивать нухрима (христіанина) изъ ямы, ибо въ ней онъ находится близкимъ къ смерти, а если кто его вытащитъ, тотъ погрѣшитъ тѣмъ, что доставитъ «элылымъ» (божкамъ) еще одного сына».

Вотъ немногія изъ тѣхъ многочисленныхъ талмудическихъ изреченій, которыми опредѣляются отношенія евреевъ къ христіанамъ и которыя свидѣтельствуютъ о томъ, какъ много въ еврейскомъ религіозномъ ученіи дикости, фанатизма и изувѣрства.

Поэтому нельзя считать невозможнымъ и того факта изъ еврейскаго быта, о которомъ мы ведемъ рѣчь.

II.

Евреи и еврействующіе объясняютъ возникновеніе этого ужаснаго обряда на почвѣ нерасположенія христіанъ къ іудеямъ. Христіане, будто бы, чтобы отомстить жидамъ за распятаго Христа, выдумали такое страшное обвиненіе, съ цѣлью постоянно поддерживать въ невѣжественныхъ массахъ ненависть къ евреямъ. Но подобное обвиненіе шито бѣлыми нитками. Евреевъ обвиняли въ убійствѣ не-еврейскихъ дѣтей еще задолго до Рождества Христова, когда христіане и не существовали. Только впослѣдствіи на христіанъ перенесена та ненависть, которая узаконена талмудомъ по отношенію ко всѣмъ иновѣрцамъ.

Извѣстный нашъ историкъ Н. И. Костомаровъ, въ спорѣ своемъ съ проф. Хвольсономъ по вопросу—«Употребляютъ ли евреи христіанскую кровь»?—указалъ послѣднему, относившему начало этого обвиненія къ XII ст., на его историческую стародавность. «Безъ сомнѣнія, извѣстно,—говоритъ Костомаровъ,—что обвиненіе евреевъ въ похищеніи иновѣрныхъ дѣтей и въ ихъ убійствѣ съ религіозною цѣлью существовало въ языческомъ эллинскомъ мірѣ еще до Рождества Христова. Это видно изъ сочиненія іудейскаго историка Іосифа Флавія противъ Аппіона, греческаго писателя, утверждавшаго, будто сирійскій царь Антіохъ-Епифанъ, покоривши Іерусалимъ, *нашелъ въ тайномъ притворѣ храма греческаго мальчика*,—

Digitized by Google

котораго іудеи похитили и держали, чтобы заколоть въ день своего праздника и вкушать отъ его крови. Это видно также изъ извѣстія Діона Кассія, который разсказываетъ, что въ городѣ Киренѣ *греки перебили іудеевъ за то, что они похищали греческихъ дѣтей, для употребленія ихъ крови*». Слѣдовательно, по мнѣнію Костомарова, «нельзя думать, чтобы обвиненіе противъ іудеевъ возникло только въ концѣ XII вѣка, т. е. когда, — по выраженію г. Хвольсона,—фанатизмъ, благодаря крестовымъ походамъ, достигъ до своего апогея. Очевидно, что обвиненіе противъ іудеевъ существовало еще *до христіанства*, и уже никакъ не возникло вслѣдствіе фанатической вражды христіанъ къ евреямъ. Прежде, когда іудеи жили между язычниками, уже ходило мнѣніе, что они похищаютъ дѣтей язычниковъ; впослѣдствіи, когда іудеямъ пришлось разселиться между христіанами, стали говорить (и ужъ, конечно, не со словъ классическихъ греческихъ писателей), что іудеи похищаютъ дѣтей христіанскихъ. Суевѣріе, приписываемое евреямъ, заключается въ томъ, чтобы похищать и убивать съ религіозною цѣлью дѣтей иновѣрцевъ и иноплеменниковъ, и если та же участь постигаетъ христіанъ, то *не* потому, что они христіане, а потому, что, по отношенію къ іудеямъ, они иновѣрцы и иноплеменники».

Таково мнѣніе знаменитаго ученаго по интересующему насъ вопросу. Мнѣніе это, конечно, не «либерально» (съ точки зрѣнія жидовскихъ публицистовъ), хотя и высказано профессоромъ, въ истинномъ либерализмѣ котораго никто не рѣшится сомнѣваться. Тѣмъ пріятнѣе видѣть, что одинъ изъ недавнихъ вождей русской мысли рѣшился печатно высказать трезвый взглядъ на историческую жизнь еврейства. Рѣшившись выступить печатно по этому вопросу, покойный Костомаровъ прекрасно зналъ, на что онъ идетъ и что его ожидаетъ какъ со стороны жидовскихъ, такъ и жидовствующихъ органовъ печати. Его не замедлили назвать консерваторомъ, рутинеромъ, мракобѣсцемъ и пр. подобными эпитетами, на которые такъ щедры наши либеральничающіе жиды. Но не мѣшаетъ вспомнить, что, вмѣстѣ съ Костомаровымъ, въ томъ же обскурантномъ лагерѣ давно уже состояли: Петръ Великій, Екатерина II-я, Вольтеръ, Кантъ, Фихте, Гердеръ и многіе другіе.

Еслибы Костомаровъ выступилъ съ подобнымъ обвиненіемъ, напр., противъ русскаго народа, реббе Нотовичи и Хвольсоны увѣнчали бы его лаврами, имя его гремѣло бы во всѣхъ жидовскихъ и жидовствующихъ органахъ печати. Но тутъ вышло обратное. Костомаровъ «осмѣлился» прикоснуться къ еврейскому гноищу, рѣшился высказать свои взгляды, — хотя и основанные на историческихъ данныхъ,—по такому вопросу, по которому разрѣшается высказываться только съ похвалой и умиленіемъ.

Что касается изувѣрнаго обычая и его фактическихъ проявленій, то они,—какъ мы уже сказали,—относятся къ самымъ отдаленнымъ временамъ, проходятъ чрезъ всѣ вѣка нашего лѣтосчисленія, повторяясь въ различныхъ государствахъ и обществахъ, разнообразясь въ частностяхъ, но являясь постоянно съ одними и тѣми же общими признаками.

Древняя исторія полна фактовъ убіенія христіанъ евреями, но

Digitized by Google

мы на нихъ не будемъ останавливаться. Приведемъ одинъ только фактъ изъ древне-русской жизни. Въ кіевскихъ пещерахъ почиваютъ донынѣ мощи преподобнаго Евстратія, котораго память празднуется 28 марта. Въ житіи его, находящемся въ Патерикѣ, говорится, что св. угодникъ-кіевлянинъ былъ взятъ въ плѣнъ половцами при нашествіи хана Боняка, въ 1096 г. проданъ въ Корсунь жиду, который подвергъ его разнымъ мукамъ и, наконецъ, *къ празднику своей пасхи, распялъ его на крестъ*, а потомъ бросилъ въ море. Тутъ нашли его тѣло русскіе христіане и привезли въ Кіевъ. Особенно часто возникали обвиненія противъ жидовъ въ Польшѣ и Литвѣ. Въ концѣ XVIII-го вѣка начинаютъ уже возникать процессы по обвиненію жидовъ въ употребленіи христіанской крови въ Россіи.

Особенно большую сенсацію вызвали слѣдующія дѣла по обвиненію въ названномъ преступленіи. Въ 1850 г. на Кавказѣ, недалеко отъ Тифлиса, въ м. Сурамѣ евреи истязали ребенка и трупъ его бросили въ лѣсу. Дѣло это очень замѣчательно своею обширностью и прикосновенностью многихъ лицъ. Оно тянулось пять лѣтъ. Всѣ евреи-убійцы осуждены и сосланы, а также и первоначальная врачебная комисія отдана подъ судъ *за ложное показаніе съ цѣлью оправданія евреевъ*. Желаніе замять это дѣло и не дать ему хода было настолько сильно у жидовъ, что даже нѣкоторые заграничные евреи, «сильные міра сего», обратились къ русскимъ властямъ съ просьбой сдать это дѣло въ архивъ.

Сильные своими капиталами и чудовищною, преступною сплоченностью между собою, жиды всегда имѣли сильное вліяніе на подобные процессы. Золото, щедро разсыпаемое ими направо и налѣво, затыкало ротъ свидѣтелямъ; власти, администрація и судъ нѣмѣли; экспертиза дѣлалась послушной жидовскимъ приказаніямъ и наставленіямъ. «Все куплю!—сказало злато». Надо отдать жидамъ справедливость, что для своихъ цѣлей они никогда не жалѣютъ злата. Еврей, жадный въ личныхъ расходахъ, является щедрымъ на кагальныя издержки, на общее «національное дѣло».

Но, не смотря даже на авторитетныя заступничества за евреевъ великихъ и сильныхъ міра сего, — царей и папъ, — вопросъ этотъ живетъ и продолжаетъ висѣть дамокловымъ мечемъ надъ еврействомъ.

Еще папа Григорій IX рѣшительно отвергъ это обвиненіе въ своей буллѣ, данной въ 1235 г. Въ 1247 г. папа Иннокентій IV, въ буллѣ къ германскимъ императорамъ, старается снять это обвиненіе съ евреевъ. Подобныя же буллы издали папы Климентъ VI въ 1349 г., Сикстъ IV въ 1475 г., Павелъ III въ 1540 г. и др. вплоть до Бенедикта XIV.

Опровергали и считали клеветой настоящее обвиненіе нѣмецкіе императоры Фердинандъ III, Карлъ V, Максимиліанъ II. Императоръ Александръ I повелѣніемъ, послѣдовавшимъ въ 1817 г., запретилъ даже заводить дѣла объ употребленіи евреями христіанской крови.

Но, вопреки всѣмъ этимъ буллamъ и указамъ царей и папъ, запрещавшихъ поднимать вопросъ объ употребленіи евреями христіан-

Digitized by Google

ской крови, — обвиненіе не перестаетъ существовать и нѣтъ-нѣтъ да и возникнетъ гдѣ-либо процессъ, который немедленно поставитъ на ноги администрацію и судъ и заставитъ волноваться христіанское общество. Въ продолженіе цѣлыхъ двухъ тысячъ лѣтъ, во всей Европѣ евреевъ обвиняли въ употребленіи христіанской крови, предавали ихъ суду, подвергали всѣмъ ужасамъ пытокъ, колесовали и сжигали на кострахъ.

Обвиненіе жидовъ въ употребленіи христіанской крови и теперь еще живетъ во всей своей силѣ. Не только «невѣжественная» Россія, но и просвѣщенная Европа держится и доселѣ этого взгляда на данный вопросъ.

III.

Судебный процессъ по обвиненію еврея Гильзнера въ убійствѣ христіанской дѣвушки съ ритуальной цѣлью, въ теченіе полутора лѣтъ, не перестаетъ волновать умы европейскихъ народовъ. Обратимся же къ этому процессу и посмотримъ, насколько устарѣло это тысячелѣтнее обвиненіе евреевъ.

Гильзнеръ былъ приговоренъ *дважды къ смертной казни* за убійство въ городѣ Польнѣ христіанской дѣвушки Анежки Грузовой. Не первый разъ, конечно, еврей попадается въ руки правосудія за убійство кого либо изъ христіанъ. Тысячи уголовныхъ процессовъ, тысячи убійцъ-евреевъ проходятъ незамѣченными для общества. А если объ нихъ говорятъ, то только мимоходомъ, не придавая имъ какого либо выдающагося значенія. Для публики, въ большинствѣ случаевъ, національность убійцы безразлична. Ей мало интересуются, а если и интересуются, то не придаютъ какого-либо особаго, спеціальнаго значенія. Но бываютъ такіе процессы, когда общество возмущается «до дна» и долго не можетъ успокоиться... Таковъ-то именно процессъ Гильзнера, которому посчастливилось (?) обратить на себя вниманіе всего міра.

Были изданы сотни тысячъ открытыхъ писемъ съ видами, на которыхъ было представлено мѣсто, гдѣ найдена убитая дѣвушка, или портретъ старухи-матери, или жандармовъ, арестовавшихъ Гильзнера. Была выпущена масса брошюръ, содержащихъ въ себѣ обвиненія противъ убійцы. Народъ волновался и требовалъ справедливаго возмездія. Въ этомъ вопросѣ,—можетъ быть, единственный только разъ,—между народомъ и интеллигенціей обнаружилось полное согласіе относительно этого убійства и его настоящихъ мотивовъ. Пререканій и разнорѣчій,—если не принимать во вниманіе отдѣльныхъ голосовъ,—не было. Сущность этого процесса прекрасно резюмирована въ рѣчи прокурора кутнебергскаго суда.

«Одна пражская газета говоритъ, что дѣло это нѣсколько походитъ на дѣло Дрейфуса. Дѣйствительно, какъ и въ дѣлѣ Дрейфуса, газеты обратили и на это дѣло большое вниманіе и еще по сіе время имъ усиленно занимаются. Причина, почему убійство это возбуждаетъ такой интересъ, совершенно понятна, но мы должны оставить это въ сторонѣ и обсудить только то, что выяснилось при самомъ разбирательствѣ этого дѣла. Въ одномъ

Digitized by Google

только я убѣжденъ,—какъ убѣждены и вы, гг. присяжные,—а именно въ томъ, что *Гильзнеръ дѣйствительно виновенъ*.

«Первый вопросъ сводится къ слѣдующему: не совершено ли убійство Гильзнеромъ 29-го марта сего года, въ 6 ч. вечера въ Бржезинскомъ лѣсу? Это весьма важно; я и объясню, почему прокурорскій надзоръ такъ стремился, вопреки стараніямъ защиты, въ точности установить, что убійство произошло въ опредѣленномъ мѣстѣ и опредѣленнымъ образомъ. Изъ свидѣтельскихъ показаній видно, что убитая дѣвушка была очень богомольна и всегда носила при себѣ четки. Каждый день она ходила на заработокъ и ей приходилось ходить по дорогѣ, на которую выходитъ домъ, гдѣ жилъ Гильзнеръ со своею матерью Маріею. Домъ этотъ входитъ въ составъ польскаго еврейскаго квартала. Въ нижнемъ этажѣ этого дома помѣщается еврейско-нѣмецкая школа. При домѣ имѣется тоже погребъ. Старуха Гильзнеръ ничего не платила за квартиру, но зато она была обязана оказывать гостепріимство путешествующимъ евреямъ, въ особенности во время пасхи, такъ какъ евреямъ ихъ религія воспрещаетъ тогда путешествовать. Какъ разъ во время пасхи у Маріи Гильзнеръ проживало много евреевъ. По той же дорогѣ, по которой ходила Агнеса, находится Бржезинскій лѣсъ. Во всякомъ случаѣ, убійцѣ были извѣстны привычки Грузовой; иначе убійство не могло быть совершено съ такою неслыханною дерзостью, среди бѣла дня. При осмотрѣ тѣла, у убитой было обнаружено, что, кромѣ нѣсколькихъ ранъ, ей были нанесены три смертельныя. Изъ нихъ самая страшная состояла въ порѣзѣ горла, послѣдствіемъ котораго была смерть отъ потери крови. Затѣмъ было удостовѣрено, на основаніи найденныхъ слѣдовъ, что дѣвушку пытались душить, но не для того, чтобы тотчасъ причинить смерть, а только для того, чтобы она лишилась сознанія. Съ тою же цѣлью были причинены восемь ранъ на головѣ. При этомъ всякій обратитъ вниманіе на то, что еслибъ злодѣй хотѣлъ умертвить Грузову, то для этого *не требовалось наносить ей столько ранъ*. Дѣло въ томъ, что ударами въ голову онъ намѣревался ее только ошеломить, чтобы затѣмъ прибѣгнуть къ *характерному порѣзу горла*. (Движеніе).

«Въ убійствѣ принимало, очевидно, участіе нѣсколько человѣкъ. По крайней мѣрѣ, двое наносили удары, а третій перерѣзалъ горло. Таковы заключенія врачебной экспертизы. Сверхъ того, въ день убійства видѣли въ обществѣ Гильзнера нѣсколькихъ евреевъ. Стали искать убійцъ и долго не находили. Голосъ народа подчасъ ошибается, но въ настоящемъ случаѣ онъ не ошибся. Какъ только обнаружено было убійство, стали ходить слухи, что убійца долженъ быть Леопольдъ Гильзнеръ, человѣкъ лѣнивый и который по цѣлымъ днямъ бродитъ по Бржезинскому лѣсу. Много содѣйствовалъ открытію преступленія свидѣтель Печакъ. Это дѣлаетъ ему тѣмъ болѣе чести, что онъ работалъ почти исключительно на евреевъ, а потому *теперь лишился заработка. Евреи всячески старались погубить свидѣтеля*. Они увѣряли, что онъ воръ и фальсификаторъ, и что никто его трудами не пользовался, но все это оказалось самою наглою ложью. Противъ свидѣтельскихъ показаній Гильзнеръ ничего возразить не могъ. Кромѣ того, на старыхъ его штанахъ, спрятанныхъ въ сапогѣ, найдены пятна крови. Въ виду этого, Гильзнеръ долженъ быть признанъ виновнымъ».

Основаніемъ для обвиненія Гильзнера въ *ритуальномъ*, а не простомъ убійствѣ, послужили слѣдующія данныя экспертизы.

«Судебные врачи, — говоритъ газета «Галичанинъ» въ № 200

Digitized by Google

1899 г.,—доктора Михалекъ и Прокешъ, не смотря на всестороннія разслѣдованія, *не нашли никакихъ слѣдовъ изнасилованія* и констатировали, что трупъ былъ *совершенно безкровный* (*sic*!) и что уже послѣ убійства перерѣзано ножемъ горло. Врачебный осмотръ доказалъ, что убійство совершено способомъ, практикуемымъ такъ называемыми шехтерами, т. е. еврейскими *ритуальными рѣзниками*».

«Докторъ Прокешъ, на соотвѣтствующій вопросъ предсѣдателя суда, заявилъ подъ присягою, что на мѣстѣ преступленія нашелъ *очень немного крови*, а между тѣмъ изъ трупа убитой было выцѣжено непремѣнно 5 килограммовъ (около 15 фунтовъ) крови, и что, по его мнѣнію, *эта кровь была слита въ какой-то сосудъ*».

Дѣло это разбиралось въ г. Кутенбергѣ. Присяжные вынесли обвинительный вердиктъ и судъ приговорилъ виновника *къ смертной казни чрезъ повѣшеніе*. Народъ, наполнявшій залу засѣданія и запрудившій всю улицу, встрѣтилъ приговоръ съ радостью и съ громкими криками. Недовольными остались только одинъ присяжный (вѣроятно жидъ), который, выходя изъ залы засѣданія, громко кричалъ: «Позоръ, позоръ»! Присяжные засѣдатели обвинили Гильзнера *въ участіи въ убійствѣ*; этимъ они косвенно признали, что въ убійствѣ Анежки принимало участіе нѣсколько лицъ, а отсюда—одинъ шагъ до признанія преступленія съ ритуальной цѣлью...

Сенсаціонный процессъ, какъ и слѣдовало ожидать, этимъ не закончился. Защитникъ перенесъ дѣло въ высшій кассаціонный судъ, требуя, чтобы оно было передано на разсмотрѣніе другаго суда присяжныхъ, который не находился бы подъ неотразимымъ вліяніемъ антисемитовъ.

Еврейскія кагальныя организаціи приложили, понятнымъ образомъ, всѣ усилія, чтобы замять или направить дѣло по ложнымъ слѣдамъ. Даже сознаніе самого преступника нисколько не смутило его защитниковъ, и они стараются обѣлить его противъ воли, сваливъ вину на ближайшихъ родственниковъ убитой: на ея мать и брата. Характерный пріемъ, совершенно аналогичный тому, который примѣненъ былъ въ пользу Дрейфуса; характерно и то, что судебная власть, въ лицѣ судебнаго слѣдователя Рейхенбаха, тотчасъ же подвергаетъ мать и брата строжайшему допросу и оставляетъ ихъ подъ наблюденіемъ полиціи. Квартиру ихъ подвергаютъ тщательнѣйшему обыску. Соскабливаютъ штукатурку со стѣны, гдѣ стояла постель убитой, разыскивая слѣды крови подъ известкой, подымаютъ полъ, изслѣдуютъ каждую тряпку въ домѣ — понятно, безъ малѣйшаго результата. Тотъ же Рейхенбахъ производилъ раньше и предварительное слѣдствіе, но Гильзнера, не смотря на тяготѣвшія надъ нимъ подозрѣнія, *оставилъ на свободѣ*; арестованъ онъ былъ лишь по почину жандармскаго офицера. На свидѣтелей, которые добровольно являлись дать показанія, Рейхенбахъ кричалъ и выгонялъ ихъ вонъ. Родственниковъ Гильзнера и другихъ евреевъ, противъ которыхъ были улики, Рейхенбахъ оставилъ въ покоѣ. Однимъ словомъ, онъ велъ себя не какъ слѣдователь, а прямо, какъ подкупленный защитникъ преступленія.

Не смотря на то, что болѣе двадцати свидѣтелей могутъ подробнѣйшимъ образомъ описать тѣхъ двухъ «неизвѣстныхъ» евреевъ,

Digitized by Google

которыхъ видѣли съ Гильзнеромъ въ польненскомъ лѣсу,—до сихъ поръ не принято никакихъ мѣръ къ ихъ преслѣдованію. Характерно также, что свидѣтель Веселый, сапожникъ изъ Польны, обвиняетъ слѣдователя "въ *подлогѣ протоколовъ*. Поданныя въ рейхсратъ интерпеляціи требуютъ замѣны Рейхенбаха другимъ слѣдователемъ.

О цѣли неудавшейся попытки обвинить въ убійствѣ мать и брата жертвы профессоръ Шлезингеръ высказываетъ очень правдоподобное предположеніе. Цѣль этого маневра—устранить отъ дѣла энергичнаго повѣреннаго матери убитой, д-ра Баксу: разъ его довѣрительница изъ потерпѣвшей превратилась бы въ обвиняемую, ея адвокатъ лишенъ былъ бы доступа къ судебнымъ актамъ и дѣло постарались бы запутать и замять...

Судя по интерпеляціямъ, сильно скомпрометированъ и польненскій раввинъ (который послѣ интерпеляцій будто бы уѣхалъ изъ Польны неизвѣстно куда), равно какъ и еврейскій *ритникъ*, переславшій раввину подозрительную посылку (съ кровяными шариками), арестованную на почтѣ и отправленную въ Прагу для микроскопическаго изслѣдованія.

Еврейская община и раввинатъ подали, конечно, петиціи, и притомъ разомъ: министру юстиціи, министру-президенту, министру народнаго просвѣщенія и намѣстнику Нижней Австріи. Въ петиціи они, между прочимъ, говорятъ:

«Мы надѣемся, что австрійское правительство найдетъ средства, чтобы защитить нашу признанную государствомъ религію отъ гнусной клеветы, *жертвой которой были въ Китаѣ сотни христіанъ* (!!). Но наша вѣра въ мѣропріятія правительства не можетъ удержать насъ не высказать нашего горячаго протеста противъ того позора, который былъ нанесенъ нашей старинной религіи. Мы молчали, пока клевета обращалась противъ матеріальнаго благосостоянія нашихъ единовѣрцевъ. Но теперь дерзкія руки посягаютъ на наше самое святое: *на нашу религію* (??). И мы, по примѣру нашихъ отцовъ, будемъ нашимъ *имуществомъ* (главное: имуществомъ) и кровью нашей защищать честь и чистоту нашей религіи».

Верховный судъ любезно кассировалъ приговоръ, состоявшійся въ Кутной Горѣ. Мотивы кассаціи: пражскій медицинскій факультетъ заявилъ, что, во-1-хъ, убіеніе Анежки Грузовой *могло быть* совершено весьма легко и однимъ лицомъ, а не нѣсколькими, какъ то утверждалось на судѣ, и, во-2-хъ, что побужденіе къ преступленію слѣдуетъ искать въ *сферѣ половыхъ влеченій* (??), а не въ намѣреніи добыть кровь для какой бы то ни было цѣли.

Въ нынѣшнемъ году Гильзнеръ обвинялся вторично въ убіеніи Анежки Грузовой и, кромѣ того, въ другомъ убійствѣ, совершенномъ, *при обстоятельствахъ совершенно тожественныхъ*, надъ Маріей Климовой. Затѣмъ онъ обвинялся въ оклеветаніи двухъ евреевъ,—Эрдмана и Виссермана,—на которыхъ онъ указалъ, какъ на убійцъ Грузовой.

Содержаніе обвинительнаго акта слѣдующее:

29-го марта 1899 г., въ среду на страстной недѣлѣ, въ чешскомъ мѣстечкѣ Польной пропала безъ вѣсти девятнадцатилѣтняя дѣвушка Анежка Грузова. Въ послѣдній разъ ее видѣли въ шестомъ часу вечера, когда она возвра-

Digitized by Google

щалась съ работы изъ Польны въ сосѣднюю деревню, гдѣ жила съ матерью. Путь, по которому каждый день ходила дѣвушка, пролегалъ черезъ лѣсъ, и въ немъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ тропинки, былъ найденъ два дня спустя трупъ пропавшей, покрытый вѣтвями ели. Смерть послѣдовала отъ глубокаго порѣза на шеѣ; кромѣ того, на шеѣ оказались явные слѣды веревки и на головѣ нѣсколько ранъ, причиненныхъ палкой. Убійство совершено несомнѣнно *съ особенно звѣрскою жестокостью*. Убійца выскочилъ изъ засады въ густомъ ельникѣ, накинулъ жертвѣ петлю и, лишивъ сознанія ударами палки по головѣ, увлекъ въ лѣсъ. Тамъ,—повидимому уже въ безсознательномъ состояніи, — жертва была зарѣзана. *Крови найдено несоотвѣтственно малое количество* (sic). Платье сорвано съ жертвы и спрятано по близости; равнымъ образомъ найдены окровавленные палка и камни. При вскрытіи, констатировано, что погибшая *была и осталась дѣвственницей*. (Гдѣ же «*половое* побужденіе» къ убійству?!). Подозрѣніе въ убійствѣ пало на Гильзнера (съ какою же *эротическою* цѣлью убивалъ ее жидъ?) 24 лѣтъ, сапожника по профессіи, но *безъ занятій*. Гильзнеръ постоянно шатался въ Бржезинскомъ лѣсу, гдѣ совершено убійство, и alibi, имъ утверждаемое, опровергается достовѣрными свидѣтелями. Видѣли его въ Польнѣ въ этотъ день въ разное время около десяти свидѣтелей. Видѣли спѣшащимъ, въ сопровожденіи двухъ неизвѣстныхъ товарищей, по дорогѣ въ лѣсъ за *полчаса до совершенія убійства*. Видѣла его затѣмъ за *четверть часа* одна свидѣтельница, жена старшины сосѣдняго мѣстечка, *на самомъ мѣстѣ убійства*, причемъ онъ напугалъ ее, выскочивъ *съ палкой въ рукахъ*, и затѣмъ, видимо ошибшись въ ожиданіи, скрылся вновь въ лѣсу. Видѣли его затѣмъ, около часа спустя послѣ убійства, идущимъ изъ лѣсу въ городъ. Гильзнеръ былъ арестованъ, но *товарищи его не разысканы*. Приметы одного изъ нихъ, впрочемъ, точно описаны тремя свидѣтелями, причемъ одна свидѣтельница видѣла, какъ *мѣстный раввинъ давалъ ему деньги* [1]). Всѣ свидѣтели утверждали, что Гильзнеръ *въ день убійства переодѣвался три раза* и подъ вечеръ во время убійства былъ одѣтъ въ свое обычное сѣрое платье. При обыскѣ найдены были только сѣрыя брюки и жилетъ, но *послѣ обыска брюки пропали*. Вскорѣ послѣднія отыскались, благодаря показанію младшаго брата Гильзнера, сапожнаго подмастерья. Оказалось, что сундукъ съ платьемъ матеря Гильзнера отвезенъ былъ въ сосѣдній городъ Большое Междурѣчье и спрятанъ *въ старой синагогѣ* (sic). Тамъ были найдены и пропавшія сѣрыя брюки. Ректоръ пражскаго университета Рейнсбергъ и доцентъ Славинъ изслѣдовали ихъ микроскопически, химически и спектроскопически, и опредѣлили, что брюки подвергнуты стиркѣ, тѣмъ не менѣе на нихъ имѣются многочисленныя бурыя пятна, которыя съ весьма большой вѣроятностью слѣдуетъ признать за кровяныя, и притомъ, судя по величинѣ изолированныхъ элементовъ, *кровь на нихъ человѣческая*. Она сохранилась внутри ткани, но снаружи почти совсѣмъ смыта, почему и нельзя было открыть ее путемъ спектроскопическаго анализа.

Кромѣ того, доказано, что Гильзнеръ, въ послѣднее передъ убійствомъ время, носилъ съ собой совершенно новый, необыкновенно длинный ножъ (40 сантиметровъ длины), и подобный предметъ, завернутый въ бумагу, ви-

[1]) Раввины, какъ извѣстно, представляютъ собою между талмудистами вовсе не духовныхъ лицъ, а чисто свѣтскихъ маклеровъ по всякимъ дѣламъ, не исключая и контрабандныхъ. *Духовенства* же, въ собственномъ смыслѣ этого слова, у жидовъ нѣтъ со времени разрушенія іерусалимскаго храма.

Digitized by Google

дѣли у одного изъ двухъ его товарищей за полчаса до убійства. Товарищи Гильзнера, какъ упомянуто, остались неразысканными. Указанные имъ Вассерманъ и Эрдманъ къ дѣлу непричастны. Тѣмъ не менѣе, повидимому, вполнѣ соотвѣтствуютъ истинѣ многократныя признанія Гильзнера относительно двухъ евреевъ, которые остановились въ ихъ домѣ и спрашивали, не можетъ ли онъ указать имъ какую нибудь дѣвушку. Гильзнеръ указалъ имъ Грузову, разсказавъ, *гдѣ они могутъ подкараулить ее* при возвращеніи домой. Зачѣмъ нужна была имъ дѣвушка, Гильзнеръ будто бы не зналъ, но предполагалъ, что они хотятъ ее изнасиловать. Впослѣдствіи, вмѣсто Вассермана, Гильзнеръ указывалъ на какого-то польскаго еврея и, кромѣ того, нѣсколько разъ вообще отказывался отъ показанія, которое давалъ будто бы подъ вліяніемъ угнетеннаго состоянія духа и въ страхѣ передъ смертной казнью. Медицинское освидѣтельствованіе, однако, *признало Гильзнера вполнѣ нормальнымъ и здоровымъ*, и угнетеннаго состоянія въ немъ не было замѣчено. Нынѣ Гильзнеръ опять отрицаетъ всѣ прежнія показанія и утверждаетъ, въ противность всѣмъ свидѣтельскимъ показаніямъ, что въ день убійства не былъ въ Польнѣ и Анежки Грузовой вовсе не зналъ. Установлено, однако, что онъ ее не только зналъ, но и досаждалъ ей своими приставаніями.

Точно также отрицаетъ Гильзнеръ, что ему что либо было извѣстно объ убійствѣ Маріи Климовой, погибшей 17-го іюля 1898 года, при совершенно аналогичныхъ условіяхъ, въ другомъ лѣсу близъ Польны. Эта первая жертва Гильзнера долгое время считалась безъ вѣсти пропавшей, пока не былъ найденъ ея скелетъ подъ кучею вѣтвей. Замѣчательно, что вѣтви постоянно обновлялись и что близъ мѣста преступленія очень часто видѣли Гильзнера. Установлено также, что Гильзнеръ, вопреки своему утвержденію, былъ хорошо знакомъ съ Климовой и въ ночь убійства провожалъ ее домой черезъ тотъ самый лѣсъ, гдѣ нашли ея трупъ. Обстановка убійства, положеніе тѣла; оборванное, снятое съ трупа и спрятанное по сосѣдству платье—все указываетъ, что убійство въ обоихъ случаяхъ совершено однимъ и тѣмъ же лицомъ.

Зала суда совершенно переполнена. Присутствуютъ многочисленные представители государственныхъ и автономныхъ властей, члены аристократическихъ фамилій и болѣе пятидесяти представителей мѣстной и заграничной печати. Всѣ присяжные—чехи; судопроизводство ведется тоже по чешски.

На вопросъ предсѣдателя о виновности, Гильзнеръ громкимъ голосомъ отвѣчаетъ: «Нѣтъ, въ обоихъ убійствахъ я совершенно невиновенъ... совершенно невиновенъ»,—повторяетъ онъ еще разъ.

Предсѣдатель ставитъ вопросъ о томъ, что дѣлалъ Гильзнеръ въ день убійства Грузовой, 29-го марта 1899 г. Гильзнеръ отвѣчаетъ съ нѣкоторою страстностью, жестикулируя и по временамъ съ дрожащей интонаціей. Послѣ настойчивыхъ и неоднократныхъ вопросовъ, Гильзнеръ разсказываетъ, что 29 марта онъ одѣлся и отправился къ верхнимъ воротамъ. Здѣсь онъ встрѣтился съ товарищемъ, съ которымъ пошелъ гулять по тротуару. Послѣ прогулки, онъ отправился домой, гдѣ оставался около часу. Затѣмъ онъ снова вышелъ изъ дому черезъ нижнія ворота, гдѣ встрѣтился съ нѣкоторыми сапожными подмастерьями. Поговоривши съ ними, онъ направился на главную площадь. Пройдя нѣкоторыя зданія, онъ дошелъ до Катариненберга, гдѣ засталъ нѣкоторыхъ рабочихъ

Digitized by Google

за постройкой. Тамъ играли въ карты. Среди рабочихъ онъ узналъ знакомыхъ и подошелъ къ нимъ. Около трехъ часовъ, онъ сказалъ товарищамъ, что отправляется въ городъ. Такъ какъ они играли въ карты, то никто не хотѣлъ его сопровождать. Путь въ городъ ведетъ также къ бржезинскому лѣсу. Въ городъ Гильзнеръ отправился не прямымъ путемъ, а тропинками. Такимъ образомъ, онъ достигъ около 4 часовъ рингплана, гдѣ засталъ одного пріятеля, съ которымъ направился дальше. Около 6 часовъ онъ прошелъ черезъ верхнія ворота, гдѣ встрѣтился со студентомъ Бретшемъ, съ которымъ также вступилъ въ бесѣду. Онъ хотѣлъ черезъ верхнія ворота отправиться въ синагогу, но зналъ, что богослуженіе не начнется вслѣдствіе малочисленности прихожанъ. Тѣмъ не менѣе онъ отправился туда (?). Спустя часъ, онъ пришелъ домой, гдѣ засталъ мать. Вскорѣ явился его братъ Морицъ изъ сапожной мастерской, послѣ чего они всѣ легли спать».

Предсѣдатель указываетъ ему, что многія показанія свидѣтелей противорѣчатъ его разсказамъ, что на предварительномъ слѣдствіи онъ также показывалъ иное, но Гильзнеръ настаиваетъ на справедливости своего разсказа. На вопросъ предсѣдателя: былъ ли онъ въ бржезинскомъ лѣсу? Гильзнеръ даетъ категорическій отрицательный отвѣтъ.

Подсудимый Гильзнеръ, послѣ того какъ былъ приговоренъ къ смертной казни, вернувшись въ тюрьму изъ залы суда 16 сентября 1899 г., признался товарищамъ по заключенію, что онъ, дѣйствительно, убилъ Грузову и что въ этомъ убійствѣ принимали съ нимъ участіе два еврея, Вассерманъ и Эрбманъ.

20-го сентября Гильзнеръ далъ дальнѣйшія показанія, описавъ всю сцену убійства, какъ онъ свелъ упомянутыхъ евреевъ на опушку лѣса и встрѣтилъ тамъ Грузову поклономъ; какъ затѣмъ изъ-за дерева выскочилъ Вассерманъ и ударилъ дѣвушку по головѣ тяжелой палкой; затѣмъ выскочилъ изъ засады Эрбманъ и увлекъ Грузову въ кусты. Зарѣзалъ жертву тотъ же Эрбманъ;— *это его призваніе: онъ ходитъ по свету и инымъ ремесломъ не занимается* (!!!) На повторенный нѣсколько разъ вопросъ смотрителя: — не вретъ ли онъ?— Гильзнеръ отвѣчалъ:—«Я долженъ это знать, я былъ тамъ». Когда невиновность Вассермана была доказана, Гильзнеръ сталъ говорить о какомъ-то евреѣ изъ Освѣчима. Разсказывалъ Гильзнеръ также, что за указаніе дѣвушки ему обѣщано было 50 гульденовъ, но онъ ничего не получилъ, и вотъ теперь виновные гуляютъ на свободѣ, а онъ, невиновный, осужденъ. Лишь послѣ свиданія съ матерью и защитникомъ, Гильзнеръ совершенно перемѣнился и сталъ отказываться отъ своихъ разоблаченій. Особенно доволенъ онъ былъ разговоромъ съ защитникомъ Ауредничкомъ, который увѣрилъ его, что скорѣе повѣсятъ его, Ауредничка, нежели Гильзнера. На вопросъ, правильно ли показываетъ свидѣтель, Гильзнеръ молчитъ и видимо смущенъ. Затѣмъ онъ показываетъ, что какъ смотритель, такъ и всѣ товарищи по заключенію, приставали къ нему, чтобы онъ сознался, и онъ уступилъ ихъ давленію, будучи совершенно разстроенъ приговоромъ.

Подробныя признанія Гильзнера слышали нѣсколько его товарищей по заключенію въ разное время отъ 16-го сентября до 20-го октября 1899 года. Относительно 16-го сентября два свидѣтеля показываютъ согласно съ Миф. фикомъ. Затѣмъ свидѣтель Новакъ показываетъ, что 5-го октября Гильзнеръ плакалъ, разсказывая, что онъ невиненъ; виноватъ хромой еврей и еще другой. Они дали ему за Грузову всего 2 гульдена. Онъ не хотѣлъ показат

Digitized by Google

ним дѣвушку даромъ; тогда ему обѣщали 50 гульденовъ и онъ свелъ евреевъ на мѣсто убійства. Польскій еврей повалилъ Грузову ударомъ палки; затѣмъ они перерѣзали ей горло и *выпустили кровь въ жестяной сосудъ*. Ему, Гильзнеру евреи обѣщанныхъ денегъ не дали (надули и тутъ).

Свидѣтель Кумпаръ показываетъ, что Гильзнеръ плакался передъ нимъ 20-го октября, что такъ долго уже сидитъ въ тюрьмѣ, тогда какъ *виновные остались на свободѣ*. Свидѣтель совѣтовалъ ему назвать настоящихъ виновныхъ. Гильзнеръ отвѣчалъ, что въ такомъ случаѣ «*ему была бы отъ евреевъ смерть*», что онъ и безъ того ждетъ смерти, но онъ «*не можетъ предать вину*»(?!). Разсуждалъ Гильзнеръ вполнѣ здраво и вовсе не казался потерявшимъ голову. Всѣ бывшіе сотоварищи Гильзнера по заключенію утверждаютъ, что онъ разсказывалъ имъ объ обстоятельствахъ убійства не по принужденію, но по доброй волѣ. Они его не выспрашивали по отдѣльнымъ пунктамъ, какъ онъ теперь утверждаетъ; напротивъ, разсказъ его былъ связный.

Вызываютъ Соломона Вассермана. Онъ доказываетъ свое alibi: онъ находился въ концѣ марта въ больницѣ, былъ подвергнутъ операціи. Пользовавшій его врачъ изслѣдуетъ его и устанавливаетъ его личность. Другой названный Гильзнеромъ еврей Эрбманъ нынѣ не могъ быть разысканъ, однако, имѣющіяся въ старомъ протоколѣ данныхъ достаточно для доказательства неприкосновенности Эрбмана къ дѣлу.

IV.

На вопросъ предсѣдателя объ убійствѣ Климовой, Гильзнеръ даетъ также отрицательный отвѣтъ. Онъ настаиваетъ, что совершенно не зналъ ея; отвергаетъ свою связь съ Климовой, говоря, что въ это время у него была другая дѣвушка, съ которой онъ находился въ постоянной связи.

Д-ръ Певный,—представитель гражданскихъ интересовъ матери Климовой,—заявляетъ о письмѣ, полученномъ имъ отъ бывшаго начальника жандармскаго поста Іосифа Гнатка, въ которомъ тотъ сообщаетъ о разговорѣ, слышанномъ имъ случайно въ Польнѣ въ почтовой каретѣ. Ѣхавшая съ нимъ дѣвушка разсказывала, какъ 27-го октября 1898 года она вмѣстѣ съ сестрой рвала ягоды близъ моста, гдѣ въ тотъ же день нѣсколькими часами позднѣе найденъ былъ скелетъ Климовой. Дѣвушки замѣтили по близости человѣка, который, неся охапку свѣже срѣзанныхъ вѣтвей и остановившись недалеко отъ нихъ, сталъ класть ихъ на кучу такихъ же, уже засохшихъ. Они узнали въ немъ «Польду» (Гильзнера), но послѣдній, замѣтивъ ихъ, быстро удалился. Въ тотъ же вечеръ разнеслась вѣсть о страшной находкѣ: дѣвушки поспѣшили опять въ лѣсъ и оказалось, что скелетъ найденъ подъ той самой кучей вѣтвей, у которой онѣ видѣли Гильзнера. Онѣ говорили окружающимъ о своихъ наблюденіяхъ, но ихъ никто не слушалъ; потомъ онѣ уже не вмѣшивались въ дѣло. Разыскать этихъ свидѣтельницъ, по мнѣнію Гнатка, очень легко по извѣстнымъ ему примѣтамъ.

Произведенное въ Польнѣ разслѣдованіе увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. Дѣвушки, встрѣтившія Гильзнера въ лѣсу, найдены и подтвердили, что видѣли его въ день обнаруженія убійства Климо-

Digitized by Google

вой въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нѣсколько часовъ позднѣе найденъ былъ скелетъ.

Рядъ свидѣтелей устанавливаетъ, что Гильзнеръ съ Климовой были вмѣстѣ на церковномъ праздникѣ въ мѣстечкѣ Згоржѣ, близъ Польны, въ день убійства 17-го іюля 1898 г. Свидѣтель Вечѣра видѣлъ Гильзнера въ этотъ день, въ 12 часовъ дня, направляющимся въ Згоржъ съ дѣвушкой, которая по всѣмъ примѣтамъ была Климова, и въ сопровожденіи другаго кривого еврея. Свидѣтель, заговоривъ съ Гильзнеромъ, выразилъ удивленіе, что еврей идетъ на богомолье съ христіанской дѣвушкой. Гильзнеръ отвѣчалъ смѣясь:— «А почему же бы мнѣ не идти на праздникъ съ такой дѣвушкой»?— При этомъ онъ взялъ ее за талію. Въ самомъ Згоржѣ видѣлъ Гильзнера свидѣтель Гаекъ въ то время, когда тотъ выходилъ изъ переулка, гдѣ живетъ лавочникъ и *рѣзникъ* Рейнгольдъ. Климову онъ видѣлъ на площади близъ палатки пряничника.

Экспертизой, произведенной чешскимъ медицинскимъ факультетомъ въ Прагѣ, установлено, что Марія Климова была сначала ошеломлена ударами палкой по головѣ и затѣмъ, въ безсознательномъ повидимому состояніи, зарѣзана, причемъ убійца очевидно стоялъ у нея за спиною, а она, вѣроятно, находилась передъ нимъ на колѣняхъ, наклоненная головой внизъ или же съ головой, закинутой назадъ. Смерть произошла отъ кровоистеченія. Найденное близъ трупа платье не только принадлежало убитой, но и было на ней въ день ея исчезновенія. Установленіе этого факта весьма важно въ интересахъ обвиненія, въ виду того, что платье было найдено только годъ съ четвертью спустя послѣ находки скелета, почему и высказывалось предположеніе, что вещи могли быть подложены позднѣе, чтобы усилить впечатлѣніе тожественности условій того и другаго убійства и связать ихъ оба съ именемъ Гильзнера. Не менѣе важны въ этомъ смыслѣ результаты изслѣдованій найденныхъ вещей профессорами пражскаго университета Бѣлогубкомъ и Гинтлемъ, которымъ поручено было опредѣлить, какъ долго лежали вещи въ лѣсу и не хранились ли онѣ въ другомъ мѣстѣ за полуторагодовой промежутокъ времени отъ дня убійства до дня ихъ нахожденія. Оба эксперта высказались вполнѣ согласно, что платье лежало только въ лѣсу и притомъ весьма продолжительное время, такъ какъ поросло уже мохомъ. Точно опредѣлить время нахожденія въ лѣсу невозможно, но во всякомъ случаѣ оно лежало тамъ не менѣе 8—9 мѣсяцевъ, а вполнѣ возможно, что и всѣ полтора года. Разрѣзы на платьѣ убитой совершены ножемъ, причемъ матерія при ея разрѣзаніи должна была быть натянута, т. е. вѣрнѣе всего на тѣлѣ. Спрятано оно было тѣмъ же характернымъ способомъ подъ мохомъ, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ трупа, какъ и при убійствѣ Грузовой, и въ данномъ случаѣ нѣкоторыя мелкія вещи пропали между прочимъ, пропалъ молитвенникъ Климовой, а послѣ убійства Грузовой не доискались ея четокъ. Такимъ образомъ, тожественность преступниковъ въ обоихъ случаяхъ является установленной съ полной очевидностью. Относительно вѣтвей, прикрывавшихъ трупъ, удостовѣрено, что за трехмѣсячный промежутокъ со дня убійства до дня его обнаруженія на трупѣ въ разное время положено, по крайней мѣрѣ, три слоя вѣтвей. Изъ нихъ послѣдній слой состоитъ всего изъ четырехъ вѣтвей, совершенно свѣжихъ. Судя по тому, что черепъ и ноги въ день обнаруженія скелета виднѣлись изъ-подъ кучи, преступникъ, очевидно, не успѣлъ въ послѣдній разъ положить достаточное

Digitized by Google

число вѣтвей, — предположеніе, вполнѣ подтверждаемое сообщеннымъ въ письмахъ жандарискаго унтеръ-офицера разсказомъ собиравшихъ ягоды дѣвушекъ, которыя спугнули Гильзнера, когда онъ клалъ вѣтви на кучу.

Убійство Грузовой и Климовой въ общемъ почти тожественны, что́ указываетъ, конечно, на то, что убійцей этихъ дѣвушекъ было одно и то же лицо и цѣль убійства одна и та же. Экспертизой пражскихъ профессоровъ констатировано слѣдующее:

Трупъ Грузовой найденъ лежащимъ лицомъ къ землѣ съ согнутыми въ колѣняхъ ногами. Вѣроятно, Грузова стояла на колѣняхъ, когда ей рѣзали горло; на это указываютъ соотвѣтствующія характеру почвы глинистыя пятна на ея юбкѣ и передникѣ, какъ разъ тамъ, гдѣ должны были прійтись колѣни. Съ согнутыми колѣнями трупъ застылъ и затѣмъ, вѣроятно, былъ перенесенъ на нѣсколько шаговъ изъ углубленія между деревьями, гдѣ найдены слѣды крови, на то мѣсто, гдѣ онъ былъ обнаруженъ. Упомянутое углубленіе отмѣчено загадочными нитями, развѣшанными по вѣтвямъ деревьевъ несомнѣнно намѣренно, какъ будто *мѣсто для убійства было заранѣе приготовлено.* Загадочнымъ обстоятельствомъ является также для чего-то понадобившееся преступникамъ раздѣваніе трупа. Нижняя большая часть рубашки частью оторвана, частью обрѣзана, притомъ несомнѣнно ножницами, и на мѣстѣ преступленія не найдена (то же самое замѣчено и при обнаруженіи скелета Климовой). Верхняя часть рубашки завернута на голову; кромѣ того, голова завернута поверхъ рубашки еще въ одну изъ юбокъ. На рукахъ—рукава двухъ лифовъ; все туловище до таліи обнажено, отъ таліи до колѣнъ панталоны, далѣе чулки и сапоги. Въ разстояніи нѣсколькихъ шаговъ отъ трупа, найдены въ двухъ мѣстахъ спрятанными подъ мохомъ два платка убитой, три юбки и передникъ. Экспертиза пражскаго медицинскаго факультета допускаетъ, что побужденіемъ къ преступленію могло быть *половое возбужденіе* (?!). Возможно, что Грузова, ошеломленная ударомъ по головѣ, очнулась отъ обморока въ моментъ, когда преступникъ хотѣлъ ее изнасиловать, стала сопротивляться и была имъ убита въ борьбѣ. Возможно далѣе, что преступникъ не былъ нормаленъ въ половомъ смыслѣ. Извѣстно, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ половаго извращенія лицо, ищущее возбужденія, находитъ половое удовлетвореніе въ пораненіи или умерщвленіи женщины (такъ называемый садизмъ). Однако, столь же возможно допустить, что всѣ странныя манипуляціи съ трупомъ и одеждой убитой совершены ради симуляціи половыхъ мотивовъ преступленія (?).

Судебному слѣдователю и прокурору, при осмотрѣ трупа Грузовой, бросилось въ глаза отсутствіе крови, какъ въ трупѣ, такъ и въ землѣ, на которой лежала убитая. Куда дѣлась кровь? Это—вопросъ не празднаго любопытства. Отсутствіе крови указываетъ, что убійство совершено не ради грабежа или насилія, а съ какою-то другой цѣлью. Обвиненіе не безъ основанія думаетъ, что отсутствіе крови въ трупѣ *указываетъ на ритуальное убійство.* Правда, экспертиза пражскихъ профессоровъ пытается дать правдоподобное (!) объясненіе исчезновенія крови. Эта попытка весьма любопытна. Опредѣливъ, что тѣло дѣвушки, сложенія и роста Грузовой, могло вмѣщать около 3,600 кубич. сантиметровъ крови, и допустивъ, что половина крови могла остаться въ трупѣ, не смотря на огромную рану на шеѣ, экспертиза опредѣляетъ, что изъ вылившихся изъ раны 1,800 куб. сантиметровъ 800 составляютъ макси-

Digitized by Google

мумъ того количества, которое могло оставить незначительные слѣды на платьѣ и волосахъ убитой, а 1000 сантиметровъ могли впитаться въ землю на томъ небольшомъ пространствѣ (въ нѣсколько сантиметровъ длины и ширины), которое оказалось покрытымъ кровью. Послѣднее предположеніе, однако, имѣетъ мѣсто при допущеніи проникновенія крови въ глубь почвы, а этого-то на самомъ дѣлѣ и не было, судя по протоколу осмотра мѣста преступленія.

Не смотря на всѣ старанія самого Гильзнера и его защитника доказать alibi въ день убійства Грузовой, ему не удалось этого сдѣлать.

Свидѣтельскими показаніями удостовѣрено, что Гильзнеръ за три часа до убійства Грузовой (оно произошло около шести) былъ въ комнатѣ товарищей, игравшихъ въ карты на горѣ подъ городомъ. Гильзнеръ звалъ ихъ въ лѣсъ, но они не пошли. Въ 4 часа товарищи разстались. Гильзнеръ, бывшій въ темномъ платьѣ, пошелъ, повидимому, въ городъ. Въ пятомъ часу его видѣлъ одинъ свидѣтель на городской площади. Гильзнеръ былъ въ сопровожденіи двухъ неизвѣстныхъ и одѣтъ былъ въ старое сѣрое платье. Свидѣтель удивился, что Гильзнеръ въ праздникъ одѣтъ въ старое платье, тогда какъ ему извѣстно было, что онъ нарочно къ празднику заказалъ новое (пасха католическая и еврейская въ этомъ году совпадали; дѣло было въ среду на страстной). Затѣмъ рядъ свидѣтелей удостовѣряютъ, что встрѣтили Гильзнера около 5 час., спѣшившаго въ сопровожденіи двухъ неизвѣстныхъ по ближайшей дорогѣ къ той сторонѣ лѣса, гдѣ произошло убійство. Обстоятельства этой встрѣчи точно установлены. Въ узкомъ переулкѣ Гильзнеру съ товарищами преградилъ дорогу возъ съ соломой, и кучеръ Цинкъ, правившій возомъ, попросилъ ихъ спрятать папироски, чтобы не поджечь воза. Гильзнеръ просилъ товарищей исполнить просьбу. Разговоръ, происшедшій при этомъ, слышали двѣ женщины на сосѣднемъ дворѣ; они узнали Гильзнера по голосу. Кучеръ Цинкъ обратилъ вниманіе на одного изъ товарищей Гильзнера, еврея поразительной внѣшности, мертвенно блѣднаго, съ сильно выпуклыми губами, черными усиками и большими блестящими черными глазами, замѣтно припадавшаго на ходу. Его онъ видѣлъ за два дня до того на площади и еще однажды раньше въ обществѣ Гильзнера. Несомнѣнно того же неизвѣстнаго въ Польнѣ еврея видѣли съ Гильзнеромъ и другіе свидѣтели, какъ въ день убійства, такъ и два раза ранѣе. Встрѣченные Цинкомъ по дорогѣ въ лѣсъ, Гильзнеръ съ товарищами шли быстро, почти бѣжали. У блѣднаго еврея изъ внутренняго кармана распахнувшагося пальто *торчалъ длинный узкій предметъ въ бумагѣ*. Тотъ же предметъ, но въ футлярѣ, замѣтила встрѣтившая тѣхъ же трехъ евреевъ въ томъ же переулкѣ дочь мясника Губерова. *Они произвели на нее впечатлѣніе, точно бѣжали «рѣзать»*. По той же дорогѣ нѣсколько далѣе встрѣтилъ тѣхъ же людей портной Стрнадъ. Онъ описываетъ спутниковъ Гильзнера подробно. Одного изъ нихъ, хромаго, онъ видалъ уже въ то же утро на площади и еще разъ за недѣлю до роковаго дня. Гильзнеръ показываетъ, что Стрнадъ спрашивалъ его наканунѣ арестованія, куда онъ шелъ съ Лайкснеромъ и съ чужимъ евреемъ. Но это было не въ день убійства, а днемъ раньше. Стрнадъ показываетъ, что онъ Лайкснера не называлъ, а спрашивалъ, какъ зовутъ неизвѣстныхъ евреевъ. Гильзнеръ отвѣчалъ ему, что былъ съ ними, но ихъ именъ не знаетъ. Свидѣтельница Соботкова показываетъ, что встрѣтила Гильзнера въ $6^1/_2$ ч. вечера возвращавшимся изъ лѣсу; онъ прошелъ въ 30 шагахъ отъ нея. У него была шляпа съ перьями.

Digitized by Google

При допросѣ свидѣтелей, выяснился одинъ крайне любопытный фактъ. Совѣтникъ Рейхенбахъ, производившій дознаніе, обвинялся свидѣтелями въ произвольныхъ дѣйствіяхъ и въ давленіи, которое оказывалъ на нихъ при допросѣ. Свидѣтель Веселый на предварительномъ слѣдствіи показалъ, что онъ видѣлъ у Гильзнера *кухонный* ножъ, а на судѣ показываетъ, что у него былъ *рѣзницкій* ножъ. На вопросъ предсѣдателя: почему онъ на предварительномъ слѣдствіи заявилъ, что у Гильзнера былъ кухонный ножъ, а теперь говоритъ о рѣзницкомъ ножѣ, свидѣтель отвѣчалъ: — Я говорилъ о рѣзницкомъ ножѣ съ самаго начала, но *совѣтникъ Рейхенбахъ сталъ кричать, что ножъ долженъ былъ быть кухонный*, и такъ и написалъ въ протоколѣ, а мнѣ пришлось подписать, но я утверждаю, что ножъ былъ рѣзницкій.

При очной ставкѣ съ Гильзнеромъ, Веселый подтверждаетъ, что ножъ Целлингера, о которомъ говоритъ Гильзнеръ, — совсѣмъ другой ножъ. Съ подсудимымъ Веселый говоритъ въ сердечномъ тонѣ. Также дружественно отвѣчаетъ ему Гильзнеръ, однако, настаиваетъ, что у него былъ простой ножъ, взятый у Целлингера. Нѣсколько другихъ свидѣтельскихъ показаній подтверждаютъ, что Гильзнеръ, показывая подобный рѣзницкому ножъ, говорилъ, что это его оружіе защиты, и спрашивалъ одну дѣвушку, не боится ли она его. Одинъ изъ свидѣтелей подробно описываетъ рѣзницкій ножъ Гильзнера и рисуетъ его на бумагѣ. Профессоръ Шлезингеръ также указалъ въ запискѣ, поданной имъ въ рейхсратъ, на непонятный образъ дѣйствій совѣтника Рейхенбаха, который кричалъ на свидѣтелей, выгонялъ ихъ вонъ и не хотѣлъ арестовать Гильзнера. Шлезингеръ протестовалъ противъ непринятія мѣръ къ преслѣдованію скомпрометированныхъ жидовъ. Улики, — по словамъ этого профессора, — имѣются прежде всего противъ польненскаго раввина д-ра Гольдбергера.

Какъ извѣстно, въ день убіенія Апежки Грузовой, 29-го марта, въ 5 часовъ пополудни, Гильзнера видѣли въ сопровожденіи двухъ евреевъ, изъ которыхъ одинъ былъ хромой. Этого хромаго еврея видѣли въ тотъ же день въ 11 часовъ утра передъ домомъ раввина, и притомъ въ разговорѣ съ послѣднимъ. Свидѣтельница Юлія Пешакова видѣла, какъ докторъ Гольдбергеръ бросилъ хромому еврею свернутую записку, которую тотъ сунулъ въ карманъ. Свидѣтель Чермакъ, живущій напротивъ, прибавляетъ, что раввинъ самъ подозвалъ къ себѣ хромаго еврея. Свидѣтельницы Шипова и Сурова *видѣли хромаго еврея выходящимъ изъ дома раввина съ пакетомъ въ клеенкѣ, похожимъ по формѣ на сосудъ, литровъ въ шесть вмѣстимости.* Прислуга раввина, Марія Пернашка свидѣтельствуетъ, что хромой еврей обѣдалъ у раввина послѣ убійства и она, по приказанію жены раввина, обмывала послѣ хромаго диванъ, на которомъ онъ сидѣлъ, такъ какъ *хромой былъ паршивый.*

Далѣе уликою противъ раввина Гольдбергера,—равно какъ и противъ еврея-рѣзника Курцвейля,—служитъ таинственная посылка, отосланная послѣднимъ первому по почтѣ, но возбудившая подозрѣнія, вскрытая и отправленная въ Прагу для микроскопическаго изслѣдованія. Въ качествѣ содержимаго посылки значились духи, но когда вскрыли ящикъ, то въ немъ оказался завернутый въ душистую обертку флаконъ *съ красно-коричневыми ма-*

Digitized by Google

ракахъ, похожими на засохшую кровь, въ томъ видѣ, какъ она употребляется съ ритуальными цѣлями, по сообщенію раввина Мольдаво.

Что̀ касается отправителя посылки, рѣзника Курцвейля, то свидѣтели,—полицейскій Конделя и шляпочникъ Фюрихъ, — удостовѣряютъ, что видѣли его въ день убійства въ Польнѣ въ обществѣ кабачика Фрида, также подозрѣваемаго въ участіи въ преступленіи. Другіе свидѣтели удостовѣряютъ, что въ ночь съ 29-го на 3-ое марта, т.-е. въ ночь послѣ убійства, Курцвейль ночевалъ у Гильзнеровъ. Установлено также, что Курцвейль отсутствовалъ съ мѣста жительства въ Гольцувѣ-Енниковѣ съ 29-го по 31-е марта, вернулся съ обвязаннымъ лицомъ и послѣ того *его лицо носило слѣды царапинъ.* Портной Леделъ свидѣтельствуетъ, что служанка рѣзника принесла ему *только что вымытое и еще сырое платье Курцвейля, съ тѣмъ чтобы онъ его выворотилъ на другую сторону*; на вопросъ портнаго, что̀ случилось съ платьемъ, служанка отвѣчала, *что оно было все въ крови.*

Кромѣ Рейхенбаха, въ процессѣ Гильзнера подозрительно велъ себя польненскій врачъ Бухова, который, по словамъ д-ра Баксы, распространялъ агитаціонныя брошюры и писалъ письма лицамъ, имѣвшимъ возможность *оказать давленіе на свидѣтелей* обвиненія, обѣщая имъ за изобличеніе «неправды антисемитовъ извѣстныя выгоды». Кромѣ того, д-ръ Бухова былъ допущенъ противозаконно къ осмотру платья Грузовой и на основаніи этого осмотра представилъ въ министерство юстиціи въ защиту Гильзнера записку, пересланную затѣмъ изъ министерства въ пражскій медицинскій факультетъ, «для руководства» при экспертизѣ. Д-ръ Бакса требовалъ прочтенія этой записки, но судъ отказалъ ему въ этомъ. А, кажется, это требованіе было вполнѣ законное и желательное въ интересахъ самаго дѣла! Д-ра Певнаго,—представителя гражданскихъ интересовъ потерпѣвшей матери Климовой, требовавшаго объясненія дѣйствій совѣтника Рейхенбаха, польненскаго раввина и др. лицъ, — предсѣдатель предостерегъ, что слова его (Певнаго) могутъ быть отнесены также къ дѣйствіямъ особъ высокопоставленныхъ, и въ этомъ случаѣ онъ, предсѣдатель, долженъ высказать ему рѣшительное порицаніе.

Польненскій раввинъ, на предварительномъ слѣдствіи говорившій, что онъ видѣлъ Гильзнера въ день убійства Грузовой въ бржезинскомъ лѣсу, теперь отказался отъ этого своего показанія. На вопросъ предсѣдателя о Гильзнерѣ, раввинъ отвѣчаетъ, весь дрожа отъ волненія: «первоначально я показалъ, что я видѣлъ тамъ и Гильзнера. Теперь я долженъ сказать, что, вѣроятно, ошибся, такъ какъ многіе свидѣтели увѣряли меня, что его тамъ не было. Въ виду этого я полагаю, что ошибка съ моей стороны была вѣроятна». Въ синагогѣ, въ день убійства Грузовой, раввинъ Гильзнера не видалъ. Во время пѣнія онъ, свидѣтель, поворачивается къ молящимся спиною; къ тому же онъ на одинъ глазъ слѣпъ, а другимъ глазомъ плохо видитъ. На вопросъ, упрекали ли свидѣтеля его единовѣрцы за то, что онъ не показалъ, что видѣлъ Гильзнера въ синагогѣ, раввинъ отвѣчалъ отрицательно: напротивъ, евреи убѣждали его сказать правду.

Нѣкоторые свидѣтели обвиненія указали на польненскихъ евреевъ, которые обсуждали поступокъ Гильзнера и которые могли дать

Digitized by Google

показанія на судѣ не въ пользу обвиняемаго. Послѣдніе,—какъ напр., Шиллеръ, супруги Рашъ и др.,—отозвались, что они ничего не знаютъ, что они даже не слыхали объ убійствѣ дѣвушекъ...

Вообще, со стороны защиты, были приняты всѣ мѣры къ тому, чтобы оправдать Гильзнера и дискредитировать свидѣтелей обвиненія. Про д-ра Баксу,—представителя гражданскаго иска матери Грузовой,—пустили молву, что онъ находится подъ слѣдствіемъ по обвиненію въ томъ, что склонялъ одного изъ главныхъ свидѣтелей обвиненія дать ложное показаніе. Конечно, это оказалось жидовской уткой. Съ самаго начала процесса распущенъ былъ и другой, совершенно фантастическій, слухъ, что Климова,—скелетъ которой давно покоится на мѣстномъ кладбищѣ,—явится, живая и невредимая, спасти своего предполагаемаго убійцу... И, дѣйствительно, въ самый трагическій моментъ предсѣдатель читаетъ полученное имъ анонимное письмо, въ которомъ сообщается, что Марья Климова жива и даже очень весело живетъ въ Кафе-Имперіаль, въ городѣ Мангеймѣ въ Германіи. Къ письму была приложена фотографія Климовой, которая уже отослана въ Польну, для представленія родителямъ. Въ Мангеймъ посланъ телеграфный запросъ и полученъ уже отвѣтъ, что, дѣйствительно, Марія Климова живетъ тамъ на Лорхштрассе. Тожественна ли она съ исчезнувшей въ Польнѣ Климовой,—которую до послѣдней минуты видѣли въ обществѣ Гильзнера и другихъ евреевъ,—пока еще не выяснено. Аудиторія въ сильнѣйшемъ волненіи. Докторъ Бакса во время перерыва заявляетъ, что онъ давно ждалъ этой шутки.

Конечно, и эта уловка не имѣла успѣха. Какъ и слѣдовало ожидать, Марія Климова изъ Кафе-Имперіаль въ Мангеймѣ не оказалась тожественной съ пропавшей въ Польнѣ дѣвушкой. Родные не узнали присланной имъ фотографіи, а мангеймская полиція сообщила, что проживающая въ Мангеймѣ дѣвушка—родомъ изъ Венгріи.

V.

Одиннадцать свидѣтелей, заслуживающихъ полнаго довѣрія подтвердили единодушно, что въ день убійства Грузовой они видѣли Гильзнера съ ней.

Судъ поставилъ слѣдующіе вопросы присяжнымъ: 1) виновенъ ли Гильзнеръ въ убійствѣ Грузовой съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ? 2) виновенъ ли онъ въ убійствѣ Климовой? 3) виновенъ ли въ оклеветаніи Вассермана и Эрбмана? и 4) дополнительный вопросъ въ случаѣ отрицательнаго отвѣта по первому пункту: виновенъ ли Гильзнеръ въ соучастіи въ убійствѣ Грузовой?

Прокуроръ въ своей рѣчи высказалъ увѣренность, что убійство произведено Гильзнеромъ, который нарисовалъ характерную и полную картину убійства, и только умолчалъ о настоящихъ сообщникахъ. Что сообщники были,—прокуроръ глубоко убѣжденъ. Оба убійства, по его мнѣнію, несомнѣнно совершены при участи однихъ и тѣхъ же лицъ; убійство Грузовой можно назвать настоящей фотографіей съ убійства Климовой. Особенно характерно въ обоихъ

Digitized by Google

случаяхъ исчезновеніе отрѣзанной ножницами нижней части рубашки жертвы. Въ ритуальный мотивъ убійствъ прокуроръ не вѣритъ (??!!).

Представитель гражданскихъ интересовъ матери Грузовой, д-ръ Бакса, возражалъ прокурору весьма энергично именно по вопросу *о ритуальномъ характерѣ убійства*. При этомъ онъ отмѣтилъ цѣлый рядъ небывалыхъ въ судебной практикѣ отступленій отъ обычной нормы и нарушеній судебнаго порядка. «Противъ обвинительнаго приговора кутногорскаго суда была начата неслыханная агитація,—говорилъ онъ.—*Это былъ настоящій заговоръ противъ закона и справедливости*. Кассаціонный судъ, вмѣсто того чтобы обсуждать поводы къ кассаціи, занимался почти исключительно мотивами убійства». Ораторъ развиваетъ тему о ритуальномъ убійствѣ (эта часть рѣчи конфискована въ печати). *Половая извращенность*, по мнѣнію Баксы, *въ данныхъ преступленіяхъ не играетъ никакой роли*. Главной уликой противъ обвиняемаго, помимо всѣхъ свидѣтелей, Бакса считаетъ тотъ знаменательный фактъ, что Гильзнеръ не посмѣлъ назвать тѣхъ двухъ евреевъ, съ которыми многочисленные свидѣтели видѣли его передъ убійствомъ Грузовой. Будь Гильзнеръ невиненъ, онъ, напротивъ, содѣйствовалъ бы вызову своихъ тогдашнихъ сотоварищей въ качествѣ главныхъ свидѣтелей защиты.

Бакса доказывалъ, что убійство носитъ ритуальный характеръ, и ссылался на *недостачу значительнаго количества крови, неизвѣстно куда изчезнувшей*: ни самый трупъ, ни платье покойной не были окровавлены; кровяныя пятна оказались только на брюкахъ Гильзнера, *спрятанныхъ въ синагогѣ* (!!). Наконецъ, по его мнѣнію, заслуживаетъ вниманія *характерный портъ на шеѣ убитой, тожественный съ ритуальнымъ портомъ еврейскихъ ръзниковъ*. Бакса собрался было привести историческія доказательства, что *среди евреевъ существуетъ секта, которой нужна кровь невинныхъ христіанскихъ дѣвушекъ*, но предсѣдатель перебилъ его, предупреждая, что *лишитъ его слова* (?!). Бакса закончилъ свою рѣчь словами: «*Весь міръ ждетъ отсюда свѣта, но судъ лишилъ меня слова, какъ только сталъ я излагать исторію процессовъ о ритуальныхъ убійствахъ*»...

Представитель гражданскихъ интересовъ родителей Климовой, д-ръ Певный, намѣревался было коснуться двухъ характерныхъ аналогичныхъ процессовъ, происходившихъ на дняхъ въ Зексишъ-Камницѣ и въ Коницѣ. Предсѣдатель его останавливаетъ. Певный обращается къ исторіи вопроса о ритуальныхъ убійствахъ, но предсѣдатель опять его прерываетъ... Словомъ, ведетъ себя не какъ предсѣдатель суда, а прямо таки какъ соучастникъ или укрыватель убійства. Далѣе, тотъ же диковинный судья не разрѣшилъ д-ру Баксѣ говорить о процессѣ Гильзнера съ ритуальной точки зрѣнія. Но у насъ есть рѣчь этого защитника, сказанная имъ въ прошломъ году по адресу Гильзнера.

«По сіе время,—говорилъ онъ въ прошломъ году, на судѣ въ Кутной горѣ, — намъ были извѣстны различныя побужденія къ убійству, — въ томъ числѣ и политическія, но *до сихъ поръ лишь*

Digitized by Google

немногіе были убѣждены въ томъ, что убиваютъ людей и изъ религіознаго фанатизма. Теперь фактъ на лицо и никакія возраженія тутъ не помогутъ... Я, къ сожалѣнію, имѣю право говорить только о томъ, что относится къ настоящему дѣлу, но въ высшихъ правительственныхъ сферахъ придется обратить вниманіе на то, что у насъ существуютъ люди, убивающіе христіанъ лишь для того, чтобы пользоваться ихъ кровью. Анежка Грузова была убита цѣлымъ обществомъ, поселившимся среди насъ, *съ исключительною цѣлью добыть ея кровь.* Гильзнеръ отрицаетъ, что онъ въ моментъ убійства находился въ обществѣ евреевъ. Это понятно: мотивъ къ преступленію сталъ бы очевиднымъ для всѣхъ, еслибъ Гильзнеръ признался, что съ нимъ вмѣстѣ находился еврей-мясникъ. Такимъ образомъ, настоящее дѣло явится исходнымъ пунктомъ для разслѣдованія ужаснаго обряда, существованіе котораго уже подтверждалось, но котораго все еще нельзя было подтвердить досконально. Гильзнеръ былъ сторожемъ при покойникахъ; эта должность—наслѣдственная и занимать ее могутъ только *правовѣрные евреи* (т. е. жиды-фанатики). Я участвовалъ во многихъ процессахъ, но никогда не былъ такъ убѣжденъ въ виновности подсудимаго, какъ въ настоящемъ процессѣ. *Это не юридическій фортель, а мое искреннее убѣжденіе.* Господа присяжные засѣдатели! Пусть не смущаютъ васъ заявленія, что не обнаружено, кто собственно нанесъ несчастной дѣвушкѣ смертельную рану, т. е. кто перерѣзалъ ей горло. *Этого мы никогда не узнаемъ,—развѣ только самъ Гильзнеръ рѣшится сдѣлать по этому пункту искреннее показаніе.* Къ тому же, это не имѣетъ большаго значенія. Важно то, что Гильзнеръ, вмѣстѣ съ другими, *высосалъ изъ этой христіанской дѣвушки столько крови, сколько оказалось возможнымъ.* Не подлежитъ сомнѣнію, что въ той самой синагогѣ, гдѣ были найдены обрызганные кровью брюки, *сдѣланы были и всѣ приготовленія къ убійству. Эта синагога является не только исходною, но и конечною точкою преступленія* (!!) Крови тамъ не найдено, но не найдено было потому,—какъ показали эксперты,—что въ крови нуждался убійца. Предъявленному ножу я большаго значенія не придаю. Если кто собирается кого либо убить ножемъ, то онъ не станетъ заранѣе показывать его всякому встрѣчному. Къ тому же, убійство не было заранѣе обдумано. Въ городъ съѣхалось много иногородныхъ евреевъ, которые узнали отъ Гильзнера, что тутъ есть христіанская дѣвушка, которую можно было бы умертвить».

Защитники подсудимыхъ, конечно, набросились на д-ра Баксу за то, что онъ говоритъ-де объ убійствѣ, совершонномъ съ религіозною цѣлью. На это Бакса возразилъ:

«Я *слишкомъ опытный юристъ* для того, чтобы употреблять подобныя выраженія. Я просто стремился констатировать, что убійцы задались цѣлью собрать кровь ихъ жертвы, но ради чего они такъ поступили, я вовсе объ этомъ не говорилъ. (Почему же? жиды запретили?). Что кровь была собрана для извѣстной цѣли—лучше всего доказывается тѣмъ, что *Гильзнеръ не хочетъ назвать по имени тѣхъ двухъ евреевъ, которыхъ видѣли съ нимъ.* Защитникъ Ауредингенъ указывалъ на какія-то ученыя книги, когда си-

Digitized by Google

лися опровергнуть сказанное мною, но я могъ привести гораздо болѣе вѣскія доказательства. *Странно только то, что мы не имѣемъ права говорить объ убійствѣ съ цѣлью совершенія религіознаго обряда, а защитникамъ это не возбраняется. Могу привести нѣсколько мѣстъ изъ книги одного раввина, гдѣ говорится объ употребленіи евреями христіанской крови*».

Вотъ прошлогодняя рѣчь д-ра Баксы. Жаль, что предсѣдатель,— по причинамъ, о которыхъ нетрудно догадаться, — не разрѣшилъ на вторичномъ разбирательствѣ коснуться этого жгучаго вопроса. Нужно думать, что и на сей разъ д-ръ Бакса сказалъ бы по этому вопросу не менѣе блестящую рѣчь...

VI.

Присяжные на вопросъ: виновенъ ли подсудимый въ убіеніи Грузовой? единогласно признали его невиновнымъ; на вопросъ же о *сообщничествѣ* его въ убійствѣ обѣихъ дѣвушекъ, также единогласно отвѣтили: «Виновенъ». Такимъ образомъ, присяжные, установивъ лишь сообщничество Гильзнера, тѣмъ самымъ *признали ритуальный характеръ убійствъ*. Судъ приговорилъ Гильзнера къ смертной казни чрезъ повѣшеніе. Выслушавъ смертный приговоръ, подсудимый презрительно расхохотался!.. Нахальство жида подѣйствовало вызывающимъ образомъ на публику, присутствовавшую въ судѣ, и еслибъ этого «хихикающаго жидишку» не удалили немедленно, то онъ могъ бы подвергнуться прямо растерзанію. Публика, собравшаяся у зданія суда, встрѣтила приговоръ долго несмолкавшими криками: «Да здравствуетъ справедливость и неподкупность»!

Защитники, конечно, представили немедленно суду прошеніе о кассаціи. Но выбраться изъ суда они могли только подъ охраной жандармовъ. Толпа кричала имъ вслѣдъ: «*Стыдно*»! *Жидовскіе наемники*»!

Еврейскіе органы надѣются, что прошеніе о кассаціи будетъ принято. Но не пора ли ужъ положить конецъ всѣмъ этимъ жидовскимъ прошеніямъ о кассаціяхъ!.. Вѣдь и въ Австріи дѣло Гильзнера легко можетъ принять оборотъ и размѣры процесса пресловутаго жида-измѣнника Дрейфуса. Впрочемъ, если прошеніе о кассаціи будетъ принято, то жидовское дѣло еще разъ взволнуетъ христіанское общество: австрійскіе жиды сильны своими капиталами и связями въ высшихъ австрійскихъ сферахъ не менѣе, чѣмъ жиды французскіе.

Насъ, русскихъ, жидовскія и жидофильствующія газеты постоянно увѣряли, что обвиненіе евреевъ въ ритуальномъ убійствѣ— не болѣе, какъ результатъ «дикости и невѣжества русскаго народа», слѣдствіе его религіознаго фанатизма (?). По ихъ увѣреніямъ, обвиненіе это существуетъ въ настоящее время только въ одной «варварской Россіи», въ *просвѣщенной же* Европѣ ничего подобнаго нѣтъ... Свѣтъ науки и просвѣщенія уничтожилъ-де въ европейскихъ народахъ этотъ «варварскій» предразсудокъ. Осталась одна Россія...

Digitized by Google

Но вотъ и въ «просвѣщенной» Европѣ случился такой грѣхъ: *австрійскій судъ дважды присудилъ Гильзнера-еврея къ смертной казни чрезъ повѣшеніе* за ритуальное убійство христіанской дѣвушки. Евреи и теперь, конечно, начнутъ насъ увѣрять, что обвиненіе Гильзнера — дѣло рукъ «антисемитовъ»... Но причемъ тутъ антисемиты? И почему эти самые антисемиты не обвиняютъ жидовъ въ ритуальномъ характерѣ всякаго совершаемаго ими убійства. Вѣдь тысячи убійцъ-жидовъ отвѣчаютъ за совершонныя ими преступленія, какъ и другіе убійцы изъ христіанъ. И почему это одного только Гильзнера «антисемиты» обвиняютъ въ ритуальномъ убійствѣ? Трудно также согласиться съ евреями и ихъ защитниками въ томъ, что обвиненіе въ ритуальныхъ убійствахъ— есть плодъ невѣжества и грубаго фанатизма. Вѣдь еще въ прошломъ году чешскій народъ и чешская пресса,—конечно, не жидовская и не жидофильствующая, — единодушно признали Гильзнера убійцею христіанской дѣвушки съ ритуальной цѣлью. Даже чешская университетская молодежь по адресу Ѳ. Массарика, своего любимаго профессора, вздумавшаго выступить съ брошюрой въ защиту Гильзнера, не вытерпѣла его гнуснаго поступка и, собравшись въ аудиторіи,—гдѣ долженъ былъ читать этотъ профессоръ,— встрѣтила его бранью и криками: «Pereat»! Съ огромнымъ скандаломъ, возмущенная молодежь заставила Массарика прервать лекцію и удалиться изъ аудиторіи. Неужели и здѣсь тоже дѣйствовали подъ вліяніемъ «грубости, дикости и религіознаго фанатизма»?

Нѣтъ! Дѣло не въ невѣжествѣ и не въ религіозномъ фанатизмѣ, и пусть эти сказки жиды болтаютъ для невѣждъ или глупцовъ. Пока не прекратятся убійства, носящія тожественный характеръ какъ въ обстановкѣ, при которой они совершены, такъ и въ самомъ процессѣ убійства,—до тѣхъ поръ не прекратится и обвиненіе евреевъ въ этомъ страшномъ преступленіи, позорящемъ наши дни. Процессъ такихъ убійствъ и самая обстановка ихъ,—гдѣ бы и когда бы они ни случились,—носятъ вездѣ одинаковый характеръ. И у насъ, еще при Аннѣ Іоанновнѣ, жидъ Лейба Борухъ, пользовавшійся протекціей кровожаднаго Бирона, «испущалъ руду» съ ритуальной цѣлью изъ христіанской дѣвушки.

Н. Шульгинъ.

Digitized by Google

Въ пути.

Пусто, темно на дорогѣ;
Полночь безмолвно глядитъ;
Гнутся усталыя ноги,
Время уныло бѣжитъ.
Хочется свѣта скорѣе,
Утра безоблачныхъ дней.
Хочется пѣсенъ звончѣе,
—Трелей, что пѣлъ соловей.
Кажется, вышелъ охотно
Я на дорогу мою
И затянулъ беззаботно
Звонкую пѣсню свою.
Что же случилось со мною,
Что, не окончивъ свой путь,—
Грустной иду я тропою;
Ноетъ усталая грудь...
Сладкимъ предаться мечтаньямъ
Я не хотѣлъ,—и впередъ
Вышелъ на встрѣчу скитаньямъ.
Что же въ пути меня ждетъ?
Солнце ли ярко освѣтитъ
Трудный житейскій мой путь,
Горе иль счастіе встрѣтитъ?
Все жь добреду какъ нибудь
Я до конца неизвѣстнаго.
Пусть путеводной звѣздой
Свѣтитъ мнѣ отблескъ чудеснаго
Надъ просвѣтленной душой...
Все можетъ статься! Грядущее
Вѣчно темно. Но къ нему
Сила насъ манитъ, влекущая
Къ яркому свѣту и въ тьму.

А. Радченко

Digitized by Google

ПРЕДЪ ЭПОХОЙ ОСВОБОЖДЕНІЯ.

(Очерки и воспоминанія помѣщика).

VII.

По стѣнамъ у насъ висѣли превосходныя англійскія, очень дорогія, гравюры въ роскошныхъ золоченыхъ рамахъ подъ стекломъ, изображавшія сцены изъ Шекспира, морскія сцены и выдающіеся эпизоды изъ временъ французской революціи. Я всячески старался узнать содержаніе этихъ картинъ съ англійскими надписями, читалъ, разспрашивалъ кое-кого изъ гостей, которые, впрочемъ, оказывались несостоятельными въ познаніяхъ, и даже самъ добирался до смысла по догадкамъ. А филологическое чутье и смекалка были у меня настолько развиты, что о значеніи многихъ словъ я догадывался по корнямъ и потомъ, учась нѣкоторое время въ губернскомъ городѣ, удивлялся, для чего это мои сверстники выписываютъ въ тетрадки французскія, нѣмецкія и латинскія слова для перевода на русскій языкъ и заучиваютъ ихъ въ долбежку...

Немало интересовали меня и громадныя англійскія гравюры, изображавшія приступъ и взятіе англичанами Серингапатама. Я всматривался въ лица, искаженныя ужасами войны. Вотъ одинъ англичанинъ уже размахиваетъ знаменемъ на зубчатой стѣнѣ съ бойницами, къ которымъ подставлены осадныя лѣстницы... А вотъ умирающій офицеръ... Вотъ стелется дымъ отъ только что выпалившей пушки, и сколько уже убитыхъ! Мои симпатіи почему-то все таки на сторонѣ англичанъ,—можетъ быть, и потому, что защищающіе свой родной городъ туземцы-индусы изображены въ чалмахъ и съ какими-то варварскими черными лицами. Въ то время я еще не зналъ, что нападающею стороною въ этой войнѣ были, какъ всегда (какъ и теперь, въ землѣ боэровъ) «просвѣщенные мореплаватели», столь алчные до захвата чужихъ территорій во имя пресловутыхъ «интересовъ» ненасытнаго британскаго льва...

Digitized by Google

Но и тогда уже чувствовалось въ воздухѣ нарожденіе Дизраэли-Биконсфильда, подносящаго еще не старой королевѣ Викторіи титулъ «императрицы Индіи»...

А вотъ и портретъ моей бабушки, которая была фрейлиной. Она изображена со страусовымъ перомъ на чепцѣ, въ какомъ-то утреннемъ «неглижэ» и съ мопсомъ на рукахъ. На поясѣ—пряжка съ изображеніемъ императрицы. О, какая же была красавица моя бабушка!

А вотъ и портретъ моей матери, снятый съ нея въ Москвѣ художникомъ Новаковичемъ. Портретъ сдѣланъ настолько мастерски, что для него нашлось бы мѣсто и въ нынѣшней Третьяковской галереѣ. Черное шолковое платье съ кружевнымъ modestie, золотая брошка съ часиками на цѣпочкѣ и черные волнистые волосы, напущенные на виски по тогдашней модѣ. О, еслибъ я хоть сколько нибудь походилъ лицомъ на мать!

Этотъ замѣчательный портретъ былъ снятъ, когда мать ѣздила въ Москву въ собственномъ экипажѣ и на своихъ лошадяхъ, со своимъ кучеромъ, поваромъ и горничною. Немало она оставила тогда денегъ въ Москвѣ, заложивъ имѣніе въ Опекунскомъ совѣтѣ; но зато и результатомъ этой поѣздки было крупное событіе: къ намъ привезли органъ, и мы съ нетерпѣніемъ ждали его два мѣсяца.

Вотъ портретъ опекуна моего отца съ какою-то греческою фамиліею. Отецъ говорилъ, что этотъ опекунъ сильно-таки поразорилъ его и много прикарманилъ нашихъ средствъ. Но зато, на память, намъ остался его портретъ: мрачнаго вида черноватый господинъ, лѣтъ за 50, съ выбритымъ подбородкомъ, въ сюртукѣ и съ громаднымъ шейнымъ платкомъ.

А вотъ и таинственный портретъ князя Бѣлгородскаго, нашего родственника: старичокъ аристократической наружности, со смѣющимися глазками, бритый до синевы и въ жабо.

Въ одинъ счастливый день, къ намъ въ деревню привезли изъ Москвы прекрасный органъ Бруггера, игравшій на четырехъ валахъ болѣе сорока пьесъ. Мы цѣлые дни переставляли валы и вертѣли ручку органа, вслушиваясь и изучая пьесы. Кажется, мы даже бредили музыкой по ночамъ. Кромѣ танцовальныхъ пьесъ, органъ игралъ и «молитву Моисея», и Херувимскую, и Casta diva, и арію изъ Гугенотовъ: «Время мое, времечко», и прочія пьесы, одна другой лучше. Великое удовольствіе доставляло намъ всматриваться, какъ это поднимаются и опускаются мѣхи, какъ вертится валъ и поднимаются молоточки надъ наколоченными на валъ проволоками, изъ чего сдѣланы трубы... Я находилъ нѣчто таинственное въ этомъ

Digitized by Google

органѣ, въ самой его конструкціи, а потому онъ и былъ очень заманчивъ для моей фантазіи. Ужь не остались ли здѣсь частицы души самого великаго мастера?! Результатомъ этихъ наблюденій и размышленій было то, что я окончательно проникся безпредѣльнымъ уваженіемъ къ московскому мастеру Бруггеру, и еслибъ это зависѣло отъ меня, то, конечно, наградилъ бы его огромною золотою медалью, — настоящею медалью, а не изъ табачной обертки мариланда. «И какой же онъ умникъ»!—думалъ я.

Долго этотъ органъ услаждалъ нашъ слухъ и, кажется, ни разу не былъ испорченъ, пока, наконецъ, не пришлось продать его почти за безцѣнокъ во время оскуденія.

Нерѣдко мы уединялись и составляли хоръ. Мы пѣли: «Я—цыганъ, удалецъ-молодецъ»... «Полночь. Душно на постели»... или «Ты не пой, соловей, предъ моимъ окномъ! Улетай, улетай въ лѣса темные»!.. Когда же органъ исполнялъ «молитву Моисея», мы становились на колѣни и подпѣвали...

А самая Москва, въ которой нельзя было достать только птичьяго молока, съ сорока сороками церквей, въ разсказахъ и описаніяхъ нашей гувернантки представлялась намъ, какъ нѣчто особенное, недосягаемое для многихъ по своей обширности, роскоши и величію. Ужь одна музыкальная фабрика Бруггера чего стоитъ!

— Хочешь ли, Саша, я покажу тебѣ Москву! — говоритъ мнѣ иной гость и поднимаетъ меня на рукахъ къ самому потолку.

Я просмотрѣлъ и прочиталъ чуть не всѣ книги въ нашей библіотекѣ, хотя многаго не понималъ, и продолжалъ сочинять стихи. Богатство, сила и образность русскаго языка приводили меня въ восторгъ. И думалъ я: развѣ есть въ какомъ нибудь другомъ языкѣ такая масса словъ во всевозможныхъ оттѣнкахъ, относящихся до одного и того же понятія или предмета! Да вотъ хоть бы и обыкновенное слово: боляринъ, по славянски, и производныя отъ него слова съ уменьшительнымъ и ласкательнымъ значеніемъ: боярин, баринъ, барченокъ, барченочекъ, барчукъ, барчучокъ, барчученочекъ.

Я принялся рисовать. Хотя никто не показывалъ мнѣ, какъ надо держать карандашъ, однако, я поразительно вѣрно срисовывалъ картинки и картины. Многіе удивлялись и предсказывали мнѣ великую будущность; но ничего изъ этого не вышло. Мнѣ почти не стоило труда снять съ кого либо портретъ, а какъ надо рисовать красками — я немного подучился, всматриваясь въ работы нашего живописца Николая Пѣночкина изъ дворовыхъ людей. Если Пѣночкинъ и зналъ грамоту, то развѣ очень немного; учился же онъ у какого-то хорошаго иконописца. Пѣночкинъ былъ несомнѣнно

Digitized by Google

талантливъ, но, къ сожалѣнію, умеръ еще въ молодыхъ лѣтахъ. До сего времени сохранились еще его работы, — конечно, не оригинальныя, а копіи съ картинъ. Копія съ портрета матери изъ-подъ кисти Пѣночкина мало чѣмъ отличалась отъ оригинала, и только знатоки могли замѣтить разницу. Я подолгу всматривался, какъ онъ грунтуетъ полотно и растираетъ краски. И я сталъ тоже рисовать красками. Но живопись не манила меня: не доставало времени, не было школы и соревнованія, а тутъ еще я сталъ увлекаться музыкой.

Кто былъ Гавріло Ивановичъ Чернушковъ и какъ онъ очутился въ нашемъ домѣ—я не знаю. Это былъ довольно таки плюгавенькій толстякъ, лѣтъ подъ шестьдесятъ. Онъ именовался учителемъ музыки; вѣрнѣе же всего это былъ только настройщикъ, и всѣ его музыкальныя познанія ограничивались игрою двухъ полекъ, изъ которыхъ одна называлась «Митька съ Питера пріѣхалъ», да еще игралъ онъ какую-то руладу. Но я у него не учился, потому что отецъ сейчасъ же замѣтилъ его музыкальную несостоятельность.

Вскорѣ появился у насъ и другой музыкантъ, Ѳока Андреевичъ, тоненькій и тщедушный, съ краснымъ носомъ и весь въ угряхъ. Онъ только и игралъ, сильно стуча ногтями, какой-то менуэтъ и нѣсколько русскихъ пѣсенъ. Замѣтивъ, что я интересуюсь знать, какъ надо настраивать фортепіано, и что подбираю по слуху всякія пѣсни, онъ посовѣтовалъ отцу учить меня музыкѣ и преподавать мнѣ азбуку и дѣленіе нотъ въ теченіе двухъ недѣль; но предварительно онъ долго графилъ бумагу для нотъ съ необыкновенною важностью. Игралъ онъ и на скрипкѣ, хотя плоховато. По всей вѣроятности, Ѳока Андреичъ былъ изъ вольноотпущенныхъ или изъ тѣхъ разночинцевъ, которые играютъ на мѣщанскихъ и купеческихъ свадьбахъ и въ оркестрахъ низшаго разряда. Наши люди звали Ѳоку Хо́колой по мудрености его имени. Бывало, прачка Авдотья говоритъ ключницѣ:

— Андревна! Андревна! Хо́кола проситъ молочка.

И Хо́колѣ давали молочка, хотя онъ всегда отдавалъ явное предпочтеніе водочкѣ, на что́ указывалъ и его синебагровый съ жилками носъ. Ѳока всегда ходилъ въ длинноломъ сюртукѣ и съ какою-то тряпкою на шеѣ вмѣсто галстука.

— Вотъ это будетъ дишкантъ! — говорилъ онъ, показывая на изображенныя имъ точки съ крючками на нографленной бумагѣ.— А съ лѣвой руки будетъ басъ. А вотъ это—пууза! (пауза).

Когда Ѳока принимался играть на скрипкѣ, комнатная собаченка Амишка поднимала такой неистовый лай и вой, что надо

Digitized by Google

было ее гнать изъ дому. Мы смѣялись, прислуга суетилась и посмѣивалась, конфузился и самъ Ѳока. А такъ какъ дальше дѣленія нотъ Ѳока Андреевичъ ничего уже не зналъ въ области музыки, а я, и не учась, игралъ много лучше его, то Хоколѣ пришлось отказать отъ преподаванія, хотя и въ самой деликатной формѣ. Послѣ этого, Ѳока прожилъ у насъ съ мѣсяцъ безъ всякихъ занятій, «на вольныхъ хлѣбахъ».

Насъ жаловали своими посѣщеніями и шарманщики. Теперь они, кажется, уже не ходятъ по деревнямъ со своимъ тяжелымъ органомъ, на ремняхъ черезъ плечо. Бывало, придетъ шарманщикъ, усталый и запыленный, и приведетъ съ собою дѣвочку, одѣтую почти какъ барышня, и она пролѣзаетъ черезъ обручи, поетъ и пляшетъ подъ органчикъ, ударяя въ бубны или кастаньеты. И такія представленія продолжались,—конечно, съ большими роздыхами, — дня два. Этимъ артистамъ хорошо платили, ихъ кормили и они отдыхали у насъ. А все таки какъ мнѣ было жаль дѣвочку!

Въ одну такую дѣвочку я чуть-чуть не влюбился и даже легкомысленно обѣщалъ уйти съ нею изъ дома родителей: вѣдь недаромъ же и я смыслилъ въ музыкѣ! Но въ самую рѣшительную минуту я объявилъ дѣвочкѣ, что мнѣ нельзя бѣжать безъ братца и сестрицъ, а они несогласны, и что пусть лучше она поселится у насъ въ саду и будетъ тамъ скрываться. А я буду ей носить, какъ *своей женѣ*, кушанья—что останется отъ завтрака и обѣда. Сперва дѣвочка обрадовалась этому предложенію и поцѣловала меня, а потомъ заплакала и сказала, что тятька—а онъ бываетъ ухъ какой сердитый! — прибьетъ ее за это... На этомъ и окончился мой романъ съ дочерью шарманщика.

А то иной разъ забредетъ къ намъ съ своею труппою медвѣжатникъ. Теперь уже запрещено водить несчастныхъ медвѣдей—и слава богу. Первое амплуа въ труппѣ, конечно, занималъ самъ Михаилъ Ивановичъ на цѣпи,—иногда слѣпой, съ выколотыми глазами и вышибленными зубами. Второстепенную роль выполнялъ барабанщикъ, а иногда онъ же наряжался козою. Когда проходила эта труппа съ барабаннымъ боемъ по дѣревнѣ, собаки поднимали ужасный лай и вой, а лошади, женщины и дѣти пугались.

— А ну-ка, Михаилъ Иванычъ, покажи, какъ наши ребята ворують, по горохъ ходятъ.

— А ну-ка покажи, какъ старуха блохъ ищетъ!

— А нутко теперь попляши, утѣшь господъ и добрыхъ людей.

— А ну-ка возьми шапочку да пониже поклонись господамъ!

И Мишенька продѣлывалъ всѣ заученныя штуки, которыя отъ него требовались. Представленія эти мнѣ совсѣмъ не нравились:

Digitized by Google

отъ нихъ вѣяло какою-то грубостью нравовъ, безвкусіемъ и жестокостью.

Конечно, приходили къ намъ гадать, а вмѣстѣ съ тѣмъ и воровать, цыганки и цыгане. Приходили нищіе, калѣки и слѣпые съ поводырями-мальчишками. Появлялись и жили по недѣлямъ какіе-то подозрительные монахи, якобы съ Аѳонскихъ горъ и Іерусалима, странники и странницы, а также и юродивые. Но весь этотъ людъ мнѣ былъ не по сердцу.

VIII.

А садъ, — огромный, тѣнистый и, главное, таинственный садъ! Сколько въ немъ было всякой прелести и поэзіи... Теперь, пожалуй, онъ еще обширнѣе: я прибавилъ къ нему пять десятинъ. Можетъ быть, онъ сдѣлался и лучше, и дороже. Но зато теперь сидятъ въ немъ грубые съемщики изъ мѣщанъ и прежнихъ цѣловальниковъ, разные Колупаевы и Разуваевы, которые «снимаютъ» у меня садъ за безцѣнокъ, часто даже не платятъ и обманываютъ; сидятъ въ немъ, какъ ядовитые и хищные тарантулы, пьянствуютъ, ругаются, разыгрываютъ роль какихъ-то капиталистовъ-купцовъ и комерсантовъ, портятъ мои деревья и высасываютъ все, что только можно, тогда какъ въ дни моей юности объ этихъ Колупаевыхъ не было и помина. Правда, никакого дохода тогда съ сада и не получалось, но зато фруктами одѣлялись даже дворовые люди.

И помню, какъ въ этомъ самомъ саду я и сестры ловили бабочекъ,—«бабурочекъ», какъ мы тогда называли ихъ. А передъ самымъ покосомъ душистая трава съ разнообразными цвѣтами представляла собою волнующееся отъ вѣтра зеленое море...

Природа и искусство вѣчно борются въ этомъ саду, который существуетъ съ незапамятныхъ временъ. Тамъ есть деревья въ возрастѣ лѣтъ по двѣсти, а, можетъ быть, и больше. Вотъ плантація уже толстыхъ дубовъ, которые насадилъ отецъ желудями, возвратившись съ охоты. А вотъ и перекрестныя, тѣнистыя, всегда почти сыроватыя липовыя аллеи. Насколько я помню ихъ съ моего дѣтства, онѣ почти не прибавились въ толщину. Вотъ очень старыя сосны и еще молодыя и стройныя осины съ вѣчно дрожащими листочками,—по преданію, дрожащими съ тѣхъ поръ, какъ на одной изъ осинъ удавился будто бы Іуда-предатель... А тамъ краснѣетъ своими кистями рябина. Вотъ искусно засаженныя яблонями куртины. Какъ хороши эти яблони весною, когда онѣ въ цвѣту и издали кажутся точно облитыми молокомъ! Позднѣе только, въ маѣ, ихъ обклѣпываютъ хрущи.

Digitized by Google

Любили мы пересаживать изъ этого сада въ палисадникъ первые весенніе цвѣты: медуницы, фіалки и ландыши, кусточки земляники и прутья малины. И какъ мы, дѣти, гордились, когда на нашихъ грядкахъ цвѣли и созрѣвали ягоды!

Вотъ подъ высокимъ кленомъ мѣстечко, гдѣ, по увѣренію моей сестры Анюты, живутъ въ подземельѣ чудесныя и очень красивыя дѣвочки-сестры: Каролина и Викторина. «Королева нидерландская» утверждаетъ, что разъ ей даже довелось подслушать, какъ поютъ эти сестры въ своемъ подземельѣ, когда она наклонилась, чтобы сорвать ландышъ... И какъ дивно и грустно онѣ поютъ,— только ужь очень тихо, и надо долго прислушиваться, чтобы не смѣшать этого пѣнія съ шелестомъ вѣтокъ и гуломъ отъ вѣтра и пчелъ.

— Когда же ты мнѣ покажешь Каролину и Викторину?—спрашиваю я Анюту, которая и сама, кажется, вѣритъ въ существованіе этихъ сестеръ.

— Знаешь ли что, Саша? Ихъ не всегда можно видѣть... Имъ трудно жить на землѣ. Онѣ не любятъ этой грубости и людской мерзости... Разъ онѣ даже угостили меня чуднымъ яблокомъ изъ ихъ сада, что̀ подъ землею. О, какое это было яблоко! И когда я уже собралась идти къ нимъ въ подземелье, онѣ вдругъ исчезли... И только зашумѣлъ вѣтеръ, такой теплый и хорошій... И вдругъ запахло фіалками! А у насъ-то въ саду фіалки ужь давно прошли. Потомъ, слышу, кто-то вздохнулъ и засмѣялся въ кустахъ... Я испугалась: посмотрѣла, но никого не было. Застучалъ дятелъ. Только вдругъ я увидала большого жука съ рогомъ... А вечеромъ вотъ въ этихъ кустахъ билась и хлопала крыльями какая-то птица...

Но и наши земныя или, лучше сказать, надземныя яблоки, конечно, не уступали во вкусѣ подземнымъ плодамъ таинственныхъ отшельницъ—Каролины и Викторины. Какихъ только тутъ не было сортовъ! Былъ и «бѣлый наливъ», изъ котораго приготовлялись великолѣпнѣйшая пастила и воздушные пироги со сливками; были и бергамотныя яблоки, нѣсколько похожія на боровинку и съ красноватыми полосками, а по вкусу—точно бергамоты. Нѣкоторымъ сортамъ мы сами дали названіе; напримѣръ, совершенно красныя, но на подобіе крымскихъ яблокъ, назывались у насъ княжескими, такъ какъ сортъ этотъ былъ полученъ отъ князя Бѣлгородскаго. Даже,—какъ олицетвореніе добра и зла, перемѣшаннаго въ этомъ земномъ мірѣ, — были у насъ и горько-сладкія яблоки, впрочемъ, довольно невкусныя. А знаменитыя груши-безсѣмянки, которыя такъ и таяли во рту? А дули и бергамоты?

Хотя всякихъ яблокъ у насъ было изобиліе, но не въ нашихъ

Digitized by Google

нравахъ было рвать ихъ до той поры, когда надо было обирать яблоки. Когда же трясли груши, влѣзши чуть не на самую вершину, то онѣ дождемъ и съ грохотомъ падали и устилали землю. Рвать съ деревьевъ до срока считалось у насъ, дѣтей, неприличнымъ, и почти грѣхомъ. Зато подбирать иногда самыя спѣлыя и лучшія яблоки дозволялось сколько угодно, и мы то и дѣло бѣгали подъ яблони и дули, радуясь даже бурямъ, которыя опустошали деревья. Вѣдь одни дворовые люди и мальчишки одолѣвали насъ просьбами—дать яблочекъ. Но самымъ интереснымъ для насъ моментомъ было—разыскать гдѣ нибудь на деревѣ уцѣлѣвшее яблоко, искусно сбить его съ верхушки или же поднять свалившіеся съ дерева фрукты послѣ сбора, ранѣе того не замѣченные въ травѣ или кустахъ.

Разъ всѣ мы, по неопытности, чуть было не отравились, наѣвшись зеренъ отъ венгерокъ. Мы много собрали косточекъ отъ этихъ круглыхъ сливъ и приготовили себѣ миндаль, не зная, что въ зернахъ содержится синильная кислота.

Ранняя весна всегда имѣла особую прелесть въ нашихъ глазахъ.

— Дикіе гуси, гуси летятъ!—объявляетъ кто либо изъ дворни, и мы, не одѣваясь въ теплое платье, выскакиваемъ на крыльцо и долго-долго слѣдимъ за клинообразнымъ полетомъ гусей, которые съ крикомъ несутся «гускомъ», одинъ за другимъ, куда либо на дальнее озеро.

Съ каждымъ днемъ становится теплѣе и теплѣе. Вотъ мы уже расхаживаемъ по саду, выбирая мѣста посуше и приглядываясь къ появляющимся на свѣтъ божій медуникамъ и какимъ-то фіолетовымъ цвѣточкамъ. А подъ заборами и въ оврагахъ еще бѣлѣетъ рыхлый снѣгъ.

Христосованье, разрисовываніе яицъ - писанокъ, катаніе раскрашенныхъ яицъ, изъ которыхъ мы выбираемъ «битки» съ особенно крѣпкою скорлупою, и, наконецъ, устраиваемыя для всѣхъ желающихъ на время пасхальной недѣли, на горѣ, круглыя качели — все это новые источники радости. Въ особенности же интересны и довольно таки опасны по получаемымъ ощущеніямъ круглыя качели: сердце такъ и стучитъ, и замираетъ, когда приходится возноситься или летѣть внизъ...

Нравилась намъ и осень. Въ хорошій осенній и солнечный день высоко въ небѣ проносились вереницами журавли и дикіе гуси, и я завидовалъ этимъ вольнымъ странникамъ. И какъ пріятно было тогда дышать чистымъ и свѣжимъ воздухомъ съ легкимъ запахомъ подсохшихъ на солнцѣ и подгнившихъ листьевъ.

Digitized by Google

А когда начинался листопадъ,—какъ любили мы сметать листья въ цѣлые вороха и затѣмъ кувыркаться и прятаться въ нихъ! Вмѣстѣ съ тѣмъ наступала пора для хожденій въ садъ и въ лѣсъ за опенками.

Иногда мы, дѣти, состязались и въ храбрости. Пойти въ пустынный садъ въ темный осенній вечеръ или даже ночью и повѣсить тамъ, въ условленномъ мѣстѣ, на какомъ нибудь деревѣ платокъ—считалось у насъ подвигомъ необычайнымъ. Помню, какъ, бывало, съ замираніемъ сердца,—чтобы только не осрамиться передъ сестрами,—я ходилъ въ садъ. Сердце стучитъ... Я прислушиваюсь къ каждому звуку. Вотъ зашумѣлъ вѣтеръ; вотъ хрустнула вѣтка; вотъ пробѣжалъ какой нибудь спугнутый съ ночлега звѣрокъ или прыгнула жаба, а вотъ захлопала крыльями испуганная птица, и я ни живъ, ни мертвъ... Чувствую дрожь; холодный потъ выступаетъ на лицѣ и волосы подымаются дыбомъ. Я то и дѣло вглядываюсь въ темноту и жду, что вотъ-вотъ сейчасъ схватитъ меня какой нибудь разбойникъ, воръ или бѣглый каторжникъ изъ Сибири, а то такъ и просто какое нибудь чудовище изъ міра привидѣній и оборотней. Кое-какъ бросаю платокъ на условленное мѣсто, какъ доказательство моей храбрости, и лечу-лечу домой что̀ есть духу. Но зато теперь я—герой, и сестра Анюта смотритъ на меня съ уваженіемъ.

Однако, эксперименты такого рода были довольно рискованы, и однажды, вслѣдствіе испуга, я испыталъ даже горячку на нервной подкладкѣ.

Послѣ такихъ хожденій въ садъ или въ старый домъ,—что̀ было еще страшнѣе,—ложусь я въ постель и долго не могу согрѣться отъ нервнаго возбужденія. И вдругъ въ темнотѣ представляются мнѣ какія-то колечки и искорки всевозможнаго цвѣта, рисунковъ и узоровъ... Вотъ огненные квадратики на подобіе шашечной доски, вотъ огненныя пуговки, какія-то змѣйки! Я долго всматриваюсь въ эту темноту и въ переливающіеся изъ одной формы въ другую огненные узоры и не могу заснуть... Конечно, это была галлюцинація зрѣнія.

А тутъ уже усиленно начинаетъ работать фантазія.

Каролина непремѣнно должна быть красавица-блондинка! думаю я:—а Викторина—хорошенькая брюнетка. Но не могу же я любить ихъ обѣихъ въ одно время... Да я какъ будто уже гдѣ-то видѣлъ Каролину... Она, должно быть, очень похожа на мою кузину Лидію. А что̀ если, когда я буду гулять по саду, вдругъ подойдетъ ко мнѣ Каролина и уведетъ съ собою въ подземелье? Я, конечно, пойду, хоть это и страшно. Если я женюсь на Каро-

Digitized by Google

линѣ, то объ этомъ будетъ знать развѣ только одна сестра Анюта... Но Анюта навѣрное не скажетъ матери: въ ней много благородства и великодушія. Ну, что же!—я буду ходить къ Каролинѣ въ подземелье и носить ей кушанья: для этого буду только понемножку оставлять отъ обѣда... Буду носить ей яблоки, груши и цвѣты... Вѣдь я—мужчина и почему же мнѣ не жениться на Каролинѣ? А какая она хорошенькая! Вотъ ужь она передо мною: роскошные, откинутые назадъ, вьющіеся волосы, пухленькія щочки, голубые глазки и короткое платье изъ живыхъ листьевъ и цвѣтовъ. Но почему у нея такіе грустные глаза? А я знаю почему: злой волшебникъ посадилъ Каролину и ея сестру въ подземелье. Но въ такомъ случаѣ я, какъ рыцарь, долженъ освободить ихъ и возвратить родителямъ...

IX.

Любилъ я и рыбную ловлю. Чаще всего я путешествовалъ на рѣку съ нашимъ камердинеромъ Адріаномъ Пѣночкинымъ, братомъ живописца, и съ моимъ братомъ Викторомъ, пока онъ еще не поступилъ въ гимназію. Конечно, всѣ рыболовныя орудія,—удочки сачки и прочее,—приготовлялись нами подъ наблюденіемъ Адріана, любителя и знатока этого спорта. Онъ же ходилъ съ нами ловить и перепеловъ съ сѣтью на дудочку.

— Пойдемте нонича, барчуки, судари вы мои, на Кобылій виръ!—бывало, подзадориваетъ насъ Адріанъ.—Мы тамъ хо-ор-рошихъ окуней натаскаемъ. Тамъ,—я видѣлъ намеднись,—вывернулся подъ лопушками матерый окунь: брюхо такое бѣлое!—ажъ по всему затону круги пошли, какъ это онъ шлепнулся.

— Ну, что жь? собирайся живѣе!

И, взявши съ собою кое-что изъ провизіи—хлѣба, огурцовъ, яблокъ, яицъ, ватрушекъ и проч., — идемъ мы на Кобылій виръ. Этотъ затонъ рѣки, или *виръ*, называется Кобыльимъ, потому что,—какъ гласило преданіе,—здѣсь затонула лошадь. Кромѣ того, мы разсчитываемъ «захватить» и другой виръ, что у Карпова горбда (то есть огорода). У нашего псаря Карпа былъ тамъ хорошій капустникъ; но бывали мы на этомъ виру рѣдко по его отдаленности. Иногда здѣсь, въ ямахъ, ловили и сомовъ.

Приступая къ ловлѣ окуней, Адріанъ прежде всего старался наловить живцовъ, то есть пискарей и другую рыбёшку, гдѣ нибудь на отмели и песочкѣ, или же онъ раздѣвался и шарилъ по печурамъ, чтобы достать голыми руками раковъ, такъ какъ крупная рыба хорошо ловилась и на раковыя шейки или,—выражаясь точ-

Digitized by Google

нѣе,—хвостики. Только не нравился мнѣ варварскій способъ этой ловли, самая насадка на крючки червяковъ, живцовъ и шеекъ, оторванныхъ Адріаномъ отъ живаго рака. Но охотничья страсть чего-чего не преодолѣваетъ!

Сижу я на берегу съ закинутой удочкой и жадно всматриваюсь въ воду. Вотъ выплываетъ изъ лопуховъ довольно таки большая рыба. Окунь это или головль? Чтобы не испугать рыбы, которая прекрасно видитъ, я сижу, какъ окаменѣлый. О, это головль! А вотъ приближается стая плотичекъ и показываются подлещики. Интересно наблюдать жизнь въ этомъ рѣчномъ царствѣ. Въ воздухѣ парятъ и по всему поднебесью ходятъ темныя, дождливыя тучки. Стрекоза уже пытается сѣсть на мое удилище и быстро трепещетъ все на одномъ мѣстѣ своими свѣтчатыми крылышками. Къ ней подлетаетъ другая стрекоза, или коромыслъ, и начинается между ними игра — воздушный турниръ. Дальше, подъ противоположнымъ берегомъ, плеснулась крупная рыба. Долго и медленно расходятся по водѣ концентрическіе круги. Какія-то мошки толкутся роемъ почти на одномъ мѣстѣ. Адріанъ, въ ожиданіи чего-то очень интереснаго, энергично поглядываетъ на меня и ладонью, поплевавъ на нее, прихлопываетъ шевелящагося червяка на крючкѣ маленькой удочки, чтобы онъ лучше сидѣлъ, а большія удочки на крупную рыбу уже стоятъ, воткнутыя удилищами въ кочковатый берегъ. Какіе-то пузырьки то и дѣло поднимаются со дна рѣки и лопаются на поверхности, какъ-будто тамъ кто дышетъ... Безъ сомнѣнія, то дышатъ разные таинственные обитатели рѣчки. Я даже хорошо вижу, какъ медленно пробирается ракъ между травками. Вотъ онъ чего-то испугался и быстро замахалъ мускулистымъ темнымъ хвостомъ, пятясь въ обратную сторону. Но тревога оказалась напрасною: теперь онъ снова ползетъ впередъ и встрѣчается съ другимъ вылѣзшимъ ракомъ.

Надъ моею головою довольно таки высоко протянула пара кроншнеповъ съ заунывнымъ свистомъ. Опытные въ распознаваніи всякой дичи глаза, по красиво изогнутымъ крыльямъ, давно уже замѣтили, что это—кроншнепы. Я узналъ бы ихъ, еслибъ они и не издавали голоса на подобіе свиста. И какъ я жалѣю, что съ нами нѣтъ ружья! Хотя этихъ кроншнеповъ и нельзя было бы «ссадить» съ воздушной высоты мѣткимъ выстрѣломъ, но въ качествѣ истаго охотника я все таки салютовалъ бы имъ.

Вдругъ братъ Викторъ торопливо выдергиваетъ изъ травянистаго берега удилище и даетъ рыбѣ «ходъ», а поплавокъ ужъ нѣсколько разъ ныряетъ и, принимая вертикально-наклонное положеніе, скрывается въ глубинѣ: стало быть, рыба потянула. Ужъ теперь

Digitized by Google

не сорвется! Движеніемъ руки къ себѣ Викторъ искусно «подсѣкаетъ» добычу и волокомъ,—какъ и подобаетъ серьезному и опытному рыболову,—вытаскиваетъ сопротивляющагося окуня, длиною нѣсколько болѣе четверти.

— Ну, намъ, барчукъ, и этотъ хорошъ, хоть и не матерый!— говоритъ одобрительно и съ охотничьимъ жаромъ Адріанъ, снимая окуня съ крючка съ застрявшимъ у него во рту живцомъ. У несчастнаго окуня показалась кровь.

— Еще бы эдакихъ штучекъ пять,—и будетъ съ насъ на уху... забрасывайте, барчукъ, опять на томъ же мѣстѣ!

Меня беретъ уже зависть, но и я поймалъ на маленькую удочку нѣсколько серебристыхъ сибилей, бычковъ и плотичку...

А между тѣмъ, неожиданно для насъ, вытянувъ шейки, откуда-то, изъ-за камышей и кустовъ, весело и быстро несется стайка чирковъ.

— Что это, Адріанъ? — укоризненно говорю я. — Вѣдь мы съ тобою оплошали—ружья-то и не взяли!

— Да всего, барчукъ, не захватишь. Тутъ съ нами однѣхъ удочекъ сколько! На утокъ надо идтить особо, утренней зорькой. Вотъ ужо безпремѣнно сходимъ и на утокъ...

Общими силами мы поймали еще нѣсколько окуньковъ, плотичекъ и другой мелочи. Но крупные окуни что-то не попадались.

Идемъ дальше пробовать счастья къ Карпову «городу». Извивающаяся, какъ змѣя, рѣчка, кое-гдѣ совсѣмъ прикрытая камышами и кувшинчиками, съ лежащими на поверхности воды широкими листьями, дѣлается до того узка, что до другаго берега рукой подать—всего какихъ нибудь полторы сажени; мѣстами же она образуетъ затоны съ песчаными берегами и широкіе плесы, или виры.

Вдругъ на мочежинкѣ срывается у насъ изъ-подъ ногъ бекасъ, а дальше жалобно чивикаетъ чибизъ, изящно перекидываясь въ воздухѣ своимъ бѣловатымъ брюшкомъ. Ноги у насъ уже промочены, но мы не обращаемъ на это ни малѣйшаго вниманія.

— Пойдемте-ка, барчуки, по дворамъ, — говоритъ Адріанъ:— вонъ какая здоровенная туча заходитъ.. Вонъ ужь и гремитъ. Ишь какъ паритъ!

Дѣйствительно, молнія то и дѣло вспыхиваетъ на мгновеніе, какъ огненная простыня, или же, какъ стрѣла, пронизываетъ отяжелѣвшія отъ влаги облака, и въ воздухѣ дѣлается жарко.

Въ особенности было интересно попасть на отдаленныя новыя мѣста, почти никогда не посѣщаемыя рыболовами. Вотъ тутъ-то,— думалось мнѣ,—и будутъ жадно хватать приманку подлещики, которые ведутъ лесу порывисто и въ нѣсколько пріемовъ почти по поверхности воды. Тамъ могутъ быть и сазаны...

Digitized by Google

Я жадно и стратегически всматриваюсь въ камыши,—нельзя ли тамъ найти проходъ къ берегу; всматриваюсь въ каждую излучину рѣчки, и мнѣ кажется уже, что я путешествую по Америкѣ, въ странѣ великихъ озеръ, въ какихъ-то дѣвственныхъ мѣстахъ и въ преріяхъ. Вотъ-вотъ сейчасъ выскочитъ какой нибудь звѣрь! Надо быть на чеку. Но никакіе звѣри не выскакивали, а иногда только поднималась съ отмели испуганная нашимъ приближеніемъ цапля.

Ловили мы и раковъ «на липцы», то есть на привязанное къ палочкамъ мясо. Иногда, съ помощью сачка, сразу можно было вытащить штукъ пять раковъ, а въ одну «тоню», обойдя рядъ этихъ липцовъ съ налѣзшею на нихъ добычею, можно было поймать въ короткое время штукъ двадцать.

Но самая интересная для меня ловля раковъ, требовавшая вѣрнаго глаза и ловкости, производилась съ лодки за недѣлю передъ Покровомъ и съ недѣлю послѣ Покрова. Въ это время, въ прозрачной водѣ, когда не мѣшалъ вѣтеръ, можно было отлично видѣть дно пруда даже на глубинѣ двухъ аршинъ. Адріанъ искусно правилъ и поворачивалъ около камышей лодку, которая еле ползла по рѣкѣ, а я, вооруженный двумя связанными на концахъ и дѣйствовавшими на подобіе ножницъ палочками, почти безъ промаха захватывалъ рака со дна этими палочками, какъ клещами, и бросалъ въ лодку. Въ одну охоту мнѣ доводилось налавливать такимъ способомъ даже болѣе ведра раковъ. На всякій случай мы брали съ собою и ружье, такъ какъ изъ камышей то и дѣло взлетали утки. А вотъ осторожно выползаютъ изъ водяной заросли, почти не летающія, черныя съ куринымъ клювомъ лысухи, или лыски. И какъ хорошъ былъ тогда нашъ еще мало заросшій прудъ, похожій на озеро, а въ особенности когда полная луна, отражаясь въ немъ, серебрила какою-то мягкою переливавшеюся зыбью его чистую поверхность!

Еще лучше было небо въ осеннюю темную и теплую ночь,—въ такую ночь, какая бываетъ только въ нашихъ мѣстахъ, прилегающихъ къ Малороссіи. О, сколько разъ я любовался міріадами таинственно и кротко мерцающихъ звѣздъ! Это божьи факелы, или свѣтильники, — думалъ я. Но никогда не разгадать мнѣ того, что кроется тамъ, въ этомъ безпредѣльномъ пространствѣ! Вотъ покатилась звѣзда и какъ бы разсыпалась на милліоны фосфорическихъ брызгъ... А вотъ на одинъ мигъ оставила послѣ себя свѣтлую полоску другая звѣздочка, какъ бы вспыхнувшая негодованіемъ на грѣхи людей,—въ области млечнаго пути!.. Уже послѣ я узналъ, что это вовсе не звѣзды, а нѣчто другое.... остатки разлетѣвшихся вдребезги кометъ. Звѣзды падаютъ только на грудь нѣкоторыхъ счастливцевъ

Digitized by Google

и городскихъ сановниковъ. А настоящія божьи звѣзды, можетъ быть, милліонъ вѣковъ стоятъ неподвижно, а вѣрнѣе всего, что и онѣ движутся по своимъ орбитамъ, но такъ медленно и на такомъ разстояніи, что мы замѣтить не можемъ. Онѣ, очевидно, повинуются мудрымъ законамъ тяготѣнія и движенія, установленнымъ волею вѣчнаго и никогда не ошибающагося Великаго Механика. Но какъ въ дѣйствительности должны быть жалки эти мнящіе себя сильными и счастливыми люди-звѣздоносцы и какъ ничтожны вообще люди по сравненію съ Творцомъ міросданія и Отцомъ вселенной! Я увѣренъ, что въ небесахъ, въ мірѣ звѣздъ, раздается постоянно великолѣпнѣйшая музыка и хоралы ангеловъ, но это такъ отъ насъ далеко, что слышать мы не можемъ... Но зато мы можемъ чувствовать и сердцемъ познавать Бога. О, какъ хотѣлось бы мнѣ видѣть Бога! И если въ дни моего дѣтства и юности я не видалъ Бога по причинѣ своего ничтожества, то кажется мнѣ, что я все таки въ минуты просвѣтленія чувствовалъ во всей природѣ Его присутствіе. И я готовъ былъ тогда,—какъ и теперь при всей моей грѣховности, — подобно библейскому пророку, воскликнуть: «живъ Богъ и жива душа моя»! А небесную музыку развѣ нельзя отгадать сердцемъ и изобразить на фортепіано! Попробую. И вотъ я начинаю сочинять и импровизировать...

Душа, конечно, жива и безсмертна, а всѣмъ людямъ суждено умереть... Остается, впрочемъ, утѣшеніе думать, что умереть—это значитъ уснуть на время, до всеобщаго воскресенія. Эту мысль вложилъ и Шекспиръ въ уста Гамлета. А все таки грустно сознавать, что ужасная и отвратительная смерть со своею легендарною «косою» подкарауливаетъ каждаго изъ смертныхъ на тропинкѣ бѣдствій...

— Не уйдешь ты отъ меня!—какъ бы говоритъ она человѣку:— и рано или поздно, а будешь ты мой.

Эту мысль геніально и трогательно выразилъ безсмертный старикъ Бетховенъ въ одной изъ своихъ сонатъ.

X.

Однажды, когда мы возвращались съ рыбной ловли, насъ встрѣтила коровница Домна, которую всѣ почему-то считали за дуру, хотя она и была не глупѣе многихъ.

— Барчуки! — сказала она: — папенька приказали вамъ долго жить!..

Это значило, что отецъ неожиданно скончался отъ апоплексическаго удара.

Digitized by Google

Незадолго до смерти, отецъ проигралъ крупную земельную тяжбу, почитая себя совершенно правымъ и не желая давать «крапивному сѣмени» обычныхъ въ тѣ времена взятокъ. Въ довершеніе несчастія, отецъ долженъ былъ заплатить еще нѣсколько тысячъ, кромѣ расходовъ, за «проѣсти и волокиту» и за «бумагу». Это—нынѣшнія судебныя издержки и вознагражденіе за веденіе дѣла. А полуграмотные канцеляристы исписывали тогда цѣлыя горы гербовой и простой—синей и бѣлой—бумаги, изъ которыхъ многія начинались «по титулѣ»: Всепресвѣтлѣйшій, Державнѣйшій и Великій Государь... и такъ далѣе: такого-то (имя рекъ) всенижайшее прошеніе, а о чемъ—тому слѣдуютъ пункты. «Великій Государь», конечно, не читалъ и даже не видалъ этихъ изложенныхъ по пунктамъ безграмотныхъ бумагъ, изъ которыхъ въ послѣдующихъ и позднѣйшихъ прописывалось гусиными перьями (стальныя перья тогда еще были въ диковинку и отъ нихъ, будто бы, портился почеркъ) все, что писалось въ предъидущихъ, по русскому принципу: «привязывай мочалу! начинай сначала!»... Но, какъ бы то ни было, надо было платить «проѣсти и волокиту», а сотъ пять десятинъ земли у насъ все таки оттягали ни за понюхъ табаку! Съ этихъ поръ дѣла наши окончательно пошатнулись. А отецъ сталъ прихварывать и рѣдко даже ѣздилъ на охоту. И вотъ онъ умеръ...

Незамѣтно для моихъ родителей, я вышелъ изъ лѣтъ для поступленія въ гимназію; теперь ужь нечего было и думать объ ученіи. Мало толку вышло и изъ того, что я хорошо выдержалъ экзаменъ на юнкера и легко могъ бы сдѣлаться прапорщикомъ; имѣлъ я свидѣтельство и объ окончаніи курса въ одномъ изъ училищъ для полученія чина коллежскаго регистратора. Меня нисколько не соблазняла ни военная, ни канцелярская служба въ палатѣ, въ которой, какъ и въ уѣздныхъ судахъ и даже въ дворянскихъ опекахъ, взяточничество было возведено тогда въ освященную исторіей и обычаемъ систему...

Помню, какъ я дѣлился съ своимъ горемъ,—что не попалъ въ гимназію и въ университетъ,—съ братомъ Викторомъ, уже гимназистомъ, и съ сестрою Анютой, учившейся въ «пансіонѣ для благородныхъ дѣвицъ», когда они пріѣзжали въ Бобровку на каникулы. Но я все таки желалъ учиться, и путемъ чтенія, безъ всякаго руководства, пополнялъ свое образованіе. Хотѣлось какъ слѣдуетъ заняться музыкой. Что толку изъ того, что я импровизировалъ на фортепіано по цѣлымъ часамъ! Вѣдь не было никакой системы и школы въ моихъ занятіяхъ, а мнѣ еще хотѣлось изучить и теорію композиціи. Творенія Бетховена и нѣкоторыхъ другихъ великихъ композиторовъ поражали меня своею недосягаемою

Digitized by Google

для обыкновенныхъ музыкантовъ геніальностью. А когда я гдѣ-то прочиталъ, что Бетховенъ лучшія свои симфоніи и сонаты сочинялъ, будучи уже глухимъ старикомъ, — изумленію и благоговѣнію моему къ этому гиганту и генію музыки не было конца.

А тутъ еще пришлось взять на свои плечи разоренное опекой имѣніе. Мать была плохою хозяйкой и довѣрялась управляющимъ, которые только разоряли насъ; а подъ конецъ своей жизни переселилась въ городъ, продавъ очень дешево свое имѣніе «Куники» и купивъ въ городѣ домъ. Она не удержала за собою и другаго имѣнія, доставшагося ей на вдовью седьмую часть.

Я началъ хозяйничать безъ надлежащей опытности въ то время, когда стали поговаривать объ освобожденіи крестьянъ. Хотя наши бобровцы и не могли бы пожаловаться на своихъ помѣщиковъ, однако, какое-то глухое волненіе и недовольство началось и между нашими крестьянами и дворовыми. Тутъ имѣла большое значеніе и самая новизна положенія.

— Нѣтъ, будя!—говорили они: — послужили достаточно... Теперя мы сами господами заживемъ.

Такія сужденія и «новыя вѣянія» уже раздавались то тамъ, то здѣсь при всякихъ сходбищахъ и какъ бы носились въ наэлектризованномъ новизною и разными слухами воздухѣ.

Нашлись, конечно, разные истолкователи законовъ изъ лицъ, принадлежавшихъ къ «крапивному сѣмени», въ родѣ нынѣшнихъ «аблакатовъ», и только подстрекали невѣжественный людъ къ выраженію неудовольствія противъ помѣщиковъ. И все это сейчасъ же отразилось на отношеніяхъ многихъ крестьянъ къ помѣщикамъ: напримѣръ, безъ достаточнаго повода они перестали снимать шапку и говорили съ помѣщиками безъ прежней почтительности. Конечно, дѣло не въ сниманіи шапокъ; но и это ничтожное на видъ обстоятельство, характеризуя настроеніе крестьянъ, играло въ нашей сельской жизни немаловажную роль, усиливая взаимное раздраженіе...

Наконецъ, наступилъ знаменательный день 19 февраля 1861 г. Послѣ долгихъ думъ и разсужденій, однимъ взмахомъ пера гуманнаго императора Александра II, позорившее Россію въ глазахъ Европы крѣпостное право было уничтожено навсегда. Православный, но, къ несчастью, невѣжественный, человѣкъ осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ, выпилъ водочки, съ радости поругался и подрался кое съ кѣмъ и сталъ продолжать свою прежнюю жизнь, но уже на новыхъ началахъ и при новыхъ порядкахъ, хотя и по старымъ законамъ...

Новый фундаментъ подъ старое зданіе трудами самихъ же

Digitized by Google

интеллигентныхъ дворянъ былъ подведенъ, а укрѣплявшіе это зданіе столбы, подставки и лѣса на время еще были оставлены въ видѣ временно-обязательныхъ отношеній...

Явилось «Положеніе о крестьянахъ», напечатанное въ видѣ книги большаго формата. Явились и толкователи этого «Положенія» въ лицѣ разныхъ проходимцевъ, строкулистовъ и мелкихъ чиновниковъ, изгнанныхъ и изгоняемыхъ со службы, такъ какъ въ это время уже зарождалась и назрѣвала другая великая судебная реформа по уставамъ 20 ноября 1864 года, которая должна была, по мысли законодателя, искоренить въ судахъ «неправду черную». Многое было все таки неясно даже и для хорошо-образованныхъ дворянъ.

Учреждены мировые посредники, съ бронзовою цѣпью на шеѣ, изъ мѣстныхъ дворянъ; волостные старшины и сельскіе старосты также украсились медалями. Явилось урочное положеніе о томъ, сколько баба должна сжать и связать, обмолотить въ пользу помѣщика, а мужикъ долженъ вспахать, скосить и проч. Начали составлять и вводить въ дѣйствіе уставныя грамоты.

Странно было видѣть, какъ тѣ же мужики,— которые перестали снимать шапку предъ своимъ помѣщикомъ, для котораго они обязаны были работать три дня въ недѣлю, — какъ они теперь ломаютъ шапку предъ волостнымъ старшиною и даже передъ сельскимъ старостою, который въ свою очередь гнетъ спину предъ старшиною, своимъ непосредственнымъ начальникомъ изъ мужиковъ. Но вскорѣ престижъ власти былъ подорванъ самими же невѣжественными старшинами и начались въ окружныхъ судахъ многочисленныя дѣла объ оскорбленіи крестьянами волостныхъ старшинъ. Однако, на первыхъ порахъ и помѣщикамъ не разъ приходилось обращаться къ волостнымъ старшинамъ, которые до нѣкоторой степени являлись начальниками и судьями при разбирательствѣ столкновеній съ крестьянами по поводу издѣльной повинности, потравъ, самовольныхъ порубокъ и т. д. А все таки, и при новыхъ, очень трудныхъ условіяхъ и порядкахъ, въ деревнѣ надо было вести хозяйство и хотя сколько нибудь прилично жить, не утрачивая совершенно достоинства дворянина, ибо для дворянъ выработался афоризмъ: noblesse oblige.

Если и при отцѣ не приходилось продавать овса, который уничтожался лошадьми и собаками въ видѣ обыкновеннаго корма и овсянки, то теперь нечего ужь было и думать, чтобы сохранить охоту въ прежнемъ объемѣ. Я перевелъ борзыхъ и теперь оставилъ только три смычка самыхъ лучшихъ гончихъ. Количество дичи уже замѣтно уменьшилось. Да это и понятно: лѣса выруба-

Digitized by Google

лись и расхищались, что называется, напропалую. Кое-гдѣ начали строить желѣзныя дороги. И сколько появилось истребителей дичи изъ праздной сельской молодежи, которымъ никакой баринъ со своимъ исключительнымъ правомъ на охоту былъ уже не страшенъ. Хотя бо́льшая часть дворовыхъ людей,—а слѣдовательно и ружейныхъ охотниковъ, — остались при мнѣ во временно-обязательныхъ отношеніяхъ, тѣмъ не менѣе приходилось уже не приказывать, а просить: не желаетъ ли кто проѣхаться со мною въ лѣсъ съ собаками изъ-за угощенія водочкой. И охота составлялась почти въ прежнемъ личномъ составѣ охотниковъ, только уже въ скромныхъ размѣрахъ. Перспектива выпить водочки, развлечься, погулять и вспомнить старину дѣлала свое дѣло, да и какъ отказать въ просьбѣ барину, хотя и обѣднѣвшему: вѣдь баринъ все таки можетъ пригодиться! Многіе изъ дворовыхъ остались въ Бобровкѣ и по истеченіи обязательнаго двухлѣтняго срока. Хотя земли они и не получили, но все таки и теперь жилось имъ довольно сносно въ насиженномъ гнѣздѣ.

Студенецъ, Орлиный островъ, Печуры, Зашумля, Логовище, Черемо́шки, Калиновъ врагъ (оврагъ), Загрядское—сколько поэзіи заключается для меня въ этихъ названіяхъ при одномъ только воспоминаніи объ этихъ «островахъ», которые когда-то, во дни моей юности, оглашались звуками: «береги! гопъ-гопъ»! и голосами гончихъ!..

Когда, бывало, «подосенѣетъ», какъ выражался мой доѣзжачій Карпъ, и хлѣбъ съ полей убранъ,—уже издалека выдѣляются эти острова на желтѣющемъ или бурѣющемъ жнивьѣ, на черной пахоти или яркой зелени озимей.

Когда утренней зарей, холодкомъ и даже по морозцу, подъѣзжаемъ мы на телѣгѣ или на дрожкахъ къ какому нибудь острову,—ближайшія къ опушкамъ деревья выдѣляются между потерявшими листву своими собратіями красновато-желтыми листьями, а березы бѣлѣютъ своими бѣлыми стволами. И какой чудный ароматъ увядшей травы и подгнившей, изсохшей листвы! Да, эта мертвая и отжившая листва уже исполнила свое скромное и полезное назначеніе.

Но и замирающая, хотя никогда не умирающая, природа сохраняетъ слѣды своей красоты. И я вспоминаю слова поэта:

Und wenn im Herbst verbleichen
Der grüne Wald, die grüne Flur,
Da brennt auf weissem Stamme
Der gelben Krone Farbe,
Wie Trauerkerze der Natur...

Digitized by Google

XI.

И вотъ я задумалъ устроить охоту съ гончими и вспомнить старину. Авось будетъ легче на сердцѣ.

Еще наканунѣ поѣздки на охоту,—когда охотники изъ прежней дворни приглашены и все условлено,—я приготовляю заряды, осматриваю ружья и раздаю патроны и пистоны. Берется водка и заготовляется провизія на цѣлый день. Я ужь почти не сплю, чтобы встать до зари и всѣхъ поднять на ноги: вѣдь осенніе дни такіе короткіе, а до Орлинаго острова будетъ верстъ восемь—пока-то еще мы доѣдемъ!

Но вотъ снова,—уже не для праздныхъ разговоровъ,—собрались охотники. Еще совсѣмъ темно и у меня горятъ свѣчи; но скоро будетъ разсвѣтъ. Наскоро я подношу всѣмъ на дорожку по стакану чаю, а то и по рюмкѣ водки, съ кускомъ хлѣба или кренделемъ. Рюмка водки принимается и опрокидывается въ глотку съ бо́льшимъ впечатлѣніемъ и серьезностью, чѣмъ стаканъ чаю. Гончія на смычкахъ, на дворѣ въ темнотѣ слегка взвизгиваютъ, тянутъ одна другую, и Карпъ своимъ хрипловатымъ окрикомъ, хлопнувъ кнутомъ, приводитъ ихъ къ порядку.

— Навдаку [1]), сударь, будетъ толкъ съ Орлинаго острова!—скептически говоритъ мнѣ слесарь Павелъ, вскидывая ружье черезъ плечо и поглаживая ласкающихся собакъ.—Намъ бы сперва заѣхать въ Шуспань, а тамъ лѣвой рукой податься жнивьемъ къ Загрядскому и на перекоски—въ Долгій островъ. Вотъ это будетъ охота!

— А чѣмъ будетъ тебѣ плохъ Орлиный островъ?—возражаю я Павлу:—тамъ русачистое мѣсто!

— Да оно русачистое-то, русачистое! Допрежъ того, при покойномъ баринѣ, былъ хорошъ Орлиный островъ — это точно, да не по нонѣшнимъ временамъ. Тамъ таперича котлевскіе одно-дворцы балуются—бухаютъ, тоже съ ружьями ходятъ. Ну, извѣстно,—звѣря и выпужали!

— Ну, что ты, Павелъ, намъ поле хáишь! — вмѣшивается, съ досадой въ голосѣ, столяръ Алешка рыжій, всегда умѣвшій попадать въ тонъ общему настроенію и угадать желанія барина.—Мы въ Орлиномъ-то еще позапрошлою осенью были — только и есть! А помнишь, какъ отъ насъ тогда лисица ушла? Тамъ отъ Зашумли

[1]) Едва ли.

Digitized by Google

норы есть. А безъ русаковъ мы еще оттудова и не выѣзжали... Хо-о-рошій востровъ.

— Да оно—хорошій-то, хорошій! — и я говорю: хорошій! Да намъ получше бы надо, а то покель еще поѣдешь... солнце во́—гдѣ будетъ!

— Мы какъ въ Орлиномъ запустимъ гончихъ, такъ держись-Ты только, Павелъ, не пуделяй,—насъ не конфузь!

— Съ чего пуделять, какъ ладно придется! Нешто мы въ первой? Мы, слава тебѣ, Господи!—ужь зубы-то съѣли на охотѣ... Да по мнѣ—что жь?—въ Орлиный, такъ въ Орлиный.

— Ну, ребята, — говорю я: — садись скорѣе на телѣгу. А собакъ-то мы подвеземъ къ острову... а то онѣ еще наморятся. Намъ шагомъ ѣхать нельзя!

— Что жь? поѣдемъ себѣ помаленечку: трухъ, трухъ! — на слабцахъ [1])! Таперь по ко́лоти не больно-то разскачешься! Вишь, и грязца-то примерзла: бойко! А тамъ солнышко обогрѣетъ—будетъ мягко.

Всѣ споры окончены. Ѣдемъ. Карпъ солидно потрухиваетъ за нами верхомъ на вороненькомъ, и на дорогѣ вдругъ останавливается, чтобы покурить тютюнокъ.

— Ты, Карпъ, не отставай!—кричу я.

— Не извольте, сударь, сумлѣваться; я доскачу.

И Карпъ черезъ десять минутъ догоняетъ насъ вскачь.

Я сгораю отъ нетерпѣнія и ожиданій.

Но вотъ и Орлиный островъ. Тишина. У меня ужь замираетъ сердце. Обыкновенно я становлюсь въ логу, а теперь, въ стратегическихъ цѣляхъ, осторожно пробираюсь на дальнюю опушку, что́ на противоположной сторонѣ острова, и показываю знаками Алексѣю Рыжему — на какомъ лазу ему слѣдуетъ стоять. Всѣ лазы, входы и выходы для звѣря—мнѣ въ точности извѣстны. На островѣ тишина. Только покрикиваютъ докучливыя сойки да, перескакивая за мною съ дерева на дерево, стрекочатъ сороки. Можетъ быть, эти птицы предупреждаютъ какихъ либо обитателей острова объ опасности.

— Поди—поди, со-ба-ченьки, поди, милыя, раскопай его тамъ, разыщи! — поскакалъ въ логу на вороненькомъ Карпъ, который уже спустилъ со смычковъ и Дуная, и Соловья, и Кинара, и пр.

Кличка послѣдней собаки произошла, вѣроятно, отъ сокращенія слова «канарейка» и дана Карпомъ этому псу изъ уваженія къ его замѣчательному голосу въ стаѣ гончихъ, какъ бы напоми-

[1]) Со слабо натянутыми возжами; противоположное выраженіе: «на тугахъ».

Digitized by Google

нающему пѣніе канарейки. Біографія и всѣ достоинства каждой собаки мнѣ очень хорошо извѣстны.

Гончія разбрелись по кустамъ. Соловей, задравъ хвостъ колесомъ, чѣмъ-то интересуется: онъ обнюхиваетъ землю и задаетъ круги...

Вотъ вылетѣлъ изъ орѣшника, безъ гону, «шумовой русакъ», посидѣлъ, осматриваясь на опушкѣ, повертѣлъ ушами и скрылся. Стрѣлять—далеко, а «называть», то есть наводить собакъ на свѣжій слѣдъ,—значило бы сбивать съ толку всю стаю, которая занята своимъ дѣломъ,—поисками, — въ главномъ логу, въ ложкахъ и отрожинкахъ.

— Поди, поди, со-ба-ченьки; поди, розыщи! — снова вопіетъ хрипловатымъ теноромъ Карпъ, хлопая кнутомъ, и эхо повторяетъ всѣ эти вопли. Затѣмъ онъ раза два трубитъ, чтобы гончія не очень-то разсыпались и разбивались въ поискахъ.

— Поди, миленькія, охъ!—тутъ былъ, тутъ былъ!—подзадориваетъ Карпъ собакъ, которыя отлично его понимаютъ.

— Разыщи его. Ого-го-го-о!

Но мои собаки не пустобрешки.

Вотъ, однако, взвизгнулъ, учуявъ русака, Соловей и «повелъ съ голосомъ». А ему ужь вторитъ альтомъ Дунай... Я всѣхъ собакъ различаю даже издали по голосамъ. Эхо повторяетъ собачій концертъ, и я припоминаю слова Некрасова:

«Хоръ такъ мелодиченъ и плавенъ, и ровенъ!
Что твой Россини, что твой Бетховенъ»!

У меня уже взведенъ курокъ, и я вполнѣ полагаюсь на отцовскаго «турку».

— Къ нему, къ нему! Доберись! — вопіетъ Карпъ уже въ какомъ-то изступленіи совершенно охрипшимъ голосомъ.

Бѣдному русаку приходится плохо: вся стая несетъ его «на щипцахъ»,—не даетъ отдохнуть... Я забѣгаю впередъ, на слѣдующій лазъ, но меня уже опередилъ Павелъ.

Бу-у-хъ!..

И стелется дымъ.

— Ахъ! шутъ-те возьми, промазалъ!—ругается Павелъ.

— А-ля-ля! а-ля-ля! а-ля-ля!—«называетъ» онъ собакъ.

Гончія «варомъ варятъ», а впереди Румяной «ведетъ верхнимъ чутьемъ» всю стаю.

Но вотъ произошла заминка. Гончія «скололись», сбились со слѣда: русакъ, пускаясь на всѣ доступныя ему хитрости, вдругъ сдѣлалъ петлю и повернулъ вспять, образуя кругъ. Теперь онъ летитъ вдоль опушки прямо на меня. Косые глаза его отлично ви-

Digitized by Google

дятъ по сторонамъ, но не примѣчаютъ охотника, а я изъ-за березки уже цѣлюсь ему въ голову.

Пафъ!

И несчастный русакъ, взмахнувъ въ послѣдній разъ задними ногами, отбѣжалъ сажени двѣ въ предсмертной агоніи и свалился съ окровавленнымъ бѣлымъ брюшкомъ.

— Ого-го! ого го! ого-го!—кричу я съ торжествомъ.

А гончія ужь подваливаютъ. Прибѣжалъ Павелъ.

— Съ полемъ васъ, баринъ! А я, признаться, по немъ промазалъ: не утрафилъ маленько,—тутъ это мнѣ вѣточки помѣшали да и зарядъ задержало... въ плечо отдало!

Павлу почти всегда что нибудь да мѣшало.

— Русакъ матерый! Постойте, баринъ: я лапки дамъ собакамъ, по положенію.

И Павелъ, отрѣзавъ переднія лапки, угостилъ ими собакъ, которыя съ легкимъ ворчаніемъ апетитно ихъ съѣли.

— Ну, я снесу его къ кучеру!—предупредительно сказалъ Павелъ и понесъ добычу.

А Карпъ тѣмъ временемъ трубитъ да трубитъ въ рогъ, подзывая собакъ. Да такъ и слѣдуетъ по охотничьимъ правиламъ. Удивительное дѣло! Мнѣ ужь нисколько не жаль русака. Я горжусь силою боя, меткостью ружья и вѣрностью своего глаза. Я радъ тому, что во-время подоспѣлъ Павелъ и мнѣ не пришлось самому прикалывать зайца. А сколько разъ, бывало, подстрѣлю это невинное твореніе, а заяцъ кричитъ, какъ ребеноъ! Никого подлѣ меня нѣтъ, и я же самъ прикалываю зайца, хотя и не выношу зрѣлища, когда рѣжутъ курицу. Однажды, когда я случайно увидалъ, какъ поваръ Андрей, обхвативъ ногами Христиньину овцу, рѣзалъ ей горло, я заплакалъ и былъ до того потрясенъ этой ужасной сценой, что послѣ этого нѣсколько лѣтъ не могъ ѣсть мяса... Но теперь, на охотѣ, я утѣшаю себя мыслью, что если не я самъ, то все равно — другой кто либо убьетъ или подстрѣлитъ зайца; такъ ужь лучше я его поскорѣе прикончу, чтобъ онъ не такъ долго мучился. Опять же большая разница: на охотѣ какъ бы происходитъ состязаніе въ ловкости и искусствѣ между звѣремъ и человѣкомъ: звѣрь пользуется тѣми средствами защиты, которыми снабдила его природа, а я побѣждаю его своею сообразительностью и меткостью стрѣльбы; побѣждаю своимъ умомъ, потому что знаю, гдѣ мнѣ слѣдуетъ стать. И, наконецъ, въ оправданіе свое скажу:

«Что въ свѣтѣ пріятнѣй охотничьей жизни?
Мы весело рыщемъ со стаею посъ»!..

Digitized by Google

XII.

Теперь охота на Ординомъ островѣ въ самомъ разгарѣ.

— Поди, поди, со-ба-ченьки! — снова вопіетъ Карпъ. — Ого-го-го-о!

— Тутъ запалъ, тутъ запалъ! О-го-го-о! Ахъ, тутъ былъ, тутъ былъ! Доберись! къ нему, къ нему!

И гончія снова «повели».

— Береги!—кричитъ Карпъ Алешкѣ Рыжему, забравшемуся въ ложокъ, когда атукавшійся русакъ вышелъ изъ своего гипнотическаго состоянія, вызываемаго чувствомъ страха, и только что сорвался изъ-подъ гончихъ, не успѣвъ даже сдѣлать своего обычнаго круга.

Бу-ухъ!—выпалилъ Алешка.

— Готово!—съ торжествомъ кричитъ онъ.—Я шальнаго заряда не пущаю. Ого-го-го-о! Поди по иномъ, поди по иномъ.

Сигналъ: «поди по иномъ»! означаетъ, что слѣдуетъ продолжать удачную охоту и разыскивать собаками другаго звѣря.

И гончія, дѣйствительно, какъ бы повинуясь этому приглашенію, нашли другаго русака и теперь уже съ увѣренностью, не скликаясь, идутъ по немъ съ гономъ.

— Бухъ! ого-го-о!—кричитъ Павелъ.

На этотъ разъ и ему посчастливилось.

— Поди по иномъ, поди по иномъ!

Мнѣ ужь завидно... а я не стрѣляю. Но что это метнулось желтое и пушистое?—Ба! да вѣдь это шумовая лисица пробирается въ полѣ межничникомъ, на другой островъ. Навѣрное она думаетъ: «уйду-ка я отъ грѣха, пока собаки не напали на мой слѣдъ. И хорошо еще, что меня выручаютъ здѣсь русаки».

Я сбѣгаю въ логъ и кричу: у-лю-лю! у-лю-лю! — что на охотничьемъ языкѣ означаетъ, что я видѣлъ краснаго звѣря.

— У-лю-лю!—вновь кричу я съ азартомъ и приказываю Карпу трубить нашъ сборъ, чтобы, не теряя времени, идти на другой островъ по красному звѣрю. Мой разсказъ о только что прошмыгнувшей въ полѣ лисицѣ, какъ и слѣдовало ожидать, производитъ сенсацію между собравшимися на совѣщаніе охотниками.

— Она какъ разъ тамъ таперь и будетъ, въ Печурахъ; безпремѣнно будетъ въ Печурахъ!—увѣренно говоритъ Алешка Рыжій:—вѣдь тамъ есть и норы, эдакія кочегуры съ болотцами. А что намъ таперича русаки? Эка невидаль! Мы лучше по красному звѣрю... А времени еще намъ будетъ достаточно.

Digitized by Google

— Только бы надо сдѣлать привалъ,—говорю я:—вотъ тутъ, въ ложбочкѣ. Ну-ка, развяжи нашу провизію, достань бутылку и стаканчикъ.

И, отпивъ немного, наливаю каждому по стаканчику водки. Первому—и, разумѣется, по старшинству—Карпу. Старикъ, по обычаю, съ шапкою въ рукѣ кланяется мнѣ и, перекрестившись, опрокидываетъ въ ротъ стаканчикъ. Затѣмъ беретъ огурчикъ съ хлѣбцемъ и закусываетъ, покрякивая.

— Вотъ такъ-то, сударь: теперь намъ будетъ хорошо съ устаточку. Съ полемъ васъ, баринъ!

— Хочешь еще?—предлагаю я.

— Нѣтъ, баринъ: лучше опосля, какъ управимся съ лисой.

Наливаю стаканчикъ Алекѣю Рыжему.

Онъ уже стоитъ безъ шапки, такъ какъ теперь его уже очередь, и, подобно Карпу, опрокидываетъ въ себя стаканчикъ, но не отказывается и отъ другаго.

— Важно!—говоритъ онъ, утирая губы:—яблочкомъ закушу... Троихъ русачковъ смастерили: будетъ съ насъ и этого! А то Павлюха намеднись болталъ и меня было смутилъ: не будетъ, говоритъ, вамъ удачи въ Орлиномъ... Я тутъ и заспорилъ: какъ, говорю, не будетъ? съ какого же это закона? Нешто намъ баба съ пустыми ведрами дорогу перешла, нешто мы впервой ѣздимъ въ Орлиный? Еще баринъ покойный крѣпко любилъ Орлиный островъ. А ужь они ли были не охотники!

Подношу и Павлюхѣ.

— Ну, теперь надо собакамъ по кусочку хлѣбца, — говоритъ Алешка,—да и съ Богомъ за лисой! Ты только, Павелъ, не пуделяй: насъ не конфузь.

— Съ чего пуделять? Я мимо заряда не пущаю... Тоже вѣдь и мы на охотѣ зубы пріѣли.

— Ну, ладно!—говорю я, и мы, послѣ этого короткаго привала, перебираемся въ Печуры, на что все таки требуется не менѣе полутора часа. А дни осенніе такіе короткіе и намъ дорогъ каждый часъ.

Вотъ такія-то, хотя и довольно рѣдкія развлеченія, какъ охота, требуя движенія на чистомъ воздухѣ среди мирной природы и вызывая послѣ того физическую усталость, успокоивали нервы и давали мнѣ нѣкоторый подъемъ духа. Нынѣ, закономъ 3-го февраля 1892 г., ограничено и право охоты помѣщиковъ въ собственныхъ дачахъ, а лѣсовъ и всякой дичи становится все меньше и меньше. Размножились только волки и лисицы...

Но все таки, съ наступленіемъ эпохи оскуденія послѣ 19 фев-

Digitized by Google

раля 1861 г., не легко было интеллигентнымъ людямъ изъ дворянской среды проводить цѣлые годы въ обществѣ мужиковъ, бороться съ ними же на экономической почвѣ изъ-за какихъ нибудь грошей, и при этомъ вѣчно оставаться въ ожиданіи, что если не сегодня, такъ завтра васъ подожгутъ или обокрадутъ люди изъ нашей меньшей братіи, либо лошадей вашихъ уведутъ; либо хлѣбъ увезутъ съ поля, а то съ гумна и даже изъ амбара; либо растащатъ вашъ лѣсъ. Такую именно неурядицу переживалъ я, да и теперь, при учрежденіи земскихъ начальниковъ, переживаю снова... Жаловаться? Но это и скучно, и хлопотливо, и дорого, да и тяжело. Кому жаловаться?—волостному старшинѣ? Но онъ—такой же невѣжественный человѣкъ, какъ и сами воры, лукавые, лѣнивые работники и пьяницы, на которыхъ я вынужденъ жаловаться. Земскому начальнику? Но какой же онъ юристъ и администраторъ? да и скоро ли до него доберешься!—Въ окружный судъ?—такъ наплачешься отъ однѣхъ только восьмидесятикопѣечныхъ гербовыхъ марокъ, которыя намъ не по карману... А тутъ, того и гляди, за неплатежъ въ банкъ, а то и за дворянскія и земскія недоимки, опишутъ и продадутъ твое имѣніе... Что же удивительнаго, что подчасъ не было денегъ, чтобы выписать даже газету или журналъ! О поѣздкахъ въ столицу,—чтобы хоть сколько нибудь освѣжиться и не отстать отъ людей, отъ общества и просвѣщенія, — нечего было и думать... Правда, у меня оставался еще одинъ ресурсъ, какъ интересъ въ жизни: это—музыка, но и тутъ въ области композицій, безъ системы и руководства, мудрено было идти впередъ. Въ общемъ, отъ эмансипаціи, по причинѣ своего невѣжества, мало выиграли и крестьяне... О тѣхъ изъ нихъ, которые случайно богатѣли иногда на счетъ своихъ же односельцевъ, превратившись въ Колупаевыхъ, — не стоитъ и говорить. Положимъ, что они сдѣлались купцами, а дѣти ихъ, чрезъ университетъ и службу, вышли въ дворяне; но отдѣльныя единицы не составляютъ еще массы.

А несчастные дворовые люди, за небольшими исключеніями, остались безъ земли, тогда какъ прежде они содержались отъ помѣщиковъ. Теперь, послѣ 19-го февраля 1861 г., они образовали *сельскій пролетаріатъ*. Почти въ каждой деревенькѣ вы найдете бывшихъ дворовыхъ, которые, конечно, живутъ еще хуже крестьянъ. Ютятся они на пяти-семи саженяхъ землицы въ самыхъ неудобныхъ мѣстахъ, гдѣ нибудь на косогорѣ или подъ горою. Пожалуй, у нѣкоторыхъ изъ нихъ есть и огородъ, но онъ до того малъ, что въ немъ могутъ пріютиться развѣ только двѣ-три курицы. И за всю эту усадьбу, за право пользованія ею, почти забытый Богомъ и закономъ, бывшій дворовый человѣкъ платитъ сельскому обществу

Digitized by Google

ежегодно изрядную сумму, либо откупается отъ притѣсненій нѣсколькими ведрами вина. Какъ и на какія средства живутъ эти подчасъ многосемейные дворовые—одинъ Богъ только вѣдаетъ! Положимъ, что многіе изъ нихъ нанимаются въ рабочую страдную пору и почти всѣ изъ нихъ обучались или знаютъ какое нибудь мастерство. Но что́ можетъ заработать въ деревнѣ какой нибудь парикмахеръ или каретникъ? Уйти и переселиться въ городъ? Но тамъ свои мастера, работающіе нерѣдко при посредствѣ машинъ. И вотъ такой дворовый, у котораго нѣтъ ни своей землицы, ни хлѣба, а подчасъ нѣтъ даже и коровы, идетъ либо въ кучера, либо въ сторожа, либо въ лакеи на вокзалъ, либо въ поденщики, либо спивается, превращаясь въ босяка и золоторотца... И многіе изъ нихъ,—какъ напримѣръ, бывшіе дворовые сельца Бобровки,—вспоминаютъ то «счастливое» для нихъ крѣпостное право, когда жили они на попеченіи и иждивеніи помѣщиковъ, какъ у Христа за пазухой... А между тѣмъ—и, кажется, непоправимо—поразорились и сами ихъ бывшіе помѣщики... Они ли теперь могутъ протянуть руку помощи злосчастнымъ дворовымъ людямъ? Короче, разорвавшаяся крѣпостная цѣпь ударила — «однимъ концомъ по барину, другимъ по мужику».

Кому же теперь на Руси жить хорошо?

В. Волжинъ.

Digitized by Google

Осенью.

Ловлю я въ осенней неволѣ
Обрывки развѣянныхъ сновъ,—
И снится мнѣ вольное поле
Съ роскошнымъ узоромъ цвѣтовъ.

Мнѣ слышатся въ будни сплошные,
Въ холодныхъ оковахъ тоски,
Зеленыя сказки лѣсныя
Подъ робкіе всплески рѣки.

И грустно, и сладко. Въ неволѣ,
При тихихъ напѣвахъ мечты,
Я такъ полюбилъ васъ,—и поле,
И лѣсъ, и рѣка, и цвѣты!

Е. Ч.

Digitized by Google

ПСИХОПАТЪ.

(Миньятюрный романъ изъ военнаго быта).

I.

Она—дочь бѣднаго, тридцать пять лѣтъ безупречно прослужившаго въ интендантствѣ, чиновника... Воспитывалась она въ одномъ изъ провинціальныхъ институтовъ, основательно изучивши новые языки и манеры «салонныхъ дамъ». Въ свое время (а вѣдь это было очень давно), вскорѣ послѣ выхода изъ института, она была очень «интересной» невѣстой, но со славой — безприданницы... Многимъ она нравилась: она была молода, умѣренно-кокетлива, нисколько не жеманна, очень граціозна въ мазуркѣ и вальсѣ и,—какъ выражались въ то время гарнизонные офицеры, — «натурально-сдобна»; въ общемъ, она производила впечатлѣніе миловидной изящной блондинки; нѣкоторые знатоки красоты находили даже «очень умными» линіи ея рта, не особенно уже свѣжія, но еще достаточно румяныя и рѣзко обозначавшіяся на блѣдномъ лицѣ. Руки у нея были маленькія, пухленькія, привлекательныя. Вся натура дышала увлеченіемъ, жизнью. Глаза... но глаза-то выражали затаенное коварство; въ глубинѣ ихъ скрывалось что-то лживое!.. Въ домашнемъ быту называли ее Мусей, а въ обществѣ— Марьей Веніаминовной Мураловой.

Онъ былъ сыномъ прожившагося въ «доброе, старое время» отставнаго гусара, всегда болѣзненно-гордо относившагося къ чести военнаго мундира и любившаго въ компаніи выпить, «какъ слѣдуетъ быть», и порыцарствовать... Будучи казенно-коштнымъ воспитанникомъ военнаго корпуса, онъ неуклонно прошелъ весь «доблестный» путь суроваго *юнкеризма*, пропи-

Digitized by Google

тавшаго его своими «принципами», какъ хорошо очищенную спеціями губку. Съ глубокимъ уваженіемъ и любовью относился онъ къ воинской дисциплинѣ и ея субординаціи. Онъ былъ атлетъ, но страшно неповоротливъ и мѣшковатъ: во всей его фигурѣ сквозила чисто-строевая искусственность и фронтовое воспитаніе безъ всякой граціи. Онъ не любилъ роскоши, бывалъ скупъ на деньги, презрительно относился къ «свѣту и его приличіямъ». За это—онъ и получилъ названіе «дикаго»... Голосъ у него былъ настоящій военный, строевой, выработанный продолжительною практикою ротныхъ ученій; безъ рупора онъ могъ совершенно свободно командовать на самыхъ дальнихъ разстояніяхъ. За это начальство всегда ставило его въ примѣръ всѣмъ слабогрудымъ офицерамъ. Служилъ онъ въ резервномъ полку; звали его Василіемъ Петровичемъ, а въ домашнемъ обиходѣ—просто «Basile», по фамиліи, Кабанинъ.

II.

Двадцати лѣтъ Марья Веніаминовна вышла изъ своего «роднаго» института. Разставаясь съ товарками, она плакала, «какъ маленькая»; перецѣловала всѣ стѣны роднаго дортуара, родныхъ классовъ... Со слезами на глазахъ она выѣхала съ институтскаго двора на улицу.

Вотъ она и дома... Но здѣсь, дома, для нея ничего не было роднаго, привлекательнаго: комнатки небольшія, низкіе потолки, мало свѣта, немного воздуха—дышать даже трудно. Муся стала скучать.

Наступилъ «очаровательный» зимній сезонъ, съ хлопьями снѣга, съ большими морозами, съ хорошимъ саннымъ путемъ,—одна отрада! Что за сезонъ!

Для развлеченія, Мусю стали «вывозить въ свѣтъ» на танцовальные вечера. Напутствуемая практическими совѣтами своей матери, Муся вмѣстѣ съ нею поѣхала въ военное собраніе. Вечеръ этотъ удался на славу... Первый вечеръ—первое впечатлѣніе! Муся до такой степени «натанцовалась» съ новоиспеченными подпоручиками и корнетами, что на другой же день слегла въ постель отъ переутомленія. Старый полковой врачъ предписалъ ей на цѣлый мѣсяцъ абсолютный покой

Digitized by Google

«физическій и моральный», пополамъ — съ рыбьимъ жиромъ, молокомъ, коньякомъ и другими спеціями фармацевтической кухни. Съ большимъ напряженіемъ и трудомъ выдержала Муся докторскій карантинъ и на всѣхъ послѣдующихъ семейныхъ вечерахъ танцовала уже хотя и съ увлеченіемъ, но безъ переутомленія.

Прошелъ годъ. Муся все болѣе и болѣе привыкала къ своему дому, къ матери, къ своему бѣдному быту. Съ сердечнымъ содроганіемъ смотрѣла она на свою домашнюю обстановку, на болтавшіяся на окнахъ кисейныя занавѣски, на потертый отъ времени полъ. Не въ такой домашней обстановкѣ научили ее жить въ институтѣ...—«Какая разница: институтское воспитаніе и реальный бытъ нашъ»! часто думала Муся, заглядывая во всѣ углы своей бѣдненькой квартирки.

Начался новый зимній сезонъ. Опять начались вечера съ танцами и развлеченіями. Муся выѣзжала... Со втораго вечера «maman» предоставила Мусѣ—порхать на вечерѣ въ окружающей «военной» обстановкѣ. Мусѣ очень понравилась такая свобода, такое «родное» отношеніе матери къ своей дочери. Танцовала Муся по желанію, а не со всѣми кавалерами безъ разбора, ходила подъ руку съ офицерами, отдавая въ этомъ предпочтеніе или болѣе красивымъ, или адьютантамъ, украшеннымъ аксельбантами. Такимъ образомъ, у нея явилась цѣлая масса самыхъ разнокалиберныхъ поклонниковъ:—по возрасту, уму, образованію, воспитанію и служебному положенію. А «maman» только этого и надо было... «Чѣмъ скорѣе выдамъ Мусю замужъ, тѣмъ лучше для нея и для меня»! втайнѣ думала она. Изъ массы «саранчи-кавалеровъ» она намѣчала кузнечика и для своей Муси. Но чужія маменьки злобствовали противъ Муси и посылали ей вслѣдъ недобрыя сужденія... Эти чужія мамаши, не смотря на массу устилавшихъ ихъ жизненный путь шиповъ и терній, все таки ставили своимъ дочерямъ на видъ игриво-пикантное поведеніе Муси и даже запретили знакомиться съ нею, предрекая ей крайне незавидную будущность. Но Муся ничего этого не знала, а косые взгляды маменекъ и ихъ дочекъ объясняла себѣ завистью.

— Завидуютъ мнѣ, оттого такъ и смотрятъ... Злитесь, злитесь, старушенціи—а я все таки окружена буду кавалерами всѣ же ваши «пиголицы» будутъ оставаться въ уборной!

Digitized by Google

У Муси постепенно развивалось злорадство—плохое качество для хорошенькой женщины. Однажды она рѣшилась поговорить по этому поводу съ своею «maman»...

— Не обращай на нихъ вниманія,—сказала мать,—веселись по прежнему: ты вступаешь въ свѣтъ, должна изучать жизнь и людей... Нельзя же, по ихнему, оставаться дура-дурой. Вѣдь онѣ всѣ — дуры, больше ничего!.. А жизнь вѣдь далеко не сладка каждому изъ насъ.

Муся успокоивалась и продолжала держать себя вполнѣ по прежнему; она не смотрѣла на то, «что скажетъ свѣтъ», и, благодаря окружающей ее молодой компаніи военныхъ кавалеровъ, вырабатывала въ себѣ взгляды на жизнь не то англійскіе, не то американскіе: свобода прежде всего! И это она всѣмъ говорила, какъ бы высоко поднимая предъ собою знамя общественнаго протеста... Кавалерамъ (въ особенности студентамъ) смѣлость ея взглядовъ очень нравилась и они ходили за нею толпами по улицамъ. А Мусю и ея maman это тѣшило до безконечности.

— Ахъ, мамочка, я съ наслажденіемъ изучаю людей,—восторгалась Муся,—въ особенности молодыхъ военныхъ и студентовъ: между ними есть что-то общее, родное, связывающее...

— Мундиръ, должно быть! — смѣясь говорила мать и тутъ же охотно добавляла: — Веселись, дѣтка, веселись, пока молода. Только и твоего... А выдешь замужъ — натерпишься горя по моему!—говорила ея мать и плакала.

— О, мамочка, я плакать никогда не буду: всегда буду весела. Я рѣшила такъ: до тридцати пяти лѣтъ буду жить только для себя; затѣмъ—для своихъ дѣтей; а послѣ 50 лѣтъ—исключительно для мужа.

— Права ли ты въ этомъ, я не знаю... Дѣло твое—дѣлай, какъ знаешь. Только такъ дѣлай и живи, чтобы все было хорошо и умно...

— О, мамочка,—восторженно восклицала Муся,—я очень умная; это мнѣ всѣ говорятъ... Но на землѣ ничто не совершенно, кромѣ несчастія! — философски проговорила Муся и весело разсмѣялась звонкимъ, раскатистымъ смѣхомъ.

— Да, все зависитъ отъ счастья! — проговорила мать, не понявъ философствованія своей дочери.

— А счастье человѣка, дорогая мамочка, въ томъ и заклю-

Digitized by Google

чается, чтобы совершенно сознательно относиться къ исполненію своего долга!.. О, счастье, счастье, гдѣ ты витаешь надъ людьми?—какимъ-то грознымъ речитативомъ закончила Муся.

— Мнѣ, знаешь, одно желательно,—вновь начала мать,—чтобы моя дорогая Мусичка поскорѣе вышла замужъ; это моя давнишняя мечта—всѣ мои думы... Мнѣ такъ хочется ласкать внучатъ!—нервно умилялась мать, не обращая вниманія на смѣлую философію своей дочери.

Въ такихъ случаяхъ Муся хохотала очень громко и убѣгала въ свою «каморку».

— Какое до сихъ поръ еще наивное дитя! — вслѣдъ ей добродушно замѣчала мать.

Во время весенняго сезона, когда въ садахъ пѣли первые соловьи, Муся, въ компаніи студентовъ и офицеровъ, гуляла по главнымъ городскимъ улицамъ и въ университетскомъ паркѣ; посѣщала музеи, выставки, панорамы, паноптикумы, театры... О ней уже стали много говорить и много злословить. Но въ блаженной провинціи, — хотя бы и большой, съ университетскимъ городомъ,—на кого только не нападаютъ? На кого не злословятъ «подруженьки»?.. На то, кажется, и создана сама провинція—съ ея прессой и обществомъ, чтобы на всѣхъ и обо всемъ злословить!

Такъ ли это?..

III.

Прошло шесть лѣтъ. Муся, не смотря на страстное желаніе матери, до сихъ поръ еще не вышла замужъ. Она замѣтно пополнѣла, поздоровѣла, покраснѣла, но не потеряла прежняго кокетства и изящества. Она сдѣлалась даже еще изящнѣе!

— Я люблю природу, лѣсъ, паркъ, сады,—вообще все, гдѣ такъ много бываетъ кислороду, и дышу, дышу безконечно... Оттого я и смотрю здоровою женщиною; немного напоминаю купчиху, ну да это ничего! — всѣмъ и каждому рапортовала Муся.

Она все чаще и чаще заглядывалась на себя въ зеркало, чаще пудрилась, намазывала руки на ночь глицериномъ-велюръ; всегда на ночь умывалась «заграничнымъ» дорогимъ

Digitized by Google

сильно-пахнущимъ мыломъ; чаще завивалась и мѣняла прически, которыя всѣ были ей «къ лицу».

«Мнѣ уже двадцать шесть лѣтъ»! — съ сердечнымъ сокрушеніемъ смотрясь въ ваящное зеркало, подаренное ей въ день ангела, думала Муся и на кого-то злилась за то, что у нея на лбу все рельефнѣе и рельефнѣе стала обрисовываться продольная морщинка.

— И никто, никто не дѣлаетъ мнѣ предложенія!—проговорила она, но тутъ же испугалась и даже оглянулась на дверь свой спальни.

«Впрочемъ, что же это я?... Въ настоящій вѣкъ сдѣлать офиціальное *предложеніе*, это—старая пошлость, ничего болѣе! — разсуждала она сама съ собой. — Когда поразмыслишь хорошенько, то, право, придешь къ тому убѣжденію что наша жизнь—эпиграмма, все остроуміе которой заключается или въ свадьбѣ, или въ смерти!.. Впрочемъ, это я, кажется, вычитала откуда-то... Э, да все равно! Вѣдь всѣ мы родимся на свѣтъ безсловесными, а ужь потомъ почерпаемъ всѣ слова или отъ людей, или изъ книгъ — своихъ словъ не выдумываемъ».

«Да, Шпильгагенъ былъ вполнѣ правъ, — размышляла она про себя:—для женщины существуетъ только одно блаженство на землѣ—любить, и одно счастье — быть любимой!.. А тутъ у тебя нѣтъ ни того, ни другаго»!

Сказала она и вздохнула.

— Фу, фу, фу! что это со мною?—вскочила она, прошлась и обѣими руками провела по волосамъ, точно разгоняя налетѣвшій на нее рой невольныхъ мыслей.

Въ это время, въ ея «каморку» вошла мать.

— Ты скучать начинаешь, моя дѣточка...—начала она.—Замужъ, замужъ надобно... Давно бы пора, да вотъ только одна остановка: жениха все нѣтъ подходящаго, дѣльнаго: ухаживать ухаживаютъ, а о предложеніи и не думаютъ.

— Ахъ, мамочка,—обидѣлась Муся,—что вы такое говорите... Женитьба, женитьба — это тенденція только однихъ мѣщанъ; все равно, какъ и ревность...

— Ну, милая, не скажи этого; женитьба каждому даетъ законныя отеческія радости и семейное счастіе. А причемъ здѣсь мѣщане—такъ я даже совсѣмъ не понимаю... Это ты все

Digitized by Google

изъ книгъ тараторишь, а твоего собственнаго ничего даже нѣтъ здѣсь.

— Пускай изъ книгъ!.. Пускай будетъ такъ, мамочка. А только все таки я вамъ скажу, что женитьба есть такая часть жизни, гдѣ люди и вещи недолго сохраняютъ свою цѣнность: въ ней все съ неимовѣрною быстротою или возвышается, или падаетъ.

— Опять изъ книги заговорила... Даже противно слушать тебя, моя родная! — не то сердито, не то капризно отвѣчала мать.—Что тамъ ни говори, а тебѣ пора замужъ, вотъ и все тутъ. Давно даже пора!

— Знаете, мамочка,—впадая уже въ минорный тонъ, говорила Муся, — я точно также сама объ этомъ думала, да только за кого же выходить замужъ? Всѣ прежніе кавалеры перестали бывать у насъ, а новые не являются вовсе. Одно горе!

— Сама, сударыня, виновата, сама, — совсѣмъ уже разсердилась старуха. —Какъ такъ, чтобы за шесть лѣтъ жениха не поймать—уму непостижимо! И румяна, и бѣла, и собою статна со всѣхъ сторонъ... Да я бы на твоемъ мѣстѣ, при всѣхъ твоихъ качествахъ, генераловъ бы съ ума сводила, а не только что корнетовъ или драгунскихъ и пѣхотныхъ капитановъ,— сквозь видимыя слезы закончила мать свою тираду язвительныхъ фразъ.

Муся начала тихо плакать. Мать замѣтила это.

— Слезами жениха не выловишь. Ловила бы, когда ухаживали за тобою... А вотъ теперь сидишь все время на моей шеѣ!

Муся совсѣмъ не ожидала такого «мѣщанскаго» заключенія. Ее всю передернуло отъ этихъ словъ; она обозлилась и, едва сдерживая рыданія, отвѣтила матери:

— Ничего, я скоро выду замужъ... Не сердитесь, мамочка. Я у васъ *сидѣть на шеѣ* не останусь...

— Такъ за кого же ты выдешь, красота моя?—заговорила мать совсѣмъ ужь ласково.

— За Кабанина, командира восьмой роты резервнаго полка.

— А онъ развѣ уже сдѣлалъ тебѣ предложеніе?—обнимая дочь, спросила мать.

Digitized by Google

— Еще не сдѣлалъ, но сдѣлаетъ, если я того захочу!— сердито отвѣчала Муся, отстраняя нѣжныя ласки своей мамаши.

— Да хоть за него выходи... Теперь лучшаго не найдешь.

Муся совсѣмъ разсердилась. Она хотѣла сказать еще что-то колкое своей матери, но запнулась на словѣ и только покраснѣла... На этомъ разговоръ ихъ прекратился. Мать и дочь разошлись по своимъ «каморкамъ»... Ихъ отношенія «натянулись».

IV.

6-е января... Въ военномъ собраніи—блестящій танцовальный вечеръ, совсѣмъ балъ. Разодѣтая по модному, мѣстная аристократія была на балу... Эполеты, фраки, эксельбанты—то и дѣло вновь прибывали въ залу и тонули въ общей живой массѣ разноцвѣтной молодежи. Было весело... Звонъ шпоръ, мужское и женское щебетанье неслись со всѣхъ сторонъ, изо всѣхъ угловъ. Гостинныя были переполнены самымъ утонченнымъ запахомъ духовъ. Въ залѣ, не смотря на дѣйствовавшіе вентиляторы, стояла страшная духота. 6-е января, это—карнавалъ высшаго провинціальнаго общества.

На этомъ вечерѣ была и наша Муся. Покинувъ maman въ уборной, она давно уже находилась въ обществѣ капитана Василія Петровича Кабанина—командира 8 роты резервнаго полка. Онъ ей совсѣмъ не нравился, но... «на безрыбьѣ—и ракъ рыба»! Муся весело щебетала, какъ весенняя ласточка, а онъ—все только слушалъ ее. Дѣвушка всегда сильно нравилась ему. Но, всегда добродушный и простоватый, онъ не подозрѣвалъ, что Муся сегодня задумала разставить свои невидимыя сѣти и въ нихъ поймать «дикаго», какъ она называла Кабанина.

— Или сегодня, или никогда—рѣшила Муся.

И она дѣйствовала по всѣмъ правиламъ утонченной хитрости, знакомой лишь искуснымъ птицеловамъ и всѣмъ хорошенькимъ женщинамъ.

— Знаете, Василій Петровичъ, протанцуйте со мной третью кадриль. Найдите себѣ vis-à-vis.

Digitized by Google

— Слушаю-съ!—смѣясь и блистая взоромъ, покорно отвѣтилъ Кабанинъ и, торопливо переваливаясь съ одной ноги на другую, замаршировалъ на поиски нетанцующей пары.

Муся осталась одна въ укромномъ уголкѣ гостинной, заставленномъ со всѣхъ сторонъ живыми экзотическими растеніями. Тотчасъ же подлетѣлъ къ ней ея старый знакомый—дивизіонный адьютантъ Пригубинъ и сталъ что-то таинственно передавать ей по французски. Муся тихо, тихо защебетала: она чувствовала себя въ этой компаніи точно рыба въ водѣ... Вскорѣ, подъ руку съ адьютантомъ, она плавно перешла въ голубую гостинную, гдѣ въ то время никого не было.

На хорахъ собранія раздались призывные звуки контрданса. Кабанинъ нашелъ vis-à-vis, приготовилъ стулья, связалъ ихъ своимъ цвѣтнымъ фуляровымъ платкомъ и пошелъ за своею дамою. Но въ средней гостинной ея не было. Кабанинъ заглянулъ во всѣ углы, — точно онъ иголку отыскивалъ,—осмотрѣлъ всѣ диваны, даже побезпокоилъ нѣкоторыхъ пожилыхъ дамъ и хотѣлъ уже направиться опять въ залу, какъ вдругъ одна старушка, улыбаясь, спросила у него:

— Да кого вы здѣсь ищете?

— Марью Веніаминовну!—сконфузился Кабанинъ.

— А, а!..—протянула старушка и засмѣялась.—Она тамъ, въ другой гостинной!—и указала вѣромъ.

Кабанинъ, даже не поблагодаривъ незнакомую даму за любезное вниманіе, какъ угорѣлый, зашагалъ по новому направленію.

Но вдругъ, уже на порогѣ голубой гостинной, онъ услыхалъ раздавшійся звукъ сочнаго поцѣлуя. Кабанинъ остановился, какъ вкопанный.

— Пожалуйте, m-r Кабанинъ: я васъ жду!—громко проговорила Муся.

Кабанинъ сразу очнулся и подошелъ къ ней.

— Вотъ вы гдѣ!..—мягко сказалъ онъ.—А я тамъ искалъ васъ,—указалъ онъ на среднюю гостинную.

Муся, почти полулежа, откинувшись, сидѣла на изящной голубой кушеткѣ, а рядомъ съ нею, у ея изголовья, въ креслѣ расположился Пригубинъ; онъ видимо былъ смущенъ неожиданнымъ появленіемъ Кабанина и нервно расправлялъ и покручивалъ свои «цыганскіе» усы.

Digitized by Google

— Что же, пойдемъ танцовать?—спросила Муся у Кабанина, ни однимъ жестомъ не выражая желанія нарушить свою граціозную позу древней Армиды.

— Въ залѣ танцуютъ уже.

— А въ гостинной?—засмѣялась Муся.

— Въ гостинной только...—онъ хотѣлъ сказать «цѣлуются», но деликатно промолчалъ.

— Что вы хотѣли сказать, Василій Петровичъ? Ну, говорите же,—приставала Муся къ Кабанину.

— Да это мнѣ показалось, Марья Веніаминовна, — вновь сконфузился капитанъ.

— То-то же!—многозначительно погрозила она ему своимъ хорошенькимъ пухлымъ пальчикомъ, лѣниво встала съ кушетки, взяла подъ руку Кабанина и направилась въ залу.

— Вы пока свободны, Станиславъ Эдуардовичъ!—на ходу бросила она Пригубину.

Пригубинъ шаркнулъ шпорами и молча поклонился.

— Не забывайте нашего «шахъ и матъ»...—добавила она.

— Никогда, Марья Веніаминовна!—вѣжливо проговорилъ Пригубинъ, снова поклонился и, какъ-бы что-то вспомнивъ, вновь расправилъ свои усы.

— Что за таинственность такая: «шахъ и матъ»! — на ходу спросилъ у нея Кабанинъ.

— Да это такъ... Ничего не значитъ... Это — въ шахматахъ: такъ называется конечная цѣль игры—«матъ» непріятельской фигурѣ, королю, послѣ того какъ ему объявлено было «шахъ»... Вы играете въ шахматы?—весело спросила Муся.

— Нѣтъ, никогда не занимался... Я предполагалъ подъ этими словами что либо другое.

— Должно быть нехорошее?—разсмѣялась Муся.

— Да, признаться, не особенно, знаете, того...

Они вошли въ залу, гдѣ уже кадриль была въ полномъ разгарѣ. Кабанинъ сталъ проталкиваться между танцующими, чтобы пройти на занятыя имъ мѣста, но ихъ не оказалось: оба его стула были отодвинуты къ стѣнѣ и тамъ, связанные фуляровымъ платкомъ, красовались между «подпиравшими стѣны» кавалерами.

— Не будемъ танцовать!—передумала Муся.—Пойдемте посидѣть въ гостинной. Поговоримъ тамъ...

Digitized by Google

— Да я того... съ большимъ удовольствіемъ. Я въ танцахъ совсѣмъ не мастеръ.

V.

Они круто повернули и направились въ голубую гостиную. По дорогѣ онъ наступилъ ей на ногу.

— Фу, какой вы медъ... неповоротливый! Развѣ такъ можно наступать дамамъ на ноги?—разсердилась Муся и даже слегка толкнула его локтемъ.

— Виноватъ, виноватъ, Марья Веніаминовна. Накажите... *Дисциплинарно* накажите: я для васъ на все готовъ!

— Хорошо, я васъ сейчасъ накажу. Вы должны быть откровенны со мною: говорить только то, что вы думаете...

— Не прибавляя и не убавляя!—подсказалъ Кабанинъ.

— Да, если хотите, то «не прибавляя и не убавляя»...

Они сѣли на голубой кушеткѣ. Кабанинъ помѣстился рядомъ съ Мусей. Она сняла перчатки.

— Возьмите держать мои перчатки!—игриво передала ихъ Муся своему кавалеру.

Кабанинъ понюхалъ перчатки и проговорилъ:

— Какіе роскошные духи!

— Да. А вы узнаете ихъ запахъ?—освѣдомилась Муся.

— Нѣтъ, не узнаю.

— Это запахъ «индійскаго» сѣна... Правда, что эти духи весну напоминаютъ, сѣнокосъ, луга, рѣку...

— Не могу знать, Марья Веніаминовна,—никогда въ Индіи не бывалъ...

Муся искренно разсмѣялась, откинувшись на кушетку. Кабанинъ чувствовалъ, что все болѣе и болѣе увлекается Мусей, но не имѣлъ силы побороть себя. А она, какъ нарочно, кокетничала и незамѣтно увлекала его къ сердечной привязанности: Кабанинъ такъ именно и смотрѣлъ на всѣ ея ухищренія... Вѣдь онъ когда-то искренно любилъ ее!

— Какъ вы смотрите на бракъ, Василій Петровичъ? Мнѣ очень интересно было бы узнать это отъ васъ.

— На бракъ?.. На женитьбу, то есть?

— Да, да, на женитьбу вообще?—серьезно спросила Муся и сѣла на кушеткѣ совершенно ровно, по институтски.

Digitized by Google

— Я не знаю, право,—замялся Кабанинъ, разглядывая ея полныя, изящно выхоленныя руки,—въ какомъ именно смыслѣ вы спрашиваете меня...

— Ну, вѣрите ли вы въ любовь?

— Въ любовь?..—еще болѣе удивился Кабанинъ.—Да какъ вамъ это сказать?.. Право, не знаю.

— Неужели вы никогда не любили? Неужели?..

— Наоборотъ: любилъ, люблю и буду всегда любить *ее*!

Муся засмѣялась, сама взяла у него свои перчатки и стала надѣвать на руки; свѣжая струя духовъ пронеслась по воздуху мимо Кабанина: онъ упивался запахомъ индійскаго сѣна.

— Но вы знаете, Василій Петровичъ: у нѣкоторыхъ натуръ есть любовь особаго свойства: она, какъ химическія тѣла, показывается только отъ примѣси золота.

— Нѣтъ, нѣтъ, такой любви я не признаю!—смѣло отвѣтилъ Кабанинъ.

— Значитъ, вы любите... бѣд-ную?—протянула Муся и въ упоръ посмотрѣла на него.

Отъ этого проницательнаго взгляда Кабанинъ готовъ былъ провалиться сквозь землю. Муся тронула его по рукѣ своей мягкой ручкой и тихо спросила:

— Такъ кого же вы всегда любили, любите и будете любить?

Точно электрическій токъ пронизалъ его съ головы до пятокъ: онъ заёрзалъ на кушеткѣ, кровь бросилась ему въ голову, въ глазахъ потемнѣло, дыханіе сперлось... Въ экстазѣ охватившаго его волненія, Кабанинъ нервно схватилъ ея руку и апетитно покрылъ поцѣлуями. Онъ не въ силахъ былъ произнести ни одного слова.

— Меня?—тихо спросила опять Муся, и такъ приблизила къ нему свое лицо, что онъ почувствовалъ на себѣ ея горячее дыханіе.

— Да?—повторила она, не колеблясь ни однимъ фибромъ души.

— Да!..—отвѣтилъ Кабанинъ и взялъ ее за обѣ руки.

Не успѣлъ Кабанинъ сдѣлать этого, какъ Муся сразу обожгла его своимъ горячимъ поцѣлуемъ.

— Желаешь на мнѣ жениться?—спросила она, обнявъ его и смотря ему прямо въ глаза.

Digitized by Google

— Да, ты моя навѣки!—едва выговорилъ отъ волненія Кабанинъ и самъ поцѣловалъ ее прямо въ губы.

— Ну, пойдемъ въ залу,—почти приказала Муся, расправила складки своего платья, поправила на плечахъ кружева и, взявъ Кабанина подъ руку, увлекла его по длинному коридору.

Кабанинъ былъ вполнѣ очарованъ Мусею и считалъ себя въ зенитѣ нечаянно нахлынувшаго счастья. Для него наступилъ теперь полный праздникъ, съ которымъ впервые познакомилось его «дикое» сердце. Призракъ счастья, о которомъ онъ только изрѣдка мечталъ въ своей одинокой квартирѣ, теперь стоялъ передъ нимъ, принявъ реальный образъ въ лицѣ Марьи Веніаминовны. И Василій Петровичъ упивался опьяняющимъ созерцаніемъ предмета своей страсти, своего счастья.

Въ залѣ кадриль окончилась фигурнымъ «grand-rond», послѣ котораго всѣ танцующіе, раскраснѣвшись и запыхавшись, отдыхали теперь вездѣ, гдѣ только было возможно: и въ самой залѣ, и въ гостинныхъ, и въ карточныхъ комнатахъ, и въ столовыхъ. Даже въ длинномъ узкомъ коридорѣ—и тамъ толпилась масса публики.

Кабанинъ, подъ руку съ Мусей, двигался сквозь толпу, какъ тяжелый паровозъ, не сворачивая съ пути и наступая на ноги всѣмъ, кто подвертывался... Муся щебетала, объявляя направо и налѣво всѣмъ знакомымъ о своей скорой свадьбѣ.

— Выхожу замужъ за Кабанина! — бросила она на пути адьютанту Пригубину.

Тотъ сразу, какъ кузнечикъ, подскочилъ къ ней.

— Честь имѣю поздравить! Честь имѣю поздравить!—пожалъ онъ руку ей и Кабанину.

Кабанинъ широко улыбался.

— Мамочка!—обратилась Муся къ своей матери, завидя ее въ узкомъ коридорчикѣ вблизи дамской уборной,—рекомендую тебѣ: мой женихъ!

Мать ея совсѣмъ растаяла, разнѣжилась и прослезилась.

— Ну, поздравляю, дѣтки. Будьте счастливы!—поцѣловала она ихъ обоихъ.

Свадьба Муси была закрѣплена. Черезъ часъ Муся, вмѣстѣ со своимъ женихомъ и матерью, уѣхала изъ собранія. Дома, за поцѣлуями и игристымъ донскимъ виномъ, рѣшено было

Digitized by Google

сыграть свадьбу на слѣдующей недѣлѣ, чтобы Муся «не терзалась и не мучилась» напрасно. Кабанинъ былъ на седьмомъ небѣ и, разумѣется, на все предлагаемое простодушно соглашался.

На прощанье, Муся сама обняла Кабанина и поцѣловала его въ горячія губы; тѣмъ же самымъ и онъ отвѣтилъ своей счастливой невѣстѣ. Здѣсь же у нихъ рѣшено было называть другъ друга на «ты»: она его—Basil'емъ, а онъ ее—Мусей. Мать смотрѣла на обоихъ съ нескрываемымъ блаженствомъ.

Василій Петровичъ ушелъ. Когда мать и дочь остались одни, Муся вопросительно посмотрѣла на maman.

— Слава богу, слава богу!—подошла къ ней мать и звонко расцѣловала.

— Теперь ты довольна мною?—спросила Муся.

— Ну, еще бы... Завтра пойдемъ въ церковь молебенъ отслужимъ!

Обѣ—и мать, и дочь—почему-то заплакали и разошлись по своимъ комнатамъ.

VI.

Еженедѣльно два раза,—по вторникамъ и четвергамъ,—у «резервистовъ» бывали рѣшенія тактическихъ задачъ на планахъ. Въ эти дни, въ нижнихъ залахъ собранія, собирался весь полкъ офицеровъ, съ командиромъ во главѣ; онъ же руководилъ этими занятіями и военною игрою на планахъ. Въ собраніи бывали иногда военныя бесѣды—сообщенія офицеровъ на заданныя имъ темы.

Вскорѣ послѣ «крещенскаго» бала, въ столовой собранія велись обычныя тактическія занятія. Кабанинъ, какъ старшій капитанъ, руководилъ занятіями отдѣльной группы молодыхъ офицеровъ. Въ антрактахъ между рѣшеніемъ задачъ велись разнообразные разговоры—до анекдотовъ включительно. Кабанинъ находился въ самомъ радужномъ настроеніи—и это его «ненормальное» настроеніе было всѣми замѣчено.

— Скоро ли свадьба ваша, г. капитанъ? — спрашивали у него холостые офицеры.

— А вотъ на дняхъ. Прошу, господа, пожаловать ко мнѣ выпить по бокалу шампанскаго.

Digitized by Google

— Вася! — тихо позвалъ Кабанина капитанъ изъ другой группы, товарищъ его по корпусу.

— Что тебѣ надо?—громко спросилъ Кабанинъ.

— Мнѣ необходимо сказать тебѣ нѣсколько секретовъ, послѣ нашихъ занятій: не уходи, пожалуйста.

— Съ удовольствіемъ, душечка, весь къ твоимъ услугамъ!— сказалъ Кабанинъ, весело улыбаясь.—А теперь пока не мѣшай окончить намъ задачи на аттаку.

Начался разборъ производившихся задачъ на топографическихъ планахъ. Войска-шашки красовались на планѣ и въ лѣсахъ, и на долинахъ, въ городахъ и ущельяхъ, въ помѣщеніяхъ и во дворахъ, на берегахъ рѣкъ и овраговъ—словомъ, задачи были рѣшены на славу.

Но руководители офицерскихъ групповыхъ рѣшеній критиковали все таки наступательный образъ дѣйствій «молодежи», разбивали детально; «начальники» оправдывались тактическими, стратегическими и уставными соображеніями—защищали свои рѣшенія. Однимъ словомъ, больше войны было внѣ плановъ (какъ и всегда это бываетъ), чѣмъ на картахъ. Это былъ простой обмѣнъ военныхъ мыслей, безъ всякаго съ чьей либо стороны «священнодѣйствія»; никто не былъ ни оскорбленъ, ни униженъ, ни уличенъ въ незнаніи воинскихъ наукъ и уставовъ.

Кабанинъ былъ, что называется, въ ударѣ; онъ чувствовалъ себя вполнѣ «въ курсѣ» своего тактическаго дѣла. Разборъ рѣшеній задачъ вышелъ у него вполнѣ въ духѣ воинскихъ правилъ, такъ что командиръ отдѣльно поблагодарилъ его и, на прощанье, подалъ руку. Кабанинъ повеселѣлъ еще болѣе...

Тактическія занятія окончились. Офицеры стали расходиться... Къ Кабанину подошелъ его другъ и пріятель, капитанъ Громовъ—красавецъ-мужчина и сотрудникъ нѣкоторыхъ газетъ и журналовъ.

— Пойдемъ въ читальню; тамъ поговоримъ.

— Вотъ какъ! значитъ, хочешь говорить совершенно по секрету?—удивился Кабанинъ.

— Да, голубчикъ, надо поговорить очень серьезно, безъ свидѣтелей. Садись.

Они помѣстились въ углу читальной комнаты на двухмѣстномъ диванѣ, вдали отъ свѣта большой висячей лампы. Первымъ началъ Громовъ.

Digitized by Google

— Скажи, Вася, по чистой совѣсти: дѣйствительно ли ты рѣшилъ жениться на m-lle Мураловой, или это только пустые слухи циркулируютъ по городу?

— Рѣшилъ, братъ, безповоротно. Пора ужь: вѣдь мнѣ скоро стукнетъ сорокъ лѣтъ.

— Ты ее искренно любишь, Вася? Не утаивай ничего, говори, какъ другу: вѣдь я не врагъ тебѣ ни въ какомъ случаѣ.

— Да что ты по инквизиторски пристылъ ко мнѣ: скажи да скажи... Вѣдь сказалъ уже одинъ разъ, что рѣшилъ безповоротно!

— Не волнуйся и не сердись. Мы — друзья дѣтства, по корпусу однокашники: намъ теперь поговорить по душѣ не мѣшаетъ... Ты предполагаешь жениться, я останусь холостякомъ... Значитъ, мы разстаемся... Такъ вотъ и поговоримъ, быть можетъ, въ послѣдній разъ.

— Это почему же?—всколыхнулся всѣмъ тѣломъ Кабанинъ.

— У тебя будутъ свои интересы въ жизни, у меня—свои. Вотъ почему!.. Это такъ надо и ты, Вася, не спорь.

— Не понимаю ничего.

— Оставимъ это. Скажи: ты хорошо узналъ m-lle Муралову, увѣренъ въ ней, что она любитъ тебя.

— Увѣренъ! — заморгавъ глазами и смотря куда-то въ сторону, нерѣшительно отвѣтилъ Кабанинъ.

— Я мало знаю ее, — продолжалъ Громовъ,—но слышалъ очень много....

— Хорошаго, разумѣется!—перебилъ его Кабанинъ.

— Больше дурнаго, чѣмъ хорошаго...

— Ну, это, братъ, ты напрасно говоришь... Она моя невѣста—и я не позволю сказать о ней ничего дурнаго!—вскочилъ съ дивана Кабанинъ.

— Если такъ, — сказалъ Громовъ, тоже вставая, — то прощай! Больше ничего ты отъ меня не услышишь. Не поминай лихомъ,—съ грустью произнесъ онъ и собрался идти, но Кабанинъ удержалъ его за рукавъ сюртука и вновь усадилъ на диванъ.

— Я вспылилъ, не сердись...—снова началъ Кабанинъ.— Скажи, что ты слышалъ о ней?

Digitized by Google

— Хорошо, скажу. Но только сначала отвѣть мнѣ: какъ ты самъ на нее смотришь?..

— Я смотрю на нее, какъ на дѣвушку чистую, способную любить человѣка непорочно, по ангельски. Я нашелъ въ ней свой идеалъ.

— Ого!—удивился Громовъ.

— Да, это такъ.

— Такъ, значитъ, по твоему, она неземная, райская пери?

— Да, она похожа на райскую пери.

— Но любитъ ли она тебя?

— Любитъ! Сама мнѣ призналась въ этомъ,—на ухо сказалъ ему Кабанинъ и весело улыбнулся.

Громовъ покачалъ головою и тоже улыбнулся, но какъ-то совсѣмъ иначе.

— А вотъ я не вѣрю ей... Отчего же она раньше не объяснилась тебѣ въ своихъ чувствахъ; вѣдь вы знакомы уже лѣтъ пять-шесть?

— Ахъ, чудакъ ты, право. Да вѣдь надо же ей было пожить, повеселиться. Вѣдь въ институтѣ она была замурована семь лѣтъ!

— Она тебя не любитъ, а выходитъ замужъ, чтобы не остаться христовой невѣстой!—серьезно сказалъ Громовъ.

— Ты говоришь глупости,—опять разсердился Кабанинъ и вдругъ сразу почувствовалъ, что на диванѣ что-то мѣшаетъ ему сидѣть какъ слѣдуетъ: сначала онъ отодвинулся на край, а потомъ опять пересѣлъ на свое мѣсто.

— Я говорю тебѣ правду. Вѣрь, Вася. О ней по городу ходятъ невѣроятные слухи...

— Это изъ зависти говорятъ... Глупости, сплетни!

— Дай-то Богъ!—проговорилъ Громовъ и глубоко вздохнулъ всею грудью.

— Все это басни болтливой молодежи и «военныхъ» кумушекъ.

— Опять скажу: дай-то Богъ!

— Ну, что же еще хотѣлъ ты спросить меня по секрету?—нетерпѣливо спросилъ Кабанинъ.

— Ничего больше... Не женись, Вася, на ней. Прошу тебя, умоляю!

— Да почему же?—наивно удивился Кабанинъ.

Digitized by Google

— Она не стоитъ тебя. Женитьба сведетъ тебя...—Громовъ остановился.

— Договаривай—въ могилу... Такъ вѣдь хотѣлъ сказать?

— Такъ!—отвѣтилъ Громовъ и вопросительно посмотрѣлъ на него.

— Я еще не извѣрился въ людей! — отвѣтилъ Кабанинъ на взглядъ Громова. — Я вѣрю ей... Она бы все разсказала мнѣ сама, еслибы только... Ну, да ты понимаешь, что я хочу сказать!

— Да, понимаю: ты—психопатъ.

— Ты меня оскорбляешь, Громовъ!—всталъ Кабанинъ.

— Это слово совсѣмъ не бранное, какъ ты помнишь изъ нашихъ лекцій; а забылъ—такъ загляни въ лексиконъ: тамъ найдешь объясненіе.

— Больше ничего?—спросилъ Кабанинъ.

— Больше ничего: женись на ней и никогда не поминай меня лихомъ... Прощай навсегда! Мы друзьями уже теперь не будемъ.

— Прощай, Громовъ!—нерѣшительно отвѣтилъ Кабанинъ. Они молча поцѣловались крѣпко, крѣпко... и разошлись въ разныя стороны.

VII.

Кабанинъ женился и сейчасъ же послѣ свадьбы уѣхалъ со своею женою въ Москву. Въ Москвѣ они сразу разошлись во взглядахъ и крупно поссорились. Послѣ первой ссоры, Кабанинъ много и долго думалъ все на одну и ту же тему, ставшую для него теперь излюбленной. Было видно по всему,— по его блѣдному и напряженному лицу, по его учащенному дыханію, — что все его вниманіе сосредоточилось теперь на какомъ-то тайномъ и мучительномъ предположеніи...

Она, Кабанина, въ новомъ голубомъ капотѣ, съ откидными широкими рукавами, такъ спокойно относилась ко всѣмъ «придиркамъ» своего супруга, какъ будто бы уже давно къ нимъ была готова—и только ждала грозы. Гроза собралась, разразилась, молнія ушла по громоотводу — и теперь m-me Кабанина чувствуетъ себя великолѣпно.

Digitized by Google

Послѣ крупной ссоры, первымъ заговорилъ Кабанинъ; но онъ заговорилъ такимъ басомъ волнообразнаго «до», что даже задребезжали оконныя стекла въ нумерной гостинницѣ. Муся испугалась...

— Да-съ!.. Моя жизнь всегда была какою-то неудавшеюся, а теперь она разбита самымъ полнымъ разочарованіемъ...

— Богъ съ тобою, Basile... Почему такъ?.. Неужели всякая житейская мелочь можетъ волновать тебя? Фу, фу!.. Срамъ какой!.. Изъ-за какого пустяка ты волнуешься: у тебя даже проявляется какое-то душевное страданіе... Ну, подойди ко мнѣ... Вотъ такъ... Садись, а я къ тебѣ на колѣни... Видишь, какъ хорошо быть вотъ такъ вдвоемъ, вмѣстѣ съ тобою!—Насильно она усадила его и привлекла къ себѣ.

Кабанинъ растаялъ, млѣлъ—и все забылъ.

— Ну, не сердись, мой славный, дорогой муженёкъ: вѣдь я твоя... Будь умникомъ, не сердись на меня! — кокетничала Муся, обнимая его своими надушенными руками.

— Фу!..—опомнился онъ. — Ты — настоящая сирена! Съ тобой словами ничего не подѣлаешь. Мнѣ кажется, что ты въ состояніи растопить даже каменное сердце,—съ жаромъ произнесъ Кабанинъ, крѣпко обнявъ жену и страстно поцѣловавъ ея влажныя губы.

— Знаешь, мой славный Basile, люди только потому и бываютъ чрезмѣрно несчастны, что они придаютъ слишкомъ большое значеніе своимъ мечтамъ. А разъ эти мечты почему нибудь не исполнились или разбиты — вотъ онъ и считаетъ себя совсѣмъ уже несчастнымъ. Надо къ жизни относиться проще, меньше мечтать и фантазировать... Ну, миръ, дорогой мой!—И Муся надѣлила мужа сочнымъ, крѣпкимъ и сладкимъ поцѣлуемъ.

Повидимому, Кабанины помирились. Послѣ непродолжительнаго «voyage de noce», они возвратились въ свой полкъ и стали жить спокойною провинціальною жизнью армейскаго общества.

VIII.

По традиціонному порядку, какой былъ заведенъ въ резервномъ полку, всѣ семейные офицеры, взамѣнъ квартир-

Digitized by Google

ныхъ денегъ, пользовались квартирами «въ натурѣ», т. е. жили въ приспособленномъ для нихъ большомъ каменномъ корпусѣ—та же казарма.

Кабанины, по возможности, устроились комфортабельно и были довольны своею квартирою, не смотря на видимыя неудобства. А главное неудобство — общность квартиръ: онѣ представляли собою, точно въ гостинницѣ, семейные нумера, входы и выходы которыхъ сосредоточивались въ одномъ узкомъ, длинномъ коридорѣ, всегда наполненномъ какимъ-то особеннымъ специфическимъ запахомъ. У «господъ» постоянно происходили недоразумѣнія изъ-за прислуги, а офицеры изъ молодежи «подтягивали» чужихъ деньщиковъ за нарушеніе правилъ субординаціи и неотдаваніе воинской чести. Молодежь, большею частью, воспитана была въ традиціонномъ духѣ «воинскаго юнкеризма», и никакъ не могла понять, что нельзя все только требовать отъ солдата—надо, иногда, и ему дать что нибудь; а дать ему «сѣрому» надо доброе «господское» отношеніе (но не крѣпостническое!), уважать его человѣческую личность, дать ему грамоту и просвѣщеніе. Вотъ тогда можно и требовать... Офицеры, окончившіе курсъ въ военныхъ училищахъ (кромѣ «павловцевъ») относились къ деньщикамъ добросердечнѣе: они требовали отъ этого простолюдина только того, что надо и можно было требовать; да и вообще, во всѣхъ случаяхъ службы и «коллективной» жизни, они выдѣлялись изъ общей среды офицеровъ.

Черезъ годъ, у Кабаниныхъ родилась дочь, которую назвали Валентиной. Валя была живымъ портретомъ своей матери: пухленькая блондинка, съ вьющимся на головкѣ пушкомъ и умными голубоватыми глазёнками подъ едва замѣтными мѣстами для бровей. Впослѣдствіи, этимъ ребенкомъ любовалась уже вся семья резервистовъ: эта славная дѣвочка, осыпаемая ласками и поцѣлуями добрыхъ товарищей Кабанина, постоянно переходила съ рукъ на руки.

Валина няня,—рядовой Романъ Свистунъ,—всегда торжествовалъ за свою воспитанницу, такъ какъ обращаемыя на ребенка ласки и вниманіе офицеровъ полка относились отчасти и къ нему.

Съ появленіемъ Вали въ семьѣ Кабаниныхъ, все старое забылось; казалось, что миръ, тишина, спокойствіе и счастіе

Digitized by Google

(даже счастье!) свили здѣсь себѣ довольно прочное гнѣздышко.

Валя очень часто оставалась на попеченіи деньщика Свистунова. Господа пойдутъ то въ гости, то на танцовальный вечеръ, то въ любительскій спектакль—а Валя остается дома на рукахъ «сѣраго» солдатика... Правда, деньщикъ любилъ Валю, какъ свою родную!

Далѣе, съ теченіемъ времени, у Маріи Веніаминовны незамѣтно сталъ измѣняться характеръ: она, что̀ называется, захватила въ свои хорошенькія ручки бразды домашняго правленія, набросила на мужа невидимыя цѣпи, до крайности затянула на немъ семейно-нравственную петлю и рѣшительно подтащила его подъ свою изящную туфельку. Она была въ домѣ все, а онъ—ничего!

Нашъ капитанъ совершенно скрылся подъ маленькою ножкою Маріи Веніаминовны; но онъ или не замѣчалъ этого, или не хотѣлъ замѣтить. Постепенно она становилась его всевластною повелительницею; мало того, сдѣлалась даже «командиршею» роты и въ крайнихъ случаяхъ, когда мужа почему нибудь не было дома, подписывала сама рапорты, списки, вѣдомости, требованія и ассигновки; отдавала приказанія фельдфебелю, ротному писарю и дежурному по ротѣ. Институтской наивности у Маріи Веніаминовны какъ не бывало: она вполнѣ освоилась съ новымъ для нея военнымъ бытомъ и твердо стала на самой реальной житейской почвѣ. Она охотно посѣщала солдатскія казармы, слѣдила за внутренними порядками въ своей ротѣ, заботилась о чистотѣ... На артельной повозкѣ она съ гордостью въѣзжала во дворъ къ знакомымъ, ѣздила по магазинамъ въ своемъ городѣ. Ко всѣмъ проявленіямъ военно-бытовой солдатской жизни она относилась беззастѣнчиво, прикрываясь лишь девизомъ—что «простой солдатъ не человѣкъ, а подчиненный».

IX.

Кромѣ деньщика, у Кабаниныхъ былъ еще такъ называемый «вѣстовой». Это — свободный солдатъ изъ роты, во всякое время замѣнявшій собою горничную у ротнаго командира. Эта горничная sui generis свободно входила въ спальню Маріи Ве-

Digitized by Google

ніаминовны и убирала комнату. Передъ «выѣздомъ», барыня всегда звала къ себѣ вѣстоваго—и тотъ зашнуровывалъ на ней корсетъ, надѣвалъ чулки и туфли, поправлялъ и подкалывалъ платье...

— Кажись; барыня, больно туго затянулъ я вамъ тесемки на курсетѣ; докторъ сказывалъ намъ — такъ подпоясываться вредно для геены.

— Гигіена твоя тутъ непричемъ...—отвѣчала своей «горничной» Марья Веніаминовна. — Зато фигура будетъ красивѣе!—Марья Веніаминовна со всѣхъ сторонъ показывала себя въ зеркалѣ.

— Это точно, барыня, такъ все пригнано на васъ—какъ облилось будто...

— Чѣмъ туже затянуться, тѣмъ для насъ лучше. Другія барыни еще больше затягиваются — и то ничего... А скажи: вѣдь правда—я самая красивая барыня въ полку?

— Извѣстно, лучше васъ и статнѣе нѣтъ никого; всѣ солдаты даже говорятъ такъ: лучше Кабанихи нашей нѣтъ такой другой.

— Пошелъ вонъ, дуракъ!—разсердилась Марья Веніаминовна и выгнала свою «горничную».

Передъ отправленіемъ въ гости, деньщику строго-на-строго приказывалось бдительно смотрѣть за маленькой барышней.

— Какъ отецъ родной, гляжу всегда за ими, барыня...—почтительно докладывалъ обтесавшійся на посылкахъ деньщикъ.—Валентина Васильевна для меня все едино, что дочь родная!

— Такъ вотъ такъ всегда и смотри за нею и береги ее, чтобы не упала, не расшиблась, не плакала.

— Да ужь не сумлѣвайтесь, барыня: все будетъ какъ слѣдуетъ.

И господа спокойно уходили изъ дому.

Правда, деньщикъ вполнѣ честно относился къ своимъ «особымъ» обязанностямъ и смотрѣлъ за ребенкомъ лучше наемной няньки. Чтобы барышня не пугалась ночью и не плакала, онъ, тайно отъ господъ, переносилъ ее въ свою солдатскую постель, прикрывалъ мундиромъ и шинелью и, цѣлуя ее въ розовыя губки, напѣвалъ «котика»... Ребенокъ, подъ эту заунывную пѣсню, сладко засыпалъ. Но самъ Свистунъ спалъ

Digitized by Google

чутко. При первомъ звукѣ звонка (а онъ уже зналъ, какъ звонятъ господа), онъ бѣжалъ къ ребенку, осторожно переносилъ его въ дѣтскую постель и впускалъ въ квартиру своихъ господъ, засидѣвшихся въ гостяхъ.

— Все ли благополучно? — обыкновенно еще на порогѣ комнаты спрашивала у деньщика Марья Веніаминовна.

— Такъ точно, барыня, все благополучно: барышня не просыпались и не плакали даже—все благополучно.

— Отлично. Иди теперь, сними мнѣ туфли и чулки... Вытряхивай ихъ получше, чтобы пыли не было — и спрячь въ шкапчикъ; а завтра утромъ хорошенько вычистишь юбку; въ гардеробъ спрячь—да не изомни ее, помни, поаккуратнѣе вѣшай!

— Слушаю, барыня, ужь я знаю, какъ надо!—сонно моргая глазами, рапортовалъ солдатъ.

Семейная жизнь Кабаниныхъ, какъ и другихъ резервныхъ офицеровъ, текла впередъ, нисколько не измѣняя своего обрѣтеннаго русла.

X.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Капитанъ Кабанинъ мѣтилъ уже выше... Еще годъ, много два—и онъ достигнетъ вожделѣннаго штабъ-офицерскаго чина.

Но вотъ изъ столичныхъ военныхъ училищъ стали прибывать въ полки вновь выпущенные офицеры. Нѣсколько «новичковъ» прибыло и въ резервный полкъ; одинъ изъ нихъ, подпоручикъ Вшеславскій—былъ назначенъ въ 8-ю роту, которою командовалъ Кабанинъ. Вшеславскій тотчасъ же «нанесъ» визитъ Кабаниными; и тѣ пригласили его, какъ «восьмовца», бывать у нихъ.

Вшеславскій сталъ посѣщать Кабаниныхъ «запросто», какъ это принято въ провинціяхъ, въ особенности — въ захолустныхъ. Онъ былъ полякъ, подвижной и впечатлительный молодой человѣкъ, сразу обнаруживший слабость къ хорошенькимъ женщинамъ. Это замѣтила и Марья Веніаминовна, но своему мужу она этого не сказала или боялась сказать. Кабанину Вшеславскій сразу, съ перваго же визита, не понравился...

— Я удивляюсь,—говорила ему жена,—отчего онъ тебѣ не нравится:—прекрасная, свѣтлая личность.

Digitized by Google

— Онъ полякъ, да еще фанатикъ! — проговорилъ, точно выстрѣлилъ, Кабанинъ.

— Ну, такъ что же, что Вшеславскій полякъ?—удивилась она. — Чѣмъ онъ виноватъ?.. Фу, Basile, надо въ этихъ случаяхъ быть интернаціональнымъ человѣкомъ: тѣмъ болѣе, что ты его ротный командиръ.

— А они, поляки, *интернаціональны* въ отношеніи къ русскимъ?—вспылилъ Кабанинъ.

— А ты стань выше этихъ взглядовъ...

— Ну, ужь, матушка, это не вашего ума дѣло... А только онъ бывать у насъ не будетъ!—все болѣе и болѣе волновался Кабанинъ.

— Блестящій восходъ не долженъ закончиться мрачнымъ закатомъ: Вшеславскій долженъ бывать у насъ. Ты не смѣешь отказать ему.

— А я вотъ возьму да откажу... Не бывать ему у насъ!—грозно крикнулъ Кабанинъ.

— Психопатъ!—совсѣмъ уже разсердилась Марья Веніаминовна, круто повернулась и вышла въ другую комнату, сильно хлопнувъ дверью.

Кабанинъ почувствовалъ, какъ сердце его сжалось отъ страшной боли: онъ даже поморщился... Тутъ онъ почувствовалъ, что на самомъ глубокомъ днѣ его души закопошилось что-то несовсѣмъ хорошее... Что же это такое?

«Ревность»! — сказалъ самому себѣ Кабанинъ и глубоко вздохнулъ.

Раздраженный, озлобленный и физически разбитый безсонными ночами послѣдняго періода своего времяпровожденія, онъ теперь становится во враждебныя отношенія съ женою; онъ началъ видѣть въ ней какого-то тайнаго врага и даже сталъ бояться чего-то, точно опасаясь за благополучіе своего существованія. Онъ сѣлъ и глубоко задумался...

Вотъ онъ, только что выпущенный изъ училища молодой офицеръ, въ сверкающей обмундировкѣ... И на душѣ лучезарно. Прибывши въ полкъ, онъ много читалъ, учился, самообразовывался, готовился въ академію, держалъ экзаменъ, выдержалъ—и не былъ принятъ. Вотъ онъ опять въ своемъ полку. Командуетъ ротой... Познакомился съ только что пріѣхавшей Марьей Веніаминовной... Влюбился въ нее, но она даже ни-

Digitized by Google

чего не знала объ этомъ его увлеченіи. Прошло онять нѣсколько лѣтъ... Вотъ онъ женатъ уже... Дѣти... Ссора...

Кабанинъ хотѣлъ еще разъ глубоко вздохнуть; но вдругъ почувствовалъ, что горло его судорожно сжалось; что-то въ немъ заклокотало, а по щекамъ заструились капельки... Онъ плакалъ!

Въ комнату снова вошла его жена. Кабанинъ быстро поднялся и вытеръ руками слезы.

— Ты плачешь, Basile... Фу, срамъ какой! Стыдись...

— Нѣтъ, это такъ, ничего! — проговорилъ онъ, волнуясь еще болѣе.

— Да перестань, мой милый. Не срамись... Я такихъ мужчинъ совсѣмъ не люблю... Садись!

Она усадила его въ кресло и сама облокотилась на спинку стула.

— Послушай, Basile... Твоя голова постоянно набита дурными для меня сюрпризами и, по своей натурѣ, ты расточаешь ихъ безъ всякаго милосердія. Ты, просто, грубоватъ со мною. Такъ нельзя держать себя... Оставь свои чудачества и не препятствуй Вшеславскому бывать у насъ... Не оскорбляй меня!— не то просила, не то приказывала Марья Веніаминовна.

Ласковое выраженіе глазъ у Кабанина сразу смѣнилось страшнымъ блескомъ: въ немъ проснулся дикій звѣрь.

— Своимъ домомъ, своей семьей, сударыня моя,—значитъ и вами!—я могу распоряжаться по своему усмотрѣнію... Да-съ, по усмотрѣнію... Не бывать здѣсь Вшеславскому!—крикнулъ во всю мочь Кабанинъ, вскочилъ съ кресла и такъ ударилъ кулакомъ по столу, что тотъ затрещалъ и даже сдвинулся съ мѣста.

— Какъ вы смѣете такъ держать себя, m-r Кабанинъ? Здѣсь не казарма и не кабакъ... Вотъ вамъ за это!—вспылила Марья Веніаминовна, схватила лежавшую на столѣ толстую книгу Бокля и бросила ее въ раскраснѣвшееся отъ гнѣва лицо своего мужа.

— А-а, я какъ смѣю?.. Я?.. Я—мужъ вашъ, сударыня!— совсѣмъ уже захрипѣлъ онъ и схватилъ жену за обѣ руки.

— Ай!.. — задрожала всѣмъ тѣломъ Муся и сразу, какъ подкошенная, опустилась передъ мужемъ на колѣни.

— Загляните, сударыня, въ X томъ Свода законовъ... И

Digitized by Google

знайте: съ этого дня я не потерплю вашихъ возраженій... Прочь отъ меня, мегера!—совсѣмъ задохнувшись, прошипѣлъ онъ и бросилъ ее на кушетку; кушетка закачалась во всѣ стороны, треснула и наклонилась на-бокъ; отломившаяся ножка отъ кушетки покатилась подъ ноги Кабанину.

Муся лежала въ глубокомъ обморокѣ, красиво распростершись на кушеткѣ, точно мраморное изваяніе. Но Кабанинъ ничего этого не видѣлъ. Въ домѣ хлопнула сначала одна дверь, за ней—другая, третья... Кабанинъ зашагалъ изъ своей квартиры на улицу.

Муся вдругъ сразу очнулась, пришла въ себя, вспомнила только что разразившуюся бурнымъ потокомъ грозную ссору съ мужемъ, свернула небрежнымъ узломъ свою распустившуюся косу и быстро направилась въ спальню.

«Погоди же, психопатъ, я тебѣ этого не прощу никогда... Никогда»!—рѣшила она въ своемъ умѣ и стала нѣжно ласкать прибѣжавшихъ дѣтей.

— Мамуся! Мамочка!—перекрикивали другъ друга дѣти...—Посмотри, какихъ превкусныхъ конфектъ принесъ намъ дядя Жоня... Съ ликеромъ, мамочка!

— Жоня?.. Дядя Жоня?.. Гдѣ же онъ? — просіяла Марья Веніаминовна.

— Онъ тамъ, на улицѣ, насъ встрѣтилъ, мамочка!..—звенѣли дѣтскіе голоса, перебивая другъ друга.

Въ передней рѣзко раздался дверной звонъ примитивнаго устройства. Муся испугалась и вздрогнула. Дверь отворилась и съ улицы вошелъ «дядя Жоня» т. е. Вшеславскій—сіяющій и улыбающійся. Съ громкимъ крикомъ радости дѣти бросились къ нему навстрѣчу...

XI.

Была осенняя пора... На дворѣ стояла мрачная погода: сверху, изъ сыраго холоднаго пространства, точно пульверизаторомъ, разсѣивалась вѣтромъ по землѣ густая мокрая пыль, на всѣхъ выступахъ превращавшаяся въ водяную массу. Осень ощущалась всѣми, и это ощущеніе было самое непріятное, разстраивающее нервы у всякаго человѣка. Выдя на дворъ, каждый, подъ впечатлѣніемъ наступившей непогоды, чувствовалъ себя не въ своей тарелкѣ.

Digitized by Google

Кабанинъ получилъ уже чинъ майора и командовалъ «стрѣлками» въ томъ же полку.

Теперь онъ сидѣлъ въ своемъ рабочемъ кабинетѣ и думалъ:

«Вѣдь все бы, кажется, ничего... Зачѣмъ только она поцѣловалась съ этимъ вертопрахомъ? Вѣдь въ зеркало я увидѣлъ, какъ Муся страстно обняла его и поцѣловала прямо въ губы; кажется, онъ даже прижалъ ее къ себѣ немного такъ»...

— Муся!.. Му-ся!—громко позвалъ онъ свою жену.

Марья Веніаминовна быстро, какъ серна, влетѣла въ кабинетъ мужа, мягко улыбнулась и сѣла къ нему на колѣни.

— Слушаю, ваше-родіе,—доложила она по военному.

— Вотъ что...—несмѣло началъ Кабанинъ.—Знаешь, милая, я попрошу тебя перемѣнить отношенія съ этимъ Вшеславскимъ: надоѣлъ онъ мнѣ хуже горькой рѣдьки...

— Не могу, ваше-родіе. Совсѣмъ не могу!—отшучивалась Муся.

— Вѣдь нельзя же такъ обижать меня: вѣдь богъ знаетъ до чего могутъ дойти твои съ нимъ отношенія... Подумай, Муся, вѣдь у насъ семья, дѣти! — говорилъ Кабанинъ, нѣжно лаская и цѣлуя все еще красивую жену свою.

— Фьюю!..—свиснула она по мужски.—Когда надумалъ: теперь ужь поздно предупреждать... Рубиконъ перейденъ!—усмѣхнулась она по змѣиному, соскользнула съ его колѣнъ и убѣжала въ гостинную такъ быстро, что Кабанинъ не успѣлъ еще закрыть рта.

Онъ остался одинъ со своими тяжелыми думами, все тѣснѣе и тѣснѣе заполнявшими его горячую голову.

— Поздно... Все уже кончено... Рубиконъ перейденъ... Это она сама мнѣ сказала!.. О, несчастныя дѣти!—простоналъ онъ и глухо зарыдалъ.

— Ея прежняя жизнь слилась теперь съ настоящею!.. А моя, моя жизнь?.. Моя—разбита, затоптана, уничтожена, смята во прахъ!.. Да,—правду сказалъ Гейне,—бракъ, это—море, для котораго компасъ еще не изобрѣтенъ... Ахъ, нѣтъ, такъ жить дольше нельзя!

И дикая мысль внезапно ворвалась къ нему въ голову: въ вискахъ застучало, зазвенѣло; передъ глазами прошло нѣсколько красныхъ и темныхъ круговъ, быстро смѣняясь одинъ другимъ.

Digitized by Google

«Такъ... Рѣшено... Вѣдь я—психопатъ»!—подумалъ Кабанинъ и сталъ искать что-то въ своемъ письменномъ столѣ.

Черезъ минуту, онъ положилъ это «что-то» къ себѣ въ карманъ, вышелъ въ переднюю и, не зовя деньщика, самъ надѣлъ теплое пальто. Въ это время, изъ дѣтской комнаты послышались нѣжные голоса дѣтей, точно пѣніе иволги.

— Мои дорогія, милыя крошки!..—прослезился Кабанинъ, перекрестилъ дверь въ дѣтскую и вышелъ во дворъ.

У выходныхъ воротъ стоялъ на посту дневальнымъ солдатъ его роты.

— Прощай, братецъ!—какъ-то странно произнесъ Кабанинъ, направляясь за уголъ забора, гдѣ въ высокихъ берегахъ колыхалась отъ вѣтра узенькая рѣчонка.

— Счастливаго пути, ваше выс—діе!—тараща глаза, вдогонку отвѣтилъ ему дневальный.

Рѣка протекала позади казармъ. Вѣтеръ, завывая по травѣ, игралъ на водной поверхности, зыбь которой, быстро перекатываясь отъ берега къ берегу, не манила уже теперь къ себѣ; наоборотъ, каждый инстинктивно отворачивался отъ нея въ противоположную сторону. Но Кабанинъ шелъ прямо къ берегу, чувствуя какое-то внутреннее удовлетвореніе, душевный покой.

— Здѣсь!—произнесъ онъ рѣшительно и засуетился.

Вынувъ записную книжку, онъ дрожавшею рукою вписалъ въ нее: «На память ей... И жилъ, и умеръ *психопатомъ*»!.. Кромѣ осенняго вѣтра, на берегу никого не было; но Кабанинъ безпокойно осмотрѣлся почему-то вокругъ по сторонамъ, разстегнулъ и широко распахнулъ пальто, быстро сорвалъ съ пуговицъ бортъ сюртука, а за нимъ и воротъ сорочки... Холодная струя сквознаго вѣтра сразу охватила его по открытому тѣлу, но это все таки немного освѣжило его... Но вотъ онъ прилаживаетъ что-то такое блестящее къ груди, какъ будто примѣряетъ...

Не прошло и минуты, какъ послышался глухой, сдавленный осеннею непогодою, выстрѣлъ. Кабанинъ, какъ снопъ, грузно повалился на землю, а изъ-подъ разстегнутой сорочки пробивалась наружу тонко-вьющаяся струя густаго сѣраго дыма. Сразу посинѣвшая голова склонилась на сторону; въ открытыхъ глазахъ еще свѣтилось страданіе послѣднихъ секундъ бытія... Кабанинъ застрѣлился...

Digitized by Google

Сбѣжавшіеся изъ казармъ солдаты нашли уже бездыханный трупъ своего «отца-командира», бывшаго для нихъ хотя и строгимъ, но всегда, во всѣхъ случаяхъ службы, прямымъ и справедливымъ начальникомъ.

Узнавъ о смерти мужа, Марья Веніаминовна злобно сверкнула глазами, вспыхнула, разорвала пополамъ находившійся у нея въ рукахъ тюлевый платокъ и скорѣе прошипѣла, чѣмъ проговорила:

— Психопатъ!

И. Вѣрунинъ.

Digitized by Google

РАЗДОРЪ.

Романъ Г. Генгерфордъ.

(Съ англійскаго).

XVI.

Онъ бросается къ отверстію и разбираетъ наваленныя вѣтки. Природа просыпается. Веселое щебетанье раздается въ кустахъ; легкій вѣтерокъ повсюду разноситъ тонкое благоуханіе. Послѣдняя блѣдная звѣздочка мерцаетъ на небѣ; еще мигъ,—и она совсѣмъ погасла.

— Теперь вамъ ужь нечего бояться, — довольно холодно обращается Денисъ къ Элленъ, напуская на себя умышленную суровость, а это ему вовсе не легко. Какое у нея блѣдное, измученное личико; что за печальные глазки, окаймленные темными кругами!

— Нѣтъ, теперь я не боюсь.

Она вмѣстѣ съ нимъ у выхода, подъ самымъ отверстіемъ, изъ котораго льется цѣлый снопъ лучей.

— Теперь никого кругомъ не видно, и мы можемъ пуститься въ путь!—прибавляетъ она.

У Дениса опустились руки.

— Элленъ, вы все стоите на своемъ? Вѣдь уже свѣтло...

— Возьмите меня!—кротко проситъ она. Куда дѣвался ея повелительный тонъ? Видъ у нея истомленный, убитый.

— Къ чему? Вѣдь вы рискуете собою?

— Я не хотѣла бы сердить васъ, Денисъ, но позвольте мнѣ идти съ вами, хотя бы для того...

— Для чего?

— Чтобы помочь вамъ.

— Помочь мнѣ?..—онъ недовѣрчиво улыбается.

Digitized by Google

— Помогла же я вамъ не такъ давно! — съ упрекомъ говоритъ она, и большіе глаза ея наполняются слезами.

— Ваша правда!—Денисъ подхватываетъ ее двумя руками за талію и помогаетъ ей выкарабкаться на поверхность земли.

Еще минута,—и онъ рядомъ съ нею.

— Вы выиграли дѣло,—серьезно произноситъ онъ:—ваши послѣднія слова вразумили меня. Еслибы не ваша своевременная помощь, гдѣ бы я былъ теперь? На томъ свѣтѣ!

— Не говорите такъ, — поспѣшно перебиваетъ она его, точно ей больно это слышать:—я просто указала вамъ потайную дверь, причемъ же тутъ ваша жизнь? Это все вздоръ.

— Вздора этого я никогда не забуду!—выразительно говоритъ Денисъ.

Но она уже не слушаетъ, а пытливо озирается кругомъ и всматривается вдаль, не рѣшаясь еще окончательно стать на ноги и выпрямиться. Нервы ея до того потрясены, что она вдругъ вскрикиваетъ.

— Что съ вами?

— Мнѣ показалось...

— Не бойтесь, здѣсь никого нѣтъ.

— Ахъ, плохо вы ихъ знаете! Они, быть можетъ, засѣли подкарауливать насъ.

— Не нашли же въ теченіе цѣлой ночи. Ну, идти, такъ идти!

Кругомъ пусто и видно далеко; тишина стоитъ полная; только изрѣдка чирикнетъ птичка; съ глинистой почвы поднимается холодный туманъ, окутывая сыростью нашихъ путниковъ. Вдругъ Элленъ вздрагиваетъ и снова вскрикиваетъ въ испугѣ.

— Что я вамъ говорила? Поглядите-ка вонъ туда!

Оказывается, она испугалась высокаго ольховаго пня,—страшнаго съ виду, но безвреднаго. Туманъ рѣдѣетъ; на кустахъ и травѣ заиграли росинки, словно жемчужины. Пѣніе птицъ становится все звонче.

Но утро холодное; Денисъ оглядывается на свою кузину—она вся дрожитъ.

— Гдѣ вашъ носовой платокъ?

— Вотъ онъ.

— Давайте его сюда.

Digitized by Google

Онъ заботливо обвязываетъ ея шею, и такъ поспѣшно, точно боится дотронуться до нея; но здѣсь взгляды ихъ встрѣчаются и она читаетъ въ нихъ нѣчто весьма краснорѣчивое. Съ облегченнымъ сердцемъ пускается она въ путь.

Уже съ версту прошли они; ноги ея, въ тонкихъ ботинкахъ, заныли и подкашиваются; не то вздохъ, не то рыданіе вырывается изъ ея груди.

— Вы не въ силахъ идти дальше! — воскликнулъ Денисъ и пріостановился. Онъ услышалъ ея вздохъ и понялъ, что она выбилась изъ силъ, вслѣдствіе страшнаго нравственнаго потрясенія:—не долженъ я былъ брать васъ съ собой; я зналъ, что вамъ не дойти. Дорогая моя! Бѣдныя ножки, должно быть, перецарапаны и изранены послѣ вчерашняго бѣгства. Не хотите ли я понесу васъ, Элленъ?

— О, нѣтъ, Денисъ, я тяжела!—глаза ея снова загорѣлись мужествомъ, тонъ его подѣйствовалъ лучше отдыха. Онъ сказалъ: «дорогая»... Онъ любитъ ее, любитъ несомнѣнно. Положимъ, онъ за что-то разсердился на нее въ подземельѣ, но это пустяки.

— О, нѣтъ,—повторила она,—я еще въ состояніи идти.

— По крайней мѣрѣ, дайте мнѣ поддержать васъ!—предложилъ онъ. Элленъ и не думаетъ сопротивляться: охотно позволяетъ она крѣпко обхватить ея талію, и вотъ они опять спѣшатъ все дальше и дальше, сокращая дорогу полями, прямикомъ; его поддержка подбодрила ее, и ему эта ноша не кажется тяжелой.

Они подошли къ маленькому ручейку, лѣниво журчащему по каменистому руслу; Денисъ проситъ кузину подождать его, а самъ спускается въ воду: узенькій ручеекъ оказался довольно глубокимъ. Дойдя до середины ручья, онъ протянулъ молодой дѣвушкѣ обѣ руки и ловкимъ движеніемъ перенесъ ее на другую сторону. Ей жарко, она запыхалась, ей хочется отдохнуть и чуточку поправить свой туалетъ...

— Денисъ, здѣсь вода...

— Истина глаголетъ вашими устами, царица моя!—смѣется онъ въ отвѣтъ.

— Подождите немного... Я умоюсь. Кажется, здѣсь мы въ безопасности... за крутымъ берегомъ. Мнѣ такъ жарко, я такъ устала.

Digitized by Google

— Разумѣется, отдохните немного!—говоритъ Денисъ, въ душѣ несовсѣмъ одобряя ея намѣренія. Скорѣе бы попасть въ Друмондъ-Голль, заручиться содѣйствіемъ полиціи и обыскать всѣ окрестности; къ счастью, убійца извѣстенъ...

Раздумывая такимъ образомъ, Денисъ тихонько бродилъ по берегу ручья, пока Элленъ умывалась; самъ онъ уже наскоро умылъ лицо.

— Денисъ! — доносится до него нѣжный, испуганный голосъ,—сердце молодаго человѣка усиленно бьется. Онъ спѣшитъ на зовъ; за кустикомъ, она съ печальнымъ видомъ сидитъ у ручья.

— Что съ вами, Элленъ?

— Я только хотѣла знать, гдѣ вы. Васъ не слышно и не видно.

— Вы, кажется, и ноги себѣ вымыли?..

— Да, но...

— Но вытереть ихъ нечѣмъ?

— Вы угадали!—улыбается она:—единственный мой носовой платокъ завязанъ вокругъ шеи.

— Подождите, я помогу вамъ по возможности...

Бѣдныя ножки! Навѣрно онѣ и ноютъ, и горятъ; развѣ изящныя туфли могутъ служить защитой?

Онъ мелькомъ взглянулъ на злополучныя туфли. Увы! гдѣ ихъ первоначальное изящество? Онѣ всѣ въ грязи, даже лопнули. Значитъ, она шла все равно, что босикомъ, и все таки не жаловалась и не ныла.

Опустясь на колѣни, Денисъ вынимаетъ свой носовой платокъ и тщательно полощетъ его въ ручьѣ, крупнымъ пескомъ оттирая съ него кровавыя пятна, а большимъ плоскимъ камнемъ орудуя, какъ валькомъ. Затѣмъ онъ старательно выжимаетъ платокъ и вручаетъ его кузинѣ; самъ же деликатно отходитъ въ сторону, чтобы не стѣснять ее.

По возвращеніи, онъ находитъ ее на томъ же мѣстѣ.

— Денисъ, — говоритъ она:—сколько времени прошло?.. Всего нѣсколько часовъ тому назадъ...

Голосъ ея прерывается, слезы снова капаютъ изъ глазъ.

— Старайтесь объ этомъ не думать, — уговариваетъ онъ ее:—опасность и для насъ еще не миновала!..

Она не слышитъ и смотритъ куда-то вдаль; Денисъ опа-

Digitized by Google

сается новаго взрыва отчаянія и ломаетъ себѣ голову, какъ бы предотвратить его; случайно взглядъ его падаетъ на ея опущенную головку...

— Прическа ваша валится! — внезапно говоритъ онъ:—волосы-то вы и забыли поправить?

Направленіе мыслей ея прервалось: она обѣими руками хватается за голову.

— Да неужели? Ахъ, и то правда! — моментально извлекаетъ она изъ волосъ всѣ шпильки и роскошныя волны разсыпаются по ея плечамъ...

Гроза миновала.

— Въ этомъ я, кажется, профанъ и плохой помощникъ?— шутливо говоритъ Денисъ, съ жалостью думая о разорванной туфелькѣ: до Друмондъ-Голля не близко!

— Нѣтъ, вы можете помочь мнѣ и въ этомъ,—возражаетъ она:—подержите-ка мнѣ шпильки.

Онъ опускается рядомъ съ нею на колѣни, и, по мѣрѣ надобности, молчаливо подаетъ ей шпильки. Какъ спутались ея дивные волосы! Она захватываетъ ихъ одною рукою и, слегка склонивъ головку на бокъ, закручиваетъ ихъ, пока на макушкѣ не образуется нѣчто, достойное изумленія и кисти художника. Чудеса, да и только! Кудрей такая масса, что шпильки исчезаютъ въ нихъ безслѣдно, а между тѣмъ, справившись съ дѣломъ, она для пробы трясетъ головкой, чтобы убѣдиться, все ли обстоитъ благополучно,—и прическа остается на мѣстѣ.

— У меня ужасный видъ, не правда ли? — спрашиваетъ она.

— Вы прелестны!—говоритъ онъ такъ просто, съ такимъ убѣжденіемъ, что она вполнѣ вѣритъ и даже не краснѣетъ.

— Должно быть, пора и въ путь?

Она медленно, неохотно поднимается на ноги; Денисъ съ безпокойствомъ слѣдитъ за всѣми ея движеніями и видитъ, что она поморщилась отъ боли, лишь только ножка въ изорванной туфлѣ коснулась земли. Но въ это мгновеніе странный звукъ отвлекаетъ его вниманіе отъ Элленъ; страшное опасеніе снова закрадывается ему въ душу.

По дорогѣ слышится топотъ лошадиныхъ копытъ и все приближается къ крутому берегу, служившему имъ убѣжищемъ. Кто же это ѣдетъ верхомъ такъ рано? Кто же, какъ не... Лицо

Digitized by Google

Элленъ покрывается смертельной блѣдностью; она прижимаетъ руки къ своей груди... Денисъ весь обратился въ слухъ. Все ближе и ближе слышится зловѣщій топотъ... Кто-то быстро скачетъ, можетъ быть, скрывается отъ правосудія?.. Вѣсть объ убійствѣ О'Нейля, вѣрно, разнеслась уже по околодку; если это убійца, то ждать пощады свидѣтелямъ его злодѣянія—нечего!

Денисъ проворно хватаетъ Элленъ за руку и почти насильно проталкиваетъ ее въ отверстіе плетня, — за нимъ сосѣднее поле.

— Слушайте,—повелительнымъ шопотомъ говоритъ онъ:— если это одинъ изъ нихъ... или Странгфордъ... борьбы мнѣ не избѣгнуть... вы только стѣсните меня... Бѣгите прямо по этой тропинкѣ къ Друмондъ-Голлю...

Она не успѣваетъ выразить протеста; Денисъ вооружается большимъ коломъ,—топотъ раздается надъ самымъ ухомъ...

Лошадь показалась совсѣмъ близко; Денисъ узнаётъ всадника.

XVII.

Или вѣрнѣе—всадницу. О, радость! Это Китти Друмондъ.

— Элленъ! — во весь голосъ кричитъ Денисъ, боясь, не поторопилась ли она исполнить его строгое приказаніе.

Но нѣтъ, она и не думала уходить, а ждетъ за плетнемъ, съ увѣсистымъ камнемъ въ рукахъ. Она не послушалась Дениса, но онъ такъ радъ, что снова видитъ ее, что ему не до выговоровъ; а Китти уже успѣла соскочить съ лошади и обнимаетъ подругу.

— Наконецъ-то, я нашла тебя! — восклицаетъ стройная амазонка, — слава тебѣ, Господи. О, Денисъ, вы представить себѣ не можете, какія мы пережили ужасныя минуты! Мы узнали о катастрофѣ всего съ часъ тому назадъ: полицейскій инспекторъ разбудилъ папу и все разсказалъ ему. Нѣтъ, нѣтъ, не хочу и вспоминать!—Она еще крѣпче обнимаетъ Элленъ.— Одно только скажу: мы чуть не лишились разсудка отъ ужаса. Я велѣла тотчасъ осѣдлать свою лошадь, а Томъ, — онъ обѣдалъ и ночевалъ у насъ,—непремѣнно желалъ мнѣ сопутствовать. Понятно, я его отрядила въ противоположную сторону; теперь я даже не знаю, гдѣ онъ. Милочка, въ какомъ ты видѣ!

Digitized by Google

Да и вы тоже, Денисъ. Какъ... Но нѣтъ, не буду разспрашивать; мама запретила, а велѣла прежде всего тащить васъ къ намъ...

Она болтаетъ безъ умолку, вѣроятно, съ цѣлью успокоить Элленъ, которая истерически рыдаетъ.

— Вотъ вѣ-время явились-то!—говоритъ Денисъ:—туфли Элленъ отказываются служить, а намъ предстоялъ не близкій путь до васъ.

— Она сядетъ на мою лошадь, — съ живостью рѣшаетъ Китти: — Элленъ, душечка, да брось же плакать. О, негодяи, негодяи! Неужели при ней... Нѣтъ, не спрашиваю ничего. Ѣдемъ лучше поскорѣе домой... Мама никакъ не ожидала, что мы найдемъ васъ обоихъ вмѣстѣ.

— Если мы оба еще живы,—говоритъ Денисъ,—то только благодаря мужеству кузины! Но разсказывать наши приключенія—слишкомъ долгая исторія.

— Онъ, онъ спасъ насъ обоихъ! — возражаетъ Элленъ.

— Это ужъ мы потомъ разберемъ,—перебиваетъ подруга,—а теперь въ путь. Ты знаешь, мама ни за что не хотѣла пускать меня, пока я не сказала, что и Томъ ѣдетъ со мною. А, въ сущности, зачѣмъ мнѣ Томъ? А что, Денисъ, должно быть, Элленъ... Впрочемъ, лучше не отвѣчайте,—мама строго-на-строго приказала мнѣ не мучить Элленъ разспросами, пока она не выспится. Теперь, пожалуй, она и спать не станетъ,—совсѣмъ день. Да гдѣ же вы были все это время? Нѣтъ же, не отвѣчайте; это я такъ... А вотъ и Томъ! — звонко, радостно кричитъ она: вдалекѣ явственно слышится конскій топотъ.—Томъ! Томъ!

— Почему вы знаете, что это Томъ?—съ невольной улыбкой освѣдомляется Денисъ; напуганная Элленъ вздрогнула, заслышавъ звуки копытъ.

— Неужели же я ошибусь?—Китти съ увѣренностью пожимаетъ плечами.

— Какъ вы его изучили!..

— Какія глупости!—говоритъ Китти и презрительно вздергиваетъ хорошенькій носикъ:—просто онъ ѣдетъ на Зюлейкѣ, а я ее знаю, какъ свои пять пальцевъ.

Зюлейка, вмѣстѣ съ сѣдокомъ, тѣмъ временемъ поравнялись съ ними.

Digitized by Google

— Томъ! Они нашлись!—кричитъ Китти,—но какъ же вы-то попали сюда? Я велѣла вамъ ѣхать на западъ...

— Я и былъ на западѣ, объѣхалъ кругомъ и очутился здѣсь! — оправдывается Томъ Дельмиджъ. Видъ у него и у коня ужасный, — оба грязны, измучены и истерзаны; очевидно, всадникъ все время не щадилъ ни себя, ни лошади.— О, Элленъ!—продолжалъ онъ, соскакивая съ сѣдла, — какъ я радъ, что вижу васъ здравой и невредимой! И вы здѣсь, О'Нейль? Куда же мы дѣнемся съ ними, Китти?

— Элленъ сядетъ на мою лошадь.

— Нѣтъ, ужь лучше на мою, а вы поѣзжайте на своей. Денисъ и я дойдемъ пѣшкомъ.

— Ѣдемъ, Элленъ!—рѣшительно произноситъ Китти.

Но Элленъ стоитъ возлѣ Дениса и не двигается... Ей цѣлую ночь мерещилось, что если онъ уйдетъ отъ нея, то она уже не увидитъ его больше въ живыхъ.

— Денисъ усталъ...—говоритъ она нерѣшительно.

— Я? Нисколько!—возражаетъ тотъ.

— Онъ усталъ!—повторяетъ Элленъ:—Китти, мы обѣ можемъ сѣсть на «Звѣздочку», а Томъ съ Денисомъ поѣдутъ на «Зюлейкѣ».

— Вотъ и прекрасно! — соглашается Томъ: — не спорьте, О'Нейль; у васъ видъ убійственный, въ особенности съ этимъ шрамомъ на лбу. Пожалуйте, Элленъ!

Онъ бережно сажаетъ ее на сѣдло, а затѣмъ помогаетъ вскочить на лошадь и другой молодой дѣвушкѣ; Китти помѣщается позади Элленъ и берется править. Элленъ, какъ почти всѣ ирландки, отлично ѣздитъ верхомъ; но теперь отъ изнеможенія еле держится въ сѣдлѣ; онѣ тихонько пускаются въ путь; Денисъ и Томъ, не спѣша, трусятъ за ними на «Зюлейкѣ».

Наконецъ-то, Элленъ и Денисъ, усталые и измученные, какъ нравственно, такъ и физически, достигаютъ гостепріимнаго Друмондъ-Голля; молодая дѣвушка падаетъ въ широко-раскрытыя объятія добрѣйшей леди Августы.

XVIII.

— Бѣдняжечка Элленъ все еще несовсѣмъ оправилась отъ пережитаго ею потрясенія, — говоритъ леди Августа: — положимъ, не прошло и пяти дней послѣ роковаго событія...

Digitized by Google

Леди Августа вздыхаетъ и могучая грудь ея бурно колышется. Похороны О'Нейля состоялись наканунѣ и драма до сихъ поръ волнуетъ умы окрестныхъ жителей, тѣмъ болѣе, что убійцу арестовать до сихъ поръ не удалось. Полиція съ ногъ сбилась—но Конель словно въ воду канулъ.

— Ничего нѣтъ удивительнаго, — отзывается мистриссъ О'Флагерти, и въ свою очередь вздыхаетъ:—не скоро оправишься послѣ такого происшествія! Я начинаю думать, что надъ нашимъ краемъ тяготѣетъ проклятіе: убійство за убійствомъ! Прежде этого не бывало. Давно ли ухлопали милѣйшаго Берка изъ помѣстья Лэнглэндсъ, — затѣмъ мистера Мура и, наконецъ, старика О'Нейля. Разумѣется, внучкѣ очень тяжело.

— Это такъ понятно!

Послѣднюю фразу произноситъ леди Лотонъ, маленькая, худенькая дама, одѣтая по послѣдней модѣ; она славится своими безукоризненными туалетами. Лицо у нея, зато, преядовитое, а въ глазахъ, обращенныхъ на хозяйку, чуется что-то враждебное.—Если припомнить всѣ событія ужасной ночи,—продолжаетъ она,—то понятно, что миссъ О'Нейль, должно быть, довольно неловко... то есть, не неловко, а...

— Она очень несчастна! — сочувствуетъ леди Августа:—представьте вы себя на ея мѣстѣ...

— Никакъ не могу себѣ этого представить,—поджавъ губы, возражаетъ ехидная леди Лотонъ: — надѣюсь, что я, ни при какихъ условіяхъ, не могла бы настолько потерять голову, чтобы провести цѣлую ночь въ какомъ-то подземельѣ, съ глазу на глазъ... ну, да съ кѣмъ бы то ни было!

— По моему мнѣнію, лучше временно потерять голову, чѣмъ вовсе лишиться ея вмѣстѣ съ жизнью,—холодно говоритъ леди Августа, и вслѣдъ затѣмъ обращается къ мужу со словами:—никакъ я острить начинаю, Джонъ? Ирландскій складъ ума!

— Можно еще кое-что потерять, кромѣ головы и жизни!—отчеканиваетъ леди Лотонъ.

Кстати надо замѣтить, что леди Лотонъ знала Дениса, была въ него влюблена и не могла простить ему невниманія къ ея прелестямъ.

— Разумѣется! — поспѣшно подхватываетъ леди Августа, прикидываясь, что не понимаетъ злобнаго намека своей гостьи:—

Digitized by Google

бѣдная Элленъ лишилась даже крова! По счастью, она не осталась безъ средствъ: вѣдь вы знаете, что старикъ не успѣлъ написать завѣщанія.

— Да неужели? — восклицаетъ мистриссъ О'Флагерти и, неизвѣстно почему, приходитъ въ сильное волненіе: — очень, очень рада, по правдѣ говоря! А я слышала, будто онъ все завѣщалъ сэру Странгфорду-Летвею.

— Собирался завѣщать ему, это вѣрно, но былъ убитъ раньше.

— Кто же его прямой наслѣдникъ? — спросила леди Лотонъ!

— Денисъ О'Нейль. Вы, кажется, съ нимъ хорошо знакомы? Я встрѣчала его у васъ въ прежнее время.

— О, да, я его знаю, но вовсе не такъ близко, какъ вы думаете. Онъ довольно глуповатый малый, не правда ли? Насколько я помню, съ нимъ ужасно скучно. Я вѣчно зѣвала въ его присутствіи. Такъ, значитъ, онъ теперь богатый человѣкъ?

— За нимъ остаются титулъ, помѣстье и, благодаря отсутствію завѣщанія, третья часть капитала. О'Нейль деньгами оставилъ 60,000 фунтовъ. Наслѣдниковъ трое: Денисъ, Странгфордъ и Элленъ.

— Значитъ, миссъ Эллепъ теперь не безприданница?—съ усмѣшкой замѣчаетъ леди Лотонъ:—простачокъ Денисъ О'Нейль оказывается дальновиднымъ. Что значитъ одна ночь въ подземельѣ въ сравненіи съ 20,000 фунтовъ?

— Прошу васъ, Этель,—съ упрекомъ говоритъ леди Августа,—не дѣлайте такихъ намековъ насчетъ Элленъ и Дениса. Я увѣрена, что злаго умысла у васъ нѣтъ... но вѣдь другіе могутъ богъ знаетъ что подумать. Молодые люди невиноваты, что такъ сложились обстоятельства.

Леди Лотонъ смѣется.

— Удивительно иногда складываются обстоятельства!—Она бросаетъ на леди Августу взглядъ, но та отходитъ отъ нея прочь.

— Этого Конеля,—отчетливо раздается голосъ лорда Друмонда, бесѣдующаго съ майоромъ О'Флагерти,—давно бы пора поймать. Кто убійца, всѣмъ извѣстно,—Денисъ прямо указываетъ на Конеля. И вотъ пятый день, какъ полиція тщетно ищетъ этого негодяя.

Digitized by Google

— Можетъ быть, онъ эмигрировалъ,—говоритъ сэръ Странгфордъ, который вошелъ нѣсколько минутъ тому назадъ и присоединился къ группѣ мужчинъ.

— Едва ли! Скорѣе всего скитается въ горахъ и никто не хочетъ выдать его. Завтра я переговорю съ полицейскимъ инспекторомъ, захвачу съ собою нѣсколькихъ жандармовъ и лично пущусь на розыски по домамъ. Не можетъ нравственность нашихъ крестьянъ стоять на такомъ низкомъ уровнѣ...

— Боюсь, что вы ошибаетесь! — мягко перебиваетъ его Странгфордъ,—нравственность—понятіе условное...

— Пожалуй, вы и правы! — соглашается съ нимъ подошедшая леди Августа:—въ деревняхъ творятся такія безобразія...

— Правда, правда!—басомъ подхватываетъ прислушивавшаяся къ разговору мистриссъ О'Флагерти.

— А исторія съ булочниками, слыхали вы?

— Ничего не слыхала. Что такое? — гостья сгараетъ отъ любопытства.

— Вчера мужъ мой,—поясняетъ леди Августа,—поймалъ булочника на мѣстѣ преступленія (это ужь второй, замѣтьте!): онъ примѣшивалъ картофельную муку къ пшеничной!!

— А дальше?—недоумѣваетъ мистрисъ О'Флагерти.

— Съ васъ этого мало?

— Немало, разумѣется, но я предполагала что нибудь еще ужаснѣе.—Мистриссъ О'Флагерти разочарована, и нѣсколько отодвигается въ сторону.

Разговоръ идетъ все на ту же тему: Конеля надо разыскать во что бы то ни стало и предать суду безъ всякаго промедленія.

— Значитъ, вы завтра думаете отправиться въ горы на развѣдки?—спрашиваетъ разсѣянно Странгфордъ:—куда именно направитесь прежде всего? Въ Клешабесъ? Я бы охотно присоединился къ вашему отряду...

— Зачѣмъ же дѣло стало? Отлично!

— Именно въ Клешабесѣ у меня сдано нѣсколько фермъ весьма порядочнымъ людямъ!—говоритъ Друмондъ. — Напримѣръ, мистриссъ Диллонъ. Я увѣренъ, что она не станетъ укрывать убійцу и поможетъ намъ въ розыскахъ. Ты вѣдь знаешь ее, Августа?

Digitized by Google

— Прекрасная женщина. Разумѣется, она не станетъ на сторонѣ злоумышленниковъ.

— Знаете, — вмѣшивается вдругъ майоръ О'Флагерти:— смерть О'Нейля, по моему мнѣнію, чрезвычайно загадочная! Нѣтъ ли въ этомъ дѣлѣ иной подкладки? Не руководилъ ли кто либо убійцами?

— То есть?—спрашиваетъ Странгфордъ.

— Не надо забывать, что крестьяне наши вообще нерѣшительны...

— Какъ, даже когда они всецѣло охвачены чувствомъ ненависти и мщенія?

— Даже и тогда.

— Значитъ, вы полагаете...—Странгфордъ кладетъ ногу на ногу и щелчкомъ смахиваетъ съ брюкъ пылинку.

— Я полагаю, что земельная лига тутъ не безъ грѣха.

— А!..—восклицаетъ равнодушно Странгфордъ.

— Во всякомъ случаѣ,—продолжаетъ майоръ:—я подозрѣваю участіе посторонняго агента. Какой нибудь презрѣнный трусъ, прячась за чужой спиной, подбилъ этихъ Конелей на преступленіе, а себя отстранилъ отъ дѣла. По моему, подстрекатель былъ!..

— Знаете, я самъ начинаю проникаться вашимъ убѣжденіемъ,—задумчиво говоритъ Странгфордъ,—но кто бы могъ быть этотъ негодяй? Хорошо бы накрыть его врасплохъ! Но предводителей земельной лиги такое множество. Они такъ хитры и ловки... Итакъ, подозрѣнія ваши падаютъ на земельную лигу?..

— О, да!—подтверждаетъ майоръ, принимая бравый видъ.

— Ахъ, вотъ и Денисъ,—говоритъ Странгфордъ,—я его еще не встрѣчалъ послѣ роковаго происшествія, если не считать вчерашнихъ похоронъ... Но тогда не до разговоровъ было!—онъ печально вздыхаетъ.—Однако, слѣдуетъ поздравить его съ наслѣдствомъ, хотя оно и досталось ему, благодаря трагической случайности...—Странгфордъ обращается къ Друмонду:—вѣдь всѣмъ было хорошо извѣстно, что дѣдъ, не смотря на мои неоднократные протесты, собирался оставить мнѣ все свое благопріобрѣтенное состояніе и капиталы.

— Слышалъ что-то подобное, — неохотно подтверждаетъ Друмондъ.

Digitized by Google

— И вы весьма естественно не одобряли его намѣренія?— съ живымъ сочувствіемъ подхватываетъ Странгфордъ:—я всячески упирался, но дѣдъ исполнилъ бы свое намѣреніе. Конечно, дѣда мнѣ сердечно жаль... но я радъ видѣть Дениса наслѣдникомъ Каригдаса.

— Справедливость прежде всего,—говоритъ Друмондъ:—майоратъ—вѣковое, прочное учрежденіе...

— Совершенно вѣрно. И какъ достоинъ Денисъ своего преимущества!—Странгфордъ любовно оглядываетъ своего двоюроднаго брата, здоровающагося съ дамами:—какъ онъ красивъ!

Денисъ разговариваетъ съ леди Августой, не подозрѣвая пылкаго восхищенія Странгфорда.—Видъ у него прекрасный,—продолжаетъ вѣроломный кузенъ:—не смотря на потрясеніе и выпавшую на его долю отвѣтственность!

— Отвѣтственность?

— Ну, да! — Странгфордъ понижаетъ голосъ до трагическаго шопота: — бѣдная кузина! Бѣдняжка Элленъ! Цѣлая ночь... Очень неудачно сложились обстоятельства, надо признаться... Хоть лично я не вижу въ этомъ приключеніи ничего предосудительнаго.

— Еще бы! — рѣзко вставляетъ слово майоръ О'Флагерти:—какой же порядочный человѣкъ позволитъ себѣ подумать что либо дурное? До приличій ли было тогда имъ, бѣдняжкамъ? Чортъ побери!—майоръ-ирландецъ страшно горячъ и неразборчивъ въ выраженіяхъ въ минуты пыла:—одни подлецы способны на грязные намеки.

— Ахъ, майоръ, какъ отрадно быть вашимъ другомъ!— Странгфордъ съ уваженіемъ жметъ руку О'Флагерти и поспѣшно направляется къ Денису.

Майоръ глядитъ ему вслѣдъ и говоритъ Друмонду:

— Не пойму этого малаго. Говоритъ, будто прямой и честный человѣкъ, а все какъ-то не вѣрится...

— Пойдемте-ка лучше, дружище, выпьемъ по рюмкѣ хересу!—перебиваетъ его Друмондъ и дружески беретъ подъ руку.

XIX.

Леди Августа, съ помощью Китти и лорда Экорна, разливаетъ чай; Томъ Дельмиджъ виднѣется неподалеку и глазъ не сводитъ со своего идола.

Digitized by Google

Мистриссъ О'Флагерти подсѣла къ леди Лотонъ.

— Какъ всѣ носятся съ убійствомъ О'Нейля, — говоритъ она,—а вотъ когда убили милѣйшаго мистера Берка, то почти не было о немъ и разговоровъ. А какой былъ чудный человѣкъ! Незамѣнимая потеря для общества. И семья его, кажется, осталась въ довольно печальномъ положеніи. Его книги—громадная библіотека!—пошли за безцѣнокъ, если не вовсе задаромъ!

— Удивляюсь, что не задаромъ,—замѣчаетъ леди Лотонъ, искоса слѣдя за Денисомъ.

— У него была богатѣйшая библіотека во всемъ округѣ!—съ укоризной возражаетъ мистриссъ О'Флагерти.

— Безъ сомнѣнія. Одному удивляюсь: какъ простому смертному удалось собрать воедино множество неудобоваримыхъ томовъ!

— Во всякомъ случаѣ, въ его библіотекѣ вы не могли встрѣтить ни одной книжки неприличнаго содержанія,—сухо говоритъ майорша.

— Совершенно вѣрно, оттого-то онѣ и наводили на всѣхъ неудержимую зѣвоту. Перемѣшать бы ихъ съ пикантными романами, и наслѣдники, вѣроятно, сказали бы ему спасибо.

— Онъ былъ слишкомъ добродѣтельный человѣкъ, чтобы допускать у себя фривольныя книги; а ужь какъ онъ былъ набоженъ!..

— О, безусловно!—съ жаромъ соглашается леди Лотонъ:—зато и скученъ... до тошноты.

Она круто мѣняетъ разговоръ и начинаетъ восхищаться орхидеей; собесѣдницѣ ея приходитъ въ голову, что леди Лотонъ насмѣхается, а потому она не безъ строгости произноситъ:

— Онъ былъ святой.

— О, да!—съ убѣжденіемъ поддакиваетъ леди Лотонъ,—должно быть, въ этомъ-то и вся суть.

— То есть, какъ это?

— Да такъ.

— Извините, ваша мысль мнѣ непонятна.

— Право?—леди Лотонъ пожимаетъ плечами и слегка посмѣивается: — я отъ многихъ слыхала о покойномъ тотъ же отзывъ; въ этомъ вся разгадка: О'Нейль былъ далеко не свя-

Digitized by Google

той — (ангельская улыбка), — съ этимъ вы, надѣюсь, согласны?

— Еще бы!—майорша приходитъ въ благоговѣйный ужасъ.

— Но какъ съ нимъ было весело!—говоритъ леди Лотонъ игриво,—а съ мистеромъ Беркомъ можно было умереть отъ тоски! Неужели вы не раздѣляете моего мнѣнія?

— Понятно, нѣтъ. У мистера Берка былъ чудный нравъ!

— Но вѣдь и О'Нейль не вѣчно же былъ въ дурномъ расположеніи духа.

— Ахъ, такъ вы его видѣли веселымъ и любезнымъ?—язвительно освѣдомляется сторонница Берка.

— Родственники, дѣйствительно, не одобряютъ его; но вѣдь пророка не цѣнятъ въ отечествѣ.

— Вы думаете? «Своя своихъ не познаша»?—чуть не съ пѣной у рта подхватываетъ мистриссъ О'Флагерти.

Леди Лотонъ колеблется; продолжать ли интересное препирательство, но взглядъ ея останавливается на Денисѣ, который только что кончилъ бесѣду съ леди Августой, и она восклицаетъ:

— Вотъ и вы, мистеръ О'Нейль?—безъ дальнѣйшихъ церемоній она манитъ его пальцемъ. — А гдѣ же ваша кузина?—спрашиваетъ она, когда молодой человѣкъ подошелъ къ ней:—я надѣялась съ ней повидаться, но ея отсутствіе объясняется, вѣроятно, уважительными причинами.

— Ихъ немало,—холодно отвѣчаетъ Денисъ.—Моя кузина — я полагаю, что вы говорите о миссъ О'Нейль? — очень устала, просто даже измучена своимъ несчастнымъ приключеніемъ.

— Почему вы называете его несчастнымъ? — Она съ насмѣшкой глядитъ на него, но постепенно глаза ея опускаются подъ его суровымъ, пристальнымъ взглядомъ:—и почему бы ей ужь такъ устать... съ той ночи прошло уже больше четырехъ сутокъ... Можетъ быть, она просто конфузится показаться? Ей совѣстно...

— Совѣстно? Это почему? — Глаза О'Нейля сверкаютъ, и молодая женщина убѣждается, что онъ влюбленъ въ Эллень. Ярости ея нѣтъ границъ.

— Ну, стыдно!—поправляется она; тонъ ея дерзкій, губы улыбаются.

Digitized by Google

Денисъ глядитъ на нее и думаетъ, что змѣиное жало ея можетъ надѣлать вреда Элленъ. Не лучше ли смолчать? Но онъ не выдерживаетъ и повинуется потребности оборвать ее.

— Знаете, — говоритъ онъ, глядя на нее съ загадочной улыбкой:—хорошенькое лицо не всегда оправдываетъ скверныя манеры!

Леди Лотонъ смѣется.

— А если перефразировать такъ: хорошія манеры не всегда... А, впрочемъ, и хорошихъ манеръ я что-то не замѣчаю!

Денисъ выслушиваетъ ее, не сморгнувъ, и удаляется.

— Милѣйшій Денисъ!—восклицаетъ Странгфордъ и съ жаромъ пожимаетъ ему руки:—я всюду искалъ васъ! Мнѣ необходимо перекинуться съ вами парой словъ.

— Только парой? Тѣмъ лучше!—говоритъ Денисъ, высвобождая свои руки:—мнѣ такъ думается, что намъ вовсе не о чемъ разговаривать.

— Вы постоянно отталкивали мои попытки сойтись съ вами, О'Нейль!—просто, но съ достоинствомъ возражаетъ Странгфордъ,—но въ настоящую минуту враждебный тонъ вашъ прямо меня удивляетъ: не забудьте, при какихъ печальныхъ условіяхъ мы съ вами встрѣчаемся... Я вижу васъ въ первый разъ послѣ трагической смерти нашего дѣда...

— Не въ первый, кажется... — Денисъ въ упоръ глядитъ на него.

Странгфордъ съ изумленіемъ таращитъ глаза.

— Въ первый, я въ этомъ увѣренъ.

— Плоха же у васъ память! Не освѣжить ли ее немножко?

— Ахъ, я и забылъ про похороны! Грустная была встрѣча...

Странгфордъ вздыхаетъ.

— Я не про похороны говорю. Слушайте, Странгфордъ, всякое нахальство должно имѣть границы. Или вы думаете, что я васъ не узналъ въ ту ночь?

— Въ ту ночь? — Странгфордъ окончательно становится втупикъ; затѣмъ брови его очень медленно поднимаются; онъ смутно начинаетъ что-то припоминать.

— Богъ мой!..—наконецъ, произноситъ онъ.—неужели же это вы чуть не задушили меня въ ту ночь?

Digitized by Google

Хорошій актеръ! Денисъ насквозь пронизываетъ его взглядомъ и... въ концѣ концовъ даже впадаетъ въ сомнѣніе. Ужь не ошибся ли онъ тогда? Такіе ли гнусные мотивы руководили поведеніемъ Странгфорда? А тотъ съ недоумѣніемъ, почти съ ужасомъ, продолжаетъ въ него всматриваться... Можно ли ему не вѣрить?

— Другъ мой Денисъ! Я просто растерялся отъ неожиданности: такъ это вы, вы схватили меня за горло? Вы?... (онъ хмуритъ брови, точно силясь что-то сообразить):—за кого же вы меня приняли?

Денисъ просто на просто смущенъ. Онъ ошибся, разумѣется, ошибся! Еслибы Странгфордъ, дѣйствительно, покушался на жизнь дѣда, то онъ далъ бы ему сначала время составить завѣщаніе. Опрометчивая увѣренность Эллены сбила его съ толку... Но она предубѣждена и могла легко ошибиться!..

Странгфордъ, между тѣмъ, снисходительно улыбается.

— Я васъ понимаю: вы обо мнѣ вовсе и не думали, но, въ разгоряченномъ состояніи, въ первомъ встрѣчномъ готовы были видѣть врага! Я васъ не осуждаю: я самъ потерялъ голову въ ту роковую ночь. Одно меня поражаетъ: если вы, дѣйствительно, меня узнали, какъ же вы не угадали во мнѣ союзника? Вы мнѣ, пожалуй, не повѣрите, но вѣдь я принялъ васъ тогда за убійцу!

— Кого? Меня?—Денисъ совсѣмъ пораженъ:—вы приняли меня за Конеля??

— Дорогой мой, вѣдь я ужь говорилъ вамъ, что былъ тогда въ состояніи невмѣняемости!.. У меня въ глазахъ двоилось отъ ужаса. Я васъ порядкомъ и не разглядѣлъ!!.

— Почему же я разглядѣлъ васъ?

— На меня, вѣрно, падалъ свѣтъ, а вы были въ тѣни.

Все это могло быть такъ. Денисъ понуро молчитъ, но вдругъ вспоминаетъ:

— Но вы были тамъ... въ домѣ... тотчасъ послѣ катастрофы?..

— Да, да, я запоздалъ! Не могу простить себѣ этого. Хотя врядъ ли я могъ бы предотвратить бѣду. По правдѣ говоря, меня предупредилъ одинъ изъ моихъ фермеровъ. Я на скорую руку собралъ наиболѣе надежныхъ крестьянъ и поспѣшилъ на

Digitized by Google

выручку... но слишкомъ поздно! Дѣдъ уже былъ убитъ. Тогда я задался цѣлью спасти васъ и Элленъ.—Странгфордъ понижаетъ голосъ, беретъ Дениса подъ руку и увлекаетъ его за ширмы, въ уголъ, уставленный пальмами и папоротниками.— Вы видѣли меня тамъ? — самымъ спокойнымъ голосомъ спрашиваетъ онъ.

— Да!—отвѣчаетъ Денисъ и замѣчаетъ, что лицо Странгфорда судорожно подернулось: — видѣлъ васъ; вы направляли этихъ дьяволовъ въ мою сторону... вы дружелюбно съ ними разговаривали... такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ показалось.

— Слава богу,—говоритъ Странгфордъ:—я имѣю нѣкоторое вліяніе на этихъ скотовъ... Они считали меня наслѣдникомъ старика...

— И они моментально убили бы васъ, какъ умертвили бы, не задумываясь, меня и Элленъ, хотя черезъ нѣсколько дней мы не имѣли бы никакихъ правъ на наслѣдство.

— Я нѣсколько разъ оказывалъ имъ незначительныя услуги,—задумчиво продолжаетъ Странгфордъ, словно не замѣчая рѣзкаго тона Дениса:—я съ порога видѣлъ, что вы и Элленъ прячетесь въ полумракѣ у конюшенной стѣны,—вѣдь вы тамъ и были, не такъ ли?

— Совершенно вѣрно, и, надо полагать, вы прекрасно насъ разглядѣли.

— И вы, въ свою очередь, видѣли меня... видѣли, что я указывалъ въ вашу сторону?

— Вполнѣ явственно.

— Денисъ!—внезапно говоритъ Странгфордъ и кладетъ ему руку на плечо,—бросьте ваши дикія фантазіи. Вамъ, вѣрно, хотѣлось, чтобы я бросился къ вамъ и вмѣстѣ съ вами атаковалъ бы этихъ дьяволовъ? Но что вышло бы изъ этого? Насъ всѣхъ трехъ отправили бы на тотъ свѣтъ! Я сдѣлалъ лучше: я пригрозилъ этимъ негодямъ, сказавъ, что если хоть одинъ волосъ упадетъ съ головы вашей или Элленъ, они жизни не обрадуются... И они сразу присмирѣли.

Денисъ презрительно фыркаетъ.

— И, вѣрно, въ силу вашихъ угрозъ они снова кинулись за нами въ погоню?

— Ну, я сдѣлалъ все, что могъ!—говоритъ Странгфордъ и

Digitized by Google

съ обиженнымъ видомъ откидывается на спинку стула: — я всегда зналъ (нашъ сегодняшній разговоръ это ясно доказываетъ), что не обладаю даромъ краснорѣчія. Не мнѣ васъ убѣдить.

Поза его и тонъ дышатъ прямодушіемъ; Денису, до сихъ поръ находившемуся подъ вліяніемъ озлобленія, вдругъ становится стыдно: а ну, какъ онъ ошибается, и Странгфордъ невиноватъ?

— Разскажите же, какъ было дѣло,—говоритъ онъ, наконецъ, все еще холодно, но уже не такимъ непримиримымъ тономъ.

— Мнѣ почти нечего разсказывать!—Странгфордъ дѣлаетъ видъ, что припоминаетъ. — Всю ту ночь, въ головѣ моей царилъ невообразимый сумбуръ; сначала я былъ увѣренъ, что стоитъ мнѣ показаться и убійцы подстрѣлятъ меня, какъ собаку; но я принялъ извѣстныя мѣры предосторожности и сразу предупредилъ ихъ, что я не одинъ, что со мною люди, которые знаютъ ихъ въ лицо, слѣдовательно, явятся свидѣтелями въ случаѣ моей смерти.

— Кто же былъ съ вами?

— Трое надежныхъ малыхъ... преданныхъ мнѣ до гроба... потому что я всегда могу предать ихъ самихъ въ руки правосудія. Вы понимаете? Такихъ крестьянъ въ округѣ немало. Мои молодцы, разумѣется, могутъ назвать убійцу нашего дѣда, но кому отъ этого станетъ легче? Мы и безъ того его знаемъ. А имъ,—если только убійцы узнаютъ, что они мои сообщники,—не сдобровать! Вѣдь злодѣи считаютъ свои преступленія дѣломъ правымъ, если не святымъ.

— Такъ вы просите умолчать о двухъ нашихъ ночныхъ встрѣчахъ въ день смерти дѣда?—спрашиваетъ Денисъ, и въ глазахъ его загорается недобрый огонекъ.

— Я ни о чемъ васъ не прошу,—холодно отчеканиваетъ Странгфордъ и встаетъ:—поступайте, какъ вамъ заблагоразсудится. Я самъ себя выдалъ вамъ: сказалъ, что былъ тамъ, и объяснилъ, кто сопровождалъ меня. Вы, конечно, можете лишить меня ихъ довѣрія. Только, по моему, съ вашей стороны было бы честнѣе объясниться на чистоту, раньше чѣмъ все у меня выпытать...

Денисъ хмурится.

Digitized by Google

— О, вашихъ тайнъ я не коснусь. Убійца дѣда попадется намъ въ руки и безъ вашей помощи.

— Неужели вы не понимаете, что я *не могу* помочь вамъ? Это была бы подлость по отношенію къ другимъ. Какъ я говорилъ раньше, мы никогда не были друзьями, Денисъ, но...

Неужели у него на глазахъ слезы? Онъ протягиваетъ Денису руку и тотъ, послѣ нѣкотораго колебанія, неохотно беретъ ее. Кто знаетъ, быть можетъ, Странгфордъ и правъ?!

— Ну, слава богу! — горячо восклицаетъ Странгфордъ:— понятно, вы долго будете помнить тотъ моментъ, когда я въ темнотѣ не узналъ васъ, но надѣюсь, что съ этого дня мы друзья... Господи!—(онъ смѣется)—какъ все это вышло глупо!.. И сила же у васъ богатырская, я вамъ скажу!.. Я долго, долго не могъ прійти въ себя! Но я не сержусь на васъ, клянусь честью.—Странгфордъ говоритъ просто и непринужденно, но слова его почему-то звучатъ фальшиво въ ушахъ Дениса.— Вѣдь я также легко могъ бы убить васъ, какъ и вы меня.

— Не думаю,—сухо возражаетъ Денисъ,—да и васъ я, кажется, не особенно помялъ: вы живо поднялись на ноги, какъ только я отошелъ подальше...

— Ха-ха-ха! Вы, значитъ, за мной наблюдали? Я и позабылъ, что вы могли меня видѣть и судить о моемъ состояніи. — Онъ снова хохочетъ и преестественно.—Такъ, по вашему, я живо вскочилъ на ноги? Это дѣлаетъ мнѣ честь послѣ вашихъ медвѣжьихъ объятій.

Онъ хочетъ косвеннымъ образомъ польстить Денису, удивляясь его силѣ, но все тщетно. Денисъ молча и недовѣрчиво продолжаетъ наблюдать за собесѣдникомъ: хитритъ онъ или нѣтъ?

— Вамъ не смѣшно?—восклицаетъ Странгфордъ, дружески хлопая его по плечу:—куда дѣвался вашъ юморъ?

— Признаться, я ничего смѣшнаго во всемъ этомъ не вижу.

— Вы меня удивляете! Видно, что давно не жили въ Ирландіи: вы совсѣмъ разучились шутить и смѣяться. По моему все это ужасно комично: два кузена сцѣпились впотьмахъ и борются, принимая другъ друга за убійцу своего дѣда!

— Развѣ я называлъ васъ убійцей?

— Во всякомъ случаѣ, не за порядочнаго же человѣка вы

Digitized by Google

меня приняли! Опять таки повторяю: я не злопамятенъ (онъ улыбается). Но наше взаимное присутствіе на мѣстѣ преступленія—довольно замѣчательное совпаденіе и вноситъ комическій элементъ въ безусловно трагическое происшествіе. Я готовъ былъ броситься на перваго встрѣчнаго, но вы... — онъ шутливо беретъ Дениса за шею: — ужь не притянуть ли мнѣ васъ къ суду за нанесенные мнѣ побои? Не слѣдовало бы прощать! — онъ глядитъ на Дениса и добродушно смѣется: — а, впрочемъ, быть можетъ, мнѣ когда нибудь и удастся отомстить вамъ!

Нѣтъ ничего особеннаго въ его интонаціи, — шутка да и только,—но Денисъ, собравшійся было уходить, внезапно оборачивается.

— Скажите мнѣ, Странгфордъ, положа руку на сердце: вы меня не узнали въ ту ночь?

— Другъ мой, что за вопросъ! Да еслибъ я васъ узналъ, неужели я не предупредилъ бы васъ объ опасности? Неужели позволилъ бы Элленъ выстрадать цѣлую ночь? Положимъ, вы были съ нею, но тѣмъ не менѣе ея репутація...

— Прошу не касаться репутаціи кузины и вообще не примѣшивать ея въ нашъ разговоръ!—сурово перебиваетъ его Денисъ:— я только желаю узнать, дѣйствительно ли вы меня приняли за... Конеля.

Съ этими словами Денисъ отходитъ, а Странгфордъ остается сидѣть между тропическими растеніями, крутитъ усъ и думаетъ: «Игра еще не проиграна! Мы начнемъ сначала, любезный кузенъ».

XX.

— Денисъ!—тихонько окликаетъ его леди Августа, когда онъ, сердитый, разстроенный и сбитый съ толку, спѣшилъ мимо нея послѣ разговора со Странгфордомъ.

— Къ вашимъ услугамъ, миледи!

Онъ останавливается и выжимаетъ улыбку на своемъ лицѣ. Леди Августа сидитъ съ Китти и Экорномъ у входа въ оранжерею; по обыкновенію, въ отдаленіи виднѣется неизбѣжный Томъ Дельмиджъ. Экорнъ прощается и никакъ не можетъ

Digitized by Google

уйти; остальные гости почти всѣ разъѣхались; комнаты опустѣли.

— Вы съ нами обѣдаете, Денисъ?

— Благодарю васъ, миледи, но...

— Безъ всякихъ но... Постороннихъ никого не будетъ.

— А...—онъ запинается.

— Элленъ? Она къ обѣду не выдетъ; все еще нервничаетъ и никого не хочетъ видѣть, не смотря на мои увѣщанія. Навѣрно и сегодня не выдетъ...

— Какъ это глупо, не правда ли?—вмѣшивается Китти:— на ея мѣстѣ я изображала бы изъ себя героиню и заставила бы всѣхъ преклоняться передо мною.

Денисъ улыбается, а Китти слегка тянетъ его за рукавъ и отводитъ въ сторону.

— Она въ саду!—шопотомъ сообщаетъ она молодому человѣку: — идите скорѣй туда, застаньте ее врасплохъ. Все обойдется. Я даже не понимаю, что̀ ее такъ смущаетъ!

— Боюсь, что ей будетъ непріятно видѣть меня, — отговаривается Денисъ, хотя въ душѣ желаетъ бѣжать въ садъ.

— Сдается мнѣ, что наоборотъ,—лукаво возражаетъ рѣзвая Китти. — Я увѣрена, что ей доставитъ облегченіе поговорить съ кѣмъ нибудь по душѣ о событіяхъ роковой ночи; а вы, тѣмъ болѣе, были ея товарищемъ по несчастью...

Немного погодя, леди Августа замѣтила отсутствіе Дениса.

— Куда дѣвался Денисъ?—спрашиваетъ она.

— Ушелъ въ садъ повидаться съ Элленъ.

— Ахъ, Китти!..

— Ничего, мамочка, это ей будетъ очень полезно: съ ней, право, творится что-то неладное. Кромѣ того, я убѣждена, что Денисъ по уши влюбленъ въ нее.

При словѣ «влюбленъ»—Томъ Дельмиджъ и лордъ Экорнъ настораживаются и глядятъ на свое божество; послѣдній улыбается, первый вздыхаетъ.

— Что ты, Китти!—восклицаетъ леди Августа взволнованнымъ тономъ:—я даже не знаю, радоваться ли этому?.. Злые языки и такъ сплетничаютъ...

— Что же говорятъ?—любопытствуетъ Китти.

— Ахъ, Китти, ты не поймешь.

Digitized by Google

— Нѣтъ, пойму!

Леди Августа конфузится; лордъ Экорнъ смѣется; Томъ злится.

— Лишнее распространяться объ этомъ, Китти. Мы всѣ знаемъ, какую цѣну надо придавать сплетнямъ... Но леди Лотонъ инаго мнѣнія.

— На мѣстѣ Элленъ я бы и вниманія не обратила!—рѣшительно говоритъ Китти:—а вы?—обращается она къ Экорну.

— Смотря потому, кто повторяетъ ихъ...—уклончиво отвѣчаетъ миньятюрный франтикъ.

— Совсѣмъ не обращать вниманія нельзя, Китти,—серьезно внушаетъ дочери леди Августа:—живешь въ обществѣ и отстраняться отъ него невозможно. Приходится считаться съ общественнымъ мнѣніемъ. Оно—большая сила!

— Никогда не повѣрю,—со сверкающими глазами заявляетъ пылкая дѣвушка.

— Къ несчастью, это такъ!—вмѣшивается Экорнъ, поправляя воротничокъ рубашки своей бѣлой ручкой, унизанной перстнями:—я отъ души жалѣю миссъ О'Нейль.

— Не понимаю, чего вы ее жалѣете? Конечно, ужасно, что ее чуть не убили, что она провела ночь въ подземельѣ, ежеминутно опасаясь за свою жизнь. Но, слава богу, это миновало. Теперь приличнѣе радоваться, чѣмъ жалѣть.

— Вѣдь я говорила, что ты не поймешь, Китти!—внушительно повторяетъ леди Августа.

— Чего жь тутъ не понять?—упрямо твердитъ дѣвушка:—Томъ, вы понимаете, не такъ ли?

Томъ застѣнчивъ и лишенъ дара слова; онъ киваетъ головой, а Китти сердится: она думала найти въ немъ поддержку, а онъ ограничивается глупымъ кивкомъ...

— Я знаю,—горячо поясняетъ она:—Элленъ осуждаютъ за то, что она поздно вечеромъ была безъ компаньонки.

Экорнъ хохочетъ, но Китти злобно сверкаетъ на него глазами.

— Все это очень грустно, — продолжаетъ она: — Элленъ слишкомъ близко принимаетъ все это къ сердцу.

— Да, отказывается видѣть даже кузеновъ!—подхватываетъ хозяйка.

— Кузеновъ?

Digitized by Google

— Да, Дениса О'Нейля и Странгфорда, хотя оба неоднократно о ней справлялись. Въ особенности Странгфордъ. Онъ мнѣ не особенно симпатиченъ, но тронулъ меня своимъ вниманіемъ къ Элленъ. Повидимому, онъ искренно расположенъ къ ней. Я лично недолюбливаю Странгфорда,—повторяетъ леди Августа, поднимая брови,—но въ данномъ случаѣ...

— У нея 20,000 приданаго!—неожиданно брякаетъ Томъ со своей позиціи у дверного косяка.

Еслибъ въ комнату упала бомба, всѣ были бы менѣе удивлены. Томъ вмѣшался въ разговоръ безъ особаго принужденія; онъ позволилъ себѣ дурной отзывъ о ближнемъ!

Леди Августа не то смутилась, не то огорчилась; Китти взглянула на Тома и призадумалась.

— Вы только что сказали...—обращается Экорнъ къ Китти:—или это не вы, а ваша глубокоуважаемая мамаша...—онъ самъ не зналъ, что хочетъ сказать, ему только нужно, чтобы молодая дѣвушка не смотрѣла на Тома Дельмиджа, а обратила бы вниманіе на него, хотя ревновать къ этому глуповатому Геркулесу, по его мнѣнію, просто смѣшно.

— Я говорила,—поддержала его леди Августа,—что открыто выраженное желаніе Дениса видѣть Элленъ, можетъ быть, поведетъ къ устраненію дальнѣйшихъ сплетенъ: будемъ надѣяться, что они перейдутъ на положеніе жениха и невѣсты. Это хорошій исходъ. Хотя прошлое недоразумѣніе... неловкость...

— Я просто, мама, слышать тебя не могу!—внѣ себя кричитъ Китти:—можно думать, что Элленъ сама совершила преступленіе, а не дикари заставили ее провести такую ужасную, невозможную ночь. Дикарямъ еще простительно обращаться скверно съ нею, но теперь оказывается, что культурные люди еще хуже и способны на большія гадости. Если въ этомъ заключается ваше пресловутое «общественное мнѣніе», то я знать его не хочу. Въ моихъ глазахъ Элленъ—героиня!

— Да и въ моихъ тоже,—говоритъ добрая, но слабохарактерная леди Августа:—только одинъ въ полѣ не воинъ; тамъ подпустятъ шпильку, въ другомъ мѣстѣ взглянутъ на тебя косо...

— Ваша правда,—жеманно подтверждаетъ лордъ Экорнъ:—репутацію губитъ не грубая клевета, а разныя недомолвки и двусмысленные намеки!

Digitized by Google

— Двусмысленные намеки леди Лотонъ? — презрительно спрашиваетъ Китти:—надъ ней самой кто только не смѣется? И такая женщина позволяетъ себѣ издѣваться надъ моей Нелли!

Она бросаетъ молніеносные взгляды на мать и на лорда Экорна, ища въ нихъ сочувствія; но они безмолвны. Леди Августа ужасно огорчена; лордъ Экорнъ впалъ въ раздумье... Если Китти Друмондъ суждено сдѣлаться леди Экорнъ, ей приходится нѣсколько обуздывать свои великодушные порывы; надо будетъ тоже намекнуть ей, что леди Лотонъ — вовсе ей не пара...

Китти, не видя ни въ комъ поддержки, готова пасть духомъ, какъ вдругъ съ лѣвой стороны кто-то произнесъ:

— Позоръ, да и только!

Это голосъ Тома.

— Не правда ли, Томъ?—съ живостью обращается къ нему Китти въ порывѣ признательности; онъ краснѣетъ и, по обыкновенію, теряется: душа его рвется на просторъ, а языкъ отказывается служить!

— Мы всѣ того же мнѣнія, — говоритъ вкрадчиво лордъ Экорнъ.

— Съ минуту тому назадъ, вы всѣ были совсѣмъ иного мнѣнія!—негодуетъ Китти.

— Вы не такъ меня поняли, миссъ Друмондъ. Я все время былъ на вашей сторонѣ, но говорю, что «свѣтъ» къ намъ не присоединится. Я же остаюсь при моемъ мнѣніи. Къ тому же,— лордъ Экорнъ бросаетъ на нее томный взглядъ: — я не могу идти противъ васъ...

Томъ Дельмиджъ внѣ себя отъ ярости.

«Негодяй!—мысленно бранится онъ:—какъ сладко поетъ! Почему же я никогда не умѣю сказать что нибудь въ этомъ родѣ»? Имъ овладѣваетъ уныніе и онъ большими шагами удаляется въ оранжерею, а оттуда думаетъ проникнуть въ садъ.

— До свиданія, леди Августа!—откланивается лордъ Экорнъ и вполголоса проситъ Китти проводить его до привратника. Китти смущается и краснѣетъ. Если она пойдетъ съ нимъ, онъ непремѣнно сдѣлаетъ ей предложеніе... Она читаетъ это въ его глазахъ. Идти ей или нѣтъ? Ее охватываетъ внезапный страхъ. Нѣтъ, нѣтъ! Не сейчасъ, не сегодня. Успѣетъ еще... Въ другой разъ... Тогда она, вѣроятно, согласится.

Digitized by Google

— Къ сожалѣнію,—говоритъ она съ очаровательной улыбкой, протягивая ему руку:—сегодня я не могу исполнить вашу просьбу. Я обѣщалась показать Тому бегоніи въ большой оранжереѣ.

Намѣреніе поддразнить его слишкомъ очевидно; и лордъ Экорнъ улыбается въ отвѣтъ. Ему отчасти нравится, что она не спѣшитъ сдѣлаться «леди Экорнъ»,—а намекъ, шутливый намекъ на Тома, сразу исключаетъ «глуповатаго Геркулеса» изъ списка соперниковъ. Нѣтъ! Томъ не опасенъ. Онъ пожимаетъ Китти руку и удаляется.

Когда онъ скрылся изъ виду, Китти поспѣшно зоветъ:

— Томъ! Гдѣ вы, Томъ?

XXI.

Китти бѣжитъ по оранжереѣ, среди пальмъ и душистыхъ розъ, и, наконецъ, догоняетъ его.

— Куда вы несетесь?—спрашиваетъ она.

Томъ оборачивается.

— Я вамъ нуженъ?

— Разумѣется! Иначе зачѣмъ бы я стала васъ отыскивать!—Она останавливается и смѣется:—развѣ я часто бѣгаю за вами, Томъ?

— Нѣтъ, это скорѣе моя роль,—скорбно вздыхаетъ Томъ.

— Однако, вы начинаете отвѣчать съ юморомъ. Но отчего вы не спрашиваете, зачѣмъ я гналась за вами? Я обѣщала показать вамъ бегоніи въ большой оранжереѣ.

— Что? Бегоніи?

— Увѣряю васъ.

— Да неужели?

— Обѣщанія свои, даже мысленныя, надо исполнять. Идемте, Томъ.

— Къ чему это?—упирается онъ.

— Какъ вы любопытны, просто возмутительно! Ну, извольте, я такъ сказала лорду Экорну.

— Сказали ему, что обѣщались показать мнѣ бегоніи?

— Да, чтобы онъ приревновалъ. Онъ слишкомъ много о себѣ думаетъ, Томъ; мнѣ хотѣлось посбить съ него спеси..

Digitized by Google

Но... я потерпѣла неудачу... Онъ ничуть не ревнуетъ меня къ вамъ.

— На здоровье! — съ неожиданнымъ пыломъ огрызается Томъ: — а бегоній видѣть я не желаю. Премерзкія растенія.

Китти удивлена. Томъ ли это? Послушный, кроткій, смиренный Томъ бунтуетъ?

— Томъ!!

— Мнѣ до смерти надоѣли комедіи,—выпаливаетъ Томъ, ожесточаясь:—этотъ поросенокъ Экорнъ вѣчно торчитъ рядомъ съ вами; вы дарите его нѣжными взглядами, словами и улыбками... А со мною какъ вы обращаетесь? Вы держите меня при себѣ, чтобы возбудить его ревность? Я для васъ игрушка? Это, съ вашей стороны, просто свинство...

— Томъ!—кричитъ Китти, тщетно пытаясь прервать потокъ его бурнаго краснорѣчія.

Но Томъ разошелся: теперь его ужь не удержать. Съ тихими людьми это бываетъ.

— Ахъ, отстаньте! — говоритъ онъ, не помня себя, какъ истый ирландецъ:—я насквозь вижу всѣ ваши планы. И опять скажу, что это великое свинство. Вѣдь вы рѣшили выйти за эту куклу замужъ? Ну, и выходите! Чего же вы тянете? Хотите, чтобы онъ одурѣлъ еще больше, чѣмъ я? Не надѣйтесь,— это мудрено. Вы знаете, что я весь вашъ, а потому еще разъ повторю: вы ведете себя гадко, гнусно, недостойно.

Китти, ошеломленная его неистовствомъ, только и находитъ силы на робкій протестъ:

— Томъ! И вы такъ со мной говорите?..

Она подняла на него глаза, полные слезъ. Замѣтивъ это, Дельмиджъ проникается искреннимъ раскаяніемъ.

— Ахъ, я скотина эдакая! Да вы, Китти, не обращайте на меня вниманія. Я самъ не знаю, какъ это я могъ себѣ позволить. Китти, — вдругъ съ угрозою восклицаетъ онъ:—если вы не перестанете плакать, я лишу себя жизни!

Трагическій тонъ слишкомъ сильно подѣйствовалъ на молодую дѣвушку,—она нервно смѣется.

— Да я и не думаю плакать! Только, ради бога, Томъ, не поддавайтесь больше ярости. Еслибъ вы знали, какъ нейдетъ вамъ злость. Вамъ на роду написано—не быть разбойникомъ!..

Digitized by Google

А впрочемъ...—Она съ напускнымъ страхомъ отступаетъ отъ него,—я начинаю васъ побаиваться!

— Меня бояться нечего. Напротивъ, я боюсь. Двоюродное родство—вещь опасная.

— Старая сказка, другъ мой,—кокетливо возражаетъ она:—я въ эту опасность не вѣрю.

— А я вѣрю.

— Глупѣйшая теорія.

— Несогласенъ.

— Полноте!

— Испытываю вѣрность теоріи на себѣ.

Онъ глядитъ на нее съ безконечной любовью, но она избѣгаетъ его взгляда.

— Кузенъ можетъ быть опаснымъ? Что за вздоръ! Положимъ, всѣхъ вашихъ родственницъ я не знаю, Томъ, но вы вѣдь и мнѣ двоюродный братъ, и—увѣряю васъ—я въ полной безопасности.

— Я не о васъ и говорилъ. Но, разумѣется, я постараюсь изгнать васъ изъ своихъ мыслей, такъ какъ вы выходите замужъ за Экорна... У него есть титулъ... а у меня небольшое помѣстье, доброе имя... и сердце, преданное вамъ до гроба.—Послѣ минутной паузы, онъ спрашиваетъ упавшимъ голосомъ: — вы окончательно рѣшились принять предложеніе Экорна?

— Тамъ видно будетъ!—нетерпѣливо отвѣчаетъ Китти и не допускаетъ его завладѣть ея рукой.

XXII.

Сумерки начинаютъ спускаться надъ землею; розы засыпаютъ и, свертывая лепестки, испускаютъ нѣжнѣйшій ароматъ. Денисъ спѣшитъ по дорожкѣ, не обращая почти никакого вниманія на окружающую его чудную природу: онъ торопится повидаться съ Элленъ. Бабочки мелькаютъ мимо него, точно эльфы... Но вотъ сидитъ и Элленъ подъ большимъ вязомъ; глаза ея устремлены внизъ; она о чемъ-то задумалась.

— Элленъ!

Она вздрагиваетъ и смотритъ на подходящаго Дениса.

— Это вы?—испуганно говоритъ она.

Digitized by Google

— Элленъ, вы не рады видѣть меня?

— Рада.

— И вамъ больше нечего сказать мнѣ?

— Чего же вы отъ меня хотите?

— Ну, хоть повторите, что рады видѣть меня.

Взгляды ихъ встрѣчаются и вдругъ Элленъ начинаетъ плакать. Денисъ, не смущаясь, заключаетъ ее въ свои объятія. Онъ прижимаетъ ея крошечную головку къ своей груди, чувствуетъ необычайный приливъ энергіи и радостно шепчетъ:

— Дорогая!.. Вы меня любите?..

— Да... да... но...

— Никакого «но» нѣтъ—и быть не можетъ.

— Какъ все это странно, Денисъ... Съ какой стати полюбили вы меня теперь, когда не любили раньше?..

— Нѣтъ, я любилъ васъ и раньше... Въ ту ночь, въ подземельѣ, я страстно желалъ признаться вамъ въ любви.

Она беретъ его руку.

— Почему же вы не сдѣлали этого?

— Не могъ... не имѣлъ права, при тѣхъ условіяхъ... понимаете меня, дорогая?..

Она щекой прижимается къ его щекѣ. Онъ еще крѣпче обнимаетъ ее.

— Денисъ... я люблю васъ!..

— Я понялъ это тогда, въ подземельѣ, когда зажегъ спичку—помните?—а вы увидѣли на моемъ лицѣ кровь и...

— Замолчите! Въ ту минуту я молила Бога о смерти... Я думала, что вы тоже умрете...

— Вы опасались за меня?.. за мою жизнь?..

— Разумѣется... Вѣдь вы имѣли дѣло съ Странгфордомъ!..

— Кстати, радость моя,—мы, кажется, на его счетъ ошиблись!

— Ошиблись? Но вѣдь вы его прекрасно разглядѣли?

— Мы ошиблись насчетъ той роли, которую онъ игралъ тогда ночью.

— Что вы говорите?..

— Да, я съ нимъ боролся и повалилъ его... но онъ мнѣ се объяснилъ теперь...

— То есть?—Элленъ пристально глядитъ на Дениса.

— Вы предубѣждены, Элленъ... Я знаю... Честное слово,

Digitized by Google

и мнѣ съ трудомъ вѣрится, но... почемъ знать? Онъ клянется, что подоспѣлъ на мѣсто преступленія съ цѣлью пріостановить злодѣяніе...

— Ну?..—она задыхается отъ волненія.

— Онъ надѣялся помѣшать убійству съ помощью трехъ преданныхъ ему людей, имена которыхъ не хочетъ выдать...

— Понимаю!—презрительно говоритъ Элленъ.

— На это онъ имѣетъ довольно вѣскія основанія. Положимъ, я вашихъ порядковъ не знаю, но изъ его словъ заключилъ слѣдующее: если имена его сообщниковъ станутъ извѣстны, то члены земельной лиги не постѣснятся расправиться съ нимиъ какъ съ доносчиками. По неволѣ приходится понять и одобрить молчаніе Странгфорда.

— И вы повѣрили ему?

Денисъ колеблется, но затѣмъ говоритъ:

— Обвинять его голословно нельзя, Нелли. А все же, по правдѣ говоря, я сомнѣваюсь въ честности Странгфорда... Дальнѣйшія событія должны бы выяснить дѣло...

— Лукавый, наглый человѣкъ!

— Милочка, въ васъ, можетъ быть, говорятъ нервы... излишняя подозрительность... Проклятый Странгфордъ... разумѣется, онъ негодяй... Тьфу! что это я самъ-то говорю?

— Это вырвалось ваше задушевное мнѣніе о немъ,—вотъ и все,—съ живостью подхватываетъ Элленъ:—я съ наслажденіемъ слушаю васъ, Денисъ. Не поддавайтесь его хитрымъ увертками: онъ—негодяй, это несомнѣнно!

— Но справедливость прежде всего... Предубѣжденіе, пристрастіе не должны допускаться.

— Вотъ я къ нему и справедлива.

Денисъ смѣется и цѣлуетъ ее.

— Плохо придется ему отъ вашей справедливости.

— Такъ ему и надо! Ахъ, Денисъ, забудемъ о немъ и о той ужасной ночи. Въ моихъ воспоминаніяхъ онъ тѣсно связанъ съ убійствомъ дѣда.

— Такъ, можетъ быть, и я?..

— Какое сравненье, другъ мой! Мы съ вами жертвы, а онъ... Вы спасли мнѣ жизнь...—Элленъ прижимается къ нему и они долго сидятъ обнявшись, испытывая, можетъ быть, самыя счастливыя минуты въ жизни.

Digitized by Google

— Знаете, Денисъ,—произноситъ, наконецъ, Элленъ:—меня иногда мучитъ угрызеніе совѣсти: смерть дѣда возбудила во мнѣ ужасъ, но не горе!

— Сознаюсь, что и я не любилъ старика. Что же дѣлать? Быть можетъ, это и къ лучшему, иначе мы до сихъ поръ не могли бы утѣшиться и не думали бы о своемъ счастьѣ. Объявимъ сегодня же о нашей помолвкѣ!

— Нѣтъ, нѣтъ!—протестуетъ она:—къ чему торопиться? Слишкомъ рано... послѣ того событія. По моему, грѣшно даже думать объ этомъ въ такое тяжелое время...

Она ласково и съ мольбою глядитъ на него. Луна зашла за облачко и даетъ очень мало свѣту; глаза дѣвушки блестятъ въ полумракѣ, словно звѣздочки. Съ дальнихъ клумбъ доносится до влюбленныхъ нѣжный ароматъ резеды. Рука молодой дѣвушки дрожитъ въ рукѣ Дениса, и онъ, не взирая на ея мольбу, ясно понимаетъ, какія соображенія руководятъ ею: она страшится огласки послѣ ночи, проведенной ею съ глазу на глазъ съ нимъ въ подземельѣ. Смерть дѣда и грѣхъ—тутъ непричемъ.

Дѣйствительно, Элленъ смутно начинаетъ сознавать, что общество нашло ея поведеніе предосудительнымъ; намеки леди Августы предупредили ее...

Сердце О'Нейля кипитъ. Стоитъ мучиться изъ-за такого вздора! Кто виноватъ въ случившейся неловкости? Неужели глупое общество не понимаетъ, что они были въ исключительномъ положеніи? Денисъ внѣ себя отъ гнѣва; ему хочется сказать: «объявимъ всему свѣту, что мы были помолвлены еще до смерти дѣда».—Но по лицу ея онъ видитъ, что она не согласится.

— Какъ хотите!—говоритъ онъ, скрѣпя сердце:—только едва ли благоразумно съ нашей стороны молчать. Леди Августа—искренняя ваша доброжелательница?

— О, да...

— А самъ мистеръ Друмондъ?

— Тоже. Но я не могу... не въ силахъ заговорить съ ними объ этомъ!—Она протягиваетъ къ нему руки, и онъ снова обвиваетъ ихъ вокругъ своей шеи.—Не просите меня, Денисъ; пожалуйста, не просите!

Кто могъ бы противиться такой просьбѣ?

Digitized by Google

Вечеръ надвигается, падаетъ обильная роса, и миріады звѣздъ загораются въ небѣ. Кругомъ тихо и спокойно.

— Я весь и навсегда въ вашей власти, моя дорогая, моя возлюбленная!.. Но, по моему, леди Августѣ слѣдовало бы довѣриться...

— Я не могу.

— Ну, хорошо, подождемъ. Но вѣдь вы меня любите? Меня, а не другаго?—шутливо спрашиваетъ онъ, а въ сердцѣ его тѣмъ не менѣе разгорается нѣчто, весьма похожее на ревность... Послѣ нѣкотораго колебанія, онъ добавляетъ:—одно время поговаривали о Странгфордѣ... Это еще *до*...

— Не вспоминайте о немъ! — съ содроганіемъ говоритъ она:—вы меня только разстраиваете.

— Прекрасно. Но что же вы имѣете противъ леди Августы?

— Ровно ничего.

— Она—добрая женщина и давнишняя моя симпатія... Недалека, правда, но рѣдкаго сердца.

— Все это правда,—съ жаромъ соглашается Элленъ,—она очень добра.

— А взглядъ? Добрый, какъ у... теленка!

Оба смѣются; Элленъ нѣсколько принужденно.

— Какъ вамъ не совѣстно изощряться на ея счетъ?

— Ну, хотите—я назову ее волоокой Юноной?

— Это все таки вѣжливѣе.

— Ахъ, лицемѣрка вы эдакая!—восклицаетъ О'Нейль.

Послѣ этого разговоръ принимаетъ оборотъ, для посторонних лицъ вовсе не интересный...

XXIII.

Странгфордъ предпочелъ идти домой пѣшкомъ и отослалъ свой экипажъ. Разговоръ въ гостинной Друмонда порядочно разстроилъ его нервы и до нѣкоторой степени привелъ въ смущеніе; но страха онъ пока не испытывалъ, такъ какъ чувствовалъ твердую почву подъ ногами. Да и можетъ ли быть рѣчь о страхѣ? Конели, даже въ случаѣ ихъ поимки, никогда не посмѣютъ указать на него, какъ на сообщника. А еслибъ имъ и пришла въ голову подобная фантазія, кто имъ повѣритъ? По-

Digitized by Google

казаніямъ мѣстныхъ крестьянъ давно уже перестали придавать какое бы то ни было значеніе; онъ же самъ—понятно—ото всего отречется. Денисъ?.. Но если Денисъ до сихъ поръ молчалъ объ ихъ ночной встрѣчѣ у подземелья,—значитъ, онъ не намѣренъ говорить.

Къ тому же онъ сбилъ Дениса съ толку своими разъясненіями, въ которыхъ была и крошечка правды: узнавъ о предполагаемомъ убійствѣ, онъ, дѣйствительно, ринулся въ Каригдасъ, чтобы задержать событіе... до составленія новаго завѣщанія. Но онъ опоздалъ! И тогда, разумѣется... ему только и оставалось: не ограничиваться однимъ преступленіемъ, а стереть съ лица земли и тѣхъ, кому смерть старика принесла неожиданную выгоду.

Чортъ побралъ бы этихъ Конелей! Еслибъ не ихъ дурацкая поспѣшность, онъ, Странгфордъ, былъ бы въ настоящую минуту владѣльцемъ Каригдаса и счастливымъ обладателемъ 60.000 фунтовъ. Онъ съ наслажденіемъ довелъ бы этого проклятаго Патси Конеля до висѣлицы и ужь не упуститъ удобнаго момента! Но Патси Конель и его отецъ словно въ воду канули съ самаго дня убійства, и полиція въ недоумѣніи разводила только руками...

Легкій свистъ слѣва привлекаетъ вниманіе Странгфорда и прерываетъ нить его размышленій. Онъ озирается по сторонамъ: сквозь отверстіе въ плетнѣ кто-то глядитъ на него.

— На два слова, сэръ!—хриплымъ голосомъ говоритъ Патси Конель, такъ какъ это онъ самъ и есть.

— Конель?! — восклицаетъ Странгфордъ: — ну, не идіотъ ли вы? Вашего духу не должно бы быть въ этой мѣстности!

— Надо было съ вами повидаться, сэръ.

— Безразсудное желаніе. Въ качествѣ судьи, я долженъ былъ бы предать васъ въ руки властей...—онъ пристально наблюдаетъ за собесѣдникомъ, но что-то въ выраженіи его лица совѣтуетъ Странгфорду не заходить слишкомъ далеко, и онъ спокойнымъ тономъ продолжаетъ: — но, какъ старый другъ вашъ и вашего отца, я врядъ ли на это рѣшусь!

Конель проворно пролѣзаетъ въ отверстіе плетня, не обращая вниманія на ссадины и царапины, и, задыхаясь, становится въ упоръ передъ Странгфордомъ; въ глазахъ его горитъ зловѣщій огонь.

Digitized by Google

— Я бы самъ посовѣтовалъ вамъ не отваживаться на это. — Онъ значительно молчитъ, и Странгфордъ невольно содрогается въ душѣ.

— Разъ навсегда говорю вамъ, — продолжаетъ убійца:— бросьте вашу затѣю, а то не дожить вамъ до старости.

— Милѣйшій, вы, должно быть, плохо поняли меня...

— Тѣмъ лучше для васъ!—мрачно заявляетъ Патси,—но я не затѣмъ просидѣлъ за плетнемъ нѣсколько часовъ, рискуя головой, чтобы вести съ вами пріятные разговоры. Давайте мнѣ деньги, которыя вы обѣщали мнѣ и моему отцу!

— Деньги?..—Странгфордъ храбрится, потому что не замѣчаетъ никакого оружія у противника; поэтому, глядя на Патси, онъ внушительно хмуритъ брови.

— Тѣ пятьдесятъ фунтовъ, которые вы посулили дать мнѣ и моему отцу, чтобы мы могли безпрепятственно уѣхать въ Америку... *по окончаніи дѣла...*

Онъ кладетъ свою громадную грязную руку на плечо Странгфорда.

— Гдѣ деньги?

— Пятьдесятъ фунтовъ?.. Я обѣщалъ пятьдесятъ фунтовъ??.

— Да-съ! А теперь отступаетесь отъ своихъ словъ?

— Пятьдесятъ фунтовъ? Да за что же, скажите на милость?

— За убійство старика,—вашего дѣда,—вотъ за что!—злобно поясняетъ Конель. И вдругъ звѣрское выраженіе его лица мѣняется; на немъ можно прочесть ужасъ, одинъ безпредѣльный ужасъ.

— Боже мой, Боже мой!—стонетъ онъ:—я убилъ его. Я не могу забыть его лица... Оно стоитъ передо мной во снѣ и наяву... Сѣдые волосы... и кровь... кровь... ручей крови!..

— Совѣтую вамъ поскорѣе позабыть всякія картины въ этомъ родѣ, — спокойно замѣчаетъ Странгфордъ, хотя блѣднѣетъ и самъ:—если вы, дѣйствительно, нуждаетесь въ деньгахъ (не воображайте только, что вашимъ нахальствомъ вы запугали меня!) я помогу вамъ покинуть родину: я имѣю положеніе въ обществѣ и до скандаловъ не охотникъ.

Природная скупость, не смотря ни на что, не допускаетъ его точнѣе опредѣлить сумму: онъ мечтаетъ выгадать, скостить

Digitized by Google

хоть сколько нибудь съ первоначально обѣщаннаго гонорара,—вѣдь обѣщаніе было дано сгоряча, да и словесное, не на бумагѣ.

— Поможете? Да чортъ васъ побери!—съ яростью отчаянія набрасывается на него Конель: — пятьдесятъ фунтовъ подавайте, какъ уговоръ былъ,—ни копѣйки меньше! Неужели душа моя того не стоитъ? Вѣдь я навѣки погубилъ ее, искуситель ты проклятый! Берегись, берегись, Странгфордъ. Одно мое слово—и висѣлица грозитъ и тебѣ.—Воспаленные, мрачные глаза его грозно устремились на собесѣдника.

— Полно, любезный,—съ цинизмомъ возражаетъ джентльменъ: — все у меня обдумано и взвѣшено! Не вамъ сгубить меня. Лучше и не пытайтесь.

— Смотрите, не ошибитесь въ разсчетѣ! Кто былъ со мной другъ и пріятель до убійства? Кто науськивалъ насъ на мистера Дениса и барышню? Кто обѣщалъ пятьдесятъ фунтовъ, чтобы помочь намъ бѣжать отъ правосудія? Отвѣтьте-ка на все это?

— Вы съ ума, кажется, сошли.

— Не ошиблись вы, это вѣрно. Какъ вспомню о старикѣ, разумъ мутится.

— Оно и видно. Да и понятно, — такая передряга хоть кого съ ума сведетъ. Вотъ вамъ соверенъ, берите...

Но Странгфордъ долженъ въ ту же минуту отступить: Конель, со сверкающимъ взглядомъ, бросается къ нему.

— Такъ вы отказываетесь отъ договора?

— Никакихъ договоровъ между нами и не было, — отрекается Странгфордъ; однако, съ безпокойствомъ посматриваетъ на пустынную дорогу:—ваши претензіи смѣшны и непонятны! Какое отношеніе имѣю я...

— Къ убійству вашего дѣда?—грубо перебиваетъ его Конель:—не рѣшаетесь докончить фразу? Языкъ не поворачивается? Если не ваши руки въ крови, то это дѣло случая. Передъ Богомъ вы такой же убійца, какъ и я.

— Вздоръ мелете,—блѣднѣя, говоритъ Странгфордъ.

— Клянусь небомъ, что да!—Патси съ силой ударяетъ рукой по плетню, острые колья до крови разрываютъ ему кожу:—мы съ вами еще встрѣтимся въ аду, тамъ видно будетъ! Вы желали его смерти, только у васъ духу не хватало убить его.

Digitized by Google

Вы наняли меня... Говорите!—въ приступѣ бѣшенства вопитъ Конель:—желали вы его смерти или нѣтъ?

Ярость противника почему-то успокоительно дѣйствуетъ на Странгфорда; новая идея приходитъ ему въ голову.

— Желалъ!—сознаётся онъ:—но вовсе не хотѣлъ видѣть его мертвымъ въ понедѣльникъ... Въ четвергъ я примирился бы съ его безвременной кончиной; къ этому времени онъ составилъ бы уже новое завѣщаніе и я былъ бы богатымъ человѣкомъ. Вамъ приспичило убить старика *въ понедѣльникъ*; вы поторопились отомстить ему за выселеніе съ фермы, мнѣ же (онъ улыбается) — вы оказали этимъ плохую услугу. Вы этого не забывайте: мнѣ нечего благодарить васъ за то, что вы лишили меня богатства. И за это ваше одолженіе вы требуете съ меня пятьдесятъ фунтовъ?..

— И вы мнѣ ихъ отдадите!—злобно утверждаетъ Патси:—вы душу-то мою цѣните хоть въ грошъ, что ли?

— Почтеннѣйшій, ваша душа меня не касается.

Конель пронизываетъ его взглядомъ и затѣмъ разражается безумнымъ хохотомъ.

— Что ваша душа, что моя—все едино. Одна цѣна!—хохочетъ онъ.

— Ну, это, положимъ...

— Отрицайте, сколько влѣзетъ! За жизнь-то его вы все таки пообѣщали заплатить. Пятьдесятъ проклятыхъ фунтовъ! Цѣна крови... За жизнь дряхлаго, безпомощнаго старика...

Хохотъ умолкаетъ; голосъ дѣлается трагическимъ; окровавленной рукой Конель прикрываетъ глаза и, когда снова отнимаетъ руку, то замѣчаетъ на ней кровь и въ смертельномъ ужасѣ смотритъ на нее... Капли пота выступаютъ у него на лбу. Вдругъ, совершенно неожиданно, онъ въ изступленіи кидается на Странгфорда.

— Деньги! Давай деньги!—скрипя зубами, хрипитъ онъ:—подавай ихъ сейчасъ. Я уѣду изъ Ирландіи... навсегда... Будетъ съ меня прятаться по угламъ и щелямъ! За мной охотятся, какъ за дикимъ звѣремъ. Я вѣдь не собака... Я изстрадался въ конецъ... Мнѣ нужны деньги... и если я не получу ихъ...

Вдругъ до слуха его явственно доносится топотъ лошадиныхъ копытъ; онъ выпускаетъ Странгфорда, котораго до тѣхъ

Digitized by Google

поръ держалъ, какъ въ желѣзныхъ тискахъ, и тотъ отталкиваетъ его прочь отъ себя. Оба единодушно всматриваются вдаль; на лицахъ у обоихъ написанъ испугъ.

— Живѣй прячься, дуракъ!—говоритъ Странгфордъ: онъ боится, что его застанутъ въ неподходящемъ обществѣ; поэтому энергично вталкиваетъ убійцу въ отверстіе плетня, а самъ прячется въ канавѣ, тоже по ту сторону изгороди; Конель машинально спрыгиваетъ туда же, за нимъ. Растерзанный, растрепанный Странгфордъ не могъ рискнуть попасться на глаза неизвѣстнымъ всадникамъ. Чѣмъ объяснить свой странный видъ? Прикорнувъ въ канавѣ рядомъ со своимъ врагомъ, онъ наскоро обдумываетъ дальнѣйшій планъ дѣйствій...

Между тѣмъ, невдалекѣ, по дорогѣ проѣзжаютъ два мирныхъ фермера и тишина снова водворяется кругомъ. Не спѣша, поднимается Странгфордъ на ноги и вылѣзаетъ изъ канавы; его примѣру слѣдуетъ и дрожащій съ головы до ногъ Конель.

— Чуть было не попались вы, Конель!—добродушно говоритъ Странгфордъ.—По зрѣломъ размышленіи, я на васъ не сержусь. Сомнѣнья нѣтъ, что ваше тяжкое положеніе потрясло вашъ разсудокъ. Угрозъ вашихъ я ничуть не испугался, но рѣшилъ дать вамъ денегъ на дорогу.

— Умно рѣшили!—угрюмо бормочетъ Патси; его такъ и подмываетъ втиснуть снова вѣроломнаго подстрекателя въ свои медвѣжьи объятія: — куда же мнѣ прійти за ними?

— Знаете гору Чешабегъ?

— Еще бы не знать!

— А мистриссъ Диллонъ? — Странгфордъ пытливо всматривается въ собесѣдника,—быть можетъ, это одна изъ вашихъ пріятельницъ?

Послѣ нѣкотораго колебанія, Конель отвѣчаетъ:

— Слыхалъ о ней...

— Завтра въ 12 часовъ я принесу туда деньги. Не запаздывайте, а то, можетъ быть, намъ не скоро придется еще разъ встрѣтиться.

— Приду. Къ мистриссъ Диллонъ, говорите вы? — переспрашиваетъ Конель, не спуская глазъ со Странгфорда.

— Да.

Digitized by Google

— И вы навѣрно придете съ деньгами?

— Ну, понятно! — Странгфордъ дѣлаетъ движеніе, чтобы уйти.

— Постойте,—останавливаетъ его Конель: — я хочу вамъ кое-что напомнить на прощанье...

— Скорѣй, пожалуйста,—раздражительно торопитъ Странгфордъ.

— Вспомните послѣднія мои слова, въ ту ночь, когда мы... замышляли убійство старика... Молчите! Не смѣйте отрицать: вы дѣйствовали съ нами заодно! «Если вы насъ выдадите,—сказалъ я вамъ:—берегитесь, вамъ не сдобровать»! Помните? Ну, такъ не забывайте этого никогда, сэръ!

Онъ быстро удаляется; Странгфордъ съ минуту слѣдитъ за нимъ, потомъ самъ идетъ по направленію домой.

«Пренепріятный малый! — думаетъ онъ, разстроенный и отчасти испуганный нечаянной встрѣчей:—хоть бы скорѣе его вздернули! Если мистриссъ Диллонъ не принадлежитъ къ его укрывательницамъ, то, вѣроятно, выдастъ его, если не полиціи, то Друмонду. Мое же присутствіе въ облавѣ всегда можно объяснить въ случаѣ неудачи: хотѣлъ, молъ, предупредить тебя, другъ мой... да вотъ опоздалъ... или во-время поспѣлъ... смотря по обстоятельствамъ»! Странгфордъ улыбается при этой мысли. Какая отрадная будетъ минута, когда убійцу поймаютъ и отправятъ въ тюрьму!

XXIV.

— Наконецъ-то, — говоритъ мистеръ Друмондъ Вельдону, жирному человѣку, который, пыхтя и отдуваясь, стоитъ рядомъ съ нимъ; подъемъ на гору очень крутъ, мѣстами почти неприступенъ, но Друмондъ сухощавъ и ловокъ, и шутя преодолѣваетъ всякія препятствія. Экипажъ, въ ожиданіи ихъ, остался подъ горою.

— Тутъ?—спрашиваетъ Вельдонъ; онъ все еще не можетъ отдышаться.

— Да, вонъ виднѣется домикъ мистриссъ Диллонъ.

— Неужели?—говоритъ Странгфордъ; въ голосѣ его слышится весь маумѣренное любопытство; никто не могъ бы догадаться, что сердце его готово выскочить изъ груди. Онъ не удер-

Digitized by Google

жался, чтобы не присоединиться къ облавѣ на убійцу, но въ эту минуту чувствуетъ, что труситъ, нестерпимо труситъ. Если негодяй попадетъ въ руки правосудія и увидитъ его — то можетъ наговорить много лишняго по адресу мнимаго сообщника... Конечно, *мнимаго*: вѣдь Странгфордъ не врагъ себѣ и никогда не одобрялъ *понедѣльника*!.. Но, конечно, обвиненія его ни на чемъ вѣскомъ не основаны. Развѣ искру сомнѣнія пробудятъ въ публикѣ. «Возиться съ дегтемъ—значитъ запачкаться»!—философски думаетъ онъ, подъ дегтемъ подразумѣвая Конеля.

Однако, въ мозгу его твердо засѣло рѣшеніе: не входить въ домикъ и вообще не показываться на глаза, кому не слѣдуетъ. Въ арестѣ онъ не сомнѣвается: какъ прорваться злодѣю изъ оцѣпленной со всѣхъ сторонъ хижины?

— Разумѣется,—говоритъ Друмондъ полицейскому инспектору:—трудно ожидать, что убійца здѣсь. Я прекрасно знаю мистрисъ Диллонъ: это весьма порядочная женщина и съ полнымъ уваженіемъ относится къ закону (въ высшей степени рѣдкое явленіе въ наши дни); если ей что либо извѣстно о мѣстопребываніи Конеля, она по возможности не откажется помочь намъ.

— Съ добрымъ утромъ, мистриссъ Диллонъ! Какъ поживаете?

— Какъ, это вы, милордъ? — расплываясь въ широкую, почтительную улыбку, говоритъ, показываясь на крыльцѣ, хозяйка:—вотъ ужь не ожидала сегодня видѣть васъ!

Безпрерывно присѣдая, она настежъ распахиваетъ дверь.

Мистрисъ Диллонъ—высокая, красивая женщина лѣтъ сорока пяти, чрезвычайно моложавая; станъ ея все еще строенъ, глаза и ротъ препріятные; рыжіе волнистые волосы пышно окаймляютъ низкій, бѣлый лобъ.

— Весьма возможно, что и не ожидали!—отозвался Друмондъ,—но мы съ нимъ,—онъ киваетъ въ сторону Вельдона,—явились къ вамъ по довольно непріятному дѣлу. Быть можетъ, вы уже догадались, по какому?

— Гдѣ ужь мнѣ догадаться?—говоритъ краснощокая красавица:—что могло случиться такого, сэръ? квартирныя деньги развѣ...—съ безпокойствомъ освѣдомляется она.

— Вздоръ какой! — нетерпѣливо перебиваетъ ее Дру-

Digitized by Google

мондъ:—когда же я приставалъ къ вамъ съ деньгами?—Онъ понижаетъ голосъ:—мы пришли къ вамъ справиться, не знаете ли вы чего объ убійцѣ О'Нейля?

Мистриссъ Диллонъ набожно крестится и бормочетъ что-то въ родѣ: «да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его»!

— Мы мелькомъ слышали, что онъ въ прошлый понедѣльникъ показался было въ здѣшней мѣстности, и мы думали, что вы...

— Я?? — мистриссъ Диллонъ таращитъ на него глаза, а затѣмъ закрываетъ лицо передникомъ:—вы обвиняете меня въ томъ, что я пріютила у себя убійцу?—жалобно стонетъ она.

— Что вы, что вы!—утѣшаетъ ее Друмондъ:—почтеннѣйшая, мы ничего подобнаго и въ мысляхъ не имѣли! Мы всѣ убѣждены въ вашей порядочности,—вы неспособны укрывать преступника. Но мы,—то есть мистеръ Вельдонъ и я,—полагали, что вамъ, быть можетъ, извѣстно, гдѣ негодяй скрывается... Если это такъ, не намекнете ли вы намъ слегка...

— Вотъ что, сэръ... — перебирая передникъ и испуганно озираясь по сторонамъ, говоритъ мистриссъ Диллонъ.—Да вы лучше войдите, сэръ,—приглашаетъ она уже шопотомъ:—можетъ статься, я...—она пропускаетъ ихъ въ домъ:—у меня сидитъ старуха, но она глуха, какъ тетеревъ, и отъ старости уже наполовину рехнулась; и мужъ ея немногимъ лучше. Это Дрисколи, сэръ,—можетъ быть, знаете? Если вамъ все равно, сэръ, я лучше поговорю съ вами въ домѣ, а не на крыльцѣ... Стариковъ считать нечего...

Друмондъ кидаетъ на Вельдона вопросительный взглядъ и они входятъ въ хижину.

Очагъ разведенъ; огонь лѣниво пылаетъ, но въ горницѣ невыносимо жарко: это особенное свойство торфа. Печка громадная и безъ заслонки; передъ огнемъ, на полу, густо настлана солома; на ней поставлена низенькая табуретка, на которой сидитъ дряхлая старуха и глазѣетъ на пламя; въ зубахъ у нея излюбленная въ Ирландіи глиняная трубка; позади нея, на мѣшкѣ съ картофелемъ, сидитъ старикъ и тоже куритъ. Въ воздухѣ стоитъ смрадъ скверная табаку съ примѣсью торфянаго дыма.

— Пожалуйте сюда, сэръ,—приглашаетъ мистриссъ Диллонъ и ведетъ гостя прямо къ очагу, на почетное мѣсто въ глазахъ всякаго ирландца.

Digitized by Google

— Бидди,—обращается она къ старухѣ:—встань и уступи барину табуретку.

— А?—мычитъ Бидди, не трогаясь съ мѣста.

— Что жь ты, Бидди? — возвышаетъ голосъ хозяйка:—поворачивайся, вставай! Подай барину табуретку, говорятъ тебѣ.

Старуха, мигая, глядитъ на хозяйку, киваетъ головой со значительной миной и снова принимается сосать трубку.

Мистрисъ Диллонъ грозно подступаетъ къ ней.

— Вставай, старая корга!

Но Бидди сидитъ неподвижно. Въ разговоръ вмѣшивается старикъ и дребежащимъ голосомъ произноситъ:

— Господа пришли. Старуха, встань!

— Не тревóжьте ее пожалуйста,—проситъ Друмондъ:—гдѣ ужь ей встать, бѣднягѣ? Вообще намъ некогда усаживаться; мы зашли... я ужь объяснилъ вамъ зачѣмъ. Теперь за вами очередь отвѣтить.

— Вотъ въ чемъ дѣло, сэръ... — она опять съ безпокойствомъ озирается.

— Не бойтесь, вы имѣете дѣло со мной! И мистеръ Вельдонъ, и я даемъ вамъ слово не впутывать васъ въ эту исторію.

— Ради бога, господа, не забывайте вашего слова!—Она видимо волнуется,—тогда я вамъ могу сообщить слѣдующее...—она наклоняется къ Друмонду, беретъ его за рукавъ и шепчетъ:—я слыхала о Конелѣ отъ одного изъ нашихъ молодцовъ, который видѣлъ его въ прошлый понедѣльникъ, послѣ ярмарки, въ Дюлигѣ.

— Въ Дюлигѣ?—глубокомысленно повторяетъ Вельдонъ, вытаскиваетъ записную книжку и дѣлаетъ въ ней отмѣтку.

— Именно, сэръ, въ Дюлигѣ. Малый, о которомъ я вамъ говорю, поѣхалъ на ярмарку: мать поручила ему продать свинью; назадъ онъ возвращался уже навеселѣ и зашелъ ко мнѣ отдохнуть. Вы знаете нашихъ парней, сэръ: выпивши, они все разболтаютъ не только другу-пріятелю, а кому угодно и про кого угодно. Вотъ онъ и сказалъ мнѣ, будто Патси Конеля видали въ горахъ Дюлига.

— Въ горахъ Дюлига, въ прошлый понедѣльникъ...—записалъ инспекторъ.

Digitized by Google

— Такъ точно, сэръ. Только ради самого Создателя, не упоминайте моего имени!—со страхомъ молила мистриссъ Диллонъ.

— Отсюда до Дюлига миль десять?

— Восемь, сэръ, если ѣхать нижней дорогой.

— Какъ вы думаете, Вельдонъ, поспѣемъ мы туда сегодня?

— Поспѣемъ. Только увѣрены ли вы, мистриссъ Диллонъ, что онъ, дѣйствительно, тамъ?

— Человѣкъ-то говорилъ мнѣ объ этомъ вѣрный, только былъ выпивши... Но извѣстно вѣдь, что́ у трезваго на умѣ...

— Ну, да, да. Теперь остается пустая формальность, любезная хозяюшка, — говоритъ инспекторъ, поднимаясь съ лавки:—намъ придется сдѣлать у васъ обыскъ.

— Обыскъ? У меня?.. — въ ужасѣ всплескиваетъ руками мистриссъ Диллонъ.

— Будьте благоразумны и не волнуйтесь. Это необходимо. Мистеръ Друмондъ отзывается о васъ съ наилучшей стороны. Бояться вамъ нечего. Чистая совѣсть важнѣе всего.

Онъ выходитъ и сзываетъ полицейскихъ солдатъ, столпившихся подъ горою; двое изъ нихъ моментально пускаются вверхъ по тропинкѣ и, по указанію Вельдона, принимаются усердно обыскивать домъ и пристройки, но безъ всякихъ результатовъ.

— Нашли?—почти дерзко справляется мистриссъ Диллонъ у полицейскаго инспектора, когда тотъ, отпустивъ ищеекъ, вернулся въ горницу.

— Нѣтъ, но я и не ожидалъ найти его, хотя бываютъ случаи, что преступники скрываются въ домахъ безъ вѣдома ихъ владѣльцевъ.

— Ваша правда! — добродушно поддерживаетъ его Друмондъ:—я только что говорилъ объ этомъ съ мистриссъ Диллонъ. Она вполнѣ поняла печальную необходимость обыска.

— Такъ-съ,—говоритъ Вельдонъ и почтительно обращается къ вдовѣ:—мнѣ остается предложить вамъ еще одинъ вопросъ, хозяюшка, а затѣмъ извиниться за причиненное вамъ безпокойство. Когда видѣлъ вашъ знакомый негодяя Конеля,—утромъ или вечеромъ?

— Кажется, утромъ, сэръ.

Digitized by Google

— Такъ-съ. А у кого собственно онъ скрывается?

Мистриссъ Диллонъ пятится назадъ.

— Вы ужь не за доносчицу ли меня принимаете, сударь?— вскипаетъ она:—плохо же вы знаете Мегги Диллонъ! Мистеръ Друмондъ, и вы позволяете ему такъ оскорблять меня?

Она возвышаетъ голосъ до визга; старуха у огня поднимаетъ голову.

— Что ты, Мегги? — спрашиваетъ она, вынимая изо рта трубку.

— Они принимаютъ меня за полную доносчицу,—кричитъ хозяйка.

— Ахъ, чортъ ихъ побери совсѣмъ! —сочувственно откликается старуха.

— Доносчицей? А на кого тебѣ доносить?—любопытствуетъ въ свою очередь старикъ.

— На убійцу О'Нейля, котораго я вовсе не знаю.

— Я помню О'Нейля... Я прекрасно его помню!—говоритъ старуха: — я была на его свадьбѣ. Онъ умеръ, сердечный. Ухлопали его наши молодцы. Жалко, жалко!

— Выпей-ка съ горя рюмочку,—совѣтуетъ старикъ, беретъ со скамейки бутылку и наливаетъ въ стаканъ жидкости, которую хочетъ потомъ разбавить водой.

— Не лей воды, не лей! — проситъ старуха, дрожащей рукой беретъ стаканъ и залпомъ выпиваетъ водку.

— Да, да,—бормочетъ она, тряся головой: — на свадьбѣ была я, а на похоронахъ у него присутствовала фея. Вѣрно говорю вамъ! Да, да...

Мистриссъ Диллонъ не слушаетъ ея; она очевидно разсердилась и обидѣлась за неумѣстные вопросы Вельдона.

— Мистеръ Вельдонъ вовсе не желалъ оскорбить васъ!— поясняетъ Друмондъ:—Онъ... что же вы молчите, Вельдонъ?

— Я съ нимъ и разговаривать не желаю! — и мистриссъ Диллонъ сердито поворачивается къ инспектору спиной: — я никому не позволю принимать меня за доносчицу! Вы только поставьте меня на мѣсто того малаго, у котораго укрывается, положимъ, убійца... Представьте, что Патси Конель спрятанъ, скажемъ, у меня, а тотъ малый вздумалъ бы меня выдать...

— Ничего подобнаго я даже представить себѣ не могу!— съ негодованіемъ перебиваетъ ее Друмондъ:—я давнымъ-давно

Digitized by Google

напѣлъ мистеру Вельдону, что на васъ не можетъ падать ни малѣйшаго подозрѣнія. Мы васъ считаемъ женщиной, безусловно уважающей законы. Слѣдовательно, вопросъ исчерпанъ. Не такъ ли, Вельдонъ? За ваши драгоцѣнныя указанія—большое спасибо. Будьте увѣрены, что все останется между нами; никто вашего имени не упомянетъ! — онъ понижаетъ голосъ:—за стариковъ вашихъ вы вѣдь ручаетесь?

— Разумѣется, сэръ! Оба они глуховаты и полоумны отъ старости.

— Такъ Дюлигъ, говорите вы?

— Да, сэръ. За что купила, за то и продаю.

— Громадный участокъ!—задумчиво говоритъ Вельдонъ:—въ одинъ день намъ его не обыскать.

— А, можетъ быть, и тамъ найдется такая же милая, обязательная особа, какъ мистриссъ Диллонъ!—говоритъ Друмондъ, дружески кивая вдовѣ:—каковъ урожай у васъ? а?

— Плохъ, сэръ, въ горахъ вообще какая ужь земля! Взгляните-ка сами на эту картошку,—она подноситъ ему подъ носъ горшокъ мелкаго, осклизлаго, прѣлаго картофеля.

— Это пойдетъ въ числѣ кушаній къ обѣду? — въ ужасѣ спрашиваетъ Друмондъ.

— Это весь нашъ обѣдъ и есть, сэръ!—патетически восклицаетъ вдова: — не скинете ли вы хоть сколько нибудь съ арендной платы? Ребятишки придутъ изъ школы голодные,—и вотъ ихъ пища. Каково это матери?

Друмондъ случайно приподнимаетъ палкой тряпку, которая прикрываетъ что-то въ углу.

— А этотъ картофель куда пойдетъ? На ужинъ?—смѣется онъ.

Подъ тряпкой оказалось большое ведро, до верху наполненное отборнымъ, крупнымъ картофелемъ.

Но мистриссъ Диллонъ, уличенная въ лицемѣріи, отнюдь не сконфузилась. Упершись руками въ могучіе бока, она разразилась веселымъ хохотомъ.

— Васъ не проведешь, сэръ. Кто васъ просилъ шарить по угламъ? Ну, Господь съ вами! Платежъ не сегодня... Объ арендѣ потолкуемъ, какъ срокъ придетъ; знаю, что не обидите бѣдную вдову.

Она съ улыбкой присѣдаетъ помѣщику, а на инспектора

Digitized by Google

полиціи не обращаетъ никакого вниманія. Посѣтители уходятъ и спускаются по тропинкѣ туда, гдѣ поджидаютъ ихъ полицейскіе съ экипажами.

— А гдѣ же Странгфордъ?—внезапно спохватывается Друмондъ.

— Сэръ Странгфордъ едва ли намѣренъ сопровождать васъ, сэръ,—докладываетъ почтительно одинъ изъ полицейскихъ:—когда вы были на фермѣ, онъ сказалъ мнѣ, что вернется домой черезъ Скартморъ.

Полицейскій былъ правъ. Странгфордъ чувствовалъ себя не въ силахъ конвоировать арестованнаго въ тюрьму (что арестъ состоится, въ этомъ онъ ничуть не сомнѣвался). Онъ отказался войти въ хижину съ Друмондомъ и сначала нетерпѣливо ходилъ взадъ и впередъ по двору; затѣмъ посидѣлъ за скирдомъ, недалеко отъ фермы, и опять принялся шагать по двору.

Онъ порѣшилъ отправиться къ себѣ домой послѣ обыска, только хотѣлъ подождать извѣстія объ арестѣ Конеля.

Злодѣю не скрыться! Кромѣ зоркихъ глазъ полиціи, за нимъ слѣдитъ самъ Странгфордъ: стоитъ убійцѣ показаться и... понятно Странгфордъ не кинется за нимъ вдогонку, но живо укажетъ направленіе, по которому броситься бѣглецъ.

Размышляя такъ, Странгфордъ то ходитъ вокругъ хижины, то остановится у глухой стѣны; онъ чутко прислушивается къ каждому звуку. Что же Друмондъ и Вельдонъ такъ долго копаются?

Вотъ Вельдонъ зоветъ полицейскихъ для обыска; Странгфордъ содрогается. Боже, когда же конецъ? Неужели преступника не поймаютъ? Не успѣлъ ли кто нибудь предупредить его? Или онъ самъ почувствовалъ недовѣріе къ Странгфорду? Но нѣтъ! Деньги Конелю нужны во что бы то ни стало: онѣ дали бы ему возможность уѣхать въ Америку и предать прошлое забвенію... Тишина кругомъ. Терпѣть больше не въ мочь! Странгфордъ стоитъ у дома, возлѣ глухой стѣны... Его не видно изъ оконъ хижины, но въ глухой стѣнѣ находится крошечное отверстіе, и сквозь это отверстіе на Странгфорда глядятъ, съ непримиримой ненавистью, два чьихъ-то глаза...

XXV.

Странгфордъ напряженно прислушивается; ему и не вдомекъ, что у глухой стѣны есть глаза...

Digitized by Google

Вотъ раздаются тяжелые шаги... Схватили убійцу? Выходитъ полицейскій, за нимъ другой, а тамъ Друмондъ (онъ смѣется!!) и Вельдонъ. Всѣ идутъ внизъ по тропинкѣ. Гдѣ же Конель? Лицо Странгфорда зеленѣетъ: Конелю удалось ускользнуть. Ярость, злоба, страхъ—такъ и написаны на лицѣ предателя. Конель на свободѣ! Право, лучше было бы тогда же отдать ему деньги, признать себя его сообщникомъ (вѣдь съ глазу на глазъ!) и избавиться отъ него навсегда. Пусть бы проваливалъ въ Америку!

Погруженный въ размышленія, Странгфордъ не трогается съ мѣста и машинально слѣдитъ за спускающимися съ горы; а глаза,—дикіе, горящіе глаза,—такъ и впились въ него изъ отверстія глухой стѣны...

Полиція, съ инспекторомъ и Друмондомъ во главѣ, довѣрчиво катитъ по направленію къ Дюлигу; Странгфордъ съ проклятіемъ рѣшается, наконецъ, покинуть свой постъ и направляется къ Скартмору. По этой дорогѣ хоть и дальше, но идти гораздо пріятнѣе.

Какъ только грохотъ колесъ возвѣстилъ объ удаленіи полиціи, «абсолютно уважающая законы» мистриссъ Диллонъ быстро подошла къ старухѣ, безъ церемоніи сдернула ее съ мѣста и, отшвырнувъ табуретку, раскидала солому. Обнаружилась подъемная дверка въ подвалъ, которую вдова тотчасъ же откинула и громко окликнула Патси.

— Тише!—цыкнула на нее старуха: — а вдругъ они еще тутъ?

— Ушли!—сказала хозяйка:—дура я что ли?

Старикъ одобрительно улыбнулся и закивалъ головой въ знакъ того, что никакъ нельзя назвать вдову «дурой».

Послѣдняя же вторично кричитъ въ подземелье:

— Патси, вылѣзай! Поди, задохся тамъ. Никого нѣтъ!

Голосъ ея звучитъ словно въ трубу. Подземный коридоръ, выложенный въ давнопрошедшія времена, ведетъ вверхъ, въ крошечный чуланчикъ рядомъ съ кухней, съ небольшимъ отверстіемъ въ глухой стѣнѣ; чуланчикъ не имѣетъ другаго хода и тамъ уже не разъ временно скрывались всякіе отщепенцы, «небезусловно уважающіе законы». Въ свободныя отъ постоя времена, почтенная вдова запасалась нѣсколькими бочонками водки и устраивала въ чуланчикѣ винный складъ.

Digitized by Google

Денегъ за водку она не брала, а принимала плату натурой: съ кого козленка, съ кого телку, а съ кого—льномъ. О существованіи чуланчика рядомъ съ кухней мало кто зналъ.

На зовъ хозяйки сначала не было отвѣта; затѣмъ послышались мужскіе шаги и, минуту спустя, изъ-подъ полу показалось блѣдное, искаженное злобой, лицо Конеля. Мистриссъ Диллонъ невольно отшатывается.

— Что съ тобою? Или привидѣніе видѣлъ?

— Хуже!—мрачно говоритъ Конель и выскакиваетъ изъ подвала.

— Силы небесныя!—вдова крестится:—Биджи, слышишь? Онъ видѣлъ что-то хуже привидѣнія! Ужь не съ ума ли онъ спятилъ?

Конель бросился на лавку; глаза его горятъ, какъ уголья.

Мистриссъ Диллонъ трясетъ его за плечо.

— Встряхнись, что ли! Эй!..

Конель приподнимается и идетъ къ двери.

— Куда ты?

— Ухожу.

— Такъ и есть, рехнулся! Я не выпущу тебя до сумерекъ. Садись сейчасъ и не двигайся; слышишь, глупый?

— Я ухожу,—отстраняя ее, упрямо твердитъ Конель.

— Ну, слушай же, Патси! — гнѣвно кричитъ вдова: — я укрывала тебя, какъ роднаго сына, но предупреждаю: если ты засвѣтло выдешь изъ моего дома, который окруженъ шпіонами, и всѣ узнаютъ, что ты скрывался у меня болѣе недѣли,—я отъ тебя отрекусь! Такъ и знай. Еслибы не твоя мать, что̀ приходилась двоюродной сестрой теткѣ моего отца, я бы тебя и на порогъ не пустила. Ты — неблагодарный малый! Хочешь погубить меня... и самого себя прежде всего?

— Я ухожу! — стоитъ на своемъ Патси, и изъ груди его внезапно вырывается яростный вопль:—Никакія силы ада не въ состояніи удержать меня: этотъ дьяволъ Странгфордъ былъ съ ними.

— Его не было. Что̀ ты?

— Говорю вамъ: я его видѣлъ сквозь отверстіе въ чуланѣ!

— Не горячись, Патси, не горячись!—умоляетъ мистриссъ Диллонъ, удерживая его за руку:—или ты задумалъ взять на

Digitized by Google

душу новый грѣхъ? Патси, опомнись! Онъ говорилъ тебѣ, что принесетъ сегодня сюда деньги... Можетъ статься...

— О, нѣтъ! Лицо у него было не такое. Пустите меня!— Онъ вырывается:—я не убью его сгоряча, обѣщаю вамъ... Но, если узнаю, что онъ хотѣлъ выдать меня, клянусь всѣми святыми...

— Патси, ты ошибаешься, увѣряю тебя!.. Съ чего ты это взялъ? Я даже понять не могу...

— Тамъ видно будетъ...—сквозь зубы говоритъ убійца:— не мѣшало бы мнѣ все таки подкрѣпиться.

Мистриссъ Диллонъ достаетъ изъ шкафа бутылку и стаканъ. Конель залпомъ выпиваетъ цѣлый стаканъ водки.

Вдова тревожно провожаетъ его до двери.

— Ради самого Создателя, будь благоразуменъ, Патси!..

Конель проскальзываетъ на крыльцо и чуть не ползкомъ, но съ замѣчательной быстротой крадется вдоль земляной насыпи, окаймляющей сосѣднее поле.

XXVI.

Между тѣмъ, Странгфордъ неторопливо пробирается домой, брови его нахмурены; онъ сильно раздосадованъ и, по правдѣ говоря, встревоженъ неудавшимся арестомъ. Вдругъ онъ останавливается, какъ вкопанный.

Неужели шаги? Да, шаги, несомнѣнно шаги... Кто-то гонится за нимъ... Слышно уже прерывистое, тяжелое дыханіе... Странгфордъ оглядывается назадъ и узнаётъ Конеля. Ихъ раздѣляютъ всего лишь два поля; но помощи ждать не откуда. Силы у враговъ неравныя: мужикъ—исполинъ; кромѣ того, жажда мщенья придаетъ ему сверхъестественную силу... А кругомъ ни души!

Странгфордъ недолго думаетъ: съ храбростью отчаянія онъ идетъ прямо навстрѣчу опасности.

— Какъ, это вы, Конель? — понижая голосъ, словно оберегая преступника отъ случайныхъ свидѣтелей, говоритъ онъ и подходитъ къ Патси совсѣмъ близко, протягивая ему руку. Маневръ чрезвычайно искусный и для простоватаго дикаря до того неожиданный, что онъ теряется, не смотря на кипящее въ немъ бѣшенство.

Digitized by Google

— Богъ мой, Конель!—продолжаетъ Странгфордъ, торопясь воспользоваться всѣми преимуществами завоеваннаго имъ положенія:—вотъ ужь никакъ не ожидалъ видѣть васъ сегодня. Я думалъ, что вы, бѣдняга, попались, какъ куръ во щи,—честное слово!

Конель стоитъ и пытливо всматривается въ него; въ рукахъ у него налитая свинцомъ дубина: у него, очевидно, чешутся руки поскорѣе пустить ее въ ходъ. У Странгфорда душа уходитъ въ пятки; губы его бѣлѣютъ.

— По какому случаю очутились вы сегодня въ извѣстномъ вамъ дворѣ? — грозно спрашиваетъ Конель; рука его крѣпко сжимаетъ дубинку; воспаленные глаза блуждаютъ, какъ у загнаннаго звѣря.

Странгфордъ заставляетъ себя ободриться; ему нельзя отказать въ извѣстной долѣ мужества, хотя вопросъ идетъ о жизни и смерти, ни болѣе, ни менѣе.

— Вѣчныя подозрѣнія, Конель!—развязно говоритъ онъ, проявляя необычайное присутствіе духа:—можно думать, что я заклятый врагъ вашъ, а не самый искренній доброжелатель!

— Какъ вы туда попали?—со сдержаннымъ бѣшенствомъ пристаетъ къ нему Конель, но палку стискиваетъ уже не такъ сильно.

— И вы это спрашиваете, Конель?—съ упрекомъ покачиваетъ головой Странгфордъ:—вѣдь я же именно сегодня назначилъ вамъ прійти къ мистриссъ Диллонъ за деньгами, которыя изъ жалости обѣщался дать вамъ на дорогу...

— Деньги обѣщаны за убійство вашего дѣда, — сурово поправляетъ Конель.

— Конель! — Странгфордъ пытается изобразить на лицѣ оскорбленное достоинство.

— Довольно балагурить,—внѣ себя кричитъ Конель:—ты шелъ сегодня къ мистриссъ Диллонъ отдать долгъ свой... долгъ, слышишь ли, чортъ тебя побери!

Онъ подступаетъ къ Странгфорду вплотную, и тотъ невольно пятится назадъ:—Гдѣ деньги? Подавай ихъ сюда!

— Дайте же мнѣ съ вами объясниться хорошенько,—стараясь не выдать охватывающаго его ужаса, произноситъ Странгфордъ:—рано утромъ я узналъ, что мистеръ Друмондъ... (тутъ

Digitized by Google

его осѣняетъ счастливая мысль)... и Денисъ О'Нейль, и полицейскій инспекторъ. Вельдонъ собираются произвести обыскъ въ горахъ... Я вспомнилъ, что долженъ встрѣтиться съ вами у фермерши, вдовы Диллонъ... Но кто могъ имъ указать ваше мѣстопребываніе?

— Кто же, какъ не ты, песъ лукавый!—кричитъ Конель и, схвативъ собесѣдника за шиворотъ, мотаетъ его изъ стороны въ сторону, какъ былинку:—кто, какъ не ты, проклятый? А я еще тебѣ попробовалъ вѣрить.

Странгфордъ, блѣдный, какъ смерть, насилу высвобождается.

— Убить меня вы, конечно, можете: вы гораздо сильнѣе меня!—прерывающимся голосомъ выговариваетъ онъ: — но, съ моей смертью, вы лишаетесь единственнаго своего покровителя... друга... человѣка, который на дѣлѣ можетъ доказать вамъ свое расположеніе... — Конель нѣсколько отступаетъ, а Странгфордъ продолжаетъ уже болѣе увѣренно:—на вашемъ мѣстѣ, Конель, я бы сначала все выслушалъ и взвѣсилъ...

— Слушалъ я васъ не разъ, — говоритъ Конель мрачно, но рука съ смертоносной дубинкой временно опускается: — а лучше было бы, кабы не слушалъ никогда.

Онъ стоитъ въ нерѣшимости; дубинка дрожитъ въ его рукѣ, точно рвется поскорѣе пойти въ дѣло.

— Ей-ей меня разбираетъ охота уйти домой и предоставить васъ вашей судьбѣ!—съ напускнымъ гнѣвомъ восклицаетъ вдругъ Странгфордъ; онъ видитъ, что противникъ колеблется, и употребляетъ это обстоятельство въ свою пользу.—Но, ради собственнаго удовлетворенія (сколько достоинства въ его тонѣ!)—я желаю выяснить вамъ настоящую причину моего присутствія во дворѣ фермерши Диллонъ. Рано утромъ я шелъ въ Друмондъ-Голль и случайно узналъ, что полиція собирается произвести обыскъ въ горахъ, въ окрестностяхъ фермы вдовы.

— Отъ кого же вы это узнали?—съ крайней подозрительностью справляется Конель.

Послѣ минутнаго колебанія, Странгфордъ отвѣчаетъ:

— Отъ Дениса О'Нейля.

— Отъ О'Нейля?..

— Чему жъ тутъ удивляться? Онъ, конечно, страстно желаетъ предать въ руки правосудія убійцу своего дѣда.

Digitized by Google

— Вашего дѣда!—ядовито поправляетъ Конель.

— Совершенно вѣрно: нашего дѣда. Но не вамъ попрекать меня этимъ, Конель; вы вѣдь мною только и держитесь, благодаря тому, что я сознаю, какъ несправедливъ былъ дѣдъ по отношенію къ вашей семьѣ; а вотъ двоюродный братъ мой, наслѣдникъ майората, что-то туго понимаетъ это. Боюсь, не оказался бы нравъ у него еще круче, чѣмъ у дѣдушки! Однако, мнѣ некогда переливать съ вами изъ пустаго въ порожнее. Я только хотѣлъ сказать вамъ, что планы полиціи совсѣмъ сбили меня съ толку, когда я вспомнилъ, что назначилъ вамъ свиданіе именно у вдовы Диллонъ. Я умышленно присоединился къ мистеру Друмонду и компаніи, чтобы постараться помочь вамъ улизнуть, если представится къ тому случай.

Конель широко раскрываетъ глаза.

— Мало было на то похоже, когда вы стояли тамъ во дворѣ!

Странгфордъ невольно содрогается. Значитъ, убійца дѣйствительно былъ тамъ, подъ самымъ носомъ полиціи, а она этого и не подозрѣвала! О, почему онъ самъ не зналъ этого навѣрное!

— Во дворѣ? Такъ, значитъ, вы меня видѣли? Вы говорите, что не видать было моего желанія помочь вамъ? Конель, Конель!

Странгфордъ впадаетъ въ пафосъ и укоризненно качаетъ головой:—Мнѣ было не до виду, но, вѣрьте или не вѣрьте, я лишь съ этою цѣлью пришелъ къ мистриссъ Диллонъ. Господи Боже мой!—трагически восклицаетъ онъ, все больше и больше входя въ свою роль:—войдите въ мое положеніе: что долженъ былъ я почувствовать, когда бы васъ арестовали на томъ самомъ мѣстѣ, куда я — я самъ!—направилъ васъ для полученія денегъ?

Краснорѣчіе Странгфорда имѣетъ на слушателя незначительное дѣйствіе.

— Гдѣ деньги?—грубо говоритъ онъ, протягивая руку.

— Снова подозрѣнія?—печально спрашиваетъ Странгфордъ:—вы хотѣли бы, чтобы я вернулся за презрѣнными деньгами, когда я зналъ навѣрное, что безъ моей своевременной помощи полиція захватитъ васъ раньше, чѣмъ я успѣю вернуться обратно съ деньгами! Для меня, Конель, это былъ бы выгод-

Digitized by Google

ный исходъ, но я имъ не воспользовался. Лишь только я узналъ объ обыскѣ, я понялъ, что нельзя терять ни минуты. Возвращаться мнѣ домой за деньгами—значило выдать васъ головой. Можетъ быть, вы мнѣ не вѣрите: въ этой проклятой странѣ всѣ заражены чрезмѣрной подозрительностью, — но я помнилъ только одно: скорѣй, скорѣй ко вдовѣ, авось успѣю предупредить васъ, намекнуть, чтобы вы бѣжали безъ оглядки. Скажу больше: еслибъ не мои показанія инспектору, что вы, по слухамъ, обрѣтаетесь совсѣмъ въ иномъ мѣстѣ, — полиція не отнеслась бы такъ поверхностно къ обыску!

Онъ лгалъ нахально, экспромптомъ, такъ какъ въ сущности даже не зналъ, гдѣ скрывался Конель, но случайно попалъ прямо въ цѣль; солгать во-время и удачно — доказываетъ во всякомъ случаѣ смекалку и почти всегда производитъ желаемое впечатлѣніе.

Странгфордъ не спускаетъ лукавыхъ глазъ съ врага и въ душѣ ликуетъ: онъ видитъ, что сраженіе выиграно.

— Когда же и куда мнѣ принести вамъ деньги?—спрашиваетъ онъ. Конель растерянно озирается кругомъ.

— Какое же могу я назначить вамъ мѣсто? Меня вездѣ преслѣдуютъ, отовсюду гонятъ! Къ тому же, какъ бы вы сладко ни пѣли, я вамъ не вѣрю. Никакихъ свиданій назначать вамъ больше не стану. Адресуйте деньги прямо на почту, до востребованія... подъ чужимъ именемъ.

— Ни за что! Этимъ я могу повредить себѣ столько же, сколько и вамъ: мой почеркъ всѣмъ извѣстенъ.

— Вы могли бы...

— Нѣтъ, не могъ бы. При существующихъ условіяхъ, не могъ бы просить другаго надписать за меня конвертъ. Да и посланныя мною ассигнаціи, благодаря нумерамъ, могутъ служить свидѣтелями противъ меня.

Умъ Странгфорда дѣятельно работаетъ: онъ обдумываетъ, какъ бы поскорѣе и повѣрнѣе довести мнимаго пріятеля до висѣлицы. — Я не одного васъ долженъ принимать въ соображеніе, Конель. Для меня безопаснѣе всего выплатить вамъ пятьдесятъ фунтовъ золотомъ, но гдѣ вручить ихъ вамъ?

Бѣглецъ молчитъ и думаетъ... Безъ помощи Странгфорда онъ все равно погибъ; остается довѣриться ему!

Digitized by Google

— Знаете вы замокъ Килькернъ? — мрачно спрашиваетъ онъ, наконецъ.

— Да. Это миляхъ въ четырехъ отсюда. Туда принести? Сегодня?..

— Дня вамъ знать не нужно!—грубо перебиваетъ Конель:— въ моемъ распоряженіи вся недѣля. Въ стѣнахъ стараго замка много трещинъ.

— Вздоръ, Конель! Засунуть пятьдесятъ фунтовъ въ какую-то дыру, откуда любой прохожій можетъ спокойно ихъ выудить!..

— Кромѣ васъ и меня, никто о деньгахъ знать не будетъ.— Онъ глядитъ на Странгфорда, и въ глазахъ его снова начинаетъ разгораться недобрый огонекъ. — Кромѣ васъ и меня, слышите?—подчеркиваетъ онъ вторично.

— Значитъ, вы серьезно думаете...

— Деньги будутъ цѣлы, если вы не предатель...

— По крайней мѣрѣ, назначьте день, когда лучше снести туда деньги.—Убійца исподлобья глядитъ на него.

— Когда хотите, тогда и несите... на этой недѣлѣ.

— Все это довольно неопредѣленно... Не возьмется ли передать ихъ вамъ мистриссъ Диллонъ?

— Нѣтъ, ужь спасибо!—съ горькимъ смѣхомъ возражаетъ Патси:—второй разъ не подведете меня! Къ мистриссъ Диллонъ я больше ни ногой: да она и выгнала меня. Что тутъ удивительнаго, когда полиція гоняется за мною по пятамъ?

Онъ уходитъ, но снова возвращается.

— Сегодня четвергъ... Даю вамъ недѣлю сроку. Совѣтую сдержать обѣщаніе, если... если желаете прожить дольше слѣдующей пятницы!..

— Милѣйшій, вы опять за угрозы?

— Сами вы «милѣйшій»! Да будете вы трижды прокляты... Не смѣйте такъ обращаться со мной! — неожиданно вспыхиваетъ Конель:—я еще не совсѣмъ спятилъ, и шуточекъ вашихъ не потерплю. Съумѣю притянуть васъ на висѣлицу. Убирайтесь-ка лучше домой, да благодарите Бога, что не распростились еще со своей подлой душонкой!—Онъ глядитъ звѣремъ и вдругъ визгливо выкрикиваетъ: — уходите, а то я за себя не отвѣчаю.

— Образумьтесь, Конель! — съ разстановкой произноситъ

Digitized by Google

Странгфордъ, не спуская съ Патси глазъ; сердце его стучитъ отъ ужаса: — не забывайте замокъ Килькернъ. Лучше быть свободнымъ человѣкомъ, чѣмъ убійцей... вторично!—Онъ жестомъ прощается съ врагомъ и поспѣшно удаляется или, вѣрнѣе, перескакиваетъ черезъ сосѣдній плетень. Куда дѣвались его томныя манеры! Онъ крупно шагаетъ по направленію къ своей усадьбѣ; но лишь только скрывается у Конеля изъ глазъ, какъ припускается бѣжать, чтобы поскорѣе очутиться подальше отъ своего безпокойнаго сообщника.

Слово «висѣлица» еще раздается въ его ушахъ. Нѣтъ, пора, пора покончить съ этимъ Конелемъ! Прежде всего, нужно сдѣлать такъ, чтобы его схватили. А тамъ, кто повѣритъ его показаніямъ противъ баронета,—въ особенности, когда этотъ баронетъ ничего не получилъ послѣ смерти дѣда! Другихъ свидѣтелей нѣтъ: старика Конеля нашли на дняхъ мертвымъ, на дворѣ одной изъ дальнихъ фермъ.

XXVII.

— Онъ или на сѣновалѣ, или нигдѣ!—рѣшительно говоритъ Китти Друмондъ, стоя посреди двора и указывая пальцемъ на небольшое окошечко сѣновала, помѣщающагося надъ конюшней.

— Пари держу, что нѣтъ!—возражаетъ Дарлей Доннъ; онъ завтракалъ въ Друмондъ-Голлѣ и теперь отправился вмѣстѣ съ Китти на розыски пропавшаго котенка. Маленькій обжора не явился къ столу (небывалый случай!) и нарѣзанный для него цыпленокъ и сливки стоятъ нетронутыми. Молодая хозяйка баловня, пригласивъ себѣ на подмогу Дарлея Донна, бѣжитъ отыскивать неблагодарнаго бѣглеца.

— Онъ безусловно тамъ!—стоитъ на своемъ Китти:—онъ любитъ сѣновалы!

— Мышей, хотите вы сказать? А я держу пари на все мое состояніе, что онъ предпочитаетъ крысъ и въ настоящую минуту пребываетъ въ подвалѣ для угля.

— Все ваше состояніе черезъ четверть часа будетъ моимъ. Стою за сѣновалъ! Подвалъ я ужъ тщательно обшарила. Крысъ тамъ нѣтъ и въ заводѣ,—спросите у папы. Къ тому же мой киска еще младенецъ; гдѣ ему справиться съ крысой? Любая

Digitized by Google

съѣстъ его самого. Уплачивайте-ка пари!—Она протягиваетъ ему пригоршни,—а изъ калитки за ней слѣдитъ ревнивыми глазами неизмѣнный ея поклонникъ: онъ только что пришелъ и нечаянно наткнулся на вышеописанную сцену.

— Разрѣшите мнѣ сначала самому заглянуть въ подвалъ...

— Трусите! Знаете, что проиграли. Уходите прочь, я и одна съумѣю найти моего котенка. А!.. Неужели это Томъ?— яркій румянецъ заливаетъ ея щоки: — теперь я и безъ васъ обойдусь, Дарлей...

— О, въ этомъ я не сомнѣваюсь! — съ удареніемъ говоритъ Дарлей:—Томъ, а Томъ! Куда ты спѣшишь? (Дельмиджъ, стиснувъ зубы, торопится куда-то черезъ дворъ). Мы здѣсь! Куда ты мчишься?— Томъ Дельмиджъ, словно черезъ силу, подходитъ къ нимъ. Дарлей шутливо раскланивается съ Китти и уходитъ.

— Въ чемъ дѣло?—спрашиваетъ Дельмиджъ, лишь только они остались съ глазу на глазъ съ молодой дѣвушкой.

Китти даритъ поклонника милостивой улыбкой; но тотъ все еще мраченъ и напоминаетъ факельщика на похоронахъ.

— Такъ въ чемъ же дѣло-то?

— Вѣдь вамъ, Томъ, безразлично: счастлива я или нѣтъ!— со вздохомъ говоритъ кокетка.

Томъ мгновенно выпрямляется.

— И вамъ не совѣстно такъ говорить?

— Я говорю сущую правду. У меня большое горе, а вы навѣрно не захотите помочь мнѣ!

— Горе?

— Да. Я увѣрена, что мой пропавшій котенокъ—на сѣновалѣ и не въ состояніи сойти! Быть можетъ, его атаковали крысы... А вы, конечно, откажетесь идти со мной, ему на выручку.

— Только-то?—восклицаетъ съ облегченіемъ Дельмиджъ и большими шагами направляется къ сѣновалу.

Китти спѣшитъ за нимъ.

— Какой вы славный, Томъ! Я такъ и знала, что на васъ можно понадѣяться.

Пять минутъ спустя, они уже на сѣновалѣ; въ самой глубинѣ огромнаго помѣщенія виднѣется сѣно, а на немъ—пропадавшій котенокъ. Неблагодарный! Онъ видимо не цѣнитъ нѣж-

Digitized by Google

ныхъ заботъ о немъ и крайне недоволенъ, что его поймали. Фыркнувъ, вырывается онъ изъ ласковыхъ объятій обрадованной Китти и, задравъ хвостъ, какъ угорѣлый, мчится внизъ по лѣстницѣ.

— Какъ вамъ это нравится?—съ негодованіемъ говоритъ Китти, въ недоумѣніи глядя вслѣдъ бѣглецу:—а я-то какъ его любила!

— Ну, это, положимъ, ровно ничего не значитъ,—мрачно отзывается Томъ.

— Что вы хотите сказать этимъ?

— Можно любить всѣмъ сердцемъ и не видать взаимности.

— Томъ! Какъ вамъ не надоѣстъ эта пѣсня?

— Не надоѣла и никогда не надоѣстъ,—со злостью перебиваетъ ее Дельмиджъ,—а сегодня я прямо таки за себя не отвѣчаю. Всѣ только и твердятъ о томъ, что вы выходите замужъ за отвратительнаго Экорна.

Миссъ Друмондъ, съ цѣлью спуститься на землю, уже сѣла было на полъ сѣновала и ступила ногами на приступочку лѣстницы, прицѣпленной къ отверстію; но, при послѣднихъ словахъ Дельмиджа, она очевидно мѣняетъ намѣреніе и снова убираетъ свои ножки назадъ; у Дельмиджа передъ глазами мелькнули узенькіе носочки туфель и кружевной волянъ юбки.

Китти оглядывается на ревниваго поклонника, невольно любуется его мужественной красотой, но не можетъ отказать себѣ въ удовольствіи помучить его еще и еще.

— А онъ васъ не ругаетъ,—томно говоритъ она.

— Посмотрѣлъ бы я, какъ онъ меня выругаетъ...

Сколько презрѣнія къ Экорну въ его тонѣ! Китти становится ужасно смѣшно.

— Хотѣли бы посмотрѣть на него? Это очень легко сдѣлать! Онъ не недоступенъ, не королевской крови и держитъ себя чрезвычайно просто. Вы можете смѣло сходить къ нему. А то подождите ужь до завтрашняго дня: онъ придетъ сюда.

— Сюда? Значитъ, говорятъ правду?

Томъ подходитъ къ ней. Ужь не намѣреваетея ли онъ спихнуть ее въ отверстіе? Но она не боится; напротивъ, ей становится еще веселѣй.

— Правду? Какую правду?—невольно спрашиваетъ она.

— Что вы собираетесь за него замужъ?

Digitized by Google

— Предложенія онъ мнѣ еще не дѣлалъ!—съ разстановкой поясняетъ она, уклоняясь отъ прямаго отвѣта, и искоса поглядываетъ на Дельмиджа.

— Если вы за него выдете, — вскипаетъ моментально Томъ,—всю жизнь будете раскаиваться. Всю жизнь, помните это. Вѣдь онъ—совершенная мартышка.

— Опять вы даете ему нелестные эпитеты!—съ укоризной говоритъ она,—не понимаю, за что вы такъ на него обрушились? Право, онъ очень неглупый человѣкъ.

— О, замѣчательно! Лошади отъ мула не умѣетъ отличить!

— Это не особенно важно,—сухо отрѣзываетъ Китти,—если онъ въ другихъ отношеніяхъ человѣкъ свѣдущій... Лордъ Экорнъ блестяще образованъ: дивно говоритъ по французски...

Дельмиджъ внѣ себя отъ ярости и молчитъ.

— Какъ вамъ не стыдно, Томъ! — Китти тоже начинаетъ злиться и сердито стучитъ ножкой по ступенькѣ,—попробуйте-ка сами сказать что нибудь по французски!

— Захочу, такъ и скажу.—Томъ негодуетъ.—Прошлую осень я былъ за границей и съ любымъ идіотомъ объяснялся на славу.

— Должно быть, по истинѣ были идіоты, коли понимали васъ,—язвитъ она.

— Спасибо! А будь на моемъ мѣстѣ Экорнъ, вы назвали бы его образцовымъ лингвистомъ. Но когда дѣло идетъ обо мнѣ... Господи, кто же это сказалъ, что женщины великодушны въ своихъ отзывахъ?!..

— Разговоръ нашъ, кажется, разстраиваетъ васъ, Томъ,—невозмутимо замѣчаетъ Китти: — такъ замолчите! (а ножка гнѣвно отбиваетъ по лѣстницѣ барабанную дробь). Вся суть въ томъ, что вы, другъ мой, не понимаете Экорна.

— Гдѣ ужь мнѣ!

— Разумѣется, не понимаете. Вы его безпричинно не взлюбили,—не противорѣчьте!—а потому не желаете видѣть въ немъ никакихъ достоинствъ.

Томъ дѣлаетъ гримасу отвращенія и говоритъ:

— Всѣ его достоинства сводятся къ одному: онъ—ученая обезьяна, и больше ничего.

Digitized by Google

Пауза. Миссъ Друмондъ, шагъ за шагомъ, тихо спускается во дворъ.

Дельмиджъ, присмирѣвшій, но все еще злой, слѣдуетъ за ней.

— Ахъ, вотъ идетъ Странгфордъ! Здравствуйте...

Странгфордъ привѣтствуетъ Китти.

— Говорятъ, кузина гуляетъ по берегу рѣки? Я хотѣлъ бы съ нею повидаться. Кажется, это ближайшая тропинка къ рѣкѣ?

Китти провожаетъ его глазами.

— Съ какой стати надо ему повидаться съ Элленъ?—забывъ ссору, обращается она къ Дельмиджу: — Элленъ ненавидитъ его; я это прекрасно знаю и даже очень рада этому.

— Почему?

— Потому что сама его ненавижу.

— Вы, кажется, всѣхъ ненавидите, кромѣ Экорна.

Мрачность Дельмиджа все усиливается.

XXVIII.

Элленъ стоитъ у самаго берега рѣки и наблюдаетъ ея быстрое, шумное теченіе по направленію къ морю. Сколько въ ней жизни, какъ весело струится она межъ зеленыхъ береговъ! Не то ли же самое творится въ ея сердцѣ? Оно также преисполнено радости, и на душѣ такъ легко, такъ спокойно. Ей даже совѣстно, что она почти не сокрушается о смерти дѣда, которому все таки должна быть благодарна за многое. Правда, онъ нерѣдко обижалъ ее, но вѣдь онъ же пріютилъ ее у себя. А вотъ она ликуетъ черезъ нѣсколько дней послѣ его смерти, и какой еще смерти! Хорошо ли это? Не грѣхъ ли?

Но голосъ природы и слушать не хочетъ: она рада; ей весело—и дѣло съ концомъ. Съ одной стороны, для нея наступила свобода, а съ другой (не это ли главное?) Денисъ любитъ ее.

Съ радостнымъ вздохомъ любуется она окружающей природой: солнце такъ ярко освѣщаетъ снопы ржи и молодую травку, вновь пробивающуюся на скошенныхъ поляхъ. Какой просторъ кругомъ! Вдали виднѣются поросшія кустарникомъ

Digitized by Google

горы; у ихъ подножія разстилаются зеленыя долины, а еще поближе—поля, безконечныя поля.

Съ сосѣдняго болота плавно поднимается цапля и паритъ надъ тростниками, которые шуршатъ, словно шепчутся между собою, при легкомъ дуновеніи вѣтерка. Элленъ поддается очарованію; задумчиво беретъ она цвѣтокъ изъ букета, приколотаго къ ея груди, и бросаетъ его въ воду; онъ, крутясь и подпрыгивая, несется внизъ по теченію, и она провожаетъ его глазами, пока онъ не скрывается изъ виду.

Ей пора идти домой; она поворачивается и видитъ, что Странгфордъ слѣдитъ за ней съ высокаго холма направо.

— Вы представить себѣ не можете, кузина, какую вы изображали изъ себя живописную картинку!—восхищенно говоритъ онъ, привѣтствуя ее граціознымъ жестомъ. Онъ соскакиваетъ съ холма и стоитъ уже рядомъ съ нею, протягивая ей руку.

— Здравствуйте,—сухо отвѣчаетъ Элленъ, неохотно прикасаясь къ рукѣ ненавистнаго кузена; она успѣла уже оправиться отъ невольнаго испуга и нервной дрожи, охватившей ее при появленіи Странгфорда, котораго видитъ первый разъ со смерти дѣда.

— Почему вы до сихъ поръ такъ упорно отказывались меня видѣть, Элленъ?—спрашиваетъ онъ, не выпуская ея руки, хотя она очевидно желаетъ высвободиться.

Онъ говоритъ печально, съ укоризною.

— Мнѣ тяжело было видѣть кого бы то ни было.

— Но вѣдь я вамъ двоюродный братъ...—онъ съ минуту колеблется, но видя, что она молчитъ, рѣшительно добавляетъ:—видались же вы съ Денисомъ?

— Съ Денисомъ?..

— Да, съ Денисомъ, котораго вы почти не знаете; а меня, вашего жениха,—вы отказывались видѣть!

— Моего жениха?..

— А какъ же, Элленъ? Или вы уже забыли все, что было до ужасной, возмутительной смерти дѣдушки? Старичокъ только и мечталъ о бракѣ между нами. Нѣтъ, нѣтъ! — онъ жестомъ останавливаетъ ея возраженія:—я не желаю насиловать вашу волю. Сохрани Богъ, Элленъ! Хоть я ужасно люблю васъ и вы мнѣ безгранично дороги, но я ничего не сдѣлалъ бы, чтобы

Digitized by Google

заставить васъ поступить противъ вашего желанія. Богъ мнѣ свидѣтель!..—Рѣчь его дышетъ благородствомъ и заканчиваетъ онъ тираду весьма выразительной паузой. Къ несчастью, Элленъ успѣла уже приглядѣться къ нему въ домѣ дѣда, и драматическіе эффекты для нея не новы.

— Вы желаете невозможнаго! — холодно говоритъ она и дѣлаетъ шагъ по направленію къ Друмондъ-Голлю.

Но Странгфордъ преграждаетъ ей путь такъ рѣшительно, что дѣло смахиваетъ на насиліе; Элленъ смѣло смотритъ ему прямо въ глаза.

— Бракъ нашъ былъ немыслимъ еще до... еще до той ужасной ночи,—съ трудомъ выговорила она,—а теперь... теперь я вдвойнѣ его не допускаю.

Лицо Странгфорда искажается. Куда дѣвалось его обычное привѣтливо-вкрадчивое выраженіе! Брови его грозно сдвигаются.

— Вдвойнѣ?—шипитъ онъ сквозь зубы.

— Я думаю, лучше не вдаваться въ подробности.—Элленъ старается говорить хладнокровно, просто, но румянецъ на ея щекахъ выдаетъ ея тревогу.

— Вы, значитъ, даже не желаете меня выслушать?—странная нотка звучитъ въ его голосѣ; ей бы надо остеречься, но она глядитъ вдаль, слѣдя за теченіемъ рѣки, бурно стремящейся къ морю: — вы, можетъ быть, уже переговорили... и черезчуръ подробно съ другимъ?..

Она вздрагиваетъ и моментально возвращается къ дѣйствительности; дерзкій намекъ заставляетъ ее гнѣвно взглянуть на собесѣдника, и то, что она читаетъ въ его глазахъ, окончательно выводитъ ее изъ себя.

— Я переговорила съ Денисомъ!—холодно отчеканиваетъ она.

Наступаетъ молчаніе. Странгфордъ, быть можетъ, и не ожидалъ такого прямаго отвѣта, — вѣрнѣе всего не думалъ, что Денисъ успѣлъ уже сдѣлать предложеніе; но къ нему живо приходитъ на помощь обычное самообладаніе.

— Такъ я и думалъ. Только вѣдь Денисъ не надеженъ. Даже если онъ дѣйствительно (въ чемъ я сильно сомнѣваюсь) намѣревается вступить съ вами въ бракъ,—я бы, на вашемъ мѣстѣ, призадумался. Припомните, что побудило Дениса сдѣлать вамъ предложеніе...

Digitized by Google

Странгфордъ говоритъ отчетливо, убѣдительно, но Эллень вспыльчиво перебиваетъ его:

— Вы лжете!

— Какъ смѣете вы такъ говорить?—вскидывается онъ и, словно желѣзными тисками, хватаетъ ее за руки; въ глазахъ его звѣрское выраженіе: — убирайтесь вы къ чорту или... къ Денису съ вашей замаранной репутаціей. Ему самъ Богъ велѣлъ васъ выручать, разъ онъ виноватъ въ томъ, что вамъ совѣстно показаться людямъ на глаза!

— Руки прочь!—сдержаннымъ шопотомъ приказываетъ она; но въ осанкѣ ея столько смѣлаго достоинства, что Странгфордъ невольно выпускаетъ ее.

— Идите, идите,—злобно бормочетъ онъ ей вслѣдъ,—жалуйтесь ему...

— Ни слова больше, ни единаго слова! Вы недостойны произносить его имя.—Въ послѣдній разъ сверкнувъ на него глазами, вся блѣдная и негодующая, Эллень уходитъ по направленію къ дому.

XXIX.

Отойдя отъ Странгфорда на порядочное разстояніе, она прибавляетъ шагу и, наконецъ, почти бѣгомъ пускается по дорогѣ. Вотъ она ужь у самаго дома и тутъ только замѣчаетъ, что задыхается и сердце ея бьется мучительно, до боли... Восточная дверь оранжереи открыта настежъ и ей приходитъ въ голову отдохнуть въ оранжереѣ: тамъ такъ тихо и прохладно; въ это время дня рѣдко кто заходитъ туда...

Чувствуя себя угнетенной и несчастной, Эллень со слезами на глазахъ входитъ въ оранжерею и опускается на ближайшую скамью. Черезъ минуту она смутно различаетъ голоса: неподалеку отъ нея, за деревьями, кто-то разговариваетъ.

— Милѣйшая Августа, рта никому вѣдь не зажмешь!—произноситъ голосъ Друмонда.

— Совершенно вѣрно. Тѣмъ не менѣе, еслибъ она согласилась выйти за Странгфорда...

— Презрѣнный человѣкъ!—фыркаетъ Друмондъ:—негодный малый! Что находитъ она въ немъ хорошаго? А, впрочемъ, можетъ быть, она ничего и не находитъ...

Digitized by Google

— Весьма возможно; я и сама Странгфорда не долюбливаю. Но не можетъ же она дольше оставаться въ такомъ неопредѣленномъ положеніи... Я расположена къ Элленъ всей душой и желаю брака исключительно для ея же блага.

— Не вижу надобности торопиться...

— Неужели? Сейчасъ видно, что ты мужчина! А я такъ вижу даже крайнюю необходимость больше не мѣшкать. Сперва я повѣрила было, что Денисъ, дѣйствительно, намѣренъ на ней жениться...

Элленъ, сидя за цвѣтущимъ миртовымъ кустомъ, судорожно стискиваетъ руки.

— А развѣ онъ уже раздумалъ?— освѣдомляется Друмондъ.

— Навѣрно не могу сказать, но думаю, что такъ. Почему же онъ до сихъ поръ молчитъ? Признаться, это меня сильно удивляетъ: я всегда считала Дениса человѣкомъ въ высшей степени порядочнымъ и благороднымъ.

— Нельзя же требовать, душа моя, чтобы человѣкъ, хотя бы наиблагороднѣйшій и наипрекраснѣйшій, женился на дѣвушкѣ, которую не любитъ, лишь съ цѣлью спасти ея репутацію.

Слова эти, словно острый ножъ, врѣзываются въ сердце молодой дѣвушки. Давно ужъ дознано, что подслушиванье, вольное или невольное, ни къ чему хорошему не ведетъ,— всегда узнаешь что нибудь для себя непріятное. Элленъ уничтожена: блѣдная, дрожащая, глубоко несчастная, она не въ силахъ двинуться съ мѣста и пьетъ чашу до дна.

— Понятно,—соглашается леди Августа:—если Денисъ на самомъ дѣлѣ не любитъ ея, и только чувство чести побуждаетъ его сдѣлать предложеніе, — обоимъ имъ въ будущемъ предстоитъ много горя. Да, ей остается одинъ исходъ: выйти за Странгфорда. Не такъ ужъ онъ плохъ, наконецъ. Допустимъ даже, что Денисъ, не любя, все таки рѣшится сдѣлать ее своей женой: его вѣчно будутъ коробить непріятные намеки злоязычныхъ друзей насчетъ ночи, проведенной имъ съ Элленъ въ подземельѣ, и фактъ этотъ едва ли будетъ способствовать ихъ счастію.

«Даже если Денисъ, *не любя*, все таки рѣшится сдѣлать ее своею женою»!!—слова эти мучительно звучатъ въ ушахъ Элленъ. Она прижимаетъ руки къ вискамъ: при одной мысли о бракѣ безъ любви ее охватываютъ стыдъ и ужасъ. О блѣд-

Digitized by Google

ности нѣтъ больше и помину: щоки ея пылаютъ. Ей хочется бѣжать изъ оранжереи, но она боится выдать себя; кромѣ того, надо выслушать все до конца.

— А если онъ ее любитъ?—говоритъ Друмондъ.

— О, мама, я въ этомъ увѣрена! — вмѣшивается свѣжій, юный голосокъ: въ оранжерею вошла Китти.

— Я тоже!—вставляетъ свое мнѣніе Томъ Дельмиджъ.

Элленъ не знаетъ, куда дѣваться отъ стыда: самыя святыя ея мысли и чувства сдѣлались общимъ достояніемъ; всякій судитъ и рядитъ о нихъ по своему.

— Ну, а я далеко въ этомъ не убѣждена, — упорствуетъ леди Августа.

Вслѣдъ за другими забрели въ оранжерею лордъ Экорнъ и Дарлей Доннъ. Элленъ инстинктивно поднимается съ мѣста и, подъ прикрытіемъ большихъ кадокъ съ крупными растеніями, пробирается къ открытой двери; лучше бы она никогда въ нее не входила!

А разговоръ, между тѣмъ, продолжается и долетаетъ до ушей Элленъ. Теперь говоритъ Экорнъ.

— Если онъ, дѣйствительно, любитъ ее, почему же онъ молчитъ? Молчать при данныхъ обстоятельствахъ онъ не имѣетъ права.

Сердце Элленъ сжимается. Не она ли запретила ему разглашать ихъ помолвку? Но черезъ мгновеніе она думаетъ: что же, такъ лучше, много лучше! Легче будетъ положить всему конецъ.

Она уже вышла изъ оранжереи и, не замѣченная никѣмъ, пробирается черезъ прихожую прямо къ себѣ въ комнату. Какое блаженство быть, наконецъ, одной!

— Держу пари на пять фунтовъ,—утверждаетъ тѣмъ временемъ Дельмиджъ, мрачно поглядывая на Экорна,—что Денисъ влюбленъ въ Элленъ.

— Не поймать ли васъ на словѣ?—иронически спрашиваетъ тотъ, глядя на него сквозь монокль: — въ сердечныхъ дѣлахъ вы, должно быть, знатокъ, а?

— Идетъ на двадцать пять фунтовъ! — упорствуетъ Томъ Дельмиджъ:—не пройдетъ года, какъ они повѣнчаются. Вы правы: я могу быть хорошимъ судьей въ подобнаго рода дѣлахъ, такъ какъ самъ умѣю любить.

Digitized by Google

Остальная компанія разбрелась,—соперники остались съ глазу на глазъ.

— Счастливецъ! — съ неестественной улыбкой говоритъ Экорнъ и глядитъ въ сторону, куда ушла Китти: она въ нѣкоторомъ отдаленіи оживленно трактуетъ о чемъ-то съ матерью.— Счастливецъ, разумѣется, если та женщина, которую вы такъ пламенно любите, платитъ вамъ взаимностью!

Бѣдный Томъ Дельмиджъ блѣднѣетъ.

XXX.

Около шести часовъ, Странгфордъ направляется къ горѣ Каригъ; не такъ давно, сквозь эту мрачную каменистую скалу прорыли тунель, и ежедневно два поѣзда пробѣгаютъ по этому тунелю изъ Карига въ Іоркъ—и обратно; линія новая и мало еще кто о ней знаетъ.

Разстроенный недавнимъ разговоромъ съ Элленъ, Странгфордъ шелъ быстро, занятый своими мыслями и даже вздрогнулъ отъ неожиданности, когда увидѣлъ, что навстрѣчу ему, съ горы, спускается Денисъ. Странгфордъ едва успѣлъ придать своей физіономіи иное, болѣе подходящее случаю выраженіе.

— Здравствуйте,—холодно говоритъ Денисъ.

— Милѣйшій Денисъ... Какъ я радъ васъ видѣть! Мы такъ рѣдко видимся съ вами, хотя и кузены...

— Какъ ближе пройти къ Каригдасу?—безцеремонно перебиваетъ его изліянія Денисъ.

— Вотъ тою дорогой.

Странгфордъ указываетъ на дорогу, которая безконечной лентой извивается за рѣкой.

— Это-то я и самъ знаю. Неужели нѣтъ какой нибудь кратчайшей тропинки?

Наступаетъ минутное молчаніе. Въ головѣ Странгфорда проносится адская мысль... Кратчайшій путь? Разумѣется, есть, и приведетъ онъ Дениса, въ случаѣ удачи, прямо на тотъ-свѣтъ!

— Тогда вотъ что: идите черезъ новый тунель. На полчаса сократите путь!—ласково совѣтуетъ онъ.

— Черезъ тунель? А поѣздъ идетъ еще не скоро?

— Десять разъ успѣете миновать тунель! Насколько я

Digitized by Google

помню, поѣздъ проходитъ въ половинѣ восьмаго... а теперь четверть седьмаго.

— Спасибо! — по прежнему холодно говоритъ Денисъ и, не замѣчая протянутой руки кузена, вступаетъ въ тунель.

Странгфордъ трясется отъ сдержаннаго смѣха, но затѣмъ даетъ полную волю своему веселью. О'Нейль уже скрылся въ глубинѣ тунеля.

Какъ не смѣяться? Черезъ пять минутъ поѣздъ промчится по узкому тунелю и захватитъ Дениса въ самой серединѣ, а тамъ...

Тунель занимаетъ около полумили въ длину; Денисъ, довольный, что сократилъ разстояніе до Каригдаса, гдѣ онъ присматриваетъ за ремонтомъ, бодро подвигается впередъ. Его волнуютъ счастливыя мечты—онъ думаетъ объ Элленъ. Ѣхалъ онъ сюда изъ Лондона, совсѣмъ не воображая, что здѣсь ждетъ его судьба въ лицѣ единственной дѣвушки, которая внушила ему любовь. И при какихъ удивительныхъ условіяхъ возникла въ немъ эта любовь! Какая буря, какіе ужасы творились кругомъ! Быть можетъ, та страшная ночь и связала ихъ тѣсными душевными узами...

Онъ идетъ все быстрѣе, не смотря на окружающую темноту, которая, впрочемъ, освѣщается издали какой-то огненной точкой. Передъ глазами его носится образъ невѣсты, но не съ блѣднымъ, печальнымъ личикомъ и не въ траурномъ нарядѣ, какою ему приходится теперь видѣть ее, а въ видѣ той Элленъ, мужественной, рѣшительной, съ которой онъ провелъ ночь въ подземельѣ; ему до мельчайшихъ подробностей вспоминается ея вчерашній туалетъ, волосы, распустившіеся по плечамъ... Даже растрепанная прическа кажется ему поэтичной, и онъ съ умиленіемъ вспоминаетъ о ней. А лучше всего то, что она его любитъ! Онъ смѣется счастливымъ смѣхомъ, но смѣхъ этотъ внезапно застываетъ на его губахъ: что за подозрительный гулъ раздается въ противоположномъ концѣ тунеля? Прямо на Дениса несется черное чудовище со сверкающими огненными глазами!

Денисъ останавливается, какъ вкопанный.

Въ минуту смертельной опасности мысли принимаютъ характеръ молніеносный. По тунелю мчится поѣздъ... Денису грозитъ гибель... Странгфордъ умышленно обманулъ его, по-

Digitized by Google

слалъ на вѣрную смерть... Всѣ мысли Дениса заглушаются одной страстной жаждой жизни!

Онъ моментально стаскиваетъ сюртукъ, бросаетъ палку и плотно прижимается къ стѣнѣ, крестообразно распростирая руки, чтобы занять какъ можно меньше мѣста. Онъ шаритъ по стѣнѣ рукой, нащупываетъ выдающійся камень и ищетъ въ немъ опоры... Ожиданіе страшное: ему представляется, что поѣздъ долженъ зацѣпить, увлечь, смять и раздавить его... Не взирая на смертельный ужасъ, онъ мужественно держится своей опасной позиціи и смѣло ждетъ конца.

Минута ли прошла, или цѣлая вѣчность? Съ неистовымъ пыхтѣньемъ и хрипѣньемъ приближается грозный врагъ... Неужели мимо? Вотъ онъ уже исчезъ въ отверстіи тунеля и мчится дальше, побѣдоносно и безстрастно, какъ всегда...

Денисъ живъ, и въ изнеможеніи опускается на колѣни: ноги его буквально подкосились, капли холоднаго пота выступили на лбу... Губы невольно шепчутъ слова благодарственной молитвы. Затѣмъ рука его потянулась ощупью къ палкѣ, подбираетъ и сброшенный сюртукъ: «не идти же засвѣтло, по дорогѣ, въ брюкахъ и жилетѣ», соображаетъ молодой человѣкъ. Но палка ему нужнѣе, это несомнѣнно!.. Вмѣсто того чтобы продолжать путь въ Каригдасъ, Денисъ поворачиваетъ назадъ.

Онъ не идетъ, а бѣжитъ; въ душѣ его преобладаетъ одно желаніе, въ которомъ онъ пока еще смутно отдаетъ себѣ отчетъ,—пока не находитъ Странгфорда на прежнемъ мѣстѣ.

У входа во всякій тунель выстраиваются по обѣ стороны низенькія, каменныя стѣны; изъ-за одной изъ нихъ выглядываетъ Странгфордъ. На лицѣ его играетъ улыбка; вся поза выражаетъ любопытство ожиданія...

Когда же Денисъ неожиданно выступаетъ изъ темноты и бѣшено хватаетъ предателя за плечо, выраженіе лица послѣдняго мгновенно мѣняется. Дикій вопль вырывается изъ груди, на лицѣ отражается безпредѣльный ужасъ. Онъ пытается вырваться, но Денисъ заставляетъ его стать на колѣни.

— Проси пощады, негодяй! — кричитъ онъ внѣ себя отъ ярости.

— Я не зналъ, честное слово, не зналъ!—вопитъ Странгфордъ, кланяясь кузену въ ноги.

Digitized by Google

— Неужели?—хохочетъ Денисъ, вцѣпляясь ему въ воротникъ, — не смѣю не вѣрить вамъ, любезный братецъ, но вы ошиблись, а за такія ошибки тоже нужно получить возмездіе!

Онъ заноситъ палку.

— Пустите, пустите, — визжитъ тотъ и бьется, какъ утопающій, но палка начинаетъ гулять у него по плечамъ.

— Успѣется... отпущу!—стиснувъ зубы, говоритъ Денисъ и не жалѣетъ силъ; къ несчастью, ни одинъ ударъ не приходится по лицу, такъ какъ Странгфордъ предусмотрительно повалился на животъ.

Онъ вопитъ и корчится, но ударъ продолжаетъ сыпаться за ударомъ.

— Я притяну васъ къ суду,—кричитъ наказуемый.

— На здоровье!—отвѣчаетъ Денисъ и подкрѣпляетъ это разрѣшеніе градомъ могучихъ ударовъ; затѣмъ презрительно продолжаетъ: — только вы суда сами боитесь, и не безъ основанія.

— Это еще что за намеки? Пустите меня, слышите! Ай, ай!! (палка не унимается). Вы убить меня хотите, что ли?

— Несовсѣмъ, хоть и стоило бы! (Лицо Дениса блѣдно, зубы стиснуты). Убить! Знакомое вамъ словечко, не правда ли? Дѣда кто убилъ, а? Кто покушался на жизнь дѣвушки, за которую вы теперь сватаетесь? Кто два раза хотѣлъ отправить на тотъ свѣтъ меня? Господи!—кричитъ Денисъ, пылая негодованіемъ:—меня разбираетъ охота переломать вамъ всѣ кости до единой. Вставай! Вставай сейчасъ же и убирайся! А то я за себя не отвѣчаю...

— Убійства? Что вы городите? Какое отношеніе имѣю я къ убійствамъ? — заикается Странгфордъ, грязный и растерзанный, насилу поднимаясь на ноги:—вы... вы...

— Прочь!—подступаетъ къ нему Денисъ, и Странгфордъ безъ оглядки пускается бѣжать.

XXXI.

Нѣсколько минутъ Денисъ стоитъ неподвижно, какъ бы стараясь собраться съ мыслями. Онъ въ какомъ-то туманѣ; но постепенно мозгъ его проясняется и онъ радостно сознаётъ,

Digitized by Google

что живъ, не смотря на дьявольскій замыселъ Странгфорда. Одно бѣда: до Каригдаса еще далеко, а идти черезъ тунель, чуть не послужившій ему могилой, слишкомъ непріятно... И вдругъ ему становится ясно, что надо во что бы то ни стало видѣть Эллену. Не раздумывая больше, онъ пускается въ путь. Разумѣется, онъ ничего не скажетъ ей о возмутительномъ поступкѣ кузена,—къ чему омрачать ея милую головку?—но видѣть ее ужасно хочется ему, пока еще живъ... Онъ былъ на волосокъ отъ смерти; поэтому испытываетъ особенный приливъ любви къ жизни и къ дорогому для него существу.

. . . . . .

Элленъ, грустная и задумчивая, спустилась подъ вечеръ въ садъ; воздухъ насыщенъ ароматомъ послѣднихъ цвѣтовъ; дѣвушка идетъ вдоль садовой ограды, заросшей плющемъ и другими вьющимися растеніями, и предается нерадостнымъ размышленіямъ. Она чувствуетъ себя униженной и оскорбленной. На сердцѣ у нея безотрадно.

Нѣкоторыя фразы не выходятъ у нея изъ головы: «замаранная репутація! Что за ужасъ! А леди Августа еще подбавила горечи къ обидѣ, намекнувъ, будто Денисъ готовъ на ней жениться лишь изъ чувства долга. Сохрани Боже! Нѣтъ, нѣтъ, только не это! Но это неправда... Онъ ее любитъ... Онъ поцѣловалъ ее. Развѣ онъ сталъ бы цѣловать ее, еслибъ...

А вдругъ, поцѣловалъ, не любя?.. Элленъ горько плачетъ. Поцѣловалъ, не любя! Это было бы низко: Денисъ слишкомъ честенъ. Мысли ея мѣняютъ свое теченіе: она тоже дѣвушка честная; развѣ она пойдетъ за него, съ «замаранной репутаціей»? Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! Ей даже представляется, что она уже меньше его любитъ, и она рѣшается положить конецъ ихъ помолвкѣ. Заложивъ руки за спину, стоитъ она подъ вѣтвистой яблоней; на минуту она забываетъ свое положеніе и, закинувъ голову, слѣдитъ за полетомъ жаворонка, высоко рѣющаго въ небесахъ. Теплый осенній вѣтерокъ ласково играетъ ея кудрями и развѣваетъ юбку ея легкаго платья.

Взглядъ ея прикованъ къ счастливой, беззаботной, вольной птичкѣ. О, еслибъ и она могла улетѣть куда нибудь на волю, сбросить съ себя свѣтскія оковы! Впереди—одинъ безпросвѣтный мракъ и, не взирая на все свое мужество, Элленъ содрогается при мысли о будущемъ.

Digitized by Google

Она такъ увлеклась своимъ жаворонкомъ, что даже не замѣтила Дениса, спѣшившаго къ ней черезъ лужайку.

— Вотъ вы гдѣ, Нелли!—кричитъ онъ, и голосъ его словно будитъ ее. Она вздрагиваетъ, какъ ужаленная; онъ хочетъ заключить ее въ свои объятія, но она жестомъ останавливаетъ его; яркая краска стыда заливаетъ ей щоки и даже лобъ.

— Между нами все кончено!.. — съ нервною поспѣшностью говоритъ она:—мы оба ошиблись, Денисъ... увѣряю васъ. Мы... мы...—она задыхается отъ волненія.

— Вы, можетъ быть, и ошиблись,—говоритъ озадаченный Денисъ, нахмуривая брови, и уже не пытается къ ней приблизиться,—но не я.

При этихъ словахъ, сердце Эллены радостно бьется.

— Да и вамъ я не вѣрю!—продолжаетъ молодой человѣкъ, начиная сердиться, а потому дѣлаясь смѣлѣе:—объясните, Нелли, что могло случиться, за такой короткій промежутокъ времени?

— О!..

Она смущена. Какъ сказать ему? Наконецъ, она собирается съ духомъ и чуть слышно продолжаетъ:

— Ахъ, еслибы... еслибы той ужасной ночи никогда не было!

— Ночи въ подземельѣ?

Она киваетъ головой; горячій румянецъ сбѣжалъ съ ея лица и замѣнился блѣдностью; она стоитъ съ опущенными глазами.

— Вотъ въ чемъ дѣло! — презрительно восклицаетъ Денисъ,—никакъ я не думалъ, что вы способны придавать серьезное значеніе дурацкимъ сплетнямъ. Я самъ слышалъ не одинъ глупый намекъ на нашъ продолжительный tête-à-tête въ подземельѣ.

Денисъ все больше и больше злится, и иронически продолжаетъ:—Мнѣ порой кажется, что милымъ друзьямъ нашимъ было бы много пріятнѣе, еслибъ мы не укрылись подъ землею, а пошли бы по дорогѣ, да попрочнѣе попались въ лапы убійцъ. На то и друзья, чтобы пожелать намъ этого!—съ горечью добавляетъ Денисъ, — но это къ дѣлу мало относится. Лучше скажите прямо: кто и чѣмъ огорчилъ васъ?

Элленъ колеблется; сначала ей казалось, что лучше умереть, чѣмъ выдать содержаніе подслушаннаго въ оранжереѣ разго-

Digitized by Google

вора, но теперь обида въ ней разгорается и она не можетъ выдержать:

— Говорить мнѣ не легко... Но съ той ночи меня неоднократно попрекаютъ «замаранной репутаціей». — Она вспыхиваетъ и закрываетъ лицо руками.

Денисъ приходитъ въ изступленіе.

— Кто посмѣлъ это сказать?

— Странгфордъ...

— Проклятый негодяй!—слова эти невольно срываются у него съ языка.—Нелли!—молитъ онъ ее, и беретъ за обѣ руки:—поглядите на меня,—неужели вы изъ-за такого подлеца, какъ Странгфордъ, согласитесь сдѣлать несчастнымъ меня, искренно васъ любящаго, да... и себя въ придачу?.. Вѣдь вы же любите меня, Элленъ, я это знаю! И, пожалуйста, вы этого не отрицайте.

Лицо Дениса дышетъ мужественной красотой; онъ ждетъ отвѣта.

— Какъ вы самоувѣренны!—съ невольной улыбкой говоритъ Элленъ, но улыбка не надолго озарила ея печальное лицо.

— Увѣренъ въ томъ, что вы меня любите!—подтверждаетъ Денисъ, — и безконечно счастливъ этимъ. Въ васъ я сомнѣваться не могу, Нелли, разъ вы сказали, что любите меня.

Ударъ нанесенъ чрезвычайно метко. Элленъ отворачивается; ей хочется плакать. Онъ правъ, онъ правъ...

— Будьте же справедливы, Нелли! Вздумалось негодяю сказать вамъ гадость, и вы хотите выместить его подлую выходку на мнѣ!

— Но это не все...—слезы туманятъ глаза Элленъ:—еслибъ только одинъ Странгфордъ... но леди Августа сказала почти то же самое.

— Леди Августа позволила себѣ бросить вамъ въ лицо подобное оскорбленіе?

— О нѣтъ!..—слезы душатъ ее: — пожалуй, это было бы все таки сноснѣе... Но, Денисъ... лучше ужъ я все вамъ открою! — рѣшается она вдругъ и продолжаетъ спокойнѣе и дружелюбнѣе: — только не подходите ко мнѣ близко... стойте вонъ тамъ и слушайте.

Она указываетъ ему мѣсто поодаль, около розоваго куста.

Digitized by Google

— Мнѣ оттуда не будетъ слышно!—возражаетъ находчивый Денисъ и помѣщается у другаго куста, рядомъ съ молодой дѣвушкой.

— Слушайте же. Она говорила не мнѣ, а другимъ.

— Другимъ?

— Да. Только подождите осуждать меня; я и такъ очень разстроена. Послѣ непріятности со Странгфордомъ, я зашла въ оранжерею, чтобы прійти въ себя. Я страшно устала, перепугалась, и на душѣ у меня было тяжело... Я сѣла за растеніями и вскорѣ услыхала голоса... Леди Августа...

— Продолжайте! — гнѣвно торопитъ кузину Денисъ: — я потомъ съумѣю переговорить съ нею.

— Ни за что! Съ одной стороны,—она права; а съ другой... я вовсе не желаю, чтобы она знала... думала, будто я подслушивала. Да и особеннаго она ничего не сказала, и по тону всякій могъ заключить, что она ко мнѣ расположена... Она находитъ, что вамъ не слѣдуетъ на мнѣ жениться... и я съ ней вполнѣ согласна, если принять во вниманіе слова Странгфорда.

— Позвольте мнѣ, въ данномъ случаѣ, самому судить о выгодахъ или невыгодахъ брака съ вами! Мнѣ лучше это знать, чѣмъ леди Августѣ или тому... презрѣнному подлецу. Клянусь честью, услужливые друзья иногда бываютъ нестерпимы. Ну-съ, что же еще соблаговолила изречь леди Августа?

— Ничего больше! Да и не все ли равно? — безнадежно говоритъ Элленъ.

— Для меня далеко не все равно. Будьте добры и объясните толкомъ, что могла еще наговорить эта болтунья?

Говоритъ Денисъ властно, повелительно; такихъ рѣчей Элленъ еще не слыхала отъ него. Онъ—настоящій мужчина, достойный любви и уваженія. Какъ трудно отречься отъ него! Неужели онъ полюбитъ другую?..

При этой мысли, сердце ея замираетъ...

— Вы какъ будто приказываете мнѣ?—пробуетъ она возмутиться, но голосъ ея звучитъ слабо и нерѣшительно.

— Я имѣю на это право. Въ самомъ недалекомъ будущемъ я назову васъ своею женой, Элленъ...

— Этого никогда не будетъ!

— Будетъ. Или вы, или никто. Ну, выкладывайте скорѣе всѣ мудрыя рѣчи леди Августы.

Digitized by Google

— Хорошо же. (Какъ онъ ее любитъ! А она должна отказаться отъ него). Если вы ужъ такъ настаиваете, я скажу всю правду... Она думаетъ, во-первыхъ, что вы меня не любите, а сдѣлали мнѣ предложеніе изъ чувства долга. Теперь (она сверкающимъ взглядомъ пытается уничтожить его) — надѣюсь, вы довольны?

Денисъ придвигается къ ней.

— А вы?

Этого вопроса она не ожидала. Денисъ презрительно продолжаетъ:

— Надѣюсь, вы не глупѣе леди Августы. Когда я дѣлалъ вамъ предложеніе, вы меня заподозрили въ неискренности? Показалось ли вамъ, что я говорилъ или дѣйствовалъ по принужденію?

— Нѣтъ!— шепчетъ Элленъ.

— Въ такомъ случаѣ, я — или отъявленный лицемѣръ, или человѣкъ, честно любящій васъ! Предоставляю вамъ судить.

Но Элленъ закрываетъ руками лицо.

— Денисъ!

— Дорогая?.. Неужели вы мнѣ не вѣрите?

— Онъ... Онъ еще сказалъ, что вы влюблены въ леди Лотонъ. Денисъ отвѣчаетъ не сразу.

— Я и такъ у Странгфорда въ неоплатномъ долгу!—загадочно произноситъ онъ, наконецъ:—наши счеты не кончены... Я просто сталъ героемъ романа,—весело добавляетъ онъ.— Не окажется ли у меня и еще возлюбленной? Не слыхали? Не стѣсняйтесь, разсказывайте все по порядку.

— Вы сердитесь? А мнѣ и самой стало казаться, что еслибъ не та ночь, о которой упоминала леди Августа... вы бы никогда не надумались жениться на мнѣ...

— Леди Августа—дура! — выпаливаетъ Денисъ: — весьма возможно, что та ночь открыла мнѣ глаза на давно таившееся во мнѣ чувство... Но вѣдь вы и въ подземельѣ навѣрное догадывались, Элленъ, что я многое хочу сказать вамъ, только не смѣю...

— Не вспоминайте объ этомъ ужасномъ подземельѣ!—она хмуритъ брови и слегка содрогается.

— Чѣмъ же оно ужасно? Однако, не уклоняйтесь отъ

Digitized by Google

главной темы нашего разговора: вѣдь вы знали, что́ именно я хотѣлъ сказать вамъ?

— Ничего не знала. Я полагала, что вы совершенно равнодушны ко мнѣ..

— И вы говорите правду??

— Сущую правду!—она смѣется:—разумѣется, я догадывалась, что слегка вамъ нравлюсь...

— Ага, хорошо, что вы хоть объ этомъ догадались. Нелли, перестаньте дурачиться!—онъ самъ испугался рѣзкости своего выраженія: — простите меня, радость моя, я больше не буду! Но вѣдь вы поняли, что́ я хотѣлъ сказать?

— Прекрасно поняла. Только дальнѣйшіе разговоры безполезны. Я за васъ не пойду, Денисъ.

Молчаніе. Дениса начинаетъ снова злить ея упорство,—непонятное, необъяснимое для него. Онъ смотритъ куда-то въ сторону, а затѣмъ медленно, съ разстановкой, говоритъ:

— Это ваше окончательное рѣшеніе?

— Да.—Голосъ ея дрожитъ; она близка къ отчаянію; неужели это еще не конецъ испытанію?

— Недолго вамъ было перемѣнить рѣшеніе. Поздравляю! Стоило Странгфорду (не утверждайте больше, что онъ для васъ не существуетъ!) сказать слово,—и вы преспокойно устраняете меня.

— Денисъ!

— Слово отъявленнаго негодяя возъимѣло такое дѣйствіе. Прекрасно. Я начинаю думать, что вы меня никогда не любили.

— Вы не смѣете этого думать, Денисъ!..

— Что́ же прикажете мнѣ думать? Изъ-за глупой сплетни вы разбиваете счастье всей моей жизни!

На глазахъ его слезы.

— Вы меня мучите, Денисъ... Или вы не видите, что мнѣ самой не легко?..

— Конечно, сердце мое принадлежитъ вамъ, и вы считаете себя вправѣ терзать его, Элленъ... Обѣщайте мнѣ, по крайней мѣрѣ, хоть подумать еще...

— Подумать?—съ тоской повторяетъ она:—я вѣчно буду объ этомъ думать. Но выйти за васъ, когда кругомъ всѣ убѣждены, что вы женитесь на мнѣ по долгу рыцаря—нѣтъ, нѣтъ, я не въ состояніи!

Digitized by Google

— Гордости въ васъ больше, чѣмъ любви!

— Я больше думаю о васъ, нежели о себѣ.

— Забудьте, пожалуйста, обо мнѣ. Я не маленькій и самъ могу позаботиться не только о себѣ, но и о васъ, если хотите. Да что я за дуракъ въ самомъ дѣлѣ? Вы полагаете, что меня можно оттолкнуть ни за что, ни про что? Ошибаетесь! Вѣдь еслибы не вы, меня бы, въ настоящую минуту, не было въ живыхъ. Вы спасли мою жизнь,—ну, и она ваша теперь: дѣлайте съ ней, что хотите. Разбейте или осчастливьте навсегда. Если вы разобьете ее... что же? жить все таки надо какъ нибудь; говорятъ, время все излѣчиваетъ. Но ужь другую женщину я такъ любить не буду!

Каждое слово его дышетъ искренней, честной любовью; Эллень становится бѣлѣй полотна.

— А я развѣ съ вами ничего не теряю? — съ чувствомъ говоритъ она.

— По моему, теряете! — откровенно сознаётся Денисъ:— мнѣ думается, вы меня любите настолько, что безъ меня счастливой не будете. Но... — онъ рѣшительно беретъ ее за плечи, притягиваетъ къ себѣ и нѣжно цѣлуетъ, — но вы отъ меня не откажетесь, не правда ли, Нелли? У васъ духу не хватитъ оттолкнуть меня?

Эллень рыдаетъ.

— Уйдите, уйдите! Оставьте меня...

— Согласитесь? Да? — молитъ онъ; неподдѣльная страсть слышится въ его словахъ.

— Вы думаете, я буду счастлива?—съ неменьшей страстностью спрашиваетъ она:—выйти за васъ, чтобы потомъ всѣ презирали вашу жену, насмѣхались надъ ней? Нѣтъ, нѣтъ! Вы сами еще не вникли въ то, что вамъ предстоитъ со мной, о Денисъ!

— Честное слово,—это, наконецъ, глупо! — въ отчаяньѣ говоритъ онъ: ему ясно, что въ настоящую минуту ему не сломить ея упорства. — Неужели же вы серьезно полагаете, что человѣкъ въ здравомъ разсудкѣ посовѣтовалъ бы вамъ идти на вѣрную смерть, а не спрятаться въ подземельѣ? Конечно, жаль,—иронически добавляетъ онъ,—что вы не успѣли прихватить съ собой компаньонку. Но впопыхахъ такія вещи иногда позабываются. Въ слѣдующій разъ мы будемъ предусмотри-

Digitized by Google

тельнѣе. Идите-ка лучше домой, да обдумайте все на свободѣ. Авось жалко меня станетъ... Отказа вашего я не принимаю. На всякій случай надо васъ поцѣловать еще разочекъ. — Съ этими словами онъ приводитъ свое намѣреніе въ исполненіе.

— Хорошо вамъ шутить!—съ укоризной говоритъ она, но на душѣ у нея становится значительно веселѣе.

— Шутить? Почему же и не пошутить? Нѣтъ, Нелли, поздно намъ разставаться; мы слишкомъ много пережили вдвоемъ! — Онъ беретъ ея руки и съ разстановкой, попеременно, цѣлуетъ ея ладони.

Онъ ужъ больше не шутитъ, а пристально, любовно вглядывается въ нее: — Вы моя, Нелли! Не людскому злоязычію разлучить насъ. Вы моя навсегда, также какъ и я вашъ навѣки...

Съ этими словами онъ выпускаетъ ея руки, не требуетъ больше поцѣлуевъ и уходитъ. Въ душѣ онъ несовсѣмъ спокоенъ, но храбрится.

Выдя изъ сада въ сосѣднее поле (кратчайшій путь въ Каригдасъ) Денисъ останавливается у плетня и оглядывается назадъ: Элленъ встала на скамейку и всматривается вдаль, очевидно желая какъ можно дольше не терять его изъ виду. Обстоятельство незначительное, конечно, — но оно приводитъ Дениса въ неописанный восторгъ: значитъ, не все еще потеряно!

XXXII.

Часомъ позже Элленъ уже дома. Сердце ея не спокойно; она дала ему уйти—и онъ ушелъ... Но тайное чувство подсказываетъ ей, что онъ вернется, а тогда... хватитъ ли у нея силъ еще разъ оттолкнуть его?

Она проходитъ по гостинной; какъ тутъ тепло и уютно! Отъ всей обстановки вѣетъ чѣмъ-то стариннымъ, но роднымъ...

Вдругъ изъ дверей библіотеки показывается леди Августа.

— Элленъ, милочка моя, подите-ка сюда!

Молодая дѣвушка входитъ вслѣдъ за хозяйкой въ комнату; въ каминѣ пылаетъ огонь.

— Гдѣ вы пропадали? Странгфордъ хотѣлъ васъ видѣть,— Китти мнѣ сказала.

Digitized by Google

— Да, я его встрѣтила.

— И что же онъ? Вы знаете, дорогая, что я принимаю ваши интересы чрезвычайно близко къ сердцу... А за послѣднее время я стала замѣчать (впрочемъ, и покойный дѣдушка вашъ кое-что объ этомъ мнѣ намекалъ), что Странгфордъ... Ну, моя душечка, вы же меня понимаете? Неужели вы хотите скрывать отъ меня?..

— Мнѣ почти нечего говорить вамъ, леди Августа,—сухо отвѣчаетъ молодая дѣвушка:—сэръ Странгфордъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе, и я ему отказала.

— Милая, какъ опрометчиво поступили вы!

— Неужели?—съ горечью говоритъ Элленъ:—къ сожалѣнію, я не люблю Странгфорда и никакія сплетни въ мірѣ не заставятъ меня принять его предложеніе.

— Элленъ!.. Что за тонъ? Вы говорите это не спроста...

— Я говорю во всякомъ случаѣ правду: за Странгфорда я не выду ни за что на свѣтѣ.—Она идетъ къ двери, но затѣмъ, подъ вліяніемъ внезапнаго побужденія, останавливается.—Вы просили меня быть съ вами откровенной—извольте! Послѣ Странгфорда я встрѣтила Дениса: онъ тоже просилъ моей руки, и тоже получилъ отказъ.

— Но это безуміе, Элленъ! — въ отчаяніи кричитъ леди Августа, воздѣвая руки къ верху:—вы отказали Денису?

— Вы полагаете, что я должна была согласиться, съ цѣлью сохранить остатки моей жалкой репутаціи? — горько смѣется Элленъ: — на это, пожалуйста, не разсчитывайте. Мнѣ дѣла нѣтъ до моей репутаціи.

— Вамъ дѣла нѣтъ до вашей репутаціи, Элленъ?—въ священномъ ужасѣ повторяетъ добрѣйшая матрона и падаетъ на ближайшее кресло.—Что съ вами? Кто могъ оскорбить васъ?

— Вы!—холодно отчеканиваетъ молодая дѣвушка.

— Я?—жалобно восклицаетъ леди Августа.

— Намъ лучше откровенно объясниться. Я случайно была въ оранжереѣ, когда вы разговаривали тамъ съ мистеромъ Друмондомъ и съ другими... обо мнѣ. Вы сами знаете, что вы говорили. Неужели же вы думаете, что послѣ этого я могу выйти замужъ за Дениса?!

Элленъ плачетъ.

— Какой ужасъ! — стонетъ леди Августа: — могла ли я

Digitized by Google

знать, что Денисъ влюбленъ въ васъ? А что Странгфордъ давно въ васъ влюбленъ, это всѣмъ извѣстно. Элленъ, я думала устроить все къ лучшему. Вѣдь я люблю васъ, какъ родную дочь, и теперь вотъ оказываюсь во всемъ виноватой. Я испортила вашу жизнь!

Она тоже принимается всхлипывать.

Этого Элленъ ужь никакъ не ожидала. Напротивъ, она хотѣла сорвать на леди Августѣ накипѣвшее въ ней раздраженіе (да и дѣйствительно сердилась на нее), а теперь ужаснулась собственной жестокости. Вѣдь въ сущности леди Августа всегда была ея другомъ, а послѣ смерти дѣда приняла ее въ свою семью, какъ родную!

Она бросается на колѣни передъ разогорченной леди Августой и обхватываетъ руками ея объемистый станъ.

— Не плачьте, ради бога не плачьте!

— Нѣтъ, вы правы, Элленъ,—слезы леди Августы текутъ ручьемъ: — я невольно испортила вамъ жизнь! Приди мнѣ въ голову, хоть на секунду, что вы любите Дениса...

— Этого я никогда не говорила.

— Теперь это для меня и такъ ясно. А онъ... разумѣется, онъ васъ любитъ. Я же неосторожнымъ словомъ разбила ваше счастье!

Вдругъ лицо леди Августы проясняется и она ласково заглядываетъ Элленъ въ глаза.—Но, впрочемъ, дѣло еще поправимо: онъ сегодня у насъ обѣдаетъ. Я встрѣтила его у западныхъ воротъ съ часъ тому назадъ и пригласила. Вы, конечно, выдете къ обѣду?—тревожно освѣдомляется она.

— Ни за что на свѣтѣ!—твердо отвѣчаетъ Элленъ.

XXXIII.

Пара пони миссъ Друмондъ—«Красавчикъ» и «Смирный»,—названные такъ владѣлицей за ихъ внѣшнія и душевныя качества, подкатили къ главнымъ воротамъ; первымъ прыгаетъ изъ экипажа лордъ Экорнъ; Китти, не глядя на него, приглашаетъ его зайти. Почему же онъ не хочетъ? Мама будетъ удивлена; сегодня ея пріемный день и т. д. Она говоритъ торопливо, безсвязно, но Экорнъ отказывается зайти. Должна же она по-

Digitized by Google

нять... что при данныхъ условіяхъ... (голосъ его обрывается)... значитъ, нѣтъ никакой надежды?

— Милѣйшій лордъ Экорнъ, хотѣла бы я дать вамъ болѣе пріятный отвѣтъ, но не могу. — Она протягиваетъ ему руку, лордъ Экорнъ беретъ ее и на минуту удерживаетъ въ своей.

— А я было мечталъ, что ручка эта будетъ принадлежать мнѣ, Китти!—Онъ подноситъ ея руку къ своимъ губамъ, отворачивается и уходитъ.

Не въ добрый часъ, съ противоположной стороны, подоспѣваетъ Томъ Дельмиджъ; отъ него не ускользаютъ явное волненіе обѣихъ сторонъ и прощальный жестъ... Ревнивое сердце Тома сжимается. Все кончено! Она приняла предложеніе «идіота». Бѣдный Томъ не краснорѣчивъ, но воображеніе у него пылкое. Какъ ястребъ, налетаетъ онъ на Китти, которая только что собирается въѣхать въ ворота.

— Это вы, Томъ? — она блѣдна и очевидно возбуждена; для Тома сомнѣнія больше не существуетъ:—ахъ, да, вы вѣдь говорили, что придете. Садитесь со мною рядомъ!

— Очень мнѣ нужно! — свирѣпо огрызается Дельмиджъ.

Миссъ Друмондъ широко раскрываетъ глаза.

— Что съ вами?—недоумѣваетъ она: — вѣрно, папа васъ разстроилъ вчера разсказами о продѣлкахъ Странгфорда? Ненавижу я Странгфорда, а вы?

— Я другихъ еще больше ненавижу! — ворчитъ мрачный Томъ.

— А!..—Китти сообразила, что онъ видѣлъ, какъ Экорнъ цѣловалъ ея руку на прощанье.—Кого же ненавидите? меня?

Молчанье Тома полно презрѣнья.

— Прощайте!—буркаетъ онъ, наконецъ, не протягивая ей даже руки.

— Не желаю я съ вами прощаться, Томъ... Вы обѣщали мамѣ прійти, поможете ей занимать гостей. Представьте, она убѣдила даже Элленъ выйти въ гостинную. Я рада! Пора ей показываться въ люди! Смѣшно оплакивать такъ долго старика, который...—она изподлобья глядитъ на Тома,—обращался съ нею не лучше, чѣмъ вы со мной.

— Этого только недоставало! Я, я худо обращаюсь съ вами? Я, какъ собака, вѣчно у вашихъ ногъ! Но ужъ будетъ... довольно!

Digitized by Google

— Говоря по правдѣ,—задумчиво отзывается миссъ Друмондъ,—мнѣ мои ноги и самой не нравятся. Не удивительно, что вы къ нимъ относитесь съ такимъ презрѣніемъ. Ботинки № третій, а я знаю многихъ изъ подругъ, которыя носятъ второй... положимъ, узковато, но терпятъ. А все таки, Томъ, вы мой старый другъ и открыто издѣваетесь надъ моими ногами... Съ вашей стороны, это не особенно любезно. Все таки онѣ не уродливы.

— Разумѣется! То-то и палъ къ вашимъ ногамъ лордъ Экорнъ! — язвительно замѣчаетъ Томъ, все стоя посреди дороги.

«Какъ онъ меня любитъ и какой чудакъ»! мелькаетъ въ головѣ молодой дѣвушки. Ей хочется и смѣяться, и плакать.

— Одинъ только Экорнъ?!—продолжаетъ она:—а я-то, за послѣднее время, изъ силъ выбивалась, выбирая себѣ изящныя ботинки! А впрочемъ, Томъ, шутки въ сторону: ноги мои сослужили мнѣ иную службу...

— Не герцогъ ли какой палъ къ нимъ? — рѣзко выпаливаетъ ревнивецъ; но Китти не обижается его грубостями,—ее подкупаетъ искренность его чувства.

— Ахъ, Томъ, перестаньте смѣшить меня!—она протягиваетъ ему руку:—ѣдемте-ка лучше со мной.

— Покорно благодарю!

— Да что съ вами? Мнѣ просто непонятно ваше поведеніе.

— Вы сами прекрасно знаете! Какъ вы смѣете звать меня къ себѣ, когда я все видѣлъ? Неужели у васъ нѣтъ сердца и вы не понимаете, что я долженъ былъ чувствовать, когда эта обезьяна цѣловала вашу руку? Я много встрѣчалъ на своемъ вѣку отъявленныхъ кокетокъ, но безсовѣстнѣе васъ никого не видалъ!

Онъ старается уничтожить взглядомъ свою мучительницу; но миссъ Друмондъ остается нечувствительной къ нанесеннымъ ей оскорбленіямъ и отвѣчаетъ ему яснымъ, задумчивымъ взоромъ.

— Отдохните!—съ участіемъ говоритъ она:—у васъ навѣрно явилась потребность перевести дыханіе.

Но шутка не оказываетъ на него никакого дѣйствія.

Digitized by Google

— Томъ!—нетерпѣливо спрашиваетъ Китти:—что съ вами приключилось?

— Вы лучше отвѣтьте на мой вопросъ: что вы говорили сейчасъ съ Экорномъ?

— Чужихъ секретовъ я не имѣю права выдавать!—не безъ достоинства отвѣчаетъ Китти.

— А я знаю. Но до тѣхъ поръ я не переступлю порога вашего дома, пока не услышу этого отъ васъ.

Послѣ нѣкотораго колебанія, она говоритъ:

— Хорошо. Если вы непремѣнно желаете знать, то я сказала ему: «нѣтъ! положительно и безповоротно нѣтъ»!

Томъ поблѣднѣлъ, какъ смерть.

— Китти! Правда ли это?..

— Думайте, что хотите. Я положительно не имѣла права передавать вамъ этого.

Молодая дѣвушка сердится за свою непослѣдовательность, но, конечно, не на себя, а на Тома.

— Китти, Китти! — внѣ себя отъ волненія восклицаетъ Томъ и неожиданно обнимаетъ ее:—правда это? правда?

Китти смѣется и не сопротивляется. Она всегда любила одного Тома, хотя несовсѣмъ ясно сознавала это до настоящей минуты.

— Китти, милочка, добрая, славная, прелестная! Вы ангелъ, Китти!

— Минуту тому назадъ, помнится, безсовѣстнѣе меня не было на свѣтѣ?..—смѣется она.

— Ахъ, оставьте! Я былъ слѣпъ, а теперь прозрѣлъ, и вижу, что вы—прелесть.

. . . . . .

— Ну, Томъ, такъ мы и къ завтраку опоздаемъ, и папа разсердится. Берите возжи!

Съ этими словами, Китти передаетъ ему возжи. — Я, кажется, говорила уже вамъ, что Элленъ сойдетъ къ завтраку? Мама убѣдила ее не прятаться больше отъ гостей, подъ предлогомъ, будто ей трудно одной занимать ихъ. Я сегодня плохая помощница мамѣ... послѣ того, что случилось. Томъ, что вы все молчите? Даже, кажется, не слушаете меня? Гдѣ вы? О чемъ замечтались?

— О васъ, только о васъ, жизнь моя, сокровище мое!—

Digitized by Google

говоритъ Томъ, выпуская изъ рукъ и хлыстъ, и возжи, и снова обнимая свою невѣсту.

Вскорѣ они сдаютъ пони на руки конюху, уходятъ въ садъ и болтаютъ до тѣхъ поръ, пока ударъ колокола не призываетъ ихъ къ дѣйствительности.

— Завтракъ!

— Очень нужно. Какое намъ дѣло до завтрака? — презрительно говоритъ Томъ: — ни на минуту не оставятъ въ покоѣ.

— Томъ, успѣемъ послѣ завтрака наговориться. Пойдемте.

— О, Китти, какъ я счастливъ! Я чувствую себя повелителемъ вселенной.

— Моимъ повелителемъ?..

— Вашимъ рабомъ!..

Къ завтраку они все таки опоздали.

XXXIV.

Денисъ явился только къ чаю, вмѣстѣ съ мистриссъ О'Флагерти, леди Лотонъ и другими гостями.

День выдался холодный, вѣтряный; въ большой гостинной былъ разведенъ огонь въ каминѣ; въ комнатѣ тепло и уютно.

Элленъ, уступившая просьбамъ леди Августы, сидитъ у одного изъ оконъ и бесѣдуетъ съ мистриссъ О'Флагерти. Денисъ съ самаго порога замѣтилъ свою возлюбленную; взгляды ихъ встрѣтились... Она даетъ ему понять, чтобы онъ пока не подходилъ къ ней.

Желанія ея для него святы. Но онъ упорно отказывается исполнить приказъ леди Лотонъ, которая жестомъ подзываетъ его къ себѣ и уже подбираетъ шолковую юбку, чтобы дать ему мѣстечко на диванѣ рядомъ съ собою.

Брови ея хмурятся, но придраться не къ чему: Денисъ дѣлаетъ видъ, что не замѣтилъ ея движенія. Она поднимается со своего мѣста, съ лѣнивой граціей переходитъ черезъ всю комнату и опускается на кресло рядомъ съ Элленъ.

— Милая миссъ О'Нейль!—протяжно говоритъ леди Лотонъ:—какъ мы счастливы, что снова видимъ васъ! Я тамъ

Digitized by Google

входила въ ваше положеніе! Вы прескверно себя чувствовали, не правда ли? А люди такъ злы...—съ дѣтски-невиннымъ выраженіемъ продолжаетъ она:—они богъ знаетъ чего способны наговорить! Да!—(вздохъ):—вы выдержали тяжелое испытаніе.

— Я посовѣтовала Элленъ немного развлечься!—спѣшитъ на помощь къ Элленъ леди Августа.

Леди Лотонъ сочувственно киваетъ головой.

— Да, большое горе! (Она прекрасно знаетъ, какія отношенія существовали между дѣдомъ и внучкой). Старикъ такъ обожалъ васъ! Милѣйшій былъ человѣкъ.

Что можетъ отвѣтить Элленъ? Леди Августа опять ее выручаетъ:

— Къ чему вспоминать прошлое? Элленъ и такъ много пережила.

— Вы правы!—кротко соглашается леди Лотонъ:—я только что говорила миссъ О'Нейль, что горячо сочувствую ей. Нельзя не пожалѣть ее. Помимо весьма естественнаго горя о смерти дѣда, который души въ ней не чаялъ... ей еще много кое-о-чемъ приходится призадуматься. Увѣряю васъ, меня страшно возмущаютъ пошлыя сплетни, которыя начали ходить на вашъ счетъ по околодку.

— На мой счетъ?..—Элленъ хочетъ встать, но мистриссъ О'Флагерти кладетъ руку ей на плечо.

— А вы ничего и не знали, бѣдняжка?—леди Лотонъ повидимому изумлена,—въ такомъ случаѣ простите! Я никакъ не могла этого подумать... Разумѣется, дорогая миссъ О'Нейль, вы невиноваты, что провели съ Денисомъ цѣлую ночь въ какомъ-то подвалѣ...

— Я васъ не понимаю! — высокомѣрно перебиваетъ ее Элленъ.

— Это вышло случайно... время можетъ все изгладить...

— Изгладить... что?—Природная смѣлость Элленъ беретъ верхъ; она гнѣвно глядитъ прямо въ глаза коварной сплетницы.

— Какъ вамъ сказать? Дорогая леди Августа, вы, можетъ быть, объясните ей, въ чемъ дѣло?

— Ничего не могу объяснить, потому что сама не понимаю вашихъ словъ,—рѣзко отзывается леди Августа.

— Это вы такъ только говорите!—задумчиво качаетъ го-

Digitized by Google

ловой леди Лотонъ:—навѣрно ужь не разъ вы говорили объ этомъ и съ миссъ О'Нейль. Должна же она была опасаться, что, послѣ ея страннаго приключенія, ее перестанутъ принимать въ высшемъ обществѣ...

— Послѣ моего страннаго приключенія?—повторяетъ Элленъ и губы ея бѣлѣютъ.

— Некрасивое слово, не такъ ли?—съ улыбкой говоритъ леди Лотонъ:—ну, годикъ-другой, и все забудется! Общество неумолимо до поры до времени. Насколько я вижу (леди Лотонъ фамильярно киваетъ головой) оно и теперь относится къ вамъ снисходительно. На меня, во всякомъ случаѣ, разсчитывайте, дорогая миссъ О'Нейль! Я все сдѣлаю, что въ моей власти, чтобы помочь вамъ выпутаться изъ бѣды.

— Никакой бѣды я не вижу,—гордо возражаетъ Элленъ,—и въ особенности, въ вашей помощи, не нуждаюсь!

Въ эту минуту дверь раскрывается настежъ и дворецкій торжественно докладываетъ:

— Герцогиня Эльстеръ.

Ея свѣтлость,—плотная, коренастая женщина лѣтъ шестидесяти, весьма небольшаго роста,—быстрыми шагами входитъ въ гостинную.

— Я завернула къ тебѣ лишь на минутку, милая Августа!—говоритъ герцогиня, цѣлуя въ щеку хозяйку дома, свою родственницу:—хотѣлось знать, какъ вы всѣ поживаете. Мнѣ сегодня предстоитъ масса скучнѣйшихъ визитовъ.

Говоритъ она громко и отчетливо; многіе изъ гостей леди Августы, по возвращеніи домой, вѣроятно, найдутъ у себя визитныя карточки герцогини Эльстеръ и будутъ знать, что эти посѣщенія причисляются къ «скучнѣйшимъ визитамъ».

— Я вѣдь не видала васъ съ самой смерти О'Нейля! Крутой былъ помѣщикъ, но собесѣдникъ премилый. Мнѣ даже взгрустнулось, когда я узнала о его смерти. Онъ былъ моимъ партнеромъ въ вистъ. Хорошо игралъ, покойникъ!—Герцогиня опускается въ кресло и вздыхаетъ.—Подумай, Августа, я только сейчасъ узнала подробности о геройскомъ поведеніи его внучки. Вамъ, разумѣется, уже все извѣстно?—обращается она къ мистриссъ О'Флагерти,—а мнѣ лишь сегодня обо всемъ разсказали подробно. Сначала я прочла замѣтку въ газетѣ, потомъ зашли Гэрсты, и я ихъ поразспросила.

Digitized by Google

— Вотъ какъ! Какого же ты придерживаешься мнѣнія?— съ замирающимъ сердцемъ спрашиваетъ леди Августа.

— Я? Да она совсѣмъ молодецъ-дѣвочка! Героиня, да и только. Признаюсь, я люблю храбрыхъ и рѣшительныхъ дѣвушекъ. Храбрая, замѣчательно храбрая!—Она встрѣчается взглядомъ съ леди Лотонъ:—не правда ли, а?

Какъ отвѣтить леди Лотонъ? Противорѣчить герцогинѣ не хочется; противорѣчить своему прежнему мнѣнію—тоже какъ будто неловко...

— Храбрость бываетъ разная!—уклончиво говоритъ она.

— Разная?—переспрашиваетъ герцогиня:—какая такая разная? Храбрость и есть храбрость, и внучка О'Нейля—просто героиня. Говорятъ, она повела наслѣдника майората прямо по стропиламъ; только благодаря ея отвагѣ и находчивости, оба остались живы.

— Совершенно вѣрно,—вкрадчиво поддакиваетъ леди Лотонъ:—а остальную часть ночи она провела съ нимъ съ глазу на глазъ въ подвалѣ... Это вамъ разсказывали, герцогиня? По истинѣ, изумительно храбрая дѣвушка!

— Вы, кажется, надъ нею издѣваетесь, моя милая? Непохвально. Я все знаю, до мельчайшихъ подробностей. Будь я на мѣстѣ миссъ О'Нейль, то охотно просидѣла бы въ подземельѣ цѣлую ночь, хоть съ пастухомъ, не то что съ джентльменомъ. Вздоръ какой!—герцогиня надменно поднимаетъ голову:—ненавижу лицемѣріе и злоязычіе! Этимъ прикрываютъ свои собственные пороки...

Леди Лотонъ, внутренно взбѣшенная, принуждена, однако, смолчать и съ отчаянія начинаетъ кокетничать съ молоденькимъ офицерикомъ. Всѣ ея старанія насчетъ Элленъ ни къ чему не привели...

— Не хочешь ли видѣть юную героиню?—спрашиваетъ леди Августа герцогиню, давъ ей поговорить съ мистриссъ О'Флагерти.

— Очень рада. Да вотъ и она.

Герцогиня встаетъ навстрѣчу Элленъ и беретъ ее за обѣ руки.

— Дайте поцѣловать васъ, милая миссъ! Вы, своимъ мужествомъ, дѣлаете честь нашей родинѣ. Я съ тѣмъ сегодня и заѣхала къ Августѣ, чтобы пригласить васъ погостить у меня

Digitized by Google

съ недѣльку. Это будетъ маленькое развлеченіе вамъ и удовольствіе—мнѣ. Не хотите ли ѣхать со мной сейчасъ?

Леди Августа, видя смущеніе Элленъ и боясь съ ея стороны отказа, поспѣшно вмѣшивается.

— Вотъ это мило съ твоей стороны! Элленъ сильно нуждается въ перемѣнѣ обстановки.

— Я такъ и думала. На слѣдующей недѣлѣ я сама привезу ее къ тебѣ обратно, да заодно тогда и позавтракаю. Къ тебѣ не близко отъ насъ, Августа; апетитъ разыграется дорогой.

— Жаль, что не позавтракала у меня сегодня,—говоритъ радушная хозяйка.—Идите, Элленъ, душа моя, соберите необходимыя вещи.

Элленъ хотѣла было сначала уклониться отъ приглашенія герцогини; но, взглянувъ случайно на леди Лотонъ, моментально согласилась. Она поняла, что визитъ къ всемогущей герцогинѣ положитъ конецъ всѣмъ сплетнямъ насчетъ ея похожденій съ Денисомъ.

Робко, но съ достоинствомъ обращается она къ старой аристократкѣ:

— Вы очень добры, герцогиня; благодарю васъ за приглашеніе.

— Милая моя дѣвочка! Съ радостью похищаю васъ,—ласково говоритъ старуха:—а, вотъ и мистеръ О'Нейль!—узнала она вдругъ Дениса:—до сихъ поръ мы мало знали другъ друга, но теперь, когда я увожу героиню... вашего романа, желала бы поближе познакомиться съ вами.

Герцогиня добродушно смѣется своей остротѣ и Денисъ невольно ей вторитъ. Съ сердца его спадаетъ тяжесть. Теперь онъ вполнѣ можетъ надѣяться на осуществленіе своихъ желаній. Герцогиня на ихъ сторонѣ, — злые языки разомъ уймутся.

Отвѣтивъ старухѣ благодарностью и комплиментами, онъ поспѣшно подходитъ къ Элленъ.

— Вотъ видите, дорогая, какъ вы заблуждались... — тихо говоритъ онъ ей, и леди Лотонъ со злостью видитъ, какъ онъ нѣжно беретъ ее за руку.

— А все таки мнѣ страшно съ нею ѣхать! — также тихо отвѣчаетъ жениху Элленъ:—я ее почти не знаю... а она еще будетъ заѣзжать къ разнымъ знакомымъ...

Digitized by Google

— Тѣмъ лучше; это произведетъ удивительный эффектъ на злорадное общество. Все это намъ на руку, радость моя!

Онъ направляется снова къ герцогинѣ, которая тѣмъ временемъ о чемъ-то вполголоса толкуетъ съ леди Августой.

— Между кузенами и на самомъ дѣлѣ романъ, говоришь ты? Отлично: оба красивы, дивная парочка! По моему, только красивые люди должны вступать между собою въ бракъ. Я вотъ сдѣлала громадную ошибку: оба мои сына—уроды первостатейные!

Подошелъ Денисъ и почтительно сказалъ герцогинѣ нѣсколько словъ; старуха громко отвѣтила, что будетъ очень рада подвезти его въ своемъ экипажѣ.

Вполнѣ довольный удачей, Денисъ ожидаетъ возвращенія въ гостинную Элленъ и, какъ только она показывается, отзываетъ ее въ сосѣднюю комнату и сообщаетъ о совмѣстномъ путешествіи...

— Я хотѣлъ еще сказать вамъ, Элленъ, — прибавляетъ онъ,—что всѣ препятствія устранены... Не такъ ли? Мы можемъ любить другъ друга... сегодня, завтра, всегда!..

Элленъ блаженно улыбается.

— Я счастлива, — наивно произноситъ она, и сердце Дениса наполняется радостью.

— Элленъ, Элленъ!—зоветъ леди Августа, и молодые люди входятъ въ гостинную. Герцогиня привѣтливо улыбается имъ и всѣ трое проходятъ въ переднюю, гдѣ накидываютъ верхнее платье; затѣмъ садятся въ экипажъ и выѣзжаютъ за ворота.

Въ эту минуту Странгфордъ попадается имъ навстрѣчу. Не безъ удивленія узнаётъ онъ въ экипажѣ герцогини—Дениса и Элленъ. Ярость, отчаяніе, жажда мести разомъ охватываютъ его; онъ почти не замѣтилъ, что герцогиня и вниманія не обратила на его поклонъ.

XXXV.

Странгфордъ провожаетъ глазами удаляющуюся коляску, но вотъ пыль улеглась; онъ мѣняетъ намѣреніе и устремляется по дорогѣ къ горамъ, синѣющимъ вдали...

Онъ идетъ быстрыми шагами все впередъ и впередъ, и

Digitized by Google

въ немъ разгорается желаніе отомстить Денису. На одномъ Денисѣ сосредоточились всѣ его мысли; даже Элленъ на время позабыта. О, еслибъ Денисъ былъ въ его власти! Убить бы его, затоптать ногами, превратить въ прахъ...

Занятый своими мыслями, Странгфордъ и не замѣтилъ, какъ очутился въ самомъ центрѣ пустынныхъ горъ; межъ двухъ высокихъ скалъ идетъ узкая тропинка; за ней открывается видъ на развалины старинаго замка Килькерна. Сюда обѣщалъ онъ Конелю принести пятьдесятъ фунтовъ. Завтра—послѣдній срокъ.

Наступаютъ сумерки. Странгфордъ остановился и озирается по сторонамъ. Что привело его сюда? Думалъ ли онъ о Конелѣ? Задыхаясь отъ быстрой ходьбы, Странгфордъ стоитъ и о чемъ-то думаетъ. Костюмъ его сильно пострадалъ отъ сучьевъ и колючекъ, попадавшихся на пути, но онъ не обращаетъ на это никакого вниманія. Завтра онъ, вѣроятно, встрѣтитъ здѣсь Конеля... Что если удвоить сумму,—согласится ли Патси услужить ему?..

Какъ будто въ отвѣтъ на его молчаливый призывъ, на его затаенное желаніе, гдѣ-то близко раздается свистъ...

Странгфордъ вздрагиваетъ и оглядывается. Кругомъ ни души. Его охватываетъ суевѣрный страхъ; холодный потъ выступаетъ у него на лбу. Вдругъ изъ канавы, около которой онъ стоитъ, показывается голова, а за нею тонкая, худая рука, которая манитъ его къ себѣ.

Странгфордъ узналъ Патси Конеля и осторожно спускается къ нему въ канаву.

— Ну, что?—спрашиваетъ Странгфордъ:—Богъ мой, Конель, что съ вами? Вы больны, вѣрно?—Весь видъ несчастнаго злодѣя леденитъ душу, словно онъ три дня не ѣлъ.

— Денегъ нѣтъ уѣхать!—злобно отвѣчаетъ Конель.

— Раньше бѣжать было даже опасно,—поясняетъ Странгфордъ:—ваши примѣты всюду разосланы. Сейчасъ бы схватили. Но на что вы стали похожи, несчастный! Меня убиваетъ мысль, что мои родственники довели васъ до такого состоянія... Это ужасно!

Странгфордъ ходитъ взадъ и впередъ по дну канавы, что-то обдумывая.

— Правду ли говорили мнѣ, Патси, будто Денисъ не по-

Digitized by Google

зволилъ вашей матери вернуться на ферму?—вдругъ освѣдомляется онъ.

— Я думаю, это вамъ также хорошо извѣстно, какъ и мнѣ,—мрачно отзывается Конель.

— Еслибъ было извѣстно, такъ я не сталъ бы васъ спрашивать! Отвѣтомъ вашимъ вы можете меня нѣсколько успокоить. Все таки О'Нейль—мнѣ родственникъ. Скажите же, что это не правда?

Конель не отвѣчаетъ, но упорно, недовѣрчиво глядитъ на сообщника. Впалые глаза его такъ и сверкаютъ.

— А, понимаю!—со сдержаннымъ негодованіемъ восклицаетъ Странгфордъ:—о, еслибъ Кардигасъ принадлежалъ мнѣ! Вздохнули бы бѣдняки. Почему не я наслѣдникъ старика? Я бы ужь позаботился о васъ и о вашей бѣдной матери. Будь я на мѣстѣ Дениса, я не преслѣдовалъ бы васъ всюду, какъ бѣшеную собаку. Еслибъ Дениса не было на свѣтѣ,—говоритъ онъ отчетливо и внушительно,—или еслибы его можно было устранить... я бы съумѣлъ помочь несчастному изстрадавшемуся народу!

Наступаетъ молчаніе; искуситель поглядываетъ на Конеля, но тотъ и рта не открываетъ; лицо его по прежнему мрачно и сосредоточено.

— Хуже же всего то,—продолжаетъ Странгфордъ, — что кузенъ мой совершенно не интересуется судьбой зависящаго отъ него люда. Ему рѣшительно все равно, что вы скитаетесь по этимъ горамъ, а бѣдной вашей матери негдѣ приклонить голову на старости лѣтъ!—Судорога пробѣгаетъ по лицу убійцы, а Странгфордъ продолжаетъ, въ полной увѣренности, что цѣль достигнута.—Да, Конель,—онъ наслаждается жизнью, а вы мучитесь, какъ въ аду. Я слышалъ, что онъ намѣренъ жениться на миссъ Элленъ О'Нейль. Богатство къ богатству! А вы съ голоду помрете. Онъ каждый день, говорятъ, обѣдаетъ въ Друмондъ-Голлѣ, гдѣ живетъ теперь его невѣста, и возвращается домой около одиннадцати часовъ вечера. Какъ видно, онъ самонадѣянъ, не боится ни темноты, ни справедливаго мщенія, которое можетъ обрушиться на его голову.

Новая пауза. Конель не прерываетъ ея. Странгфордъ рѣшается высказаться еще яснѣе:

— Мнѣ пришло на дняхъ въ голову, что пятидесяти фун-

Digitized by Google

товъ для эмиграціи мало. Жалѣя васъ, другъ мой, я готовъ прибавить еще пятьдесятъ, съ тѣмъ...

Онъ пытливо смотритъ на Конеля, и тотъ прерываетъ, наконецъ, молчаніе рѣзкимъ и грубымъ заявленіемъ:

— Больше я никого по вашему наущенію убивать не стану.

— Что? — гнѣвно кричитъ Странгфордъ: — убивать? Кто говорилъ вамъ объ убійствѣ?

— Вы! — не торопясь, отвѣчаетъ Патси: — я давно ужъ присматриваюсь къ вамъ, и сдается мнѣ, что вы скорѣе всего шпіонъ. А мистера Дениса, въ угоду вамъ, я убивать не намѣренъ. Скажу вотъ что: если еще кого нибудь убью, такъ это... я знаю кого!

Дикіе глаза его свѣтятся выразительной угрозой; наступаетъ глубокое молчаніе. Странгфордъ ошибся въ разсчетѣ. Вотъ какъ! Жалкій бродяга, преступникъ, отказывается быть его сообщникомъ? Хорошо! Раскается же онъ. Вся тяжесть мщенія обрушится на него же.

Во-первыхъ, Странгфордъ не дастъ ему ни копѣйки денегъ, а, во-вторыхъ, донесетъ на него полиціи. Вопросъ этотъ рѣшенъ безповоротно. Прежде онъ все таки порою колебался, думалъ даже сплавить его въ Америку, но теперь толкнетъ прямо на висѣлицу.

— Знаете, Конель, — говоритъ, между тѣмъ, вѣроломный покровитель: — вы, должно быть, помѣшались на убійствѣ. Лучше перемѣнимъ разговоръ. Я сказалъ, что изъ жалости къ вамъ (только изъ жалости!) готовъ дать сто вмѣсто пятидесяти фунтовъ, обѣщанныхъ вамъ. Отъ своихъ словъ я не отказываюсь, но рѣшительно заявляю вамъ: не желаю класть такую крупную сумму денегъ въ одну изъ трещинъ этой руины. Дня два тому назадъ, я самъ видѣлъ подозрительныхъ бродягъ, которые расхаживали около Килькерна. Они, вѣрно, и ночевали тутъ. Лучше приходите-ка за деньгами лично. Чего вы боитесь? Неужели, рискуя моей репутаціей, я скажу кому либо, что у насъ съ вами назначено свиданіе?

На этотъ разъ онъ попалъ въ цѣль; голодный бѣднякъ попался на удочку.

— Сто фунтовъ?

— Да, сто. Значитъ, завтра?

Digitized by Google

— Приходится довѣриться вамъ! — угрюмо говоритъ Конель?

— Завтра, въ четыре часа?

— Хорошо.

— Только не обманывайте, Конель, приходите.

— Вы-то приходите! — глядя исподлобья на благодѣтеля, огрызается убійца.

Они разстаются. Странгфордъ идетъ по направленію къ дорогѣ, которая виднѣется въ четверти мили отсюда; онъ въ полной увѣренности, что Конель отправился въ одно изъ своихъ горныхъ убѣжищъ.

Но Конель этого не сдѣлалъ. Давъ Странгфорду отойти подальше, онъ ползкомъ слѣдуетъ за нимъ (подозрѣнія его не улеглись): то привстаетъ, то снова приляжетъ къ землѣ, держась кустовъ вереска и плетней, то ложится плашмя между растеніями,—но Странгфорда изъ виду не упускаетъ.

Такимъ образомъ, оба они добираются до дороги. Странгфордъ вскакиваетъ на каменную ограду и уже собирается спрыгнуть по ту сторону, какъ слышится стукъ колесъ, шумно катящихся по неровной дорогѣ.

Въ телѣжкѣ ѣдетъ полицейскій инспекторъ, Вельдонъ, погруженный въ просматриванье утренней газеты. Странгфорду это на руку! Сама судьба ему помогаетъ: онъ сейчасъ и заявитъ о появленіи Конеля въ этой мѣстности. Онъ машетъ рукой и привлекаетъ вниманіе Вельдона, который въ первую минуту неожиданности выхватываетъ револьверъ; но, увнавъ Странгфорда, смѣется надъ своимъ испугомъ.

— Это вы, милѣйшій сэръ Странгфордъ. Ну, и перепугали же вы меня! Я думалъ, что здѣсь цѣлая засада. Какими судьбами?

Странгфордъ соскочилъ со стѣны.

— Мнѣ надо бы переговорить съ вами!—Онъ знакомъ указываетъ на кучера; Вельдонъ догадывается, что ему хотятъ сообщить что нибудь съ глазу на глазъ, вылѣзаетъ изъ телѣжки и оба тихонько идутъ пѣшкомъ вдоль ограды... А за нею, наравнѣ съ ними, крадется человѣкъ, больше, впрочемъ, похожій въ настоящую минуту на дьявола.

— Дѣло важное! — начинаетъ Странгфордъ конфиденціально: — иначе я бы не позволилъ себѣ остановить васъ.

Digitized by Google

Рѣчь идетъ объ убійцѣ моего дѣда... помните, Конеля? Ну, такъ вотъ я могу сообщить вамъ, гдѣ можно изловить его.

— Вы?..

— Да, я. Могу указать вамъ мѣсто, день и даже часъ.

— Господи! А полиція наша съ ногъ сбилась, ища его. Я ужь думалъ, что негодяя и на свѣтѣ нѣтъ.

— Къ сожалѣнію, вы ошиблись! Слушайте, мистеръ Вельдонъ...—(не одинъ Вельдонъ слушаетъ: за оградой прислушивается невидимый свидѣтель и каждое слово доносчика долетаетъ до его ушей). Завтра, ровно въ четыре часа, будьте съ людьми у развалинъ замка Килькернъ, и Конель въ вашихъ рукахъ.

— Вы въ этомъ увѣрены?

— Вполнѣ.

— Какимъ образомъ?..

— Я не имѣю права упомянуть, изъ какого источника знаю эти подробности, — отвѣчаетъ Странгфордъ съ достоинствомъ: — достаточно, что я ручаюсь за достовѣрность свѣдѣній.

Вельдонъ вынулъ записную книжку и сдѣлалъ въ ней помѣтку.

— Въ четыре, завтра. Замокъ Килькернъ. Благодарю васъ за сообщеніе, сэръ Странгфордъ. Будьте увѣрены, что дѣло за нами не станетъ: я понимаю чувства неутѣшныхъ родственниковъ. Справедливость требуетъ кары! Намъ не по дорогѣ ли? Я бы васъ подвезъ?

— Нѣтъ, благодарю васъ, я съ удовольствіемъ хожу пѣшкомъ. Это успокоиваетъ. Я такъ разстроенъ, когда вспоминаю о безвременной кончинѣ дѣда. Онъ былъ мнѣ очень дорогъ!

XXXVI.

Инспекторъ уѣзжаетъ; Странгфордъ перескакиваетъ въ сосѣднее поле, поднимается на холмъ и спускается съ противоположной стороны въ небольшую лощину. А за нимъ по пятамъ крадется судьба въ образѣ жалкаго оборванца, рѣшившагося на страшную расправу съ доносчикомъ.

Въ лощинѣ Конель догоняетъ Странгфорда, неожиданно кидается на него и хватаетъ его прямо за горло.

Digitized by Google

— Попался, наконецъ, проклятый шпіонъ!—вопитъ онъ и трясетъ врага изъ стороны въ сторону. Блѣдный, изможденный, полумертвый отъ голода бродяга сразу преображается: бѣшеная ярость, ненависть и жажда мести придаютъ ему сверхъестественную силу; глаза горятъ, какъ раскаленные уголья; на губахъ выступила пѣна.

— Конель, Конель! — хрипитъ Странгфордъ; ему удается высвободиться, онъ дѣлаетъ скачокъ назадъ и озирается по сторонамъ, ища спасенія... Но кругомъ—безлюдье и мертвая тишина.

— Улизнуть хочется? Нѣтъ, братъ, шалишь! Смертный часъ твой насталъ. Помнишь старика дѣда? Вспомни хорошенько: тебѣ скоро придется свидѣться съ нимъ.—Онъ вытаскиваетъ изъ кармана револьверъ:—узнаёшь? Изъ этой штуки застрѣлилъ я твоего старика.

— Мнѣ что за дѣло?—храбрится Странгфордъ, думая запугать врага смѣлостью.

— Будетъ дѣло.

— Ты съ ума сошелъ, Патси, честное слово! Сдѣланное тобою преступленіе лишило тебя разсудка.

— Душу я сгубилъ, да и тебѣ горѣть въ аду, не бойся. Ты—его родной внукъ... его дочь родила тебя, а ты подстрекалъ убить его. Не забывай этого, милый внучекъ.

— Убери револьверъ, Конель. Не шути такъ...

— Плохія шутки! Вспомни теперь тотъ день, когда ты явился съ полиціей на ферму Диллона... Что ты на это скажешь?

— То, что говорилъ и раньше: я спѣшилъ предупредить тебя. Думалъ, что успѣю спасти.

— Также, должно быть, какъ ты спасалъ мистера Дениса и миссъ Эллен въ ту ночь?..

— Брось дерзости, Конель!—Странгфордъ силится впасть въ прежній, слегка высокомѣрный тонъ, но это ему плохо удается: колѣни его дрожатъ отъ страха, руки безпорядочно жестикулируютъ, голосъ срывается.

— Пожалуй, я и дѣйствительно слишкомъ много себѣ позволяю, — съ жестокой ироніей, свойственной ирландскому простолюдину, глумится надъ своей жертвой Патси: —да потерпите немножко, ваша милость. Недолго вамъ терпѣть, а тамъ ужь

Digitized by Google

и дерзостей больше не услышите. Еще попрошу васъ припомнить сегодняшнюю встрѣчу!..

— Вотъ именно, послѣ нашей сегодняшней встрѣчи, меня особенно поражаетъ твое нахальное поведеніе. Я обѣщалъ тебѣ сто фунтовъ вмѣсто пятидесяти. Боже! Что ты хочешь дѣлать, Конель?

Патси цѣлится въ него изъ револьвера.

— Я уплачу тебѣ деньги... Завтра же!

— Завтра? Не видать тебѣ завтрашняго дня! Завтра? Воръ презрѣнный! Я все слышалъ отъ слова до слова, что ты говорилъ мистеру Вельдону полчаса тому назадъ! Становись на колѣни; молись, если можешь!

Конель грозенъ, какъ само возмездіе; онъ старательно прицѣливается. Странгфордъ падаетъ на колѣни.

— Стой! — отчаянно взвизгиваетъ онъ не своимъ голосомъ:—хочешь двѣсти фунтовъ?

— Молись, пока не поздно.

— Тысячу. Даю тысячу фунтовъ!—лепечетъ Странгфордъ:—ради бога, подумай...

Конель взвелъ курокъ.

— Разъ... два...

Странгфордъ падаетъ ничкомъ и въ смертельномъ ужасѣ ползетъ къ убійцѣ, цѣпляясь за его ноги.

— Вставай! — Конель даетъ ему пинка,—вѣдь все равно убью тебя, какъ собаку.

— Все отдамъ тебѣ... оставь мнѣ жизнь! — Странгфордъ обхватилъ его колѣни и поднялъ свое обезумѣвшее лицо.

Конель приставилъ револьверъ къ самому его виску.

— Ладно, доносчикъ проклятый. Околѣвай!..

Курокъ щелкнулъ—Странгфордъ повалился безжизненной массой на землю.

Конель хладнокровно вставилъ дуло того же револьвера себѣ въ ротъ и вторично выстрѣлилъ.

. . . . . .

Цѣлыя сутки пролежали трупы рядышкомъ, въ уединенной долинѣ. Когда, наконецъ, ихъ нашли, рука Конеля застыла на лицѣ Странгфорда, словно онъ и мертвый все еще силился нанести врагу оскорбленіе.

Конецъ.

Digitized by Google

Прощанье.

Мы прервали дни свиданья,
Потушивъ огонь въ крови,
Чтобъ не видѣть увяданья
Отцвѣтающей любви...

Вспоминалось счастье встрѣчи,—
Смолкъ послѣдній разговоръ...
Недосказанныя рѣчи
Досказалъ прощальный взоръ.

П. Петровскій.

Digitized by Google

ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ.

Наша «избирательная» политика и новый способъ попасть въ городскіе головы.—Домовладѣльческій контрактъ, носящій уголовный характеръ.—Оригинальный способъ, придуманный чиновникомъ, чтобы проучить домовладѣльца.—Какъ ведется городское хозяйство въ нѣкоторыхъ нашихъ городахъ?—«Хозяйственный» способъ производства работъ. — Земскій врачъ Кандыба и земскія фельдшерицы.—Наше религіозное сектантство и его причины.—Волшебники и гадатели.—Рожденіе чорта. — Приглашеніе на общественныя деньги гадалки и прорицателя.—Подвиги американскихъ колдуновъ и знахарей.—«Неприкосновенность» обывательской личности и подвиги полиціи.—Что такое полицейскій сыскъ? — Цыгане-разбойники. — Дѣти-мученики.—Семейно-родственные служащіе на казенной желѣзной дорогѣ.—Шедѣвры музыкальной критики армянской газеты «Мшакъ».

Наша провинція начинаетъ мало по малу «европеизироваться» и даже «американизироваться»... Лавры европейскихъ и американскихъ избирателей не даютъ спать нѣкоторымъ нашимъ провинціальнымъ «городскимъ отцамъ». Послѣдняя президентская кампанія въ Америкѣ, — борьба за власть республиканской и демократической партій, только что кончившаяся новой побѣдой республиканцевъ,—вызвала къ жизни огромную литературу памфлетовъ, листковъ, воззваній, цѣлыхъ трактатовъ и разсужденій по этому жгучему вопросу. Забыты были всѣ текущія злобы дня. Американецъ, для котораго время—деньги, всецѣло былъ поглощенъ этой «президентской» борьбой. Демократъ Брайанъ переѣзжалъ изъ одного города въ другой, произнося ежедневно повсюду десятки рѣчей, пожимая тысячи рукъ, организуя въ своихъ интересахъ избирательные партіи и союзы. Газеты наперерывъ печатали его избирательныя рѣчи. Демократическія газеты, понятно, восхваляли Брайана; республиканскія ругали. Макъ-Кинлей—республиканецъ—не отставалъ отъ своего противника. Онъ тоже говорилъ рѣчи и рѣчи... Наконецъ, поклонникамъ и избирателямъ Брайана надоѣли эти рѣчи и рукопожатія. Имъ захотѣлось чего либо болѣе эффектнаго и бьющаго въ носъ. И вотъ они набрали стадо бѣлыхъ собакъ; на ихъ бокахъ нарисовали черной краской:—«Выбирайте Брайана», и

Digitized by Google

пустили ихъ разгуливать по улицамъ и площадямъ одного изъ американскихъ городовъ.

Поклонники Макъ-Кинлея рѣшились не уступать. Они тоже выпустили армію собакъ, но не бѣлыхъ, а черныхъ—съ надписью: «Выбирайте Макъ-Кинлея». Между черными и бѣлыми собаками произошла схватка...

Наши претенденты на городскія должности тоже предъ избраніемъ пускаютъ въ ходъ «политику». Рѣчей передъ избирателями они, конечно, не говорятъ: во-1-хъ, потому, что не умѣютъ ихъ говорить, а, во-2-хъ, потому что еслибы и нашелся такой ораторъ, то избиратели не поняли бы его: вѣдь наши избиратели—народъ темный и малограмотный. Въ избиратели они попадаютъ за единственное достоинство,—что у нихъ есть домикъ или домище. Наши претенденты въ городскіе головы или гласные прибѣгаютъ къ болѣе простой, но тѣмъ не менѣе дѣйствительной политикѣ: они приглашаютъ своихъ избирателей «на чашку чая» или «нару пива», если къ этому прибавятъ еще «шампанею», — то избраніе вполнѣ обезпечено. «Не нужно намъ рѣчей. Давай пару пива, и мы для тебя все сдѣлаемъ»! — въ одинъ голосъ кричатъ избиратели.

Но есть нѣкоторые кандидаты, которымъ жалко побаловать своихъ избирателей даже и «парой пива». Они прибѣгаютъ къ болѣе упрощенному способу воздѣйствія на избирателей.

Вотъ какъ, напр., староста города Сигнаха заставилъ избирателей вновь выбрать себя въ градоправители. Для этого онъ прибѣгъ къ энергичнымъ средствамъ, продержавъ избирателей подъ замкомъ въ теченіе 15 часовъ. Корреспондентъ «Тифлисскаго Листка» сообщаетъ такія подробности выборовъ.

Въ половинѣ 12-го началась подача записокъ для опредѣленія числа кандидатовъ въ уполномоченные. Счетъ голосовъ по запискамъ продолжался до 10—11 час. ночи. Характерную особенность сигнахскихъ выборовъ составляетъ еще то обстоятельство, что съ 11 час. утра предсѣдательствующій избирательнаго собранія,—онъ же староста города,—приказалъ запереть единственный выходъ зданія, поставивъ городоваго и запретивъ выходъ присутствующимъ. Публика утомилась и къ 11 часамъ ночи стала энергично протестовать: «Что за безобразіе! Мы ѣсть хотимъ; отложите выборы,—мы цѣлый день не ѣли и не пили»! Но староста былъ неумолимъ. «Да что мы—арестанты или избиратели? Зачѣмъ насъ заперли»? раздался внушительный голосъ доктора К—а. Думали всѣ, что, наконецъ, почтенный голосъ доктора возымѣетъ желательное воздѣйствіе, но... напрасно, — староста приказалъ поставить ящики и

Digitized by Google

начать баллотировку. Приготовленіе къ баллотировкѣ отняло тоже немало времени.

Уже 12 часовъ ночи. Избиратели глядятъ и въ окно, и въ щели, думая, нельзя ли откуда нибудь выскочить, улизнуть, чтобы перекусить хоть чего нибудь. Но напрасно: нѣтъ выхода. Опять крики, опять шумъ: «ѣсть хотимъ, отложите»! Староста настоялъ таки на своемъ и началъ вызывать по списку избирателей для шарокатанья.. Тутъ случилось уже нѣчто необыкновенное. Поднялся новообразный шумъ, крикъ, топотъ сотни ногъ. Кто-то вскочилъ на стулъ и оттуда держитъ рѣчь. Ничего не было слышно, кромѣ отдѣльныхъ словъ: «Долой! Не надо! Уходите всѣ! Такъ нельзя»! Послѣ долгихъ усилій, удалось уяснить, что одни избиратели желаютъ, чтобы шарокатанье происходило въ особой комнатѣ, какъ и распорядился поставить ящики самъ предупредительный староста, — другіе совершенно законно требовали, чтобы баллотировка происходила въ залѣ общаго собранія. Далѣе, одни требовали, чтобы въ баллотировочной комнатѣ, кромѣ старосты, никто не присутствовалъ; другіе кричали, чтобы и староста ушелъ оттуда, а третьи, болѣе благоразумные, требовали допущенія ассистентовъ изъ членовъ собранія. Трудно объяснить—почему, но предсѣдательствующій староста согласился съ тѣмъ невѣроятнымъ мнѣніемъ, чтобы баллотировочные ящики стояли въ другой, смежной комнатѣ, и, кромѣ него, старосты, никто не смѣлъ бы туда входить. Такъ и было сдѣлано. Староста призвалъ въ это «секретное» отдѣленіе по одному избирателю, точно на исповѣдь, потомъ отпускалъ и звалъ слѣдующаго. Даже и съ такимъ оригинальнымъ и единственнымъ въ своемъ родѣ способомъ баллотировки, пожалуй, многіе согласились бы, еслибы не одно... «весьма маловажное» обстоятельство. Оказалось, что наибольшее число избирательныхъ шаровъ получилъ самъ староста: 50 бѣлыхъ и 13 черныхъ! Это было въ четвертомъ часу утра. Оппозиція потеряла уже всякое терпѣніе: люди голодали 15 часовъ, томились въ душной атмосферѣ—и для чего же? Чтобы доставить противнику небывалую побѣду!.. Говорятъ, оппозиція обжаловала рѣшеніе.

Примѣры заразительны... Нужно думать, что и у сигнахскаго городскаго головы найдутся послѣдователи. Тогда избирателямъ придется разстаться съ классической «чашкой чая» и «парой пива». Но мало этого: отправляясь въ думу, придется запасаться хоть селедкой и кускомъ хлѣба, дабы не очутиться въ теченіе цѣлыхъ сутокъ безъ пищи. Вѣдь послѣдователи и подражатели всегда пересаливаютъ. Если сигнахскій староста продержалъ избирателей 15 часовъ подъ замкомъ, то можетъ найтись въ какомъ нибудь

Digitized by Google

медвѣжьемъ углу и такой кандидатъ, который запретъ ихъ на 25—30 часовъ!

Насколько примѣры заразительны для нашихъ «отечественныхъ» дѣятелей—это видно хотя на примѣрахъ съ домовладѣльческими контрактами. Мы думали, что одни только петербургскіе домовладѣльцы держатъ «въ ежовыхъ рукавицахъ» своихъ квартирантовъ и вынуждаютъ послѣднихъ заключать контракты на драконовскихъ условіяхъ. Но оказывается, что провинціальные домовладѣльцы ничуть не лучше петербургскихъ.

Г. Анчаринъ напечаталъ въ «Южанинѣ» случайно попавшійся въ его руки контрактъ. Вотъ что въ немъ начертано:

«Я нижеподписавшійся (имя рекъ) снялъ квартиру въ домѣ (имя рекъ) и т. д., причемъ обязуюсь: 1) *повиноваться безпрекословно всѣмъ распоряженіямъ домовладѣльца* (!!) а въ случаѣ неисполненія ихъ платить штрафъ по десяти рублей за каждое ослушаніе; 2) пѣть и играть разрѣшается до 11 час. вечера, но вполголоса (!); *старшему дворнику разрѣшается прекращать слишкомъ громкое пѣніе и игру*; 3) держать кошекъ, собакъ и *маленькихъ дѣтей* безусловно не дозволяется; 4) *квартиранты ежедневно обязаны мыть лѣстницы у своихъ квартиръ*; тѣ же, кто сіе не будетъ дѣлать, тотъ платитъ штрафъ въ десять рублей. Кромѣ того, квартиранты обязаны всегда имѣть полную склянку дезинфекціи, если же они откажутся, то штрафуются десятью рублями. 5) Всякіе драки, шумы и т. п. безобразности (!) не допускаются, а прекращаются, и виновные, помимо обычнаго полицейскаго воздѣйствія (?) штрафуются десятью рублями. 6) Мыть бѣлье дозволяется, но безъ излишняго пролитія воды на полъ. 7) *Танцы позволяются, но каждый разъ съ обязательнымъ предвареніемъ старшаго дворника*, въ противномъ же случаѣ штрафъ въ десять рублей. 8) Собираться въ квартирахъ гостямъ разрѣшается, *но не часто*. Желательно, чтобы для этого пользовались исключительно неприсутственными днями».

Документъ этотъ смахиваетъ на анекдотъ. Но г. Анчаринъ утверждаетъ, что это фактъ, и что такой контрактъ дѣйствительно «функціонируетъ».

Домовладѣльцы же ликуютъ, мало того—они скорѣе справляютъ свой «бенефисъ» за счетъ обывательскихъ кармановъ. Преспокойно деруть съ каждаго квартиранта не менѣе трехъ шкуръ.

Въ одну изъ провинціальныхъ газетъ доставленъ, какъ образецъ, контрактъ, заключенный многими пермскими домовладѣльцами съ своими квартирантами, рѣшившимися поступить къ нимъ въ рабство. Въ виду интереса этого контракта для будущаго историка русскихъ городовъ, мы приводимъ его почти цѣликомъ.

Digitized by Google

«Мы, нижеподписавшіеся, N. N. N. и X. X. X. заключили настоящее условіе въ слѣдующемъ:

1) Я, N, сдалъ ему, X, квартиру въ принадлежащемъ мнѣ домѣ по...—ой улицѣ, въ усадьбѣ N00, срокомъ съ 1 сентября сего 1900 года на одинъ годъ и три мѣсяца, съ платою по 50 руб. въ мѣсяцъ.

2) Я, X., обязуюсь уплачивать ему, N., слѣдуемыя съ меня за квартиру деньги ежемѣсячно 1 числа впередъ, а за каждый просроченный день вносить пеню въ размѣрѣ 10% неуплаченной въ срокъ суммы.

3) Я, X., по истеченіи срока сего условія, т. е. 1 декабря 1901 года, обязуюсь немедленно очистить занимаемую мною квартиру, если со стороны домовладѣльца не послѣдуетъ предложенія заключить условіе на дальнѣйшій срокъ, на новыхъ условіяхъ.

4) Я, X., обязуюсь къ домовладѣльцу и его семейству *относиться почтительно* и съ должнымъ уваженіемъ.

5) Я, X., обязуюсь вести скромный образъ жизни: не бить жену, не наказывать дѣтей, не ссориться съ тещей, не возвращаться домой въ нетрезвомъ видѣ», и т. д.

Шутка это или правда?! Если правда, то оказывается, что «отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды, домовладѣльческіе контракты вездѣ носятъ драконовскій характеръ по отношенію къ квартиронанимателямъ. Неужели нельзя обратить вниманіе на эти возмутительные контракты и привлечь за нихъ къ отвѣтственности господъ домовладѣльцевъ? Вѣдь это же есть прямо «вовлеченіе въ невыгодную сдѣлку». А послѣднее носитъ уголовный характеръ.

Но иногда и выведенные изъ себя квартиранты рѣшаются мстить. Къ сожалѣнію, какъ рѣдко это бываетъ! Вотъ что, напримѣръ, разсказываетъ газета «Казбекъ».

На одной изъ улицъ Владикавказа, въ домѣ нѣкоего г. С., жилъ чиновникъ Ч., нанявшій у С. квартиру по контракту на годъ. При наймѣ квартиры, въ контрактѣ было выговорено много всякихъ неустоекъ со стороны С.

Теперь г. Ч. рѣшилъ нарушить контрактъ и подалъ по этому поводу жалобу въ судъ.

Ожидая рѣшенія суда, г. Ч. расклеилъ на окнахъ и дверяхъ дома С. довольно оригинальное объявленіе.

Экземпляръ этого объявленія присланъ въ редакцію однимъ изъ владикавказскихъ обывателей.

Вотъ что гласитъ этотъ любопытный «документъ»:

«Квартира съ кухнею и другими службами, негодная для проживанія въ ней людей, но очень удобная, по своей обширности,

Digitized by Google

подъ складъ продуктовъ и вещей, можетъ быть передана по контракту благонадежному лицу, срокомъ на всю зиму или до 1 іюля. При желаніи, можетъ быть передана также и подъ жилое помѣщеніе, но безъ всякой отвѣтственности передатчика за вредъ здоровью нанимателя, могущій произойти отъ угара и другихъ недостатковъ этой квартиры: она очень холодная, печи дымятъ и производятъ угаръ. Спросить здѣсь, въ домѣ С., позвонивъ въ верхній этажъ. Цѣна 35 рублей».

Хорошо, еслибы и петербургскіе квартиронаниматели послѣдовали примѣру своего сотоварища по несчастью, владикавказскаго чиновника!

Мы живемъ въ «царствѣ домовладѣльцевъ», которые распоряжаются нами по своему благоусмотрѣнію. Въ ихъ рукахъ наша жизнь и здоровье, образованіе и необразованіе нашихъ дѣтей. Захотятъ господа домовладѣльцы дать намъ хорошую воду — дадутъ; захотятъ построить школы—построятъ; не захотятъ — пей грязную воду, купайся въ помояхъ, оставляй своихъ дѣтей безъ образованія...

Вѣдь городскіе водопроводы, нечистотные стоки, городскія больницы, городское начальное образованіе — все это въ рукахъ господъ домовладѣльцевъ.

А какъ именно хозяйничаютъ господа домовладѣльцы и какъ они распоряжаются общественными деньгами—петербургская дума можетъ служить лучшею иллюстраціею. Петербургскій же мировой судъ обратился въ «домовую контору» домовладѣльцевъ. Всѣмъ еще памятны исторіи: съ «пухертовской» мукой, съ пропажей Дворцоваго моста, съ «капитальными» ремонтами мостовъ, требующихъ чрезъ годъ «капитальнѣйшихъ» расходовъ и пр. Послѣдняя «исторія»—это исторія съ постройкой дамбы для Троицкаго моста. Общество Батиньоль, строющее Троицкій мостъ, просило за постройку дамбы полмилліона. «Отцамъ города» показалось дорого. Но чрезъ годъ ту же дамбу отдаютъ почти за 1.200,000 руб.!!! Очевидно, городъ страшно разбогатѣлъ... Лишнія 700 тысячъ—это для него плёвое дѣло.

Хозяйничанье господъ домовладѣльцевъ въ провинціи, конечно, немного помельче, но зато и тамъ бываютъ препикантные образчики такого хозяйничанья.

«Сѣверный Край» сообщаетъ слѣдующіе небезъинтересные факты изъ жизни города Пошехонья (ярославской губерніи), увѣковѣченнаго покойнымъ М. Е. Щедринымъ.

«Въ одномъ изъ здѣшнихъ учрежденій на дняхъ понадобилось для какого-то ремонта бревно. Нѣтъ ничего легче, какъ купить это

Digitized by Google

бревно у мѣстныхъ лѣсопромышленниковъ или же у кого нибудь изъ гражданъ. Но для того, чтобы купить бревно, нужны деньги, а денегъ-то въ этомъ учрежденіи и не оказалось... Какъ же быть при такой оказіи? Наши «головотяпы» думали недолго. Иванъ!—крикнули они своему сторожу.—Здѣсь, ваши сіятельствы, Заправилы Воротилычи!—У тебя, у домишка, мы видѣли бревешко.—Есть оно, точно.—Такъ вотъ, значитъ, ты отдай намъ бревешко, а себѣ возьми четыре воза дровъ «опчественныхъ»... Мѣна для Ивана оказалась выгодной и онъ согласился... Скоро и хорошо. Понадобится для учрежденія полъ-дести бумаги, свезутъ на базаръ возъ дровъ, продадутъ—глядишь, цѣлый полтинникъ и есть. И на бумагу будетъ, и на другое что останется... А дрова... чего ихъ жалѣть? вѣдь они «хозяйственнымъ способомъ» заготовлялись и такимъ же способомъ заготовляться будутъ... А хозяйственная заготовка—родная сестрица ремонту, и *растратъ общественныхъ суммъ родной матерью доводится*... Хозяйственная заготовка!.. ремонты!.. наградныя!.. непредвидѣнные расходы!.. случайные расходы!.. мелочные расходы»!..

Пошехонье, какъ видно, остается и доселѣ вѣрнымъ репутаціи, установленной за нимъ Салтыковымъ-Щедринымъ.

На провинціальной почвѣ иногда выростаютъ прямо таки удивительные экземпляры... Въ саратовскомъ окружномъ судѣ 1-го и 2-го ноября слушалось любопытное дѣло, характеризующее жизнь «интеллигентныхъ» людей провинціи. Въ качествѣ обвиняемаго явился земскій врачъ г. Кандыба; въ качествѣ потерпѣвшей—сослуживица его, фельдшерица Шестакова. Послѣдняя пользовалась у земства прекрасной репутаціей, и какъ знающая свое дѣло работница, и какъ труженица отзывчивая и гуманная. Однако, она не съумѣла понравиться земскому врачу г. Кандыбѣ. Онъ находилъ фельдшерицу Шестакову и плохой фельдшерицей, и человѣкомъ весьма невысокой нравственности. Г. Кандыбѣ, вообще, почему-то не нравятся всѣ его фельдшерицы... Онъ не разъ уже имѣлъ съ ними «инциденты». Съ Шестаковой ему пришлось столкнуться совершенно случайно.

Такъ, въ своихъ объясненіяхъ особой медицинской подкомиссіи, производившей разслѣдованіе по дѣлу о столкновеніи его съ фельдшерицей г-жей Смоленской, г. Кандыба, между прочимъ,—какъ передаетъ газета «Донъ»—«обвинялъ Шестакову въ слѣдующихъ неблаговидныхъ поступкахъ: онъ утверждалъ, будто она ведетъ себя *черезчуръ развязно* (?) и тѣмъ подаетъ поводъ къ «свободному» съ ней обращенію мужчинъ; будто она дозволяла сторожу Алмазову въ амбулаторіи крѣпко пожимать ей руку, будто она «гуляла» съ нимъ,

Digitized by Google

будто, наконецъ, перекидывалась съ фельдшеромъ Соколовымъ записками «эротическаго» содержанія. Считая всѣ эти и подобныя обвиненія врача Кандыбы явной и «грязной клеветой», фельдшерица Шестакова привлекла его къ законной отвѣтственности по 1535 ст. ул. о нак.».

Въ качествѣ частнаго обвинителя, выступилъ мѣстный адвокатъ Кальмановичъ; защитникомъ г. Кандыбы явился прис. повѣр. А. Масленниковъ.

На вопросъ предсѣдателя, подсудимый виновнымъ себя не призналъ. Изъ свидѣтельскихъ показаній, а также изъ нѣкоторыхъ документовъ, представленныхъ г. Кальмановичемъ, безспорно былъ установленъ фактъ *оклеветанія*: фельдшерица Шестакова своимъ поведеніемъ никому не подавала повода думать о ней, какъ о женщинѣ не особенно устойчивой нравственности. Въ частности, она не позволяла ни сторожу, ни фельдшеру обращаться съ ней фамильярно,—какъ-то особенно пожимать руку или «гулять», а тѣмъ болѣе—вступать въ какую-то переписку амурнаго содержанія.

Особую сенсацію въ публикѣ произвелъ допросъ, сдѣланный на судѣ г. Кальмановичемъ одному изъ свидѣтелей относительно «предмета страсти» Шестаковой—фельдшера Соколова.

Кальмановичъ. Что этотъ фельдшеръ очень молодой?
Свидѣт. Нѣтъ, ему лѣтъ 57, а, можетъ быть, и больше (смѣхъ).
Кальм. Можетъ быть, онъ еще сохранился, красивъ?
Свидѣт. (улыбаясь). Совсѣмъ даже плохой и некрасивый.
Кальм. А какъ одѣвается,—изящно?
Свидѣт. Прямо грязно.
Кальман. Можетъ быть, образованіемъ своимъ плѣнилъ?
Свидѣт. Соколовъ, кажется, вовсе никакого образованія не получилъ.

Членъ земской управы г. Никольскій, между прочимъ, показалъ, что характеристика Шестаковой, данная г. Кандыбой, была такая ужасная, что возмутила его до глубины души и ему даже сдѣлалось дурно. Свидѣтель утверждаетъ, что въ протоколѣ подкомиссіи вовсе не записано этихъ рѣзкихъ и грубыхъ отзывовъ Кандыбы о Шестаковой и попали одни лишь замѣчанія о другихъ фельдшерицахъ: такъ, напримѣръ, одну фельдшерицу врачъ лаконически обозвалъ «пьяницей», другую «психопаткой», третью—«нравственнымъ уродомъ» и т. д. За короткій срокъ отъ него ушло 7 фельдшерицъ (!!)

Доказавъ наличность преступленія, г. Кальмановичъ закончилъ свою прекрасную рѣчь такъ:

«Я защищаю дѣвушку, — дѣвушку, для которой единственный источникъ пропитанія—тяжелый трудъ, а единственное цѣнное достояніе—это незапятнанная честь женщины. И вотъ и то, и другое у нея грубо и безсердечно отнялъ врачъ Кандыба только потому, что онъ сильнѣе безпомощной интеллигентной дѣвушки, заброшенной въ глуши! Но она обратилась къ вамъ, господа судьи,

Digitized by Google

за помощью; она проситъ вашей защиты, и пусть вашъ приговоръ уравняетъ эти неравныя силы... Я настаиваю на обвиненіи врача Кандыбы».

Судъ вынесъ обвинительный приговоръ; наказаніемъ опредѣлено— *2 мѣсяца ареста при тюрьмѣ*. «Быть бычку на веревочкѣ»!

Въ этомъ же засѣданіи разсматривалось другое дѣло — продолженіе перваго: въ качествѣ подсудимой явилась та же фельдшерица Шестакова, занявшая то самое мѣсто, на которомъ, за нѣсколько минутъ предъ тѣмъ, сидѣлъ г. Кандыба.

Подсудимая Шестакова обвиняется Кандыбой въ диффамаціи.

Г-жа Шестакова въ «Саратовскомъ Дневникѣ» напечатала письмо, въ которомъ выставляла слѣдующія неблаговидныя дѣйствія врача Кандыбы: во-1-хъ, онъ совершенно ложно утверждалъ предъ комисіей, будто она, Шестакова, позволяла себѣ во время пріема больныхъ обмѣниваться съ фельдшеромъ рукопожатіями и записками эротическаго содержанія; во-2-хъ, г. Кандыба съ легкимъ сердцемъ однажды обвинялъ ее въ покушеніи на отравленіе больныхъ; въ 3-хъ, онъ пользовался земскимъ имуществомъ; въ 4-хъ, больничную прислугу обращалъ въ свою собственность; въ 5-хъ, онъ возмутительно относился къ больнымъ (приведены факты)...

Защищаться противъ обвиненія въ диффамаціи крайне затруднительно.

Но г. Кальмановичъ выполнилъ свою задачу прекрасно: онъ представилъ суду, въ подтвержденіе справедливости написаннаго г-жей Шестаковой, массу документовъ; кромѣ того, ссылаясь на рѣшенія сената, онъ исходатайствовалъ себѣ передъ судомъ право ссылаться на документы перваго дѣла, а также и на приговоръ по этому дѣлу.

Г-жа Шестакова присуждена къ штрафу всего въ три рубля. И по дѣломъ— не порочь «добраго» имени такихъ почтенныхъ общественныхъ дѣятелей, какъ врачъ Кандыба!

Но и г-ну Кандыбѣ придется, въ теченіе 2-хъ мѣсяцевъ, въ уединеніи поразмыслить о «грѣхахъ»... Авось либо это уединеніе и наведетъ его на здравыя мысли.

Въ очень неблаговидномъ свѣтѣ красовались на судѣ и три свидѣтеля, члены подкомисіи: врачи Гамалѣй, Маковскій и Аничковъ, услужливо записавшіе показанія г. Кандыбы безъ провѣрки ихъ.

Темная и малопросвѣщенная провинція ждала съ нетерпѣніемъ господъ Кандыбъ, думая, что вмѣстѣ съ латинской кухней принесутъ къ ней и свѣтъ истины, который они, за счетъ той же бѣдной провинціи, получили въ столичныхъ университетахъ. Оказа-

Digitized by Google

лось, однако, что, вмѣсто свѣта, г.г. Кандыбы вносятъ въ провинцію отрицательныя стороны, которыхъ и безъ того много въ нашихъ захолустныхъ палестинахъ.

Провинція по прежнему продолжаетъ коснѣть въ невѣжествѣ, хотя ищетъ сама свѣта и знаній. Но ей почти никто не помогаетъ въ этихъ поискахъ. До каждой истины ей приходится, рано или поздно, самой добираться. Но пока она доберется, пройдутъ столѣтія, а за это время много воды утечетъ...

Исторія русскаго раскола и русскихъ сектъ—любопытный примѣръ искавія самимъ народомъ свѣта и истины. Появленіе новыхъ сектъ—не рѣдкость и въ наше время.

Въ «Самарской Газетѣ» находимъ любопытное сообщеніе о новой сектѣ, появившейся въ селѣ Хрящевкѣ, ставропольскаго уѣзда. Адепты новаго ученія перестали ходить на сходы, отказываются принимать участіе во многихъ мірскихъ дѣлахъ, не несутъ нѣкоторыхъ общественныхъ повинностей, не исполняютъ нѣкоторыхъ приказовъ мѣстныхъ сельскихъ властей и называютъ себя «царскими».

Главою этого ученія выступила мѣстная крестьянка Анна Юркина, одна изъ бѣднѣйшихъ жительницъ села Хрящевки. Она жила въ кельѣ гдѣ-то на задворкахъ. Объявивъ себя «царской уполномоченной», она начала якобы хлопотать о надѣленіи крестьянъ «царской десятиной», мѣрою 900 саженъ въ квадратѣ, за что взимала немалую мзду съ пожелавшихъ «сѣсть» на эту царскую десятину.

Какъ сами «царскіе», такъ и крестьяне окружныхъ съ Хрящевкой селеній звали Юркину (конечно, иносказательно) «Царицей», а ея уполномоченнаго крестьянина Петра Семенова (въ прямомъ смыслѣ)—«генераломъ». Этотъ «генералъ», юркій, бойкій полуграмотный субъектъ, фабриковалъ воззванія, которыми вымогалъ у своихъ приверженцевъ деньги, а равно и вербовалъ новыхъ послѣдователей. Деньги эти «генералъ» передавалъ своей повелительницѣ Юркиной, которая и тратила ихъ якобы на нужды высшихъ лицъ и на хожденіе ея клевретовъ въ Питеръ, для хлопотъ по отмежеванію «царской десятины». Кромѣ того, Юркина раздавала и чины своимъ приверженцамъ; такъ, напримѣръ, за чинъ генерала она назначила цѣну 12 рублей; но, къ счастью, охотниковъ на этотъ высокій чинъ не находится и понынѣ: «дорогонько кажется», какъ заявляютъ ея послѣдователи.

Много семействъ «увѣровало» въ ученіе Юркиной, и изъ богатыхъ жителей превратилось въ нищихъ. Не смотря на то, что Юркина изъ своей лачуги перешла нынѣ въ собственный тысячный домъ, обзавелась богатымъ хозяйствомъ,—доходы ея не уменьшаются,

Digitized by Google

а число чающихъ «царской десятины» съ каждымъ годомъ увеличивается.

Кромѣ надѣленія крестьянъ «царской десятиной», Юркина и ея «генералъ» перевели своихъ послѣдователей,—какъ они выражаются, — съ «высшей статьи» на «низшую». Что говоритъ первая статья—покрыто мракомъ неизвѣстности, — очевидно о смиреніи и трудолюбіи; но послѣдняя, «низшая статья», пришлась «царскимъ» по вкусу, ибо она, въ числѣ всяческихъ «льготъ», разрѣшаетъ неисполненіе нѣкоторыхъ приказаній мѣстныхъ властей: напримѣръ, не крыть глиной крыши и проч.; а если ихъ за послѣднее обстоятельство сажаютъ «на высидку», то они отказываются принимать пищу, и волей-неволей властямъ приходится выписывать въ городъ ихъ семейныхъ, отъ которыхъ они и пользуются довольствіемъ во время высидки. Кормовыя деньги они также отказываются принимать, такъ какъ эти деньги, по ихъ понятію, идутъ изъ казначейства—мірскія, а не царскія, не изъ государственнаго банка. Если приходится описать у «царскаго» за недоимку 10 пуд. хлѣба изъ амбара, наполненнаго сотней и болѣе пудовъ того же хлѣба, то, по продажѣ этихъ десяти пудовъ, «царскій» отказывается отъ остальнаго хлѣба, и хлѣбъ непроизводительно гніетъ.

При конной переписи они отказываются выводить лошадей, а если лошадей у нихъ все таки берутъ, то они затѣмъ отказываются принимать ихъ себѣ обратно и проч.

Замѣчательно то обстоятельство, что когда къ нимъ являются власти съ какими либо требованіями, то они, отказываясь исполнять ихъ приказанія, смиренно уходятъ со двора, предоставляя властямъ распоряжаться въ домѣ по ихъ усмотрѣнію. Это послѣднее обстоятельство,—въ нѣкоторомъ родѣ «несопротивленіе злу»,—быть можетъ, и служитъ причиною той симпатіи, какою пользуются «царскіе». Къ нимъ никто не питаетъ зла; на нихъ никто не обращаетъ особеннаго вниманія: имъ никто не мѣшаетъ мечтать о «царской десятинѣ», «сидѣть на низшей статьѣ» и неустанно работать на такихъ пройдохъ, какъ Юркина и ея генералъ Семеновъ. Но бѣда въ томъ, что «царскіе» съ каждымъ годомъ бѣднѣютъ, и это не вліяетъ на вербовку новыхъ послѣдователей этого ученія.

Что это за ученіе, и къ чему оно приведетъ его послѣдователей,—судить не беремся. Знаемъ только, что дѣло объ этихъ крестьянахъ на дняхъ разбиралось выѣздной сессіей окружнаго суда въ городѣ Ставрополѣ, и нѣкоторые изъ крестьянъ приговорены къ тюремному заключенію...

Русское религіозное сектантство—это плодъ невѣжества, результатъ неумѣлаго исканія истины и свѣта. Будь у этихъ людей

Digitized by Google

руководители въ жизни, толкователи ихъ сомнѣній и недоумѣній,—изъ нихъ не вышли бы такіе невѣжественные сектанты. Мы обращаемъ вниманіе на подобныхъ людей уже тогда, когда они сбились съ пути истины и уже открыто выдаютъ себя за послѣдователей новой вѣры. Моментъ, когда они «шатались» въ вѣрѣ и блуждали, ища ее, — а эти моменты, конечно, продолжались не одинъ годъ,—мы обыкновенно пропускаемъ безъ вниманія.

Открывши «секту»,—хотя она невозбранно зарождалась, развилась и окрѣпла на нашихъ глазахъ,—мы кричимъ: «караулъ»! и зовемъ городоваго. Приди мы во-время, со словомъ правды и утѣшенія, къ колеблющимся въ вѣрѣ, — мы многихъ спасли бы отъ сектантства. Но мы обыкновенно медлимъ и стараемся не видѣть колеблющихся и сомнѣвающихся людей.

На почвѣ того же невѣжества выростаютъ и другія плевелы—это вѣра въ колдовство и волшебство.

Въ Ригѣ,—какъ пишетъ «Рижскій Вѣстникъ», — до сихъ поръ еще существуютъ волшебники, очаровывающіе мѣстныхъ обывателей.

Проживающему въ Ригѣ крестьянину К., при посредствѣ пріятеля Б., удалось познакомиться съ однимъ весьма замѣчательнымъ «волшебникомъ», владѣющимъ такими тинктурами, при помощи которыхъ можно размножать деньги. Б. не отказался познакомить К. съ волшебникомъ. Послѣдній согласился помочь обогащенію К. Всѣ трое уговорились встрѣтиться въ банѣ по Суворовской улицѣ. К. явился въ условное время въ баню, гдѣ Б. ждалъ уже его съ волшебникомъ. Пріятели выпили сперва нѣсколько бутылокъ пива, а послѣ того приступили къ волхвованію. Волшебникъ взялъ у К. 185 р., которые тотъ принесъ съ собою въ баню, налилъ въ тазъ какую-то пахучую жидкость, положилъ въ нее деньги и прочелъ надъ ними нѣсколько таинственныхъ заклинаній. Потомъ онъ далъ К. какія-то заколдованныя дощечки, вытащилъ изъ таза деньги, переложилъ ихъ бумагой, вложилъ между дощечками и все это забилъ въ ящикъ и завернулъ въ бумагу. Потомъ всѣ трое отправились къ К. на квартиру; пакетъ съ деньгами былъ положенъ въ шкафъ, и волшебникъ сказалъ К., чтобы тотъ не вскрывалъ ящика до тѣхъ поръ, пока тотъ не скажетъ. Потомъ волшебникъ и Б. ушли. К. ждалъ ихъ больше недѣли; но, наконецъ, не вытерпѣлъ и вскрылъ ящикъ. Тамъ оказалась только оберточная бумага: деньги же исчезли вмѣстѣ съ волшебникомъ. Сыскная полиція разыскала Б. и «знаменитаго» волшебника, и дала дѣлу законный ходъ.

Не только простой народъ вѣритъ еще въ сверхъестественное, но даже иногда и деревенская администрація, состоящая изъ лю-

Digitized by Google

дей болѣе или менѣе интеллигентныхъ, прошедшихъ хотя бы и элементарную школу, не чужда грубыхъ предразсудковъ и суевѣрій. Недавно на Кавказѣ надѣлала большаго переполоху «исторія съ рожденіемъ чорта».

Дѣло происходило,—по сообщенію газеты «Казбекъ»,—слѣдующимъ образомъ: по казачьимъ станицамъ распространился слухъ, что 29-го минувшаго октября въ станицѣ Голючаевской вдова-казачка Козловцева, 70 лѣтъ отъ роду, родила «чорта» точь въ точь такого же, какъ его рисуютъ на картинкахъ.

Такая неслыханная новость съ быстротой молніи облетѣла всѣ уголки этихъ двухъ станицъ.

Дошелъ слухъ и до станичной администраціи, и мѣстный станичный атаманъ счелъ нужнымъ оформить такое происшествіе официальнымъ порядкомъ. Какъ водится, потребовали старуху и допросили ее, причемъ она показала (слова заимствованы изъ протокола), что «давно чувствовала себя больной, выпила поэтому трехъ сортовъ смѣшанный ладонъ и когда вышла изъ комнаты на дворъ, то неестественно родила чорта въ мѣшочкѣ, что и показала своему сыну, казаку 2-й очереди. Послѣдній разорвалъ мѣшочекъ и вытащилъ изъ него живое существо, похожее на чорта, испугался, убилъ его и зарылъ въ землю; посланные по указанію сына вырыли изъ земли новорожденнаго чорта, обмыли и принесли въ правленіе. По осмотрѣ оказалось, что это—нѣчто звѣроподобное, по величинѣ похожее на летучую мышь: съ четырьми лапками и хвостикомъ; тѣло покрыто сѣрыми волосами. «Чортъ» этотъ, закупоренный въ банку со спиртомъ, при протоколѣ представленъ въ управленіе моздокскаго отдѣла.

Въ Мелитополѣ судился недавно народный учитель Иванъ Горбиковъ по обвиненію въ оскорбленіи на бумагѣ земскаго начальника. Основаніемъ къ обвиненію послужила докладная записка учителя на имя губернатора слѣдующаго содержанія:

«Считаю нравственнымъ долгомъ своимъ, какъ истинный христіанинъ, донести о фактѣ, подрывающемъ основы православной вѣры. Земскій начальникъ 6-го участка бердянскаго уѣзда Сомовъ, на деньги бѣлицкаго сельскаго общества, бердянскаго уѣзда, вызываетъ черезъ уполномоченныхъ общества ворожею для указаній, гдѣ находятся общественныя деньги въ суммѣ свыше 6,000 рублей. Расходуя непроизводительно общественныя деньги на вызовъ ворожеи и разные способы гаданья, земскій начальникъ Сомовъ, стоя во главѣ мѣстнаго начальства, поддерживаетъ и развиваетъ суевѣріе, за что, согласно апостольскимъ правиламъ, подлежитъ отлученію отъ церкви на пять лѣтъ, а засимъ удаленію отъ службы».

Digitized by Google

Показаніями свидѣтелей вполнѣ установлено, что земскимъ начальникомъ были приглашены *на общественныя деньги* гадалка и прорицатель. Сеансы гаданія происходили по звѣзднымъ ночамъ.

Товарищъ прокурора отказался отъ обвиненія. Судъ вынесъ Горбикову оправдательный вердиктъ.

Итакъ, канунъ XX вѣка начинается на Кавказѣ *рожденіемъ чорта*! Жаль только, что казакъ 2-й очереди убилъ его, а не пустилъ гулять по міру...

Вѣра въ чертей, въ колдовство—это не есть достояніе одного русскаго народа, темнаго и мало образованнаго. Она встрѣчается и въ странахъ болѣе культурныхъ и развитыхъ. Но опять таки, повторяемъ, эта вѣра питается и грѣется соками невѣжества и неразвитости.

Г. Крыштофовичъ въ «Недѣлѣ» помѣстилъ любопытную статью объ американскихъ колдунахъ.

«Въ прошломъ году,—пишетъ онъ,—русская читающая публика была удивлена появившимися въ печати изслѣдованіями о дьяволѣ. Здѣсь же, въ Соединенныхъ Штатахъ, разговоры о дьяволѣ и его продѣлкахъ—явленіе настолько общее, что на него никто не обращаетъ спеціальнаго вниманія, никто имъ и не поражается. Сатанинское навожденіе до того хорошо уживается и съ электричествомъ, и съ желѣзными дорогами, что здѣсь сложилась даже легенда о томъ, какъ грѣшныя души вывозятся изъ Чикаго въ адъ... цѣлыми поѣздами! Мнѣ могутъ замѣтить, что интересъ къ «дьяволизму» составляетъ достояніе спеціальныхъ конгрегацій. Пусть такъ, но и тогда заинтересованныхъ въ немъ окажется немало. Я упомянулъ объ этомъ фактѣ потому, что всегда и вездѣ сатана играетъ выдающуюся роль въ вопросѣ о волхвованіяхъ.

«Представители такъ называемаго Christian Science—своеобразные американскіе цѣлители—захватываютъ въ свои сѣти не только членовъ вышеупомянутыхъ конгрегацій, но и рядовую, такъ сказать, публику. Собственно говоря, терминъ «христіанская» взятъ здѣсь всуе и служитъ лишь драпировкой типичному колдовству. Со смертью Шлаттера наиболѣе видным изъ этихъ чародѣевъ является Francis Truth, «божественный исцѣлитель», какъ онъ самъ себя величаетъ, имѣющій обширную практику въ самомъ просвѣщенномъ изъ американскихъ городовъ—Бостонѣ. Въ его объявленіяхъ говорится, что онъ «ежедневно совершаетъ видимыя чудеса», что «неизлѣчимыхъ болѣзней для него не существуетъ», что «онъ лѣчитъ съ одинаковымъ успѣхомъ, какъ приходящихъ къ нему паціентовъ, такъ и отсутствующихъ». Его врачующая сила одинаково распро-

Digitized by Google

страняется на «невѣрующихъ, скептиковъ, атеистовъ, ругателей и зубоскаловъ»!..

Нѣкоторыя изъ рекламъ этихъ господъ настолько же смѣлы, на сколько и откровенны. Г. Крыштофовичъ приводитъ одну изъ нихъ въ буквальномъ переводѣ:

«Joseph Maile, метафизикъ (!), лѣчитъ отчаянные, безнадежные случаи болѣзней, даже такіе, которые ведутъ къ двери смерти. Условія—100 долларовъ и дороже, наличными или въ разсрочку, сообразно съ денежными условіями пацієнта. Мысленное лѣченіе отсутствующихъ, а равно и назначеніе извѣстнаго режима съ цѣлью достиженія здоровья или успѣха—10, 5, 3 и 2 доллара въ мѣсяцъ. Пріемъ на дому—1 долларъ. (Слѣдуетъ адресъ)».

Какъ видите, дѣло здѣсь идетъ на чистоту. Въ данномъ случаѣ подобные «метафизики» эксплуатируютъ то отчаяніе и страхъ, которые овладѣваютъ людьми при видѣ дорогихъ имъ существъ, находящихся у двери смерти. Чародѣй заручается сотней долларовъ или векселемъ на эту сумму и приступаетъ къ своимъ заклинаніямъ. Больной умираетъ... Что дѣлать въ такомъ случаѣ роднымъ? Заявленія о неуспѣшности лѣченія газеты печатать не станутъ, такъ какъ онѣ изъ нумера въ нумеръ помѣщаютъ дорого оплачиваемыя объявленія различныхъ метафизиковъ; судомъ ничего сдѣлать нельзя, такъ какъ цѣлители не причиняютъ больному положительнаго вреда, да, наконецъ, роднымъ и не до того.

Нельзя не согласиться съ авторомъ, что электричество, машины, желѣзныя дороги — это только *внѣшній* признакъ образованности, и что рядомъ съ ними могутъ уживаться всевозможныя дикія суевѣрія.

Мы не разъ уже писали, что личность русскаго человѣка мало обезпечена и ея неприкосновенность плохо гарантирована.

Въ участокъ! отъ такого «приглашенія» никто у насъ не избавленъ—ни почтенный отецъ семейства, ни молодая дѣвушка. Любой городовой можетъ крикнуть «въ участокъ»! — и васъ немедленно отправляютъ туда дворники. Тамъ, конечно, «разберутъ» и, можетъ быть, немедленно выпустятъ. Но вамъ, однако, пришлось пропутешествовать туда въ очень непривлекательномъ обществѣ. Мы не говоримъ уже о потерѣ времени: послѣднимъ у насъ никто не дорожитъ и, вопреки американской пословицѣ, время у насъ вовсе не деньги. Отъ приглашенія въ участокъ спасаетъ только офицерскій костюмъ или чиновничья кокарда. Вотъ еще одна иллюстрація къ обычной практикѣ дѣйствій нашей полиціи, сообщаемая «Кіевлянином».

Digitized by Google

25 октября, въ 8 часовъ вечера, на Бибиковскомъ бульварѣ имѣлъ мѣсто слѣдующій крайне возмутительный случай. По Крещатику шла въ это время служащая въ одномъ изъ магазиновъ дѣвушка В. А. М. Когда М. свернула на Бибиковскій бульваръ,— предъ ея взорами предстала точно изъ земли выросшая фигура городоваго, шедшаго куда-то со свертком бумаги въ рукахъ. Тотъ, недолго думая, остановилъ проходившую молодую дѣвушку. «Стой, куда ты идешь»? обратился къ ней блюститель порядка. Она остолбенѣла и ничего не отвѣтила. Тогда городовой предложилъ ей отправиться въ участокъ, назвавъ ее при этомъ такой кличкой, отъ которой несчастная дѣвушка вся содрогнулась. Не теряя времени, городовой далъ свистокъ, и вскорѣ появился постовой городовой. ѣвушку окружила толпа народа. Со слезами на глазахъ, М. стала умолять, чтобы ее не отправляли въ участокъ; она предлагала идти въ тотъ магазинъ, гдѣ она служитъ и гдѣ могутъ удостовѣрить ея личность. Не смотря на всѣ жалобы дѣвушки, очутившейся ни за что, ни про́ что въ такомъ безвыходномъ положеніи, чины полиціи долго не соглашались идти въ магазинъ. Наконецъ, отправились въ магазинъ, гдѣ дѣйствительно подтвердилось все то, въ чемъ безуспѣшно старалась убѣдить дѣвушка блюстителей порядка.

Насъ даже удивляетъ, что полиція рѣшилась пойти въ магазинъ и провѣрить показанія дѣвушки. Обыкновенно, попавшихся въ руки дѣвушекъ «тащатъ» въ полицію и запираютъ ихъ на цѣлую ночь вмѣстѣ съ забранными уличными проститутками. Утромъ, конечно, разберутъ... Но каково честной и благовоспитанной дѣвушкѣ провести ночь въ такой милой средѣ? Сколько слезъ прольетъ она въ эту тревожную ночь!

Печальную исторію на тему о личной неприкосновенности у насъ разсказываетъ «Русскій Листокъ».

Нѣкто г. Р., служащій на одной изъ московскихъ фабрикъ, былъ приглашенъ въ управленіе мѣстнаго участка и тамъ арестованъ по предъявленіи ему отношенія одного изъ уѣздныхъ полицейскихъ управленій, адресованнаго въ московскую полицію и заключающаго просьбу арестовать г. Р. и препроводить его въ гор. Е., такъ какъ онъ обвиняется въ грабежѣ. Не зная за собой ничего, что́ могло бы подать какой либо поводъ къ подобному обвиненію, г. Р. обратился къ участковому приставу съ просьбой телеграфировать въ полицейское управленіе или же немедленно отправить его подъ конвоемъ за его счетъ въ гор. Е., съ цѣлью выяснить правильность предписанія объ арестѣ, — тѣмъ болѣе, что отношеніе полицейскаго управленія было написано не на бланкѣ и неграмотно. Просьба не была уважена и г. Р. провелъ, въ одиноч-

Digitized by Google

номъ заключеніи, четыре дня въ части и 12 дней въ пересыльной тюрьмѣ, прежде чѣмъ выяснилось, что *бумага объ его арестѣ была подложная*, и никакого уголовнаго дѣла о немъ не производится. Вернувшись на фабрику, г. Р. узналъ, что его ждали двѣ недѣли и затѣмъ пригласили на его мѣсто другое лицо. Заболѣвъ отъ перенесеннаго потрясенія и лишившись заработка, г. Р. рѣшился предъявить искъ къ мѣстной полиціи объ убыткахъ.

Прямо таки не вѣрится, чтобы 16 дней могли продержать въ кутузкѣ человѣка, совершенно неповиннаго, да еще по какой-то безграмотной подложной бумажонкѣ!..

Конечно, все это въ концѣ-концовъ *разъяснится*... Но нельзя ли сдѣлать такъ, чтобы подобныя «ошибки» повторялись рѣже? Больно ужь часто за послѣднее время онѣ стали повторяться.

Пока человѣкъ не отвѣтствуетъ за свои дѣйствія и распоряженія—до тѣхъ поръ и будутъ существовать и подобныя печальныя недоразумѣнія. Необходимо, чтобы и полицейскій чинъ за свои *ошибки* подлежалъ отвѣтственности. Это будетъ лучшей гарантіей противъ подобныхъ *ошибокъ* и *недоразумѣній*.

Газета «Право», въ статьѣ «Полицейскій сыскъ», приводитъ фактъ, краснорѣчиво подтверждающій мнѣніе, высказанное сенаторомъ А. Ѳ. Кони въ комисіи по пересмотру судебныхъ уставовъ, что «современная хроника преступленій по должности *богата обвиненіями полицейскихъ чиновъ въ истязаніяхъ* при исполненіи служебныхъ обязанностей, причемъ *обвиняемыми являются далеко не низшіе чины*». «Быть можетъ, наиболѣе печально, — говоритъ «Право»,—что и факты возмутительнаго произвола насилія и издѣвательства надъ свободными гражданами случаются не только гдѣ нибудь въ глухой провинціи, *а и въ самомъ центрѣ нашего просвѣщенія, въ Петербургѣ*, гдѣ сосредоточенъ цвѣтъ нашего чиновничества, гдѣ должно же сказаться, наконецъ, общее вліяніе культуры. На дняхъ въ петербургскомъ судѣ слушалось дѣло по обвиненію крестьянки Жарковой въ кражѣ денегъ у сіамскаго посланника. Когда кража была обнаружена, въ совершеніи ея былъ заподозрѣнъ дворецкій посланника Лавтизаръ, который и былъ арестованъ и вскорѣ въ сыскномъ отдѣленіи сознался въ кражѣ. И, однако, онъ не привлеченъ къ отвѣтственности (хотя и просидѣлъ 5 мѣсяцевъ подъ предварительнымъ арестомъ), такъ какъ оказалось, что, не смотря на сознаніе, онъ никакого касательства къ кражѣ не имѣлъ. Почему же онъ сознался, почему направилъ слѣдствіе на ложный путь? Очень просто: замогильнымъ голосомъ, на ломаномъ русскомъ языкѣ, Лавтизаръ, показывавшій не какъ обвиняемый, къ словамъ котораго мы относимся съ недовѣріемъ, а

Digitized by Google

какъ свидѣтель подъ присягой, — разсказывалъ на судѣ, что въ сыскномъ отдѣленіи его пять дней морили голодомъ, били кулаками по виску; онъ оглохъ, посѣдѣлъ, жизнь его разбита. Онъ думалъ, что не останется въ живыхъ, и жаждалъ только одного—вырваться изъ этого ада какой бы то ни было цѣной. Для этого онъ и взвелъ на себя вину, разсчитывая, что его переведутъ въ тюрьму, а тамъ ему удастся спастись. Лавтизаръ ошибся: исторгнувъ отъ него «сознаніе», полиція стала добиваться, куда онъ дѣвалъ деньги, и что съ нимъ тутъ дѣлали—онъ и разсказать не можетъ. И только послѣ того, какъ случайно обнаружившіеся факты указали, что виновата во всемъ одна Жаркова, Лавтизара продержали въ тюрьмѣ еще 3 мѣсяца и затѣмъ выпустили».

Такова немногосложная драма,—говоритъ далѣе «Право».—«И къ ней ничего не остается прибавить, но нельзя не понять всего ея ужаса, хотя бы потому, что каждый изъ насъ легко можетъ представить себя самого въ положеніи Лавтизара. Страшно подумать, что основное положеніе нашихъ судебныхъ уставовъ есть pium desiderium, и что въ дѣйствительности у насъ нѣтъ никакихъ гарантій личной неприкосновенности».

Массовыя убійства, совершонныя за послѣднее время въ нѣкоторыхъ южныхъ губерніяхъ, навели положительную панику на мирныхъ жителей. Охрана волостныхъ правленій и церквей была усилена. Но ничто не помогало. Наѣзжала цѣлая шайка разбойниковъ, убивала охрану, ломала кассу въ волостныхъ правленіяхъ, кружки въ церквяхъ, и, какъ ни въ чемъ ни бывало, уѣзжала далѣе. Кто были эти преступники? долго не могли разгадать. Народная молва приписывала эти преступленія бродячимъ цыганамъ. Впослѣдствіи оказалось, что народъ былъ правъ.

Корреспондентъ «Южнаго Края» передаетъ картину убійства девяти человѣкъ волостной стражи въ с. Майбородкѣ.

«Когда я проникъ, — пишетъ онъ, — въ помѣщеніе волостнаго правленія, моимъ глазамъ предстала ужасающая картина. Влѣвс отъ входныхъ дверей лежалъ только что остывшій трупъ волостного сторожа, лѣтъ 50. Голова его была вся размозжена и удлиннена, точно кузнецы на ней работали... Вправо отъ дверей, на полу, лежалъ трупъ полицейскаго десятскаго, 25 лѣтъ; голова его тоже размозжена, черепъ лобной полости изсѣченъ какимъ-то мелкимъ тупымъ орудіемъ. Далѣе вправо, за судейскимъ столомъ, на диванѣ лежалъ трупъ помощника писаря, мальчика 17-ти лѣтъ; голова его тоже раздроблена тупымъ орудіемъ. Влѣво отъ дверей, за судейскимъ столомъ въ углу, головой къ сундуку съ роковыми день-

Digitized by Google

гами, лежалъ второй помощникъ писаря,—мальчикъ тоже лѣтъ 17 Въ самомъ углу, при входѣ въ квартиру писаря, лежитъ трупъ 3-го помощника писаря, мальчика лѣтъ 15-ти. Во второй комнатѣ,—спальнѣ писаря,—на диванѣ лежитъ жена писаря,—женщина лѣтъ 26; голова ея раздроблена; на туловищѣ, спинѣ, бокахъ и груди видны побои и ссадины. Между тѣмъ, она еще жива... Къ вечеру того же дня, жена писаря умерла. Рядомъ съ женой писаря, въ деревянной люлькѣ лежалъ ихъ ребенокъ, мальчикъ 2-хъ лѣтъ; головка его разбита въ лепешку. Вѣроятно, онъ при погромѣ злодѣевъ проснулся и закричалъ. Далѣе — трупъ писаря. Передъ самымъ трупомъ стоитъ икона, которая указываетъ, что ранѣе, чѣмъ убить, злодѣи приводили писаря къ присягѣ. Присяга была, вѣроятно, не безъ пытокъ и мученій... Недаромъ у Мартыненки перебиты голени и суставы на ногахъ. Вѣроятно, злодѣи не вѣрили, что въ волостномъ сундукѣ была только тысяча съ чѣмъ-то рублей. Злодѣи забрали лишь кредитныя, золотыя и серебряныя деньги; мѣдныя же, около 3 руб.,—оставили въ сундукѣ нетронутыми. Во второй комнатѣ отъ спальни расположена кухня, одинъ входъ въ которую идетъ со двора черезъ сѣнцы, а другой — изъ спальной комнаты. Въ этой кухнѣ найдена плавающей въ крови прислуга писаря, дѣвушка 18-лѣтъ. Хотя она тяжело избита и поранена, но подаетъ надежду на выздоровленіе. Кромѣ девяти убитыхъ и одной тяжело раненой жертвы, въ волости находился на караулѣ еще одинъ десятскій, 21 года, который говоритъ, что онъ отпросился у писаря въ 9 часовъ вечера на улицу, т. е. на вечеринки, обратно же вернулся въ 3 часа ночи, когда все уже было покончено. Этого десятскаго сильно подозрѣваютъ, что онъ былъ подкупленъ.

Цыгане,—какъ бродячее племя,—много доставляютъ хлопотъ и непріятностей русскому народу. Цыгане крадутъ лошадей, цыгане пошаливаютъ на ярмаркахъ и базарахъ — это ни для кого не секретъ. Право, удивительно, что въ концѣ XIX вѣка у насъ на Руси есть бродячія племена, не прикрѣпленныя къ землѣ. На что и для чего нуженъ этотъ анахронизмъ?!

Старый и, между тѣмъ, вѣчно новый и жгучій вопросъ о дѣтяхъ и жестокомъ обращеніи съ ними снова выплываетъ на сцену.

«Дѣти — божье благословеніе», — говоритъ простой народъ. И тѣмъ не менѣе, не смотря на такой возвышенно-гуманный взглядъ на дѣтей, они являются нерѣдко обузой для родителей, тяжкимъ бременемъ, съ которымъ не знаютъ, какъ развязаться. Наша лите-

Digitized by Google

ратура богата тысячами примѣровъ жестокаго обращенія съ дѣтьми не только со стороны постороннихъ, но и самихъ родителей.

На свѣтѣ происходитъ много несправедливаго и ужаснаго, съ чѣмъ трудно примириться уму и сердцу человѣческому. Всѣ страданія, всѣ несправедливости людскія мы можемъ еще выносить скрѣпя сердце. Съ однимъ только мы никакъ не можемъ примириться—это со страданіями и мученіями дѣтей. Тутъ намъ не помогаютъ ни афоризмы, никакая ученая мораль, въ родѣ, напр., «неизбѣжной борьбы за существованіе» и пр. Все наше существо, вся наша нравственная природа возмущается при видѣ страданій дѣтей!

Не смотря на это, все таки есть изверги родители, которые мучатъ и тиранятъ своихъ дѣтей. Недавно въ окружномъ судѣ разбиралось дѣло мужа и жены Кузнецовыхъ, обвинявшихся въ томъ, что въ продолженіе двухъ лѣтъ (!!) они подвергали всевозможнымъ истязаніямъ своего ребенка, мальчика Ваню, который вслѣдствіе этихъ истязаній умеръ 4 лѣтъ и 5 мѣсяцевъ отъ роду.

Вотъ что содержитъ въ себѣ обвинительный актъ по этому дѣлу и что разсказали свидѣтели на судебномъ слѣдствіи.

Мужъ и жена Кузнецовы (оба лѣтъ подъ сорокъ) занимаются черною работою и живутъ очень бѣдно, ютясь въ жалкой наемной лачужкѣ, на одной изъ окраинъ города. Кромѣ умершаго мальчика, у нихъ—еще четверо дѣтей, изъ которыхъ старшему ребенку 14 лѣтъ. Покойный Ваня—не сынъ Кузнецова и прижитъ Кузнецовою въ отсутствіи мужа, уходившаго работать куда-то на сторону. Изъ показаній свидѣтелей выяснилось, что мальчикъ въ двухнедѣльномъ возрастѣ былъ подкинутъ матерью въ новочеркаскій сиропитательный домъ, откуда въ августѣ 1897 г. снова былъ взятъ ею же на воспитаніе. Едва только мальчикъ былъ перенесенъ въ родительскій домъ, какъ сейчасъ же началось его мученичество. Маленькаго Ваню помѣстили не вмѣстѣ съ другими дѣтьми, — при всемъ убожествѣ обстановки Кузнецовыхъ, — все же пользовавшихся нѣкоторыми удобствами, а въ темномъ углу за печкой. Къ общему столу мальчика не допускали, а иногда лишали пищи по цѣлымъ днямъ; если же и кормили, то давали куски черствaго хлѣба, листья сырой капусты, недоваренный картофель и т. п. Многочисленные свидѣтели,—сосѣди Кузнецовыхъ,—показали, что Елена Кузнецова обращалась съ младшимъ сыномъ до невѣроятности жестоко: постоянно била его (руками, хворостиной, ремнемъ съ зашитой на концѣ пряжкой), ставила на колѣни на каменный уголь, бросала со всего размаха на полъ и о стѣны—и все за то, что по ея словамъ, мальчикъ нечистоплотенъ.

Digitized by Google

Ваня Кузнецовъ, по словамъ свидѣтельницы, всегда выходилъ на дворъ для естественныхъ надобностей и только въ самое послѣднее время, ослабѣвъ отъ голода и непрерывныхъ истязаній, уже не могъ выходить и естественно дѣлалъ подъ себя. Истязуя сына, Кузнецова дошла до такой изобрѣтательности по части мученій, что однажды, передъ рождественскими праздниками 1899 года,—когда на дворѣ стоялъ сильный морозъ,—*вынесла мальчика, голаго, на дворъ, посадила на снѣгъ и снѣгомъ терла его* (!!) Заставляя Ваню просить за что либо прощенья, она подбрасывала его ногою вверхъ въ тотъ моментъ, когда мальчикъ, по ея приказанію, кланялся ей въ ноги. Однажды, когда Ваня, измученный голодомъ, сталъ просить хлѣба, мать заставила его, — для того чтобы онъ заработалъ пищу,—плясать и пѣть «березу». И маленькое существо, отъ слабости еле державшееся на ногахъ, плясало и пѣло разгульную цыганскую пѣсню, въ то время, когда мать лежала на кровати съ папиросою въ зубахъ, а когда мальчикъ уставалъ, кричала ему: «еще, еще»! Несчастный ребенокъ плясалъ, пока его не оставляли силы, а когда въ изнеможеніи остановился, — мать вскочила съ постели, со злобой схватила его за рубаху и швырнула въ дверь, но... все таки не дала хлѣба, котораго мальчикъ просилъ и изъ-за котораго онъ пѣлъ и плясалъ! Когда Елену Кузнецову укоряли сосѣди за жестокое и несправедливое обращеніе съ ребенкомъ, она отвѣчала: «вамъ какое дѣло? Мой ребенокъ: *захочу, разрѣжу на куски и выброшу собакамъ*». Производившіе вскрытіе врачи высказали заключеніе, что непосредственной причиной смерти Вани Кузнецова былъ параличъ сердца, вызванный общимъ истощеніемъ организма. Истощеніе это, приведшее къ смертному исходу, обусловливалось продолжительнымъ лишеніемъ пищи, необходимой для поддержанія жизни. Обнаруженныя на тѣлѣ покойнаго многочисленныя (до 60) поврежденія были, по мнѣнію врачей, наносимы разновременно, въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени, и нѣкоторыя изъ этихъ поврежденій причинены не далѣе, какъ за сутки до смерти и,—судя по глубинѣ и обширности ихъ,—со значительною силою и жестокостью, неминуемо способствуя ускоренію смертнаго исхода. Характернымъ является фактъ, обнаруженный на судебномъ слѣдствіи. Мучась передъ родами, подсудимая давала торжественную клятву — въ случаѣ благополучнаго исхода родовъ—никогда больше не обижать Ваню, такъ какъ страданія свои приписывала наказанію божьему за безчеловѣчное обращеніе съ сыномъ. Однако, выздоровѣвъ, Елена Кузнецова о своей клятвѣ забыла...

На судѣ оба Кузнецовы не признали себя виновными въ пре-

Digitized by Google

ступленіи, которое имъ приписывалось. Свидѣтельскими показаніями было установлено, что истязаніемъ ребенка занималась одна Кузнецова, и притомъ въ отсутствіи мужа. Присяжные засѣдатели признали Кузнецову виновной въ истязаніи ребенка, давъ ей снисхожденіе. Кузнецова же оправдали. Судъ приговорилъ Елену Кузнецову къ лишенію всѣхъ особыхъ правъ и преимуществъ, и къ заключенію въ тюрьмѣ на 2 года и 6 мѣсяцевъ.

Бѣдные Вани вездѣ страдаютъ. Такова ужь ихъ несчастная доля!

«Биржевыя Вѣдомости» разсказываютъ о слѣдующемъ фактѣ, характеризующемъ неприглядную жизнь дѣтей-подкидышей въ саратовскомъ пріютѣ.

«Въ концѣ прошлаго мѣсяца, въ мѣстную земскую больницу доставлена была 17-лѣтняя дѣвушка Софья Жерсъ съ признаками отравленія какимъ-то сильнымъ ядомъ. Ее привели въ сознаніе. Оказалось, что она отравилась мышьякомъ. Бѣдняжка была крайне слаба, но все же могла отвѣчать на разспросы врача.

— Что побудило васъ принять ядъ?

Она отвѣчала:

— Я рѣшилась на самоубійство, потому что меня систематически преслѣдовали и жестоко обращались со мною.

— Кто же васъ преслѣдовалъ и жестоко обращался?

— Начальница пріюта (!!).

Фамилія начальницы пріюта—Архангельская. Она уже много лѣтъ состоитъ въ этой должности. Въ больницу былъ приглашенъ полицейскій чиновникъ, и несчастная повѣдала ему подробности своей жизни въ пріютѣ. Затѣмъ, какъ водится, дѣло передано судебному слѣдователю.

Софья Жерсъ была питомицей пріюта и кончила гимназію. Земство, въ награду за ея успѣхи, выдало ей маленькую сумму на обзаведеніе туалетомъ. Но г-жа Архангельская не взлюбила ее... Эта госпожа вообще не отличалась мягкимъ сердцемъ. Она грозила Софьѣ, что лишитъ ее награды (выданной земствомъ), велѣла не давать ей чаю, заставляла ходить въ дырявыхъ башмакахъ, въ рваномъ старомъ платьѣ, а главное—преслѣдовала ее на каждомъ шагу насмѣшками и колкостями. Какой рай былъ въ пріютѣ и какое ужасное житье выпадало на долю остальныхъ дѣтей—видно изъ подробностей, обнаруженныхъ полицейскимъ дознаніемъ... Софья Жерсъ умерла черезъ два дня».

Когда случаются такія исторіи въ пріютѣ, онѣ еще не такъ возмутительны. Тамъ служатъ и работаютъ *наемники*, для которыхъ дѣти — простой кусокъ мяса, не болѣе. Но вотъ, когда видишь

Digitized by Google

изверговъ-родителей, которые, вопреки кровнымъ и родственнымъ чувствамъ, истязаютъ своихъ дѣтей, то на душѣ становится очень больно и тяжело. Животное-самка лучше бережетъ своихъ дѣтей; она ихъ не истязуетъ, и даже нерѣдко подвергаетъ за нихъ риску свою собственную жизнь. Человѣкъ же иногда является худшимъ изъ самыхъ кровожадныхъ звѣрей: родственные и кровные инстинкты въ немъ замираютъ!

Конечно, не у всѣхъ людей эти родственные инстинкты атрофируются. У многихъ, наоборотъ, родственныя чувства берутъ перевѣсъ и они дѣйствуютъ исключительно подъ вліяніемъ ихъ. Это—обратная сторона медали.

«Уралъ» приводитъ любопытный образецъ проявленія родственныхъ чувствъ. Онъ указываетъ на одну «семейно-родственную» казенную желѣзную дорогу, гдѣ всѣ служащіе—родственники между собою.

Завѣдывающій грузовой статистикой этой дороги получаетъ	2,400 р.
Дочь его	480 »
Сынъ его	600 »
Невѣстка	480 »
Помощникъ бухгалтера службы движенія получаетъ	2,400 »
Дочь его	480 »
Завѣдующій статистикой службы движенія получаетъ	2,400 »
Жена его	720 »
Помощникъ бухгалтера въ «службѣ пути» получаетъ	2,600 »
Дочь его	540 »
Восемнадцатилѣтній сынъ его	900 »
Племянникъ его	720 »
Въ комерческомъ отдѣлѣ и отдѣлѣ статистики нѣкто получаетъ	1,200 »
Жена его	480 »
Дочь его	480 »
Въ главной бухгалтеріи нѣкто получаетъ	6,000 »
Дочь его (служитъ у него же)	600 »
Въ службѣ движенія одинъ старшій счетоводъ получаетъ	1,500 »
Жена его	480 »

И это,—прибавляетъ газета,—далеко не все. Очевидно, тутъ дѣйствуетъ принципъ, отмѣченный еще Грибоѣдовымъ: «Ну, какъ

Digitized by Google

не порадѣть родному человѣчку»! и является руководящимъ нача ломъ для заправилъ дороги при выборѣ служащихъ.

Заговоривъ о «жестокихъ нравахъ», царящихъ въ нашемъ обществѣ, мы не можемъ не упомянуть о той *жестокой казни*, (иначе нельзя назвать!) которую произвела армянская газета «Мшакъ» надъ титаномъ русской музыки—Глинкою.

Въ газетѣ «Кавказъ», по этому поводу, мы находимъ слѣдующее любопытное сообщеніе:

«Просматривая №·180 (отъ 26 сего сентября) армянской газеты «Мшакъ» и встрѣтивъ на столбцахъ ея театральную рецензію, касающуюся оперы «Русланъ и Людмила», мы невольно заинтересовались ею,—конечно, не съ точки зрѣнія изложенныхъ въ ней взглядовъ на музыкальную сторону оперы: вопросъ этотъ достаточно обслѣдованъ выдающимися авторитетами, и рецензентъ «Мшака», г. Кара-Мурза, врядъ ли могъ добавить что либо существенное. Интересно было узнать, что̀ именно скажетъ авторитетный для многихъ армянъ органъ печати о произведеніяхъ двухъ титановъ музыки и поэзіи великаго народа. Прочитавъ рецензію г. Кара-Мурзы, намъ стало стыдно за автора, стыдно за редакцію, *больно за читателей, предъ которыми имена и произведенія Пушкина и Глинки трактуются съ небрежностью и легкомысліемъ, достойными отчета объ оперетк*ѣ. Вотъ что съумѣлъ сказать о «Русланѣ и Людмилѣ» г. Кара-Мурза: «Мы гораздо болѣе ожидали отъ оперы Глинки «Русланъ и Людмила», представленной въ субботу, 23 числа текущаго мѣсяца. Но зачѣмъ ее назвали оперой? По своему содержанію, пѣнію и ходу дѣйствія, это скорѣе феерія-концертъ. Въ девяти картинахъ восемь дѣйствующихъ лицъ, порознь, повторяя по нѣсколько разъ, поютъ длинныя меланхолическія аріи, не обращая вниманія, что̀ продѣлываетъ на сценѣ великое множество придворныхъ, гостей, воиновъ, черни и другихъ статистовъ. Музыка томительная, для артистовъ неблагодарная (?!) *Изъ восьми главныхъ ролей нѣтъ ни одной выдающейся.* Болѣе всего отведено мѣста танцамъ, которые исполняются во дворѣ колдуньи и очаровываютъ публику. Въ настоящемъ сезонѣ наиболѣе усердія и трудовъ потрачено на апоѳеозы, танцы и нѣмыя картины, нежели (чѣмъ?) на содержаніе, пѣніе, музыку и смыслъ пьесъ, а это-то и должно быть воспитательнымъ элементомъ представленія, который сравнительно слабъ. Театръ былъ полонъ приставными стульями; неужели въ этомъ только задача сцены»?..

Этотъ *шедѣвръ* музыкальной критики газета «Кавказъ» сопровождаетъ такимъ заключеніемъ:

Digitized by Google

«Что это такое:—полное невѣжество или нѣчто еще худшее? О вкусахъ, конечно, не спорятъ, и ничего нѣтъ удивительнаго, что Глинка не удостоился одобренія рецензента, *уши котораго воспитаны на совершенно иныхъ мелодіяхъ*; позволяемъ себѣ, однако, думать, что его произведенію нельзя отказать въ музыкальной идеѣ, вполнѣ соотвѣтствующей содержанію одной изъ грандіознѣйшихъ поэмъ Пушкина, знакомой каждому школяру».

Очень, очень ужь деликатенъ рецензентъ «Кавказа»! Такому цѣнителю музыки, какъ сотрудникъ армянской газетки, слѣдовало бы не возражать, а только напомнить ему другаго музыкальнаго цѣнителя изъ басни Крылова, который совѣтовалъ соловью поучиться пѣть у пѣтуха...

X.

Digitized by Google

На рубежѣ столѣтій.

Я знаю, что въ былые годы
Мысль находилася въ плѣну,
И было на Руси свободы
И свѣта меньше въ старину.

Но—русскіе душой и сердцемъ—
Умѣли прадѣды любить
Свой край родной, предъ иновѣрцемъ
Главы холопски не клонить.

Они скорбѣли и страдали,
Но говорилъ ихъ каждый шагъ,
Что край неволи и печали
Имъ дорогъ, какъ и русскій стягъ.

Была въ сердцахъ ихъ страсть живая,
И вѣра крѣпкая была,
И эта вѣра, согрѣвая,
Имъ силу мощную несла.

Прошли года. И вотъ наукамъ
Внимаетъ Русь уже давно,
Но передъ прадѣдами—внукамъ
Гордиться было бы смѣшно.

Свободнѣй нынѣ дышатъ груди,
На мысли нѣтъ былыхъ цѣпей,
Но старины далекой люди—
И величавѣй и цѣльнѣй!

А. Кругловъ.

Digitized by Google

Дѣятельность Наполеона I въ связи съ его физическимъ здоровьемъ.

I.

Въ этомъ году исполнилось 100 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ одинъ изъ величайшихъ геніевъ открылъ для погибавшей Франціи будущее, полное такого блеска и величія, какихъ немного найдется на страницахъ исторической лѣтописи. Хотя за этотъ вѣкъ появилось много научныхъ трудовъ о времени I-ой имперіи, но едва ли они вполнѣ разъяснили эту по истинѣ сказочную эпоху, во многомъ оставшуюся неразрѣшенной загадкой, также какъ и самая личность ея героя, необыкновенно сложная и своеобразная.

Какъ все грандіозное, имперія, конечно, не погибла во многихъ своихъ учрежденіяхъ и законахъ, но какимъ образомъ зданіе, возведенное геніальнымъ трудомъ великаго человѣка, эта имперія, сдѣлавшаяся правительствомъ чисто національнымъ, какъ показало возвращеніе Наполеона съ острова Эльбы и общая ненависть французовъ къ реставраціи,—не устояла противъ враговъ, правда, превосходившихъ ея силы численностью, но разъединенныхъ соперничествомъ и далеко уступавшихъ французамъ въ одушевленіи арміи и даровитости вождей?—этотъ существенный вопросъ, также какъ и болѣе частные (напр. 18-ое брюмера, казнь герцога Энгіенскаго, битва при Ватерлоо), далеко еще не разрѣшены исторіей или разрѣшены крайне неточно и поверхностно.

Въ послѣднее время много писали о физическомъ здоровьѣ императора Наполеона, стараясь изученіемъ его организма объяснить многія странности характера этого необычайнаго и оригинальнаго генія и выяснить, какое вліяніе могла имѣть эта физическая сторона на ходъ политическихъ событій. Выясненіе этого вопроса имѣетъ существенное значеніе для исторіи и, вѣроятно, откроетъ въ будущемъ наиболѣе важныя тайны политической жизни Напо-

Digitized by Google

леона. Задача эта тѣмъ болѣе интересна, что можетъ показать намъ съ новой стороны не только Наполеона, какъ политическаго дѣятеля, но и Наполеона, какъ человѣка, личность котораго мы только начинаемъ узнавать въ истинномъ свѣтѣ, благодаря талантливымъ изслѣдованіямъ Фредерика Массона. Хотя для своего вѣка Наполеонъ и былъ попеременно то чудовищемъ, то полубогомъ, находящимся внѣ вліянія окружающей жизни, обстоятельствъ и здоровья, но на самомъ дѣлѣ этотъ великій человѣкъ страдалъ также, какъ и обыкновенные люди, подчиняясь неумолимому вліянію своей физической природы, вопреки своей непреклонной волѣ.

Но задача эта оказалась необыкновенно трудной,—главнымъ образомъ потому, что великій императоръ ревниво охранялъ отъ публики исторію своихъ физическихъ немощей, призывая иногда на помощь всю свою желѣзную волю, чтобы какимъ нибудь внѣшнимъ знакомъ не выдать своихъ часто мучительныхъ страданій. Вліяніе его на многихъ окружающихъ, посвященныхъ въ эти тайны, было такъ велико, что даже въ 1858 году, — по словамъ доктора Кабанеса, — братъ Наполеона, король Іеронимъ, также какъ и графъ Маршанъ [1]), ходившій за нимъ съ 1813 года до самой смерти, не рѣшались выдать тайны его страданій. Конечно, императоръ имѣлъ на это серьезныя причины: воплощая въ себѣ славу и величіе Франціи, онъ былъ ея единственной силой и надеждой во время тяжелыхъ невзгодъ, такъ какъ все держалось его геніемъ и все рухнуло, когда исчезъ этотъ блестящій метеоръ... Было бы совершенно ошибочно думать, что знаменитая фраза, оканчивающая послѣдній бюллетень великой арміи 12-го года: «l'Empereur se porte bien»—фраза, нашедшая столько яростныхъ противниковъ, была продиктована чувствомъ личнаго эгоизма. Даже герцогиня д'Абрантѣсъ, часто недоброжелательствовавшая императору, возстаетъ противъ узкости такого сужденія: одна только увѣренность въ томъ, что императоръ здоровъ и силенъ по прежнему, полонъ генія и энергіи для защиты интересовъ родины — одна эта увѣренность и могла поддержать во французскомъ народѣ бодрость духа и надежду на лучшее будущее. Оттого-то такъ трагически звучитъ эта фраза, вынужденная политическою необходимостью и написанная рукою императора, подавленнаго физическими и нравственными страданіями. Онъ бросилъ ее, какъ послѣдній лучъ надежды, народу, отдаленному отъ него тысячью миль и съ возрастающимъ безпокойствомъ прислушивающемуся къ отголоску трагическихъ событій,

[1]) Маршанъ былъ камердинеромъ Наполеона,—и послѣдній уже передъ смертью пожелалъ возвести его въ графское достоинство за оказанный имъ преданный уходъ во время послѣдней тяжелой болѣзни.

Digitized by Google

превратившихъ самую грозную армію міра въ кучки блѣдныхъ, изувѣченныхъ, полумертвыхъ людей, потерявшихъ человѣческій образъ. Насколько увѣренность въ здоровьѣ и бодрости ея представителя была необходима для Франціи, это понимали всѣ враги императора,—иначе Англія не старалась бы такъ часто распространять ложные слухи о его болѣзни. Constant [1]) говоритъ въ своихъ запискахъ, что въ 1813 году императоръ сталъ особенно часто ѣздить на охоту, что было удивительно въ это время усиленной работы, когда на политическомъ горизонтѣ Франціи уже собрались мрачныя тучи. «Что же дѣлать?—сказалъ однажды императоръ,—надо же заставить замолчать этихъ дураковъ англичанъ, которые постоянно пишутъ, что я такъ боленъ, что не въ состояніи даже садиться на лошадь».

Но, кромѣ серьезной политической причины, была и другая, чисто личная, заставлявшая императора тщательно скрывать свои страданія: это была необычайная — почти болѣзненная—чувствительность при обращеніи къ помощи постороннихъ лицъ. Въ возстановленномъ имъ придворномъ этикетѣ императоръ уничтожилъ всю его грубую и назойливую сторону. Онъ сдѣлалъ это не столько потому, что она шла въ разрѣзъ съ духомъ новыхъ идей, сколько отъ врожденной чувствительности, заставлявшей его иногда нравственно страдать отъ необходимости обращаться къ помощи докторовъ или придворныхъ. Даже въ день коронаціи онъ совершилъ свой утренній туалетъ,—какъ и во всѣ прочіе дни, — съ помощью одного своего камердинера и не позволилъ прикоснуться къ себѣ ни одному «придворному чину», какъ это было принято въ старомъ этикетѣ.

Такимъ образомъ, какъ вслѣдствіе политическихъ причинъ, такъ и личныхъ особенностей характера императора, исторія его болѣзни осталась почти непроницаемою тайной, только теперь начинающей понемногу освѣщаться для исторіи. Безъ претензій написать ученый трудъ, мнѣ хотѣлось бы собрать нѣкоторыя свѣдѣнія о болѣзни Наполеона, разбросанныя въ многочисленныхъ работахъ и мемуарахъ о немъ, какъ-то: записки его докторовъ О'Меара и Антомарки, мемуары Ласказа и Монтолонъ, мемуары его личнаго секретаря барона Меневаля, мемуары его камердинера Констана, герцогини д'Абрантесъ, госпожи де-Ремюза, Imbert de St. Amand, Masson и другихъ. Я не берусь сдѣлать ни медицинскаго, ни психологическаго вывода о страданіяхъ Наполеона и ихъ вліяніи на ходъ политическихъ событій. Моя скромная задача состоитъ только въ томъ,

[1]) Камердинеръ императора.

Digitized by Google

чтобы сдѣлать краткій хронологическій обзоръ состоянія здоровья императора и указать на тѣ его страданія, которыя, не смотря на свою важность, еще крайне мало извѣстны. Мнѣ было бы очень пріятно, еслибы какой нибудь ученый спеціалистъ воспользовался моей работой, какъ матеріаломъ для составленія научнаго труда объ этомъ новомъ и крайне интересномъ вопросѣ.

II.

Докторъ Кабанесъ усматриваетъ нѣсколько рѣзкихъ перемѣнъ внѣшняго типа Наполеона, совершавшихся подъ вліяніемъ органическихъ измѣненій. И, дѣйствительно, худая нервная фигура юнаго побѣдителя Италіи, со впалыми щеками и лихорадочно блистающимъ взглядомъ, рѣзко отличается отъ спокойнаго, самоувѣреннаго и энергичнаго лица перваго консула, также какъ отъ античнаго образа императора и отъ сильно пополнѣвшаго, отяжелѣвшаго и усталаго Наполеона послѣднихъ лѣтъ, съ таинственными очами, устремленными вдаль, на подобіе того гранитнаго сфинкса, котораго съ волненіемъ вопрошалъ среди египетской пустыни жадный взоръ молодаго генерала... Я постараюсь собрать и вкратцѣ изложить свѣдѣнія о состояніи здоровья императора въ теченіе трехъ главныхъ періодовъ его жизни: Бонапарта — генерала, Бонапарта — перваго консула и императора Наполеона (первыхъ и послѣднихъ лѣтъ имперіи) причемъ остановлюсь преимущественно на послѣднемъ періодѣ, какъ дающемъ наиболѣе матеріала, и прибавлю еще нѣсколько словъ о самомъ первомъ періодѣ—времени дѣтства,—очень мало извѣстномъ.

Наполеонъ унаслѣдовалъ крайнюю нервность отъ своихъ родителей, Карла Бонапарта и Летиціи Рамолѣно, хотя въ достовѣрности неизвѣстно, какими именно болѣзнями страдали они сами. Проф. П. И. Ковалевскій называетъ Карла Бонапарта «алкоголикомъ», объясняя этимъ приписываемую имъ Наполеону эпилепсію и основываясь на словахъ самого императора, сказавшаго на островѣ Св. Елены, что его отецъ любилъ сладко поѣсть и попить. Но отсюда еще очень далеко до алкоголизма. Да и могъ ли быть алкоголикомъ человѣкъ, проведшій всю свою жизнь въ составленіи всевозможныхъ плановъ, имѣвшихъ цѣлью его собственное возвышеніе и требовавшихъ постоянныхъ хлопотъ, денегъ и разъѣздовъ? Карлъ Бонапартъ умеръ, еще не достигнувъ 40 л., отъ рака въ желудкѣ, считавшагося наслѣдственнымъ въ его семьѣ; по крайней мѣрѣ, у Людовика Бонапарта хранилась медицинская статья объ этомъ предметѣ, которою умирающій императоръ просилъ руково-

Digitized by Google

диться доктора Антомарки для охраненія своего сына отъ этой мучительной болѣзни. Насколько это мнѣніе основательно—не знаю: почти всѣ члены семьи Бонапартовъ умерли въ глубокой старости и неизвѣстно, сколько бы прожилъ самъ императоръ, еслибы его не подвергли политическому убійству. Squirre an pilord (ракъ) начался у императора тогда, когда онъ уже умиралъ отъ неизбѣжной въ этомъ климатѣ болѣзни печени.

Мать Наполеона умерла старше 80 л. и о здоровьѣ ея извѣстно мало; развѣ только то, что она страдала головными болями. Правда, въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ есть указанія на нервные припадки, которыми она страдала въ молодости, какъ разъ въ то время, когда готовилась подарить міру великаго человѣка. На эти припадки смотрятъ, какъ на эпилептическіе, но точныхъ указаній ихъ характера и даже существованія — нѣтъ. Но, такъ или иначе, очевидно, что нервность была наслѣдственна въ семьѣ Бонапартовъ и проявлялась различнымъ образомъ у всѣхъ ея членовъ: герцогиня Тосканская [1]) страдала тяжелою нервной болѣзнью желудка, Наполеонъ и принцесса Боргезе [2])—судорогами; Людовикъ [3]) бывшій голландскій король—цараличемъ и т. д., и почти всѣ — большою склонностью къ обморокамъ. Наслѣдственность эта можетъ наблюдаться и въ слѣдующемъ поколѣніи: такъ, принцъ Ахиллъ, сынъ Каролины [4]) и Мюрата, страдалъ припадками падучей болѣзни; сынъ Полины Боргезе, тогда еще г-жи Леклеркъ, умеръ отъ мозговаго припадка и самъ римскій король [5]) обнаруживалъ въ дѣтствѣ многія нервныя явленія: земляника вызывала у него рвоту, какъ и у его двоюроднаго брата, старшаго сына короля Людовика голландскаго; при раздраженіи, онъ катался по полу, не помня себя отъ гнѣва; отъ смѣха переходилъ къ истерикѣ и пр.

Наполеонъ родился маленькимъ, слабымъ ребенкомъ, можетъ быть, вслѣдствіе участія, которое Летиція принимала до его рожденія въ войнѣ за независимость Корсики, подвергаясь всевозможнымъ опасностямъ, наравнѣ со своимъ мужемъ. Будущій императоръ едва не увидѣлъ свѣтъ въ пещерѣ, куда его мать скрылась однажды отъ преслѣдованія враговъ. Ребенокъ былъ настолько

---

[1]) Сестра Наполеона, Элиза (Маріанна) бывшая за мужемъ за Феликсомъ Бачіокки и сдѣланная герцогинею Тосканской.

[2]) Сестра Наполеона, Полина, бывшая за мужемъ сперва за генераломъ Леклеркомъ, и потомъ—за принцемъ Боргезе, и сдѣланная герцогиней Гуасталльской.

[3]) Братъ Наполеона, четвертый сынъ Карла Бонапарта.

[4]) Младшая сестра Наполеона, королева неаполитанская.

[5]) Сынъ Наполеона, Наполеонъ II, впослѣдствіи герцогъ Рейхштадтскій.

Digitized by Google

слабъ, что, кромѣ обыкновенной кормилицы-матери, ему дали одновременно еще и другую—Камиллу Илари. О первыхъ годахъ жизни Наполеона почти ничего неизвѣстно, развѣ только то, что, по своему собственному признанію на островѣ св. Елены, онъ уже съ дѣтства началъ страдать затрудненнымъ пищевареніемъ. Отъѣздъ 9-лѣтняго Наполеона съ Корсики, при помѣщеніи его въ Бріэнскую школу, сильно повліялъ на его здоровье: ребенокъ сталъ хворать и до такой степени страдалъ тоскою по родинѣ, что пріѣхавшая навѣстить его Летиція едва могла узнать своего сына въ озлобленномъ, исхудаломъ и блѣдномъ ребенкѣ. Впослѣдствіи онъ, вѣроятно, освоился съ жизнью и климатомъ Франціи, такъ какъ въ выданномъ ему свидѣтельствѣ объ окончаніи курса Бріэнской школы написано: «здоровья превосходнаго». Къ періоду жизни его въ Бріэнской школѣ относится первое описаніе случившагося съ нимъ нервнаго припадка. Ребенка въ наказаніе поставили въ уголъ на колѣни съ ослиными ушами на головѣ, что моментально вызвало у него рвоту и судороги.

Періодъ жизни Наполеона, съ окончанія военной парижской школы и до назначенія главнокомандующимъ итальянской арміей, даетъ мало свѣдѣній о состояніи его здоровья. Извѣстно только, что это была жизнь политическихъ колебаній, усиленнаго умственнаго труда, матеріальныхъ лишеній, вызванныхъ стѣсненными денежными обстоятельствами, и крайняго воздержанія, вообще свойственнаго его необычайно-умѣренной спартанской натурѣ. На островѣ св. Елены императоръ сказалъ: «Je n'ai fait d'excès d'aucun genre», что подтвердилъ и его докторъ о'Меара, найдя его организмъ, не смотря на всѣ перенесенныя страданія, крѣпкимъ вслѣдствіе высокой умѣренности его жизни. Недаромъ Паоли сказалъ еще объ отрокѣ Наполеонѣ: «C'est un jeune homme taillé sur l'antique». Въ первое время Наполеонъ часто бралъ отпуски на родину, какъ вслѣдствіе неудовлетворенности своею дѣятельностью и колебанія въ выборѣ карьеры, такъ и слабаго здоровья, страдавшаго отъ нужды и лишеній. Однажды онъ даже ѣздилъ съ матерью на воды; но подъ благодатнымъ солнцемъ Корсики скоро поправлялся и возмѣщалъ свое бездѣйствіе во Франціи участіемъ въ корсиканскихъ волненіяхъ.

Среди этой жизни нужды и труда, еще неясно опредѣленныхъ цѣлей и внутреннихъ бурь, блестятъ, какъ двѣ звѣзды, только двѣ яркія точки: взятіе Тулона, сразу выдвинувшее молодаго генерала, и защита конвента 13-го вандемьера, положившая конецъ нерѣшительности и колебаніямъ и открывшая передъ Наполеономъ широкую дорогу. Врядъ ли рѣшеніе молодаго корсиканца, — покинуть

Digitized by Google

патріотическія мечты о независимости родины и построить свое будущее на служеніи Франціи, открывавшей болѣе широкій путь полету его генія,—было принято имъ безъ мучительной нравственной борьбы. Но, распростерши крылья и разъ почувствовавши свое паренiе въ воздухѣ, молодой орелъ стремится въ высь, не оглядываясь на родное гнѣздо, удерживавшее его на скалистомъ утесѣ...

III.

Въ періодъ итальянской кампаніи мы имѣемъ вполнѣ опредѣленный типъ Наполеона, какъ въ свидѣтельствѣ современниковъ, такъ и въ картинахъ Гро, Филипотѳ и др. Онъ былъ невысокаго роста, поразительной болѣзненной худобы, съ блистающими лихорадочнымъ блескомъ впалыми глазами, выдающими внутренній пожаръ, съ желчнымъ цвѣтомъ лица и горько очерченнымъ ртомъ. Правильная красота его лица какъ бы терялась въ общемъ впечатлѣніи худобы, истощенія и чего-то мрачнаго, могучаго и властнаго въ выраженіи его взгляда. Но были и тогда люди, съумѣвшіе увидѣть античный типъ лица этого дурно одѣтаго, небрежнаго и страннаго человѣка, и понять красоту его формъ, тонкихъ, какъ у фигуры, выточенной изъ слоновой кости. Однимъ изъ лучшихъ изображеній Наполеона того времени можетъ служить прелестная статуя скульптора Жерома; находящаяся въ Люксембургскомъ музеѣ въ Парижѣ и изображающая молодаго Бонапарта верхомъ на конѣ, ступающемъ по разостланнымъ лаврамъ.

Крайняя худоба Наполеона происходила какъ отъ перенесенныхъ имъ нравственныхъ волненій, нужды и труда, такъ, главнымъ образомъ, отъ двухъ серьезныхъ болѣзней, начавшихся у него со времени взятія Тулона. Одна изъ нихъ была тяжелая накожная болѣзнь, названная тогда чесоткой (la galle), которою будто бы заразился Наполеонъ, выстрѣливъ изъ той же пушки, при которой состоялъ страдавшій чесоткою солдатъ. Насколько это предположеніе вѣрно, предоставляю судить болѣе компетентнымъ людямъ; достовѣрно лишь то, что болѣзнь эта, кромѣ наружнаго проявленія на тѣлѣ и особенно на рукахъ, давала Наполеону почти постоянное лихорадочное состояніе и головныя боли. Уступивши, наконецъ, лѣченію, эта болѣзнь никогда не проходила совершенно, такъ какъ въ 1809 г. въ Вѣнѣ Наполеонъ снова захворалъ ею, хотя и въ гораздо болѣе слабой степени. Она выразилась въ небольшой сыпи на шеѣ и въ легкой головной боли. Окружающіе императора просили его не пренебрегать своимъ болѣзненнымъ состояніемъ. Призванный къ нему знаменитый вѣнскій врачъ Франкъ нашелъ болѣзнь очень серьез-

Digitized by Google

ною и, считая ее болѣзнью всего организма, требовалъ систематическаго лѣченія. Нетерпѣливый императоръ, всегда относившійся къ медицинѣ скептически, тотчасъ вызвалъ изъ Парижа Корвизара, котораго и принялъ однажды по возвращеніи съ парада. Въ отвѣтъ на удивленіе Корвизара видѣть императора такимъ здоровымъ, онъ сказалъ: «А вы, вѣрно, думали найти меня въ постели, благодаря распущеннымъ здѣсь слухамъ»? Корвизаръ, знавшій въ совершенствѣ, какъ надо обращаться съ императоромъ, не любившимъ признавать серьезность своихъ болѣзней, сейчасъ же успокоилъ его, найдя болѣзнь незначительной и прописавъ ему мушки вмѣсто серьезнаго лѣченія. На этотъ разъ слухъ о болѣзни императора не могъ не распространиться, благодаря тому, что въ секретѣ участвовалъ докторъ Франкъ, котораго труднѣе было заставить молчать, чѣмъ французскихъ врачей и окружающихъ Наполеона. Этотъ случай заставляетъ предположить, что возобновленіе болѣзни бывало не одинъ разъ, но свѣдѣнія объ этомъ погибли въ молчаливой покорности окружающихъ...

Вторая болѣзнь, сильно вліявшая на здоровье Наполеона, была— полученная имъ при Тулонѣ рана штыкомъ въ бедро, плохо лѣчимая и никогда не заживавшая вполнѣ. Во всю жизнь Наполеона нѣтъ ни малѣйшаго указанія на это страданіе и мы знаемъ о немъ только благодаря доктору Антомарки, наблюдавшему этотъ странный припадокъ на островѣ св. Елены. Рана эта открывалась періодически, являясь, по словамъ императора, облегченіемъ въ минуты сильныхъ нервныхъ возбужденій, и закрывалась сама, послѣ того какъ выходило извѣстное количество матеріи и крови. Явленіе это сопровождалось зудомъ, такъ что императоръ испытывалъ особенное наслажденіе въ чесаніи больнаго мѣста. Являлось ли нервное состояніе вслѣдствіе приближенія открытія раны, или, наоборотъ, рана открывалась для облегченія нервнаго состоянія, какъ думалъ императоръ; но первое предположеніе кажется болѣе вѣроятнымъ. Не знаю, къ области какихъ страданій надо отнести это явленіе; извѣстно только, что въ то время болѣзнь эта являлась невыясненной и наблюдалась докторомъ Антомарки, какъ явленіе рѣдкое и странное.

Кромѣ этихъ двухъ серьезныхъ болѣзней, въ особенности первой, Наполеонъ въ то же время страдалъ и другими, какъ напр., упорнымъ сухимъ кашлемъ, вслѣдствіе постоянныхъ катарральныхъ процессовъ въ легкихъ, благодаря чему его считали въ это время почти чахоточнымъ. Очень можетъ быть, что чахотка, отъ которой погибъ сынъ Наполеона, герцогъ Рейхштатскій, была отчасти унаслѣдована имъ отъ отца, такъ какъ Наполеонъ всю жизнь страдалъ

Digitized by Google

слабостью легкихъ, очень легко подвергался сильной простудѣ (gros rhume) и, при вскрытіи его тѣла, докторъ Антомарки даже нашелъ въ легкихъ начало туберкулеза.

Обо всемъ этомъ мы находимъ свѣдѣнія у всѣхъ историковъ Наполеона, также какъ и въ его письмахъ къ Жозефинѣ, написанныхъ впопыхахъ на бивакахъ подъ громъ побѣдоносныхъ орудій. Среди страстныхъ любовныхъ изліяній его оригинальнаго стиля разсыпаны указанія на его болѣзненное состояніе и даже предчувствіе его. Такъ въ одномъ мѣстѣ онъ пишетъ: «Пріѣзжай поскорѣе, такъ какъ я буду очень боленъ».

Къ этому же времени относится начало страданій дизуріей, имѣвшей впослѣдствіи самое пагубное вліяніе на судьбу императора.

Въ нашъ вѣкъ вырожденія и болѣзней воли кажется совершенно непонятнымъ, какимъ образомъ Наполеонъ могъ совершить чудесное покореніе Италіи и вынести всѣ тяжести похода, мучимый столькими серьезными недугами! Но въ то геройское время общаго подъема духа чудеса совершались легко и 26-лѣтній побѣдитель Италіи успѣвалъ одерживать блестящія побѣды, хворая и лежа въ постели; предписывать условія мира иностраннымъ державамъ и писать огненныя посланія любимой женщинѣ.

Въ этомъ—или почти въ этомъ—состояніи застала Наполеона египетская экспедиція. Неизвѣстно, какое вліяніе имѣло на него жаркое дыханіе пустыни; но, по позднѣйшимъ даннымъ, надо предположить, что его натура, крайне впечатлительная къ обѣимъ крайностямъ температуры, должна была сильно страдать отъ африканскаго жара. Послѣ тріумфальнаго возвращенія во Францію, нервное напряженіе Наполеона, все увеличивавшееся по мѣрѣ приближенія къ родинѣ, достигло высшаго напряженія. Наканунѣ великихъ событій, Наполеонъ почувствовалъ, что политическій переворотъ, созрѣвшій еще раньше, не могъ теперь совершиться безъ него, потому что Франція, усталая отъ деспотическаго, алчнаго и всѣми презираемаго правленія директоріи, смотрѣла на него, какъ на своего спасителя, и готова была броситься въ его объятія. И Наполеонъ задумался передъ шагомъ, отдѣлявшимъ геніальнаго полководца,—борющагося съ деспотизмомъ одряхлѣвшаго правительства,—отъ почти неограниченнаго властителя, словно чудомъ создавшаго въ четыре года могущественную, богатую страну изъ дезорганизованной во всѣхъ отношеніяхъ Франціи.

IV.

За нѣсколько дней до назначеннаго переворота, одинъ маленькій случай едва не измѣнилъ всей судьбы міра. Наполеонъ, поѣхавшій

Digitized by Google

прокатиться съ Реньо и, занятый серьезнымъ разговоромъ о предстоящихъ событіяхъ, не замѣтилъ, какъ его лошадь споткнулась о маленькій камень и онъ былъ сброшенъ на 15 метровъ въ полномъ безпамятствѣ. Подбѣжавшій къ нему Реньо нашелъ его безъ пульса, безъ дыханія и безъ всякихъ признаковъ жизни. Но сознаніе скоро вернулось къ нему; онъ сѣлъ верхомъ и продолжалъ, какъ ни въ чемъ не бывало, прерванный разговоръ. Въ продолженіе всей своей жизни Наполеонъ очень часто падалъ съ лошади, потому что нетвердо сидѣлъ въ сѣдлѣ и имѣлъ привычку не держать поводьевъ. Удивительно, какъ эти паденія не оказали вреднаго вліянія на его умственныя способности, такъ какъ иногда ударъ приходился прямо въ голову, какъ это было, напр., въ бытность его первымъ консуломъ при испробованіи прекрасныхъ испанскихъ скакуновъ, подаренныхъ ему королемъ Карломъ IV. Не смотря на слѣдовавшій за паденіемъ полный обморокъ, сознаніе возвращалось къ Наполеону быстро и мгновенно. Такъ, въ описываемомъ мною случаѣ, не будучи еще въ состояніи подать ни малѣйшаго признака жизни,— онъ услышалъ надъ собой чей-то голосъ: «Надо поскорѣе дать знать объ этомъ Камбасересу». Эти слова сразу разбудили дремавшее сознаніе; первый консулъ открылъ глаза и бросилъ на говорившаго такой взглядъ, который ясно свидѣтельствовалъ, что торопиться съ сообщеніемъ Камбасересу было преждевременно...

Планъ дѣйствій политическаго переворота былъ до мельчайшихъ подробностей обдуманъ Наполеономъ. Для исторіи всегда останется непонятнымъ, какимъ образомъ геніальный Наполеонъ выказалъ, въ дни 18-го и 19-го брюмера, столько слабости, нерѣшительности, и былъ буквально не въ состояніи не только произнести блестящую рѣчь, но и ясно выразить свои мысли. Историки, не входящіе обыкновенно въ обстоятельства частной жизни и состоянія здоровья политическихъ дѣятелей, объяснили этотъ странный фактъ тѣмъ, что Наполеонъ, будучи только полководцемъ, не былъ способенъ къ государственнымъ переворотамъ. Но, подробно изучивши дѣятельность императора, можно съ достовѣрностью сказать, что причину его непонятнаго поведенія 19-го брюмера надо искать въ странной, роковой болѣзни, сковывавшей по временамъ его умственныя и духовныя силы. Не удивительно, что въ день, когда рѣшалась вся его судьба и ему предстояла смерть или корона, нервное напряженіе послѣднихъ дней достигло высшей степени. Слишкомъ натянутая струна лопнула; геніальный умъ заволокло туманомъ, а желѣзная воля оказалась парализованной... Блѣдный, растерянный, онъ сталъ говорить что-то невнятное шумящему собранію, къ ужасу своихъ приверженцевъ; но, увидя поднятыя съ негодованіемъ руки

Digitized by Google

и слыша роковой крикъ: «hors la loi», безъ чувствъ упалъ на руки своихъ гренадеръ, поспѣшно вынесшихъ его изъ залы засѣданія. Профессоръ Ковалевскій, считающій Наполеона эпилептикомъ, находитъ, что поведеніе его въ день 19-го брюмера было ничто иное, какъ припадокъ эпилептическаго бреда. Если и можно согласиться съ этимъ мнѣніемъ, то нельзя отрицать, что именно въ этотъ день Наполеонъ явился жертвой своего недуга. Въ первый разъ таившаяся въ немъ скрытая болѣзнь взяла верхъ надъ геніемъ человѣка и безпощадно подчинила себѣ всѣ его духовныя силы. Въ послѣдующей жизни Наполеона эта роковая случайность повторилась и мы увидимъ, какое пагубное рѣшающее вліяніе она имѣла на его судьбу вмѣстѣ съ судьбою міра.

Второй извѣстный типъ Наполеона — это Бонапартъ, первый консулъ. Онъ немного пополнѣлъ, что̀ еще болѣе выказывало граціозную стройность его сложенія; коротко-остриженные волосы уже не висятъ небрежными прядями; цвѣтъ лица изъ болѣзненно-желтаго сдѣлался матово-блѣднымъ; губы, правда, какъ и прежде, упрямо сжаты властнымъ и энергичнымъ движеніемъ, но чело разъяснилось, глаза потеряли мрачный лихорадочный блескъ и смотрятъ отважно и спокойно въ великое будущее. Лучшій портретъ этого времени, находящійся въ Версалѣ, написанъ Давидомъ и изображаетъ перваго консула верхомъ на конѣ на вершинѣ С. Готарда. Четыре года консульства и первые годы имперіи могутъ считаться наилучшими въ отношеніи здоровья Наполеона, а, можетъ быть, и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ: не достигнувъ еще той головокружительной высоты, на которой трудно удержаться каждому смертному; еще не опьяненный властью и недосягаемой славой, не совершивъ ни одной изъ роковыхъ ошибокъ, онъ былъ предметомъ восторженнаго удивленія Европы и поклоненія Франціи. Здоровье Наполеона поправилось, какъ вслѣдствіе улучшенія матеріальныхъ условій, такъ главнымъ образомъ, вслѣдствіе временнаго излѣченія отъ мучившей его накожной болѣзни. Корвизаръ прописалъ ему мушки (vésicatories) на грудь и руки (bras), и первый консулъ долженъ былъ лежать въ постели, въ сильной лихорадкѣ и въ страданіяхъ, на которыя онъ жалуется въ письмахъ къ Жозефинѣ. Болѣзнь оказалась упорной, такъ что докторъ нашелъ необходимымъ примѣнить болѣе сильное средство: прижиганіе (cautère). Подъ конецъ болѣзнь уступила и затихла, послѣ чего первый консулъ поздоровѣлъ и началъ полнѣть. Такъ какъ чесотку нельзя вылѣчить мушками,—то остается предположить, что или, кромѣ мушекъ, Корвизаръ примѣнялъ еще какое нибудь другое лѣченіе, или болѣзнь не была чесоткой и, можетъ быть, представляла собою одно изъ нервныхъ явленій. Жизнь

Digitized by Google

его, какъ и прежде,—даже, можетъ быть, въ большей степени, чѣмъ прежде,—состояла въ неустанномъ трудѣ, котораго требовала отъ него новая организація Франціи. Его обыкновенная способность къ умственной дѣятельности не ослабѣвала послѣ 6—8 часовъ занятій подъ рядъ. Мать его, озабоченная этимъ гигантскимъ трудомъ, часто жаловалась доктору Корвизару, который неоднократно предупреждалъ Наполеона, что онъ подорветъ свои силы и «отправится къ чорту вмѣстѣ со своей республикой». Но трудъ, необходимый, какъ дыханіе, этому мощному уму, не изнурялъ его, а, напротивъ, питалъ, какъ продолжительный грозовой дождь питаетъ и освѣжаетъ вѣковой развѣсистый дубъ.

Настало, наконецъ, время имперіи; заблестѣла заря будущаго величія, напомнившаго отдаленную древность, и императоръ Запада воскресилъ въ памяти современниковъ былое могущество Карловой монархіи. Взгляните на портретъ Наполеона въ первые годы имперіи: на челѣ его лежитъ печать генія; никогда классическія черты его лица не были болѣе прекрасными; никогда взоръ не смотрѣлъ впередъ съ бо́льшимъ величіемъ, съ бо́льшею вѣрою въ свою звѣзду. Въ лицѣ его, напоминающемъ античную камею, какъ бы соединились два типа: — прямой, тонкій носъ и полныя губы имѣютъ греческій характеръ, тогда какъ могучее построеніе головы, широкій овалъ и крѣпкій, выдающійся подбородокъ напоминаютъ римскую медаль. Этому впечатлѣнію способствуетъ также отсутствіе безстрастнаго олимпійскаго покоя греческаго міра во взглядѣ императора, полномъ власти, энергіи и силы. Я никогда не видала портрета Наполеона вполнѣ сходнаго съ описаніемъ современниковъ, также какъ съ прекрасной бронзовой маской, хранящейся въ Музеѣ Инвалидовъ. Скульптуральная красота императора болѣе поддавалась ваянію, чѣмъ живописи. Два прекрасныхъ его изображенія хранятся въ Версальскомъ музеѣ: одно изъ нихъ — бюстъ въ характерѣ древности, съ античной повязкой на лбу, другое—статуя императора огромныхъ размѣровъ, представляющая его въ костюмѣ коронаціи, съ коротким плащемъ и беретомъ въ рукѣ. Въ лицѣ этого необыкновеннаго человѣка были двѣ черты неотразимаго могущества: небольшіе сѣровато-голубые глаза классическаго разрѣза и властно сжатыя губы. Когда глаза эти метали молніи, блескъ ихъ дѣлался безпощаднымъ и холоднымъ, какъ лезвіе меча; когда же они падали на ребенка, на красивую молодую женщину или устремлялись въ неясную даль подъ впечатлѣніемъ мягкой музыкальной мелодіи, въ нихъ были необыкновенные оттѣнки меланхоліи и поэтической мечтательности. Горькія слова угрозы и упрек., кого-

Digitized by Google

рыя роняли его сжатыя губы, заставляли трепетать не только женщинъ, но и мужчинъ,—тѣхъ крѣпкихъ и сильныхъ маршаловъ изъ солдатъ, которые не блѣднѣли передъ градомъ непріятельскихъ пуль. Но стоило только императору улыбнуться, какъ неотразимая прелесть этой улыбки сразу освѣщала обыкновенно холодное лицо, открывая рядъ крѣпкихъ, бѣлыхъ зубовъ, и могущественно подчиняла себѣ даже вражескія сердца. Въ описаніи этой чарующей улыбки сходны всѣ, кто, благодаря случаю или близости своего положенія, могъ хотя однажды увидѣть ее. Въ первые годы имперіи, полнота Наполеона еще не достигла тѣхъ размѣровъ, когда она скрыла красоту его сложенія: напротивъ, она придавала болѣе граціи и величія его фигурѣ. Съ годами наружность императора сильно измѣнилась: взглядъ пріобрѣлъ выраженіе мрачной загадочности; вокругъ губъ легла горькая складка, а прежде побѣдоносно-гордая голова тяжело опустилась на грудь подъ бременемъ перенесенныхъ страданій. Когда-то стройная и сильная фигура, полная той особенной неловкой граціи, которую французы такъ удачно называли «gracieuse gaucherie», согнулась и чрезмѣрно пополнѣла; походка стала тяжелой. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ опьяняющаго могущества, императоръ какъ бы снова испыталъ страданія первыхъ лѣтъ. Но какая разница! Въ глазахъ юнаго Бонапарта горитъ пожирающій огонь дѣятельности, лихорадка высокаго честолюбія; въ холодныхъ, почти безжизненныхъ очахъ императора, устремленныхъ куда-то вдаль,—цѣлый міръ разочарованія, разбитыхъ надеждъ и глубокой, затаенной муки... Чѣмъ-то великимъ и таинственнымъ вѣетъ отъ этого холоднаго спокойствія передъ неизмѣримой величиной страданія...

Дойдя до періода имперіи,—наиболѣе длиннаго и наиболѣе богатаго по свѣдѣніямъ,—я изложу вкратцѣ всѣ болѣзненныя явленія здоровья императора, начавшіяся по большей части еще въ молодости, усилившіяся съ годами и достигшія полнаго своего развитія въ моментъ паденія имперіи.

V.

Начну съ того, что, вопреки распространенному мнѣнію, конструкція Наполеона была нѣжная, тонкая и аристократическая; въ особенности этотъ аристократизмъ de la race высказывался въ художественномъ построеніи рукъ и ногъ, изящныхъ и маленькихъ. Всѣмъ извѣстно, что Наполеонъ любилъ кокетничать своими прекрасными руками не только съ окружающими, но и съ солдатами, обожавшими эту маленькую бѣлую руку, по одному мановенію ко-

Digitized by Google

торой они съ радостью шли на вѣрную смерть. Forsith въ своихъ мемуарахъ, составленныхъ по запискамъ Hudson Low, приводитъ описаніе императора на смертномъ одрѣ, сдѣланное однимъ англичаниномъ: «Le visage avait une expression remarquable de sérénité et annonçait une grande bonté, une grande douceur de caractère. Tous ceux, qui contemplèrent les traits de Napoléon dans le repos de la mort, *ne purent s'empêcher de s'écrier: que ses traits sont beaux!* La tête semblait assez forte pour être hors de proportion avec le reste du corps; le front était très large et très développé. La peau avait une blancheur et une finesse toute particulière et malgré l'embonpoint maladif de ses dernières années, toute sa personne avait quelque chose de frêle et de féminin. Il y avait à peine quelques poils sur le corps; les cheveux étaient fins et soyeux». Вся организація Наполеона, нервная, впечатлительная и до крайности чувствительная, была скорѣе женская, чѣмъ мужская; онъ въ высшей степени обладалъ нервною силой, которая въ извѣстные моменты доходитъ до необычайнаго напряженія и творитъ чудеса. Эта способность и считалась современниками доказательствомъ крѣпости его натуры. Его мозгъ требовалъ постоянной умственной дѣятельности, соразмѣрной полету его генія, вынося своею нервной силой невѣроятный гигантскій трудъ; также и тѣло его требовало дѣятельности физической, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ все увеличивавшаяся полнота стала сильно тяготить его и скоро превратилась въ ожиреніе, не смотря на стараніе Корвизара противодѣйствовать движеніемъ и воздержаніемъ отъ ежедневныхъ горячихъ ваннъ. Это свойство своей природы прекрасно зналъ и самъ императоръ и часто бесѣдовалъ объ этомъ на островѣ св. Елены со своимъ докторомъ О'Меарой. «Какъ вы думаете, докторъ, какова моя натура? Что̀ можетъ поддержать меня въ здоровомъ состояніи?» и на отвѣтъ О'Меары, что онъ считаетъ необходимымъ для императора постоянную, сильную умственную и физическую дѣятельность, Наполеонъ отвѣчалъ: «Корвизаръ говоритъ то же самое». Понятно, что̀ геніальный умъ Наполеона, неутомимый и разносторонній, нуждался и въ работѣ, соотвѣтствующей его величинѣ, а потому и насытить его могла только самая кипучая дѣятельность. Что̀ же касается до его организма, то онъ имѣлъ особенную причину для необходимости движенія предпочтительно передъ обыкновенными здоровыми натурами. Это было крайне медленное кровообращеніе, сопровождаемое съ дѣтства затрудненнымъ пищевареніемъ. Чтобы возбудить немного дѣятельность крови, императора каждый день массажировали мягкими щетками. Сердце его билось такъ слабо, что, приложивши руку, его едва можно было ощущать. Онъ неоднократно показывалъ это въ

Digitized by Google

изгнаніи своимъ докторамъ и считалъ величайшимъ благодѣяніемъ судьбы, такъ какъ, по его собственному выраженію, безъ этой особенности онъ «сошелъ бы съ ума при своей нервности». При той постоянной кабинетной жизни труда, которую велъ императоръ, онъ искалъ физическаго движенія въ верховой ѣздѣ и частыхъ переѣздахъ въ загородные дворцы: Фонтенбло, Тріанонъ, Рамбулье, С. Клу,—хотя бы на одну ночь. Наполеонъ обыкновенно помогалъ себѣ въ случаѣ общаго нервнаго утомленія—крайнею противоположностью: если онъ долго занимался умственнымъ трудомъ, онъ предпринималъ безостановочную дикую скачку въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ; если же онъ чувствовалъ нездоровье среди дѣятельной физической жизни, онъ бросалъ все и ложился отдыхать на 24 часа. Эта необычайная потребность въ умственномъ и физическомъ трудѣ и была одною изъ важныхъ причинъ скорой гибели Наполеона на островѣ св. Елены, хотя онъ мужественно боролся съ умственнымъ бездѣйствіемъ, составляя исторію своей безсмертной жизни.

Самою серьезною болѣзнью Наполеона была, безъ сомнѣнія, его нервная болѣзнь. Была ли эта болѣзнь эпилепсіею? Это мнѣніе было сильно распространено между современниками императора, да и теперь находятся сторонники этого взгляда, какъ напр., проф. Ковалевскій, категорически высказывающійся въ пользу этого мнѣнія. Во всякомъ случаѣ, надо признать, что припадковъ, рѣзко характеризующихъ падучую болѣзнь, какъ напр., полная потеря сознанія, укусы языка, судорога съ пѣной у рта—у императора не было. Иначе какъ объяснить отсутствіе описанія подобныхъ припадковъ не только у такихъ людей, какъ Ласъ-Казъ, Констанъ, Меневаль,—по выше изложеннымъ причинамъ заинтересованныхъ въ умалчиваніи о недугахъ императора,—но и у людей совершенно безпристрастныхъ, какъ Монтолонъ, докторъ Антомарки и особенно О'Меара, Бетси Белькомбъ, герцогиня д'Абрантесъ, Pont de l'Herault и даже враждебно настроенныхъ, какъ г-жа де-Ремюза, Гурго и особенно Forsith, писавшій по запискамъ Hudson Low? Вѣдь всѣ эти люди были свидѣтелями тѣхъ припадковъ, которыми дѣйствительно страдалъ императоръ, и не могли не столкнуться, рано или поздно, и съ припадками эпилепсіи, еслибы Наполеонъ страдалъ ими. Правда, что характерное описаніе падучей болѣзни находится въ однѣхъ запискахъ, но не надо забывать, что авторъ этихъ записокъ—Талейранъ, доведшій до виртуозности измѣну каждому правительству, которому служилъ. Я уже упоминала выше, какое значеніе имѣло для враговъ императора распространеніе слуха о его болѣзни, и мнѣ кажется, что, въ виду этого, несовсѣмъ основа-

Digitized by Google

тельно довѣряться свидѣтельству Талейрана. Современники такъ усиленно распространяли слухъ о страданіи императора эпилепсіей, что вѣнскія дамы въ 1809 году были изумлены умомъ и любезностью Наполеона, такъ какъ считали его впавшимъ въ идіотизмъ отъ падучей болѣзни. Когда однажды на островѣ Эльбы, во время прогулки, императоръ, вообще склонный къ простымъ и ребяческимъ удовольствіямъ, предложилъ, ради шутки, игру въ колечко и потребовалъ для этого ленты изъ дамскихъ куафюръ,—въ Европѣ распространили слухъ, что Наполеонъ впадаетъ въ дѣтство и занимается дѣтскими забавами.

Итакъ, если императоръ и страдалъ эпилепсіей, то не рѣзкой ея формой, а, можетъ быть, какой нибудь измѣненной. Есть также сторонники того мнѣнія, что нервная болѣзнь Наполеона была *истерія*, а вовсе не эпилепсія. Не считая возможнымъ дѣлать свои выводы въ такомъ научномъ вопросѣ, я изложу только всѣ проявленія этой нервной болѣзни, предоставляя свѣдущимъ людямъ дать ей названіе.

Въ своемъ вліяніи на весь организмъ Наполеона его нервная болѣзнь выражалась необыкновенно повышенной, какъ нравственной, такъ и физической чувствительностью. Въ нравственномъ отношеніи, она проявлялась въ сильной склонности императора къ слезамъ, иногда даже по незначительнымъ причинамъ, тогда какъ сильное и большое горе онъ переносилъ съ удивительнымъ мужествомъ. Такъ, онъ нерѣдко плакалъ по поводу семейныхъ непріятностей съ братьями, при временной разлукѣ съ Жозефиной, плакалъ и надъ Вертеромъ. Вопреки распространяемому мнѣнію, что послѣ сраженія Наполеонъ ѣздилъ въ коляскѣ по раненымъ, наслаждаясь ихъ стонами, императоръ, на самомъ дѣлѣ, приносилъ величайшую жертву, осматривая поле битвы и подавая лично первую помощь, — такъ необычайно тягостенъ былъ ему видъ ранъ и страданій, не смотря на привычку къ войнѣ. Хотя эта необыкновенная чувствительность Наполеона была извѣстна тысячѣ людей, видѣвшихъ его на полѣ сраженія, но всегда найдутся легковѣрные умы, безъ критики принимающіе ни на чемъ не основанные слухи. Нервы Наполеона были особенно воспріимчивы къ мелодичной итальянской музыкѣ, которую онъ страстно любилъ. Можно найти неоднократное указаніе на то, какъ подъ ея вліяніемъ настроеніе императора измѣнялось въ самое короткое время и изъ возбужденнаго и гнѣвнаго становилось спокойнымъ и мягкимъ.

Утонченная физическая воспріимчивость императора выражалась въ его крайней чувствительности къ холоду. Онъ любилъ высокую температуру въ комнатахъ, и въ каминѣ его всегда былъ

Digitized by Google

огонь, какъ зимой, такъ и лѣтомъ. Также во всѣ времена года ему нагрѣвали постельное бѣлье. Самъ онъ ходилъ постоянно во фланели, а знаменитый сѣрый сюртукъ носилъ даже въ комнатахъ, такъ что рѣдкая статуя или картина изображаетъ его безъ этой прославленной одежды. Императоръ былъ также очень чувствителенъ къ вѣтру, къ сильному жару и ко всякимъ барометрическимъ колебаніямъ, что было одной изъ причинъ его страданій на островѣ св. Елены. Онъ также обладалъ необыкновенно утонченнымъ чувствомъ обонянія, и малѣйшій запахъ дѣлалъ его больнымъ. Онъ не выносилъ даже духовъ и любилъ только одеколонъ, жженный алоэ, сахаръ и уксусъ. Иногда эта утонченность обонянія была ему полезна: онъ всегда выбиралъ самъ мѣсто для маневровъ и по запаху земли могъ судить о присутствіи вредныхъ испареній. Чувство же вкуса, наоборотъ, было у него ненормально притуплено: за обѣдомъ онъ ѣлъ безъ всякой послѣдовательности,—часто рыбу или жаркое, послѣ сладкаго. Тѣло императора не выносило никакого давленія, вслѣдствіе чего онъ всегда былъ одѣтъ «en vieux para», по выраженію Мюрата. По той же причинѣ, онъ не могъ носить новыхъ сапогъ и шляпъ, которые разнашивали для него лакеи.

Припадки нервной болѣзни Наполеона состояли въ слѣдующемъ: самымъ важнымъ явленіемъ надо считать временное ослабленіе умственныхъ и духовныхъ способностей, какъ будто долгое напряженіе геніальнаго ума искало себѣ отдыха въ ослабленіи духовныхъ силъ. Въ слабой степени этотъ припадокъ выражался въ томъ, что императоръ называлъ «jour de désoeuvrement». Лишенный всякой возможности чѣмъ бы то ни было заниматься,—хотя и ничѣмъ не страдающій,—императоръ скитался по кабинету, читалъ названія книгъ на переплетахъ своей библіотеки, начиналъ что нибудь напѣвать, мѣшалъ заниматься своему секретарю Меневалю, садясь на его столъ, на ручку кресла и даже къ нему на колѣни, велъ безсвязный разговоръ о всевозможныхъ предметахъ и, всегда не только сдержанный, но даже скрытный относительно своего здоровья, откровенно бесѣдовалъ о немъ. Этотъ фактъ, разсказанный въ мемуарахъ Меневаля, не казался, по всей вѣроятности, его немногимъ свидѣтелямъ явленіемъ ненормальнымъ, а считался просто отдыхомъ послѣ сильнаго труда. Да и вообще это особенное настроеніе Наполеона не удивляло близко стоявшихъ лицъ, привыкшихъ къ нервности и неровности его нрава. Но самъ императоръ, повидимому, сознавалъ болѣзненность своего состоянія, такъ какъ въ эти дни упорно избѣгалъ людей и, не смотря на полную праздность, покидалъ свой кабинетъ развѣ только для посѣщенія императрицы, да и то на короткое время. Въ сильной степени, эти при-

Digitized by Google

падки были одною изъ главнѣйшихъ причинъ паденія имперіи. Въ настоящее время нѣкоторые историки доходятъ до истины, что причиной почти всѣхъ политическихъ и военныхъ неудачъ Наполеона была его нервная болѣзнь. Я читала гдѣ-то замѣтку о «таинственной, странной» болѣзни императора, сковывавшей его умственныя способности именно въ то время, когда онъ въ нихъ наиболѣе нуждался, и часто оканчивавшейся глубокимъ, продолжительнымъ сномъ. Мнѣ кажется, это можно объяснить тѣмъ, что нервная система его, послѣ чрезмѣрно долгаго напряженія, не выдерживала въ критическій моментъ, и великій человѣкъ, умѣвшій побѣдоносно бороться съ европейскими коалиціями и желѣзной рукой остановившій народную анархію, не могъ устоять противъ роковаго вліянія недуга. Въ этомъ именно состояніи находился императоръ во время двухъ величайшихъ сраженій послѣднихъ лѣтъ имперіи: Бородина и Ватерлоо. Въ день Бородина маршалы Наполеона были поражены не только его страннымъ оцѣпененіемъ, но и удивительной безучастностью къ развертывавшейся передъ нимъ страстно желанной битвѣ. Во время Ватерлоо императоръ находился въ еще болѣе сильномъ припадкѣ, и сраженіе, которое онъ могъ выиграть не смотря на измѣну Груши, было безвозвратно потеряно, такъ какъ императоръ не могъ отдавать никакихъ приказаній. А между тѣмъ диспозиціи этихъ двухъ сраженій представляютъ изъ себя геніальнѣйшіе образцы военнаго искусства. Подъ вліяніемъ этихъ припадковъ, жизненная энергія до такой степени падала въ Наполеонѣ, что онъ не явился въ собраніе тотчасъ же послѣ проигранной битвы при Ватерлоо,—какъ это было рѣшено,—но, уступая вліянію подавлявшей его болѣзни, могъ только прошептать, войдя въ Тюльери: «Войну, войну»! И онъ сдѣлалъ это, зная, какое вліяніе могъ имѣть на собраніе видъ императора, еще забрызганнаго грязью поля битвы, и зная, что уже ничѣмъ нельзя будетъ возмѣстить разъ упущенный благопріятный моментъ для воззванія къ народному ополченію. Покинутый бывшими друзьями, въ моментъ отвращенія къ жизни, когда ему не оставалось ничего святаго, императоръ посягнулъ на свою жизнь; но смерть, которую онъ искалъ въ столькихъ сраженіяхъ, измѣнила ему, также какъ и малодушная Франція. Достовѣрно неизвѣстно, почему императору не удалось отравиться: ядъ ли, который онъ носилъ при себѣ, потерялъ со временемъ свою силу, или пріемъ его былъ слишкомъ малъ? Можно себѣ предоставить, въ какомъ состояніи была нервная система Наполеона по прибытіи его на островъ Эльбу, послѣ всей горечи оскорбленій и униженій, перенесенныхъ имъ во время переѣзда черезъ французскую землю. Но, мужественный въ страда-

Digitized by Google

ніи, онъ сейчасъ же занялся организаціей своего маленькаго острова, который показался ему желѣзной клѣткой послѣ всемірнаго могущества. Въ какіе нибудь нѣсколько мѣсяцевъ для Эльбы открылось новое будущее и маленькій клочокъ земли сдѣлался центромъ міра, куда стекались тысячи людей: кто для поступленія на службу павшаго императора, кто для созерцанія этого чуда XIX-го вѣка, кто изъ простаго любопытства. Понятно, что, послѣ кипучей дѣятельности управленія полміромъ, администрація маленькой Эльбы стоила императору незначительнаго труда, что, не смотря на всѣ пережитыя страданія, повліяло крайне благотворно на его здоровье. Всѣ, увидѣвшіе его снова въ стѣнахъ Тюльери, менѣе чѣмъ послѣ года отсутствія, были удивлены его перемѣной къ лучшему. Съ возвращеніемъ силъ и здоровья, вернулась и прежняя энергія, и въ тиши мирнаго уединенія Эльбы созрѣлъ отважнѣйшій планъ возвращенія во Францію, — этого чудеснаго мирнаго покоренія страны безъ одного выстрѣла, тріумфальнаго шествія отъ Фрежюса до Парижа, которое, черезъ нѣсколько вѣковъ, отнесутъ къ области легенды, уже окружившей имя Наполеона. Но императоръ дорого заплатилъ за этотъ тріумфъ, гдѣ все было поставлено на карту: его гордый духъ не вынесъ бы смѣшнаго положенія передъ Европой, для него было немыслимо булонское приключеніе его племянника. Онъ самъ сказалъ на островѣ св. Елены: «До Гренобля я былъ авантюристомъ; послѣ Гренобля — государемъ». Страшное нервное напряженіе при возвращеніи съ Эльбы повліяло роковымъ образомъ на здоровье Наполеона, какъ будто весь запасъ силы и энергіи, скопленный на Эльбѣ, былъ сразу израсходованъ въ короткій переходъ отъ Фрежюса до Парижа. Припадки возобновились и императоръ впалъ въ апатію, постоянную сонливость, и потерялъ всякую энергію: послѣ недавней лихорадочной дѣятельности, реакція была полная. Во время послѣднихъ трагическихъ событій Ватерлоо и пребыванія въ Malmaison, императоръ находился въ томъ же состояніи. Напрасно братъ его Луціанъ старался возбудить его энергію, предлагая сдѣлать государственный переворотъ: императоръ былъ погруженъ въ холодную апатію и только вспыхнувшее желаніе защитить свою родину, ставши во главѣ ея войскъ простымъ генераломъ, вывело его на минуту изъ этого состоянія. Временное правительство отказало; Наполеонъ снова впалъ въ равнодушіе и его друзья насильно заставили его покинуть Malmaison, справедливо опасаясь за его свободу и даже жизнь при скоромъ приближеніи союзниковъ и сторонниковъ короля. Эти нервные припадки, которыми Наполеонъ страдалъ еще съ молодости,—если мы припомнимъ день 19-го брюмера, — постепенно усиливались, не

Digitized by Google

столько даже подъ вліяніемъ труда, сколько отъ постоянныхъ волненій и нервнаго напряженія. Исторія «Ста дней» показала, что хотя геній Наполеона былъ все тотъ же, выразившійся въ кампаніи 1813 г.,—недаромъ названной «campagne des miracles»,—въ безподобной диспозиціи Ватерлоо, и въ послѣдній разъ блеснувшій, во всей красотѣ, въ продиктованной за время изгнанія исторіи своей жизни,—силы его, надорванныя страданіемъ, были уже не тѣ. Императоръ предчувствовалъ это самъ: еще за нѣсколько лѣтъ до своего паденія, онъ говорилъ, что здоровье—незамѣнимая вещь на войнѣ и что самъ онъ будетъ годиться для нея всего еще нѣсколько лѣтъ. Та жизнь умственнаго кабинетнаго труда и воспитанія сына, которую Наполеонъ хотѣлъ создать себѣ послѣ отреченія, какъ нельзя болѣе подходила ему. Можетъ быть, спокойная умственная дѣятельность, при сравнительномъ отсутствіи волненій, была нужна на время императору; можетъ быть, бурная карьера его была кончена навѣки; но во всякомъ случаѣ, въ 1815 году, нервная система его была крайне расшатана и требовала нравственнаго отдохновенія. Послѣдовавшія новыя мýки изгнанія, разлуки со всѣмъ, что было ему дорого и близко; наконецъ, полное бездѣйствіе, какъ антитеза всей его жизни, — убили его. Многіе, мало знакомые съ исторіей послѣднихъ шести лѣтъ мученичества Наполеона, думаютъ, что на островѣ св. Елены онъ не имѣлъ ни малѣйшей надежды на бѣгство. Это совершенно ложно: имя Наполеона имѣло еще достаточно магической силы; еще слишкомъ много было людей, сдѣлавшихъ изъ поклоненія ему какъ бы религію своей жизни; планы бѣгства составлялись постоянно; но императоръ, поддавшись невольному искушенію въ первую минуту, всегда потомъ отвергалъ ихъ. Отчасти онъ боялся неудачи, боялся поставить себя авантюристомъ въ лицѣ Европы, а кромѣ того, можетъ быть, чувствуя истощеніе нервныхъ силъ, не вѣрилъ, что будущее можетъ напомнить собою блестящее прошлое. Онъ хотѣлъ не бѣжать съ острова св. Елены, но быть призваннымъ Европой; только тогда онъ бы могъ занять въ ней снова первое мѣсто, хотя уже не политическимъ дѣятелемъ. Онъ часто говорилъ своимъ близкимъ: «Что ждетъ меня, если бѣгство удастся и я поселюсь въ Америкѣ? Ножъ убійцы, или забвеніе. Ужь лучше св. Елена». И онъ геройски принесъ въ жертву личное счастье величію своего имени и будущему сына. Онъ понялъ, что его жестокія мученія обѣщаютъ ему новый, нетлѣнный вѣнецъ, и находилъ утѣшеніе въ любви къ своимъ страданіямъ. «Si le Christ n'eut été crucifié, il ne serait pas Dieu», — говорилъ императоръ.

Digitized by Google

VI.

Вернувшись къ описанію болѣзненныхъ припадковъ Наполеона, надо прибавить, что ихъ нужно разсматривать въ связи съ другою серьезной болѣзнью императора,—дизуріей, о которой рѣчь будетъ ниже, такъ какъ, можетъ быть, она оказывала нѣкоторое вліяніе на его мозговую дѣятельность. Но именно эти нервные припадки, имѣвшіе наиболѣе важное вліяніе на его политическую дѣятельность, меньше всего обращали на себя вниманіе окружавшихъ лицъ, не понимавшихъ болѣзненности этихъ явленій и приписывавшихъ все случаю или характеру императора.

Но были и другіе, болѣе рѣзкіе припадки его нервной болѣзни: обмороки, судороги, сопровождаемыя рвотой, рвота безъ судорогъ, ненормальность сна и головныя боли.

Обмороки, которые случались съ Наполеономъ съ юности, вызывались обыкновенно сильнымъ нравственнымъ напряженіемъ, такъ было 19-го брюмера и особенно часто въ кампанію 1812-го года; такъ напр., въ исторіи Пэера разсказано, что императоръ впалъ въ глубокій обморокъ послѣ рѣшенія отступать изъ Россіи. Склонность Наполеона къ потерѣ сознанія была такъ велика, что онъ всегда былъ въ безпамятствѣ при случайномъ паденіи съ лошади. Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы обморочные припадки случались съ нимъ очень часто; они особенно усилились только въ послѣдніе мѣсяцы его жизни, можетъ быть, отъ истощенія силъ двумя мучительными болѣзнями; можетъ быть, отъ общаго разстройства нервной системы.

Судороги сосредоточивались у Наполеона въ желудкѣ. О судорогахъ всего тѣла нѣтъ никакихъ указаній. Сильное волненіе и особенно слезы тотчасъ же вызывали эти судороги, сопровождаемыя мучительной рвотой. Этотъ припадокъ длился обыкновенно недолго и успокоивался нѣсколькими глотками флёръ-д'оранжевой воды; но если онъ становился продолжительнымъ, то заставлялъ императора сильно страдать и даже ложиться въ постель. Мучительный годъ, предшествовавшій разводу съ Жозефиной, сильно повліялъ на здоровье императора: когда однажды, совершенно готовый, онъ собирался идти на придворный спектакль, видъ императрицы воскресилъ въ его сердцѣ всю прежнюю любовь и горькое сожалѣніе; волненіе и слезы вызвали тотчасъ сильнѣйшій припадокъ судорогъ и рвоты, сдѣлавшійся настолько мучительнымъ, что Наполеонъ долженъ былъ раздѣться и лечь въ постель.

Digitized by Google

Припадки рвоты безъ судорогъ случались какъ будто безъ всякой видимой причины и были явленіемъ обыкновеннымъ и менѣе мучительнымъ, чѣмъ первые. Генералъ Бертранъ писалъ Меневалю съ острова Эльбы, что императоръ чувствуетъ себя хорошо и хотя съ нимъ сдѣлался недавно припадокъ рвоты желчью, но это—явленіе обыкновенное и даже облегчающее императора. Конечно, когда эта рвота дѣлалась очень сильной, она становилась мучительной и подъ Пирной Наполеонъ долженъ былъ оставить битву безъ всякаго своего вмѣшательства изъ-за продолжавшейся нѣсколько часовъ рвоты. Кромѣ того, она возбуждалась у него всѣмъ тѣмъ, что было ему противно и даже однимъ напоминаніемъ этого. Онъ не могъ видѣть волоса въ кушаньѣ и повара были принуждены обрывать усики у бобовъ изъ-за ихъ сходства съ волосомъ. Даже желѣзная воля императора была не властна побѣдить это невольное отвращеніе: попробовавъ однажды въ казармахъ солдатскій супъ, онъ, къ ужасу своему, нашелъ въ немъ волосъ. Не желая показать своей слабости передъ солдатами, онъ храбро съѣлъ супъ; но этого усилія хватило ненадолго: едва императоръ вернулся во дворецъ, какъ послѣдовала рвота, такъ что онъ не успѣлъ дойти до своей комнаты. По той же причинѣ, Наполеонъ долженъ былъ отказаться отъ изученія анатоміи, такъ какъ не могъ удержаться отъ чувства сильнѣйшей тошноты при видѣ восковаго сердца, принесеннаго Корвизаромъ. Рвота вызывалась у императора также запахомъ духовъ и не только морской качкой, но даже вальсомъ, которому онъ, вслѣдствіе этого, никогда не могъ научиться. При осмотрѣ одного военнаго корабля, императору пришлось пробыть на немъ въ плѣну трое сутокъ изъ-за сильнѣйшаго волненія, не позволявшаго спустить лодку. Всѣ три дня Наполеонъ не могъ ничѣмъ заниматься, находясь въ мучительномъ состояніи морской болѣзни.

Спалъ императоръ всегда крайне мало: при необычайныхъ размѣрахъ работы, онъ довольствовался 3—4 часами сна, да и то не подъ рядъ, а хотя бы урывками. Зато онъ имѣлъ способность засыпать постоянно: за столомъ, въ театрѣ, за дѣлами, даже идя изъ кабинета въ столовую для обѣда, часто всего на 3—5 минутъ. Занимаясь иногда въ Государственномъ Совѣтѣ, онъ вдругъ клалъ локти на столъ, склонялъ голову на руки и засыпалъ глубокимъ сномъ. Члены совѣта начинали обсуждать какое нибудь другое дѣло, а когда императоръ просыпался, тотчасъ же возвращались къ тому вопросу, на которомъ онъ заснулъ. Самъ Наполеонъ часто хвалился этой способностью, находя ее очень удобной. Такое малое количество сна возмѣщалось у императора горячими ваннами, имѣвшими на его организмъ необыкновенно сильное и благотворное

Digitized by Google

вліяніе. Онъ часто говорилъ: «Часъ ванны стоитъ для меня трехъ часовъ сна». И, дѣйствительно, вопреки мнѣнію Корвизара о разслабляющемъ дѣйствіи горячихъ ваннъ, онѣ съ необыкновенной скоростью возстановляли силы Наполеона послѣ цѣлыхъ ночей, проведенныхъ за рабочимъ столомъ, или сильныхъ утомленій военной жизни. Г-жа де-Ремюза разсказываетъ, что пробужденіе императора всегда бывало тяжелымъ и мрачнымъ; камердинеръ же его Constant говоритъ совершенно противоположное, но въ этомъ случаѣ не знаю, кто заслуживаетъ бо̀льшаго довѣрія. Извѣстно только, что засыпа̀лъ онъ не сразу, такъ какъ еще со времени консульства любилъ слушать въ постели, передъ сномъ, мелодичное чтеніе Жозефины. На островѣ св. Елены эту обязанность исполняли Ласказъ, Монтолонъ, а, чаще всего, камердинеръ Маршанъ.

Въ изгнаніи императоръ нерѣдко страда̀лъ головными болями: но неизвѣстно, ка́къ часто случалось это въ предъидущей жизни. Эти головныя боли, которымъ онъ былъ подверженъ съ молодости, зависѣли, вѣроятно, отъ прилива крови, такъ какъ его облегчало опусканіе ногъ въ горячую воду. Одинъ разъ въ подобномъ случаѣ главнокомандующій итальянской арміей долженъ былъ босой броситься на лошадь при неожиданномъ приближеніи врага. Страданіе это имѣло у императора ту особенность, что нисколько не вліяло на его мозговую дѣятельность; такъ что во время самаго припадка головной боли онъ нерѣдко занимался продолжительнымъ чтеніемъ. Можетъ быть, головныя боли Наполеона находились въ нѣкоторой зависимости отъ многихъ ушибовъ головы, полученныхъ имъ при паденіи съ лошади и бывшихъ, вѣроятно, причиной рубца, который нашелъ на головѣ императора докторъ Антомарки при вскрытіи тѣла.

Что касается до внѣшняго проявленія нервной болѣзни Наполеона, то она выражалась въ массѣ непроизвольныхъ движеній, или нервныхъ тиковъ. Когда императоръ диктовалъ, онъ имѣлъ обыкновеніе ходить по комнатѣ и постоянно натягивать край рукава закинутой за спину рукой; чѣмъ болѣе онъ волновался, тѣмъ болѣе ускорялся его шагъ. Когда онъ слушалъ, онъ также не оставался въ покоѣ, но или рѣзалъ перочиннымъ ножикомъ ручку своего кресла, или чѣмъ нибудь исписывалъ нарочно положенный на столъ листъ бумаги. Члены Государственнаго Совѣта, отнимавшіе другъ у друга послѣ засѣданія этотъ императорскій автографъ, были однажды не особенно пріятно поражены, увидя весь листъ исписаннымъ слѣдующей фразой: «Vous êtes tous des imbéciles». Обычное нервное подергиваніе плечъ часто принимали у Наполеона за признакъ неудовольствія или нетерпѣнія, а сильный гнѣвъ

Digitized by Google

императора выдавался дрожаніемъ лѣвой икры. Послѣ 1812 года,—такъ сильно повліявшаго на здоровье Наполеона, — въ лицѣ его стали замѣчаться судорожныя движенія, въ особенности же миганіе лѣваго глаза.

Кромѣ нервной болѣзни, императоръ,—какъ мы говорили уже,—страдалъ еще серьезной болѣзнью — дизуріей, происходившей, по всей вѣроятности, отъ почечныхъ камней, которые докторъ Антомарки нашелъ при вскрытіи тѣла. Начавшись еще со времени итальянской кампаніи, она превратилась къ 1812 году въ острое страданіе и вмѣстѣ съ нервной болѣзнью повліяла роковымъ образомъ на жизнь Наполеона. Послѣ русской кампаніи, всѣ замѣтили въ императорѣ рѣзкую перемѣну: глаза потеряли прежній блескъ, взглядъ сдѣлался мрачнымъ и тусклымъ, характеръ болѣе раздражительнымъ и силы перестали съ прежнею легкостью переносить физическую усталость. Всѣмъ извѣстно, что въ день Бородина императоръ находился въ такомъ сильномъ припадкѣ дизуріи, что, не смотря на свою обыкновенную сдержанность, не могъ болѣе скрывать своихъ страданій. Въ послѣдніе годы имперіи, Наполеонъ часто съ трудомъ выносилъ верховую ѣзду; во время возвращенія съ Эльбы онъ сдѣлалъ почти всю дорогу въ экипажѣ, а въ день битвы при Ватерлоо совсѣмъ не могъ держаться на лошади. Мнѣ кажется, что припадки дизуріи и нервной болѣзни имѣли другъ на друга нѣкоторое вліяніе: общее нервное разстройство усиливало припадки дизуріи, которая въ свою очередь вліяла подавляющимъ образомъ на нервную систему и мозговую дѣятельность. Во время своей послѣдней болѣзни на островѣ св. Елены, императоръ страдалъ особенно сильными болями, немного облегчавшимися горячими мягчительными припарками.

VII.

Такъ какъ я уже говорила о частомъ страданіи Наполеона отъ катарральныхъ процессовъ въ легкихъ, отъ возврата накожной болѣзни и періодическаго открыванія тулонской раны,—то мнѣ остается только сказать нѣсколько словъ о болѣзненномъ состояніи пищеварительныхъ органовъ. Начиная съ ранняго дѣтства, императоръ всю свою жизнь страдалъ затрудненнымъ пищевареніемъ и, имѣя болѣзненное отвращеніе къ лѣкарствамъ, старался бороться съ этимъ недугомъ путемъ физическихъ упражненій и крайней простоты и воздержности въ пищѣ. Но одна гигіена ничего не могла сдѣлать съ этой прирожденной склонностью организма, и императоръ

Digitized by Google

долженъ былъ прибѣгать къ такъ называемому «remède héroïque»,— т. е. пріему снадобья, названнаго имъ «soupe à la reine» и состоявшаго изъ яицъ, сахара и молока,—такъ какъ молоко производило всегда болѣе или менѣе сильное разстройство его пищеварительныхъ органовъ. Императоръ ѣлъ очень мало и скоро, почти не жуя, что часто возбуждало послѣ обѣда сильныя колики; но, мужественный въ перенесеніи серьезныхъ страданій, въ этомъ случаѣ онъ ложился на полъ и жаловался и стоналъ, какъ больной ребенокъ. Обыкновенно боли проходили отъ чашки горячаго чаю, но если онѣ становились очень сильны, то императоръ принужденъ былъ ложиться въ постель и даже посылать за Корвизаромъ. Послѣ брака съ Маріей-Луизой, пищевареніе императора сильно ухудшилось, благодаря перемѣнѣ въ образѣ жизни, сдѣланной въ уступку вкусамъ молодой супруги. Въ 40 лѣтъ перемѣнить привычки, уже установившіяся болѣе чѣмъ за 10 лѣтъ, вредно для каждаго, въ особенности же для Наполеона, такъ хорошо умѣвшаго приноравливаться къ неправильностямъ своего организма. Вмѣсто обычныхъ 8—10 минутъ завтрака, императоръ долженъ былъ проводить за нимъ болѣе ½ часа, употребляя массу всевозможныхъ кушаній, до которыхъ Марія-Луиза была большая охотница. Вмѣсто отдыха на прогулкѣ, императоръ часто шелъ навѣстить свою супругу, выслушивая разъигрываніе нѣмецкихъ сонатъ или разсматривая какое-нибудь вышиванье. Ненормальностью пищеваренія императоръ страдалъ всю свою жизнь и его пристрастіе къ горячимъ ваннамъ можно отчасти объяснить тѣмъ облегченіемъ, которое онѣ приносили его коликамъ и припадкамъ дизуріи. Докторъ Кабанесъ говоритъ еще о геморроидальныхъ страданіяхъ, развившихся въ зависимости отъ затрудненнаго пищеваренія и начавшихся еще въ періодъ итальянской кампаніи. Въ послѣдніе годы имперіи, припадки этой болѣзни сдѣлали верховую ѣзду крайне мучительной для императора и требовали безотлагательнаго употребленія горячихъ компрессовъ гуляровой воды, для чего Наполеонъ былъ вынужденъ удалиться на время даже съ поля битвы при Ватерлоо. Вѣроятно, тоже въ зависимости отъ неправильности пищеваренія, являлось распуханіе ногъ выше колѣна и особенно въ щиколодкѣ, которое Наполеонъ считалъ подагрой, хотя это отрицалъ докторъ О'Меара; во всякомъ случаѣ, болѣзненная опухоль уступала массажу и пріему слабительнаго.

Изъ всѣхъ разсмотрѣнныхъ болѣзненныхъ явленій видно, что здоровье Наполеона далеко не было такимъ крѣпкимъ, какимъ его считали современники и какъ говорилъ онъ самъ. Вмѣсто желѣзнаго здоровья, онъ обладалъ желѣзной силой воли, мужествомъ и

Digitized by Google

молчаливостью въ страданіи, передъ которыми сдавался только тогда, когда оно превышало всякую мѣру человѣческаго терпѣнія.

Какъ ни трудно, по вышеизложеннымъ причинамъ, разобраться въ болѣзненныхъ явленіяхъ организма Наполеона и сдѣлать очеркъ состоянія его здоровья, но едва ли еще не труднѣе выяснить, какое вліяніе имѣли эти явленія на психику императора. Эта задача требуетъ такихъ глубокихъ познаній не только въ медицинѣ, но и въ психологіи, что я ограничусь только указаніемъ нѣкоторыхъ особенностей и привычекъ, которыя, какъ мнѣ кажется, находятся въ зависимости отъ физіологическихъ причинъ. Я не буду оспаривать мнѣнія, что психическая ненормальность Наполеона выражалась его жестокостью, крайнимъ безсердечіемъ и эгоизмомъ: рутинное мнѣніе о жестокосердіи полководцовъ, проливающихъ кровь, не стоитъ опроверженія. Всякій, кто прочиталъ одно или два сочиненія о Наполеонѣ, какъ о частномъ человѣкѣ,—даже не знакомясь со всею обширною литературою по этому вопросу,—знаетъ, что императоръ не только обладалъ добрымъ и любящимъ сердцемъ, но былъ мягокъ и снисходителенъ до слабости къ своимъ близкимъ и друзьямъ. Окружающіе знали эту черту и широко пользовались ею. Воспоминанія прежней дружбы, симпатіи или просто товарищескихъ отношеній имѣли на императора неотразимое вліяніе. Всѣ люди, связанные съ нимъ какимъ либо подобнымъ воспоминаніемъ, знали, что свиданіе съ императоромъ заставитъ его измѣнить суровое рѣшеніе; это зналъ и самъ императоръ, почему, въ случаѣ невозможности перемѣнить рѣшеніе, отказывался наотрѣзъ видѣть виновнаго. Всю свою жизнь Наполеонъ былъ прекраснымъ сыномъ, братомъ, отцомъ и мужемъ, о чемъ свидѣтельствуетъ даже Constant, знакомый со всѣми его кратковременными измѣнами. Относительно своей семьи Наполеонъ былъ еще болѣе слабъ и близкіе могли добиться отъ него почти всего обмороками и слезами. Если онъ и выказалъ несвойственную ему жестокость относительно лучшаго члена своей семьи—брата Луи,—то это потому, что они были раздѣлены тысячью миль и Наполеонъ не испытывалъ вліянія прелестной личности брата. Всѣ жестокіе и суровые упреки посылались въ письмахъ, но, какъ только, по свидѣтельству Constant, братья встрѣчались, все старое забывалось и они становились другъ для друга только Наполеономъ и Луи. Императоръ отчасти и не зналъ многихъ страданій своего брата, благодаря гордой замкнутости Луи, отчасти смотрѣлъ на нихъ глазами Гортензіи [1]), лживой, какъ ея мать, и умѣвшей выказываться

[1]) Супруга Людовика Бонапарта и дочь Жозефины отъ ея брака съ графомъ Богарнэ.

Digitized by Google

несчастной. Наконецъ, доброе сердце императора выразилось въ его завѣщаніи, — этомъ безсмертномъ памятникѣ великой души, гдѣ нашли мѣсто самыя далекія воспоминанія сердца и гдѣ всякій, оказавшій какую нибудь услугу не только императору, первому консулу, генералу Бонапарту, но и маленькому Наполеону, заброшенному въ чуждую Францію,—были вознаграждены въ лицѣ своихъ дѣтей и даже внуковъ.

Къ психическимъ особенностямъ Наполеона надо, можетъ быть, отнести его фатализмъ и непоколебимую вѣру въ свою звѣзду, въ предначертанный ему земной путь. Наполеонъ былъ созданъ для Востока; недаромъ въ Египтѣ загорѣлось въ немъ страстное желаніе восточной монархіи. Впослѣдствіи онъ горько сожалѣлъ о неудачѣ подъ St. Jean d'Acre'омъ, разрушившей всѣ его планы, и сознался, что французы не поняли его. Его огненное воображеніе и поэтическое краснорѣчіе привлекали къ нему сердца восточныхъ народовъ, которые чувствовали къ нему благоговѣйный трепетъ и почитали, какъ полубога. На пути къ острову св. Елены докторъ Антомарки встрѣтилъ одного африканца, служившаго въ наполеоновскихъ войскахъ; тотъ и вѣрить не хотѣлъ, что императоръ—въ изгнаніи. Кто могъ побѣдить его? Кто сильнѣе его? «Son bras est fort et sa langue est douce comme du miel»... Такъ и не убѣдили его, что великій человѣкъ сдѣлался жертвой коварства своихъ враговъ.

Наполеонъ рисковалъ своею жизнью спокойно, холодно, безъ малѣйшей рисовки. Знаменитыя слова: «Le boulet qui me tuera, n'est pas encore fondu», — въ его устахъ не пустая фраза. Какъ часто молодой генералъ Бонапартъ бесѣдовалъ со звѣздами въ тихія и ясныя ночи на палубѣ корабля, возвращаясь изъ Египта среди тысячи опасностей, призываемый великимъ, но туманнымъ будущимъ. Ему чуждо было тревожное состояніе товарищей: онъ чувствовалъ, что часъ его еще не насталъ. «Развѣ не служитъ залогомъ счастливаго плаванія одно названіе нашего корабля» [1])? говорилъ онъ. Позже, на прогулкѣ съ кардиналомъ Фешемъ, уговаривавшимъ императора беречься окружавшихъ его опасностей, Наполеонъ поднялъ голову и сказалъ: «Видите ли вы звѣзды, кардиналъ»?—«Нѣтъ, государь».—«А я вижу. Что же вы говорите мнѣ объ опасностяхъ? вонъ моя звѣзда блеститъ надъ моей головой». Впослѣдствіи императоръ часто повторялъ: «Il faut que mes destinées s'accomplissent», и твердая увѣренность въ неизбѣжности тяготѣвшаго надъ нимъ рока давала ему мужество переносить стра-

[1]) «La Muiron» — имя друга и адъютанта Наполеона, закрывшаго его своимъ тѣломъ на Аркольскомъ мосту и убитаго на его глазахъ.

Digitized by Google

данія. Когда, за нѣсколько времени до его кончины, появилась комета, императоръ увидѣлъ въ ней знаменіе своей смерти. «И передъ смертью Юлія Цезаря явилась комета»! — воскликнулъ онъ.

VIII.

Кромѣ этой серьезной особенности натуры императора, я могу упомянуть только о нѣкоторыхъ привычкахъ и слабостяхъ, которыя въ обыкновенной жизни называются «странностями». Такъ, императоръ былъ не чуждъ суевѣрія, хотя никогда не сознался бы въ этомъ, считая его достояніемъ скудныхъ умовъ. Онъ считалъ пятницу несчастнымъ днемъ и избѣгалъ въ этотъ день давать сраженія; въ разбитомъ на портретѣ стеклѣ видѣлъ дурное предзнаменованіе. Не только молодой Бонапартъ съ волненіемъ высказывалъ окружающимъ опасенія, что съ его Жозефиной случилось что нибудь недоброе, разъ сломалось стекло на ея портретѣ,—но и императоръ Наполеонъ на островѣ Эльбѣ поспѣшно поднялъ самъ упавшую табакерку съ портретомъ римскаго короля, боясь увидѣть въ разбитомъ изображеніи обожаемаго сына страшное предзнаменованіе будущихъ бѣдствій.

Императоръ имѣлъ обыкновеніе, проходя мимо домовъ, машинально считать въ нихъ количество оконъ. Даже самыя важныя событія не разрушали силы этой привычки, и когда Наполеонъ торжественно въѣзжалъ въ завоеванный городъ во главѣ блестящей свиты, никто не могъ бы и подумать, что его геніальная голова занята подобнаго рода вычисленіемъ. Въ играхъ, — въ особенности же въ картахъ,—императоръ имѣлъ склонность къ маленькой фальши, которая до такой степени укоренилась въ немъ, что сдѣлалась почти машинальной. Подавленный трагическими событіями и вынесенными оскорбленіями, въ самыя ужасныя минуты переѣзда изъ Англіи на островъ св. Елены, играя въ карты, императоръ поддавался обычной слабости къ фальши. Можно ли объяснить это иначе, какъ нѣкоторымъ отступленіемъ отъ нормальныхъ психологическихъ явленій? Имѣя высокое понятіе о вліяніи семьи и самъ глубоко понимавшій прелесть домашняго очага, Наполеонъ любилъ женить окружавшихъ его лицъ, буквально не вынося при своемъ дворѣ молодыхъ дѣвушекъ. Правда, что, не смотря на всю доброту и мягкость къ женщинамъ, въ душѣ онъ нѣсколько презиралъ ихъ, считая годными только для замужства; дѣвушекъ онъ называлъ обыкновенно «дезертирами». Но ни любовь къ семейному очагу, ни политическія цѣли, съ которыми онъ

Digitized by Google

часто устраивалъ браки своихъ приближенныхъ, не могутъ объяснить необыкновенной любви Наполеона къ сватовству: безъ всякихъ серьезныхъ цѣлей онъ сваталъ всѣхъ своихъ окружающихъ, начиная съ своего секретаря Меневаля, а на островѣ св. Елены своихъ докторовъ О'Меара и Антомарки, и кончая своими лакеями Констаномъ и Маршаномъ. Даже въ завѣщаніи любовь его къ прежнимъ друзьямъ выразилась въ назначеніи имъ невѣстъ.

Свое болѣзненное, ненормальное отвращеніе къ лѣкарствамъ императоръ признавалъ самъ. Лѣчиться было совсѣмъ не въ его натурѣ, лѣкарства онъ считалъ болѣе вреднымъ, чѣмъ полезнымъ средствомъ, и о медицинѣ былъ самаго низкаго мнѣнія: онъ говорилъ, что самая лучшая система лѣченія была въ древности на Востокѣ, когда больныхъ выносили къ воротамъ дома и спрашивали проходящихъ, не было ли у нихъ такой болѣзни, и что имъ въ такомъ случаѣ помогло. Но непостижимо, какъ среди сильнѣйшихъ страданій императоръ упорно отказывался даже отъ тѣхъ лѣкарствъ, которыя въ рѣдкихъ случаяхъ пріема, по его собственному признанію, облегчали его. На просьбы окружающихъ онъ отвѣчалъ отказомъ и раздраженіемъ, или уклонялся отъ прямаго отвѣта, представляясь усталымъ и спящимъ. Онъ самъ сознавался, что не понимаетъ того необыкновеннаго отвращенія, которое внушаетъ ему лѣкарство, въ особенности жидкое. Нѣсколько разъ онъ старался преодолѣть это отвращеніе, но какъ только подносилъ лѣкарство къ губамъ, то былъ не въ силахъ проглотить его. Причину этого нельзя искать въ однихъ вкусовыхъ ощущеніяхъ, такъ какъ лѣкарство часто давалось въ формѣ пилюль, да и къ непріятнымъ физическимъ ощущеніямъ императоръ относился очень мужественно, допуская всякія внѣшнія средства, даже такія непріятныя, какъ прижиганіе.

Что касается характера Наполеона, то мнѣ приходилось уже говорить о его повышенной чувствительности и крайней впечатлительности. Всѣ знавшіе его частную жизнь согласны, что императоръ былъ человѣкомъ хотя и вспыльчивымъ, но снисходительнымъ и кроткимъ (facile à vivre). Но иногда, безъ всякой причины и цѣли, на него находили минуты непонятнаго упорства, затемняя всѣ другія чувства и приводя его въ болѣзненно-раздражительное состояніе. Въ одну изъ такихъ минутъ, напримѣръ, императоръ, всегда крайне деликатный и нѣжный съ Жозефиной, заставилъ ее поѣхать кататься въ страшномъ припадкѣ мигрени. Мало того, не смотря на просьбы и слезы императрицы, онъ велѣлъ коляскѣ на всемъ скаку перескочить довольно большой ручеекъ и самъ хлестнулъ лошадей, такъ какъ недоумѣвавшій ку-

Digitized by Google

черъ не зналъ, кого слушаться: императора или императрицы. Этотъ припадокъ упорства такъ полновластно господствовалъ въ душѣ Наполеона, что онъ не въ силахъ былъ бороться съ нимъ даже тогда, когда это компрометировало его офиціальное положеніе. Всѣмъ извѣстно несчастное булонское приключеніе, когда императоръ упорно требовалъ назначенія морскихъ маневровъ, не смотря на приближеніе бури и предостереженіе свѣдущихъ лицъ. Въ такія минуты страшно было возражать ему: не помня себя отъ гнѣва, онъ даже поднялъ хлыстъ на противившагося его приказанію адмирала. Маневры кончились смертью многихъ въ морскихъ волнахъ и сильно повредили Наполеону во мнѣніи булонцевъ. Поверхностный мыслитель можетъ, конечно, увидѣть въ этомъ проявленіе высшей тиранніи, но человѣкъ, знакомый съ обдуманностью и осторожностью офиціальныхъ дѣйствій Наполеона, пойметъ, что изъ-за безсмысленнаго деспотизма Наполеонъ не рѣшился бы жертвовать своей репутаціей. Геніальные люди дѣлаютъ все цѣлесообразно и тиранію примѣняютъ только тамъ, гдѣ она возвышаетъ ихъ престижъ, а не роняетъ.

Подробная исторія страданій и предсмертной болѣзни Наполеона на островѣ св. Елены не входитъ въ предметъ моей статьи; мнѣ хотѣлось сдѣлать лишь краткій анализъ состоянія здоровья императора въ тотъ періодъ его жизни, когда онъ находился въ естественныхъ человѣческихъ условіяхъ. Мнѣ хотѣлось указать на прирожденныя сѣмена болѣзни, развившіяся вслѣдствіе разныхъ условій жизни, а также и на страданія, обнаружившіяся въ періодъ свободной жизни, чтобы выяснить тайные мотивы многихъ явленій политической карьеры этого великаго человѣка.

Говорить же о болѣзняхъ, насильственно привитыхъ губительнымъ климатомъ, нравственными страданіями, оскорбленіями, вынужденнымъ бездѣйствіемъ и отсутствіемъ всякихъ физическихъ упражненій—не входитъ въ предметъ моей статьи. Хотя есть нѣкоторыя указанія, что императоръ еще въ Европѣ началъ страдать нервными проявленіями болѣзни печени, но неизвѣстно, развилась ли бы эта болѣзнь при нормальныхъ условіяхъ. Во всякомъ случаѣ, трудно предположить, чтобы, при общемъ долголѣтіи Бонапартовъ, жизнь императора могла прекратиться въ 52 года безъ насилованія природы. Лучше не поднимать мрачной завѣсы, скрывающей шесть лѣтъ мученической жизни новаго Прометея, обреченнаго своими врагами на самое низкое убійство подъ видомъ политической необходимости.

Анастасія Полотебнова.

Digitized by Google

НОВЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ТРУДЪ.

(Русская исторія отъ древнѣйшихъ временъ. Томъ второй. *Н. М. Павлова.* Москва).

I.

Второй томъ «Русской Исторіи» Н. М. Павлова, вышедшій въ нынѣшнемъ году, служитъ продолженіемъ исторіи первыхъ вѣковъ родной старины (862—1362), начатой имъ ранѣе. Онъ заключаетъ въ себѣ немного болѣе семидесяти лѣтъ, конецъ XII и начало XIII ст., т. е. историческія событія отъ смерти Андрея Боголюбскаго до конца княженія великаго князя Ярослава Всеволодовича. Изъ самого указанія объема втораго тома уже видно, что историческія событія описываются здѣсь въ большихъ подробностяхъ и—прибавимъ — главнымъ образомъ, по лѣтописямъ. Это составляетъ характеристическую особенность его содержанія. Сравнительно съ другими историками, напр., съ г. Бѣляевымъ («Разсказы изъ русской исторіи», кн. 1 и 2, М. 1861—1864), г. Павловъ представляетъ еще другую особенность: увлекаясь лѣтописью, онъ оставляетъ въ сторонѣ, иногда съ намѣреніемъ, другіе историческіе источники. Въ этомъ заключается оригинальность его взгляда, его сила и его слабость. Не сообщая ничего о своей критической работѣ надъ лѣтописью, опуская ссылки на ученые труды своихъ предшественниковъ въ этой области,—какъ и всякія ссылки на пособія, которыми пользовался,—г. Павловъ внесъ въ свою «Русскую Исторію» все самое интересное, что находится въ лѣтописи: ея духъ, ея поэзію, ея міросозерцаніе, ея настроеніе, — все, что лѣтопись можетъ оставить въ душѣ непредубѣжденнаго читателя, при внимательномъ знакомствѣ съ нею. Онъ съумѣлъ справиться съ обычными недостатками лѣтописи, напр., съ отсутствіемъ связи между событіями, съ запутанностью ея хронологіи, съ мелочными разсказами о такихъ политическихъ событіяхъ, которыя, — особенно въ описываемое имъ время (1175—1246),—весьма многочисленны, а между тѣмъ не имѣютъ ровно никакого значенія для исторіи. Онъ

Digitized by Google

смотритъ на лѣтопись съ любовью и съ увлеченіемъ, и она представляется ему такимъ же дорогимъ археологическимъ памятникомъ родной старины, — на который мы любуемся и которымъ гордимся,— какъ наши соборы, церкви, кремли и монастыри. Видимые свидѣтели минувшей далекой старины, эти архитектурные памятники плѣняютъ нашъ глазъ, а лѣтопись передаетъ еще и голосъ минувшаго, и тѣ чувства, которыми были наполнены сердца нашихъ предковъ, ихъ радости, ихъ горе, такъ что мы какъ бы снова слышимъ ихъ рѣчь. Съ точки зрѣнія г. Павлова, въ той рамкѣ, въ которой онъ нарисовалъ древнюю Русь, лѣтопись представляется намъ какимъ-то бѣлымъ туманомъ въ лѣтній день рано утромъ, за которымъ скрывается древняя Русь; туманъ мѣстами расходится и мы видимъ ее, въ просвѣтахъ, въ открытыхъ мѣстахъ, со всѣми ея красками, во всей первобытной свѣжести, не окаменѣлую, какъ въ архитектурномъ памятникѣ, а въ движеніи, въ бытовой картинѣ, въ какой болѣе нигдѣ не увидимъ. Лѣтописью пользовались и другіе историки, но никто изъ нихъ не увлекся ею такъ искренно, не взглянулъ на прошлое также, какъ и самъ лѣтописецъ. Главная цѣль автора — какъ мы ее поняли — обратить особенное вниманіе читателей на поэтическое содержаніе *перваго источника* русской исторіи. И онъ достигаетъ своей цѣли: въ его редакціи нельзя не заинтересоваться лѣтописью. Г. Павловъ не прямо перелагаетъ лѣтопись: онъ выпускаетъ скучную и запутанную семейную хронику княжескихъ родовъ, какую встрѣчаемъ у лѣтописца, но строго сохраняетъ главный характеръ чередующихся событій, сочувствуетъ лѣтописному настроенію и снисходительно относится къ безсилію лѣтописца разрѣшить то, что̀ мы уже знаемъ, а онъ еще не зналъ. Очень рѣдко, въ видѣ исключенія, г. Павловъ дѣлаетъ экскурсіи въ другіе источники, минуя лѣтопись,—именно при описаніи событій, о которыхъ ни наши предки, ни лѣтописецъ, прямо по незнанію, не отдавали себѣ яснаго отчета и которыя они отказывались понимать: напр., откуда взялись татары, или откуда явился вдругъ, возлѣ полоцкихъ, псковскихъ и новгородскихъ владѣній, орденъ ливонскихъ рыцарей, или какимъ чудомъ въ нѣдрахъ русской страны выросла диковинная Литва, а въ державствѣ русскихъ князей могла образоваться корона литовская? Этого не знаютъ наши лѣтописи, но и мы сами узнали, можно сказать, только недавно. Въ виду такихъ важнѣйшихъ событій, лѣтописецъ иногда молчитъ объ нихъ, какъ будто они прошли незамѣтно для его сознанія: послѣ разгрома Руси Батыемъ, напр., онъ по прежнему продолжаетъ свой перечень княжескихъ родовъ и княжескихъ усобицъ, или пересказъ о разныхъ ничтожныхъ приключеніяхъ князей по разнымъ угламъ разрознен-

Digitized by Google

ной Руси. Г. Павловъ въ такихъ случаяхъ не повторяетъ этихъ разсказовъ, потому что смыслъ княжескихъ отношеній давно уже выяснился и новые примѣры ни къ чему болѣе не ведутъ: лѣтописецъ не замѣчаетъ, что содержаніе исторіи уже не прежнее, что роковыя событія совершенно измѣнили ея ходъ; онъ только чувствуетъ, «что лютая година наступила, уже бяше Божію гнѣву не противившася, недоумѣніе бо и грозу, и страхъ, и трепетъ наведе на ны за прегрѣшенія наши». Сочувствуя благочестію лѣтописца и вѣрѣ въ Провидѣніе, г. Павловъ передаетъ эти настроенія его, какъ лучшія украшенія археологическаго памятника, — особенно пережитыя чувства современниковъ, занесенныя въ лѣтопись,— понимая вѣрно, что можно сдѣлать лучше ту или другую старинную вещь, но послѣдняя будетъ всегда дороже въ глазахъ археолога, или что пережитыя чувства современниковъ никакому историку нельзя такъ поддѣлать, какъ они сохранились въ лѣтописи. «Отъ духу татарскаго не можно крещеннымъ живымъ быть»—говоритъ, напр., лѣтописецъ и такое впечатлѣніе современника ни одинъ историкъ не передастъ лучше другими словами. Описывается лѣтописцемъ, напр., смерть въ ордѣ святыхъ мучениковъ, князя Михаила Всеволодовича и его боярина Ѳедора, и мы чувствуемъ,—какъ чувствовали прежніе русскіе люди, — что это не простая смерть, а смерть праведниковъ, что и въ грѣшный вѣкъ живутъ праведники, а ихъ смерть — живая проповѣдь на всю русскую землю. Этого восхотѣлъ Михаилъ, это поняли его современники; и это чувство, благодаря лѣтописцу, сохранилось и для насъ. Благодатное религіозное вѣяніе сопровождаетъ и дальнѣйшій разсказъ лѣтописца о томъ, какъ тѣла казненныхъ мучениковъ выброшены были на съѣденіе псамъ, а русскіе благочестиво соблюли ихъ остатки и какъ драгоцѣнныя мощи съ честью перевезли на родное пепелище въ Черниговъ. Или описывается въ лѣтописи, какъ князь рязанскій Глѣбъ Владиміровичъ перебилъ шестерыхъ своихъ братьевъ, совершивши надъ ними облаву, или засаду на пиру въ шатрахъ, въ которой приняли участіе и бывшіе въ числѣ приглашенныхъ на пиръ половцы. Затѣмъ слѣдуетъ сравненіе лѣтописцемъ Глѣба со Святополкомъ: не одинъ былъ Святополкъ окаянный, говоритъ онъ, а и Глѣбъ, рязанскій князь, достоинъ тоже называться этимъ именемъ, и такіе убійцы,—прибавляетъ лѣтописецъ,—оканчиваютъ свою жизнь обезумѣвъ, въ разстройствѣ и помѣшательствѣ ума. Всѣмъ этимъ тономъ лѣтописи г. Павловъ дорожитъ и увлекается.

Тѣмъ не менѣе многое онъ передаетъ, хотя по лѣтописи, но съ прибавленіемъ собственнаго творчества, художественно воссоздавая дѣйствительность. Г. Павловъ, оставаясь вѣрнымъ лѣтописи,

Digitized by Google

вѣрнымъ — дѣйствительности, не можетъ быть прежнимъ лѣтописцемъ или совершеннымъ его подобіемъ: онъ уже историкъ; онъ отрывается отъ данной лѣтописцемъ дѣйствительности, исключая изъ нея, напр., случайности; съ истиной лѣтописца онъ соединяетъ и присущее ему самому нѣчто идеальное. Безъискусственный лѣтописный разсказъ, безъискусственная лѣтописная форма для него также привлекательны, какъ и высшіе духовные интересы лѣтописи: благо всей русской земли, любовь къ отечеству, уваженіе къ княжеской власти. Но у г. Павлова есть и своя мысль. И въ какое время онъ плѣняется тѣмъ, что̀ говоритъ лѣтописецъ о высшей причинѣ событій, о волѣ Господней, о праведномъ судѣ божіемъ, о томъ, что благая мысль и благое чувство возникаютъ по дѣйствію небесной силы? Въ то время, когда другими проводится убѣжденіе, что физическіе законы важнѣе для историка, чѣмъ духовные, что умственное, а не нравственное начало въ исторіи стоитъ одно высоко, что одни умственныя истины составляютъ содержаніе исторіи; въ то время, когда въ исторіи отвергается свобода воли и признаётся отсутствіе всякихъ цѣлей; когда могущественнѣйшее вліяніе въ исторіи приписывается лишь климату, пищѣ, почвѣ и общему виду природы. Противопоставляя этому теченію религіозный взглядъ лѣтописца на дѣла людей и явленія природы, его смиреніе и любовь къ отечеству, не хотѣлъ ли г. Павловъ дать намъ почувствовать, насколько эта старина дѣлаетъ нашу душу бодрѣе и свѣжѣе и, какъ дождь, освѣжаетъ сухую землю?

Часто восхищаемся мы историческими романами, напр., Вальтеръ-Скотта, но чтеніе лѣтописей не входитъ въ обиходное занятіе нашей жизни. Съ нею мы знакомимся,—и то весьма поверхностно,—въ школѣ, а потомъ разстаемся навсегда, со спокойной увѣренностью, что эти «книги вѣтшаны» для насъ не нужны, а пригодны болѣе для однихъ ученыхъ. Лучше знаемъ мы первоначальную лѣтопись, а съ другими лѣтописями вовсе не знакомимся, въ томъ убѣжденіи, что въ нихъ нѣтъ для насъ ровно ничего интереснаго. Г. Павловъ своей книгой разрушаетъ это предубѣжденіе. И сочувственное отношеніе публики къ первой части его «Русской Исторіи» служитъ доказательствомъ, что онъ имѣлъ въ этомъ успѣхъ. Никакихъ новыхъ изслѣдованій въ его исторіи нѣтъ, ничего новаго въ науку онъ не вноситъ, но даетъ только интересную популярную книгу, написанную талантливо.

II.

Во второмъ томѣ «Русской Исторіи» г. Павловъ знакомитъ насъ съ самымъ плачевнымъ положеніемъ нашего отечества, — съ тѣмъ

Digitized by Google

временемъ, когда внутри его шли мелкія усобицы между многочисленными удѣльными князьями, сопровождаемыя набѣгами половцовъ, когда сознаніе необходимости единодержавія только что начинало проявляться, и неожиданное завоеваніе Руси татарами не могло быть отражено никакою сплоченною силою. Всѣ событія описываемаго времени г. Павловъ сосредоточилъ около трехъ главныхъ пунктовъ: 1) княженіе владимірскаго великаго князя Всеволода Юрьевича (1176 — 1212), прозваннаго Большимъ Гнѣздомъ. Изъ современниковъ его выдаются два Мстислава, — одинъ Храбрый, другой Удалой,—и князь Романъ Галичскій. Послѣдній,—коварный и храбрый князь, — пріобрѣвшій себѣ извѣстность губительствомъ своихъ мятежныхъ бояръ, былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ княземъ Всеволодомъ; Мстиславъ Храбрый является непокорнымъ княземъ только въ первые годы княженія Всеволода, а Мстиславъ Удалой—въ послѣдніе годы, когда онъ захватилъ себѣ Новгородъ. Все время княженія Всеволода Юрьевича г. Павловъ раздѣлилъ на двѣ полсвины: первыя 18 лѣтъ княженія и вторыя 18 лѣтъ,—принявши за основаніе дѣленія то обстоятельство, что въ первую половину владимірскій великій князь,—когда въ Кіевѣ княжилъ его покровитель Святославъ Всеволодовичъ, — не вмѣшивался въ дѣла южной Руси, и только послѣ смерти послѣдняго (въ 1194 г.), во вторую половину его княженія, вмѣшательство это настолько усилилось, что тамошнія событія уже неотдѣлимы отъ его собственной исторіи. 2) Дѣятельность Даніила Романовича, сына Романа Галичскаго. При Всеволодѣ Юрьевичѣ, Галичъ ушелъ изъ русскихъ рукъ, имъ овладѣли чужіе, и Мстиславъ Удалой помогаетъ малолѣтнему Даніилу «отомститься за весь соромъ», нанесенный уграми и ляхами. 3) Нашествіе татаръ и завоеваніе ими Руси. Въ это время главныя событія группируются около князя владимірскаго Ярослава Всеволодовича (отца Александра Невскаго: тѣмъ только онъ и замѣчателенъ) и Даніила Романовича.

Какъ извѣстно, всѣ историки ревностно хвалятъ Всеволода Юрьевича. Онъ, — говорятъ они, — дѣлалъ, что хотѣлъ, вездѣ на Руси и противниковъ у него не было. Г. Павловъ, основываясь на лѣтописяхъ, представляетъ дѣло не такъ: не всегда во время тридцатишестилѣтняго своего княженія Всеволодъ Юрьевичъ находился въ такомъ положеніи. Лѣтопись отмѣчаетъ, какъ дѣло непохвальное, владимірское самовластіе, на которое жаловались не разъ новгородцы. Всеволодъ Юрьевичъ не былъ княземъ *всея Руси* не только въ глазахъ князей того времени, но и въ своихъ собственныхъ:—онъ былъ лишь владимірскимъ княземъ. Онъ хотѣлъ только одного — соблюсти въ цѣлости и утвердить навѣки нерушимо уна-

Digitized by Google

слѣдованное имъ владимірское княженіе, а обо всей Руси онъ не заботился. Онъ утвердилъ основу грядущаго государства на сѣверѣ и закрѣпилъ средоточіе его. Добывши отъ Рязани Коломну, утвердивши владимірское княженіе Нижнимъ, а въ сторону самого Новгорода—Тверью, Рыбьей Слободой, Мологой, Угличь-Полемъ, онъ слилъ со стольнымъ городомъ Владиміромъ все Поволжье, всю Болгарскую страну, всѣ вологодскія мѣста. И всю эту обширную страну съ того времени стали считать за *великую* Русь. Самъ Новгородъ смирилъ свою гордыню передъ Владиміромъ и считалъ свои отдаленныя земли, на которыя встарь, заявлялъ притязанія, безвозвратно потерянными. Ни Ростовъ, ни Суздаль, со времени Всеволода, не могли уже болѣе мечтать о своемъ старинномъ первенствѣ. Во время его княженія Суздальско-Ростовскій край сложился окончательно какъ бы въ особое благоустроенное государство, гдѣ великокняжеская власть почти достигла высоты самодержавія. Кіевъ не считался болѣе стольнымъ городомъ всея Руси; одинъ Владиміръ былъ «глава всѣмъ». Все это произошло не по какимъ либо широкимъ замысламъ Всеволода, а вышло само собой по природнымъ и народнымъ условіямъ: *свой* народный бытъ и *свобода* здѣшней страны привели къ тому. Всеволодъ не стоялъ ничѣмъ выше своихъ современниковъ, хотя по многимъ особенностямъ своей родины былъ весьма отъ нихъ отличенъ. Онъ прилежалъ всей душою только къ своей «дѣдинѣ и прадѣдинѣ». Его вотчина была наиболѣе ограждена отъ вторженія чужеземцевъ и вставала на войну лишь въ крайней необходимости. Ей необходимъ былъ тогда такой князь, какимъ былъ Всеволодъ, мирный и рачительный, семьянинъ и домостроительный хозяинъ. У него не было и въ мысли «поберечь кіевскаго престола», онъ не думалъ о благѣ «всей Руси», но это былъ порокъ не его лично, а общій порокъ времени и грѣхъ цѣлыхъ поколѣній. Во времена Мономаха, въ этомъ отношеніи, Русь стояла гораздо выше. Послѣ Мономаха всюду развелись мелкіе князья, владѣльцы одинокихъ и ничтожныхъ мѣстечекъ и городовъ, а число настоящихъ князей въ древнемъ смыслѣ все убывало. Кіевъ обратился теперь въ окраину, которую каждый князь старался урвать себѣ. Всеволодъ вышелъ *ни* въ отца, *ни* въ *брата*: онъ зналъ только свое и только себя, а до остальнаго и до другихъ — ему не было дѣла. Политика его, по отношенію къ другимъ княжествамъ, нерѣдко была двуличная, и только у себя дома, на владимірскомъ княженіи, онъ не переставалъ слыть отцомъ подданныхъ и «благосердымъ государемъ». За все свое долговременное княженіе онъ вовсе не стремился къ тому, чтобы изъ Владиміра владычествовать надъ русскою землею,

Digitized by Google

не заявлялъ даже притязаній — къ титулу: «великій князь владимірскій» сдѣлать еще прибавку — *и всея Руси*. Но если въ его время какое либо изъ русскихъ княжествъ и обозначало дѣйствительно *всю Русь*,—это было владимірское. Старѣй его лѣтами былъ утвердившійся тогда въ Кіевѣ Святославъ Всеволодовичъ, но онъ стоялъ съ нимъ на одной родословной ступени; всѣ же остальные князья ни по годамъ, ни по своимъ правамъ, рѣшительно не подходили къ Всеволоду Юрьевичу. Онъ не признавалъ себя по титулу «великимъ княземъ владимірскимъ *и всея Руси*»; тѣмъ не менѣе, всѣ къ нему относились, какъ къ «главѣ», и владимірское княженіе въ его время обратилось въ средоточіе для всѣхъ прочихъ. Кіевскіе князья, послѣ того какъ скончался Святославъ Всеволодовичъ, уже не значили ровно ничего. Послѣ смерти Святослава, самъ Всеволодъ относился къ Кіеву гораздо вольнѣй и рѣшительнѣе, чѣмъ прежде. Самое названіе «Большое Гнѣздо», данное Всеволоду, было не народное прозвище, а книжное. Оно было дано ему послѣ, когда, во время монгольскаго ига, всѣ русскіе князья (за исключеніемъ всеволодовыхъ потомковъ) захудали и пропали съ глазъ русской исторіи, и одно владимірское княженіе обращалось мало-по-малу въ «московское государство». Гнѣздо Всеволода дало напослѣдокъ великихъ князей всея Руси, сдѣлавшихся царями. Отсюда идетъ слава Всеволода. Названіе «Большое Гнѣздо» дано было князю Всеволоду не за его личныя качества, и дано не при его жизни, а при размножившихся его потомкахъ.

Такими чертами, согласно лѣтописи, изображаетъ главнаго современнаго героя и г. Павловъ.

Подъ конецъ княженія Всеволода Юрьевича (ум. 1212 г.) оскудѣла, «взмялась» Русская земля, по выраженію лѣтописи. Давно ли было время, когда городъ Ольговичей—Путивль—пользовался большею извѣстностью и Игорь Сѣверскій предпринималъ изъ него свой походъ на половцевъ, а теперь, въ концѣ XII и въ началѣ XIII в., князь путивльскій былъ самый незначительный князекъ. Съ глазъ исторіи пропалъ и другой князь — Рюрикъ Ростиславичъ кіевскій, княжившій въ Черниговѣ. Даже самый годъ смерти этого захудалаго князя остался неизвѣстенъ: одни утверждаютъ, что онъ «преставися Черниговѣ», а другіе называютъ его живымъ спустя пять лѣтъ послѣ того. А сколько другихъ такихъ примѣровъ было для исторіи. Потомки Святополка-Михаила, напр., почти вѣкъ тому назадъ затерялись для исторіи. То же можно сказать вообще про князей пинскихъ и минскихъ, еще болѣе про князей Друцка и Лукомля, и прочихъ. Князья полоцкіе, всѣ такъ называемые кривскіе князья, въ эту пору, совсѣмъ пропали въ неизвѣстности:

Digitized by Google

они сами и нѣкоторые изъ ихъ городовъ уже перемѣшались съ Литвою.

Послѣ смерти Всеволода, передъ самымъ нашествіемъ татаръ, лѣтописецъ передаетъ подробности о такихъ князьяхъ, которые не имѣютъ никакого права на вниманіе историка. Въ это время уже не было совсѣмъ центральнаго княжества. Сѣверъ не простиралъ своей власти на всю Русь, а на югѣ, послѣ упадка Кіева, ни Черниговъ, ни Волынь не могли заступить его мѣсто. Не устанавливалось болѣе и полнаго мира на Руси: какъ на всемъ югѣ, такъ и на сѣверѣ, смута была всеобщая; шаткость и неопредѣленность царили одинаково повсюду. Послѣ калкской битвы, вплоть до нашествія Батыя, наступаетъ самая темная страница въ лѣтописяхъ. По тогдашней незначительности размножившихся князей, — причемъ сами современники уже путались въ ихъ именахъ и нерѣдко смѣшивали однихъ князей съ другими,—и по общей раздробленности владѣній, эти двѣнадцать лѣтъ нашей исторіи представляютъ самый смутный промежутокъ времени. Примѣчались лишь обрывки и отрывки событій, не имѣвшіе никакой связи между собою, зависѣвшіе отъ случайностей, мѣнявшихся среди постоянныхъ княжескихъ усобицъ изо дня въ день. Невообразимая путаница царила кругомъ. Вмѣсто вопроса: кто изъ тогдашнихъ князей владѣлъ Кіевомъ?—правильнѣе было бы спросить:—кто изъ тогдашнихъ князей *не владѣлъ* имъ?

Таковъ будетъ результатъ близкаго изученія лѣтописей того времени. Г. Павловъ вѣрно понялъ, что подробные перечни княжескихъ родовъ и смѣнявшихся князей въ разныхъ углахъ тогдашней разрозненной Руси, пересказъ о разныхъ приключеніяхъ князей уже не значатъ болѣе ничего для историка. Роковыя событія, выступавшія на первый планъ, зависѣли не отъ княжескихъ усобицъ, а отъ появленія татаръ. Татары измѣнили весь дальнѣйшій ходъ русской исторіи.

III.

Еще лучше Всеволода, какъ живое лицо, вышелъ у г. Павлова Мстиславъ Удалой. Въ лѣтописи онъ занимаетъ такое же видное мѣсто, какъ и Всеволодъ. Мстиславъ Мстиславовичъ Удалой является рѣшителемъ въ усобицѣ сыновей Всеволода. До сихъ поръ онъ дѣйствовалъ на югѣ, въ Приднѣпровьѣ, гдѣ участвовалъ въ спорахъ Всеволода Чермнаго съ внуками схимолюбиваго Ростислава, — съ Мономаховичами,—и въ Галичѣ, гдѣ помогъ молодому князю Даніилу Романовичу въ борьбѣ его съ уграми и съ королевичемъ Ко-

Digitized by Google

ломаномъ. Онъ является съ юга на сѣверъ въ то время, когда въ Новгородѣ княжилъ Ярославъ Всеволодовичъ, истый владимірскій князь, не соблюдавшій «льготъ» новгородскихъ, но «примышлявшій»,—какъ и отецъ его Всеволодъ Юрьевичъ, — «владимірскому великому княженію». Ярославъ засѣлъ тогда въ Торжкѣ, хватая гостей новгородскихъ, задерживалъ ихъ товары, не допускалъ къ Новгороду хлѣбъ, и тому подобное. Вдругъ, среди всѣхъ бѣдствій новгородскихъ, на помощь Новгороду, ни для кого невѣдомо откуда, является сюда Мстиславъ, когда «вопль и печаль великая» оглашали Новгородъ. Онъ вмѣшивается въ распрю сыновей Всеволода, думаетъ о возстановленіи права старѣйшинства, нарушеннаго произволомъ Всеволода, который сдѣлалъ своимъ наслѣдникомъ не старшаго сына Константина, а втораго — Ярослава, и начинаетъ свой походъ съ новгородцами противъ владимірцевъ, пріобрѣвшій ему неожиданно громкую славу. Новгородцы идутъ съ нимъ, какъ одинъ человѣкъ, отомщать «владимірское самовластье». Мстиславъ хочетъ посадить на старшемъ столѣ Константина и наказать примѣрно Ярослава Всеволодовича. Въ лѣтописи нѣтъ никакихъ выводовъ о характерѣ Мстислава, въ родѣ такихъ, напр., что онъ не преслѣдовалъ новыхъ цѣлей, не создавалъ новаго первообраза общественнаго строя, или что онъ былъ защитникомъ старины, охранителемъ существующаго,—нѣтъ такихъ замѣтокъ и у г. Павлова. Лѣтопись сочувствуетъ Мстиславу болѣе за то, что онъ былъ *борцомъ за правду*, какъ она понималась въ то время, какъ сложилась и выражалась въ современномъ обществѣ; она могла быть и другая,— не та, что́ у позднѣйшихъ историковъ, объясняющихъ ее съ своей ретроспективной точки зрѣнія. Г. Павловъ передаетъ событія по лѣтописи, не разъясняя съ своей стороны ихъ значенія.

Ярославъ Всеволодовичъ бросилъ Торжокъ и удалился въ Переяславль, когда Мстиславъ выступилъ изъ Новгорода и пошелъ къ озеру Селигеру, ко Ржеву, Зубцову и Твери. Константинъ соединился съ нимъ. Тогда и произошла знаменитая Липецкая битва (близъ Юрьева Польскаго, въ 1216 году), въ которой участвовала вся сила суздальской земли, вкупѣ съ берендѣями, и вся погибла. Г. Павлова,—какъ и лѣтописца, которому онъ слѣдуетъ,—интересуютъ болѣе не общія идеи, выражающія значеніе подвиговъ Мстислава, а самые подвиги, самая Липецкая битва, и описанію ея онъ посвящаетъ цѣлыхъ десять страницъ въ своей книгѣ. Обращаемъ на нихъ вниманіе читателей, какъ на лучшія въ книгѣ. Здѣсь вы встрѣтите живую современную картину, сохранившую бытовыя краски и разсказъ самого очевидца. Мы слышимъ голоса людей, записанные лѣтописцемъ; мы видимъ передъ собою укрѣпленную гору—

Digitized by Google

«Вдовью» гору — съ засѣвшими на ней суздальскими князьями и воинами; самъ Мстиславъ вызываетъ князей на честный бой, на поединокъ; они нейдутъ, разсчитывая, что побѣда будетъ вѣрнѣе при другихъ условіяхъ, полагаясь на свои укрѣпленія, на свое многолюдство: «враговъ-де мы сѣдлами закидаемъ». Мстиславъ со своими новгородцами обходитъ тогда гору съ укрѣпленіями на ней и начинаетъ битву. Его воины слѣзаютъ съ коней, разуваются и идутъ въ бой босыми и пѣшими. Самъ Мстиславъ снимаетъ съ перевязи свой топоръ и рубитъ имъ сплеча въ первыхъ рядахъ вражескаго войска—три раза цѣлую улицу очищаетъ. А когда его воины, сражаясь также храбро, добрались до самаго непріятельскаго лагеря, до товаровъ и коней, то смоляне, составлявшіе также часть его дружины, хотѣли было грабить и обирать мертвыхъ. Но Мстиславъ удержалъ ихъ, потому что несовсѣмъ еще ясно было, кто побѣждаетъ. Наконецъ, владимірцы бѣгутъ; сильные и многолюдные полки ихъ обращаются въ ничто: князь Юрій, братъ Ярослава, и самъ Ярославъ тоже бѣгутъ, и безъ оглядки. Юрій загналъ трехъ коней, спасаясь во Владиміръ, а Ярославъ—четырехъ, по дорогѣ въ Переяславль. Тогда стало видно, что побѣда была полная: недоставало могильщиковъ,—говоритъ лѣтописецъ,—«во градѣ Юрьевѣ и около града не бѣ, кто погребаяй».

Такъ справился Мстиславъ со своими противниками. Самъ лѣтописецъ, повѣствуя о Липецкой битвѣ, занесъ впервые въ свою лѣтопись новое слово, до сихъ поръ еще не употреблявшееся, назвавши эту битву не побѣдой, а «побѣдищей».

Благодаря вмѣшательству Мстислава, такъ завершилось междоусобіе сыновей Всеволода Юрьевича. Константинъ Всеволодовичъ былъ провозглашенъ великимъ княземъ владимірскимъ.

Мстиславъ Удалой удалился сначала въ Новгородъ, а потомъ разстался и съ нимъ, поклонившись на вѣчѣ народу на три стороны при прощаніи,—и ушелъ навсегда въ Галичъ.

IV.

Мстиславъ былъ ранѣе того въ Галичѣ, гдѣ,—какъ мы сказали,—помогалъ Даніилу Романовичу въ борьбѣ его съ уграми и съ королевичемъ Коломаномъ. Завладѣвши тогда Галичемъ, онъ не отдалъ его, однако, Даніилу Романовичу, и послѣднему пришлось своими усиліями добиваться княжескаго стола. Отношенія ихъ, впрочемъ, были дружественныя: Мстиславъ женилъ Даніила на своей дочери и подарилъ ему любимѣйшаго изъ своихъ коней, *своего сиваго*. При королевичѣ Ко-

Digitized by Google

ломанѣ, владычествовали бояре, творившіе всякаго рода неправды. Первую роль между ними игралъ боярин Филя, властвовавшій королевскимъ именемъ и попавшійся потомъ въ плѣнъ Мстиславу. Лѣтописецъ относится къ этому Филѣ, за его самохвальство, съ ироніей, и г. Павловъ съумѣлъ передать его настроеніе. Имя этому боярину было собственно: банъ Фильній, а русскіе по просту звали его *филей*, съ прибавленіемъ еще—Филя величавый или прегордый Филя. Онъ думалъ про себя—и это было написано у него на лицѣ,—что нѣтъ ему на свѣтѣ равнаго, что весь міръ обнимаетъ онъ и все море потребитъ! Было общеизвѣстно и то, что, при большомъ самолюбіи, Филя не отличался такимъ же умомъ. Когда, напримѣръ, его остерегали передъ боемъ, что противниковъ на этотъ разъ много, а силъ противъ нихъ мало,—Филяній, хотя всякій разъ и уклонялся отъ боя, однако жь, непремѣнно повторялъ, уводя свои полки: «камень и одинъ, а много горшковъ бьетъ».

Онъ выстроилъ въ Галичѣ, изуродовавъ зданіе здѣшняго собора, башню въ видѣ колокольни для метанія стрѣлъ въ осаждающихъ, но ничего путнаго изъ этого не вышло, Взятый Мстиславомъ въ плѣнъ, онъ былъ имъ выпущенъ снова на волю и продолжалъ свои мятежническіе подвиги до тѣхъ поръ, пока не попался въ руки Даніила Романовича и не былъ имъ казненъ (въ 1245 году).

Въ 1224 г. Мстиславъ участвуетъ въ несчастной битвѣ съ татарами на берегахъ рѣки Калки. Когда русскіе были здѣсь разбиты, онъ самъ спасся, только благодаря своему сильному коню, который вынесъ его цѣлымъ изъ битвы. Послѣ того Мстиславъ прожилъ еще четыре года. Бросивши Галичъ, гдѣ ему надоѣли боярскія крамолы, онъ удалился «на спокой» въ Подолію. Онъ говорилъ, что согрѣшилъ передъ Даніиломъ Романовичемъ, долго не отдавая ему Галича, и не было бы этого, еслибы не обошли его бояре. Онъ умираетъ одиноко, безвѣстной смертью, въ своемъ глухомъ Торческѣ (1228 г.). Понизье и всю Подольскую сторону, по духовному завѣщанію, онъ оставилъ Даніилу.

Смуты въ Галичѣ теперь еще болѣе усилились. Народъ желалъ имѣть Даніила своимъ княземъ, но много новыхъ усилій слѣдовало употребить Даніилу, чтобы сдѣлаться княземъ галичскимъ. Это случилось уже тогда, когда Русь была завоевана татарами. Во время похода Батыя на Галичъ, Данилъ скрылся «въ ляхи» и вернулся домой лишь годъ спустя, когда Батый, наскучивъ западнымъ походомъ, возвратился восвояси. Кіевской Руси болѣе не существовало, а сѣверная Русь превратилась въ татарскій улусъ. Тогда Даніилу было прислано татарское повелѣніе: «дай Галичъ и размечи

Digitized by Google

свои города на Волыни». Ему предстояло одно изъ двухъ: либо, сплотивъ свои земли какъ бы въ новое особое государство подъ собственной державой, отдѣлиться отъ остальной Руси,—тогда пришлось бы волей-неволей: или примкнуть къ западнымъ сосѣдямъ, венграмъ и ляхамъ, и, по принадлежности ихъ къ «священной римско-германской имперіи», не чуждаться единенія съ нею, или, чуждаясь союза съ латинами, признать по старинѣ нерасторжимую связь Галича и Волыни съ остальной Русью. Но тогда приходилось бы, заодно со всѣми, страдать въ неволѣ у татаръ...

«Приложиться къ западнымъ» — претило русскому князю его православное чувство, а, вмѣстѣ съ прочею братіей и остальной русской землей, быть подвластнымъ татарину — на это также не хватало силъ. Такъ цѣлый вѣкъ Даніилъ и томился въ своемъ безвыходномъ положеніи. Еслибы онъ — говоритъ г. Павловъ — мечталъ о какой-то особенной Руси, какъ пишутъ о немъ не-русскіе историки (но кто именно—г. Павловъ не сказалъ); еслибы, получивъ титулъ монарха между западными государями, онъ хотѣлъ державствовать мимо единой и нераздѣльной Руси святаго Владиміра,—въ такомъ случаѣ, правдой будетъ то, что онъ умеръ не столько прославляемый всею своею братіею, — потомками святаго Владиміра,—какъ оплакиваемый ими изъ рода въ родъ. Но эта напраслина взведена на него позднѣе и закралась въ преданія его родины лишь впослѣдствіи, когда весь тотъ край для Руси Владиміра Святаго уже, дѣйствительно, считался потеряннымъ и былъ чужой.

Но вина Даніила Романовича налицо—подчиненіе папѣ. «Оказательство подчиненія Даніила Риму»—продолжаетъ г. Павловъ—только въ глазахъ католиковъ было полное: дѣйствительно, въ 1255 году папскій легатъ совершилъ въ Дрогичинѣ обрядъ коронованія и миропомазанія Даніила. На дѣлѣ же Даніилъ всегда отстранялся отъ коронованія, обращая вниманіе на неудобства—или времени, или мѣста. Если онъ и короновался, то потомъ прекратилъ всякія сношенія съ Римомъ и самъ папа въ одной буллѣ даже грозилъ ему проклятіемъ. И послѣ того Даніилъ строилъ въ Холмѣ православные храмы и приносилъ имъ иконы изъ Кіева. *Честь* въ Дрогичинѣ была ему такая же, какъ татарская, которую Даніилъ принялъ отъ Батыя въ ордѣ; она легла тяжелымъ гнетомъ на его душу и лѣтопись вѣрно характеризуетъ ее:—«о, злѣе зла честь татарская»!

Такъ понялъ г. Павловъ характеръ Даніила Романовича.

V.

Лѣтописное повѣствованіе о нашествіи Батыя на Русь,—давно всѣмъ знакомое и исчерпанное до дна историками,—въ переложе-

Digitized by Google

нiи г. Павлова сохранило главную свою особенность: тотъ ужасъ, который пережитъ былъ населенiемъ во время нашествiя и запечатлѣнъ лѣтописцемъ, и то величiе смерти, которое выказали русскiе теперь, когда имъ приходилось умирать за свою родину. Татары,—говоритъ г. Павловъ—шли тогда на Русь по пути нынѣшней воронежско-козловской и козлово-рязанской желѣзной дороги. Юный князь козельскiй утонулъ въ крови во время батыева нашествiя. Должно быть, татары, при повальномъ избiенiи жителей Козельска въ нарочно-выбранномъ мѣстѣ, накопили столько крови, что въ ней можно было утопить княжича; въ народѣ и была молва: «яко въ крови утонулъ есть». Отъ неубранныхъ и непохороненныхъ тѣлъ убiенныхъ русскихъ на далекое растоянiе, долго послѣ татарскаго нашествiя, носился смрадъ. Каждый городъ, взятый татарами, представлялъ такое зрѣлище, гдѣ «не бѣ стонющаго, ни плачущаго, но всѣ вкупѣ мертвы лежаща». Земля стонала; птицы падали мертвыми и звѣри шалѣли во время нашествiя татарскаго. Татары рады были, когда имъ удавалось «загнать поросять въ хлѣвъ», т. е. охватить городъ, какъ кольцомъ, сплошнымъ тыномъ, чтобы при повальномъ избiенiи легче было справиться, собравши жителей въ одну кучу. Послѣ взятiя города, составлялся «дуванъ»,—то была добыча, снесенная въ одно мѣсто цѣлыми горами и обозами и предназначенная для разграбленiя. Княгиня Евпраксiя,—супруга князя рязанскаго Ѳедора,—бросилась внизъ съ высоты «храма Николы», спасаясь смертью отъ ожидавшаго ее безчестiя: «заразилась до смерти», по выраженiю лѣтописи [1]). Оставшiеся въ живыхъ во Владимiрѣ: дочь князя, сноха, внучата княжескiе, бояре и боярыни приняли смерть, задохнувшись отъ дыма. Владыка Митрофанъ благословилъ ихъ на прощанiе, увѣщевая готовиться «со ангелы жити». Воевода Петръ Ослядуковичъ, при взятiи Владимiра, напираетъ на татаръ съ нехотѣвшими отставать отъ него «дѣтушками» т. е. владимiрскимъ населенiемъ. Евпатiй Коловратъ заслужилъ похвалу отъ самого Батыя: «хорошо пьютъ русскiе мертвую чашу заодно съ государями своими», — сказалъ онъ. И недаромъ: Евпатiй разсѣкъ одного татарина пополамъ, съ головы до сѣдла! Такую же похвалу заслужилъ отъ Батыя боярин Дмитръ, защитникъ Кiева. Батый даровалъ ему жизнь за храбрость. Тамъ и трава не росла, гдѣ прошли татары. Какъ саранча, они раскидывали во всѣ стороны свои отряды; какъ саранча, все истребляли и губили на своемъ пути.

---

[1]) Это историческое событiе привлекало къ себѣ вниманiе поэта Д. В. Веневитинова.

Digitized by Google

Подобными примѣрами г. Павловъ иллюстрируетъ свой лѣтописный разсказъ о нашествіи Батыя на Русь.

Кто же такіе были эти татары? Русскіе не знали этого. То были «языци незнаеміи»,—говорили они,—это потомки «нечистыхъ племенъ», захоронившіеся въ невѣдомой пустынѣ; объ нихъ было пророчество издревле: «придутъ предъ окончаніемъ временъ и поплѣнятъ всю землю». Однако, русскіе того времени лучше многихъ историковъ поняли, что́ такое татары и что́ такое «татарва». Такое мнѣніе о современникахъ защищаетъ и г. Павловъ.

Татары—говоритъ онъ—это китайскіе *тата-татань*; съ VIII вѣка это были дикіе кочевники, разсѣянные по окраинамъ Срединнаго царства, а съ XIII вѣка подданные его. Во времена Чингиса — это была кличка одного безславнѣйшаго народца, уничтоженнаго самимъ Чингисханомъ. Чингисъ же звалъ свой народъ монголами. Въ Европѣ раньше появленія Чингисхана никто не слыхалъ о монголахъ, а по наслышкѣ они слыли за татаръ. Русскіе переняли названіе татаръ отъ половцевъ. Остается неразрѣшимой загадкой: какимъ образомъ прозвище сгинувшаго народца пріурочилось потомъ ко всѣмъ завоеваніямъ и опустошительнымъ набѣгамъ Чингисхана, когда этотъ злосчастный народецъ самъ сталъ первоначальною его жертвою? Современники этого не знали, а поняли вѣрно: татары и монголы,—думали они, — вовсе не одинъ народъ, но тѣмъ не менѣе можно безразлично говорить: и монгольское иго, и нашествіе татаръ, потому что, — догадывались наши предки,—при Чингисханѣ *былъ монгольскій народъ, а бытъ у него былъ татарскій*. Это и будетъ,—по мнѣнію г. Павлова,—самое вѣрное понятіе о завоевателяхъ Россіи: воины Чингиса были монголы, а бытъ у нихъ татарскій, какъ и нынѣшніе монголы по своему быту — татары. У монголовъ были татарскія привычки, которыхъ придерживались и сами ханы; напримѣръ, они облизывали засаленные бараньимъ жиромъ пальцы и обтирали ихъ о сапоги. Способъ веденія монголами войны былъ тоже татарскій: онъ состоялъ въ томъ, чтобы охватить сплошною облавою забираемую страну.

До сихъ поръ наши историки, на основаніи дѣленія народовъ по языку, относили татаръ къ племенамъ тюркскимъ, а не къ монголамъ: Г. Павловъ впервые выступаетъ съ новымъ мнѣніемъ о татарахъ.

VI.

Мы достаточно познакомились съ содержаніемъ книги г. Павлова. Односторонность ея заключается въ пользованіи одною лѣтописью, съ исключеніемъ притомъ другихъ источниковъ русской

Digitized by Google

исторіи. Вотъ напр., какъ г. Павловъ отнесся къ половцамъ, о которыхъ не разъ приходилось ему говорить при описаніи ихъ участія въ княжескихъ усобицахъ или походовъ русскихъ князей въ ихъ земли, или половецкихъ набѣговъ. У него нѣтъ характеристики ихъ быта или описанія ихъ степи и ея природы только потому, что этого нѣтъ и въ лѣтописи. По той же причинѣ онъ не говоритъ о разрытыхъ археологами могильныхъ памятникахъ въ бывшей половецкой степи, ни о найденныхъ здѣсь «каменныхъ бабахъ», сдѣланныхъ изъ известняка, ни о походѣ Игоря, какъ этотъ походъ описанъ въ извѣстномъ «Словѣ». Слѣдуя лѣтописи, г. Павловъ коротко говоритъ о несчастномъ походѣ Игоря и гораздо подробнѣе о другомъ — Ерельскомъ походѣ, совершонномъ Святославомъ Всеволодовичемъ. Походъ Игоря 1185 г., прославленный «Словомъ», былъ несчастнымъ, а Ерельскій (1184 г.) счастливымъ, и объ немъ, поэтому, подробно говоритъ лѣтопись. Ерельскій походъ былъ совершонъ «старыми», а не молодыми князьями, какъ Игоревъ; онъ затмилъ своей удачей послѣдній, и лѣтописецъ съ удовольствіемъ сообщаетъ, что русское воинство заполонило тогда несмѣтныя количества оружія и коней, и колодниковъ; самого хана Кобяка взяли живаго руками. То же настроеніе видно и въ повѣствованіи о немъ г. Павлова. Въ лѣтописи нѣтъ поясненія слова «лукоморье» при описаніи половецкихъ походовъ нашихъ князей; г. Павловъ и тутъ слѣдуетъ за лѣтописью, оставя менѣе знакомаго съ коментаріемъ этого слова въ неизвѣстности, что Лукоморье есть названіе Азовскаго моря.

Какъ жили половцы, какая была у нихъ религія, каково было положеніе у нихъ русскихъ плѣнниковъ,—лѣтопись говоритъ о томъ мало. Она проникнута ненавистью къ половцамъ, какъ къ *погапымъ*, и всего болѣе интересуется походами на нихъ русскихъ князей или нападеніями самихъ половцевъ на русскія земли. Но историкъ не обязанъ раздѣлять такой взглядъ лѣтописца. Онъ долженъ помнить, что главная особенность половцевъ заключается въ ихъ бытѣ: разбросанные на великомъ пространствѣ, соперничая за старшинство, не имѣя общаго главы и единства, половцы только потому и не были для насъ такимъ же страшнымъ врагомъ, какимъ явились потомъ смѣнившіе ихъ въ степи татары.

Ограничиваясь одною лѣтописью, нельзя составить себѣ понятія о положеніи русскихъ плѣнниковъ у половцевъ. Лѣтопись говоритъ объ этомъ кратко подъ 1093 г. А, между тѣмъ, въ другихъ источникахъ имѣются интересныя подробности, напр., въ житіяхъ Евстратія Постника и Никона Сухаго, въ «Сказаніи о плѣнномъ половчинѣ» въ «Памятникахъ стар. рус. литературы» и т. п.

Digitized by Google

Теперь посмотримъ, какъ г. Павловъ воспользовался лѣтописью, какія лѣтописи онъ предпочиталъ другимъ? Самъ г. Павловъ ничего о томъ не говоритъ. Изъ пособій, которыми онъ пользовался, онъ упоминаетъ, на 93 стр. своего труда, только объ одномъ:— «*Лекціи по исторіи западной Россіи*», Коялович. Но несомнѣнно, были же у него подъ руками и другія пособія. Исправлять фактическія ошибки и неточности, при настоящемъ положеніи, будетъ не легко: въ одной лѣтописи говорится одно, въ другой—другое, и мы не знаемъ, почему авторъ считаетъ принятое имъ болѣе достовѣрнымъ. Въ своей критической статьѣ, въ октябрьской книжкѣ *Историческаго Вѣстника* (1899 г.), г. Романовъ пытался сдѣлать провѣрку лѣтописныхъ извѣстій у г. Павлова, но изъ этого ровно ничего не вышло, такъ какъ ни у г. Романова, ни у г. Павлова нѣтъ данныхъ, почему они даютъ предпочтеніе извѣстному лѣтописному списку.

Насколько можно догадываться, источникомъ для борьбы Ростова и Суздаля съ Владиміромъ и для княженія Всеволода Юрьевича послужили г. Павлову: «Лаврентьевская лѣтопись» и «Лѣтописецъ» Переяславля Суздальскаго (изд. кн. Оболенскимъ). Болгарскій походъ Всеволода Юрьевича, церковныя событія и постройки при немъ описаны, также какъ у г. Павлова, въ лѣтописныхъ сводахъ: Лаврентьевскомъ, Ипатьевскомъ, Воскресенскомъ, Тверскомъ и Татищевскомъ. Лѣтописецъ Переяславля Суздальскаго представляетъ любопытные варіанты противъ другихъ лѣтописей, и, особенно съ 1206 г., во многомъ расходится съ Лаврентьевской лѣтописью. Ему, видимо, г. Павловъ отдавалъ предпочтеніе при описаніи крамолъ въ Суздалѣ и Ростовѣ, бывшихъ здѣсь послѣ убіенія Андрея Боголюбскаго; при описаніи народнаго ожесточенія владимірцевъ противъ крамольниковъ, походовъ Всеволода (Большое Гнѣздо) противъ болгаръ и Святослава Всеволодовича — противъ половцевъ. «Лѣтописецъ» Переяславля Суздальскаго оканчивается 1214 г., слѣдовательно г. Павловъ могъ имъ пользоваться для всего княженія Всеволода Юрьевича († 1212 г.). О Липецкой битвѣ (21 апр. 1216 г.) и о безславной войнѣ суздальцевъ въ немъ нѣтъ уже извѣстій; мало сказано о томъ и въ Лаврентьевскомъ сводѣ; поэтому, при изложеніи этихъ событій, г. Павловъ, какъ мы думаемъ, воспользовался Новгородской четвертой лѣтописью, но ему были извѣстны и позднѣйшіе лѣтописные списки: Софійскій, Воскресенскій, Тверской, Никоновскій и Татищевскій. Въ новгородскихъ лѣтописяхъ липецкая битва отнесена къ 1216 г., а не къ 1217, какъ въ Лаврентьевской лѣтописи,—этотъ же годъ (1216) показанъ и г. Павловымъ (стр. 237). Для нашествія татаръ на сѣверо-

Digitized by Google

восточную Русь г. Павловъ пользовался сводами Лаврентьевскимъ и новгородскимъ, а для нашествія ихъ на южную Русь—Ипатьевскимъ, хотя ему извѣстны и позднѣйшія лѣтописи. О галицкихъ событіяхъ очень мало свѣдѣній въ Ипатьевскомъ лѣтописцѣ. Событія съ 1202 г. болѣе подробно излагаются въ галицко-волынскихъ лѣтописяхъ, но какъ пользовался послѣдними г. Павловъ — трудно сказать. Характеристика князей въ нихъ не безстрастная, иногда рѣзкая, заставляющая догадываться, что ее составлялъ участникъ событій; самый языкъ—цвѣтистый, удалой, напоминающій «Пѣснь о полку Игоря», особенно въ позднѣйшихъ лѣтописяхъ. Безъ знакомства съ трудами ученыхъ (Зубрицкаго, Клеванова, Смирнова, Дашкевича, Головацкаго), не легко здѣсь разобраться. Не лучше ли было бы, со стороны г. Павлова, въ нѣсколькихъ небольшихъ примѣчаніяхъ освѣтить ту дорогу, по которой онъ самъ прошелъ?

Оправданіемъ г. Павлову въ данномъ случаѣ служитъ то обстоятельство, что онъ писалъ не ученый трудъ, а популярный и общедоступный, что онъ не вращается въ области отвлеченной науки, а передаетъ обыденное мышленіе любителя лѣтописей, надъ которымъ заставляетъ задумываться и своихъ читателей. Что г. Павловъ имѣлъ въ виду *не ученыхъ*, а другихъ читателей, — это видно изъ того, что онъ не касается, большею частью, тѣхъ задачъ, съ которыми въ настоящее время имѣетъ дѣло историкъ, изучающій описываемое г. Павловымъ время.

VII.

Ограничимся слѣдующимъ примѣромъ. Со времени Андрея Боголюбскаго и Всеволода Юрьевича, совершается въ русской жизни поворотъ. Кіевская Русь не занимаетъ болѣе первенствующаго положенія и центръ исторической жизни переходитъ съ юга на сѣверъ. Объ этомъ говорятъ всѣ наши историки; о томъ же говоритъ и г. Павловъ. Но объяснилъ ли онъ намъ, какъ именно это случилось? Отъ чего зависѣлъ этотъ поворотъ? Какъ случилось, что задолго до татаръ на сѣверѣ явилось стремленіе къ единодержавію, которое совершенно измѣнило прежній порядокъ жизни? Какія условія разрушили этотъ прежній порядокъ и прежній характеръ общественной жизни въ кіевской Руси? Почему кіевскій князь пересталъ даже носить титулъ «великаго»? На эти вопросы мы не находимъ удовлетворительныхъ отвѣтовъ у г. Павлова; онъ не стоитъ на высотѣ современнаго положенія науки русской исторіи. Ему осталось неизвѣстнымъ,—если судить по его книгѣ,—въ какомъ приниженномъ юридическомъ и экономическомъ положеніи находились въ то

Digitized by Google

время низшіе рабочіе классы въ кіевской Руси; онъ не говоритъ о томъ, что здѣсь было *рабовладѣніе*, шла борьба князей за рабочія руки, необходимыя и для водворенія земледѣлія, и для искусственнаго населенія края, много терпѣвшаго отъ нападенія половцевъ. Онъ не говоритъ о томъ, что кіевская Русь не была *земледѣльческой*, что блестящее положеніе въ кіевской *торговой* Руси принадлежало немногимъ, а въ цѣломъ обществѣ скрывались зачатки бѣдствій и неустройствъ, и эти-то экономическія и юридическія причины, съ половины XII в., и вызвали отливъ населенія — на западъ: къ Карпатамъ, въ Польшу, въ Галицію; на Востокъ и на суздальскій сѣверъ по преимуществу. Это движеніе не было отмѣчено лѣтописью, не было замѣчено и современниками, но объясненіе его составляетъ одну изъ современныхъ задачъ исторической науки; оно ведетъ насъ къ пониманію, какъ начало образовываться,— именно въ это время, — великорусское и малороссійское племя. Г. Павловъ не коснулся этого этнографическаго элемента въ русской исторіи. Онъ не обратилъ должнаго вниманія на то, какое вліяніе имѣла природа верхняго Поволжья на хозяйство и племенной характеръ великороссійскаго племени, происшедшаго изъ смѣшенія русскихъ съ финскими племенами. Между тѣмъ, вліяніе природы сѣвернаго края на хозяйство великороссовъ выразилось: въ преобладаніи мелкихъ разбросанныхъ деревень, въ незначительной крестьянской запашкѣ, въ кочевомъ характерѣ земледѣльцевъ, въ развитіи сельскихъ промысловъ, въ усиленной разработкѣ лѣсныхъ и другихъ угодій. Колонизація сѣвернаго края,—со временъ Андрея Боголюбскаго и Всеволода Юрьевича,—выразилась и въ политическомъ смыслѣ: въ ихъ отношеніяхъ къ прочимъ князьямъ, въ паденіи старѣйшаго кіевскаго князя и въ замѣнѣ прежняго полюбовнаго родственнаго соглашенія обязательнымъ подчиненіемъ младшихъ родичей старшему или подручничествомъ. Отъ того, что верхняя волжская Русь начала теперь преобладать надъ днѣпровской, зависѣло и то равнодушіе къ Кіеву и къ кіевской Руси, которое является характеристикой современнаго общества. Здѣсь, на сѣверѣ, устанавливается новый порядокъ престолонаслѣдія; здѣсь является впервые отдѣльная собственность, владѣніе, т. е. удѣлъ переходитъ въ личное достояніе того или другаго князя, тогда какъ, по прежнему понятію, Русь была достояніемъ *всего* княжескаго рода. Правда, владимірскій столъ, по прежнему, занимается по очереди старшинства, но во владѣніи князей младшими волостями замѣтенъ уже не прежній порядокъ, какой былъ на югѣ: младшія волости наслѣдуютъ князья по завѣщанію, а старшія волости переходятъ не въ ломаной боковой линіи, — отъ старшаго

Digitized by Google

брата къ младшему, — а въ прямой и нисходящей, — отъ отца къ сыну, отъ сына къ внуку. Удѣльное дробленіе, продолжавшееся на сѣверѣ до самаго XV в., послужило также важнымъ обстоятельствомъ, помогшимъ политическому объединенію Руси при московскихъ князьяхъ.

Такъ какъ подобными вопросами г. Павловъ не задавался, то мы имѣемъ право заключить, что онъ имѣлъ въ виду написать не ученый трудъ по русской исторіи, а популярную книгу для извѣстнаго круга читателей и для учащагося юношества по преимуществу. Онъ и достигъ своей цѣли. Его «Русская Исторія» знакомитъ съ главнымъ источникомъ исторіи—съ лѣтописью. Въ ней описаны дѣятельность и характеры великихъ князей въ самое темное и запутанное время нашей исторіи,—во второй половинѣ удѣльнаго періода, которое ужасаетъ всякаго, кто задумаетъ самъ изучать его по лѣтописямъ. Авторъ доказалъ свое близкое знакомство съ лѣтописями и свою начитанность въ исторической литературѣ. Книга его богата выдержками изъ лѣтописей, даже написана частью лѣтописнымъ языкомъ и передаетъ съ достаточной полнотой все интересное, что заключается въ лѣтописи. Она читается съ удовольствіемъ и заслуживаетъ сочувственнаго отзыва со стороны самой придирчивой критики.

Николай Овсянниковъ.

Digitized by Google

Фиктивный кризисъ русской металлургической промышленности.

IV.

Мы считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о международной желѣзодѣлательной промышленности въ 1899 г.

1899-ый годъ занялъ въ исторіи желѣзнаго дѣла всего свѣта выдающееся положеніе, и желѣзное дѣло въ этомъ году достигло такого развитія, котораго никогда не имѣло. Этотъ годъ былъ годомъ самаго большаго производства чугуна. Въ этомъ же году цѣны на желѣзные продукты поднялись очень высоко. Спросъ на чугунъ и желѣзо достигъ небывалыхъ размѣровъ:—увеличившагося производства чугуна не хватило на 3.000,000 тоннъ, и на рынокъ былъ выпущенъ еще милліонъ тоннъ изъ запасовъ.

Міровое производство чугуна въ 1899 году выразилось въ 40.500,000 тоннъ, изъ которыхъ С.-А.-С.-Штаты произвели—34%, Великобританія — 23,4%, Германія—21%, Россія—6,5%, Франція — 6,5%, причемъ Россія стоитъ на четвертомъ мѣстѣ среди производителей чугуна во всемъ свѣтѣ. Австро-Венгрія произвела—3,8%, Бельгія—2,9%, Швеція—1,1%, остальныя государства—0,8%.

Отсюда видно, что въ дѣлѣ снабженія міроваго рынка чугуномъ впереди всѣхъ идутъ С.-А.-С.Штаты, Великобританія и Германія.

Увеличеніе выплавки чугуна въ С.-А.-С. Штатахъ прямо поразительно и должно быть названо единственнымъ въ своемъ родѣ, въ особенности если вспомнимъ, что еще въ 1894 г. производительность Штатовъ была въ два раза меньше существующей. Въ С.-А.-С. Штатахъ было выплавлено чугуна [1]):

	Въ 1899 г.	Въ 1898 г.
	Тысячи тоннъ.	
Бессемеровскаго	8,334	7,455
Томасовскаго.	1,001	798
Литейнаго	4,281	3,482
Спеціальнаго.	223	217
Всего . .	13,839	11,962

[1]) *А. Матесонъ*, 48 и слѣд.

Digitized by Google

Заводы и рудники были завалены работой. Всѣ печи, сталелитейныя фабрики, литейныя, прокатныя стали работать непрерывно. Старыя печи и заводы, стоявшіе до этого времени въ бездѣйствіи, были вновь пущены въ ходъ, и дѣйствующіе заводы расширялись. Строились новые заводы; принимались и за разработку заброшенныхъ рудниковъ. Все это очень хорошо иллюстрируется слѣдующей табличкой:

	Дѣйствовало доменъ.	Выплавлялось въ недѣлю чугуна.	Находилось запасовъ чугуна.
		Тысячи тоннъ.	
Къ 1 іюля 1898 г.	185	216	805
» 1 января 1899 г.	200	243	506
» 1 іюля 1899 г.	237	263	169
» 1 января 1900 г.	283	297	63

Громадный спросъ на чугунъ, желѣзо и сталь вызвалъ немедленно же повышеніе цѣнъ на эти издѣлія. Повышеніе цѣнъ началось еще въ декабрѣ 1898 г.; въ ноябрѣ же мѣсяцѣ 1899 г. цѣны были приблизительно на 100% (а въ нѣкоторыхъ случая и болѣе) выше цѣнъ въ началѣ года.

	Начало года.	Конецъ года.
	Въ копѣйкахъ за пудъ.	
Чугунъ:		
Бессемеровскій.	33 — 34	76½
Сѣрый передѣльный . . .	32	66—67
Литейный	37½—40	80—81
Сталь:		
Рельсы.	62½	109½
Строительные профили:		
Балки	98 —105	172
Угловое желѣзо.	91 —98	172
Торгов. строит. жел. . .	77	151
Листовое жел.	91 —95	175—179

Подъ вліяніемъ усиленнаго спроса, цѣны на руду и коксъ поднялись чрезвычайно, какъ это видно изъ слѣдующей таблицы различія цѣнъ:

	Начало года.	Конецъ года.
	Въ копѣйкахъ за пудъ.	
Магнитный желѣзнякъ	7,8 — 8,6	15,6 — 16,1
Тоже для бессемеровск. чугуна . . .	10,2	18,8 — 19,6
Красный желѣзнякъ.	6,5 — 7	12,4 — 14
Тоже для бессемер. чугуна	7,9 — 10,2	15,6 — 16,4
Коксъ доменный	4,6 — 4,9	8,6

Повышеніе цѣнъ на руду отразилось и на цѣнахъ производства. Въ Питсбургѣ, въ началѣ и концѣ года, стоимость производства пуда обыкновеннаго бессемеровскаго чугуна слагалась:

Digitized by Google

	Январь.	Декабрь.
	Въ копѣйкахъ за пудъ.	
Руда. . . .	16,11	31,04
Коксъ . . .	4,41	7,85
Флюсъ . . .	0,66	1,72
Рабочіе. . .	1,53	1,91
	22,71	42 — 52

Отсюда видно, что одна разница въ стоимости сырыхъ матеріаловъ и заработной платы равнялась 19,8 коп. за пудъ чугуна.

За 1899 г., особенно изъ С.-А.-С. Штатовъ, увеличился вывозъ машинъ. С.-А.-С. Штатами было вывезено:

	Въ 1899 г.		Въ 1898 г.	
	Количество.	Стоимостью.	Количество.	Стоимостью.
	Тонны	Доллары	Тонны	Доллары
Чугуна.	311	16.068	332	18.735
Желѣза и стали	518		563	
Издѣлій	—	31.113	—	23.437
Машинъ	—	81.482	—	56.772
Итого . . .	—	128.663	—	98.944
(въ 1.000 руб.)		(249.606)		(191.951)

Въ Великобританіи выработка и производство металловъ значительно увеличились. Слѣдующая таблица наглядно показываетъ ростъ металлической промышленности въ Англіи.

	Въ 1899 г.	Въ 1898 г.
	въ тысячахъ тоннъ.	
Выплавлено чугуна:		
Бессемеровскаго	4.054	3.326
Томасовскаго	874	792
Спеціальнаго	198	223
Литейнаго и передѣльн. .	4.327	4.478
Итого . .	9.453	8.819
Выдѣлано металла:		
Мартеновскаго	3.030	2.806
Бессемеровскаго	1.825	1.759
Пудлинговаго.	1.202	1.116
Итого . .	6.057	5.681

Руды Англія употребила въ 1899 г. болѣе 21 милліона тоннъ, изъ которыхъ 14 мил. тоннъ были добыты въ рудникахъ Англіи и болѣе 7 мил. тоннъ привезены изъ Испаніи и Швеціи. Въ зависимости отъ усиленнаго спроса цѣны на руду (а также и коксъ) значительно поднялись: гематитовая мѣстная руда поднялась къ концу года съ 10,27 к. до 13,31 к. за пудъ, привозная же испанская (Rubio), стоившая въ началѣ года 11,41 коп. за пудъ, въ концѣ года поднялась уже до 16,97 к. Коксъ поднялся въ цѣнѣ на 60%. Сообразно повышенію цѣнъ на сырые матеріалы и на ра-

Digitized by Google

бочія руки, повысилась и стоимость производства: въ Кливлендѣ; въ декабрѣ 1898 г., пудъ гематитоваго чугуна обходился въ 39,74 к., а въ декабрѣ 1899 г.—уже въ 57,04 к.

Цѣны на желѣзо, сталь и особенно рельсы сильно поднялись. Онѣ поднимались въ теченіе всего 1899 г. и къ концу его достигли наивысшихъ нормъ:

	Высш.	Низш.	Увел. въ %
	Въ копѣйкахъ за пудъ.		
Сортовое обыкн. жел.	133,1	93,9	42%
Листовое корабел. жел.	121,7	102,7	18%
Угловое корабел. жел.	117,9	98.9	19%
Листовое кровел. жел.	157,8	119,8	31%
Рельсы тяжел. типа	106,5	70,0	51%

Рельсы поднялись въ цѣнѣ съ 61,5 коп. до 107,1 коп., за пудъ.

Результаты импорта и экспорта Великобританіи, по сравненію съ двумя предшествовавшими годами, для 1899 г. выражаются слѣдующими цифрами:

Изъ Англіи вывезено:

	Въ 1899 г.	Въ 1898 г.	Въ 1897 г.
Чугуна тыс. тоннъ. . . .	1,379	1,043	1,201
Желѣза и стали	2,369	2,201	2,485
Издѣлій тыс. ф. стерл. .	3,570	3,031	3,468
Машинъ » » » .	19,651	18,390	16,256

Въ Англію ввезено:

Руды тыс. тоннъ	7,055	5,468	5,969
Чугуна тыс. тоннъ . . .	171	160	158
Желѣза и стали тыс. тоннъ.	246	213	184
Машинъ и издѣлій тыс. ф. стерл.	7,236	6,639	5,553

Если мы теперь обратимся къ германской желѣзной промышленности, то и тамъ увидимъ, что производительность возрастаетъ весьма значительно, мало-по-малу приближаясь къ производительности Англіи. Въ 1899 г., въ послѣдней было выплавлено чугуна больше, чѣмъ въ Германіи, всего на 1,423 тыс. тоннъ (въ 1895 г разница составляла 2,100 тыс. тон.).

Въ Германіи:

	Въ 1899 г.	Въ 1898 г.
	Въ тысячахъ тоннъ.	
Выплавлено чугуна:		
Томасовскаго.	4,424	4,002
Пудлинговаго.	1,663	1,564
Бессемеровскаго.	517	534
Литейнаго.	1,425	1,302
Итого . . .	8,029	7,402

Digitized by Google

Выпущено на рынокъ:

Чугуннаго литья	1,767	1,535
Сварочнаго металла. . .	1,124	1,057
Литаго » . .	4,823	4,321
Итого . . .	7,714	6,913

При общемъ потребленіи руды около 18 мил. тоннъ, руды въ 1899 г. въ Германію было ввезено около 5 мил. тоннъ. Цѣны какъ на руду, такъ и коксъ возрасли въ Германіи довольно значительно.

Въ Вестфаліи цѣны были:

	Въ январѣ 1898 г.	Въ январѣ 1899 г.	Въ декабрѣ 1899 г.
	Въ копѣйкахъ за пудъ.		
Коксъ доменный.	9,9	10,6	12,9
Желѣзный шпатъ сырой . .	8,2	7,9— 8,6	10,6
Тоже обожженный	12,7	11 —12,1	14,4—15,2

Цѣны на чугунъ и желѣзо въ Германіи за 1899 г. поднялись, въ общемъ, процентовъ на 50.

Въ Вестфаліи цѣны были:

	Въ январѣ 1898 г.	Въ январѣ 1899 г.	Въ декабрѣ 1899 г.
	Въ копѣйкахъ за пудъ.		
Чугунъ.			
Литейный № 1.	50,9	52	74,4
Пудлинговый № 1	44	45,5—47	68,8
Томасовскій	45,9	46,3	68,5
Желѣзо и сталь			
Полосовое пудл.	93	110	159
» литое	89,2	99	138,8
Балки.	82	82	99
Котельное литое.	108,1	108,1	163,2
Листовое тонкое	91,1—94,9	117,6	159

Въ виду того, что бо́льшая часть ввозимаго изъ Германіи въ Россію чугуна, желѣза и стали идетъ изъ Верхней Силезіи, приводятся и цѣны этого района.

Въ Верхней Силезіи цѣны были:

	Въ январѣ 1898 г.	Въ январѣ 1899 г.	Въ декабрѣ 1899 г.
	Въ копѣйкахъ за пудъ.		
Чугунъ			
Литейный	44,8— 47,8	49,3— 52,4	74,4
Пудлинговый.	44	47 — 49,3	68,8
Желѣзо и сталь			
Полосовое	86,4— 86,5	96,7—100,5	144,2—148
Листовое толстое. . . .	91,1—104,4	104,4—113,9	148
» тонкое	83,5—102,4	106 —121,4	155,6—163,2

Digitized by Google

Не смотря на значительное увеличеніе производства, не только вывозъ чугуна, желѣза и стали уменьшился, но даже и ввозъ этихъ продуктовъ замѣтно возросъ; но необходимо отмѣтить, вмѣстѣ съ тѣмъ, и увеличеніе вывоза изъ Германіи желѣзныхъ издѣлій и машинъ.

Изъ Германіи вывезено:

	въ 1899 г.		въ 1898 г.	
	Количество.	Цѣнность.	Количество.	Цѣнность.
		Тысячи.		
	Тоннъ.	Марокъ.	Тоннъ.	Марокъ.
Чугуна	258	17,897	307	18,550
Желѣза и стали . . .	867	116,311	970	118,034
Издѣлій	388	276,206	353	230,317
Машинъ	—	174,796	—	158,221
Итого	—	585,210	—	525,722
(въ тыс. руб.) .	—	(270,952)	—	(243,409)

Въ Германію ввезено:

Чугуна	677	40,708	409	20,975
Желѣза и стали . . .	81	18,339	50	10,253
Издѣлій	82	42,759	65	38,318
Машинъ	—	70,354	—	54,916
Итого	—	172,160	—	124,462
(въ тыс. руб.) .	—	(79,710)	—	(57,626)

Увеличеніе внутренняго потребленія чугуна, желѣза и стали въ Германіи, за послѣдніе годы, объясняется увеличеніемъ потребленія на нужды народнаго хозяйства. Въ Германіи желѣзо и сталь—не роскошь, какъ у насъ, а необходимая потребность. Такъ даже постройка крестьянскихъ домовъ не обходится безъ желѣзныхъ конструкцій. Масса металла требуется нѣмецкими заводами и фабриками, желѣзными и электрическими дорогами и потребностями германскаго флота.

Металлургическая промышленность развивается гигантскими шагами. Что ни годъ, въ этой области являются открытія, изобрѣтенія и новыя примѣненія. Россія, обладающая неисчерпаемымъ сырымъ матеріаломъ, необходимымъ для широкаго развитія этой отрасли человѣческой дѣятельности, — при дешевомъ рабочемъ трудѣ, — имѣетъ большую будущность. Стоитъ только освободить себя отъ спячки и рутины, серьезно и притомъ научно приняться за металлургическое дѣло, какъ она можетъ легко завалить своими издѣліями всѣ европейскіе рынки. Пора серьезно приняться за разработку нашихъ естественныхъ богатствъ, а не дожидаться прихода иностранцевъ, иностранныхъ техниковъ и капиталовъ.

Д. Райскій.

Конецъ.

Digitized by Google

НАША ЖУРНАЛИСТИКА.

«Беллетристы новѣйшей формаціи», статья г. Протопопова.—Еврейско-чукотскія симпатіи. — Кто нашъ ближній? — Интеллигенція и національнизмъ. — «Псевдо-антропологическія основы антисемитизма», статья г. Л. Шейниса.— Замѣтка «Міра Божьяго» о евреяхъ. — Статья «Вѣстника Европы» о нихъ же.—Черта осѣдлости и сіонизмъ.

Въ прошедшій разъ («Наблюдатель», май) мы говорили о «Русской Мысли» въ выраженіяхъ, какія читатель благоволитъ припомнить...

Въ семьѣ не безъ урода; и такимъ «уродомъ» — или, примѣняясь къ своеобразной терминологіи Фридриха Ницше, правильнѣе сказать: обратнымъ уродомъ — слѣдуетъ признать въ «Русской Мысли» г-на М. Протопопова, который, не въ примѣръ прочимъ своимъ собратьямъ по журналу, высказываетъ мысли, вполнѣ основательныя.

Въ данную минуту я разумѣю статью г. Протопопова, посвященную «беллетристамъ новѣйшей формаціи» («Русская Мысль», мартъ—апрѣль).

Къ «беллетристамъ новѣйшей формаціи» г. Протопоповъ причисляетъ гг. Горькаго, Тана и Вересаева.

О г. Горькомъ мы уже говорили и вернемся къ нему снова по поводу нѣкоторыхъ замѣчаній г. Протопопова о разсказѣ этого беллетриста: «Мой спутникъ», отмѣченномъ въ прошедшій разъ и мною. Что до г. Вересаева, то его беллетристическія произведенія, ни со стороны идейной, ни съ художественной, не представляютъ ровно никакого интереса, являясь вполнѣ безцвѣтными и, — скажемъ прямо,—бездарными; только въ наши дни беллетристическаго оскуденія и идейной путаницы можетъ находить своихъ читателей такой беллетристическій подмастерье, какъ г. Вересаевъ.

Но весьма любопытны «Чукотскіе разсказы» г. Тана:

Г. Танъ извѣстенъ преимущественно своими стихами, въ которыхъ онъ воспѣваетъ такъ называемое марксистское движеніе нѣкоторыхъ современныхъ умовъ. Въ то же время г. Танъ—этнографъ и, кажется, состоитъ членомъ-корреспондентомъ при нашей академіи наукъ. «Чукотскіе разсказы» съ внѣшней стороны принадлежатъ къ этой именно сферѣ компетенціи г. Тана—къ этнографіи. Г. Танъ побывалъ въ странѣ полярныхъ льдовъ, гдѣ половину года царствуетъ ночь, и, вернувшись оттуда въ Петербургъ, подарилъ русскую публику цѣлою коллекціею обитателей Чукотскаго носа. Предъ нами дефилируютъ: Кителькутъ, Нуватъ, Якъ, Ятир-

Digitized by Google

гинъ, и пр., и пр. Мы знакомимся съ ихъ жизнью, нравами, психологіей.

«...Они принадлежали къ племени людей, рожденныхъ отъ «бѣломорской жены» (такъ — замѣчаетъ авторъ въ выноскѣ — называютъ себя чукчи въ эпическихъ разсказахъ и преданіяхъ) и отъ поколѣнія къ поколѣнію, съ незапамятныхъ временъ, такъ привыкли къ борьбѣ съ моремъ, морозомъ и вѣтромъ, что безъ нея жизнь показалась бы имъ лишенной содержанія и смысла. Это были охотники, нападавшіе съ копьемъ въ рукахъ на огромнаго бѣлаго медвѣдя; мореплаватели, на утлыхъ кожаныхъ лодкахъ дерзавшіе лавировать на негостепріимномъ просторѣ полярнаго океана, люди, для которыхъ холодъ былъ стихіей, океанъ—нивой, а ледяная равнина—поприщемъ жизни; вѣчные борцы съ природой, тѣло которыхъ было закалено, какъ сталь, и мышцы *не уступали неутомимостью ни одному изъ дикихъ звѣрей*, пробѣгавшихъ среди пустыни; воины, привыкшіе считать естественную смерть постыдной, а *безсильную старость—наказаніемъ судьбы, которое слѣдуетъ сокращать ударомъ ножа или копья*... (Цитата приведена г. Протопоповымъ; курсивъ нашъ). У нихъ кто сильнѣе, тотъ и правѣе, и чуть зазѣваешься, не остережешься—тотчасъ перерѣжутъ горло. Изъ-за табаку Якъ зарѣзалъ Кителькута (см. разсказъ: «На каменномъ мысу»), а сынъ Кителькута—Нуватъ—зарѣзалъ за это старика и двухъ женщинъ, зарѣзалъ не потому, чтобы они были какъ нибудь причастны къ убійству Кителькута, а потому, что не можетъ же отецъ Нувата «уйти изъ этого свѣта безъ свиты». Стариковъ и женщинъ рѣзать безопасно, сдачи не дадутъ, такъ что же задумываться?.. «Если ты сильнѣе—ты господинъ; если ты слабѣе,—ты слуга и рабъ. Вездѣ такъ: большая рыба глотаетъ маленькую, тюлень ловитъ рыбу, бѣлый медвѣдь ловитъ тюленя; я, Кителькутъ, бью бѣлаго медвѣдя, а Якъ, который оказался сильнѣе, нежели я, убилъ меня... Наѣзжаютъ къ намъ иногда какіе-то люди — миссіонерами что ли ихъ зовутъ, которые говорятъ совсѣмъ не то... да мы ихъ не слушаемъ. «Любите,—говорятъ они,—другъ друга, не ссорьтесь, не обижайте слабыхъ, стариковъ, женщинъ, дѣтей, не лгите, не воруйте, не убивайте». Есть что слушать! Когда тюлень медвѣдя полюбитъ, тогда и я, Кителькутъ, полюблю Якка»...

«Буду владычествовать и господствовать, насколько кулака хватитъ. Свернутъ шею, туда мнѣ и дорога, но до тѣхъ поръ сколько я шей посвертываю, сколько горлъ перерѣжу». Да здравствуетъ чукотская мораль»!..

Такъ вотъ они какіе чудесные экземпляры, эти—чукчи... Почему, однако, г. Протопоповъ, передавая содержаніе «Чукотскихъ разсказовъ» г. Тана, беретъ приподнятый, раздраженный тонъ, иронически провозглашаетъ здравицу «чукотской морали»? Дѣло въ томъ, что въ параллель къ различнымъ мѣстамъ изъ «Чукотскихъ разсказовъ» г. Протопоповъ приводитъ отрывки изъ «марксистскихъ» стихотвореній г. Тана (коими послѣдній по преимуществу извѣстенъ) и почти съ ужасомъ констатируетъ фактъ, что мораль г. Тана,—какъ пѣвца марксизма,—и мораль изображаемыхъ имъ чукчей... тожественны!..

«*Манера* автора «Чукотскихъ разсказовъ»,—говоритъ г. Протопоповъ,—вполнѣ отвѣчаетъ *тенденціямъ* автора стихотвореній. *Надо только вглядѣться въ эту манеру, понять ея настоящій смыслъ*—иначе рискуешь принять ее за безстрастную художественную объективность, въ которой очень многіе видятъ

Digitized by Google

большое достоинство. Среди чукчей г. Танъ совершенно, какъ дома. Не въ томъ смыслѣ «дома», что онъ пріобрѣлъ полное довѣріе дикарей, а въ томъ, что онъ чувствуетъ себя въ ихъ средѣ нравственно-свободно. Физически ему часто бываетъ душно въ ихъ шалашахъ и онъ не разъ упоминаетъ объ этомъ, *но нравственно — никогда. Нѣтъ, это не объективность, это... неужто солидарность?* А, право, не знаю, какъ сказать. Я увѣренъ только, что какъ бы ни высоко стоялъ цивилизованный человѣкъ надъ умственнымъ и нравственнымъ уровнемъ дикарей, онъ все таки не можетъ вполнѣ безразлично относиться къ ихъ дѣйствіямъ и даже понятіямъ. Кошка, собака могутъ вызвать въ немъ искреннее негодованіе своимъ поведеніемъ («ахъ, лукавая тварь»! «ахъ, подлая трусиха»!): такъ неужели же люди, хотя бы они были изъ дикарей дикарями, не въ состояніи взволновать насъ? Ну, хоть что нибудь, какое нибудь чувство, смотря по темпераменту человѣка: одинъ скажетъ — тьфу! вотъ скоты! другой скажетъ: несчастные; не вѣдаютъ, что творятъ! третій скажетъ: — темнота, темнота, безпросвѣтная темнота! Четвертый, пятый, десятый, вы, я—всѣ—мы что нибудь скажемъ, потому что всѣ что нибудь, отъ омерзенія до состраданія, почувствуемъ, глядя на жизнь этихъ людей-звѣрей. *А г. Танъ невозмутимъ.* Онъ невозмутимъ, какъ... я хотѣлъ сказать,—какъ скала, но скажу гораздо правильнѣе—невозмутимъ, какъ Кителькутъ. Кителькутъ лучше, симпатичнѣе своихъ соплеменниковъ; но, будучи выше ихъ ростомъ, онъ все таки стоитъ на одномъ съ ними нравственномъ уровнѣ, на томъ уровнѣ, который съ нашею *христіанской моралью* лежитъ,—говоря языкомъ математики,—въ различныхъ плоскостяхъ.

«Дальше распространяться объ этомъ не стоитъ,—читатель понимаетъ нашу мысль. Да, господа, вы правы: вы намъ, а мы вамъ дѣйствительно *чужіе*».

На встрѣчу мысли г. Протопопова идутъ наши мысли, и мы думаемъ ихъ высказать такъ: «умъ хорошо, а два лучше».

Г. Протопоповъ совершенно вѣрно подмѣтилъ *солидарность* между моралью дикарей-чукчей и нравственною проповѣдью нашихъ «марксистовъ» [1]). Въ основѣ этой солидарности лежитъ, какъ мы видѣли, игнорированіе *христіанскихъ нравственныхъ началъ*, затѣмъ принциповъ любви, состраданія и богобоязни и замѣна ихъ—принципами жестокости и «дерзновенія». Совершенно справедливо также г. Протопоповъ ставитъ въ тѣснѣйшую зависимость два теченія современной интеллигентной мысли: марксизмъ и ницшеанство, и—не только въ тѣснѣйшую зависимость, но, пожалуй, и въ причинную связь: «безъ дерзкаго ницшеанства не было бы и самоувѣреннаго марксизма». Совершенно справедливо. Но мы пойдемъ дальше. Успѣхами ницшеанства съ марксизмомъ на русской почвѣ мы обязаны главнымъ образомъ предупредительной пропагандѣ этихъ двухъ «теченій» *нерусскими элементами* нашей общественности, и среди нихъ, прежде всего, нашимъ *еврействомъ*, ибо евреи съ нѣкоторыхъ

[1]) «Нашъ русскій марксизмъ—не только экономическое, но также этическое ученіе», справедливо замѣчаетъ г. Протопоповъ. Этическое — даже главнымъ образомъ, прибавлю отъ себя, ибо вопросы этики для нашего общества—надо отдать намъ справедливость—стояли почти всегда впереди какихъ бы то ни было другихъ вопросовъ.

Digitized by Google

поръ взяли на себя роль нашихъ учителей въ области «послѣднихъ словъ» западно-европейской мысли. Г. Протопоповъ пришелъ въ изумленіе отъ найденной имъ солидарности — въ нехристіанской морали — дикарей-чукчей и просвѣщеннаго г. Тана. Но критикъ «Русской Мысли» удивился бы,—намъ кажется,—менѣе, когда бы узналъ, что г. «Танъ». (псевдонимъ) — еврей по происхожденію. «Безъ дерзкаго ницшеанства, не было бы и самоувѣреннаго марксизма», говоритъ г. Протопоповъ. Мы имѣемъ всѣ основанія полагать, что у насъ, въ Россіи, не было бы ни того, ни другаго— безъ нахальнаго еврейства. И еще одно наблюденіе. Что мораль чукчей и мораль евреевъ должны быть тожественны, въ этомъ нѣтъ ровно ничего удивительнаго: евреи, со своимъ допотопнымъ талмудомъ, въ сущности такіе же дикари, какъ и описанные г. Таномъ чукчи; съ тѣми же самыми понятіями, взглядами и — excusez du peu— «идеалами». Разница лишь та, что чукчи обитаютъ гдѣ-то отъ насъ за тридевять земель, а евреи, предусмотрительно *купивъ* подложные патенты на «интеллигентность» и «европейство», свободно циркулируютъ среди насъ, пролѣзая во всѣ уголки нашей общественности; что чукчи почти незнакомы съ понятіемъ «золотаго тельца», а евреи очень и очень хорошо его усвоили; что, наконецъ, чукчи «оперируютъ» въ своей средѣ и другъ надъ другомъ, а евреи сосредоточили всѣ свои операціи (до вивисекціи включительно) надъ средою «гоевъ»... Но такъ какъ въ послѣднее время наше общество начинаетъ понемногу «раскусывать» евреевъ, то они и стараются, себѣ на подмогу, вытаскивать на арену русской жизни и мысли такихъ же, какъ они, врожденныхъ дикарей. Отсюда и еврейско-чукотскія симпатіи...

«Вы намъ, а мы вамъ дѣйствительно *чужіе*»! бросаетъ вызовъ марксистамъ г. Протопоповъ. Признавая марксистовъ *чужими*, критикъ «Р. М.», очевидно, признаетъ таковыми же и «ницшеанцевъ», такъ какъ видитъ между тѣми и другими «тѣснѣйшую связь». Еслибы онъ всмотрѣлся въ нравственную физіономію нашихъ евреевъ, то и въ нихъ нашелъ бы точки соприкосновенія съ отрицаемыми имъ двумя теченіями, а слѣдовательно и ихъ тоже призналъ бы чужими...

Не правда ли, что число этихъ «чужихъ» въ послѣднее время растетъ не по днямъ, а по часамъ. Тотъ, другой, третій,—почти всѣ, къ кому ни приглядишься хорошенько,—оказываются *чужими*. Такъ кто же *свои*? Или своихъ нѣтъ совсѣмъ, и мы всѣ другъ другу чужіе?!

Послѣднимъ вопросомъ стоитъ заняться.

«Кто нашъ ближній»?—спрашиваетъ г. Протопоповъ, подходя къ разсказу г. Горькаго «Мой спутникъ». Кто нашъ ближній, *свой*, т. е. тотъ, котораго мы, по евангельскому завѣту, должны любить?— «Вотъ г. Горькій, цѣною тяжелаго личнаго опыта пришедшій къ убѣжденію, что homo homini lupus,—человѣкъ человѣку волкъ. Въ разсказѣ «Мой спутникъ»... (слѣдуетъ изложеніе содержанія разсказа, сдѣланное въ прошедшій разъ мною. См. «Набл.», май)— г. Горькій говоритъ:—«Никогда больше не встрѣчалъ я этого человѣка, — моего спутника въ теченіе почти четырехъ мѣсяцевъ

Digitized by Google

жизни, но я часто вспоминаю о немъ съ добрымъ чувствомъ и веселымъ смѣхомъ. Онъ научилъ меня многому, чего не найдешь въ толстыхъ фоліантахъ, написанныхъ мудрецами, ибо мудрость жизни всегда глубже и обширнѣе мудрости людей».

«Чему же именно научилъ г. Горькаго примѣръ его спутника»?—вопрошаетъ г. Протопоповъ. И мы тоже спросимъ. Нужно, вмѣстѣ съ г. Протопоповымъ, признать, что выводъ, полученный г. Горькимъ изъ его жизненнаго урока, оказался, вопреки его мнѣнію, книжнымъ: на тему homo homini lupus имѣются какъ разъ многочисленные «толстые фоліанты», которыхъ г. Горькій, вѣроятно, не читалъ, а потому и былъ весьма обрадованъ лицезрѣніемъ живаго экземпляра «lupus'a», какъ своею личной (въ его, конечно, представленіи) находкой или, пожалуй, даже открытіемъ. Оставляя въ сторонѣ личное отношеніе г. Горькаго къ своему герою,—какъ намъ отнестись къ нему? Я радъ, что въ лицѣ г. Протопопова нашелъ себѣ, такъ сказать, единомышленника—въ отношеніи къ такимъ современнымъ литературнымъ типамъ, какъ «спутникъ» г. Горькаго. Сколько мнѣ ни привелось прочитать рецензій на произведенія этой свѣже-испеченной знаменитости, уже изнемогающей подъ бременемъ своей славы, разсказъ «Мой спутникъ», — а равно и другіе, поставленные мною въ одну съ нимъ категорію [1]),—нигдѣ замѣчены не были. Но вотъ я указалъ на «спутника» г. Горькаго. Одновременно замѣтилъ его и г. Протопоповъ. Слава богу, нашлось же хоть два человѣка, не задумавшихся указать на отвратительный типъ, и мало того, что указать, но и назвать его по имени, назвать черное—черным, а не оранжевымъ, не фіолетовымъ, — смѣлость, по нынѣшнимъ обстоятельствамъ, дѣйствительно, достойная особливаго удивленія, ибо наше «декадентское» время, не обинуясь, награждаетъ подобныхъ смѣльчаковъ эпитетами «простака» и «неуча». Любопытно мимоходомъ замѣтить, что въ наши дни понятія «неучъ» и «простакъ» стали синонимами, но не въ томъ, однако, смыслѣ, что наука развиваетъ умъ, помогаетъ ему, и, наоборотъ, умъ, лишенный научнаго вспоможенія, останавливается въ неподвижности,—нѣтъ! а въ томъ, что необходимо быть прежде всего «умницей»: если «умница», такъ и безъ науки хорошъ (по рецепту Кантемира), а если ученъ, да недалекъ, такъ все равно «дуракъ». Понятно о какомъ «умѣ» здѣсь идетъ рѣчь. Но возвращаюсь къ «спутнику». Не «съ добрымъ чувствомъ и *веселымъ смѣхомъ*» слѣдуетъ смотрѣть на подобныхъ «спутниковъ», — какъ это дѣлаетъ г. Горькій, слегка драпируясь въ данномъ случаѣ въ тогу «ницшеанца», — но относиться къ нимъ надо такъ, какъ напр., г. Протопоповъ, называющій героя г. Горькаго «лживымъ, наглымъ и подлымъ человѣкомъ», къ которому «мы ничего, кромѣ отвращенія, не можемъ чувствовать», который,—какъ «платящій зломъ за добро»,—является для насъ не «ближнимъ», но «худшимъ изъ враговъ, врагомъ по человѣчеству».

Итакъ, «спутника» г. Горькаго мы тоже принуждены занести въ разрядъ *чужихъ*.

[1]) Одинъ изъ этихъ разсказовъ былъ въ прошлой статьѣ ошибочно названъ «Старуха Щершль»,—слѣдуетъ читать: «Старуха Изергиль». Н. N.

Digitized by Google

Моё удовольствіе, вызванное вниманіемъ г. Протопопова къ этому типу, весьма заинтересовавшему и меня, нѣсколько омрачается тѣмъ обстоятельствомъ, что критикъ «Р. М.» выкинулъ изъ разсказа г. Горькаго одно слово: «армянинъ». Но изъ пѣсни слова не выкинешь!.. И одно это слово: «армянинъ»—культурно-этническое понятіе—объясняетъ психологію «спутника» гораздо ближе и проще, нежели размышленія г. Горькаго о мудрости книжной и мудрости житейской, или разсужденія г. Протопопова о томъ, что «разные люди есть на свѣтѣ», что имъ принадлежатъ различныя «личныя, стихійныя свойства»; что поэтому ни примѣръ доброты Марьи Павловны (одной изъ героинь толстовскаго «Воскресенія»), ни примѣръ подлости Шакро («спутника» г. Горькаго) «ровно ничего намъ не говорятъ», а «истину нужно искать въ серединѣ». Помилуйте! Если у каждаго человѣка есть свое особое «личное стихійное свойство»; если—отсюда—этихъ «личныхъ стихійныхъ свойствъ» столько же, сколько людей на земномъ шарѣ, то сколько же будетъ тѣхъ «серединъ», гдѣ нужно искать истину? По предположительному ариѳметическому выводу, ихъ будетъ вполовину меньше числа «разныхъ людей», но, во всякомъ случаѣ, это будетъ огромное число... Да проститъ мнѣ эту шутку г. Протопоповъ, но читатель согласится, что теорія «разныхъ людей» не выдерживаетъ критики. А вѣдь въ формулу г. Протопопова о разныхъ людяхъ и разныхъ ихъ свойствахъ слѣдовало бы вставить лишь одно дополняющее понятіе, и тогда вышло бы вотъ что: «разнымъ людямъ принадлежатъ разныя—ихъ личныя *стихійно-національныя* свойства». Съ этой поправкой, представленіе о «разныхъ людяхъ» проясняется, осмысливается, пріобрѣтаетъ точку опоры. Численность «разныхъ людей» сокращается до минимальной суммы ярко выраженныхъ, существеннѣйшихъ различій ихъ «личныхъ стихійныхъ свойствъ», безконечности которыхъ полагается такимъ образомъ извѣстный предѣлъ, необходимый и желательный въ этомъ мірѣ, гдѣ все имѣетъ конецъ.

При подобномъ пониманіи вещей, легче будетъ разобраться и въ поставленномъ выше вопросѣ: кто нашъ ближній—свой? Въ самомъ дѣлѣ,—какимъ общимъ признакомъ объединяются между собой всѣ тѣ *чужіе*, которыхъ мы только что видѣли предъ собою: Кителькутъ, Нуватъ, Якъ, Ятиргикъ, г. Танъ, наконецъ, «спутникъ» г. Горькаго, Шакро? Однимъ общимъ культурно-этническимъ признакомъ: всѣ эти люди, чужіе намъ по своей морали и психологіи, въ то же время являются для насъ чужими и по своей національности. И, мнѣ кажется, что намъ уже давно пора взять за путеводную нить въ лабиринтѣ людскихъ отношеній этотъ именно основной признакъ различенія своихъ отъ чужихъ: всякій русскій долженъ быть для насъ прежде и помимо всего—ближнимъ. Руководствуясь этимъ правиломъ, какъ въ частной, личной жизни, такъ и въ жизни общественной,—въ сферѣ служенія другъ другу мыслью и дѣломъ,—мы многое пріобрѣтемъ вновь и вернемъ многое потерянное. Въ случаяхъ частной жизни мы перестанемъ мало-по-малу попадать въ просакъ, подобно, напримѣръ, многимъ и многимъ современнымъ «интеллигентамъ», не вѣдающимъ, откуда пошло на

Digitized by Google

Руси «марксистское теченіе мысли», или, напримѣръ, подобно г. Горькому—въ его эпизодѣ со «спутникомъ». Въ области взаимоотношеній, на почвѣ общественной мысли и общественнаго дѣла, мы разсѣемъ понемногу тотъ хаосъ взглядовъ, идей, мечтаній, вообще «направленій», какой водворился въ нашихъ умахъ и ослабимъ ту рознь,—доходящую нерѣдко до ненависти,—какая не перестаетъ до сихъ поръ возникать между нами, русскими, въ силу такъ называемаго «несходства въ убѣжденіяхъ». Примѣры подобной розни у насъ ежечасны. Но если мы согласимся между собой—не порывать связи другъ съ другомъ изъ-за различія въ той или другой частности «убѣжденій», разъ что и вы, и я—мы прежде всего русскіе, то будьте увѣрены, что въ концѣ концовъ мы съ вами на чемъ нибудь да столкуемся. Наоборотъ, если я—русскій, а вы еврей, то намъ съ вами лучше и не вступать въ сношенія на почвѣ идей и убѣжденій, да и вообще въ какія бы то ни было сношенія, если, впрочемъ, я не нуждаюсь «до зарѣзу»... въ учетѣ векселя.

Условимся же, разъ и навсегда, считать нашимъ ближнимъ, *своимъ* прежде всего и послѣ всего,—русскаго.

Вотъ г. Горькій, устами своего мужика-архитектора (разсказъ «Мужикъ»), говоритъ, что дворянинъ, а за нимъ и разночинецъ, по его наблюденіямъ, «отцвѣтаютъ». — «Думаю, что дворянинъ и разночинецъ потому такъ скоро... устали жить, что были одиноки. *Родни въ жизни у нихъ не было, работали они для человѣчества* и народа, а это величины мало реальныя и осязательныя... На смѣну имъ идетъ мужикъ, рабочій-интеллигентъ... Посмотримъ, что сдѣлаетъ мужикъ... Но первая его задача—расширять дорогу къ свѣту для своего же брата-мужика, для брата по крови, оставшагося внизу и позади... *Свой братъ—это уже реальность*».

Въ прошлый разъ я назвалъ эти мысли г. Горькаго парадоксальными. Парадоксальность—вообще отличительная черта писаній г. Горькаго. Но та въ отдѣльности мысль, что одиночество нашей интеллигенціи, формировавшейся до сихъ поръ изъ дворянъ и разночинцевъ, обусловливается отсутствіемъ у нея «родни въ жизни» — по моему, вѣрна. Въ своей, — настолько же невоздержной, насколько самомнительной,—«работѣ для человѣчества» интеллигенція естественно оставалась одинокой, безъ «родни въ жизни».

«Что я Гекубѣ и что мнѣ Гекуба»?—таковъ былъ въ сущности жизненный смыслъ взаимоотношеній русской интеллигенціи и—«человѣчества», и, слава богу, что онъ теперь выясняется, выводится на свѣжую воду. «Мало реальной и неосязательной величинѣ»—человѣчеству— г. Горькій противополагаетъ *реальность*—«своего брата-мужика, брата по крови». И эта мысль сама по себѣ заслуживаетъ быть раздѣленной: разумѣется, всякая реальность лучше всякой туманности. Но г. Горькій не замѣчаетъ того, что послѣдующей мыслью о «первой задачѣ—расширять для своего брата-мужика дорогу къ свѣту» онъ, г. Горькій, присуждаетъ свою «реальность» къ слишкомъ короткому существованію. «Дорога къ свѣту»—это, понятно-старая, изъѣзженная дорога «въ интеллигенцію». Столкнутый на, эту фатальную дорогу, сопричисленный къ лику «интеллигенціи», — что же начнетъ дѣлать бывшій мужикъ? О, конечно, онъ

Digitized by Google

примется за ту же работу данаидъ — «работу для человѣчества». Чѣмъ можетъ г. Горькій поручиться намъ за противное?

Да, еслибы мы съ самаго начала нашей «интеллигентной» работы поставили себѣ «первой задачей расширять дорогу къ свѣту» для своего брата — *русскаго*, мы бы, пожалуй, уже многое сдѣлали...

Французская дрейфусіада, ритуальное убійство христіанской дѣвушки въ Чехіи, народныя возстанія антисемитскаго характера въ Алжирѣ, минское, шкловское и многочисленныя, имъ подобныя, еврейскія «дѣла», имѣвшія мѣсто въ нашемъ отечествѣ,—всѣ эти событія послѣдняго времени взорвали, наконецъ, на воздухъ ту плотину «замалчиванія», которую наша якобы «либеральная» печать, казалось, прочно и навѣки нерушимо поставила между русскимъ обществомъ и «еврейскимъ вопросомъ»...

Народившаяся въ концѣ минувшаго года, газета «Сѣверный Курьеръ» неожиданно забормотала о еврейскомъ вопросѣ, еще неожиданнѣе очутившись въ колѣнѣ іудиномъ,—по ту сторону мракобѣсныхъ, завѣдомо жидовствующихъ, «Восхода» и «Новостей». «Сѣверный Курьеръ» принялъ подъ свою княжескую руку еврейскій плебсъ, эксплуатируемый и пригнетаемый морально и матеріально еврейской «аристократіей» (de facto: плутократіей) т. е. тѣмъ именно еврейскимъ классомъ, на стражѣ интересовъ котораго стоятъ «Новости» и «Восходъ» (а за ними и многочисленные другіе, якобы «русскіе», органы). Это фактъ довольно удивительный .. Но прямо ужь чѣмъ то невозможнымъ показалось намъ появленіе антисемитской статьи г. Ренса въ «Спб. Вѣдомостяхъ»... Газета кн. Ухтомскаго занималась доселѣ вопросами польскимъ, финскимъ, даже армянскимъ; еврейскій же вопросъ обходился въ «Спб. Вѣд.»,—какъ и въ девяти десятыхъ нашей печати,—обычнымъ замогильнымъ молчаніемъ. И вдругъ... статья г. Ренса, написанная въ духѣ «Наблюдателя»!.. Въ то время, когда въ нашемъ журналѣ евреи справедливо характеризуются, какъ *паразиты* въ сферѣ общественно-трудовой производительности, фанатики и мракобѣсцы въ религіи, эксплуататоры въ экономическихъ отношеніяхъ и т. д.—какой нибудь «толерантный» органъ воображаетъ обыкновенно, что можетъ спать спокойно: тамъ-де свои читатели, у насъ-де свои; то, что̀ пишется въ «Наблюдателѣ», «наши»-де не читаютъ. (Такъ ли, впрочемъ?! читаютъ усердно, но столько же усердно ругаются). Но когда справедливыя «мысли о евреяхъ» появляются на страницахъ «Спб. Вѣдомостей» [1])—газеты, какъ извѣстно, излюбленной нашими инородцами, т. е. «своими» по отношенію къ «толерантнымъ» органамъ, — послѣдніе уже не могутъ молчать долѣе: «свои» стучатся въ двери «уважаемыхъ», «почтенныхъ» редакцій и требуютъ разъяснить, пояснить, защитить; наконецъ... просто «приказываютъ», потому что всѣ эти «почтенные» и «уважаемые» органы находятся на откупу у своихъ.

---

[1]) «Мысли Ивана Петровича о евреяхъ», Б. Ренса. «Спб. Вѣд.», 1900 г. №№ 53 и 56.

Digitized by Google

Скандалъ съ «Спб. Вѣд.» послужилъ какъ бы сигналомъ къ запруженію «почтенныхъ» и «уважаемыхъ» органовъ нашей журналистики плодовитою еврейской литературой... Безчисленное множество публицистическихъ и беллетристическихъ упражненій сыновъ израиля и ихъ наемниковъ находитъ нынѣ пріютъ въ гостепріимныхъ русскихъ редакціяхъ. Мы здѣсь коснемся юдофильскихъ статей, помѣщенныхъ въ нашихъ «толстыхъ» журналахъ, ибо эти послѣдніе, въ глазахъ большинства публики, должны будто бы пользоваться особымъ «неоспоримымъ» авторитетомъ.

Нашъ обзоръ мы начнемъ со статьи г. Льва Шейниса: «Псевдо-антропологическія основы антисемитизма», напечатанной въ «Русскомъ Богатствѣ» (1900, май). На статьѣ этой слѣдуетъ остановиться нѣсколько подольше: она представляетъ, во 1-хъ, весьма любопытный образчикъ еврейской литературы, а, во 2-хъ, — лишній разъ характеризуетъ «Русское Богатство», какъ журналъ весьма сомнительнаго «научнаго» достоинства. Прежде всего, нужно отмѣтить, что, начавъ съ «антропологіи», г. Л. Шейнисъ окончилъ... «чертою осѣдлости».

Но—по порядку... Первыя три страницы г. Л. Шейнисъ посвящаетъ полемикѣ съ г. Ренсомъ. Это мы оставимъ. Съ четвертой—онъ переходитъ къ «антропологіи антисемитизма», которую тщится объявить «*псевдо*-антропологіей», замѣняя ее своею собственной антропологіей, которую такъ и хочется назвать, по созвучію, «*пейсо*-антропологіей»: пейсы—вотъ несомнѣнный «антропологическій» признакъ еврея, гнетущимъ кошмаромъ глядящій на васъ со страницъ «Русскаго Богатства», ему отведенныхъ.

Я не хочу быть голословнымъ. Опираясь на мнѣнія нѣкоторыхъ антропологовъ, какъ напр., извѣстный Топинаръ и др., г. Шейнисъ проводитъ ту мысль, что существующія между людьми различія въ характерѣ, наклонностяхъ, наружности, — словомъ въ физическихъ и психическихъ свойствахъ, — обусловливаются не столько расовыми особенностями, сколько условіями *среды*, въ которой имъ приходится существовать. «Il n'y a plus de races pures»—приводитъ г. Л. Шейнисъ мнѣніе-афоризмъ Жерди. Расы давно смѣшались, и въ настоящее время «терминъ *раса* прикрываетъ собою нѣчто чрезвычайно расплывчатое» (стр. 90). Вслѣдствіе подобнаго смѣшенія расъ, антропологическіе признаки, характеризующіе принадлежность человѣка къ тому или другому племени, стали неустойчивыми, колеблющимися, не поддающимися точнымъ научнымъ опредѣленіямъ, словомъ — недостовѣрными. На психическія и, въ особенности, на физическія особенности людей вліяетъ уже не столько ихъ расовое происхожденіе, сколько условія окружающей среды въ широкомъ смыслѣ этого слова, т. е. — общеніе съ людьми другихъ расъ, степень экономическаго благосостоянія, климатъ, природа и пр.

Все это, положимъ, до извѣстной степени вѣрно. Желѣзныя дороги, промышленность, искусство, наука и другіе быстро прогрессирующіе факторы культуры способствуютъ быстрому перемѣщенію и смѣшенію наиболѣе имущихъ и образованныхъ классовъ различныхъ народностей. Но, однако, здѣсь рѣчь можетъ идти лишь о

Digitized by Google

народностяхъ *арійскаго* корня. Только между этими послѣдними замѣчается сравнительная свобода въ общеніи, приводящая къ частымъ случаямъ «смѣшенія расъ». Но коснулось ли «смѣшеніе расъ» народности *семитическаго* корня — евреевъ? Вотъ вопросъ, на который г. Шейнисъ, не задумываясь, даетъ утвердительный отвѣтъ. «Многочисленные факты, — говоритъ онъ, — доказываютъ, что въ этомъ отношеніи евреи не представили исключенія изъ общаго правила и что объ ихъ прошломъ нельзя судить по изолированности, въ которой живутъ и жили обитатели современной «черты осѣдлости» (sic!) и средневѣковыхъ гетто (не правда ли,— внушительное сопоставленіе?)». Л. Шейнисъ, разумѣется, хочетъ говорить убѣдительно и указываетъ намъ на эти «многочисленные факты». Каковы же они?

Г. Шейнисъ начинаетъ свою «фактологію» со временъ Моисея, Ездры и Нееміи. Эти пророки, въ краснорѣчивыхъ и убѣдительныхъ выраженіяхъ (см.: Второз., VII, 3; Неем., XIII, 23 — 24; Ездр., кн. I, X, 11), разъ и навсегда предписали-де еврейской расѣ «отлучиться» отъ женъ и мужей «иноплеменническихъ». Слѣдовательно, заключаетъ г. Шейнисъ, — у евреевъ смѣшанные браки были нѣкогда обычнымъ явленіемъ. Правда, существуетъ мнѣніе, что «эти браки имѣли мѣсто съ женщинами *семитической же* группы и потому не могли нанести серьезнаго ущерба чистотѣ типа», но есть «новыя научныя данныя (собранныя Рудольфомъ Вирховомъ), заставляющія *допустить* присутствіе въ древней Палестинѣ индоевропейскаго элемента и которыя «*говорятъ* (?) о смѣшеніи палестинскихъ евреевъ не только съ не-евреями, но и съ не-семитами». Такимъ образомъ, въ отдаленнѣйшія ветхозавѣтныя времена бывали случаи смѣшенія евреевъ съ не-семитами, о чемъ, впрочемъ, можно лишь говорить (съ еврейскихъ же словъ) на основаніи того, что можно «допустить»... Ну, а какъ въ наше время обстоитъ въ еврейской средѣ вопросъ о женахъ и мужьяхъ «иноплеменническихъ»? Почему, напр., г. Шейнисъ не привелъ недавняго факта избѣенія еврейской сворой — дѣвушки соплеменницы, дерзнувшей соединить свою судьбу съ «гоемъ»? Другой фактъ, свидѣтельствующій о «введеніи многочисленныхъ элементовъ въ нѣдра еврейства» — еврейскій прозелитизмъ. Г. Шейнисъ указываетъ на успѣхи еврейской религіозной пропаганды «среди *родственныхъ* евреямъ жителей Аравіи», тотчасъ же оговариваясь, однако, что «эти успѣхи съ *этнической* точки зрѣнія не имѣли особенно важнаго значенія». Но зачѣмъ же въ такомъ случаѣ огородъ городить? Вѣдь въ вопросѣ о смѣшеніи еврейской расы съ другими, не-семитическими, насъ интересуютъ не религіозныя пріобрѣтенія евреевъ, но именно этническія, племенныя. Также къ данному вопросу ничуть не относится упоминаніе г-мъ Шейнисомъ монгольскаго племени хозаръ, обращенныхъ въ іудейство (караимы, населяющіе южную Россію): — извѣстно вѣдь, что караимы *не желаютъ имѣть съ евреями никакихъ личныхъ, а, слѣдовательно, и семейныхъ отношеній*, и еще весьма недавно отвергли попытку евреевъ-талмудистовъ сопричислиться (наружно, разумѣется) къ ихъ обществу. Караимы исповѣдуютъ *законъ Моисеевъ въ его чистомъ видѣ*, свободномъ отъ

Digitized by Google

засоренія и искаженія талмудическими примѣсями, и это коренное отличіе успѣла замѣтить еще императрица Екатерина II-ая, которую талмудисты чуть было не зачислили въ свои покровительницы [1]). Итакъ, еврейскій проселитизмъ съ его успѣхами также ничего не говоритъ намъ противъ того общаго этнографическаго наблюденія, что «смѣшеніе расъ нисколько не коснулось евреевъ» и что евреи до сихъ поръ представляютъ традицію отдѣльной расы—«идеалъ чистаго этноса» (выраженіе Ренана).

Покончивъ съ вышеизложенными «многочисленными фактами», г. Шейнисъ переходитъ ко второй, главнѣйшей, части своей оригинальной антропологіи—къ «условіямъ среды». По его утвержденію, тѣ или другія черты еврейской жизни порождены не «присущими еврейской расѣ неискоренимыми особенностями», но «*внѣшними условіями*, въ которыя она поставлена». Есть, оказывается, на земномъ шарѣ такая «естественная среда», которая самымъ пагубнымъ образомъ дѣйствуетъ на еврея—какъ въ физическомъ, такъ и въ психическомъ смыслѣ... «Среда» эта... Видите ли: французскій врачъ, д-ръ Межъ, констатировалъ появленіе «новаго невро-патологическаго типа вѣчныхъ жидовъ», осаждающихъ клинику Сальпетріеръ, а по справкѣ г. Шейниса оказалось, что эти больные жиды-невропаты—уроженцы... русской «черты осѣдлости»...

«Ларчикъ, значитъ, открывается очень просто»—торжествуетъ г. Шейнисъ:—«эти жалкіе странники—русскіе евреи». Эти «больные» оттого больны, что, родившись «близъ Вильны» и «близъ Варшавы», они съ дѣтства принуждены были «дышать воздухомъ *черты* (курсивъ г. Шейниса,—читай: «черты осѣдлости»).

Вотъ какимъ «кугелемъ» (излюбленное евреями «сладкое блюдо») заканчиваетъ г. Л. Шейнисъ свою псевдо-научную стряпню въ «Русскомъ Богатствѣ»! Пагубною для антропологическихъ и другихъ особенностей еврейской расы «естественной средою» является, какъ изволите видѣть, русская «черта осѣдлости». Уничтожьте только эту «черту»—и еврейство процвѣтетъ, аки кринъ сельный, и его никто уже не попрекнетъ тѣми отвратительными чертами, которыми оно отличается въ настоящее время. Ну, а что, если, съ отмѣною черты осѣдлости, на Руси повторится та же исторія, что и во Франціи и въ Австріи съ еврейской «равноправностью»? Этимъ вопросомъ г. Шейнисъ благоразумно не задается.

Неожиданная мораль антропологическихъ изысканій г. Л. Шейниса, слѣдовательно, ясна: «черта осѣдлости должна быть снята». Это — своего рода «ceterum censeo» текущихъ писаній сыновъ израиля и ихъ приспѣшниковъ. Если вы увидите въ томъ или другомъ «почтенномъ» журналѣ нашихъ дней статью или разсказъ, гдѣ, такъ или иначе, трактуется «еврейскій вопросъ», то знайте напередъ, что вся суть разговора сводится въ концѣ концовъ къ «чертѣ осѣдлости, которая»... etc., etc.

Только что разобранная нами статья преслѣдуетъ, какъ мы видѣли, исключительно еврейскія («антропологическія») цѣли. Кри-

[1]) См. «Наблюдатель» № 10, «Неудачи еврейскихъ конгрессовъ и комиссій».

Digitized by Google

тикъ «Міра Божьяго», г. Ангелъ Богдановичъ, также будучи убѣжденъ въ томъ, что черта осѣдлости есть ничто иное, какъ «*отошедшее въ область преданій* германское гетто», пытается соблазнить русскую публику перспективой личной выгоды, которую она, публика, должна пріобрѣсть тотчасъ же вслѣдъ за возстановленіемъ «нормальнаго порядка вещей» (т. е. въ случаѣ вторженія жидовъ въ коренную Россію). Дѣло вотъ въ чемъ. На Западѣ, гдѣ «гетто отошло въ область преданій», евреи «давно растворились и слились» съ остальными націями, и тамъ «антисемитизмъ — только политическій терминъ, объединяющій массу понятій, ничего общаго не имѣющихъ съ евреями» [1]). (Вы только слушайте, — я ужъ не подчеркиваю). Г. Ангелъ Богдановичъ слишкомъ сжато, и оттого невполнѣ точно, выражается. Поясникъ его слова. «Растворились и слились» — это сказано, конечно, не въ антропологическомъ смыслѣ, т. е., что евреи смѣшались будто бы съ другими націями (выше мы достаточно убѣдились въ «идеальной чистотѣ» еврейскаго «этноса»): «растворились и слились»—это значитъ, что евреи, лишь только «гетто отошло въ область преданій», просто-на-просто расползлись по всей западной Европѣ, какъ тараканы расползаются ночью по крестьянской избѣ. Это нужно замѣтить. Евреи расползлись на Западѣ «во всѣ стороны свѣта бѣлаго» и такимъ образомъ,—дѣйствуя каждый въ отдѣльности, на извѣстномъ другъ отъ друга разстояніи, но *сохраняя, конечно, во всей неприкосновенности* свою расовую солидарность въ дѣлѣ всяческой эксплуатаціи «гоя»,—они сдѣлались тамъ *менѣе замѣтны для простаго глаза,* почти «невидимы». Отсюда и произошло то, что западный антисемитизмъ ничего болѣе собою не представляетъ, какъ «только политическій терминъ, объединяющій массу понятій, ничего общаго не имѣющихъ съ евреями». На Западѣ еврея весьма трудно *изловить* «съ поличнымъ»; тамъ надъ нимъ нѣтъ никакого спеціальнаго надзора, не смотря на всю его завѣдомую вредоносность, и всѣ дороги ему открыты, — ну, а Дрюмону съ Рошфоромъ ничего болѣе не остается, какъ прибѣгать къ антисемитскимъ филиппикамъ, включая въ послѣднія «массу понятій, ничего общаго не имѣющихъ съ евреями», какъ напримѣръ, понятіе объ «отечествѣ», которое г. Ангелъ Богдановичъ ставитъ презрительно въ кавычки. (Жиды, не имѣющіе своего отечества, относятся враждебно къ этому понятію).

Такова радужная перспектива, рисуемая намъ критикомъ «Міра Божьяго». Сдѣлайте такъ, чтобы черта осѣдлости «отошла въ область преданій»; разбросайте сыновъ израиля по всему вашему отечеству — «отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды»... (кстати: почему это Пушкинъ въ своемъ «Памятникѣ», въ числѣ «сущихъ въ Россіи языковъ», не упомянулъ о жидѣ?); врагъ вашъ (отдаемъ справедливость г-ну А. Б.: онъ все жъ таки обмолвился словомъ правды, назвавъ западно-европейскаго еврея «невидимымъ *врагомъ*» христіанскихъ національностей) станетъ неуловимъ или, точнѣе, неизловимъ,—и тогда вашъ антисемитизмъ

[1]) «Міръ Божій», 1900 г. іюнь, «Критическія замѣтки».

Digitized by Google

превратится въ безпочвенный «политическій терминъ». Т. е., другими словами, у васъ явятся Дрюмоны и Рошфоры, которые займутся политической стрѣльбой по воздуху, а евреи изъ-за угла будутъ бить навѣрняка, какъ дѣлаютъ уже и теперь, при номинальномъ существованіи «черты осѣдлости», напримѣръ, въ Шковѣ, гдѣ они хозяйничаютъ совершенно безнаказанно надъ личностью и имуществомъ христіанъ и гдѣ послѣдніе «прячутся отъ нихъ, какъ мухи въ щели», по многимъ свидѣтельскимъ показаніямъ. Недаромъ же кассаціонный сенатъ призналъ въ этомъ злосчастномъ краѣ существованіе *«религіозной и расовой ненависти»*... не со стороны христіанъ къ жидамъ, а какъ разъ наоборотъ!! Объ этомъ сенатскомъ рѣшеніи, конечно, демонстративно промолчали и реббе Нотовичъ, и реббе Стасюлевичъ... Нѣтъ, Ангелъ Богдановичъ! Не знаю, кто вы, но *родной* намъ человѣкъ подобныхъ, совсѣмъ не ангельскихъ, а предательскихъ совѣтовъ давать не можетъ... Вы, вѣроятно, изъ тѣхъ интеллигентовъ, которые «работаютъ для человѣчества», что́ въ наши дни прямо значитъ:—*для жидовъ*.

Прочли мы и статью г-на Друцкаго - Соколинскаго: «Антисемитизмъ на Западѣ и въ Россіи» («Вѣстникъ Европы», 1900 г., августъ). Антисемитизмъ... хлѣбная торговля... правительство... общество... и—опять таки черта осѣдлости!

«Ограниченіе *дѣятельности евреевъ* (по части хлѣбной торговли въ данномъ случаѣ) чертою ихъ осѣдлости и допускаемыя уклоненія отъ этого ограниченія установлены *закономъ*, а потому и не зависятъ отъ *насъ* («законъ», т. е. правительство, и «мы», т. е. «общество»;—игра на этой «антитезѣ» составляетъ постоянное фрондерство «Вѣстника Европы»); но частное, личное отношеніе къ самимъ евреямъ можетъ быть и враждебнымъ, и *участливымъ*. Послѣднее нисколько не воспрещается *закономъ* (sic!). Необходимо принять во вниманіе, что еврейская осѣдлость, это—довольно обширное пространство, густо заселенное, представляющее собою, такъ сказать, израильское царство, цѣлость и замкнутость котораго *искусственно* охраняются нами (т. е.—«закономъ»?) на нашей западной окраинѣ. Враждебность родитъ враждебность и врядъ ли мы, русскіе, православные, имѣемъ право разсчитывать на любовь къ отечеству (мы, русскіе, имѣемъ полное основаніе *не вѣрить* въ какую бы то ни было любовь къ намъ со стороны людей, преслѣдующихъ свои національно-эгоистическія цѣли) со стороны тѣхъ своихъ соотечественниковъ, которыхъ фактически мы таковыми не признаёмъ. Несомнѣнно, *Россія настолько сильна, что вполнѣ можетъ не придавать никакого значенія чувствамъ созданнаго обстоятельствами и охраняемаго ею же израильскаго царства.* Но, находя къ себѣ въ Россіи справедливое участливое отношеніе (со стороны «общества»?), *евреи сами перестанутъ считать себя въ ней пришельцами* (минское и шковское «повстанія» показываютъ, что—уже «перестали!»). Если, наконецъ, мы не можемъ побѣдить въ себѣ *унаслѣдованнаго отъ вѣковъ* (большое удареніе на словѣ: «вѣковъ»!) антисемитизма, — мы должны принять въ соображеніе, что люди, преслѣдующіе всюду только матеріаль-

Digitized by Google

ную выгоду, поражаютъ своею вѣрностью религіи («унаслѣдованной отъ вѣковъ»), отказъ отъ которой былъ бы для нихъ только выгоденъ въ матеріальномъ отношеніи». (Едва ли выгоденъ, потому что сразу лишилъ бы ихъ поддержки кагала, имѣющаго свои финансы, свою юстицію, полицію и свое представительство).

Да, остается лишь поражаться «унаслѣдованной отъ вѣковъ» вѣрности евреевъ своей «религіи», т. е. талмуду и шулханъ-аруху, отказаться отъ которыхъ для семита значило бы — лишиться тѣхъ источниковъ, откуда почерпается вся сила его торгашески-эксплуататорскаго и гое-ненавистническаго духа. Или «Вѣстникъ Европы» не имѣетъ никакого понятія о варварскомъ содержаніи еврейскихъ якобы религіозныхъ кодексовъ, или онъ сознательно «отводитъ глаза» публикѣ!

Итакъ, агитація за отмѣну «черты осѣдлости»—въ полномъ ходу. Мы были бы, однако, весьма наивны, еслибы, основываясь на вышеупомянутыхъ статьяхъ, поспѣшно предположили, что агитація эта идетъ изъ среды россійскихъ пишущихъ интеллигентовъ — и только. Нѣтъ! Въ отмѣнѣ черты осѣдлости, несомнѣнно, заинтересованы не только «русскіе моисеева закона», но «французы» и «нѣмцы» того же закона. Замѣтьте, что агитація въ пользу отмѣны русской черты осѣдлости возникла нынѣ одновременно съ такъ называемымъ «сіонистскимъ движеніемъ»: на одной чашкѣ израильскихъ вѣсовъ кладется Новый Сіонъ (Палестина), на другой—*Россія*. Которая чашка перетянетъ? Несомнѣнно, «сіонизмъ» изобрѣтенъ евреями спеціально для обмана русской «интеллигенціи»; сокровенное же, дѣйствительное «движеніе» евреевъ всего міра направлено не въ Палестину, а именно въ *Россію*. Еслибы, — чего мы безъ ужаса не можемъ даже себѣ представить! — русская черта осѣдлости была на самомъ дѣлѣ упразднена, то евреи, прогоняемые отовсюду дѣйствительно *цивилизованными* народами (изъ Чехіи они бѣгутъ толпами послѣ двукратнаго осужденія кровопійцы Гильзнера), *десятками милліоновъ* хлынули бы въ широко раскрытыя двери Россіи—съ тѣмъ чтобы уже навсегда утереть свои «сіонистскія» слезы. Но мы не отчаиваемся за русскій народъ! Отнынѣ, въ виду грозящаго ему жидовскаго ига, болѣе тяжкаго, чѣмъ крѣпостное право, онъ, охраняется не журнальной ватагой, состоящей «на содержаніи» у кагала, но крѣпкою народною властью, поддерживаемой и ободряемой въ этомъ направленіи всѣми представителями истинно русской національности, неустанно защищающими коренные интересы Россіи, не смотря на всѣ гнусныя подтасовки журнальныхъ «реббе», перерядившихся въ русскій костюмъ.

Homo Novus.

Digitized by Google

Лѣсной путь.

Ѣду боромъ, темнымъ боромъ.
Мѣсяцъ свѣтитъ и плыветъ.
Ночь нѣмая. Каждый кустикъ
Словно дышетъ и живетъ,
Словно дышетъ! Жутко, жутко
Въ этомъ сумракѣ ночномъ—
И невольно вспоминаешь
О минувшемъ, о быломъ.
Полонъ сказокъ о минувшемъ,
Боръ безмолвенъ и угрюмъ;
Не разгонитъ, не развѣетъ
Онъ тревожныхъ жгучихъ думъ.
Что онъ знаетъ, что онъ видѣлъ,
Не разскажетъ онъ о томъ.
Очарованъ, заколдованъ
Самъ онъ спитъ глубокимъ сномъ,
Сномъ глубокимъ... Ѣду боромъ.
Мѣсяцъ свѣтитъ и плыветъ.
Ночь нѣмая. Каждый кустикъ
Словно дышетъ и живетъ.

К.

Digitized by Google

ПОРВАННАЯ СТРУНА.

Разсказъ Ганса Ланда.

I.

Звонокъ.

Фрау Вегенеръ пошла отворять.

— Здѣсь отдается меблированная комната?

Молодой человѣкъ, произнесшій этотъ вопросъ, поднялся въ четвертый этажъ и тяжело дышалъ.

— Здѣсь! — отвѣтила фрау Вегенеръ. — Войдите, пожалуйста.

— Прежде, чѣмъ войти, — заявилъ молодой человѣкъ,—я долженъ предупредить васъ, что больше пятнадцати марокъ платить за комнату не могу. Согласны?

— Да, даже съ кофеемъ!—отозвалась съ улыбкой хозяйка.

— Отлично. Теперь скажу вамъ, что я студентъ и весь день или, по крайней мѣрѣ, бо́льшую часть его сижу дома.

— Это не бѣда.

— Прекрасно. Скажу вамъ также, что къ моимъ прочимъ многочисленнымъ недостаткамъ надо прибавить еще и тотъ, что я сильно курю, и курю изъ длинной трубки. Что́ вы на это скажете?

— Тоже не бѣда.

— Зовутъ меня Фрицъ Винтеръ.

— Ну, и съ этимъ я должна буду помириться!—пошутила фрау Вегенеръ и оба засмѣялись.

— Теперь очередь за вами,—продолжалъ студентъ:—пьете вы на машинкѣ?

— Нѣтъ.

Digitized by Google

— Слава богу! Тишина мнѣ необходима. Не занимаетесь ли какимъ нибудь другимъ стучащимъ или гремящимъ ремесломъ?

— Нѣтъ. Я ухожу прислуживать въ два-три семейства.

— Великолѣпно! Теперь покажите-ка мнѣ мою конуру.

Хозяйка повела новаго жильца въ комнату, предназначавшуюся внаймы. Послѣ осмотра мебели, — причемъ отворялся шкафъ, выдвигались ящики комода и испытывалась прочность оконныхъ задвижекъ,—Фрицъ Винтеръ сказалъ:

— Все въ порядкѣ. По рукамъ, значитъ?

Фрау Вегенеръ протянула ему руку и студентъ собирался уже пожать ее, какъ вдругъ обернулся и, указывая пальцемъ на одну дверь, спросилъ:

— А тутъ живетъ еще кто нибудь?

— Господинъ Венцель...

— Кто такой господинъ Венцель? Другой жилецъ?

— Да... Другой жилецъ... учитель музыки... піанистъ...

— Учитель музыки?—въ ужасѣ воскликнулъ студентъ:—піанистъ?.. Sauve qui peut!.. Вонъ, вонъ отсюда!

Фрицъ бросился къ выходу.

— Да погодите же!.. Господи, прыть какая!.. Выслушайте меня сперва...

— Нѣтъ, нѣтъ! Чего тамъ слушать?

— Да будьте же благоразумны, г. Винтеръ, посмотрите!

Квартирная хозяйка распахнула дверь въ сосѣднюю комнату, которую, по ея словамъ, занималъ учитель музыки...

— Ну, гдѣ вы видите тутъ фортепіано?

— Какъ?..

Студентъ стоялъ съ разинутымъ ртомъ.

— У учителя музыки нѣтъ фортепіано?

— Какъ видите!

Винтеръ подозрительнымъ взглядомъ окинулъ комнату сосѣда.

— Дѣйствительно, нѣтъ. Странно, однако... И онъ никогда не играетъ?—недовѣрчиво допрашивалъ студентъ.

— Коли у него даже инструмента нѣтъ!—печально произнесла фрау Вегенеръ.

— Положимъ, что это обстоятельство представляетъ нѣкоторую гарантію... Однако, постойте, постойте... А это что такое? а?..

Digitized by Google

И онъ бросился къ какой-то странной мебели, притянутой къ окну.

— Это однѣ клавиши.

— Нѣмая клавіатура?.. Этотъ Венцель—превеликолѣпный человѣкъ, какъ я вижу... И ученики его также безшумно упражняются?

— Не знаю. Ну, что жь, остаетесь?

Фрицъ нанялъ комнату.

Стоялъ февраль мѣсяцъ, и было очень холодно.

Въ первый же вечеръ, въ то время, когда Фрицъ занимался установкой своихъ книгъ, кто-то тихо и робко постучался къ нему. За громкимъ «войдите», дверь отворилась и въ комнату вошелъ маленькій, худенькій и сгорбленный старичокъ.

— Меня зовутъ Венцель, — робко заявилъ онъ, глядя голубыми глазами въ полъ:—я вашъ сосѣдъ и желалъ бы обратиться къ вамъ съ вопросомъ.

— Сдѣлайте одолженіе,—отвѣтилъ Фрицъ.

Венцель провелъ рукой по лысому лбу.

— Я хотѣлъ спросить васъ, не позволите ли вы мнѣ вечеромъ, послѣ восьми часовъ, приходить ненадолго въ вашу комнату, на часокъ или на полчасика... Вы, я вижу, топите печь, а я — нѣтъ... Зачастую я ложусь спать уже въ восемь часовъ, потому что у меня въ комнатѣ темно и холодно. А иногда мнѣ хотѣлось бы посидѣть подольше и посмотрѣть на огонь лампы.

— Я по вечерамъ занимаюсь,—отвѣтилъ Фрицъ.

— Мѣшать вамъ я не буду. Я сяду вотъ на этотъ стулъ у печки и не шевельнусь. Съ удовольствіемъ возьму на себя и частицу расхода по топливу...

— Вздоръ какой! Но скажите, пожалуйста, почему вы не ходите сидѣть у хозяйки? Она тоже у себя топитъ и лампа у нея горитъ...

— Я... я, видите ли, съ ней не говорю.

— Что?..

— Да... Я тринадцать лѣтъ не говорю съ ней. А живу здѣсь въ домѣ восемнадцать... Впрочемъ, она женщина хорошая, акуратная...

Старикъ смутился и сунулъ указательный палецъ за черный шейный платокъ, словно онъ душилъ его.

Digitized by Google

— Ну, если вы не разсчитываете на разговорчивость собесѣдника, то милости просимъ,—приходите, когда пожелаете. Хоть каждый день. Только вашего участія въ расходахъ по топливу я не принимаю. Съ этимъ ко мнѣ и не приставайте!

— Очень вамъ благодаренъ.

Венцель подалъ студенту руку и прибавилъ:

— А теперь покойной ночи.

— Какъ? Почему же вы не хотите посидѣть у меня сегодня?

— А развѣ можно?

— Конечно!

Лицо старика сіяло отъ удовольствія.

— Сядьте къ печкѣ. Вотъ вамъ сигара. Мнѣ надо разставить по мѣстамъ книги и еще кое-что прибрать.

— Сигара... Сигара!.. — говорилъ старикъ, принимая ее дрожащей рукой:—знаете ли, сколько лѣтъ я не курилъ?.. Пять!

Фрицъ хотѣлъ что-то спросить, но промолчалъ и подалъ гостю зажженную спичку. Венцель усѣлся у печки и съ наслажденіемъ потягивалъ ароматный дымокъ сигары.

— Вы учитель музыки? — спросилъ студентъ.

— Да.

— Гмъ!—Фрицъ поставилъ на полку толстый фоліантъ.— А я вотъ изучаю ужасную науку.

— Какую?

— Политическую экономію.

Лицо старика выразило недоумѣніе.

— Наука о народномъ хозяйствѣ,—пояснилъ студентъ.

— И это ужасная наука?

— Да; ее такъ и называютъ.

— Какъ можетъ наука быть ужасной?

Студентъ положилъ на полъ книгу, которую держалъ въ рукахъ, повернулся лицомъ къ старику и пристально посмотрѣлъ на него.

— Если хотите,—отвѣчалъ онъ,—всякая наука ужасна. Всякая наука есть продуктъ мышленія. Всякая истина, — а наука представляетъ собою сумму найденныхъ истинъ,—всякая истина, говорю я, должна быть изслѣдована. Первый мыслитель, первый апостолъ науки, былъ несомнѣнно и первымъ несчастнымъ человѣкомъ.

Digitized by Google

— Какъ такъ?

— Да... Что заставило его размышлять? Какое нибудь страданіе. Возьмемъ, напримѣръ, первобытнаго человѣка, у котораго болѣе сильный собратъ похитилъ жену... Вотъ вамъ первое скорбное: *почему?* «Потому что онъ силенъ, а я слабъ». Вотъ вамъ и первый выводъ... И это примѣнимо ко всякому мышленію, ко всякому знанію... Страданія тѣла создали медицину, страданія слабаго—право; страданія, вызванныя сомнѣніемъ — философію; страхомъ — богословіе... если послѣднее можно точно назвать наукой.

— А какія страданія создали науку о народномъ хозяйствѣ?

— Страданіе слабаго, такъ какъ наука о народномъ хозяйствѣ есть часть правовѣдѣнія.

— Почему же именно эта наука называется *ужасной*?

— Потому что она самая младшая. Потому что мы тогда только стали искать ея истинъ, когда страданія, которымъ она обязана своимъ происхожденіемъ, промучили насъ цѣлыя тысячелѣтія... Многое — видите ли — стало намъ теперь ясно, въ особенности въ эти послѣдніе семьдесятъ пять лѣтъ, давшіе намъ Дарвина и тѣхъ, которымъ мы обязаны открытіемъ примѣненія электричества и пара. Все это подняло нашу культуру на неимовѣрную высоту, а если спросить: стала ли больше, отъ этой высоты, сумма общаго счастья? то... врядъ ли можно дать утвердительный отвѣтъ!

— Что такое сумма общаго счастья?

— Я дурно выразился. Я подразумѣвалъ ту часть счастья, которая должна бы прійтись на долю каждаго человѣка. Мы пріобрѣли средства быть болѣе счастливыми, а массы страдаютъ больше чѣмъ когда либо.

— А отчего это происходитъ?—заинтересовался Венцель.

Фрицъ горько засмѣялся.

— Ишь чего знать захотѣли! Вы лучше спросите: «гдѣ истина»? Ее всѣ мыслители, имена которыхъ красуются на этихъ толстыхъ книгахъ, всю свою жизнь искали... Еслибъ найти эту истину, то страданія слабыхъ были бы навѣки прекращены... Ужасная наука разрѣшила бы свою задачу и стала бы чуднымъ откровеніемъ. Но передъ нами—загадка сфинкса... Въ большомъ общественномъ механизмѣ существуетъ

Digitized by Google

какая-то громадная ошибка; неправильное дѣйствіе этого механизма, болѣзненно отзывающееся на насъ, мы должны приписывать этой ошибкѣ.

Произошло минутное молчаніе. Сигара Венцеля потухла; самъ же онъ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за каждымъ словомъ студента, который, стоя передъ книжной полкой, юными устами излагалъ такой серьезный образъ мыслей. Онъ говорилъ, понуря голову, какъ будто стыдился признаваться въ томъ, что изучаемая имъ наука принесла еще такъ мало пользы.

— Возьмите хоть себя,—продолжалъ Фрицъ,—вы человѣкъ старый...

— Семьдесятъ лѣтъ мнѣ...

— Семьдесятъ! Я слышалъ, что вы всю жизнь были честнымъ труженикомъ, были экономны, акуратны—а къ концу этой трудовой жизни, когда силы измѣняютъ, — у васъ нѣтъ ни теплой комнаты, ни вечеромъ лампы.

Венцель молчалъ, уставясь глазами въ одну точку.

— Вы—учитель музыки. Чтобы не умереть отъ холода и голода, вы обязаны обмѣнивать у общества ваши уроки на то, что необходимо для вашего существованія: на пищу, кровъ и одежду. Для того чтобы вы могли пріобрѣтать эти необходимые предметы, надо, чтобы общество нуждалось въ урокахъ музыки, то есть, въ единственной вещи, которую вы можете нести для обмѣна на рынокъ... Но вы должны уже были испытать на себѣ, что общество не въ такой степени нуждается въ урокахъ музыки, чтобы за нихъ удовлетворять всѣ ваши законнѣйшія потребности. Въ освѣщеніи и отопленіи оно уже вамъ отказываетъ!..

Венцель провелъ рукой по глазамъ и всталъ; онъ раза два окинулъ комнату разсѣяннымъ взглядомъ, подошелъ къ Фрицу, пожалъ ему руку и молча вышелъ.

II.

На слѣдующій день, старикъ Венцель вечеромъ къ Фрицу не пришелъ; студентъ, занимавшійся очень прилежно, вспомнилъ о своемъ мерзнувшемъ сосѣдѣ только около 9 часовъ; онъ всталъ, подошелъ къ двери старика и постучался.

Digitized by Google

— Войдите!—крикнулъ Венцель. Фрицъ отворилъ дверь. Старый учитель, закутанный въ пальто, сидѣлъ передъ нѣмой клавіатурой. Огарокъ свѣчки догоралъ возлѣ него на столѣ.

— Вы на меня сердитесь?—спросилъ студентъ.

— Ахъ, какъ могла такая мысль прійти вамъ въ голову?—отвѣтилъ старикъ.

— Зачѣмъ же вы не приходили ко мнѣ? У меня такъ тепло, свѣтло...

— Мнѣ надо упражнять пальцы.

— Вы можете заняться этимъ и у меня. Давайте-ка, снесемъ эту безгласную штуку ко мнѣ.

Венцель вскочилъ, взялъ руку Фрица, пожалъ ее; потомъ выпустилъ, пробормоталъ что-то, снова схватилъ и сталъ гладить ее.

— Ну, впередъ, маршъ! — скомандовалъ Фрицъ, высвободивъ свою руку.

Онъ поднялъ клавіатуру, внесъ ее въ свою комнату и поставилъ около печки. Венцель, войдя за нимъ, затворилъ дверь.

— Вы черезчуръ ужь добры, господинъ Винтеръ! — сказалъ онъ растроганнымъ голосомъ.

— Не теряйте времени, упражняйтесь, — посовѣтовалъ Фрицъ, и нѣкоторое время молча слѣдилъ за неповоротливыми старческими пальцами учителя, прыгавшими по нѣмымъ клавишамъ.

— Этимъ вы поддерживаете бѣглость въ пальцахъ?—спросилъ онъ.

— Бѣглость! — вздохнулъ Венцель: — я никогда не былъ выдающимся піанистомъ, а съ тѣхъ поръ какъ необходимость заставила меня продать фортепіано, то и небольшая техника, которою я обладалъ, исчезла. Отецъ мой былъ органистомъ при Софійской церкви и учителемъ музыки; онъ былъ и моимъ учителемъ. Когда онъ умеръ, всѣ его уроки перешли ко мнѣ. Тогда я былъ еще двадцатилѣтнимъ юношей. Я и теперь учу все въ тѣхъ же семьяхъ... третье поколѣніе. Они, по старой привычкѣ, предоставляютъ мнѣ этотъ заработокъ. Въ молодые годы мнѣ страстно хотѣлось идти дальше, совершенствоваться; но уроки поглощали почти все мое время, а въ немногіе свободные часы я изучалъ теорію музыки, потому что мои свѣ-

Digitized by Google

дѣнія, пріобрѣтенныя отъ отца, были крайне недостаточны. Кромѣ того, мнѣ приходилось изучать новыя пьесы прежде самому, а потомъ ужь давать ихъ ученикамъ... Вы видите, что знанія мои были недостаточны, а жить надо было, да и содержать старшую сестру. Теперь она уже давно умерла.

Такъ говорилъ старикъ и усердно ломалъ на клавишахъ свои пальцы; Фрицъ молча ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Есть у меня одна большая забота, — продолжалъ Венцель.

Фрицъ остановился.

— Пальцы мои отказываются служить; у меня въ рукахъ ревматизмъ, — а проигрывать кое-что самому все таки надо. Это ставитъ меня иногда въ очень непріятное положеніе. Костенѣютъ пальцы,—да и только! Я вотъ и пробую разминать ихъ на этомъ инструментѣ... Оно довольно мучительно, но я готовъ терпѣть, лишь бы была какая нибудь польза...

— Есть у васъ родственники?—перебилъ его Фрицъ.

— Нѣтъ. Я одинъ, какъ перстъ.

Фрицъ молча опустилъ глаза.

— Есть у меня еще и другая забота,—довѣрчиво и озабоченно продолжалъ старикъ. — Я выкладываю вамъ всѣ мои печали, господинъ Винтеръ. Вините въ этомъ вашу доброту.

— Разсказывайте. Какая такая забота?

— Я лишаюсь одной ученицы.

— Вамъ отказали?

— Нѣтъ.

— Ну, такъ дали понять, что уроки ваши больше не нужны?

— Нѣтъ, не то. Дѣло вотъ въ чемъ: у одной дѣвочки, дочери мясника Бонарта,—мать ея тоже была моей ученицей,— великолѣпный слухъ... Три года беретъ она у меня уроки и такъ быстро шла впередъ, что опередила меня самого. Успѣхи ея изумительны... И вотъ я ужь нѣсколько мѣсяцевъ борюсь самъ съ собой... Потерять еще и этотъ урокъ будетъ для меня настоящимъ несчастьемъ. Не знаю, какъ тутъ и быть. Но не слѣдуетъ мнѣ даромъ брать деньги и лишать дѣвочку возможности совершенствовать свой музыкальный талантъ.

Онъ замолчалъ. Руки его соскользнули съ клавишъ и упали на колѣни.

Digitized by Google

— Вотъ какъ иногда нужда заставляетъ насъ быть безчестными людьми... вотъ я ужь три мѣсяца поступаю, какъ настоящій негодяй. У меня не хватаетъ духу дѣйствовать, какъ обязанъ дѣйствовать каждый порядочный человѣкъ...

Старикъ помолчалъ и глухо прибавилъ:

— Но завтра, какъ Богъ святъ, скажу родителямъ дѣвочки всю правду, возстановлю мою честь!

Венцель всталъ и растерянно посмотрѣлъ на студента; онъ какъ будто ждалъ, что юный другъ успокоитъ его щепетильную совѣсть, отсовѣтуетъ ему поступать во вредъ своимъ интересамъ.

— Правда,—продолжалъ онъ упавшимъ, тихимъ голосомъ,—я добровольно лишаю себя куска хлѣба. Черезъ годикъ—другой дѣвочка все равно попадетъ въ другія руки... А старику тоже не слѣдъ бы голодать!

Онъ замолчалъ и снова взглянулъ на Фрица. Тотъ стоялъ лицомъ къ окну и смотрѣлъ на зимній пейзажъ: полная луна освѣщала бѣлый снѣгъ на крышахъ; все кругомъ ослѣпительно сверкало. Обернувшись, студентъ увидалъ передъ собою, въ лицѣ стараго учителя, воплощеніе горя и нужды человѣчества. Съ мольбою во взорѣ ожидалъ онъ отвѣта отъ своего юнаго пріятеля.

Сдѣлавъ надъ собой усиліе, студентъ проговорилъ:

— Завтра вы обязаны возстановить вашу честь, господинъ Венцель!

III.

Въ слѣдующіе затѣмъ дни, Фрицъ Винтеръ напечаталъ въ газетахъ объявленіе, что предлагаютъ уроки фортепіанной игры начинающимъ или недавно начавшимъ. Приходить просятъ между двумя и тремя часами,—время, когда онъ самъ, а также и Венцель, бывали обыкновенно дома.

Студентъ ждалъ, но никто не являлся. Наконецъ, пришелъ какой-то молодой человѣкъ. Фрицъ принялъ его и объяснилъ, что уроки даетъ одинъ опытный учитель, именно его сосѣдъ и другъ—Венцель. Они условились и Фрицъ, сіяя отъ радости, хотѣлъ уже позвать старика, когда новый ученикъ обратился къ нему съ вопросомъ:

Digitized by Google

— Вѣдь я могу брать уроки здѣсь?

Фрицъ испугался.

— Развѣ это необходимо здѣсь?

— Да. Я живу въ меблированныхъ комнатахъ и имѣю право пользоваться хозяйскимъ инструментомъ только полчаса въ сутки.

— И иначе никакъ этого устроить нельзя?

— Нѣтъ,—возразилъ незнакомецъ, — господину Венцелю придется давать мнѣ уроки на его собственномъ инструментѣ.

— Да у него нѣтъ инструмента!

Незнакомецъ выразилъ удивленіе и сожалѣніе, поспѣшно раскланялся и вышелъ.

Между тѣмъ, Венцель сидѣлъ въ своей холодной комнаткѣ у стола. Передъ нимъ лежалъ клочокъ бумажки; въ рукѣ былъ карандашъ. Онъ считалъ. Ясно было, что концы съ концами не сойдутся никоимъ образомъ!.. Да, общество давало ему понять, что жить дольше онъ не имѣетъ права... Старикъ видѣлъ передъ собою это «общество», въ образѣ громаднаго роста женщины съ грубыми чертами лица и безпощаднымъ выраженіемъ въ глазахъ... Она подавала ему пистолетъ и требовала, чтобы онъ немедленно, тутъ же застрѣлился...

Старикъ потеръ глаза и тяжко вздохнулъ. Къ подведенному итогу надо было еще прибавить счетъ сапожника... Господи! То, чего Венцель боялся больше всего на свѣтѣ... больше болѣзни, больше смерти... долги! Они-то именно и обрушились на его голову... Послѣ семидесяти лѣтъ честной труженической жизни, оказаться вдругъ мошенникомъ... Очевидно, что долговъ этихъ ему не заплатить... Впрочемъ, еслибы получить новые уроки... Вздоръ! Этими надеждами онъ уже давно утѣшаетъ себя... А пока все глубже и глубже вязнетъ. Онъ долженъ около двадцати талеровъ одной хозяйкѣ... Пожалуй, ихъ можно выручить, продавъ бюро, нѣмую клавіатуру, старое вольтеровское кресло покойнаго отца и серебряные часы...

Ну, а потомъ? Какъ обойтись безъ этихъ вещей? Вѣдь онѣ ему необходимы... А, впрочемъ, неужели ужь нельзя безъ нихъ обойтись?..

Старикъ всталъ со стула.

Digitized by Google

«Такъ нельзя! Должно же это чѣмъ нибудь кончиться»! мучительно думалъ онъ, надѣвая пальто и шляпу.

— Вы уходите?—спросилъ Фрицъ, когда онъ проходилъ черезъ комнату сосѣда.

— Да. Я выписалъ изъ газетъ нѣсколько адресовъ, гдѣ требуются уроки музыки. Попытаю счастья... у общества!

— Когда вы вернетесь?

— Поздно... Ахъ, я и забылъ вамъ сказать, что встрѣтился утромъ съ моей лучшей ученицей... маленькой Бонартъ, отъ которой я рѣшилъ отказаться... и ужъ привелъ это въ исполненіе... Ну, она разсказывала мнѣ о своемъ новомъ учителѣ. Артистъ, говоритъ, необыкновенный. Сегодня вечеромъ онъ даетъ концертъ. Дѣвочка съ родителями идетъ въ концертъ, и мнѣ подарила билетъ.

— И вы пойдете?—спросилъ Фрицъ.

— Непремѣнно! Я ужъ богъ знаетъ, сколько лѣтъ не слыхалъ хорошей музыки. Прощайте, господинъ Винтеръ.

— Дай Богъ счастья!—сказалъ Фрицъ.

Но доброму пожеланію студента не суждено было сбыться. Ни одного урока старый Венцель не нашелъ: у однихъ учитель былъ уже взятъ, другимъ былъ нуженъ молодой, третьи хотѣли еще подумать, и т. д.

Венцель даромъ обивалъ пороги. Было уже совсѣмъ темно, когда онъ позвонилъ у послѣдняго дома, гдѣ тоже получилъ отказъ. Медленно спускался онъ съ лѣстницы, а въ головѣ его молоткомъ стучала мысль: «что мнѣ дѣлать»?

У подъѣзда онъ остановился. Опершись на палку и стиснувъ зубы, онъ стоялъ и смотрѣлъ себѣ подъ ноги. «Что жъ теперь дѣлать»?

Онъ поднялъ голову, взглянулъ вверхъ и пошелъ.

Когда онъ дошелъ до академіи, гдѣ давался концертъ, экипажи вереницей тянулись къ стоявшему особнякомъ дому. Слышно было, какъ дверцы каретъ хлопали одна за другой; мужчины въ сюртукахъ выскакивали изъ экипажей и высаживали своихъ дамъ, закутанныхъ въ мѣховыя ротонды и кружевные платки; пѣшеходы толпами подходили къ кассѣ, гдѣ давка была страшная.

У вѣшалокъ суета и тѣснота: ливрейные лакеи снимали верхнее платье со своихъ господъ, уносили его и клали въ эки-

Digitized by Google

пажи. Люди болѣе скромные напрасно просили приставленныхъ къ платью слугъ поскорѣе отпустить ихъ. Венцель не безъ труда протискивался сквозь суетившуюся толпу и вошелъ въ большую,—сіяющую огнями и уже почти полную,—залу. Публика, стоя нарядными группами, разговаривала вполголоса. Брилліанты сверкали; шолковыя ткани шуршали, глаза дамъ сіяли оживленіемъ и кокетствомъ. Венцель слегка почистилъ рукой свой сильно потертый сюртукъ и сѣлъ на свое мѣсто.

Рояль громадныхъ размѣровъ стоялъ на эстрадѣ. Зала наполнилась совершенно. Средняя изъ трехъ дверей съ красными драпировками, находившихся на другомъ концѣ залы, отворилась и изъ нея вышелъ худощавый мужчина во фракѣ, съ небрежно всклокоченной гривой на головѣ. Публика стала аплодировать, въ видѣ привѣтствія и поощренія. Длинноволосый концертантъ, не торопясь, поднимался по лѣсенкѣ на эстраду и въ то же время неловко раскланивался. Дойдя до рояля, онъ еще разъ поклонился и сѣлъ передъ инструментомъ. Тутъ онъ откинулъ назадъ густыя пряди волосъ, разъ десять двинулъ въ разныя стороны стулъ, на которомъ сидѣлъ, самъ усаживался на немъ въ нѣсколько пріемовъ и, наконецъ, усѣлся. Какъ разъ въ этотъ же моментъ въ залу вошелъ мясникъ Бонартъ съ женой и дочкой. Онъ былъ одѣтъ по праздничному, и высокій, крахмальный воротникъ его рубашки, казалось, причинялъ ему непривычное мученіе. Въ рядахъ повертывали голову въ сторону опоздавшихъ; на нихъ бросали недовольные взгляды, по ихъ адресу говорили колкости. Руки длинноволосаго артиста, уже поднявшіяся было надъ клавишами, опустились на колѣни; онъ бросилъ негодующій взглядъ на Бонарта съ семействомъ. Мясникъ немного смутился, а бывшая маленькая ученица Венцеля, увидавъ стараго учителя, ласково улыбнулась и кивнула ему головой.

Раздался могучій аккордъ и взоры всѣхъ устремились на эстраду. Артистъ высоко поднялъ костлявыя руки и, словно въ сердцахъ, еще разъ ударилъ по клавишамъ. Великолѣпный рояль загудѣлъ подъ сильными ударами, а затѣмъ сталъ издавать болѣе мягкіе звуки. Къ сердитымъ аккордамъ начали примѣшиваться шутливыя, прыгающія нотки. Руки играющаго скользили по клавишамъ; онъ точно ласкалъ инструментъ, и

Digitized by Google

рояль, обрадованный этой благосклонностью, весело запѣлъ. Послышались живыя мелодіи, словно бабочки порхали надъ цвѣтникомъ; ручейки журчали при тепломъ лѣтнемъ вѣтрѣ вечерней порой, улыбались невинныя, дѣтскія личики. При этомъ чудилось, что у піаниста, вмѣсто двухъ рукъ, стало четыре: онѣ мелькали тутъ и тамъ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ разомъ... Вотъ одна рука отдыхаетъ, между тѣмъ какъ другая заставляетъ звонить высокія ноты, на подобіе колокольчиковъ; затѣмъ лѣвая рука усиленно заработала въ басу, а правая быстро перебѣгаетъ отъ дисканта въ область низкихъ, мрачныхъ тоновъ. Безчисленные, какъ дождевыя капли, звуки прыгали и вертѣлись до тѣхъ поръ, пока гулкій аккордъ не разогналъ ихъ, какъ безпокойныхъ и задорныхъ эльфовъ, и не обратилъ все волшебство въ прахъ. Поднялось жалобное пѣніе. Казалось, будто одиночество разговаривало само съ собою, будто оно жаловалось, что все оживленіе исчезло, смѣхъ и шутки прекратились. Полные звуки поднимались изъ какой-то глубины и пѣли о скорби, которая собиралась истерзать человѣческое сердце. Но вдругъ раздался рѣзкій сигналъ, похожій на трубный звукъ. Умолкла пѣсня. Еще разъ,—какъ бы наверху, въ облакахъ,—прогремѣлъ призывъ, а въ отвѣтъ ему, изъ глубины, прозвучало ликованье... Точно съ неба посылалось утѣшеніе несчастнымъ, на которое восторженно отвѣчали снизу. Но вотъ раздался гимнъ: солнце, земля и хоръ звѣздъ, должно быть, пѣли его; временами слышался голосъ бури, шумѣло море. Вся вселенная слилась въ гимнѣ...

Съ перваго аккорда Венцель былъ очарованъ: онъ то закрывалъ глаза и улыбался, то широко открывалъ ихъ и тяжело дышалъ, откидываясь, какъ бы въ изнеможеніи, на спинку стула. То онъ лихорадочно-горящими глазами слѣдилъ за руками піаниста, который, казалось, имѣлъ въ своемъ распоряженіи не десять, а сто пальцевъ; то онъ вытягивался къ верху и словно поглощалъ въ себя шумный потокъ звуковъ, устремляя вдохновенный взглядъ на потолокъ, а крупныя слезы лились, между тѣмъ, неудержимо по его старческимъ щекамъ. Когда раздались звуки гимна и вся вселенная возликовала, онъ не выдержалъ и зарыдалъ...

Піанистъ кончилъ. Глубокая тишина воцарилась въ залѣ,—та тишина, которая служитъ артисту выраженіемъ полнаго

Digitized by Google

успѣха. Самъ виртуозъ сидѣлъ у рояля въ изнеможеніи, съ такимъ видомъ, какъ будто онъ не скоро будетъ въ состояніи снова поднять руки на клавиши. Забылъ ли онъ о себѣ и объ окружающихъ?..

На полъ упалъ вѣеръ и сознаніе вернулось. Раздался громъ рукоплесканій. Публика, неистово шумя, выражала свой восторгъ.

Венцель вскочилъ съ мѣста и опрометью выбѣжалъ изъ залы.

— Видѣлъ ты, съ какимъ лицомъ старикъ Венцель выбѣжалъ изъ залы?—спросила фрау Бонартъ своего мужа.

— Хе, хе!—засмѣялся толстый мясникъ: — онъ испытываетъ то, что должна была испытывать старая почтовая карета, когда мимо нея промчался, свистя и пыхтя, первый курьерскій поѣздъ!

IV.

Фрицъ, тѣмъ временемъ, сидѣлъ дома и занимался.

Противъ обыкновенія, онъ что-то очень часто посматривалъ на часы и работа его не спорилась, какъ бывало. Уже такъ поздно, а все еще...

Въ сѣняхъ громко заговорили. Фрицъ улыбнулся. Дверь въ его комнату съ шумомъ отворилась и влетѣла хозяйка.

— Представьте, господинъ Винтеръ...

— Что случилось?—спокойно освѣдомился студентъ.

— Подумайте! Старикъ-то нашъ... Венцель... Фортепіано!.. Я въ себя прійти не могу!..

— Да что такое?

— Подумайте... Нѣтъ, это невозможно! Фортепіано несутъ... Онъ велѣлъ принести къ себѣ фортепіано... Что вы на это скажете?

— Наконецъ-то высказались! Фортепіано это поставится въ мою комнату,—сказалъ студентъ.

— Что?..

— Да, да, сюда. Комодъ примите.

— Но какъ же такъ, господинъ Винтеръ?.. Сперва вы хотѣли бѣжать изъ квартиры отъ одного лишь подозрѣнія, что есть фортепіано... а теперь вдругъ ставите къ себѣ въ комнату...

Digitized by Google

Хозяйка недоумѣвала.

— Надо и уши свои подчинить любви къ ближнему,— взволнованно пошутилъ юноша.—Сюда, сюда!—крикнулъ онъ топавшимъ носильщикамъ...—Принесли условіе?

— Какъ же-съ!

Инструментъ поставили, и фрау Вегенеръ ходила кругомъ него, какъ кошка. Фрицъ потиралъ руки и посвистывалъ. Настроеніе его было самое праздничное.

— Что онъ скажетъ, когда вернется? — радостно бормоталъ онъ.

— Какъ? Онъ ничего не знаетъ?—всплеснула руками хозяйка.

— Ничего. Это сюрпризъ нашему старичку!

Фрицъ схватилъ фрау Вегенеръ за талію и сталъ вертѣться съ нею по комнатѣ.

Старуха отмахивалась и пищала.

— Фу! Закружили совсѣмъ,—освободилась она, наконецъ, запыхавшись.—Шалунъ какой!

— Мы приподносимъ обществу щелчокъ. Давно хочется мнѣ ножку ему подставить. Ура!!

И серьезный политико-экономъ даже подпрыгнулъ.

Вдругъ раздался рѣзкій звукъ. Фортепіанная струна уныло завибрировала.

— Что это?—спросилъ озадаченный Фрицъ.

— Струна лопнула,—отвѣтила хозяйка.

— Струна?..—Студентъ провелъ рукой по лбу:—да... Это, вѣрно, отъ перемѣны температуры... На дворѣ холодно, а здѣсь жарко!..

Колебанія, произведенныя въ воздухѣ рѣзкимъ звукомъ лопнувшей струны, еще продолжались, когда позвонили у входной двери.

— Это онъ! — произнесъ Фрицъ и хотѣлъ было бѣжать отворить.—Нѣтъ, впустите его лучше вы, — прибавилъ онъ, обращаясь къ хозяйкѣ, — но ни однимъ словомъ не проговоритесь!.. Да вотъ еще что...

Звонокъ раздался вторично.

— Погодите, пусть потомится... Скажите, почему онъ не говоритъ съ вами?

— Лѣтъ десять тому назадъ, онъ мнѣ что-то разсказы-

Digitized by Google

валъ... совсѣмъ обыкновенное.. а я ему совершенно невинно сказала: «не правда»! Съ тѣхъ поръ онъ и обидѣлся...

Позвонили въ третій разъ.

Хозяйка побѣжала къ входной двери, а Фрицъ бросился къ фортепіано, поднялъ крышку надъ клавишами и сталъ однимъ пальцемъ наигрывать мотивъ: «Ach du, mein lieber Augustin»!

Кромѣ этого, онъ ничего не умѣлъ. Играя, студентъ улыбался и думалъ: «вотъ старикъ стоитъ за дверью и слышитъ непривычные, божественные звуки... Думаетъ, что онъ ошибся... позвонилъ у чужой двери»...

— Вамъ!—произнесла хозяйка, подавая Фрицу письмо.

— Кто принесъ?

— Посыльный.

Фрицъ разорвалъ конвертъ. Письмо было отъ Венцеля.

«Всѣ мои вещи принадлежатъ фрау Вегенеръ; только новые сапоги, которые стоятъ подъ кроватью, прошу ее возвратить сапожнику. Старый портретъ моей матери завѣщаю моему молодому другу Фрицу Винтеру. Я очень люблю его и жму ему руку. Обиду, нанесенную мнѣ доброй хозяйкой, я отъ души прощаю и благодарю за заботы обо мнѣ. Я семьдесятъ лѣтъ пользовался подаяніями общества; оно относилось ко мнѣ снисходительно. Мѣны между нами не было; мнѣ нечего было давать ему въ обмѣнъ! Я просто принималъ незаслуженные подарки и долго былъ ему въ тягость. Призываю на него божье благословеніе. А теперь пора мнѣ умереть... Я зажился и усталъ. Прекрасенъ міръ, прекрасны и люди, но прекраснѣе всего на свѣтѣ — святое, великое искусство. Сегодня я видѣлъ его и умираю счастливымъ! *Фердинандъ Венцель*».

На другой день тѣло стараго учителя вытащено было изъ воды.

Конецъ.

Digitized by Google

Андрей Степановичъ Вороновъ.

Digitized by Google

А. С. Вороновъ.

(Съ портретомъ),

Четверть вѣка тому назадъ, 19 ноября 1875 г., скончался въ Петербургѣ членъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, тайный совѣтникъ *Андрей Степановичъ Вороновъ*, человѣкъ весьма популярный въ то время, по своей педагогическо-административной и учено-литературной дѣятельности, искренно уважаемый и любимый всѣмъ обширнымъ кругомъ его друзей, знакомыхъ и подчиненныхъ. Вся жизненная карьера его свидѣтельствовала о выдающихся дарованіяхъ, неустанномъ трудолюбіи, честныхъ убѣжденіяхъ и рѣдкой сердечной отзывчивости на все доброе и хорошее. За погребальною колесницею покойнаго шелъ буквально *весь образованный Петербургъ*, начиная отъ Владимірской церкви и вплоть до Митрофаніевскаго кладбища, гдѣ онъ нашелъ себѣ послѣднее успокоеніе послѣ тяжелой борьбы, пережитой имъ, всѣми нервами и головой, въ памятную эпоху водворенія классицизма...

Андрей Степановичъ родился въ 1819 г. въ олонецкой губ. (по выдержанности своего характера и по упорству въ житейской борьбѣ, онъ любилъ называть себя *кореломъ*) въ небогатой семьѣ и, окончивъ курсъ въ петрозаводской гимназіи, былъ принятъ въ петербургскій университетъ, при содѣйствіи извѣстнаго профессора А. В. Никитенки, сдѣлавшагося впослѣдствіи его ближайшимъ другомъ. Пройдя затѣмъ всѣ учебныя должности отъ преподавателя гимназіи до директора (5 и 2-ой спб. гимназій) А. С. Вороновъ закончилъ свою служебную карьеру предсѣдателемъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія (при А. В. Головнинѣ), а съ этой должности,—по несогласію съ новымъ направленіемъ средняго образованія,—перемѣщенъ гр. Д. А. Толстымъ въ совѣтъ министра народнаго просвѣщенія. Но, и не соглашаясь съ Вороновымъ въ указанномъ вопросѣ, гр. Толстой умѣлъ оцѣнить въ немъ и стойкость убѣжденій, и глубокое педагогическое образованіе. Не насилуя личной совѣсти своего сотрудника, отстаивавшаго совершенно другой типъ общаго образованія, но и не желая вмѣстѣ съ тѣмъ отказаться отъ его полезнаго содѣйствія въ другихъ сторонахъ дѣятельности министерства, гр. Толстой поручилъ ему составленіе *министерскихъ отчетовъ*—по университетамъ и по народному образованію (при участіи Воронова, вырабатывались и университетскій уставъ 60-хъ годовъ, и положеніе о народныхъ школахъ). Немало хлопоталъ Вороновъ о сохраненіи этого университетскаго устава, отстаивая его отъ нападокъ московской партіи! Ему же принадлежитъ мысль о введеніи у насъ *обязательнаго народнаго образованія* въ тѣхъ областяхъ, гдѣ оказалось бы достаточное количество народныхъ школъ—и гр. Д. А. Толстой съ большимъ сочувствіемъ принялся

Digitized by Google

было за осуществленіе этой мысли. Свой планъ постепеннаго введенія у насъ обязательнаго обученія А. С. Вороновъ наложилъ въ статьѣ, напечатанной въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1875 года, незадолго до его кончины. Эта статья, выработанная Вороновымъ послѣ долгихъ обсужденій въ дружескомъ кругу, была передана черезъ мое посредство Г. З. Елисееву. Кромѣ того, Воронову принадлежитъ солидный трудъ, увѣнчанный демидовской преміей: «Историко-статистическое обозрѣніе учебныхъ заведеній спб. учебнаго округа съ 1715 по 1828 г. включительно»; прекрасный очеркъ: «Ѳ. И. Янковичъ-де-Мириево и народныя училища въ Россіи при императрицѣ Екатеринѣ II-й», и цѣлый рядъ публицистическихъ статей въ «Голосѣ» и другихъ газетахъ по вопросамъ высшаго, средняго и низшаго образованія въ Россіи.

Мое личное знакомство съ этимъ замѣчательнымъ дѣятелемъ нашего народнаго просвѣщенія началось въ концѣ 60-хъ годовъ и скоро перешло въ тѣсную дружбу, свидѣтельствомъ которой у меня сохраняется немалое количество его писемъ, которыми онъ обмѣнивался со мною, по интересовавшимъ его вопросамъ, во время моихъ лѣтнихъ отдыховъ въ Тамбовѣ. Этимъ матеріаломъ, въ связи съ личными воспоминаніями объ Андреѣ Степановичѣ, я не премину воспользоваться въ моихъ литературныхъ мемуарахъ, а покуда приведу только одинъ отрывокъ изъ письма, помѣченнаго: «*Шувалово*, 30 іюля 1875 г.».

«Милѣйшій Александръ Петровичъ. На одно письмо къ Вамъ, отосланное, кажется, 10 іюля, я еще не получилъ отвѣта, да, вѣроятно, и Вы не получили этого письма, уѣхавши въ Саратовъ. Вотъ уже и лѣто близится къ концу, а лѣто было благопріятное для дачной жизни, и я покупался вдоволь. Огчетъ мой (по министерству) тоже идетъ къ концу и черезъ недѣлю я уже совсѣмъ порѣшу его. Всему на свѣтѣ бываетъ конецъ. На дняхъ забрелъ ко мнѣ А. В. Никитенко. Что за милѣйшій человѣкъ! Время провели съ нимъ отлично, гуляли по лѣсамъ и услаждались, какъ водится, и «холодненькимъ», которое въ жаркую пору особенно пріятно. Между прочимъ, онъ высказалъ мнѣ истину, значеніе которой понимаешь хорошо только подъ старость: «нѣтъ ничего на свѣтѣ лучше истиннаго друга, и горе тому, кто не съумѣлъ припасти его подъ старость» [1]).

И дружба такихъ людей не оставляла Воронова до дня его смерти.

Въ настоящее время, какъ извѣстно, въ министерствѣ народнаго просвѣщенія идетъ пересмотръ программъ нашихъ классическихъ гимназій. Будемъ надѣяться, что умные, добросовѣстные проэкты А. С. Воронова,—сохраняющіеся вмѣстѣ съ объяснительными записками въ архивѣ министерства,—не будутъ оставлены безъ вниманія организованною ad hoc комисіей...

А. Пятковскій.

---

[1]) Въ своемъ «Дневникѣ» А. В. Никитенко всегда съ большою любовью упоминаетъ о благородной личности А. С. Воронова. Кромѣ того, А. С. пользовался искреннею дружбою знаменитаго художника и прекраснаго человѣка А. П. Боголюбова.

Digitized by Google

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Президентъ Крюгеръ на европейской почвѣ. — Встрѣча Крюгера французскимъ народомъ и правительствомъ.—Отказъ императора Вильгельма II принять доблестнаго президента Трансваальской республики.—Возможно ли рѣшеніе англо-трансваальской войны третейскимъ судомъ?—Правительственное сообщеніе о русско-китайской войнѣ. — Отсутствіе почвы для рѣшенія китайскаго вопроса.—Мародёрство европейскихъ войскъ въ Китаѣ.—Пренія о китайской войнѣ въ германскомъ рейхстагѣ.—Событія на Ближнемъ Востокѣ.—Движеніе Австріи на Балканскій полуостровъ.—Новыя теченія въ Ватиканѣ.—Происки католичества въ славянскихъ земляхъ.—Новый галицкій митрополитъ.—Памяти архипастыря Іосифа Сембратовича.—Албанскія звѣрства въ Македоніи.

Предъ лицомъ всего міра происходитъ душу потрясающее зрѣлище: доблестный, престарѣлый президентъ Трансваальской республики, Павелъ Крюгеръ, пріѣхалъ въ Европу просить помощи и заступничества противъ могущественнаго государства, неразборчиваго въ средствахъ для достиженія своихъ корыстныхъ цѣлей и именуемаго на международномъ языкѣ «разбойницей морей». Цѣль поѣздки Крюгера въ Европу—далеко не одно желаніе поправить разстроенное и пошатнувшееся здоровье подъ напоромъ разразившейся надъ его народомъ страшной бури, сметающей все на пути своего варварскаго шествія и грозящей уничтоженіемъ самого существованія боэрскаго народа. Крюгеръ не могъ оставить свой народъ въ такую критическую минуту,—въ минуту, когда идетъ вопросъ о жизни и смерти этого славнаго и доблестнаго народа. Задача его поѣздки—найти помощь и заступничество у Европы противъ Англіи.

Прошелъ уже цѣлый годъ съ того дня, какъ британскіе «комерсанты», каковыми,—по словамъ ректора глазговскаго университета,—должны быть всѣ сыны гордой и могущественной Британіи, начали проливать кровь честныхъ, мирныхъ фермеровъ. Въ Европѣ эта рѣзня встрѣчена была горячимъ протестомъ со стороны всѣхъ народовъ; вездѣ и повсюду собирались митинги, на которыхъ обсуждалась предпринятая англичанами же-

Digitized by Google

стокая и гнусная охота. Хранили упорное молчаніе дипломаты, — эти вершители судебъ народовъ. Они глухи къ воплямъ женщинъ и дѣтей, родителей и мужей которыхъ безпощадно избиваютъ англичане; до нихъ, повидимому, не доносятся стоны народа,—погибающаго подъ варварскимъ натискомъ «просвѣщенныхъ» англичанъ,—народа, вся вина котораго состоитъ въ томъ, что природа щедрою рукою наградила ихъ алмазными розсыпями и золотыми пріисками. Дипломатовъ не трогаетъ даже то геройство, съ какимъ ничтожное 40-тысячное войско продолжаетъ не безъ успѣха защищать свою страну противъ арміи, насчитывающей въ своихъ рядахъ до 300 тысячъ, если не бравыхъ и храбрыхъ, то, во всякомъ случаѣ, здоровыхъ и крѣпкихъ солдатъ. Ихъ даже не возмутилъ грубый фактъ,—противный международному праву цивилизованныхъ народовъ,—фактъ объявленія лордомъ Робертсомъ о присоединеніи Трансваальской республики, еще далеко нѣ завоеванной, къ владѣніямъ Британской имперіи. Ихъ ничто не трогаетъ; они ко всему равнодушны...

Глава этого заколдованнаго, обладающаго сверхъестественною силою, народа — семидесятипятилѣтній старикъ, съ удивительнымъ мужествомъ переносящій выпавшія на его долю несчастія, надѣющійся не на пушки Максима и митральезы, а на помощь Того, которому не страшны всѣ эти истребительныя орудія человѣческаго генія, — рѣшился пріѣхать въ Европу за нравственною помощью и поддержкою. Страна, на почву которой онъ прежде всего вступилъ, — это Франція. Громадная толпа народа, многочисленныя депутаціи, привѣтствовали Крюгера восторженными криками въ Марсели, гдѣ онъ высадился съ голландскаго парохода «Гельдерландъ». Восторгъ французской толпы, встрѣчавшей Крюгера, не былъ вспышкой минутнаго восторга, на который большіе мастера французы:— толпа была наэлектризована не однимъ появленіемъ маститаго старца. Ее наэлектризовала болѣе чѣмъ годовая борьба боэровъ съ врагомъ, въ сотни разъ его превосходящимъ. Сочувствіе къ нимъ пробудилось съ первыхъ же дней борьбы, и все время не угасало.

На улицахъ Марсели продавались портреты Крюгера, почтовыя карточки съ его изображеніемъ, стихи въ честь его и пѣсни. Съ англичанъ, не желавшихъ поклониться при проѣздѣ Крюгера, толпа сбивала шапки и освистывала ихъ. Нахальство англичанъ въ Марсели было выдающееся: съ балкона «Hôtel de Louvre» они дразнили толпу, бросая въ нее мелкую мѣдную монету, морковь и картофель. Это еще болѣе озлобило толпу противъ англичанъ, и, не прими мѣръ полиція, — ихъ сбросили бы съ балкона.

Парижъ съ еще большею торжественностью встрѣтилъ доблестнаго президента. Его принимаютъ офиціально, какъ главу государства; по улицамъ его окружаетъ эскортъ кирасиръ, ему воздаютъ военныя почести, играютъ его національный гимнъ; ему дѣлаютъ визиты всѣ члены каби-

Digitized by Google

нета. Безчисленныя депутаціи осаждали его цѣлый день. «Hôtel de Ville» принималъ его въ своихъ стѣнахъ не какъ знатнаго путешественника, а какъ главу государства. Площадь предъ думой была залита народомъ, «виваты» гремѣли, какъ громъ. Съ балкона «Hôtel de Ville» президента привѣтствовалъ парижскій народъ. Во всеуслышаніе всего міра онъ заклеймилъ варварство англичанъ.

«Я говорилъ о варварствѣ. Несомнѣнно, еслибы могли знать всю правду о томъ, что происходитъ въ Трансваалѣ, то нашли бы, что это опредѣленіе недостаточно, чтобы выразить, сколько ужаса и горя терпитъ страна». Глубокая вѣра въ свою идею, въ ея успѣхъ, сказалась въ заключительныхъ словахъ Крюгера: «Пріемы, подобные тѣмъ, которые были организованы въ Парижѣ, послужатъ къ проникновенію въ народную душу принципа арбитража и тѣмъ утвердятъ миръ среди націй. Я надѣюсь, что это будетъ конечнымъ результатомъ вашихъ кликовъ. Насколько я радуюсь теперь, настолько буду омраченъ, если отъ этого восторженнаго пріема *останется лишь эхо шумныхъ овацій*».

Весь міръ слѣдилъ за блестящимъ пріемомъ, оказаннымъ Крюгеру французскимъ народомъ и французскимъ правительствомъ. Печать всѣхъ странъ,—за исключеніемъ, конечно, англійской,—привѣтствовала пріѣздъ Крюгера въ Европу. Вѣнская газета «Deutsche Zeitung» напечатала статью, въ которой она нападаетъ на Англію и высказываетъ свою радость по поводу сочувствія, встрѣченнаго президентомъ Трансваальской республики въ Парижѣ. Свою статью названная газета заключаетъ слѣдующими словами:

«Пусть теперь великія державы докажутъ, желаютъ ли онѣ, подобно Португаліи, унизиться передъ Англіею».

Другія австрійскія газеты требуютъ, чтобы державы, по крайней мѣрѣ, отказались признать присоединеніе южно-африканскихъ республикъ къ англійскимъ владѣніямъ.

Газеты «Vaterland» и «Volksblatt» заявляютъ, что такъ какъ британское правительство еще не заявило державамъ офиціально о присоединеніи Трансвааля и Оранжевой республики, то въ настоящее время ничто не можетъ воспрепятствовать вмѣшательству державъ въ кровавую распрю Великобританіи съ боэрами.

Встрѣча и пріемъ Крюгера были торжественны. Но невольно является вопросъ: будетъ ли какая либо *реальная* польза для того дѣла, ради котораго онъ рѣшился оставить свою страну въ столь критическій для нея моментъ и пуститься въ далекое плаваніе? Какую бесѣду онъ велъ съ Делькассэ—это покрыто мракомъ неизвѣстности... Объ этомъ можно только догадываться и предполагать.

Отъ лицъ, окружающихъ президента Крюгера, парижскій корреспондентъ «Frankfurter Zeitung» узналъ, что въ бесѣдѣ съ французскимъ ми-

Digitized by Google

нистромъ иностранныхъ дѣлъ Крюгеръ ограничивался лишь зондированіемъ намѣреній французскаго правительства и его отношеній къ посредничеству державъ между Англіей и Трансваалемъ.

Бесѣда Крюгера съ Делькассэ,—пишетъ корреспондентъ,—велась въ общихъ и неопредѣленныхъ выраженіяхъ. Крюгеръ не ставилъ точныхъ вопросовъ и лишь намеками зондировалъ почву. Делькассэ далъ ему понять, что Франція не возьметъ на себя никакой иниціативы, но что, съ другой стороны, она не будетъ противиться вмѣшательству и даже присоединится къ нему, если оно будетъ сдѣлано при обстоятельствахъ, заслуживающихъ ея одобренія. Крюгеръ не сдѣлалъ никакихъ предложеній и искусно скрылъ свои дальнѣйшія намѣренія.

Отъѣздъ Крюгера изъ Парижа былъ очень трогателенъ и торжественъ. Заимствуемъ изъ «Temps» описаніе нѣсколькихъ моментовъ отъѣзда трансваальскаго президента изъ Парижа.

«Часъ отъѣзда приближался. Члены «Комитета независимости боэровъ» спустились къ выходу изъ отеля, чтобы составить кортежъ президенту. Онъ же въ послѣдній разъ вышелъ на балконъ. Когда толпа увидѣла его, поднялась буря восторженныхъ кликовъ; всѣ головы обнажились, а надъ ними заколыхалось море шляпъ, которыми манифестанты махали въ знакъ привѣтствія. Трансваальскій президентъ низко кланялся толпѣ. Онъ переходилъ отъ одного конца балкона къ другому, чтобы дать себя увидѣть всѣмъ и всѣхъ поблагодарить. Стоявшія позади, лица его свиты просили его войти въ салонъ. Но онъ отказывалъ кивкомъ головы и оставался предъ толпой, предъ несмолкавшимъ гуломъ привѣтственныхъ кликовъ. Докторъ Лейдсъ и профессоръ ванъ-Гамель пришли предупредить президента, что пробилъ часъ отъѣзда.

«— Пойдемъ,—сказалъ Крюгеръ.

«И онъ прошелъ чрезъ балконъ, встрѣчаемый почтительными поклонами лицъ, которыя стояли шпалерами на площадкѣ лѣстницы, и достигъ подъемной машины. Всѣ присутствовавшіе были поражены чрезвычайною грустью президента. Всѣми неудержимо овладѣло сильнѣйшее душевное волненіе при видѣ этого человѣка. Президентъ сѣлъ въ закрытое ландо. Его сопровождали докторъ Лейдсъ и профессоръ Гамель.

«Передъ отелемъ Скриба, въ тотъ моментъ, когда ландо было окружено эскортомъ конныхъ республиканскихъ гвардейцевъ, президентъ приказалъ остановиться и открыть ландо. Онъ желалъ до послѣдней минуты не порывать связи съ дружественной ему толпой. И какъ толпа отблагодарила его! Съ балкона полился дождь цвѣтовъ: букеты фіалокъ и розъ падали въ экипажъ президента; всюду трепетали бѣлые платки въ знакъ прощальнаго привѣта. Клики сливались въ оглушительный ревъ: «Да здравствуетъ Крюгеръ»! «Да здравствуетъ свобода»! «Да здравствуетъ третейскій судъ»!..

Digitized by Google

Изъ Парижа Крюгеръ направился въ Берлинъ. Но его маршрутъ внезапно долженъ былъ измѣниться: императоръ Вильгельмъ II прислалъ ему телеграмму, что онъ не можетъ принять его въ Берлинѣ, такъ какъ уѣзжаетъ на охоту... Еще заранѣе всѣ предчувствовали, что Вильгельмъ откажется принять доблестнаго старика. Но не хотѣлось вѣрить, что германскій императоръ пойдетъ въ разрѣзъ съ желаніями и волею своего народа. Отказъ Вильгельма тяжело подѣйствовалъ на Крюгера. Это было, повидимому, неожиданностью даже и для германскихъ газетъ, не смотря на то, что нѣкоторыя изъ нихъ стоятъ близко къ берлинскому министерству иностранныхъ дѣлъ. Чуть ли не наканунѣ отказа Крюгеру въ пріемѣ, почти всѣ германскія газеты обсуждали возможность и послѣдствія этого пріема.

«Deutsche Tageszeitung» писалъ:

«Въ будущій вторникъ мы узнаемъ, обнаружитъ ли Германія поведеніе столь же независимое и достойное, какимъ явилось поведеніе Франціи, и мы убѣдимся, дѣйствительно ли Германія сохраняетъ въ столкновеніи Англіи съ Трансваалемъ тотъ нейтралитетъ, который, по ея заявленіямъ, она всегда сохраняла. Правительство, принимавшее Сесиля Родса и отказывающееся принять президента Крюгера, ни въ какомъ случаѣ не могло бы считаться нейтральнымъ (справедливо!). Германскій народъ встрѣтитъ президента Крюгера съ чувствомъ глубочайшаго сочувствія».

«Berliner Tageblatt» говорилъ:

«Тяжело испытанный судьбою, почтенный Крюгеръ вспомнитъ въ Берлинѣ о своемъ пребываніи въ германской столицѣ въ 1884 г., когда императоръ Вильгельмъ I принялъ его со всѣми почестями, какъ главу южноафриканской республики, и выразилъ ему свое почтеніе и свою дружбу, которыя должны были служить прочными узами между германскими и трансваальскими интересами. Великій императоръ умеръ, и времена перемѣнились, но маститый вождь боэровъ сохранилъ въ своемъ сердцѣ увѣренность въ чувствѣ справедливости Германіи, въ справедливости дѣла боэровъ и въ энергіи своего народа. Онъ прибудетъ въ Германію, чтобы засвидѣтельствовать ей благодарность за единодушныя симпатіи ея населенія и за германскую кровь, добровольно пролитую германскими добровольцами за справедливое дѣло боэровъ. Германія не пожелаетъ отстать отъ Франціи. Пусть Берлинъ, сердце германской имперіи, *покажетъ себя достойнымъ своего высокаго гостя* и приготовитъ ему торжественный пріемъ, способный поддержать престарѣлаго боэрскаго вождя».

Совсѣмъ инымъ тономъ говорятъ германскіе офиціозные органы. Такъ «Kölnische Zeitung» заявляетъ, что «шумное участіе населенія при встрѣчѣ президента Крюгера способно *пробудить лишь тщетныя и опасныя надежды* и не нужны ни нѣмцамъ, ни боэрамъ. Поэтому, пусть населеніе докажетъ Крюгеру свое участіе безшумными манифестаціями, всего

Digitized by Google

болѣе приличествующими его печальной судьбѣ. Бо́льшаго мы, нѣмцы, не можемъ и не смѣемъ сдѣлать, и «негодяй тотъ, кто даетъ больше, чѣмъ онъ можетъ» (Ein Lumpe ist, wer merh giebt, als er kann).

Въ офиціозной «National Zeitung» читаемъ:

«Налицо имѣется немало признаковъ, изъ которыхъ можно заключить, что французское правительство, встрѣтившее, впрочемъ, лишь платоническими выраженіями симпатіи президента Трансваальской республики, почувствовало большое облегченіе послѣ отъѣзда Крюгера. Его отъѣздъ въ Германію долженъ былъ особенно обрадовать французскаго министра иностранныхъ дѣлъ Дельказсе, предвидѣвшаго, что пребываніе президента Крюгера въ одномъ изъ городовъ французской Ривьеры, для поправленія его здоровья, представило бы значительныя неудобства для Франціи, на югѣ которой въ зимнее время обыкновенно собирается много англичанъ. Пріѣздъ президента Крюгера не долженъ измѣнять и не измѣнитъ ничего въ направленіи германской политики, которая должна соблюдать исключительно интересы Германіи»,—заключаетъ берлинская офиціозная газета.

Германскій императоръ, конечно, воленъ принять и не принять Крюгера. Это право принадлежитъ не только императору, но и каждому гражданину. Но захлопнуть дверь предъ доблестнымъ старцемъ тогда, когда уже онъ вступилъ на германскую территорію,—это болѣе чѣмъ негостепріимно. Видимо, до самаго послѣдняго момента германское правительство не знало, какъ поступить, и лишь въ послѣдній моментъ набралось храбрости.

Какъ и слѣдовало ожидать, отказъ императора Вильгельма—принять президента Крюгера наполнилъ безмѣрной радостью всѣ англійскія сердца. Со свойственною англичанамъ откровенностью они прямо заявляютъ, что эта «услуга» впередъ уже оплачена допущеніемъ Германіи въ бассейнъ Ян-цзе-Кіанга и на Фарзанскіе острова въ Красномъ морѣ. Правда, оплата эта произведена за счетъ Китая и Турціи,—но когда же Англія оплачивала политическія услуги изъ собственнаго кармана?..

Обида, нанесенная Крюгеру, находитъ оправданіе въ Германіи только въ немногихъ органахъ «рептильной прессы». Вся же остальная печать въ одинъ голосъ признаётъ всю безтактность отношенія къ президенту Крюгеру.

Неужели не найдется государства, которое взяло бы на себя инициативу предложенія—рѣшить третейскимъ судомъ споръ между Англіей и Трансваалемъ! Указываютъ на Голландію и Бельгію. Но эти государства слишкомъ слабы, чтобы на ихъ призывъ обратила вниманіе могущественная Англія. Впрочемъ, важно начало... А тамъ, можетъ быть, пристанутъ и болѣе сильные и могущественные голоса, прислушаться къ которымъ не откажется Англія...

Digitized by Google

Возможенъ ли третейскій судъ между Англіею и Трансваалемъ? Англичане во главѣ съ Чемберленомъ утверждаютъ, что подобнаго суда не можетъ быть, потому-де, что Трансвааль и Оранжевая республика съ одной стороны находятся въ вассальномъ отношеніи къ Англіи, а съ другой—эти республики не подписали протоколовъ гаагской мирной конференціи. Но подобная казуистика сшита бѣлыми нитками. Фактъ независимости обѣихъ республикъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Трансвааль и Оранжевая республика, въ силу конвенціи 1884 г., заключенной при Гладстонѣ, пользуются *полной независимостью*. Но еслибы даже въ этомъ отношеніи были возможны какія либо толкованія, то они совершенно устранены *фактомъ войны, которая была возвѣщена самимъ англійскимъ правительствомъ* всѣмъ державамъ.—Рѣшеніе спора между Англіей и Трансваалемъ третейскимъ судомъ вполнѣ возможно и мало того—даже необходимо въ интересахъ христіанства, культуры и просвѣщенія.

Если вѣрить нѣкоторымъ иностраннымъ газетамъ, президентъ Крюгеръ имѣетъ въ своемъ распоряженіи нѣсколько способовъ повліять на Англію. По словамъ сотрудника «Frankf. Courrier», бесѣдовавшаго съ лицами, хорошо освѣдомленными о дѣлахъ трансваальскаго посольства въ Брюсселѣ, до рождества будутъ разосланы всѣмъ правительствамъ цивилизованныхъ государствъ Европы, Америки и Азіи (Японіи) циркулярныя письма съ просьбой прекратить кровопролитіе. Если эти письма останутся безъ послѣдствій, то будутъ преданы гласности многіе секретные документы государственнаго архива южно-африканскихъ республикъ, доказывающіе причастность къ войнѣ не только Сесиля Родса, доктора Джемсона и Чемберлена, но и зятя королевы Викторіи, герцога Фа́йфа, и даже принца Уэльскаго и другихъ членовъ королевскаго дома. Будутъ опубликованы также и телеграммы губернатора Мильнера изъ Капштадта, которыми онъ, по порученію министерства колоній, подстрекалъ боэровъ къ войнѣ, и этимъ будутъ раскрыты преступныя интриги англичанъ. Если и этотъ послѣдній призывъ къ народамъ Европы и Америки не повліяетъ на нихъ и не будетъ имѣть послѣдствіемъ заключеніе Англіей мира, то президентъ Крюгеръ, Фишеръ, Вольмарансъ, Вессельсъ и ванъ-Востоттенъ вернутся осенью на родину и будутъ, съ оружіемъ въ рукахъ, искать смерти вмѣстѣ со всѣми прочими боэрами.

Боэры переживаютъ трагическій моментъ, но и положеніе англичанъ тоже не изъ особенно пріятныхъ. Въ «Volkszeitung» находимъ слѣдующее описаніе положенія на южно-африканскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій.

«Англичане потеряли — отъ смерти, болѣзни и отсылки въ Англію, вслѣдствіе тяжелыхъ ранъ или крайняго переутомленія, — 96,000 чел. Военные расходы Англіи достигаютъ 130 мил. фунтовъ стерлинговъ. Число павшихъ англійскихъ лошадей равняется 31 тысячѣ. Боэры потеряли отъ

Digitized by Google

смерти и плѣна 19 тыс. человѣкъ; кромѣ того, положили оружіе 6,500 человѣкъ. На театрѣ военныхъ дѣйствій въ настоящее время находится англійская армія, состоящая изъ 180 тысячъ человѣкъ, болѣе половины которыхъ могутъ быть употреблены лишь для охраны этаповъ и длинныхъ желѣзнодорожныхъ линій. Боевыя силы боэровъ равняются 14,000 чел. Это число можетъ достигнуть 20,000 чел. къ январю, когда наступающая въ Южной Африкѣ лѣтняя жара начнетъ сильно ослаблять и даже убивать англичанъ. Генералъ Бота раздѣлилъ боэрское войско на 7 частей, которыя хотя оперируютъ самостоятельно, но находятся между собой въ постоянномъ сообщеніи. Въ Преторіи царитъ голодъ; во всей Южной Африкѣ — страшная дороговизна съѣстныхъ припасовъ. Трудно приходится англійскому наемному солдату, порціи котораго въ теченіе послѣднихъ 6 недѣль урѣзываются до крайнихъ предѣловъ. Во многихъ пунктахъ среди англійскихъ солдатъ возникали и возникаютъ мятежи, такъ какъ не исполняются,—за невозможностью,—обѣщанія лорда Робертса отослать вскорѣ на родину изнуренные кампаніей полки. Въ то же самое время боэрскій генералъ Бота снабженъ деньгами, провіантомъ и боевымъ матеріаломъ болѣе чѣмъ на 20,000 человѣкъ до 1902 года и даже далѣе».

Въ корреспонденціи, полученной «Frankf. Zeitung» изъ Капштадта, сообщается, что въ разныхъ пунктахъ южно-африканскихъ республикъ война возгорѣлась съ новою силою. На всемъ протяженіи границы Оранжевой республики боэры производятъ набѣги на англійскую территорію. Они появились внезапно даже въ самомъ сердцѣ Капской колоніи у Фразербурга.

Настроеніе населенія Капской колоніи крайне враждебно англичанамъ; многіе надѣются, что боэрамъ въ концѣ концовъ все таки удастся побѣдить британцевъ и выгнать ихъ изъ страны. Англійскія войска сильно истощены и утомлены войною. Британскіе добровольцы, отбывшіе срокъ службы, отказываются снова поступать въ ряды арміи и уѣзжаютъ въ Англію.

Событія, какъ на югѣ Африки, такъ и на Дальнемъ Востокѣ, идутъ медленно: замѣчается даже какое-то затишье. Но не предъ бурей ли это?

Обнародованное недавно правительственное сообщеніе о русско-китайской войнѣ представляетъ изъ себя очеркъ событій въ Китаѣ и тѣхъ мѣръ, которыя были приняты нашимъ правительствомъ, какъ для сохраненія порядка въ нашихъ владѣніяхъ, граничащихъ съ Китаемъ, такъ и для борьбы съ китайцами и манджурами въ Печилійской и Манджурской провинціяхъ.

Изъ этого очерка мы видимъ, что начало военныхъ дѣйствій въ предѣлахъ Манджуріи застало насъ совершенно неподготовленными. По мирной

Digitized by Google

дислокаціи, бо́льшая часть войска была расположена въ Приморской области и Южно-Уссурійскомъ отдѣлѣ, а главный ударъ китайцевъ былъ направленъ на Благовѣщенскъ, что́ угрожало полнымъ перерывомъ движенія по единственному пути, т. е. по рѣкѣ Амуру; къ этому надо прибавить громадныя разстоянія, на которыя предстояло перебросить войска изъ европейской Россіи, и недостаточную провозоспособность Сибирской желѣзной дороги.

На войска Приамурскаго округа выпала отвѣтственная задача — не только прикрыть своими силами обширную границу нашу и удержаться на ней до прибытія подкрѣпленій, но и нанести противнику, съ первыхъ же дней кампаніи, хотя бы частные, но чувствительные удары. Энергія, съ которой произведено выполненіе этихъ задачъ, привела къ желаннымъ результатамъ и вполнѣ обезпечила осуществленіе всѣхъ предположеній по мобилизаціи и сосредоточенію войскъ.

Еще до прибытія подкрѣпленій, отряды войскъ собственно приамурскаго военнаго округа,—слабые числомъ, разъединенные значительными пространствами, но сильные энергіею своихъ начальниковъ, мужествомъ и необычайною выносливостью войскъ,—достигли такихъ успѣховъ, результаты которыхъ превзошли предварительные разсчеты и предположенія.

По распоряженію генерала Гродекова, на защиту нашей границы вооружилось и стало въ ряды защитниковъ русской земли все казачье населеніе по Амуру и Уссури. Мобилизація войскъ и казачьяго населенія произведена была весьма быстро.

Съ начала осложненій на Дальнемъ Востокѣ по 1-е октября, по Сибирской желѣзной дорогѣ и далѣе черезъ Байкалъ въ Забайкальскую область прослѣдовало: людей 54,410, лошадей—11,407. Переведено людей изъ европейской Россіи моремъ во Владивостокъ 10,107 чел.; въ Портъ-Артуръ 9,709 чел. Всего въ предѣлы приамурскаго военнаго округа и въ Квантунскую область перевезено по желѣзнымъ дорогамъ и моремъ 74,226 чел. За этотъ же трехмѣсячный періодъ доставлено грузовъ по Сибирской желѣзной дорогѣ въ Забайкалье 188,200 пуд., моремъ во Владивостокъ—439,000 пуд., въ Портъ-Артуръ—580,000 пуд. Въ Иркутскъ перевезено 1.253,700 пуд.

Дабы можно было судить, какія огромныя трудности приходилось преодолѣть при организаціи перевозки людей и грузовъ, достаточно указать, что изъ Срѣтенска по Шилкѣ и далѣе по Амуру было отправлено менѣе чѣмъ въ три мѣсяца 46,209 людей, 9,149, лошадей и 242,283 п. груза.

Русско-китайская война, поразившая насъ своею неожиданностью, показала наши слабыя и сильныя стороны на Дальнемъ Востокѣ. Нашей безпечности, — нужно думать, — будетъ положенъ предѣлъ, и мы серьезно возьмемся за колонизацію этого отдаленнаго края. На Дальнемъ

Digitized by Google

Востокѣ нужны русскіе люди. Мирному завоеванію китайцами Южно-Уссурійскаго края нужно положить границы. Это можно сдѣлать лишь тогда, когда русскій человѣкъ выступитъ конкуррентомъ китайца и въ торговлѣ, и въ промышленности.

Китайскій вопросъ не двигается съ мѣста и трудно сказать, когда наступитъ ему конецъ. Причина этого—взаимныя несогласія державъ во взглядахъ на рѣшеніе вопроса. Одни желаютъ *наказать* китайцевъ, такъ чтобы и черезъ тысячу лѣтъ они не могли забыть жестокости европейцевъ, другіе — лишь возстановить миръ и спокойствіе въ срединной имперіи. Но пока дипломаты толкуютъ о наилучшихъ способахъ рѣшенія китайскаго вопроса, фельдмаршалъ Вальдерзее,—чтобы не бездѣйствовать и чтобы солдаты не изнѣжились,—предпринимаетъ близкія и отдаленныя экспедиціи, всюду отыскивая врага. Эти экспедиціи носятъ карательный и притомъ жестокій характеръ.

Войска, не принимающія участія въ экспедиціяхъ, на свободѣ занимаются грабежами мирныхъ китайцевъ. Въ «Westminster Gazette» напечатано, отъ 10 ноября, интересное письмо:

«Не смотря на запрещеніе не только грабить, но и брать за деньги какія либо вещи у китайцевъ безъ ихъ согласія, китайцевъ эксплуатируютъ самымъ безжалостнымъ образомъ. Говорятъ, напримѣръ, что одинъ «очень извѣстный офицеръ» купилъ за 25 сантимовъ великолѣпныя вышивки, два мѣховыхъ плаща и нѣсколько драгоцѣнныхъ камней. Кромѣ денегъ (?) въ этой выгодной покупкѣ игралъ большую роль револьверъ, какъ это разсказывалъ самъ офицеръ. Одинъ секретарь посольства нѣсколько разъ пускалъ для грабежа своихъ знакомыхъ въ императорскій дворецъ. Другой чиновникъ консульства не стѣснялся занимать деньги для покупки награбленнаго солдатами китайскаго имущества за десятую часть его настоящей стоимости. Интересенъ разсказъ о томъ, какъ три дамы черезъ пять минутъ послѣ вступленія европейскаго отряда въ Пекинъ бросились грабить китайскій модный магазинъ»...

Особой жестокостью отличаются нѣмцы, являющіеся прекрасными исполнителями напутствія Вильгельма предъ отправкой ихъ на Дальній Востокъ: «Врага не щадить, плѣнныхъ не брать»! Письма германскихъ солдатъ изъ Китая, — напечатанныя въ нѣкоторыхъ газетахъ и свидѣтельствующія о жестокой расправѣ нѣмцевъ съ китайцами,—по распоряженію высшей власти, не будутъ болѣе появляться на страницахъ нѣмецкихъ газетъ.

Недавно происходившія пренія въ германскомъ рейхстагѣ, по поводу расходовъ на китайскую войну, вызвали рѣзкія возраженія на правительственную политику въ Китаѣ. Представитель соціально-демократической партіи, Бебель, въ своей рѣчи подвергъ жестокой критикѣ причины китайской войны. Онъ сказалъ между прочимъ:

Digitized by Google

«Графъ Бюловъ свалилъ всю вину за безпорядки въ Китаѣ на принца Туана; онъ требуетъ, чтобы Германія настояла на его казни. Между тѣмъ, нельзя казнить лицо, еще не схваченное. На самомъ же дѣлѣ, европейцы сдѣлали въ послѣдніе годы такіе успѣхи, что предусмотрительные люди уже давно предсказывали, что все это должно было плохо кончиться для нихъ. *Къ нынѣшнему мятежу привели сами европейцы.* Дурное обращеніе съ китайцами должно было вызвать съ ихъ стороны взрывъ негодованія и ненависти. Но значительная доля вины падаетъ и на миссіонеровъ, о которыхъ графъ Бюловъ совершенно умолчалъ. Еслибы въ Германію прибыли китайскіе миссіонеры и поступили бы такъ, какъ поступили наши миссіонеры въ Китаѣ, то у насъ народилось бы точно такое же возстаніе, какое началось въ Небесной имперіи. Въ частности, особенно опасную роль игралъ тамъ епископъ Анцеръ, по иниціативѣ котораго мы заняли Кіао-Чжоу. Графъ Бюловъ заявилъ, что занятіе нами Кіао-Чжоу не было причиной возстанія. Противъ этого я возражаю самымъ энергичнымъ образомъ и ссылаюсь при этомъ на заявленія того же епископа Анцера, сообщившаго, что захватъ этого порта причинилъ много зла китайцамъ и долженъ былъ неминуемо вызвать реакцію. Сознайтесь же, что то, что вы сдѣлали въ Китаѣ, вполнѣ отвѣчаетъ вашему презрѣнію къ этой странѣ. Что сдѣлала стража, посланная въ Пекинъ для охраны посольствъ? Она совершила убійства, между тѣмъ какъ китайцы еще не причиняли тогда никакого зла посольствамъ. По донесенію переводчика германскаго посольства, германскіе солдаты стрѣляли въ толпу китайцевъ безъ малѣйшаго на то повода и убили и ранили многихъ изъ нихъ. Еслибы китайцы сдѣлали то же самое въ Берлинѣ, то черезъ часъ китайское посольство было бы разрушено и всѣ китайцы перебиты. Представьте же себѣ, какое настроеніе овладѣло китайцами. Безъ приказанія барона Кеттелера, наши войска не стрѣляли бы въ китайцевъ, и Кеттелеръ самъ виноватъ въ своей гибели. Тѣмъ не менѣе, Германія снарядила экспедицію для «мщенія» китайцамъ. Къ сожалѣнію, это вовсе не походъ для мщенія, а обыденный походъ съ завоевательною цѣлью, но такой жестокій, какой никогда не былъ совершонъ ни гуннами, ни Атиллой, ни Чингисханомъ. Германская политика способна вселить въ китайцевъ одну глубокую ненависть ко всѣмъ христіанамъ».

По поводу назначенія графа Вальдерзее главнокомандующимъ, Бебель сказалъ:

«Сообщеніе о томъ, что Россія требовала назначенія графа Вальдерзее, совершенно не вѣрно. Изъ вѣжливости Россія не отвѣтила, что ей непріятно это назначеніе. Но для войны въ Китаѣ намъ вовсе не былъ нуженъ фельдмаршалъ: любой германскій фельдфебель могъ бы вести эту войну. Всѣ органы нѣмецкой печати, безъ различія партій,

Digitized by Google

возмущены жестокостями, творимыми въ Китаѣ германскими солдатами. Графъ Вальдерзее является просто фельдмаршаломъ-палачемъ («Executionsmarschall»). Каждый народъ имѣетъ право на существованіе. Во имя права и человѣчности мы протестуемъ противъ политики ненависти и мщенія. Такой политики мы не поддержимъ ни одною копѣйкой»!

Пока Европа занята Дальнимъ Востокомъ, Австрія обдѣлываетъ свои дѣла на Ближнемъ Востокѣ. Она не довольствуется уже одной Босніей и Герцеговиной, а идетъ далѣе и протягиваетъ свои руки на югъ Балканскаго полуострова. Подъ шумокъ, она намѣтила военно-желѣзнодорожные пути отъ города Сараева къ границамъ ново-базарскаго округа (въ Македоніи) и Сербіи; отъ столицы Босніи, Сараева, утвержденъ уже путь по теченію рѣки Лима къ Ново-Базару, а отъ этой главной магистрали проведена будетъ одновременно линія чрезъ Вышеградъ къ сербской границѣ.

Обѣ эти линіи имѣютъ несомнѣнное стратегическое значеніе для Австро-Венгріи. Быстро передвинувъ свои войска въ Албанію и Македонію—Австро-Венгрія, движеніемъ черезъ линію Вышеградъ—сербская граница, вторгается въ самую середину Сербіи черезъ ужицкій округъ; до Крагуевацa оттуда очень недалеко. Вотъ это-то сооруженіе стратегическихъ линій и имѣется въ виду, главнымъ образомъ, въ настоящемъ албанскомъ движеніи. Этому благопріятствуютъ трудныя замѣшательства европейскихъ державъ въ Китаѣ. «Швабы» пользуются этимъ обстоятельствомъ какъ нельзя лучше. Кромѣ того, предположено затѣмъ построить желѣзнодорожныя линіи: Бугойно-Арзанъ и Добой-Шамацъ.

Австрійскимъ славянамъ не сладко живется въ Австріи. Босняки, отданные Европой Австріи по берлинскому конгрессу, на правахъ оккупаціи, предпочитаютъ вернуться опять въ Турцію. Иго турецкое для нихъ легче австрійскаго режима!.. Бѣлградская газета «Законитость» сообщаетъ, что въ Бѣлградъ ежедневно прибываетъ множество магометанскихъ семействъ изъ Босніи.

Оттуда они направляются далѣе въ Турцію, главнымъ образомъ, въ Малую Азію. Большинство выселяющихся—крестьяне, которые въ Босніи особенно привязаны къ своей землѣ. Они должны имѣть серьезныя причины къ неудовольствію, если рѣшаются оставить свою родину. Боснійскую магометанскую депутацію, прибывшую въ Буда-Пештъ для подачи жалобъ на притѣсненія Каллая, опять не допустили къ аудіенціи у императора. На запросъ по этому поводу въ венгерскомъ парламентѣ министръ-президентъ отвѣчалъ, что жалобы сербовъ-магометанъ на религіозныя притѣсненія безпредметны, такъ какъ за все время оккупаціи Босніи и Герцеговины только 35 магометанъ обращены въ католичество и за то же время 29 христіанъ перешло въ магометанство.

Digitized by Google

Босняки предпочитаютъ Турцію своей родинѣ, терроризуемой правительствомъ Каллая.

Среди австрійскихъ славянъ-католиковъ мысль вернуться ко временамъ I. Гусса находитъ все болѣе и болѣе послѣдователей. Въ самое недавнее время было уже нѣсколько случаевъ перехода къ славянскому обряду, а нѣкоторые даже возвращаются въ лоно православной церкви. Эти факты, конечно, не могутъ не обезпокоить Рима. Послѣдній идетъ на уступки и не прочь разрѣшить богослуженіе для австрійскихъ славянъ на славянскомъ языкѣ. Подобныя уступки Рима въ пользу славянъ австрійскія правящія сферы не могутъ спокойно перенести. Вѣнскій корреспондентъ «Münchener Allgemeine Zeitung» открылъ заговоръ Ватикана... *противъ нѣмцевъ и мадьяръ* въ пользу славянъ Австро-Венгріи.

«Чѣмъ старше и дряхлѣе становится папа Левъ XIII, — говоритъ эта газета,—тѣмъ большее значеніе пріобрѣтаетъ его государственный секретарь кардиналъ Рамполла. Вліяніе его на внѣшнюю политику Ватикана нынѣ безгранично. Свое недовольство Италіей Рамполла переноситъ на ея союзниковъ, особенно на Австро-Венгрію... Извѣстенъ инцидентъ съ архіепископомъ Штадлеромъ, который былъ обласканъ въ Ватиканѣ послѣ императорскаго выговора за пропаганду велико-хорватской идеи въ Босніи. Во всѣхъ вопросахъ, касающихся славянъ, курія прислушивается исключительно къ совѣтамъ епископа Штроссмайера, который съ годами становится все болѣе непримиримымъ противникомъ мадьяръ и, повидимому, успѣлъ убѣдить Ватиканъ въ необходимости поддержки католическихъ южныхъ славянъ и *дарованія имъ старославянскаго церковнаго языка*, съ цѣлью болѣе успѣшнаго обращенія въ католичество ихъ православныхъ сородичей. Штроссмайеръ съумѣлъ заставить позабыть свою оппозицію провозглашенію догмата папской непогрѣшимости и сталъ любимцемъ папы. По его настоянію, Римъ уже разрѣшилъ старославянскую глаголическую литургію тѣмъ приходамъ Далмаціи и австрійской Приморской области, въ которыхъ славянское богослуженіе принято было прежде. Такимъ образомъ, единство латинскаго обряда принесено въ жертву политическимъ цѣлямъ. Какъ далеко Ватиканъ заходитъ въ этомъ отношеніи, видно изъ небывалаго происшествія, которое имѣло мѣсто на дняхъ въ Аббаціи. По словамъ тріестскаго «Piccolo», мѣстный священникъ собирался крестить ребенка итальянскихъ родителей по славянскому обряду. Отецъ ребенка протестовалъ и требовалъ, чтобы крещеніе совершено было по латыни. Сначало ему было въ этомъ отказано, но затѣмъ тріестскій епископъ разрѣшилъ латинское крещеніе ребенка, однако не въ церкви, а на дому родителей. Послѣдніе апелировали въ Римъ, отуда пришелъ отвѣтъ, что латинское крещеніе могло состояться и въ церкви, однако, *безъ всякаго торжества*, въ виду того,

Digitized by Google

что въ принципѣ аббаційская церковь считается славянской. Вопросъ о томъ, что́ разумѣть подъ выраженіемъ «неторжественное», служитъ еще предметомъ переписки между Ватиканомъ и Тріестомъ».

«Timeo danaos et dona ferentes»... Ватиканъ всегда идетъ на уступки, но... только въ своихъ личныхъ интересахъ. Онъ всегда заигрывалъ съ славянами. Такъ называемая «Унія»—переходная ступень изъ православія въ католичество—лучшая свидѣтельница успѣшнаго заигрыванія римской куріи со славянствомъ.

Но гораздо опаснѣе игры Рима въ славянскую литургію является для католичества энергическая нѣмецкая пропаганда въ Австріи девиза: «Los von Rom». Президіумъ «Евангелическаго союза» въ Веймарѣ рѣшилъ немедленно командировать въ Австрію на продолжительное время 40 евангелическихъ священниковъ для поддержки враждебнаго Риму движенія. Матеріальныя средства протестантской пропаганды громадны. Изъ одной Германіи посылается въ Австрію на поддержку антикатолическаго движенія ежегодно около полумилліона марокъ.

Крупную уступку сдѣлалъ Римъ для Галицкой Руси, назначивъ митрополитомъ галицкимъ и архіепископомъ львовскимъ Андрея Шептицкаго. Всѣ патріотическія галицко-русскія учрежденія: «Ставропигійскій институтъ», «Народный домъ», «Галицко-русская матица», «Общество имени Качковскаго», «Русская Рада» и «Другъ»—сочувственно привѣтствуютъ новаго митрополита.

«Митрополитъ Андрей (въ мірѣ Романъ) Шептицкій,—сынъ депутата графа Яна Шептицкаго и дочери извѣстнаго польскаго драматурга, графа Александра Фредро. Онъ родился въ 1865 г.; гимназію кончилъ въ Краковѣ, прослушалъ курсъ юридическихъ наукъ въ краковскомъ университетѣ, который оставилъ со степенью доктора правъ; служилъ вольноопредѣляющимся и получилъ чинъ резервнаго офицера. Но, почувствовавъ влеченіе къ монашеской жизни, блестящій аристократъ,—потомокъ древнерусскаго боярскаго рода,—графъ Шептицкій оставилъ католичество, перешелъ въ русско-уніатское исповѣданіе и принялъ монашество. Въ качествѣ монаха ордена св. Василія (находящагося въ вѣдѣніи іезуитовъ), Шептицкій подвизался въ миссіонерской дѣятельности, затѣмъ былъ игуменомъ Базиліанскаго монастыря во Львовѣ, затѣмъ профессоромъ богословія, а въ прошломъ году назначенъ былъ епископомъ станиславовскимъ и въ короткое время успѣлъ пріобрѣсти всеобщую симпатію и уваженіе клира, интеллигенціи и народа».

«Галичанинъ»,—отмѣтивъ, что для Галицкой Руси назначеніе каждаго новаго митрополита составляетъ эпоху, такъ какъ галицкіе митрополиты, въ силу своего положенія, имѣютъ несравненно большее вліяніе на судьбы своей паствы, нежели другіе владыки, — выражаетъ отъ имени галицко-русскаго народа надежду, что митрополиту Андрею удастся во-

Digitized by Google

дворить лучшія отношенія въ греко-уніатской церкви, потрясенной измѣнническою дѣятельностью Сильвестра Сембратовича.

«Вступивъ на митрополичій престолъ въ 1882 году, послѣ принудительнаго удаленія на покой Іосифа Сембратовича, его недостойный племянникъ Сильвестръ Сембратовичъ подчинился всѣмъ указаніямъ польскихъ политиковъ, отъявленныхъ враговъ русскаго народа. Въ 1892 году митрополитъ Сильвестръ ожесточилъ паству своими предложеніями на провинціальномъ синодѣ, направленными къ сліянію латинскаго и уніатскаго обрядовъ, равно какъ и своею политическою дѣятельностью въ пользу поляковъ. Это ожесточеніе не только вызвало противъ него бурную демонстрацію въ Вѣнѣ въ 1893 году, но возъимѣло также пагубное вліяніе на благочестіе русскаго народа въ Галичинѣ. Подвергая преслѣдованію самыхъ примѣрныхъ священниковъ, несходныхъ съ нимъ въ политическихъ убѣжденіяхъ, митрополитъ ронялъ въ глазахъ народа значеніе этихъ единственныхъ его національныхъ и духовныхъ руководителей и много содѣйствовалъ быстрому распространенію въ народѣ безвѣрія и радикализма. Умирая, Сильвестръ Сембратовичъ оставилъ греко-уніатскую церковь глубоко разстроенною. Кратковременное управленіе ею преемникомъ Сильвестра Юліаномъ Козловскимъ было отдыхомъ послѣ бури, но не успѣло возстановить нормальныхъ отношеній къ митрополіи, помирить духовенство съ народомъ и устранить опасность радикализма. Русско-народная партія въ Галичинѣ, признающая греко-уніатскую церковь съ ея обрядами и богослужебнымъ языкомъ нераздѣльною съ русской народностью, привѣтствуетъ съ радостью новаго митрополита, будучи увѣрена въ его глубокой преданности родной странѣ и народу».

Назначеніе Андрея Шептицкаго, — пастыря угоднаго русскому народу,—«Wiener Tagblatt» считаетъ свидѣтельствомъ возвращенія австрійскаго правительства къ старому взгляду на вѣрность и преданность русскихъ подданныхъ Австріи. Галицко-русскія газеты высказываютъ предположенія, что новый митрополитъ пойдетъ по слѣдамъ только что скончавшагося бывшаго митрополита Іосифа Сембратовича.

Скончавшійся въ Римѣ, послѣ непродолжительныхъ страданій, бывшій архипастырь львовскій и галицкій пріобрѣлъ любовь народа тѣмъ, что въ бытность его на литовской митрополіи твердо стоялъ на сторонѣ чистоты восточно-русскаго обряда галицко-русской церкви противъ всѣхъ попытокъ изуродованія его латинско-католическими добавленіями. Римъ и австрійское правительство относились къ нему подозрительно, лишили его митрополичьей каѳедры и сослали «на заточеніе» въ Римъ, гдѣ онъ и проживалъ безвыѣздно до самой своей кончины. Его мѣсто на митрополичьей галицкой каѳедрѣ,—какъ мы сказали,—занялъ недостойный племянникъ Сильвестръ (Сембратовичъ), который въ угоду іезуитамъ началъ было

Digitized by Google

латинизировать галицкую церковь. Поэтому народъ и назвалъ его «изиѣ-никомъ». Почившій митрополитъ Іосифъ твердо отстаивалъ духовное единство галичанъ съ Россіей. Миръ праху твоему. Русскій народъ не забудетъ тебя!

Въ то время, когда Европа занята на Дальнемъ Востокѣ, на Ближнемъ Востокѣ творятся такія дѣла, что въ скоромъ времени, — надо ожидать,—христіанская Европа очутится лицомъ къ лицу съ совершившимися фактами во всемъ ихъ ужасѣ. Дикія албанскія орды продолжаютъ совершать звѣрства надъ беззащитными христіанами въ Македоніи. Не вѣрится, что на порогѣ XX столѣтія, тамъ, гдѣ когда-то процвѣтала христіанская культура и цивилизація, тамъ надъ христіанскимъ населеніемъ совершаются такія кровавыя дѣла, которымъ ужаснулись бы и древніе гонители христіанъ...

Въ болгарской газетѣ «Болгарія» находимъ слѣдующее описаніе звѣрства дикихъ албанскихъ ордъ.

«Въ сѣверо-западномъ краѣ Македоніи, — говорится въ упомянутой статьѣ, — вотъ уже два мѣсяца, какъ царствуетъ полнѣйшая анархія. *Турецкое правительство потеряло всякій авторитетъ.* Власть предоставлена нѣсколькимъ албанскимъ бекамъ, которые безпощадно опустошаютъ край, совершая безнаказанно грабежи, убійства и поджоги. Эти средневѣковые палачи въ г. Дебрѣ и составляютъ свиту нынѣшняго мютесарифа, который неспособенъ сдѣлать что нибудь въ пользу и защиту населенія ввѣреннаго ему округа. Сефеддинъ Пустиня, Шакиръ-Бегъ Егановскій, Шакиръ-Дацъ и Шакиръ-Дета—вотъ имена, наводящія ужасъ на всѣхъ христіанъ сѣверо-западной Македоніи. Упомянутые албанскіе нотабли организовали четыре разбойничьихъ банды. Двѣ такія банды, подъ предводительствомъ Биланъ-Баланца, наводятъ ужасъ во всей Охридской долинѣ и Преснѣ, а банда Измаилъ-Чаушъ-Гарана свирѣпствуетъ въ Кичевѣ. Все ограбленное этими бандами имущество доставляется въ Дебру и тамъ распредѣляется между покровителями разбойниковъ. Въ послѣднее время, опустошенія приняли ужасающіе размѣры, и христіанское населеніе подвергнуто жесточайшимъ мученіямъ. Измаилъ-Чаушъ всецѣло завладѣлъ Кичевскимъ уѣздомъ, а деревня Душегубсны,—которая попыталась воспротивиться его звѣрствамъ, — по его приказанію была до-тла сожжена. Рамъ-Дукъ съ 150 албанцами торжественно выѣхалъ изъ Дебары и опустошилъ деревни Лазаро-Поле и Галичникъ. Его бандой убито 26 крестьянъ обоихъ селъ, а крестьянское имущество захвачено. Таиръ-Толе опустошилъ деревню Осой и крестьяне оставлены на открытомъ полѣ, безъ одежды и имущества. По приказанію Шакиръ-Дема, сожженъ хлѣбъ на полѣ деревни Ерчища, и крестьяне остались безъ куска хлѣба. Кромѣ того, отрядъ албанской разбойничьей банды среди бѣла дня въ г. Дебрѣ окружилъ архіерейскій домъ и началъ стрѣлять

Digitized by Google

съ цѣлью убить митрополита Кузьму; но, къ счастью, послѣдній успѣлъ скрыться въ подземельѣ архіерейскаго дома».

«Въ Дебрѣ,—говорится далѣе въ статьѣ,—квартируетъ регулярное войско, но оно предназначено не для защиты христіанъ, а для наблюденія за вѣрноподданностью албанскихъ нотаблей. Положеніе христіанъ ухудшилось еще тѣмъ, что дебрянскій мютесафиръ распорядился не выдавать паспортовъ христіанамъ, которые пожелали бы искать спасенія своей жизни въ чужихъ краяхъ. Начало армянскихъ звѣрствъ,—заканчиваетъ газета,—уже видно въ Македоніи».

Въ газету «Прѣпорецъ» изъ Македоніи сообщаютъ, что «никогда преслѣдованіе болгарскаго населенія не доходило до такихъ размѣровъ, какъ въ послѣднее время».

Турки и албанцы открыто проповѣдуютъ, что настало время для *общей рѣзни болгаръ*. Убійство за убійствомъ чередуются ежедневно. Въ Дебрѣ, Кичевѣ, Тетовѣ, Прилѣпѣ и Рѣсенѣ ежедневно разыгрываются такія кровавыя драмы, что всѣхъ ихъ даже нѣтъ возможности описать, и учителей арестуютъ безъ всякаго основанія. Македонскіе губернаторы получили предписаніе *всячески преслѣдовать болгаръ*. Вооруженныя албанскія банды наводятъ ужасъ во всѣхъ мѣстностяхъ Битолійскаго, Рѣсенскаго, Охридскаго, Кичевскаго и Прилѣпскаго уѣздовъ. Населеніе этихъ уѣздовъ не смѣетъ выходить изъ своихъ жилищъ. Полевыя работы вслѣдствіе этого страдаютъ. Эти банды грабятъ и убиваютъ безразлично всякаго болгарина, который попадается имъ на встрѣчу.

Въ городахъ Велесѣ, Кукугли и Кафадарци образовались турецкіе комитеты, имѣющіе цѣль убивать всѣхъ болѣе или менѣе видныхъ болгарскихъ гражданъ. Эти комитеты организованы по распоряженію *свыше* и предсѣдательствуютъ въ нихъ мѣстные каймакамы (уѣздные начальники) и кадіи (судьи). Они уже начали проявлять свою дѣятельность среди болгаръ. Въ Прилѣпскомъ уѣздѣ убиты сельскіе старосты двухъ болгарскихъ деревень; въ Кайларскомъ уѣздѣ убиты 8 болгаръ, изъ болѣе видныхъ крестьянъ.

Турецкіе жандармы, сопровождаемые отрядами башибузуковъ изъ албанцевъ, разгуливаютъ безпрепятственно по болгарскимъ деревнямъ и наводятъ ужасъ среди населенія.

Очевидно, всѣ эти звѣрства находятся въ связи съ возрожденіемъ мусульманства и его дикими претензіями на «міровую» роль.

Digitized by Google

НОВЫЯ КНИГИ.

Князь Д. П. Голицынъ (*Муравлинъ*). Вавилоняне. Романъ. Спб. 1901 г.

Еще не такъ давно имя автора названнаго романа было однимъ изъ популярнѣйшихъ именъ не только среди читающей публики, но и въ русской журналистикѣ. Журналы охотно на своихъ страницахъ помѣщали его романы и повѣсти, а журнальные и газетные критики всегда тепло и привѣтливо относились къ нему.

Но это хорошее время для него минуло, кажется, навсегда. Публика хотя и съ охотою читаетъ талантливые романы кн. Д. П. Голицына, но критика упорно замалчиваетъ ихъ. И подѣломъ!.. Авторъ самъ виноватъ: онъ вздумалъ сдѣлаться національнымъ романистомъ, изображать выводимыхъ имъ героевъ не съ жидовско-космополитической точки зрѣнія, а съ чисто-русской. Авторъ забылъ, что національная точка зрѣнія въ нашей якобы русской литературѣ не одобряется.

Каждому писателю разрѣшается жидовской критикой клеймить и позорить русскій народъ не только въ общемъ составѣ, но и по сословнымъ группамъ. Подобное писательство не только не возбраняется, но и поощряется литературными «аристархами». Наша художественная и нехудожественная литература имѣетъ цѣлый рядъ писателей, клеймившихъ пороки и недостатки русскаго народа съ полною безпощадностью. На этомъ занятіи многіе наши писатели даже составили себѣ извѣстность. Но если позволяется и поощряется выставлять на показъ и бичевать пороки *русскаго* народа и *русскихъ* сословій,—то жестоко возбраняется не только выставлять на показъ недостатки нашихъ инородцевъ, но даже скептически относиться къ нимъ. Боже васъ упаси отъ подобнаго намѣренія. Прощай тогда ваша карьера! Жидовская и жидофильствующая русская печать возведетъ васъ въ «мракобѣсцы» и нивѣсть во что. Эта же печать старается теперь замалчивать и кн. Голицына.

Подобная же исторія разыгралась и съ г. Литвиномъ, авторомъ талантливо написанной пьесы — «Сыны Израиля». Въ этой пьесѣ авторъ

Digitized by Google

вздумалъ вывести на сцену жидовъ-контробандистовъ. Боже, какой поднялся гвалтъ! Газета «Сѣв. Зап. Слово» инсинуируетъ по адресу автора,—что онъ (авторъ) давно извѣстенъ въ Вильнѣ, какъ неудачный факторъ и продавецъ какого-то имѣнія. Газеты «Будущность», «Сѣв. Кур.» (этотъ въ особенности старается!) журналъ «Театръ и Искусство»,—весьма близкія къ жидовскимъ сферамъ,—подняли гвалтъ и открыли цѣлый газетный походъ противъ автора этой пьесы.

А еслибы слѣдовать подобной жидовской логикѣ по отношенію къ русскому народу («не смѣй никого клеймить»!) то пришлось бы подвести подъ «херемъ» весь репертуаръ Островскаго, гдѣ все Замоскворѣчье изображается въ отталкивающемъ видѣ.

Остракизму подвергаются одинаково и Литвинъ, и кн. Голицынъ, и всякій другой русскій писатель, вздумавшій отнестись критически къ нашимъ инородцамъ.

Въ романѣ «Вавилоняне» кн. Голицынъ выводитъ два отрицательныхъ типа: нѣмецъ Штейнбергъ и жидъ Мановеръ, хотя и православный. Штейнбергъ, не смотря на то, что родился въ Россіи и богатѣетъ за русскій счетъ, все таки «презираетъ» Россію, не любитъ русскаго народа и тяготѣетъ къ своему Vaterland'у. Во время своего путешествія со Звонынцевымъ (дѣйствующее лицо въ романѣ) по Черногорью, Штейнбергъ всегда саркастически относился къ Черногорью и черногорскому народу. Онъ видѣлъ тамъ только одно отрицаніе «прогресса» и не стѣснялся высказывать свои мысли Звонынцеву.

У Звонынцева же, при видѣ Черногорья, совершенно другія мысли роились въ головѣ. «Сосѣдство Австріи даетъ себя знать», съ непріятнымъ чувствомъ подумалъ Звонынцевъ. «Она проложила дороги, навязала свою почтовую систему, постоянно на стражѣ у возможности подкопаться, а мы?.. Мы снаряжаемъ Штейнберговъ съ секретными пакетами и словно боимся послать сюда настоящаго русскаго человѣка, знающаго славянское дѣло. Австрія ни на минуту не забываетъ своей роли уничтожительницы славянства; не покладая рукъ, работаетъ надъ тѣмъ, чтобы стереть съ лица земли населеніе Босніи и Герцеговины, со всѣхъ сторонъ опутываетъ Черногорье, сознавая громадное значеніе княжества въ общеславянскомъ дѣлѣ; а мы любовно взращиваемъ Штейнберговъ, считаемъ славянофильство праздничнымъ увлеченіемъ и превратились въ Ивановъ не помнящихъ родства. Вавилоняне мы, вавилоняне эпохи смѣшенія языковъ, забывшіе, откуда и съ кѣмъ мы пришли, забывшіе, куда намъ слѣдуетъ идти»! Все это—святая правда.

Другой типъ—Борисъ Мановеръ, привыкшій обыкновенно выдавать себя за «русскаго человѣка» баварскаго происхожденія. Но и въ школѣ, и въ жизни всѣ знали его *баварское* происхожденіе отъ сыновъ израиля. Не смотря на то, что онъ былъ православный и воспитывался въ русскомъ

Digitized by Google

привилегированномъ учебномъ заведеніи, онъ все таки остался жидомъ съ тѣми же хищническими наклонностями и взглядами, на которые такъ даровито его племя. Онъ вѣчно думалъ про себя и говорилъ вслухъ: «О, денегъ бы! Денегъ бы»!

Романъ написанъ хорошо и читается очень легко. Дѣйствующія лица обрисованы ярко и рельефно. Одно изъ положительныхъ достоинствъ романа—то, что въ немъ совсѣмъ нѣтъ переливанія изъ пустаго въ порожнее, которымъ отличаются наши современные беллетристы. Читатель не только съ удовольствіемъ, но и съ пользою прочтетъ этотъ романъ.

Е. Л. Марковъ. Грѣхи и нужды нашей средней школы. Спб. 1900 г.

Названная книга г. Маркова состоитъ изъ пяти главъ: 1) «Живая душа въ школѣ». 2) «Книжный изморъ». (Въ защиту дѣтей). 3) «Классическое суевѣріе». 4) «Какая школа нужна нашимъ дѣтямъ»? и 5) «Не балуйте дѣтей!».

Въ нашемъ обществѣ давно уже чувствуется глухое неудовольствіе противъ нашей средней школы, выпускающей изъ своихъ стѣнъ молодое поколѣніе, слабое, безвольное и мало приспособленное къ жизни. Даже въ нашей печати давно раздаются голоса, силящіеся уяснить причины такого грустнаго явленія, установить его діагнозъ и способы лѣченія. И общество, и родители, имѣютъ много причинъ быть недовольными современной постановкой нашей средней школы. «Но,—какъ совершенно справедливо говоритъ г. Марковъ,—въ вопросѣ воспитанія молодаго поколѣнія, какъ и во всякомъ серьезномъ практическомъ вопросѣ, намъ необходимо прежде всего спокойствіе духа... Приступать же къ обсужденію его,—а тѣмъ болѣе къ практическимъ мѣрамъ въ немъ,—подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ возмущающихъ насъ мимолетныхъ явленій, когда событія минуты невольно представляются ихъ свидѣтелямъ и участникамъ въ гораздо болѣе тревожномъ и опасномъ свѣтѣ,—значитъ съ своей стороны помогать дальнѣйшему неправильному ходу дѣла и ошибочно принимать болѣзненныя вспышки организма за нормальную физіологическую дѣятельность его».

Наше юношество очень доступно нравственному вліянію, и разумный человѣкъ, съ прямымъ, устойчивымъ характеромъ и честными принципами, можетъ безъ особеннаго труда направлять жизнь юношеской толпы по спокойному и плодотворному руслу. «Опытъ убѣдилъ меня,—говоритъ авторъ, бывшій педагогъ,—что почти всѣ такъ называемыя «исторіи» и «безпорядки» нашихъ учебныхъ заведеній если не вызываются, то поддерживаются неумѣлымъ, несправедливымъ или безучастнымъ отношеніемъ къ молодежи тѣхъ, кто долженъ бы жить съ ней душа въ душу и ея интересы сдѣлать своимъ, такъ сказать, семейнымъ интересомъ». Существующая въ нашей школѣ *система недовѣрія* къ учителю, къ ученику, къ главнымъ руководителямъ учебнаго заведенія, къ обществу,

Digitized by Google

къ самимъ родителямъ—вотъ одна изъ главныхъ причинъ, обращающая нашу школу въ чиновничье присутственное мѣсто. Здѣсь и учитель, и ученики обращены въ простой механизмъ. Механизація проникла даже въ религіозную жизнь нашихъ учебныхъ заведеній, и какія нибудь обязательныя колѣнопреклоненія цѣлой корпораціи въ извѣстные моменты церковныхъ службъ,—напоминающія гораздо болѣе исполненіе воинской команды, чѣмъ искреннее движеніе растроганнаго сердца,—требуются начальствомъ въ замѣнъ воспитанія въ дѣтяхъ ихъ собственнаго религіознаго чувства».

Понятно, что такой неестественный, мертвящій строй нашихъ учебныхъ заведеній отражается самымъ вреднымъ образомъ не только на впечатлительной натурѣ учащихся, но и на отношеніи къ заведенію самихъ учителей и воспитателей.

«Живой души» нѣтъ въ нашей школѣ! Будь эта «живая душа» въ школѣ,—ненормальности постановки учебныхъ предметовъ не такъ бросались бы въ глаза, не такъ сильно коверкали бы дѣтскій организмъ, не было бы «исторій» и «безпорядковъ».

Далѣе авторъ совершенно справедливо ставитъ въ вину нашей школѣ многообъемлемость ея программы, тяжело отзывающуюся на слабомъ дѣтскомъ организмѣ. Благодаря этому книжничеству, изъ нашего общества исчезло здоровье, исчезла радость жизни, исчезла святая вѣра въ будущее. Врачи, криминалисты, статистики, педагоги—всѣ подтверждаютъ это. Ипохондрія, меланхолія, неврастенія, сумашествіе, самоубійство сдѣлались среди образованнаго нашего общества такими же обычными явленіями, какъ лихорадка и насморкъ.

Это результатъ десяти-пятнадцати лѣтъ, проведенныхъ на школьной скамьѣ, стоившихъ громадныхъ расходовъ и лишеній, результатъ, по истинѣ, не особенно привлекательный и цѣнный...

Книга г. Маркова проникнута не только знаніемъ нашей школы, но и любовью къ ней, желаніемъ указать дѣйствительные ея недочеты и пробѣлы. Поэтому нельзя не пожелать ей самаго широкаго распространенія, какъ среди родителей, такъ и воспитателей и учителей нашего молодаго поколѣнія. Къ тому же теперь, при министерствѣ народнаго просвѣщенія, наряжена особая комисія подъ предсѣдательствомъ попечителя кавказскаго учебнаго округа, К. П. Яновскаго, и книга г. Маркова должна обратить на себя ея вниманіе.

А. С. Дембовецкій. Пріемы хозяйства, обогащеніемъ почвы обогащающаго хозяйство. Спб. 1901 г.

Заглавіе названной книги,—какъ видитъ читатель,—не особенно толково. Но это не важно: г. Дембовецкій — земледѣлецъ, а не литераторъ. Для насъ его книга можетъ быть интересна только исключительно съ сельско-хозяйственной точки врѣнія.

Digitized by Google

Г. Дембовецкій ведетъ свое хозяйство въ имѣніи Бердовкѣ, расположенномъ въ средне-западной, нечерноземной полосѣ Россіи, въ 14 верстахъ отъ станціи Полѣсской желѣзн. дор. и уѣзднаго города Лиды, виленской губ. Всей земли въ Бердовкѣ и не въ далекомъ сосѣдствѣ—около 4000 десятинъ. «Распоряженіе имѣніями,—говоритъ авторъ,—съ начала 1868 г., непрерывно въ теченіе 32 лѣтъ, принадлежитъ нынѣшнему владѣльцу; но, будучи однороднымъ по личности (владѣльца), оно, по времени, разбивается на два рѣзко противоположныхъ періода: хищническаго полеводства до 1884—1887 года, когда таковое народилось въ вѣдѣніи арендатора или самостоятельнаго управляющаго, и систематически улучшающаго почву съ 1887 г., послѣ того, какъ за нѣсколько времени предъ тѣмъ самъ хозяинъ сталъ готовить руки для того, чтобы взять въ нихъ дѣла»! (стр. 3).

Имѣніе Бердовка,—гдѣ авторъ ведетъ хозяйство,—до 1887 г. представляло изъ себя, какъ говорится, «мерзость запустѣнія». «Луга были засорены ольхою, лозняками, покрыты образовавшимися съ незапамятныхъ временъ густыми кочками. Части луга, прилегавшія къ полямъ, мало-по-малу подпахивались арендаторомъ, потому что представляли свѣжую неистощенную почву, не оставлялись въ покоѣ подъ лѣсовозобновленіе и лѣсныя прогалины, а отдавались подъ хищническую разработку посторонними за третій снопъ, т. е. за одну треть урожая имѣнія, чтобы хоть какъ нибудь прибавить зерна и соломы, урожай которыхъ на поляхъ постепенно уменьшался. Производительнаго скота, дойныхъ коровъ находилось всего 50, 60 головъ, приносившихъ за удой въ годъ по 16 р. дохода, а бо́льшаго числа нечѣмъ было бы выкормить по недостатку сѣна и соломы. Десятина ржи давала не болѣе пяти копъ, пудовъ 25 зерна и 35 соломы, а травосѣянія и посадки корнеплодовъ не производилось вовсе, потому что ни клеверъ, ни картофель не могутъ произрастать на истощенной почвѣ». (стр. 7).

Имѣніе годъ отъ году обезцѣнивалось. Производительность его едва окупала производство.

«Когда горькая правда была сознана,—повѣствуетъ авторъ,—наступила минута избрать одно изъ двухъ: бросить все, продать, уйти, или поставить хозяйство въ условія, которыя обезпечатъ возстановленіе высшаго плодородія и выгодныхъ урожаевъ. Мы избрали послѣднее. Такое рѣшеніе обязывало приступить къ правильному улучшенію и добудные усвоить, составить и привести въ исполненіе общій планъ, а для этого прежде всего добыть умственный и денежный капиталъ. Пріобрѣтеніе перваго и затѣмъ примѣненіе къ дѣлу, естественно, потребовало времени; зато второй отыскалъ въ самихъ имѣніяхъ,—только не такъ, какъ предполагалъ помянутый хозяинъ. Усвоеніе умственнаго капитала показало, что улучшенія въ хозяйствѣ могутъ предприниматься различными пу-

Digitized by Google

тями, сводящимися къ двумъ типичнымъ способамъ: выжидательному, посредствомъ времени, и ускоренному, посредствомъ денегъ, основнаго капитала, называемаго, обыкновенно, улучшающимъ (мелioраціоннымъ). Первый способъ отвергаетъ затрату капитала на дорого стоющія прочныя улучшенія, удерживающія его навсегда въ землѣ или на землѣ, а требуетъ цѣлесообразнаго взаимодѣйствія разнородныхъ почвъ имѣнія для возстановленія силъ однихъ земель другими, напримѣръ, залуженіемъ, оставленіемъ полей низкихъ или сырыхъ подъ выгонъ, а сухихъ—подъ долгій паръ. Второй, напротивъ, основанъ на усиленномъ добываніи навоза, наибольшемъ удобреніи, а для этого — на увеличеніи количества скота, построекъ, служащихъ, слѣдовательно, на вложеніи въ землю соотвѣтственнаго капитала. Первый способъ улучшеній и основанное на немъ хозяйство получили опредѣленіе экстенсивнаго, отъ слова extensif, растягивательный, не торопящій времени; второй—интенсивнаго, отъ intensif, сгущенный, не выжидающій, а сгущающій время и хозяйство новыми силами, пріобрѣтаемыми за деньги» (стр. 8 и 9).

Хотя интенсивное хозяйство хорошо, удобно и выгодно, но только не у насъ, а тамъ гдѣ-то въ Пруссіи и во Франціи... «Для нашей мѣстности,—говоритъ авторъ,—высокая сгущенность или интенсивность преждевременна» (стр. 10).

Высказавъ такой взглядъ на интенсивное хозяйство, авторъ тѣмъ не менѣе настаиваетъ на увеличеніи скотоводства, «составляющаго естественную и прибыльную статью сельскаго хозяйства». Онъ приводитъ даже цифры изъ сочиненія Радцига: «Скотоводство и молочное хозяйство въ разныхъ государствахъ», свидѣтельствующія, насколько Россія, съ ея огромными степными и черноземными пространствами, въ скотоводствѣ отстала отъ другихъ европейскихъ государствъ, далеко уступающихъ нашему отечеству въ благопріятныхъ естественныхъ условіяхъ для веденія молочнаго хозяйства.

По количеству крупнаго скота на 100 душъ населенія, европейская Россія, въ кругу 25 другихъ государствъ, стоитъ на двадцатомъ мѣстѣ, а по числу коровъ она—предпослѣдняя: на 100 душъ населенія въ маленькой Даніи имѣется 46 коровъ, въ Швеціи—35, Норвегіи—34, Швейцаріи—22, Германіи—20, Венгріи—19, Австріи—18, а въ Россіи—10 и въ Италіи—8. Затѣмъ Россія является послѣднею по количеству ведеръ молока въ годъ на душу: — въ Даніи 67, въ Россіи—7. По выраженной въ рубляхъ оцѣнкѣ удоя на каждаго жителя: въ Даніи 45 руб., въ европейской Россіи 2 руб. 73 коп. По вывозу молочныхъ производствъ: Голландія на 53 мил. руб.; Данія на 39 мил., а огромная Россія, безъ Финляндіи, только на $2^1/_2$ мил. руб. А вѣдь скотоводство и интенсивность, г. Дембовецкій, идутъ рука объ руку. Но неужели для нашего отечества преждевременно сравняться, по вывозу молочныхъ продуктовъ, хотя бы съ крошечной Голландіей?!

Digitized by Google

Г. Дембовецій ясно представляетъ, что наше сельское хозяйство все болѣе и болѣе падаетъ, иногда не окупаетъ даже расходовъ, затраченныхъ на него. Выходъ изъ этого тяжелаго и ненормальнаго положенія онъ видитъ, однако, не въ интенсивности хозяйства, а въ расширеніи сельскохозяйственнаго винокуренія. Но и здѣсь ему не везетъ: мѣшаетъ винная монополія. Задача послѣдней—сократить пьянство русскаго народа—идетъ въ разрѣзъ съ интересами землевладѣльцевъ, желающихъ поправить свои дѣла на винокуреніи. Сокращеніе пьянства, очевидно, противорѣчитъ ихъ желаніямъ. По мнѣнію автора, правительство должно думать (конечно, онъ этого прямо не говоритъ) не о сокращеніи, а объ увеличеніи пьянства...

Водка, по мнѣнію г. Дембовецкаго, для народа предметъ первой необходимости (стр. 84). «Всякій простолюдинъ—консерваторъ по преимуществу, строгій и суевѣрный хранитель преданій и обычаевъ; а потому хлѣбное вино составляетъ для него первѣйшую необходимость: на рождество Христово, пасху, сватанье, сговоры, свадьбу, рожденіе ребенка, на крестины, похороны, на закладку дома, освященіе постройки, совершеніе крупной купли, продажи и многихъ другихъ», (стр. 85). Неужели г. Дембовецкій не знаетъ, что крестьянинъ пьетъ не въ эти только торжественные дни? А, дѣйствительно, дѣла господъ помѣщиковъ хорошо бы пошли, еслибы правительство, вмѣсто стремленія къ сокращенію пьянства, поощряло его, хотя бы выдачею какихъ либо дешевыхъ премій!..

Мы сомнѣваемся, чтобы сельскій хозяинъ, серьезно желающій улучшить свое хозяйство, нашелъ въ разсматриваемой нами книгѣ какіе либо полезные совѣты или указанія. Лучшія страницы этой книги заимствованы у А. Н. Энгельгарда и Розенберга-Липинскаго. Для сельскаго хозяина, конечно, полезнѣе обратиться къ первоисточнику, т. е. къ Энгельгардту и Розенбергу-Липинскому, за свѣдѣніями, чѣмъ къ г. Дембовецкому.

М. Д. Бутинъ. **Сибирь, ея дореформенные суды и условія веденія торговыхъ и промышленныхъ дѣлъ до сооруженія сибирской желѣзной дороги.** Изданіе 2-е, Спб. 1900 г.

Предъ нами крайне любопытная книга, рисующая сибирскіе нравы и сибирское судопроизводство. Процессъ Бутина тянется почти 20 лѣтъ и еще неизвѣстно, когда онъ окончится.

На 1 декабря 1882 года въ балансѣ фирмы пассивъ значился въ суммѣ 5.792,077 руб., активъ же фирмы — 8.097,627 руб., т. е. превышалъ пассивъ на 2.305,550 руб. Казалось бы, что такое положеніе дѣлъ для фирмы достаточно благопріятно. Но сибирскіе дѣльцы отнеслись къ этому совсѣмъ иначе. Они забили тревогу, что фирма Бутиныхъ наканунѣ краха. Учреждается администрація, которая начинаетъ работать

Digitized by Google

«по своему», не отдавая никому отчета. За 20 лѣтъ она сожрала сотни тысячъ руб. на свое содержаніе. Другими словами, началась старая исторія,—это съѣданіе администраціей актива фирмы или опекаемаго лица. Дѣлу администрація никогда не помогаетъ, т. е. не поднимаетъ его, а только съѣдаетъ послѣдніе гроши.

Во что обходятся апетиты администраторовъ для опекаемой фирмы—лучшей иллюстраціей можетъ служить отчетъ одного изъ администраторовъ фирмы Бутиныхъ, г. Михельсона, по поѣздкѣ его въ 1890 г. въ Петербургъ. На клочкѣ бумаги, представленной въ администрацію въ видѣ оправдательнаго документа, г. Михельсонъ записалъ слѣдующіе расходы:

Поѣздка	1,900 р.
Суточныя ему, Михельсону, за 14 мѣс. . .	4,200 »
За веденіе дѣлъ	10,000 »
Уплачено г. Плевако	5,000 »
За консультаціи	4,200 »
Писцамъ и типографіи	1,125 »
Гербовый сборъ и посыльные	1,125 »
Всего . . .	27,505 р.

Ни одна фирма не можетъ выдержать подобныхъ расходовъ!

Нужно надѣяться, что новое судопроизводство, введенное въ Сибири въ іюлѣ 1897 г., положитъ предѣлъ дореформенной сибирской юстиціи, «близкой къ безсудію и безправію»,—какъ живописно выразился о ней министръ юстиціи въ засѣданіи Государственнаго Совѣта.

Digitized by Google

ОТГОЛОСКИ.

(Корреспонденція «Наблюдателя»).

I.

Письма изъ Подоліи.

Наша обширная Подолія,—въ частности ея метрополія, губернскій городъ Каменецъ-Подольскъ,—въ полномъ смыслѣ—царство евреевъ и соединенныхъ съ ихъ господствомъ преинтересныхъ штриховъ, фактиковъ и фактовъ. Ихъ накопилось у насъ столько,—и притомъ такихъ интересныхъ и занимательныхъ,—что мы не можемъ не подѣлиться ими съ читателемъ; тѣмъ болѣе, что со времени прекращенія «Новороссійскаго Телеграфа»,—гдѣ я былъ давнишнимъ сотрудникомъ, — сообщать о фактахъ и фактикахъ изъ жизни «избраннаго народа» стало почти негдѣ.—Сообщеніе о всякомъ большомъ или маленькомъ фактикѣ изъ жизни еврейства почитается травлей, затрогиваніемъ «національнаго вопроса» въ Россіи (наша національность невыносима для жидовъ!) а потому и неудобнымъ для печати... Попробуйте написать корреспонденцію о томъ, напримѣръ, что въ Каменцѣ есть еврейская контора, вѣдающая «разныя дѣла» Подоліи,—смѣемъ васъ увѣрить, что въ девяти редакціяхъ изъ десяти не напечатаютъ такого сообщенія. Мы сообщали объ аналогическихъ фактахъ изъ жизни еврейства въ петербургскія, московскія, кіевскія и одесскія газеты и, всюду, по «независящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ», корреспонденція, не смотря на документальную обоснованность, не могла быть напечатана!.. Многолѣтнее газетное и журнальное сотрудничество даетъ намъ право усомниться въ «литературныхъ и стилистическихъ недостаткахъ» корреспонденцій. Гдѣ же причина «непригодности» сообщеній о фактахъ изъ жизни евреевъ и полной ихъ «пригодности» изъ жизни *гоевъ*?

«Развѣ тайна, — говоритъ честный дѣятель С. Ѳ. Шараповъ, — что гг. семиты совершенно заполонили русскую печать?

«Кто даетъ тонъ большинству газетъ? Евреи. Кто вертитъ дѣлами въ пресловутомъ «союзѣ писателей» въ Петербургѣ? Евреи. Благодаря кому,

Digitized by Google

любой русскій писатель связанъ въ своихъ писаніяхъ *похуже всякой цензуры?* Благодаря кому, въ цѣломъ рядѣ органовъ, о евреяхъ *нельзя сказать ни слова*, что бы они ни выдѣлывали? Посмотрите, — продолжаетъ почтенный публицистъ,—какъ еврей захватываетъ печать. Существуетъ старая, почтенная, чисто-русская газета. Издатель расширяетъ дѣло, забираетъ въ кредитъ (у евреевъ) бумагу, машины. Небольшая заминка. Ему любезнѣйшимъ образомъ предлагаютъ «обратить дѣло въ акціонерное» и остаться полнымъ хозяиномъ. Онъ соглашается. Еще немного, и онъ уже ловко устраненъ отъ дѣла и изданіе фактически перешло въ руки евреевъ. Возьмите исторію Добродѣева. Это уже фруктъ созрѣвшій и упавшій. А сколько этихъ фруктовъ еще только зрѣетъ... Почему В. В. Комаровъ, знающій, что такое евреи въ Россіи, не писнетъ о нихъ ни слова въ своемъ «Свѣтѣ»?.. (С. Шараповъ. «По русски»).

Въ «Свѣтъ», между прочимъ, мы тоже посылали сообщенія о нѣкоторыхъ фактахъ изъ жизни евреевъ, но «Свѣтъ» не соизволилъ «освѣтить» ихъ на своихъ страницахъ.

Близкое знакомство съ многими редакціями дало мнѣ возможность познакомиться съ дѣятельностью пришельцевъ, самозванно взобравшихся на каѳедру и просвѣщающихъ оттуда свою неразборчивую аудиторію. Мало отраднаго вынесъ я оттуда! Вотъ фактъ изъ жизни редакціи одной изъ южныхъ газетъ. Если потребуется или кто заинтересуется, мы можемъ назвать эту редакцію и этого жидка-литератора, занимающаго въ редакціи мѣсто секретаря, а по профессіи — помощника-фармацевта. За этимъ *литераторомъ* водится много совсѣмъ нелитературныхъ дѣлъ. Вотъ одно изъ нихъ. «Лѣтираторъ» этотъ состоитъ секретаремъ редакціи. Редакція газеты объявила подписку въ пользу одной интеллигентной женщины, оставшейся послѣ смерти мужа,—съ нѣсколькими дѣтьми и старухой матерью,—рѣшительно безъ всякихъ средствъ къ жизни.

Подписка дала нѣсколько десятковъ рублей. Эти рубли взялся доставить больной женщинѣ секретарь редакціи. И вотъ онъ поставилъ этой больной, несчастной женщинѣ *ультиматумъ*, отказъ отъ котораго влекъ за собой лишеніе такъ необходимыхъ ей рублей. Ультиматумъ былъ принятъ...

Подберите сами эпитетъ этому «лѣтиратору». А вѣдь онъ ежедневно просвѣщаетъ въ своихъ замѣткахъ цѣлую аудиторію. До слезъ становится обидно и больно!.. У насъ есть еще въ запасѣ достаточное количество такихъ эскизовъ изъ жизни строчилъ-жидовъ, смотрящихъ на святое дѣло съ одними гешефтмахерскими цѣлями. Но о нихъ въ другой разъ.

Какъ правъ г. Шараповъ, когда въ своемъ сборникѣ («По русски»), между прочимъ, пишетъ: «Въ газетномъ дѣлѣ любой прохвостъ, негодяй

Digitized by Google

и шантажистъ напишетъ мало-мальски грамотную статью, узнаетъ какой-либо пикантный фактъ или подслушаетъ разговоръ — какъ уже прямо взбирается на газетную каѳедру просвѣщать иногда десятки тысячъ читателей».

Возвращаюсь къ нашей злосчастной, разъѣдаемой жидами, Подоліи и въ частности къ Каменцу.

Каменецъ-Подольскъ (губернскій городъ) принадлежитъ къ типу столь распространенному на святой Руси — обойденныхъ городовъ; «губернскаго» въ немъ ровно ничего нѣтъ, кромѣ страшной грязи, свезенной вѣроятно со всей широкой губерніи. Жителей въ этомъ городѣ тридцать семь тысячъ; изъ нихъ половина евреевъ. Одинъ русскій кормитъ одного жида. Чѣмъ занимаются эти жиды? очень естественно спросятъ. Изъ всего количества евреевъ *ни въ какомъ* случаѣ не больше *тысячи* занимаются ремеслами; остальные же... занимаются *гешефтами* въ гнуснѣйшемъ смыслѣ этого слова.

Магазиновъ *русскихъ* на весь городъ только *три*; *всѣ* остальные — еврейскіе.

Ремесленники—*всѣ* евреи. Агенты обществъ—евреи. Врачи—евреи; есть лишь нѣсколько поляковъ и русскихъ. Аптеки—еврейскія. Мелкая торговля—мясная, дровяная—*вся* въ еврейскихъ рукахъ. Русскій человѣкъ буквально находится въ рукахъ у жида. Евреи знаютъ *рѣшительно все*. Узнаютъ же они при помощи тандытниковъ (старьевщиковъ), папиросниковъ, портныхъ, etc.

Всѣми дѣлами въ городѣ вѣдаетъ особая справочная контора, въ которой можно получить самыя разнообразныя, удивительныя по своей точности и свѣжести, свѣдѣнія.

Недавно одна такая подпольная контора, имѣвшая «филіальныя» отдѣленія въ уѣздныхъ городахъ подольской губерніи, была открыта властями.

Одинъ «мишуресъ»—еврей Волько (что такое мишуресъ и какова его власть,—объ этомъ скажемъ въ свое время) открылъ было «справочную контору», въ которой давались самыя разнообразныя «справки», благодарность же за эти справки колебалась отъ *50 до 600 р.* и болѣе.

«Справки», видимо, носили такой характеръ, что потребовалось открыть «филіальныя отдѣленія». Дѣятельность этого учрежденія продолжалась, однако, недолго—года четыре... Обороты этого «акціонернаго» предпріятія были такъ хороши, что когда, по требованію полиціи, одинъ изъ «акціонеровъ» выѣхалъ изъ Каменца, то увезъ съ собой болѣе *пятнадцати тысячъ* изъ государственнаго банка, а прибылъ въ Каменецъ нищимъ.

Отсюда можно судить, сколько выпало на долю «директора» предпріятія, мишуреса Волько.

Digitized by Google

Контора эта имѣла писцовъ и своихъ «кліентовъ» извѣщала телеграммами такъ часто (до чего доходило нахальство!) и такъ ясно, что невольно было обращено вниманіе на эти телеграммы и дѣлу данъ законный ходъ.

Кромѣ явнаго ростовщичества, санкціонируемаго закономъ въ формѣ ссудныхъ кассъ, которыхъ у насъ *четыре* и всѣ содержатся евреями, процвѣтаетъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ ростовщичество тайное, причемъ оно принимаетъ такую форму, что его не проймешь никакими законами. Для примѣра укажу пока одинъ видъ такого ростовщичества. Въ числѣ ростовщиковъ, являющихся представителями именно *такого* вида ростовщичества, есть одинъ, по фамиліи І. Ш. (можно представить документальныя данныя, если потребуется), нѣкогда бѣдный жидочекъ, теперь владѣющій сорокатысячнымъ домомъ въ центрѣ города. Какъ онъ нажилъ этотъ домъ? А вотъ какъ: наше сельское духовенство, какъ извѣстно, слабо обезпечено въ матеріальномъ отношеніи; эта отрицательная сторона его жизни создаетъ, конечно, много аномалій, компромиссовъ etc. Оканчиваетъ бѣдный ученикъ семинарію, и кое-какъ женится. Въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ, ему настоятельно необходимы матеріальныя средства для первоначальнаго обзаведенія домашнимъ скарбомъ, а средствъ этихъ (тоже въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ)—нѣтъ. Многосемейному священнику, воспитывающему дѣтей въ духовномъ училищѣ и женскомъ духовномъ пансіонѣ, очень часто необходимы бываютъ деньги, а гдѣ ихъ взять неимущему? Выдаетъ священникъ дочь замужъ, заболѣетъ опасно жена, — нужны также деньги. А жалованья всего триста рублей да и получается оно *по полугодіямъ*.

Вотъ тутъ-то и закидываютъ свои удочки жиды-пауки! Крючокъ сильно впивается въ беззащитную рыбку; бьется, трепещетъ она. По неволѣ ищетъ священникъ благодѣтеля, который выручилъ бы его въ трудную минуту. Такими «благодѣтелями» является цѣлая плеяда Ш—новъ.

Священникъ получаетъ отъ «благодѣтеля» сто рублей, а выдаетъ *довѣренность на полученіе полугодичнаго жалованья*, т. е. ста пятидесяти рублей. За свое благодѣяніе *благодѣтели* получаютъ 50 рублей за полгода! Довѣренность оформливается у нотаріуса. Попробуйте примѣнить къ такимъ господамъ законъ о ростовщичествѣ? Этого-де въ законѣ не предусмотрѣно.

Всю Подолію г. Ш. знаетъ, какъ свою синагогу; очень интересуется «Епархіальными Вѣдомостями», переводами, назначеніями etc. Очень часто разъѣзжаетъ по Подоліи, словно баскакъ, за данью.

Есть спеціальные ростовщики-жиды, которые ссужаютъ «ясновельможныхъ пановъ-помѣщиковъ», ясновельможность которыхъ давно уже потускнѣла, благодаря жидамъ. Нашъ помѣщикъ безъ жида не обойдется.

Digitized by Google

Правда, большая часть помѣщиковъ—поляки и это уже—ихъ историческое наслѣдіе. Только раньше они сидѣли на Янкелѣ, а теперь Янкель сидитъ на шеѣ пана и хорошо сидитъ, прочно! Почти всегда видишь такую картину: ѣдетъ въ фаэтонѣ польскій помѣщикъ; четверка лошадей, два гайдука на козлахъ, а рядомъ съ «ясновельможнымъ паномъ» сидитъ плюгавый и грязный жидочекъ, и какимъ еще фертомъ сидитъ!

Одинъ-два неурожая и помѣщикъ съ удовольствіемъ сажаетъ жида себѣ на шею, а тамъ и пошло. Много погибло и гибнетъ въ настоящее время прекрасныхъ имѣній, земель, угодій, и все это переходитъ въ жидовскія цѣпкія руки, которыя, если что словятъ, то уже не выпустятъ.

На дняхъ мы видѣли уморительную,—но вмѣстѣ съ тѣмъ и грустную,—картинку: ѣдетъ въ фаэтонѣ помѣщикъ (русскій, принадлежащій къ родовымъ аристократамъ); по бокамъ два ободранныхъ жидка-мишуреса... И мы твердо увѣрены (говоримъ на основаніи опыта), что вылетитъ въ трубу помѣщикъ,—это несомнѣнный фактъ. Подкопали вѣдь жиды и всю Польшу; благодаря имъ, она и рухнула.

Еще въ худшемъ состояніи находятся наши крестьяне, которыхъ жиды буквально обираютъ до нага. Въ мѣстечкахъ, куда привозятъ мужички свои продукты, *цѣну ихъ сѣдаетъ* еврейская монополія. Наши мѣстечки сплошь заселены жидами.

Представьте себѣ сельскую крестьянку, которую окружаютъ три жида и начинаютъ убѣждать ее продать гусей по тридцати копѣекъ штука (настоящая же цѣна 1 рубль). Перекричатъ они бѣдную и, рада не рада, она поддается жидовской убѣдительности, всегда граничащей съ самымъ беззастѣнчивымъ нахальствомъ и даже насиліемъ.

Чиновничество въ городѣ (не только мелкое, но и крупное) очень и очень часто находится въ зависимости отъ жидовъ. Съ охотой даютъ имъ въ долгъ изъ жидовскаго магазина различный товаръ, но это уже отношенія... не покупателя и продавца, а нѣчто другое, причемъ жидокъ фамильярно справляется: «какъ здоровье вашей дочки? А сынъ въ какомъ классѣ? А я слыхалъ, что вашего начальника переводятъ»... etc., etc.

Власти деревенскія—старшины, писаря, урядники, пристава,—по необходимости должны сталкиваться съ «избраннымъ народомъ». Но это «столкновеніе» всегда носитъ характеръ дружественный. Съ жидомъ вся эта власть обходится въ тысячу разъ вѣжливѣе и предупредительнѣе, чѣмъ съ обыкновеннымъ мужичкомъ. Честь и мѣсто жиду!

Жиды очень часто являются даже неофиціальными помощниками властей. Въ подтвержденіе этому, приведемъ одинъ изъ многихъ фактовъ.

Въ одномъ сельцѣ Подоліи происходятъ миссіонерскія собесѣдованія на открытомъ воздухѣ и въ присутствіи властей «для порядка». Штундисты

Digitized by Google

слишкомъ «упорствуютъ» и не убѣждаются доводами миссіонера, и вотъ одинъ изъ жидковъ въ толпѣ начинаетъ подвывать: «ай, ай, якій ты дурный, Ивоне, якъ бы мині батюшка стільки говорилъ, я бы давно уже послухався»... Власти не протестовали. Хороши миссіонеры!

Слишкомъ много имѣется у насъ матеріала, ясно доказывающаго, какъ неправы тѣ, кто въ изложеніи фактовъ,—*слишкомъ ужъ часто встрѣчающихся среди евреевъ* и ярко оттѣняющихъ ихъ враждебныя отношенія къ гоямъ,—видятъ «возбужденіе національной вражды». Такимъ защитникамъ слишкомъ уже растяжимой «гуманности» надо побольше и поближе узнать подлинную жизнь еврейства, пожить среди нихъ, сталкиваться съ ними чаще, а потомъ ужь дѣлать не кабинетные выводы.

Никто не станетъ отрицать, что среди евреевъ есть люди дѣльные, честные; но не надо отрицать, красной нитью проходящаго чрезъ всю исторію «избраннаго народа», его отношеній къ людямъ, среди которыхъ они живутъ, отношеній in согроге, въ силу талмуда и шулханъ-аруха.

Много терпитъ нашъ «всевыносящій» русскій народъ; глубоки его раны и язвы, и одной изъ этихъ язвъ несомнѣнно является еврейскій вопросъ, надъ разрѣшеніемъ котораго надо очень и очень серьезно подумать, такъ какъ бродячее племя, только эксплуатирующее Россію, слишкомъ глубоко пустило свои корни, слишкомъ извращаетъ русскую жизнь, и нравственную, и экономическую. Но объ этомъ въ другой разъ.

Обыватель.

Подолія, 20 ноября 1900 г.

II.

Съ дороги.

Посѣтивъ Крымъ, его лучшую жемчужину—красавицу Ялту—и другіе уголки крымскаго побережья и поразобравшись въ многочисленныхъ впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ изъ путешествія, приходишь къ тому убѣжденію, что Крымъ и въ особенности Ялта—совершенно ожидовлены. Куда ни взглянешь — всюду жиды. Въ Симферополѣ большинство магазиновъ жидовскіе и съ каждымъ годомъ ихъ становится все больше да больше!

Въ Ялтѣ я былъ во время *еврейскихъ праздниковъ* и съ террасы гостинницы Грандъ-Отель наблюдалъ, какъ въ синагогу, находившуюся напротивъ и изъ которой далеко разносилось громкое и дисгармоническое пѣнье еврейскихъ псалмовъ, шла многочисленная еврейская толпа, въ

Digitized by Google

которой преобладающимъ элементомъ были «цибулизованные» жиды: жидовки въ нарядахъ по послѣдней модѣ и жиды въ цилиндрахъ.

Подобное многолюдство евреевъ въ Ялтѣ немало удивило меня, главнымъ образомъ потому, что Ялта, кажется, еще не входитъ въ черту еврейской осѣдлости. Глядя на голосящую [1]) толпу жидовъ, мнѣ показалось, что я снова очутился въ Минскѣ, Ковнѣ или Вильнѣ.

Многіе изъ ялтинскихъ магазиновъ—жидовскіе. Въ Севастополѣ—нашей святынѣ и современной крѣпости громаднаго значенія, — жидовскія типичныя физіономіи и жидовскій говоръ—на каждомъ шагу.

Словомъ, Крымъ, за послѣдніе годы, вполнѣ ожидовился. Но что сему причина? Это жидовское нашествіе удивительно тѣмъ болѣе, что на недалекомъ отъ Крыма—Кавказѣ,—а именно на кавказскихъ минеральныхъ водахъ (Пятигорскъ, Желѣзноводскъ, Кисловодскъ и Эссентуки) жидовъ совсѣмъ не видать, и если возможно было охранить группу минеральныхъ водъ отъ жидовскаго нашествія, то казалось бы возможно было бы уберечь отъ этого нашествія и крымское побережье...

А, между тѣмъ, переполненіе Крыма жидами грозитъ обратить этотъ чудный край въ нѣчто въ родѣ Бердичева и Шклова. Теперь уже традиціонное нахальство жидовъ кидается въ глаза при малѣйшемъ соприкосновеніи съ ними; что же будетъ, если они почувствуютъ себя *полными хозяевами* Крыма?! Тогда они съумѣютъ показать свое превосходство (численное) и мѣстное населеніе горько поплатится за допущеніе жидовъ въ свою среду, а чудныя поэтическія мѣста едва ли будутъ привлекать къ себѣ тѣхъ, кѣмъ живетъ Крымъ, т. е. пріѣзжихъ—больныхъ и здоровыхъ.

Мы уступаемъ Крымъ жидамъ и вообще инородцамъ: грекамъ, нѣмцамъ, армянамъ, — и скоро хозяевами Крыма станутъ иноплеменники; намъ же останется роль «униженныхъ и оскорбленныхъ», дѣйствующихъ всегда въ разбродъ и уступающихъ свои мѣста болѣе пронырливымъ и оборотливымъ людямъ...

Примѣромъ можетъ служить Гурзуфъ — чудное мѣстечко Крыма, капиталами Губонина устроенное и приведенное въ цвѣтущій видъ. Теперь, послѣ смерти Губонина, Гурзуфъ клонится къ упадку. Прекрасный паркъ уже не поливается, фонтаны умолкли, дорожки не подметаются. Въ роскошномъ ресторанѣ одной изъ 7-ми гостинницъ, гдѣ устроенъ изящный потолокъ, сервировка устарѣла, салфетки порваны, лакеи... О лакеяхъ разскажу не анекдотъ, а быль.

15-го сентября, сидя въ этой чудной залѣ въ ожиданіи обѣда, мы (насъ было четверо) стали свидѣтелями, какъ лакей, вытиравшій одною

---

[1]) Выраженіе: «жиды, *голосящіе* въ своей синагогѣ», употреблено впервые Екатериною II-ю въ одномъ изъ ея писемъ.

Digitized by Google

и тою же салфеткой—сначала полъ, потомъ посуду, плюнулъ въ тарелку и обтеръ ее тою же салфеткой!

Заявлять объ этомъ было безполезно: за буфетомъ тѣ же лакеи, съ такими же взглядами и отношеніями къ «публикѣ».

Какъ видите, порядки таковы, что можно только удивляться, что Гурзуфъ продолжаетъ еще посѣщаться, хотя бы и московскими купцами.

Говорятъ, что недавно умершій извѣстный инженеръ Березинъ замышлялъ устроить рядомъ съ Гурзуфомъ такой курортъ, подобнаго которому у насъ еще не было, ассигновавъ на это оборудованіе нѣсколько милліоновъ. Жаль будетъ, если лицо, которому Березинъ завѣщалъ устроить курортъ, не исполнитъ его воли. Планы церкви надъ его могилой, гостинницъ и мостовъ уже имѣются и находятся у наслѣдницъ имѣнія.

Много въ Крыму уголковъ, чудныхъ по природѣ, но совершенно неблагоустроенныхъ.

Симеизъ, Лимены, Кастрополь, Ай-Тодоръ, Алушта—все это драгоцѣнности, требующія затратъ и устройства. И вездѣ дороговизна; въ особенности въ Ялтѣ, загрязненной до-нельзя. Купаться въ Ялтѣ приходится,—говоря образно,—въ окрошкѣ изъ корокъ арбузныхъ и дынныхъ, виноградной кожуры и шелухи отъ сѣмячекъ. Антигигіеиченъ и способъ мощенія мѣстъ гулянья крупнымъ морскимъ гравіемъ изъ камушковъ и изъ ракушекъ: подмести его нельзя и подъ нимъ всегда гніютъ выплевываемыя виноградныя косточки и кожура.

За многое нельзя похвалить Ялту: скудость зелени, грязные тротуары, а, главное, вонь со дворовъ—вотъ черты ялтинскаго неблагоустройства. Алупка куда симпатичнѣе и чище Ялты, хотя не много дешевле ея.

Далекъ и путь въ Крымъ изъ сѣверной и западной Россіи. А если еще путь этотъ полонъ неудобствъ, то понятно, что стремленіе уѣхать лѣтомъ въ Финляндію, на рижскій штрандъ или за границу не ослабляется прелестью нашего поэтичнаго, но неблагоустроеннаго Крыма.

А что желѣзнодорожное путешествіе полно неудобствъ, тому примѣровъ немало. Вотъ нѣкоторыя изъ терній, которыя встрѣтилъ я на своемъ пути.

Пріѣхавъ въ Севастополь за $1^1/_2$ часа до отхода поѣзда на станцію ж. д., я на просьбу о билетѣ получилъ отвѣтъ, что на билеты надо было записаться заранѣе и что ихъ на курьерскій поѣздъ въ кассѣ нѣтъ: всѣ уже записаны. Рѣшивъ ожидать до слѣдующаго поѣзда, я, — по совѣту какой-то сердобольной дамы,—нѣсколько разъ подходилъ къ кассѣ: узнать, не отказался ли кто изъ записавшихся на билеты, но отвѣты кассира были все также неблагопріятны; по его словамъ, всѣ билеты были уже разобраны. Но вотъ ударилъ первый звонокъ и я, по совѣту той же опытной дамы, въ 4-й разъ подошелъ къ кассѣ и, ставъ въ ряды такихъ же *незаписавшихся*, получилъ 3 билета 2-го класса, всего же

Digitized by Google

было выдано, по моимъ наблюденіямъ, не менѣе 10-ти билетовъ 2-го класса. Въ чемъ же здѣсь разгадка?

Косвенное рѣшеніе этого вопроса получилось еще ранѣе при совѣтѣ носильщика пріобрѣсти отъ одного записавшагося, но могущаго отложить свой отъѣздъ пассажира,—право на билетъ за 3 рубля. Кто же эти записывающіеся,—всѣ эти Ивановы, Егоровы, Захаровы? Не изъ числа ли они тѣхъ, кому и ѣхать не нужно? Не родственники ли они—эти записывающіеся, но не ѣдущіе пассажиры—тѣхъ же носильщиковъ, вѣсовщиковъ, кондукторовъ и т. п. служащихъ на севастопольской ж. д. станціи? Подобное предложеніе невольно является, если возможна продажа своихъ «правъ» на записанное мѣсто при посредствѣ носильщиковъ. На такой распорядокъ, существующій на ст. Севастополь, слѣдовало бы обратить вниманіе кому надлежитъ, а также слѣдовало бы преподать носильщикамъ этой станціи правила вѣжливости, такъ какъ, по своей грубости, невнимательности и небрежному отношенію къ пассажирамъ и ихъ вещамъ,—носильщики этой станціи могутъ взять первый призъ, а ихъ изобрѣтательность въ способахъ заполучить съ пассажировъ побольше «на чаекъ»—внѣ конкурса. Такъ, снявъ съ экипажа мои вещи, носильщикъ улетучился; сдавать багажъ уже послѣ 1-го звонка пришлось второму носильщику, причемъ онъ заявилъ, что вещи въ вагонъ понесетъ третій носильщикъ, а ему некогда; 3-й носильщикъ приглашалъ отъ себя уже 4-го, тогда какъ вещей (на 3-хъ лицъ) было пять небольшихъ мѣстъ. Пришлось платить всѣмъ тремъ, а къ отходу поѣзда явился и первый, которому тоже надо было уплатить, такъ какъ онъ снималъ вещи съ экипажа. Подобное перебѣганіе носильщиковъ отъ пассажира къ пассажиру весьма выгодно... но только не пассажиру, а самимъ носильщикамъ [1]).

Приведенныя «мелочи», обрисовывая условія путешествія по матушкѣ Россіи, наводятъ на нѣкоторое раздумье.

И стоитъ только проѣхать сотни три-четыре верстъ по нашимъ желѣзнымъ дорогамъ, чтобы испытать весьма много совершенно ненужныхъ безпокойствъ всякаго рода, вполнѣ отравляющихъ всѣ прелести дорожныхъ впечатлѣній.

Прибавьте къ этому еще видъ шныряющихъ по платформамъ жидовъ,—видъ, сопровождавшій меня отъ Минска до Смоленска, отъ Харькова до Севастополя и обратно отъ Севастополя до Ковна,—и понятнымъ станетъ раздражительное настроеніе и невольное восклицаніе: «Поменьше бы жидовъ, побольше порядка»!

Пріѣхавъ теперь въ польско-литовско-жидовскій городъ Ковно, я вижу, что здѣсь русскому человѣку живется очень не легко. Нѣтъ ни сплочен-

---

[1]) Заносить объ этомъ въ жалобную книгу, обыкновенно, нѣтъ ни времени, ни охоты; нѣтъ и увѣренности, что на такія «мелочи» обратятъ вниманіе...

Digitized by Google

наго русскаго общества, ни того русскаго уклада жизни, при которомъ гостепріимство и хлѣбосольство являлись нѣкогда непремѣнными спутниками русской семьи. Стоитъ только прійти въ любую лавку и заговорить по русски, чтобы услышать ни съ чѣмъ несообразныя цѣны. Но если заговорить по нѣмецки, или по польски—цѣны быстро уменьшаются. Да и во многихъ мелочахъ выражается недоброжелательность евреевъ и поляковъ къ русскимъ. Писать объ этомъ можно очень долго. Странно одно, какъ до сихъ поръ поляки не пришли къ тому убѣжденію, что *лучше всего имъ живется въ Россіи* и что если они сохраняютъ еще свои національныя черты, то только у насъ, благодаря русскому правительству и неизмѣнно благодушному русскому народу.

А. Р.

Г. Ковно, *17-го ноября 1900 г.*

III.

Милостивый Государь г. Редакторъ!

При семъ препровождаю Вамъ вырѣзку изъ «Варшавскаго Дневника» отъ 5 ноября сего года, № 302. Въ этой вырѣзкѣ заключается назидательная *исторія протеста варшавскихъ ремесленниковъ противъ допущенія евреевъ въ цехи.*

Пользуюсь случаемъ засвидѣтельствовать Вамъ мое глубокое уваженіе.

А. Б.

Протестъ варшавскихъ ремесленниковъ противъ допущенія евреевъ въ цехи.

Во время послѣдняго ремесленнаго съѣзда въ Петербургѣ варшавскіе ремесленники представили съѣзду рефератъ, въ которомъ высказались категорически противъ допущенія евреевъ въ цехи, о чемъ на съѣздѣ возбуждался вопросъ сторонниками семитовъ. Рефератъ этотъ пришелся сильно не по душѣ правленію варшавскаго отдѣленія «Общества для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ», которое, безъ вѣдома подавшихъ рефератъ, снабдило его припискою, высказавшись въ пользу принятія еврейскихъ ремесленниковъ въ число цеховыхъ масторевъ. Узнавъ объ этомъ, варшавскіе ремесленники препроводили въ комитетъ общества въ Петербургѣ,—куда поступило заключеніе правленія варшавскаго отдѣленія общества,—протестъ слѣдующаго содержанія, который, въ виду его общественнаго интереса, приводимъ цѣликомъ.

Digitized by Google

Правленіе варшавскаго отдѣленія общества для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ, въ письмѣ, при которомъ представило требуемый комитетомъ общества рефератъ варшавскихъ ремесленниковъ, составленный согласно присланной программѣ, заявило, между прочимъ: «Правленіе отдѣленія признаётъ, однако, необходимымъ присовокупить, что при разсмотрѣніи этого реферата на засѣданіи совѣта, состоявшаго изъ предсѣдательствующихъ всѣхъ восьми секцій отдѣленія: технической, химической, горнозаводской, земледѣльческой, ремесленной, торговой, сахароваренной и кустарнаго промысла,—большинство присутствовавшихъ высказало мнѣніе, что заключающееся въ п. 3 реферата желаніе, чтобы евреямъ безусловно воспрещено было быть членами цеховъ, не можетъ быть признано выгоднымъ съ точки зрѣнія болѣе общихъ, экономическихъ и общественныхъ, интересовъ».

Такъ какъ правленію заблагоразсудилось, по нижеизложеннымъ причинамъ, сохранить это письмо въ тайнѣ, и делегація, избранная для составленія реферата изъ членовъ ремесленныхъ цеховъ, лишь теперь, и то совершенно случайно, узнала о содержаніи и посылкѣ этого письма, — то мы, нижеподписавшіеся члены делегаціи, отъ своего и всѣхъ ремесленныхъ цеховъ въ Варшавѣ имени, считая приведенное мнѣніе правленія для насъ *вреднымъ и гибельнымъ*, протестуемъ противъ такого поступка правленія, прося комитетъ принять этотъ протестъ къ свѣдѣнію и отмѣтить его въ дѣлахъ всероссійскаго ремесленнаго съѣзда, состоявшагося въ мартѣ текущаго года. И хотя предсѣдатель варшавскаго отдѣленія, на сдѣланные ему нѣкоторыми членами ремесленной секціи упреки, отвѣтилъ, что вышеуказанное письмо, въ формѣ, значительно имъ самимъ смягченной, сравнительно съ первоначальною редакціей, онъ принужденъ былъ послать по постановленію большинства членовъ совѣта, къ числу которыхъ принадлежитъ нѣсколько (богатыхъ) евреевъ, тѣмъ не менѣе поведеніе его въ этомъ случаѣ было во всѣхъ отношеніяхъ неправильно и прежде всего потому, что какъ комитетъ общества, такъ и организаціонный комитетъ съѣзда предложили представить имъ лишь рефератъ ремесленниковъ, отнюдь не требуя отъ правленія ни заключеній, ни мнѣнія касательно реферата. Въ виду этого, предсѣдатель отдѣленія не только имѣлъ право, но и былъ обязанъ прямо отказаться отъ выполненія требованій совѣта, чего, однако, не сдѣлалъ. Правда, въ § 5 инструкціи мѣстнымъ отдѣленіямъ общества для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ сказано, что: «отдѣленіе, принимая отъ членовъ общества и постороннихъ лицъ замѣчанія, касающіяся вообще дѣлъ русской промышленности, сообщаетъ таковыя комитету со своимъ заключеніемъ для дальнѣйшаго разсмотрѣнія и разработки ихъ комитетомъ общества», — но § этотъ отнюдь не можетъ относиться къ вышеуказанному реферату, какъ составленному по особому требованію комитета; требованіе это обращено было не къ правленію отдѣленія, а къ варшавскимъ ремесленникамъ, причемъ ясно было указано, что они сами должны высказать свои желанія и нужды.

Въ крайнемъ случаѣ, если правленіе, подъ давленіемъ кружка заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ членовъ совѣта (евреевъ и ихъ сторонниковъ), вынуждено было отправить свое мнѣніе относительно реферата, то должно было сдѣлать это, строго придерживаясь § 13 устава всероссійскаго съѣзда ремесленниковъ въ Петербургѣ въ 1900 г., т. е. мотивировать свой взглядъ фактическими данными, а такъ какъ таковыхъ приведено не было, то и

Digitized by Google

мнѣніе, какъ голословное, слѣдуетъ считать лишеннымъ всякаго значенія. Фактическихъ же данныхъ правленіе не привело по той простой причинѣ, что ихъ не было, хотя въ высшей степени любопытно было бы услышать отъ правленія *хоть одинъ фактъ*, доказывающій благодѣтельное вліяніе еврейской дѣятельности на общественные и экономическіе интересы края вообще и на развитіе ремеслъ въ частности!..

Наконецъ, еслибы правленію поручено было комитетомъ общества или организаціоннымъ комитетомъ съѣзда высказать свое мнѣніе относительно реферата ремесленниковъ, или же оно было обязано сдѣлать это по существующимъ правиламъ, еслибы таковыя существовали, то прежде всего слѣдовало бы высказать мнѣніе о всѣхъ пунктахъ реферата, а не ограничиваться исключительно однимъ, касавшимся евреевъ; во-вторыхъ же—нечего было бы въ такомъ случаѣ держать это въ тайнѣ. Приведенныя соображенія доказываютъ, что мнѣніе правленія было и пристрастно, и неумѣстно, что же касается голословности его, то это не требуетъ даже доказательствъ.

Между тѣмъ, делегація варшавскихъ ремесленниковъ обосновала свое заключеніе, во-первыхъ, на утвержденномъ правительствомъ ремесленномъ уставѣ въ имперіи, который запрещаетъ евреямъ принадлежать къ такъ называемымъ вѣчнымъ ремесленнымъ цехамъ, во-вторыхъ, на п. 1 программы вопросовъ, подлежащихъ разсмотрѣнію петербургскаго съѣзда, и, въ-третьихъ, на п. 3 устава того же съѣзда. И если делегація не привела въ самомъ рефератѣ мотивовъ своего заключенія, то только потому, что они и безъ того всѣмъ хорошо извѣстны, и перечисленіе ихъ въ рефератѣ только увеличило бы размѣры его. Въ данномъ же случаѣ, въ подтвержденіе основательности заключенія делегаціи, слѣдуетъ указать, что, еслибы вліяніе евреевъ было, дѣйствительно, такъ благотворно и желательно для дѣла, какъ это явствуетъ изъ заключенія правленія, то едва ли существовали бы различныя распоряженія правительства, ограничивающія прерогативы евреевъ въ разныхъ направленіяхъ ихъ дѣятельности. Если принять во вниманіе дарованную нѣкогда въ губерніяхъ Царства Польскаго евреямъ равноправность, то распоряженія эти ясно доказываютъ, насколько вреднымъ признаётъ само правительство еврейскій элементъ и его дѣятельность, если, *не смотря на дарованную евреямъ равноправность, должно было прибѣгнуть къ ограничительнымъ мѣрамъ*.

Далѣе, всѣмъ извѣстно, что евреи всегда, вездѣ и прежде всего ищутъ *легкаго заработка*, хватаясь особенно охотно за такое дѣло, которое скорѣе всего ведетъ къ этой цѣли, не обращая вниманія ни на совѣсть, ни на законъ, ни на строгія наказанія и отвѣтственность за такого рода дѣла. Статистика доказываетъ, что самыми грязными спекуляціями и самыми отвратительными дѣлами занимаются преимущественно, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ исключительно, евреи.

А теперь возникаетъ вопросъ: чего ради евреи съ такимъ упорствомъ стремятся въ ремесленные цехи? Отвѣтъ простъ и легокъ.

Евреи меньше всего интересуются прогрессомъ и развитіемъ ремеслъ. Ихъ цѣль и задача—полученіе возможно большихъ барышей при наименьшей затратѣ труда и капитала, безразлично, какія бы средства ни вели къ этой цѣли. Поэтому издѣлія евреевъ отличаются только мнимыми достоинствами, на самомъ же дѣлѣ являются никуда негодною дрянью, и въ ихъ стремленіи попасть въ цехи надо видѣть лишь желаніе облегчить себѣ сбытъ этой дряни,

Digitized by Google

пользуясь для этого цеховыми свидѣтельствами и сознательно вредя христіанскимъ ремесленникамъ, а, кромѣ того, желаніе захватить всецѣло во свои руки ремесла и промышленность по образцу того, какъ это сдѣланъ ими съ торговлею, и стремленіе овладѣть цеховыми средствами. Еврейскіе ремесленники въ Варшавѣ, и не принадлежа къ цехамъ, *ухитрились дискредитировать репутацію варшавскихъ ремесленниковъ*, особенно въ нѣкоторыхъ ремеслахъ. Такъ напр., варшавская обувь долго пользовалась широкимъ спросомъ въ отдаленнѣйшихъ губерніяхъ имперіи, но съ тѣхъ поръ, какъ *евреи начали высылать, подъ видомъ «варшавской обуви», издѣлія съ бумажными подошвами*, обтянутыми тонкою кожею, спросъ на варшавскую обувь почти прекратился и возстановленіе его идетъ съ большимъ трудомъ. То же самое надо сказать и объ остальныхъ ремеслахъ.

Казалось бы, что при такихъ условіяхъ конкурренція съ евреями не должна представлять трудности. Къ сожалѣнію, для христіанъ ремесленниковъ она крайне ощутительна, находя сильную поддержку съ одной стороны въ незнакомствѣ съ дѣломъ покупателей, увлекающихся мнимою дешевизною, съ другой—въ свойственномъ лишь евреямъ нахальномъ умѣньѣ заставить покупателя взять нужную ему вещь. А какъ облегчила бы сбыть этой рыночной дешевки возможность продавать ее подъ видомъ издѣлій цеховыхъ мастерскихъ! Такимъ образомъ, выраженное въ рефератѣ делегаціи желаніе, чтобъ евреи не имѣли доступа въ цехи, направлено, между прочимъ, къ тому, чтобъ *лишить ихъ возможности дискредитировать умышленно христіанское производство.*

Кромѣ того, делегація, выражая подобное желаніе, имѣла въ виду и то обстоятельство, что евреи здѣсь, какъ и всюду, никогда не ассимилируются съ мѣстнымъ населеніемъ, *всегда оставаясь народомъ въ народѣ*, являясь паразитами остальной части населенія и всѣми силами стремясь къ его гибели. Съ этой цѣлью они всевозможными способами распространяютъ демонализацію и нравственную заразу среди кореннаго населенія, къ чему побуждаютъ ихъ талмудическія суевѣрія, рекомендующія имъ истреблять все христіанское, все, что мѣшаетъ имъ въ достиженіи враждебныхъ иновѣрцамъ цѣлей.

Такимъ образомъ, высказанное делегаціей въ рефератѣ желаніе является лишь выраженіемъ *самообороны варшавскихъ христіанъ-ремесленниковъ противъ гибельнаго вообще вліянія еврейства*, въ виду чего нижеподписавшіеся имѣютъ честь покорнѣйше просить комитетъ считать мнѣніе правленія варшавскаго отдѣленія однимъ изъ грустныхъ проявленій партійности, берущей свое начало *въ томъ громадномъ перевѣсѣ еврейскаго элемента*, который отражается почти на всѣхъ здѣшнихъ отношеніяхъ, и цѣль котораго заключается въ томъ, чтобъ нанести возможно больше вреда, нравственнаго и экономическаго, какъ обществу ремесленниковъ, такъ и нашимъ ремесламъ». Слѣдуетъ свыше 20 подписей старшинъ ремесленныхъ цеховъ въ Варшавѣ.

Протестъ этотъ слишкомъ краснорѣчивъ, чтобъ нуждаться въ комментаріяхъ. *Это вопль о помощи*, а такіе вопли акомпанемента не требуютъ. Добавимъ только, что юдофильствующіе представители здѣшняго отдѣленія «Общества для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ», проигравъ дѣло на съѣздѣ въ Петербургѣ, перенесли арену борьбы въ Варшаву, гдѣ имъ усердно помогаютъ нѣкоторые органы печати, съ *Ремесленною Газетою* во главѣ. Любопытно также, что приведенный про-

Digitized by Google

тесть рѣшились напечатать: изъ еженедѣльниковъ только *Роля* и *Польская Нива*, изъ ежедневныхъ же газетъ только *Вѣкъ*. *Остальныя польскія газеты умолчали о немъ.*

IV.

Изъ провинціи.

Читая въ «Наблюдателѣ» статью «Осада Петербурга евреями» (№ 7), мы наткнулись, между прочимъ, на приведенныя авторомъ слова Стараго Москвича: «Петербургъ—фактически находится во владѣніи израиля, которому, по какой-то необъяснимый странности, оплотомъ и защитой сталъ сенатъ».

Думалось намъ сначала: не слишкомъ ли сильно это сказано — и не вѣрилось, чтобы въ такомъ учрежденіи, какъ сенатъ, евреи могли имѣть силу; но теперь, во-очію, убѣждаемся, что Старый Москвичъ абсолютно правъ.

Мы прочли недавній указъ сената, повелѣвающій *жидовъ, дѣлающихъ мѣшки*, записывать въ портняжескій цехъ, чтобы они могли жить въ Кіевѣ — и знаемъ хорошо, что еслибы здѣшній коренной житель христіанинъ, съ знаніемъ подобнаго ремесла, вздумалъ просить ремесленную управу о причисленіи его къ портняжескому цеху, его подняли бы на смѣхъ и, пожалуй, даже сочли сумашедшимъ.

Теперь же мы снова читаемъ, что правительствующій сенатъ, по цѣлому ряду дѣлъ о выселеніи евреевъ изъ сельскихъ мѣстностей, гдѣ они проживали въ теченіе продолжительнаго времени, высказался недавно въ томъ смыслѣ, что «*самый фактъ долговременнаго проживанія въ данной мѣстности просителей создаетъ предположеніе о законности ихъ поселенія* (!?) такъ какъ на обязанности полиціи лежитъ немедленное выселеніе евреевъ, незаконно поселяющихся въ сельскихъ мѣстностяхъ».

Ну, а что, если полиція (въ родѣ шкловской, минской или радомской) смотритъ сквозь пальцы на всѣ жидовскія беззаконія? Неужели ея *попустительство* можно «*предполагать законнымъ*»? Да вѣдь этого только и нужно жидовскому кагалу!

Послѣ такого казуса, идти далѣе уже некуда...

Скорѣе слѣдовало бы отдавать подъ судъ всѣхъ тѣхъ полицейскихъ чиновъ, на обязанности которыхъ лежитъ немедленное выселеніе евреевъ, незаконно поселившихся въ сельскихъ мѣстностяхъ, чѣмъ оставлять жить въ селахъ, до втораго пришествія, паразитовъ, которые, благодаря подкупу, незаконно угнѣздились тамъ. Такъ говоритъ здравый юридическій смыслъ и государственная потребность, вызвавшая ограниченіе еврейскаго мѣстожительства.

Digitized by Google

Далѣе въ разъясненіи сената сказано, что законность поселенія жидовъ въ деревняхъ зависитъ отъ долговременности проживанія ихъ, свѣдома полиціи, но понятіе объ этой «долговременности» слишкомъ растяжимо. Одинъ будетъ говорить, что жиду надо прожить свѣдома полиціи 10 лѣтъ для этой цѣли, другіе опредѣлятъ 5 лѣтъ, третьи — 3 года; а сами жиды, въ свою очередь, будутъ ограничивать эту долговременность однимъ только годомъ. И полѣзутъ теперь всѣ талмудисты по благосклонно указанному пути—и заполонятъ они собою села и деревни во всей великой Руси, на пагубу и развратъ еще сохранившагося, слава богу, въ нашихъ деревняхъ честнаго и трудолюбиваго христіанскаго населенія...

Странное дѣло. Цѣлые вѣка прошли надъ разрѣшеніемъ этого «проклятаго вопроса» о жидовской осѣдлости въ Россіи; тысячи томовъ исписаны на эту тему и законодателями, и другими разумными людьми — и вдругъ теперь, однимъ взмахомъ пера, вопросъ этотъ разрѣшенъ въ пользу жидовъ и на погибель христіанамъ!

Селитесь, милые, по всей необъятной Руси, гдѣ бы вамъ ни вздумалось. Берите этихъ «гоевъ» въ свои цѣпкіе когти и высасывайте изъ нихъ потъ и кровь на пользу и благо вашего израильскаго племени. Но *расширять* такимъ образомъ черту еврейской осѣдлости, установленную законодательнымъ порядкомъ—не дѣло судебнаго вѣдомства, хотябы и въ высшей инстанціи. Это—дѣло Государственнаго Совѣта, мнѣніе котораго, утвержденное Высочайшею властью, получаетъ у насъ силу закона. А такого льготнаго закона до сихъ поръ еще не было издано, и жиды, повидимому, напрасно ожидаютъ его.

Кіевлянинъ.

Кіевъ, *25 ноября 1900* г.

Digitized by Google

НАШИ ВНУТРЕННІЯ ДѢЛА.

Возрожденіе вопроса объ общинѣ.—Причины обѣдненія крестьянина-общинника.—Мѣшаетъ ли общинное начало интенсивности сельскаго хозяйства?—Враги общины начинаютъ дѣлать ей уступку.—1900-й годъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи.—Кто занимается фальсификаціей нашего хлѣба, экспортируемаго за границу?—Одесскія экспортныя фирмы.—Кустари, какъ поставщики военнаго вѣдомства.—Мелкій кредитъ и сельское духовенство.—Новые сроки взиманія податей.

Въ Россіи, какъ извѣстно, существуютъ двѣ формы владѣнія надѣльной землей: *общинная* съ передѣлами и *подворная* безъ передѣловъ. Первая форма сохранилась во всей Россіи, за исключеніемъ сѣверо-западнаго и юго-западнаго края. Тамъ эта исконная форма крестьянскаго землевладѣнія давно уже утрачена и забыта.

Вопросъ объ общинѣ—это жгучій и серьезный вопросъ для нашей деревни. Быть или не быть общинѣ?—вопросъ не праздная любопытства. Онъ имѣетъ свою давнюю исторію, начало которой относится къ концу 50-хъ годовъ нашего столѣтія. Какъ извѣстно, вопросъ объ общинѣ всесторонне и долго обсуждался предъ отмѣной крѣпостнаго права. Главный доводъ въ пользу общины, съ государственной точки зрѣнія,—это глубокая и вѣрная мысль, что при общинномъ владѣніи невозможно *образованіе сельскаго пролетаріата*.

Прошло болѣе 40 лѣтъ послѣ этихъ теоретическихъ доводовъ и разсужденій, такъ что можно уже подвести и нѣкоторые итоги. Предъ нами несомнѣнные факты, подтверждаемые земскими статистиками: общинное землевладѣніе мало помѣшало образованію и развитію у насъ сельскаго пролетаріата. Любое статистическое изслѣдованіе, каждый нумеръ газеты говорятъ намъ и о «безлошадныхъ» и безземельныхъ крестьянахъ. Годъ тому назадъ, въ засѣданіи московскаго общества сельскаго хозяйства А. В. Михайловъ сообщилъ любопытныя свѣдѣнія о крестьянскомъ хозяйствѣ въ Поволжьѣ.

«Уже теперь есть цѣлыя волости,—говорилъ онъ,—гдѣ въ селеніяхъ насчитывается болѣе половины безлошадныхъ дворовъ... Вообще количество скота за послѣднія десять лѣтъ прогрессивно

Digitized by Google

убываетъ». Докладчикомъ приводились данныя по многимъ селеніямъ и вездѣ оказывалось, что въ то время, какъ число дворовъ общины увеличивалось, количество скота уменьшалось. А. В. Михайлову хорошо памятны приволжскія села и деревни шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ, когда всюду у крестьянъ были просторныя избы, хорошіе дворы съ теплыми конюшнями на двѣ-три лошади; въ каждомъ крестьянскомъ хозяйствѣ были одна-два коровы и нѣсколько головъ молодняка, два-три десятка овецъ и т. д. А вотъ каково, напримѣръ, скотоводство двухъ современныхъ, болѣе или менѣе типичныхъ, селъ края: у 150 домохозяевъ с. Верхнихъ Нарадбашей только 90 имѣютъ рогатый скотъ и 70—мелкій скотъ; слѣдовательно, *60 домохозяевъ остаются безъ рогатаго скота и 80—безъ мелкаго*. Въ с. Вельномъ Станѣ (оба симбирской губ.) при 293 домохозяевахъ только 143 имѣютъ рогатый скотъ и 98—мелкій; 80 домохозяевъ остаются безъ рогатаго скота и 125 безъ мелкаго.

Подобными печальными свѣдѣніями переполнены сотни томовъ земскихъ изслѣдованій. Оскудѣніе и обѣдненіе деревни—не секретъ; это извѣстно всѣмъ. Но является вопросъ: кроется ли это оскудѣніе въ общинѣ, какъ таковой, или оно зависитъ отъ какихъ либо другихъ, одновременно дѣйствующихъ, причинъ?

Главное «богачество» деревни—это земля, и «лучшій министръ финансовъ въ Россіи,—какъ удачно выразилась одна газета,—это *господинъ Урожай*. Родился хлѣбъ—и нашъ крестьянинъ живетъ хорошо, не родился—бѣдствуетъ, должаетъ и нищенствуетъ». Земля и урожай—это почти единственный бюджетъ нашего крестьянина, откуда онъ почерпаетъ свои платежныя и расходныя по дому средства.

Но вотъ бѣда: земля стала у насъ плохо родить хлѣбъ. Потому ли она плохо родитъ хлѣбъ, что пашетъ и обрабатываетъ ее крестьянинъ-общинникъ,—а она, въ пику защитникамъ общины и въ угоду марксистамъ, капризничаетъ,—или по другимъ какимъ либо причинамъ? На это наши ученые отвѣчаютъ различно. Противники общины утверждаютъ, что причиною оскудѣнія деревни и обѣдненія русскаго крестьянина служитъ именно общинное начало, мѣшающее—изволите ли видѣть—нашему крестьянину перейти къ интенсивному хозяйству.

Мы не будемъ отрицать, что община нерѣдко служитъ тормозомъ успѣшности веденія хозяйства: частые передѣлы крестьянской земли, отдаленность полей, круговая порука—являются иногда тормозами для развитія сельскаго хозяйства. Но въ этомъ ли одномъ кроется причина обѣдненія и даже разоренія нашей деревни? Спро-

Digitized by Google

сите крестьянина о причинахъ его бѣдности, и онъ вамъ отвѣтитъ: «земля перестала родить». Почему же земля перестала родить? на этотъ вопросъ онъ не всегда съумѣетъ отвѣтить.

Земля же перестала родить потому, что *она истощена*, что изъ нея берутъ сотни лѣтъ питательные элементы, ей же *ничего не возвращается*. Поля нужно удобрять—единственный отвѣтъ въ данномъ случаѣ. Удобренію же полей община отнюдь не мѣшаетъ: затраты по удобренію возвращаются въ первые же 2—3 года, такъ что нечего бояться, что при дѣлежѣ удобренная земля перейдетъ къ сосѣду. Югъ и средняя полоса Россіи не удобряютъ полей, потому что ихъ отцы, дѣды и прадѣды не дѣлали этого. У нихъ еще черноземъ достаточно плотенъ, чтобы давать сносные урожаи въ благопріятные, въ климатическомъ отношеніи, годы. Сѣверъ же, не смотря на общинное начало, удобряетъ землю.

Для успѣшности сельскаго хозяйства нужны хорошія земледѣльческія орудія,—а ихъ нѣтъ у нашего крестьянина; нужны сельскохозяйственныя знанія, а ихъ негдѣ ему получить. Нужны опытныя, показательныя поля, гдѣ бы крестьянинъ могъ на практикѣ видѣть и раціональное удобреніе, и усовершенствованныя земледѣльческія орудія,—а у насъ ихъ почти совсѣмъ нѣтъ. Намъ нужны десятки тысячъ опытныхъ полей, а у насъ ихъ—единицы. Земледѣльцу нужны разумныя таможенныя ставки, выгодныя русскому крестьянину, а не нѣмцу. Нужна серьезная правительственная борьба съ засухой, съ сусликами, — а у насъ она ведется спустя рукава. Всѣ эти факторы подрываютъ сельское хозяйство, и въ нихъ отнюдь неповиненъ нашъ крестьянинъ-общинникъ.

Интенсивности хозяйства община отнюдь не мѣшаетъ. Мы видимъ уже примѣры и травосѣянія, и плодопеременной системы при общинномъ пользованіи землей. Правда, этихъ фактовъ пока еще очень мало. Но откуда же много ихъ и можетъ явиться? Вѣдь о насажденіи раціональнаго хозяйства среди крестьянъ у насъ до сихъ поръ почти совсѣмъ не заботились. Не изъ пальца же высасывать нашему крестьянину интенсивныя начала для бо́льшей устѣшности веденія хозяйства.

Далѣе. Слишкомъ ужь велики на нашемъ крестьянинѣ подати и повинности! Онъ платитъ не съ дохода, а прямо таки съ души, такъ что подушная подать, въ сущности, остается неотмѣненной.

Что общинное начало, при благопріятныхъ условіяхъ, отнюдь не мѣшаетъ интенсивности сельскаго хозяйства, это уже начинаютъ понимать и противники общины, видѣвшіе въ ней только одну рутину и сѣдые «пережитки» (*жупельное* словечко марксистовъ!).

Digitized by Google

Нашъ россійскій споръ объ общинѣ носилъ всегда теоретическій,—академическій, такъ сказать,—характеръ. Противники общины основывали свои возраженія на примѣрѣ Запада, гдѣ община уже давно-де не существуетъ. Но недавно, мѣсяцъ назадъ, одинъ изъ убѣжденныхъ противниковъ принесъ публичное покаяніе въ своихъ заблужденіяхъ насчетъ общины. Профессоръ Исаевъ,—крупный защитникъ промышленной индустріи, — въ собраніи экономистовъ сдѣлалъ докладъ объ общинѣ. Историческими справками и ссылками на Западъ почтенный профессоръ старался провести мысль, хотя и очень осторожно (вѣдь, нельзя жь сразу сжечь свои корабли!),—что община *не мѣшаетъ интенсивности хозяйства*, и что она даже кое-гдѣ существуетъ и теперь на Западѣ.

По словамъ профессора, въ Бельгіи и Швейцаріи, — гдѣ промышленная индустрія сильно развита,—тѣмъ не менѣе уцѣлѣли еще и общины. Община на Западѣ,—какъ совершенно справедливо выразился г. Исаевъ—*не отжила свой вѣкъ*, не умерла естественною смертью, а *насильно была искоренена правительствомъ*. Молодая аудиторія встрѣтила сочувственно докладъ профессора, хотя и не сказавшаго ничего новаго объ общинѣ. Всѣ данныя, сообщенныя референтомъ, давнымъ давно уже извѣстны всѣмъ поклонникамъ и защитникамъ общины. Крупнѣйшею новостью для многихъ слушателей было только то, что одинъ изъ виднѣйшихъ защитниковъ промышленной индустріи сдѣлалъ значительный поворотъ въ своихъ политико-экономическихъ воззрѣніяхъ. И то ужь хорошо!

Къ общинѣ нужно относиться *бережно и разумно*; необходимо дать крестьянамъ школы не только общеобразовательныя, но и *сельско-хозяйственныя*.

Однимъ словомъ, слѣдуетъ предоставить крестьянину общиннику полную возможность научиться раціональному веденію хозяйства. Безъ сельско-хозяйственныхъ школъ, безъ опытныхъ полей, безъ сельско-хозяйственныхъ инструкторовъ, деревня, и перейдя на подворное владѣніе, только проиграетъ, — т. е. не заведетъ у себя интенсивнаго хозяйства, а отдастся въ лапы кулаковъ, чего имъ только и нужно...

Вопросъ объ урожаѣ является жгучимъ не для одного нашего крестьянина, но и для всего русскаго государства. Хлѣбъ намъ нуженъ не для ѣды только, но и для покрытія нашихъ заграничныхъ расходовъ. Нашъ главный вывозной продуктъ, позволяющій свести нашъ торговый балансъ въ благопріятномъ для насъ смыслѣ,—это хлѣбъ. Не будь у насъ хлѣба, — а мы вывозимъ далеко

Digitized by Google

не излишекъ!—мы не съумѣли бы покрыть наши текущіе заграничные расходы и платежи по заграничной задолженности. Поэтому вполнѣ понятенъ тотъ интересъ, съ которымъ русское общество ждетъ опубликованія свѣдѣній объ урожаѣ хлѣбовъ нашимъ Центральнымъ Статистическимъ Комитетомъ. Въ самомъ непродолжительномъ времени выдутъ въ свѣтъ эти свѣдѣнія. Они обираются путемъ вопросныхъ листковъ, которыхъ въ 1900 г. было разослано около 386,000 для крестьянскихъ хозяйствъ чрезъ волостныя правленія, а для владѣльческихъ—чрезъ мѣстную полицію.

Листки эти, заполненные отвѣтами, возвращаются обратно въ комитетъ, гдѣ уже и разрабатываются. Краткое извлеченіе изъ этого изданія помѣщено въ «Правительственномъ Вѣстникѣ».

Какъ и въ предшествующіе годы, данныя объ урожаѣ хлѣбовъ охватываютъ 72 губерніи и области европейской Россіи, сѣвернаго Кавказа, четыре изъ степныхъ областей и часть Сибири. Въ означенномъ районѣ, обнимающемъ бо́льшую часть земледѣльческой полосы имперіи, въ 1900 г. находилось подъ посѣвомъ озимыхъ хлѣбовъ 31.558,706 дес. (26.591,537 дес. подъ рожью и 4.967,169 дес. подъ пшеницей). Сравнительно съ 1899 г., площадь озимыхъ хлѣбовъ возрасла на 1.082,804 дес. (или на 3,1%), изъ которыхъ на долю 50 губерній европейской Россіи приходится 999,970 десятинъ.

Изъ сопоставленія посѣвныхъ площадей настоящаго и прошлаго года по отдѣльнымъ мѣстностямъ имперіи усматривается, что онѣ увеличились во всѣхъ областяхъ европейской Россіи и на сѣверномъ Кавказѣ. Сократились онѣ лишь въ Сибири на 64,096 дес.

Общій сборъ озимыхъ хлѣбовъ простирался въ 1900 году, въ 60 губерніяхъ европейской Россіи и Привислинскаго края, до 1.539,806,700 пуд.; это количество почти равняется сбору 1899 г. (15,444,4 мил.). Между отдѣльными хлѣбами этотъ сборъ распредѣляется слѣдующимъ образомъ: 1.382,154,800 пуд. приходится на долю ржи и 157.651,900 пуд. на долю пшеницы. Сравнительно со среднимъ сборомъ за послѣднее пятилѣтіе (1895—1899), въ текущемъ году замѣчается довольно значительный излишекъ, простирающійся до 215.735,100 пуд., или 14,0% всего сбора.

Во всѣхъ 72 губерніяхъ, по которымъ получены свѣдѣнія объ урожаѣ въ текущемъ году, собрано 1.631.616,700 пуд., т. е. болѣе противъ средняго, за пятилѣтіе 1895—1899 гг., на 212,602,0 тыс. пуд.

На основаніи этихъ данныхъ, сборъ озимыхъ хлѣбовъ въ 1900 г. слѣдуетъ признать въ общемъ вполнѣ удовлетворительнымъ.

По отдѣльнымъ мѣстностямъ имперіи, означенное количество сбора озимыхъ хлѣбовъ распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

Digitized by Google

	Рожь.	Пшеница.
	(въ милл. пуд.).	
Европейск. Россія (50 губ.) . .	1.278,2	125,2
Привисл. край (10 губ.). . . .	104,0	32,4
Сѣв. Кавказъ (4 губ. и обл.). .	11,5	66,4
Сибирь (4 губ.)	13,5	0,1
Степныя области (4 обл.) . . .	0,1	0,2
Итого. . .	1.407,3	224,3
	1.631,6	

Такимъ образомъ, озимая рожь дала 86,3 проц. всего сбора, а пшеница—13,7 проц. Изъ сопоставленія этихъ данныхъ со средними за истекшее пятилѣтіе усматривается, что сборъ ржи въ настоящемъ году получился нѣсколько большій противъ средняго, при соотвѣтственномъ уменьшеніи сбора озимой пшеницы. То же самое оказывается и при сравненіи указанныхъ величинъ съ таковыми же за истекшій 1899 годъ (83,6 проц. для ржи и 16,4 проц. для пшеницы).

Изъ обоихъ озимыхъ хлѣбовъ болѣе обильно уродилась въ настоящемъ году рожь, давшая въ среднемъ для 60 губерній 53,2 пуд. (въ 1899 г.—53,7 пуд.), между тѣмъ какъ пшеница дала 47,2 пуд. (въ 1899 году 62,0 пуд.) съ десятины.

Отдѣльныя сельско-хозяйственныя области европейской Россіи, по относительному количеству сбора озимыхъ хлѣбовъ, могутъ быть сгруппированы въ слѣдующія три категоріи:

1) Сборъ выше средняго за послѣднее пятилѣтіе получился въ слѣдующихъ земледѣльческихъ областяхъ: нижне-волжской (144,2 проц.), центрально-земледѣльческой (142,8 проц.), средне-волжской (138,4 проц.), приозерной (121,0 проц.), бѣлорусской (114,6 проц.), приуральской (114,6 проц.), литовской (113,7 проц.), малороссійской (111,9 проц.), привислинской (106,9 проц.), прибалтійской (105,6 проц.), а также на сѣв. Кавказѣ (108,6 проц.).

2) Средній сборъ (95 до 105 проц.) наблюдался: въ московско-промышленной области (103,4 проц.), новороссійскихъ губерніяхъ (100,3 проц.), и въ двухъ губерніяхъ крайняго сѣвера (95,5 проц.) и, наконецъ,

3) Сборъ ниже средняго (ниже 95 проц.), за послѣднія пять лѣтъ, былъ въ юго-западныхъ губерніяхъ (73,5 проц.), въ Сибири (60,3 проц.) и въ степныхъ областяхъ (44,6 проц.).

Въ 41 губерніи, съ населеніемъ въ 72.188,300 человѣкъ, сборъ озимыхъ хлѣбовъ получился хорошій (свыше 105 проц. противъ средняго за послѣднее пятилѣтіе); въ 8 губерніяхъ, съ населеніемъ

Digitized by Google

въ 20.539,800 человѣкъ, сборъ оказался ниже средняго (т. е. менѣе 95 проц.) и въ 15 губерніяхъ, въ которыхъ проживаетъ 20.287,500 человѣкъ, сборъ получился удовлетворительный, или равнялся 95—105 проц. средняго за послѣднее пятилѣтіе.

Чистый остатокъ сбора озимыхъ хлѣбовъ, за исключеніемъ изъ него количества зерна, потребнаго на обсѣмененіе полей, равняется въ текущемъ году, въ 60 губерніяхъ европейской Россіи, 1.273.798,500 пуд. (1899 г. 1.286.684,200 пуд.), что составляетъ 11,68 пуд. на душу. Это количество зерна оказывается немного меньшимъ противъ того, которое было получено въ прошедшемъ году (11,98 пуд.). На сѣверномъ Кавказѣ оно въ текущемъ году простирается до 15,90 пуд. Низкія нормы, полученныя для губерній Сибири (2,15 пуд.) и для 4 степныхъ областей (0,06 пуд.), невполнѣ соотвѣтствуютъ дѣйствительности, въ виду неполноты данныхъ, касающихся посѣвныхъ площадей.

Для полноты картины урожая озимыхъ хлѣбовъ, слѣдуетъ сказать еще нѣсколько словъ о сборѣ соломы. Соломы озимыхъ хлѣбовъ въ 1900 г. было собрано въ 72 губерніяхъ и областяхъ имперіи приблизительно 2.454.349,200 пуд., въ томъ числѣ 2.154.363,400 пудовъ ржаной и 299.985,800 пуд. пшеничной. Изъ этого количества, на долю 60 губерній европейской Россіи приходится 2.337.980,900 пуд. Урожай соломы въ текущемъ году можетъ быть признанъ весьма хорошимъ, такъ какъ онъ превышаетъ сборъ соломы озимыхъ хлѣбовъ за все девятилѣтіе съ 1891 года.

Урожайность соломы въ текущемъ году выразилась въ слѣдующихъ цифрахъ: въ среднемъ на 72 губерніи и области, по которымъ имѣются данныя объ урожаѣ хлѣбовъ, на десятину уродилось 81,0 пуд. ржаной и 60,4 пуд. пшеничной соломы. Почти тѣ же числа (81,7 пуд. и 65.3 пуд.) являются средними для 60 губерній европейской Россіи съ Привислинскимъ краемъ. Изъ отдѣльныхъ мѣстностей имперіи наивысшій урожай соломы получился въ Прибалтійскихъ губерніяхъ (рожь 151,1 пуд. и пшеница 144,6 п.) и въ Царствѣ Польскомъ, гдѣ рожь дала 117,9 пуд. и пшеница 126,0 пуд., а наинизшій—въ новороссійскихъ губерніяхъ (35,7 пуд. и 39,2 пуд.), а также въ степныхъ областяхъ.

Если не принимать во вниманіе нѣкоторыхъ мѣстностей, съ плохимъ урожаемъ, то 1900 годъ въ урожайномъ отношеніи можно признать *благопріятнымъ*.

Но вотъ бѣда: излишекъ хлѣба мы распредѣляемъ не между мѣстностями, нуждающимися въ хлѣбѣ, а вывозимъ его за границу... Питаніе русскаго человѣка слишкомъ плохо и неудовлетворительно. Намъ нужно не вывозить хлѣбъ, а распредѣлять его

Digitized by Google

внутри страны. Не излишекъ своего хлѣба вывозимъ мы, а «свою собственную порцію», какъ объ этомъ нѣсколько лѣтъ заявлено было въ подлежащихъ сферахъ.

Въ нашей хлѣбной торговлѣ,—какъ внутренней, такъ и заграничной, — царитъ страшный сумбуръ. Одна петербургская газета отмѣчаетъ нѣкоторыя условія въ области сбыта нашего хлѣба, которыя понижаютъ какъ общую нашу выручку отъ продажи этого продукта на иностранныхъ рынкахъ, такъ въ особенности выручку, поступающую въ пользованіе производителя. Газета, между прочимъ, указываетъ на то, что русскіе торговцы не располагаютъ достаточными средствами и организаціей, чтобы достигнуть полной равномѣрности въ дѣлѣ вывоза хлѣбныхъ продуктовъ по отдѣльнымъ годамъ. Въ результатѣ, размѣры этого вывоза подвергаются весьма крупнымъ колебаніямъ. Не удивительно, что кривая, изображающая нашъ хлѣбный вывозъ по годамъ, представляетъ нѣчто въ родѣ горнаго хребта, съ остроконечными вершинами узкихъ горъ и глубокими пропастями. Такъ, въ 1878 году мы вывезли пшеницы около 200 милл. п., а къ 1880 году вывозъ упалъ до 70 мил. п.; въ 1888 году онъ вновь повышается до 230 мил. п. и въ 1892 г. опускается до 100 мил. п. Наконецъ, въ 1895 г. вывозъ составилъ почти 250 мил. п., чтобы къ 1898 г. опуститься до 110 мил. Ясно, что отъ неравномѣрнаго предложенія хлѣба по отдѣльнымъ годамъ теряетъ исключительно его производитель, а наживается отчасти нашъ торговецъ и въ еще большей мѣрѣ — иностранный посредникъ-покупатель.

Аналогичная картина получается и для сбыта нашего хлѣба въ теченіе года. Если въ одномъ случаѣ производитель стремится выбросить на рынокъ по возможности весь свой урожай, то въ другомъ—выбрасывается онъ почти одновременно вслѣдъ за уборкой полей. Отсюда массовое предложеніе хлѣба осенью, вызывающее почти постоянное паденіе цѣнъ на него въ это время года. Вынуждаетъ земледѣльца къ такой поспѣшной ликвидаціи урожая цѣлая масса причинъ, въ основѣ которыхъ лежитъ потребность въ деньгахъ и невозможность найти ихъ другимъ путемъ. Достаточно напомнить хотя бы о практиковавшемся до послѣдняго времени осеннемъ «выколачиваніи» съ крестьянъ всякихъ сборовъ и недоимокъ. Подъ вліяніемъ нужды въ деньгахъ, на рынокъ у нихъ поступаетъ осенью большое количество даже такого хлѣба, который вовсе не составляетъ избытка, въ самомъ узкомъ значеніи этого слова. Мы говоримъ о хлѣбѣ, который продается крестьянами, съ тѣмъ чтобы быть обратно купленнымъ въ теченіе года. Это только оборотный капиталъ. «Не тужи ты, рожка,—говоритъ мужикъ,—что въ городъ

Digitized by Google

вышла дорожка; весной, хоть переплачу, да назадъ ворочу». Не въ лучшемъ положеніи находятся и нѣкоторые крупные сельскіе хозяева, часто вынужденные продавать хлѣбъ на корню со сдачей осенью по существующимъ цѣнамъ.

Уже самое стремленіе сразу реализировать весь урожай не можетъ не повлечь за собою паденія хлѣбныхъ цѣнъ, такъ какъ подобная *суремительная реализація* вызываетъ массу новыхъ расходовъ. Осенью обыкновенно усиливается спросъ на оборотныя средства, что̀ сопровождается повышеніемъ учетнаго процента. Затѣмъ желѣзныя дороги обыкновенно не въ состояніи справиться съ перевозкой хлѣба, вслѣдствіе чего на станціяхъ образуются залежи, подвергающіяся порчѣ. Наконецъ, одинаково возрастаютъ осенью какъ портовые расходы, такъ и самые фрахты при вывозѣ хлѣба на иностранные рынки. Мы не говоримъ уже о прямыхъ злоупотребленіяхъ покупателей-капиталистовъ безпомощнымъ положеніемъ продавца-земледѣльца. Вѣдь къ образованію синдикатовъ, въ цѣляхъ устраненія конкурренціи, прибѣгаютъ не только крупные предприниматели, но и мелкіе сельскіе торговцы. Они также поняли, что «худой миръ лучше доброй ссоры». Но если нашего земледѣльца прижимаетъ осенью отечественный покупатель, то послѣдній находится въ такомъ же положеніи къ иностранному покупателю, располагающему болѣе значительными оборотными капиталами.

Наша хлѣбная торговля переходитъ постепенно въ жидовскія руки. Не только на окраинахъ, въ портовыхъ городахъ, но и въ центрѣ Россіи по хлѣбной торговлѣ орудуетъ жидъ. Еще нѣсколько лѣтъ назадъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ центра Россіи о жидѣ,—какъ торговцѣ хлѣбомъ,—не было и помину. Но теперь жидъ широко раскинулъ свои сѣти, скупаетъ повсюду хлѣбъ и экспортируетъ его за границу, подмѣшивая куколемъ и всякою дрянью. Конечно, и жидъ можетъ заниматься экспортомъ хлѣба, лишь бы онъ только честно и добросовѣстно относился къ своему дѣлу. Къ сожалѣнію, онъ лишь портитъ русскую хлѣбную торговлю за границею. Для него нажива, хорошій «пурцентъ»—главное дѣло и для этого онъ ничѣмъ не пренебрегаетъ.

Въ извѣстномъ нѣмецкомъ ежегодникѣ Шмоллера появилось изслѣдованіе М. Бюргеля о русскомъ хлѣбѣ на германскомъ рынкѣ. Русскій переводъ этого сочиненія напечатанъ въ послѣдней книжкѣ «Русскаго Экономическаго Обозрѣнія». Авторъ — сторонникъ той мысли, что торговое соглашеніе съ Россіей обезпечиваетъ Германіи больше выгодъ, чѣмъ такое же соглашеніе съ Сѣверной Америкой, такъ какъ послѣдняя, наводняя своимъ хлѣбомъ германскій рынокъ, не только не даетъ взамѣнъ какихъ либо выгодъ по сбыту герман-

Digitized by Google

скихъ произведеній, но сама является опаснымъ конкурренгомъ германской промышленности, даже въ предѣлахъ Германіи. Отсюда понятно, что г. Бюргель стоитъ за предоставленіе Россіи *бо́льшихъ преимуществъ* по ввозу ея сельско-хозяйственныхъ произведеній, чтобы добиться бо́льшихъ льготъ и для произведеній германской фабрично-заводской промышленности въ Россіи. Но къ осуществленію своего предположенія г. Бюргель видитъ нѣкоторыя затрудненія, особенно въ условіяхъ русской хлѣбной торговли, а именно въ практикующихся у насъ злоупотребленіяхъ по этой части, выражающихся въ засореніи и обезцѣненіи хлѣба, вывозимаго за границу. Засореніе и обезцѣненіе нашего хлѣба жидами и жидовскими фирмами — уже не новость. Для насъ интересно удостовѣреніе нѣмца, что это засореніе производится *не русскими* фирмами...

Прекраснымъ подтвержденіемъ этого факта служитъ чисто фактическая статья въ «Вѣдомостяхъ сельскаго хозяйства и промышленности», подъ заглавіемъ: «Къ вопросу о положеніи хлѣбной торговли». Въ этой прекрасной статьѣ идетъ рѣчь объ одесской хлѣбной торговлѣ, гдѣ *жидамъ принадлежитъ первое мѣсто*. «Іудесса» даетъ тонъ всему хлѣбному экспорту изъ нашихъ черноморскихъ портовъ. Другіе крупные черноморскіе порты—Николаевъ, Севастополь, даже Ростовъ на Дону и Таганрогъ—являются лишь филіальными отдѣленіями Одессы по хлѣбному экспорту. «Іудесса» экспортируетъ до *20%* *всей вывозной пшеницы*. Въ чьихъ же рукахъ находится экспортъ этой пшеницы?

На этотъ вопросъ «Вѣдомости» даютъ чрезвычайно любопытный отвѣтъ. Онѣ берутъ отчеты одесскихъ экспортныхъ фирмъ за 17 лѣтъ—съ 1883 по 1899 г. И что же оказывается?

Изъ 42 фирмъ, бывшихъ въ 1883 г., въ 1884 г. оставалось только 33 фирмы, но зато возникло 11 новыхъ фирмъ; въ слѣдующемъ 1885 г. изъ числа фирмъ, бывшихъ въ 1883 и 1884 гг., оставалось только 36, но возникло 13 новыхъ и т. д. — во весь періодъ. Въ 1889 году, изъ 42 фирмъ, бывшихъ въ 1883 г., осталось только 13; изъ 11 фирмъ, открытыхъ въ 1884 г., не осталось ни одной; изъ 13 фирмъ, возникшихъ въ 1885 г., тоже не осталось ни одной и т. д., и т. д. Въ общемъ, за 17 лѣтъ возникло 88 фирмъ, изъ которыхъ прекратили свои операціи:

По истеченіи 1 года—*42 фирмы*.
» » 2 лѣтъ—12 »
» » 3 » — 5 »
» » 4 » — 6 »
» » 5 » — 4 »

Digitized by Google

Средняя продолжительность существованія одесскихъ хлѣбо-экспортныхъ фирмъ оказывается въ общемъ лишь 1½ года! По этому поводу «Вѣдомости» справедливо говорятъ:

«Развѣ ихъ можно признавать «фирмами» въ строгомъ и лучшемъ значеніи этого слова; у фирмъ есть «имя», и представители фирмъ дорожатъ своимъ именемъ; для нихъ честь торговаго дома, безупречная репутація имѣютъ большое значеніе, а не являются пустымъ звукомъ. Для лицъ же, временно соприкасающихся съ торговлей, все это—одинъ «предразсудокъ»: имъ нечего дорожить именемъ своей фирмы, такъ какъ собственно никакой фирмы не существуетъ; нѣтъ ни имени, ни традицій. У нихъ нѣтъ прочныхъ торговыхъ связей на внутреннихъ рынкахъ, къ нимъ меньше питаютъ довѣрія въ заграничныхъ торговыхъ центрахъ, для нихъ затруднителенъ кредитъ. Въ два-три года нельзя составить себѣ «имя», заставить говорить о себѣ въ торговыхъ сферахъ съ уваженіемъ, и такіе экспортеры не дорожатъ своею репутаціею; вся ихъ задача по отношенію къ хлѣбной торговлѣ сводится къ тому, чтобы возможно быстрѣе произвести *рядъ самыхъ беззастѣнчивыхъ операцій*: урвать по возможности бо́льшій «кусъ» и затѣмъ устраниться отъ дѣла».

И такую-то репутацію создаетъ Одесса со своими жидами нашему хлѣбному экспорту!!

«Вотъ стало быть,—справедливо говоритъ «Новое Время»,—гдѣ получаетъ свое происхожденіе, разрабатывается въ деталяхъ и приводится въ дѣйствіе та своеобразная «система» нашей экспортной хлѣбной торговли, которая огорчила даже нѣмецкаго изслѣдователя о русскомъ хлѣбѣ. Прелестную «спеціальность» избрала себѣ Одесса! Но если эта «система» локализирована въ Одессѣ, то, казалось бы, тѣмъ самымъ и мѣры борьбы съ нею значительно облегчаются. За чѣмъ же дѣло? Что̀ мѣшаетъ воспользоваться этой локализаціей *гнусной «системы» всякаго рода плутовства и мошенничества*, чтобы покончить съ ней разъ навсегда тѣми мѣрами, которыя только при локализаціи зла и могутъ дѣйствовать противъ него навѣрняка, безъ особыхъ осложненій и потрясеній? Тамъ же есть биржевой комитетъ, именитое купечество и всякіе другіе виды объединенія торговли, такъ что установленіе дѣятельнаго надзора за экспортной хлѣбной торговлей и учрежденіе компетентныхъ органовъ для приданія твердости и обезпеченности хлѣботорговымъ сдѣлкамъ, казалось бы, не должны встрѣтить ни малѣйшихъ затрудненій».

Пора, наконецъ, принять серьезныя мѣры къ обузданію евреевъ-комиссіонеровъ по покупкѣ и продажѣ хлѣба! Зло, причиняемое ими нашей хлѣбной торговлѣ, слишкомъ громадно, чтобы равно-

Digitized by Google

душно относиться къ нему... Нельзя же на все смотрѣть сквозь пальцы.

Наше сельское хозяйство переживаетъ тяжелый моментъ. Земля уже перестаетъ быть матерью-кормилицей, а является злой мачихой. Это трудное время отражается на бюджетѣ какъ крестьянина, такъ помѣщика и землевладѣльца. Всѣ чувствуютъ его тяготу. Сельское населеніе нуждается въ побочныхъ занятіяхъ, чтобы заштопать прорѣхи своего бюджета.

Среди различнаго рода мѣропріятій, проэктируемыхъ для поддержанія нашего падающаго крестьянства, первое мѣсто должно быть отведено мѣрамъ, предусматривающимъ обезпеченіе сбыта кустарныхъ издѣлій, выработкой которыхъ занимается довольно значительная часть сельскаго населенія. Вотъ почему поощренія, оказанныя правительствомъ кустарямъ, силою вещей выдвигаются на очередь.

Наше военное министерство, нуждающееся въ громаднѣйшихъ заказахъ матеріаловъ нужныхъ для арміи; рѣшилось воспользоваться, въ довольно широкихъ размѣрахъ, услугами кустарей. Съ этою цѣлью, какъ извѣстно, въ 1897 году военное министерство выработало правила *по предоставленію кустарямъ поставокъ для военнаго вѣдомства.* Правила эти были введены въ видѣ опыта на 3 года и въ настоящее время они подлежатъ пересмотру. Сущность ихъ заключается въ слѣдующемъ: 1) издѣлія кустарнаго производства пріобрѣтаются военнымъ вѣдомствомъ при посредствѣ министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ; 2) поставки кустарямъ предоставляются двоякимъ порядкомъ: а) съ торговъ, на общихъ для всѣхъ основаніяхъ, причемъ кустари освобождаются отъ предоставленія залоговъ подъ неустойку, а представителями кустарей на торгахъ являются уполномоченные на то агенты министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ; б) безъ торговъ, по взаимному соглашенію военнаго министерства съ министерствомъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ.

Изъ этого видно, что военное министерство устранилось отъ непосредственныхъ сношеній съ кустарями, а прибѣгло къ посредничеству министерства земледѣлія. На страницахъ «Русскаго Инвалида» г. Макшеевъ, ссылаясь на неудавшійся опытъ землевладѣльческихъ поставокъ провіанта военному вѣдомству, приходитъ къ выводу, что участіе особаго посредника между военнымъ вѣдомствомъ и землевладѣльцами, въ лицѣ министерства земледѣлія и земскихъ управъ, дѣлу этихъ поставокъ пользы не принесло. Оно и понятно: чиновники нашего министерства земледѣлія слишкомъ далеко стоятъ отъ деревни и слишкомъ мало знаютъ толкъ въ хозяй-

Digitized by Google

ственныхъ продуктахъ. Тутъ нужны люди деревни, люди опыта, а не чиновники. Военное министерство, разочаровавшись въ посредникахъ, прибѣгло само къ непосредственной покупкѣ, чрезъ своихъ агентовъ, земледѣльческихъ продуктовъ. Здѣсь интересы деревни и военнаго вѣдомства непосредственно сошлись, и дѣло увѣнчалось успѣхомъ.

Непосредственныя сношенія агентовъ военнаго вѣдомства съ нашими кустарями должны встрѣтить только помощь, указаніе и содѣйствіе земскихъ управъ и министерствъ: финансовъ и земледѣлія. Этими агентами должны быть основательно изучены районы кустарнаго производства, по качеству и количеству издѣлій, а равно по стоимости ихъ.

На кустаря нужно смотрѣть, какъ на человѣка, нуждающагося въ помощи и содѣйствіи. Ему нужны хорошіе образцы, нужна школа, необходима извѣстная техническая сноровка и приспособленіе. Все это необходимо ему дать, хотя бы на это пришлось затратить большія деньги. Кустарные промыслы въ значительной степени,—особенно въ тяжелые годы,—могутъ облегчить заботы правительства о продовольствіи крестьянъ. Каждый лишній рубль въ крестьянской семьѣ—это уже значительная поддержка въ трудные годы. Если правительство наше считаетъ возможнымъ,—въ цѣляхъ поддержанія нашихъ сельскихъ хозяевъ въ критическіе для нихъ годы сильнаго упадка цѣнъ на хлѣбъ, — нѣсколько переплачивать имъ за поставку хлѣба для военнаго вѣдомства противъ рыночныхъ цѣнъ, облегчать имъ банковскія тяготы, то, можетъ быть, оно найдетъ полезнымъ нѣсколько переплачивать и кустарямъ, хотя бы только въ первое время. Главное же, необходимо организовать это дѣло, дать кустарю образцы, растолковать ему, чего онъ не понимаетъ, научить тому, чего онъ не знаетъ.

Наше военное вѣдомство нуждается во многихъ предметахъ, которые легко могутъ быть исполнены нашими кустарями. Нужно лишь прійти къ нимъ на помощь и оказать содѣйствіе. Наше военное министерство со временемъ не останется и въ убыткахъ: кустари вѣдь, не смотря на первобытность техническихъ пріемовъ и несовершенство ихъ издѣлій, во многомъ успѣшно конкурируютъ съ фабриками и заводами.

Кустари — народъ бѣдный. Они покупаютъ матеріалы не изъ первыхъ рукъ, что значительно отражается и на стоимости ихъ производства. Поэтому необходимо прійти, въ этомъ отношеніи, имъ на помощь. Организовать для нихъ склады нужныхъ сырыхъ матеріаловъ, — дѣло не сложное и не требующее крупныхъ затратъ. Кустарю необходимъ легкій и доступный кредитъ, который можетъ

Digitized by Google

быть доставленъ военнымъ вѣдомствомъ въ видѣ маленькихъ авансовъ подъ будущія работы.

Въ мелкомъ доступномъ кредитѣ нуждается не одинъ кустарь, но и все наше крестьянство. Кредитъ—это одна изъ важнѣйшихъ мѣръ къ подъему экономическаго благосостоянія крестьянъ. Лица, знакомыя съ деревней и нашимъ крестьяниномъ, единогласно утверждаютъ, что самый бѣдный крестьянинъ, — если его не развратило пьянство, — кредитоспособенъ, и капиталы, помѣщенные въ дѣло крестьянскаго кредита,—если операціи ведутся съ дѣйствительнымъ знаніемъ не только мѣстнаго быта, но и отдѣльныхъ личностей,— не подлежатъ риску.

Г. Тернеръ, въ статьѣ «Очеркъ крестьянскаго кредита», приводитъ нѣсколько примѣровъ болѣе или менѣе удачныхъ единичныхъ попытокъ къ организаціи мелкаго народнаго кредита. Между прочимъ, г. Тернеръ останавливается на извѣстномъ опытѣ г. Кошко, одного изъ земскихъ начальниковъ новгородскаго уѣзда.

Начало опыта относится къ 1891 г., когда г. Кошко на небольшіе остатки волостныхъ суммъ, самъ принялся за организацію мелкаго кредита. Въ 1891 г. было выдано 938 руб., въ 1892 г.— 2,171 руб. и въ 1893 г.—2,449 руб. Получали бѣдняки, и тѣмъ не менѣе все было своевременно уплачено ими. Кромѣ денегъ, выдавались въ ссуду разные предметы земледѣльческаго инвентаря— плуги, косы и т. п., а также сѣмена и мука. И по этимъ ссудамъ все было уплачено. Въ практикѣ г. Кошко былъ даже такой случай: онъ взялъ подъ свой бланкъ изъ новгородскаго отдѣленія комиссіоннаго банка 4,511 руб. для крестьянъ. Въ томъ же году комиссіонный банкъ лопнулъ; крестьяне это знали, и тѣмъ не менѣе всѣ ссуды изъ этихъ денегъ были уплачены. Вообще, на основаніи своего опыта, г. Кошко, — какъ онъ объ этомъ самъ докладывалъ въ одномъ изъ ученыхъ обществъ,—*вывелъ очень благопріятное заключеніе о кредитоспособности крестьянъ.*

«Крестьянамъ этотъ маленькій «банкъ» доставилъ огромныя выгоды. Достаточно сказать, что въ участкѣ, гдѣ дѣйствовалъ этотъ «банкъ», крестьяне ежегодно теряли отъ 45 до 70 тыс. р. на одной продажѣ овса кулакамъ, у которыхъ одолжались, не считая многихъ другихъ такихъ же одолженій, а всѣ платежи тѣхъ же крестьянъ— казенные, земскіе и мірскіе—составляли—71,800 р. въ годъ. Поэтому г. Кошко не безъ основанія высказалъ въ своемъ докладѣ, что «*потребность въ крестьянскомъ кредитѣ насущна*; каждый годъ замедленія приноситъ населенію милліонныя убытки». Вмѣстѣ съ тѣмъ г. Кошко намѣтилъ и схему организаціи мелкаго крестьянскаго кредита, указывая для этого готовые въ сельскомъ быту

Digitized by Google

органы: волостное правленіе и земскихъ начальниковъ. При волостныхъ кассахъ должны быть средства для кредитныхъ операцій, а разрѣшеніе ссудъ и взысканіе по нимъ должно лежать на земскихъ начальникахъ, которые по закону обязаны контролировать сельскія учрежденія».

Крестьянскіе «банки» не всегда удачно оперируютъ. Причиной—отсутствіе интеллигентныхъ руководителей. Операціи «банка» настолько просты, что ими могъ бы руководить волостной писарь или мѣстный грамотѣй. Но эти люди не всегда стоятъ на должной высотѣ въ нравственномъ отношеніи.

Въ нашей деревнѣ интеллигентнаго элемента слишкомъ мало У насъ есть классъ, который могъ бы съ пользой поработать въ дѣлѣ организаціи народнаго кредита, — это сельское духовенство. Но, къ сожалѣнію, наше духовенство, составляющее многочисленный и нерѣдко единственный интеллигентный элементъ деревни, устранено отъ активнаго участія въ дѣятельности нашихъ мелкихъ кредитныхъ учрежденій.

Въ 70-хъ годахъ сельскіе священники оказывали большую услугу развитію и правильной постановкѣ ссудо-сберегательныхъ товариществъ. Они являлись нерѣдко иниціаторами въ устройствѣ такихъ товариществъ, принимали участіе въ администраціи, вели счетоводство товарищества и пр.

Но эта дѣятельность сельскаго духовенства въ области народнаго кредита была прервана въ началѣ 80-хъ годовъ указомъ св. синода, *запретившимъ* сельскому духовенству принимать участіе въ ссудо-сберегательныхъ товариществахъ въ качествѣ членовъ ихъ правленій и совѣтовъ.

Эта мѣра вызываетъ сожалѣніе у всѣхъ, знающихъ и любящихъ нашъ народъ. Священникъ вѣдь призванъ не только къ исправленію требъ, но на немъ лежитъ и забота о благѣ народа. Народный же кредитъ это и есть великое благо для народа, избавляющее его и отъ кулаковъ, и отъ несвоевременной продажи сельскихъ продуктовъ для уплаты податей.

Насколько выгодно перехватить во́-время извѣстную сумму для уплаты податей или для текущихъ расходовъ—это каждому извѣстно и не требуетъ особыхъ доказательствъ.

Въ связи съ организаціей мелкаго народнаго кредита стоитъ вопросъ о *времени взиманія податей съ крестьянъ*. Свои главныя платежныя средства крестьянинъ почерпаетъ изъ продажи хлѣба. Цѣны же на послѣдній не всегда одинаковы, что́ зависитъ, глав-

Digitized by Google

нымъ образомъ, отъ времени года (въ началѣ осени хлѣбъ дешевъ, зимой дороже) и отъ состоянія путей сообщенія. Крестьянинъ обыкновенно продаетъ хлѣбъ не тогда, когда его выгодно продать, а тогда, когда нужно платить подати. Уплата же податей, къ сожалѣнію, производится тогда, когда хлѣбъ очень дешевъ.

Въ минувшемъ сентябрѣ состоялся съѣздъ податныхъ инспекторовъ пермской губ., который, между прочимъ, разсматривалъ нѣкоторые вопросы по измѣненію закона 23 іюня 1899 г. о порядкѣ взиманія окладныхъ сборовъ съ надѣльныхъ земель.

Въ числѣ другихъ былъ разсмотрѣнъ и вопросъ о срокѣ взиманія податей, несомнѣнно представляющій общій интересъ.

По 41 ст. Положенія устанавливается для платежа нѣсколько частныхъ сроковъ, причемъ послѣдній *не можетъ быть позже 1 декабря*. Не внесенная въ частный срокъ, доля оклада называется недоборомъ, на пополненіе котораго къ неаккуратнымъ плательщикамъ примѣняются мѣры, указанныя въ 50 ст. Положенія: 1) обращеніе арендной платы за сдачу неисправнымъ хозяиномъ земли или строенія; 2) наложеніе ареста на заработанную плату; 3) опредѣленіе опекуна и 4) продажа движимаго имущества. Если же къ 1 декабря годовой окладъ не будетъ погашенъ плательщикомъ, то селѣннымъ или сельскимъ сходами, отвѣтственными круговой порукою,—кромѣ этихъ мѣръ взысканія,—могутъ быть приняты еще слѣдующія, уже болѣе серьезныя: 1) сдача въ аренду, соразмѣрно недобору, части земли неисправнаго домохозяина; 2) отобраніе цѣлаго надѣла и 3) продажа строеній.

Если и вышеуказанными мѣрами недоборъ не будетъ пополненъ, то сходъ (69 ст.) долженъ погасить его свободнымъ мірскимъ капиталомъ, или до 1 января разверстать между всѣми домохозяевами селенія. Послѣдняя статья вынуждаетъ сходъ прибѣгать къ рѣшительнымъ мѣрамъ по отношенію къ неаккуратнымъ плательщикамъ въ теченіе недѣли по наступленіи срока. Въ виду всего этого,—говоритъ въ «Спб. Вѣд.» г. Пермякъ,—1-ое декабря для крестьянъ пермской губерніи, а можно предполагать и для многихъ другихъ, грозитъ большими осложненіями». По давно заведенному порядку, крестьянскія общества привыкли выплачивать подати къ 1 или къ льготному 15 янв. слѣдующаго года. Крестьяне пермск. губ. живутъ по преимуществу извознымъ промысломъ, съ которымъ покончиваютъ въ концѣ декабря. Хлѣбъ обмолачивается въ ноябрѣ, а продается главнымъ образомъ въ декабрѣ. Цѣны на хлѣбъ устанавливаются въ это же время.

«Что эти два фактора—возвращеніе съ заработковъ и реализація урожая съ 6 декабря,—говоритъ г. Пермякъ, — отражаются

Digitized by Google

на взносѣ податей, доказываетъ бо́льшее поступленіе взносовъ во вторую и послѣднюю недѣлю декабря, чѣмъ за двѣ другія; напр.:

въ 1899 г.	за 1	нед. поступило	70,795—07
»	2	» »	222,790—38
»	3	» »	134,773—85
»	4	» »	217,851—99

Декабрь былъ однимъ изъ платежныхъ мѣсяцевъ въ году, въ чемъ убѣждаютъ нижеслѣдующія данныя за 20 лѣтъ по поступленію казенныхъ сборовъ:

	Мартъ.	Октябрь.	Ноябрь.	Декабрь.
Приходится.	21,7	13,25	19,8	18,6
% % къ годовому окладу:				
за періодъ 80—86 г. . .	26,4	10,25	19,8	19,8
» 87—93 » . .	18,2	15,8	19,7	17,8
» 94—99 » . .	18,2	15,6	19,8	17,7

Законъ теперь обязываетъ нарушить этотъ порядокъ и 18,6 проц. приходящихся на декабрь, разбить на предъидущіе мѣсяцы, или въ, крайнемъ случаѣ отнести къ 1 декабря. Такая ломка едва ли будетъ подъ силу населенію. Съѣздъ обратилъ на это вниманіе и нашелъ, что 1-ое декабря, — какъ послѣдній срокъ для платежа годоваго оклада,—слишкомъ противорѣчитъ особенностямъ и жизненнымъ условіямъ пермской губерніи и можетъ отразиться весьма тяжело на благосостояніи крестьянъ (поспѣшной реализаціей хлѣба и таковымъ же наймомъ на заработки), почему и постановилъ войти съ ходатайствомъ о перенесеніи послѣдняго срока на 1 января.

Декабрь — лучшій платежный срокъ не для одного пермскаго крестьянина. Вездѣ, гдѣ народъ живетъ извознымъ промысломъ или землей, *цѣны устанавливаются только въ декабрѣ мѣсяцѣ*. Ранѣе же этого времени крестьянинъ обыкновенно продаетъ хлѣбъ себѣ въ убытокъ.

Государственное казначейство, кромѣ выгодъ, не получило бы ничего отъ перенесенія платежныхъ сроковъ на другое время, болѣе благопріятное для нашего крестьянина.

Digitized by Google

ФОНОГРАФЪ.

(Фельетонъ «Наблюдателя»).

И СМѢХЪ, И ГОРЕ.

(Литературныя и общественныя замѣтки).

«Старички-младенцы» и «вѣчно-юные старцы» князя В. Ѳ. Одоевскаго.—Новѣйшій типъ юнаго старца.—Поѣздка Крюгера по Европѣ. — Пріемъ его во Франціи и Голландіи. — Отказъ въ пріемѣ со стороны берлинскаго двора.—Вопль христіанской цивилизаціи противъ языческаго варварства.—Будетъ ли онъ успѣшенъ?—Народы и правительства въ западной Европѣ.—Чьи симпатіи и интересы представляютъ европейскіе парламенты? — Гоненіе на патріотизмъ въ русской печати и толки о національности. — Поворотъ къ лучшему.—Индиферентизмъ и слабодушіе подъ видомъ «всепрощенія» и «непротивленія злу». — Фальсификація христіанскаго милосердія и протестующій голосъ русскаго архипастыря. — Можетъ ли законъ примиряться съ развитіемъ народнаго пьянства? — Два литературныхъ юбилея: одинъ съ трезвономъ, другой безъ трезвона. — Возобновленіе «Гласности» при новыхъ условіяхъ. — Какъ относилась къ ней русская и не русская публика? — Благословенія и проклятія. — Не пора ли сбросить съ нашей прессы инородческое иго?

I.

Въ одномъ изъ глубокомысленныхъ апологовъ князя В. Ѳ. Одоевскаго: «Старики, или островъ Панхаи»,—до сихъ поръ не устарѣвшемъ по своей основной тенденціи, — рѣчь идетъ объ одномъ цвѣтущемъ аравійскомъ оазисѣ, о которомъ говоритъ Діодоръ Сицилійскій и гдѣ будто-бы протекали чудотворныя воды, имѣвшія свойство «молодить» человѣка (конечно, не такъ, какъ «замолаживаютъ» мышиныхъ жеребчиковъ ищущія любовныхъ авантюръ героини г. Боборыкина) и дѣлать его навсегда безсмертнымъ въ цвѣтущемъ возрастѣ юности. Но тутъ не надо было торопиться; а кто хотѣлъ помолодѣть сразу,

Digitized by Google

тотъ молодѣлъ постоянно и умиралъ уже... младенцемъ. Вотъ этихъ-то своеобразныхъ младенцевъ Одоевскій и разитъ въ своемъ сатирическомъ очеркѣ. Они занимаются свѣтскими разговорами, свѣтскимъ воспитаніемъ, искусствомъ «подавать совѣты»; они пріобрѣтаютъ почести безъ заслугъ и, подъ мишурою громкихъ, но пустопорожнихъ словъ, скрываютъ свое вялое слабоуміе. Это—прототипъ «государственныхъ младенцевъ» Щедрина. «Слышу ль я старика, порицающаго ученость—говорилъ авторъ три четверти вѣка тому назадъ—потому только, что самъ не имѣетъ ее; порицающаго всякую новизну за то, что она новизна,—ихъ невѣжество и слабоуміе не возмущаютъ меня болѣе; я вспоминаю о моемъ видѣніи и спокойно говорю себѣ: это старикъ-младенецъ»!

Но, рядомъ съ этими «старичками-младенцами», авторъ выводитъ *вѣчно-юныхъ старцевъ*, у которыхъ, въ противовѣсъ первымъ, мысль никогда не дремлетъ и духовная дѣятельность отражается во всѣхъ чертахъ лица. «Друзья! — такъ заключаетъ Одоевскій свой аллегорическій разсказъ: — улыбку старикамъ-младенцамъ и *на колѣни—предъ вѣчно-юными старцами»!*

Этотъ апологъ невольно припомнился мнѣ теперь при видѣ геройскаго мужества и вѣчно-юной, неослабѣвающей энергіи престарѣлаго вождя африканскихъ боэровъ, уже цѣлый годъ сопротивляющагося натиску цивилизованныхъ варваровъ. Не поддаваясь сокрушительной тягости вооруженной борьбы съ наглыми «пришлецами», не смущаясь политическимъ равнодушіемъ европейскихъ правительствъ,—плохо исполняющихъ завѣты гаагской конференціи, созванной по великодушному почину Русскаго Царя,—престарѣлый, но неутомимый Крюгеръ дѣлаетъ послѣднюю попытку спасти свою родину, обратившись съ личнымъ ходатайствомъ къ европейскимъ кабинетамъ. Съ трудомъ вырвавшись изъ португальскаго порта, гдѣ его начали было, въ угоду Англіи, третировать, какъ бѣглаго арестанта, Крюгеръ добрался, наконецъ, до французской территоріи, гдѣ—и въ Марсели, и въ Парижѣ—все честное народонаселеніе, не имѣющее «пушка на рыльцѣ», оказало ему самый сочувственный и даже восторженный пріемъ. Искренность и глубина народныхъ симпатій была такъ велика, что французское анонимное правительство, больше занимающееся

Digitized by Google

обѣленіемъ Дрейфусовъ, чѣмъ настоящими интересами страны, не посмѣло поставить преграду этому вольному потоку, и даже само, въ осторожной формѣ, присоединилось къ народнымъ демонстраціямъ, сочувствуя лишь «про себя» подвигамъ биржевиковъ и «буржуевъ» по ту сторону Ламанша... Практическаго результата, конечно, и не возникло; но правительство Вальдека-Руссо, руководимое Ротшильдомъ и другими «большими жидами», милостиво пообѣщало Крюгеру не оставить его ходатайства безъ вниманія, если какому нибудь другому государству (почему же, однако, не Франціи?) придетъ въ голову вступиться за варварски истребляемую націю. Не менѣе сердечнаго пріема удостоился Крюгеръ и въ Голландіи, съ которой боэры связаны племеннымъ родствомъ; но и отсюда также далеко до активнаго вмѣшательства,—хотя бы дипломатическимъ путемъ, — въ судьбу независимыхъ республикъ, лишаемыхъ самостоятельнаго существованія и подвергнутыхъ жесточайшей военной экзекуціи на глазахъ цивилизованнаго міра. Какъ вѣжливый гость, Крюгеръ поблагодарилъ, конечно, марсельское населеніе за выраженное сочувствіе, но его рѣчь, — по справедливому замѣчанію «Отголосковъ», — звучитъ «погребальнымъ колоколомъ надъ могилой, гдѣ похоронена совѣсть христіанскихъ народовъ Европы».

«Благодарю населеніе,—сказалъ Крюгеръ, вѣроятно, сквозь слезы,—поспѣшившее собраться толпою, чтобы меня привѣтствовать. *Я облекся въ трауръ по поводу несчастья, постигшаго мою страну.* Не затѣмъ я сюда пріѣхалъ, чтобы *присутствовать на празднествахъ*, но принимаю охотно проявленія одобренія, такъ какъ знаю, что проистекаютъ они отъ сочувствія, возбуждаемаго нашими тяжкими испытаніями и борьбой за свободу. Я, дѣйствительно, горжусь и радуюсь, что была избрана французская гавань для моего прибытія, и что поэтому я принятъ былъ свободными людьми. Я считаю своею первѣйшею обязанностью — благодарить ваше правительство за знакъ вниманія, выраженный намъ среди нашихъ страданій. Думаю, что Англія никогда не дала бы своего согласія на войну, еслибы была точно освѣдомлена о происходившемъ. Со времени экспедиціи Джемсона, хотѣвшаго завладѣть двумя республиками безъ выстрѣла, **я требовалъ безустанно третейскаго суда**, въ чемъ, однако, мнѣ до сихъ поръ было отка-

Digitized by Google

зано. Война, которая ведется противъ насъ въ двухъ республикахъ, *доведена до крайнихъ предѣловъ варварства.* Мнѣ часто въ моей жизни приходилось воевать съ варварскими племенами, *но варвары, съ которыми мы находимся въ войнѣ нынѣ, гораздо хуже, чѣмъ тѣ*:—они дошли даже до того, что вооружили противъ насъ кафровъ; *они сжигаютъ наши дома*, воздвигнутые съ такимъ трудомъ, *выгоняютъ женъ и дѣтей*, мужья и отцы которыхъ убиты или взяты въ плѣнъ, оставляютъ ихъ беззащитными, безъ крова и часто даже безъ хлѣба».

Нарисовавъ эту по истинѣ возмутительную картину бойни совершаемой, къ стыду человѣчества, не папуасами или кафрами, а цивилизованными разбойниками, охотящимися по всему свѣту за наживой,—несокрушимый президентъ окончилъ свою рѣчь торжественнымъ завѣреніемъ, своего рода клятвою на мечѣ:

«Но они могутъ дѣлать, что̀ хотятъ. *Мы никогда не сдадимся* и будемъ драться до конца. *Мы имѣемъ полную, непоколебимую вѣру въ Предвѣчнаго нашего Бога.* Дѣло наше правое, и если намъ не удастся добиться людской справедливости, то Онъ насъ не оставитъ. Могу васъ увѣрить, что Трансвааль и Оранжевая республика могутъ утратить свою независимость *только тогда, когда оба боэрскихъ народа, съ женами и дѣтьми, будутъ уничтожены*».

Вся французская печать, конечно, въ одинъ голосъ привѣтствуетъ эту мужественную рѣчь антично-доблестнаго гражданина и воина, но... но самоотверженные боэры продолжаютъ одинъ за другимъ падать на орошенныхъ ихъ по̀томъ и кровью поляхъ, въ трогательной надеждѣ на торжество справедливости и на божью помощь.

II.

И божья помощь, дѣйствительно, не оставляетъ ихъ. Какимъ-то чудомъ спасающіеся отъ ежечаснаго преслѣдованія многочисленныхъ враговъ, боэрскіе отряды, подъ предводительствомъ своихъ сказочныхъ героевъ, не только не сдаются сами, но еще ухитряются брать въ плѣнъ сотни «просвѣщенныхъ мореплавателей», которые никакъ не воображали, начиная войну,

Digitized by Google

что она затянется такъ долго и вскочитъ имъ уже чуть не въ два милліарда франковъ. «Военная прогулка», въ которой англичане предполагали пожинать только лавры, въ придачу къ алмазамъ и золоту, превратилась, волею божіею, въ тяжелый и изнурительный заокеанскій походъ, ему же и конца не предвидится...

Въ самомъ англійскомъ народѣ,—за исключеніемъ, конечно, «имперіалистовъ» и акціонеровъ трансваальскихъ золотыхъ розсыпей,—пробуждается не то стыдливость, не то боязнь за свой карманъ, уже значительно порастрясенный неотложными военными расходами; и еслибы англійскій парламентъ не представлялъ собой, вмѣстѣ съ другими европейскими «говорильнями», какой-то fine-fleur буржуазнаго капитализма, то этотъ голосъ совѣсти, можетъ быть, звучалъ бы въ Англіи гораздо сильнѣе и внушительнѣе. Но англійскіе плутократы и вырождающаяся аристократія (наполовину породнившаяся съ золотыми мѣшками) и рвутъ, и мечутъ въ своей неистовой злобѣ противъ неподатливыхъ боэровъ и африкандеровъ. Они даже строго осуждаютъ зазѣвавшагося старичка—маркиза Салисбюри—за то, что онъ «выпустилъ» изъ Африки Крюгера, а не схватилъ его примитивнымъ образомъ за шиворотъ въ португальской бухтѣ. Жестокая расправа съ боэрскими женами и дѣтьми кажется имъ все еще слишкомъ мягкою, и они мечтаютъ о томъ, что, послѣ отъѣзда престарѣлаго фельдмаршала Робертса, лордъ Китченеръ, — его замѣститель, уже гулявшій въ охотничьихъ сапогахъ по кровавымъ лужамъ,— «распорядится» съ беззащитными людьми гораздо энергичнѣе.

Обманула Крюгера и надежда на великодушіе германскаго императора. Не смотря на громкій голосъ лучшей части нѣмецкой печати, Вильгельмъ, повинуясь какимъ-то таинственнымъ письмамъ своей бабки, англійской королевы, наотрѣзъ отказался принять трансваальскаго президента, какъ будто уже обѣ южно-африканскія республики, дѣйствительно, превратились въ великобританскія владѣнія и не могутъ посылать къ европейскимъ дворамъ своихъ законныхъ представителей. Но такого мнѣнія держится покуда одна Англія, да и та не рѣшилась еще объявить европейскимъ государствамъ объ уничтоженіи независимости Трансвааля, какъ о «совершившемся фактѣ»?

Конечно, странно было бы и предполагать, чтобы англій-

Digitized by Google

ская бабушка стала ворожить трансваальцамъ, но еще страннѣе, что Германія, интересы которой во многомъ даже сталкиваются съ интересами Англіи (а впослѣдствіи столкнутся еще рѣзче при быстромъ развитіи германской промышленности и при возрастающихъ апетитахъ сыновъ Арминія къ колоніальнымъ захватамъ, для размѣщенія своей производительности),— что эта Германія идетъ такъ охотно на британскую удочку, вопреки громко выраженнымъ симпатіямъ своего народа къ героизму боэровъ...

Тѣмъ не менѣе, англійскіе министры сами находятся въ какомъ-то двусмысленномъ, странномъ положеніи: они продолжаютъ напрягать свои силы для дѣйствительнаго,—а не фиктивнаго только,—покоренія независимыхъ государствъ и не торопятся объявлять официально о присоединеніи ихъ къ британской территоріи. Почва для дипломатическаго вмѣшательства нейтральныхъ державъ, во имя попираемой гуманности и христіанской цивилизаціи, продолжаетъ существовать, и самъ Чемберленъ уже не хорохорится въ парламентѣ съ такою наглостью, какъ прежде... О такомъ вмѣшательствѣ уже поговариваютъ въ Австріи; могутъ заговорить и въ другихъ мѣстахъ, свободныхъ отъ англійскаго вліянія.

Трансваальскій инцидентъ послужилъ, между прочимъ, и новымъ доказательствомъ того, насколько хваленое «представительное» правленіе въ Европѣ представляетъ собою дѣйствительное мнѣніе управляемыхъ имъ народовъ. Еслибы французскій кабинетъ, — тайныя пружины котораго находятся въ распоряженіи Ротшильда и его присныхъ, кончая «племянникомъ» Дрейфусомъ,—опирался на лучшія интеллигентныя силы своего народа, онъ не сталъ бы выжидать въ боэрскомъ дѣлѣ почина другихъ правительствъ, а выступилъ бы первый съ горячимъ заступничествомъ за вѣрныхъ гражданъ своего отечества, приносимыхъ въ жертву Золотому тельцу. Но какимъ образомъ Вальдекъ-Руссо вступится за трансваальскихъ патріотовъ-націоналистовъ, когда въ самой Франціи онъ ведетъ отчаянную борьбу противъ націонализма? Съ какой стати онъ вспомнитъ о христіанскомъ Богѣ изнемогающихъ патріотовъ, когда его «подручный», военный министръ Андріэ, стремится денаціонализировать и «расхристіанить» даже французскую армію, предпочитая выдвигать на высокіе посты жидовъ-

Digitized by Google

талмудистовъ, а отнюдь не офицеровъ, имѣвшихъ несчастіе получить свое образованіе въ христіанской школѣ? Клерикализмъ мракобѣснаго талмуда,—съ его вывороченной на изнанку нравственностью и съ человѣческими жертвоприношеніями,—куда почтеннѣе, въ глазахъ ротшильдовскихъ ставленниковъ, чѣмъ гуманная мораль «обветшалаго» евангелія!

Европейскій парламентаризмъ,—серьезные дефекты котораго давнымъ-давно уже указывались глубокими мыслителями, начиная съ Джона Стюарта Милля,—видимо обнаруживаетъ свое банкротство во всѣхъ странахъ, обезьяннически скопировавшихъ его съ англійскаго образца, и, прежде всего, въ своемъ родоначальномъ гнѣздѣ. Выражая, по книжной теоріи, «всенародную волю», это фиктивное представительство предало дѣйствительные интересы производительныхъ классовъ народа въ руки биржевыхъ игроковъ, безчестныхъ гешефтмахеровъ и политиканствующихъ клоуновъ, зачастую не имѣющихъ ni foi, ni loi. «Избирательныя издержки»,—т. е. прямой подкупъ избирателей,—сдѣлались вездѣ неизбѣжной статьей расхода при парламентскихъ выборахъ. Такимъ только путемъ и могутъ попадать въ парламенты такіе экземпляры «народныхъ избранниковъ», передъ которыми и историческій конь Калигулы, водворенный въ римскомъ сенатѣ, могъ бы похвастаться своими... ну, хоть лошадиными добродѣтелями и лошадинымъ развитіемъ. Брезгливый Милль, попавшій однажды такимъ образомъ въ англійскій парламентъ по прихоти своихъ богатыхъ друзей, не пожелалъ впослѣдствіи выдавать себя за истинно-народнаго представителя, и мѣсто его было занято другимъ, менѣе щепетильнымъ «избранникомъ». Гдѣ подкупъ, тамъ и жидъ, а гдѣ жидъ, тамъ и подкупъ! Мудрено ли, что весь парламентскій режимъ, — въ особенности тамъ, гдѣ онъ проведенъ съ доктринерской безшабашностью, — сдѣлался излюбленнымъ жидовскимъ режимомъ и евреи катаются въ немъ, какъ сыръ въ маслѣ? Сильное правительство, независимое отъ случайно-подтасованнаго парламентскаго большинства (хотя бы, напримѣръ, въ Сѣверной Америкѣ, гдѣ власть президента гораздо значительнѣе власти конституціоннаго короля) приходится совсѣмъ не по вкусу жидамъ, и именно потому, что оно менѣе поддается жидовской «хитрой механикѣ» и гораздо скорѣе можетъ вспомнить объ интересахъ трудящейся массы населенія, чѣмъ поли-

Digitized by Google

тическія маріонетки, вертящіяся въ разныя стороны на парламентской трибунѣ. Поэтому въ Америкѣ жидъ не имѣетъ и сотой доли того вліянія, которымъ онъ уже пользуется во Франціи и въ Австріи съ ихъ обезсиленной центральною властью, давно обратившейся въ какое-то анонимное правительство безъ всякаго отвѣтственнаго лица.

Завладѣвъ этою парламентскою машиною, при помощи подкуповъ, шантажа и застращиванья, всемірный еврейскій кагалъ,—для себя только приберегающій и свою семитическую народность, и свою вавилонскую псевдо-религію, и свою звѣрскую племенную дисциплину, держащую въ трепетномъ повиновеніи забитое и безправное быдло, — начинаетъ свое разрушительное дѣло съ отрицанія правъ всѣхъ другихъ національностей, всѣхъ религій и всякой—въ особенности воинской—дисциплины, могущей противоборствовать дисциплинѣ кагальной.

Поэтому вся пресса тѣхъ странъ, гдѣ благополучно угнѣздились жиды, прежде всего поднимаетъ на смѣхъ «національные предразсудки», «патріотическую отсталость», «религіозный фанатизмъ» и «варварскую дисциплину»,—очищая тѣмъ дорогу націонализму еврейскому, патріотизму раввинскому (patria жида—весь міръ, предназначенный ему въ кабалу!), *хазакъ*, *меропіэ* и дисциплинѣ кагальнаго *херема*, лишающей «инакомыслящаго» огня и воды... Въ этомъ случаѣ всемірный кагалъ свято исполняетъ завѣтъ своего старѣйшины Мозе Монтефіоре, рекомендовавшаго соплеменникамъ забирать, прежде всего, въ свои руки якобы-свободную печать и фальсифицировать этимъ путемъ общественное мнѣніе, а черезъ него—дѣйствовать и въ политическомъ мірѣ.

Во французской и—особенно—въ австрійской печати трудно даже отличить, гдѣ кончается чистокровный жидъ-талмудистъ и гдѣ начинается «оболваненный» кагаломъ французъ или австріакъ.

Труднѣе объяснить успѣхи, завоеванные жидами въ нашей прессѣ, но и эти успѣхи несомнѣнны: жиды даже хвастаются ими, приговаривая къ смерти ненавистныя изданія, рекламируя свои кагальные органы и щедро снабжая ихъ матеріальными средствами. Не довольствуясь своею подавляющею ролью въ прессѣ, жиды уже протягиваютъ руки и

Digitized by Google

къ нашей сценѣ, невозбранно давая такія пьесы, какъ «Жидивка-выхрестка»,—гдѣ принятіе христіанства еврейкою навлекаетъ на нее справедливую *божью кару*,—и воспрещая пьесы противоположнаго характера...

Ни для кого не тайна, что въ девяти періодическихъ изданіяхъ изъ десятка у насъ, до самаго послѣдняго времени, шло неистовое глумленіе надъ національными и патріотическими предразсудками россійскихъ «дикарей», надъ религіознымъ фанатизмомъ, не дающимъ возможности талмуду вытѣснить евангеліе, надъ нашей некультурностью, отрицающей пользу еврейскаго нашествія на насъ изъ «черты осѣдлости; а рядомъ съ этимъ глумленіемъ идетъ усердное возвеличеніе «европейскихъ порядковъ», съ атрофированіемъ патріотическаго чувства, съ униженіемъ христіанской религіи, съ отмѣною всякой дисциплины, кромѣ кагальной, и съ оправданіемъ Дрейфуса и Гильзнера... Доходило уже до того, что выказать заботливость о благосостояніи кореннаго русскаго народа, о сохраненіи его финансовыхъ и экономическихъ силъ, растрачиваемыхъ преимущественно на процвѣтаніе окраинъ,—значило поднять цѣлый содомъ въ лагерѣ инородческой прессы и заслужить самые презрительные эпитеты. Въ послѣднее время эта атмосфера какъ будто нѣсколько очищается и наша пресса начинаетъ посмѣлѣе гововить объ интересахъ Россіи, какъ *Россіи*, о подъемѣ національнаго самосознанія, о законныхъ требованіяхъ патріотическаго чувства, о распространеніи общаго государственнаго языка, о самобытныхъ основахъ нашего политическаго строя и объ опасности замѣнять его чуждыми шаблонами, по модели тришкина кафтана. «Прибалтійскій Листокъ», напримѣръ, снисходительно признаётъ, что «служеніе всечеловѣческимъ интересамъ *не исключаетъ*, разумѣется, національнаго». Очень пріятно узнать! Другія газеты,—хотя тоже съ нѣкоторыми оговорками,—начинаютъ «допускать», что патріотизмъ вовсе ужь не такъ дуренъ, какъ его малюютъ космополиты-живописцы, и имѣетъ нѣкоторое право на существованіе... И это уже—большой выигрышъ. А то вѣдь мы, грѣшные, рисковали остаться совсѣмъ безъ исторіи, пустивъ «на смарку» и Петра Великаго, и Екатерину II-ую, понимавшихъ государственныя прелести талмудизма, и нашего Пушкина, и Гоголя, относившихся свысока къ «презрѣннымъ» евреямъ... конечно, все

Digitized by Google

ради «религіознаго фанатизма» и «ретроградства», которымъ не должно быть въ культурномъ обществѣ.

III.

Чтобы не быть фанатиками и ретроградами, намъ давно уже совѣтуютъ, во имя якобы-христіанской любви и милосердія, отказаться отъ законнаго возмездія за нравственныя и юридическія (не по одной только буквѣ) преступленія... кромѣ тѣхъ, разумѣется, въ которыхъ заключается тайное или явное оскорбленіе «еврейскаго величества», соединенное съ нарушеніемъ священныхъ талмудическихъ правилъ въ родѣ обязательнаго высасыванія крови при обрѣзаніи. (Впрочемъ, для послѣдняго рода преступленій у евреевъ существуетъ свое неумолимое національное судилище: бет-динъ).

На этомъ поприщѣ—несовсѣмъ безкорыстно—упражняется почти вся наша адвокатура, усердно взывая къ «всепрощенію», а если оно не помогаетъ, то наряжая преступника въ психіатрическій костюмъ *невмѣняемаго*. Человѣческая личность, одаренная разумомъ и волею, и отвѣтственная за свои поступки, путемъ адвокатской софистики, сводила на степень тупаго животнаго, повинующагося безпрекословно самымъ низкимъ побужденіямъ.

И вся эта софистика благополучно прикрывалась подобающими цитатами, а суды присяжныхъ нерѣдко попадали въ эту хитро устроенную ловушку.

Но вотъ раздался, наконецъ, голосъ съ компетентной стороны, — голосъ просвѣщеннаго архипастыря, которому нечего учиться у «цыбулизованныхъ» еврейчиковъ правильному пониманію христіанскихъ терминовъ.

«У насъ — сказалъ недавно въ Харьковѣ преосвященный Амвросій—любятъ повторять, что *христіанство есть религія всепрощенія;* поэтому многіе присяжные повѣренные, защищающіе подсудимыхъ, во что бы то ни стало стараются добиться прощенія даже самымъ тяжкимъ приступникамъ. Но ученіе Христово требуетъ отъ каждаго изъ насъ прощенія безъ конца только *людей, причиняющихъ намъ личныя обиды*, указывая въ этомъ нравственный подвигъ и обѣщая за это дѣло смиренія—помилованіе и прощеніе нашихъ собственныхъ

Digitized by Google

согрѣшеній. *Но не то требуется отъ государственнаго суда* обязаннаго охранять силу законовъ и народы отъ бѣдствій и развращенія, устрашая всѣхъ карою закона за преступленія, какъ и самъ Господь угрожаетъ нераскаяннымъ грѣшникамъ вѣчными мученіями за грѣхъ. Поэтому и судъ человѣческій долженъ прежде всего *раскрыть всю силу преступленія*, всѣ подробности преступнаго дѣянія и всю глубину развращенія преступника, поправшаго законъ. *Послѣ этого только*, судя по обстоятельствамъ, можетъ имѣть мѣсто снисхожденіе или прощеніе и освобожденіе отъ кары закона».

Можно еще вспомнить и примѣръ *возмездія*, павшаго на голову «купующихъ и торгующихъ» въ храмѣ изъ рукъ самого Спасителя... Очевидно, что христіанское *милосердіе* очень далеко отъ *безнаказанности* и *преступнаго индеферетизма*, и не позволяетъ осквернять мѣсто свято ни корыстью, ни разнузданностью животныхъ страстей.

Переходя затѣмъ къ вопросу о народномъ пьянствѣ, которое возводится нѣкоторыми публицистами не только на степень терпимаго зла, но чуть ли не въ рангъ народной добродѣтели, нашъ краснорѣчивый проповѣдникъ говоритъ: «*нужно во всеуслышаніе народа объявить пьянство преступленіемъ*», а пьяницу—преступникомъ противъ себя, семейства и общества, и опредѣлять за него, какъ за воровство, штрафы и наказанія; нужно, чтобы сельскія власти отмѣчали такихъ несчастныхъ въ своихъ волостяхъ и доносили о нихъ надлежащимъ начальникамъ для опредѣленія наказанія, а для погибающихъ, такъ называемыхъ, «алкоголиковъ» — устраивать особыя колоніи съ медицинскою помощью и принудительными работами, которыя уже и появляются. Пьянство не можетъ быть наслѣдственнымъ, какъ привычка къ вину, а развѣ только въ смыслѣ природной слабости душевныхъ силъ, лишающей человѣка надлежащей способности владѣть собою и бороться со своими порочными пожеланіями. Но отъ кого бы ни родился человѣкъ, въ дѣтствѣ онъ не проситъ водки и, при наблюденіи за собою въ юности и зрѣломъ возрастѣ, не употребляя ее совсѣмъ или употребляя нечасто, пьяницею не будетъ».

То, чего требуетъ преосвященный Амвросій для обузданія безобразнаго пьянства, давно уже практикуется въ дѣйствительно цивилизованныхъ и культурныхъ странахъ, какъ напр.,

Digitized by Google

въ Швеціи и Норвегіи, гдѣ, не смотря на суровость климата, законъ не считаетъ пьянства необходимымъ согрѣвательнымъ средствомъ для желудка и подвергаетъ горькихъ пьяницъ суровому наказанію.

IV.

Не успѣлъ г. Боборыкинъ отпраздновать свой 40-лѣтній юбилей, какъ по его стопамъ «пѣшкомъ-пѣтушкомъ» побѣжалъ реббе Нотовичъ и съ большимъ трезвономъ отблаговѣстилъ свое тридцатилѣтнее служеніе якобы русской литературѣ и журналистикѣ.

«Закуска—не обидное дѣло»,—говорилъ еще чичиковскій кучеръ Селифанъ,—и почему бы княжеской четѣ Барятинскихъ, вкупѣ съ другими почитателями г. Нотовича, не покушать въ этотъ достопамятный день «кугеля» и другихъ еврейскихъ блюдъ? Но причемъ тутъ, однако, *русская* литература и журналистика?! Если что и заслуживаетъ нѣкотораго вниманія въ тридцатилѣтней дѣятельности г. Нотовича, — то, развѣ, его *стойкая* защита еврейскихъ интересовъ, начиная съ подкоповъ подъ «черту еврейской осѣдлости», съ восхваленія всѣхъ якобы-представительныхъ правительствъ, уничтожившихъ эту черту, и кончая обѣленіемъ наигнуснѣйшихъ дѣяній еврейскаго кагала. Поэтому мы нисколько не возмутились бы, еслибы раввины прислали ему дипломъ на званіе «почетнаго судьи, бетдина», или «протектора» какой нибудь синагоги, или даже титулъ «святаго цадика». Такой дипломъ и такой титулъ г. Нотовичъ безспорно заслужилъ! Но зачѣмъ же къ этой дѣятельности, достаточно оцѣненной еврейскими экспертами, припутывать знамя «добра, красоты и правды», и рядить г. Нотовича въ тогу «русскаго борца», которымъ онъ никогда не былъ и не можетъ быть по самому существу своей роли? Каждому свое, и для «Новостей» было бы совершенно достаточно лавроваго вѣнка съ лентами и надписью: «отъ Дрейфуса и Гильзнера». Стоитъ ли вплетать еще и другіе лавры? А, между тѣмъ, похвалы, выше поставленныя въ кавычкахъ, мы прочли въ стихотворномъ обращеніи нѣкоего застольнаго піиты. Онъ сказалъ ихъ и... не поперхнулся...

За этимъ шумнымъ юбилеемъ, на которомъ, по увѣренію

Digitized by Google

того же пiиты, нельзя было и «счесть приглашенныхъ гостей» (очевидно, что Петербургъ, безъ преувеличенiя, «осажденъ» жидами и жидовствующими) прошелъ почти незамѣченнымъ болѣе скромный, но гораздо болѣе симпатичный юбилей П. В. Быкова, много лѣтъ безкорыстно работавшаго на поприщѣ русской журналистики и библiографiи. «Всемiрная Иллюстрацiя», за время редактированiя ея г. Быковымъ, представляла одинъ изъ лучшихъ журналовъ и по своему художественному, и по своему литературному достоинству. Кромѣ того, П. В. Быковъ съ особенною любовью занимается тѣмъ дѣломъ, которому нѣкогда посвящалъ себя С. Д. Полторацкiй, и его библiографическая лѣтопись ведется имъ такъ тщательно, что многимъ изъ современныхъ авторовъ приходится наводить у него справки о своихъ собственныхъ писанiяхъ. Au bont du comte, онъ обладаетъ поэтическимъ дарованiемъ и съ его произведенiями достаточно знакомы многолѣтнiе читатели нашего журнала. Добраго здоровья ему и многолѣтiя!

V.

Возобновляя изданiе *«Гласности»*, пріостановленной по обстоятельствамъ, отъ редакцiи не зависящимъ, мы не имѣемъ надобности опредѣлять ея цѣли и характеръ. Глубоко ненавистная для нѣкоторой части нашей печати и общества, наша газета съумѣла въ прежнiе годы заслужить себѣ искреннее сочувствiе со стороны тѣхъ общественныхъ слоевъ, мнѣнiемъ которыхъ мы особенно дорожимъ. Нѣкоторыя письма нашихъ читателей мы напечатали въ свое время; другiя сохраняемъ въ нашемъ портфелѣ, какъ добрую память о нравственной связи, соединяющей насъ съ публичной аудиторiей. Во имя этой нравственной связи, мы и рѣшились, при болѣе благопрiятныхъ условiяхъ, снова начать нашу прерванную бесѣду съ читателями. Сердце сердцу вѣсть подаетъ. Авось либо нашъ голосъ будетъ раздаваться на этотъ разъ свободно и невозбранно...

Ефимъ Простосердовъ.

Digitized by Google

Поздніе жалобы.

Особымъ мѣтя насъ клеймомъ,
Идетъ молва объ насъ худая:
Мы заднимъ крѣпки лишь умомъ,
Впросакъ нерѣдко попадая.
Когда жь застигнетъ насъ бѣда,
Готовы мы предъ цѣлымъ свѣтомъ
Вопить растерянно тогда:
— «Ахъ, еслибъ раньше знать объ этомъ»!

Къ наживѣ лютъ, капиталистъ
Повелъ рискованное дѣло
И, крѣпко на̀ руку нечистъ,
Игралъ съ казною очень смѣло.
Что жь вышло? Преданный тайкомъ
Своими же собственнымъ клевретомъ,
Вопѝтъ онъ, сидя подъ замкомъ:
— «Ахъ, еслибъ раньше знать объ этомъ»!

Два цѣлыхъ мѣсяца съ ума
Сходила дѣва отъ улана,
И что жь? Была грустна весьма
Развязка чуднаго романа.
Станъ стройный на ея глазахъ
Замѣтно пухнетъ подъ корсетомъ...
Твердитъ бѣдняжка, вся въ слезахъ:
— «Ахъ, еслибъ раньше знать объ этомъ»!

Мужъ какъ-то въ клубѣ запоздалъ;
Домой вернувшись на разсвѣтѣ,
Жену съ кузеномъ онъ засталъ
Въ весьма пикантномъ tête-à-tête'ѣ.

Digitized by Google

Зудъ сильный чувствуя во лбу,
Горящемъ, словно знойнымъ лѣтомъ,
Клянетъ бѣднякъ свою судьбу:
— «Ахъ, еслибъ раньше знать объ этомъ»!

Тьму премій, чуть не за гроши,
Суля подписчикамъ въ туманѣ,
Издатель «Чуши» барыши
Считалъ заранѣе въ карманѣ.
Увы! Подписчикъ-остолопъ
Не шлетъ рубли ему отвѣтомъ...
Издатель гнѣвно морщитъ лобъ:
— «Ахъ, еслибъ раньше знать объ этомъ»!

Негласно сдѣлавъ кассу ссудъ
Изъ магазина часоваго,
Шмуль юркій угодилъ подъ судъ
И кары ждетъ теперь суровой.
Золъ на законы, какъ бульдогъ
(Что на цѣпи сидитъ ужь лѣтомъ),
Вопитъ растерянно жидокъ:
— «Ахъ, еслибъ раньсе знать объ этомъ»?..

Хмурый Бардъ.

Digitized by Google

Арія пшютта.

«Гаснутъ дальней Альпухары
Золотистые края»...

Гаснутъ въ дальнемъ ресторанѣ
У подъѣзда фонари.
Тамъ, условившись заранѣ,
Мы кутили до зари.
Дальше пьянство безполезно:
Всѣхъ ко сну давно влечетъ,
И лакей весьма любезно
Колоссальный подалъ счетъ...
Бумажники тóщи
У всѣхъ насъ почти;
Не сдѣлать ли проще—
Счетъ въ книгу внести?

Отъ «Помпея» до «Тулона»
Весть интрижки намъ легко:
Дѣвъ накрашенныхъ колонна
Намъ знакома коротко.
Въ жизни шумной и бездѣльной
Насъ прельщаетъ цѣль одна:
Жаждемъ мы любви поддѣльной,
Настоящая—скучна!
Чему жъ тутъ дивиться,
Что въ нашей крови
Страсть будятъ лишь жрицы
«Свободной» любви?

Фланеръ.

Digitized by Google

Прекрасный человѣкъ.

Ко всему глубоко равнодушенъ,
Вѣкъ живешь ты, воды не мутя,
Своему лишь разсудку послушенъ,
Нравомъ мягокъ и тихъ, какъ дитя.
Ты, молвой восхваляемъ упорной,
Человѣкомъ прекраснымъ слывешь...
Человѣкъ ты отличный, безспорно,
Но скажи, для чего ты живешь?

Славенъ жизнью домашнею скромной,
Безпорядка въ семьѣ не любя,
Ты уходишь въ свой уголъ укромный,
Какъ улитка въ свой домикъ... Тебя
Сплетенъ ядъ не касается черный,
Ни обидная зависть, ни ложь...
Человѣкъ ты отличный, безспорно,
Но скажи, для чего ты живешь?

Занятъ дѣломъ своимъ неустанно,
Славослова свой скромный удѣлъ,
Ты стоялъ въ сторонѣ постоянно
Отъ текущихъ общественныхъ дѣлъ.
Флегматичности сферою милой
Какъ кольцомъ, ты себя окружилъ..
Ты умрешь... Спросимъ мы надъ могилой:
Для чего же на свѣтѣ ты жилъ?

Невскій Житель.

Digitized by Google

7L

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google